

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

имени

А.М. ГОРЬКОГО

АКАДЕМИЯ НАУК
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

имени

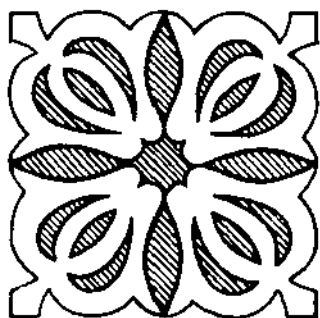
МАХТУМКУЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

ГӨРӨГЛЫ

ТҮРКМЕН
ГАХРЫМАНЧЫЛЫК
ЭПОСЫ

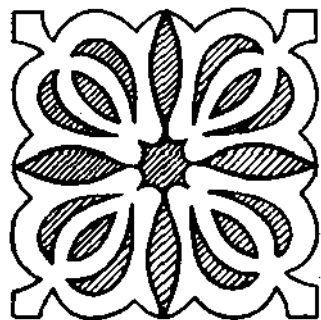

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1983

ГЁР-ОГЛЫ

ТУРКМЕНСКИЙ
ГЕРОИЧЕСКИЙ
ЭПОС

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1983

С (Туркм)
Г37

Главный редактор серии
«ПОС НАРОДОВ СССР»
А. А. ПЕТРОСЯН

Ученый секретарь серии
А. С. МИРБАДАЛIEBA

*Составитель тома, автор исследования,
комментариев и пояснительного словаря*
Б. А. КАРРЫЕВ

Туркменский текст подготовил
Б. А. КАРРЫЕВ

Перевод
Б. А. КАРРЫЕВА при участии Е. А. ПОЦЕЛУЕВСКОГО

Ответственный редактор
Е. А. ПОЦЕЛУЕВСКИЙ

Редактор издательства
А. А. ЯНГАЕВА

Г 4702540000-002 201-83
013(02)-83

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ОТ РЕДАКЦИИ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР совместно с институтами языка и литературы академий наук союзных республик осуществляет научную публикацию эпических произведений устной поэзии народов СССР: русского, украинского, узбекского, казахского, азербайджанского, латышского, киргизского, таджикского, армянского, туркменского, башкирского, бурятского, каракалпакского, карельского, осетинского, татарского, якутского, адыгского, алтайского, хакаского и др. Научный характер публикаций определяет некоторые особенности книг, составляющих серию.

Каждая книга серии включает разделы: 1) краткое исследование, дающее историческую оценку и художественную характеристику издаваемого памятника; 2) текст эпоса на языке оригинала и его перевод. Перевод эпических текстов выполнен с максимально достижимой адекватностью. Переводчики неизменно стремятся отразить поэтические особенности эпоса, сохранить систему образных средств, плавность и напевность речи в русском звучании; 3) комментарии, словарь к переводу, примечания (сведения о вариантах, о сказителях, от которых записан текст эпоса, об особенностях исполнения эпических произведений, нотные записи и др.).

Очередной том продолжает публикацию текстов многонационального цикла эпических сказаний о легендарном ашуге и храбром заступнике обездоленных Гёр-оглы, широко распространенных у многих народов, населяющих огромную территорию от Тянь-Шаня до Балкан, от прикаспийских равнин до Сибири. О нем поют и рассказывают на азербайджанском, туркменском, армянском, узбекском, казахском, каракалпакском, татарском, грузинском, кумыкском, абхазском, турецком, арабском, болгарском языках.

Несмотря на очевидное сходство определенных сюжетных линий и мотивов, каждая национальная версия этого эпоса отличается не только разным происхождением имени главного героя (Кёр-оглы, Гёр-оглы, Кер-оглы, Кор-углы, Гургули, Гурулли, Курулли, Кур-оглы и т. д.), но и своей самобытной идейно-художественной интерпретацией, обусловленной историческим своеобразием социально-экономического развития данного народа.

Все национальные версии цикла сказаний о Гёр-оглы типологически можно разделить на две группы, условно назвав их западной и восточной: западные — кавказские (армянская, грузинская, дагестанская) — версии тяготеют по своей художественной трактовке основной идеи эпоса к азербайджанской версии; восточные — казахская, каракалпакская, тобольская (сибирские татары) — ближе всего к узбекской версии. Туркменская имеет много сходных черт и с азербайджанской и с таджикской версиями.

Данная публикация туркменского «Гёр-оглы» предваряется краткой вступительной статьей составителя тома акад. АН ТССР Б. А. Каррыева. Институтом мировой литературы им. А. М. Горького ранее было опубликовано монографическое исследование автора об эпосе «Гёр-оглы»¹, в котором детально проанализировано туркменское сказание, дан обзор его вариантов.

¹ Б. А. Каррыев. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.

Комментарии к тому составлены также Б. А. Каррыевым, перевод осуществлен Б. А. Каррыевым совместно с кандидатом филологических наук Е. А. Поцелуевским. Корректуру национального текста читала А. Б. Чарыкулова.

Ранее в серии «Эпос народов СССР» вышли:

1971 г.

«Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос».

1972 г.

«Украинские народные думы».

«Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос».

1973 г.

«Маадай-Кара. Алтайский героический эпос».

1974 г.

«Нарты. Адыгский героический эпос».

1975 г.

«Кобланды-батыр. Казахский героический эпос».

«Лачплесис. Латышский народный эпос».

1977 г.

«Башкирский народный эпос».

Готовятся к печати:

«Гургули. Таджикский народный эпос».

«Строптивый Кулун Куллуштуур. Якутское олонхо».

ТУРКМЕНСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «ГЁР-ОГЛЫ»

Необычайная распространенность эпоса «Гёр-оглы» среди народов советского и зарубежного Востока не имеет прецедента. Сказания о Гёр-оглы передаются изустно на протяжении веков. И в наши дни они бытуют у азербайджанцев, армян, курдов, туркмен, таджиков, узбеков, каракалпачков, казахов, турок. Их исполняют в сопровождении национальных инструментов ашуги и акыны, бахши и шаиры.

Главная тема эпоса «Гёр-оглы» — вооруженная борьба богатыря Гёр-оглы и его сорока джигитов (игидов) против насильников и притеснителей (турецких султанов, иранских шахов, арабских феодалов), за волю и независимость родной земли, олицетворенной в «золотом кишлаке» — стране-крепости Чандыбиле.

Возникновение песен «Гёр-оглы», герой которых — народный мститель, благородный разбойник, защитник обиженных и обездоленных, было явлением естественным и закономерным в условиях феодального общества. Из среды угнетенных масс выходили отважные джигиты, бесстрашные вожди народных движений, мстители, действовавшие на караванных дорогах, на горных перевалах и степных просторах. Их образы идеализировались народом и воспевались в сказаниях о Гёр-оглы и в других дестанах.

Являясь творением многих народов и поколений, версии «Гёр-оглы» отличаются одна от другой сюжетами, художественно-изобразительными средствами, а также своеобразием отбора и освещения событий.

В южноазербайджанской версии больше, чем во всех других, элементов исторических. Она отражает крестьянское восстание джалали (XVI в.), а также некоторые другие народные выступления конца XVI и начала XVII в. К этой версии, созданной в процессе сотворчества азербайджанцев и туркмен, восходит и сюжетный стержень туркменского сказания о Гёр-оглы.

По свидетельству армянских историков Аракела Тебризского и Элиаса Мушегяна, вожак бедноты, именем которого назван эпос «Гёр-оглы», руководил восстанием против шаха Аббаса I. И хотя в эпосе прямо не называется имя этого персидского правителя, с большой долей вероятности можно допустить, что именно Аббас был одним из главных противников

Гёр-оглы. Именно он неоднократно совершал захватнические походы на туркменскую землю, особенно на ее южные районы, где, скорее всего, и могло зародиться основное ядро туркменской версии эпоса, точнее, ее общая с южноазербайджанской версией историческая канва.

В эпосе «Гёр-оглы», однако, художественно преломлены события не одного века; некоторые элементы сказания зародились задолго до XVI столетия. А если учесть, что туркменские сказители постоянно перерабатывали, изменяли и дополняли сюжет песен, то не будет ошибкой утверждать, что в эпосе звучат отголоски бурных событий туркменского общества также и XVIII века, ознаменованного жестокими войнами с персидскими захватчиками и восстанием населения против Надир-шаха. И хотя порою походы Гёр-оглы изображены как выступления против «неверных» или шиитов и нередко одержать победу герою помогают бог и святые (в том числе из домусульманского пантеона), обращения к которым обильно рассыпаны в сказании, за этой религиозной оболочкой нетрудно распознать социальную основу событий эпоса, опосредствованно, в художественной форме отразивших жизнь туркменского народа и его соседей.

Итак, возникновение и развитие эпоса «Гёр-оглы» тесно связано с исторической действительностью. В эпоху нескончаемых феодальных войн, нашествий сильных соседей, особенно шахского Ирана, при все усиливавшейся эксплуатации бедноты имели место многочисленные случаи локальных и широких антифеодальных выступлений. Восстания крестьян, скотоводов и ремесленников возглавлялись смелыми джигитами, пользовавшимися любовью народа. Одним из таких народных мстителей и заступников был Гёр-оглы, светлый образ которого воспет в фольклоре и литературе народов Востока.

Старые записи туркменского сказания отсутствуют, имеются лишь отрывочные сведения об эпосе в сочинениях поэтов XVIII—XIX вв., а также европейских путешественников, побывавших здесь в прошлом столетии (Борнс, Вамбери). Записан текст туркменского сказания только в годы Советской власти.

В создании, сохранении и популяризации национального эпоса исключительно велика роль туркменских бахши — певцов, музыкантов и сказителей.

Бахши донесли до наших дней не только сказание о Гёр-оглы, но и замечательные произведения таких выдающихся поэтов XVIII—XIX вв., как Кемине, Зелили, Молланепес, Мятаджи и многие другие.

Бахши считался у туркмен добрым вестником, олицетворением радости и благоденствия.

В глазах населения бахши обладал чудотворной силой. У туркмен существовало поверье, будто певцам и музыкантам покровительствуют сверхъестественные существа — «вездесущие» зрены, сказочные святые, персонажи домусульманских, шаманистских легенд.

Почти в каждом ауле, а тем более у каждого племени был свой бахши, который наряду с сельским хозяйством занимался сказительством. Обычно бахши переходил из аула в аул, оставался определенное время

в доме того, кто устраивал той. Вечером к этому дому стекались женщины и мужчины, старики и молодежь, жаждавшие послушать певца.

Хотя сами певцы-сказители, как правило, были неграмотными, но, обладая исключительной памятью, они знали и исполняли огромное количество фольклорных и литературных произведений.

Певцы «Гёр-оглы» отличаются высоким профессионализмом. Они в раннем возрасте начинают учиться у старших бахши мастерству. Но и став сказителями-певцами, в течение многих лет под руководством признанных мастеров они совершенствуют свое искусство исполнения песен «Гёр-оглы», игры на дутаре и других музыкальных инструментах, используемых для аккомпанемента при пении.

Бахши ведет сказ «Гёр-оглы» в речитативно-аризной форме. Это объясняется спецификой эпических сказаний — дестанов, в которых песни (*айдым*) чередуются с прозаическим повествованием (*кысса*). Нередко бахши с вечера до зари, а иногда и в течение нескольких дней поет любимые дехканами песни из «Гёр-оглы» и другие популярные произведения. Почти всегда это исполнение сопровождают игрой на дутаре, гитаре или тайдукке один или два музыканта. Слушатели награждают певца возгласами одобрения («Саг бол!», «Яша!», «Берекелла!» и др.), по народной традиции преподносят бахши щедрые подарки, заказывая очередную песню. Ценные подарки получает бахши и от хозяина дома.

Репертуар бахши постоянно пополняется, изменяется, переходя от учителя к ученику, из поколения в поколение. Ученики продолжают и совершенствуют искусство учителя, храня традиции, идущие из глубины веков.

В дореволюционной Туркмении «Гёр-оглы» и другие туркменские дестаны несли в народ и так называемые кыссачи — грамотные чтецы, число которых было весьма незначительно. Кыссачи обычно читали напевным речитативом, близко напоминающим манеру исполнителей русских былин.

Кыссачи читал в своем и других аулах, и его чтение не было приурочено к пиршеству и не собирало очень большой аудитории. Однако послушать кыссачи приходили и бахши. Неграмотные бахши заучивали тексты наизусть, подвергали их своеобразной обработке и распространяли в более широкой аудитории.

Таким образом, в репертуаре бахши кроме известных народных сказаний и собственных сочинений можно найти произведения фольклора и поэтов-профессионалов, услышанные ими в народе, от старых мастеров импровизации и от кыссачи.

Ни один туркменский сказитель не имеет в своем репертуаре всех глав (так называемых шаха — букв. «ветвь», «ответвление») эпоса «Гёр-оглы». Тот или иной бахши обычно рассказывает одну-две или три-четыре шаха. Это объясняется тем, что данный сказитель либо выучил у своего учителя, устада, только эти песни, либо просто любит исполнять именно их. Например, Мустак-бахши из Чарджоуской области ТССР поет только главу «Старуха» («Кемпир») (о похищении коня Гёр-оглы злой стару-

хой) (инв. № 939)¹. Махтумкули-бахши из Ташаузской области исполнял главы «Харман-Дяли» (сказание о богатырской девушке), «Усыновление Овеза», и «Безирген-курд» (инв. № 474). Только две шаха эпоса исполнили бахши Берди Эсен-оглы из Геоктепинского района Апхабадской области: «Харман-Дяли» и «Безирген» (инв. № 599). Сказитель Бабак Назар-бахши из Чарджоуской области исполнял три главы эпоса: «Усыновление Овеза», «Харман-Дяли» и «Хошгельды» («Освобождение Овеза») (инв. № 938).

Наибольшее количество песен «Гёр-оглы» знал Пельван-бахши, от которого в 1937 г. сотрудником группы фольклора Института языка и литературы А. Чеповым было записано двенадцать глав (инв. № 680а—680д).

Кроме записей, осуществленных от Пельван-бахши, в рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР хранятся многочисленные варианты «Гёр-оглы», из которых выделяется вариант, записанный со слов известного сказителя Махтумкули-бахши Карлиева (три главы: «Харман-Дяли», «Усыновление Овеза» и «Безирген-курд») (инв. № 474), но ни один из них не может идти ни в какое сравнение с «Гёр-оглы» Пельван-бахши — наиболее полным и художественно совершенным вариантом эпоса. Пельван-бахши, или Пельван-ходжа, родился в Тахтинском районе Ташаузской области в 1890 г. и умер там же в 1939 г. Он сын потомственного певца-сказителя Ата-бахши² (ум. в 1929 г., 63 лет) из рода ходжа племени номуд. По свидетельству самого Пельван-бахши и собирателя фольклора Ата Чепова, сказитель знал больше, чем от него записано.

При всем богатстве варианта Пельван-бахши в нем нет «последней» главы эпоса — «Смерть Гёр-оглы», которая зарегистрирована у ряда других видных сказителей и поется в наши дни.

Русский читатель знакомится с полным вариантом Пельван-бахши впервые. Поэтому целесообразно дать общие сведения о содержании глав «Гёр-оглы», указав отличия по вариантам. В основу последующего изложения положен вариант Пельван-бахши³.

¹ Здесь и далее в скобках указывается инвентарный номер записи варианта, хранящейся в Рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР, в отделе фольклора (специально не отмечается) и литературы (указывается: лит.).

² Ата-бахши, или Ходжа-бахши, был главой школы сказителей дестанов — дестанчи. Как передают потомки бахши, он знал сорок четыре главы «Гёр-оглы» и научил сына, который был неграмотным, петь многие главы эпоса, заветав исполнять их на тоях. Отцом Ата-бахши был Ата-Назар-бахши; отца Ата-Назар-бахши звали Гоч-бахши. Гоч-бахши также был хранителем и распространителем эпоса «Гёр-оглы». Дутар, на котором играл дед Пельван-бахши, Ата-Назар-бахши, ныне находится у Каахка-ходжи (род. в 1930 г.), сына Пельван-бахши. Пельван-бахши обычно пел под аккомпанемент гитджана, иногда дутара; его гитджаниста звали Пирджан-гиджакчи. Пельван-бахши исполнял также дестанчи «Хурлука и Хемра», «Саят и Хемра», «Баба-Ровшен» и др.

³ Подробно о вариантах глав см.: Б. А. Каррыев. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1983, с. 139—204.

«Рождение Гёр-оглы» («Кероглынын дерейши»; инв. № 680а, с. 1—149). Эпос начинается главой, в которой рассказывается о рождении Гёр-оглы, о его богатырском воспитании и юношеских годах.

В древние времена в стране-крепости Чандыбиль, называемой Четырехгорным Чандыбилем, жил знаменитый коневод по имени Джигали-бек. У него было три сына: старший — Генджим, средний — Момин и младший — Ады-бек. Генджим был богат, но скуп, Момин — глуп, а Ады-бек — доблестный и отважный игит. Младшего сына любили и уважали чандыбильцы за храбрость и справедливость. Они избрали Ады-бека главой Чандыбиля. Всех печалило отсутствие у Ады-бека сына.

А тут пришло и горе: умер Ады-бек, оставив беременную жену. Вскоре похоронили и вдову. В могиле у нее родился будущий богатырь, которого нарекли Ровшеном, так как ребенок вышел из темной могилы в светлый мир.

Дед Джигали-бек обеспокоен кознями ханов и купцов, все мысли его о том, как уберечь внука, как вырастить из него храброго игида.

Однажды купцы сговариваются убить юного Ровшена. Спасая внука, Джигали покидает родину. Но и на новом месте их настигает кровавая рука феодалов Рейхана и Хункара: Хункар ослепляет Джигали-бека, убивает его сына Момина, а Рейхан отнимает у них Гюль-Эндам, заменившую Ровшену мать.

Юноша готовится к мести. Эта подготовка начинается с выращивания крылатого скакуна Гыр-ата. Молодой Гёр-оглы укрывается в горах Уч-Гюмбез, укрепляет горную крепость Чандыбиль. Теперь у него есть боевой конь, чудесная сабля, богатырский лук, и с помощью сорока храбрых игидов он вступает в схватку с притеснителями.

Эта сюжетная канва сохраняется и в репертуаре других сказителей. Варьируются лишь имена героев, географические названия, трактовка отдельных мотивов.

Вариант этой шаха «Гёр-оглы», записанный в 1945 г. от бахши Бабаджана Сапарова, уроженца Туркменкалинского района Марыйской области, из племени теке, начинается лаконично, без какого бы то ни было зачина: «Отец Гёр-оглы был конюхом у падишаха Хункара» (инв. № 77). (Хункар в этом варианте правит не Турцией, а Ираном). Далее рассказывается, что в орду шаха приезжает его родственник Ибрагим-бек, «который также был правителем одной страны». Шах повелевает конюху привести лучшего из коней в подарок высокому гостю. Джигали отбирает хорошую лошадь, которая понравилась и гостю. Шах назначает Джигали своим везиром и обещает дать ему любой подарок. Джигали выбирает себе кобылицу «хилую и поджарую, словно гончая собака». Шах воспринимает этот выбор как вызов и по наущению вельмож, ненавидевших «бывшего конюха», приказывает вырвать Джигали-беку глаза и изгнать его из страны.

Эпический мотив выращивания богатырского коня повторяется и у Бабаджан-бахши. Но интересна деталь: слава коня совершенно равна славе Гёр-оглы, «ровно половина мощи героя заключалась в его коне».

Одна из сравнительно ранних (1935 г.) записей сделана среди иомудов на юго-западе республики, в Красноводском районе, со слов скотовода Рахманберды Худайберды-оглы (инв. № 390). В ней рассказывается, что в стародавние времена у одного шаха был конюший (сенс) по имени Джигали-бек. Шах приказал ослепить его (залить свинцом глаза) за то, что тот для шаха выбрал «самого маленького, тощего и неказистого жеребенка».

Красноводский вариант, сохраняя основные эпизоды и мотивы главы, отличается некоторыми деталями. Например, у Джигали-кёра («кёр» — «слепец») жена умирает, будучи беременной; на ее могиле на-

ходят ребенка, ловят его и передают пленцу. Гюль-Эндам здесь жена не Момина, а Джигали-кёра. После бегства от шаха Джигали-кёр с семьей поселяется на берегу Араза; все его богатство составляют кобылица да корова с теленком.

Весьма большие отклонения от «канонического» сюжета имеются в чарджоуском варианте, записанном в 1941 г. от известного азителя Овлиякули-бахши⁴ (инв. № 622). Здесь сохранены лишь мотивы рождения Гёр-оглы в могиле, ослепления отца героя, похищения Гюль-Эндам Арабом и появления на свет сказочного коня, а также имена основных героев. По данному варианту, Генджим-бек не сын Джигали-бека, а его брат. Однажды, собрав игидов, братья отправляются поохотиться, поискать себе невест в землю древнего туркменского племени емрели, где их принимают с почестями. Возвращаясь, гости похищают девушку, бравшую воду из колодца. Устраивается сорокадневный той, и на девушке женится Джигали-бек. Генджим женится на своей тетке. У Джигали рождается сын, которому люди дают имя Ровшен. Спустя шесть месяцев после рождения Ровшена умирает его мать, и мальчика воспитывает жена Генджима. Джигали-бек берет себе в жены туркменку из племени иомуд. Через два года емрелинцы мстят Джигали-беку за похищение их девушки, матери Ровшена. Они ловят Джигали-бека, отправившегося на охоту, привозят его к себе и вырывают ему глаза. Несчастного слепца сажают на коня, который чудом доставляет хозяина домой, в Чандыбиль. В отсутствие Джигали-бека временно главой Чандыбия назначен Сафар-мерем. Ровшен, получивший прозвище Гёр-оглы, растет не по дням, а по часам; он шаловлив, любит подраться. Когда мальчику исполняется четыре года, Генджим поручает ему пасти табун лошадей в лесу возле Арала. Гёр-оглы мастерит себе лук и охотится с ним на зверей. Однажды Гёр-оглы видит, как араб по имени Рейхан на коне в одно мгновение пересек реку Арал. Юный пастух просит Рейхана, чтобы тот пустил в его табун своего коня. Рейхан обещает это сделать, если женщина, стирающая на берегу белье, подаст ему воды. Красавица приходилась герою теткой. Гёр-оглы идет к ней, рассказывает обо всем, и она, опечаленная неожиданной просьбой, соглашается подать воду незнакомцу. Араб пускает коня в табун, а затем насильно увозит тетку Гёр-оглы. Гёр-оглы требует, чтобы похититель назвал страну, откуда прибыл. «Я из Мусула», — отвечает тот. («Это было названием одной крепости», — добавляет Овлиякули-бахши.)

Другой вариант песни о рождении Гёр-оглы записан в 1939 г. от Недир-бахши из аула Мехинли Каахкинского района (инв. № 555). Этот вариант интересен тем, что в нем говорится о происхождении Гёр-оглы из пастухов. При сохранении общих сюжетных линий (рождение героя в могиле, ослепление его отца шахом, выращивание Гыр-ата и месть Гёр-

⁴ Овлиякули Гоч-оглы (род. ок. 1872 г.) — потомственный бахши из племени эрсари аула Бешир Ходжамбасского района Чарджоуской области ТССР; петъ и сказывать начал с восьми лет, искусство бахши научился у отца, Гоч-бахши.

оглы) в этом варианте рассказывается, что мальчика в могиле находит пастух, который его и усыновляет. Гёр-оглы и его приемный отец вдвоем пасли табун лошадей. От кобылы, которую покрыл морской конь, рождается «никудышный» жеребенок. Шах, оскорбившись тем, что чабан попросил в подарок именно этого «никудышного» жеребенка, приказал ослепить слугу. Сын успокаивает слепца, обещая убить жестокого хана. Но пастух советует ему сначала вырастить жеребенка. Впоследствии Гёр-оглы убивает шаха, после чего он и пастух бегут на одной лошади. Далее повторяется эпизод с погоней и характеристика коней разных мастей. Характерна деталь: беглецы достигли местности Вай-Хенгам (Вееingham); в других вариантах Вееingham связан не с эпизодом бегства от шаха, а с походом Гёр-оглы за Овезом. По просьбе отца-пастуха герой подает ему напиться воды из Каспийского моря, после чего пастух «узнает все, что происходит в мире».

Заслуживает особого внимания вариант «Гёр-оглы», бытующий у туркмен, проживающих в Таджикской ССР. В нем есть глава «Рождение Гёр-оглы», записанная в 1955 г. от сказителя из племени эрсари Худайназара Джума-оглы из Джиликульского района (инв. № 888). Здесь указывается, что «большинство народа было скотоводами: они пасли верблюдов, лошадей, рогатый скот», что «жили они на берегу Аральского моря, сами были туркменами».

Специфичны и некоторые детали варианта.

Во-первых, встреча Ады-бека с Гюль-Эндам. Ады-бек находит ее в беспамятстве на верблюде и приводит в чувство. Она оказалась одна, потому что купивший ее за большие деньги в Ширване Рейхан удрал два дня назад во время нападения каких-то разбойников. Гюль-Эндам ненавидит Рейхана. Герой родился не в могиле матери, а был извлечен из ее чрева знаменитой знахаркой до захоронения женщины.

Во-вторых, наречение героя именем. Каждый из односельчан предлагает имя (как в дестане «Зохре и Тахир»), в результате мальчику дают два имени: Ровшен и Гёр-оглы.

Данный вариант «Гёр-оглы» интересен не только как особая ветвь эпоса, но и тем, что он может дать многое в плане сравнительного изучения таджикской и туркменской версий.

«Ж е н и т ь б а Г ё р - о г л ы» («Кёроглының өйлениши») (инв. № 680а, с. 150—201). Эта ветвь эпоса имеет небольшую вариантность. Подробный рассказ о поездке героя за возлюбленной, о его борьбе с чудовищем и т. п. встречается в репертуаре лишь немногих бахши. Например, в варианте Недир-бахши из Каахка отмечается лишь, что «однажды парень (Гёр-оглы) взял себе в жены одну перя, звали ее Ага-Юнус» (инв. № 555).

Наиболее полный вариант главы зарегистрирован у сказителя Пельван-бахши. Краткий сюжет главы таков: Гёр-оглы проводит время на охоте и в битвах с разными противниками. Однажды он во сне видит красавицу Ага-Юнус из сказочной страны перя. Он влюбляется в нее и отправляется на ее поиски. Дальнюю дорогу его крылатый конь пре-

одолевают всего за сорок дней. Далее — встреча с девушкой, их взаимная любовь. Глава кончается счастливым возвращением Гёр-оглы вместе с Ага-Юнус в Чандыбиль и их женитьбой.

«М е с т ь А р а б у» («Арадан ар алып») (инв. № 6806, с. 203—270). Укрывшись в надежной крепости Чандыбиль, которую вместе с Гёр-оглы защищают сорок его игидов и все ее обитатели, герой отправляется в поход на Рейхана, чтобы отомстить ему за похищение тетки. Вначале Гёр-оглы думает взять с собой своих помощников, но весельчак Сапар-Косе укоряет его и советует ехать одному — ведь в свое время Араб действовал в одиночку.

Гёр-оглы в стране шаха Рейхана. По совету и с помощью тетки герой похищает любимую дочь Рейхана прекрасную Бибиджан. После пробуждения от богатырского сна шах пускается в погоню за похитителем и настигает его у реки. Но чандыбильский герой на Гыр-ате мигом пересекает реку, чего не может сделать Рейхан. Гёр-оглы готов уже пустить в противника меткую стрелу, но красавица просит не стрелять в отца, а сразить его коня. Рейхан с трудом добирается до своей страны, а богатырь Чандыбиля возвращается домой, отомстив коварному Рейхану.

Интересно гротескное изображение Араба в красноводском варианте (инв. № 390). Оказывается, он обычно спит двое суток подряд. Чтобы его разбудить, Гюль-Эндам прижигает ему ноги и живот раскаленным шомполом. Но и тогда он поднимается не сразу, а очнувшись, жалуется на укусы не то комара, не то блохи, которые не дали ему выспаться.

В варианте «Гёр-оглы» (инв. № 774), записанном в 1945 г. от колхозника сельхозартеля «Искра» Саракского района Чарджоуской области Язкули Берди-оглы из племени эрсари, река Араз (Арал) названа Гавазом, тетку Гёр-оглы зовут не Гюль-Эндам, а Ляле-хан, дочь Араба зовут не Бибиджан, а Ага-Новзер (Новзара, Новзер-хан).

В песне-диалоге тетка героя уговаривает девушку выйти замуж за Гёр-оглы, но та вначале отказывается. Вслед за этим идет песня-диалог Гёр-оглы и девушки. Герой просит Ага-Новзер выслушать его, рассказывает, кто он и откуда: «Моя обитель — гора Сулдуз» (в других вариантах — гора Юлдуз).

Варируются детали в красноводском варианте, записанном от сказителя Гельды-бахши (инв. № 414). В нем говорится, что Джигали-бек — отец Гёр-оглы (а не его дед); после смерти матери Гёр-оглы он женится на Ляле-хан (Ляле-ханум). Ага-Рейхан похищает ее, когда она стирает белье на берегу реки Газал. Гёр-оглы говорит отцу, что Ляле-хан утонула в реке. Джигали изгоняет недоброго вестника в пустыню и, оплакивая жену, теряет зрение. Гёр-оглы пасет лошадей и выращивает сказочного коня, а по возвращении домой восстанавливает отцу зрение наложением своего платка на его глаза. Затем Гёр-оглы отправляется в поход на Ага-Рейхана — он мстит ему — отнимает у него дочь по имени Ноузер (Ага-Новзер) и топит в реке Газал его коня. Доставив девушку в Чандыбиль, герой отдает ее своему отцу, который в отместку Рейхану женится на его дочери.

«Усыновление Овеза» («Овез гетирен») (инв. № 6806, с. 271—465). Это одна из наиболее распространенных глав эпоса. Овез был нукером у Юсуп-шаха в стране Веенгама. Отец его — мясник Бултур-Кассаб. Добывая Овеза, Гёр-оглы проявляет не только физическую силу и неистовство игида, но и талант бахши, хитрость и находчивость (сцены переодевания, появления в Веенгаме под видом продавца овец, скотовода и т. д.). Ловко выманив Овеза из дворца в поле, герой везет его в далекий Чандыбиль. Когда его настигают войска Юсуп-шаха во главе с Ленг-везиром и Мустапа-беком, он разбивает их. Лейтмотив главы — переживания Гёр-оглы из-за отсутствия у него наследника, стремление воспитать Овеза храбрым игидом, способным защитить родную землю и оказать помощь приемному отцу в минуту опасности.

Отметим специфические черты отдельных вариантов данной ветви эпоса.

В каахкинском варианте (инв. № 555) Гёр-оглы едет за Овезом по совету своего отца. Отец рассказывает, что двенадцатилетний Овез находится во дворце шаха Рейхана. При встрече Гёр-оглы с пастухами мясника они рассказывают ему, что хозяин им ничего не платит за труд. Пастухи помогают Гёр-оглы похитить Овеза, Гёр-оглы увозит также одну из жен шаха, проникнув в гарем в женской одежде.

Своеобразен красноводский вариант главы (инв. № 414). Бездетный Гёр-оглы задумал взять в каком-нибудь ауле мальчика и усыновить его. У бая по имени Бултур-Кассаб был сын лет восьми. Бултур умирает, и Гёр-оглы приезжает в аул покойного и начинает оплакивать его. Жены бая приняли Гёр-оглы за родственника мужа. Гёр-оглы заявляет, что у него осталось стадо баранов Булдур, и просит, чтобы его принял сын покойного. Женщины разрешают Овезу выехать с гостем в поле. Гёр-оглы сажает мальчика на коня позади себя и мчится в Чандыбиль.

По чарджоускому варианту (инв. № 774), привезти Овеза и усыновить его советует герою жена. «Ведь иногда приемный сын бывает родней родного», — говорит Ага-Юнус. Ага-Юнус не хочет, чтобы Гёр-оглы ехал один, предупреждает его об опасностях дальнего пути. Она долго сопровождает героя, пока наконец ему не удастся уговорить ее вернуться домой. Он просит Ага-Юнус следить за тем, чтобы его сорок игидов жили в согласии и были готовы совершить поход в горы Арзылыма (очевидно, Эрзерума). Гёр-оглы направляет Гыр-ата на гору Перент.

Один из вариантов этой главы записан на старинной кустарной шелковой бумаге («бухарской бумаге» — «бухар кагызы») предположительно в начале XIX в. (инв. № 880, лит.). Своеобразны отдельные мотивы этого варианта. Отметим следующее.

Когда Гёр-оглы отправляется за Овезом, не остаются дома и игиды, хотя герой в песне пугает их опасностями далекой дороги. В пути Гёр-оглы встречает нищенствующего суфия — каландара, едущего из города Безира в Керман. Каландар хотел бы заполучить дочь Палу-шаха, но для этого надо исполнить предлагаемые ею три условия: перескочить на коне ров шириной в сорок гезов, перебросить огонь через ее дворец высотой

в семьдесят гезов и, наконец, одолеть в борьбе ее семьдесят одного силача. Каландар объясняет, что едет в Чандыбиль к Гёр-оглы за помощью. Гёр-оглы помогает ему добыть богатую невесту, успешно выполнив все ее условия.

Заклучив побратимство с каландаром, герой едет в город Динкан, пообещав вернуться через три месяца. Перед отъездом он поет песню-паставление, которая в других вариантах приписывается Джигали-беку.

В пути герой встречает сорок пастухов Бултур-Кассаба. Один из чабанов, Шамердан, рассказывает, что когда-то он был шахом в своей стране, имел двухсоттысячное войско, но в войне с Бултур-Кассабом был побежден и с тех пор пасет его скот, получая за это одну овцу в год. В одежде пастуха герой едет в город Динкан (в других вариантах — Даманган, Веенгам). Гёр-оглы попадает на поминки отца Овеза, притворно оплакивает его смерть, выдавая себя за брата покойного. На упреки женщины-плакальщиц, что гость не знает молитв, тот отвечает, что он из туркменских чабанов и бахши — откуда им знать Коран, ведь в их обычае петь и играть! Гёр-оглы поднимается на холмик и поет, целкая по пастушеской палке, словно по дутару.

Герой сообщает, что он пригнал тысячу семьсот овец для брата и не знает теперь, кому их передать. Ему отвечают, что единственный сын его брата, Овез, взят в услужение к Юсуф-шаху. Гёр-оглы отправляется во дворец и, прикинувшись бесноватым, все ломает и опрокидывает. Шахские вельможи объясняют такое поведение тем, что «он степной человек — туркмен, которого исправит только палка». Шах требует, чтобы Гёр-оглы спел. Мнимый чабан в песне восхваляет Овеза. Бахши пришелся шаху по нраву, и он предлагает Гёр-оглы остаться во дворце. Герой отвечает, что он — пастух мясника Булдур из Тебриза. Шах обещает выдать за него свою дочь Гюль-Рух (в других вариантах она — дочь грузинского царя Лекс, на ней женится Овез). Но Гёр-оглы отказывается от дочери шаха, так как он уже женат на пери.

Войдя в доверие к Овезу и его овдовевшей матери, герой берет юношу в поле — показать ему пригнанных овец. Гёр-оглы поет песню, поздравляя Гыр-ата с приходом Овеза: «Открой глаза, красавец Гыр-ат». Вот герой в полном снаряжении — в кольчуге, со щитом в руках, опоясанный саблей — садится на Гыр-ата. Лишь теперь узнал Овез, кто его слугник. Герой утешает испуганного юношу («Овез, ты мне брат. Ты — брови моих глаз. Не плачь, хан мой, Овез!»). Снова упоминается Тебриз (Тавриз) как местожительство Гёр-оглы.

В горах Юлдуз их настигает шахская погоня — десять тысяч всадников. Перед боем Гёр-оглы состязается в пении с поэтом Хасан-шахиром, посланным к нему шахом. В бою побеждает Гёр-оглы. Но исчез Овез — он спрятался в горах Арзылум. Только через трое суток герой находит беглеца и просит его вернуться к нему. Но снова их настигает шахская погоня — десять тысяч всадников во главе с Мустафой. Происходит бой на горе Арзылум. Чандыбилец обладает такой мощью, что стрелой из лука пробивает семь чинар. Из прозенных деревьев течет

кровь, они плачут, прося бога защитить их от Гёр-оглы. На пути герой встречает новое препятствие — раскалывается гора, и он остается в расщелине. Но богатырь преодолевает испытание.

«О с в о б о ж д е н и с О в е з а» («Өвезиң халас эдилиши»). В варианте Пельван-бахши глава называется также «Овез на виселице» («Өвез дара чекен») (инв. № 680в, с. 466—560). Вот краткое ее содержание.

Гёр-оглы привозит Овеза в Чандыбиль и усыновляет его. Овез навсегда отказывается служить Юсуп-шаху, у которого его отнял Гёр-оглы. Юсуп-шах едет к турецкому султану Хункару с жалобой на Гёр-оглы и с просьбой помочь ему вернуть Овеза. Властелины договариваются о походе на Чандыбиль. Гёр-оглы дает бой шахским войскам и побеждает их, но теряет Овеза — его уводит турецкая орда. Излечив свои раны, Гёр-оглы едет за приемным сыном. Турецкий султан уговаривает Овеза забыть о Гёр-оглы, о Чандыбиле и перейти на его сторону. Но Овез отказывается изменять Гёр-оглы и Чандыбилю. Хункар готовит ему виселицу и наблюдает за поведением смельчака. Но юноша не гибнет: в толпу врывается Гёр-оглы со своими игидами, громит палачей и соратников Хункара. Овез освобожден.

«Ж е н и т ь б а О в е з а» («Өвез әйленен», инв. № 680в, с. 561—638). Здесь повествуется о том, как Гёр-оглы и Ага-Юнус ищут Овезу невесту. Так как никто в Чандыбиле не хочет выдать свою дочь за чужака, Гёр-оглы по совету жены отправляет своих ближайших соратников сватами в далекий Гурджистан, где у царя Леке есть дочь-красавица Гюль-Рух. Шах не соглашается выдать Гюль-Рух за Овеза. Тогда сам Гёр-оглы едет за Гюль-Рух и похищает ее. В битве с царем Леке Гёр-оглы одерживает победу.

«А р а б - Р е й х а н» («Арап Рейхан», инв. № 680в, с. 640—707). Потерявший дочь шах Леке посылает гонцов к братьям Рейхана. Один из братьев, Араб-Рейхан, соглашается идти на Чандыбиль, чтобы сразиться с Гёр-оглы.

Сказание о битве Гёр-оглы с Араб-Рейханом зарегистрировано в репертуаре ряда туркменских бахши. Их варианты в сравнении с вариантом Пельван-бахши отличаются большей краткостью, отсутствием многих подробностей. Таков вариант Язкули Берды-оглы (инв. № 780). Здесь лаконичнее и стихотворная и прозаическая части текста. К тому же глава носит название «Господин Рейхан» («Ага-Рейхан»).

«С о р о к т ы с ь ч» («Кырк мүңдөр»). Пельван-бахши рассказывает (инв. № 680г, с. 708—792), что, когда слон доставил тело убитого Араб-Рейхана в его страну, все враги Гёр-оглы в разных странах сговорились между собой и выставили против Гёр-оглы огромное войско. В нем были различные «рода войск» и подразделения, числом по сорок тысяч каждое (отсюда название главы — «Сорок тысяч», или «По сорок тысяч»).

Большое войско с Хункаром во главе расположилось лагерем недалеко от Чандыбиля. Переодетый Гёр-оглы под видом слуги героя проникает в лагерь противника и устрашает шахских нукеров, показывая приемы боя, которые якобы применяет сам Гёр-оглы.

Битва с Хункаром длится долго и кончается его полным разгромом. «О б и д а О в е з а» («Овез ейкелэн»). Записанная от Пельван-бахши (инв. № 680г, с. 793—853), она реже, чем прочие главы, исполняется бахши. Видимо, это объясняется тем, что в этой главе повествуется о том, как Овез покидает Чандыбиль и возвращается в Веенгам. Овез уезжает из-за придирок и притеснений сорока игидов во время болезни Гёр-оглы. Гёр-оглы отпускает Овеза на шесть месяцев (сам Овез просил отпустить его на год). Но минули шесть месяцев, прошел год — Овез не вернулся. Больше того, он возглавил огромное войско, посланное правителем Веенгама Юсуп-шахом против Чандыбиля.

Вступив в пределы Чандыбиля, Овез в конце концов раскаивается и переходит на сторону Гёр-оглы. Так же поступает и прибывший в составе шахских войск военачальник Мустапа-бек, сын Гиджира, отец которого, бедняк Гиджир, дружил еще с дедом Гёр-оглы. После богатырского состязания с Гёр-оглы он становится его поборником.

Имя Мустапы (Мустафы), сына Гиджира, как одного из вожakov антифеодальных восстаний и сподвижника Гёр-оглы (Кёр-оглы) зафиксировано в летописных источниках XVII в.⁵

Глава «Старуха» («Кемпир», инв. № 680г, с. 835—1010) повествует о похищении Гыр-ата у Гёр-оглы. После тщетных попыток турецкого хана Хункара, арзерумского правителя Хасан-шаха, веенгамского властелина Юсуп-шаха, арабского деспота Рейхана, нишапурского хана Бали-бека сломить сопротивление Гёр-оглы враги хотят лишить героя его опоры — отнять у него коня Гыр-ата. Бали-бек посылает в Чандыбиль коварную старуху Зулман. (В азербайджано-кавказских и турецких версиях в роли похитителя коня выступает плешистый Хамза, или Гамза, Гамза-бек. В отдельных вариантах и туркменского «Гёр-оглы» также фигурирует Хамза-бек.) Гыр-ат похищен и уведен в Иран, куда пешком пробирается потом и его хозяин. В Нишапуре герой становится сначала скороходом, потом конюшим и после года страданий и мучительного выжидания освобождает своего боевого товарища и возвращается в Чандыбиль.

Своеобразен чарджууский вариант главы (инв. № 774), которая по имени похитителя называется «Хемзе-бек». В одежде нищего Хемзе-бек пробирается в Чандыбиль, где выдает себя за беглеца из страны Хункара. Люди предчувствовали недоброе, но помогающий попавшим в беду, гордый, доверчивый Гёр-оглы оставляет Хемзе при себе — мотив, переключившийся с мотивом узбекско-туркменского дестана «Юсуп и Ахмед». Хемзе крадет коня Боз-Думана. У мельницы догоняет его Гёр-оглы. Хемзе переодевается в одежду мельника, и герой, оставив коня, хватается мельника, которого он принял за похитителя. Хемзе на Гыр-ате исчезает.

Обширный вариант этой главы зарегистрирован в Ташаузской области Туркмении у племени човдоров и записан от известного сказителя Курбандурды-бахши (инв. № 577). Вариант имеет своеобразный зачин:

⁵ См. об этом: Б. А. Карриев. Эпические сказания о Кёр-оглы. . .

«В давние времена в Четырехгорном Чандыбиле, в стране текинцев-туркмен, родился воинственный Керегулы».

Когда герой отправляется на поиски Гыр-ата, до берегов Араза его сопровождают Гюль-Ширин и игиды. Полноводен Араз. Собрали игиды камыш и смастерили большой плот, на котором Керегулы пересек реку. Прощаясь, Керегулы поет известную песню «Не уходи, покинув отчизну», которая в различных вариантах эпоса привязывается к разным эпизодам.

Герой попадает в страну сорока чабанов, которые утешают Гёр-оглы, ищущего Гыр-ата. Керегулы поднимается на вершину горы Уч-Куммет и песней призывает коня. Небезынтересно, что в ней он упоминает, что мать у коня Амударья, а отец — птица. Постоянное повторение во всех версиях и вариантах Амударья как родины Гыр-ата, кажется, дает достаточное основание говорить о генетической связи образа Гёр-оглы со среднеазиатской традицией.

В Нишапуре Керегулы мстит старухе и занимается к шаху ухаживать за Гыр-атом.

Джигитую на коне, Керегулы поет об «Араз-реке», через которую он не раз переправлялся. Везир подозревает в седоке самого Керегулы, но шах своим кипчалом приказывает мпительного сановника. Разгромив дворцовую стражу, Керегулы на Гыр-ате перелетает через ворота крепости.

Шах посылает в погоню войско, но герой разбивает его. В бою он получает восемнадцать ран, в ранах и Гыр-ат. Обессиленный, герой падает с лошади в горах, где ему помогают мифические старцы.

По пути домой Керегулы переваливает через горы Уч-Куммет, Арзылум, Думан, Меджнун, Каркар, Чешмер и др. Называя их своими «братьями», герой упрекает: напрасно они покрыли себя туманами, думая, что погиб Керегулы!

Строки из песни: «На Гыр-ате я нападал на Стамбул. . . В пустыне я строил крепости» (инв. № 577, с. 78) — ценны упоминанием о том, что герой в пустыне строил крепости. Следовательно, мы можем допустить, что связывание с именем Керегулы развалин крепостей в разных местах Востока имеет свое, по крайней мере «эпическое», основание.

Рядом специфических черт отличается вариант главы «Старуха» («Кемпир»), записанный нами в 1947 г. у ставропольских туркмен (инв. № 650), переселившихся туда еще в XVII в. (племена човдор, игдыр, союзаджи).

Шаху Исфахана (а не Нишапура) везиры передают, что в Чандыбиле появился наездник на сказочном коне, разбойник по имени Гёр-оглы. Нужно лишить его коня, который летает быстрее птицы, разговаривает глазами, а на поле брани заменяет тысячи воинов. Достать коня за большое вознаграждение берется страшная старуха.

Гёр-оглы готовится идти на поиски Гыр-ата, а Ага-Юнус, Овез и другие игиды обращаются к Гёр-оглы с песней, умоляя его не оставлять их в Чандыбиле. Гёр-оглы дороги и Гыр-ат, и Чандыбиль, он ласково

называет их то братьями, то дорогими друзьями. В нищенском одеянии герой отправляется в Исфахан. В отличие от многих других вариантов здесь много песен, исполняемых главным образом Гёр-оглы и Ага-Юнус.

Достигнув берега реки Араз, путник жалеет, что не послушался советов «дочери Аравии», т. е. Ага-Юнус, — первое упоминание о ее родине.

Заполучив коня, Гёр-оглы смеется над ханом кызылбашей, и начинается горячая схватка. Когда враги бегут, он зовет их на бой. Отчетливо отмечается, что главные противники чандыбильца — феодалы Южного Азербайджана.

Гёр-оглы одерживает верх над врагами, но и сам приезжает в Чандыбиль весь израненный, ранен и его конь — по девять ран у каждого. В горах высоко в небе летит стая журавлей. Повторяется песня, обращенная к журавлям. В ней герой признается, что он «грабил купцов».

Имеется упоминание о том, что у него возлюбленной была дочь шаха Аббаса (инв. № 650, с. 5). В южноазербайджанском варианте «Гёр-оглы» указывается (что смерть героя произошла при этом шахе. Других упоминаний имени, шаха в вариантах эпоса «Гёр-оглы» мы не встречали.

Для испытания жены Гёр-оглы посылает особо уважаемого старшего чабана-грузина в Чандыбиль, передает ему свое кольцо. Ага-Юнус вместе с Гюль-Ширин первыми видят преданного чабана, который им приносит великую радость.

Интересные результаты дает сравнение двух последних вариантов «Кемпир» — ташаузского (човдорского) и ставропольского. Заметно весьма близкое сходство сюжетов, отдельных эпизодов и общей линии повествования. Это не случайно. Несмотря на большое расстояние, разделяющее Северный Туркменистан и Северный Кавказ, посетителями обоих вариантов являются представители одного и того же древнего туркменского племени човдоров. И здесь мы имеем дело с изумительным сохранением эпической традиции в рамках отдельно взятого племени, представители которого живут длительное время разобщенно.

«Х а р м а н - Д я л и» («Харман Дели», инв. № 680 д, с. 1011—1143) повествует о подвигах девушки-воительницы, нестовой Харман (отсюда ее эпитет «Дяли»).

Достигнув зрелого возраста, Харман-Дяли решила сама выбрать себе мужа. Нелегки условия, которые должны выполнить претенденты на ее руку: состязание с нею в песнопении, в игре на сазе и в борьбе. В случае поражения жених должен погибнуть от меча самой девы.

Многие сотни отважных ищидов сложили головы, не сумев победить деву. Такая участь ждала и знаменитого Гёр-оглы, побежденного Харман-Дяли, но дева даровала ему жизнь. В дальнейшем в борьбу с девой вступает легендарный учитель певцов и сказителей Ашик-Айдын — он одерживает победу над Харман-Дяли, которая достается его ученику Керему.

Композиция данной главы эпоса усложнена эпизодами ученичества Гёр-оглы у Ашик-Айдына, женитьбы Керема на богатырше, а также

эпизодами интимной встречи Гёр-оглы с Харман-Дяли и увода героем сестры Керема и т. д.

Нельзя не упомянуть и о том, что образ Харман-Дяли настолько популярен у туркмен, что имя героини стало нарицательным — так называют отважных, крепкого сложения девушек и нашего времени.

В этой связи хотелось бы отметить, что в эпосе высокими человеческими качествами — верностью в дружбе и любви, преданностью семье, родной земле, умом, сообразительностью и т. д. — наделен не только сам герой Гёр-оглы, но и многие женские персонажи: Харман-Дяли, Ага-Юнус, Айсолтан, Гюль-Эндам, Гюль-Рух. Подобное изображение женщины характерно и для других туркменских и вообще среднеазиатских эпических сказаний («Зохре и Тахир», «Лейли и Меджнун», «Шасенем и Гариб», «Алпамыш»). Об этом писал и С. П. Толстов: «Женщины эпоса занимают равное положение с мужчиной и не уступают им ни в чем, не только в делах мира, но и в делах войны. Это весьма характерная черта среднеазиатского эпоса, возвышающая его над эпосом многих других народов»⁶.

«Безирген» (инв. № 680 д, с. 1144—1237) — так называется одна из наиболее распространенных глав эпоса «Гёр-оглы». Нет ни одного признанного бахши, в репертуаре которого не значилась бы песнь о Безиргене. Вот ее краткий сюжет.

Шах Леке, султан Хункар, Юсуп-шах тщетно пытаются направить против чандыбильского богатыря силача Безиргена, побратима Гёр-оглы. Шахи поручают это дело коварной старухе Зейнель. Кемпир удается уговорить Вели-Донука (Вели-Изменника), чтобы тот столкнул Гёр-оглы с Безиргеном. Легковерный и вспыльчивый Гёр-оглы напрасно проливает кровь побратима. Он тут же осознает совершенную им роковую ошибку.

Благородный Безирген прощает Гёр-оглы содеянное и поручает ему защиту своей сестры Айсолтан от посягательств феодала Карахан-тёре. Гёр-оглы хоронит Безиргена с большими почестями и воздвигает над его могилой золотой кумбез (часовню с золотым куполом), а имущество покойного отправляет его сестре в Гурджистан.

Айсолтан спешит в Чандыбиль, чтобы отомстить за смерть брата. Девушка-богатырша в мужской одежде прибывает в Чандыбиль. Здесь она находит великолепный мавзолей брата и сокрушенного горем Гёр-оглы, готового принять смерть от меча сестры побратима. Убедившись в его искреннем раскаянии, Айсолтан прощает Гёр-оглы. Она просит его защитить Гурджистан и ее самое от притязаний Карахана, который давно ждал гибели их защитника Безиргена. На защиту Айсолтан и ее страны вместо доблестного Безиргена встает Гёр-оглы, который громит врага в решительной схватке. А достойная Айсолтан выходит замуж за отважного Таймаз-бека, лучшего из игидов Гёр-оглы.

Этот сюжет не имеет параллелей ни в южноазербайджанском варианте «Гёр-оглы», ни в кавказских и турецких версиях эпоса. Он известен

⁶ С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Таш., 1943. с. 12.

только в туркменском и узбекском сказаниях. Это свидетельствует о возникновении «Безиргена» не в азербайджано-турецкой среде, а в кругу узбекских и туркменских бахши и шаиrow, которые явились сотворцами и некоторых других дестанов (например, дестана «Юсуп и Ахмед»).

Существует вариант главы, носящей общее название «Кёр-оглы». Рукопись хранится в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР в коллекции К. П. Кауфмана. Список сделан во второй половине XIX в. в Средней Азии, насталиком туркмено-узбекского стиля. Приобретен в 1874 г. Глава по форме представляет собой прозу, чередующуюся со стихами. Текст разделен на небольшие части. Это, конечно, не самая древняя рукопись «Безиргена», а список с какого-то оригинала. Глава открывается известной песней «Я достиг своей цели», которая в иных вариантах поется героем совершенно по другому поводу и в другой главе, а именно: в шаха «Смерть Гёр-оглы» перед гибелью героя. Это свидетельствует о текучести отдельных песен сказания, о взаимопереходах некоторых его фрагментов, мотивов и эпизодов в рамках эпоса.

За исключением свадьбы Айсолтан и Таймаз-бека, общее сюжетное ядро сохраняется и в данном варианте, хотя он имеет свои особенности. Например, Гёр-оглы, кроме Чандыбиля, действует в пределах Ирана, здесь нередко упоминается иранская провинция Систан, откуда Безирген был родом.

Сличение вариантов показывает, что сюжетная основа, а также имена главных героев (Гёр-оглы, Ага-Юнус, Айсолтан, Сапар-Косе, Карахан, Безирген, Ак-бек-оглы) сохраняются всюду, что говорит об устойчивости этой главы сказания.

Из других письменных источников заслуживает внимания список «Безиргена», хранящийся в Ашхабаде. Здесь Безирген назван сыном не Ак-бека, а Салсала. Гёр-оглы требует от него закята (дани) за семь лет. Коварную старуху зовут Зейнаб.

Записан также чарджоуский вариант «Безиргена» (инв. № 474). Легендарный герой здесь носит имя Кёр-овлы (фонетический диалектный вариант имени Гёр-оглы); Безирген изображен не только богатырем и богачом, но и поэтом — шахиром. Он «сильнейший волк Гурджистана» (волк — положительное сравнение в тюркской эпической традиции); река, где происходит встреча Кёр-овлы и Безиргена, когда Безирген едет из Гурджистана в Турцию, здесь названа Арал.

Для данного варианта главы, как и для некоторых других, характерна разбивка ее на две части и выделение первого посещения Айсолтан крепости героя Чандыбиля и борьбы Гёр-оглы с Кара-ханом в самостоятельные шахы.

Другая его особенность — повторение заключительных строк каждой песни в следующих за нею прозаических кусках. Типичная боковая линия устойчивого сюжета «Безиргена» — нападение Темир-хана, сына побежденного Кара-хана, на Кёр-овлы во главе большого войска. После окончательного разгрома врага народ хочет выбрать ханом Айсолтан, но она отказывается, и люди выбирают другого достойного из своей среды.

Красноводский вариант «Безиргена» интересен тем, что его начало совпадает с текстом ленинградской рукописи, но называется он «Безирген-курд и Кёр-оглы» (инв. № 390). Великан Безирген-курд (съедает в один присест быка и лошадь. Если одной ногой он стоит на одном берегу реки, то другой — на противоположном; он на своих плечах переносит через Араз груз трехсот верблюдов и двух слонов. У Кёр-оглы был знаменитый лук «сары йй». Натянуть его мог он один. Но богатырской силы Безиргена лук не выдержал. При встрече с Кёр-оглы Айсолтан побеждает его в стрельбе из лука, а также в борьбе. Бахши выделяют из «Безиргена» продолжение повествования о борьбе героя с Кара-ханом. Эта вторая часть названа «Кёр-оглы и Кара-хан-тёре». Кара-хан здесь изображен дэвом — когда герой ударяет его саблей, тот даже не чувствует удара. Кёр-оглы предлагает ему походить, и вот тогда только, расколотый пополам, он разваливается.

Геоктепинский вариант «Безиргена» (инв. № 599) очень своеобразен, особенно в мотивировках действия Керегулы. В нем, например, рассказывается, что Керегулы нападает на крепости Ирана и Ширван-Шемахи. Шах замысливает поймать и убить Керегулы. Он объявляет, что тот, кто доставит голову Керегулы, будет назначен беглербеком (старшим сановником) и получит большое вознаграждение. Соглашается это сделать купец из Систана Безирген, сын военачальника Салсала.

Безирген в Чандыбиле. Керегулы он не застаёт дома и передает ему вызов.

Наконец они встречаются и вступают в борьбу. Но ни один из них не может осилить другого. Здесь вводится легенда, объясняющая могущество Безиргена и его отца Салсала, который, оказывается, боролся с самим халифом Али.

Далее — обычное развитие действия.

Укажем, что феодал, нападающий на Систан, страну Айсолтан, был властелином какой-то части Индии. В схватке с ним Керегулы получает множество ран. Но раны, нанесенные ему утром, заживают к вечеру, а раны, полученные вечером, затягиваются к утру.

Как и в остальных вариантах, Айсолтан выбирает из числа храбрецов доблестного Таймаза, с которым она справляет свадьбу, продолжавшуюся семь дней. Песня «Арманым галмады» («Не осталось у меня неисполнившихся желаний»), которой открывается ленинградская рукопись «Безиргена», в геоктепинском варианте завершает повествование.

Ставропольский вариант (инв. № 843) данной ветви, записанный в 1947 г. от Абдуллы Пирекеева (род. в 1884 г.) из племени игдыр, также в деталях отличается от прочих вариантов. В нем толкают героя на убийство Безиргена сами сорок игидов, на Систан нападает Черный Дэв из Индии. Эта глава эпоса у ставропольских туркмен называется «Поход Гёр-оглы на курда Безиргена».

В ставропольском варианте «Безиргена» (инв. № 570), записанном от Динмухаммеда Беке-оглы, сохраняется тот же сюжет, что и в предыдущем. Как и там, жена Гёр-оглы Ага-Юнус названа родственницей

(сестрой) Безиргена, а балагур Сафар-Косе, один из ближайших соратников героя, носит еще имя Сафар-Бехрам (в иных вариантах — Сапар-Мехрем, Сафар-Мерген и т. д.).

Наконец, укажем, что «Безирген» представлен и в эпическом творчестве туркмен, проживающих на территории советского Таджикистана (Джаликульский район).

Сюжетная ткань ветви, записанной от бахши Худайназара Джумаоглы в 1955 г. (инв. № 888), примерно та же, что и в остальных туркменских вариантах; она отличается лишь некоторыми особенностями. В частности, красть коня у Гёр-оглы замышляет не правитель Веенгама или Нишапура, а повелитель Турции Хункар, которому захотелось покорить землю туркмен. Того, кто доставит коня, Хункар обещает щедро наградить. По совету одного купца шах с предложением доставить коня обращается к Безиргену, сыну Салсала, но тот не соглашается. Тогда шах подсылает к Безиргену «шпиона», чтобы патравить великана на Гёр-оглы.

В Чандыбиль едет злая старуха. Она нашептывает герою, будто Безирген уже восемнадцать лет не платит дани Гёр-оглы и намеревается завладеть его страной. Гёр-оглы отправляется к берегам Аральского моря, чтобы подстеречь Безиргена, и видит: едет Безирген в палакские, который несут четыре слона. Безирген вырывает с корнем четыре больших дерева, чтобы развести огонь и приготовить ужин из целого быка. Великан переносит через Аральское море на плечах, словно цыплят, триста шестьдесят верблюдов. Вода доходит ему лишь до колен. Чтобы не платить дани, Безирген натягивает богатырский лук Гёр-оглы. Перед смертью Безирген завещает герою защитить его сестру и страну от покушений великана Кара-хана Берзенги, у которого был лишь один глаз во лбу.

Айсолтан, сестра Безиргена, по пути в Чандыбиль останавливается на горе Миневвер. Когда Гёр-оглы с игидами едет оборонять Гурджистан, они встречаются множество людей, спасающихся от нашествия Кара-хана Берзенги. Беженцы рассказывают, что уже неделя, как прибывают войска Кара-хана, и все не видно им конца. Подробно описывается богатырское испытание сил Кара-хана и Гёр-оглы (борьба, схватка с оружием и т. д.). Если в остальных вариантах «Безиргена» Айсолтан выходит замуж за Таймаза (Таймаз-бека), то здесь она выбирает соратника Гёр-оглы — Рустема (Бед-Рустема). Замена одного персонажа другим, возможно, объясняется большой популярностью образа Рустема, героя таджикско-персидского эпоса и литературы, хорошо известного и другим народам Востока, в том числе туркменам. Поэтому акцент на образе Рустема вполне закономерен для туркмен, живущих в районах советского Таджикистана.

Помимо указанных выше глав «Гёр-оглы», записанных от Пельван-бахши, известно несколько шаха, записанных от других сказителей. Среди них: «Сервиджан», «Гюль-Аим и Эр-Хасан», «Смерть Гёр-оглы», «Нурали, сын Овеза» и др. Они распространены меньше, чем упомянутые выше главы, и варианты их встречаются довольно редко. Кроме того, некоторые шаха эпоса «Гёр-оглы» (например, глава «Нурали, сын Овеза») зарегистрированы только в прозаической передаче.

Для того чтобы читатель мог составить более полное представление о туркменском героическом дастане «Гёр-оглы», рассмотрим и «последнюю» главу эпоса.

С м е р т ь Г ё р - о г л ы. Туркменские бахши не любят исполнять главу, повествующую о смерти героя. У некоторых сказителей он вообще не умирает, а в конце жизни, обычно в возрасте ста двадцати лет, удаляется в горы и скрывается в горной пещере. Характерно, что Пельван-бахши, вариант которого был положен в основу текста обоих ашхабадских изданий эпоса (1941, 1958 гг.), эту шаха вообще не пел, и она была записана от других сказителей.

Когда Гёр-оглы исполняется сто двадцать лет, он просит свою жену Ага-Юнус отвести его в пещеру горы Сулдуз. Ага-Юнус отводит Гёр-оглы в пещеру и оставляет ему лук и три стрелы. Приходят в пещеру люди от шаха Сепида и просят Гёр-оглы обучить их искусству боя. Но Гёр-оглы уклоняется от передачи врагу своих знаний. Шах снова посылает к герою своих людей. И на этот раз Гёр-оглы не выполняет требований шаха. Под видом обучения искусству стрельбы из лука он ставит людей шаха в ряд и пускает в них две стрелы из числа трех, что оставила ему Ага-Юнус. Оставшиеся в живых войны спешат к шаху и требуют смерти чандыбильца. Но шах считает, что важнее перенять хоть что-нибудь из военного искусства Гёр-оглы. Еще раз посылает он в пещеру воинов. Гёр-оглы пускает последнюю стрелу в гору, чтобы «от него осталась примета (память)». Гёр-оглы мужественно принимает смерть, сказав последнее слово о том, что он доволен прожитым и ни о чем не жалеет.

Сюжет ашхабадского варианта (инв. № 964 а, лит.) этой главы, записанного в 1937 г., таков. Состарился Гёр-оглы, умерли сорок его игидов и Гыр-ат, остались у него только жена Ага-Юнус и сестра Гюль-Ширин. Жена приводит героя к водоему, где он поет песню «Вернитесь вновь, блаженные мои души!». Ага-Юнус утешает его песнями, после чего они направляются к пещере в горе Сулдуз. По пути жена показывает Гёр-оглы места, где он давал пиры, принимал людей, устраивал скачки и т. д. Вот и конюшня, которая дорога Гёр-оглы памятью о Гыр-ате. Гёр-оглы поет, прощаясь с миром. Мотив переключается с финалом предыдущего варианта: «Не осталось в мире неисполненных моих желаний» («Дүниёде галмады арманым»).

Ага-Юнус и Гёр-оглы в горной пещере. Здесь чудесным образом появляются сто белых птиц, которые приносят им пищу, а затем родник, из которого они пьют. «Ты присоединился к эренам», — говорит Юнус (мотив, имеющий параллель в болгаро-турецкой версии «Гёр-оглы»). Герой предлагает жене уехать к своим пяти служанкам. На это она отвечает: «Умру, но ни за что не разлучусь с тобой». Перед последней разлукой Гёр-оглы дает Ага-Юнус чудесное зеркало, глядя в которое можно видеть все, что происходит на свете. Ага-Юнус улетает к себе на гору Кап, а Гюль-Ширин уходит в Чандыбиль.

Хункар узнает о том, что его непримиримый враг удалился в горную пещеру. Он посылает к Гёр-оглы семь воинов, чтобы тот научил их искус-

ству боя. Воины требуют, чтобы Гёр-оглы следовал за ними. Но, как только герой берет в руки лук и стрелу, враги бегут прочь. Гёр-оглы пускает стрелу в камень. «С тех пор, говорят, люди посещают это место и поклоняются камню». Шахские воины окружают Гёр-оглы, убивают его стрелами из лука и, отрезав ему голову, везут ее Хункару. Хункар гневается на убийц за то, что они не взяли Гёр-оглы живым, и отправляет их на виселицу (как в южноазербайджанском варианте). Шах велит отнести голову обратно в пещеру. Там Ага-Юнус и Гюль-Ширин устраивают похороны героя и воздвигают на его могиле золотой гумбез.

Иначе трактуется смерть Гёр-оглы в ташаузско-човдорском варианте, в котором глава называется «Последние дни Гёр-оглы» («Кероглының ахыркы дөври»), записанном в 1939 г. от известного сказителя Курбандурды-бахши Готур-оглы (инв. № 577) из Калининского района (аулсовет Сокры-Качык).

Однажды Гёр-оглы вместе с сорока игидами выехал на охоту. В пути они увидели семь чинар, под которыми собрались на совет сорок чильтевов. Весельчак Сапар-Косе спрашивает у всадников, кто сумеет одной стрелой пробить насквозь все семь чинар, и подтрунивает над старым Гёр-оглы. Гёр-оглы берет свой лук и пробивает все семь чинар, из которых тут же потекла кровь. За это чильтевы проклинаят героя. И он вместе с конем опускается в подземное царство. Его ведут к падишаху. Подземный владыка пугается героя-великана (здесь дается гиперболический портрет Гёр-оглы). Он обращается к Гёр-оглы сперва на своем языке, а потом на языках всех народов, но герой его не понимает. Пораженный величием Гёр-оглы, подземный царь принимает его за небесное чудовище. Он хочет уничтожить его, но мудрый везир советует не убивать, а женить его: родятся, мол, у него дети, которые поймут язык жителей подземного царства. Так и решили. Родился у Гёр-оглы сын. Он вырос, стал понимать язык людей подземного царства и рассказал им, что его отец — человек с поверхности земли. Царь дал мальчику имя Бек-оглы.

У Ага-Юнус была сестра, которая жила под землей и была женой дэва. С ее помощью Гёр-оглы поднялся на поверхность земли — дэвы отнесли его в Чандыбиль, вернули героя друзьям. Но друзей осталось совсем немного: Ага-Юнус, Овез и Косе. Все прочие разбредлись. Герой собирает игидов и выезжает с ними на охоту. Возвращаясь пустыней назад, Гёр-оглы с игидами входит в одинокую лачугу, где живет старуха. Она объясняет, что раньше здесь было стойбище скотоводов и что зовут ее Пикир-гыз (Девушка-Дума). Прозвание это она носит с юности, так как влюбилась в наездника Гёр-оглы и никому другому свое сердце не отдавала. Вот уже сто двадцать лет сидит она в думах о Гёр-оглы (отсюда ее прозвище) и ждет встречи с ним. Теперь единственное ее желание — выпить хоть каплю крови любимого. Гёр-оглы уходит в раздумье. Он решает удовлетворить жажду несчастной, памятуя, что ему предопределено жить всего сто двадцать лет и срок этот уже истек. Он прощается с близкими, просит игидов связать его и отдает себя во власть старухи. Та убивает героя и выпивает его кровь. От этого она зачинает сына, которого люди

прозвали Эр-оглы — Сын мужа-героя (в некоторых вариантах — Ган-оглы — Сын крови).

Рассмотренные нами варианты основных шаха «Гёр-оглы» показывают, что в туркменской версии облик главного героя с самого рождения приобретает черты эпического богатыря. Бахши начинают сказание с легенды о чудесном появлении героя на свет и о его богатырском детстве, как бы подготавливающей слушателя к восприятию дальнейших героических деяний Гёр-оглы. Мальчик все время находится среди пастухов и конюхов, учится у них и у деда коневодству и джигитовке, доброму, человеческому отношению к товарищам. Эти штрихи биографии Гёр-оглы должны подчеркнуть естественность, закономерность таких качеств в характере героя, как любовь к простому человеку, ненависть к любому насилию, храбрость витязя, карающего несправедливость, т. е. лучших черт личности.

Гёр-оглы вместе с дедом выращивает чудесного коня Гыр-ата, таинственные покровители — эрены — дарят ему волшебную саблю. Гёр-оглы добывает лук, изготовленный исфаганскими мастерами из редчайших металлов в течение трех лет. Чтобы заполучить лук, нужна была богатырская сила, которой обладал только Гёр-оглы.

В целом, однако, идеализированный герой сохраняет черты обычного человека. Он, как и все простые смертные, ошибается, совершает промахи, иногда проявляет вспыльчивость, порою легковверен, самоуверен (отношение к старухе, похитившей Гыр-ата; Гёр-оглы попадает в плен к Рейхану из-за сильного опьянения; по подстрекательству старухи и Вели-Донука убивает своего побратима).

Создатели эпоса осуждают эти черты характера и проступки Гёр-оглы. И, возможно, поэтому в эпосе появляются эпизоды раскаяния Гёр-оглы и показано его стремление исправить свои ошибки (убийство и оплакивание героем Бериргена и стремление искупить свою вину защитой его сестры от врагов).

Образ Гёр-оглы воплощает народные представления о герое — защитнике права простых людей на свободу, независимость, счастье и, естественно, отражает определенные черты характера, мироощущения, психологии дехкан и кочевников Туркменистана на определенном этапе их истории.

Образ Гёр-оглы глубоко раскрывается во взаимоотношениях с семьей, друзьями и врагами.

Традиционный для туркменского эпического творчества мотив страстной любви героя к девушке, увиденной во сне, и добывание избранницы, сопряженное с различными опасностями, сохранен и в «Гёр-оглы». Действуя в сказочной обстановке, наделенный богатырской силой, владеющий искусством певца и музыканта, эпический герой преодолевает все препятствия, находит любимую пери Ага-Юнус и соединяется с ней.

Туркменские сказители создали обаятельный образ Ага-Юнус. Хотя

она названа пери, это обычная, земная женщина, преданная жена, верная помощница Гёр-оглы.

Образ жены, друга и советчицы, отражает уважение, с которым народ относился к женщине. И вообще в эпосе «Гёр-оглы» женщины умны и неустрашимы, богатырски сильны и постоянны в дружбе и любви. Исключение составляет старуха колдунья, нередко выступающая то лавутчицей и защитницей врага, то коварной подстрекательницей, губящей ни в чем не повинных героев эпоса.

Примечательно, что в «Гёр-оглы» и других туркменских дестанах, как правило, нет полигамии — герои любят одну женщину, спутницу жизни. Ради нее они совершают подвиги, во имя любви смело идут на любые испытания.

Как и сам Гёр-оглы, его удалыцы привыкли к суровым схваткам. Вместе с тем это люди, которые любят повеселиться, попить, развлечься песней и музыкой, отдаться любовным приключениям.

Ближайший помощник и спутник Гёр-оглы — знаменитый Гыр-ат. Образы крылатого коня и его могучего всадника Гёр-оглы слиты воедино. Гёр-оглы способен победить врага, спастись от гибели и выручить в опасную минуту своих нукеров, добыть для них и для себя невест и т. д. только с помощью своего верного друга — коня. Этот образ прочно вошел в фольклор и литературу туркмен.

Сказание не только повествует о героических делах богатырей, боровшихся за честь и свободу отчизны; оно являет собой моральный кодекс своего времени. Слушателю устами бахши преподаются нравственные уроки. Наставления, песни-призывы, песни-монологи и диалоги эпоса воспитывали многие поколения туркмен в духе горячей любви к народу, к родине, учили поведению в быту, верности товарищу, ненависти к врагу.

Язык «Гёр-оглы» необычайно богат. Немало здесь пословиц и поговорок, крылатых слов, способствующих раскрытию всей глубины переживаний героев, смысла происходящих событий, делающих их ближе и понятнее слушателям, помогающих им оценить поступки героев.

Язык «Гёр-оглы» близок к лучшим произведениям туркменских поэтов-классиков: Махтумкули, Кемине, Мятаджи, многие стихотворения которых превратились в народные песни, исполняемые и в наши дни туркменскими певцами и музыкантами наравне со сказанием о Гёр-оглы. Любопытно, что отдельные четверостишия Махтумкули и песни из «Гёр-оглы» очень близки между собой как по содержанию, так и по художественной форме. Поэтому трудно определить, кто же первоначальный их автор: туркменский классик или богатырь из эпоса.

Примером может служить известное стихотворение Махтумкули «„Тургун!“ дийдилер» («Сказали: „Вставай!“») и песня Гёр-оглы «„Оян!“ дийдилер» («Сказали: „Проснись!“»). В этих произведениях рассказывается о вещем сне поэта и героя, когда пророки и святые старцы наделяют их даром поэтической речи и всезнания и т. д. Сравним первые строки.

У Махтумкули:

Бир гяже ятырдым түнүң ярында,
Бир төрт атлы гелип, «Тургун!» дийдилер ?.

У Гёр - оглы:

Гафлатда ятырдым, гелди эренлер.
«Тур гапыл ериндеп, эя!» дийдилер
(шаха I).

Касаясь вопроса о жанре «Гёр-оглы», отметим, что это жанр, известный в Туркмении под названием «дестан», «хекая», «кысса». Среди туркмен бытуют разные дестаны, в частности дестаны любовно-романические («Саят и Хемра», «Шасенем и Гариб», «Хурлукга и Хемра», «Лейли и Меджнун», «Гюль и Бильбиль» и др.). По форме они мало отличаются от «Гёр-оглы»: то же сочетание многочисленных песен с прозаическим повествованием. Но по своему содержанию и объему «Гёр-оглы» — героический дестан. А это и определяет существенные черты изобразительных средств произведения. Романтические дестаны часто связаны с книжными источниками и отмечены известной усложненностью стиля, тогда как стиль «Гёр-оглы» прост и выразителен.

Композиция «Гёр-оглы» также несет все элементы широкого эпического повествования: зачин, завязка (ослепление Джигали-бека и другие насилия, творимые врагами Чандыбия), кульминация (единоборство с сильными врагами) и концовка — смерть Гёр-оглы.

В репертуаре отдельных сказителей (например, в вариантах човдорских бахши) мы находим зарождение генеалогической циклизации сказания «Гёр-оглы», возникновение линий, связанных с действиями сыновей героя (Эр-оглы или Ган-оглы) и его внука Нурали (путешествие Гёр-оглы в подземное царство, героическое сватовство Нурали).

Песни «Гёр-оглы» сложены силлабическими стихами, в основном восьми- и одиннадцатисложными, т. е. размерами народной поэзии (*гошгы*).

Каждая песня делится на строфы из четырех стихов. Обычная рифмовка: первая строфа — *абаб*, вторая и последующие — *евев*. . .

Покажем это на примере из I шаха:

Первая строфа:

Гөзел патыша бизе нама гөндерди:
«Шаның ордасына бар, Жыгалы оглы!»
Пирим Алы шерач берил гандырды.
«Өлинче, девраны сүр, Жыгалы оглы!»

² Магтымгулы. Сайланан эсерлер. Чапа тайярлаялар Б. Гарриев ва М. Кесеев. Т. 1. Аш., 1959.

Вторая строфа:

Кыямат агмалы-нама гевсүмде.
Ылахымдан берлен Гыр ат астымда.
Пирим берен дүйрме гылыч дестимде.
«Күпбара гылыжың чал, Жыгалы оглы!»

Но для первой строфы допустима и такая рифмовка строк:

Эй яранлар мусурманлар!
Сөхбет эйлең, гөвүн ачар.
Адам оглы дүшер гама,
Ялан дүние гелен гечер.

Как видим, здесь рифмуются между собой только вторая и четвертая строки — и в этом случае рифма будет повторяться в конце всех последующих строф:

Беглер өңүнде дивандыр,
Оны билмеен хайвандыр,
Адам адама мимандыр,
Гөвүн гөвүнден сув ичер.

Изредка в «Гёр-оглы» встречаются стихотворения в форме газели. Они сложены двустушиями, в каждой строке 14—15 слогов. Очевидно, в этом сказывается влияние книжной литературы. Вот пример из I главы:

Овалы ахырны билген бир худадан айланай.
Батылы-захырны билген өвлийеден айланай.

Двустушия в такой песне рифмуются по схеме: *aa* — первая строфа, *ба*, *ва* и т. д.

Помимо рифмы для многих поэтических частей эпоса характерно наличие редифа. Редиф может состоять из одного слова и более. Иногда же, как в приведенной выше строфе, повторяется целая строка. Пример редифа из одного слова, усиливающего основную рифму, демонстрирует, например, строфа из IV главы:

Хеябан-көчелер ёлуңа гурбан!
Ганду-шалы^{*}, шекер дилиңе гурбан.
Сизлер дуруң. Өвез жаына гурбан!
Зеревшан көкпип оглан ислерин.

В последней, заключительной строфе непременно упоминается имя того героя (героини), в чьи уста вкладывается данная песня (реализация общего правила, касающегося туркменских «гошгы»: в последней строфе должно упоминаться имя автора стихотворения). Большинство песен — монологи героев эпоса, но встречаются и диалоги.

^{*} Так у сказителя; более правильно «ганду-шахди».

В настоящем издании воспроизводится вариант Пельван-бахши (инв. № 680а—680д) в том виде, в каком он был записан от сказителя А. Чеповым в 1937 г.: имя героя в туркменском тексте оставлено в форме Короглы, исправлены лишь очевидные опiski и опущены некоторые грубые слова и выражения. Лакуны везде отмечены отточием.

При переводе эпоса на русский язык мы стремились воспроизвести строй мысли и систему художественно-изобразительных средств оригинала. Думается, что это в большей степени удалось в прозаической части эпоса. Ритмическая структура и рифма, характерные для всей поэтической части эпоса, в переводе не переданы, но образная система по возможности сохранена.

Имена собственные и эпитеты, топонимические, этнонимические названия и специфические реалии поясняются в Словаре и при первом упоминании отмечены звездочкой; в Комментариях раскрывается смысл некоторых выражений.

КӨРОГЛЫНЫҢ ДӨРЕЙШИ

1. Элкысса, Чардаглы Чандыбил диен юрт бар экен. Онуң солтанына Жыгалы бег дийип ат берердилер. Онуң үч оглы барды: иң улусына Генжим бег диердилер. Ондан кичисине Мүмин бег диердилер, ондан кичисине Ады бег диердилер.

Генжим диен оглуны өйлендирди-иллендирди. Мүмин диен оглуны аңкылы гелмели-гитмелирөк болды, гөзи хем шуллы болды.

Ады бег диен оглы бунни тапса, эртесини гайгы этмөни, чапавулчылыкда-босавулчылыкда мес болуп гезиберсин. Хабары кимден ал? — Генжим бегден.

Генжим бег диен оглы дүйнөталап болуп, дүйнөхырс болуп, меллек-мал йыгнап, бай болуп, неяны дегмөн, атасындан айрылып өтөгитсин. Мүмин бег диен оглуны өерейин дийип, Жыгалы бег ол ере баряр гыз сорап, бу ере баряр гыз сорап. — Мөрекеде ойналып йөрөн гөзи шуллы заңцара гыз бержек дөл! — дийип, Жыгалы бег ире барса, гыз бермөн ковуп йөрлер. Бу өйленмөни галыберсин.

2. Хабары кимден ал? — Ады бег диен оглы аламанчылыктан гелйөрди. Муңа кырк чилтен саташды.

— Сен герчек гоч йигит экениң. Биз нөкер болжак.

— Мениң хем ислөп тапмаян йигидим сизлер ялы йигит — дийип, булара эе болуп, ага-нөкер болды-ов, гетирди галасына. Инди хабары кимден ал? — Жыгалы бегден.

— Оглум, мен гаррапдырын. Инди яныңа кырк атлы нөкер тапан болсаң, мен юрды саңа табшырдым.

3. Ады бег юрда солтан болды. Онсоң адына Ады бег солтан гойдулар.

Ады бег солтан кырк атлы нөкерини алып, бир гүн аламанчылыкта гитдилер. Бир махалдан гөзүне бир кеңебе гөрүнди. Бу кеңебе найзаны япырып, «алла!» дийип, ат гойдулар.

Кеңебөниң башыны бир чырлаң боз атлы идип гелйөрди. Булары гөрүп, кеңебөни ташлап, гөзлеринден гайып болуп өтөгитди. Шунча кодулар — етирмеди. Етирмөнсоң, дөвүп кеңебөни алдылар. Кеңебөниң ичини барлап гөзледилер — ичинде темиз бир пөкизе гыз отыр; тарышыны айдып-дийип, соңуна чыкар ялы дөл. Бу гыздан хабар алдылар:

— Сен хайсы юрдун адамы?

— Мен Ширван веляятының патышасының гызы боларын. Мени Рейхан Арап өзи алжак болуп, мүң бөш йүз тылла галың берип, алып гелиёрди. Яңкы гачып гутулып гиден чырлаң боз ат шоларды.

Хайыр, ягшы. Мал кимиңки? — Киме несиң этсе, шонуңкы — дийип, гызы гетирип: — Сениң адыңа ким дийёрлер? — дийип сорадылар.

— Мениң адыма Гүленнам дийёрлер.

— Хайыр, ягшы! — дийип, хер зат-да агасы-да: яңкы гыз берилмән йерен шуллы агасына никә гыйып, той-томаша эдиң берди. Гөзи шуллы заңдар хез этди. Өзи герчек гөч йигит болансоң, нирә барса, гыз берилиёр.

4. Агасының ызындан Ады бег солтан хем өйленди. Хабары кимден ал? — Ады бег солтаның зайпының бойшунда хамыла галды. Зайпындан зат болманка, казасы етип, Ады бег солтан дүйёден этди. Зайпының-да ай-сәхеди долуп, зат болманка, зайпам дүйёден этди.

5. Хабары инди Йыгалы бегден ал.

«Алла—дийди — Геңжим диен оглум пеяны¹ дегмәни айрылып, бу гитди. Мүмин бег дийилән оглум акылы гелмели-гитмели болды, гөзи шуллы болды. Шу Ады бег солтан оглум герчек гөч йигитди. Шундан бир зүрят галармыка дийип йөрдүм. Ол айданым болмады» — дийип, көп хапа болды. Бир гиҗе ятырка, Хыдыр алайыссалам гелип, дүйшүнә гирди. «Әй Йыгалы бег, сен хапа болуп ятма. Сен гелниң губурына бар, гөзүң нә хитмәт [хикмәт] гөр!».

Бу дүйши гөрүп, хошвагт болуп, эртир билән намазыны оҗап, барып гелниң губурыны барлады. Гөзлесе, бир әркек оҗлан болуп, әнесиниң баҗрыны ялап ятыр. Муны гуҗагына алды-да, мазары ене мөкәм эдиң гайдыберди. Гетирди өйүнә. Гөзлесе, бир аксакал баба өйүнде отыр. Бу бабаның этегине бу оғланы садды. Бу баба оғланың аркасына үч мертебе какып, үч мертебе агзына түйкүрип: «Бизиң Непес оглумыз болсун! Гараңкы юртдан ягтылык юрда чыкыпдыр. Ады хем Рөвшен болсун!» — дийип, яңкы гарры баба чыкып гидиберди.

6. Инди хабары кимден ал? — Рөвшен диен агтыгындан. Рөвшен бирине, икисине, үчүнә, дөрдүнә, бөшике гадам басды, дең-душлары билән ашык ойнаяр, чилик ойнаяр, тош ойнар ялы болды. Дең-душлары билән мейданда ашык ойнаяр, чилик ойнаяр. Утса, «разы» дийип, итиң дерисини башына гейдирийөр. Утдурайса, «дөв базым» дийип, үч гүнләп богушяр. Базара баряр. «Үзүм бармы? Халва бармы? Гант-набат бармы?» — хайсы зат гөвнүнә дүшсә, уряр чаңчалы. Хол мейдана чыкып ийип дур. Барып бакгаллар якалашса, доңуны келлесине бүрәп, дүканың сыртында дурак ябысыны үркүзип, дүканыны башына йыкяр. Ай, хулласы обаның гавун-тернеси хем дурмады, товук хем дурмады. Ай, заңдар дүлдиретмөгә айланышды-да гараз.

7. Чандыбилиң илаты бир мәрекедә маслахат этдилер: «Хав, ил-илат! Ады бег солтаның дердинден хелейлер оғланыны аглада билмәйёрди, яргыҗагыны гатырак тарга билмәйёрди. Ондан дындыкмыкак дийсек, дөрәмән гечен, ондан гөрдә бир бела дирелипдир. Бу шул вагтлардан

шулар ялак уалса, кыркымызы бир газыга чатар. Шуну өлдүрейлиң! — дийип, илат маслахат этди.

Бу маслахатың ичинде Жыгалы бегің бир досты барды. Гелип айтды: «Хов, Жыгалы бег, пылан мәрекеде шейле маслахат болды. Сен шу агтыгың етишпәнчә, бөш-алты гүн шу илатдан боюң сайла, ага!»

8. — Хайыр, ягшы! — дийип, Хуңкар патышаның юрдуна гөчүп гайдыберсин. Барды Хуңкарың юрдуна. Хуңкарың гашына барып, салам берип дурды.

— Хав, Жыгалы бег, хабарыңы бер! — дийди.

— Дуз-несибем чекип, хызматыңа гелдим, тагсыр!

— Йерибер хызматда.

9. Бир йыл хызмат эдип, пычак-айпалта гысдырды. Ики йыл хызмат эдип, ат мүнди, серпай гейди. Үч йыл хызмат эдип, екгалам мөрем-везир болды, өңки сыпайыларың тамамы әмелини әлинден алды. Бу сыпайыларың ичинден гырынды гөчмөгө айланышды. Жөмлөшип гелип:

10. — Ав, тагсыр, бу түркмен хемме әмелимизни әлимизден алды. Бизден өкде нәме әмели бар мунуң!

— Сизден өкде атчынас, улы сейис бу.

— Улы сейис болян болса, саңа бир илде өк ат тапып берсин бу!

— Хав, Жыгалы бег, маңа илде өк пәкизе ат тапып бер! — дийди.

11. — Хайыр, ягшы! — дийип, елмая мүнүп, Арабыстан илатыны үч айлап гөзди. Илде өк ат тапылмады.

12. Бир гүни деряйы-Шоруң боюнда икинди намазыны окап отырды. Бу деряның боюнда Хуңкарың йылкысы әлкин ятан. Бир махалдан, дерядан бир ат чыкып, бир байтала үч мертебе ашып, ене деря гирип гиди берди. «Алла, сув аты боляр — дийип, әшидйәрдим. Чын болды-ов» — дийип, яңкы байталы беллөп, Жыгалы бег гайдыберди. Гелди Хуңкарың гашына:

— Тагсыр, илде өк ат гөрек болса, гелжөк йыл шунлара ченли ховлукма — дийди.

13. Бу байтал ай-сәхеди долуп, бир гүни тазының чагасы ялы бир зат ташлады. Әсван этселер, өзи гысрак. Чопанлар Жыгалы бегің янына гетирдилер. Шол байталдан болан тай шу.

Жыгалы бег алып Хуңкарың гашына гетирди.

— Тагсыр! Илде өк ат гөрек болса, ике шундан догар.

14. Пах, сыпайылара яманламага гезек гелди.

— Тагсырым! Бу түркмен сени ойнап йөр.

— Ол ничик?

— Илде өк ат гөрек болса дийип, үч айлап алдап гөзени бир яңа; «бир йыла ченли ховлукма. . .» дийип, алдап гөзени бир яңа. Иң соңунда саңа илде өк ат шундан догар дийип, бир уркачы тазының чагасыны өкелди. Сени ойнап йөр, тагсыр, бу.

Хуңкар ынанып:

— Әйсе муну пөтмөк боларка?

— Тагсыр, гөзүни ояйың! — дийдилер.

15. Сыпайылар яманлап, Жыгалы бегиң гөзүни ойдурдылар. Бир адамны эмгек янаса көпмү?

Бир гүнден — бир гүн яманлап яңкы Гүленнамың әрини — Мүмин беги, муны хем өлдүртдилер.

16. Бу галада бир досты барды:

— Хав, Жыгалы бег, «Түркмени дүртмесең — дуймаз» диенлери: сениң соңуңа чыкярлар. Гетерил бу галадан!

17. Бу гүррүңи айдандан соң, Жыгалы бег Хуңкарың гашына гелип:

— Хав, тагсыр, мениң гөзүми ойдун, оглумы өлдүрдиң. Мениң сенден соңкы дилегим: шу гысрагы сенден дилейәрин!

Хуңкар гахар үстүне:

— Дүлдүл хем болса, багыш этдим! — дийди.

18. Бу гысрагы диләп алды. Бу гысрак хем үч пагса дивал кимин етишди. Рөвшөн диен агтыгына:

— Әй Рөвшөн жан! Бир гүн паты-путыны элтип гел. Бир гүн Гүленнам еңеңи элтип гел. Бир гүн мени артлашдырып гач. Бу юртдан Үчгүмmez дагына гачайлы!

— Хайыр, ягшы! — дийип, бир гүн паты-путусыны элтип гелди. Бир гүн Гүленнам еңдесини элтип гелди.

19. Бир гүн-де дөдесини артлашдырып гачды.

— Оглум, хабардар бол, ызыңдан ковгы болаймасын!

— Дөде, бир атлы гелйөр.

— Нөхили атлы?

— Гара дор ат, дөде!

— Гара дор ат болса, оглум, ол атың гөзи чакандыр. Гүн чыкан болса, гүнүң тейине гачыбер. Чакан атың гөзи гүне болмаз. Гүнүң тейине тарап гачыбер — дийди.

Чакан атың гөзи гүн билен чакышып, кө ерде бүдрөп, кө ерде сүршүп, бу хем галыберди.

— Дөде, өнө хем бир атлы гелйөр.

— Нөхили атлы?

— Ал ат!

— Ал ат болса, өтөн йыл готур боладыр. Готур малың үч йыла ченли тейиниң авусы өчмөзмишин. Токайдан-токая, жеңделден-жеңделе тутубер, оглум!

Токайдан-токая, жеңделден-жеңделе тутуберди. Готур ат кө ерде жеңделе сүйкенип, кө ерде агажа сүйкенип, бу хем галыберди.

20. Гелип, Үчгүмmez дагында чертек әдип, месгең әдип, бу ерде болуберсинлер. Жыгалы бег элине ак яй ясап берди. «Оглум, мейданда ав атыбер!»

Өр непеси билен дөрөн оглан. Атан окы ере дүшенок. Кейик, гулап, сүлгүн, товшан атып әкелип дур, непакалары шу.

21. Бир гүни кервенден үзүлип галан, төзө гузлан сыгра саташды. Танасыны гужагына алып гайдыберди. Гетирди чатмасына. Чола ерде өзлери үч адам, ак булак болдулар.

22. Ене бир гүн мейданда ав авлап йорди. Испихан барян кырк галандар пейда болды муңа:

— Оглап, бу ерде нәме ишләп йөрсүң?

— Шу ерде өйүмиз бар — дийди.

— Өйүң болса, бизи таңры мыхманы алармың? — дийдилер.

— Дәдем бар, геңешейин — дийди. Гелип дәдесине геңешди.

— Дәде, бирентек галандар таңры мыхманы болжақ диййәр. Олара нәме жогап берейли?

— Оглум, таңры мыхманы гелип, ишигимизе гелип гайдан ери ёкдур. Бар, әкел, алажы болар!

23. Бу галандарлары тиркешдирип элтди. Кырк әшек Жыгалы бегиң чатмасының төверегинде хаңкыршып, жай тапсын-да.

— Хань, дәде, булары әкелдик, инди булара нәме бержек?

— Оглум, таваң отугандыр. Сыгрыңы сой! — дийди.

Сыгрыны сойды. Башга хызмат этжек адам ёк. Бир Гүленнам еңдеси бар. Ики сыныны билине уруп, билегини чызгап, бу гүн галандан, әрте чәш галынча, Гүленнам еңдеси хызмат этди.

Галандарлар жогап алып гайтжақ махалында, буларың баштутанына Абдылла галандар дьерди.

— Хав, галандарлар, бу көрүң, бу нерессе огланың элинде мунуң канахат эдиң отуршына, мунуң хызмат эдишине, мунуң пәкизелигине, шуны тарып эдиң гитмесек болмаң! — дийип, Абдылла галандар Гүленнамы тарып эдиң, шу ерде бәш келеме сөз айдар гөрек.

[24. Овалы-ахырыны билген бир худадаң айланай.

Батылы-захырыны билген өвлүйөдөн айланай.

Он секиз мүң өлеми өз нурудан халк әйледі.

Тәрбиет кылуwжы патышадан айланай.

«Иймегин бугдайны!» дийп, эmr әйледі первердигәр,

Ийиш хемдада болан Адам-Ховадан айланай.

Адамы-Хова эне бәс әйледі перзент үчин.

Ол себәдден дүниә гелген Шиш әнбиядан айланай.

Абдыллайы-галандар айдар худага разыны.

Затыйы-пәкден болан гашы гарадан айланай.

25. Бу сөзи айдып, галандарлар жогап алып гидибәрди. Шу гелен галандарларың ёлы Арабыстан илатындан дүшди.

Ол ишиге баряр, «таңры мыхманы алан киши бармы?» — дийип, бу ишиге баряр «таңры мыхманы алан киши бармы?» — дийип. Бир адам айтды:

— Хав, галандарлар, сиз бәш авара — он авара болуп дүшсөңиз, ким алмаяр сизи!

— Биз беш авара — он авара бөлүнип дүшмөйөрис! Бизин кыркымызын дехнимизден чыкан адамыңка дүшйөрис, болмаса өтүбөйөрис.

Онда ол адам айтды:

— Хав, галандарлар, бу илата сизин кыркыңызын дехниңизден чыкжак адам эк. Арабыстан илатынын патышасы, ханы шол сизин дехниңизден чыкмаса, башга пукара сизин дехниңизден чыкабилмеа.

26. Галандарлар сүрүп, Рейхан Арабын баргахына гелдилер. Рейхан Араба хабар бердилер:

— Тагсыр! Бирентек галандар таңры мыхманыдырын дийип гелди.

Рейхан Арап:

— Барың, мыхман алың! Өзбашына бир жай бошадып бериң! — дийди.

Өзбашларына бир жай берип, галандарларын чайыны, теммөкисини, кабласыны, нешесини бедессур этдирип, хупдандан соң буларын янына гүррүңе гелди. Арап гелип, мүттеканын гапдалына гечип, гүдери күп-жүни тирсегине ташлап, парсаң ялы болуп агдарылып ятыр.

— Хов, галандарлар! Сизлер жаханкешдиге огшысизлер. Яланчыда нөмө кеп-гүррүң бар? Яланчынын дурмушындан гүррүң этсеңизле!

Бу патыша боландан соң, галандарлар мундан сетхезар гысыларлар.

27. Абдылла галандар айтды:

— Эй, тагсыр, патышакым! Саңа гүррүң берсек, шу ёлдан гелйөркөк, Үчгүммез дагында, бир четекде мыхман болдук. Шонда бир машгала гөрдүк, яланчыда ики болса — бири; еке болса — өзи! Шоны саңа хак ярадан, тарып эдип, бир сөз айдып берели. Онсоң мейханаңдан ковма-жак болсаң, бизи гысындырып отурма! Дерев ёюл шу ерден!

28. Арзымызы эшит ², Арабын шахы!

Гүленнам дек сөвер яры гөрмедим.

Он дөрди гижөниң миневвер айы.

Гүленнам дек сөвер яры гөрмедим.

Голлары хыналы, бендинде йүзүк.

Эдеп билен сөзлөн, гөзлери сүзүк.

Сурайыл гөрдөнли, биллери нөзик.

Гүленнам дек перизады гөрмедим.

Йүрегмизден чыкмаз даг үзрө дагы.

Хоп-нөзик ясалмыш башдан-аягы.

Тер новчалы, төзе гучмалы чагы.

Гүленнам дек сөвер яры гөрмедим.

Мен чыкмышам Көбе дийип элада.

Барча гулны хак етирсин мырада.

Абдыллайы, бу яланчы дүйнөдө

Гүленнам дек сөвер яры гөрмедим.

29. Бу сөз айдаңдан соң, Арап заңдар ыргып еринден туруп, «хак!» дийип, гурсагына бир уруп, чиң аркан дүшүп гайдыберди; эссинден гитип, чашып ятыр заңдар! Галаңлар хайран болды муңа, «нө жыи урды бу заңдара!» Шу ятувыма үч сагатдан соң өзүне гелип, дивалына үмлөп гойберди. Дивал барып, газынаханадан зерли серпайдан алып гетирип, галаңдарларың хер хайсының өңүндө бир серпай эплөп гойды. Галаңдарлар серпай гейип, гомпаршып, гуллул эдиш отурдылар. Онсоң Абдылла галаңдар сорады:

30. — Хав, тагсыр! Бу нәмәнің серпайы, нәмәнің берими, дешгешя, энгамы?

— Хав, галаңдарлар! Сиз худаи тараындан гелен ээиз мыхман экениңиз. Мен Гүлөннам диен гызы, Ширван велаатының патышасының гызыны 1 500 тылла галың берип, өзүм алжак болуп гетирйәрдим. Бирден гелйәркөм, кырк гаракчы пейда болды, «алла!» дийип, ат гойдулар. Урушайын дийсем, гапылдым — ярагларым бентди, яраглары алмага салым болмады. Онсоң көжөбөни ташлап, атым билен өзүм гачып гутулдым. Мен кырк атлының Испихан Нисби-жахан, Нишавур, Севдигар, Гермиян, Осман, Хезирбегжан, Хирц-Рован, Тевриз, Арабыстан — хайсы юрдуң адамсы экендигини билмән ятырдым, ол заңдар-а тап мениң голтужагымда ятан экени!

31. Абдылла галаңдар айтды:

— Хав, галаңдарлар, согап дийип, гүнәнің ломайына батдык герек! Ол нересселерің екеже сыгрыны сойдурып, дузуны ийип, бу ере гелип яманлап, гаммаз болдук. Гаммазың жайы жөхөннемде болса герек. Мөнің диеними этсеңиз, шунуң серпайының хем зенини . . . дузуның хем гурбаны гидейин, мундан гөжө атланайлың! — дийип, галаңдарлар серпайыны чыкарып, мейхананың муршуна урдулар. Галаңдарлар атланып, гижәнің ичинде гайдыбердилер.

32. Пах, бу галаңдарларың атлананы — Арабың . . . ! Дессине гарры арап аты гетирип, зер, ёна, жүп айлы тегмеден гондурып, мүвди ата. Өз етик ери — басды ата гамчыны. Үч-дөрт гүне галман, ыңдарып гелди. Якын гелиберенде, Рөвшениң байталының ысыны алып, бир хайкырып кишчеди, тап токай гүрлөп-гүрлөп гитди.

Муны эшидип, Рөвшен еңдесиниң янына гелип:

— Хав, еңде жан! Бир гүррүлди бар, гаплаңмы, ширми, билмедим нәмәнің овазыдыгыны.

— Рөвшен жан! Гаплаңы-да билмен, шириңи-де. Мен сениң элиңден гитдим.

— Хай, еңде жан! Ол ничик?

— Арап саңа бир ерден хабар тапып гелйәр. Шонуң атының кишчеши би!

Оглан горкды:

— Алла, еңде жан, Арап гелйән болса, мөн гачып, бир ерде гизленсем, ничик боларка?

— Рөвшен жан! Хер затдыр гүйчли ганымдыр. Гачып гизленсең, гизленәгай.

33. Рөвшен гачып, бир яңа гизленди. Онынча Арап заңдар хем гүрлөп, харлап гелди. Гүленнам хем чатмадан чыкып, салам берип, отуржак болуберди.

— Хав, заңдар, отурма! Мүн атың сыртына!

— Эй Арап! Мениң болжагым болупдыр, бой хем сыныпдыр. Инди мени ил-жайымдан гозгама.

— Пахай, заңдар! Мүн атың сыртына!

— Хов Арап! Саңа бир гүррүң бар.

— Неме гүррүң бар? — дийип сорады.

34. — Гүррүң шо: мен шу вагт сениң билен гитсем, бу нерессе оглан маңа гаргар, «еңдем хем мениң, элимде бойны ёгын тапман отурап экен. . .» — дийип. Мунуң гаргышы мени ерден галындырмаз. Сен бун [бу гүн] гит-де, эртир гел. Гел-де: «Оглан! Еңдең бир сув берсин!» дийип айт. Мен саңа сув берен киши болайын, сен мени басып өкиден киши бол. Неме гаргасалар, саңа гаргасынлар. Себеп шу: сен булара душман. Душман душмана гаргыш көр этмезмишин.

35. — Хайыр, ягшы! — дийип, гайтды заңдар Арап. Рөвшен гелди бир ерден.

— Рөвшен жап, оны алдап, огшап, бир хова гайтардым. Ол заңдар айрылышмаз, эртир ене гелер. Гелсе, шонуң атыны байталыңа диле. Онуң аты хем сув атының дәлүдир. Сениң байталың хем сув атының дәл. Шондан бир ат догса, ат етишип, өзүң етишип, онсоң бир деңлигиңи тапмасаң. Хәзирки кепиң гыгасы — элиңден бир гидйерин.

36. Эртеси гүн чаш галып-галманка, Арап заңдар ене ыңдарып гелди. Рөвшен хем өңүнден чыкып, шапба жылавланды:

— Ав, ага! бирже байталым бар, хөвре гелипдир. Чөл ерде ат тапман хеләк болуп йөрдүм. Шу атыңы маңа хөвре бер! — дийип сорады.

— Йит-ә, ёюл, зениңи . . . , етимче! Хели муңа байтал сийдигини ысгадан ерим ёк.

37. Хабары кимден ал? — Гүленнамдан. Чатмада селкирәк-селкирәк кепләберди.

— Алла, йигидиң атына бак-а! Алла, йигидиң алашасына бак-а! Алла, йигиде-де иш дүш-дө. . . Оны бу яна иберип дуран ким? Оны иберип дуран биз оны. Иң соңунда мени атың харам сийдигине алмажак болдуңмы, заңдар! — дийип, чатмада селкирәк-селкирәк кепләберди.

Чатмадан якымлы кеп чыкыберенсоң, өзүңизе белли.

— Ана, аты нәтсең, шоны эт! — дийип, атдан дүшүп, аты тойды-да, чатма өтәгитди.

Ат дашарда, Арап ичерде. Мес ат, деме гелен байтал, үч ашырды. Ичерде нәме боланының беллиси ёк. . . Онынча Арап чыкды. Гелип, атына мүнүш:

38. — Оглан, инди биз гайтжак. Еңдең bize бир сув берсин! — дийди.

— Ханы, еңде жап, Арап сув берсин — дийип айдар.

Пөх, Гүленнам еңдесине-де гөрөк болупдыр. Ады бег солтандан галан алтын жамы алып, сув салып, чатмадан бурраңлап, кейинчирәп, жүлгө ташлап, гелип голуны узатды. Жамы голундан гаңрып алып, сувун дө-

күп, койнуна урды. Гүленнамың билегинден тутуп, бир чекди — атың депилгисине чыкарайды. Өзи гөвүнли заңдар «асылсам, голтугымы сөкер» — дийип, ыргып мүнди Арабың сыртына.

Атың жылавун дөндөрип, басды ата гамчыны. Рөвшен-де аглап, пыядалап, ызына дүшүберди.

39. Арап шу гелувда гелди Аразың чайының үстүндөн. Басды ата гамчыны. Ат он — он бөш гез аңырсына дүшүп, дашы опуруп, ол гитди. Рөвшен хем мунуң ызындан гелип, сеңриди, өтөн ызыны гөрүп: «Ө-ө заңдар Рөвшен, сениң байталың бир ат догжак, ол-да еди яшажак. Онсоң сен хем шулар ялы Аразың чайындан товусдырып, онсоң барып арыңы алжак-ов сен! . . . Бу атың үстүндө Гүленнам еңнем хем бардыр-ов». . . — дийип, муңалып-йыглап отырды. Ене-де өзүне өзи айтды: «Эй дөли көңлүм, мелул болма!» дийип, Гүленнам еңнесини ят эди, дөряның боюнда зар-зар йыглап, бир бөш келеме сөз айдар гөрөк, гөр-бак, нөме диййөр:

40. Дөли көңлүм, мелул болма,
Мениң хем багрым баш олды.
Гелди гүйчли ганым уграп,
Этмеди, гүйжүм яш олды. . .

Мен атадан еке олдум,
Гайгы, хесрет билен өлдүм. . .
Дагларда муңалып галдым,
Атым ёк, ёлум даш олды.

Агладым, багрым эзилди,
Гамың сазлары дүзүлди,
Йыкылып, ордам бозулды,
Дөли көңлүм серхош олды.

Рөвшенем, гөрдүм өзүмден,
Хезер этмеди сөзүмден.
Йыглайып галдым ызындан,
Гүленнам менден даш олды.

41. Бу сөзи айдып, дөнүп, ызына гайдыберди. Шу гелувуна токайың ичинде азашды. Азаша-азаша ярым агшам дөдесиниң четегини тапды. Ядап баран оглан бир ян четде уклап галыберди.

42. Эртеси Жыгалы бег намаза туруп, намазыны окая болуп:

— Оглум, тур, тур! — дийди.

— Хө, нөме, дөдө? — дийип, хасырдыклап тураберди.

— Оглум, сениң байталың бир ат догяр. Мен өтөн агшам дүйшүни гөрдүм. Өзи хем айда бир яшайр.

— Дөдө, хачан догяр? — дийип сорады.

— Гөлжөк йыл шунлар догар — дийди.

— Гөлжөк йыл шунлар нөче гүнден боляр, дөдө? — дийди.

— Сабыр эт, оглум, ховлукма, басым болар — дийди. — Байталыңы бак, перевиш эт-де гезибер.

— Хайыр, ягшы.

43. Байталыны бакып, бежерип гезиберсин. Байталың айы-сәхеди долуп, бир гүн мейданда бакып йөркө, бир тазың чагасы ялы, бир зат ташлады. Эсеван этсе, өзи эркек. «Алла жанларым, болжак тай шумыка я башга бир затмыка?» — дийип ой этди. «Гел, хер зат хем болса, дөдөме бир гөркөзөйин» — дийип, гужагына алып гайдыберди. Гетирди дөдөсиниң янына.

44. — Дөдө!

— Хав, оглум!

— Байтал-а бир зат ташлады. Болжак тай шумы я гиңелтжек болуп, тайдан өпүрги бир зат чыкармы?

— Хань оглум, алып гел, гөрсейин!

45. Жыгалы бег сыпалап, сермеләп гөрүп:

— Оглум, болжак тай шу! — дийди.

— Хәлки гарры бидөвлет заңңар-а, нәмә яманлык этдим меп саңа!

— Ха, оглум?

— Бу кырк йылда хем адам гөтермейәр.

— Ховлукма, оглум, басым гөтерәр. Энеси билен Аразың чайының боюна гойбер. Адам назары дүшмедик ерде гезсин!

46. — Хайыр, ягшы! — дийип, энеси билен Аразың чайының боюна гойберди.

Гүнде үч вагт — дөрт вагт өзи барып барлаяр. Адам назары дүшмесин дийсе, өзи хем гөзүни юмуп барлап гайдыр. Тайының дүңкүлдәп гезип йөренини, гырчыллап от пийип йөренини гулагы билен эшидип гайдыр.

47. Бир гүн барса, тайының дүңкүлдиси хем ёк, гырчылдысы хем. Адыррак барып, гулак асыр, бөррәк барып гулак асыр, хи мунуң гулагына дегйөн зат ёк. «Алла, гөзүми ачып гөзлемесем болмады. . .» Гөзүни ачып гөзлесе, тай Аразың чайының адырсында гезип йөр. «Ишим гайтды: түвелей-шөмәл тоғалап, аңры өтүрәйипдиоров муны. . .» Мөх-мөхлийәр, тувшейитлийәр, гуррайытлаяр, пелек-первайына дөл, гезип йөр.

48. Бир махалдан ики санак меле донлы, меле пешли гарры баба пейда болды. Гелип, тайы тутуп, тайы сыпалап, сермеләп, жылавуны гайралыгына гаршы дөндериң, хер хайсы сагырсына бир шапбат чалды. Тай секирип зыңды Аразың чайының арка боюна — кырк гез бәрсине дүшди. Ояна-буяна чапдырып, ойнап йөр тайы. Муны гөрүп, йүгүрди дөдөсиниң янына гаршы.

49. Гелди хашлап, дөвүшип, йүреги ичине сыгман, тап бедене тутан адам ялы-да.

— Эй оглум! Хөкман тайыңы гөрүпсиң гөрек?

— Ёк, гөрөмак, дөдө!

— Ёк, оглум, гөрүпсиң, гөрүпсиң! — дийди. Гөрениңи деррев айт, оглум. Болмаса, йүрегиң ичине сыгманы, йүрегиң ярылып өлерсиң, оглум!

— Хайыр, ягшы, дөдө! Тайымы гөреними саз билен баян әдейин — дийип, тайыны гөренини дөдесине гаршы гарап, баян әдип, сазыны голуна алып, бир бәш келеме сөз айдар гөрек.

50. Дөдө, саңа арзым айтсам,
Араз чайдан гөчди Гыр ат.
Бир хұммет етди мөвламдан.
Ганат баглап учды Гыр ат.

Көйнекчесин әтсем зәрден.
Зеркешин тылла зәрден.
Хұммет етди әрден, пирден,
Деря кимин дашды Гыр ат.

Ятды, еди гүн уклады.
Гыр ат ёлуны саклады.
Араз чайындан оклады,
Кырк гез бери дүшди Гыр ат.

Рөвшенем, айдар я Жәпбар!
Шахымердан, бол медеткәр!
Жылавунда ики пир бар.
Өлинчө ёлдашдыр Гыр ат.

51. Бу сөзи айдандан соң:
— Бар, оглум, тайыңы әкөл! — дийди. Рөвшен тайы әкелди.
— Оглум, бир еркүме газ! — дийди — Үстүни гайым басыр, ериң тейинде кырк гүнләп бак!

52. Ериң тейинде кырк гүнләп бакды. Кырк биринжи гүни:

— Бар, оглум, тайыңы әкөл! — дийди. Барып, тайы идиң гөтирди.

53. Жыгалы бег сыпалап-сөрмеләп гөрүп, бир ере геленде:

— Шу ерден бәрик гүн дүшүңдир, оглум!

— Ёк, гүн дүшен дөлдир, дөдө — дийип, Рөвшен жогап берди.

— Бар, әсеван әт, дүшендир!

54. Барып, әсеван әтсе, яңкы ерден бир азрак ышгалаң, гүн дүшен әкөн. Раст әкөн дөдесиниң айданы, гүн дүшен әкөн. — Әнтөк болмандыр. әйсе, оглум, бу яңкы ерини гайым басыр-да, ене кырк гүнләп бак!

55. Ене кырк гүнләп бакды. Кырк биринжи гүни ене «Гөтир!» дийди. Гөтирди. Жыгалы бег сыпалап-сөрмеләп гөрүп:

— Оглум, тайың кеми-хә галмандыр. Йене ериң тейинде бирнеме хапалаңдыр бу. Мунуң погтасыны, догабагыны, әшиклерини сырып алып, ялаңачлап, Аразың чайының боюна гөйбөр. Бир селеңләп, гөвнүни ачсын! — дийди.

56. — Хайыр, ягшы! — дийип, хөмме әшиклерини сырып алып, ялаңачлап, Аразың чайының боюна гөйбөрди. Әмма айдан сөзүне ягшы дие [диййөр] велини, «Ай гарры бидөвлет, кепиңи-хә көмелдйәсиң, бир

ишин үстүндөн бараймасаң. . .» — дийип, ичинден пикир эдйөр. Дийсе-де, дедесиниң райыны йыкабиленок. Тайы гойберип, бир бейик депениң үстүнө чыкып, кейи эдиң, гөзлөп дурубурсия.

57. Пәх, сегсен гүлөп ериң тейинде бакылан тай: акжа юмуртга ялы тогаланяр-да, гөз ачып юмянчаң, докуз ашырылар. Тай бир агынап туруп, гүрре бир силкинип, кыбла гарап, гуругыны жайтардып, зык чыкып өтөгитди.

58. Бу-да өң этегин дишлөп, берди ызындан пайырдыны. «Мөтувшай, гуррайт, мен мунда, айт!» — дийип гыгырды. Ай «тувшейдиңе, гуррайтыңа» гулак асдымы! Гөзүндөн гайып болуп өтөгитди. Бир мейдан йүврүп халыс ядады. «Әх, гарры бидөвлет заңдар-а!» — дийип, дедесине дуран еринден көйөди. «— Бир ишин үстүндөн баржакдың, бардың-да дындың. Онда ол, мунда бул дийип, кепиңи көчөлдүшүңдөн-де билйөрдим. . .».

59. Оглан дуран еринде ойланды. «Мен озал эйямында эшидйөрдим: хер кимиң өйүндө гаррысы болса, гаррандан соң, аркасына гөтерип, дагдан өтүрип ташлап гайдяр дийип эшидйөрдим. Дагдан өтүрип, ташлап гайдып — бу гарры пақырларың нөмө зелели дегйөркө? дийип гөвнүмө гелип йөрди. Хер кимиң өйүндө гаррысы болса, шулар ялы зелели дегйөн экени мунуң. Инди мен шуны аркама гөтерип, дагдан өтүрип ташлажак болуп, азара галып йөренимден, барып богуп өлдүрөейин-ле шу аксакалы?» — шундан йүгүрди дедесиниң янына гаршы.

60. Гелип, сөн ёк, мен ёк, дедесиниң тутды якасындан шатырдадып, товлаш.

— Ай, оглум! Нө бела болды?

Бу-да чатманың арткы өресине гайым япышды. Бу бөрик чөкйөр, бу-да гайым япышыпдыр. Чатманың арды лиңдилдөп, галып-галып гидйөр.

61. — Вах, оглум, хабарыңы бер, хабарыңы!

— Хабар шу, гарры бидөвлет! Деррев иманыңы өвүр!

— Ай, оглум, мениң иманы гиденем не гайгың сениң! Сакгал болса ёлунды, яка болса йыртылды. . . Хабарыңы бер, хабарыңы!

— Хабар: тай гитди!

62. — Отур, оглум, сабыр эт. Тай хич яна гитмез! Оглум, бир гөмме чөрек бишир. Ярыны маңа бер, ярыны гушагыңа сал. Тайың ызындан кыбла гарап өтөгит! Ики гүн ёл йөрөп, үчүлөңжи гүни бир чынар тейине барарсың. Барсаң, бир аксакал баба намаз окап отурандыр. Бар-да намазына уй. Хупдан он ики киши болар, ярым агшам кырк киши болар, даңа якын үч йүз алтмыш эренлер шол ерде жөмлөшөрлер. Шол ерде тайыңы хем элиңе берерлер, оглум!

63. — Хайыр, ягшы! — дийип, бир гөмме чөрек биширип, ярыны дедесине берип, ярыны гушагына салып, тайының ызыны алып, кыбла тарап өтөгитди. Ики гүн ёл йөрөп, үчүлөңжи гүн бир чынар тейине барды. Барса, бир аксакал баба намаз окап отыр. Барып, намазына уйды. Хупдан он ики киши болды, ярым агшам кырк киши болды. Даңа якын үч йүз алтмыш эренлер шу ерде жөмлөшдилер.

64. Бу-да ядап баран оглан, бир четде уклап галыберди. Эренлер жемлешип, «Бу не оглан-ха? Бу не оглан?» дийишиберди. Онда Хыдыр алайыссалам айтды:

— Бу бизиң непес оглумыз бу!

— Сениң непес оглуң болса, хайсы кишиң өвладындан бу?

— Бу Адыбег солтаның оглы, Жыгалы бегиң агтыгы бу.

— Алла, дек кишиниң өвладындан дөл экени. Биз шу вагтлар жемкөк, даргамакак, шу огланы максадына етирасак, ничик боларка?

65. — Хайыр, ягшы болар! — дийип эренлер маслахатлашып, Рөвшени ятан еринде бейхуш этдилер. Гарыны ярып, ичиниң багрыны ювуп, арасалап, ичини нурдан долдуруп, ене жайба-жай гоюп, барча эренлер пата бердилер.

66. Асгырып, еринден тураберди. Шерабан-техурдан кырк-да бир жам бердилер. Оны ичип, мес болуп, ене йыкылды. Ене эренлер пата бердилер. Ене асгырып, еринден турды. Соңракы турандан, «Дат, тайым!» дийип турагелди.

Хезрет Али шири-худа пир бир награ чекди — тай энесиниң янына гелен дек хокранып, кишңеп гелады.

67. — Ине оглан! — дийип, тайың танапыны элине бердилер.

— Ав, Хыдыр алайыссалам! Сен бизиң непес оглумыз дийип айд-ярсың. Бу огланың месгени чөлде гөрүйөр мунуң. Муну гапы-гапы элендирип йөрмөлиң. Атының, өзүниң үсти-башыны шу ерден шайла-лың! — дийип, эренлер мунуң атына бир гылдан эер гоюп, махмал дер-лик, гундары ёна, тылла гайышлы эер, зерешпан сечекли көйнекче, гүдери күшжүн чүп айлы төгмеден дартып, зүмерретден болан алагайшы Гыр атың башына салып, өзүне-де сагыр эдик, шемли гушак, гундуз сопбач, переңи мавут чөкмен гейдирип:

68. — Оглан, мүн атыңа! Оглан, сөн атыңы, өзүңи мүбөрөклөп, бир нама гайыр. Сениң гөвнүң тайханчылыкдамы, багышчылыкдамы, я мол-лачылыкдамы? Сениң угруңы бир аңлашайлы!

— Хайыр, ягшы! — дийип, атыны, өзүни мүбөрөклөп, эренлериң гашында бир бөш келеме сөз айдар гөрөк.

Арап атың тарышыны айдалы.

Хер хунәри үч яшында беллидир.

Боз думан аяклы, бәзбент тойнаклы.

Гөзи даг башында, бурны еллидир.

Үч яшындан гадам гойса бөшине,

Уянлаңда, гол етмесин башына.

Авчы кимин гөзи дегре-дашына.

Уграса, сөвөшде бесе-беллидир.

Нер кимин мес болар еди яшында,

Етер, гапымлары гетир гашында.

Лачын кимин гөзи дегре-дашында.

Уграса, сөвөшде бесе-беллидир.

Арап атың арзув-жаны тендедир.
Пирим шахымердан! Дестим сендедир.
Рөвшенем, азыккыжа бендедир.
Теблебашы, долы ага елдадыр.

70. Бу сөзи айдандан соң:

— Хова, оглан, сениң угруңы аңлашдык. Биз шу вагт жемкөк, даргамакак, о дүңйө — бу дүңйө нөме гөвүн-максадың болса, бизден диле.

— Мениң дилегими берсеңиз, атыма, өзүме йүз йигрими яш бериң. Атыма, өзүме йүз йигрими еримден яра дүшсе, йылдыз дегенде гутулайын.

71. Эренлер пата бердилер.

— Оглан, кеминң галмасын, ене диле! — дийдилер.

— Ене дилегими берсеңиз, душман элине дүшсем, тиз гутулайын. Гылыжым күпбара дегсин, мусурмана дегмесин.

Эренлер ене пата бердилер.

— Оглан, кеминң галмасын, ене диле! — дийдилер.

— Ене дилесем, ахырет гөвхер иманымы бериң. Етмиш ики дили гөвнүме аян эдиң!

Эренлер ене пата бердилер. Үч мертебе пата берип, гайдып «диле» дийип айтмадылар.

— Дат, эренлер! Өлемде, ызым йитмез ялы дийип, бир зүрят бере-
вериң!

— Хав, оглан! Саңа үч мертебе пата бердик, кеминң галмасын дийип. Шол паталарың ичинде болса боларды. Инди ол айданың болмаз — дийдилер.

72. Рөвшен гөвүни бир юмды — гөвүнден яш пайрап етөгитди. Хапа боландан соң, шир-худа пир чыкып:

— Оглум! Сен хапа болма. Мен саңа өзүм бир непес эдейин, тө кыямат-ахырзаман болячча, адың еди яшардан етмиш яшара ченли бенделериң лебзинде гезсин! Адың ериң тейинде ятмасын — дийип, шир-худа пир непес этди: хәли-бу гүн айдылышып гелши шонуң непесинден.

— Менден саңа нышана болсун! — дийип, дүйрме гылыжы билине дакды.

— Ай, Хыдыр алайыссалам! Сен бизиң непес оглумыз дийип дий-йәрсин. Мунуң адына ким гойдуң?

— Мунуң адына Рөвшен гойдум.

— Алла, гөч йигиде ярашжак ат дәл экен гоян адың. Зеңаның адыны гоянган экениң-дә.

— Онда гараңкы юртдан ягтылык юрда чыкды дийип, Рөвшен ат гоядым-да.

— Ә-ә... эйсем гөрдөн чыкды дийсене! Ады Героглы болсун! — дийип, Героглы ат гойдулар.

— Оглан, угруң шу ян! — дийдилер. Бейлесине бир гөзледі — эренлер гайып болуп етөгитдилер. Худайың беренине шүкүр эдиң, атыны мүнүп, дәдесиниң чертегине гайдыберди.

Гара гөрнүм геленден соң, атдан дүшүп, атыны идиш гелип, атыны баглап, гол говшурып:

73. — Эссалавмалейким, дөдө! — дийип, гелип, гөршүп, «аманлыкмы» дийип, гөтинжеклөп, чөк дүшүп, хай әдеплиже болуп отыр заңдар!

— Ха, оглум, битөредрөк, позгаграк гөрүнйөрдиң-ле, баяк мени елдүржек ялыдың-ла. Мусурманчылыгың бир четинден инишиң гөрөк. Ханы нөмө гөрүп-әшитдиң, бер хабары!

— Мен гөрүп-әшиденими саз билен беян әдейин — дийип, сазыны голуна алып, гөрөн-әшиденини хабар берип, дөдөсине гарап, бир бәш келемө сөз айдар гөрөк.

74. Гафлатда ятырдым, гелди эренлер,
«Тур гапыл ериңден, оян!» дийдилер.
Гөзүм ачып, гөрдүм жүмлө жаханы,
«Ол дуранлар Шахымердан!» дийдилер.

Гафлатда ятырдым, ачдым гөзүми.
Эренлер пайына сүртдим йүзүми.
Окутдылар — хак сөзледим сөзүми.
«Етмиш бир келмәни аян» дийдилер.

Эренлер жем болуп, базар әтдилер,
Мунапыклар ондан хөзөр әтдилер.
Пирим Шахымердан назар әтдилер.
Кырк жамы долдурып, ичгин дийдилер.

Эренлер жем болуп, мундан гөчдүлөр,
Сырат көпрүсүңден бир-бир гөчдилер.
Көвсөр сакысыңдан шерап ичдилер.
Ичән шапбазлара солтан дийдилер.

Көроглы бег айдар, кемине, бенде,
Пирим Шахымердан! Дөстгирим сенде.
Бәш вагт намазың оқыгын гүнде,
«Ахырет ёлдашың иман» — дийдилер.

75. Бу сөзи айдандан соң:

— Аю, заңдар, иш битирип гелиңдир-ө! Алла, йигит хем иш битириңдир-ө! «Аят» дийдилер, «гурхан» дийдилер, «намаз» дийдилер. Саға мерез дийдилер, зөхөр дийдилер, заңдар! Сен, заңдар, эренлери жүп гөрүп, райдан гайдып, сопучылык патасыны алып гайдан ага дьер саңа! Сен, заңдар, иң соңунда битиржек ишиң: гүпбирәге-де меле дон геер, көнө шоркулдама көвүш месини геер, бир ятак сопбач хем геер. Төверегинден бәш-алты бизи айлап, өңүни-ардыны ювуп, хайсы ерде бир акар сув барка дийип, агзына гарыш ярым сокар-да гезер йөрер-дө. Иң соңунда болжагыңдыр-да сениң шол. Ёгсам нөмө болар өйдөң, заңдар! Ахыры

эренлери-хә жүш гөрүпсиң. Шопда нәме ёлда, нәме пишеде бол дийип айтдылар? Хабарыңы берсең-ә, дүзүв бер. Ёгсам мундан хабар болмаз!

— Ондан хабар болмаса, мундан болярмы, дәде?
Дәдесиңе гарап, бәш келеме сөз айдар гөрөк:

76. Гезел патыша бизе нама гөндерди.

«Шаның ордасына бар, Жыгалы оглы!»

Пирим Алы шерап берип гандырды.

«Өлинчә, дөвраны сүр, Жыгалы оглы!»

Кыямат агмалы-нама гөвсүмдә.

Ылахымдан берлен Гырат астымда.

Пирим берен дүйрме гылыч дестимдә.

«Күпбара гылыжың чал, Жыгалы оглы!»

Сагыра халыма үстүме гелди.

Не ёвуз сөзданы башыма салды.

Агладып, эңредип өңчеми алды.

«Арапдан арыңы ал, Жыгалы оглы!»

Румуң шасы бабам гөзүн алдырды.

Йүрегими гам-гуссадан долдурды.

Газап эдип ялгыз агам өлдүрди.

«Ганымдан ганыңы ал, Жыгалы оглы!»

Алладан өзгәни пежәт диймедим.

Алыдан өзгәни уссат диймедим.

Бир арманым галды — зүрәт диймедим.

«Ожагың кеч басая, көр Жыгалы оглы!»

Эренлер жем болуп, мунда гелдилер.

Йыглашыбам, бизе пата бердилер.

Рөвшен адым — Көроглы дийип гойдулар.

«Ругсатдыр, ёлуңа бар, Жыгалы оглы!»

77. — Ай, оглум, ине бу сөзүңден канагатландым. Ине бу хабарың ятшы. Хан эренлер нәме берди? — дийип, Жыгалы бег сермек-сүрмек эдиберди.

Яңкы дүйрме гылыжы өңүнде гойды. — Ене нәме бердилер? — дийип, ене сермениберди.

— Ёк, башга зат беренеклар.

— Хөрнә, шу беренлери гылычмы?

— Хава.

78. — Бай, эренлер хем сахы экен-ә, жошан экен-ә! Мундан яраг болмаз, оглум! Мунуң битиржек ишини. . . гурбатың болса, жай еринде аш пычак хем битир.

— Хай, бермеселер, нәдейин, дәде! Беренлери-дә шу.

79. — Бермеселер, оглум, Испихан Нисби-жахан диенлери, юрда ярпы шекилли. Испиханда дөрт усса бир ок-яй ясап чыкандырлар. Үч йылда бина кылып, лаглы-жовахырлардан, агыр мерҗенлерден, алтын-күмүшден ясап чыкарандырлар. Ол уссаларың шерти: шоны чекен адам болса, бир пул бермән алярмышын. Чеке билмейән адам болса, 400 тылла утдурярмышын дийип эшидипдим. Шоңа барсаң, оглум!

— Алла, дәде, ол-а бир гайры юрт экени. Мен онуң дилине дүшсәм ягшы.

— Ёк, дилине дүшерсиң, оглум!

Етмиш ики дили диләп алыпды. Хәли оглан ондан гапыл.

— Оглум, Испихан барсаң, галасына барып, кыбла дәрвезесинден гирсең, бир мейдан йөресең, өңүнден бир медресе чыкар. Медресәниң ишигинден барып, «Хабарлашан киши бармы?» дийип хайкырсаң, баякы кырк галандарың башлыгы Абдылла галандар шол медреседе оқып атандыр. Иен дузуны хаклаҗак болса, саңа уссаларың дүканыны тапберер.

80. — Хайыр, ягшы! — дийип, дәдесинден җогап алып, ната алып, ниредесиң Испихан дийип, сүрүп гидиберди.

Ел узак, көп җыгасына ягшы.

Сүрүп, Испихан барып, кыбла дәрвезесинден гирип, бир мейдан йөрәди. Өңүнден бир медресе пейда болды. Медресәниң ишигинден барып:

— Хабарлашан киши бармы? — дийип хайкырды.

81. Абдылла галандар дашары чыкды. Салам берди. Саламыны алды. Көроғлы муны таныды. Бу муны танымады. Барып гайданда, юмрук алыҗак огланды. Инди, хай, атлы, ярағлы герчек гөч йигит болуп барды.

— Хав, ягшы йигит! Хабарыңы бер! — дийди.

— Таңры мыхманы болҗак, галандар!

— Таңры мыхманы болсаң, хан огул, бу ери метҗит-медресе бу. Бу ерде өзүңе җай тапылар-да, атыңа җай тапылмас! — дийди.

— Ай, сен-ә бир төнтөк галандар экениң-ә! Мен сениң кырк эшегиңе җай, от, ийм тапып берипдим. Шу галаның ичинде екеҗе атыма җай тапылмаярмы?

— Хә, сен ким? — дийип сорады.

82. Хә, мән Үчгүммең дагындакы сыгыр союп берен Рәвшен.

82. Пах, галандар йүгрүп гелип, гуҗаклап, атдан алып, аягыны ере дегирмән, гелип хуҗресинде отуртды.

— Оглум, җиҗе-гүндиз намазың ызындан дилегим сенди. Сени маңа хуҗай тағала аңсатлык билән гетирди. Оглум! Китабың буйругы — өңинчә атыңы ерлешдирейин. Атың кишмиш иерми, бүрүңч иерми?

— Эндамлы көрпә арпа тапберағай.

— Атың аягының тейине махмалдан паяндаз дүшәйинми?

— Бир арба чәге дүшәғай.

Атыны ерлешдирип, өз янына гелди. Бу-да бир галаның ичи.

83. — Оглум! Гөвнүң нәме ислесе айдыбер. Сен гөк чай ичермиң? Гара чай ичермиң? Гант эзип иермиң, набат эзип иермиң? Кабла, шеле, сүзме, яхна? — доккуз дүрли тағам захыр кылар-а.

84. — Уч-дөрт гүн боладан соң:

— Ханы, оглум, бер хабарыңы! — дийди.

— Галандар! Шу галада бир ок-яй бармышын. Шол ок-яй дийип гелдим,

— Хайыр, ягшы оглум! Галандарың өзүңиң етик яйы ол!

85. Галандар янында бар төңдөсүни хасаплап гөрди — 400 түмөн тылла етмеді. Ене бырадерлеринден, дең-душларындан карыз алып, 400 түмөн тылланы кісә салып уграды. «Билип болмаз, оглан чеке билмесе, өз янымдан берейин. . .».

Гетирди уссаларың дүканына. Уссалар:

— Хай, Абдылла галандар! Бу нөме оглан? — дийди.

— Ёк, уссалар, бу бир таныш огланым. Шу гала яраг дийип гелип-дир. Онсоң сизиң дүканыңыза алып гетирдим.

86. Бай, уссаларың дүканы өзүңе белли: «Усса ага, бежеревери!» дийип, гетирилип гоюлан ок-яй көп: муңа «Халаныны алсын» дийип күделәп, өңүне үйшүрибердилер. Көроғлының гөвнүндеки ок-яйың хич хайсы чыканок. Муны бу яна зыңяр, муны бу яна зыңяр.

— Тапберсең, дүзүвліреғини тапбериң. Мен булар билен поззам ойнаҗак дәл!

87. Уссаларың халыпасы айтды:

— Яман, оглан, сениң демиң шах гөрүнйәр-ле! Хәли бир ок-яй бар; гетерип гойсак, сен ялы оглан тейинден хем гала билмез!

88. — Хай уссалар! «Гүйҗи етмез гөре галар» диенлери: хер затдыр, гетирің. Бир гөрүп галайлы.

89. Уссаларың халыпасы бир шәгирдине «ичандан алып чык!» дийди. Бир хуҗреден алып чыкды: докуз гат телетинден габы бар, еке-екеден гапдан чыкарып гойды, лаглы-жовахырлардан бена болан ок-яй хуҗрә ялкым берип ятыр.

Яйың сусты басды Көроғлыны. Дәдеси айдыпды: «Оглум, хич ерде горкма. Горкан ериңде, шири-худа пириңи ядыҗа сал!» дийипди.

Шири-худа пириңи ядына салып, яйы алып-да шатырдадып чеки-берди — яйың ики башы эпленип, бири-бирине етип гелйәр.

90. — Хай-хай, оглан! Гүйҗүң зор әкени. Яйы сындырып барярысың, ташлавери бәри!

— Уссалар, «әр — лебизден, кой — богаздан» диенлери. Муны чекев адам болса, бир пул бермән алярымышын дийип эшидип гелдик. Инди чекдик. Сизе бермейәрис муны!

— Әй, әг-а! Бирнөме гол муздумызы бермесең бермейәрис! — Муздуны бермесең муны — дийип, гезәберди.

91. — Хай, оглан! Дәлишге ғылыгыңы гой. Муны чекдиң. Ене бир шертимиз бар: муңуң окуны еди пилден гечирйәрсің.

92. — Хайыр, ягшы! Ол шертиңи битирели.

Көчә чыкып, еди пилиң сапыны хатарма-хатар дикип гойдулар. Еди пиле гарап, кеймир оқы яя долдурып, шири-худа пири чагырып атып иберди. — Еди пилиң ичинден парран гечип өтәгитди, барып галаның гола дөрвезесине урды оқы.

93. — Хай оглан! Пириң зор экени. Бар, яйы саңа багыш этдик!
Галаңдар дөрт йүз түмен тылланы уссаларың өңүнде гойды.

— Ёк, галаңдар! Вадамыз — вада, шертимиз — шертдир. Чекен адам болса, бир пул алманы бержекдирис.

— Ай, болса-да оглана бирнеме хайыр берерине ягшы, алың!

— Гел, хайырлашманы орта салдың — дийип, хер усса бир жүп түмен тылла алдылар, секизи хем дөрт йүз түмен тылланы галаңдара гайдып бердилер.

94. Көроглы хем яйы алып, уссалар билен хайырлашып гайдыберди. Көчө билен гелйөркө, «оглум, сени ене бир ере элтейин» — дийип, ене метжит-медреселере гетирди. Бир хужра гирселер, бир аксакал баба отыр — сакгалы хем ак, доны хем ак, селлеси хем ак, кирпичлерине ченли ак гуа ялы болуп отыр. Бу галаңдарың пири экени, хош Көбил-Ахбар. Төалесе, хужрениң бурчунда бир яшыл найза дур, кишиниң гөзүниң ягыны иййөр. Көроглының гөзи шол найзада. Яңкы пири айтды:

95. — Эй, Абдылла сопы, бу нәме оглан бу!

— Ёк, пирим, бу бир таныш огланым, шу гала яраг дийип гелипдир. Сенден шу найзаны диләп, алып бермәгә гелдим. Шу найзаны шу оглана бер, пирим!

— Ёк, Абдылла сопы! Бу найзаны гөтержек огланың пири өрән зор гөрөкдир. Хер гөзип йөрөн салпы аяга башартмаз бу найза.

— Ёк, пирим, бу оглан энайы оглан дәл. Баякы уссалардакы лаглы-жовахырдаң болан ок-яйы, оны хем чекип алды бу оглан!

Пир гызыберди.

96. — Ай, оглан, пириң хабар бер! Болмаса, бу яна алып бер ок-яйы! — дийип, пир хем бир омзады. Бу пир хем муны сынап дур. Ёгса муны танап дур. Деслап барып, чынар тейинде намазына уян пири шу. Көроглы гайыррак-гайыррак отурып, бу пире гарап, пирини хабар берип, бир бәш келеме сөз айдар гөрөк.

97. Яланчы паныга гелен,
Гелен я хезрет Алыдыр.
Ыслам үчин дин гылыжы
Чалан я хезрет Алыдыр.

Эгнинде ала галканы.
Гелер яйканы-яйканы.
Он ики ымамың талканы
Болаң хезрет Алыдыр.

Дүлдүл мүнөз тозы билеп,
Мудам хакың сөзи билеп,
Пыхамбериң гызы билеп
Болаң я хезрет Алыдыр.

Ат гөтермиш азыгыны,
Хак гечирмиш языгыны,
Пыхамбериң йүзүгини
Алан я хезрет Алыдыр.

Дагларың башы сазалы,
Сөзлеген сөзи мазалы,
Гара атлы, яшыл найзалы
Болан я хезрет Алыдыр.

Багларың сапасы алма,
Саралыбам, меңзим, солма.
Көроглы, сен мүңкүр болма.
Пирим я хезрет Алыдыр.

98. — Хай, Абдылла сопы! Бу огланың пири зор экени. Бар, найзаны алса алагасын, бар, багышладык!

Көроглы йүгүрип барып, найзаны алды. Чыкыбержек боланда:

— Ай, Абдылла сопы, бар, ичандакылары хем багыш этдик. Бу оглан яраг шайны тутасын би!

99. Бу пириң бар задына бу галаңдар етикди. Ене бир хүжрә гирип, бир букжаны голтуклап чыкаберди. Көроглы хем бир найзаны сүйрөп, бу хем гайдыберди.

Көчеден гелйөркө, Көроглының гөвүнө гелди: Алла, муны Абдылла галаңдар хош Көбил-Ахбар диен улы пирим айтды муны. Булар ялы пириң көрханасында кабла, шөхле, сүзме, яхна гайнап дурса герекди. Бизе бир хөдүр хем этмеди-ов бу, көп гысганч экен-ов бу пир. Я шу букжаның ичиндәки күлче, гатламамыка? Мейдана чыкып ийяй, дийди-микә?

100. Галаңдар хүжресине гелип, ачып гөзлесе, күлче, гатлама нәме ишлейәр, буянкы нәме ишлейәр — бетамамы батыр яраглары: алтын якалы совут, голчак, тувулга, шешмер, айпалта, тылла дестли газма, бетамам батыр яраглары! Ай, хуллас Испиханда Көроглының яраг шайны тутян шу галаңдар.

Ене үч-дөрт гүн болды.

— Галаңдар! Маңа жогап берсең, мен инди гайдарын.

— Оглум! Болсаң-да, хызмат әдйәрин; гайтсаң-да, хызмат әдйәрин.

— Ёк, галаңдар! Мен гайдарын — дийип, Гыр аты бир гылдан әерләп, ярагларыны дакынып, чыкып гидиберди. Галаңдар хем юрдун четине гелйәнчә узадып гелди.

— Галаңдар! «Узадандан ёлдаш болмаз» диенлери. Саңа жогап, гайдыбер!

— Ёк, оглум, сенден бир дилегим бар. Шол дилегими битирсең гайдарын. Болмаса, өлинчәм, атыңы жылавлап йөрүшим.

101. Көроғлының гөвнүне гелди: «Бу берен затларыны гайдып дилесе бу, гелә шу мертлик эденине гөрә, битирейин дийип айдайын-ла шуны. Атымы дилемесе боляр-да».

— Галаңдар! Нәме дилегиң болса айт, битирейин.

102. — Битирсең, оглум, баяк Үчгүммез дагында отыркан, сениң екеңе сыгрыңы сойдурып, дузуңы ийип гайтдык. Онсоң дуз-несибәмиз чекип, Рейхан диен бетбахтың үстүнден дучекар гелдик. «Ягшыны гөрмек — гөз арслан» диенлери, «Тарып этмек согап» диенлери. Курханда гөрүп, онуң янында бәш-алты агыз сөз айдагайдым. Мениң шол гүнәми өтсәң, гайдырын. Болмаса, өлинчәм, атың тейинде паендаз болуп йөршүм.

Ай, Көроғлы бегенерди-дә:

— Галаңдар! Гүнәң шол болса, өтдүм, өтдүм!

103. Дөнүң галаңдар гайдыберди. Көроғлы «Екәниң яры худа», басды ата гамчыны. Бир мезил ёлы бир басып, ики мезил ёлы ики басып сүрүп, дәдесиңиң чертегине гелди.

Атыны баглап, салам берип отурды. Аманлык-эсенлик сорапшып:

104. — Ханы, оглум, аман-саг гелдиңми? . .

— Гелдим, дәдә!

— Ханы, нәме гетирдиң?

— Ине мениң гетирен вечлерим — дийип, хеммесиңи дәдесиңиң өңүнде гойды. Џығалы бег еке-екеден гөрүп, бу яна гечирип дур. Бир хатар гөрүп, бу яна гечирип:

105. — Ай, оглум, сени адам этжек болуп, дагда гездим, дередә гездим, маңлайым ярылды, гөзүм оюлды. Инди сени адам эденим. Шу затлар билен, шу яраглар билен өз алажыңы өзүң гөрмесең. Башашак. . . ёкары неше гиденок. Мен саңа оглум дийип йөрдүм. Сен мениң агтыгым-сың! Сениң атаң юрдуң ханыды. Чар даглы Чандыбил диен он ики муң өйли текели илиң — түркменли илиң бардыр. Бар, оглум, Чар даглы Чандыбиле. Ай, оглум, юрда эе болалы, юрда!

Хай, аксакалда хеңчеле көп-дә: — Оглум! Чар даглы Чандыбиле барсаң, мениң Генжым диен оглум бардыр. Өлмедик болса, малыны худай ёлы-ха берен дөлдир. Бир-иңи ярым адам ялы, гатырак болмага чемели-дә.

106. Дәдесинден жогап алып, ниредесиң Чар даглы Чандыбил дийип сүрүп гайдыберди. Барды илатың илери четинден. Илери четден барса, чарва адам, малдар адам четде отыр-да. Бир махалдан гөзүне бәш-алты саны ак елеңли өй гөрүңди. Өйүң ишигинден барып:

— Хабарлашып киши бармы? — дийип хайкырды.

Генжым агасы дашарык чыкды. Салам берди. Саламыны алды. Бул хем муны танымады, бу хем муны танымады.

107. — Хав, ягшы йигит, хабарыңы бер! — дийди. Шу ерде жылавы әериң гашына ташлап, аркасындан сазы кақып алып, Генжым агасына гарап:

— Мен хәли агам хайсы, илим хайсы — биле билмедим. . . — дийип бәш келеме сөз айдар гөрөк:

108. Ага жан, аразымы айдайын саңа,
Илим хайсы янда, биле билмедим.
Тө өлинчөм, гуллугында болайын,
Ёлум хайсы янда, биле билмедим.

Ат-овазы Рум-элеми тутмага,
Гөвүн талвас әдер иле етмәге;
Ганым гөрсем, кеймир окум атмага,
Ганым хайсы янда, биле билмедим.

Ширим Алы шерап берип гандырды,
Бабам Ығыгалы бег салам гөндерди.
«Генжім агаң бардыр» дийип иберди.
Агам хайсы янда, биле билмедим.

Көроғлы дийип, пирим гойды адымы,
Хакдан өзге киме айдай дадымы. . .
Хич ким билмез сынамдакы одумы.
Илим хайсы янда, биле билмедим.

109. Бу сөзи айдандан соң:

— Хав, ягшы йигит! Сен Генжім агам диййәрсин, бабам Ығыгалы бег диййәрсин. Мен сениң сөзүңе дүшөмок. Сен маңа хабарыңы дилден баян эт. Сен ким?

— Мен Ады бег солтаның оғлы, Ығыгалы бегнің агтығы.

— Баякы Рөвшенми сен?

— Тап, шонуң өзи мен!

Йүгрүп гелип, Генжім агасы гуҗаклап, атдан алып, аягыны ере дегирмәни гетирип, ак өйүң дулуңда отуртды.

— Эй, Рөвшен жан, асмандан индиңми, я ерден чыкдыңмы? Биз эшдип йөрдүк — Хуңкар патыша дөрдүсини хем дири ере гөмдүрип-дир — дийип.

110. — Ёк, Генжім ага! Хуңкар патыша ялғыз агамы өлдүрди, дөдемиң гөзүни ойды. Ондан гачып чыкып, Үчгүммез дагында чертек эдиң, месген эдиң отырыс. Дөдем мени сениң яныда иберди. «Гелип, бизи гөчүрип әкитсин» — дийди. Юрда гөчүп гелҗөк болдум, Генжім ага!

— Хайыр, ягшы, оғлум. Сен бу ерде болубер бака.

«Барлының базары янында»: бөш-алты инери ховутлап, бөш-алты догма башыны йитдирип, Генжім агасының янында галыберди.

111. Гелди атасының янына. Аманлык-эсенлик сорашып, бир агшам болуп, Ығыгалы бег пакырың нәме гош-көтели бар. Чатма-патмасы билен гөчүрип, алып гайдыберди. Гелип юрдуна говшуп, месген тутуп болу-берсин.

112. Бир ай — кырк гүн боландан соң, Чандыбилиң илаты бир мәрекеде маслахат этдилер.

— Хав, ил-илат! Ады бег солтан өлели бери, Жыгалы бег ёйлалы бери, юрдумыз баштутансыз хекимсизди, белли ханы, белли эеси ёкды. Ынха Кёроглы герчек гоч йигит болуп дөрөп гелипдир. Хер дердимизе яражак. Шуну юрда хан эдейлиң! — дийип, илат маслахатлашып, — озал атасы хем илата ханды. Атасының орнуна гояйлы! — дийип, атасының орнунда гоюп, Кёроглыны илата хан этдилер.

113. — Хан болан адама генжи-газына, дөвлет герекдир — дийип, илат малдар байлар секадындан мал берйёр, пулдар байлар пул берйёр, галладар байлар галла берйёр.

— Хан болан адама нөкер герекдир — дийип, ине муңа нөкер жемләп берйёрлер. Пах, өзүңе белли: иш хош якмаян левент, гачалакгандар, кем-кәсирек байың оглы хем бар. Бир топар левенди нөкер дийип, йыгнап бердилер элине.

Кёроглы, өзүңе белли, өр непеси билеп дөрөн йигит. Бунны [бу гүнүни] тапса, эртесини гайгы эямы? — Йигитлер, айдыжы багшы болса, әкелибериң, чалыжы сазанда болса әкелибериң! Палавы болса үч-төрт вагт биширибериң-ә!

114. Худай бермесе, бевдәнің берени ниче гүн боляр? Яңкы адамларың беренини бөш-алты гүнде ийип, соңуна чыкды. Онсоң Генжим агасы бай адам. Генжим агасындан несъе гоюн айланышмага башлады. Соң-соң Генжим агасы несъе бермеди. Ондан тейден огурлатмага айланышды. Хай, агасына эл гатды, заңңар!

115. Бир гүн бөш-алты гоюнуны огурлап ийди. Пах, Генжим хем небсине әжиз заңңар! Шундан хикмет етевини билип, шундан йөреди Кёроглының мейханасына. Мейханасының агзында сыпа гоюп, сопбашының есерини чыкарып, лагыр-лагыр сөвүнип отыр.

116. — Хай заңңар Кёроглы, Кёроглы заңңар! Мен сениң үчин мал газанышмыдырын, дүйё газанышмыдырын! Өз алажыңы өзүң гермежекми, заңңар! Мен сени бакайыны я янындакы бидөвлетлери! Ене-де хан болан, хеким болан йигиде бак-а! Ханың хем улусы-кчиси болмаз, йыланыңам улусы-кчиси болмаз. О янда Хуңкар патыша-да бир хан. Бу ерде сенем бир хан. Хуңкар патыша ялңыз агаңы өлдүрип, дөдең гөзүни оюп, ол янда оларың-таның гидип ятырка, бу ерде маңа чапавул уруп ятынчаң, торпак башыңа, заңңар! — дийип, сөгүнип, заңңар дөнүп гайтды!

О гайдансоң, Кёроглы ойланды: «Алла, „дәлиниң мүң кепи телек, бир кепи герек“ диенлери. Мениң бу ятышым дәл экени. . .» — дийип, йигитлериниң янына гелип:

— Йигитлер! Маңа нөкер болсаңыз, йөрүң, беглер, ар алмага гиделиң! — дийип, йигитлерине гаршы гарап, бир бөш келеме сөз айдар герек.

117. Беглерим, арзымы ачайын сизе.
Йөрүң, беглер, хар алмага гидейли!
Хер не хызматыңны герсетиң бизе.
Туруң, беглер, хар алмага гидейли!

Гөч йигитдир бир голуны аландыр.
Гөрүң: муханнесиң меңзи соландыр.
Румы-Ыстамбилде намыс галандыр.
Гелиң, беглер, хар алмага гидейли!

Озалы дәдемиң гөзүн ойдурды.
Соңра тутуп мениң агам өлдүрди.
Йүрегимни гам-гуссага долдурды.
Гелиң, беглер, хар алмага гидейли!

Хакмак биакылдыр, несихат алмаз,
Муханнес савашың тәлимин билмез,
Көроғлы бег харын алмаян гоймаз,
Туруң, беглер, хар алмага гидейли!

118. Бу сөзи айдандан соң, хемме йигитлериниң салы сува гачды.
— Йигитлер! Салыңыз сува гачып отурмасын. Мен гитмесем бол-
маяр. Ене-де сизлере эртире ченли пурыҗа берейин. Гитҗегиниз болса,
тиз тайяр болуп отурың. Гөвни белегиниз болса, алла ярыңыз! — дийип.
Көроғлының болан хуҗреси белек, өз хуҗресине гаршы гидиберди.

119. Көроғлы гиденсоң, булар этдилер мейханада галмагалы, хам
пайлашян ялы. Бири бу яндан чыкып:

— Эй йигитлер! Мунуң айдан сөзүне дүшүндиңизми?

Онда бири айтды:

— Дүшүндик.

— Нәме дийип гитди?

— Хуңкар патыша ялгыз агасыны өлдүриңдир, дәдесиниң гөзүни
оюңдыр. Шондан ганыны, арынн алмага гитҗек бу заңңар.

Онда бири бу яндан чыкып:

— Ә-ә, йигитлер, йигитлер!

— Бу заңңар ийип-ичип, туршусы депесине чыкыңдыр мунуң.
Он—он ики саны атлы билең кырк төрт дөрвезели шәхере дегип, абрай
таңҗак-өв бу! Ишден гидиңдир, ага бу!

Онда бири бу яндан чыкып:

— Эй йигитлер! Гидели дийсе, гидйәрсиң-дә, алаҗың нәме! Ыһа
айдыҗы багшы, чалыҗы сазанда, көкилперең оглан. Ине чай, ине тем-
мәки, ине шөхлә, ине палав, бир мезилиңе яһна. Ййип, ичип, оммалып
ятҗакмыдың эйсе? Җаныңа аш боларыңы-болмазыны озал билмейәрми-
диң, заңңар!

120. Бәш—алты санагы маслахат этди:

— Биз-ә шу гитҗе гачҗак, йигитлер! Бизиң өңки иенимиз җанымыза
аш болса боляр. Бизиң дәдемиңиң гөзүни оюпмы? Агамызы өлдүрипми?
Эй мунуң. . .

Бири акыллы киши болан болуп, галандарына айтды:

— Булар гачса, гачыберсин. Сизләр гачмаң. Мениң диеними эдиң!

— Хә, сениң нәме диениңи эдейли? Бу заңңар гитмейәр.

— Хай, әйсе гитжек дийип гит-дә.

— Ёк, оны сынамакдан үчүри айдып гитди. Шу гүнлер Генжим агасы хем гоюн беренок. Башга ерден хем алгы-бергә өтенок. Шу гүнлер гайлап йөр бу заңар.

— Шунуң ыхласы-биыхласы сайлансын — дийип, шонуң үчүри айдып гитди муны.

— Мунуң өзи нә кетжеми, махлукмы: он—он ики саны атлы билен кырк төрт дөвезели шөхере дегип, абрай тапмажагыны билмейерми?

121. Бөш-алты санагы яңкының диенини әдип галды. Бөш-алты санагы «Халаныңыз болсун!» дийип, шу гитже гачды.

Эртеси Көроғлы атыны әерләп гелсе, бөш-алты санагы отыр, бөш-алты санагы хем ёйлуп гидипдир.

— Ханы, йигитлер, буянкыларыңыз? — дийип сорады.

— Ай, Көроғлы ага! Жыгма-жыга гезек гелеңде, өзи сайланыбир-ө. Сеңиң билен дең дуруп өлүшжек бизлер-ха.

122. — Йөрүң, өлүшсеңиз! — дийип, алып чыкып гидибәрди.

Чыкыпдыр чөлүстана, чыкыпдыр дагыстана. Бу галаның месчилиги тапдырармы, мейдана чыкансоң, кем-кемден ели чыкып, ховы басылып гелйәр. Бири айтды:

— Жоралар, гитжеги чыннайытдан болмага чемели. Хич яңа совулан, сүрүп баряр-да бу заңар!

Онда бири айтды:

— Чыннайытданы нәме ишлейәр! Муны чарва байлары зыяпата чагырандырлар — шоңа баряндыр бу!

Онда бири айтды:

— Чарва бай зыяпата чагыран болса, пах, шу гүнлер дүйәнің говы өлүми кәндир-ов!

Онда бири айтды:

— Чарва байыңда нәме ёк! Онда алачалы яг хем бардыр.

123. Чарва байларына совулар диен тамалары барды. Оңа-да совулан, кыбласыңдан өтүп өтөгитди.

— Ай, йигитлер! Ишиңиз гайтды! Мунуң гитжеги чын болды. . .

124. Бири бу яндан чыкып:

— Вах, йигитлер! Мени дейсеңиз, мени-мени! Мен иймәге зар дәлдим, ичмәге зар дәлдим. Еди патышаның газынасы ялы газына мениң атамда барды. Мен атамның газананыны ийип, пулуң пейдасыңдан хез гөрүп, доңумың сыйыңдан тутуп, көлеке-көлеке гыдырып, итлери көлекеден ковуп, көлекәни итлере бермәни, укудан туруп, чай ичип, чилим чекип, мес болуп, көйнек-иштаны ювдурып, «ассардаш» доңы ясганҗак алып, телпеги чекгә гоюп, сөчекли потаны г. . . үстүңден сырыкдырып гойберип, обаның гелин-гызына гуванып-гуванып йөрмәни, мени дейсене, мени, мени. . .

125. Онда бири бу яндан чыкып:

— Хав, жора! Сен оглан өзүң байың оглы боландан соң, бизлери ач-кашак гөрүң, бизлере гыҗалат берип айдырсың муны. Сен байың оглы болсаң болубер. Алгылы тапса—аляр; тапмаса. . . алярмы!

126. Җоралар! Бириң кесиң, бириң бичиң гитмәң. Инди барар, бир ере дүшөр, чай ичәр, чилим чекер, онсоң бир сөз айтдырайлың.

127. Көроглы дүшүң, чай ичиң, чилим чекенден соң, Көроглының янына гелиң:

128. — Ав, ага! Шу барян угруңда хи олжа-полжа, талап бармы? Алга-бергә делалат, чай, теммәки пулы? Я хәр-намыс дийип, башың этегиңе салың барярмың?

129. — Йигитлер! Мениң олжам-да болмаз, талашым-да! — дийип, йигитлерине гаршы гараң, бәш келеме сөз айдар герең.

130. Ылгалым бар Гүржүстана.
Мениң билен ашан йөрсүн!
Дин ёлуна ширин жанын
Малдан, башдан гечен йөрсүн!

Ким ок билен, ким яй билен,
Йигит ягышы шай билен,
Зерефшанлы жуда билен
Йүзме-йүз санжышан йөрсүн!

Йигидиң мырады атдыр,
Аты сакламак дәвлетдир.
Кесгир гылыч — янар отдур.
Ода өзүн уран йөрсүн!

Көроглы айдар, дем-хә демдир,
Казылар гелен гамдыр.
Йигиде сөвеш байрамдыр,
Малдан-башдан гечен йөрсүн!

131. Бу сөзи айдандан соң:

— Бай, малымыз-башымыз гидип, бизиң агамызы өлдүришми, дө-демизниң гөзүни оюпмы! Көроглы ага, бизлере жогап берсең, бизлер гайдярыс. Нәтжәк бизи уруп, кәййип әкидиң? Баранда пейдамыз дег-мән, нугсанымыз дегйәр. Бизлере жогап бер, ага!

— Пейдаңыз дегмежәк болса, нәдейин сизи уруп, кәййип әкидиң! Барың, жогап, гайдыбериң!

132. Булар дөнүп гайдыберсин. Бир мейдан йөрәнден соң, бири айтды:

— Бу заңдарың кепине ынанып болмаз. Бизден айрылып, екелик басып: «Сизи әкитмесем болмады!» дийип, ызымыздан етамасын...

Болдулар бир басгы, шарпа-да шарп...

133. Булар гайдандан соң, яңкының айданы — Көроглы хем бир неме екесиреди. Көроглының хем дөслап урша-аламанчылыга чыканы-ның хем әңи шу. Көроглы хем дөнүп бир гайтжак болды. Ене-де ой-ланды: «Ызыма дөнүп, галама барсам, Генжим агам атымың туругына

сүбсе даңып, гыкылыклап, масгара эдиш, илден чыкар мени... Хай, заңар Көроғлы! Хачан бир бөш—алты саны жаалатай гол тутуп, адам болжак-а! Мөрт бол, мердана бол!» — дийиш.

Гыр аты ялаңачлап, ямашгандан ээрлөп, көйнекчөни агдырага-да салып, кечөни сыртына бөкдерип, гуругыны гачары дүвүп, Гыр аты мүнүп, «Гуры сәпжин» диен йөрүши барды — шуңа салып, өвүсдирип галыберсин.

134. Инди хабары кимден ал? — Бу Көроғлының атасының янында гезйөн кырк атлы нөкери барды. Ады бег солтан өлөндөн соң, Чандыбилден ялаң этмишли болан заңарлар — ничесиниң малыны басып алыпдыр, ничесини өлдүрипдир. Чандыбилден гачып чыкып, бир дагыстанда чертек, месген эдиш ятырдылар. Бу атлыларың баштутанына Сапар Мәрем дийиш ат берйөрдилер. Лакамына Сапар Көсө диййөрдилер, газайы-көр.

135. Көроғлының ёлы хем шу атлыларың үстүндөн дүшди. Чертеклери ичеррөкдө. Дәли Мөтел, Сейтек Гырма диенини дагың дербендине гарауул ташлап гоюңдырлар. «Көрвен өтсө, хабар бер» дийиш. Буларың көри өтөн сөздөгөри, көрвени талап ятмакды. Гүн чыкды. Көроғлы яңкы гараууллара гөрүнди. Сейтек Гырма айтды:

136. — Бар, Мөтел, Көсө-дага хабар бер. Шу ерден бир атлы гелйөр. Шувы алма алажыны эдейли. Көсө атларына ийм бермөкө, ет!

— Хайыр, ятшы! — дийиш, Мөтел ат гамчылап гайдыберди.

Көсө-де атларыны ялаңачлап, яңы торбаны гейдирен экени.

Мөтел бир хабар ташып гелйөр. Гөрсө, Мөтел бир ат чапып гелйөр. Атың башындан торбаны алың, деррев!

137. Атың башындан торбаны алып, чүпайлы тегмеден гондурыш, Мөтел гелмөкө, тиз тайяр болды заңарлар. Көсө гелмөгө ховлукды. Көсө гыгырыберди:

— Хей, Мөтел! — дийиш. — Хабарыңы айта-айта гелиберсең бол-маярмы? Көрвен көпми?

— Көсө, көрвени нөтжөк, бу яны нөтжөк! Бир атлы гелйөр: я юрды сорян хан, я юрды төрө, я еди патышаның газынасы ялы газыналы бай; эмма үсти-башы хем еди аркамызы ере дегиржөк дәл. Сыртындакы хем чай-теммәкимикә диййөрин, ысы өтүп гелйөр.

138. Атлана деп болуп, дербенде гаршы ыңдырып гайдыбердилер. Дербендин бөрсинден барандан, Көсө айтды:

— Йигитлер! Сизлер гөрүнмөн дуруң, мен шу атлыны огрынча өз гөзүм билен гөрейин! — дийиш, атдан дүшүп, дагың гәдитинден гөзледи. Көроғлыны гөрөндөн айтды:

— Ай йигитлер! Мунуң аты яман сатаптак ятыр, йүзи-гөзи тикевли ятыр. Бу дашдан кованда, бизе эл бержөк ат дәл. Гиҗеси билен шөври етип гелйөн атдыр бу. Бизиң атлар док ятандыр. Раст алкымлап гелсин. Онсоң ковайлы.

139. Бир танап—ярым танап баран махалында, бир махалдан дагың дербендинден чыкып, кырк атлы найзаны япырып, Көроғла гаршы «алла!» дийиш, ат гойдулар.

Көроглының гөрмедик зады. Ызына дөнүп, гачжак хем болды. «Гел-ә гачмайын» дийип, найзадың өкже тарапыны өврүп, санжылап дуруберди.

Булар-да атланан, деп болуп, хеллевлешип гелйән атлы. Геленини санч, агдар, гелени санч, агдар, гелени санч, агдар. Иң соңунда Боз думаны гүбүрдеди, Көсе гелди. Муны хем атдан агдарды. Кыркысыны хем атдан агдарды.

140. — Хав, ягшы йигит! Сениң билен ат үстүнден бир найзабазлык, оюнбазлык эдейли дийсек, яман найзады, хырчыңы дишлән урярысыңла, заңар!

— Э, йигитлер! Сизиң дегишмәңиз болса, бизиң хем дегишмәмиз. Сизиң чыныңыз болса, бизиң хем чынымыз, хич хайсыңа өлер ялы яра дүшенок ахыры!

141. Ат үстүнден дест бермеңегини билевден соң, Көсе бирики санысының гулагына пышырдады:

— Ат үстүнден-ә дест бержек дәл. Сизлер аңыррак-аңыррак гиден киши болуң. Мән шуны алдап-огшап, атдан дүшүрип, бир гөреш тутан киши болайын. Шол вагтында габырдадып басайлың муны! Ене-де кыркың бир геләкнетдини, хүмер-хүмер, тагар-тагар эди, басып, өлдүраймаң ене-де. Икиден-икиден гелиң. Өлдүрмән, дири тутуп, элини г. . . е даңың, чертегиң өрисине сарып, ызына хабар эдейли!

Мувуң ызындан муң тылла, ики гап гаршы теммәкиси бар бу йигидиң, түркменчилик өзүңизе белли, барып муны ызына сатжаклар.

142. Хә, биширшилен сөвдә: бири-бирин үмлешип, йигитлер пытраккадан гидибердилер. Булар гиденсоң, Көсе айтды:

— Хав, ягшы йигит! Сен ялы бисаггал йигит гөрсем, ичим-багрым гижәберйәр. Бикар отурасым гелмейәр. Сен бир атдан дүшсең-ә! Икимиз бир гөреш тутуп гөрәйли!

143. — Хайыр, ягшы! — дийип, Көроглы хем атдан дүшди. Икиси гужаклашып, гөрөшип гидиберди. Бир мейдан якалашансоң, Көроглының еңсесинден бир хасырды пейда болды. Шейди, гаңрылып гөзлесе, ики саны пыяда етип гелйәр. Буларың биширшенини Көроглы аңлады. Олара етмәнкә, Көсәни габыр-губур тейине басды. Шол Көсәниң айданы: икиден-икиден гелип дурлар. Көшлөп гелсе, Көроглыны хем бирнеме гайлатжакды. Тейиниң беңдини бәшден басып, үстүне өрүп чыкыберди, кыркысыны хем бир-бириниң үстүне басып. Иң үстүне минип, Көроглы чоңкарып отыр.

Көсе шол тейде галды, ятан еринден гыгырды:

— Ав, ягшы йигит! Максадым сени бир үстүме чыкармакдады. Ай, айдан гөвүн максадым болды. Дүшевери, гара залым, гапыргаларымы дөвдүң!

144. Шей диенсоң, Көроглы үстүнден дүшди — хер хайсы арабадан терне гачан ялы патрашып гачяр.

— Хав, ягшы йигит! Сен ат үстүнде дест бермедиң, гөрешде дест бермедиң сен. Бизлере аслың беян эт!

— Мениң асшыма етик болуп, гыз гөчүржекми маңа!
— Хав, бу йигидиң демп шох гөрүңйәр-ле! Ягшы йигит, сениң чай-
дан, чилимден, нешеден бирнеме хабарың бар герек?
— Хә, элбетде бар!
— Йөр сени гоша элтип, чай-чилиим берип, онсоң сениң хабарыңы
алайлы!

145. Гошуна гетирип, чай-чилиим берйөр.

— Ери, ягшы йигит! Сен ким? Хабарыңы бер!
— Мен Ады бег солтаның оглы, Жыгалы бегниң агтыгы.
— Йит-ә, ёюл, заңңар! Киме айдярысың оны! Ады бег солтаның оглы
бармы овуң!

— Ёк, мен-ә шонуң оглы!

— Сенден онуң оглы болмаз!

146. Онда Сейтек Гырма диен чыкып айтды:

— Дуруң, дуруң, йигитлер! Мен баяк бир адамдан эшидипдим: «Ады
бег солтан өленден соң, зайыпы хем өлүп, гөрдө бир оглан дирелип, оны
хем Жыгалы бег агтарып алып, адына Көроглы гоюңдырлар» дийип
эшидипдим. Шол болса болар шу.

Көсе Көрогла «шолмы?» дийип сорады.

— Тап шонуң өзи мен.

Йүгрүп-йүгрүп гелип, Көроглының бойнундан гуңаклап, яңагы-
дан огшап, хунар-хунар, тогар-тогар эдиң, басып өлдүрип баряр.

147. — Эй, Көроглы, Көроглы! Сениң атаң өлели бәри, барара
ер тапманы, батара көл тапманы гезип йөрдүк. Инди асманга учсаң,
аягыңдан чекйәрис, ере гирсең гулагыңдан чекйәрис. Сени яздыр-
маяс-ов.

— Мениң хем исләп тапман йөрән йигидим сизлер ялы йигит-
дийип, атасының кырк атлы йигидине әе болды. Бу агшам Көсәниң
чертегинде болуп, эртеси Көсе:

— Көроглы бег, хабарыңы бер. Нә жайлы чыкдың бу явлара?

148. — Көсе, Хуңқар патыца ялңыз агамы өлдүрөнмишин. Дәде-
миң гөзүни оянмышын. Мен шондан арымы алмага, ганыны алмага чык-
дым.

— Бай, Көроглы, оны хем бир иш дийип чыкыпсың-ов. Ол-а би-
зиң ишсиз махалымызда чапып гелип дуран еримиз ол. Болайт, әй,
йигитлер, чакган атыңызы әерләң! Бир төзе ага гелди, әл-аяк эдинейлиң.

149. Атлары чыпкак-чыпкак әерләп атландылар. Көсе заңңар
өңүни башлап, Боз думаны гүбүрдедиң, галыберди.

Хуңқәриң илатының четинден гелип, урдулар чапавулы. Огул
олжа, гыз есир эдиң, гайдыбердилер. Бир токайың ичи билең гелйәрди-
лер. Гөч йигидиң дести онса көпми? Хуңқарың оглы хем кырк сыпайысы
билең гушун гөтериң, шол токая, сүлгүн авуна чыкан экени. Муңуң хем
гирдилер бир четинден. Ур-йык, санч, агдар, бас, өлдүр, гаңыр, бас!
г... г... г... каклышдырып, бейигинем гырып, агасы үчин Хуңқарың
оглуны өлдүрип, дөнүп гайдыбердилер.

150. Көсәнің чертегине гелип, бир аглам болуп, Көсә әртеси: «Йигитлер, гөчүң Чандыбиле! — дийди. Жаң агыр ялы вежини алып, галан паты-путусыны, чатмасыны бир яна жемләп, от берип гайдыберди.

Көсә Чар даглы Чандыбиле гелип, Көроглының мейханасына гелип, атларыны баглап дүшүп отурдылар.

151. Көроглы етимчилиги чекип, гарыпчылыгы чекип, хорланып, ахырында адам болуп, атасының юрдуна эе болуп, нөкерлерине эе болуп, агасының ганыны алып, дөдесиниң гөзи үчин, бирнәче шайы-мессеплери өлдүрип, юрды ташлап, мейханасында мес болуп ятыберсин.

II. КӨРОГЛЫНЫҢ ӨЙЛЕНИШИ

152. Ол вагтта хабары кимден ал? — Көроглы кырк йигиди билен бир гүн аламанчылыга гитди. Олжа-аламанчылык көн оңмады. Дөнүп гайдыбердилер.

Сапар Кесе заңар Көроглыны алдашдырып:

— Көроглы, ёл онда, ёл мунда, гала гитсең, мундан догры бар-ярсың — дийип, Генжимиң гойнууың үстүнден сүрди.

Генжимиң гойнуна якын барыберенде, Сейтек Гырма башлыклайын бөш-алты санагының гулагына пышырдады:

— Барың, Генжимиң гойнундан бөш-алты гойны алың, гала бош бармазлык. Хей, зенини. . . Агасының жогабыны өзи берйөр, иенимиз хайрымыз. . . — диййөр. Булар бөлүп, ыңдарып өтөгитдилер.

— Хав, Кесе, олар нире баряр? — дийип, Көроглы сорады.

— Ай, Көроглы, Генжимиң гойнундан бөш-алты санысыны алың дийип айтдым.

— Алла, Кесе, шол заңара дегмесеңиз ягшы боларды.

— Хай, Көроглы, хапа болуп гелйән йигитлериң бады гайтмасында, сүрүберсене!

153. Шейле диенсоң, Көроглы-да сесини чыкарман сүрүберди. Булар хем ыңдарып барды бөрдөн. Чопанлар хем таягыны гезишип чыкды өңүнден. Пах, бөри ялы заңарлар гылыжың пыпдасы билен, чешмел-ай палта билен ур чопанлары! чигнине, яйжыгына, келлесине. Адама бир өвежиң еңсесинден тутуп, атың өңүне кесе басып гайдыбердилер, гетирдилер гала.

Кесе өтмөнкөлөр гыгырды:

— Заңарлар, атдан дүшмөкө, дамагыны чалың! Ызындан Генжим геләймесин.

154. Деррев дамагыны чалып, кебап, шерап эдип ийдилер. Онынча Генжимиң чопанлары хем гелди. Элини бойнундан асып, яңагындан ган сырыкдырып:

— Хава, заңарлар, хабарыңызы бериң! — дийип, Генжим сорады.

— Хай, иниң чапавул этди, чапавул! Мал-дүңйө гитди-ов!

Пәх, Генжим небсине эңиз заңар, шундан йереди Көроглының мейханасына гаршы. Көроглының болян мейханасы кырк йигидинден бөлекди. Генжим Кесе дагының янына гелмеди. Гелселер, Кесе дагы сув түркүп еңчжекдилер оны. Көроглының мейханасының агазындан барды. Көроглының мейханасының агазына гелип, сыпа г. . . гоюп, йигренжисин ашырып, шол багырдап, сөгүнип дур.

— Ай, заңдар Көроғлы, заңдар! Мен сениң үчин мал газаныпмыдырын, дүниә газаныпмыдырын, өз алаңыңы өзүң гөрмеңкеми? Өңки бигаиратлардан гутулдым дейсем, гадымкы ганхорлары тапып гелип-сиң. Гоймаңакмы, заңдар, гоймаңакмы? Хай бидөвлет, салшы аяк заңдар.

Шейдиң сөгүнип, зоңурданып гайтды.

155. Көроғлы ызындан ойланды. Көроғлы маңлайындан чапанда-да, вах дейжек дәлди. «Бидөвлет, салшы аяк» диени этинден өтүп, сүегинден өтүп, йилигине орнады. Бидөвлетлиги — оглы ёк. Салшы аяклығы — хелейи ёк. Хапа болуң, йигитлериниң янына гелди:

— Көсе, бөш-алты саны кел токлы дейип, Генжим ағам шулар ялы тапалары мениң маңлайыма салды. Худай тағала бөндесине дөвлети өзи берсе, ягшы экени — дейип, йигитлерине бөш келеме сөз айдар гөрөк.

156. Озал башлап худайымдан
Дөвлет гөрөкдир йигиде.
Йыкылаңда голдамага,
Медет гөрөкдир йигиде.

Гала-гала сөзлешмөге,
Нер-бугра дек дызлашмага,
Ар-намысы ызлашмага,
Доган гөрөкдир йигиде.

Аты зерешпан сачаклы,
Ишиги айван, оңаклы,
Узын бойлы, гиң гуңаклы —
Гөзел гөрөкдир йигиде.

Атын жайыңда баглаян,
Кесип жигерин даглаян,
Өленде зар-зар аглаян
Начар гөрөкдир йигиде.

Атдыр йигидиң ёлдашы,
Огулдыр дөвлетиң башы,
Гыз-да болса көңүл хошы,
Зүрят гөрөкдир йигиде.

Гоч йигитлер маслахатда,
Муханнеслер паракатда,
Көроғлы бег, ахыретде
Иман гөрөкдир йигиде.

157. Бу сези айдан соң, хапа болуң, мүтдөкә гүдери көпжүни ташлап, хапа болуң, уклап галыберди. Көроғлы хапа болансоң, кырк йигиди хапа болуң, дигир баглышы болуң ятыберсинлер.

Шол ятувына даңа якын Көроглының дүйшүндө бир меле довлы, меле пешли гарры баба бир перизадың элинден тутуп, мейхана гирди, гетирип гужагына галып этди: «Оглум, сен хапа болуп ятма, сениң жүбүтүң шудур! Муңа Көй-Капта Жәхан патышаның гызы диерлер, адына Агаюнус пери диерлер» — дийип, яңкы гарры баба чыкып гайдыберди.

158. Көроглының гужагына гөйө бир айың сыныгы гирен ялы болды. «Алла, гужагыма перизат долд-ов, шуны бир огшайын-ов» — дийип, рас мүтдекөни огшап, гөмирип тура гелди. «Гижөнің ичинде эсеңдирип, дүйшүне гирен перизат шуму? Ханаң ичинде бардыр» — дийип, серменмөгө айланшыберди. Шол серменип баршына яңкы ятан йигитлериң бири илди голуна. Рас гужагыны ачып гужақлады, гужагына сыгмады. Муңа Бедрүстем диен экени. Бир жуваз ялы семиз, ёгын заңдар экени бу.

Алла, мениң дүйшүме гирен перизат иңче бил зыбады, булар ялы ёгын дэлди — дийип, шол серменип баршына, ене бир йигит илди голуна. Раст гужақлап, агзыны басды яңагына. Агзы хөргиз тене дегмеди. Муңа Сейтек Гырма диен экени. Бир сакалы көп, йүзи-гөзи дурум түйди.

159. — Алла, мениң дүйшүме гирен перизадың йүзи-гөзи йылмады. Булар ялы көн түй ёкды.

Мундан айрылып, ене серменмөгө айланышды. Шол серменип баршына барды Көсөнің үстүнден. «Пөх, өзи иңче, аррык адам, йүзи-гөзи түйсүз адам, мегер чыксаң, шу чыкарсын» — дийип, габыр-губур салды тейине, басды агзыны яңагына. Көсө-де сесинип, тура гелди.

— Хав, гара залымлар! Бир бела бар, чыраны якавериң.

Ол айдяр: «Мениң хем үстүмден гечди», ол айдяр: «Мениң хем үстүмден гечди. . .»

— Э, заңдарлар, чыраны якың, мен якасындан тутдум!

160. Көсө туран махалы, Көроглының якасындан товлап алаң экени. Чыраны якып гөйберселер, ине үстүне абанып дуран Көроглы.

— Хө заңдар Көроглы, иң соңуна зат тапманы, мени болуп йөрмөң?

161. Көроглыда не кеп бар, не сөз бар. Хайран-садылла болуп дур.

— Хав, йигитлер, муңа бир чай бериң, чилим бериң, бу бир эссине гелсин. Жөгабы онсоң соралың.

162. Көрогла чай-чилим бердилер. Чай ичип, чилим чекенден соң:

— Ханы, Көроглы, бер хабарыңы! Сен дүйш гөрдүңми, ахвал гөрдүңми? Эсеңдирип йөрмүң, я бизлери билгешле эдиң йөрмүң?

— Ине мениң гөрен дүйшүм! — дийип, агшамкы гөрен дүйшүни кырк йигидине айдар гөрек:

163. Гафлатда ятырдым, гелди бир пери,
Ышк одуна мени хайран эйледі.
Шол периниң сөвдасына дүшмүшем,
Ышк одуна мени хайран эйледі.

Галпак гейип, зер гушбалар дакыпдыр.
Ширин жаным Ышк одуна якыпдыр,
Лачын кимин гыя-гыя бакыпдыр,
Ышк одуна мени хайран эйледі.

Лачын кимин гыя-гыя гарайып,
Сыя зүлпүн дал гердене дарайып,
Ак йүзүнде гоша-гоша хал гоюп,
Ышк одуна мени хайран эйледі.

Эй агалар, аклым алды бир пери,
Эгнине гейипдир сим билен зери,
Башына санжыпдыр тылла нүгдери;
Ышк одуна мени хайран эйледі.

Көроглы бег айдар ширин сөзүни,
Жаным алаң нергиз гара гөзүни,
Сүрме әдинсем басып гиден ызыны,
Ады Агаюнус, дилдар эйледі.

164. Бу сөзи айдандан соң, Көсе айтды:

— Хә Көроглы, шулар ялы бир иш боландыр-да, әгса бизлери бейле этмездің. Көроглы, дүйшүңе перизат гирең болса, оны нирде болса агтарып тапарыс. Сени өйлендирис, иллендирис, сыра гайгы этме.

— Көсе, сен агтарып тапа-да билмерсиң, мени өйлендира-иллендира-де билмерсиң. Мен өзүм агтарарын, өзүм тапарын. Мениң сизе табыр-жак кепим, мен айланып гөлийәнчәм, әгер чишип өлсеңиз-де, Генжимиң малына сыра әл гатмаң!

Мәтел Гыр аты гетирди. Гыр аты гетирип, бир гылдан эерләп, мүнди ата, басды гамтыны.

165. Хабары кимден ал? — Гыр атдан. Парча-парча көпүк, табадың агзы кимин сачылып дүйшәр. Бу көпүклер гайдып, бир акжа дер гелди. Гыр ат ериң танапын дартяр. Шол барувына чөл мейдан билен барярды.

«Местде акыл болмаз» диенләри. Алла, өңүмден я бир гуйы чыкмаз диййәмиң, я бир какың сувы чыкмаз диййәмиң. Чилимиң сувы аҗыпдыр дийип, чилимиң сувны дөкди. Мытарамдакы сув ысланыпдыр дийип, муны хем дөкди. Ханы инди муңа гуйы! Инди сувсамага айланышды.

Аты хем сувсап, өзи хем сувсап, ат агзыны хатап кимин ачып, дилини гулач ярым саллап, харлап эыңып баряр. Өзүниң хем түф диен түйкүлиги ере дүшмән, гаңы гаралып баряр.

«Алла, мениң дүйшүме перизат салаң меле донлы, меле пешли гарры баба шейтан болмага чемели. Болд-ов би. . . мен шейтаның бир васвасына гирип чыкан адам экеним-дө. Эпидйәрдим, шейтаның бир хилиси гарры бор дийип, инди бу чөл мейданда ач-сувсуз өлер болдум. Шири-худа

пирим, сен етишмесең, мениң ишим кын болды» — дийип, шири-худа пирини чагырып, бөш келеме сөз айдар герек.

166. Я ярадан, керим худа,
Мени етир перизада!
Хүммет сенден, сепилилла,
Мени етир перизада.

Сув йүзүнде мүндүң гәми,
Ымнат үчин этдиң жеңи,
Хүммет сенден, Нухы-неби,
Мени етир перизада.

Яд әдейин Мухаммеди,
Өвлийә этдим Мурсалы,
Хемме сахаба сервери,
Мени етир перизада.

Яд әдейин өтенлери,
Мединеде ятанлары,
Дин ёлуны тутанлары,
Мени етир перизада.

Көроглы айдар, я Йәпбар,
Шахымердан, бол медеткәр,
Барча өтен сахабалар,
Шу гүп етир перизада.

167. Бу сөзи айдып, ене сүрүп гидиберсин. Аты соң-соң өңүни атмага айланышды. Соң-соң гормага айланышды, гормасыны хем гоюп, халыс дурды. Шу барян еринде «Әй бар худайым, меле донлы, меле пешли гарры бабаны мениң гөзүме бир гөркеесең, шонуң бир чалып, ганыны ичсем. Ызындан өз аманатыңды хем алсаң, разыдырын сенден».

Бир махалдан өңүнде бир бейик депе гөрүнди. Дөпәниң үстүнде яңкы гарры баба зомпа гөрүнди. «Ине гөрүнди, әлиңден бир иш гелйән болса! Мев барынчам, отур шол ерде» — дийип йүгүрди.

Якын барыберенде: «Хайт, хайт, оглум, гайт яман пәлиңден! Сен гыпанманы, гыссанманы, аңыкманы, сувсаманы, перизат бармы саңа».

168. Ине гөзлесе шири-худа пири.

— Бет кылдым, хата кылдым — дийип, гол говшурып янына чыкды. Чыкса, чыкан ери гайнап дуран чешме. Атыны ителей, чопалай әкелип, атына бир жам сув берди. «Оглум, аз-аздан ич» дийди. Ызындан чай-чили бесессур кылдылар. Чай ичип, чилим чекенден соң, асси ерине гелип, гөзи ягтылды. Әсеван әтсе, кыбласында әлесләп бир гала гөрүнйәр.

— Оглум, хол галаны гөрйәңми?

— Гөрйән.

169. — Гөрсөң, ине Көйи-Кап шол. Оглум, сен атыңа, өзүңе жебир әдиш гелдің. Бу ёл мезилме-мезил, салкынма-салкын йөрип геленде, үч айлык ёлды би. Сен бу ере кырк гүнде гелдің.

Үч айлык ёлы кырк гүнде алындыр. Оглум, шу гүн сениң дүйшүңе гирени кырк гүндүр. Сени хем онуң дүйшүңе гиризендириң. Бир адамзат дүйшүмө гирди дийип битакат, биарам болуп отурандыр.

Кыбла дервезесинден барсаң, босаганы яссанып бир аждарха ятандыр, оны перизат дога-жады билен аждарха әдиш гоаяндыр. «Мениң дүйшүмө гирен адамзадың пири зордур, шуны деп әдиш гелсе, шол адам, болмаса, башга бир адамдыр ол». Бир гысым топрага дем салып берди.

170. — Бар, шуны агзына ташла. Бозулар, агач бор-да ятыбир, болмаса севем өтүрмөз.

— Хайыр, ятшы! — дийип, атына мүндүрип, ыңдырып, гала гаршы өтөгитсин. Барды галаның кыбла дервезесинден. Гөзлесе, босаганы яссанып, бир аждарха тарп уруп ятыр. Пәх, перизадың, ышкына дүшөн адам. Пирини гөрүп, чайдан, чилимден мес болан адам!

— Әв, заңар аждарха! Мен үч айлык ёлы кырк гүнде алып гелип-дириң. Инди мениң дүйшүмө гирен перизат бир танап, ярым танап аңыр яныңда. Инди саңа дога нә гөрөк, дөгсин нә гөрөк. Тур-а, ёюл-а! Сениң з. . . г. . . не! — дийип аждарха гарап, жылавы әериң гашына ташлап, аркасындаң сазы кақып алып, абайлап, бөш келеме сөз айдар гөрөк.

171. Гудрат билен бина болан аждарха,
Бент әйлеме перизадың ёлуны.
Сени, мени халк әйлеген бу алла.
Бент әйлеме перизадың ёлуны.

Аждарха, сен нәге мелул болар сен?
Хайбат билен маңа назар салар сен?
Газап этсем, хөлө шу гүн өлер сен,
Бент әйлеме перизадың ёлуны!

Мени сорсаң, Чандыбилден гелер мен,
Баян этсем, төзе багың гүли мен.
Аслым айтсам, Ады бегиң оглы мен,
Бент әйлеме перизадың ёлуны.

Мениң ярым сыя зүлшүн өрмели,
Чандыбилде бөш гүн дөвран сүрмели,
Көроглы айдар, яр жемалын төрмели,
Бент әйлеме перизадың ёлуны.

172. Бу сөзи айдып, Гыр аты сүрүберди. Ат хер гадам атдыгы сайы, аждарханың агзы гез ярым ачылыберди. Гөзлесе, аты өзи биле ичине ёйлуп гытжек.

— Ай, буя баша барҗак дәл-ов — дийип, пиринің берен топрагыны агзына ташлап иберди; шақыр-шукур бозулды-да бир энтөк ағач болуп ятыберди.

173. Инди гала гирип, көче билен сүрүп гидиберсин. Бир-ики ярым өйлер, бир-ики ярым хужрелер өңүнден чыкса, атдан дүшүп ичини бар-лаяр. Агыр халы-паласлар дүшөлги, төкелебентлер дүшөлги, сырылгы, сүпүрилги. Хий, мунуң ичинде җандар ёк. — Алла җаным, мениң хем шундан-шуңа хеләк болуп гелен гүнүм, булар хем бир яна гачып гиден болса.

Мунуң җандар ёгуның зерары: бу галада үч йүз алтмыш перизады, буларың хеммесиниң баштутаны Агаюнусды. Перизатлара:

— Хав, перизатлар, бир ай — кырк гүнден бәри мениң дүйшүмө бир адамзат гирипдир. Отурсам, карарым етөнок, уклайын дийсем, укым геленөк. Нахар иштәм аланок. Мени бир неме гүррүңе гүймәп отурың! — дийип, хеммесини янына җемләп отурыпдыр. Хеммеси Агаюнусың янында экени буларың.

174. Бир махалдан гөзүңе бир көшк гөрүңди. Гүн билен талаш кылар. Лаглы-җовахырдан бина болан көшк. Агаюнусың өз көшкки экени шу. Көшкүң дашындан гелип, үзеңгә чилинип, дереҗесиндөн әсеван этди. Гөзлесе, үч йүз алтмыш перизат Агаюнусың харемханасында әл билен дыкылан ялы. Орта арасында Агаюнус отыр. Шол чоммалып отурышына буянкы перизатлардан гез ярым ёкарда. Көроглы айтды: «Гел-ә, геленими мәлим әдейин — дийип, — гатырак гыгырсам-а, бу перизатлар горкармы, үркерми» — дийип, дереҗәниң агзындан йүзүни кесерәгә-дә тутуп, перизатлара гаршы гарап, бәш кәлемә сөз айдар гөрөк.

175. Перим, менден диледиғиң
Малмыды, башмыды, нәди?
Гурупсың әгри кеманы.
Гөзмүди, гашмыды, нәди?

Бир бег оглы ава чыкар,
Гушун салып, тебил какар,
Перим гыя-гыя бакар,
Билмен, сөрхошмыды, нәди?

Перим, бизе этме билим,
Гахба пелек салды дүвүн.
Эй рәхмиң гелмезми, залым!
Яр багры дашмыды, нәди?

Көроглы айдар, ёк карарым,
Терк этдим намысым, харым,
Ояв-ха, гүл йүзли ярым!
Гөрдүғиң дүйшмүди, нәди?

176. Бу сөзи айдансоң;

— Дашарда бир адамзадың авазы гелйөр. Бар, чагырың, бәри гелсин! — дийип, ики саны перизады буюрды. Перизатлар дашары чыкып, Көроглының кадды-каматыны, йүз тәгини гөрүп, горкуп, уруп ичерик гачып гирдилер. Көроглы адамзат, булар перизат. Икисиниң жынысы башга, горкдулар мундан.

— Хә, нәме бар? — дийди Агаюнус.

— Эй, Агаюнус, ана жан! Адамзат диениң шол болса, гөзи-гашы, бурны, леби, даханы башга бир зат экени. Асла янына барар ялы бела дәл-эй.

177. Хабары кимден ал? Агаюнусы бакыч-бежерип йөрән бир гарры кемпир мамасы барды. Яңкы мамасына гарап:

— Эй, мама жан, яш кичилер-ә горкяр, сен чагырып гайды берсең-ә.

178. Пах, маманың горкы-үрки ядында бармы? — Ялаң шулар ялы деллалчылыкта гезип йөрән мама. Дашары чыкып, Көроглының бәри янына барып элини салгыды-да гайдыберди. Көроглы хем дүшүш дә. Зүвве атдан дүшүп, атының демир мыкыны мейданда какып, голчак, тувулга, чарайна, сагдак-пагдагы билен, гүбүрдәп-шакырдап, дәлиз билен гелип, Агаюнусың харемханасына гирмәни, ишигиң агзында чоммалып отурыберди. Көроглы хем, Кемпир хем гелди Агаюнусың янына.

— Эй, Агаюнус жан, оглум, бир ай-кырк гүнден бәри бизи чархымызда гойман, келебимизде гойманы, башга иш-дердимизде гойманы, дүйшүме бир адамзат гирди дийип, хеммәмизи яныңызга жемләп отырсың. Дүйшүңе гирән адамзат шумы?

— Хава, шол, мама жан.

— Шу болса, оглум, бир-ики ярым кепи менден айтмак лазым, сенден эшитмек лазым.

— Хә, нәме кепиң болса айдыбер, мама жан.

— Кепимизи айтсак, сен перизат, бу хем адамзат. Перизадың аслы көри отдан болар. Адамзадың аслы көри топракдан болар. Сен өзүң отдан болуп, аслы топракдан болан адама өзүңи пәше рова гөрйәрсин? Өз перизат беглериңде мынасып яр тапылмаярмыды?

179. — Ёк, мама жан, аслы топрак хем болса, гөзүме отдан хем, хер бир затдан хем ыссы гөрүңйөр.

— Хә, ягшы, оглум. Адамзадың башга ишлери-де бар, оглум.

— Нәме ишлери бар, мама жан?

— Адамзада зайып болсаң ер гычак тартармышын, дегирмен үвдирмишин, тамдыра нан гатырмышын, мейдандан этегиң билен тезек йыгармышын. Ол ишлере ровачлыгың бармы?

— Э, мама жан, багт билйә-де. Башда нәме иш болса, гөрмек керек.

— Хайыр, ягшы, оглум. Адамзадың башга-да ишлери бар, оглум.

— Ене нәме ишлери бар, мама жан?

— Адамзат бир-икисине канагат этмән, бир-бириниң үстүне үчи — төрди алыбирмишин; оца-да канагат этмәни, мейдавда гезип йөркәни, бир-ики саны йылманак хелей гайым гелсе, муны хем. . . япып гечибирмишин. . .

180. Шейле диенсоң, Агаюнус диңиргенни ойланды. Мейданда япып гечибир диени зенана бир якымсыз хабар. Мунуң ойлананыны Көроглы аңлашып:

— Алла, бу шум кемпир араны бозуп баряр-ов би. Муңа ынапар ялы бир сөз айтмасак, элден гитжег-ов би — дийип, ишигиң агзында чоммалып отурып, перизада гаршы гарап, бир бәш келеме сөз айдар герек:

181. Перим, сениң сыя зүлпүң,
Айла, бойнума бент олсун.
Берсин ашыгың мырадын.
Гөвүн эгленсин, кент олсун.

Бизиң беглер, местан беглер,
Ат салышып, ганым эглер.
Арзув эдеп пери-беглер,
Сени гөрмөгә зар олсун.

Чандыбилден ат индерсем,
Лебиң шербетинден гансам.
Тә өлинчә, сенден дәнсем,
Келамылладан ант олсун!

Көроглы айдар, пирим Алы,
Биеян дүйәниң малы,
Гөвнүңден чыкар хыялы,
Гамгын көңүлдер шат олсун.

182. Бу сөзи айдандан соң, Агаюнус:

— Ав, мама жаң, онда ол болярмышын, мунда бу болмыярмышын дийип, мениң гөвнүми гечирип отурма. Тур, әйүңе гүм бол, гөзүме гөрүнмә!

— Ягшы, ягшы оглум — дийип г. . . ни гашы-гашы гидибәрди кемпир.

Башга перизатлара-да: «Барың! хеммәңә жогап, ишли-ишиңизе даргаң!»

183. Пах, темме болуп отуран перизатлар, гүрлөшип чыкып гайдыбердилер. Олар гайдансоң, Көрогла ичери гир дийип, үм этди. Көроглы ичерик артлап гирди. Агаюнус пери еринден туруп, әдеп-экрам билен гол говшурып, Көрогла бир салам берди. Агаюнусың катды-каматы, боюны гөрүп, Көроглының бир сагат гөзи дуруп, хайран болуп дурды. Бу ерде инди отурыберсинлер. Чай-чилиим, нахар бедессур кылып, агыз сүйжүтме гүррүң тапып, вагты хош гүррүң тапып, әл-әле дегмәни, беден бедене дегмәни, төн-тене дегмәни, бу ерде Көроглы ятыберсин.

184. Бу вагты хошчулык билен, бу безим билен Көроглы айың-гүнүң өтәнини билепок. Бир гүн мейдандан гелйәркә: «Алла жаным, мениң шу ере геленим ниче гүн болдыка?» — дийип, геленини хасапласа, пе-

ризадың янына геленине кырк гүн болупдыр. «Ёлда эглененим хем кырк гүн, сегсен гүн болупдыр юрдумдан чыканыма. . . Мениң бу ятышым дәл. Ол бизи дийсе, биз оны дийсек, юрда гайтсак, энжамлы болжак» — дийип, гевни бозулып, ичери гирди. Гиренден, Агаюнус пери аңлашды муны.

— Алла, Көроглы, нәме геп тапып гирдин? Дашары чыкандакы йүз-төзүң ичери гиренде болмады.

— Эй, ёк, перизадым, хич геп тапамок.

— Ёк, Көроглы, догруланымбер, догруланымбер! — бир геп тапып гирдин сен.

185. — Догрулансам, Агаюнус, мейдандан гелйәркәм, шу ере геленими хасапладым. Сениң яныңа геленим 40 гүн болупдыр, ёлда эглененим хем 40 гүн болупдыр. Мен йөне бу ятышым бир адама меңзетдим. Бир жалатай заңнар огурлык әдер, огурлыгы-да чыкар, чыктынсыз бергә галар, я хумар ойнап, хумара утдурып, түкениксиз бергә галар. Онсоң ол адам ол юртдан гачгы болар. Ене бир юрда барып, өзүниң нәме әкендигини билдирмән, бир жонтук алашаны несье алып, бахасыны хем ынха бердим дийип, мундан-да гачар. Ене бир юрда барып, сен ялы бир йылманак хелей тапса, шонуң г. . . не дүшүп, оммалып ятар. Мениң ятышым тап шоңа меңзейәр. . . Ёк, Агаюнус, ол әйле дәл. Мен хем он ики мүн әйли текели илиң ханы. Мән-де бир юрдуң әеси. Сен бизи дийсең, биз сени дийсек, бизиң юрда гидели дийин, перизада гаршы гарап, бәш келеме сөз айдар герек.

186. Сени дийип гелдим Чандыбилимден,
Йөр гидели бизиң иле, перизат!
Аслым беян әтсем — түркмен илинден,
Йөр гидели бизиң иле, перизат.

Җамалың гөрәнләр җана нош болар,
Пирсиз ашыкларың ёлы даш болар,
Чөлде гезсем, Хыдыр пирим душ болар,
Йөр гидели бизиң иле, перизат.

Чөл ерлерде гөрдүм пирим гудретин,
Тарып әтсем гоч йигидиң хүмметин.
Яланчыда әйәм берен дәвлетин,
Сүр, гидели бизиң иле, перизат.

Гоч йигидиң өмри болсун зыяда,
Сени, мени хак етирсин мырада,
Көроглы бег, бу бәш гүндүк дүняде
Бир-бириниң гадрын билгин, перизат!

187. Бу сөзи гутарандан соң:

— Пәхей, Көроглы, сен гитҗек болсаң, мен әййәм гуругымы дүвүп гоян адам. Сен демиңи-дынҗыңы алсын дийип ятырдым мен.

— Дем-дыңч алдык, Агаюнус, юрда гидели!

— Хайыр, ягшы — дийип, Агаюнус Көроглы дүйшүкө гирен махалында, атасындан Ховалы гыр диең аты гетирип гоюңды, мүнүп гитмөгө.

Көроглының хем перизады аландан соң, Ховалы гыр гелеңден соң, гүн-гүндөн иши ровач алып, онсоң Көроглы болмага айланышяр.

188. Агаюнус пери Ховалы гыры гетирип, бир гылдан ээрлөп, хер мысгалы йүз мұң бахалы дашлардан, агыр мержеңкерден, лаглы-якут-дан, алтын-күмүшден ики хоржуны долдурды. Агзыны гайым гуллап, өз зерли-зерли гейимлерини хем алып, айна-дарагыны хем алып, букжа салып, Ховалы гырың сыртына бөкдерип, аты мүнүп, Көроглы бег билең гошулып чүв гайтсын.

189. Пах, зенана диеңиң бир яңа гушгуны бөлүңенде, зыңжыр-лаңда дурярма, ол баржак ерине барянча. Адам бир-хэ бегененде кеп тапмаз, бир-де гынанда. Бир ёлуз билең, бир хыял билең атланыпдырлар. Мейдана чыкыпдырлар. Көроглы муңа нәме хабар гатарыны билеңок. Перизат Көрогла нәме хабар гатарыны билеңок. Икиси хем соррайып, сүрүп баряр. Тап каза барян ялы. Шу гидишде пыланча гүн ёл йөредилер.

Бир гүн сәхер махалы дат үсүңден барярдылар. Агаюнусың гөв-нүңе шейтан гул-гула салмага айланышды. «Алла жаным, мен бу адамың ызына дүшүп барян-ов. Мен мунуң патышадыгыны билмесем, гедадыгыны билмесем, гарыпдыгыны билмесем, байдыгыны билмесем. Асла дүйшүме гирен адамзат болса ягшы бу. Йөңе геэип йөрөн бидөвлет болмаса ягшы. Йөңе үстүме өйленжек дәл дийип, ант ичди дийип гелйән. Ант ичмеден өңинчө, өңүмде үч — дөрт санагы отураң болса нәдейиң!..» Хер горку-лык, хер гүтдегойлук ядына дүшүп, барян еринде Ховалы гырың үстүңде бойнуны товлап, Көрогла гаршы гарап, бир бәш келеме сөз айдар герөк.

190. Шүкүр әдейиң сени берен аллага,
Хайсы ханың оглы экениң билмедим.
Көрешмели йүзүң меңзетдим ая,
Хайсы ханың оглы экениң билмедим.

Мениң дек гыз-оглан энеден догмаз,
Сениң дек гөч йигит жахана гелмез,
Мени алаң өмрүн өтерин билмез,
Хайсы ханың оглы экениң билмедим.

Мениң өзүм он үч, он дөрт ашымда,
Тылладан жүп жыгам бардыр башымда,
Пери гызлар кырк айлансын дашыңда,
Хайсы ханың оглы экениң билмедим.

Чын ашык мен, намыс билең харым бар,
Шу гүн саңа шиве билең нәзим бар.
Ак гөвсүмде битен гоша нарым бар,
Хайсы чөлүң жерени экениң билмедим.

Агаюнус Җахан патыша гызы,
Яр болмага кабул эйледим сизи,
Чандыбиле алып барсаңыз бизи,
Ач экениң, бай экениң билмедим.

191. Бу сөзи айдандан соң, Көроглы хем барян еринде мунуң сөзүниң манысыны тирип баряр.

— Алла, бу заңнарың айдан сөзи иң соңунда билмедим диен ери. Бир гезип йөрөн бидевлет болмасаң диени-ов мунуң.

Атың жылавыны перизада гаршы дөндериң, йүзүне бакып, гөзүни акжардып, «хә, заңнар Агаюнус», түркменчилик өзүңе белли — мейдана алып чыкансоң, «заңнар-паңнар» диймәге айланышыберди.

— Хава, Агаюнус, сен бу сөзлери бизлере айтма! — дийип, перизада гаршы гараң, бир бөш келеме сөз айдар герек.

192. Мерт болан ики сөзлемез,
Мердиң ыкраны бир болар.
Сөвеш гүни гөч йигиде
Шахымердан дегир болар.

Мертлер чөкермий айыны,
Билип отурар жайыны,
Ганымдан алар пайыны,
Мертлериң иши зор болар.

Хазан ели өсен болса,
Душман ёлы тусан болса,
Йигит башы эсен болса,
Маллы болар, малсыз болар.

Көроглы, местана чаглар,
Гүл ачса хунчалы баглар,
Гар аймаклы гарлы даглар
Гарлы болар, гарсыз болар.

193. Бу сөзи айдандан соң:

— Алла, Көроглы, гөвнүңе мелал аладың-ов муны. Гөвнүңе мелал алма. Мейдан ерде гөп тапылманы теленден соң, сени бир сынамакдан үчри айдагайыпдырын муны.

— Ён, Агаюнус, сынаг-пынагың иши дәл бу. Муны чылжайытдан айдарсың. Агаюнус, мен көнелерден, өтенлерден, ак сакаллардан эшидйәрдим: зенана билен дост болсаң дост болан вагты, шатыр-шутур гайшардып бир япмасаң достчулыгы болмаз дийип эшидйәрдим. Шол өтенлериң гөпи чын экени. Сен гөпиңи көпелдиң барярсың. Деррев атдан

дүш, икимиз гуҗаклашып жүшлешип бир яталы! Нәме гөпиң болса, онсоң айт.

Шейдиң Көроғлы атдан дүшжөк болуберди.

194. — Хайт-хайт, Көроғлы, түркменчилик, бисабырлык этме. Ол айдан гөпиңем угрунда болса бардыр, хәли ника гыяңок, сениң хем тениң өзүңе аманат, мениң хем теним өзүме аманат бун. Обаңа элт, ника гый, той-томаша эт, онсоң сең ыгтыяр элинде, нәме иш этсең. Ондаң берде мен саңа гушаклыгымдан ёкарымы бағш этдим—дийип, перизат гөзүниң эгремини гүлдүрип гөйберйәр.

Көроғлы бөйлесини бакаяр. Йүзүне диклей гөзләбиленок. «Гушаклыгыңдан ёкарың болса-да боля-да...» дийип, мых-мыш гүлен киши боляр.

Мунуң билен икиси гөвнүни бире баглап нирдесиң Чардағлы Чандыбил дийип, сүрүп өтөгитсинлер.

195. Хабары кимден ал? — Көседен ал.

Көроғлы гидели бәри, бир гарны ач, бир гарны док, Генҗиме дегмәни оңупдыр пакыр. Бир гүнден бир гүн:

— Хав, йигитлер, Көроғлы өлсө өлендир, өлмесе, бу гүн-эрте бир яндан чыкар. Бу гүн-эрте бир ерден чыкмаса, мунуң мейханасының ичине... Бөйдиң дирелшип ятмалың. Гадымкы чөтеге депейлиң. Хәр зат болса, бир-иңи гүн сабыр әдейлиң бакалы.

196. Көсә әхтиячлы заңдар. Билип болмаз, перизады гөтирәййәрми, нәдйәрми? Бир-иңи ярым байлардан несә гоюн, түви, яг, чай, теммәки алышдырып гөзип йөр. Алан байына-да:

— Хав, бай ага, шу вәчлериң пулуны бәржөгә Көроғлыдыр. Үзәр ялы болуп гелсә, вәҗиңи аланым, аланым. Үзә билмәҗөк болса, ене вәҗиңи өзүңә гайдып бөририн. Мундан иңи башлы әдиң аляр. Дәли Мәтел Сөйтөк Гырманы Сөрчөмәнә гарагул ташлап гөйди. — Перизады гөтирийән болса, сөйүнҗиләп гелгин.

197. Хабары кимден ал? — Көроғлы билен перизатдан. Шу сүрүп гөлүвүнә гелдилер Сөрчөмәнә. Дәли Мәтел, Сөйтөк Гырма иңи киши өңүндән чыкып салам берди.

— Хав, йигитлер, юрт-гара аманлыкмы?

— Юрт-гараң кемә ёк — дийип, гала гаршы басды гамчыны. Гелди гала гыгырып:

— Ай, йигитлер, сөйүнҗи, хай сөйүнҗи! Көроғлы ағам перизады гөтириңдир, сөйүнҗи.

Кырк йигит гөйинә биленини гөйиниң, дакынып, шайланып гайтдылар өңүндән. Урырлар шахамы, урырлар гыкылыгы, урырлар пагтабенди. Шу гөлүвинә сәс етер ялы мейдана гелдилер. Атдан дүшүп, гол говшурып салам бердилер. Гошулып сүрүбөрсинлер.

198. Хабары кимден ал? — Көседен ал. Урды Боздумана гамчыны. Хеммәдән өңинчә озуп гелиң, харемхананы бөҗерейин дийип, харемхананы сырып, сүпүрип, текеметлери чарпара ташлап, говы халы-паласлар ташлап, текчелердә аклы-гызыл алмалары хатар-хатар гоюшдырып пөтикледди. Ыслы гүллердән гысдырышдырып, төрдә бир ялкыҗа

аржанаң гетирип сөйөп гойды. Ондаң мейхана гелип, оды белентден галап, түңчөни дуры сувдан долдуруп, чөйнеклери чайкап, чилимиң сувуны тәзеләп, Көсө көнө тыг заңнар хеммесини бедессур әтди. Онынча перизады гетирип, харемхананың ишигинде голтугындан сөйөп дүшүрдилер. Перизат харемхана әртләп гирди. Барып аржа еңсесини берип отурды. Гөзүниң тейи билән бир хатар гөзледи. Аят ичмезден озал, өңүндө бир-ики-үч санагы бар диен горкусы барды. Гөзлесе, өңүндө киши гара ёк. Перизадың хем вагты хош, кейпи чаг болуберсин. Ене хабары Көседен ал.

199. — Хей, нәдип отырсыңыз? Перизадың еди аркасы ере дегмез ялы болуп гелипдир. Айдыжы-багшы болса гетирибериң, чалыжы сазанда болса гетирибериң! Семизрәк атлар-да болса, чыкарып союбериң. Көсө он гиҗе-гүндиз той-томаша берип, нан диене—нан, теңче диене—теңче, серпай диене — серпай. Ат чапдырып, алтын габак атдырып, айдыжы-багшылары айтдырып, хеммесиниң вагтын хошлап, тойы совуп, бир молла гетирип, перизады Көрогла гайым ника кылып берди. Той совлансоң, Көроглы айтды:

200. — Хав, Көсө, биз перизат билән хәли эл-әле, тен-тене, беден-бедене дегән ери ёк. Мениң бичеме хумарым көп. Мән онуң гойнундан чыкман, үч докуз гүн ятҗак дийип, Көсө үч докуз гүнә болар ялы хараҗат берди, гонук берди.

Көроглы харемхана гаршы уграп гидиберди. Барса, бәрден галың дагыстаның гызы, галың гоч йигитлер. Перизат ничикси затка, муны гөрүп болмазмыка дийип, гелин-гыздан, гоч йигитден яңа харемхананың ичи-дашы әл билән тыкылан ялы. Буларың геленине вагты хош, зейни чаг болуп, өзүм хем геленими мәлим әдейин дийип, йигитлер, гелин-гызлара гарап бәш келеме сөз айдар гөрөк.

201. Той тутмушам Чандыбилиң дүзүндө,
Беглер, гутлаң шу гүн нәзлим тоюны!
Душман көп болупдыр мениң касдыма,
Беглер, гутлаң шу гүн нәзлим тоюны.

Мейлисимдә агыр сазлар чалыңлар,
Гол говшуруп хызматында дуруңлар.
Ага-беглер, алтын көсә алыңлар,
Беглер, гутлаң шу гүн нәзлим тоюны.

Бәш мезилдән бедев атлар чапар мән,
Хер мезилдә сөрмәс гузы гапар мән.
Беглериме агыр халат япар мән.
Беглер, гутлаң шу гүн нәзлим тоюны!

Көроглы бег гурды агыр сазлары,
Көлүндә гыгыршар губа газлары,
Тоя гелен дагыстаның гызлары,
Гызлар, гутлаң шу гүн нәзлим тоюны.

202. Мувуң тавшыны эшидип, хемме гелин-гызлар чыкып-чыкып гайдыбердилер. Хемме гайтса-да, Генжим агасының хелейи гайданок. Еңде болан киши болуп, гол чызгап дур, «икисини элешдирип гайт-жак» — дийип. «Гелевери, йүвүржижигим» — дийип, Көроглының элинден тутуп, перизадың үстүне элтип, икисини гайым элешдирип:

— Агаюнус жан, шуңа тениңи багш этдиңми?

— Хахай, еңде жан, бизиң багш эденимизе ниче махаллар болды. Сен гапыл ятырсың хели!

Генжим агасының хелейи хем чыкып гайдыберсин. Пәх, өйден ковдулар хеммәни. Ишиге урдулар теммәни. Агаюнус пери докуз габат чымылган ташлап, баш ужуна докуз текче, аяк ужуна бәш текче, үстүндө бир юкарак ёрганы ташлап, өңинчә Көроглыны ятырып, зүллөрине шана уруп, йүз-гөзүнө пердаз берип, юмшак тирме биле башыны даңып, йүпек көйнек гейип, киядан гечжөк ялы сүйшүп, Көроглының койнуна гирди. Дал чыбык дей чырмашып, аяк дийсең дөрт өрүмө, ики келләни бир якадан чыкарып ятдылар. Бейлеки болан ишлер өзүңе мәлим. . . Булар мунда гуҗаклашып ятыберсин.

Ягшы етсин мырада, ямаң галсын уяда, олар галып нәме боляжак, — хемме етсин мырада.

III. АР АЛЫШ (АРАПДАН АР АЛЫШ)

203. Хайыр, ягшы, хабары кимден ал?

Көроғлы Көсә үч докуз гүне болар ялы харажат берип гайдыпды. Пәх, Көсәнің үч докуз харажаты бир докуз гүне етирмән, ир түкетди.

Ене бир гүн ол ерден, бу ерден несъе-ярым алып, оңды. Соң-соң несъйә-де етмеди. Сейтек Гырманы баш әдип дөрт-бәш атлыны буюрды Генжәмиң гойнуның үстүне.

— Бар-а, ал-а, бас-а, ағасының хем жоғабыны өзи берйәр, иенимиз хайрына.

Генжәмиң гойнундан бәш-алты гойны алып ийди Көсә. Ай Генжәм хем небсине әжиз заңғар. Шундан хикмет етенини билип, йөреди Көроғлының харемханасына. Гелип харемхананың ағзында сыпа г. . . гоюп, телпегиниң есерин чыкарып, шол оңкүләр ялы сөгүнип, лагырдап отыр.

204. — Әй, заңғар Көроғлы, заңғар! Өнде-соңда мен сенден хей гутулмажак болдум. Өз алажыңы өзүң гөржәк ягдайың ёкмы? Ене-де хелей алап йигиде бакың-а. Өйленен йигиде бакың-а! Арап гелип Гүленнам еңдәңи әкитди. Ол арың, намысың ол яндан гидип ятырка, бу ерде кейп чекип ятырсың дийип, сөгүнип, заңғырдаңып гайтды.

205. Бу гайдан соң, Көроғлы ойланды: «Алла, мениң бу ятышым дәл экен-ов. «Дәлиниң мүң геши телек болса-да, бир геши гөрәк» диеплери». Перизадың гойнундан чыкып йүврүп барды мейханасына. Көсә айтды:

— Көроғлы, үч докуз гүн ятжак диймәнмидиң? Я перизат вагтың хош әтмедими? Гөвнүң үстүнден бармадымы?

— Ёк, Көсә, перизад-а вагтымыз хем хош әтди, гөвнүмизниң хем үстүнден барды. Перизадың гойнунда ятыркам, бир кеп ядыма дүшди.

— Нәме кеп ядыңа дүшди?

206. — Бирмахал арап гелип, Гүленнам еңдеми әкидидир. Шоңа гитжәк болуң, үч докуз гүнде битиржәк ишимизи ики докуз гүне гойман битирдик.

Мен шу гижә-де перизадың гойнунда ятып, эртир атымы әсерләп гелерин. Сизләр хем гитме шайыңыз билен болуп отурын.

207. Көроғлы хем мейханадан чыкды. Булар әдилер мейханада галмагалы, гөйә хам пайлашан ялы. Көсә ере бакып, ойланып отыр.

— Хә, Көсә, сен кеплемейәрсин-ле?

— Нәме кеп гөрәк?

— Бу заңдар әртир гелжек дийип гитди ахырын.
— Нәдейин гитсе?
— Мундан бир галма алажын гөрсене, Көсе.
— Йигитлер, Көроғлыдан кырк йигиди алып галайын дийсем, сөгүнч әшидеринми?
— Хә, әлбетде әшидерсиң.
— Белки бөш—алты гамчысыны хем иеринми?
— Иерсиң.
— Мен сөгүнч әшидип, гамчы ийип, нәмәнің азары. Мең езүме гүйжүм етер шу сапар.

— Ва, Көсе, мени алып гал-да, мени алып гал-а, мени алып гал! — дийип, кырк йигит Көсәни айландырыбердилер. . .¹

— Хань, йигитлер, сизи алып галайсам, нәме берерсиңиз маңа?
— Нәме дийсең берейли, Көсе.
— Йигитлер, сизден кән дилемәйин. Хер хайсың бир теңде—бир теңде бериң. Кырк теңде бир чай пулы боляр-да.

— Гараз алып галсаң берейли — дийип, гайым вада әтдилер.
208. Әртеси Көроғлы атыны әерләп гелсе, Көсе чай-нан ичмөндир, атынам әерлемөндир, яйым-ялпак хәли.

— Хә, Көсе, ат әерлемәнсиң-ле?
— Ай, Көроғлы, ат болса әерленер-дә.
— Көсе, сениң яман бир буқың бар алы-ла.
— Бар, хава.
— Хань нәме гүррүңиң бар?
— Мениң гөвнүмеми, шу сапар маңа кырк йигиди алып, галада гал дийәйжек ялы сен.

— Ёг-а, ол айданың болмаяр. Көсе, деррев атлан!
209. — Атлансак, атланайас-да — дийип, буларың гулагына огрынча пышырдап:

— Йигитлер, бир ховала атланайлың. Мейдана чыкансоң, ене бир алажыны гөрерин.

Атланып чыкып гидибердилер. Көроғлы мезилме-мезил, салкынма-салкын чай ичиң, чилим чекип, дүшлөп баряр. Хер дүшен еринде Көсе ялына гелйәр. «Бир несихатым бар саңа, айдайын» дийип. Мунуң бир кеп таып галжагыны Көроғлы хем аңлашяр. «Айтма» диййәр, атланяр, «айтма» диййәр, атланяр. Хуллас мейнисине дүшен гурт болды. Ене бир гелип дүшенде, Көроғла «айдайын» дийип, ене гелди.

210. — Әй, заңдар, гүррүңи көп әдйәсиң-ә — дийип, Көроғлы Көсәнің азгына юмрук ченеди. Көсе сывыны силкип, өйкеләп, тосурдап өтәгитди. Шол мейданларда. . . боляр. . . боляр, атыны сува якан киши боляр, әшиклейәр, ийм берен киши боляр. Гезип йөрән еринде заңдыр-заңдыр әдиң йөр.

— Ә, мунуң атасына геңеш берйәрдик, бабасына геңеш берйәрдик. Өңки өтенлер бизден геңеш соряды, индики яш кичилере бир гүррүңимиз

бар дийип янына барсак, бизиң агзымыза юмрук ченейер. Индики яш кичилерден гөржек хорлутымыз шу-да бизиң.

Көроғлы айтды:

— Гел-ә, атаны, бабаны ара салып йөр. Хабары болса айтсын-да дынсын-ла шу. Мунда гелай, Көсе — дийди.

— Айт, хабарың болса.

— Хабарымыз айтсак, сен нирә барярысың?

— Мен арабың үстүне барян.

— Арап сени нәме иш этди?

— Арап гелип Гүленнам еңңеми әкитди.

211. — Гүленнам еңңеңи әкиденде, кырк-әлли саны атлы билен гелип әкитдими? Я екеже өзи гелип әкитдими?

— Екеже өзи.

— Әйле сен, заңңар, үстүне йыгын тиркешдирип барярысың. Көроғлы, бизиң билен барып арыңы алсаң, ене бир махалында Арап билен саташайгайсаң: «Хә, заңңар, Көроғлы, мен сениң Гүленнам еңңеңи екеже өзүм алып гайтдым, сен кырк-әлли саны жалатай . . . тутуп, харыңы алыпчаң, топрак башыңа! — диер. Сен оңа ызайсаң герек, Көроғлы. Ондан бу яныны хем өзүң билйәрсиң-дә.

212. — Ий, Көсе, шу айданың чын-ов. Шу кырк йигиди алып галавери, Көсе.

— Ёк, болмаз, Көроғлы. Бир хабарым бар, айтдым-да дындым. Деррев атлан, киреде Арабың болса!

— Ёк, Көсе, мениң төвөлламы ал-а.

— Болмаз, Көроғлы, болмаз!

— Көсе, мен Арапдан арымы алып геләйсам, саңа кырклардан башга өзүңе ики докуз теңде берейин. Пәкизе бир дон хем әдейин.

— Инди сыра болмаяр.

— Хә, ол ничик, Көсе?

— Хай, әрте-биригүн дилиңе чоларсың, гарры бидевлет заңңар теңңеңиң, серпайың гевнүни гөрүп галдың диерсиң.

— Ёк, сыра айтмайын, Көсе.

— Хай, Көроғлы, бу кыркысы мениң диеними әдәйсе.

— Хав, йигитлер, сизлер хем гитжек дийип дызап дурмаң. Көроғлы бизиң билен харыны алса, хары жайына дүшжек дөлмишин. Йөрүң гайдайлың! — дийип Көсе гөзүни гырпып гойберйәр.

213. Кырк йигиди алып, Көсе дөнүп гайдыберди. Бәррәк теленсоң, Хажы Сумсар айтды.

— Көсе, саңа Көроғлы геледен соң, теңде берейин дийип айтды, чай берейин дийип айтды. Бизден алжак бир теңде, бир теңде. Өтәсана шу сапар.

— Гайдып шулар ялы хызмат буюрмасаңыз өтәйин.

Вели Хыртман айтды:

— Ики теңде дийсе-дә бериң заңңара, аланы халалы болсун — дийди. Булардан хем бир теңде алып, Көсе кисә урды. Көроғлы «екәниң яры худа» дийип, басды ата гамчыны.

214. Ёл узак, кеп гысгасына ягшы, сүрүп Арабыстан үлкесине барды. Бир адамдан сорады:

— Хав, жора, бүнлер Рейхан Арап нөмө пише башында?

— Ягшы йигит, Рейхан Арабың пишеси үч айлап багшы айтдырып, сурнай урдурьп, гайрак какдырып, тебил какдырып, масгарабаз ойнадып, сазда-сөхбетде, безимде боляр. Онсоң гарныны дойруп, үч айлап уклаяр. Дүйн саз-сөхбети гутарьп, гарныны дойруп ятды. Шу вагтлар укуда.

215. Укуда диенсоң, гап-гайгысыз сүрүп өтөгитди. Барды, галасының арка йүзүнде улы чарбагы бар экен. Аркакы дервезесинден гелип, гирди багына. Шол гелүвине ховзуң боюна гелди. Гелсе, Арап заңңар бир бейик сыпаның үстүнде, уллакан гүжүмиң тейинде, докуз габат чымылган ташлап, баш ужуңда докуз текье, аяк ужуңда баш текье ташлап, чын аркан дүшүп харлап ятыр. Хер демини алып пышгыранда гүжүмиң япраклары шагшыл-шагшыл сес берйөр. Көроглы айтды: «Намартчылык эдиң, уклап ятан адамыны өлдүрмөйинде. Хер хачан турса, атымың ызыны гөрсүн» — дийип, үч мертебе атыны төверегинден айлады. Гүйжүми Арап хем гөрсүн дийип, бир гүжүме ок атды. Окуң ярысы аңры гечип дуруберди. Онсоң харемханасының ишигинден гелди. Харемхананың ишигинде Гүленнам еңцеси хем Арабың гейимлерини ювуп отырды. Салам берип гелди: Гүленнам еңцеси хем гөрүшип, отуржақ болуберди.

216. — Отурма, еңце, мүн атың сыртына деррев! — дийди.

— Хав, Рөвшен жаң, мениң болжагым болупдыр, бой хем сыныпдыр. Мени бу жайымдан инди гөзгама.

— Ёк, болмаз, гитмесең болмаяр, еңце жаң!

— Рөвшен жаң, саңа бир кеп бар. Сен шу вагтлар мени эжитсең, бетбагт билен ене бир ерде саташайсаң: «Хай, заңңар Рөвшен, мен сениң Гүленнам еңцеңи раст диен махалында, новча махалында гучуп-гучуп ятдым. Иң соңунда гаррап, сандан галансоң экидип, арым жайына дүшди дийип гезип йөрмүң? Кемшири бөри ков!» дийип айдар. Сен оңа ызайсаң герек.

— Эйсем геңешини сен бер, еңце жаң!

217. — Мунуң геңешини мен берсем, мунуң оглы ёк. Екеже гызы бар. Оны хем әре бермөге-де гөзи гыйман, саклап отыр. Шу вагтлар 25 яшына барыпдыр. Адына-да Бибижаң диййөр. Шоны алдап-огшап сениң сыртыңа бир мүндүре билсем, Арабың йүрек ягыны үзйәрсиң.

— Пах, еңце жаң, 25 яшындакы гызы тапсам, сениң ялы гарры шалтагы әкидиң, нөдейин мен?

— Сен дурубер бакалы шу ерде.

218. Гүленнам барды Бибижаның янына.

— Хә, эне жаң, нөмө ишләп йөрсүң?

— Ёк, Бибижаң, яңы дашарда дәдең гейимлерини ювуп отырдым. Бир атлы, яраглы герчек гөч йигит телпеги чөккә гоюп, «еңце, бир сув бер!» дийип айтды. Бу шалтагым, кирым билен сув берсем, төбети алмаз —

дийип гөвнүмө гелди. Гел шуны Бибижана айдайын. Шуңа бежернип, ясанып сув берсе, хем төбети алар, хем Арабыстан илатында шулар ялы овадан етишен бир гыз гөрдүм дийип, мейлисе, отурышмада гүррүң эдер — дийип, сениң яныңа гелдим. Шоңа бир сув бер, Бибижан.

219. Гыз машгаланың овадан, кокур арасса йигит бар дийсең, аз-кем гөвнүниң бөлүнәймеси боляр. Шулар ялы йигит болса, гөзүм билен гөрүп гайдыберейин-ле дийип, Бибижан йөрүш этди. Дөлиз билен гелйәркә, ишикден чыкмака, Көроглыны гөрди. Гөрөндөн, йылан гөрөн ялы ызына гөни чекилиберди.

— Хә, Бибижан!

— Ёк, эне жан, эне жан, бу йигидиң яман түйси бозук гөрүнйәр. Муңа сувы-да болса, өзүң бер, задың-да болса, өзүң бер. Аман-саг угра-давер бу ерден.

220. — Бибижан! Көп ягышы йигит, барайсана — дийип, бу-да г. . . итип дур. Бибижан Көрогла гаршы гарап:

— Хав, гоч йигит, сен бу ерде көп дурма, бизиң пейшапларымыз сени гөрегайса зая эдиң өлдүрөр — дийип, Бибижан Көрогла гаршы «Гитгин инди, демир донлы, бу ерден» дийип, икиси гөр:

221. Б и б и ж а н. Хабар бергин, йигит, кайдан гелер сен?
Гитгин инди, демир донлы, бу ерден.
Хайсы илден, хайсы улусдан болар сен?
Гитгин инди, демир донлы, бу ерден!

К ө р о г л ы. Мени сорсаң, гелдим Чандыбилинден,
Алмай гитмез демир донлы бу ерден.
Аслым беян этсем, түркмен илинден,
Алмай гитмез демир донлы бу ерден.

Б и б и ж а н. Гитгин инди, бизиң иллер дуярлар,
Дуйса, сениң ширин жаның гыярлар.
Гочаклармыз киревкә геерлер,
Гитгин инди, демир донлы, бу ерден.

К ө р о г л ы. Бәш мезилден арап атлар чапар мен,
Хер мезилде сөрмест гузы гапар мен.
«Дах!» диёмде, бәш кишини басар мен,
Алмай гитмез демир донлы бу ерден.

Б и б и ж а н. Гоч йигитлер белевдинде, пестинде,
Ашык болаң магшугының кастында,
Көп сөзлеме гыр атыңың үстүнде,
Гитгин инди, демир донлы, бу ерден!

К ө р о г л ы. Белент-белент гарлы дагдаң өтмеен,
Арым алып, мақсадыма өтмеен,

Шу гүн сениң ак голуңдан тутмаян,
Ичмей гитмез демир донлы бу ерден!

Б и б и ж а н. Ханларның ичинде ханлар ханы сен,
Ашык болсаң, магшугыңы таны сен,
Сен писинт этмедин Бибижаны сен,
Гитгин инди, демир донлы, бу ерден.

К е р о г л ы. Көроглы айдар, ширин-шекер сөзлини,
Жаным алап пергиз гара гөзлини,
Ак йүзи зенехдан гоша халлыны
Алман гитмез демир донлы бу ерден.

222. Бу сөзи айдандан соң: «Гөр-хә, гөр-хә, эне жан, мунуң айдян сөзлерини. Асла бу йигитден хәсиет чыкмаз!»

— Хав, Бибижан, сөн хәли нәме яшапсың, нәме гөрүпсиң. Биз булар ялы йигидиң пичесини элден гечирен адам. Көп ягшы йигит, барсана Бибижан! — г. . . итиберип дур бу-да.

— Ёк, эне жан г. . . билән Гүлендам хем Көроглының гөзүнден ити-берип баряр.

Көроглы айтды: «Мен көнелерден, өтеңлерден эшидйөрдим: «зенаның гушгуны бизден бор» дийип. Шуңа хошаматлап бир сөз айдайын-да, бизде сөз гытмы нәме» — дийип, Бибижана гаршы гарап:

— Вах, Бибижан, гитмесене, сувуң берәйсене! — дийип, Бибижана бир бәш келеме сөз айдар герек.

233. Гаршым алып дуран дилбер,
Нәзлим, бир сув бер ичейли.
Тер хыналы голларыңдан,
Гыз оглан, сув бер ичели!

Мен хем гелдим иллеримден,
Сейран этсем гүллеридән,
Тер хыналы голларыңдан
Бизе бир сув бер ичейли.

Сенмисиң арабың гызы?
Геен донларың гырмызы,
Нәз билән көйдүрме бизи,
Гыз оглан, сув бер ичейли.

Билбил гүле чекер зары,
Ашыгың ёк намыс-ары.
Көроглының сөвер яры,
Бибижан, сув бер ичейли!

224. Бу сөзи айдансоң, Гүленнам айтды:

— Халха Бибижан дийип адыңы хем билйөр экени (озал өзи айдып гойяр-да). Хей, Бибижан, бу йигит сениң ат-овазыңы эшидиң, саңа ашык болуп гелен болмага чемели. Муны намырат гайтармасана берагайсана!

— Алла, эне жан, «бери-бери» көп айтдың-ла. Инди мен берейин вели, сен мениң кейнимден хабардар болавери.

— Кейиниңи гайгы этме, Бибижан. Элиңден бер, элиңден!

Хайыр, ягшы. «Касас кыямата галмаз» диенлери. Арап Гүлендамы алып гайдаңда, Көроглының атасында галаң алтын жамы алып гайдыпды. Бибижан хем шу жама сув салып, харемханадан мылгып, жүлге ташлап, гурраңлап, кейинжирап начар оглан уялан киши болуп, йүзүни кесерөгө-де тутуп, жамы голуна узатды.

225. Көроглы хем маймын ялы чаласын заңнар. Жамы голундан гаңрып алып, сувун дөкүп, дессине гойнуна урды. Гызың билегинден тутуп, бери чекди. Атың депиргисине чыкады. Онынча Гүленнам еңдеси хем йүврүп гелип, жувазың окы ялы келлесини раст айрылан ериден урды келлесини. Бу мунуң билегинден тутупдыр. Букжа айрылан ерден урупдыр келлени. Көроглы хем:

— Гөтер, еңде, гөтер! — диййөр. Раст етишен семиз гыз. Ики аягыны атың депиргисине дирәп, арканлыгына өзүни ташлаяр. Аграмына Гыр аты алып-алып гидйөр. Көроглы атың жылавуны силкйөр. Ат пыр-лаңяр, еңдеси хем биле пырланышяр.

— Гөтер, еңде, гөтер!

226. Бир мейдан якалашансоң, Гүленнам билен Көроглының агзының бирдигини Бибижан хем аңланышды.

— Хав, гоч йигит, гойбер элим, өзүм гидейин инди.

Шейле диенсоң, Гүленнам:

— Хай, Рөвшен, гойбер элини, гидейин дийди, гидер өзи.

— И, еңдемиң хем гевни бу яна айланды-ов! Ол айданың болмаяр, еңде. Гөтер-сене, гөтер-сене!

— Хай, Рөвшен, якалап масгара эдип эжитме. Инди алажы өкдур, гидер өзи.

227. Шейле диенсоң, Көроглы хем элини иберди. Пах, 25 яшан машгала. Бибижана-да герек болупдыр. Ичери гирип, зерли-зерли гейимлерини гейип, шай-шайманны дакынып, айна-дарагыны хем алып, букжа салып, букжасыны голтуклап, жаңңырдап гелип, Гыр атың сыртына мүнди.

Гүленнам:

— Бар, Рөвшен жан, алныңы хак ачсын. Арабың йүрек ягыны үзенсиң. Эмма өзүң гатырак гидевери. Мен шу гүн муны ирде-гичде оятмасам, дөвүш-таяк мениң башымда бор.

— Хай, еңде жан, ниче Арабың болса иберибер. Мейдана чыксам, алажыны гөерин.

228. Көроглы Бибижаны артлашдырып гидиберсин. Хабары кимден ал? — Гүленнамдан ал.

Арабы оятмагың тутушыгында болуберсин. Агзыны гулагына гап-лашдырып, хий бир гыгырар, эгер-эгер. Бир сарсавок заңдар. Ол яныша гечип деп, бу янына гечип деп. Бу депени билен, бу гыгыраны билеп оянмансоң, аркан дүшүп ятан адамың гарының үстүнө мүнүп, айбогдашыны гуруп, палнарып яйрап отурды. Гарындан бир агыр зат басыберенсоң, демини йыгнап, ичини чекип, бир пышгырып иберди Арап. Гүленнам зоң эдиш, онда дүшди. Мунуң билен хем оянмансоң, ики саны уллакан яссык гетирип, хер яссыгы бурнуның бир ян дешигине дыкып, ики саны пыяда таяк билен итибериш дурлар. Демини чыкарман, ичини бир чекип, раст пышгырып иберди. Яссыклар гөйө топ атылап ялы болуп гитди. Мунда-да оянмансоң, аяк ужуна бөш-алты гап көмүр гетирип, бөш—алты саны зергөр уссаны гетирип, деррев туташдырып «от эдиң шуны» — дийди. Деррев туташдырып, от этдилер. Бирэнтэк түпөң чыбыгыны гетирип, чым-гызыл от эдиш, уссалар дабанының тейине гачырдадып басыбердилер. Чыбыгың бир энтеги гиреп махалында, аягыны бир йыгырар: «Хав, мениң аяк ужумдан чыбын чакяр. Горасаныз-ла!» дийип гыгырар.

229. Гүн хем пейшине санды. Аягының тейини хем галбир ялы этдилер. О яна-бу яна агдарылып, битакат болубердилер. Инди оянжаныны Гүлендамам билди.

— Сейислер, деррев атыны эерләп гоюң! — дийди. Ашбазларына деррев нахар тайяр эдиң! — дийди. Чайпуршына чайы тайяр эдиң! — паякысына чилимини хем тайяр эт! — дийди.

230. Ховуз сувдан долуп дурды. Гүленнам сува чүмүп чыкды, топрага агнап, сачыны хем чөзүп гойбериш, йүз-гөзүниң о ери-бу еринден дырнагы билен ганадып, бир донуң ечини келлесине бүрөп, харемхананың агзында терс бакып, . . . эдиш, гамбазлык эдиш, гарга яландан улы или билен аглап отурыберсин. Онынча Арап хем тура гелди.

— Хав, мени ятырмаян ким-ха?

231. Бир махалдан Гыр атың ызына гөзи дүшди. Хах заңдар-а хер хачан өз атының делүниң ызыдыр. Бир махалдан гүжүмө атылап ока гөзи дүшди.

— Бу нәме ок?

— Билмедим ким атып гиденени—дийдилер.

Кими-де болса, хер хачан мениң билеп дестгирибап туташжак адам бу.

Бир вагтдан Гүленнама гөзи дүшди.

— Хав, саңа нәме болуп отыр?

— Мерез болуп отыр, зәхер болуп отыр! — дийип, зат билмедик киши болуп, Араба гаршы гарап, бөш келеме сөз айдар герек.

232. Өз юрдумда солтан идим, хан идим,
Гахба пелек мени сачды, яранлар.
Зүлпи чин-чин болан бир чемен идим,
Барып Рейхан маңа дүшди, яранлар.

Сачыпдырлар о жөннөтүң зерини,
Гарыпдырлар гулман билен хүйрини,
Мелеклерде нөзик беден перини
Бир гоч йигит алып гачды, яранлар.

Кероглы бег гелип атындан дүшди,
Сениң гызың гуҗаклашып гөрүшди.
Икиси хем гүл печек дей чырмашды,
Арзылум дагындан ашды, яранлар.

Бир гоч йигит бедев харладыш дурды,
Сениң гызың оңа саламын берди.
Гөтөрип атының ардына алды,
Бир ниче чөллерден гечди, яранлар.

Эшиденлер Гүлеппамың сөзүни,
Ыкарат әйлемән, беглер, өзүми,
Бир гоч йигит, Арап, сениң гызыңы
Биарман өпүбөн гучды, яранлар.

233. Бу сөзи айдандан соң, уклап турупдыр заңнар. Чайыны ичмөндир, чилимини чөкмөндир, эсси еринде дәл. Мунуң айдан гелине дүшүнөнок.

— Нөмө галмагал әдйәрсин, заңнар?

— Галмагал яңы Кероглы гелип, мени әкитжөк болды. Мән хем гачып, ховза гирдем. Ондан хем ковалап чыкарды, онсоң харемхана гачдым. Йүз-гөзүми хем гамчы билен ура-ура персала этди. Бу галмагалымыза Бибиҗан хем ичерден чыкайды. Оны гөрөңсоң, сөңден хем гечди, менден хем гечди. Икиси гол бойна салышып, мухапбети поса алышып, атлашып чув гойдулар.

— Хачан гитди?

— Яңыҗа гитди.

— Ай, аты зерлең! Сулахлары гетириң, чилмем әкелиң, нахар әкелиң.

234. Дессине атыны зерләп гетирдилер, чайпурушлар чай әкелди. Ашбазлар нахар әкелди, паякасы чилим әкелди. Бир керсен гарманы гарнына гапгарды. Докуз чөйнек чайы башына чекип, бир чилим чекип, атыны мүнүп, ярагыны дакынып, Гыр атың ызыны алып, басды ата гамчыны.

Арабың аты дөрт—бәш айдан бәри гозганман, букуда дуран ат. Арабың атындан парча-парча көпүк табагың агзы кимин сачылып дүш-йәр. Бу көпүкләр гайдып, бир акҗа дер гелди, гарры арабы харлап зыңмага айланышды.

235. Бу гүн өтди, бу гижәси өтди. Эртеси чәш галаңда, ковуш өтди. Кероглының ызындан бир гүррүлди пейда болды.

— Хав, Бибижан, бир гүррүлди бар, аждар бармы, шир бармы?
— Көроглы ага, аждарыңы-да билмен, шириңи-де. Бизиң атамызың атының овазы ол. Онуң тойнагы гызанда, дамагы гүрлейер. Шонуң гүррүлдиси ол!

Көроглы горкды.

— Алла, Бибижан, атаң гелйән болса, ёлдан совулакгадан дага гизленөйсек, ничик борка?

— Ёлдан совлуп, дага гизленип, ызыңы аркаңа гөтержекми? Сениң ызыңы алып ковуп гелйөле ол.

— Эйсе мунуң геңешини сен бер, Бибижан.

— Мунуң геңешини берсем, атам ука гиден махалында, сейислере баш болуп, ата от берип, сув берип, бакып-бежерип гөзлейән мендим. Оңа хер мезилинде тевриси баш батман ийм берилйәрди. Ат аягындан бикәр боладыр. Йөне гызгынына гелйәндир. Өйүңден чыкса, баш агыз кепе гүймесең, аты совуп галар шу ерде.

— Ай, олар ялы болса, атаңы үч-дөрт гүвләп кепе гүймемейәнми мен оны!

236. Көроглы бир даг үстүне чыкып, ызына гөзләп дурды. Гөзлесе, ики дагың жүлгесинден Арап заңңар гелди. Болуп гелши тап ишынжа ялы. Сес етер мейдана гелди. Көроглы шол ерден гыгырды:

— Хав, Арап, дур шо ерде, баш-алты агыз сөзүм бар саңа.

— Хай, з. . . с. . ., сүнни, заңңар, ине дурдум мен, айт сөзүң болса!

— Сөзүми саңа саз билен айдып бержек — дийип, даг үстүнде Араба гаршы гарап, аркасындан сазыны алып, баш келеме сөз айдар гөрек.

237. Сени дийип гелдим Чандыбилимден,
Сенден гайдан энесинден догмасып.
Аслым бөян этсем, түркмен илинден,
Сенден гайдан энесипден догмасын.

Мейдан ичре етдиң, бедев харладып,
Ылгал эдип, ат алдыны дерледип,
Мен дурдум өңүнде жүда парладып,
Сенден гайдан энесинден догмасын.

Белент-белент гарлы дагдан өтер мен,
Арым алың, максадыма етер мен,
Бәри гелме, Арап, сени атар мен,
Сенден гайдан бу паныга гелмесин!

Көроглы бег айдар, мердиң өзүни,
Күлли Арап гөрсүн мейдан тозуны,
Еңдем үчин алдым сениң гызыңы,
Сенден гайдан яланчыга гелмесин!

238. Бу сөзи тамам этди. Бибижан сүрүбер инди бу яна — дийди. Көроглы чая гаршы Гыр атың жылавуны яздырды. Арап заңдар атының сованындан хабары ёк. Бу наманы айдынча, аты саң-гаты болан.

— Хай, сениң бир... сүнни! Бу сөзи айдып, менден гутулып гитжекми? — дийип, ... галкышладып, раст депип иберди, өз аграмына өзи башашак гайдыберди минара гайдан ялы, дегди маңлайы даша, ер гуҗаклап ятыберди. Шу ятувына үч сагатдан соң эссине гелди. Энт-мент болуп, эериң гашына маңлайыны гоюп, бир сагат ятды. Атына чүв диййөр, гамчылаяр, уряр. Эгер-эгер сарсанок, чигнине орап-орап, бу яныны хем эгнине ташлап, тагырдадып сүйрөберди. Ат соң-соң гыбырдыккламага айланышды. Онсоң әдимини гатырак әтмәге айланышды. Инди гызҗак әкенлигини билип, уяныны, янтанапыны әериң гашына тгсдырып, бир егдесте таягы тапып алып атың гуйругындан тутуп, сагрысына, гапыр-гасына, янбашына ура-ура, ене гыздырды атыны. Мүнди ата, басды гамчыны. Кә дерләп, кә дери гайдып, түйс йүврүгиң белли алаҗы бармы? — Ене харлап зыңмага айланышды.

239. Көроглы мундан өҗинчө Аразың чайындан гечди. Онынча кыбласындан Арап хем гүрлөп-харлап гелйөр. Көроглы гыгырды:

— Дур, Арап, шу ерде дур!

— Ине дур дийсең дурдум, э... с... сүнни. Сениң этжек делилиң, этжек билимиң — мениң атымы совудың, менден гачып гутулҗакмы? Соваберсин бу ерде. Аты ташлап, ызындан пыядалап, барып, галаң агтар-дүңдер башыңа зындан эдип, Чандыбилиң кесегини хелейлерңе богазларна бир батмандан гөтердип, гысырна ярым батмандан гөтердип, Арабыстана дашатсам хасап э!

— Хер иш этсең саңа бәш—алты агыз сөзүм бар — дийип, Араз чайының арка йүзүнде Араба гарап, бир сөз айдар гөрек.

240. Учрадың Араз чайында,
Гайт инди, Рейхан, өлер сен.
Сени гойман бу җайыңда,
Гайт инди, Рейхан, өлер сен!

Ене бу ёлдан гелер мен,
Досты-душманым билер мен,
Элтип, йылкыма салар мен,
Гайт инди, Рейхан, өлер сен.

Сен гафлат укуда ятдың,
Нерваныңа окум атдым,
Сениң гызың алып гайтдым,
Гайт инди, Рейхан, өлер сен.

Сөвешҗегими билдирип,
Кә агладып, кә гүлдирип,
Инди өзүңи өлдируп,
Гайт инди, күпбар, өлер сен!

Окум чекип гирсем яя,
Налыштың етмез худая,
Арап, атың болар зая,
Гайт инди, заңдар, өлер сен.

Көроғлы Алы пириме,
Дағлар әңренер зарыма,
Дөвчүлерин кырк ярыма,
Гайт инди күлбар, өлер сен!

241. Бу сөзи айдансоң, Арап айдяр: «Дөвчүлерин кырк ярыма, кырк ярына бак-а, кырк йигидине бак-а! Шол кырк йигидиң мениң гөзүме пешече гөрүйөрми?!» — дийип, бу сапар атының сован әкендигини билип, бу сапар ахмал отурмайын дийип, жылавы чекерәге-де тутуп, кибтини гайым гысып, атың гарнындан доландырып жүп гамчы урды. Аты секирәкке бир зыңды асман. Бу сапар чалагарадан сован әкени ат. Араз чайыштың аркасына-да дүше билмәни, кыбласына-да дүше билмәни, ортасына гүвш әдиш йыкылды. Толкун текизлешип гитди. Бир махалдан сувуң йүзүне чыкып, сувуң ичинде атдан дүшүп, атының танапыны билегине орап, атының өңүнден йүзүп гелйәр, аты хем ызындап йүзүп гелйәр. Аркасына гелерләп гелйәр. Көроғлы ене гыссянды.

— Алла, Бибижан, атаң-а гечип гелйәр. Атаң атыны урайынмы, өзүни урайынмы?

— Көроғлы ага, хер затдыр атамдыр, әдеп сакла, атыны урсаң, ур, ага.

242. Көроғлы кеймир оқы яя долдурып, шир-худа пири чагырып, атың агырнысындан, я инжигинден дегәйсәң герек! — Бөррәгини габатлап, раст атды. Ок гелип, атың гарысындан гөмүлди, гарыны күл-ушак әдиш, перман бермәнсоң, деряның дүйбүне зым гайып болуп өтәгитди. Танапы билегинде, Арабы хем тейине оврадып, өтәгитди. Ат йүзүп гелйәди. Бир аягы йүзмәге айланышды. Кө йүзүп, кө ёкары галып, алып өтәгитди. Бир махалдан сувуң йүзүне зомпулдап чыкды. Инди атына ок дегенини билип, кыбласына кыркылдап-кыркылдап, жанының соңунда кыбласына чыкды. Атыны хем сүйрәп чыкарып, гейимлерини сыкып, хер хайсыны бир яңа серишдирип, телпегини хем бир агажа гысдырды. Телпеге хем тап кичирәгеде кәжебече бар-да. Арап ойланды:

— Алла, бу сүннүден өңде-соңда дестим гайра болды-ов. Нә себәп-денкә, жаным?

Бирден ядына дүшди. Яңкы газалының аягында Көроғлы Алы пириме дийип, айтды-ов бу. Мунуң пири Алы әкени. Мен мунуң билеп әржешмәйин — дийип, Аразың чайыштың кыбласы билеп Көроғлының доғрусына барып:

243. — Хав, Көроғлы! — дийип, гыгырды.

— Нәтжәк, Арап ага!

— Мен сенден утдурдым, мен сенден гайра гелдим, сениң пириң Алы әкени. Инди сен дүйәдеп өтипчәң, мен дүйәдеп өтинчәм, сениң билеп

урушмазлыга, жедел тутмазлыга эхт болсун, касам болсун бу ерде!

— Э, шей дийсене, Арап ага, йүзүң ак болсун!

— Инди, Көроглы, Бибижаны саңа табшырдым. Сени худая табшырдым — дийип, чув ялаңач болуп, Бибижаны Көрогла табшырып, бир бәш келеме сөз айдар гөрөк.

244. Узак ёлдан гелен йигит,
Алыпсың—саңа аш болсун!
Йүрегиме дагы-дүвүн,
Гоюпсың—саңа аш болсун.

Ягшы пент болсун өзүңе,
Ганлы яш долдыр гөзүңе,
Гитме хатының сөзүңе.
Алыпсың — саңа аш болсун.

Инди галып мен дөвүре,
Өзүңи чекдиң бу ере,
Атыңы берме хөвүре.
Алыпсың — саңа аш болсун.

Мен ниче гүн сүрдүм дөвран,
Тапылмаз дөрдиме дерман,
Рейхана түкөмөз арман
Гоюпсың — саңа нош болсун.

245. Бу сөзи айдып, дөнүп ызына гайдыберди Арап. Атының янына гелип, гейим-гежимини атының сыртына ташлап, атыны идиң кейтикләңде, кейтикләңде гидибәрсин.

246. Көроглы хем Бибижаны артлашдырып сүрүберсин. Бир мейдан йөрөнсоң: «Алла, бу заңдарың гидени чынайтданмыка я бармыка?» — дийип, Көроглы ой этди. «Муны бир гөзләйин-ов» — дийип, бир даг үстүнә чыкып гөзлөсө, Арап заңдар баяр ики дагың жүлгесиндөн. Гейим-гежимини хем атың сыртына ташлапдыр. Болуп баршы тап гөчмели ялы. Еңсөң гөрүпсин, заңдар! Пах, Арапдан арыны алып гайдан адам. Бибижан ялы гызы алып гайдан адам. Гыр атдан вагты хош, бейни чаг болуп:

— Ай, Гыр ат, сениң сыра бахаң болмаз! — дийип, Гыр атына га-рап, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

247. Бедевиң аслы бехиштден,
Берекелла, Гыр ат, саңа!
Нәхелиң алтын-күмүшдөн,
Берекелла, Гыр ат, саңа.

Хайкырап сеп, гөге бакып,
Төрт аягыңы ере тикип,

Деряйы-Ниллерден бөкүп,
Берекелла, Гыр ат, саңа.

Шебсин уруплар гезер сен,
Жерен гачса, тиз алар сен,
Гелин-гыз дек сүзүлөр сен,
Берекелла, Гыр ат, саңа.

Көроглы гелди жахана,
Сен етир мени мекана,
Берменем Рум-Испихана,
Берекелла, жаң ат, саңа.

248. Бу сөзи айдып, галага сүрүп өтөгитсин. Барды галасына. Бибижаны Агаюнуса табшырып, өзи хем мейханасына гелип дүшүп, чай ичип, чилим чекенсоң, бир йигиди янына чагырды.

— Хав, хан огул, Көроглы гелди дийип, Генжіме сөйүнжилөп бар. Билмек болмаз, жошан махалына саташсаң, бир теңде—ики теңде берер. Өзи хем мениң яныма бир гелип гитсин. Пәкизе бир гыз әбериңдир дийип айт.

249. Пәх, яңкы йигит мейханадан чыкандан, гыгырып гайдыберди. «Көроглы гелди!» — дийип, «гыз хем әкелипдир!» — дийип, «Сөйүнжилөп барсам, Генжім бир бай адам, маңа ниче ат мүндүрйөр, ниче серпай япяр. Ай багтым гелд-ов! . . .»

— Генжім ага, сөйүнжи! — дийип, гыгырып гелйөр. Генжім хем өйүндө отыр. Бир галмагал барыны эшидйөр. Нәме-нәме экенлигини дүшүнөнок. Бир адам несъе гоюн диләп гелйөрмикә — дийип, дөнүп отыр. Онынча яңкы гиден йигит хем йүврүп өө гелди.

— Хә, Генжім ага, сөйүнжи, сөйүнжи!

— Йит-ә ёюл-а э . . . с . . .! оглум болупмы мениң, сөйүнжи дийип дурсуң бу ерде.

— Оглуң болмаса-да, Арабыстан илатындан Көроглы иниң гелди.

— Э, гелсе гелипдир-дә.

— Бей дийме, Генжім ага! Сөйүнжилөп бар — дийди. Өзи хем мениң яныма гелип гитсин дийди саңа.

— Йит, ёюл, йүзүңи Бабалы гөрсүн!

250. — Генжім ага, бей дийме. Пәкизе бир гыз хем әкелипдир. Шол гызы бержек болуп гелсин диен болса билдиңми?

Шол гыз диенсоң, гөвни белүнди заңдарың.

— Ханы, ол гыз әкелипми?

— Әкелипдир, Генжім ага.

— Өзи гызмы, дулмы?

Гыз-ла, сачы өңүндө, Генжім ага.

— Ав, хан огул, шол гызы мен гөзүм билен гөрминчәм, сөйүнжиңи бержек задым ёк мениң.

— Ай, Генжім ага, сенден-ә тамам көпрөкди. Ол айданым болмады. Инди гызы гөрүп хем бир зат берсең боляр-да.

251. Пәх, Генжім төзе донуны гейип, төзе әдигини гейип, телпеклерини какышдырып, билини дартып гушаң, яңкы йигидиң өңүнө дүшүп, йөрөди Көроглының янына гаршы. Мейханадан өтлөп гирип:

252. — Иним, эссалавмалейким! — дийип, Көрогла салам берип йөр. Гелип, Көроглы билен гөрүшип, гөтинжекләп, ызына гайдып, ишигин аркасында чөк дүшүп отурды.

— А, иним, аманлыкмы, аман-сагмы? Шыгылга-да. Атың-ярагың билен арман-ачман гелдиңми? Шыгылга-да. Гүленнам еңдеңи гөрдүңми? Аман-саг гезип йөрми? Шыгылга-да.

Гайта-гайта «шыгылга» диййөр. Көроглы айтды:

— Йигитлер, маңа дутары алып бериң. Басымжак гөвүни хем-лемесек бозар бу заңар.

Көроглы сазыны голуна алып, Генжіме гараң, бөш келеме сөз айтды.

253. Мундан бардым Арабыстана,
Белент дагдан ашып гелдим,
Хич ким гутулмаз дестимден,
Ганат баглап учуп гелдим.

Аразда етди ызымдан,
Ок билен урдум дызындан,
Ягшылык гөрдүм гызындан,
Хошвагт болуп, жошуп гелдим.

Ат жүда болды дестинден,
Пелек айрылды постундан,
Гызыны алдым дестинден,
Ганат баглап учуп гелдим.

Көроглы мердиң өзүни,
Генжім бег, тутгун сөзүми,
Еңдем үчин ол гызыны
Саңа алып жошуп гелдим!

254. Пәх, Генжім ылгап еринден туруп, гол говшурып:

— Ай, иним, гуллу-ов, гуллу-ов! Хав, иним, инди бир кеп бар Менден бу огурлап хем йөрме, догрулап хем йөрме. Гойны-да саңа табшырдым, дүйәни-де, гарамал-йылкыны-да саңа табшырдым. Газы-наны, ене, мүлки-де — хеммесини саңа табшырдым.

Ине Генжімиң жошан ери.

— Мен яз болса, ыссы болмаз ялы, гыш болса, үшемез ялы разы этсең боляр. Хав, иним, яңы сен гелди дийип, бир йигит сөйүнжиләп барды. Оңа-дә нәме берсең өзүң бер. Мениң-ә алим билен бержек задым ёк.

Көсе айтды:

— Шу вагтлар дили айланан махалы, дешиң гойнуна заңңарың кепиниң беллиси болмаз! Соңрак бержек дәл дийәймесин.

— Көсе, саңа-да жоғап — дийди.

255. Көроғлы Генжім билен Бибижана он тиге-гүндизлөп той-томаша берип, нан диене нан, теңге диене теңге, серпай, ат чапдырып, алтын габак атдырып, бағшы айтдырып, яңкы сөйүнжилөп баран йигиде-де ат мүндүрип, серпай яшып, бир молла гетирип, Бибижаны Генжіме гайым ника гыйып берди. Генжім йөреді харемхана гаршы. Баран еринде самырдап баряр.

— Иним, гуллук, иним гуллук! дийип, барды харемхананың ишигинден. Агаюнус пери:

— Гелибери, Генжім бег! — дийип, элинден тутуп, Бибижан билен элleshдирип, перизат хем гайдыберди. Генжім билен Бибижан докуз габат чымылган ташлап, баш ужуна докуз текье, аяк ужуна беш текье, үстүнден бир юкарак ёрганы ташлап, дал чыбык дей чырмашдылар. Хер киши шолар ялы иш битирип, мырат-максадына етсин.

IV. ӨВЕЗ ГЕТИРЕН

256. Хайыр, ягшы, хабары кимден ал? Көроғлы бег дүниәни тагт этдим дийип, мейханасында мес болуп ятыберди.

Бир гүни Көроғлының мейханасында бир аксакал баба пейда болды. Үч-дөрт гүп болды — айрылмады. Көроғлы айытды:

— Хав, баба! Сен етмиш ики дилден кеп уярасың. Җаханкешде болмага чемелл.

— Оглум! Мен жаханкешде мен, бармадык ерым, гыдырмадык шәхерим, гөрмедик ерим ёк.

— Гөрмедик ериң ёк болса, ипе бизиң мейхананы гөрдүң. Бизиң отуришыгымызда-турушумызда, кырк йигидимизде нәме кемимиз бар?

— Оглум! Сениң хич кемиң ёк. Сениң мейханаңа гөрә, кырк йигидиңе гөрә бирже кемиң бар.

— Нәме кемимиз бар, баба?

— Яшы он үчүнден он төрдүңе гадам басан, зер сувы билен көкили бил багына дүшүп ятан бир оглан кемиң бар. Бу ортада чай-чилиим айландырып йөрсе, көп ярашыклы болжак. Адам Өвез жаң боласа. Бир сакаллы адам жуваз ялы болуп, чилим-кәсе айландырып йөрсе, ярашыгы ёк! — дийип, гарры баба чыкып гидиберди.

257. — Яңкы баба йөне адам дәлдир. Деррев тапып гетирең — дийди Көроғлы.

Дашары чыксалар, бабаның ызам ёк, тозам ёк. Роваятда айдардылар: Хыдыр алайыссаламды би.

— Алла, Өвез диең огланы ниреде болса, агтарып ташмасам болмаз! — дийип, атланып, идәп, сорап, чыкып гидиберди.

Бир ерде үйшмелең, улы мәреке болса, бир четинден барып, сораар:

— Хав, шу мәрекеде Өвез атлы бармы?

— Бар.

— Хайсы?

Бойны бокур, гарны гапак ялы заңңары гөркезйәрлер.

— Муңа Өвез диййә!

— Хайп ады, заңңар Өвез! — дийип гидиберйәр.

Ене бир илатың четинден барып сорады бир адамдан.

— Җора, шу илатда Өвез атлы бармы?

— Бар.

— Ниреде?

— Хай, гар этегинде пада бакып йөр.
Көроглының гөвниге гелйәр: «Тыгы дүзүв болса, дон гейдирсек, әдик гейдирсек, телпек гейдирсек, үсти-башыны шайласак, оглан болар-да».

Бәрден барса, селки тайха башында, дызындан ашагы гөк ылай.

— Адың нәме?

— Өвез.

— Хайып саңа Өвез адың, заңдар! — дийип, дөнүп гайдыберди.
Ене гайдып гелйәркә, бир адам өңүнден чыкды.

Жора, шу илатда Өвез атлы бармы?

— Бар.

— Ниреде?

— Хол ерде гош гошуп йөр.

Бәрден барса, сакалының ярсы агаран экени. Муңа Өвез ага диййән экени. Муңа сесини чыкарман, сүрүп өтәгитди. Гелип, мейханасында хапачылыкта ятыберен.

258. Хабары кимден ал? Харазым юрдунда Бееңдам диен бир шәхер барды. Онуң патышасына Юсуп дийип, ат берердилер. Онуң әйямында Булдур гассап диен бир бай барды, ол еди патышаның газыналык газынасы дек газына онда бар. Ай, би биперзент өтүп баряр. «Худайым маңа огул берсин!» дийип, он ики сүңнүне он ики зайып алды.

259. Көп ғысгасына ягшы. Иң соңкы алаң зайыпдан худа тагала бир огул берди, тарышын айдып-дийип чыкар ялы болмады. Хәр ким йүзүне гөзлесе, айна ялы өз йүзүн гөрүп дур. Он гиҗе-гүндизләп той-томаша берип, Булдур гассап бай оглуның адына Өвез гойды. Ине Өвез җаның дөрөйши.

Бирине, икисине, үчүне, төрдүне, бөшине гадам басды би, дең-душ-лары билеп ашык, чилик, топ ойнар ялы болды.

260. Бир гүн көчөде ойнап, гезип йөрди. Юсуп шах гушдан-шикар-дан гелйәди. Мунуң җемалын гөрүп, ат башын чекип дурубәрди.

— Бу оглан кимиң оглы би?

— Булдур гассап байың оглы би, тагсыр.

— Барың, гассабы чагырың бәри!

Гассабы чагырып гелдилер.

— Хав, гассап! Бу оглан сениң оглуңмы?

— Бели, тагсыр, бизиң оглумыз.

— Сениң оглуң болса, бизләре хызматгәр, җылавардар берсең, ничик болар?

Гассап даргурсак экени.

— Тагсыр! Энеси бар, бир геңешейин.

— Бар, геңешип гел! — дийип, патыша сүрүп гидиберди.

— Хав, гассап, патыша нәме ише чагырян экени?

— Өвез җаны дилейәр.

— Нәме дийдиң?

— Энесине геңешейин дийдим.

— Пах, сакалыңа, заңдар! Юрдуң эркин шасы, берсең-бермесең, элиңден аляр. Шовуң хызматында йөрсе, арманың нәме!

— Эйсе, йөр, Өвез жан! — дийип, Өвезиң элиңден тутуберди. Өвез жаның энеси:

— Отур әнтең! — дийди.

Өвез жаның энеси ақыллы зайыпды. Бир семиз берре-гузыны союп, гайым биширип, яхна әдиң, ики гап челпек биширип, шу затлар билең ханың гашына гөндерди. Әлтди гассаң.

261. — Тагсыр, дүйнә о гүнкә хызмәткәриңи ине гетирдим, тагсыр. Пешгеш-ыңгамы билең гетирдим.

Яхнаны, челпеги чыкарып гойды. Яхнаны, челпеги гөрәнсоң, патыша:

— Гассаң! Даргурсак гөрүнйәдиң. Бу геңешш өзүң тапан дәлсиң? Ене гыссанды заңдар.

— Ичери болуп тапдык, тагсыр!

— Хайыр, ягшы, диле менден дилежегиңи!

— Сенден дилежек задым ёк, тагсыр! Сениңем газынаң мениңкиден көң дәлдир.

— Эйсе ишигиңи ел ачсын, ел япсын! — дийип, жыгалы мөхүрини басып, тарханлык депдерини берди.

262. Хабары кимден ал? Өвез жаның өзүне огшаш кырк йигит йыгнап, кырк йигиде хан этди. Өвез жаны янына алып, гүнде бир яңа, гуша-шикәре чыкып дур. Бир гүн шикәрден гелйәрди. Өвез жанам ханың өңүнде сүрүп гелйә.

263. Хабары кимден ал? — Бу галада Хемдем диен бир сөвдагәр барды, сарайың агзында йүкүн дүшүрип дурды. Өвезиң жамалыны гөрүп, агзыны ачып, сакалыны саллап, хайран болуп дур. Өвезиң хызмәткәриниң бири гелип, эгинден какып гойберди.

— Совул-айт бу яна! — дийип.

— Ким диййәләр бу йигиде?

— Ханың Өвез диен мәреми би.

— Өвез жан дийип, адыны эшдип йөрдүк. Шумы?

— Өвез жан дийме.

— Хә?

— Хан яман әдйөр.

— Яман әтсе-де, ягшы әтсе-де, оглум, гызым, дүйнә малым шу огланың башындан садака болсун! Вара ызындан өзүмем ёйлайын-а. Йүврүп гелип, мал-матасыны бир адама табшырды, «Бар, шуны нәме иш әтсең ыгтыярың» дийип. Йүврүп, ханың гашына гелди.

— Хав, Хемдем сөвдагәр, хабарыңы бер!

— Дуз-несибәм чекип, хызматыңа гелдим, тагсыр!

— Болубер хызмәтда.

Бир йыл хызмәт әдиң, пычак, айпалта гыссырды. Ики йыл хызмәт әдиң, ат мүнүп, серпай гейди. Үч йыл хызмәт әдиң, екгалам мәрем — Хемдем везир болды.

264. Бир гүн патыша гуша-шикәре чыкарман болды. Өвез жаның келлесинде бир агыры пейда болуп, хан билең гидибилмән, сарайда

галыберди. Хемдем везирем яландан «о ерим агыря, бу ерим агыря» дийип, бу хем галды. Хан гиденсоң, Өвез жааның гашына гелип, гол говшурып:

— Хав, Өвез жан! Арызым бар.

— Везир ага, нәме арзың бар?

— Өвез жан! Арызымы битирсең, айыдын, ёгсам айытмаян.

— Биздеп битмели арыз болса, битирейли, везир ага! — дийди.

Везир үч мертебе гуллуқ айтды:

— Өңүн-ә әкелдиң, соңушы гетирибилсең. Өвез жап! Мен кесел болупдырын.

— Нәме кеселиң бар?

— Дерманыны берсең, айдарын, болмаса айытмаян.

— Биздеп битеп дерман болса, битирейли — дийди.

Бу сапар докгуз мертебе гуллуқ айтды.

265. — Өвез жан! Үч йылдан бәри ханың хызматында ат тапманы, дон тапманы, нап тапманы гезип йөрөмок. Сениң бәш ериңе сыным гитди. Раст маңлайыңдан бир жүп, хер ян-хер ян яңагыңдан бир жүп, алкымың ашагыңдап бир жүп, гөвсүңден бир жүп берсең, дерманым шол — гутуляп, Өвез жан!

Онда Өвез айытды:

— Везир ага! Эртир хан гелсин. Бир геңешейли. Бер дийсе — берейли. Берме дийсе — бермәли.

— Өвез жан! Муңа-да гуллуғым бар. Башда нәме иш болса, гөрмөк гөрөк-дә.

266. Эртеси хан геленсоң, Өвез жан йыглаберди.

— Хә, Өвез жан! Кимден жеңа, кимден сүтем етди?

— Хич кимден жеңа, сүтем етенок. Йөне Хемдем везир, «кесел болупдырын» дийип айытды.

Патыша-да аңлашды.

— Барың, везири чагырың гелиң!

Везири чагырып гелдилер.

— Хә, заңңар везир! Кесел болдуңмы?

— Бели, тагсыр! Кесел болдум.

267. — Барың, муны сылаң, бежерия! — дийип, пешаплара имләп гойберди. Пешаплары якасында тутуп, сүйрәп, мейдана алып чыкып, дашың йүзүне шарпылдадып уруп, аркасына кырк гамчы, гарына кырк гамчы — сегсен гамчы урдулар муңа. Үч сагатдан эссине гелип, ене гелди ханың гашына. Патыша айытды:

— Йит-ә, ёюл-а, заңңар!

268. — Эй, тагсыр! Сен ёюл диймесең-де, мен ёюлян. Гоч йигидиң мунуң ялы болдугы өлдүгидир. Саңа бәш-алты агыз сөзүм бар. Онсоң ёюлҗак, тагсыр!

— Шу янда Чардаглы Чандыбилде Көроғлы диең бир заңңар дөрөңдир дийип эшидйән. Шонуң хызматына гидип, сениң үстүңе иберип, таҗи-тагтың башыңа зындан әдиң, шу Өвези голуңдан алдырмасам, күп-бар хөкмүнде өтейин, тагсыр!

— Эшек огрусы галтаман заңар бир гелсе, ики этмесин! — дийип-ене уруп, хорлап гойберди.

269. Өйүне гелип, мал-дүнийәсини худай ёлуна даргатды, зайыпларыны талак этди, ерини вахыф этди; башына күла, эгнине жеңде, голтугына бетбагт кәди алып, хуммет хасаны голуна алып, «ху-хак!» дийип, юртдан чыкып гайдыберди.

270. Ёл узак, кеп гысгасына ягшы — сүрүп, Чардаглы Чандыбиле гелди. Көроглының мейханасыны салгы алып, мейхананың агзында жүп газал-перят гайырды.

Көроглы бир диванамыка дийип, бир адамдан жүп нан, жам долы теңде иберди. Бу адам элине чыкарып берди. Жүп наны алып, маңлайна дегирип, гойвуна салды, жамдакы теңдәни раст мейдана цытрадып, зыңып иберди. Яңкы адам ичери гирип:

— Көроглы! Хайып теңде-тылла.

— Хә?

— Хемме теңде-тылланы мейдана зыңып гойберди. Бир жыңлы галандар экени.

Көроглы айытды:

— Йигитлер, ол жыңлы галандар дәлдир. Я юрдундан хырач дүшөн хандыр, я хандан сүтем гөрөн сыпайдыр — овазы яман зарынжы чыкар. Чагырың, бәри гелсин!

— Ичери гел! — дийип, чагырдылар. Босагадан әтләп гирип, салам ёк, хелик ёк:

— Көроглы диен хайсың — айт?

— Ине биз Көроглы диени.

271. — Көроглы диени сен болсаң, хайп мениң үч айлык ёлдан ат-овазыңа гелйөним. Шу хили галандар гелйө дийип, үч гүнден бурун аңлашып, өңүмдөн чыкмадың! Мейхананың агзына гелип, жүп газал перят гайырдым. Мунда аңлашып чыкмадың! Мен көнелерден эшидйөдим: «Бир йыл гечи бакан түркмениң кырк йылкы акылына погсаны дегер» дийип. Заңар Көроглы болсаң болубер, зейниң галыңлыгы әшегиң паланы ялы экен! — дийип, йыглап-йыглап иберйөр. Көроглы айытды:

— Вах, галандар! Маңа хабарыңы берсене, хабарыңы!

— Ине мениң хабарым! — дийип, хуммет хасаны саз эдип, Өвез жаны салгы берип, бөш келеме сөз айдар герек.

272. Гулак салгын, Көроглы бег, сөзүме,

Башдан өгенлери беян эйләйин.

Вееңнамда Бултур гассап оглуны —

Өвез жан сөзүни аян эйләйин.

Үч йыл маңа зовкы-сапа сүрдүрди,

Мүбәрек жамалын гүнде гөрдүрди.

Бәш поса дийп, сөгсөн гамчы урдурды,

Түкенмез жаныма азар эйләйин.

Мегер яшы он үч, он төртде бола,
Бир шейда билбилдир, гондурсаң гүле.
Мустапа баш болуп, кырк йигит биле,
Довам хызматында мыдар эйлэйин.

Эгшимде жөндөсө, башда куланы,
Дилимден гоймаңам зикри-сенапы.
Хемдем везир, гездим ниче галаны,
Өвөз жап сөзүңи тамам эйлэйин.

273. Бу сөзи айдаңдан соң, Көроглы ылгап еринден туруп, галандарың бойнундан гужаклап, хер гөзүңдөп жүп огшады.

— Пах, пах, Өвөзгө гөрөн гөзүңдөн айланайы сениң! Өвөз жапың бирде экенлигини билмэни, «Ах, Сөйүн, вах, Сөйүн!» дийип ятырдым. Худай тарапында гелен эзиз мыхмап экениң-ов.

— Көроглы, билмесең, Вееңдам диен юрта Юсуп шах диен патышаның гашында. Ене сениң билен кепи эдишип отурмайы. Шу ерик гетирме дехиңден чыкса — чыканы; дехиңден чыкмаса, бу ердең бойны ёгын көпөк гүжүк тапып, бойнуңа йүп дакып, шәхерме-шәхер, галама-гала гыдырып йөршүм «ине Көроглы!» дийип.

— Вах, галандар! Сен Өвөз жаңы, шир-худа пир яр болса, несъе гөрмө, нагызт, дызың үстүңдө гөрегай — дийип, Өвөз жаңадан угур тапып, бир бәш келеме сөз айдар гөрек.

274. Көңүл талвас эдер Чандыбилимден,
Вееңдам шәхрине барсам, Өвөзим!
Билбил учуп, заглаз гонды гүлүме,
Вееңдам шәхрине барсам, Өвөзим.

Ёлуңа мен чыктым, серимден гечип,
Хич кимсе гутулмаз, өлүмден гачып.
Шу гүн сениң билен ал шерап ичип,
Мыдам гуллугыңда дурсам, Өвөзим!

Нер кими дик гайрап, гирсем мейдапа,
Купбарларны гетирер мен амана.
Шахларың башына ивс замана,
Йүзүң гөрсем, йүз өвүрмен, Өвөзим!

Көроглы бег, хак эшитсе наламы,
Өвөз жаң, овазың тутды аламы.
Кадыр мөвлам этди bize ынгамы,
Чандыбиле алып гелсем, Өвөзим!

275. Көроглы бу сөзи айдып:

— Мөтел, бар, аты гетир! — дийди.

Гыр аты гетирип, бир гылдан эерләп, мүнди ата, басды гамчыны. Ики гүн йөрөп, үчүлөнжи гүн Сапар Көсө кырк йигит билен ковуп етди ызындап.

— Хав, Көсө, хабарыңы бер!

— Көроглы, сениң билен гитмесем болмыя бизиңки.

— Ёк, Көсө, гайдың. Сизиң сыра деркар ериңиз ёк. Хеләк болуп гидениңизе етмез. Бир ерден бир ере барып, бир адамы зор билен басып алып болмаз, зер берип сатып алып болмаз. Мысапырлык чексем, худа тагала әлиме говшырмы, нәдерми.

— Йөрүң, гайдайлың, йигитлер! — дийип, Көсө денүп гайдыберди.

276. Бир мейдан йөрөвден соң, Сейтек Гырма башлыклайын бәш — он йигит үйшәккә-де дурубердилер. Бири айытды:

— Нәме дурдун?

Онда бири айытды:

— Шу заңдар билен гитсек, бәхбиди көп.

— О ничик көп?

— Вееңнам шу ерден үч айлык ёл. Үч айлык ёлдан Өвез жаны бир өзи безим әкелени бир яна. Ене әртеки гүн Өвез жаны әкелен киши болуп, Өвезиң жамалыны бизлере бир айдан гөркезйәми, я ики айдан гөркезйәми. Азабын дең чексек, рахадын дең гөрерис. Бу бир бәхбит. Ене бу заңдар гезен ериңде биталап гезмез, олжа-полжа талап әдер, алгы-берги делалат, чай, теммәки пулы болар.

— Бәхбит көн экени. Сүрүң-ә! — дийди.

277. Бәш — он йигит ызындап ковуп етди.

— Хә, йигитлер, бериң хабарыңызы?

— Әй, Көроглы ага! Өзгеси галса-да, биз галмыяс. Сениң билен дең дуруп өлүшжәк бизлер-ха!

— Йөрүң, өлүшсеңиз — дийип, алып гайдыберди. Чыкыпдыр чөлүс-тана, чыкыпдыр дагыстана. Бу галаның меслиги тапдырамы. Кем-кемден ели чыкып, ховы басылшып гелйән бири айытды:

— Өвезиң безми дийип, чын башымызы өлүме тутдук герек!

— Онда бири айытды:

— Жоралар! Инди барар, бир ере дүшер, чай ичер, чилим чекер. Онсөң бир сөз айытдырайлың. Өвез дийип, башыны этегине салып барян болса, гайдяс. Бирнеме олжа-полжа талап болса, гидйәс.

— З. . . с. . . Өвези г-зе урясмы бизлер!

Көроглы гелип, бир ере дүшди. Чай ичип, чилим чекенсөң:

— Көроглы ага, шул барян угруңда бирнеме олжа-полжа талап бармы? Я Өвез дийип, башыңы этегиде салып барямың?

— Йигитлер! Мениң олжам-да болмаз, талашым-да болмаз — дийип булара гарап, бир бәш келеме сөз айдар герек.

278. Әй, яранлар, мусурманлар!

Сөхбет әйләң, гөвүн ачар.

Адам оглы дүшер гама [дама].

Ялан дүнйә гелен гечер.

Беглер өңүндө дивандыр,
Оны билмеен хайвандыр.
Адам адама мимандыр.
Гөвүн гөвүндөн сув ичер.

Гөзмегин бөйхуда ерде.
Уграяр сен өвуз дерде.
Көп ялбарсаң бир намарда —
Гаршы дуруп, ганың ичер.

Эйем намарды бар этмөз,
Мерди намарда зар этмөз.
Гылыч галкана көр этмөз,
Түпөң дөгсө, душдан гечер.

Арап ат мейданда ёртар,
Гоч йигидиң рызкы артар,
Ган гөрөндө, ябың үркер,
Гыр ат сегрип, лөшден гечер.

Гоч йигит мейданда йөрсе,
Ганымына гаршы дурса.
Көрогды Өвези гөрсө,
Мал гайгырмаз, башдан гечер.

279. Бу сөзи айдансоң:

— Ага, бизлер жогап бөрсеңиз, гайдяс. Баранда, пейдамыз дегмийё, ногсаңымыз дегйё.

— Пейдаңыз дегмежек болса, барың гайдыбериң! Ишалла, Өвез жаңы гетирсем, өзгөсине бир айдан гөркөзсөм, сизлөре гүнде-гүнде гөркөзөрип.

Дөнүп гайдыбердилер. Бир мейдан йөрөндөн соң, бири айытды:

— Бу заңарың көпине ынанып болмаз. Бизден айрылып, екелик басып кетдини, «сизи эжитмесем болжак дөл!» дийип, ызымыздан етөй-мөсий.

280. Болдулар басгы, шарпа-шарп, Көроглам «екөниң яры худа» дийип, сүрүберсин.

Бир мейдан билен барялды. Бир махалдан бир агсаграк алашаны мүнүп, бир галаңдар салам берип өтүберди.

— Хав, галаңдар, ёл болсун!

— Ек, ягшы йигит! Шу янда Чардаглы Чандыбилде Көроглы диен бир өр дөрөңдир дийип, эшитдим. Шонуң хызматына барян.

Көроглы ойланды: «Мениң хызматыма барян болса, шунуң ыхласлы дыгыны, биыхласдыгыны билейин».

— Ав, галаңдар! Көроғлының хызматына барян болсаң, бараберме, бараберме!

— Хө, ничик, ягшы йигит!

281. — Галаңдар, мен хем шол Көроғлының хызматындан гелйөн. Хызматы гаты, өзи гаты заңдар экен. Еди йыл хызматында гездим, якасы битин көне гүпби бермеге ярамады. Гайта мени чайкеш этди, чилимкеш этди, хумарбаз этди, нырыхдан чыкарып иберди. Опдан гачып чыкып, үч айлаң аңдышып гезип, шу аты, шу яраглары Көроғлыдан огурлап алып гачып барян. Сен хем зыңхар бараберме!

— Хай, өлдүрсе-де, шонуң хызматына барян! — дийип, сүрүберди. Раст ыхласлыдыгыны билди.

— Хав, галаңдар, даш ёлуң якындан болды. Ине Көроғлы диенлери биз!

282. Пах, галаңдар атдан дүшүп, атывы жылавлап, атының тойнагына баш гоюп, тогаланып аглап ятыр.

— Хав, галаңдар! Бу не мысапырчылык би? Хабарыңы беян эт, хабарыңы!

— Хабарымы беян этсем, ага, Тевриз диен юрдуң ханының өвлатындан борын. Ханы өлүп, ызында бир тызы хан гоюп отыр. Онуң хем үч шерти бар. Кырк гез белент галасы бар — шундан атыны сегредип етеп адам болса, галадан белент кырк гез көшги бар, шонуң үстүнде бир алтын гупбаны гоюп, шовы ким ок билен уруп гачыран адам болса, етмиш гөрешен пөлваным бар, муны гөрешип йыкан адам болса, төжитаттым, газына-депивөм билен барян дийип айдыр. Галасындан сегредип етейин дийсем, йүврүк атым ёк. Гупбасыны ок билен урайын дийсем, оңа етер ялы ок-яйым ёк. Етмиш бир гөрешген пөлванына — оңа кува-тым етйөр. Шу ики шертине налач мен, ага!

— Галаңдар! Бу шертиң үчин ата я эер гоярдык, я тоймаздык. Угрумыз шу яна, сүрүбер!

283. Галаңдар хем тиркешип, сүрүберди. Ене бир мейдан йөрөнсоң, ене төрт пыяда чыкды, талапкөр ялы болуп.

— Сизлер нирө барясыңыз?

Булар хем:

— Көроғлының хызматына баряс — дийдилер. Ай, не юрдуң дүзүвли өзи болмаса, бир ерде бир ягшы йигит бар дийсең, хемме шоңа пытырашыберйө-дө.

— Йигитлер, ине Көроғлы диеннің биз! Тевризде галаңдарың юрдуна гаршы барыберің. Ишалла, галаңдарың шертини битирип, патыша этсем, икиңе хем метел, икиңе гушбеги амал алып берейин.

284. Булар-да дөнүң гайдыберди. Ене бир мейдан йөрөндөн соң, галаңдарың алашасы Гыр атың аягына эермөн, лакка тап дурды жаңавар.

— Хав, ага! Бизің алаша дурды, алаша.

— Алаша дурса, ташла. Ыздакы пыядалар өкелер оны.

— Вах, ага, несье өкелидим, несье. . .

— Несье өкеленде-де, алажы бор. Ташла, заңдар!

292. Бу сөзи айдандан соң, Көроғлы галага урдурыберди жары:
«Дөвүр, дөвүр — галандар шаның дөври! Он гиже-гүндиз той-томашасы бар. Багшы мен дийме, сазанда мен дийме, пәлван мен дийме, сурнайчы-карнайчы дийме, баламанчы дийме, гелибер-хә!»

Он гиже-гүндизләп той-томаша берип, нан диене — нан, теңдә диене — теңдә, серпай диене — серпай, ат чапдырып, алтын бабак атдырып, тойы совуп, галандар патыша болды, Көроғлы везир болды, бу гызы галандара ника гыйып берди.

293. Тоюң соңраки гүңүнде баякы төрт пыяда-да гелди, алашаны хем ителей-чомалай әкелдилер, өвлүйәден айлаңак ялы эдип. Муңуң хем икисини аталык, икисини гушбеги эдип әмел апберди Көроғлы.

Галандар патыша болды, Көроғлы везир болды.

Бәш—алты ятандан соң, хер затдыр, патыша-да, жогап әлмак гөрөк-дә. Галандарың гашына гелип:

— Маңа жогап бәрсең, мен Өвез җан дийип бараяң, — дийип, галандара гаршы гарап, бир бәш кәлемә айдар гөрөк.

294. Әй яранлар, мусурманлар!
Гидер болдум хан Өвезе.
Җәпа чекди әзиз җаңлар.
Гидер болдум хан Өвезе.

Өвез дийип Чандыбилдеп —
Ылгал этдим узак ылдан.
Хабар алсаң бизиң халдан,
Гидер болдум хан Өвезе.

Өвез билән бага гирсем,
Чемән баглап, гүләр тирсем.
Гол салышып, биле йөрсем
Гидер болдум хан Өвезе.

Кәте гонуп, кәте гөчүп,
Лебинден ал шерап ичип,
Көроғлы бег серден гөчип,
Гидер болдум җан Өвезе.

295. Бу сөзи айдандан соң:

— Ай, Көроғлы, онуң ялы ишиң бар болса, жогап!

Инди патыша боландан соң гахатмы. . .

— Көроғлы! Газына гөрөкми? Зер гөрөкми? Нөкер гөрөкми? Топ-топхана гөрөкми? Элиң бошдур, әкидибер?

— Як, галандар! Ол айдан затларың маңа деркар дәл.

— Хав, Көроғлы, Вееңнам сөгхазар даш дийип әшидйәрип. Әтиңи иеп ала гарга гелмез бу ерлере. Яныңа бирнәме атлы әкит ахыры!

— Әй, заңңар! Патыша болашың кырк гүне етевок, алла хондан

геңеш бийр ялы болдуңмы? Ол айдап затларыңы мен тапман гелдимми бу ере!

296. Шейле диенсоң, галандар кеплемеди. Атланып уграберенде:

— Алла, Көроғлы, мениң ол айдап кепим-ә гулак асмадың... Өлүдигиңи, диридигиңи барлайыңмы?

— Хә, ине бу кепиңи билип айтдың. Ишалла, Өвез жаны алып, кырк гүне шу гала гелерин. Кырк гүне гелмесем, доғапылгы бержай этжек болсаң, барласаң барла! — дийип, гидиберди.

297. Чыкыпдыр чөлүстана, чыкыпдыр дагыстана, басыпдыр ата гамчыны. Бирәиче гүн ёл йерип, «алла жаным, чөл ерде ичи-багрымыз гапышып гелйәр-ов. Бир чарва дучакәр болса, яхнадаң дояйсаң хәз борд-ов. . .»

Бир дөпә гамчылап чыкса, оя әсеван әтсе, аклы-гаралы гоюн, гөз гамашяр. «Худайым, дүйшүм болмаса! . .» — дийип, әсеван әтсе, чопанлар бир бейик чөгәниң үстүнде гурундырлар аклы-гызыллы, бегресли чадыры, чадырың ичинде галмагал чыкяр, хам пайлашан ялы. Буларың өз дилинде Көроғлы дашардан тигырды:

— Хабарлашан киши бармы?

Ичиндан сеза чыкя:

— Нәме хабар герек?

— Ёл соражак.

— Өтәгит, алдың ёлдур, заңңар!

298. Көроғлы айытды: «Алла, шунуң ичинде бир гызыклы гүррүң бар герек» — дийип, гүпбә атдан дүшүп, дөмир газыгы мейданда какып, гелди чадырың ишигинден. Әсеван әтсе, он ики чопан рас бир семиз берс-гузыны союп, гайым биширип, яхна әдиң, орта алып, яңы «алың, алың!» диймәге айланшан экени.

Бу-да барды бәрден. Чопанларың бириси:

— Хей, заңңар, түйси бозук! Өтмә бәри, нәшәни учурып. Отурыбер шо ерде!

— Ай, йигитлер! Биз хем оңайсыз йигит дәл! — дийип, геләге-де, десдерханың гырасына чөкәйди Көроғлы.

Гелендеп мыхман алавери ёк, зат ёк, деррев яхнаны пенжеләп гойберди. Чопанлар хайран болушып дурлар. Бирәи айытды:

— Ай, з. . . ни с. . . лер, нәдиң отырсыңыз, яхнаны түкетди бу заңңар. Хай заңңар, сен муны бакышыпмыдың, якышыпмыдың, я газаның тейине от якышыпмыдың, я гойнуң долүни алышыпмыдың? Нәме азабың сиңди муңа сепиң? Яман әлиңи батыр урярсың-да! — дийип, алыбердилер юмругың, дөпгяң тейине. «Ур-ха, ур-ха, ур! Сен кейин дур, маңа гезек бер!» Бир мейдан урдулар.

299. Көроғлы буларың йүзүне-де гөзләнок. Шу келләни ашак басып, бәри ялы, хайсы ери яглырак болса, гулкулдадып отыр. Соң—соң бирнәме юмрук етмәне айланышды. Бир голы яхнада, бир юмругыны дүвүп, ики яңа келевледиберди. Бир-ики ярымына дегйәр, сокы деген ялы гачып, мейдана чыкып, мейданда жананың соңуна йыкылар. «Дөвми, перими, не бела! . .» — чыкып гач, чыкып гач, ол мейдана чыкып үшпер-

шип дурлар. Бириси гелип, огрынча чадырың дешигинден гөзледі. Гөзлесе, ажыгып гелен адам, юмшак гузының яхнасы, хер бир зыңар агзына — төвризе, кә ярым, кә батман. Яңкы барып, хабар берди.

— Абрай: чыкып гачанымыз. Шу вагта чен отурагайсак, икимиз хем ийжек экен заңдар.

Хабары кимден ал? Буларың баштутанына Шах Мүрзе диер экен.

— Хав, йигитлер, дөв нәме ишлесин, пери нәме ишлесин! Мен эшидйөрдим, шу янда бөлек түркмен болар дийип. Онуң нахар ийүви ач бери кимин бормышын. Мен онуң янына барайын, бәш-алты агыз кеплешейин. Эгер мени елдүржек болса, ыгырайын. Шол вагт етишевериң!

Онда яңкы гөрүп гелен айыт:

— Янына барар ялы бела дәл — диййө. Онда бири:

— Мейдандан даш зыңарыс! — диййө.

300. Шах Мүрзе шундан йөриди Көроглының янына. Бир ойлы, пәхимли заңдарды би.

«Алла, мунуң аты, ярагы, сини-салы энайы адам дәл би. Шу янда Чардаглы Чандыбилде Көроглы диен бир заңдар әр дәрәндир дийип эшитйөн. Мегер болса, шодур би. Би ат тапманы, нан тапманы, дон тапманы, гезип йөрән дәлдир. Шу Өвез жаның даудапасы, дабарасы шо янлара дүшөндир. Шу Өвез жаның есиридир би. Шу Өвез бавардындап бир сөз айытсам, маңа дегмесе гөрөк» — дийип, күрт ойланып баряр.

Гелип, чадырың ишигинде кесерип дүрүп, эгри таягы саз эдиң, Көрогла гаршы гарап, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

301. Хайбат билән гелдиң мениң яныма.
Сөзлө-хә, гоч йигит, кайдан гелер сен?
Не касдың бар мениң пирик жаныма!
Сөзлө-хә, гоч йигит, хардан гелер сен?

Астыңда аргамак, дал бедев атың.
Ярадан аллахым берсин мырадың.
Мегер Көроглыга меңзәр сымматың.
Сөзлө-хә, гоч йигит, нирден гелер сен?

Чопан бичерәнің хаклын чашырма.
Зыяда дердини хетден ашырма.
Догры даныш, сырың менден яшырма.
Сөзлө-хә, гоч йигит, хайдан гелер сен?

Ашыкдан магшуга назар салдыңмы?
Ниче йыл юрдундан жыда болдыңмы?
Шах Мүрзе айдар, Өвез жана гелдыңми?
Сөзлө-хә, бег оглы, нирден гелер сен!

302. Бу сөзи айдандан соң, бу заңдар агзыны асман тутуп, нама айдаң киши болуп, ыгырып дур. Көроглы муны тутмага чөмленип дур.

Бирден намасын аяклады. Көроглы йүврүп барып, якасындан шапба тутды.

— Хав, жора, сен Өвез диййәсиң, икимиз яман дердемен болмага чемели: сен хем бу яхнадан иевери! — дийип, яңкы яхнадан галыпдыр кырк сапак, өйкен, сыңрак өңүнө үйшүрүп ятыр, «иевери!» дийип. Мунуң дамагындан өтжөкми? Горкужыгна гөзи шах кәсе кимин тегеленйәр.

— Хав, ага! Бизлер муны гүнде үч вагт, төрт вагт биширип ийип гезип йөрүс. Сен яман ишдәли ялы. Галан-гачаныңы хем өзүң иегой. Мен саңа йөне башдан өтеями беян эдейин.

— Беян этсең, эт ханы!

303. — Беян этсем, мен бир байың догмасыдым, меллек йыгнап, алтмыш тылланы кисәме салып чыкдым, агамдан жогап алдым. Онсоң шу Вееңнам диен юрда дучакәр гелдим. Онда Булдур гассап диен бир бай бар экен. Онуң Өвез диен оглы бар экени. Онуң хусны-жамалыны гөрүп, ишигинде есир болдум. Алтмыш тыллам түкеничә, ички диванбегиси болуп гездим. Гарачыгма какан адам болмады. Теңнәниң соңуна чыкандан соң, бизиң. . . какыш, ковжак болдулар. Биз-де сыра айрышмадык. Онсоң шу гойнуң үстүнә гетирип гойды. Булдур гассап байың гойны шу. Мүң еди йүз гоюн шу. Өзүмиз хем он ики чопан. Хеммесиниң баштутаны хем өзүм. Сован өзүм, ёк эден өзүм. Муны нәтйәсиң дийжөк адам ёк. Йылда гоюн дәл дөкендә, Өвез жаң гойна сөйлә гелйә. Шонда мен-де кейинден гөзүми чарыхлап-чарыхлап галаян, ага. . .

— Пәх, заңнар, эй! Сениң дердиң-ә мениң дердимиз г. . . йыртып ятан экен-ов! . .

— Ханы, ага, сен хабарыңы бер!

304. — Мен хабарым берсем, хан огул, шол Булдур гассап билеп атам кыяматлык доган экени. Шол бир махал дәл ярпа гоюн ташлап гайдан экени. О-да шу вагтлар мүң еди йүз гоюн болупды. Мен шоңа хабар бермәгә барярдым. Сен гайта ягшы, ягшы айытдың. Мениң даш ёлум якындан болды. Булдур гассабың чопаны болсаң, сен гоюнларына шу ердә эе болуп галай.

305. Бәш-алты агыз кеплешенсоң, йүреги беркишиңдир. Көроглының гурсагына раст салды юмрук билен.

— Нәме уряр сен мени?

— Мен яңкы гоюнны бака билемок. Ёне маңа мүң еди йүз гоюн ташлап гитжөк болясың!

— Бака билмесең, янында бакян чопаны бар.

— Хә, чопаны болса, эе болуп галайын онда.

— Мен хер зат хем болса, мен шу ере гелипдирин. Гойнуң шол чопана табшырдым дийип айдып гайдайын.

— Айдып гайдыбер!

— Ханы Вееңнам бу ерден дашмы, якынмы?

— Вееңнам — атлы мезилине бир мезил, пияда мезилине ики мезил.

— Эйсем мен пияда гитсем хем, етжөк экени. Мен атымы, ярагымы,

геймлерими — хемме задымы саңа табшырып гидейин. Мен айланып гелинчәм, әе болуп галармың?

— Галайың, ага!

— Мен хемме задымы саңа ташлап, чопан лыбасыны гейип гидейин.

Шу дашындакы көне күпбини маңа чыкарып бер!

— Ой, ага, гоавери, гоавери! Бу күпбини сыра адама берип болмыя.

— Нәме дейип берип болмыя?

— Гелелим бәри, артдыравжа меллегим, чопанларың хем меллеги, бар меллек шу күпбиниң якасында.

306. Көроғлы дүшмедиксирән болуп:

— Меллек диениң нәме, хан оғул?

— Ий, ага, сен-ә түрк экениң-ов! Меллек диени теңче-тылла бор-да.

Теңче-тылланың адыны әшиденсоң, Көроғлы раст якасындан товлап тутды.

— Хав, хан оғул, биз-де киши хакыны иен адам дәл. Ене күпбини өзүңе гетирип берерин.

Чопан «Бермерин!» дейип, аркан-аркан ташлая. Көроғлы хем силкип-силкип иберйә. Ики зор пыяданың арасына дүшдп, күпбиниң якасының нәме жаны бар: якасы сөкүлип, теңче-тылла жокурдап, ашак ийниберди. Көроғлы хем «хаха-хай, алан, аланыңкы!» дейип, урды чаңалы. Яка гол узатса ердәки гидип баря; ердәкә гол узатса, якадакы гидип баря. Ай, догма гайлады, догма гайлады.

307. Шах Мүрзе ойланды: «Шул вагтлар теңче гүйменип йөр би. Теңчәни түкеденсоң, мениң өзүм билән болар би. Теңчә гүйменип, уруп ыстыныны алайың-ла». Көроғлының ягырнысындан доғрусына гечип индерйә, гош юмругы билән хүтледип. Хем гыгыря:

— Алырыза, Мәммедалы, Гурбаналы, Жәпбаралы, Новрузалы, Алыжәпбар, Оразалы! Ет-ов! . . — дейип.

Булар хергиз мунуң янына геләжәклерми! Яңкы түйси бозук Шах Мүрзәни союп ятыр-ов. Гайта аңыррак гачярлар. Оныча Көроғлы Шах Мүрзәниң теңче-тылласыны, түңче-кәсесини, гош-кәтелинни — хемме задыны алып гайдыберди. Гелип, атының янына гелип атланды. Оныча Шах Мүрзе-де ичерден чыкып гыгырды:

— Ай, йигитлер, теңче-тылла, түңче-кәсе, гош-кәтел, хеммежиги гитдов! . .

308. Чопанлар муны дөверекләбердилер.

— Хай, алан задыңы ташла!

— Ай, йигитлер! Разы болсаңыз-ла.

— Бизиң билән разылашып, алгы-берги әтдиңми сен!

Бир махалдан Гыр атың сагрысына таяк билән урмага айланыш-дылар.

— Ай, йигитлер! Өзүме зепер әтсеңиз әдиң, атыма зепер әтмәң!

— Атың сатмага гетирдиңми бу ере!

Бу явдан бир гызмарагы чыкып:

— Мунуң өзи даш гитдими, ай? — дийип, ягырнысына таяк урды.

— Йигитлер, мепиң бир зыянлы ғылым җем бар. Шол тутҗак болуп гелйәр.

— Зыянлың нәме?

— Зыян диеним җынлы.

— Җынлы диениң әмелини биз билйәс! Җынлыны таяк аяр — дийип, әгри таяк Көроғлының үстүндә җарык-да җарык болайды.

— Хә, бу з... етишдир-дә! — дийип, дүйрме ғылыҗы буларың утруна гаршы үлгүп гойберди. Өңүндә ничеси хем болса, гөвресинден айрылып, сакгаллары әлесләп, додаклары муңкүлдәп, диллери ғыбыр-ғыбыр әдйә. Булары ғырып, сүрүп өтәгитди.

309. Шул гөлүвине гүн батды, гөгейин йыгылды. Бир илиң четинден гелди.

— Хай, худайым, иле якынашдым-ов.

Әсеван әтсе, илиң илери четиндә гавун сакланың тамы ялы бир кеп-бече там бар. Дереведен йылт-йылт ышык чыкя. «Алла, бир чола ер әкен, ат гоюп гидер ялы».

Гелип, дереведен зәңнә чыналып гөзледди. Әсеван әдин гөзлесе, ики саны әр-хелей отыр. Икиси хем гарры бир кемпир. Ики саны сакал-мурты тәп берен йигит. Икиси алыпдырлар бир табак ярманы орта. Бириси чөмчәниң алкымындан тутупдыр, бирем уңундан тутупдыр. Юрукларыны хем бири-бирипиң агзына ченәп, «Ибер бу яна-да, ибер бу яна!»

— Ибер-әт, икيني ичдиң!

Онда ёлдашы айытя:

— Биз ялңышып ичөмзәк. Сен өңки сапар кәширлисини ичдиң. Ибер бу яна!

Онынча Көроғлы дашардан ғыгырды:

— Хабарлашан киши бамы? — дийип. Яңкы гарры баба дашары чыкды.

— Нәме хабар герек, ягышы йигит?

— Таңры миманы болҗак, гарры баба.

— Гоявери, оглум, гоявери! нан-әшигимизи тапамзәк. Бир табак ярманың үстүндә болуп дуран галмагалы гөрүп отырсың. Таңры миманы болҗак болсаң, байлара гит!

— Ай, баба! Маңа баш пена ер берсең, боля. Маңа нан-әшигиң герек дәл.

310. Гүпбе атдан дүшүп, атыны баглап, артлап ичери гирди. Ичери гиренсоң, баба гөзлесе, сили-салы герчек гөч йигит. Баба ғымсыллап, хызмат әтмәге башлады. Чай берип, чилим берип, гаты-гуты загарасындан чыкарып, онсоң дердинмәге отурды.

— Оглум, пукарачылыкда айыплашдырма. Мен Булдур гассабың бурупкы гарры чопаны мен. Адым Гүл чопан диййәрлер. Бу дөрәмән гечен икиси мениң оглум болар. Булар яшлыгында хошройрак болды, гөвүнҗөңрәк болды. Яшлыгында хошамат әшиден заңңарлар мал баканак,

тайханчылык этмек хош яканак. Өзүм хем гаррып, хызматдан галыпдырын, гарып дүшүп, хор болдум, оглум! . .

— Ай, баба, дердинибермесене. Икимиз кыяматлык ата-огул болайлы! — дийип, бир чаңчал ак теңгени этегине оклады. Баба айытыр:

— Он ерден атаң болайын, оглум! — дийе — Хапы, оглум, сен бер хабарыңы, бер!

311. — Мениң хабарым, баба, шол Булдуур гассап билен атам кыяматлык доган экени. Шонуң мүң еди йүз гойнуны гетирйән. Шоңа хабар бермөге барян. Мениң шул атыма гиже от бер, гиже сув бер, жаңдара гөркезме! Маңа бир көне гүпби, көне чокай бер, бил баг, бир чүри теллек тапбер, баба!

— Хай, оглум! Төзө диймесең болар. Гүпби дийсең, пиче дийсең болар!

Гетирип, күтелөберди көнөни. Бир көне гүпбини гейди, баш гулач йүп билен билип богды, бир чокай гетирип берди — аягына сыгмады, өкжесини басагадан, чокайы гейди. Сопбажы хем келлесине сыгмады — ёкарсына барынча дилип гойберип, келлесине гейип, этегинден чатып гояды.

312. Шу хили болуп, Гыр атың янына гелди.

— Сырдашым, башдашым, яман гүн ёлдашым Гыр ат! Мен Өвез жаң дийип, башымы этегиме салып барян. Мен айланып гелипчөм, өз алажыңы өзүң гөр! — дийип.

Гыр атың гөзүңден яш гидиберди. Гыр атына гарап, сейисхананың агзывда: «Аглама, Гыр ат, аглама!» — дийип, бир баш келеме сөз айдар гөрөк.

313. Биз хем гелдик Всеңчама.
Йыглама, Гыр ат, аглама!
Өвез дийип этдим овхана.
Йыглама, Гыр ат, аглама!

Он дөрди айың талхаты,
Лам-элип кимип сураты.
Гөрер гөзүмниң кувваты,
Йыглама, Гыр ат, аглама!

Гелмишем мойдап местине,
Дүйрме тылыжым дестине.
Өвез жаң мүнөр үстүне,
Йыглама, Гыр ат, аглама!

Акдырма гөзүңден яшы.
Күпбара урар мен дашы.
Көроглының баш ёлдашы,
Йыглама, Гыр ат, аглама!

314. Бу сөзи айдандан соң, Гыр ат сүйнүп, саркып, оты-сувы билен болуберди.

Бабаңкыдан чыкып урды жүп дехиди, нирдесиң Вееңдам.

Гелен еринде бир гара сөвдүң тейине гелип, бир хаданы чекип алып, гез ярымдан кесип, элтутарыны иччелөп, бу яныны эгрелдип, чопан таягыны ясап, чопан сыпатында болуп гидиберди. Гүн чыкды. Гелип, Вееңдамың галасына гелди. Гелен гүни хем Вееңдамың базары экен.

315. Пәх, гассаплар кенараны гурап, кепбанлар терезилерини дүзүп, бакгаллар дүканыны сырып, ятан башагайлык.

«Алла, мунуң өзи базар гүни экен-ов. . . Салам бермән, зомпа гирип-дирипов мен. Ажап биеденчилик болупдыр-ов би. Базардан чыкып, бир салам берсем, ничик борка, жанларым?» Ене-де айытды: «Гел-ә, шуңа чыкып, хеләк болуп йөренимден, базар гызан махалы, хеммесине бир салам берәейин».

316. Көроглы өзүни сәхнелиге сайяр, төверегине мәреке йыгнажак болуп. Базарың ортасында бир уллакан дөпө бар. Шол дөпөнүң үстүнө чыкып, таягына сөөнип, базар раст гүвлөп гызан вагтында, ал-ха, ал, бер-хө бер болан махалында, бар тейи чайыны гөтерейин диен махалында:

— Хеммөңе бир салам! — Би яна бакып бир гыгыря:

— Беззаз, хеммөңе бир салам!

317. Пәх, базарда, өзүңе белли, ишсиз адам көп.

— Хав, палаң кес! Бәри гел, бәри гел! Бу базара бир энайы гелиш-дир, энайы. Гелиң, шуны бирмейдан ойнап, хезил әдейлиң!

Бир топар ишсиз Көроглының төверегине үйшдүлөр.

— Хав, жора, нирден гелйәсиң?

— Төвриз юрдундан гелйән.

— Нөме ише гелйәсиң бу гала?

— Сөвдагәр борус.

— Нөме гетирйәсиң?

— Гоюн гетирйәрин.

— Гойнуң семизми, арыкмы?

— Семиздир. Бөй, ёлам от болды-да шу йыл.

— Гойнуң янында ким галды?

— Агам галды.

— Агаң янында диениң билйәми?

— Ол гойнуң уркачысыны, әркегини танаян дөлдир, гезип йөрөн көвек түркмендир.

— Кепләп дуршы бул хем бир көвек заңдар.

— Әйсе гойнуң сатармың?

— Бели, сатарыс.

— Айыт бахасыны.

— Бизләр пейдакеш дөл, чарва адам. Сизләр ынсап билен өзүңиз дилөп, өзүңиз алың.

— Әйсе гечини бир тылладан берйәмиң?

— Бөррәк болмыяр, алла?

— Икисини бир тылладан берйәмиң?

— Бар, бердим. Тоюңа ярасын.

318. Кими бир тылла, кими ики тылла пул берселер-де, теңде берселер-де, буларың йүзүне гөзлөнөк. Беренини кесесине уруп гезип йөр. Хер вагтрак айтыт:

✱ — Эмма мен-э хасап билмейән — диййә; мен кән бердим, мен аз бердим дийип, соңра давалашмаң?

Бири акыллы болан киши болан болуп:

— Хав, доганлар! Муңа берибилен теңңәңиз бердиңиз. Гезип йөрөн жылы болмасын би?

— Ай, жора, галада хи таныш-билишиң бамы? Миман жайың ким?

— Өзүмиң-э гелен шәхерим дәл. Атамың кыяматлык доганы бар дийип эшитйән.

— Оңа ким диййәлер?

— Оңа Булдур гассап бай диййәлер.

Бири бу яндан чыкып:

— Булдур агаң болса эййәм өлди.

319. — Йигитлер! Булдур агамың өлени чыныма, я мени хенек эдиң ойнаймысыңыз?

Бири айтыды:

— Эй, ага, чын.

— Эйле болса, «Эй, вай! . .» — дийип, элини йүзүне тутуп, улы ил билен гыгырып гидиберди. Бир-ики ярым ахмалрак кенарасыны йыкып, батта-луйге булашып, бакгалларың ябысыны үркүзип, дүканыны башына йыкып, базары бозуп йөр, жынылы ялы болуп.

Бири айтыды:

— Жынылы базары бозды-айт. Гассабың ховлусыны салгы берип гой-берип, теңңәңиз изындан барып алың.

320. Бири элинден тутуп, «Гассабың ховлусы шу янда!» дийип, гассабың ховлусыны салгы берип гойбердилер.

Көчө билен айланып, тапды мейхананың агзыны. Мейхананың агзында маңлайыны ере гоюп, улы ил билен аглап ятыр. Бир гөзүниң тейи билеп мейхана эсеван этди. Гөзлесе, галың казы-гузат, молла-мухты, хер хайсы селлесини арабаның дигирчеги ялы эдиң отыр.

321. Пах, молла халкы, казы халкы хем нешебент боля. Өкжеси бир гарыш белеңт көвүш янында, хашамлы чакжа янында, гант-набат болса үйшүп ятыр. Ятан безим, ятан чытлашма: «Ха, . . . сизиң! Сенниң бир нешәңи учурып болмазмыка?» Сесини дазгырага-да чыкарып, раст бәш-алты гайра өвүрди.

Нешебент казылар, моллалар: «Асмандан бир бела инди гөрек!» дийип, чыкып гач, чыкып гач. Ховлутып, көвүшлерини элине алып гачып гитдилер. Олар гиденсоң хем гоёнок, шол гыгырып ятыр. Агламага гошгы-да тапды: «Ай, Булдур ага, Булдур ага! Мейханаң шулдур, ага, хелейлериң дулдур, ага! . .» дийип гыгыра.

322. Мунуң азаңдан бери йыглап дураны. Өвәз жаның энесиниң гулагына дегип дур. «Алла, гассабың бир гайры юрта гардаш окашан адамсы бар экени-дә! . .» Бир чорусыны иберди.

— Бар, шу йигиди гөрүп гел, нәхили йигит.

Чоры гелип, Көроглының катды-каматыны гөрүп, барып хабар берди.

— Бибижан, йүзи-гөзүңдөп нур дамып дуран, чыпар ялы йигит экен. Шул багрыны ере берип аглап ятыр.

Өвез жаның энеси айытды:

— Йүзи-гөзүңдөн нур дамып дуран, чыпар ялы йигит болса, өз гөзүм билен гөрүп гайдыберейин.

323. Шундан йориди Көроглының янына. Гелип тыгырды:

— Хав, ягшы йигит, азаңдап бәри голр ерде гоймадың. Гассап билен неңеңси жангөөр гардаң сен?

— Мениң атам билен кыяматлык доган экен — дийип, опдан хем бетер тыгыра.

— Гой, көп йығлаңда агаң гайдып гелмез. . . «Өли—аятдан, дири хеззетдөп доймаз» диеңлери. Оңа бир аят оқып, дегсин эт!

Көроглының шол Шах Мүрзәнің янында иен яхнасы, ичи ажыгышдыр.

— Еңде жаң! Бизинң юрдумызда бир зат иймәни оқысаң, хергиз-хергиз дегмийә.

Чорусына айытды:

— Бар, ичерден десдерхан алып чык.

324. Чоры ичерден бир десдерхан күлче, гатлама гетирип гойды.

Ай, инди ағламасын гойды. Гөзүне түйкүлик чалып, сырышдыран киши болуп, шул күлче-гатламадан эпләп-эпләп, хей бир тыкя кә-кә яртыдан, кә-кә чейрек кемден. Хем арасында кеп уря.

— Хай, шу адамың хәсиети гурсун. «Бу гүн сәхет ёк дийип, әрте сәхет ёк» — дийин. — «Бу гүн гитсең, йылдызлар өлдир» — дийип, бир ай-кырк гүн кейин гойды. Бир ай-кырк гүн өңинчә гелагайсаң, Булдуз какам өлмәкә гелдәк экенимиз. Мүң еди йүз гойны киме табшырыс инди муны?

325. «Гоюн», «чопаң» диеңи Өвез жаның энесиниң гулагына якып гитди. Чорусына айытды:

— Агаң чай ичйәмикә, сора.

— Ай, ага! Чай ичйәмиң?

— Кем-кәсрәк ичйәндирип.

Өвез жаның энеси яныңдан юмрук ялы гара чай халтасы билен өңүне зыпып гойберди.

— Хав, түркмә! Чәйнәге өзүң салавери!

— Ай, еңде жаң! Чай тапсам, өзүм саларын-а!

326. Чай ичди, чилим чекди, гарпыны доюрды. Гөзлесе, газыкда бир дутар чаң басып дур.

— Ав, еңде жаң! Сен айып гөрмесең, бизинң юртда аяды саз билен оқыярдылар.

— Ай, ягшы йигит, өз юрдуң заңны әдибер!

— Өз юрдумың аяды шудур! — дийип, сазы голуна алып, бир аят оқысын бакалы: я дегер, я дегмез.

327. Сени дийип гелдим Чандыбилинден.
Десмаясы халал гассап исләрин.
Аслым баян этсем, түркмен илинден.
Десмаясы халал гассап исләрин.

Хеябан-көчелер ёлуңа гурбан!
Ганду-шалы, шекер дилиңе гурбан.
Сизлер дуруң, Өвез жаңына гурбан!
Зерепшан кәкили оглан исләрин.

Өврүлер мен гашың билең гөзүңден!
Гурбан болам ширин-шекер сөзүңден!
Бир заман пердәни серпсең йүзүңден,
Ак йүзлери халлы жуван исләрин.

Өвезиң энеси! Гүлсең, нәм болды?
Рөвшене бир назар салсаң, нәм болды?
Көроғлы¹ экенлигим билсең, нәм болды?
Өвез атлы дерде дерман исләрин. . .

328. Бу сөзи айдандан соң:

— Ав, ягшы йигит! Сен сөз башлалы бәри, мен тирип отырын.

— Нәмәни тиресен, еңде жаң?

— Сөзүң манысыны тирйән.

— Дүшдүңми, еңде жаң?

— Дүшдүм. Сен бир түрк ёмут экениң?

— Хава, хава, еңде жаң, мен түркдүрин. Маңа дос-догрусыны айдагай.

— Догрусыны айтсам, гассабың сенден якын жаңгөөр гардашы ёк экени.

— Хава, хава, еңде жаң, бизден якын жаңгөөр гардашы сыра болмаз онуң.

— Сенден якын жаңгөөр гардашы болмаса, гассабың оглы ёк, гызы ёк. Хемме мал-дүйёси әесиз галды. Бир оглы барды. О-да ханың хызматында. Атасының патасына-да хан билең биле гелип гайтды. Адына-да Өвез дийё.

339. «Өвез» диеңде, Көроғлы ягыр мала эшик салжак ялы яйнаберйё.

— Хемме мал-дүйёсине сен эе болагайсаң. Ол ченинден чыкмаса, алтысына, үчүсине. Хей болманда сайлап, бижежигине эе болсаң.

340. Өвез жаңың энеси озал хем догрупп берен хелей, гаймак билең бакылып отуран жуван. Бут дийсең чыкым-чыкым, иштанына гүм тыкылан ялы.

Көроғлы:

— Кә вагт, еңде жаң! Бизиң янымыз бир адам гош. Бу малларыңыз, чопанларыңыз бир эе болуң. Бу геңеши онсоң әдерис. Ишалла,

Булдур агаһың ызыңа эе болжак болсам... — дийип, гертейип отыр.

Өвез жаның энеси бир адамыны янына чагырды.

— Бар, шу адамыпы Өвез жаның янына элт. Малларыңа эе болуп гайытсын! — дийди.

Бу йигит Көроғлыны Өвез жаның янына тиркемдирип алып гайды берди.

341. Көроғлы барырка ойланды: «Алла, улы гала, улы шәхер, урушда гөрөн бар, сөвдегәр бар, таналмасам ягшы» дийип гелйә.

Шу гелувына галаһың тейинде, хәндекте керепләп ятан гөк сув бар әкеш. Ики дызыны гуҗаклап, раст зыңды сува өзүни — галкышлап чыкды бу яндан.

Ёлдашы айытды:

— Жора, бу нәдениң?

— Эй, жора, сорама! Шу ёлда гелйәкәк, каһың сувуна дүшйән. Аркам батса, гарным батмыя. Гарным батса, аркам батмыя. Бир терең сув әкеш. Салкыплайып дийип дүшадым-да.

— Сен салкынлап дүшжәк болсаң, бу янда дуры, акар сулар барды. Сен харам сува дүшегадың.

— Эй, булар ялы ушак-дүшек харам бизе көр этмейәр-ов.

Раст араһың чыгрында тозап ятан киршен барды. Муңа-да бир агһап турды. Болды бир бет пешене адам, танар ялы болмады. Ёлдашы айытды:

— Шу ердеп деррев гайдайлы! Шу дүршуңа ханың янына барсаң, деррев өлдир.

— Йит-ә, ёюл, заңһар! Оғурлык эдипмидирин, өлдүрип!

— Ай, мен-ә сениң билен биле барабилжәк дәл. Ыһа эрк-галаһың ишиги — дийип, салғы берип, бу яна совулды.

342. Көроғлы хем артлап ичери гирип, гатыраға-да:

— Салавмалейким! — дийди.

Өвез жаһ ханың сағ тарапында отырды. Хана гаршы бир гысылды. Хай, бир бет пешене-дә. Юсуп шаһ пешаплара:

— Аһың-айт хаһарыны!

— Хов, гүйси бозук, бер хаһарыңы деррев!

— Хаһарым: Төвриз юрдунда бөлек түркмеп боларын. Булдур гассап билен атам кыяматлык доғап экени. Бир маһал бир дол ярпа гоюн ташлап гайдан экени. Шул шу вагтлар мүн еди йүз гоюн болупдыр. Шол гоюнларыңа эе болсун дийип, шу оглана хаһар берейин, дийип гелдим.

— Шу хил адамда гоюн, чопан ишлейәми? Уруң-а агзыңа, чыкарың эрк-галадан!

343. Пешаплар ура-ура чыкардылар. Патыша пешапларың ызыпдан гыгырды:

■ — Галада гоймаң! Галадан чыкарып, дервезәни деррев бент эдип гайдың! Галада болса, галаһы харап әдер. Яман гүйси бозук гөрүһә заңһарың!

Пешаплар оңуше салып, көче билен шол юмруклап, шешмерләп уруп гелйәләр. Пешапларың өңүнде зәңдир-сәңдир әдиң гелйәр. «Мөгәр-дә гүн яшанда бир говга турузсам гөрөк, я хайырдыр, я шердир. . .». Еңсесини гөзләп, гөзүни акжардып гелйә.

Пешаплар дервезедән чыкарып, дервезәни бент әдиң гайдыбердиләр. Дербезә бент болансоң, өңки хыялы болмадык-келәп уңуны чапырып.

344. Галаның гүнбатар япында улы бир депә барды. Шол депә чыкып, бүргүт ялы болуп отурыберсин. Шол отуршына гүн икиндине якывлашды. Әсәвәп әтсә, гүн чыкардан бир ёргалы гелйә. Гелудан ёрга, гүдери күңжүн, чүп айлы тегмедән дарты ёрганы гачырып гелйә. Болуп гелши иермәнде, ичерменде нәмә бар. Гелип, депәниң үстүне чыкып, гүпбә атдан дүшүп:

345. - Хав, галандар! Мен бир икиндин намаз оқынчам, мениң шу ёргамы тутуп дур. Көрөглы ийипдир шешмер барыны, ийипдир юмрук барыны, кеп якямы оңа. Бу Юсуп шаның багшысы экән би. Гүнде агшам Юсуп шаха гүррүң берип гайыткан багшы.

— Хәх, . . . сениң бир! Намазы мениң үчин оқямың сен? Пах, сен сенетли патышаның багшысы-да!

— Ушлап дүр-айт! — дийип, сымсыклап иберди. Көрөглы еривдән туруп, агзына юмругып ченәп:

— Хоп бир юмушда ².

346. Багшының йүреги ярылды. Багшы пақырда йүрек болямы онда. . . Багшы элипи кисесине урды. Бир гызыл-тылла чыкды.

— Хав, жора! Мениң шу гызыл-тылламы ал-да, ёргамы тутуп дур. Сениң яныңдан аман-әсен тутулып гитсем, шу гызыл-тыллам худай ёлуна болсун! — дийип.

Гызыл-тылласыны, ёргасының танапыны гүлүп, «Хий-хий» дийип алды элинден.

Дутарың дашындан яглык орап, элине берди.

— Шу яглыгың дашындан тутуп дур, элиңи дегирме-де!

— Ажап боля!

Кыбласына гечип, намаза дурды. Намазының ики рекагадыны оқан махалында, дутарың яглыгыны айрып таппап, янына барып, дутара тагыр-тагыр какаберди.

Намазыны бозуп гелип, раст япды еңсесине.

— Элиң дегирме диймәдимми мен саңа!

— Ай, багшы ага! Гургун дутар экән, бир-ики дес какагайдык-да нама. Пердеси тырылдымы, кириши үзүлдыми хәли? Ийди дегирмәйин.

347. Багшы намаз оқап болуп, төрөт сындырмага гитди. Төрөдиниң үстүнде бир сагат отурды заңдар.

Көрөглы айытды: «Индә дөвүп турмасаң гөрөк!». Дутарың яглыгыны айрып таппап, алды элине дутары. Озала «Новайы», ызы «Талхын», иң соңунда «Ылгар» ёлуна яздырып иберди.

Пах, пах, яңкы багшы: «Сепи өлдүрйән! Мүң тылла берйән!» дийсем-дә мунуң бир десини тапжак дәл. . .». Багшы агзыны ачып, сакалыны саллап, хайран болуп гелди янына. Ёргасыны алып, дутарыны алып,

ат гамчылап гайдыберди гала гаршы. Эрк-галадың ичине гелип гыгырды:

— Ай, тагсыр патышахым-ов! Галадың гүнбатар янында, бейик депөнің үстүндө лүйгө булашан бир галаңдар отураң экени. Бир намалар гайыря, бир намалар гайыря, хассалар сагалжак, тагсыр!

Онда патыша айытды:

— Шол заңцар бие өлүлери дирелтсе-де гөрөк дөл!

348. Оглан халкы хөвөсейян боля. Бир ерде багшы-зат бар дийсең, гөвни болүнөйө. Өвез жан айытды:

— Тагсыр, түйси бозук болса, жәхеннем. Намасы ягшы болса, бир мейдан чалдырайлы-ла.

Патыша айытды:

— Гой, Өвез жан, гой, гой!

Диеңи битип йөрөн оглан гайталап айдыберди. Патыша ики саны зор пешабыны чагырды янына:

— Барың-айт, шол түйси бозугу әкелің! Өзүңи хем гөлмәкә, ура ура ховны ятырып, елини чыкарып әкелің!

349. Пешаплар ыглашып гайдыбердилер. Гелип, Көроглының янына чыкып:

— Хай, түйси бозук түркмен! Тур, сени патыша чагырар!

Онда Көроглы айытды:

— Патышаңызга ким диййәлер?

— Патышамызга Юсуп шах диййәлер.

— Нәме диесен? Мениң гулагым агыр, — дийип, отурыберди. Көроглының гөвнүндәки «Өвез» дийдиржөкди.

Бирси «Бу заңцарың гулагы кер экен-ов» — дийип, улы ил билен гыгырды, агзыны гулагына гаплашдырып:

— Юсуп шах!

350. Көроглының мейнис чыммыллашды-да. «Сесиниң соңуны үздүң, алла!» — диеңде, элиниң терси билен япды гулак чекгесине-бейнис чым-пытрак болуп, «Әлжух!» дийип, жан берди. Бу яңкысы өврүлип кетдин берди, чассы гала гаршы.

Гелди пешаплар дөвшүп.

— Хай, тагсыр! Ёлдашымы уруп өлдүрди. Өзүм зордан гачып гутулдым. . .

Патыша айытты:

— Шол заңцар гелсе, мейхананы харап әдер дийип айытып. Мениң кешиме гулак саян ёк! — диййө.

351. Пахай, йүз мүң пешап өленде, Өвезиң хер затдыр әкелжөк оны.

— Тагсыр! Бир адам өлени билен адам түкенмез, әкелмесек болмаз!

Патыша айытты:

— Ай, Өвез жан! Сен бир хыяла мүнүпсиң. Хөрнә абрай бер-дә! . . . Бизиң хызматкәрлөрдөн-ө гитжөк адам ёк оңа пиди. Бейле герекли болса, өз хызматкәринден адам гойберәбер.

352. Өвез жан хем кырк йигидиң ханы. Өвез жан өз хызматкәринден ики санагыны чагырды:

— Бар, шоны чагырып гелиң!

Пешацлар өңүнө салып, көчө билен шол юмруклап, шешмерлэн уруп гелйәләр. Пешацларның өңүндә зеңцир-сеңцир эдип гелйәр. «Мегер-де гүн яшанда бир говга турузсам герек, я хайырдыр, я шердир. . .». Еңсесини гәзләп, гөзүни акҗардып гелйә.

Пешацлар дервезедән чыкарып, дервезәни бент эдип гайдыбердиләр.

Дервезе бент болансоң, оңки хыялы болмадык-келәп уңуны чашырып.

344. Галаның гүнбатар янында улы бир дәне барды. Шол депә чыкып, бүргүт ялы болуп отурыберсин. Шол отуршына гүн икиндине якышлашды. Эсеван этсе, гүн чыкардан бир ёргалы гелйә. Гелудав ёрга, гүдери күпжүн, чүп айлы тегмеден дарты ёрганы гачырып гелйә. Болуп геллиң иерменде, ичерменде нәме бар. Гелип, депәниң үстүнә чыкып, гүпбе атдан дүшүп:

345. - Хав, галандар! Мен бир икиндин намаз оқынчам, мениң шу ёргамы тутуп дур. Кероглы ийипдир шешмер барыны, ийипдир юмрук барыны, кеп якямы оңа. Бу Юсуп шаның багшысы экен би. Гүнде агшам Юсуп шаха гүррүң берип гайытян багшы.

— Хәх, . . . сениң бир! Намазы мениң үчин окаямың сен? Пах, сен сенетли патышаның багшысы-да!

— Ушлап дүр-айт! — дийип, сымсыклап иберди. Кероглы ериндән туруп, агзына юмругып ченәп:

— Хоп бир юмушда².

346. Багшының йүреги ярылды. Багшы пақырда йүрек болямы онда. . . Багшы элини кисесине урды. Бир гызыл-тылла чыккы.

— Хав, жора! Мениң шу гызыл-тылلامы ал-да, ёргамы тутуп дур. Сениң яныңдан аман-эсеп гутулып гитсем, шу гызыл-тыллам худаё ёлуна болсун! — дийип.

Гызыл-тылласыны, ёргасының танапыны гүлүп, «Хий-хий» дийип алды элиндән.

Дутарың дашындан яглык орап, элипе берди.

— Шу яглыгың дашындан тутуп дур, элиңи дегирме-де!

— Аҗап боля!

Қыбласына гечип, намаза дурды. Намазының ики рекагадыны оқан махалында, дутарың яглыгыпы айрып ташлап, янына барып, дутара тагыр-тагыр какаберди.

Намазыны бозуп гелип, раст япды еңсесине.

— Элиң дегирме диймедимми мен саңа!

— Ай, багшы ага! Гургун дутар экен, бир-ики дес какагайдык-да нама. Пердеси гырылдыммы, кириши үзүлдымми хәли? Инди дегирмәйин.

347. Багшы намаз оқап болуп, тәрәт сындырмага гитди. Тәрәдиниң үстүнде бир сагат отурды заңцар.

Кероглы айытды: «Инде дөвүп турмасаң герек!». Дутарың яглыгыны айрып ташлап, алды элине дутары. Озала «Новайы», ызы «Талхын», иң соңунда «Ылгар» ёлуна яздырып иберди.

Пах, пах, яңкы багшы: «Сени өлдүрйәң! Мүң тылла берйәң!» дийсем-де муңуң бир десини ташҗак дәл. . .». Багшы агзыны ачып, сакалыны саллап, хайран болуп гелди янына. Ёргасыны алып, дутарыны алып,

ат гамчылап гайдыберди гала гаршы. Эрк-галаның ичине гелип гыгырды:
— Ай, тагсыр патышахым-ов! Галаның гүлбатар янында, бейик депәниң үстүңдә лүйгә булашап бир галаңдар отуран экени. Бир намалар гайыря, бир намалар гайыря, хассалар сагалжақ, тагсыр!

Онда патыша айытды:

— Шол заңңар бизе өлүлери дирелтсе-де герек дәл!

348. Оглан халкы хөвөсейин боля. Бир ерде багшы-зат бар дийсөң, гөвни бөлүнәйя. Өвез жан айытды:

— Тагсыр, түйси бозук болса, жәхеннем. Намасы ягшы болса, бир мейдан чалдырайлы-ла.

Патыша айытды:

— Гой, Өвез жан, гой, гой!

Диени битип йөрен оглан гайталап айдыберди. Патыша ики саны зор пещабны чагырды япына:

— Барың-айт, шол түйси бозугы әкелң! Өзүни хем гелмәкә, ура-ура ховны ятырып, өлини чыкарып әкелң!

349. Пещаңлар ыглашып гайдыбердилер. Гелип, Көроглының янына чыкып:

— Хай, түйси бозук түркмен! Тур, сени патыша чагырар!

Онда Көроглы айытды:

— Патышаңыза ким дийәлер?

— Патышамыза Юсуп шах дийәлер.

— Нәме диесен? Мениң гулагым агыр, — дийип, отурыберди. Көроглының гөвүндәки «Өвез» дийдиржекди.

Бирси «Бу заңңарың гулагы кер экен-ов» — дийип, улы ил билен гыгырды, агзыны гулагына гаплашдырып:

— Юсуп шах!

350. Көроглының мейниси чыммыллашды-да. «Сесиниң соңуны үздүң, алла!» — диенде, элиниң терси билен яңды гулак чекгесине-бейниси чым-пытрак болуп, «Әлжух!» дийип, жан берди. Бу яңкысы өврүлип кетдиң берди, чассы гала гаршы.

Гелди пещаңлар дөвшүп.

— Хай, тагсыр! Ёлдашымы уруп олдүрди. Өзүм зордан гачып гутулдым. . .

Патыша айыт:

— Шол заңңар гелсе, мейхананы харап әдер дийип айытп. Мениң кепиме гулак саян ёк! — дийя.

351. Пахай, йүз мүң пещаң өленде, Өвезиң хер затдыр әкелжек оны.

— Тагсыр! Бир адам өлеип билен адам түкенмөз, әкелмесек болмаз!

Патыша айыт:

— Ай, Өвез жан! Сен бир хыяла мүнүпсиң. Херкә абрай бер-дә! . . . Бизиң хызматкәрлерден-ә гитжек адам ёк оңа пиди. Бейле герекли болса, өз хызматкәриңден адам гойберәбөр.

352. Өвез жан хем кырк йигидиң ханы. Өвез жан өз хызматкәринден ики санагыны чагырды:

— Бар, шоны чагырып гелиң!

Өвез жан яңкы гачып геленден сорады:

— Сиз ким чагыряр дийип айытдыңыз оңа?

— Биз Юсуп шах дийип айытдык. Онсоң ёлдашымы уруп өлдүрди.

353. Өвез жан өз хызматкэрлерине айытды:

— Сиз Юсуп шах диймәң. Сиз Өвез жан чагыря дийиң. Хич зат дий-
мез. Билеңе геләйиң.

Өвез жаның хызматкэрлери гайдыбердилер.

Галадан чыкып, орта ёлда гелйөкөлөр дурубердилер. Бири ёлдашына:

— Шу ерден хем товшумызы эшидер. Гыгыр, Өвез чагыря дийип.

Онда ёлдашы айытды:

— Мен гыгырамда, сен гачжак-да!

Ол-а айытя:

— Мен гачмайын!

Бу айытя:

— Мен гачмайын!

— Гачмасаң, мен сениң элинден тутуп гыгыржак. Алып бер элиңи.

354. Бири ёлдашының элинден тутуп, «хә...» диенден, элинде
сышып гачды. Дөрвезе гелип, ызына гөзләп дурдулар. Алып бармаса,
Өвезден горкя. Мунуң янына барса, мундан горкя.

355. Отыр бейик депениң үстүнде бүргүт ялы болуп. Баякы заңнар
хем янында сүйнүп отыр. Янына бармага... герек! Болуп отурышы тап
маслык саклаян ёлбарс ялы.

Яңкы ики пыяда налач болуп гелдилер.

— Жора, сениң чениңи дуйдум. Икимиз өлсек-де, биле өлйөс —
дийип, гайым гушагыны бир-бирине чатдылар. Бириси гыгырды:

— Хай, түркмен ага! Сени Өвез жан чагыря.

— Бах, Өвез диен дилинден айланайын! Дуруң, биле гидейлиң! —
дийип, инди депеден ашак бүргүт ялы болуп.

Бу икиси хем өврүлип, гала гаршы берди чассы. Ёлдашы йыкыля,
оны сүйрөп тура. Бу йыкыля, бу муны сүйрөп тура, йүзүнде-гөзүнде
сыпжырмадык, йыртмадык ерини гоймадылар. Гелип, патышаның яныны
басалап, анры өтүп барялар, «Муна гелди!...» дийип, ызына гарап.

356. Көроглы хем айытды: «Инде ислегли болдуммыкам, өзүми
сөхралыга салайын». Сува чүмүп чыкыпдыр, кендир аркан хем ишипдир
билине. Эгри таягы аркасындан кеселигине гысдырып, ики элини терсине
өтүрип, хей абшанаклап гелйө-дө.

Гелип, ишикден атлады, таяк ян газыга паяпыл болуп дуруберди.

— Ай, мениң аркамдан асылан ким-ай? — дийип, раст зор берди.
Ишик гопуп, агажың башына гелип дур.

357. Пах, босага бойнунда, гапы аркасында, ян газык гапдалында.

Өвез жан айытды:

— Түркменчиликдир-дө, әлешдирмәң. Айрып гоюң аркасындакылары.

Өвез жан хызматкэриниң бирине:

— Түркмене «отур» дийжөк болсаң, «чөк» диермишин.

358. Өвез жаның хызматкэриниң бири шешмер билен «чөк» дийип
япды инжигине. Тас инжиги дөвлүңди. Эдеп билен отураны, шол чөк

дүшүн отурды. Күл тозып, асман гитди, чыра йыкылып гитди, түңчө йыкылып гитди. Түңчөниң гапагы дегип, кәсәни хем сындырды.

— Ай, сәхрайы түркмендир-дә.

359. Ямашгандан чыра якып, хеммесини жай-жай гойдулар. Чай бердилер, чилим бердилер, дессерхан чыкардылар.

Өвез жан айытды:

— Алып бер элине сазы!

Алып бердилер элине сазы. Оңай сөзден гелен бир намалар гайыря, бир намалар гайыря, дутары билбил ялы сайратя-да. Мунуң саз чалышы Өвез жаның гулагына якып гитди.

— Түркмен ага, саз-а бичеме говы чалян экениң. Шу саза гошуп, бир нама гайра билмийәмиң?

— Билйән, Өвез жан.

— Шу саза гошуп, маңа бирже нама гайрып берсене!

— Ажап боля, Өвез жан!

Хай, дили ачылды заңңарың.

— Өвез жан, бизиң юрдумызда төзе шахыр-багшы дөрөндир. Дес уран, нама гайран ялаң шондан айытя. Мен хем шондан билйән.

— Оңа ким диййәлер, түркмен ага?

— Оңа Көроглы бег диййәлер.

— Пах, түркмен ага, диллериңе гуван, диллериңе гуван! Бизиң әшитжегимиз Көроглының намасы. Билсең, ялаң Көроглыдан айдавери!

Онда Юсуп шах айытды:

— Ай, түйси бозук заңңар! Онда ол бар, мунда бул бар дийип, кеп ясап отурма бу ерде. Деррев айт-да, деррев ёюл!

Белли-бетер патыша ёкмазрага-да пр бәш келеме сөз айдар герек.

360. Юсуп шахым, Көроглының
Перизат айлары бардыр.
Саба сейрапа чыканда,
Мессан гүлзарларым бардыр.

Өзи гезер ага ёллы,
Йигитлери сагы-соллы.
Гапысы кырк бөшден гуллы.
Сениң дек гуллары бардыр.

Келамда ³ язар хатлары,
Тевледе арап атлары.
Мейданда Рүстем сыпаты,
Пөлван йигитлери бардыр.

Он төрди ай йүзүң кимин,
Шады-шекер сөзүң кимин,

Гүлрух атлы гызың кимин
Мәрем кенизлери бардыр.

Багда ачылан гүл кимин,
Ак йүзи гөша хал кимин,
Мысалы Өвез жан кимин,
Махрем йигитлери бардыр.

Азызым Көроғлы сери,
Гапымындан алар ары.
Хезрет Алы шонун пири,
Зебердест ирлери бардыр.

361. Бу сөзгө айдаһсан, Өвез жаның шөхди ачылды. Патышахың гапы-габагы гатышды. Өвез жап айытты:

— Пах, түркмен ага, Көроғлының намасы нама экен-ов! Түркмен ага, биз-де Көроғлының ат-овазасыны әшидиң йөрүс. Көп бир ашлы, гылычлы герчек гөч йигит дийип әшатдик. Шол айдаһларының хеммеси чынмы?

— Бай, Өвез жан! Онуң ашдан, гылычдан сыра деңи-тайы болмаз.

— Деңи-тайы болмаса, шонун атыны әерләп, чайыны гайнадып чиләмини салып, пәкизе хызмәткәри бармы?

— Бар, Өвез жан!

— Көроғлының хызмәткәрине ким дийәлер, түркмен ага?

— Көроғлының хызмәткәрине Өвез дийәлер.

— Ий, түркмен ага, о-да мениң билеп атдаш экен-ов.

— Хава, хава, Өвез жап, сениң билеп атдаш.

— Түркмен ага, шол Өвезини тарып әден намасы бамы?

— Бар, Өвез жан.

— Биләмин?

— Биләң, Өвез жан. Көроғлының хемме намасыны биләң мен.

— Әйсе шол Өвезини тарып әдеп намасыны, маңа бир гайрып бер!

— Хай, яғшы, Өвез жан!

362. Көроғлы Өвез жаның шу ерде өз сыягыны айыты, гөввүни гечиржек болуң.

— Хай, Өвез жан, Көроғлының өзүне огташ кырк йигиди бар. Өвез жанына огташ хем кырк йигиди бар. Кыбласында Айдың көл диең шыкара чыккан көли бар. Шонда Өвез жан кырк йигиди билеп гүнчыкардан баря. Көроғлы йигиди билеп гүнбатардан баря. Шонда Өвез жана гөзи дүшүң, бир сөз айытмышдыр. Гулак салавери, Өвез жап!

— Айдавери, түркмен ага! — дийип, алтын тагтың үстүңде Өвез жан хем гар ялы якырап отыр.

Шу ерде Өвез жаны тарып әдиң, бөш келеме сөз айдар герек.

363. Бизин беглер арзув әдер,
Хүвчадыр гүллерин, Өвез!

Сыя зүлпүң хоп ярашар
Ак йүзли халларың, Өвез!

Бизиң мейлисте болмага,
Местан-местана йөрмөге,
Гол сунуп, кесе бермөге
Нәзикдир голларың, Өвез!

Лачын, дурна бәхриңдедир.
Беглер есир кахрыңдадыр.
Вееңңамың шәхриндедир,
Испихан жайларың, Өвез!

Сен яңы дүшүпсиң, диле,
Ишалла, дүшерсиң эле.
Көроглы кырк йигит биле
Хызматкәр гулларың, Өвез!

364. Бу сөзи айдансоң:

— Хә, түркмен ага, Көроглы Өвезини артыкмач, артыкмач тарып әдишдир. Шунуң киминем-де тарып этмек борм-ов, түркмен ага?

Шол Көроглының тарып әдиш йөрөн огланы сениң дехъегиге болсун.

— Пәх, заңңар, мениң дехъегимче огланы шунуң кимин тарып әдишдир. Мени дагыны гөрөнде, гөр ничик әдиш тарып әдер!

Онсоң хем айытды:

— Пәх, бизиң өмрүмиз хайп өгүп йөрөн экени! Шолар ялы гөч йигидиң атыны эерләп, чайыны гайнадып, чилимини отлап берип, бир хызматында йөрмедик-дә. . . — дийди.

365. Пәх, «өзүмден башга адам ёк!» дийип, гомпарып отуран Юсуп шах Өвез жаның яңкы кепинден өйкеләп, тагтыннан дүшүп, сыйыны силкип өтәгитди. Өвез жан ойланды: «Хан болса, патыша болса, эртир бир ағыз кепде өйкесини язян. Бу гиҗе мусапыр түркмен ага билен гүррүң-деш болагайын-да».

Патышаның гөвнүни гөрүп, Лең везир би-де гитди. Мустапа би-дә гитди. Кырк сыпайы өйкеләп өтәгитди. Хан гиденсең, сыпайы гиденсең, ишике ашбаз, жылавдар, тоңқатар, докуз-он догма галды.

— Пәх, Өвез бизлере галды-ха, бизлере галды! Элиң ал-ха, элиң ал!

366. Дашары чыкып, ичери гирип, эдибердилер маслахаты.

— Хов, йигитлер! Хан билен Өвез жаны, худа билсин, эртир яраш-дырлармы. Теңңәңиз барың нагт берип алың. Несъе алың чайы, теммә-кини, ганды, набады, харажады бол тутуң! Бу түркмени-де ковуң, шу гиҗе Өвез билен безим әделиң!

Өз гайытдыгына болсун, көчә шатырдашып гидибердилер. Теңңеси бары нагт алың, несъе етени несъе алып, харажаты бол тутуң, эрк-гала хашлашып гирдилер. Бирн гелйәке, Көроглының чигининден шапба тутды.

— Түркмен! Чык, даланда ят!
— Хә, нәм бар?
— Сорама-да, чыкыбер, гайталама-да!
— Ахыры байсыны bize айдың, bize!
— Байсы Өвез билен безимиз бар.
— Безимиз бәла, эдибериң. Бизлер бир четинде отурас-да, отурас!

— Сен хем Өвезиң безимине шәрпк болуп отуржакмы? Сеп ким, безим ким!

Алыбердилер юмругиң тейине, урха-ур, чык-ха чык. Бир мейдан урдулар, бир мейдан деддилер.

367. Көроғлы ятап еринде ойланды: «Өвез жаң-а өз яныма галды. Бир сагат әдеп саклайын. Соңы нире барарка?» Буларың тейинде гыгырды:

— Өвез жаң! Мени бу ерде, бу догмаларыңа урдурмага, хорлатмага сакладыңмы я саз чалдырмага, айдым айытдырмага сакладыңмы?

Шейле диенсең, Өвез жаң ыргып ериңден туруп, хер хайсының гур-сагыңдан гайра итибериң-итибериң иберди.

— Отурың, дегмәң. Палавың гыргыңыңдан бир лунум берсеңиз иййө, болмаса, отыр-да мусапыр түркмен.

Өвез шейле диенсең, палач болуп хер хайсы дивала аркасын берип билегин чырмашып, гөзүни акжарды, хашлашып отырлар. Өвез жаң муны гөвнүңе мелал алмасын дийип:

— Хав, түркмен ага! Муны гөвнүңе мелал алма. Бизиң юрдумызың «урха-ур» диен ойнумыздыр би-де.

— Өвез жаң! Сениң юрдуңда «урха-ур» дийселер, бизиң юрда «Ким урды» дийерлер муңа. Ким уранны билсем, идили этжек дәл.

368. Өвез жаң мунуң гүррүңине шарк уруп гүлйө. Ай, хуллас Өвезиң безими, гүррүңи шу түркмен билен. Догмалар-да чишишип отырлар. Шу догмаларың ичинде айратып келте-пачрак заңнар бар, гон-жуна гор гуйлан ялы-да. Дашары чыкя, ичерп гирийө. Көроғлының гап-далына сүйкенип өтйө, еңсесинден сымсыклап иберйө. Ай, хуллас ынжа-лыгыны беренек-да гараз. Көроғлы хем гөзүниң астына алып отыр.

— Ай, сен заңнар-а, етмедик аңала эе болясың! Бу галмагалың деслабы сеп болмага чемлиле.

369. Яңкы догма дашарык чыкып гелиш:

— Хав, түркмен! Адам дисниң бейле терс яка болмаз, гарагол бол-маз. Ынха даң атып гелйө. Бирже сагат безимиз бар. Сен бирже сагат даланда ятып геласене ахыры!

— Хав, жора! Далан диениң бир сапалы жай болса, өврөншөп етик ериң болса, өзүң ятыберсең, ничик боля!

Шей диенсең, яңкы догма элиниң терси билен Көроғлының гулак чекгесине бир янды — Көроғлының гөзүңден от чыкды-да. Көроғлының хем раст гелди гахары. Ыргып ериңден туруп, яңкы догманың аягыңдан жүп тутуп, дикине ёкары гөтерди; башыңдан айлап-айлап мейхананы бир сырдам газыгы барды, гайым шоңа берчилледәди.

370. Пах, галан догмалар: «Бу заңнар адам өлдүрди. . .» дийип,

пешмер, айпалта билен — «нирәң гиҗийә секиң?» — ур Көроғлыны.

Көроғлының хем әти үйшүп, раст гелди гахары. Бир махалдан инер басылаң ялы буларың тейинден мүңзип турагелди. О янына — бу янына гөзләберди. Гөрсе, элине илҗек зат ёк.

— Ай, биз-ә шундан говы пешмер ёк — дийиң, яңкы газыга чүйләп догмасының аягындан тутуп, эгнине ташлады.

Тәзе олен өли. Шунуң билең галаң догмалары ур, йык, деп, өлдүр . . . каклашдырды . . . Ондаң Өвез җаң хем гөркуп, тагтындан дүшүп мейханың мурчунда йыгырлып дурды. Көроғлы хем би элиня зыңып ташлап йүврүп гелип, Өвез җаның билинден тутуп, готерип, ере уруп, раст ичине овүп, баш-алты гайра денди.

— Хей, з. . . сениң бир! Эртирден бәри догма урдурың, хорлап саклап отырсың. Мам сениңки, азап бизиңки. Малыңа эе болямың, болмыямың? Чык, дүш өңүме!

371. Өвез җаң товсуп, көче билең өңүне дүшүп диң-диң ёртаберди. Дашары чыкып айытды:

— Ага, сейисханада ики саны ат бар. Адама бирини мүнүп гидейли.

— Йөр, көпиңи көпелтме! Ат кесип барың огры дийиң, хаңа айдып, өлдүртҗек-дә сен мени! Йерибер деррөп!

«Хаңа айдып өлдүртҗек-дә» — диеңде, Өвез җаң ичинден ойланы: «Бу заңларың эдип гайдаң иши ондан абрайлымыка?» — диййә. Өвез җаң муны бирнеме гүймеҗек боля.

— Ага, таныш бакталым хем бар. Чай ичейли, чилим чекейли-ле?

— Чай-чөрек чопанларың тошунда копдүр. Көпиңи көпелтме. Йөр заңдар!

372. Өвез җаң «дервезе яшык болса!» дийип, гелйәди ичинден. Патыша галавытда болансоң, дервезе ачык галаң әкени. Өвез җаң «ишим гайытды. . .» дийди. Инди сәхре көчеси билең өңүне салып ковуберсин.

Өвез җаң ташнавадн башга ызгар ер басмап отуран оглаң, аяклары мовҗук-мовҗук ялы габарды.

— Хав, ага! Мен харып ядадымла!

— Харып ядан болсаң, мен сени сүйрейәрин! — дийип, Өвезиң элинден тутуп, сүйрән киши болуп, хер сатаныны бир ере дүшүрйә.

— Хав, ага, инди мен сүйреҗиңе-дә яраҗак дәл. . .

— Өвез җаң, бей диймесене! Бизләр гарры адам. Сен йигит оглаң. Хей, сен хем харып ядармың! — дийиң, сүйрәп гелйән Өвезини силкип өңүне дүшүрйә. «Мана, бизден Өвез озды-ха озды. . .» — диййә.

373. «Озаным раст огшын» дийип, бир мезил хошамата йүвүртди. Соң-соң болмады, сүйнүп ятыберди ёлуң үстүнде.

— Ага, «Өвез, оздуңа-да» яраҗак дәл. Халыс болдум. . .

— Халыс болан болсаң, сен мени мүнәгай!

— Ага, гоявери! Адам адамдан мүнмек болямы?

— Өвез җаң, бизиң дестурымызда ялаң адамы мүйёндирис.

Көроғлы дашындакы доны чыкарып, бойнуның үстүнде эпләп гоюп, өңүне гечип, чөк дүшүп отурып:

— Хав, мүн, заңдар! — дийди.

Өвез жан горкусына товсуп мунди бойкуна.

— Өвез жан, ахмал отурма. Мениң сәхер махалы зыяным тутуп, патанаклап, адам йыкян гылыгым хем бар. Гулагыма гайым япышавери.

374. Өвез жан хем мунуң гүррүңине ынанып, гулагының тейинден пенжеләктеден тутупдыр. Бир сереси бу янындан артып ятыр, сыгрың гулагыны тутан ялы.

Пах, Көроглы Өвез жаны гөтерип, ики аягыны гайым гужагына гысып, хер бир зыңанда ок чыкым ⁴ ере дүшйә. Ики өкжесж дегйә заңңарың.

Өвез жан ызына әсеван әтсе, гала даш галыпдыр, агач даш галыпдыр. Өвез жан муны бирнеме гүймежәк боля.

— Хав, ага, сениң үстүң гаты әкени. Хей, сениң бир ёргаң, йөришиң болмазмы ахырын?

— Пах, Өвез жан, сениң герегиң ёргамы, йөришми!

Ёргалан киши болуп, . . . ойпулдадып, бир зыңар — танап ярым дүшйә.

375. Шу гелшине атышы гоян душуну чен этди Көроглы.

— Өвез жан! Гойна якынлашдыкмыка диййән. Дүш шу ерде!

Өвез жан бойнуң үстүнден сырылып дүшсе, дашлы такыр, гала хайда, шәхер хайда! Илерси гаялап дуран гум. Ине шу Өвезалы, «гойнум бар, чопаным бар» дийип ал билен әкелди. Ол кеадиң ады Өвезалы болуп галды.

Өвез жан айытдл:

— Хай, ага, мениң шу болуп йөршүм дүйшүм болса ягшы. Сениң гоюн билен гул диениң раст болса ягшы — дийип, Көрогла гарап, зар-зар йыглап, бир бәш келеме сөз айдар герек.

376. Чопан ага, алып гелдиң би жая,
Гоюн билен пул дийгениң растмыды?
Ялан сөзләп, душман болма худая,
Гоюн билен гул дийгениң растмыды?

Дост болуп, душманлык әтме арада.
Яшың узак болсун, өмрүң зыяда!
Шу гиҗе гөтерип гачдың пыяда.
Гоюн билен гул дийгениң растмыды?

«Тур, Өвез!» дийип, он адамы өлдүрдиң,
Мертлигиңни Юсуп шага билдирдиң.
Эрк-галаның гапысыны сындырдың.
Гоюн билен гул дийгениң растмыды?

Чопан ага, мени алдың-да гитдиң.
Гөрмедик, билмедик жайлара әлтиң.
Хан Өвези шу гүн сергездан этдиң.
Гоюн билен гул дийгениң растмыды?

377. Бу сөзи айдандан соң, «Өвез жан! Хапа болма, йыглама, раст-дыр» — дийип, кепе гүймөп отыр. Гапдалдан допы хем эплөп гоюпдыр. «Ука галып болса, атымы әкелсем» — дийип отырда.

Ядап баран Өвез жан ука галып болуп, дона гаршы гышарманы, дызының үстүңде келлесини голды.

Бир сагат уклап, чорус-жүп еринден тура гелди.

— Хә, Өвез жан! Ямап гаты турдуң-ла гаты, гаты!

— Хав, ага! Мен бир дүйш гөрүңдирин, дүйш!

— Айдавери, Өвез жан, айдавери! — Мениң атам тагбырчың, мен хем тагбырчы мен.

Шу ерде Өвез жан гөрөн дүйшүңи беян эдиң, Көрогла гаршы гарап, бир бәш келеме сөз айдар герек.

378. Эй, худая, бу жахан герт олмагай сен, бирибар!

Дүшди башым гурбата, бир айралык ахырзаман.

Онда галды тәжи-тахтым, малы-мүлкүм, бу дүкан.

Эй, худая, мен белалардан белага учрадым.

Эй, худая, мен энеден болмагайдым кәшгә,

Бу нежис дүйә йүзине гелмегейдим кәшгә,

Бу чопап бирләни ёлдап болмагайдым кәшгә.

Эй, худая, мен белалардан белага учрадым.

Эй, худая, мен бу гүп учдум-да дүшдүм бир ырак,

Тисгинип турдум еримден, гөзүми ачдым пырак.

Бир сыпайы мүн дийип яныма гетирди Бырак.

Эй, худая, мен белалардан белага учрадым.

Эй, худая, өлди атам, хижриде багры гап болуп,

Яш дөкер, йыглар энем ики гөзи гирян болуп.

Гөрсөңиз, бу хан Өвез чөл ерде сергездан болуп,

Эй, худая, мен белалардан белага учрадым. . .

379. Бу сөзи айдандан соң, Көроглы еринден туруп, Өвез жаның төверегине чызык чекип отурды.

— Хай, ага! Бу нәтдигиң?

— Өвез жан, мен сениң дүйшүңи ёржак. Арвах, жып бәряк гөчмесин дийип чызың.

Мейдана алып чыкыпдыр, гөвнүне геленини эдиң йөр, Өвез жаны ойнап.

— Хай, Өвез жан, «Эй, худая, мен бу гүп учдум-да дүшдүм бир ырак» — дийип айытасың. «Бырак» манысы даша дүйшөрсин. «Тисгинип турдум еримден, гөзүми ачдым пырак». «Пырак» манысы «айрачылык». «Бир сыпайы мүн дийип, яныма гетирди бырак» — дийип айытасың — хер киши дүйшүңде Бырак мүнсе, юрда хан болармышын.

380. Хан боларсың диени огланың гулагына якды.

— Ага, мен хайсы юрда хан боркам?
— Чардаглы Чандыбил, текели Тевриз — дийип гойды.
— Хай, ага, гоявери, гоявери! Вееңнам дийсене, Вееңнам! Көроглы айытды:

— Бар, Өвез жан, Вееңнам хем болса боласын!
Ене кепе гүймөп отыр. Ука тутуп, бу сапар дона гаршы гышарды.
Көроглы урды жүп дехинин атың янына гаршы.

381. Барды бабаңка.

— Хай, баба, ат бармы?

— Оглум, атың-да гурсун, өзүң-де!

— Ха, баба?

— От бержек болсак, гарнымдан дишлейө, сува якжак болсам, еңсөмден дишлейө, ярмадык, йыртмадык ерим гоймады.

— Ханы, биз хем бир баралы бакалы.

382. Сейисханасының агзындан барса, Гыр ат агзыны ачып, гулагыны япырып, ер пешелөп топулып дур.

— Хө, Гыр ат, бизиң янымыза Өвез жан ёк дийип эдип дурсуң-да муны. Өвез жаны сениң голтужагыңа гегирип гойдум! — дийип, Гыр атына гаршы гарап, бир бөш келеме сөз айдар гөрек.

383. Гөзүң ачып гөзле, Гыр ат!

Гелди Өвез, оглан гелди.

Дилиң болса, кепле, Гыр ат!

Гелди Өвез, оглан гелди.

Кырк бегин ковдум янындан.

Алып чыкдым меканындан.

Хусны Юсубың жанындан,

Гелди Өвез, оглан гелди!

Гыр ат, мениң гөвнүм гөтер,

Белент-белент дагдан өтүр.

Йылдам текели иле етир!

Гелди Өвез, оглан гелди.

Етди пирлериң догасы,

Ярадан хакдыр пенасы.

Көроглының көңүлгөси,

Гелди Өвез, оглан гелди.

384. Бу сөзи айдандан соң, Гыр аты сүйнүп, саркып, оты билен болуберди.

Бабаның хужресине гелип, гүпбүсини, чокайыны, сопбажыны чыкарып урды мейханасының бурчуна. Аржадан шахана геймини гейип, ярагларыны дакынып, атыны әерләп, атланып:

— Хай, баба! Сениң билен кыяматлык ата-огул болдук. Аз-кем ду-

зуңы ийдик. Сениң менден гөрөн негижәң ши. Сен бир келеме гайтар, мусурман бол!

— Оглум, өлдүрсөң, маңа бейле агыр юмшуңы буюрма!

— Баба! Сени я өлдүрсөм, я мусурман этмесем, эрте кыяматда сениң элиң мениң якама бормуш.

— Оглум! Вада болсун. Сыра якаңдан тутмайын.

385. Көроғлы гөрсө, сыра диенини этжөк дәл. Гылыжы гышындан согруп алды.

— Я өлдүрсөм, я мусурман этмесем болмаз!

Гылыч сыйрансоң, баба горкды, мусурман болды.

Гөзүни юмуп, этегини ачды. Бабаның этегине үч чаңнал ак теңге оқлады.

— Баба, «Ак дүйәни гөрдүңми?» — «Гөремак» дий.

«Гөрдүңми?» — «Гөремак» диен накыл шу өрдө галыберсин.

Бабаныңкыдан чыкып, Өвөз жаны гоян ерине басды ата гамчыны. Көроғлы гөйлөп ериңде «Хоп» — эдип гөйлөп, «Оянып гачып гидиберен болмаса ятшы. Я гезип йөреңиң бири әкидиберен болмаса ятшы».

386. Гүн чыккы, Өвөз жаны гоян өрө гелди. Гөзлөсө, Өвөз жаның шол уклап ятышы. Зөр сув берлен көкилиниң ярсы йүзүңиң тейине дүшжөк, ярсы хем йүзүңиң үстүнө өртүк. Гүн хем үстүнө, текизлигине дүшүп дур. Гүнүң тейинде алтын ятан ялы гүне ялык-ялык шөхлө берйә.

387. Көроғлы «алла, мунуң үстүнө алым, ярагым абанакга-да «тур, ай!» дийсем, йүреги ярылып өлөр. Нөңә эдип оядаркам, жаным?» Ене бир көп гөвнүнө гелди: «Атың дүкгүрдисине өзи оянар-да шунуң» дийип, атың жылавуны чөкөрөгө-де тутуп, урубурди ата гамчыны.

Ат гамча чыдаман, сегирип, зыңяр асман, күдүң ураң ялы, өр сарс-дыря.

Өвөз жан Гыр атың дүкүрдисине горкуп ояңды. Эсөван этсө, гүн чыкардан бир атлы гөйлө. Гыр атың ялкымы, алагайшың ялкымы, сырлы найзаның, алтынлы топжыганың ялкымы гүн билен чакнышып гөйлөп.

Өвөз жан муны танаманы, Көроғла гаршы гарап, бөш келеме сөз айдар гөрек.

388. Мөрт болан нки сөзлемөз.

Гөч йигит, нирден гелер сен?

Достундан сырын гизлемөз.

Бөг оглы, нирден гелер сен?

Боюң даглап чынары дек.

Йүзүң алма-әнары дек.

Түркмен, өзбек сердары дек,

Гөч йигит, нирден гелер сен?

Гыр ат мүнүп, хөр ян бакып,

Сырлы найза, хатар дакып,

Награ уруп, тебил какып,

Гөч йигит, нирден гелер сен?

Өвез жан дийрлер адыма,
Өлемлер янар одума,
Хак етирсин мырадыңа,
Гоч йигит, нирден гелер сен?

389. Бу сөзи айдандан соң, Көроглы хем дешип геләгетдини, үстүнә абанып дуруп, зат билмедик киши болуп:

— Хав, оглан, сен ниреден гелйәсиң?

— Ага, мен нирден гелйәними билемок.

— Нәме дийип билмейәсиң?

Абайлап, Өвез жаньң йүрегини ярып баря.

— Мени, ага, шу гижә бойлары күңре ялы, гулаклары гарыш сәре бир адам бойнуна гетерип, шу ере гетерип ташлады. Мен хем уклапдырын, о заңдар хем бир яна йлундыр.

— Сен асла кишиң оглы?

— Мен Бултур гассап байың оглы.

390. — Бултур гассап байың Өвез диен бир оглы бар дийип әшдиң йөрдүк. Шол болама сен?

— Тап шонуң өзи мен, ага!

Көроглы:

— Бой-бой! — дийди. — О гулаклары гарыш сәре, бойлары күңре ялы диен адамың, ол бизиң инимизди. Мен гойнуң янында галыпдым. Гоюнларына, малларына әе болсун дийип, сениң янына иберипдим. Мен гойнуң янында галыпдым. Ол мениң догмам дийип, бирине сатан болма сен?

— Хай, ага, маңа сатмагөр-де, сатмагөр-де! Мен өз гүнүми гөрүбилемок. Ага, мен чай ичмәндириң, чилим чекмәндириң. Әссәм ериндә дәл. Бейлә абайлаберме ахыры!

— Өвез жан, сениң герегиң чаймы, сениң герегиң чилимми?

391. Атдан дүшүп, атының сыртындан хоржууны алып, бүрүнч чилимден чилим берип, ыслы чайдан чай берип:

— Өвез жан! Чайдан, чилимден язлышдыңмы?

— Язлышдым, ага!

— Гойна әе болмага чыкан оглан хем сенми?

— Хава.

— Әйсе о заңдар сени бойнуна гетерип, харып-ядап, шу ере гетерип, сени ташлапдыр. Ол маңа хабар бермәгә гойнуң янына гидендир. Мен-де бу заңдар кән әгленди дийип, бәри гаршы чыкагадым барламага. Онуң хем ёлы менден сова дүшкән болмага чемели. Ол әйәм янына барандыр. Өвез жан, инди атланайлы!

— Хайыр, ягшы, ага!

392. Көроглы атланып, кечәниң сыртын гайтарып, дашындакы доны чыкарып, атың сыртында эпләп тоюп, Өвез жаньң элинден тутуп чекип, атың сыртына алды. Гыр атың жылавуны Чандыбил тарапа өвүрди.

Пах, Гыр атың нешебазлыгы Көрогла кырк әссе! Өвез жаньң сыртына мүненини билди, Чандымбиле дененини билди.

393. Гыр атың йигрими төрт дүрли йериши барды. Шол гиҗе сайлап, бир йөрүш тапды. Тарышыны айдып, дийип, соңуна чыкар ялы болмады. Сагрысының үстүндө бир көсө сүйт гойсаң, гаймагы бозулжак дәл.

Өвез җан ойланып, чикир эдип баря. «Алла җаным, яланчыда мунуң кимин ат болар экен-ә. Ылахыдан берлен Көроглы суншүдө бир ат бар дийип эшитйөдим. Мегер болса, шо чыкар» — дийип.

— Хав, ага, бу нәме ат би?

— Өвез җан, бу-да бир ат-да.

— Мундан башга атың бамы?

— Ай, Өвез җан! Галың атлар бар, атлары артлар өтегидер. Бу бир гойнуң янына мүнлүп йөрөн, келте быкын, юма, ёрга алашадыр.

— Алаша болса-да, йериши, ёргасы хан янында, сыпайы янында мүнмөгө гайым ат экени. Атыңы сатмарсың, алла?

— Сатарыс, Өвез җан.

— Айыт бахасыны.

394. — Ай, Өвез җан, булар ялы жонтук алашаның бахасыны айдып нәтжөк. Сениң өзүң диләп, өзүң алагайсана.

— Өзүм диләп, өзүм алсам, әкелйән гойнуңдан кырк гузулы гоюн берейин. Оны аз гөрсең, кырк гузулы гойна дегер ялы асыл мата берейин.

— Пах, Өвез җан, гаты хөвөс болан экениң. Бахасындан артыкмач хем диледиң сен. Ол гоюн-гузы диениң-ә биз сатып соңуна чыкып билмерис. Йөне мата диениң гулагыма якды. Шу гүнлер өзи бирмене гытракды. Оглан-ушага, гул-чора гейим боларды.

— Мата гулагыңа якан болса, алып бер әлиңи. Ага, хайырны гөр! — дийип айытды.

— Өвез җан, хайырны гөр! Мүнмөк несип әтсин!

— Сен хем алаң матаң хайырны гөр. Ялаң тоя гейгей сен! Ага, ат бизиңки болдумы?

■ — Хава, Өвез җан, ат сениңки болды.

— Ат бизиңки болса, сен дүш, ага!

— Хә, Өвез җан!

395. — Мен бир тәзе ат алаң адам. Атымың ёргасыны, йеришини өз башыма мүнүп бир сүрүп гөрейин.

Көроглы мунуң тутан гушуны үтүп гөйберипдир.

— Өвез җан, бу бир бихәсиедрәк алаша би: өвренишмедик адамыны ойнаш йыкян хәсиети бар. Ховлукмасаң, өзбашыңа-да мүнерсиң-дә, — дийип, гулак асман сүрүберди.

396. Шу геливүне Өвез җан:

— Гоюн бирде? — дийип сорая.

— Гоюн хол гершиң ақырсында.

О ере баранда, «онда» диййә, бу ере баранда, «мунда» диййә, шул алдап гелийә.

Көроглы гаңрылып, Өвез җаның йүзүне гөзлесе, йыглай-йыглай гөзүниң яшы бурнуың ики ян гаңдалындан ёл эдип гидидир. Көроглы айытды: «Әй — дийди — Вееңнам бирде, Чандыбил бирде. Ниче сары гоюн онда, гоюн мунда дийип әкидейин. Гел шуңа Көроглыдыгымы бил-

дирейин. Йүреги ярылып өлйөн болса өлсүн-ле!» — дийип, Өвез жана гарап, беш келеме сөз айдар гөрөк.

397. Эй, яранлар, мусурманлар!
Йыглама, Өвез, аглама!
Жепа чекди эзиз жанлар.
Йыглама, Өвез, аглама!

Хан дегил мен, бег дегил мен,
Саңа гыяр жан дегил мен.
Атаң, энең мен дегил мен.
Йыглама, гузым, аглама!

Ала дагдан ашырар мен,
Дал сынамда яшырар мен;
Дөдөң гелсе, табшырар мен.
Йыглама, Өвез, аглама!

Агладар мен, гүлдүрер мен,
Мертлыгым билдирер мен.
Гахрым гелсе, өлдүрер мен,
Йыглама, Өвез, аглама!

Бу ере не ер диерлер,
Күпбарың гөштүн нерлер.
Бизе Көроглы диерлер.
Йыглама, Өвез, аглама!

398. Бу сөзи айдандан соң, Өвез жан сыртындан телпек гачан дек пат ере гачады.

— Ай, Өвез жан, гаты дүшдүң-де, гаты!

Ховлужына «Гоюн якын, гоюн якын! . .» дийиберди.

— Хав, ага! Гойны-да саңа багыш этдим, чопавы-да саңа багыш этдим. . .

— Бей дийме, Өвез жан! Бизлере худаёёлы дегмийө.

— Дегсе, дегмесе, багыш этдим, ага!

— Бейле дийме, Өвез жан. Гидели, гидели, гидели, Өвез жан!

— Ёк, ага, сениң билен гидебилмен, Көроглы! — дийип, Көрогла гаршы гарап, зар-зар йыглап, беш келеме сөз айдар гөрөк.

399. Вееңдамдан чыкып Төвриз юрдуна
Сениң билен гиде билмен, Көроглы!
Алла салды жыдалыгың жебрыне,
Сениң билен гиде билмен, Көроглы!

Гарынчга-тугундан бир хабар алып,
Хазаның елинден саралып солуп.
Мусапыр юртларда тилим багланып,
Сениң билен гиде билмен, Көроглы!

Күлли меламатың баша гетирме.
Бир абрай-ишиң менден өтүрме.
Бир ялңыз йигидиң ызын йитирме!
Сениң билен гиде билмен, Көроглы!

Өвез айдар, Хайдар кеззардан болсаң,
Исгендер, Жемшит дек ер йүзүн алсаң.
Чандыбил-Төвризиди мүлк эдип берсең,
Шонда-даны гиде билмен, Көроглы!

400. Бу сөзи айдаанда соң:

— Бей дийме, Өвез жан, гидели!

— Ёк, ага, гидебилжек дәл.

Көроглы бир кепи гөвпүне дүвүп, «Өвез жан озал хем инче[билли оглан, паланча гүнден бери ажыгып, гушагы серкерип, айырдына дүшүлдир, Найза билен гушагындан гөтерип болмазмыка?» — дийип, найзаны узатды Өвез жана гаршы. Өвез жан-да горкуп, ашак эңилди. Гушагының тейинден найзаны уракетдини, горёкары гөтерип, найзаны ташлап, Чандыбиле гаршы тарап, атың жылаууны дең тутуберди.

401. Өвез жаның келле тарапы ашак, аяк тарапы ашак, били үзүлип баря. Бир мейдап гитди. Өвез жан гыгырыберди.

— Хав, ага! Өзүм гидейин, өзүм! . .

— Ёк, Өвез жан, инди Чандыбиле барянчам гидишим!

— Вах, ага, бей дийме, гидейин-дә!

«Гидейин, гидейин» кән айдып беренсоң, Көроглы дүшүрип, ерде гойды. Найзаның өкжесини өврүп, еңсесине раст бөш-алты гайра урды.

— Хай, сениң! Дүш өңүме! Чандыбиле барынча, атың өңүне салып, пыяда ковуп гитжек сени!

Ярым мезил ёл барынча, пыяда ковуп гитди.

402. Көроглының хем гөвпүне гелйө: «Маңлайындан дер чыксын, аяклары габарсын, жепасыпы чексин. Овсоң маңа паям берер ол. Болмаса йүз мүң киярдан гечен, йүз мүң чаршеммелери башындан гечирен заңдар маңа-да паям бермез.

Соң Өвез жан бир ялының йүзүнде сүйнүп ятыберди.

— Ага, өлдүрсең, өлдүр, инди бир әдими эдип билжек дәл.

— Өвез жан! Эмен сүйдүм билеп, разычылыгым билен гидейин дийсең, ата мүндүржек. Болмаса ине! — дийип, ене уруберди.

— Йыгламан гидейин, ага, йыгламан гидейин. . .

Өвез жаны чекип, Гыр атың сыртына ене алды. Сүрүккә гидиберсин.

— Хав, Өвез жан! Гөвүп ачан гүррүң тапсана, агыз сүйжүтме гүр-

руң тапсана! Өвезде гүррүң нәмә ишлесин, кеп нәмә ишлесин. Доңцара-
даш болуп отыр. Көроғлы бир гаңрылып гөзлесе, Өвез жаның шол йыг-
лап отуршы.

— Ханы, Өвез жан! Йыгламан диймөнмидиң?

— Эй, ага! Мениң йыгланым айыплашма. Доккуз дөрвезели шәхери
өзүм сорядым. Мундан айрылып барян. Юсуп шах кырк сыпайысы билен
хызматкәримди — ондан хем айрылып барян. Ак сүйт эмдирен энемден
айрылып барян, гарындаш-догандан, ил-гүнден, яр-достдан хырач дүшүп
барян. Мен йыгламан, ким йыгласын ахыры!

403. — Өвез жан! Йыгламак айып болар. Сенден хем озал айрачы-
лык чекен адам көпдүр.

— Растдыр, ага! Галың етим оглан, салпы аяк айрачылык чекен-
дир. Мен ялы пәкизе оглан айрачылык чекен дәлдир.

— Өвез жан! Сен мен-менлик этдиң. Кәрхана гол салдың. Мен саңа
Адамдан Хатама ченли айрачылык чекенлери хабар берейин. Өзүңчө
бамы, ёкмы?

Айрачылык чекен адамлары хабар берип, Өвез жана гарап, бәш
келеме сөз айдар герек.

404. Нурундан яратды ики ээизи
Бугдай ийп бехиштден айрылмадымы?
Үч йүз йыл агтарып, сергезден болуп,
Адам ол Ховадан айрылмадымы?

Адам оглы хач болуңдыр яш билен.
Ювды йүзүн гөзден акан яш билен.
Абыл атды ол Кабылы даш билен.
Ага инисинден айрылмадымы?

Ыбрайым пыгамбер дүнийәге гелди.
Арзув-арман билен Хажары алды.
Мусурман боланлар кишдиге мүнди.
Нух өз оглундан айрылмадымы?

Ол хакың Төвратын окыган Муса,
Заманыңда ёкды олар реса.
Биби Мөрәм оглы хазраты Иса
Гачып капырлардан айрылмадымы?

Пыгамбер алама патыша болды.
Зебур оқып, халка несихат берди.
Бир гүни өзүне мен-менлик гелди —
Давут кырк оглундан айрылмадымы?

Давут өлди, зүратына ер галды.
Худайымдан шоңа бир йүзүк гелди.

Нурдан болан йүзүгини дөв алды, —
Сүлейман тагтындан айрылмадымы?

Якуп йыглап айрыландыр гөзүнден.
Хич пейда тапмады айдан сөзүнден.
Араз Гаммарындан, гүлөр йүзүнден,
Юсуп Зылайхадан айрылмадымы?

Пыгамбер-Чарыяр яшын дөкерден.
Шыхлар сопусындан, шахлар нөкерден.
Тоты шекеринден, заммур асалдан,
Билбил гүлүстандан айрылмадымы?

Көроглы бег, тәлим алгын уссатдан.
Ятшы-яман, хемме гечер сыратдан.
Лейли-Межвунундан, Ширин-Перхатдан,
Вамык Узрасындан айрылмадымы?

405. Бу сөзи айдансоң:

— Хав, ага! Шу айданларың хеммежиги чынмы?

— Хеммежиги растдыр, Өвез жан. Бизде сөз ики гөп болмаз.

Өвез жан ичинден ойланы: «Сенде ики кеп болмыян болса, ханы гоюн,
чопаны?» — диййө.

— Ага, шу айданларың хеммежиги раст болса, мениң йыглап гел-
мәм хебес әкени. Аtdан дүшели, чай ичели, чилим чекели. Ёл-да болса
алар йөрүс-дө.

— Хай, Өвез жан! Шунуң ялы гөвүн ачян гүррүң тапсана!

Аtdан дүшүп, чай, чилим чекип, мес болуп, ене атланып гидибер-
синлер.

406. Инди хабары кимден ал? — Гелип, патышадан ал.

Шол Өвез жандан өйкелән киши болуп, херемханасында, хелейиниң
явында ятыр заңнар. Бир гүни бәш-алты пешабыны чагырды янына.

— Хав, пешаплар! Барың әрк-галадан бир хабар тутуң. Түйси бозук
түркмен оммалып ятырмы я гүм болуп гидипми? Шондан бәри ятан
болса, аягындан тутуп, уруң хеннегиң тейине, овмачлап гайдың!

407. Пешаплар ылгашып әрк-гала гелселер, түркмен хайда, Өвез
хайда. . . Он догмасы ятыр оммалып. Барып, хабар бердилер:

— Тагсыр патышайым! Ол айдан түркмениң-де, Өвезиң-де ёк.
Он догмаң-а ятыр оммалып. Хендегиң тейине шолары ташламалы бо-
лупдыр, тагсыр!

Патыша деррев мүнечжымины, гуррандазларыны йыгнады.

— Ере гирен болса тапың!

Гуррандазлар гурра салып:

— Тагсыр! Гыр аты бар, чар перре алмаз сув берлен найзасы
бар, өзи хем бир сили-салы герчек гөч йигит. Шул вагтлар палан дагың
этегинден Өвез жану артлашдырып баря.

— Алла, ким бор-а, ким бор? — дийишибердилер.

Онда Мустапа бег айтды:

— Тагсыр патышахым! Тап Көроглы сүннүдир. Ядыңдан чыкдымы тагсыр?

— Нәме ол?

— Хемдем везир нәме дийип гидипди, тагсыр? Көроглыны үстүңе гой-берерин, Өвези голуңдан алдырарын дийип, ант ичип гитмәнмиди ахырын? «Мен Көроглы!» — дийип гелйәми, хилесин тапып әкитйә-дә, тагсыр!

408. Патыша дергазап болуп, дессине Лең везири мұң атла баш әдип ковдурды. Онуң ызыңдан хем Мустапа бегің шайыны тутуберди. Топ, шемхал, гумпары чарайры, заммырак. Бу хем ковуп гидиберсин.

409. Инди хабары кимден ал? — Көроглыдан ал.

Атдан дүшүп, чай ичип, чилим чекип, уклап, мес болуп баря. Сыра ызыңдан гайгысы ёк.

Бир гүнден бир гүн Көроглының ызыңдан тозан пейда болды. Лең везир ковуп етди. «Алла, ызымдан йыгын етди. . .» — дийип, Көроглы хем ойланя. Өвез жаны бир ерде гоюп, «Мунуң өңүңден чыкайын!» дийип ёлдан чыкып, дага гаршы совлуберди. Ёлдан чыкансоң, бир дерчигип чишиберди.

«Алла, Гыр атының гөвнүңе гелйәндир-ов. Мунуң ягырнысыңдан кайза етип гелйәми? Мени булар ялы гыссыя дийип, гөвнүңе гелйәндир. Йыгын етенини Гыр ата билдирейин» — дийип, сазыны голуна алып, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

410. Ызымыздан ганым етсе,
Даглара бар, даглара бар.
Дегре-дашың думан тутса,
Даглара бар, даглара бар!

Даглар миреввет кәпидир,
Эренлериң меканыдыр.
Арап атдыр ибалыдыр.
Даглара бар, даглара бар!

Дагларың сынасы гөкдүр,
Гуртлар, гушлар шовда бекдир.
Хүмметсиз беглерден екдир.
Даглара бар, даглара бар.

Көроглы, хак дийип отурып,
Мөвламы диле гетирип,
Өвез огланы гөтерип,
Даглара бар, даглара бар!

411. Бу сөзи тамам әденсоң, гелип бир дагың үстүне дүшүп, чай ичип, Өвез жааның өңүндө бир чөйнек чайы дөмлөп гойды.

— Өвез жаң! Мекиң ызымдан бир тозан пейда болды. Мен шоңа айланып гелинчөм, сен шу чайы ичип отур, — дийип, Өвез жааны бу ерде гоюп, аралыга бир дагы-гыр салып, булара гөрүнмәни барып, йыгның ызына дешип гитди.

Атланан деп болуп, хеллевлешип гелйән атлы. Бир-бирине хайры етйәни гирди бир четинден. Ур, йык, санч, агдар, бас, өлдүр, гаңыр, бас.

412. Лең везир ызына бир гөзлесе, ызыны. . . те каклашдырышдыр. Би-де гачмак билен болуберди. Мунуңам ягырнысындан етирди найзаны. Ене-де айытды: «Гачаны ковуңы болма!» — дийип, сайлашып чыкды. Атың жылавуны дөндериш, Өвез жааны гоян ерине басды гамчыны. Гелип, гоюп гиден ерини гөзледи. Гөрсө, гоюп гиден еринде ёк. . .

Йүреги тыкылып, алкымына гелип, ат гамчылан, даг үстүне чыкып, бир бәш келеме сөз айдар гөрөк

413. Биз хем ят әдели Өвез огланы,
Везир Арзымандан ашды дийгей сен.
Ковуп етди Вееңңамың беглери.
Бу дагларда сөвеш дүшди дийгей сен.

Полатлар парлайып, бармак бүкүлди.
Мүверрес йөриңин севес сөкүлди.
Агыр сулсат Вееңңамдан дөкүлди.
Бу дагларда сөвеш дүшди дийгей сен.

Йыгын гелип, сеп-сеп болуп дурдулар.
Сөв сөхерден нагарасын гурдулар.
Элли-алтымыш беглерини гырдылар.
Гавлар акып, чайлар дашды дийгей сен.

Көроглы бег депер сансыз гошуна,
Намарт кахыл гелмез мердиң ишине.
Пирим шахымердан, дөнем башыңа.
Гоч йигит серинден гечди дийгей сен.

414. Бу сөзи тамам әденсоң, өзүне өзи айытды: «Көроглы, сен гоюп гиден ериңи атдан дүшүп барласаң болмыямы, ахбети!»

Гелип, атдан дүшүп, барлайын дийсе, яңкы гоян дашлары өзүне зелел этди: ханы инди ичине гире билсе! Раст гелди гахары. Кичи сакалы дишлөп, хөр хайсыны гуңаклап. Әсеван этсе, яңкы гоюп гиден чайындан бир көсе-де ичмәндир. Баш тахяча, аяк ялаңач дага ярмашып өтәгидишдир. Шу ерден атыны идиш, ызарлап өтәгитди.

Өвез жааның ызы бир бейик дагың үстүне чыкды. Шу дагларың бар әкенлигини билип, дагларына гүман әдиш, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

415. Өвез мени хайран этди.
Үмүрли, думанлы даглар.
Гара багрымны ган этди.
Ымгалы, жерейли даглар.

Мүң киши гелди кастыма.
Дөвүшип чыктым үстүңе.
Өвези бердим дестиңе.
Гүманым сендедир, даглар!

Өвез оглан сери телли.
Узын бойлы, инче билли.
Тер үлеңли, гызыл гүлли,
Билбилли, бостанлы даглар.

Гыр ат харлап чапылмаса.
Шыр, пелең дей топулмаса,
Өвез оглан тапылмаса,
Арманым сендедир, даглар.

Көроглы айдар, көн сендедир,
Баг билен бостан сендедир.
Билдим, Өвез жан сендедир.
Сүр бәш гүн, дөвранлы даглар!

416. Бу сөзи айдандан соң, «көн» дийип, дуза айытты. Өвез жаның йитирип йөрөн ери дуз гыры. Шол вагтда ягыш ягып, сил гелип дарап, сув оя гаршы акыпдыр. Дагың этеги гамыш чыкып, бир азрак гөл болупдыр. Өвез жаның ызы гелип, шу орде гирди, гөлүң төверегине-де айланды. Гөле гирен ызы бар-да, чыкан ызы ёк.

Ене ховп этйә; «Чукуррак ерине гидип өлән болмаса ягыш би. . .» — дийип.

417. Бир махалда гөлүң ортасында бир ада бар экени. Адада Өвез жана гөзи дүшди. Эсеван этсә, аданың ортасында чөк дүшүп отурыпдыр. Зерли тахяны гоюпдыр чеккә. Зер сувы берилен кәкиляни ташлапдыр еңсә. Газ ялы ялкырап отыр.

Көроглы айытды: «Шуны тапмадык киши болуп, йитирен киши болуп, бир сөз айдайын. Шунуң зейиниң күтүдигини, йитидигини билейин. Акыллы-акылсыздыгыны хем билейин» — дийип, Өвез жаны йитирен киши болуп, бәш келеме сөз айдар герек.

418. Сона кимип яйканар сен,
Абат болсун гөллер, Өвез!
Агламакдан гана дөпди —
Гөзде яшым силлер, Өвез! . .

Хазары галкана тутды,
Гахар билен жаным якды.
Балхдан өтүп, Хинди чапды,
Йүзүндөки халлар, Өвез!

Йүзүң айдан алар паңы,
Гөтеңден этдиң хыраңы.
Шекер талхдыр, набат аңы —
Лебиндөки балдаң, Өвез!

Гитди, Өвез, оглан гитди.
Барып ордасына етди.
Көроглыга гахар этди.
Саңа гурбан жанлар, Өвез!

419. Бу сөзи айдандан соң:

— Хай, ага, мен мундадырын, хав!

— Хә, Өвез жан, бу ерде нәме ишләп йорсүң?

— Ай, ага, оба диениң, гош диениң тапмага оңайлы ер болса гөрөк. Мени гөзлөп йөрөн шай-мессебиң бири тапаймасын. Хер хачан агамың ози гөлендә ызарлап тапар-да дийип, пай-мессебден горкужыгыма бу ерде чыгып отырын.

420. Көроглының ичи зымлап гитди-де: «Хә, заңңар, чепер етен экениң? Элимден бир чыкмасаң ягшы-да!» Шонда хич зат дие биленок.

— Пах, пах, Өвез жан! Мениң гөвнүмдөкини билясың-ов. . .

Инди артлашып, гоша гетирип, чай ичип, чилим чекип, мес болуп, атлапайлы дийип дуран махалында инди хабары кимден ал?

421. Лең везир гачыл, Мустапаның өңүнден чыкды. Мустапа буларың ызыны алып, дергазап болуп ковуп гелйәди.

— Хав, Лең везир! Хабарыңы бер!

— Як, Мустапа, хабар-хатыры билемок. Ничәни уруп, ничәни гыр-аныны билемак. Сет хазар өзүми билйән.

— Башла, заңңар, гиден угруңа!

422. Лең везири өңүне салып, Мустапа өне ковуп гайдыберсин. Яңкы урушан ерлерине гелип:

— Яң-а шу ерлерде урушыңдык. Шу ерлерде барды.

Шу ерде Мустапа бир лек гошун билен туг тутды. Мүң топ, мүң шам-хал, мүң чазайры, мүң заммырек — хеммесини бир бошадып гойберди, даглар лерзан берип гитди.

423. Көроглы эшидиң: «Шай-мессеб-ә бу сапар яман дүйпли йөрөп-дир-ов. . .» Көроглы ой этди: «Алла, бир ерде гойсам, дерт-азар, бу-да гачжак. Гөл, шуны гөзүмдән хем айырмайын, сыртымдан хем айырмайын».

— Хав, Өвез жан! Мен шай-мессеблери гөрсем, сыра гачар ерим бол-маз. Мен урша гиреңде, дамагым кепип сувсаберйән. Мен саңа гаңырлып гөзләриң. Шол вагтда маңа шерап бер!

Тылла чөйнеги долдуруп берип, алтын кәсәни берип, Өвез жаны артландырып, ат гамчылап, даг үстүнө чыкды. Чыкып, эсеван этсе, Мустапа бег гурундыр аклы-гызыл чадыры. Ок атсаң, ере дүшжөк дәл. Сепсеп, байдак-байдак, кыруз-кыруз, санжак-санжак байдага какыла.

424. Ине Мустапа-да гөрди муны. Мәрәмлерине айытды:

— Хав, йигитлер, бу заңдар сүни мен-менлик эдип дур. Ишалла, Өвез жан-а бир элинден алае муноң. Соңуның нәм болжагыны билмийән.

Көроглы хем мен-менлик эдип дур.

— Хав, заңдар Мустапа, докуз дөрвөзәли шәхериң ичинден эрк-галаның ичинден, кырк сыпайының арасындан адам алып чыкан адам шу мейданда Өвез жаны бөрйәми саңа! Булар ялы иши заманында хезрет Алы хем битирмез! — дийип, «Алла!» дийип, ат гойды. Гелип, Мустапа найза урды. Бир мейдан ат үстүндө найзалашып, галкан тутушып урушдылар.

425. Хабары кимдән ал? — Өвез жандан. Өзи ызына гөвүли заңдар, маймын ялы чаласын заңдар. Атлар чакышып гелен махалында, ыргып Мустапаның сыртына оклаберди.

Көроглы гайрылып гөзлесе, хол Мустапаның сыртында баря. Атың жылавун дөндөрип, депди Гыр аты. Өмрүнө бүдремейән Гыр ат бүденекләп, маңлайыны ере берип турды. Найза ховала кылайын дийсе, найза-да голы ысмады. Ол баруына гөзи хем ер гөрмөди. «Алла, мениң ишим кежине бол-а. Гушуны аланда сал диенлери» — дийип, сайланып чыкды Көроглы. Эсеван этсе, яңкы ишжөк шерабыны Өвез жан гол сынып, Мустапа беге берип дур.

Көроглы муны гөрүп, «дүнйәнің агмасы-дөнмеси бир сагатлык, ярым сагатлык иш диенлери чын экени» — дийип, Өвез жандан айрылып, янып-көйүп, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

426. Гөкдән ере бир от дүшди,
Пөлөк мени сачды сандым.
Өвез огланың элинден
Гүл пыяла ичди сандым.

Биле назырдым багындан,
Доландым солы-сагындан.
Гүн догды машрык дагындан —
Өвез йүзүн ачды сандым.

Гыр ата мехбези бердим,
Барып, Өвез жаны гөрдүм.
Бег, Мустапа гылыч урдум.
Даг еринден гөңдү сандым.

Гөч йигит гөчди серинден,
Даглар әңренер зарындан,
Медет тилесем пиримден.
Көроглы бег өлди сандым.

427. Бу сөзи айдансоң, «өлени», «сананы» билен Өвез жан бериямы оңа! Шол гезип йөршүне, гел бир чәйнек чай ичейинле дийип, түңчәни долдурып, одун чөпләп, түңчәниң гапдалында от якып, ене гитйә одун чөпләмәге. Айланып гелинчә, бу от хем сөйә. Иши кеч болан адам тентирекләп йөр.

428. Хабары кимден ал? — Мустапа бег Өвез жаны алып, өз янына гетирип, Көрогла алты адам иберди илчи эдип:

«Көроглы бег герчек гөч йигитдир. Гелсин бу ерде, хапа болуп гайтмасын. Ат герекми, серпай герекми, зер герекми; нәме дийсе, вагтын хошлап гойберели, эмма Өвез жаны дилемесин. Оны бу янда патыша хич киме бермийә».

Гелип, илчилер бу хабарлары айытдылар. Көроглының өңки янмагы хем янмакды.

— Хав, заңар, шай-мессап! Сен көплүгичә бүйсөйәмиң, я мениң екелигиме бүйсөйәмиң? Мен Өвезден башга мал-дүнийәни нәдейин! — дийип, илчилерә гаршы гарап, бир бәш келеме сөз айдар герек.

429. Вөөңдамдан Арзылума гөч этди.

Голума алсамдым бөхри-базымы.

Яз болса, әрийир дагларың гары,

Геди душман гөрсүн мейдан тозумы!

Олар хем көплүгичә ынанмасынлар,

Мениң хем бирлигиме ынанмасынлар,

Будур мейдан, йүз мүн-йүз мүн гелсинлер.

Совашарам, дөндөрменем йүзүмни!

Үстүмизде гурлан мүбәрәк айдыр.

Йигитниң мырады ок билен яйдыр.

Юсупны, диерлер, хуснуна байдыр.

Ене гөрсем Өвез жаның йүзүни.

Көроглы айдар, мен буларда дурманам,

Намарт билен бир мейдана гирменем.

Бир алладан өзгә гөвүн берменем.

Хака пена табшырып мен өзүми.

430. Бу сөзи айдандан соң, илчилер дөнүп гайдып, Мустапа бегниң янына гелип:

— Ай, заңар, сүнни өлсе өлжөк, боюн әгжөк дәл.

— Боюн әгмесе, терс әгсин! Өвези нәме голунда догруппы о заңар!

431. Хабары Көроглыдан ал. — Шул тентирекләп йөршүне даңа якын бир чәйнек чай ичди, тирсегине сөенип, ука галып болды. Шири-худа пири гелип дүйшүне гирди: «Огдум, сен хапа болуп ятма. Азан билән бу шай-мессебе бир шовхун гөркез. Мүтдети якынландыр, деп болар

гидер. Ишалла, Өвез жаныңы хем аларсың — дийип, гөзүңден гайып болды.

Көроглы тисгинип еринден тураберди. Бу дүйшү гөренине вагты кош болуп, зейни чаг болды. Чай ичип, чилим чекип, мес болуп, атла-нып, «Я алайын, я өлейин!» — дийип дурды.

432. Шол вагтда хабары кимден ал? — Кыбласыңдан бир тозан пейда болды. Бу тозан Галандар шах экени. Арадан кырк гүн гечен экени. Атлысы, нөкери биле барламага йөрөн экени.

Галандар шах атлыларына айытды:

— Хов, йигитлер! Шу дагың аңрысыңдан топ овазы гелйә, түпөң овазы гелйә, галмагал гелйә. Бу ерде Вееңнам якын дөлдир. Мениң пикиримче, Көроглы Өвез жаны алып чыкандыр. Ызыңдан йыгын етип, элинден аландыр. Хол дагың үстүңдөки еке атлы Көроглыдыр шол. Сиз-лер астарак гелибериң. Мен сизден өңинчә барып, бир арзыхал айды-шайын — дийип, Галандар йыгыңдан озуп гидиберди.

433. Сес етер ялы мейдана геленден соң, атдан дүшүп, гол говшурум хайкырып, салам берди.

Көроглы Галандарың товшун эшидип, хорлук басып дуран адам, гөзүңден яш гидиберди.

Галандар айытды:

— Хав, Көроглы! Нәме йыглап сен? Гөч йигит йыгласа, айып болар. Ишалла, йыгың ичинде Өвез жан бар болса, оны гайгы этме. Деррөв аларыс оны!

— Як, Галандар, алжагымы, алмажагымы өзүм-де бирнеме аңлая-дым, дийип, алжагымы, алмажагымы бу сөзүмден билегай! — дийип, Галандара гарап, бир келеме сөз айдар гөрөк.

434. Ятыр идим гамда, күлпет өйүңде,
Мениң бу халымдан соранлар гелди.
Үч йүз алтымыш өвлийөлөр жем болуп,
Магрыңдан машрыга эренлер гелди.

Пердөниң ичинде суратын гөрүп,
Сейпелмелек кимин дүнйәдө йөрип,
Хакдан bize йүз йигрими яш берип,
Аркамыза пенжә уранлар гелди.

Кадыр алла ишим әйледі кысмет.
Пирим хезрет Алы, етишди хұммет.
Магшар гүни шыпа болаи Мухаммет,
Ымматыны отдан алаңлар гелди.

Гөвүн ышгым билен мен этдим телвас.
Билдим, гөйә Ковус билен ол Кыяс.
Жахань кешт эдиң ол Хыдыр, Ыляс.
Хака газынадар болаңлар гелди.

Көроғлы бег «хү!» дийип турар еринден.
Медет тиләр хезрет Алы пириден.
Дада гелдим Өвез жаның элинден.
Шу гүн үч йүз алтымыш әренлер гелди.

435. Бу сөзи айдандан соң, Галандар айытды:

— Ишимиз оңлы экен — дийди.

Онынча Галандарың йығыны хем етишди. Бу йыгына Галандар биле Көроғлы баш болуң, «алла!» дийип гыгырып, тозанлап ат гойдулар. Хабары кимден ал? — шай-мессапдан.

Герекли дашы элине дүшүп, . . . гөтерилип дуран аламан Көроғлы хем бир еке адам лек гошун үстүне дөкүленсоң, ичине ховп дүшүп гүбүртде басгы болайдылар.

Пах, арап зере хуммет, гушгуна берекет, ятан тутулар, гачан гутулар, боладылар басгы. Тарыпыны айдып дийип, соңуна чыкар ялы болмады.

436. Көроғла пир непеси «Гачаны ковуҗы болма!» дийипди.

Галандар биле икиси атдан дүшүп, чай, чилим, бедессур кылыбердилер. Өзге йыгын ковуң гидиберди.

Пейшинден соң ковгунчы өңүнден гелмеге айланышды. Геленден Өвези соря — «Гөрдүңизми?»

Галандарың йыгны:

— Ав, Көроғлы ага! Өвез диеңиң бизиң гөрөн огланымыз дәл. Биз аннамлы, кәкилли, бисакал оглан өлдүремзак. Бизиң өлдүренлеримиз ялаң сакаллы.

«Эйсе, бу заңдар гачып, бир яна гизленендир», — Көроғлы өзи бир яна атланып, бир, ики-ярым көтеллере, өлүлере сын эдиң гезип йөр. Бир ере гелсе, бәш-алты саны өли бири-бириниң үстүнде. «Алла, шуны адам чыкаран ялыла» — дийип, атдан дүшүп, иң үстүндеки өлиниң аягындан тутуң, силкип иберди.

Гөзлөсө, ики өлөниң арасында Өвез жан гөзүң мәшердиң ятыр.

437. — Хав, Өвез жан! Бу ерде нәме ишләп ятырсың?

— Хай, ага! Нәме ишләп ятаным билмийәмиң сен! Шу гүн агамың гахарның гелең гүнүдир, жең гүнүдир. Гахарна бир ерде мени өлдүрип ташламасың дийип. Соң, ызрак гахары гачансоң, өйкеси өченсоң, бир чен болансоң янына барарың-да дийип, сенден горкужыгыма бакып ятырың, ага!

— Пах, Өвез жан! Мениң гөвнүмдәкини билйәсиң-ов!

Егса гөвнүндәкини Көроғлы хем билип дур. Онда-да хич зат дийбиленок. Артлашдырып, гоша гетирип, чай ичип, чилим чекип, атланайлы дийип дуркалар, Өвез жаның йүзи, гөзи тукал.

438. — Хә, Өвез жан! Нәме йүзи-гөзүң тукал сениң? Я гарындашларыңа душун, ене мениң элиме дүшенңе — шоңа йүз-гөзүң тукалты сениң?

Онда чәпени заңдар айыт:

— Хай, ага! Сениң зейниң галыңлыгы эшегиң паланы ялы бамыка диййөн. Мен сениң нәмәңе хөвәс? Ики бармак гызыл дилиңе хөвәс! Хемме дилде, хер сагатда өзүми тарып этдирип, нама айтдыржақдым. Хей айыт-ян намаң ёк!

— Пах, Өвез жан! Сениң герегиң намамы, сениң герегиң айдыммы? Нама гөрек болса, боюң билеп дең әдериң! — дийип, Өвез жана гаршы гарап, бәш келеме сөз айдар гөрек.

439. Юсупның кәниден, жаным өйүнден.
Нәге ынжылар сен гылдан, Өвезим?
Башыңдан гитмәсин тәҗи-дөвләтнң.
Шетдаң ачылмасын билден, Өвезим!

Бир-де гөрсем, бир-де гөрмен йүзүңни.
Хер намарда диймәс менем сөзүмни.
Юсуп дек жамалың, ай тек йүзүңни —
Гүн кимин әлеме долсаң, Өвезим!

Йүзүңни гөрәңлер пәс гечер халдан.
Занахдан дәрәсә долупдыр балдан.
Сен бир лыбас гөйсәң зербаңдан, алдан.
Мен бир лыбас гөйсәм шалдан, Өвезим!

Керәглы айдар, дурмаң, мундан чекилиц,
Говвас дейин дәрәларда дөкүлиц.
Әммер сачың, еле битен кәкилиц
Егдир ибришимден, телден, Өвезим!

440. Бу сөзи айдандан соң:

— Эй, ага! Шулар ялы нама айытсаң, йүзүм ачылжағ-ов!

— Нама гөрек болса, Өвез жан, бизде сөз гыт дәл. Өвез жан, инди атланайлы, гачайлы! — дийип, Өвез жана әсбабы алтын, күмүш, лаглы-жовхарындан ат ясап, ат мүндүрип, кәкилләринә шана уруп, йүзи-гөзүнә пердаз берип, сагры әдик гөйдирип, шәмлә гушагы гушап, гундуз⁵ соп-бач, перәңи мавут чәкмен гөйдирип, Өвез жана гаршы гарап, бәш келеме сөз айдар гөрек.

441. Гөчә-гөч әйледи гөвүн кервени.
Гөч, Өвезим, доланалы дағлара!
Кадыр мөвлам гайдып берди гашыма,
Гөл, Өвезим, доланалы дағлара.

Гаррыды, гаррыды, гөвүн гаррыды.
Гожа дағлар гар галмайын әриди.
Анча гар ятса-да, кервән йөриди,
Сүр, Өвезим, доланалы дағлара.

Гожа дагың сынасының гары бар,
Ак йүзүңде гоша-гоша халы бар.
Эгретчеден басганч-басганч ёмы бар.
Бас, Өвезим, доланалы даглара!

Гожа дагдан индердилер оягы,
Гырмызыга баядылар боягы.
Алтындап тулугы, күмүш гыягы.
Дак, Өвезим, доланалы даглара.

Көроглы айдар, харайларым чатылды,
Гоч келлелер шалгам кимин атылды.
Гаргы 6 гулак дал бедевлер тутулды.
Мүн, Өвезим, доланалы даглара!

442. Бу сөзи айдансоң, Галандарың юрдуна сүрүп гайдыбердилер.
Өвез жан хемме йгының өңүңде, таяк ташлам йгың ызында бири-бирине
пышырдашып гелйәлер.

— Хав, илери йөрме, кейин йөри, Өвезиң йүзүңе чаң урмасын!
Сүрүп, Галандарың юрдуна, Төвризе гелип, Көроглы айытды:

— Өвез жан, саңа барышда өз бина кылып гиден шәхерим би-де.
Шу ерде бир ай дем-дыңч алайлы.

443. Галандар Көроглының өз башына бир сапалы жайы бошадып
берди, хызматына адам берди.

Бу ерде Өвез жан билен Көроглы ятыберсин.

Бир гүн эртир билен Көроглының янына ак сакал баба гелди. Бир
сагат гүррүңлешип отурды.

— Хав, Көроглы! Мен Галандар шахың агасы боларын. Мен неси-
хатчы, багшы дийип эшитдим. Маңа өтеп сөзлерден бир сөз айдып бер-
сең, мен хем гайытсам.

— Яшулы, өтен сөз болуп, киши сөзүни кишә айтман, өз билен яман
сөзүмден саңа бир сөз айдып берейин.

Галандарың агасына гарап, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

444. Бидөвледи бага салма,
Гүл йүзүңе хар гетирер.
Гүллериңден тире билмез.
Шахасына зор етирер.

Намарт хайр ишигин ачмаз,
Муханнес шер ишден гачмаз.
Малы болса, иймез, ичмез.
Намарт өмрүн хор өтүрер.

Намарт билен ёла гитсең,
Барып бир мензиле өтсең,

Бир бидөвлөт тайхан тутсаң,
Чилим дийсең, мең гетирер.

Намарт билен ёла барма,
Биле ятып, биле турма,
Намарда аманат берме,
Көпүни ийп, аз гетирер.

Акыл-хушун бада берме,
Гамгын көңлүң шада берме.
Гыз гардашың яда берме:
Дүйп бабаңа хар гетирер.

Өлмө-хө, Көроглы, өлмө.
Өлинчөң өзүңден галма.
Чаман мүнүп, чаңда болма.
Ширин жана зор гетирер.

445. Бу сөзи айдандан соң:

— Берекелла, Көроглы! Мүң тыллалык несихат болды — дийип, гайдыберди.

Көроглы билен Өвез жан бу ерде ятыберсин. Инди хабары кимден ал?

Бу Галандарың юрдуның хепделик гайра янында бир юрда Хыры юрды дийип ат берйёрдилер. Патышасына Өвез солтан диёрдилер. Өвез жан билен Көроглының бу ерде бар экенини эшидип — «Галандарың галасында Көроглы диен бир түркмөн Өвез диен бир огланы гетирип ятанмышын, тарыпыны айдып — дийип соңуна чыкар ялы дөлмишин».

446. Өвез солтан муну элинден алып болмазмыка диен хыяла мүнди. Галандарың галасына жансыз ташлады — «Шовуң гайытжак махалыны билип гелиң!» — дийип.

447. Хабары Көроглыдан ал. Бир ай, кырк гүн болан соң, дем-дын-жыны алаңсоң:

— Хав, Галандар! Маңа жогап берсең, мен гайытян.

— Як, Көроглы, энтек саңа жогап ёк. Мениң айың паланына тоюм бар. Шол тойны гөрүп, йүврүк атларымы, гөрөшөн пөлванларымы, багшы-сазандаларымы, ягшы йигитлерими — шол тайда шолары гөрүп, онсоң гайыт.

— Нө вагт совуп, нө вагт жогап берерсиң?

— Саңа айың палавында жогап берейин.

Бу кеплериң ичинде яңкы жансыз хем бар. Бу хабарлара етик болуп, барды Өвез солтаның янына.

— Хав, тагсыр! Айың палап гүни Көроглы мейдана чыкя, элиңден бир иш гелйён болса.

448. Хайыр, ягшы. Хабары кимден ал? — Галандар той-томашасыны совуп, Көроглы хем жогап алып, атланып, чыкып гайдыберсинлер.

— Көроғлы, сени узадып гайдайын — дийип, Галандар хем биле гайытды.

449. Хабары кимден ал? — Өвез солтандан.

Бир серкердеси баш әдип, кырк атлыны буюрды муңа.

— Барың, Өвезини дессине әлинден алың! Бермежек болуп әржіссе, өзүни хем даңып алып гайдыбер — хызмат гайым, қувватлырак дийип әшитйән.

Обадан чыкып сайланыберенде, кырк атлы өңүнден чыкды.

450. Хабары кимден ал?

Өвез солтаның иберен серкердеси көп бир акыллы, пәхимли везирди. Етмәнкә, Көроғлыны гөрүп, өз атлыларына айытды:

— Хав, йигитлер! Бу адамың яман хили бозук гөрүнйә. Бу бизе хез берижек адам дәл. . . Муны ал билен бир гала әлтейли. Шол янда Өвез солтаның өзи нәме иш этсе, шоны этсин.

Гапма-гаршы гелип, салам берип дурдулар. Аманлык, әсенлик сорашып дурдулар. Галандар яңкы везири таяды.

— Хав, палан везир, хабарыңы бер!

— Хабарым, галандар, бизлери Өвез солтан иберди, чакылыкчы әдип, «Мениң той-томам бар» — дийип айытды, «шоңа Галандары чагыр!» — дийди. — «Көроғлы диен миманы хем бармышын, Өвез жан билен огланы билен — шоны хем алып гелсин» — дийип айытды. — «Бизиң везирлеримиз, йигитлеримиз шол Өвез жаньң хусны-жамалыны бир гөрмәге көп арзувда» — дийип айытды.

— Көроғлы билйә-дә оны. Көроғлам айытды:

— Хай, нәме оба бәш-он гүн өң бармасак, соң баржак экеник-дә. Сүрүң аты!

451. Сүрүп, Өвез солтаның галасына гелдилер. Гелип, мейханасына дүшүп, Өвез солтан-да чай, чилим бедессур кылды.

Яңкы везир Өвез солтаны имләп, мейдана алып чыкды.

— Хав, тагсыр! Мен-ә мейданда десса бермежегини биленден соң, шейле-шейле дийип, бир ал билен гетирдим. Галаның ичинде бир алажыны гөрмесең, тагсыр!

— Нәме алажыны гөреркәк?

— Мен билмийән, тагсыр! Әкелип бер дийдиң, әкелип бердим.

— Сен билмесең, мен билйән, везир! Булара бир ал билен бейхуш дерманы берейли. Онсоң Өвез жань тапман, өзи гитмийәми заңңар.

452. Бу маслахадь әдип, ичери гирип, Өвез солтан Галандара:

— Хав, Галандар! Бир хызмат бар, кын гөрмесеңиз.

— Хә, нәме хызмат бар!

— Хызмат шо. Бизиң огланларымыз көп битертип, көп гөдек. Көроғлының шу огланы әдеп билен бир шерап йөртсе, ондан тәлим алып, бизиң огланларымыз хем шерап йөртсе, ничик боляр.

Галандар айытды:

— Көроғлы билйә, Өвез жан билйә-дә.

Онда Көроғлы бун яндан чыкып:

— Биз билсек, Өвез жаң, дессине шерап йөрүт! — дийип, Өвез жана гаршы гарап, бөш келеме сөз айдар герек.

453. Гөрсүн Хырының беглери,
Өвез, мей долдур, мей долдур!
Эдеп билен кәсе алып,
Өвез, мей долдур, мей долдур.

Серинде тылла теллерден,
Шекерден ширин диллерден,
Кәсе бергин ак голлардан,
Өвез, мей долдур, мей долдур!

Сени дийип, Чандыбилден,
Ылгап этдим узак ёлдан.
Көйи сагдан, көйи солдан,
Өвез, мей долдур, мей долдур!

Гоч йигит дин ёлун ачсын,
Ганымының ганын сачсын.
Көроглы мес болуп ичсин.
Өвез, мей долдур, мей долдур!

454. Бу сөзи айдандан соң, Өвез жаң ылгап, еринден туруп, дашындакы кимха доны чыкарып, газыкда гойды, гундуз соңбажын газыкда гойды. Сагры әдигини хем чыкарып ташлап, билини дартып гушап, зерли тахяны чекке гоюп, көкилини тасардып, бир хатар йигитлере шерап берди. Шерап берип болуп, Өвез жаң гелип, жайында отурды.

Өвез солтан хем огланларына «Сиз хем шерап йөрүдің!» дийди. Өвез солтаның огланлары хем шерап йөрүтмәге айланышдылар. Эмма буларың йөрүден шерабы ичи бейхуш дерманлыды. Ичен—йыкыл, ичен — йыкыл, ичен — йыкыл, хеммеси йыкылып галыберсин.

Булар Өвез жаңы арасындан алып, дагыстана гаршы гидиберсин. Булар бу ерде галыберсин.

455. Мунуң бейхуш дерманы үч гүнлүк экени. Үч гүннен соң Көроглы эссине гелип еринден турды. Гөзлесе, гапдалында Өвез жаң ёк: Йүреги тыкылып, алкымына гелип, ишиге гаршы йүвүрди. Ишиги бери чексе, дашындан хем илдирип гиден экенлер. Гайрарак дуруп, Көроглы бир депди ишиги, бөлек-бөлек этди ишиги.

Мунуң шақырдысына Галандар хем тисгинип оянды.

— Көроглы! Не бела болды?

— Галандар, Өвез жаң ёк. . .

— Ай, саңа бир зәхер ёк, мерез ёк! Онда ол, мунда бул дийип гезип йөрсүң. Герекли дашың элиңе дүшүпдир, гүм бол-да юрдуңа! Бок ишиң бамыды бу ерде!

— Хайсы хем болса, индики пушманың пейдасы ёк, Галандар. Йер, Өвез жаны гөзлөли!

Эл тутушып, дашары чыкып гидиберсинлер. Көчөме-көчө, чарсыма-чарсы, сарайма-сарай ер йыкып гөзледилер — хич ерде Өвез жаң ёк. Өвез жаны йитирип, хайран болуп, бөш келеме сөз айдар герек:

456. Тисгинип турдум еримден,
Беглер, Өвез жаным кан-эй?
Медет дилесем пирымден.
Күпбар, Өвез жаным кан-эй?

Атланып, мессе чыкайлы,
Ганыма гыя бакайлы.
Бу галалары йыкайлы!
Беглер, Өвез жаным кан-эй?

Атланып, мессе гезейли,
Ганымы ока дүзейли,
Бу галалары бозайлы!
Беглер, Өвез жаным кан-эй?

Нирде бизиң Чандыбиллер?
Ачыландыр гызыл гүллер.
Кероглы, башыңа күллер! . .
Нирде Өвез жаным кан-эй?

457. Бу сөзи айдансоң, мунуң терс ызыны алмага айланышдылар. Ызы галадан дагыстана чыкып гидиңдир.

Галандар айытды:

— Мунуң ызы дагыстана чыкып гидиңдир. Бирнеме харч алайын.

Харч-харажат алып, ызарлап гидиберсинлер.

Хабары кимден ал? — Өвез солтандан.

Шондан бери бир дагың говагында ятырды атлысы-некери билен.

— Хав, йигитлер, барың галадан хабар тутуң! Шол түркмен ёйлуп гидишми я бамы?

Үч атлыны бүюрды. Казайкер орта ёлда үч атлы Кероглының өңүнден чыккы. Кероглы булары танады.

— Хэй, . . . бир! Баякы өңүмден чыкан кырк атлының үтүси сен. Дессине Өвез жаны тап! Болмаса, ганыңы ичдим деррев!

458. Хабары кимден ал? — Галандардан. Өз юрдының якынак адамсы болансоң, булара дөзмезлик эдип:

— Хов, Кероглы! Мунуң бирини алып галалы. Бирем тапар. Икисем нирё гитсе шоңа гитсин!

Бирин алып галып, яңкы икисиниң гулагына пышпырдады Галандар:

— Бар, Өвез солтана айыт: гачсын бир яна. Болмаса, ганыны ичер бу заңңар. Мен ганыны дилөп аларын. Онсоң геласың.

Бу ики атлы гачан киши болуп, шарпа-шарп гайдыбердилер. Булар-мың ызындан бу атлыны өңө салып, булар-да гайдыберди. Галандар айыты:

— Ассарак сүр. Нә вагт-да болса, тапылар Өвез жан! — дийё. Муны бирнеме гүймийё, ол ики атлы етсин дийип дөни.

459. Хабары яңкы ики атлыдан ал.

Ат гоюп, ыгырып бардылар бәрден.

— Ай, . . . Өвез солтан! Өлүм саңа мүбәрек болсун! Гачар дешигиңи газыбер. Мана гелди, Көроглы! . .

Өвез солтанам гачып бир дагың көвегинде гизлевди. Онынча Көроглы дагам барды.

Өвез жан өңүнден чыкып, «Вах, ага, гелдиңми? . .» дийип, хамсыгып, аглап, бир элинде кәсе, бир элинде чилим.

Көроглы Өвезиң элиндәки шерабы ичип, чилим чекип, дергазап болуберди.

— Бу Өвез солтан ниреде? Мунуң чалып, ганыны итмесем болмаз!

460. Хабары кимден ал? — Галандардан.

— Хан, Көроглы! Шу заңдарың ганам болса, гүнәсем болса, доганлыгы бержай әтжек болсаң маңа өт!

— Хә, галандар, доганлыгы орта салдың-а! Инди болмады. Бар, өтдүм!

Галандар бирисини буюрды:

— Бар, нирде болса, гелсин! — дийип, яңкы адам Өвез солтаның янына гелип:

— Эй, тагсыр! Сөйүвжими бер, сөйүнжи! Өлүмдөн гутулдың, тагсыр! Галандар ганыңы диләп алды. Галандар «гелсин» — дийди.

461. Пах, Өвез солтан шу ерден бойнуна гушак салып уграды. Гелип, Көроглының аягына баш гоюп:

— Ай, Көроглы, бок ийдим, көп ийдим! . . Инди бизиң гала ямашгандан барып, хеззет-сылаг гөркезмесем болмаз! . .

Онда Көроглы айытды:

— Оны Өвез жан билйә-дә.

— Хава, ага! биз билсек, «Ат — үркен ерден, әр — горкан ерден». Ондан бу яннам өзүң билйәсиң-дә.

— Әйсе, Өвез жан, Хыры шәхеринде ишимиз ёк. Төвриз гидейли! Өвез жана гарап, баш келеме сөз айдар гөрөк.

462. Гөзелим Хыры, гөзелим,
Гел, Өвез, Төвриз гидейли!
Аягы сагры мозалым.
Тур, Өвез, Төвриз гидейли!

Арап атлар гошун-гошун.
Алалың үлкәмиң дашын.
Кесейлиң езиңиң башын.
Хан, Өвез, Төвриз гидейли!

Арап атлар семиз болар,
Гоч йигитлер төмиз болар.
Хыры бизиң нәмиз болар?
Йөр, Өвез, Төвриз гидейли!

Көроғлы айдар, ширин сөзлим.
Хунча агыалы, гүл йүзлим.
Шир пенжелі, лачын гөзлим.
Тур, атлан, Төвриз гидейли!

463. Бу сөзи айдып, Өвез солтана-да «Галаң билән өзүң бай бол!»² — дийип, сүрүп, Галандарың юрдуна гайдыберсинлер.

Галандарың галасында дем-дыңч алып:

— Галандар, жогап берсең, гайдайын юрдума! — дийди.

— Көроғлы! Гайтсаң-да, хызмат этйән, галсаң-да, хызмат этйән!

— Ёк, Галандар, мен гайдайын.

— Гайытсаң, Көроғлы, нәме герек-ярагың болса өкит, элиң бош!

— Мен өкитжөк задымы өзүм билйән.

464. Галандарың атларындан пәкизе бир ат алып, Өвез жааны мүн-дүрип, адама бир атам гошлап, гошлан атының үстүне нәмеден йүклийө. Бир атың үстүне доккуз дүрли тагамдан йүклийө. Алтын жам, күмүш кепгир, чай-теммәки, түви-ягдан йүклийө. Атлавып чыкып гайдыберсинлер. Галандарам юрдуң четине гелинчә уградып гелди.

— Уграданнан ёлдаш болмаз. Саңа жогап!

Галандар аллаярлашып гайдыберди. Көроғлыдыр Өвез жаан сүрү-берсин.

Көроғлы мезилме-мезил, салкынма-салкын йөрйө. Ыссы дүшенден, гелип бир ере дүшйө. Доккуз габат чымылганы ташлап, баш уҗа доккуз текье, аяк уҗа бөш текье ташлап:

— Өвез жаан, сен шунда отур диййө, мен саңа хызмат эдейин диййө.

— Ага, яшулы хызмат этсе, айып болмазмы?

— Ёк, Өвез жаан, чөл ер, мейдан ер. Мениң хызмат эденими ким билйө, ким? . . — дийип: «— Мен шу мейданда саңа хызмат эдиң хумар-дан чыкайын. Сен хызматы этжөк ериңде этсең боля».

— Ай, ага, олар ялы максадың бар болса, хызмат эдибер.

465. Өвез жаан чайдан, чилимден, нахардан сейрап болуп, келлесини текйө гоюп укля. Көроғлы түңче, көсе, гош көтелини алып, хол мей-данрага чыкып отура, галавут бермәйин дийип.

Өвез жаан укысыны алып, еринден тура. Көроғлы йүврүп гелип:

— Өвез жаан, турдуңмы?

— Турдум, ага.

— Туран болсаң, хемме зат тайярдыр. Гөвнүң нәме ислесе айдыбер! Сен гөк чай ичермиң, гара чай ичермиң? Гант эзип ичермиң, набат эзип ичермиң?

Кабла, шөле, сүзәме, яхна, доккуз дүрли тагам тайяр кыля.

466. Пах, етик боландан соң, нахар етик боландан соң, укы етик боландан соң, Өвез жан мүнди хусна, йүзи-гези мол-мол этиё, ганы ере дамайын дийё.

Көроглы айдя: «Шу заңар бирнеме пар-пар эдип өтүшип баряр-ов!»

Көроглының адама сейисчилигине сын эт. Шу гиже илки агшамдан шөвүр этмөге айланышды.

— Өвез жан, бу ери горкулыграк ер, бу ерде ятмалы, — дийип, даңа якып Өвез жаның йүзүне — ганы дуран еринде доңуп галыберипдир. Агы ак, гызылы гызыл, менек-менек, тегмил-тегмил, хал-хал, алкымының ашагы переңди кагыз кимин, гөк дамарлары чил-чил болуп ятыр.

467. Мунуң билен булар сүрүп гидиберсин. Инди хабары Көседен ал.

— Хав, йигитлер! Көроглы өлсө өлендир. Өлмесе-де, бун-эрте бир ерден чыкар. Ченниң, мылтыгың ичин-дашын ардып гоюң. Өвез гелен гүни гейиң, болмаса якасы кирлер. Өвез диениң тебети юка огландыр. «Көроглының бир бөлек битли-кирли йигитлери бар. . .» — дийип айт-масын.

Дөли Мөтел Сейтек Гырманы Серчемене гаравул ташлап гойды, «Өвези гетирйөн болса, сөйүнжиләп гелиң!» — дийип.

Өвез жан билен Көроглы сүрүп, Серчемене гелди.

Дөли Мөтел, Сейтек Гырма, ики киши салам берди.

— Хав, йигитлер! Юрт-гала амавлыкмы?

— Юрт-галаң кемп ёкдур! — дийип, гала гаршы басдылар гамчыны. Ат гоюп, гыгырып бардылар бәрден.

— Ай, йигитлер, сөйүнжи! Хав, сөйүнжи! Көроглы агам Өвез жаны гетирди!

Кырк йигит гейне биленни гейнип, дакына биленни дакынып, шайланып, Көроглының өңүнден гайдыбердилер.

Хабары кимден ал? — Хемдем везирден. «Өвез жан гелди!» диен-соң, жөндөси эгинде, күласы башында, бетбагт көди голтугында, сүтүси голунда—булам йөриш этди.

Кырк йигит өңүнден гайдып, этиёрлер шовхуны, урялар гыкылыгы, урялар пагтабенди, асмана гаршы «повда-ов».

Сес етер ялы мейдана гелевсоң, атдан дүшүп, гол говшурып, салам берип дурдулар.

Ене атланып, Көроглы билен сүрүбердилер.

468. Хабары кимден ал? — Хемдем везирден ал. Гелип, Өвез жаның өңүнден чыкып, атыны идип, шатыр болуп гелиё.

Көроглы йигитлерине гаршы гарап, «Өвез жан гелди!» дийип, бәш келеме сөз айдар герек.

469. Беглер, сизиң арзувлыңыз —
Гелди Өвез, оглан гелди!
Алысдан ширин сөзлиңиз —
Гелди Өвез, оглан гелди!

Жұп жыға бардыр башында.
Тылла пычак янбашында,
Өвез он төрт-он бәшінде.
Гелди Өвез, оглан гелди!

Алысдан арзуын чекип,
Гөзүнден ғаплы яш дөкүп,
Лачын кимин гыя бакып,
Гелди Өвез, оглан гелди⁸.

470. Бу сөзі айдып, Хемдем везирем Өвез жапың атыны жылаулап
гелйөкә, Өвез жапың аты күрүмлөп гитйә. Бася еңсесиянден, шонда-да
Өвезден гозүни айранак.

471. Инди хабары Көседен ал. Урды Боздумана гамчыны. Хеммеден
өңинчә озуп гелип, мейхананы сырып, сүпүрип, текеле бентлери чарпара
ташлап, агыр халы-паласлары дүшөп, текчелерде аклы-гызыл алманы
хатарма-хатар гоюшдырып, петекләре исли гүллөрдән гысдырып, оды
белентдән габап [галап], түңчәни дуры сувдан долдурып, чәйнәклери
чайкап, чилимиң сувуны төзеләп, — хеммесин бедессур этди. Гетирип,
Өвез жапы мейхананың агзында голтугындан сүйрәп дүшүрдилер. Өвез
жав ичерик артлап гирди. Хемме йигитлерем гирип, жайлы-жайында
дөвүр гуруп отурдылар.

Бир мейдан отурансоң, Көрөглы Өвез жапы гоюп-дүйәнің янындан
әкелипми оны? — йүз мүң кирядан гечөп заңдар, ызгып турды еринден.
Сагыр әдиги чыкарып ташлап, гундуз сопбажы чыкарып ташлап, зерли
тайханы чеккә гоюп, бир хатар йигитләре чилим йөрүдиберди.

472. Галың эсси дүзүв йигитлер Өвез жандан чилим чекйә, галың
ышгыбаз йигитлер Өвезиң чилим гетирениндән хабары ёк — ики гөзи
Өвезиң йүзүнде.

Хемме йигитлер Өвезиң элинден чай ичип, чилим чекенсоң, Көр-
оглы сазыны голуна алып:

— Хав, йигитлер! Өвез жапың элинден гайгысыз шерап ичибе-
риң! — Йигитлерине гаршы гарап, бәш келеме сөз айдар герек.

473. Дөвүр гуруп, беглер, шерап ичейлиң!
Беглер! Шерап ичиң Өвез голундан.
Бу гүп мес болубам, серден гечейлиң
Беглер! Шерап ичиң Өвез голундан.

Ширин-шербетинден ичип гандыран.
Душман гөрсә, йүрегини яндыран.
Шах эйлейип, алтын тагта мүндүрен.
Беглер! Шерап ичиң Өвез голундан.

Дөвүр гуруп, жайма-жайда отурың.
Алтындан чылачыл эдиң шатырың.

Өвез жана арап атлар гетириң.
Беглер, шерап ичиң Өвез голундан.

Гоч йигитлер, өмрүң болсун зыяда.
Гол говшуруп, хызмат эдиң пыяда.
Көроглы бег етди максат-мырада.
Беглер! Шерап ичиң Өвез голундаң.

474. Бу сөзү айдандан соң, хемме йигитлер туруп, гуллуқ айтдылар.

— Ай, Көроглы ага! Биз сат-да ийибер инди!

— Йигитлер! Сизи сатып, сизден говы йигит тапанымы мен?

Хемме йигитлер максада етип, Хемдем везирем жеделни битирдиң,
Өвез жаны гетирдиң, ол хем максадына етди.

Өвез жан айытды:

— Ага! Мениң угрума чыканыңа бир йыл дагы болан болмага чемели. Мен эшитйән, Агаюнус диен бир апам бар пекилли. Сен онуң янына гитсең, вагтыхошлуқ этсең. Бизлерем мейханада кырклар билен вагтыхошлуқ этсек вичик боля, ага?

— Пах, Өвез жан! Мениң говнүмдәкини билйәсиң-ов! . .

475. Чыкып, херемхана гаршы гайдыберди. Херемхана гелип, Агаюнус билен доккуз гат чымылганы ташлап, баш уңа доккуз үч текъе ташлап, гуңақлашып, чырмашып ятыберсинлер.

Хер киши шулар ялы иш битирип, мырат-максадына етсин!

V. ӨВЕЗ ДАРА ЧЕКЕН

476. Хайыр, ятшы, хабары кимден ал?

Көроглы Өвез жаны Вееңдамдан алып, Чардаглы Чандыбиле гетирди. Бир ай-кырк гүн геченден соң, битап болуп кеселледи. Кеселиниң себәби — ичен сувы башга, өсйөн шемал башга, бу ерде кән ерлемеди. Бу кеселленсоң мейханада гелен-гидениң янында ятмасын дийип, херем-хана өкитди, Агаюнусың янына.

— Эй, Агаюнус, о янда гелеп-гидениң янында ятмасын, бак, бежер, гөзлө.

477. Би бу ерде ятыберсин. Хабары кимден ал? — Кырк йигитден ал. Бир ай, кырк гүнлөп Өвез жаның чайына-чилимине, безимине өврөнөн кырклар канагат эдип билмедилер. Көсө айтды:

— Хав, йигитлер, шу Көроглының эдип йөрөн делилини, арыны, ассарыны билйәмисиңиз?

— Ёк, билемзөк, Көсө.

— Сиз билмесеңиз, биз билйәс, йигитлер. Өвези кесел болма нәме ишлейә, зат нәме ишлейә! Өвез жаның bize чай-чилиим беренини бахылчылык эдип, яландан кесел ясап, херемханасына элтип, бир гапдалында Өвез жаны отурдып, бир гапдалында перизадыны, шо янда безим сүржек болуп, бу заңнар. Хав, йигитлер, Көроглының атлысы боламысоң, нөкери боламысоң, нирә барсак, суссымыз гайрылмаяр, диенимиз битйә шу Көроглының овазасы билеп. Шу Көрогла тапылан оглан bize тапылмазмыка? — дийип, кырк йигит йигримден-йигримден ики бөлүндилер. Бир йигриминиң башы Көсө, бир йигриминиң башы Бетрүстем.

478. Көсө йигрими йигиде баш болуп, османлы Џапар патыша арз этди.

— Хав, тагсыр, Көроглының кырк гяңе-гүндиз той-томашасы бар. Шоңа айдыжы, чалыжы пәкизе ики саны оглан берип гойберсин дийип айтды.

Саңа Көроглының атлысы болансоң, мунуң сөзи гайрылямы?

— Бар, галаны гез-де, өзүң халап, өзүң өкит. Патыша жогап берди. Галасыны гезип, Мирим диен, Гаммар диен ики огланы халап алып гайтды Көсө. Көсө муну гетиренден соң, «Көсө тапылан оглан bize-де тапылмазмыка» — дийип, Бетрүстем йигрими йигит билеп булам гитди, шоңа барып булам арз этди. Муңа: «Бар, өзүң халап, өзүң өкит» — дийди.

Бу-да галасыны гезип, Балы диен, Сүйжі диен ики оглань булам алып гайтды.

479. Дөрт оглан гетирип, Көсе заңдар мейхана сыганок-да. Тап еке өйлиниң хоразы ялы габарылып йөр. Көроглы ёкка, огланлара өвредйө Көсе:

— Көроглы гелип отурайса, чай дийөйсе, кәсәни узадып, элиқиз-ден гачыран киши болуп, ере ташлаң; чилим дийсе, етмәкә, ёлдан ере ташлаң.

480. Көроглы гелип отуяр.

— Хай, огуллар, бизе бир кәсе чай берасаңызла? «Хайыр, ягшы» дийшип, кәсәни узадып, етмәкә ере ташлаярлар. Чилим дийсе, онам ере ташлаярлар. Ай, хуллас Көрогла ыза берйөр-дә. Көсе айдя:

— Көроглы, мейхана гелип, херемхана барып, ики арада гатнап, азара галып йөрме. Сен шол янда Өвез жаньң билен, Агаюнусың билен болубер. Бизлере ак йылманжак оглан болмаса, гара йылманчаграк оглан боля.

Ай, хуллас, бу ере гелсе, Өвез жан ягшы боланок; о ере барса, кырклар азар берйө.

481. Бир ай ятды, Өвез жан ягшы болмага айланышды, ики ай ятды — өңкүсинден зыят болды. Агаюнус пери ене бир айлап янында бакып бежерди. Бир гүн кәкиллерине шана уруп, гундуз сопбач, переңи мавут чәкмен гейдирип, сагыр әдиги гейдирип, Өвез жань пайлап Көроглы билен гошун, мейхана гаршы угратды. . . Гелип Көроглы мүтдөкәниң гапдалына гечип отурды. Өвез саг дызына мүнүп отырды, кырклар гөзүниң тейи билен әсван әтселер, өңки Өвезем Өвезми! Аты арыкладып, дер алып, тәзеден әер чекен ялы. Өвез жань гөрмәге гөз герек. Башга геп-сөз болмандан соң, Көроглы Кәсәниң өзүне, огланларына дегип, хенек әдип, бир бәш келеме сөз айдар герек.

482. Мөвлам мени ёла салды
Алы билен, вели билен.
Ач доюп сувсузлар ганды
Леблериниң балы билен.

Гел гөвсүм үстүнде отур,
Өлмесең, табыдым гөтер,
Өвез жаным, маза етир
Бир пыяла долы билен.

Кетени көйнек бичдирейлиң,
Якасын кеч ачдырайлың.
Гетириң, бойлашдырайлың.
Бизиң Өвез жань билен.

Көроглының алысыны,
Долдур, бер пыяласыны,

Күлли түркмен — барысыны
Мен сөөр мен или билен.

483. Бу сөзи айдансоң, Көсе дегип айдяныны билди.

— Хә, заңңар, Көроғлы, сен бизлере дегип айдасыңла. Хав, Көроғлы, сен өзүң хич зады билмейәсиң!

— Хә, о ничик билмейән?

— Сениң билмейәниң, Көроғлы, бизлер көп йигит, ене сениң мей-ханаңа гелен боля, гиден боля. Өвез жаның бир өзүне чай-чилиим бермек, хызмат әтмек агыр боля дийип гетирдим бу огланлары.

— Хайыр, ягшы, Көсе, булам бизиң бөхбидимиз.

484. Өвез жан, Мирим, Гаммар, Балы, Сүйжә — бөш оглан билен дүңйәниң әшретини сөйүп, мес болуп ятыберсин Көроғлы.

Мунуң дав-давасы, дабарасы дагдан ашып, Хуңкар патыша әшитди муны. Шулар ялы, Көроғлы диен жалатай заңңар бөш оглан билен дүңйәниң әшретини сөйүп ятанмышын. Бөш огланың ичинде Өвез диен оглан бармышын. Тарыпыны айдып, дийип соңуна чыкар ялы дәл — дийип әшитди. Хуңкар муңа гайыбанада ашык болуп, хер юрт билен бир иш тутжак болса, урушжак болса, өңинчә иберйән жансызы бар. О-да бир гарры баба, йүз муң чаршембәни башындан гечирен әйяр. Яңкы әйяры янына чагырды.

— Хав, әйяр, Көроғлының галасына барып гайт. Песини-бейгини, ясыны-ягдайыны, нәхилидигини биллип гайт. Өзүңем ёлда әгленениң бир хепде, барып боланың бир хепде, гелениң бир хепде. Үч хепдеде барып гайт!

485. — Хайыр, ягшы! — дийип, әйяр патышадан жогап алып гайдыберсин. Ёл узак, геп гысгасына ятшы.

Сүрүп Чандыбиле гелип, Көроғлының мейханасыны салгы алып, бир гүн гелип, мейхананың агзындан салам берип гитди. Соңракы гүни ичери гирип чилим чекип гитди. Соңракы гүни бир чөйпек чай ичип гитди. Ондан соңракы гүни гелип, пах, йүз-муң кырядан гечен, йүз-муң чаршембәни башындан гечирен әйяр-а. Кырк йигит билен, бөш оглан билен левдеханы алышдырайды заңңар.

Пах, гайта бу гарры баба геленсоң, Көроғлының мейханасы өңкү-денем гызыклы, якашыклы болды. Аксакал халкы оглан халкына дегмеге оңайлам боля. Бөш огланың гүйменжи шу аксакал баба болды. Бу огланлар бабаны агдарярлар, дүңдәрйәрлер. Агзындан хоп-бак алярлар, келлесинден кепдери учурярлар. Бу вагтыхошчылык билен, бу безим билен бу әйяр заңңар айың-гүнүң өтенини биленок.

486. Бир гүн мейдандан етип гелйәди.

— Алла, жаным, мениң шу ере геленим ниче гүн болдука? — дийип, геленини хасаплады. Хасапласа, Көроғлының мейханасына гелели бәри үч ай болупдыр.

— Ах-ов, патыша маңа үч хепдеде айланып гел дийип-дов. Мен геленим үч ай болан әкени. Хер задам болса патыша барып хабарыны бир берейин. Патыша шу Өвез жаны алдырмак дехиңден чыкса чыканы,

алдырмак дехиңден чыкмаса, диеними эдйән ага-иним бамы. Хич ким диеними этмесе, бала-чагам билен гөчүп гайдайын шу ере.

Шоны ой-пикир этди. Бир гүн Көроглының мейханасындан дым гайып болды, барды Хуңкарың гашына салам берип дурды. Хуңкар айтды:

487. — Хей, заңңар, эйяр, мен саңа үч хепдеден айланып гел дийип-дим. Гидениң үч ай-дөрт ай болды. Кепиңи тапып кеплемесең, башашак ере гөмүп аягыңа ат багларын!

— Хав, тагсыр, атыңы-да билмен, эшегиңи-де. Мен Чандыбил дийлен юрда бардым. Онсоң Көроглының мейханасына бардым! Көроглының мейханасында кырк йигиди бар, бәш оғланы бар. Бәш оғланың ичинде Өвез диен оғланы бар. Алла тағала ишсиз гүни өз нурундан ясап, дикине шол мейхана саллапдыр. Сенем бу ерде дүнийәниң эшретини сүрйән дийип отуран экени. Сениң кимин ийип-ичип такаржык кимин болуп отуран патыша көп экени яланчыда. Бир гүн өмрүң өтсе-де, шонуң янында өтсүн. Ярым гүн өмрүң өтседе, шонуң янында өтсүн. Бир демиңи алып өлсөң-де, шонуң янында өл. Сениң билен инди кеп эшидип отурмайын. Шол Өвези шу ерик гетирме дехиңден чыкса чыканы; чыкмаса, диеними эдйән-ага-иним бармы. Хич ким диеними этмесе, бала-чагам билен гөчүп гидйән шо юрда. Кепиң гыгасы, тагсыр, шо.

488. Вах, Хуңкар өңкүденем бетер ашык болуп, галасына урдурды берди. Жарчы:

— Хер ким Көроглының Өвезини гетирип берсе, хазир бәш йүз түмен тылла берйән. Гайдып геленде, бир яп боюна мишрип эдйән, йигрими бәш яшында етишип отуран гызым бар, мунам ника гыйып берйән.

489. Бу галада Мустапа диен бир серкердеси барды. Лакамына Гайры Мустапа дийип ат берйәрдилер. Дили зорлугындан, бетхалыгындан Гайры Мустапа дийип ат берйәрдилер. Гайры Мустапа гелди Хуңкарың гашына.

— Хав, тагсыр, халан гошунымдан бир лек гошун берсең, шу хызматыңы биз битирйәс, тагсыр!

— Бар, сап ыгтыяр, өзүң гошун жемләп, өзүң ал!

Мустапа дەرгазап болуп, бу галада гошун жемлемөгө айланышды. Жемлейән гошуны нәден: бир мүңи сейригөй, бир мүңи жадыгөй, бир мүңи эйяр, бир мүңи хәзирбаш, бир мүңи вақыбаш, мүң топ, мүң шемхал, мүң чарайры, мүң заммырак. Бу гошун билен Мустапа Чардаглы Чандыбиле йөрш өтсин.

490. Чандыбилиң кыбласы Межнун дагы. Мустапа бир лек гошун билен дагың тейинде гош ташлады. Чадыр-чепенни тикип, гош-көтелини ташлап, гөвнүни бире баглап, мүң топ, мүң шемхал, чарайры, заммырагы бошадып иберди. Көроглының мейханасы сарсып гитди. Буларам бир топ овазыны эшидип:

— Хав, Көсе, бир ерден топ овазы гелйәр, бизиң билен бир азан шайы-мессеп урушмага гелипмикә диййән.

Мейхананың месчилиги, чүйрүк кабла, чай-теммәкиниң месчилиги, Өвез жаның хошовазының месчилиги, «Атланха-атлан!» болубердилер. Шол ыңдарып барыркалар, Көроглы айтды:

— Хав, йигитлер, топ овазы яман якындан гелмәге айланышдыла? Даглар гүммүрлейәлер-ле — дийип, кырк йигиде гарап, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

491. Гөчларым, хәзир болуңлар,
Даглар гүммүр-гүммүрленди.
Етип дербенди алыңлар,
Даглар гүммүр-гүммүрленди.

Ок атылар галасындан,
Хак сакласын беласындан.
Гөч йигидиң наласындан
Даглар гүммүр-гүммүрленди.

Сөвеш ятмыры яганда,
Мелөвше бойнун эгенде,
Гылыч галкана дегенде,
Галкан гүммүр-гүммүрленди.

Бедев харлап даг ашанда,
Етип галкана душанда,
Беглерим эсрип жопанда,
Даглар гүммүр-гүммүрленди.

Шерапдан ичип гананда,
Душман йүреги янанда,
Көроглы Гыра мүнөнде,
Ёллар гүммүр-гүммүрленди.

492. Бу сөзи айдансоң, ат гамчылап, даг үстүнә чыксалар, Мустапа бег гурупдыр аклы-гызыл чадыры— ок атсаң, ере дүшжөк дәл. Сап-сап, байдак-байдак, пырада-пырада, күрүс-күрүс, санжак-санжак, байдак-байдага какылар. Мустапа-да гөрди муны. Атланып бир хатар айланып чыкды.

— Хав, йигитлер, бу кырк йигиди Өвез жаны билен гелди. Дога-гөйлер, дога билен болуң! Жадыгөйлер, жады билен болуң! Кемеңдандазлар кемеңдандазлык билен болуң! Хәзирбаш, вақыбаш болуң!

493. Хабары Көроглыдан ал. Даг үстүндә топланып дуруш:

— Хав, Көсө, Гыр ат аягымызың тейинде, дүйрме гылыч билимизде, сырлы найза голумызда, шайы-мөссөп алдымызда бок ишләп дурмы!

«Уршуң гөңеши болмаз» дийип, — «алла!» дийип, гыгырып ат гойдулар. Гелип бир мейдан найзалашып, гылычлашып урушдылар. Шол баруына Өвез жаның бойнуна жүп кемент дүшди. Көроглы кувватлы пыяда боландан соң, зарбына кемеңди үзүп алып өтөгитди. Өвез жан кемеңде дүшүп, жувашлашып галыберди. Көроглы гайрылып гөзлесе, Өвез жан кемеңде дүшүп галыпдыр. Гыр аты депип иберди. Өмүрүңдә

сүрүшмөйөн ат маңлайыны өрө берип сүссенеклөп галды. Найза ховала кылайын дийсе, найза-да голы ысмады. Ол барувына гөзөм ер гөрмөди. «Алла, мениң ишим кежине болды. Гушуңы аланда сал диенлери» — дийип, сайланып чыкды буяна Көроглы. Эсеван этсе, кырк йигидем бир ян четде хайран болуп дур. Онянча шайы-мессебиң гөрөкли дашы элине дүшөнсөң, дурдумы ол. Дессине жан агырмас ялы вежини алып, гарасар учан ялы гүрлөп өтөгитдилер.

494. Булар хайран болуп галайдылар.

— Алла, Кесе, бу ничик вакыя болупдыр?

— Биз-ө билмедик, Көроглы. Шайы-мессеб бизе дога этдими, жады этдими.

— Кесе, мунуң догасы-да шол, жадысы-да. Агланып чыканда, Шири-худа пири яда салман чыкыпдырыс, шонуң үчин болан ишлердир бу. Кесе, инди мунуң геңешини бер!

— Ай, геңеши наме, Көроглы? Гала гайдайлы. Чай алайлы, теммәки алайлы, харажат алайлы. Онсоң ызындан гидерис-дө.

— Кесе, ондан геңеш болмаз. Оңа барсак, «Оба гөти агыр» диенлери гөтүмиз ерден галмаз, Кесе.

— Оба бармасаңданы, оңуп барян аламаның гапдалындан чыкып абрай алмак-да гаты кындыр.

459. — Кесе, мунуң гапдалындан чыкмалы, ызынданам галмалы, ызыны алайлы-да гидиберейли. Мустапа бег Өвез жаны Хуңкара элтип берер. Сыдкы-ыхласы билеп ашык болуп Өвез жана маңа чай-чилиим бер, хызмат эт дийип айдар. Мениң бакып-бежерен огланым болса Хуңкара хызмат этмөз. Онсоң диенини этмөнсөң, өлдүрмөгө дар тейине алып чыкар. Шоңа бир етише билсөк, дарың тейинден алып болмазмыка — дийип, Көроглы гөзүни бир юмды, гөзүндөн яш пайрап гитди.

— Кесе, шундан говы маслахат ёк — дийип, йигитлерине гарап, баш келөмө сөз айдар гөрөк.

496 Гаршымыздан ганым гелди,
Бизе кемең дүшди бу гүн.
Өвез жан көшире гитди.
Акыл-хушум чашды бу гүн.

Бүдреди, атым йыкылды.
Найза-найзага какылды,
Гөзүмден яшым дөкүлди,
Жейхун деря дашды бу гүн

Кыркаларым дервезә барың,
Гала бирин-бирин гириң,
Етип Өвез жаны гөрүң,
Дар тейине дүшди бу гүн.

Дарың тейине барайын
Несибе недир гөрейин,

Көроглы, ғылыч урайын,
Капыр хетден ашды бу гүн.

497. Бу сөзи айдып, йыгының ызыны алып, булар-да гидиберсин. Шол баруына паланча гүн ёл йеридилер. Хұңкарың галасына бир гүнлүк ёл галды диенде, бу йыгының ызы келтереге-де бир галаның аркакы дервезесинден шу гала гирди. Галаның гүнбатар йүзүнден айланып кыбласына гечип, ыз кесдилер. Гөзлеселер, кыбла дервезеден чыкып, ене гидипдир йыгын.

498. Бу гала Булдур галасы дьер экен муңа. Мунда кырк атлы нөкер бар экени. Муңа Булур беглер дьер экени. Улы галаның өңсе янында бир хил гаравул терзи эдиپ гоян экен муны Хұңкар. Мустапа-да бир дүшлөп гечен экени шуңа. Көроглы айтды:

— Хав, Көсе, шу галадан бир хабар алайлы. Неме кеп, неме сөз барка?

Гелдилер кыбла дервезесинден. Гөрселер, дервезе ичинден бент. Дербезәнің дашындан — «Хабарлашян киши бармы?» дийип гыгырдылар. Бир адам дашары чыкды:

— Неме хабар герек?

— Испихан баряс. Ат тутсаңыз, чай ичип, чилим чекип гечсек. Онда айтды:

— Ычанда бегимиз бар, геңешейли.

— Бар геңешип гел.

499. Гелип бегине геңешди:

— Хав, бегим, отуз-кырк атлы, ат тутсаңыз, атдан дүшүп, чай ичип, чилим чекип, саялап гечсек дийип айдыр. Неме жогап берейли оңа?

— Неме жогап оңа? Өзүң билмейермиң? Гошунда пәкизе огланы болса дүшсүн, болмаса, деррев ёулсын заңқар.

Гелип айтды:

— Ах-ов йигитлер, гошуңызда пәкизе оглан болса дүшйәсиңиз, болмаса ёйлуберйәсиңиз.

Оларың гошунда Мирим, Гамбар, Балы, Сүйжә дөрт оглан бар.

— Пах, ине оглан гөрегің болса, ине саз гөрегің болса. Ачыбер дервезәңи, ачыбер!

500. Дербезесини ачдырып, сейисханада атлары баглалы дийип гелселер, кырк ат зерли, гаңтарылгы, кечәни сыртына бөкдериш, атларың гуругыны дүвүп гоюңдырлар. Булар-да атыны баглап, Көроглы Көсәни үмлөп мейдана алып чыкды.

— Көсе, шу атлары гөрйәмиң? Шулар деррев бир яна атланжак атлы. Гөзүңиз, гулагыңыз менде болсун. Менден башгаң сыра көплемөң. Шир-худа пир яр болса, шу атлыдан шу галада жандар гутарман, алма алажыны әдейлиң.

501. Ховзуң боюна гелселер: кырк Булур бегі ялынжаны ташлап, гүдери көпчүни тирсегине ташлап, яглык билен йүзлерини сыналашып отырлар. Булара-да бир тарапдан кече ташлап, өз башларына жай бер-

дилер, чай бердилер, чилим бердилер. Булур бег буларың хабарыны алмага отурды.

— Хав, йигитлер, ёл болсун!

Көроғлы айтды:

— Худай берсе, бол болсун!

— Хайсы юрдуң адамсыдыңыз, нөжайлы чыкдыңыз?

Онда Көроғлы айтды:

— Бизлер хәзирбейжанлы борус.

— Хәзирбейжанлы болсаң, бер хабарыңы.

— Хабарымызы берсек, Чардағлы Чандыбилинде, Көроғлы сүвнүң Өвез диен огланыны Хуңкар патыша бир серкердесини гойберип алдырыңдыр дийип эшитдик. Өвезиң жамалыны гөрүп гайтжақ хем Хуңкара «гутлы болсун» дийип гайтжақ. Шоңа баряс.

502. — Хәзирбейжанлы бег, ол айдан кепиң раст. Мустапа Өвез жаны алып, дүйи-өңдүн шу ере бир дүшүп, ховул-халат чай ичип, нахар эдинип атланып гитди. Биз-де Өвезиң жемалыны гайгысыз гөре билем-вок. Газанда сүзме нахар бишен. Нахар эдинип, бизлер-де атланжақ Өвезиң жамалыны гөрмөге хем патышамыза салама. Сен хәзирбейжанлы болсаң, эл-аягың нәзигрөк гөрүнйөр. Көроғлының намасындан бирден-ярымдан билйән болсаң, бир нама гайрып берсең, оңа ченли нахарам етишпер. Нахар ийип, биле атлансак. Ёлумыз бир экени.

Онда Көроғлы айтды:

— Йигитлер, сиз-де Өвези гөрмөге гитжек. Биз-де Өвези гөрмөге баряс, икимиз дердемен экенимиз. Ики дердемен болсак, бирян тарапдан гечип ойнажақ ялы отурмамызың тәсири ёк. Сен бизи дийсең, биз сени дийсек, раст гатышык нама айтсак, гелишикли болжақ ялы.

— Мыхманың диенини этмек — сыламак. Туруң, чай бериң-ов.

503. Башаша туруп чай берибердилер. Раст гатышып отурдылар. Булар-да кырк. Кырк адама бири оңат гелди. Көроғлы сазыны элине алып, дест урубереңде, асмандан бир бөш-алты саны дурна гелип, Хуңкарың галасындан Чандыбиле өтүп баряр.

— Хав, дурналар, галаның үстүнден өтенесиңиз, Өвез жаны гөрен-сиңиз. Бирехимлик эдип, кұпбара хызмат эдип отырмы я дар тейинде отырмы? Нәхили гөрдүңиз? — дийип, дурналара гаршы гарап, йигитлерине үмлөп, бөш келеме сөз айдар гөрек.

504. Гөкден учан топ жығалы дурналар,
Арзылум дагында гары гөрдүңми?
Гапылыкда сөвда салан сериме,
Пелек айра салан яры гөрдүңми?

Урушда Гыр атым дүшер дилиме,
Шемпири-жуданы алсам элиме,
Зеревшан көкили дүшер билине.
Ак йүзүнде зүлпи-тары гөрдүңми?

Өвез жаным Булдур гассап оглудыр,
Женнетің ачылан тәзе гүлүдир,
Кыркыңызың казаң етен гүнүдир.
Кепле, беглер, Өвез жаны гөрдүңми?

Бады-саба ел дек болуп өсели,
Гайрат эдиң, ганым башың кесели!
Ики авара бир бегини басалы,
Кепле, гуллар, Өвез жаны гөрдүңми?

Сөвеше гиренлер ал шерап ичер,
Мейдана гиренде боз көпүк сачар,
Өвез дийп, Көроглы серинден гечер,
Кепле, беглер, Өвез жаны гөрдүңми?

505. Көроглы нааманы башлама айланшындан, Көроглының йигитлери биліндәки ханжарың дестесинден тутуп, жөмлөшип дурлар. Бир еринде «иңи авара бир бегини басайлы» дийди. Адама бирини билінден ханжары согруп алып, ур гарнына, бас ховзуң тейне.

Көроглы наамасыны аякламаңка, хөммесини ховзуң тейине гапгар-дылар.

— Хав, Көсе, мунуң ичинде ики саны бисакал барды.

Тохумлык галмасын, гитди ховзуң тейине.

506. Мал кимиңки? Киме буюрса, шөнуңкы. Буларың ийжек нахары булара несиң этди.

— Көсе, ишалла, өңи гелди, соңам гелер мунуң. Көсе, сизлер шуларың атыны мунуң, ярагыны дакының. Хуңкарың атлысының нөкери дийип хич ким сизи танамаз ялы. Өз атыңызы, ярагыңызы, гейимиңизи бу галада гоюң.

Ене Сейтек Гырма башлыклайын он йигиди бу галада гоюп гитжек.

— Хай йигитлер, бизлер гиденсоң, чай ниреде, чилим ниреде, нахар ниреде? Чай-чилимиң тамында болуп отуруң хем өз атыңызы, яраг-гейимлериңизи саклаң. Он йигидини бу галада гоюп, отуз йигиди билән ёла роваңа болуберсин.

507. Хуңкары галасына етмәнкө, ёлдан бу ёлдан күрс-күрс арабалы, гатырлы, эшекли, пияда бир яңа топарланшып баря адамлар. Көроглы барага-да ызырагында бир эшеклисинден хабар алды.

— Хав, жоралар! Бу яна топар-топар нирә барярысың?

— Хав, ягшы йигит, Чардаглы Чандыбилде Көроглының Өвез диен огланыны патышаның Мустапа диен серкердеси алып, гачып гелип Хуңкара берди. Хуңкарам йигрими бәш яшлы етишип отуран семиз гызы барды, оны Мустапа беге берди. Мустапа бег патышаның гызыны той эдиң аля, бизлер тоя баряс.

— Хайыр, эннамлы хабарыңыз бар.

508. Улы ёл арабалы, гатырлы ёл тегшенөк. Ёлуң гапдалында ат сакламан, шулар билән тиркешип гидиң баря буларам. Шол барувдан

гүн батды. гөгейин яшыды, түм гараңкы болды. Бир махалдан галаның ичине топар-топар атлы гирмәге айланышды.

— Көсе, шу атлыларың бир үйтгешик гүррүңи бар. Шу атлыларың хабарыны алайын. Сизи өзүм тапарын.

509. Көроглы геләкте-дә атлыларың ичине аралашды. Бу атлыларың әдйән гүррүңи «Мустапа бег Өвез жаны Хуңкара берипдир. Хуңкарам сытгы-ыхласына ашык болуп «Өвез жаң, маңа чай бер, чилим бер, хызмат әт!» — дийип айдыпдыр. Онда ол Өвез диен оглан айдыпдыр: «Тагсыр, мениң хызмат әденим-ә ягшы, мениң Көроглы дийген бир агам бардыр, өз-ә бир галтаманпрак, тебехеңи гаты ювка ятакдыр: мениң хызмат әденими эшидәйсе, менем өлдир, сенем» — дийип айдыпдыр. Урупдыр, сөгүңдир, асла диенини этмәндир. Онсоң ичиниң янгыжына дар тейне алып чыкыпдыр. «Өвез өлмәкә, ким Өвезиң жемалыны гөржәк болса, биарман болмасың» — дийип, патыша гала жәр чекипдир. Бу адамлар Өвезиң жамалыны гөрмәге барян экен.

510. Көроглы бу хабара етик болды. Йигитлериниң янына гелип, «Көсе, шейле гүррүң бар экен» — дийип айтды. Ол дервезениң агзыны алып, топланып дурдулар.

— Ханы, Көсе, инди гала гиржәк, маслахат бер.

Пах, кырк дөрт дервезели шәхериң тейине барыңдыр. Көседе геңеш нәме ишлесин, маслахат нәме ишлесин.

— Көроглы, сен мейниңи алдырып чашыпмысың, я мениң гөвнүмеми, сен ияреден геңеш сораярсың бизден?

— Шу ерден геңеш сораян сизден!

— Көроглы, бизден геңеш сорасаң, гуры одуның, исли чайың, гаршы теммәкиниң, хезрети габланың башында сорарлар геңеши! Шу ерде геңеш алаңа-ов, чашан заңар!

— Ёк, Көсе, сеп биҙиң атамыза, бабамыза, өтәкләримизе геңеш берип гелйәң. Сен яшулы ахыры. Сеп бер геңешиңи!

— Көроглы, гешиң көпелтме. Дар ерде, гыссаг ерде геңеши батырдан сорарлар. Мейдаңда яшалып йөрән яш көп. Тапыбер өзүң геңешиңи.

— Көсе, мунуң геңешини мен берсем, сизлер ондан-ондан үч дервезеден гириң. Мен тенха бир дервезеден гирейин. Сизден өңинчә дар тейине барма алажыны әдейин. Шонда бир чөмини тапып, бир оюн, тозан гопарын, шоңа етлийип, сенем гайрат әдевери.

Көсе:

— Хайыр, ягшы, ягшы!

Көсе ичинден:

— Хей, пәбилейин-дә, Көроглы! — диййә.

511. Ондан-ондан отуз йигидини үч дервезеден гойберип, өзем бир дервезеден гирип, көче билән зәңгә чилинин сүрүп өтәгитсин. Шу сүрүп отыр, сүрүп отыр, хий мунуң үч агажына, Хуңкарына етер ерде етенок. Кырк дөрт дервезели шәхер бу. Бу яндан гүн чыкды. Мунда-да сүрүп отыр. Гүн чәш галды. Бир махалдан өңүнде бир сеп гөрүңди. Хуңкарың өз дуран сепи экен. Сепиң гаршысында үч агажа гөзи дүшди. Үч агажың тейинде Өвез жаңа гөзи дүшди. Әсәван әтсе, Өвез жаңың элини сыртына

даңып, бойнуна зыяжыр салып, зыяжыр арканың ужуны пешаплар маймын ялы ушлашып отырлар. Муны гөренсоң, Көроглының хушы башындан гөтерилди. Раст гахары гелип, мейниси дунуп, дартды Гыр ата гамчывы.

512. Хабары кимден ал? — Өвезиң жамалыны гөржек дийип, адам гала чоғды болупдыр. Адамдан яңа көче эл билен дыкылап ялы. Гыр ат гамча чыдамавы, ничесиниң гарындан басып, ничесиниң еңсесинден басып, ничесини диллөп, силкип иберип, бер-бибат эдиپ баряр. Мунуң ат сүрүшини Хуңкарың пешабының бири гөрүш:

— Хай сөхрайы заңар, дар көчеде, адамының дыкыш еринде яман аты батыр сүрйәсиң-ле сен! — дийип, айпалта билен Көроглының чеккесине чалып иберди. Көроглының гөзүнден от чыкды. Көроглының аша гахары гелип.

— Хай, пешап, сениң зениңи . . . сен айпалта урмасыны билмейән өкевиң. Айпалтаны әйле урмазлар, бейле урурлар! — дийип, элинден гаңрып алып, келлесиниң чыкан ерине какып иберди. Пызлавук кәди ялы болуп, келлеси хонна дүшди.

513. Улы гала, патышалы шөхер бу зениңи. . . адам өлдүрди. «Тутха-тут, өңүнден бол-а, өңүнден!» шапба жылавлан тутдулар муны, гөтирдилер Хуңкарың гашына.

— Хав, тагсыр патышакым, бу сөхве заңар шылан пешабың келлесини алды.

— Хав, ягшы йигит, не жайлы алдың келлени, бер хабарыны!

— Тагсыр, мен саңа хабарымы бержек болуп гелйән. Мениң аслы көрим хөзирбейжанлы. Мен бир улы байдым, сөвдагөрдим. Көроглының галасына сөвдагөрчилик эдип барардым. Хер түйсли затлардан алып, Көроглының гүннары ёнасы, тылла гайышлы зери, зеревшан сачаклы көйбекчеси, гүдери көпчүни, жүп айлы тегмеси, ганжыгасы, янтанапы, уяң-гамчысына чепли мен гөтирип берйөрдим. Онсоң шу Өвез жаны Вееңдам диеңюртдан алып гачып гелди Көроглы. Бизлер онсоң Өвез жан билең лебдахан алышдырып галдык. Соң-соң Көроглыдан бизлери ягшы гөрмөгө айланышды Өвез жан, овам бир гүнден бир гүн Көроглы аңлашды. «Хай, хөзирбейжанлы сөвдагөр! Сен шу Өвез билең мыды-мыдыны көпелдипсиң. Иру-гич сен менден Өвез жаны авдырып аларсың» — дийип, бизлер галасына салман, чыкарып коьды. Онсоң ичимизиң янгыжына сөвдагөрлигем ташладьк. Бир ат алып, ярагы-да шайлап, шу Өвез зерарлы Көроглы билең урушмага айланышдык. Хөзир-де гүвүмиз бир болса, уршумыз ики, тагсыр. Онсоң дүйн эшитдим Мустапаны гойберип, Өвез жань алдырыпдыр дийип. Өвезиң жамалыны гөрмөнимизе кән махал болды. Хем Өвезиң жамалыны гөрүп гайдайлы, хем тагсыр патышахыма гутлы болсун, мүбәрек болсун дийип галаңа гелсем, хер пешабың еңсөмө бир чаляр, тагсыр! Мен бу ере өзүм урдурмага, хорлатмага гелмөндим, тагсыр! Сизе салама гелидим. Тагсыр, гуалдук!

514. Бу кеплери тапып, бу адамының ганыны ийди. Хер ким кеп-лежек кепини тапса, өлүмден гутулышы шувуң ялы.

515. Хабары Хуңкардан ал.

— Ай, хәзирбейжанлы сөвдагәр, сен игшы гелдиң. Мен бу огланы өкелдиритдим. Маңа чай-чили́м бер, хызмат эт дийсем, «Көроғлы диен ағам менем өлдир, сенем өлдир» дийип айда маңа. Онсоң сөкдүм, урдум. Асла диеними этмеді. Онсоң ичимің ягыҗыша өлдүрмәге дар тейине алып чыкдым. Сыпайыларым «өлдүрме» диййәр, оглан-да хызмат әденөк. Сен бир геңеш бер маңа!

— Әй, тагсыр, векилиң бар, везириң бар, гушбегің, мәтериң бар. Шу вағта ченли геңеши менден сорап оҗаян дәлсиң. Өз геңешиңи өзүң тапбер, тагсыр!

— Ёк, гушбегим, мәтерлерим өлдүрме диййәр. Оглан-да хызмат әденөк. Сен-де геңеш бер ахвети!

— Тагсыр, геңеши менден чылакайдан сораямың я дегишмеден?

— Чынайытдан сораян.

— Чынайытдан сорасаң, огланың вәпасы болмаз диенлери. Бир сер сағада гойма, тагсыр, деррев өлдүр!

— Пах, хәзирбейжанлы беги дост көпи сенден эшитдим-ә.

516. Хуңқарам — Мунуң шу көпине, атына, өзүне баш-аяк серпай әдиң! — дийди. Баш-аяк серпай әтдиләр. Көроғлы серпайы гейип, гуллуқ айдып дурды.

— Ай тагсыр, мениң бир арзым бар саңа.

— Нәме арзың бар, хәзирбейжанлы?

— Шу . . . оглан мениң ичими якандыр. Маңа бир жоғап бер. Шу дарың тейинде ата какдырып, басададып ичими совадайың.

— Хәзирбейжанлы, бир диениң ики болмаз. Бар, саңа жоғап!

Көроғлы Гыр атың жылавуи дөндериң, Өвез җана гаршы гарап дартды гамчыны. Пах, Гыр атың нешебазлыгы Көроғла кырк әссе. Хер-гиз Өвез җаны ыңҗытҗакмы ол! Гапдалындан гечен киши болуп, тойнагының ғырасы билен ғылтызрага-да еңсөсине бир какып гечди. Өвез җан горкуп гөзүни ачды.

517. Гыр атың налы алтынданды. Алтын пал ялкырап өтәгитди. Өвез җан ой-пикир этди. «Алла, капырда-да бар әкен-ә. Я доға-җады билен түйсүни үйтгөшдирип, Көроғлы ағам гелегайдымыка?» — дийип, Өвез җан дарың тейинде Көроғлы ағасыны ят әдиң, зар-зар йыглап бәш келеме сөз айдар герек.

518. Голум бағлы, дүшдүм ганым элине,
Алла, мепиң ховандарым болмады,
Ша әмр этди, буюрдулар өлүме,
Ағам, иним, достум, ярым болмады.

Ол мени гөрели мени гөрмеди,
Мениң үчин шириң җанын бермеди,
Кырк йигидин йыгнап, туга сүрмеди,
Хатарда әсрик инерим гелмеди.

Желлатларың танапы бар дестинде,
Капыр бизи өлдүрмөниң кастында,

Бичере болмушам дарың астында,
Гаплаңым, пелеңим ширим гелмеди.

Хемдем бегим, Таймаз бегим болмады,
Хажы Сумсар, Дәли Метел гелмеди,
Сапар Кесе менден хабар алмады,
Дөвчилешен кырк яраным гелмеди.

Душманлар жем болуп чекерлер дара,
Бу дарың астында болдум бичере,
Өвез оглан ялбар сен бирибара,
Шахымердан, улы ширим гелмеди.

519. Бу сөзи айдансоң, Көроғлы гелип патышаның гашында гуллуқ
эдип дурды.

— Хав, хәзирбейжанлы сөвдагәр, оглан нөме диййөр, дилине
дүшүнйөрмиң?

— Хә, әлбетде, дүшйән, тагсыр.

— Нөме диййөр?

— Көроғлы агасыны ят әдип перятнама гайырмашдыр.

— Хай, хәзирбейжанлы сөвдагәр, агасының намасындан бирде,
икиде билйән намаң ёкмы сениң?

— Ай, тагсыр-ов, тагсыр-ов, кеселиң гутуласы гелсе, тебиби гаршы
гелер диенлер-ов. Сен менден Көроғлының бир намасыны сораарсың.
Биз Көроғлының галасына барып йөркәк, герек болар дийип әтиятлап
Көроғлының намасындан яздырып, яздырып, бир гуҷак депдер эдип
гояяндырыс, тагсыр?

520. — Әйсе, хәзирбейжанлы, агасының язмасындан бир нама
гайыр, белки агасының намасыны эшиденсоң, огланың вагты хош болуп,
маңа хызмат әтсе әдер.

— Хайыр, ятшы, тагсыр! — дийип, шу ерде өзүнден өзи кеп яся.

— Тагсыр, Көроғлы сүнни шу Өвез жаны Вееңнам дийген юртдан
алып гачып гайдылдыр Юсуп ша диен патышаның гашындан. Юсуп ша
диениң Лең везир диен бир серкердеси бар болмага чемели, оны муң атла
баш эдип, Көроғлының ызындан ковупдыр. Бир дагыстана етип, Көр-
оглының ызындан Өвез жаны алыпдыр. Шонда Көроғлы сүнни Өвезин-
ден айрылып, бир дагың аңрысына гачып йыглаярмышын. Мен-ә бу ерде
йыглаян, менден айрылып Өвез жанам йыглаярмыка дийип, сен онда
йыгла, мен мунда . . . дийип, бир нама галаярмышдыр, тагсыр. Патыша
нама айдып берен киши болуп, Өвез жанга гарап, бир сөз айдар герек.

521. Гарып билбил, бикес билбил!

Сен онда йыгла, мен мунда.

Гарыплыкда көен билбил,

Сен онда йыгла, мен мунда.

Гарып билбил, болма нашы,
Акдырма гөзүңден яшы,
Гарып гөвнүмүң сырдашы,
Сен онда йыгла, мен мунда.

Гарып билбил, багты гара,
Не чекер сен ахы-нала?
Сени асдырманам дара,
Сен онда йыгла, мен мунда.

Гөлмишем мейдан мессимде,
Дүйрме гылыжым дестимде,
Оюн болар дар астында.
Сен онда йыгла, мен мунда.

Көроглы айдар, халалы,
Гүл етди, гадрың биләли.
Өвез жан, хемдем болалы,
Сен онда йыгла, мен мунда.

522. Бу сөзи айдандан соң, Өвез жан агасының тавшып эшидип, танап, еринден туруп, бир гуллук айдып отурды. Мунуң гуллук айданыны гөрүп, маңа гуллук айдярмыка дийип:

— Пах, пах, хәзирбейжанлы сөвдагәрим! — озалракдан гелип, шу намань айдан болсаң, оглан маңа эйбәм хызмат эдерди. Хәзирбейжанлы, огландан сорадайлымы, хызмат этсе, сарая элтели.

— Сора, пагышахым, сора!

Өвезден сорамага адам гойберди. Сораяр, элтжек дийип айдар.

— Ай, эсси гиден, меңнун болан заңар-ов. Онам өлдүр, менем өлдүр, асла хызмат эдерим болмаз!

523. Гелип айтдылар Хуңкара. Хуңкар-да налат эдерин биленок.

Көроглы айтды:

— Хав, тагсыр, сен менден геңеши чыннайт сораян болсаң сорапидөп дурма, деррев өлдүр шуны! Өлдүрсөң, сениң ики бәхбидиң бар.

— Ол ничик бәхбит?

— Бәхбит шо, тагсыр: Көроглы Өвез жаның шу галада дири бар әкенлигини билсе, саңа сыра ынжалык бермез. Сени бир гүн гелер, чапар, таңла гелер, чапар. Малың бакдырмаз, сөвдагәриңи чыкармаз. Даш ялы габав сени ём эдер, тагсыр. Сен шуны шу ерде өлдүрсөң, Көроглы-да Өвезиң еленини эшидәйсе, мейханасында багырыны совук ере ташлап «ах сөйүн, вах сөйүн» дийип, ташбакка ялы дырлышып өлүп галар. О янда ондан дыня сен, бу янда мундан. Өлдүрсене, тагсыр-ов.

— Ай, хәзирбейжанлы беги, дост гепи сенден эшидйән-ә, Мунуң шу гепине барың газынадан кырк галкан зер гетирип бериң.

524. Кырк галкан зер гетирип бердилер. Хоржуна ташлап, гуллук айдып дурды.

— Хәзирбейжанлы, агасының намасындан ене бир нама гайыр. Онсоңам хызмат этмесе, огланы өлдүрсек, өлдүрейли.

«Ягшы, тагсыр» дийип, — Көроғлы төверегине эсеван этди. Эсеван этсе, йигитлери якынашып гелипдир. Гелсе-де, ай осал-да, кырк дөрт дервезели шахере гирипдир. Көсе эзилен товук ялы бир сыкым болупдыр. Телпеклерини ашак басып, гөзүне топрак сүртүп, атының тойнагындан башга ерине гөзлейән адам ёк. «Вах, йигитлер, мерт-мердана болсаңыз-ла» — дийип, бөш келеме сөз айтды.

525. Хұңкар гелди, беглер, гелиң.

Дөвдүр Өвез жан үстүне.

Езиңиң голундан алың.

Дөвдүр Өвез жан үстүне.

Бу галаның мұң бурчы бар,
Хер бурчунда бир гүржі бар.
Шайы-мессебиң нә гүйжі бар,
Дөвдүр Өвез жан үстүне!

Сурнай, накара урулды,
Өвез жан гөзе гөрүңди,
Не ишлөп дуарсың, йер инди!
Дөвдүр Өвез жан үстүне.

Гала тейинде ятанлар,
Тоза-топрага батанлар,
Гөрүң: Өвези тутанлар.
Дөвдүр Өвез жан үстүне.

Гетирдилер голуң баглап,
Мениң жигержігим даглап,
Хан Өвезим отыр аглап,
Яш дөкер йүзүң үстүне.

Көроғлы әйлейир зары,
Ят әдейин бирибары.
Өзгәңиз тылычлаң дары,
Мен өзүм Хұңкар үстүне!

526. Бу сөзи айдандан соң, Өвез жан әшидип, дүшүнип төверегинде кырк йигит бар экен-ов. Шири-худа пир яр болса, агам инди мени алар. Мен бир әл-аягымы бошадып отурма алажыны әдейин. Өвез жан гыгырды:

— Хав, мениң әлими чөзйән ёкмы? — дийди.

— Хәзирбейжанлы, оглан нәме диййә, дилине дүшйәмиң?

— Оглан әлими чөзүң дийип айдяр.

— Хә, бу нама гулагына якды. Әлини чөзүп, хызмат этжөк гөрөк. Барың элини чөзүң!

Бәш-он пыяда деңине йүврүп гитдилер. Гелип Өвез жаның элиң, аягың чөзжөк болуп, Өвез жаның донуна, беденине агзы дегениң арманы ёк. Хүмөр-хүмөр, тагар-тагар басып, өлдүрүп барярлар, Өвез жаның элини, аягың чөздүлөр.

Өвез жан:

— Маңа бир кәсе чай бер — дийди.

Кырк кәседар деңине йүвүрди.

— Бизиң чайың ганды бар, бизиң чайың набады бар!

Өвез жан:

— Маңа бир чилим! — дийди. Кырк паеки деңине йүвүрди.

— Өвез жан, бизиң чилим Гаршы теммәки, бизиң чилимиң сувы совук.

Өвезжан эл-аягыңы бошатды, чай ичди, чилим чекди.

Дарың тейиндө чөк дүшүп, отурыберди.

527. Хабары кимден ал? — Көседен.

«Өзгәңиз гылычлаң дары, мен өзүм Хуңкар үстүнә» диенини Көсе-де эшитди.

«Хә, бу заңдарың айдып сөзүнә бак-а! Өзүң Хуңкарың гашында дур-да мен өзүм Хуңкар үстүнә» диййәр. Сен заңдар, мерезиң үстүнә! Дөрвезе ниредә галды?» дийип, ызыны гөзлейәр.

— Хәзирбейжанлы, оглан чай-чилимдән язылышан болса, сарая элтели, хызмат этсе.

Гелип Өвез жандан сорадылар.

— Ай, эсси гиден аңсыз заңдар экен-ов! Асла хызмат әдерим болмаз.

528. Гелип айтдылар. Хуңкар наалач әдерини биленок. Өлдүрейин дийсе, гөзем гыянок. Өлдүржөк дийсе, өңки сыпайылары өлдүрмә дийип, ган әрәберйәр. Өңки сыпайылары Көроглы баралы бәри Көроглы еди жының бири болуп дур-да.

— Бу заңдар хәзирбейжанлы нирден телди. «Өлдүр» дийип дызап дур.

Бирә бу яндая чыкып: — Бу патышаныңам аңы гидипдир — диййә. Оглан диениң бәш гүн гечер, он гүн гечер, бир ай — кырк гүн гечер, өвренишенсөң, хызмат әдибир-дә. Патыша-да муны гыссап дур — дийип, патышанам ек гөйәрләр.

Бу яндан Көроглы чыкып:

— Тагсыр, мениң диеними эдәй-сене. Шу зениңи . . . өлдүрсене, шуны өлдүрениң билән адам тохумы түкенмәз. Шуны өлдүр диймәм енә саңа бир гүррүң бар.

— Не гүррүң бар?

— Сен өзүң кырк дөрт дөрвезели шәхере Хуңкар гөрөк?

— Хава, Хуңкар.

529. — Сениң газымаң хасабы ёк, нөкериң хасабы ёк. Шонуң кимин улы патыша, сениң гадырыңы биз-ә билйәс. Бу зенини . . . билмөйәр ахыры. Көроглы диен жалатай заңдар-да. Ол бу гүвүни тапса, әртеси гайгыды. Биз гөйәркәк, шол жалатая ят дийсе ятып, тур дийсе туруп,

йүз мүң киридан течиң, гол говшурып хызмат әдйәрди. Сен шунуң кимин улы патыша-да болсаң, шол җалатайча гөрмейәр. Өлдүр-сене, тагсыр-ов.

— Ай хәзирбейҗанлы, дост кепи сенден әшитйән, сенден башга достум ёк экени. Өзүме мәтер бола — дийип, өңки мәтерини сындырып, гапдалына гетирип, мәтер этди.

— Хәзирбейҗанлы, шунуң агасының намасындан ене бир пама гайыр. Онсоң хызмат әтмесе өлдүрейли — дийип, Хуңкар огланы гойберди. Өвезҗапам Хуңкарың ытыярыны алаң экен.

Көроғлы «ягышы, ягышы» — дийип, гүймең-самаң әдиң, гөзүниң тейи билең йигитлерине ене әсеван этди. Әсеван әтсе, оңкүден бет болса бетер, гозгапчык тапқан адам ёк.

— Вах, йигитлерим, мерт, мердана болсаңызлаң! — дийип, йигитлерине ғыҗалат берип, баш келеме сөз айдар гөрөк.

530. Сагдагын әгри асанлар,
Сөвеш гүни ылғар болар.
Сағлык башдан гидер болса,
Даг оюлып, ахмал болар.

Пелек чакмагын терс чакар,
Гүлле деген ерин якар.
Ики гөзүңден ган акар.
Җәсет биыгтыяр болар.

Ат салышып перят әтсек.
Яка бирияң чалып тутсак.
Өвези алманы гитсек.
Хеләйлер бизе әр болар.

Көроғлы недир билмейиң,
Ыкбал-несипден гөрмейиң.
Хер ким бу ерде өлмейиң,
Ярасыз гитмек әр болар.

531. Бу сөзи айдандан соң, Көсе әшитди, яңкы сазың артыкмач бир ери тәсир этди. «Сағлык башдан гидер болса, даг оюлып ахмал болар» диең ери тәсир этди. Дашыракдакы дураң йигитлери имләп-имләп чагырып алды Көсе.

— Хав, йигитлер, Көроғлының айдың дураң сөзүни әшидйәрми-сиңиз? «Даг оюлып, ахмал болар» дийип айдяр. Башга сөзләр-ә бейледе дурсун. Хей даг ойлубам, адам өлерми, йигитлер? Кырк йыл гырғын болаңда, аҗаллы өлҗөк, биәҗал өлмеҗөк экени. Йигитлер, мерт болуң, мердана болуң! Таңры берен җаны таңры алар, йигитлер.

Ғылыҗың бидиргесин яздырып, төлпеги ёкаррага-да галдырып, кем-кем ғымтым-ғытылыберди Көсе. Хуңкар ене адам гойберди Өвез җана. Бири гелип, «Өвез җаң хызмат әтсе сарая элтейли» дийип айдяр.

— Хай, сарай-сарай, сарайың ичине. . . Онам өлдүр, менем өлдүр! Белки жылавуна гөрүп дуран болмаса. Гелип айтдылар Хуңкара. Ай, палтасы даша дегйө-дө. Хуңкарам халыс чашырды.

532. — Хөзирбейжанлы, агасының намасындан ене бир нама гайыр-сана!

— Ягшы, ягшы — дийип, ене йигитлерине эсеван этди Көроглы. Эсеван этсе, йигитлери дарың тейине алкымлап гелипдирлер, үлкөр ялы топланып дурлар. Көсөниң йүзи-гөзүне сын этсе, урша гиренде гайтмаан йүзи-гөзи болуп, йүзүни эгшидип читилип дур Көсө.

Көроглы йигитлериниң даянчылык тарапыны билип, үзөңгө чийле-нип, түйсүни гачырып, гылың дестесинден тутуп:

— Хай, патыша, сениң бир. . . Нама гайыр, нама гайыр! Мен сениң кесана тутан багшыңмыдым?

Гылыңың дестесинден «ине саңа нама!» дийип, элиниң терси билен Хуңкары какып иберди. Хуңкарам хабардар экени. Гылыңы гөтөрөн вагтында, атың бу янына гаршы баш-ашак гайдыберди.

Гылыч Хуңкарың атының эериниң гашыны алып өтөгитди. Хуңкар атдан йыкылансоң, Хуңкарың атыны жылавлап депди Өвез жаның үстүне.

— Ай, Өвез жан, бу яндан ат гетирдим саңа, чакган болавери, мүнөвери.

533. Пах, бу-да маймын ялы чаласын заңдар, ылгап мүнди Хуңкарың атына. Бу янданам Көсө отуз йигиди билен «алла» дийип, ат гойды. Шу Көсө дарың тейинде бир уруш этди, бир уруш этди, гызыл саллах болды-да.

Дарың тейини г. . .-г. . . каклышдырды. Өвез жаны атарып, Көсө билен дөвөзө гаршы депип гидибердилер. Он бөши Өвез жаның өңүндө, он бөши ызында. Гылыңам сырып алыпдырлар. Чөле чыкан гутулар, көчө совлан гутулар. Угруна дүшени пызлавук кәди ялы келлесини какып, көчөден ган акдырып барярлар. Шу гидүвине, гөп гысгасына ягшы, гич пейшин Өвез жаны дөвөзеден алып чыкдылар.

— Көсө, шайы-мессеп бир хөңделәп эссине гөлмөз ялы боландыр. Өвез жан билен гуңаклашып гөршейли — дийип, атдан дүшүп Өвез жан билен бир хатар гөршүп, саглык-эсенлик сорашып, атланып сүрүп гиди-берсинлер.

534. Хабары кимден ал? — Галадан!

Өвезиң жамалыны гөржөк дийип гелен адамлар эдиңдирлер гал-магалы. «Сен иниңи тапдыңмы? Сен агаңы тапдыңмы? Сен атаңы тап-дыңмы? Сен маслыгыңы тапдыңмы? Ылая. Хуңкары-да гурсун, Өвези-дө! Патыша азса, иру-гич бир бела дөкүлйө-дө, хав» дийип, пукараның өлени-йитени бейледе дурсун. Шайы-мессеп Хуңкар патышасыны тапа-нок. Ялаң адам өлдүрилип гылычдан горкуң, атдан башашак гайдан Хуңкар дарың тейинде ере гөмлүп мазарыстан болан экени. Бир мазара башашаклыгына гиден экени заңдар. Бир мазарың үстүндө ики саны аяк гөрүнйөр. «Бу кимкө?» дийип чекип алса, Хуңкар патышасы! Бейхуш

болуп ятыр заңдар. Маңа салып, сарайна гетирип, бурнуна хуш дерман тутдулар. Үч сагатдан соң эссине гелди.

— Барың, Мустапаны чагырып гелиң!

Мустапаның бу галмагаллардан хабары ёк. Патышаң гызының гойнунда бугарып ятыр.

Бир ясауул гелип:

— Хав, Мустапа, тур ериңден, Хуңкар чагырар сени! Еринден туруп, атыны мунуң, ярагыны дакының, гелди Хуңкарың гашына.

— Хав, тагсыр, нә хызмат?

535. — Хызмат шол. Көроглының Өвезини әкелдиң, о-да әкитди, ханы мунуң геңешини бер!

Йигрим бәш яшындакы гызың ыссы гойнундан чыкан адам мөс болуп, хушы башыңдан гөтерилипдир.

— Ай, тагсыр, оңа геңеш нәмә герек, маслахат нәмә герек. Көроглы диен өврөншөп ягым, инди маңа гошун-да герек дәл, топ-топхана-да герек дәл. Төнха өзүм урушарын.

Екежә өзи атланып, ковуп гайдыберди. Бу гайдандан соң, патыша ызыңдан ойланды. «Буя бир йылу билен, хеснеп билен гитди. Муңа ынанып болмаз» дийип, Шахсепит диен бир серкердеси барды. Бәш йүз атла баш әдип мунам ызыңдан ковдурды. Булар ыз-ызыңдан ковгунчы болуп гидиберсин.

536. Хабары кимден ал? — Баякы Булур галасындакы Көроглының гоюп гиден он йигидинден ал. Горкак адам, сергек адам өзүңе бөлли. Көроглы гелерин диен гүни Сейтек Гырма ярым агшамдан туруп, хем-месини гыгырып өрүзип йөр.

— Хә, гарагы гашылан заңдарлар! Турсаңыз болмаямы, нәдип ятырсыңыз? Көроглы дагыны гырып, бизиңем үстүмизә атлы буйрамасын-ов. Атланың, галаның еңсесиндә гезейлиң!

Шол аркада ков-ков әдип гезип йөрлер, атлы гөрүңсә гачжақлар. Бири акыллы киши болан болуп: «Билип болмаз, Көроглы дагам гелсегелер, ахыры чай-чилиң әдиң» дийип гидипди. Әхтиячдан онуңам гамыны әдип гояйлың.

537. Ине гала гелип, атдан дүшүп, жылавыны ёлдашына ынанмап, газан атарып, ягы, көшп-соганы, түвини — хеммесини бир гуюп гидйәр. Бирки-ярымы билмән, бир чөйнегә үч-дөрт гайта чай атып гидйә. Бирки-ярымы гуры сув демләп гидйә. Ене атланың дийип, галаның еңсесиндә гезип йөрлер. Бир махалдап кыбладан бир тозан пейда болды. Эсеван әдип дурдулар. Бири айтды: «Шуларың ичиндә Гыр ат бар. Шу гөлийән Көроглы дагымыка диййән». Гала габат болуп басдылар гамчыны, «мундан өңинчә бараверәли!» Гелип, галаның аркакы дервезесиндән гирдилер. Атлары демини дүзлемөкә, кыбла дервезедән Көроглы гелип гирди.

— Хай, Сейтек Гырма, атыңыз дөвүшйәр, нирә барып гелдиңиз?

— Ёк, Көроглы, хич яна барып гелемизок. Шу гүн Көроглының гелжөк гүниди. Гелмә мүддетини өтүрин баряр. Көроглы дагыны гыран болмасынлар. Көроглы дагыны гыран болсалар, бизиң онымыздан галың

наме болжак? Бизем баракга-да «я алалы, я өлейли» дийип, сениң ызың-дан гитжек болуп дурдук. Атларың сувуна дегип гелдим яңы.

— Хайыр, ягшы, сизиң батыр боланыңыз бизиң бөхбидимиз.

538. Атдан дүшүп, чилим экелиң дийселер, кө чилимиң пилегип дешик, кәсиниң сувы ёк. Чай экелиң дийселер, кө чәйнек ажы, ичер ялы дөл, кәси гуры сув. Нахар гетир дийселер, бир газанда бишен нахар докуз дүрли бишипдир.

— Ай, йигитлер, алдык хабарыңызы. Бизлер бир сагат гелмесек, сизе гачжак ага диерлер. Йигитлер, ине шалы көр, ине депме дүкан, ине жуваз, ине түви, яг. Бу ерде бир ай-кырк гүн ийип-ичип ятмасак болмаз.

Бу ерде ятжак диенсоң, Көсе гаты ере барып гелиберди. Көсе Өвез жаны мейдана алып чыкды.

— Өвез жан, бу көвөк агаңы гөтөр бу ердеп. Ййжек-ичжек болса, галасыңда ташмаярмы?

Өвез жан гелип:

— Хав, ага, бу галадан герек-ярагы алайлы-да атлапайлы.

— Хайыр, ягшы, Өвез жан.

539. Герек-ярагыны алып, сүрүп гидиберсинлер. Бир мейдан билеп барярдылар. Көроглының ызындан бир атлы пейда болды. Мустапа ковуп етди.

— Хав, Көсе, бу атлыпы гөрйөрмиң?

— Гөрйөн, Көроглы.

— Гөрсөңиз, Мустападыр бу. Бу екме-ек дийип, хыруч эдип гелйөр. Сизлер аңырракда дуруң. Менем өңүне екме-еке чыкайын, биарман бол-масын.

540. Көроглы өңүндөн чыкды. Мустапа Көрогла найза урды, Көроглы галкан тутды. Көроглы Мустапа найза уруп, Мустапа-да галкан тутды. Бир мейдан найзалашып, галкан тутушып урушдылар. Сет хезар Мустаның гүйжәи зор гелип, Көроглыны галканы билеп гаңрып басды. Атдан дикине зыңыберди Көроглының үстүне. Гавур-гавур тейине салып, гарына мүпүп, билинден ханжары согруп алып, богазына ханжар гоюберди.

541. Гөглесе, Көроглының богазына ханжар явашып гелйөр. Көроглы ятан еринде бир нала чекип тыгырды. «Шири-худа пирим, нирде болсаң ет!»

Шири-худа пири гайыпдан гелип, Мустаның чекгесине бир шап-бат чалды. Мустаның ысгын-дераматы гурап, ханжары элинден гачды. Бу керематы гөрүп, Мустапа еринден туруп, серменип, ханжарыны алып, пыядалап гачып өтөгитди. Көроглам етип барып гушагындан асылды. Ханжар элинде болансоң, гушагының өңүни кесөкге-де гушагыны ташлап өтөгитди.

Көроглы айтды: «Мунуң билеп пыяда якалашып йөрмәйинле». Йүврүң гелип Гыр аты тутуп, атланып дебсип үстүне гелип: «Алла, зор күрт экен-ов. Мусурман болса, заялап өлдүрмәйин. Шу ерде жылавы вериң гашына ташлап, аркасындан сазы какып алып, «мусурман бол» дийип, бир сөз айдар. Ол хем жогап берйөр.

542. К е р о г л ы. — Бу мейдана ковуи етдиң,
Дөн, сөвеш эт, Мустапа бег!
Озал маңа найза урдуң.
Дөн, сөвеш эт, Мустапа бег.

М у с т а п а. Гойбер-ха гидем ёлума,
Ла-ылаха-ыллалладыр.
Гарамарсың сагы-сола,
Ла-ылаха-ыллалладыр.

К е р о г л ы. Етдиң бөдевиң харладың,
Сүрүң ат алдың дерледип,
Мен дурдум жүда парладың,
Дөн, сөвеш эт, Мустапа бег.

М у с т а п а. Хазан елини өсдүрмө,
Бу гүн ёлумы тесдирме,
Ассарак өкжәм басдырма,
Ла-ылаха-ыллалладыр.

К е р о г л ы. Бу мейдана еке йөрдүң,
Екеликде бизи гөрдүң,
Горкдүң-да аркаң бердиң.
Гидибердиң, Мустапа бег.

М у с т а п а. Сөриме салыпсың думан,
Мен чагырдым бу гүн аман,
Өзүңденем атың яман,
Ла-ылаха-ыллалладыр.

К е р о г л ы. Сапайы аглакда душдуң,
Якалашып эле дүшдүң,
Көроглы беге уграшдың.
Мусурман бол, Мустапа бег.

М у с т а п а. Гыр атың бент әдер ёлум,
Гарамарсың сагы-солум.
Мустапа бир бенде гулуң,
Ла-ылаха-ыллалладыр.

543. Бу сөзи айдандан соң, Көроглам атдан дүшүп, гуҗаклашып, гөршүп, кыяматлык доган болуп, дөнүп Мустапа гайдыберди. Көроглам йигитлериниң янына гелип сүрүберсин.

544. Хабары кимден ал? — Шасепитден ал. Буларың ызыны алып, дергазап болуп ковуи гөлйәр. Мустапа өңүнден чыкды. Атың жылавуны чекип:

— Хав, Мустапа, бер хабарыңы!

— Ёк, Шасепит, бир мейданда Көроглының ызыадан етдим. Ат үстүндө уруштым. Гүйжүм зор гелди. Агдан агдардым, гарнына мүндүм. Ондан өңинчө Хазреталы урушян экени. Сенем хөлөк болма, дөррөв гайдыбер ызыңа.

— Хай, заңдар, гүррүңай этд-ов! «Бир мейданда етдим, ат үстүндөн уруштым, гүйжүм зор гелди, Хезрет Алы урушян экени!». Хезрет Алысына бак-а. Хав, Мустапа, сениң эдиң йөрөн делилиңи алыңы, ассарыңы хер ким билйәр. Сен озал хич киме гезек бермән, «Өвези мен экелип берейин» дийип, патышаның гашына барып, нагт бәш йүз түмөн тылланы алып, бир лек гошуны алып гайдып гелип, бир яп боюпа мүшрүп болуп, патышаның йигрими бәш яшындакы гызынам алып, онсоңам яныңа покер алып гайтмайарсың. Екеңе өзүң гайдыарсың. Еке өзүң гайдып Көроглының ызыадан етип, Көроглыдан пара алып, хемяны теңдеден долдуруп гайдан ага диерлер саңа. Дүш, алдыма дүш!

545. — Хав, Шасепит, мениң диеними әтсөң-ө, гайт ызыңа, болмаса, ине гиден Көроглының ёлы. Аллаярың! Сен дүш алдыма дийип айдыарсың. Оны киме айдыарсың? Сениң алдыңа дүшүп гитжек адам бапга бир адамдыр-ов.

Терс гарап, гаңрылып, бу япракдан совулып сүрүберди Мустапа. Шасепит бәш-алты саны атлысының гулагына пышырдады: Шуны алдап, дуйдурман басма алаңыны әдевериң. Дуяйса, хеммәңизи гырар бу.

Мустапаның бәш-алты санысы ташырагыды.

— Хав, Мустапа, бәри дур-а, бәри дур! Булар ялы агзалалык әтме. Урушмасаң-да, гиден ёлуны гөркезип берсең боляр.

«Оң ялы әтме, муң ялы әтме» дийип төверекләп, раст габырдады басдылар. Дессине элини сыртына даңып, паракор заңдар:

546. — Вах, дарыг, Шасепит, бейле иш этжегиңи маңа дуйдурмадың. Әгер дуяян болсам, Көрогла етирмән, өзүм гырардым. Мени бейле әтдиң, мени атыма мүндүр, дашымдан бир дон гейдир, гушак гуша, Көроглы хөлөм менден горкар, сенден горкмаз.

«Атына мүндүр, дон гейдир» диенимиң зерары Көроглының өзи билсе-де, йигитлери билмез. Муңа зор күртмикә, серкердемикә дийип, өлдүрмән гайтардык. Буя хер күртүң өңүндө даңылып йөрөн мәзи бир кер экен дийип айдарлар. Өлсем-де, абрай билен өлейин, шол пикир әдйәр. Дашындан дон гейдирип, гушак гушап мунам өңүне салып, Шасепит ене ковыберди. Хабары кимден ал? — Көроглыдан.

547. Буларам Аразың чайындан гөчдилер. Атлары ота, сува ковуп гөйберип, гушагы чөзүп, хер ким бир зыя саллашып гезип йөрди. Чай ичән чай ичип, уклан уклап. Бир махалдан кыбладан бир тозан пейда болды. Көроглы гөрди муны.

— Хав, Кесе, би тозаны гөрйәрмиң?

— Гөрйән, Көроглы.

— Гөрсөң, Кесе, шу атлы я бәш йүз, я бәши кем. Баштутаны-ха Шасепитдир, Кесе. Шири-худа пир яр болса, шу мейданда шу атлыдан жаңдар гутарман алма алаңыны әдейли, Кесе!

Көроғлы Алы шириме,
Дағлар еңренер зарыма,
Шемширим алсам әлиме,
Инди өлдүң, Мустапа бег!

551. Бу сөзи айдып «Хав, Шасепит!» дийип гыгырды Көроғлы.

— Нәтжәгай, сүнни?

— Сен топ-шемхал атдырмаңы бир сағат гойдур. Саңа бәш-алты ағыз сөзүм бар, тагсыр.

— Гоюң-ов.

Хеммеси атмасыны гойдулар.

— Айдай, сөзүң болса.

— Сөзүми айтсам, тагсыр, сениң атлыңы гөрүп, нөкериңи гөрүп, бизиң йигитлер әййәм гачып гитдилер. Ханы, бири гөрүнйәрми? Хол, дагың үстүндәки отуран Өвез жаң. Ол мени ташлап, хич яна гидип билмейәр. Мени алдың, онам алаңың. Мениңем гидер ерим ёк. Мениң йөне бир ниче хүнәрлерим барды.

— Нәме хүнәрлериң барды?

— Мен айдыңы багшыдым, чалыңы сазандадым. «Ит уршы» диен уршум барды, «Веллемшаха» диен ойнум барды.

Сениң яныңа бир гечсем, сазымы чалып берсем, намамы айдып берсем, «Ит уршуны», «Веллемшаха» ойнумы гөркөзсем, ичимде биарман гитмесе. Онсоң ялкасаң—яз, гаргасаң—гыш, тагсыр.

— Геч-ов бәри, сүнни, сазыңы чалып бер, намаңы айдып бер. Оюн-томашаң болса гөркөз. Гачып гутулаңыңда-да, баржақ ериң галаң дәлми?

552. Көроғлы гыраты сува салып, кө ерде үзеңдә чыкып, кө ерде гарнап гечди янына.

— Топлум дур, тагсыр, деслабы билен «веллемшаха» атлы ойнумы өврөйдән саңа.

Хеммесини топар тутуп, кыбла гарап, дартды ата гамчыны. Орта арасыңдан ики бөлүп чыкды. Ярсы бу янда галды, ярсы о янда, раст «веллемшаха» болды.

— Ынха, тагсыр, «веллемшахам» шу. «Ит уршы» соңа дурсун. Намамы айдып берейин саңа.

Кыбласына гечип, хеммесини өз йүзүне гөзледип, еңсесиндеп биха-бар әдиң, яңкы намасыны айтсын. Кырк йигидем гечер-дә.

553. Ики ханлар гаршылашып дуранда,

Ара ерде окун дөкер гыча-гыч.

Деряның йүзүни садап тутанда,

Өврүлөшсөм, ягыш ягар гыча-гыч.

Шасепит хан етди байдағын алып,
Муханнеслер дура билмез гозганың,
Гоч йигитлер «Алы» дийип ат салып,
Гылыжыңдан ганлар дамар гыча-гыч.

Гаршымызда ярың өйи элесләр,
Герекмейәр ярсыз гелен непесләр.
Бахар болса, арпа-бугдай гелесләр
Бир-бирине башы дегер гыча-гыч.

Зылыхадыр ол Юсубың ёлдашы,
Гулум дийип сатды оны гардашы.
Юсубның хижринден Якупның яшы
Гөзден акып, йүзе дүшер гыча-гыч.

Көроғлы гочларың ата, агасы,
Гоч йигидиң болмаз белли бахасы,
Өвезиң башында тылла жыгасы,
Шемал тапып, ере дегер гыча-гыч.

554. Бу сөзи айдаңсоң: яңкы «веллемшахам» бу-да намам, «ит ур-шуны» өвренсең, мениң ызыма дүш, тагсыр!

Кыбла гарап, аты депип иберди. «Шунуң ызында бир зат бар герек дийип, хеммесем гитди. Көроғлы шол өз йигитлерине оңай берип, оңуны башлап, гачып отыр. Еңсе берип гачып отыр.

555. Еңсе берип гачып барян аламаны Көсе дагы гырды бир четинден. Ур, йык, санч, ағдар, бас, өлдүр, гаңыр, бас. Көроғлы бир ызына гөзлесе, Көсе, ызыны г. . .-г. . . какышдырыпдыр. Шасепит Көроғлының гапдалрагына депип гелйәрди. Көроғлы етип барып, Шасепиди шапба жылавлалды. Бу янлыгына гаршы дөндерип йүзүне бакып:

— «Ит уршуны» өврендиңми? тагсыр? «Ит уршы» шулар ялы болар.

Гөзлесе, йыгындан бирисинем гоймандыр.

— Өврендим, Көроғлы. . .

— Кеми-күмүсиң галавок, алла, тагсыр?

— Хергиз-хергиз галан дәлдир-ей.

Ган гөрди, күртүң жаны чыкды. Симап кимин сандырап, гамыш кимин галбырап.

Көроғлы айтды:

— Мусурман болармың? болмаярмың? Болмасаң, элиңден гитди келлөң.

556. Бу түйс капыр, горкусына яландан мусурман болуп гайдыберди. Көроғлы айтды:

— Хай, Көсе, баякы Мустапа яландан мусурман болуп гиден экени. Яңы шу йыгның ичинде гөрүнди.

— Хә, оны ол еррәкде бир ерде ағдарып ташладык, Көроғлы.

— Шо заңдарың маслыгыны отлап, ичими соватмасам болмаз. Мустапаны ағдаран ерине гелип, атдан дүшүп, дашындакы гушагы чөзүп, довуны чыкарып гөзлеселер: Мустапаның эли аркасына даңылы.

— Вах, дарыг, Көсе. Муны Шасепит даңып экелен экени. Бу зора дүшүп гелен экени. Гөвни бирлиги бир экени. Бир себәп билен мертебе-

сине етипдиров пахыр. . . дийип, шу ерде Мустапаны жыпаза окап,
ерлешдирип. Мустапаны тарып эдиң, бәш келәме сөз айдар герек:

557. Сөвеш вагтыны өтүрөң,
Мустапа бегим, сенми сен?
Хакың буйругыны битирең,
Мустапа бегим, сенми сен?

Ат-яраг эсбабы шайлы,
Кеймир оклы, гаты яйлы.
Урушда йүз-мүңе тайлы,
Мустапа бегим, сенми сен.

Белем Испиханың ханы,
Гөвнүмдөн чыкмаз арманы,
Сөвеш гүнүниң арсланы,
Мустапа бегим, сенми сен.

Дүңйә билең болмаз хошы,
Капыр билең ёкдур тини,
Көроглының баш ёлданни,
Мустапа бегим, сенми сен.

558. Бу сөзи айдың, бу йыгыңаңгырып, орчапдырып, олжалап алып
дөнүп галасына гайдыберди. Гелип галасына:

— Хав, Көсө, озал Өвез жан кеселләп, той-томаша берибилмәндик,
хем онуң тойы болсун. Ене-де шайы-мессебе дүнүп, онсоң ене өз элимизе
дүшениниң тойы болсун.

Галада той-томаша бериң, Көсө.

— Галасына он гижә-гүндизләп той-томаша берип, нан диене нан,
теңҗе диене — теңҗе, серпай диене — серпай, ат чаптырып алтын габақ
атдырып, багшы айтдырып, Өвез жаңына эе болуп, мырат-максадына
етип атыберсин. Хер киши шолар ялы иш битирин мырат-максадына етип,
той-томаша эдиң, деря берекет берип, юрда агзыбирлик берип, той-томаша
көп болсун. Ягшы етсин мырада, яман галсын уяда. Ай оларам галың
нәме болҗақ, — хемме етсин мырада!

VI. ӨВЕЗ ӨЙЛЕНЕН

559. Хайыр, ягшы, ол вагтда хабары кимден ал? — Агаюнус пери бир гүн Көроглыны янына чагырды:

— Хав, Көроглы, Өвез жаны Вееңнамдан әкелдиң. Онсоң Хұнкарың элине дүшди. Он төрдүне — он бөшине гадам басып баря. Хий, муны өйлендирмек, иллендирмек ядыңда ёкмы сениң? «Өз сийдигиңден өнен перзент болса, зыйём өйәрди, иллендирди. . .» дийип, иллериң таң эдиң йөрөндирлер.

— Бай, Агаюнус, сениң өзүң көп акыллы зайыпа-ов! Эй Агаюнус, сен сейир оқып, дырнагыңа гөзлесең, неме иш болса билйөсиң. Ханы, Өвез жана мынасып гыз хайсы ерде бар? Салгы бер, деррев гидип өкелерис. . .

— Ёк, Көроглы! Сен әнтөк ховлукма. Илатыңы чагырып, геңеш-маслахат әт.

560. Эртеси бәш-алты гоюн союп, илаты чагырып, берди кабланы, шөләни, чайы, чилими. Илаты жемленип:

— Ав, Көроглы. Бу нә садака, бу нә худаёлы. Бир ерде горкуп, худаёлы айдышмыдың сен?

— Ав, йигит! Мен горкманам, худаёлы айтманам. Мен Өвез жаны өөржек. Шонуң геңеш тойы би.

— Ай, тоюны гиңден тутавери, улы той әдевери-хә!

— Нәхил той әт дийсең әдйән. Өвез жана мынасып гыз хайсыңызда бар?

— Ай, Көроглы, хайсының үстүнден дүшеңде, саңа гыз берилмийә!

561. Бу яндан бир башы кел, үсти-башы йыртык, бир гарып бичәре отуран экени. Муңа әндамлы нахар етмәндир, чай етмәндир. Ыргып турды еринден.

— Хав, йигитлер? Йийпсиңиз чүйрүк кабланы, пчипсиңиз исли чайы, чекипсиңиз гаршы теммәки! Хәр хайсыңыз йүзлекчилик әдип отуранда говы болямы! Эртеки гүн Көроглының гудачылыга адамсы барайса, «мениң гырнагым яшдан» башга гүррүң тапмарсыңыз. Дүйнөңдун найза ужундан гөлән заңцара хайсың гызыңы бержек? Онуң билән Көроглының оглы болямы?

562. Мунуң көпи билән илат даргап өтәгитди. Көроглы-да хапа болуп, Агаюнусуң янына гелди.

— Эй, Агаюнус, мен-э сениң диениңи эдип, илата геңеш тойы бердим. Мәрекеде шейле-шейле кеп болды.

— Хав, Көроғлы! Сениң сорян ериңде Өвез җана мынасып гыз ёк. Үлке сөкүп, даг ашып, гайры ерден бир гыз әкелсең, «Сениң өз сорагыңда Өвезиңе болар ялы бир сиркели тапылмаямыды» дийип илиң янында дилиң гыста болмасын дийип, геңеш тойы бердирдим. Гүржүстан диен юрта Леке патыша диен патыша бардыр. Онуң үч гызы бардыр. Иң улу-сына Нигар дийё. Ондав кичисине Гүлрух дийё. Ондан [кичисине] Жәхан дийё. Шол ортанжы Гүлрух атлы гызы Өвез җана мынасып. Асмаңдан бир алма ере гачып, ики бөлүнп, ярсы Гүлрух, ярсы Өвез җан болупдыр. Шоны жүпт кылмак дәхиңден чыкса!

— Ишалла, дехнимден чыкар! — дийип, гелди мейханасына. Көсе айтды:

— Хав, Көроғлы, гудачылык тапдыңмы?

— Тапдык.

— Ниреде?

О ерде — бу ерде, якыңрак ерде дийселер, «Мен гидейин, мен гиде-йин!» болжакдылар.

— Гүржүстанда Леке шаның Гүлрух атлы гызы бар экени. Өвез җана шол мынасып экен. Шоны әкелжәк болдук, Көсе!

563. Хеммеси ере бакып отыр болдулар. Көроғлы еринден туруп, чилим салып, өз йигитлерине чилим берди. Көсе Таймаз беги имләп, мей-дава алып чыкды.

— Хав, Таймаз бег! Бу заңарың жуваз ялы болуп, чилим айланды-рып йөршүни гөрйөмиң? Шулар ялы агыр хызмат болса, хызмата өзүм гайым дийип, бизлери ойнап йөр. Мен шундан еди — секиз йигиди диләйин. Болса-болмаса, угрува чыкып геләйлиң.

564. Ичери гирип:

— Хав, Көроғлы! Сенден бир еди—секиз йигиди диләйәс. Шунуң угрува бир чыкып гелжәк.

— Көсе, азанда яшдың-да инди улалдыңмы?

— Хай, Көроғлы, биз-де ойланышдык, ченлешдик ахыры! Хеммә-мизе баштутан Таймаз бег бар. Нирә баранда, сыпайчылык билен кеп тапар ялы Бетрустеми бар. Айбы сувжыграк, галчаграк кепләр. Болса-да, бир әриң дуран еринде дулар. Хажы Сумсары бар. Айбы — гулагы ге-рең, гулагында якимсыз. Көп дегсе депесинден гылыжы салар. Беки Сарсары бар. Ат тутмага Дәли Мәтери бар. Ай, Сейтек Гырманы бар, оны бар — муны бар. . .

— Барың, атыңызы әэрләп гелиңлер!

565. Ат әэрләп гелдилер. Көсе айтды ат үстүндән:

— Ай Өвез җан! Сениң гудачылыгыңа баряс. Бир чилим бер! Көро-ғлы, Шөлере бат берип, бир нама-да айдып бер.

— Өвез җан, гетирип бер маңа. Буларың әкеленден әкелмеси якы-дыр. Болса-да булара бир сөз айдып гойберели.

Сазыны голуна алып, йигитлерине гарап, бир келеме сөз Гайдар гөрөк.

556. Ага беглер! гидиң Леке патыша.
Арап ат өңүне салып гетириң.
Мәхремин, везирин, бегин—ханыны
Бирин гойман, барын алып гетириң!

Таймаз беги хеммәңизе баш эдиң.
Йыкып галасыны, кендин ушадың.
Өвез жаның гамгын гөвнүн хош эдиң,
Тойлар, томашалар тутуп гетириң!

Писент этмәң ол күпбарың сөзүни,
Эллиден, алтмышдан, ғырың йүзүни:
Ордасындан Гүлрух атлы гызыны
Бизиң хан Өвезе алып гетириң!

Көрөглы бег, ят эт кадыр жепбары.
Пирим медет берсин — хезрети Алы. . .
Алың галасышы, ғырың күпбары.
Малы-дүнийәсини сүрүп гетириң!

567. Бу сөзк айдандан соң, атына жүп гамчы дартып гидиберди.

Ики гүн ёл йөрәң, үчүнжи гүни бир авлы, гуланлы, одуңлы чайың
үстүнден дучекар гелдилер. Хаҗы Сумсар айтды:

— Шу ери бир зинамлы, пайызлы чай экени. Шу ерде бир дүшләп,
вагтымзы хошлап, «Патыша гызыны бермедн. . .» дийип гайдып барай-
сак, ничик боля?

Таймаз бег айтды:

— Йигитлер, ондан кеп болмаз! «Атылан ок даңдан гайтмаз» диен-
лери. Хер затдыр, барып гайдалы.

Сүрүп гелиберсинлер. Ёл узак, кеп ғысгасына ягшы — сүрүп, паты-
шаның юрдуна бардылар. Патыша хабар бердилер «гайры юртдан еди —
секиз атлы гелди!» дийип — «илчими, хабарчымы, нәмедиғини билем-
зок».

— Барың, өз башына бир жай бошадып бериң. Өзи хабарыны айдар!

Өз башына бир жай бошадып берип, патышалыкдан гонугыны берип
үч гүнләп саклады. Дөрдүленжи гүни патышаның ғашына уграҗак
махалында:

— Хань, йигитлер, кепи ким башлар?

Хаҗы Сумсар айдя:

— Биз башларыс!

Бетрүстәм айдя:

— Сен менден өкде болдуңмы? Биз башларыс!

Көсе айтды:

— Йигитлер! Ол дәлиһге ғылыгыңызы гоюң. Кепиң деслабыны Тай-
маз бег башласын. Ызындан геңешиңизи айдыбериң.

Бир-бирине басалга болуп, сүрүп, патышаның арыз жайына гелип дурдулар салам берип. Патыша саламыны алып:

— Хов, йигитлер! Хайсы юрдуң адамсы боларсыңыз, не жайлы гелдиңиз? Бер хабарыңыз!

Таймаз бег кеп башлады:

568. — Тагсыр! Чардаглы Чандыбилли боларыс:

— Хайыр, ягшы! Чандыбилли болсаңыз, не жайлы гелдиңиз?

— Тагсыр, Чардаглы Чандыбилде Көроглы диен өр дөрөңдир. Эшидйөмиң?

— Эшидйөс.

— Эшитсең, «Бир айыпсыз зат болмаз» диенлери — оглы ёк. Вееңнам диен юртап Булдур гассап байың Овез диен оглуны әкелип, огул эдиپ саклап йөр. Сизлерде бир гыз бар дийип, бизи бөри гөндерди, тагсыр!

569. Патыша айтды «Буларың кепине гөрә кеп гайтарайын-да».

— Хав, йигитлер! Ол айдян сатлык гызларың-а бизде ёк.

Бу яндан Хаҗы Сумсар чыкып:

— Тагсыр! Сатлык гыз—чоры дийип гелемзак. Көроглы гудачылыга иберди!

Патыша айтды:

— Шундан шоңа-да гудачылык болармы?

Бу яндан Бетрүстем чыкып:

— Ики гөвүн бир болса, мундан даш ерден-де боляндырлар.

Патыша айтды:

— Алла, мен бир ятан йыландым. Бу әшек огрусы галтаман заңар айланып-гелип маңа дегер болды-ов. . .

Бу яндан Сейтек Гырма чыкып:

— Тагсыр, ол айдяның хем раст. Гызыңы берсең, гарындаш болсаң ягшы болар. Болмаса «юрды ёртавул бозар» диенлери — бу гүн гелер чапар, азанда гелер чапар, таңла гелер чапар. Сөвдагәриңи чыкармаз, малыңы мейданда бакдырмаз. Дашыңы габап, яман әдер, тагсыр! Гызыңы берсең, гарындаш болсаң, хеммесинден дынарың.

570. Шейле диенсоң, патыша ойланып отурды. Бу яндан Дәли Мәтер чыкып:

— Тагсыр, ойланшыга көп гитдиң. Ойланшалы, чемленшели дийсең, әртире ченли мөхлет берели, тагсыр.

Патышаның гахары гелип, гатырага-да:

— Хабарыңыз шу болса, гелең ызыңызы ел алмака гайдың!

Яңкы гулагы агыр Беки Сарсаң барды. Гатырага-да «гайдыбериң!» диени гулагына дегип:

— Тагсыр, гызыңы берип гайтарсаң, гуллук!

Иң соңунда Кәсә гезек гелди. Йлеррәк өтләп дуруп:

— Тагсыр, сениң билең кепи эзишип отурмалы. Бир агыз көп: гызыңы берйөмиң, бермийөмиң?

571. Патышаның гахары гелип, пешап сары ямлөп гойберди. Пешаплар якасыдан тутуп, мейдана чыкарып, хер хайсының аркасына кыркдан-кыркдан гамчы уруп чыкдылар.

— Бар, хөззөт-сылагыңыз шу болсун! Гөрөн-эшиденңизе хабар бер! Патыша бир везирине айтды:

— Илчә, хабарча өлүм ёкдур. Булары өлмөн, юрдуна ашар ялы, аз-кем харажат берип гойбериң!

572. Кырк гамчыны ийип, аз-кем харажады алып, сүрүп гайдыберсинлер. Сүрүп, Чардаглы Чандыбиле гелдилер, атларыны баглап мейхана гирдилер. Көроглы айтды:

— Хов, Көсө, аман-саг гелдиңизми?

— Гелдик, Көроглы.

— Ханы — нөмө иш битирип гелдиңиз?

— Бизиң битирен ишимиз ёк.

— Патыша нөмө сылаг этди, нөмө хормат этди?

— Патыша хич кишини бизлер ялы сылан дөлдир. . .

— Ханы эгнинде гелен серпай, билиңде пычак, айпалта гөрүнмийө?

— Көроглы, бизиң пычак-айпалтамыз, сылагымыз — хер хайсымыза кыркдан-кыркдан гамчы уруп чыкды. Бу сылаг дөл — ондан башга өлүм гөрөкми бизлере! . .

— Өвез жан, сора: ниресине урдука?

Өвез жан айтды:

— Сен аркан ятыр-да, гарына ур, ики яны дең болсун буларың!

Пах, Өвез жан ойнак аты оглан ёгынрага-да гамчыны алып ажыгып гелен пөкгурәге-де гарын-ай, гүллендирип индерйө-дө. Уруп бу яна чыкансоң, Көроглы айтды:

573. — Мәтер! Гыр аты гетир.

Гыр аты гетирди. Көроглы ярагларын дакынып, өзи атланды. Көсө айтды:

— Көроглы, сен-ә гахар-газап билен атландың. Я алып гелерсиң, я алдырып гелерсиң.

— Көсө, ишалла, алып гелерин.

— Алып гелсең, бизлер той тутумында болуберейлими я бигам отурберейлими?

— Той тутамында болубериң, Көсө!

— Ханы, нәхил той туталы?

— Ынха шу хил той тутуң! — дийип, йигитлерине гарап бәш келәмә сөз айдар гөрөк.!

574. Бир гөзөл алар мен Өвез жаныма.

Той ярагын тутуң, тә мен гелинчәм!

Бир хабар ибериң ага-солтана.

Болсун гуллугыда, тә мен гелинчәм.

Бир хабар ибериң, Халаба, Шама.

Бир той тутуң, әлем галсын хайрана.

Гүнде кырк гузыны чекиң бир яна.

Йисин гоч йигитлер, тә мен гелинчәм.

Ылгар уруп, гөрсөм бөш билен оны.
Найза уруп, дөксөм гырмызы ганы.
Тамамы зер гушак, зеркешдир доны
Гейсин Өвөз жаным, тә мен гелинчәм.

Пыгамбериң аслын сорсаң—арапдыр,
Пир болмаса, мердиң иши харапдыр.
Чишде — кебап, пыялада — шерапдыр.
Ичибем, мес болсун, тә мен гелинчәм.

Көроглы бег, сыгын кадыр жепбара,
Гыр ат мүнүп, ылгал этсөм хер яна.
Мүндө бир гоюны чекиң бир яна,
Ийсин төкели илм тә мен гелинчәм!

575. Бу сөзи айдандан соң, атына жүп гамчы уруп, Көроглы сүрүп
гыдиберди.

Төрт гүн ёл йөрип, бөшиленжи гүни илки агшам бир сувдан гелди
Көроглы. Шол сувдан айланып өт, доланып өт. Хей, би сувуң соңуна
чыкабилмеди. Даңа якын «алла жаным, мен бу ерде-дө кән гезийөдим,
булар ялы сув гөрмийөдим. . .» дийип, атдан дүшүп, сын эдиң гөзлесе,
илки агшамкы гезип йөрөн ери. . . — «Пәк-ә, первердигәр-ә! бу ничпк
иш болды? Ол еди-секиз йигидим патыша билен бөш-алты агыз кеплөшип
гайдындыр. Мен мунуң өзүнем тапмажак болдум-ов. . .» Хапа болуп,
«Өвөз жан, мен-ә сениң ярыңы тапа билмедим. . .» дийип, сазыны голуна
алып, бөш келеме сөз айдар герек.

576. Бизем ят эдейли кадыр алланы.
Өвөз жан, ярыңы тапа билмедим.
Шири-дерга болан хазрети Алы!
Гөвүн максадыма ете билмедим. . .

Алнымыздан бердиң догры йылдызы.
Кайда болар Леке патыша гызы?
Арзувлап тапмадым ол ала гөзи,
Тойлар, томашалар тута билмедим.

Чандыбил үстүнден атлар индирип,
Янан чырагымны уруп сөндүрип,
Секиз йигидими вәхак урдурып,
Мен бу сөзни беян эде билмедим.

Мен гечмишем инди ширин жанымдан.
Хеким ага! Хабар алгын халымдан. . .
Мен-менликден чыктым Чандыбилимден.
Дөнүп Чандыбиле бара билмедим.

Көроглы бег, ят эт кадыр худаны.
Голуңа алавер полат жызаны.
Шат эдип билмедим шол Өвез жаңы,
Максат-мырадыма ете билмедим. . .

577. Бу сөзи айдып, тирсегине сөөнип, ука галып болды. Шир-худа пири гелип, дүйшүне гирди. «Оглум, сен хапа болуп ятма! Азан билен чыкып уграсаң, гүн чаш галанда, өңүңден бир кент пейда болар. Бу кенде барсаң, бир бай адам той тутмага айланшандыр. Бу тоя барсаң, ат чапсаң, ат байрагыны аларсың, багшы-сазанда байрагыны аларсың. Пөлваны билен гөрөшсөң, ахмал этмегин. Онданам чыкып гидиберсең, Гүлрухың багбанына Саңсар баба диерлер. Шонуң гөвнүни тапсаң, сениң элиңе шол чыкарыберер. . .» дийип, гөзүңден гайып болды.

578. Тисгинип ояңды. Гөрсө, дүйши. Худайың беренине шүкүр эдип, чай ичип, чилим чекип, мес болуп, сүрүп гидиберди. Гүн чаш галды, бир кендиң четияңден гелди. Гөзлөсө, бир бай адам той тутмага айланышыпдыр. Бөш-алты саны ак еллели өй мейдана тикилипди. Мөреке өңүңден йыгнанмага айланышыпдыр. Бу-да барды бөрдөн. Аты, өзи гайры нагыш йигит.

Бир адам янына гелди.

— Хә, яшулы! атдан дүшсөң, ат тутайлы.

— Бели, дүшерин. Мең атым дашракдан гелди. Бир оглан мүндүрип гездирдиң.

Бир оглан мүндүрип, Гыр аты мейданда гездириберсиңлер. Яңкы адам гелип, ак өйүң гапы килимин гөтериберди.

— Ав, миман, багшы гелди, миман багшыны төрө өтүриң!

579. Көроглы төрө өтүп, гүберлиң отурды, Көрогла чай бердилер, чилим бердилер.

— Миман багшы, ал элиңе сазы!

Галың сазандалар чалшып отыр, галың багшылар айдышып отыр. Мунуңам элине бердилер сазы. Озалы «Новайы», ызы «Талхын», иң соңы «Ылгар» ёлуна яздырды. Хемме сазанда-багшы байрагыны муңа бердилер. Илки агшамдан жарчы гыгырмага айланышды. «Улы ат докуз мезил ёлдан гайытжак. Бөш йүз түмөн тылла, бир ёрга ябы, бир кемха дон байрагы бар!»

Илки агшам ики ат гитди меснө. Атлы гиденсоң, Көроглының янына бир адам гелди.

— Хав, миман багшы! атың сатаңлырак чак гөрүңйө, йүзи-гөзи тикевли гөрүңйө. Атыңы чапмарсың, алла?

— Энямылы эзбер, оглан тапберсең, чапая.

580. Еңил огланы миндирип, хемме атларың ызындан Гыр атам ибердилер. Эртеси ат чапан жая мөреке йыгнаныберди. Мөреке идили йыгнанманка, гүн чаш галанда, Гыр ат ортадан тазы ойнан ялы тасап гечди. Оглан айланып гелди.

Сорадылар:

— Хай, оглан! Атлар биле биле гайытдыңмы я орта ёлдан гайды-бердіңми?

— Биле гайытдым.

— Хань, ёлдашдан, сүйрегчиден гара-чыра ёк-ла?

— Ага, мен ёлдашыңы-да билемок, сүйрегчиңи-де билемок! Атың жылавыны бери өврени билён. Гайдып мениң гөзүм ер гөрен дёлдир.

— Бу гелшиң биле саңа байрак бермийёс! Эмини гөрүп, оьсоң бержек.

581. Хабары кимден ал? — Гүнортан бир ат гелди, пейшин бир ат гелди, гич пейшин эмини гелди.

— Хов, эмин! Миман багшың атам атлар ялы биле гайытдымы, я орта ёлдан гайдыбердим? Догрыңы айыт!

Онда эмин айытды:

— Миман багшың атам гелдими? Мен жылавлап, атлардан ики танап бойы ыз иберипдим.

Эмин шейле диенсоң, кеп үзүлди. Бөш йүз түмен тылланы санап бердилер. Бөш йүз түмен тылланы хоржуна салып, кемха довы атың сыртына бөкдериң, ёрга ябыны ат чапан оглана берди. Ат чапан совлансоң, пөлван мейданында мереке тегеленип дурберди. Ене бир адам янына гелди.

— Хов, миман багшы! багшы-сазанда байрагыны алдың, атыңам оады, гөз айдыңа якин йигит экениң. Пөлванчылык биле ишиң ёк, алла?

— Ёк, пөлванчылык биле ишим болмаз!

— Шу гөврөң биле бир-ики адам йыкарсың. Тутсана!

— Раст айдырсың, ягшы йигит. Шу гөврөм биле бир адамың тейине дүшсем, не ягшы. Үстүне дүшсем — өлдириң.

— Эгер сен өлдүрсөңем, ганы ёк — дийдилер.

— Гел, тутсам тутайын! — дийип, гушагыны говшадып, орта гечди.

582. Улы бир омынлап алып йөрөн пөлван барды, шөгирдиниң бирини гойберди:

— Бар, Көроглы, заңцары ур ере, ортада бош ишлеп йөрми?

Бу-да Көроглының гулагына дегди. Ичиден айытды: «Мегер өзүң гелмерсиң-дө!»

Яңкы шөгирди биле гужаклашып, гөрешип гидиберди. Көроглы йыкайын дийсе, деррев йыкжак яңкыны, зордан йыкан киши болуп, ики дызыны ере дегирди. Яңкы улы пөлван дикине атдан зыңыберди, өдигини чыкарманы, гушагыны говшатманы. Гелип, Көроглының шатур-шутур якасында тутуп, бир эли биле едсесивден тутуп, гөтержек боля, о, яв каця — бу ян каця, ичиден илдирип, чепем сая, явбаш саяр. Көроглы гөгериң чыкан ялы, саң-гаты болуп дур. Халыс ядады, хасырдай-хасырдай, йүзүн бакып.

— Миман багшы! жадыгөй болама? Сыра гымшамыясыңла?

— Ёк, жадыгөйлик биле ишим болмаз. Билён эмилиң болса эдибер!

— Биз-ө этмелимиз эдиң болдук эйсе.

— Эмилиңи эдиң болан болсаң, мөкөм дур!

583. — Адам өкжесине гадалып дуранда, мөкөм дурян экени! — дийип, раст гер дийип дурды-да, Көроглы элини гушагындан яздырып алып: ики быкынындан гуҗаклап дикине ёкары гөтерди. Айлап-айлап, раст асман атып иберди — үч найза бойы атылып гитди. Шондан келевлөш, гирип гелйөр.

— Дат, миман багшы! Ере дүшүрмөн тутсаң, дашымдакы кемхадон сениңки!

Көроглы быкынындан, ягырнысындан тутуп ере гойды. Эссине гелсе, быкынындан тутанда, бир гапыргасын дөвүпдир, ягырнысындан тутанда, бүргүт ялы пейжесини гечирипдир.

— Хай, бизиң адамызы өлдүрдиң! . . . — дийип, йүгүрдилер. Озал вада эденден соң болмады.

— Жоралар, айыплашмаң! Мениң йыкан адамым эрте эссине гелйө. Пөлван байрагынам мәрекеден алып өтөгитди.

584. Пах, галың ак сакаллар бир топар, гара сакаллар бир топар, яш йигитлер бир топар, гелинлер бир топар, гызлар бир топар. Көроглам бир четде сүрүп баря. Көроглы етмиш ики диле дүшйөди. Бир-ики ярым повча гызың көбир дилине дүшенөк.

«Алла, җахан эйваны гиң. Халы етмес» дийип эшидйөдим. Мениңем дүшмөйөн дилим бар экен-ов яланчыда.

Шу сүрүвиye той ерине гелдилер. Ак сакал баба янына гелди.

585. — Хав, миман багшы! Мен той эдйөниң ички диванбегисидим. «Бар, чай экел, теммөки экел, дестерхан экел!» — хызмат билен сениң биле гүррүңлөшмөгө элим дегишмеді. Той болса совулды, элим болса бошады. Сениң билен бир сагат гүррүңлөшөйли. Мен сениң көп бир сазанда-багшы дийип эшитдим, бир ак өйде дүшүрип, чай, чилим берип. Миман багшы, шулар ялы гелин-гызлар, йүврүк атлар сизиң юрдуңызда-да бамы?

— Эй, яшулы, бир юрта болан хемме юрта боля-да.

— Шулары тарып эдиң, маңа бир нама гайрып бер!

— Мениң нама гайраным-а ягшы, булар мениң дилиме дүшжөк дөл.

— Хай, олар дүшмесе, мен дүшйөн, намажык айдып бер!

— Баба, саңа айдып берсем, хич задың бизиң иле меңзөмөйө.

586. Ёлум дүшди Гүржүставың илинден.

Иллериң бар, бизиң иле меңзөмөз.

Сейран этсем, бакжасының гүлүнден,

Гүллериң бар, бизиң гүле меңзөмөз.

Гара гутна геер эгни дүвмели.

Гөзеллери бир-биринден өвмели.

Беглериң бар, тарыпыны диймели,

Ханларың бар, Өвез җана меңзөмөз.

Бахар болса, гүллериңи тирерлер,

Башларына самры телпек геерлер.

Атлананда, «нида-нида!» днерлер,
Диллериң бар, бизиң диле меңземең.

Сәхралары бардыр чөл-беябанлы,
Гөзеллериң бардыр махы табанлы.
Чопааларың бардыр яны гапаналы,
Малларың бар. бизиң мала меңземең.

Хөвес билен алы шерап ичмели.
Ат ойнадып, дашгын чайдан гечмели.
Көроглы бег, инче билден гучмалы.
Биллериң бар, бизиң биле меңземең.

587. Бу сөзи айдансоң, Баба ене бир өе барып, Көрогла бир дон,
бир телпек, бир әдик, бир гушак баш-аяк серпай әтди.

— Миман багшы! Хәзир сизе сылагым шу, гайдышынам ёлуң дүшсе,
бир агшам гүррүңлешип өтевери. Саңа кем сылаглырак болдум би сапар.
Хол ак ховлы, гара баг бизиңки. Сениң ялы ёлагчы адама герек болар! —
дийип, бир дестерхап күлче, гатлама-да гетирип берди.

588. Мунам алып, хоржуна салып, миман жогап алып, илки агшам
сүрүп гайдыберсин. Гиңәниң ичинде гелйәкә, «алла, мейниси юкарак,
аклы гысгарак бир адам тапсамдым. Саңсар бабаның жайыны салгы алар
ялы». Шол бармана даңам бу яндап агарды. Бир чал сакал адам гелип,
гош сүрмәге айланышды. Ислейән адамсы — горсинден танады.

«Сениң-ә соңуңа чыksam герек!» — Салам берип, янына гелди.
Бу-да: «Амапмы, амап-сагмы? — дийип, өкүзлери айлап гидиберди.
Көроглы гүпбе атдап дүшүп, атың жылавыны әериң гапшына гысдырып,
атың танапындан тутуп, би-де ызына дүшүберди. О четине гиденде, биле
гидйәр, бәри гайданда-да, биле гайыңа.

— Хав, яшулы, арма!

— Бар бол.

— Нөме әкйәсиң?

— Күнжәи әкйөн.

— Тохумың муң гелсин!

— Айданың гелсин!

— Өкүзиң йөргүн экени, күннәң дүшгүр экени, демириң кесгир
экени. Левдеханы алышдырайды мунуң билен.

— Яшулы! чайдан, чилимден, нешеден хабарың бамыка диййән
сениң.

— Пай, оглум, дертден билйән экениң. Азан билен гоша ховлугып,
түсседеп бир чилим чекдим, олам тебе көйди болды.

— Әйсе, баба, мен саңа бир чилим берейин.

Бүрүяч чилими алып, Гаршы теммәкиден бир чилим берди. Гургун
чилими, Гаршы теммәки — йыкылып ятыберди. Бир селлемден сакалы-
ның сувны сырып, ериден тура гелди.

— Чай ичермиң?

— Бели, ичерин.

589. Ыслы чайдан бир чөйнек чаюм демлөп гойды. Гант-набадам гойды, биразрак неше-де гойды. Бабаның вагтыны хошлады.

— Хов, яшулы, мен Саңсар бабаныңка барян. Шонуң жайыны салгы бер маңа!

— Ай ягыш йигит, оны сорамак гөрек дөл. Ынха шу улы ёла дүшүп, бир мейдан йөрисең, өңүнден бир ак ховлы чыкар, бир ян гапдалы йыкылан хүжресиниң агзында уллакан гүжүмем бардыр. Оңа меңзеш жай о төверекде ёкдур. Бар-да гыгырыбер.

Гайым салгы алды. Яңкы айдан ери билен сүрүп гидиберди. «Мегер чыксаң, шу чыкарсың» дийип, хүжрөниң агзына гелип, озал горен ялы таныш ялы.

— Хов, Саңсар баба, өйдемисиң? Өйде болсаң, чык бу яна!

590. Бир селлемден хепбик ялы бүкүлип, бир гарры баба чыкды. Көроглы салам берди — саламынам аланок, йүзүне чокжарып гөзлейё.

— Баба, мени йитиримидиң? Араба чыкжак хораз ялы, йүзүмө чокжарып гөзлийёсиң.

— Ёк, оглум, сени йитиремок, сени бир адама меңзедийән. Догрусын-дан гелсең, сорайын. Эгрисинден гелсең, сорабам дуржак дөл, деррев гүм бол шу ерден!

— Догрусындан гелейин, баба!

— Догрусындан гелсең, Чардаглы Чавдыбилде Көроглы дийлен заңнар дорөпдир дийип ашидийән. Көроглы болсаң шодур!

— Тап шонуң өзи мен, баба!

— Оглум, бери эңил!

591. «Нәтжеккә?» дийип эңилсе, Көроглыны пак-пак огшап ятыр.

— Баба, мени нәдибердиң?

— Оглум, атдан дүшсепе, хабаржыгыңы алайын, хабаржыгымы берейин!

Атдан дүшүп, чай берип, чилим берип, гаты-гуты загарасындан чыкарыбам.

— Ханы оглум, бер хабарыңы!

— Баба, саңа хабарымы берсем, патышаның Гүлрух атлы гызы бармышын. Онуңам багбаны сен. Шоны мениң элиме чыкарып берме алажыны эдийёсиң.

— Пах, оглум, сохедиңи оңарып чыкан экениң-ов!

— О пичик, баба!

— Патыша еди яшардан етмиш яшара, гуша-шикара гитди. Галасында жандар ёк, оглум, шу вагтлар.

— Галасында боланда-да, баба, мен уршуп, гырлышып, адам әкитмәге гелемок. Маңа хилесин салгы бер, мен хиле биле әкитжөк.

— Хилесини салгы берйөс, бабаң гөвнүн тапсаң.

— Баба, гөвнүң нөме билен тапылжак?

— Ай, оглум, түркүгө отурмасана, дүшмедик киши болуп. Бу вагтларда теңде-тылла гезек гелди! — дийип, баба сыйыны азыберди.

— Баба, сен сыйыңы язмасаң-да, саңа аз бермерин. Саңа кырк тылла берейин.

— Бай-бай. Бабаң чакжасына галам пулам болмыя ол.

— Эйсе ене кырк тылла берейин.

— Бабаң чай пулам болмыя ол.

— Эйсе ене кырк тылла берейин.

— Оглум, бабаңы хенек эдиң ойнама. Кырк-кырдан гүррүң болмаз. Берсең, дызужа бер, дызужа!

592. Атың бәш йүз түмен тылласы хоржундады. Хоржуны алып, сыйының үстүнә гуады. Баба үч мертебе аркасына какып:

— Оглум, инди бир зат болса болар.

— Ханы, баба, салгы бер!

— Оглум, сен хам ятан экениң, бипмән экениң хәли. Мен саңа салгы берсем, сенем барыа әкитсең, патыша-да гушдан гелсе, менден жәпа етени билип, башашак ере гөмүп, аягыма ат баглар. Сен бир базар арасы шу ерде гөрүнмән ят. Мен эртир базардан шайымы тутуп, гөчи Чандыбилә уградып, онсоң саңа салгы берейин, оглум!

Бабаныңаң аңры дереги Чандыбилли экени. Көроглы бабаныңқыда болуберсин. Эртеси бәш йүз түмен тылланы алып, баба гирди базара. Йигрим тыллалык әркеги йигрим бәше аля, йигрим бәшлиги — отуза, отузлык маяны кырка аля. Инер-мая, мешик-мытара, азык шайыны тутуп, илки агшам гөчүн ёла салды баба. Көроглы айтды:

— Ханы, баба, салгы бер!

— Оглум, кервен гидиберсин. Чай ичейли, чилим чекейли, онсоң саңа салгы берейин.

593. Бу баба Көроглыны, гүймейә бирнеме, араны ачжак болуп, ызымдан ковгы болармыка дийип горкя. Чай-чилиим бедессур кылдылар.

— Ханы, баба, салгы бер!

— Оглум, салгы берсем, палаң ерден айланып барсаң, үч йүз алтмыш баг-чарбагы бардыр, белентлиги кырк гез, тейи он ики гезден тутулан. Голадан дервезеси бардыр. Оңа-да хич зат ишлемез. Ондан ненең эдиң гечерини өзүң билиәсиң. Бар мунданаң хилесин тапып гөчсең, үч йүз алтмыш чорусы бардыр. Мундан ненең эдиң гечерини өзүң билиәсиң. Онданаң гечегайсаң, сарайың агзында Хошнышан дион догагөй, жадыгөй еңгеси бардыр. Шонуң гөвнүни тапсаң, сениң элиңе чыкарып берер. Гөвнүни тапмасаң, сени дога билен агач эдер, эшек эдер, бедениңи ийип гидер, ёк эдер сени.

— Пах, баба, бәш йүз түмен тылла бериң, салгы алып, хез этдиң-ә!

594. — Оглум, мен саңа салгы берейин дийип, боюн алдым. Чыкарып берейин дийип, вада әдемок. Ондан бу яны алыпдырып, тылланы салыпдырын кисә, гөчи болса угратдым. Хай ал, хай алма! — дүелериң ызындан ёртуп өтәгитди.

— Баба, сен кепиң соңуны үздүң. Бар, алла ярың!

595. Көроглы бабаның ховлусында болуп, эртеси гүн батанда атыны бабаның ховлусында гоюп, бир дутарыны элине алып, гелип бага гадам басды. Гөзлесе, гуш учуп гирмесе, гирер ялы ер дәл, дервезесиңе хич зат

ишлежек дәл. Багың төверегине ылгап айланыберди. Бу бага сув акып гирйән бир дешик барды. Бу дешиге арап дилинде «саңрык» дийгәдилер, тәҗик дилинде «диллик», парсы дилинде «абыговак», өзбек дилинде «мукташ», түркмән дилинде «токуртга». Шондан сүмүп, аңырына гечди. Ховзуң боюна барса, яңкы чорулар ховзуң төверегинден соврашып уклап ятырлар. Булары аралап, гечип гитди Көроглы.

Гелди сарайың агзындан. Ортасы гиден дәлиз, бири-бирине гарап дуран доккуз габат сарай. Бу Көроглы Хопнышаны тапжак, «Гел-ә, назарым пес тутмайын-ла. Төре өтүп, әден тарапа барлап гайдайын». Секкиз сарайдан өтүп, доккузланжы сарайың ишигини ачды. Ачан сарайы Гүлрух жаның сарайы экени. Гөзлесе, алтын тагтың үстүнде доккуз габат чымылган ташлап, баш ужуна докуз текье, аяк ужуна бәш текье, үстүне бир юкарак көрпәни ташлап, көрпәниң бир ян бурчы серпилип, гызың йүзи ачылыпдыр, гөйә булутдан ай чыкан ялы, сарая ялык-ялык шөклә берйә. Муны гөренсоң, Гөроглының хуш башындан гөтерилди. Хопнышанам ятдан чыкды, бейлекәм ятдан чыкды. Дутарыны элине алып, «оян-ха, патышаның гызы!» дийип гыгырыберди.

596. Гелди-ха мерт оглы, гелди.

Оян-ха, патыша гызы.

Демир донлы хабар алды.

Оян-ха, патыша гызы!

Мес ховуз кимин салланып,

Гүнде йүз мүң хыялланып.

Өвез жаң саңа алданып,

Оян-ха, патыша гызы!

Арымны эшитсе жепбар,

Шу гүн болдук саңа дучар.

Өвез жаңа болгун дилдар,

Оян-ха, патыша гызы!

Даг башындан ширлер гелди.

Хатардакы нерлер гелди.

Көроглы дек әрлер гелди.

Оян-ха, патыша гызы!

Пах, сениң буҗагаз намаңа гызың дамары тилпиллесин-ле! Пах, заңцарың гызы! Шунча ыхласлы гыгыршыма гөвнүм үчин бир гамшамады-ов. Мегер-де бир элиме дүшмерсиң-дә!

597. Хабары кимден ал? — Хопнышандан. Деслапкы гирен сарайында галан экени, мунуң бу яна етенинем-ә билен экени. «Гел, шу вагтдыр, кимдир диййәң, чоруларың бирисидир-дә» дийип галан экени.

Бир махалдан, гиҗәниң гойры махалында сарайың төрүнде айдым айдышма, дутар чалышма, ала галмагал гелиберди. «Алла, бу нәме гал-

магалка?» дийип, дөрчеден бойнуны узадып гөзледі. Гөзлесе, Гүлрух жаның баш ужундан чар деңи пыяда хәзир болундыр. Дутары элине алып, мурты товлап, дараклыгына басыпдыр.

— Хай, харамы дүди заңңар! Төре өтмән-ә билипсиң. Инди гайдып чыкабилсең?!

598. Көроғлы еңсесине гөзлесе, деслапкы тирен сарайының дөрчөсинден бир телниң йүзи гөрнүп дур. Йүзи-гөзи полат сув берлен ялы. Он секиз өрүм сачы бар, олам ере дегип дур. Көроғлам дикленип гөзлиһә, Хопнышанам дикленип гөзлиһә. Хопнышаның гөзи гарынҗа гушуң гөзи ялы ичиндең парран-парран гөчиберди. «Алла, муны Саңсар баба догагөй дийип, дога-жады билен мениң беденими үйтгөшдирен болмаса ягшы. . .» дийип, ялт-юлт әдиберди. Көроғлы мундан басылды. Ене-де ойланды. «Өтенлердөң эшидиңдим: «Зенаның гуштуны бизден болар» дийип. Шуңа хошаматлап бир сөз айдып говшатмасам-а хеләк әтҗек мени». Дутары болса тайын әлинде. Хопнышана бакып, бир бәш келеме сөз айдар герек.

599. Сериңе дөнөйин, гүл йүзли пери!
Гел, икимиз зовкы-сапа сүрейли.
Саңа пида болсун бу ширин жаным.
Яр, икимиз зовкы-сапа сүрейли!

Овазыңа гелдим сениң гайбана.
Якма ышк одуна, кылма первана!
Бир геда әйлейип, әтме дивана.
Гел, икимиз зовкы-сапа сүрейли.

Вееңама бардым Өвез жан үчин,
Гүржүстана гелдим Гүлрух жан үчин,
Көп җеңалар чекдим мердикөр үчин.
Гел, икимиз зовкы-сапа сүрейли!

Көроғлы бег, ят әт кадыр авана.
Бил багладым бир ярадан сувхана,
Сенден-менден бир ат галсын нышава.
Яр, икимиз зовкы-сапа сүрейли!

600. Бу сөзи айдандан соң, иң соңунда Көроғлының ады гелди.
Бу Көроғлының ады, овазасы яланча долуп гелен.

— Хов, заңңар, «Көроғлы» дийһөсиң. Сен ниреде гөрдүң Көроғлыны?

— Хопнышан, сен «ниреде гөрдүңде» гезип йөрсүң хәли! Биз Көроғлы днениң сап өзи болсак нәтҗек!

— Чардаглы Чандыбил диенде Көроғлы дийлен өр дөрәпдир дийип әшидиң йөрдүк. Сен шомы?

— Тап, шонуң өзи. Хопнышан пери!

601. — Алла, шулар ялы герчек гөч йигит дөрәпдир, атарманчылык-

дан, чапарманчылыктан, ашлылыктан, гылчылылыктан сыра деңи-тайы ёк дийип тарышыны эшидип йөрдүк. Нәхили йигиткө, нәхили адамка? Өлмөкө, бир гөрүп болмазмыка? дийип, адам араув әдип йөрди. «Ыхласа-халас» диенлери, гөрсе гөрөр экен-ө — дийип, гөзүнің эгремини гүлдүр-рип иберди. Мунуң гөзүнің эгремини гүлдүренини гөрүп, дутары дивара сөйөп, Көроглы раст йүгүрди шуңа гаршы. Деречеден келлесини чыкарып дуран гелниң бойнууның үстүнден долап алып, бир ян яңагыны агзына салайды. Хопнышан келлесини сындырып гачжак боля. Көроглы бойнуң үстүнден долап алыпдыр, сыра яздыранок. Шол хасырдашып баршына бу ян яңагы гайым гелди — агзына чөкип алып, оңа-да басды. Ики яңагын-дана гайым герегини алды. Онынча Хопнышан өзүни растлап, ики эли билен Көроглыны гурсагындан итиберип иберди — дөлизе гаты хылт әдип дегди. Ене туруп гелйә.

— Ай, Хопнышан! Бу-да бир ойнуңмы?

Хопнышан айытды:

— Түркмөнің аслы ит бор экени дийип эшидйәрдим. Чын экени!

— Ите-гуша етиберме хәли!

— Ите-гуша етибермәң, мени паталашып гойдуңмы?

— Паталашып гоймасам-да, сен маңа ашыкдырын дийип айытдың, гөрмесе арзувдырын дийип айытдың, гөзүңиң эгремини гүлдүрдің. Онсоң биз-де саңа гучушдык-да.

— Хов, заңңар! Ашык магшукуны гөрөңде, әридик, юмшадып, левдехенини дуоуп, бунлар чениң ничик дийип, гургунмың, месмиң дийип гелмезми ахыры! Еккешден бошанаң тана ялы хасырдап гелйәсиң.

602. — Әй, Хопнышан, бизлер бир сәхрайы түркмен, сениң әдеп-ыкрамыңы нәбилейли, тәлимиңи нәбилейли! Бизлери әлешдирмесене! Мен әдеп-ыкрамы, тәлими сенден өвренмәге гелипдим, Хопнышан!

— Отур, өвренмәге гелеп болсаң!

Көроглы дөлизиң бу янында, Хопнышан бу янында бир сагат гүр-рүңлешип отурдылар. Хопнышан айытды:

— Көроглы, сен шейтан галавтына дүшүңдиң. Сениң билен бир иш әдаса-да, хич ким билжөк дөл, хич ким дуйжак дөл. Этсең-ө әдамалы. Бир иш әденмизе верә бирев бирев и бир айдан, бир йылдан, ирде-гичде ене гөрсекдик. Сен бу ерден гиденсоң, бирев бирев и гөрйәс, я гөр-мийәс. Сенем небсиңе хай бөр, биз-де небсимизе хай берели. Шейтаның бойнун сындырып, ол иши икимиз гояйлы, икимиз кыяматлык доган болайлы!

603. Кыяматлык доган болуп отурдылар. Хопнышан доган болан-соң, мунуң хабарыны алмага отурды.

— Ханы, Көроглы, бөр хабарыңы: бу ерлере не жайлы гелдің?

— Мен хабарымы берсем, Гүлрух жан дийә гелдим.

Шейле диенсоң, Хопнышан ойланып, башыны ашак салып отур-берди.

— Хопнышан, кән ойланма. «Бир ягшылык, бир яманлык ундулмаз» диенлери, мен билен доганлыгы бержай этжөк болсаң, әлиме чыкарып берер сен.

— Алла, Көроғлы, бу юмшун көп агыр юмш экени. Бу хызматы буюржагыңы билсем, мен сениң билең кыяматлык доған болмаздым.

— Кыяматлык доғанлыгыңа пушайман әдйән болсаң, бу янкы... әдәли!

Хопнышан айытды:

— Көроғлы! «Оюнчы утуланны билсе» диеңлери. Мен сөңден утулдым. Бар, атың, ярагың бирде болса гетир. Әлиңе чыкарып берейин.

604. Даң атманка, бабаның ховлусыңдан алып, атыны, ярагыны гетирди.

— Көроғлы! Бу-я менденем доккуз бетер догагөйдүр. Саңа дири әкитдирмез би.

— Маңа дири герек, елини өвлийә әлтейинми мен!

— Ёк, өли диеңимиз зерары — бейхуш әдейли!

Гүлрух жаңы ятан еринден бейхуш әдип, чымылған көрпеси билең гетирип, Гыр атың сыртына голаң билең бент әтдилер. Бейхуш дерманыны әлине берди.

— Юрдуца баранда, бурнуна тут, эссине гелер. Болмаса доккуз йылкы өли болуп ятышыдыр.

605. Шу ерден дервезә гелинчә, Көроғлы билең Хопнышан, Көроғлы аты идип, Хопнышан билең әгил какнышдырып, гүррүңләшип гелйәлер. Дервезеден дашары чыкып, Көроғлы аты суға янап атланды.

— Хопнышан, алла ярың! Әден хызматыңа таңры ялкасын!

Дүйн-өңдүвдән бәри гүррүңләшен адам, доған болан адам-а айрылышмак кын болды.

— Алла, Көроғлы, адам адамыны өлмәнкә, ене бир гөрүп бормука?— дийип, гөзүни бир юмды, гөзүндән яш пайрап гитди.

Көроғлы айытды:

— Хопнышан! Сен хапа болма, мен сениң хызматыңда әлмыдама тапыларын!

Хопнышана гарап, сазыны голуна алып, бәш келеме сөз айдар герек.

606. Чын ашык мен Хопнышана.

Хеммәге алла яр инди!

Бизе бердиң Гүлрух жаңы,

Нә дилесәң — тайяр инди.

Гыр атым дағлардан өтди,

Пирлерден керамат өтди.

Хопнышан ятшылык өтди

Өлинчәм, миннетдар инди.

Ажайып узын голларың,

Сайраяр ширин диллериң.

Багда ачылмыш гүллериң.

Гыш гүнлериң бахар инди.

Мердің көңүлі хош етдің.
Гүлрух жаны ёлдаш етдің.
Леке патышаны каш етдің
Өлинчө, болсун зар инди.

Хөвесим бар талхатыңда,
Мундан йерсем сөхбетіңде.
Көроғлы бег хызматыңда
Тө өлинчөм, мен бар инди!

607. Бу сөзи айдып, аллаярлашып, сүрүп өтөгитсин. Хабары кимден ал? — Хопнышандан.

Дервезенің бирини яшып, бирини ярымчак эдип гөзлөп галды. Ара дарах, дивал дүшмөнкө, Көроғлының гарасы йитмөнкө, дервезенің галаннам япжак махалында, раст ашык гөзи билен гөзлөп, жүлгө ташлап, йылгырып, дервезени бир яшып иберди. Барян еринде Көроғлының алтмыш ики дамары гурып өтөгитди. . .

— Пах, заңдарың бетлигин-эй! . . — дийип, сүрүберсин Көроғлы. Көроғлы өзүне өзи айтя: «Заңдар Көроғлы! „Тилкинің мүңде бир сапал-агы болар, иң ягшысы — гөрүнмезлик“. Сениң сыртыңда бу гыз. Сен ызыңдан йыгын етирип, гошун етирип, нәмөң азары, уруш эдип, галмагал эдиш. Догрулап сүрүберейинле» — дийип, төтөнләп сүрүберди.

Шул гидивуна паланча гүн ёл йериди.

608. Бир гүн сөхер махал даг үстүнден баряды. «Алла, бу гыздан хабар алман сүрүп барян-ов. Гыр атың ылгалына көрпөнің бир ян бурчы агзына тыкып, хоплугып өлен болса, өлини йүклөп әкитсем бәрден. . . Мундан бир хабар алайын-ла» дийип, гаңрылып, сыртына гөзледі. Гөзлесе, Гыр атың ылгалына көрпө йүзүнден серпилип айрылыпдыр. Озалам пәкизе гыз гиҗөнің чығлы шемалы дегипдир Гүлрух жаның йүзүне. Ганы дуран еринде чыклышыкка доңупдыр, эрек гойнуң йүзи-гөзи ялы бакжаклап ятыр. Агы ак, гызылы гызыл, менек-менек, тегмил-тегмил, хал-хал. Алкымының ашагы переңди кағыз кимин чил-чил болуп ятыр. Зенана халкының өрүмден галам маңлайында бир пушта сач бар шекилли, оңа-да зүлпдүр шекили, бу-да бурнуң ики ян гапдалыңдан товланып дүшүпдир, ёкаркы лебинден өтүп, ашакы лебини басып ятыр. Ак йүзүң үстүне гара зүлп дүшенсоң, якымлы болшы өзүңизе белли. Муны гөренсоң, Көроғлының хуш башыңдан гөтерилди. «Пах, шу гызың башыңдан Гыр ат садака болсун. Гүлширин, сиңлим, о-да садака болсун! Агаю-нусам бара жайна ёюлсын. Өвезе болса османлының бир сиркелиси тапылмыямы оңа! Такмын өзүме гайым экени. . .» Шейле дийип, көңүлі гидип, гаңрылып огшажак болды. Ене-де бир кең көңүліне гелди. «Мен муңа аграммы ташлап барян. Аграмма гапыргаларыны дөәйсем. . .» Тирсегини ташламаса, агзы етенок, тирсегини ташласа-да, гапыргасын дөверин дийип горкя. Шол барувда зүлпүне гөзи дүшүп, бөш келеме сөз айдар гөрек.

609. Сапа дагың селгининден
Өвсер гара зүлпүң сениң.
Гамза билен ширин жаным
Кесер гара зүлпүң сениң!

Алып гелдим узак ёлдан,
Жеренлиже сувсуз чөлден.
Көхи сагдан, көхи солдан
Дүшер гара зүлпүң сениң.

Гыр ат мүнүп, ёллар алам
Яр, ширин лебинден дадам.
Ак йүзүңдө бадам-бадам
Басар гара зүлпүң сениң.

Даг башында дурсам мекен.
Яр, көйүңдө йерсем мекен
Я мен өзүм алсаммыкан?
Өртөр гара зүлпүң сениң. . .

610. «Я мен алсаммыкан. . .» диенде, «Дек!» диен оваз пейда болды,
Йүзи бу янына өврүлөйди. Йүзи терс өврүлөңсөң айытды:

Арап ат мейданда йөрөр,
Өр болан лебинде дурар.
Я Көроглы, пириң урар!
Гайтдым, гара зүлпүң сениң.

611. Хәзир гайданы билен эсси ерине гелмеди. Атдан дүшүп, бой-
нуна гушагың салып, кыбларой болуп, худая мынажат эдиң отурды. Шол
йыглап отуршына, худай тагала языгыны гечди, онсөң шир-худа пири
языгыны гечди — бойны догралып, эсси дүзелди. Эсинден хабар алса,
төрети позулып, гонжуңда жай болуңдыр. Ямашгандан атланып, зат
билмедик киши болуп, дос-догры сүрүп өтөгитди.

612. Чандыбиле бир гүнлүк ёл галаңда, Саңсар бабаның гөчүниң
ызындан етди. Саглык-аманлык сорашып.

— Оглум, аманатың гойнуңа говшупдыр герек?

— Говушды, баба! Мен бу Серчемене барарын. Сен Чандыбиле
барарсың. Бар, кырк йигиде, Өвез жана, Агаюнуса сөйүнжиле. Агаю-
нусам елмая кежебе гурап, Серчемене гелсин. Тоюң үстүңе адам шекилли
эдиң элтейли.

Бу хабары эшденсөң, баба дүелериниң бурунлыгыны үзере гетири-
берди. Чандыбиле гелип, йүвүрди Өвез жаның янына.

— Хай, Өвез жан! Сөйүнжи-хә, сөйүнжи! Агаң Гүлрух жаны өкөлип-
дир саңа, сөйүнжи!

613. Өвез жана сөйүнжилөп, ат мүнүп, серпай гөйип, Агаюнуса

сөйүнжілөп, мунданама алыбиленини алып, кырк йигиде сөйүнжүлөп, мунданама алыбиленини алып, хуллас шу гыз шу баба хайыр берди-хә. «Агаюнус елмая мүнүп, кеңебә гурап, Серчемене гелсин!» дийип айытды.

Агаюнусың вагты хош болуп, елмая кеңебә гурап, деңдушлары билен гелди Серчемене. Көроғлы Хопнышаның берен дерманыны Агаюнусың элине берди.

— Ховзуң боюнда Гүлрух жан ятандыр. Бар, шу дерманы бурнуна тут, эссине гелсин!

Агаюнус баш уңуна гелип, яңкы дерманы бурнуна тутуп отурды үч сагат. Астырып-астырып, эссине гелип, ятан еринден элини серип гыгырыберди.

— Хопнышан, бу яна шерап гөндөр!

Агаюнус айытды:

— Гүлрух жан! Бу ерде саңа шерап кайда, быров кайда! Ховлукма, сени гөрдөрлер.

614. Бир якымсыз оваз гулагына дегип, ялпа гөзүни ачды. Гөзлесе, ятан ери — чарбаг; ховзуң бойы, сыпаның үсти... «Дүйшүм болса ягшы» дийип, гөзүни юмайды. Гөзлесе, ол ятыр. Туруп йыглаберди. Агаюнус айытды:

— Гүлрух жан, йыглама! Худай тагаланың тагдырына боюн болан ягшыдыр. Йыгламак айып болар.

— Нә ер диерлер бу ерлере?

— Чардаглы Чандыбил диерлер.

— Өлхөпус, дүйн—өңдүн дөлмиди мениң ятаным... — дийип, бу-дуна шапбалыга. Бир мөхлетден Көроғла гөзи дүшди — атына от берип, ийм берип йерди.

— Шол атың төверегинде гезип йерен йигидиң яман түйси бозук экени. Мени адам әкелен болса, шол әкелендир.

— Хоа, шол әкелди сени.

— Ким диййәлер о йигиде?

— Оңа Көроғлы бег диййәлер.

— Чагыр, бери гелсин!

Аңыррак барып, Агаюнус элини салгылады. Ылгап гелди Көроғлы.

— Көроғлы диен сенми? — дийди.

— Хаа, мен.

— Мени әкеленем сенми?

— Хаа, мен.

— Мени нәме иш әтжек болуп гетирдиң? Саклап, чоры әтжекми? Сатып пулумы алжакмы. Я өзүң алжакмы? Я башга бир әре бержекми?

615. — Гүлрух жан! Сени, Өвез жан диен йигидим бар — шоңа бержек болуп гетирдим.

— Көроғлы! Өвез жан диениң-ә хошамат әшдип йерен айны гулам йигидиң адына меңайың. Мен олар ялы йигидиң яры дөлдирин! Әрвегей, сервегей йигидиң ярыдырын.

— Гүлрух жан! Өвез жан диен йигидим бар, Мирим, Гаммар диен йигитлерем бар. Ондан башга Сапар Көсе башлыклайын кырк йигидим

бар. Дүйөдир, сениң гөвүңдир. Сыра сениң габагыңы чытмап, халаныңа бөрөрип сени! Сен бир көжөбө мүнүп, гала бар энтек.

Көжөбө мүндүрип, Агаюнуса башыны итдирип, гала гаршы гамчылап гайытды Көроглы. Гыгырып барды бөрден:

— Хав, Көсө! Бизиң эмгегимиз хайп болайжак ялы.

— О ичтик, Көроглы?

— О гыз-а бегеллежек ялы дәл.

— Нэтжек бегеллемесе, Көроглы?

— Көсө, гаршысына гидип болмаз, халанына бермели болясда.

616. Кырк йигидиң гөвни бөлүнип, шайланайлы дийип, базара гелип:

— Хав, дон сатан, шол йүпекли донуң бахасыны айыт деррев!

Ики бахасыны айдайса-да, ур ал. Телпек болса, әдик, гушак болса, ики бахасына ур, ур, ал, ал, ал. Йигитлер шайланышыга айланышдылар. Хаҗы Сумсар ялы голчарагы телпегиниң кө маңлайыны, кө гапдалыны эпләп, ёлдашындан соря:

— Хав, жора, хайсында ягыш дүййө?

617. Сейтек Гырма ялы сакалы көпрәклери сакалыны гатык билен ювуп, дарап-дарап иберип, Вели Хыртман ялы бойы келгөрәклери өкжеси белендирәк әдиги гейип:

— Бизиң боям бирнеме парых эда-дав! — диййө.

Сапар Көсө бир гызыл доны гейип, чүри телпеге гейип, билин дартып гушап, дашдан йылдыранрак гөрнейин дийип, йүзи-гөзүне яг сүртүшдирип:

— Деслабы билен мен герчек! — дийип, урды Боздумана гамчыны.

Гелип, көжөбөниң өңүнден гердейип гечип баря. Хәли «бәри гел!» дийип айдар, шинди «бәри гел!» дийип айдар. Сыра индәв адам болмады. Кырк йигидем гечди, хич гайсынам бегеллемеди. Буларың ызындан Көроглы Өвез җана эсбабы алтын, күмүш, лаглы-жовахырдан ат безәп, ат мүндүрип, көкиллерине шана уруп, йүзи-гөзүне пердаз берип, кемини гойман, ене бир топар йигиди шайлап, оларам биле гошуп угратды. Көжөбөниң янына ене ат гамчылап гайытды Көроглы.

618. Бир махалдан Гүлрух җаның гөзи Өвез җана дүшди. Көжөбөниң габдалыны гөтерип:

— Хав, Көроглы бег, шол топар атлының ичинден гелйән йигит адамзатмы, перизатмы я җын-арвахмы, мениң гөзүме гөрүңйәми?

— Гүлрух җан! Мениң Өвез җан диен йигидим шол йигит.

— Өвез җан диен йигидиң шол йигит болса, мен шоңа теними багыш этдим, хой, багыш этдим!

Бол-бол, Көроглы бег бол! Илатам өңүнден чокуп гелйә. Сазы голуна алып, илатына гарап, бәш көлемө сөз айдар герек.

619. Эй яранлар, мусурманлар!

Ёл бериң, гызлар гелейди.

Йҗәпа чекди эзиз җавлар,

Ёл бериң, гызлар гелейди.

Он ики айдан гелер гурбан.
Салланышар гызу-жуван.
Ёл үстүндө гоша нерван,
Саяңа гызлар гелейди.

Бизин иллериң сопусы,
Башында махмал топусы ¹ . . .
Араз чайың көпрүси,
Үстүндөн гызлар гелейди.

Гара өйдөн дамар дамжы.
Бедев ата уруң гамчы!
Ёл үстүндө аламанчы,
Совул-ха, гызлар гелейди!

Чашма-ха, Көроглы, чашма!
Гырат мүнүп, хетден ашма.
Сылдуз дагдан инен чешме,
Дурул-ха, гызлар гелейди!

620. Бу сөзи айдып, галасына гелип, Өвез жана он гиже-гүндиз-лөп той-томаша берип, нан диене — нан, теңге диене — теңге, серпай диене — серпай, ат чапдырып, алтын габак атдырып, багшы айытдырып. Хабары кимден ал? — Көседен. Бу тойда ойланып гезип йөр: «О яна барып, ийдик кырк гамчысыны, бу яна гелип ийдик кырк гамчысыны. Несье-ярым, дон-телпек алып, алармыкак дийдик, о-да болмады. Шол дон-телпегин бахасыны үзөр ялы Көроглыны алдап, нике пулуны алып болмазмыка?»

Той совлансоң, Көроглы айытды:

— Көсе, бир яңа атлансоң болмыямы?

— Нирә атланжак?

— Булара нике гыяр ялы молла тапып, нике гыйып гойбер ахыры!

621. — Ай, Көроглы, Көроглы! Хер вагтрак шулар ялы масгара болуп, өз. . . өзүң ачаймаң бар сениң. . .

— О ничик, Көсе?

— Ай, Көроглы, илатың айытмазмы ахыры: «Көроглының кырк йигиди бар. Кырк йигидиң ичинде тагта башыны тутуп, нике билйән ёк экен» дийип, масгара этмезлерми?

— Көсе, сениң хер вагтрак шейле акыл берамаң бар-ов. Эйсе хайсың нике билйәсиң?

— Көроглы, мен еди яшадым, атам элимден тутуп, молла берди. Еди йыл мекдепде окадым. Өврөнөн-оканым никөдир.

— Сапагың нирә барыпды, Көсе?

— «Эбжетден» гирип, «хөввезден» чыкыпдым.

— Саг тарапымда билинмөн йөрөн чуңкур ахун-а сен экени. Эйсе нике гыявери!

— Йөр, Өвез жан! — дийип, Өвезиң элинден тутуп, херемхана гитди. Барып, Гүлрух жан билен икисини элешдирди.

— Гүлрух жан! Өвез жана тениңи багыш этдиңми?

— Этдим.

— Өвез жан, сенем алдыңмы?

— Алдым.

622. Хер гайсысына үч мөртебе айытдырып, «Веазев гечди, тызав гечди, тызав гечип, биссимилла, алла экбер!» Никөниң кетдеси шудур — дийип, дөнүп гайдыберди Кесе. Гүлрух жан ызындан тыгырды.

— Мөрем ага! Көроглы мениң яныма бир гелип гитсин.

Гелди Кесе Көроглының янына.

— Кесе, нике гыйдыңмы?

— Өлинчө, бири-биринден айрылмаз ялы нике гыйдым.

— Кесе, сениң нике пулуң нәм болар инди?

— Көроглы, мен моллалардан эшиттөйдүм бөш йүз түмөн тылла бор дийип.

Көроглы айытты:

— Гүлрух сениң гызыңмыды?

— Көроглы, хакына гарасаң-а, шол бөш йүз түмөн тылламышын. Ондан бу яныны өт, геч дийип разылайсаң, ягшы бор. Эмма гыза-пыза етиберме!

— Эйсе, Кесе саңа ики докуз тылла берейин, ики бишик набат берейин, ики кирбөңкө чай берейин, раст пәкизе донам берейин. Бейлесиң маңа өтевери!

— Алла, Көроглы, маңа бирнеме жебиррәк-ә боля. Нәме-де болса, галаңны өтейин. Ене биринде сыларсың-да.

623. Кесәни разы этди Көроглы.

— Хав, Көроглы, саңа Гүлрух жан бир гелип гитсин дийип айытты.

— Хайыр, ягшы. Герек болар — дийип, дутарынам алып уграды.

Гелди ишигиң агзындан. Гөзлесе, ишик япык. «Сесими чыкарман, менем ишиги ачып гойберсем, буларам бир уят ишиң үстүндө болагайса. . .»

Дашардан тыгырды:

— Хай, Гүлрух жан! Маңа нәме хызматың бар?

Ызгып ернөдөн туруп, ишиги ачып:

— Гелеверк, Көроглы ага! — дийип, мүтдекәниң гапдалына гечирип, Көрогла чай-чилиим берип.

— Ханы, Гүлрух жан, маңа нәме хызматың бар?

624. — Көроглы ага, саңа хызматым: энәм-атам гоюн голтугында сакламазды, иру-гич бир әре берерди. Өвезден говы яра бермездик. Мен максадыма етдим. Сенем максадыңа ет! Мениң үч алтымыш баг-чарбагым барды. Үч йүз алтымыш чорым барды. Хопнышан диеп жадыгөй эйяр еңдем барды. Буларың ичинден мени ненең эдиң алып чыкдың? Хеммесиңи тыгып, ызымдан ган акдырып алып чыкмадың, алла?

— Гүлрух жан! Сен ызындан гайгысыз болагай. Сени хамырдаң гыл согран ялы эдиң алып гайдандырын. Не багың дуяңдыр, не багбаньң дуяңдыр! — дийип.

625. Бардым-да бир бага гирдим.
Не баг дуйды, не багбаның.
Гырмызы гүлүңден тирдим.
Не баг дуйды, не багбаның.

Бир гоч йигит шикар этди.
Барып, Гүржүстана етди.
Хопнышан ягшылык этди.
Не баг дуйды, не багбаның.

Тирсин төзе гүллериңден,
Сорсун ширин диллериңден,
Өвез гучсун биллериңден,
Не баг дуйды, не багбаның.

Сөхер вагты билбил этди,
Гүлни гөрүп пыган этди.
Көроглы максада етди.
Не баг дуйды, не багбаның.

626. — Берекелла, Көроглы ага! Мен ызымдан жай болдум. Бар, саңа жогат!

Көроглы гайдансоң, Өвез жан билең Гүлрух жан гуҷаклашып, жүлөшип ятыберсин. Көроглам херемханасында бу-да перизат билең ятыберсин. Ягшы етсин мырада, яман галсын уяда!

Ай, о-да галып пәм этжек — хемме етсин мырада!

VII. АРАП РЕЙХАН (АРАП ДАҢАН)

627. Хабары кимден ал? — Көроғлы бег Леке шаның гызыны хиле билеп алып гайдып (ики айдым шу ерден, багшының айытмағына горә, ядывдан чыканы үчин, гойлуп гечилйәр), Өвез җана той-томаша эдиш никә гыйып берди. Хабары кимден ал? — Леке шадан.

Гушдан-шикардан гелсе, тагтыңда гызы ёк.

— Мунуң багбаны Саңсар бабадыр. Шондан бир хикмет етепдир, барып барлаң!

Ясавуллар ыңдаршып гелселер, Саңсар баба кайда, быров кайда, тамында байгушдан башга зат ёк. . . Хопнышаны гыссап сорады, кенизлери гыссап сорады. Булар-да болса боюн алмадылар. Дессине минеч-жимни, гуррандазларыны йыгнады.

— Ере гирен болса, ташың!

Минечжимлер китап ачып, гуррандазлар гурра салып:

628. — Тагсыр! Чардаглы Чандыбилден Көроғлы сүнни гелип, сениң гызыңы әкиден.

— Тагтымдан гызым гиден болса, отурдым нәме, отурмадым нәме!

Лешгер йыгнап, бир иш әтжек болды. Ене сынайлары геңеш берди:

— Тагсыр! Хәзир лешгер йыгнап гитмәң. Араплара хат ёлла. Шоларың бири гелсе, әхли шайы-мессеп гиденче боля, тагсыр!

— Хайыр, ягшы — дийип, Рейхан Араба патыша хат ёллады. Хаты гетирип бердилер. Хаты оқап гөрүп, «Мен Көроғлы билеп урушмазлыга касам әтдим. . .» дийип, җоғап берди. Опдан кичисине Аман Арап дий-йәди. Оңа гелип йүз тутды. Бу-да оқып гәрди: «Уруш-галмагалы гоюп, сопы болуп йөрүс» дийди. Мундан кичисине Арап Рейхан дисердилер. Уң ага-иши экен булар. Хаты гетирди, муңа бердилер. Бу хаты оқып гөрүп:

— Ханы, яшулылар гитмедими?

— Ёк, оларың бири касам эдишдир, бири сопы болупдыр.

— Хич гайсы гитмесе, ине биз гидйәс!

— Сен гитсең, абрай алып берсең, патыша юрды дең сораши!

629. Шу хәзирде гылыҗың бойнагна какып, уруш талап эдиш йөрән Арап Рейхан экен. Пил мүнүп, Леке шаның гашына йөриш әтди. Сүрүп, патышаның галасына гелип, пилини баглап, салам берип дурды. Бу Арабың бойны мынара кимин, келлелери күмбез кимин, агызлары оҗак кимин, дишлери күрек кимин, сакаллары келле урлан сөвүт кимин.

Мунуң катды-каматыны, ясалышыны патыша гөрүп, эҗизлөп, гөзүнден яш гойбериберди. Патышаның гашында бат уруп:

— Эй тагсыр! Мениң сағлыгымда сен нәме гамгын болясың ахыры! — дийип, бәш келеме сөз айдар герек.

630. Гамгын болма, гөзел шахым,
Шол сүннини мат әйләрем.
Яр болса бизе худайым.
Ахырети ат әйләрем!

Кесердип, акызып ганын,
Олжалап ғызы-жуваның.
Гассап оглы Өвез җанын
Саңа җылавар әйләрем!

Буюрарам зүлпүкара,
Сүнни болар йүзи гара.
Адам башындаң мынара —
Келле кесип, ган әйләрем!

Яс әдерин мурадыны,
Берем сүнниниң дадыны!
Сөйгүли перизадыны,
Өз гөвнүми шат әйләрем.

Мениң адым Арап Рейхан.
Дамагында ичер мен гап.
Чаңдыбили кылып егсан,
Саңа хызматлар әйләрем!

631. Бу сөзи айдандан соң, патыша айтды:

— Хов, Арап! Яланчыда нәме гөвүн мақсадың болса, менден диле.

— Тагсыр, мениң нәмәми гөрдүң хәли? Хызмат битирип, дилеги онсоң әдерлер. Әнемден догуп, гайгысыз гарным доянок, патышалыкдан бир гарнымы дойруп, юмшуну онсоң буюр!

— Барың, гарыны дойруң! — дийип, аюбазларына буйруп гойберди. Мунуң нахары әхли шай-мессебе белли. . . Йүвазчының гартаң дүесини гетирип союп, салдылар газана, чаларак биширип, чекдилер өңүне. Чаңаллап уря. Төвризе кө ярым, кө батман ганар ташлан кимин. Майдарак сүңклерем баря габырдашып. Гайым бир дүйәниң этини ийип гелди патышаның янына.

— Хай, Арап, бирсеме нахар әдиндиңми?

— Тагсыр! Еди йылдан бәри йүрегим хынтлырак, кеселбендирәк болуп йөрдүм. Бир чилим нахар болды-да.

— Хану гүйч герекми, көмек герекми? Нәхил болуп гитҗек Көроғлының үстүне?

Ишгенәниң месчилиги, чай-чилимиң меслиги! Гөр, нәхил болуп
гидйә патышаның гашыңдан:

632. Гөзел шахым, бизиң билен
Он ики мұң пәлван йөрсүн!
Газадым бар Чандыбиле,
Шах оглы Махмыт жан йөрсүн.

Беглер йөрисин баз билен,
Аслы [паслы] бахару-яз билен,
Намадыр Давут саз билен
Кырк бәш багшы оглан йөрсүн.

Чекерин яйың чиллесин,
Гөзләрин сөвеш пеллесин,
Йүкләрин сүнни келлесин,
Үч ипериң мөстан йөрсүн!

Гара гөзләри сүрмели,
Ач адам гөрсә доймалы,
Хүйр гызын гоюп сөймели —
Үч йүз алтмыш жуван йөрсүн!

Мениң адым Арап Рейхан.
Барсам, болар ахыр заман.
Сакы гуруп, сүрсем дөвран,
Кырк кәседир оглан йөрсүн!

633. Бу сөзи айдансоң патыша айтды.

— Ай, заңнар Арап! Мунча йигит гитсе, мунча аламан гитсе, сен
нәгә деркәр! Нәмәтжәк болуп гетирдим мен сени!

— Тагсыр! Мен сенден йыгын диләп дурынмы хәли?

— Йыгын дилемесең, дүйшүргәп, әсеңрәп дурмуң? «Пәлван йөрсүн,
жуван йөрсүн, багшы йөрсүн, оглан йөрсүн. . .»

— Ав, тагсыр! Бизден әлесдирме, биз бир патышалыкдан гарны
доян адам. Айытсак, айдандырыс-да, тагсыр! Инди болмады. Көроғлы-
ның үстүнә тенха өзүм гидйән. Өлдүрип әкел дийсең, өлдүрип әкелейин;
нәхил әдип әкел дийсең, шол хил әдип әкелейин, тагсыр!

Патышаның гаршысында бат уруп, бир сөз айдар гөрәк.

634. Шахым, гидер болсам Чандыбилине.
Белки Көроғлыны тутуп гетирем.
Газап әдип, шонуң өзүн өлдүрип,
Гавжыгадан башын асып гетирем.

Хәвес билеп ал шерапдан ичерем.
Ат ойнадып, дашгын чайдан гечерем.

Гылыжымдан гызыл ганлар сачарам,
Белки өлдүрмөни, дири гетирем.

Ниче муң йыгына болуп сен-ха баш,
Көроглы бег билен болар мен деркаш.
Чандыбил юрдунда эйлэрин сөвөш.
Белки ат алдына салып гетирем.

Бу сөзи айыда Араш Рейхан.
Шахым, бизе дөгсө дөвлөтлү дөврап.
Көроглы юрдуны эйлэрин вейран.
Огул олжа, гыз есир эдип гетирем.

635. Бу сөзи айдандан соң:

— Нәхиле эдип, гетирсөңөм, айыт гөрөк ярагың!

— Тагсыр, өзүм минер ялы пил бер, дагың беркирәк-беркирәк еринде гөрөк болар ялы сары дилш, сары дабан алаша бер. Ок-яйы, хара-жаты йүклөр ялы иер бер!

Айдан задыны бедессур эдиң, чыкарып бердилер. Пиле мүнүп алашаны, нери тиркәң, нирдесиң Чардаглы Чандыбил дийип, чүв гойды. Чандыбилиң орта ёлуна етмәкә, азык-тулугны ир түкөтди. Ондан аңры өтүп чай, теммәкисини түкөтди. Гайгы кимиң башында? — Рөйханың башында! Өзүңдөң өзи зоңдурданып гелйә. «Мен бир акылсыз ковок болмасам, мунуң ёлуна чыкарынмы! Көроглы әкитсе, патышаның гызыңы әкидиңдир, мениң гызымы әкидиңми? Чандыбилиң бир четинден барып, гарнымы доюрсам, аман-саң гайдайып» дийип гелйә. Шул геливүңдө Аразың чайының боюна гелди. Пили бир ерде бөнт эдиң, алашаны бир ерде бөнт эдиң, ок-яйыны алып, о яна — бу яна селтиберди, «кейик-гулап таңдырмазмыка, атып иер ялы?».

636. Аразың чайының боюнда Көроглының йылкысы элки ятарды. Гелип йылка дучакор гелди. Илсиредиң, йылка аралашды. Ичиндөң семиз, гартаң байталы етип-ушлап, салды чопан гаңрагны. Басды, тарса дамагын чалып, бөлек-бөлек, сан-сан эдиң, бир күдө токая от берип, кебап, шерап эдиң, деррев муны ийди. Гичлиге ене бир гупаныны союп ийди.

637. Йылкыбан, чопан йылкыны түкөлләп гөзлесе, жерен байтал ёк, гупанчыкам ёк. «Алла, батга батдымыка?» дийип, йылкының төверегиндөң ыз кесмәгә айланышды. Бир адамың ызы гелди. Хер әдимни әдимләп гөрйә. Хер әдими чопаның әдимине бәш ярым әдим чыкя. «Абрай, мениң өзүми иймәндир. . .» — чопаның сандыгына ховп дүшүп, хөвүр атыны мүнүң, бил багыны ногта эдиң, нирдесиң гала дийип гайдыберди. Ат дерледип барды бөрдөң.

— Хов, йылкыбан, чопан, әйгиликми?

— Көроглы ага, әйгилигиңи — бу яныңы билемок. Йылкыңа бир бела дүшүниңдир, ийип түкедиң баря. Өзүң бакмасаң, инди мениң бакарым болмаз. Хер әдимем он бәш әдим, ага!

638. Мунуң сыпатыны айдандан, Көроғлы аңлашды.

— Хов, Кесе, шол Арапларың бирисидир. Муны агтарып тапмасақ, юрды харап әдер. Леке шах бизиң қасдымыза иберендир оны.

Буларда мейхананың месчилиги чүйрүк қабла, ыслы чай, гаршы темәкиниң месчилиги.

Атлан-ха атлан! — болубердилер. Гелип, йылкының төверегинден ыз кесип, бир ерден Арабың тозыны тапып, ызарлап алып өтәгитди. Шунча уллақан көбек-де болса, қоян ялы ызыны йитирип ятар экен Арап. Ызы гелип, ғыра урды — ызы йитди.

— Кесе, шу ерде гош тутуп отурайлы. Хер хачан ажығанда, ене йылка гечер бу заңдар.

639. Шу ерде гош тутуп отурыберсинлер. Чай ичип, чилим чекен-соң Көроғлы айытды:

— Хов, Кесе, сен кырклары алып, ава гит. Кейик бамы, гулан бамы, атып өкел, шара әдиш иер ялы. Бизлер Өвез жан билен гош саклап отурсак, ничик боля?

— Хайыр, ягшы! — дийип, Кесе кырк йигиди алып, ава гидиберди. Булар гиденсоң, Көроғлы:

— Өвез жан, худай абрай бере-дә, мениң еңсе дамарым чекйә — бойнума аркан дүшмесе ягшы. . . Ики чигним чекйә — чигним даңылмаса ягшы. . . «Душманы дүшек тейинде гөр» диенлер. Маңа бир-ики шерап бер. Шерап ичмесем, урша барарым болмаз.

640. Өвез жан мимкәсәни ярымчылык әдиш, бир кәсе шерап берди. Оны ичди.

— Өвез жан, ене бир кәсе бер!

— Ага, ақыл-хушуңы, ысгын-дератыңы алар. Бесдир инди!

— Хей, бер дийдим, берсенә!

Ене бир кәсе берди. Оны ичди-де:

— Өвез жан, ене бир кәсе бер!

— Ага, бес әтсене, боляр-да шу.

— Гайталама, алып бер дийленде, алып бер!

641. Ене бир кәсе алып ичди. Үч кәсе шерап ичип, гызыл жыңлы мес болды.

— Хай, Өвез жан! Мен нәме дийсем, сен «растдыр» дийбер. Әгер гаңрышыма гитсең, севиңем деррев алдым келләңи.

Өвез жан сымап кимин сандырап, тамыш кимин галдырап дур.

— Хей, Өвез жан!

— Лепбей, ага!

— Нуширван адыл өтүп, мен ялы адыллык билен юрт соран дәлдир герек?

— Растдыр, ага!

— Сейт Петдар өтүп, мен ялы дилевар болан дәлдир герек?

— Растдыр, ага!

— Хатам Тай өтүп, мениң ялы юрда аш берен дәлдир герек?

— Растдыр, ага!

— Хезрет Алам мениң ялы иш битирен дәлдир?

— Хий ага, гатырак гитдин-ә. Көрхана гол салдың, ага!

642. — Өвез жан! гатырак гиден болсам, кыркларың кырк япын-жасы билен мени басыр. Мен дерлөп айынмасам, айылмарын. Ярагла-рымы-да Гыр ата бент эт. Өзүмө ахмалрак газыга чаларак баглап гояй. Душмана ярагым дүшенден, өзүм дүшен ягшыдыр. Гыр ат душмана ярагым бермез. Өзүмө кыркларың ызындан гит-де деррев тапып телевери! Душман бир ян гапдалымда бардыр, Өвез жан!

— Хайыр, ягшы — дийип, Өвез жан яңкы айданларыны эди, кырк-ларың ызыны алып, Өвез жанам гитди. Өвезиң гарасы йитди. Хабары кимден ал? — Арапдан.

Бир дагың жүлгесинде огрынча гөзлөп ятан экени. «Хай, инди бизе бир абрай болмазмыка, жаным?» — раст дагдан чыкып селкиллөп йериди. Гелип мунди Көроглының үстүнө. Кырк япынжаның аграмы, Арабың аграмы Көроглыны ере сокуп бара.

«Алла, душман хөзир боланда, Гыр ат үстүнө оятжак болуп агнарды. Атыммыка?» дийип, «Чүв, киш!» диййө. Япынжаның гырасыны сыр гөзлесе, бир түйси бозук заңнар үстүнө мүнүшдир — горкужыгына гөзүни юмайды. . . Онынча Арап япынжаны серпиш ташлап, голуны шанагердан даңмак билен болуберди. Көроглы бир йыглады: «„Батыр өлсө — бир батман гөшт“ диенлери болды герек!» Ене-де айтды: «„Күп-барың дыны күпбарда болса, гөвни юмшак болар“ дийип эшитйөдим. Шуңа ялбарып бир сөз айтсам. Өлдүрмесе, бу-да бир ганымат» дийип. Арабың тейинде Араба ялбарып, бөш келеме сөз айдар герек.

643. Лачынам, дүшдүм торуңа.
Арап гарлаш, аман, аман!
Гойбер-ха, гидем ёлума.
Арап гардаш, аман, аман!

Герчек сөзүң яланы бар.
Гөзи ёлда галаны бар.
Үлкөмизиң талаңы бар.
Залым гардаш, аман, аман!

Хакдан шум несип боландыр.
Я-ха Өвезим өлөндир.
Нурбат Алыдан галандыр.
Рейхан гардаш, аман, аман!

Тер ховуз галды саясыз,
Өвез жан галды даясыз.
Чандыбил галды әесиз. . .
Арап гардаш, аман, аман!

Элим аркама баглыдыр.
Сынам чапразлы, даглыдыр.

Арманлыжа Көроглыдыр.
Арап гардаш, аман, аман!

644. Бу сөзи айдандан соң:

— Заңдар Көроглы, барынчак гынаман гитсең, бир диеними ики этмәни хызмат этсең, өлдүрмерин!

Эли даңыгы, алач нәме!

— Элимден гелен хызматы әдейин!

— Хайыр, ягшы — дийип, Көроглының элини даңып, бойнуна арканы салып, Көроглыны бу ерде бент әдип гойды. Бир ерден пилини, алашасыны, нерипи әкелди. Гыр атам чызыгың дөврүне айланып дур.

«Алла, атам шахлыга мынасып экен. Атынам әкидейин мунуң», ата гаршы уграды. Гыр ат агзыны ачып, гулагыны япырып, пилиниң тейипден мүдедекләп гачып гитди.

— Пай, заңдар, өзи бәш адамың келлесини аланда, аты он адамың келлесини аля дийип әшидйәдим. Чын экен-ов!

645. Ат билен иши болманы, Көроглының бойнуна танап салып, гетирип, инере тиркеди, инери гетирип, алаша тиркеди, пили мүнүп, ёларована болуберсин. Пил йөреди, онуң ызындам алаша, онуң ызындан инер, онуң ызынданам сөзүлип Көроглы йөриди. Гапдалында гөзүнден яш дөкүп, танапыны сүйрәп Гыр ат — булам йөреди.

646. Хованың йүзи болундыр герди-губар, үмүр-думан. Бу үмүр-думана Арап «бизиң багтымыз гелди!» дийип, бир . . . гелсе дүшйә, болмаса гачып отыр. Кыркларам ав кайда, гулан кайда, айланып гелип, гошам тапаноклар, гуланам.

647. Арап билен Көроглы бу гидүвине буны өтди, бу гижеси өтди. Эртеси чаш галанда, Көроглы айылып, әссине гелди. Әсван этсе, эли аркасында даңылгы, бойнунда аркан, инере тиркелги баря. . . Гапдалында гөзүнден яш дөкүп, танапыны сүйрәп, Гыр ат, булам баря. . .

— Сырдашым, башдашым, ямаң гүн ёлдашым Гыр ат! Мениң ишим агдык болан экени. Мениң бу болуп баршымы улус-иле, Чандыбиле, кырк йигиде, Агаюнуса, Өвез жаңа саламы сен етир! — дийип, голунда сазы болмаса-да, дилинде сөзи билен:

648. Гыр ат, гидер болсаң Чандыбиллере,
Дидар кыямата галды дийгей сен. . .
Арзымны етиргил улус-иллере.
Чандыбил әсиз галды дийгей сен. . .

Узак галды мениң мензил—меканым.
Ода көер болды бу ширин жаным.
Арзымны әшитсе ол Өвез жаным.
Агаюнус перә салам дийгей сен. . .

Шум рақыплар мениң ёлум тусдулар,
Гара багрым хижр одуна кесдилер.

Ятыр идим, гапыллыкда басдылар.
Көроглы зүрятсыз өтди дийгей сен.

Шум рақыптар мениң голум баглады.
Йүрегимни хижр одуна даглады.
Ылахыдан берлен Гыр ат аглады.
Биарман дүйбөден гитди дийгей сен.

Хан Өвезим галды багың гүлүнде.
Перизадым йыглар, гөзи ёлумда.
Ярагсыз, сагдаксыз Рейхан голунда
Көроглы биажал өлди дийгей сен. . .

649. Бу сөзи айдандан соң, Гыр ат мунуң дилине дүшүп, өкжесини галдырып, ызына сершилип, бир товусды — танап Гыр ат сагрысына дүшди. Танапы сагрысына ташлап, нирдесиң гала дийип, ериң танапыны дартып гайтыберди. Бир сагада галман, гала гелди. Гелсе, дервезе ичинден бөнт. Дербезениң агзында Гыр ат бир хайкырып кишңеди.

Агаюнус пери билөн Гүлширин сиңлиси херемханада отырды. Гыр атың овазы түйнүкден гириберди.

— Гүлширин! агаңа бир кеп болуңдыр гөрөк. Яман Гыр атың овазы бозук гелди. . . Эл тутушып дашары чыкдылар — Гыр атдан парча-парча көпүк табагың агзы кимин сачыля.

— Ханы, жанавер, эйең?

650. Көплемөге дили бармы! Шол вагтында кырк йигидем галаның кыбласындан үлкөр ялы болуп гөрүнйөдилер.

Агаюнус-а тамасыны үзүңдир. Болса-да, артлашыклы бармыка дийип, гөзлөшип дурлар.

Кыркларам шу ере гелип, еке-екеден гел-дур, гел-дур. Артлашык кайда, зат кайда! . .

Агаюнус пери кырклардан Көроглыны сорап, зар-зар йыглап, бөш келеме сөз айдар гөрөк.

651. Гыр ат гелди, жылав басып,
Көроглыны билдиңизми?
Ганжыгада келле асып,
Бег оглыны билдиңизми?

Бар экен аклы чашдымы?
Бейик даглардан ашдымы?
Арап голуна дүшдүми?
Гөч йигиди билдиңизми?

Гала йыкылды, көнди ёк.
Кырк йигидиниң пенди ёк.
«Атам» диен перзөнди ёк. . .
Намырады билдиңизми?

Гыр атың үсти бош гелди.
Я-ха Көроглы бег өлди. . .
Чандыбил эесиз галды,
Бизүрjаты билдиңизми?

Өвез жан, сен гашы гара.
Йүрегим болды сет пара.
Агаюнус бир бичөре. . .
Ахы-зары билдиңизми?

652. Бу сөзи айдандан соң, кыркларам Көроглының Арабың элине дүшенини шу ере геленсоң билдилер. Паланча гүнден бери чайсыз, чилимсиз гезип йөрөн адамлар мунуң кепине гулак асманы, мейхана гаршы сорашып өтөгитдилер. Шол ерде Өвез жаны жылавлап, Агаюнус алып гелди.

— Өвез жан, әмдирмесем хем, әл сүйдүни берип мен. Агаңың өли гиденни, дири гиденни билмәни гелсең, берен дузума разы дәлдирик! Кыркларың бири диениңи әдйәми, икиси диениңи әдйәми, хич ким диениңи әтмесе, тенха өзүң гидйә сен.

— Хайыр, ягшы, Агаюнус!

653. Агаюнус билен Өвез жан бәш-алты агыз кеплешинчә, кырклар мейхана гелип, оды белентдөн голап, түңчәни дуры сувдан долдурып, заңнарларың чаккысы галанча ёк. Өвез жан әденли дуруп:

— Хав, йигит, Көроглы ялы йигит Арабың элине дүшер-де, онсоңам сизиң бу болуп отуршыңыз ничик? Мундан отурыш болмаз! Туруң, атланың! — дийип, бәш келеме сөз айдар герек.

654. Эшидиңлер, ахы-зарым,
Атланың Рейхан үстүне!
Кыркыңыза гурбан жаным,
Атланың Рейхан үстүне!

Мерде мейданда дүз герек.
Ганыма йүзме-йүз герек.
Гайдып геленде, сөз герек,
Атланың Рейхан үстүне!

Дагларың маралы гитди,
Чөллериң жерени гитди,
Чандыбилиң ханы гитди.
Атланың Рейхан үстүне!

Жан Өвез дийр, дүйә паны.
Дөкүлди мерт йигит ганы.
Ят әдейли Мургузаны.
Атланың ганым үстүне!

655. Бу сөзи айдандан соң, хич гайсындан сеза чыканок.

— Хов, йигитлер, бизиң билен гитжегиң ёкмы?

Хажы Сумсар айытды:

— Ай, Өвез, сен жыңлы болупсың, жыңлы болупсың, жыңлы! Арабың элине Көроглы дүшер, оны алмага ким болудырыс биз? Маслыгы йыкыланда, биз ялы кырк адам тейинден галмыя онуң.

— Хич гайсыңыз гитмесеңиз, бизлер-ә гидйәс, йигитлер.

— Гитсең, ёйлубер-ә! Киме геңешип дурсуң.

656. Хабары кимден ал? — Көседен. Ойланып отыр. «Алла, хич ким гитмесе-де, тенха өз-ә гитжек мунуң. Мен гидейин дийсем, Мирим, Гаммар — бу ики огланам мениң сөзүмден чыкмаз, булар-да гидер. Мен гитжек дийсем, Агаюнусам ёл харажатымы бол берер. Билип болмаз, Көроглам өлмөн геласа, ызымдан барламага чыкыпдыр дийип, Көроглам миннетдар болар. Харажаты бол алып, Мирим, Гаммар, Өвез жаңам алып, мейдана чыкып, одуның ломай ерлеринде, какың сүйжи сувы — арыгың башында үч оглана чай гайнатдырып, чилим отладып, нахар биширдиң, хызмат этдирип, бирентек безимем сүрсем еке өзүм. . .»

— Хай, Өвез жаң! Сениң билен гидйәс, хич ким гитмесе-де. Бар, Агаюнуса айыт: харажаты бол берсин! Мирим, Гаммар-да, сиз-де деррев атыңызы әерләң!

Өвез жаң гелди Агаюнусың янына.

— Хав, Юнус апа! Көсе гитжек дийип айыды, харажаты бол берсин диййә.

— Нәче гөрек-ярагы болса, өкитсин! мал-дүйнәни нәдейин мен шу вагтлар. . .

657. Харажаты кемсиз бол алып, Өвез жаңам деслап урша гитжегиңем өңи шу.

— Хай, Өвез жаң! Көроглының Гыр атыны мүн, ярагларыны дакын!

Өвез жаң Гыр атың озалки дерни гашав билен сыпалап-сермеләп, бир гылдан әерлемәге айланыпды. Махмал дерлик, гүлвары ёна, тылла гайышлы әер, зерешпан сөчекли көйнекче, гүдери көпчүн, чүп айлы тегмеден дартып, зүмерретден болан алагайшы Гыр атың башына салып, өзем бир гылдан ясанып, гейинип берди сагыр әдик, тылла мыхлы көкөнек, шаханы гейимлер, тамамы зер гушак, тылла пычагы чар пара гысдырып, алтын совут, голчак, тувулга, чар айна, гыак бедессур баглап, чар перре алмаз сув берлен найзаны голуна алып атланды. Мирим, Гаммар — буларам өз дессурына атланды.

658. Сапар Көсәниң бир аты барды. Бу жанаварың ясалышы бойны мала боюнлырак, келлелери этлегрәк, гулагының арасы ачыграк, гөзлери гачыграк, тойнаклары эслирәк, гарның тейи ясырак, гуругам гышыграк. Бу ата Боз думан диер экен. Көсе Боз думаныны мүнди. Галадан чыкып, тиркешип, сүрүп өтәгитсинлер. Мейдан чыкансоң, Гыр ат алып гача. Көсе айытды:

— Өвез жаң! Гыр ат сени хеләк әдйә гөрек.

— Мәрем ага! Мениң әл-аягымы гурытды Гыр ат. . .

— Өвез жан! Эл-аягыңы гурыдан болса, сен бизден озуп өтөгит. Арап билен Көроглының ызындан етсең, өлдүрүп алып барып болса, өңүмизге чык. Онда гидеси ишимиз ёк. Дири алып барып болса, гапдалындан айрылышма, бизем сениң ызыңы алып етерис.

— Хайыр, ягшы! — дийип, Гыр атың жылавыны яздырды — гарла-вач ялы гөзлеринден гайып болуп, ал гитди. Өвез гиденсоң, Мирим, Гаммар — буларың атлары шовлымлырак экени — буларың атларам алып гачмага айланышды. Шол гара гөрнүп барып, атың жылавын чекип дурлар.

— Мөрем ага, сүр, сүр! Мөрем ага, сүр!

659. Мөрем аганың аты бир гүн горар экени, ики гүн-де өңүне атып, үч гүнде тойнагы гызар экени Боз думаның.

— Хов, Мөрем ага! Биз-де атымызы чеке-чеке, бизиң-де эл-аягымыз гурыды. Биз-де Өвез жаның ызындан гидйёс. Сен Боз думаның билен ызада-гичде гызышпар етер. Йерерсиңиз-дө! — дийип, огланларам өтөгитди. Көсө айытды: «Ишим гайытд-ов, ишим гайытды. . . иймөге майда күлче, чай-теммөки, харажат огланларың сыртында гитди».

Безим сүржек Көсө ач өлер болды, уруберди Боз думана гамчыны. Худай уранда галыкямы о! Гамчы уранда, гуругыны бир булайды. Гамчыны тыг яны билен тутуп, дес яны билен яплашдырмага айланышды. Гамчам алкымындан үзүлип гитди — хаазар голы чолак болуп галды. Шол сөңник гөлевине, бир токайың четинден инди. Атдан жүпбе дүшүп, бил пычагы сырып алып, агажындан дутарың дестесине гөрө еллесирөк, пил дессө гөрө иичерөк отуз бир таягы пудап, депди сыртына. «Хай, заңар алаша! Инди нөдерсиң!» Бири дөвүлсө, бири билен, бири билен кө сагрысына, кө гапыргасына, кө келлесине яплашдырып өтөгитсин Көсө. Булар ызлы-ызына ковгынжы болуп гидиберсинлер. Инди хабары кимден ал? — Көроглы бег билен Арапдан ал.

660. Паланча гүн ёл ара дүшенсоң, «ховидан сайландым гөрек!» дийип «гутулдым» дийип, барап еринде Көроглы кеп атып баря.

— Заңар Көроглы сүнни! Чардаглы Чандыбилде Көроглы сүнни диен сенми?

— Хава, мен!

— Сен болян болсаң, Вееңнам диен юртдан Өвез жаны алып гачан заңдар, Гүржүстандан Леке патышаның гызы Гүлрух жаны алып гачан заңдар! Арабыстандан бизиң агамызың гызы Бибижаны алып гачан заңдар! Эжизе от якдырман йөрөн, харамы, эшек огрусы, галтаман дүди заңдар, элиме дүшдүң гөрек!

661. Көроглы мунуң келине ыза ийп, ёлдан гапдала йүврүп чыкя. Зарбына инери тентедип, ёлдан бир чыкаря.

Мунуң ёлдан чыкяныны Арап гөрүп, пилиң үстүнде. . . кесе ташлап, «Бырада, бырада!» дийип, бир сөз айдып баря. «Бырада» диени арап лебзинде «догры йөриң» диени болмага чемели. Көрогла гарап, бөш келеме сөз айдар.

662. Тутдум адам сердарын.
Хошвагт, хоррам бырада.
Чандыбилиң хуңкарын.
Хошвагт, хоррам бырада.

Гөзден акап яш галды,
Үлкекериң даш галды.
Чандыбилиң бош галды,
Хошвагт, хоррам бырада.

Сөвеш мейдаңда йөрсем,
Ығбал-несипден гөрсем.
Нәме бийр сен, иберсем?
Хошвагт, хоррам бырада.

Пириң гөлмез яныңа,
Сувсамышам ганыңа!
Дил ярашар шаныңа.
Хошвагт, хоррам бырада.

Көроғлы бег мат болды.
Ахыретде өт болды.
Арап Рейхан шат болды,
Хошвагт, хоррам бырада.

663. Бу сөзи айдандан соң, бир еринде, «пириң гөлмез яныңа» дийди.
Көроғлы айытды:

— Хей, заңғар, Арап! Ишалла, сени деррев алдым, алдым!

— Хә, ненең әдиң алжақ? Хәлем жаңыңдан умыдың бамы?

Инериң сағрысына шешмер билен бир гондурсам, инерим бойвуңы
үзүп гидйә сениң!

Көроғлы:

— Хер иш этсең-де, мен сени, ишалла, аларын! — дийип, Араба
гаршы гарап, бир бөш келеме сөз айдар гөрек.

664. Мерт менем, ёлдан азашдым,
Арап, сеп мен-менлик этме!
Гапыл болуп, гола дүшдүм.
Заңғар, сеп мен-менлик этме!

Хер мензилде гузы гапдым,
Барып, Ыстамбылы чаадым.
Мен-менлик әдиң, мен тапдым.
Күпбар, сен мен-менлик этме!

Гыр ат гитди Чандыбиле —
Хабар берер бизиң илс.

Хәли етер Өвез биле,
Арап, сен мен-менлик этме!

Гыр ат харлап, дагдан етер,
Кырк йигидим ковуп етер.
Өз юрдуңа ләшин гидер.
Арап, сен мен-менлик этме!

Дөвүшмедим сениң биле,
Умыдым бар, Өвез геле.
Көрөглыны салдың гола,
Күпбар, сен мен-менлик этме!

665. Бу сөзи айдандан соң, ене сүрүп гидиберсин. Палапча гүнден бәри гижәни гүндиз әдип, укламан гачып отуран Арап сәхер махалы пилниң үстүнде ырлып-ырлып укы тутя. Көрөглы айытды: «Шу заңдар гайлап гелйәр-ов. Шуңа бир зепер әдип болмазмыка, жаным? Душмана сәхел зепер әтмек — әтмекдир». Шу баршына-да бикар гиденок. Әлиниң даңысына әсван әтсе, әли чишип, танап ичине батып гидидир. Ашақ сүйшүржек болды-болмады. Ёкарлыгына сүйшүрмәге айланынды — бирнеме сүйшүрди. Сүйшүре-сүйшүре, тирсегинден гечирди такапы. Тирсегинден бейлеси бошады. Барян еринде ер сермейәр, «Худайым бир даш етир!» дийип, чайың, силиң тогалап гелен ики саны даш илди әлине. Хер гайсы етим огланың келлеси ялы. Бирини бу ян голтугына гысып дурды, бирини бар гүйқи билен раст атып иберди — дегди Арабың еңсесине, гөзи ялпа ачылды. Ызысырак бу яңкынам Көрөглы зыңан экени. Арабыңам ызына гаңрылып, гөзледди. Дашам зыңывы — дегди Арабың бурдуның гаңдалындан — ярсыны гопарып алып өтәгитди. Ган дашып, әлем-гас болуп, пилинден гүпбе дүшүп геләккә, Көрөглыны габыр-губур басды. Дессине билинден ханжары согруп, богазына гою-берди. Көрөглы ятан ериндеп гыгырды:

666. — Хей, Арап! Дур әнтеқ, дур әнтеқ! Нәтжек болуп ятырсың мени?

— Нәтжегәми билмийәмиң? Келләни алайжак!

— Дур әнтеқ! Келләми алмақаң, уч-дөрт агыз сөзүм бар.

— Айыт, сөзүң болса.

— Сөзүми айытсам: сен мениң келләми алсаң, сениң эмгегин көййә.

— Ол нәме дийп көййә?

— Сен мениң келләми алып барсаң, Леке патыша ынанмаз. «Мундан Көрөглының келлеси болмаз! Чандыбиле бармага горкупсың-да, бәрден бир бичәрәниң келлесини алып гайдыберипсиң!» дийип ынанмаз. Дири әкитсең, дилли келледирин — эмгегин жайына дүшер, өлдүрме мени.

667. Ине мунам алдады:

— Раст айдясың — дийип, үстүнден айрылды. — Әйсе сен, заңдар, пыяда гитсең, хезил бержек дәл бизе!

Голтугындан танап салып, азык-тулугна тай эдип, хатапдан дикме асады Көроглыны. Көроглы айытды: «Вах, өңөм болуп баршым ягшы экен-э» . . . Голтугыны танап гыйып баря пақырың. Эсеван этсе, Арап ок-яйыны инериң хатабына бент эдип гоян экени. Ок-яйы-да гөзлесе, бир белалык. «Алла, шунуң яйың киршини кертип болмазмыка?» — эңегини узада-узада яйың киршине етирди. Салды азысына — үч тар сиңирден гатнанан кириш дишине бат бермеди. «Заңар, отуз ики яраг! Сен шуны кертмезмиң?» дийип, ене салды азысына — ене бат бермеди. Көроглам өзүне гыжалат берип: «Сенден ярамаз, муззур заңары гөрмедим! Бир гижеде бир танапы ялмап ёк эдйё. Сен шуны кертмезмиң?» дийип, салды азысына. Үчүлөңжиде юмшан экени, бир дынны кертди. Ене салды азысына — ене дынны кертди. Бир дынны гойды, бир дартувына я гелер, я гелмез. Ахмаллап гойды.

668. Инди хабары кимден ал? — Өвез жан билен Гыр атдан. Гыр ат Көроглының нама айдан ерине гелди. Шу ере гелёкке-де, сакка дурберди. О ян-бу яна бакжаклап, Көроглыны ёклап, Гыр ат бир хайкырып, кишнёп иберди — тап даглар яңланып гитди. Гыр ат гахар билен киш-ңенде, докуз мезил ёла гидер экен. Өзи дагыстан, өзи мезил ёла гидер экен. Өзи дагыстан, өзи гиңөнің салкыны, барып, инериң гаңдалында Көроглының гулагына дегди. . .

Гыр атың овазыны эшдип, ичине сыгдыра билмәни, инериң үстүнде гыгырыберди.

— Хай, Арап, сөйүнжи, сөйүнж-ей!

— Хә, нәм бар?

— Гыр атың овазы гелйё. Үстүнде Өвез жаным, кырк йитиди гелйәндир!

— Пох нйме, заңар! Бу дагыстанда айының, шириң тавшыдыр ол!

— Тавшы дийсең, дий бакалы! — Көроглының ики гөзи ызында.

Гүн чыкды. Өвез жан ат гамчылап, даг үстүне чыкды. Гыр атың, алагайшың ялкымы, алтыңлы тен жыганың ялкымы, Өвез жан гүн билен чакнышып гелйё.

Муны гөрүп:

— Арап, сөйүнжи! — дийип гыгырыберди Көроглы.

— Нәм бар-ай, гайта-гайта «сөйүнжи» дийип, гелйәсиң, заңар?

— Нәм барыны бейледе гөзле!

669. Бейлөсине гөзлесе, Гыр ат билен Өвез етипдир.

— О-хо! Заңарың айданы чын болд-ов, гошунуң өңи өтд-ов! — дөссине пили бир ерде бөнт эдип, инери бир ерде бөнт эдип, алашаны мүнүп, ок-яйы алып, Өвез жануң өңүне йөриш этди. Өвез жанам ат гамчылап гелипди. Гөзлесе, бир гүйси бозук оқы гөзөп гелйөр. Өвез жан горкуп, атың жылавын бу яна совуберди. Өвез жан бу яна совуберенде, Арап айда:

— Хай, Өвез жан! горкма, горкма, бөри гел, бөри гел! Саңа зат дегмерем, агаң билен биле әкидер мөн!

670. Өвез жан якына геле-де биленок, айрылып гиде-де биленок, Арабың гайдырылып, ат гоюп, кә бу янына, кә бу янына гөчйё, ат гоюп.

Арап зат гөрмедик киши болуп, ере бакып гезип йөр. Бир якынлашып гелен махалында, раст үзеңгө чүйленип, яйы шатырдадып атып иберди. Яйың кирши үзүлип, окам орта ёлуна патда гачды. Аграмына үзеңги багам үзүлип, атдан башашак гайдыберди, минар гайдан ялы гайытды.

Мунуң йыкыланны билип, Өвез жанам догрулап, ат гойды. Якын гелиберенде, Арап Өвез жана гаршы яйы гезеберди. Өвез жан ене атың жылавыны бу ян совды. Онуң ызындан яйы зыңып галды. Онуң ызындан үзеңгисинем зыңып галды. Гыссарлай-гыссарлай сес етим мейдана Көроглының янына гелди.

Көроглы инериң үстүндө гыгырыберди:

— Хай, Өвез жан, кырклар! Басым гелжекми?

— Хай, ага! Сениң тамаң көп экени! Саңа кырклар кайда, зат кайда! дийип, Көрогла гаршы гарап, бөш келеме сөз айдар герек:

671. Гаршыдан Рейхан гелипдир,
Гел дийсем, гелмез, Көроглы!
Топ-топхана гурулыпдыр,
Гел дийсем, гелмез, Көроглы!

Чандыбил бизе юрт олды,
Янды, йүрегим герт олды.
Кырк йигидиң намарт олды.
Гел дийсем, гелмез, Көроглы!

Кырк йигит бизе каш олды.
Гөзлерим ганлы яш олды.
Сапар Мөрем ёлдаш олды,
Өзгеси намарт, Көроглы!

Кырк йигит диенми этмез.
Боз думанлым дагдан өтмез.
Мен бир оглан, гүйжүм өтмез.
Гел бир геңеш бер, Көроглы!

Чандыбилиң ёлы дүздүр,
Гижелер маңа гүндиздир.
Хан Өвез шу гүн ялңыздыр.
Бар, аллаярың, Көроглы!

672. Бу сөзи айдандан соң, Көроглы айытды:

— Хайп шу кырк йигиде берип йөрен дузум, эдип йөрен хызматым. «Сапар Мөрем ёлдаш олды, Боздуманым дагдан өтмез» — дийип айыды. . . — Гелиён Көсө болса, мүнөнем Боз думан болса, худай билсин, эрте етйәми, биригүн. Оңа ченли Арап өлдүрмесе-де, танапдыр хатап-да гысып өлдүрйә мени. . .

Көроглы ене артыкмач бир эден ишине пушайман этди. Өвез жана бахыллык эдип, уруш тәлиминем өвретмән экени. . . «Уруш тәлимини

өвретмәним өз аягыма теше болд-а! Муңа уруш тәлимини өвреден болсам, душман элинден өлөрмиди, нәдерди».

Ене-де айтды: «Өвренмесе, уруш тәлимини өвремәндир. Өзгә тәлимләр-ә өвренипди. Өвез җана уруш тәлимини өвредип, бир сөз айытсам, гайым зейинне алар, хәли зейини йиги огландыр, галың оглан дәлдир» — дийип, бәш келеме сөз айдар гөрәк.

673. Өвез җаным, бу мейдана гиденде,
Озал сыпайчылык этмегиң гөрәк.
Гөрдүң, сыпайчылык баша бармаса,
Ат башың дөндериң гайытмагың гөрәк.

Мен билер мен бу урушың гирдабың.
Озал башлап өлдүрерләр сердарың.
Гошун догры гелсә, мердиң пергарың,
Басың, йыкың, санҗың өтмегиң гөрәк!

Бедәв мүнүп, мейдан мөстә көвләндим
Ганымыма аждаһа кимин товландым.
Менем бу урушы итдән өврәндим,
Кәхи гачың, кәхи ковмагың гөрәк.

Кырк йигидиң диәниңи этмәсә,
Гардашлык әйлейип, ёла гитмәсә,
Огланлык әйлейип, гүйҗүң өтмәсә,
Гарры әр илине айытмагың гөрәк.

Мүшгүлә дүшендә, ят әйлә бизи.
Мөрт оглы нәбилсин әллини, йүзи.
Өвез җан, әшитсәң, Көроглы сөзи
Бизе бир огуллык өтмегиң гөрәк!

674. Бу сөзи айдансоң, Өвез җан гайым зейинне алды. Бу Арап заңҗарам дүшады муңа:

— Ах, бу заңҗар муңа уруш тәлимини өвредип дур-ов! Мен өзүм акылысыз көпек болмасам, бу заңҗарың көпинә гидермидим. Өлдүрүп, келлесиңи аламак, инерә йүкләп йөрүп муны. Шуны өлдүрүп, келлесиңи алсам, башга йүз мүн-йүз мүн йыгың болса-да, башарың. Хеммесиңиң сүтүңи шу заңҗар!

675. Инди Өвез билә иши болманы, алашаны мүнүп, Көрогла гаршы сүрмәгә айланыңды. Алашаны инерә янап дуруп, хатапдан Көроглыңы чөзмәгә айланыңды.

Өвез җанам өзүңә гөвүнлик берип «Заңҗар Өвез, он дөрдүңе-он бәшиңә гадам басыпсың. Хачан иш битириң, хачан әр болҗак сен! Шу ердә бир иш битирмәсәң, сениң нәмә гаразың бар? Гыр ат аягың тейиндә, дүйрмә гылыч элиндә, сырлы найза голуңда!» дийип, өзүңә гөвүнлик берип, гөзүни юмуп, Гыр атың жылавуны Араба гаршы яздырды.

Гөзүни юманы билен Гыр ат о яна-бу яна совулямы? Хырлының оқы ялы еңсесинден хасырдап гелди. Жылавы бош дуран Арабың ябысы Гыр атың шовлумына угруна гачып өтөгитди. Арап өзүни растлажак болды, жылап чекжөк болды. Онынча Өвез жанам етди, ягырнысындан урды найзаны. Найзаның зарбына әерден илери дүшәйди Арап. Шол барышда ябысам күримләп гитди. Басды ябының бойнундан. Ябам раст хорку-рыкка-да, сатандан гөтерип иберди — ер гуҗаклап ятыберди. Өвез жан найза билен басышдыр. Найза ишледимикә дийип. Ягырнысында чар айна бар экени — голтугындан өтүп, ере дегип дуран найза атдан йыкыланына әсеңрип ятап экени.

676. Шол вагтда хабары кимден ал? — Мирим, Гаммар ики оглан зомпа чыкайдылар. Булар-да мунуң ызыны алып, ковуп гелиән. Гөзлесе, Өвез жан Арабы агдарып, найза билен басып дур. Тени авымадык оглан-лар, уруш-галмагалы яиреде гөрүндир булар? Гүпбе атдан дүшүп, йүврүп гелип, хер гайсы келлесиниң бир ян гапдалына гечип, бириниң элинде шешмер, бириниң элинде айпалта, зайышлар дессе дөвен ялы гезекме-гезекме ур келлесине!

Өвез жан найза билен басып дур, Мирим, Гаммар шешмери, айпалта билен уруп дур. Көроглы инериң гапдалында неше әдинйә шоны.

— Берекелла, хан Өвезим! — дийип, Өвез жаңа гарап, бир сөз айдар гөрек.

677. Бу мейданда ковуп етдиң.
Берекелла, хан Өвезим!
Маңа бир огуллык этдиң.
Саңа гурбан жан, Өвезим!

Яныңа якып барайын,
Гыр атым саңа берейин!
Чалма дамагын, гөрейин.
Берекелла, хан Өвезим!

Йигит гөрек асыл затдан,
Хүнәр өврәнсе уссатдан.
Арабы агдардың атдан.
Берекелла, хан Өвезим!

Ачылан гүллериң зары,
Етмеди сабры-караы.
Көроглы бегиң хосдары —
Берекелла, хан Өвезим!

678. Бу сөзи айдандан соң, бу сөзүниң бир еринде «йигит гөрек асыл затдан, хүнәр өврәнсе уссатдан» дийди. Өвез жан Арабы агдаранна «өзүмден башга әр ёк!» дийип, гердейип дуран экени.

— Пах, заңар әй, менден асыл болд-ов би. Ене менден өзи уссат

болд-ов би! Сен бир асыл болян болсаң, сен бир уссат болян болсаң, мунуң голунда даңылып, нөме иш эдиш барысың?

679. Өвез жан найзаны чекип, өйкеләп өтәгитди.

Арап заңар атдан йыкыланна хәли әсеңрип ятан экени. Ол пешмер, айпалта оңа чыбын чаканча ёк. Бир махалдан әссине гелип, тарса ерип-дөн турды. Гөзлесе, гапдалында ики санҗак оглан бар. Хер оғланы бир голтугына гысып — бейле яны бир токайды — токая гаршы бүкүрдини уруп өтәгитди. Өвез жан өйкеләп, бу яна гитди. Арап оғланлары алып бу яна өтәгитди. Көроғлы айытды: «Вах, заңар! Шу ерде бирҗе агыз кеп гөвнүне алд-ов би. Инди болмады! Ямашгандан ялбарып, бир сөз айытмасам». Өвез җана ялбарып, пнериң гапдалында голунда сазы бол-маса, дилинде сөзи:

680. Сени маңа мөвлам берди,
Сенми сен, гассабың оглы?
Арша дирег, дирег болды.
Сенми сен, гассабың оглы.

Буюрган ёлум тусарлар.
Ширин җанымы кесерлер.
Элтибем, дардан асарлар,
Рехимсиз гассабың оглы!

Гачар бу гүн, Хатам сен-сен,
Малы-мүлки, матам сен-сен,
Агам сен-сен, атам сеп-сен,
Улымсың, гассабың оглы!

Гөзүм гөрди Өвез җаны,
Барып йыкавер Рейханы!
Алды-гитди ики оғланы.
Ет бу гүн, гассабың оглы!

Көроғлы айдар, җаным аҗам
Бир болды гүндизим, гижәм. . .
Хем халыпам сен, хем хоҗам,
Пирим сен, гассабың оглы!

681. Бу сөзи айдансоң, Өвез жан аклына айланды. «Алла, Көроғлы ялы йигитлер инериң гапдалында даңлы дуруп, би-де ялбарып, бу болуп баршым хебес экени». Өвез жан Гыр атың җылавыны ызына айлады. Эсеван этсе, Арап хер оғланы бир голуна алыпдыр. Токайың сейрегрәк еринде даңа галан доңуа ялы бүкүрдини уруп ятыр.

Өвез җаның-да йүреги беркишди, ягырнысында чар айна барыпам аңлашды. Бу сапар гөзүни шах кәсеси кимин эдиш, найзаны голтугына гысып, Араба гаршы «алла!» дийип, ат гойды. Инди Арабың ызындан урды

ягырнысындан найзаны — тап дегирмене сейвек какан ялы эдип, Арабы гайым ере берчинледди. Огланлар голтугышдан гачып чыкдылар бу яна. Ховшырып дур нересселер. Бу ерде Арабы ере берчинледилер. Инди хабары кимден ал? — Боз думан билен Көседен.

682. Аралыкта бир даг, гыр бар. Шонуң бәрсинден Көсе-де барды. Боздуманыңам тойнагы гызыпдыр. Отуз бир таягыңам иң соңкусы галыпдыр. Горкак адам өзүңе белли. Көсе ой-геп эдйә: «Алла, бу Арап Мирим-Гаммарам алан болса, Өвез жаны-да алан болса, Гыр аты-да мүнөн болса, Боздуманың-а тойнагы гызыпдыр. Болса-да Гыр ат тызаг-дыр, гачаным биле гутармаз. Ол огланлара нирә баранда-да өлүм ёк. Гойнуң ичинден серкердесин сайлап өлдүрөн ялы, эле дүшасак, өлүм бизиңкидир. . .» диййә Көсе. «Гел ишими хем этмәйин» дийип, атдан дүшүп, дагың гәдигинден гөзледди. Арабың хеләк боланыны билди. Ямашгандан Боздумана мүнүп, гыгырып, ат гоюп гайдыберди оя гаршы. Өзи инере ат салып гелйә, ики гөзи Өвезде.

— Хав, заңңар Өвез, Көроглы хәлем инериң гапдалында гөрүнйә. Муны чөзүп айырманы, бу янда нәме ишләп йөрсүң ахыры?

683. Хабары кимден ал? — Бу Боздуманың тойнагы гызанда, дамагы хараз үвдүлйән ялы гүрлийә, тойнагының хасырдысам отуз ябылыча бар. Дамагының гүррүлдиси, тойнагың хасырдысы, Көсәниң галмагалы паракат чөкүп отуран инериң гулагына дегип, тарса еринден турды. Кә тумшугыны ере дирәп, кә Көсә гөзләп, чөпүң [?] дөврүне леммер берип, пырланып айланыберди. Еке-екеден пат-пат тезек ташлап, гуругынам терсине ташлап, раст чыкырчыклатды инер. Арканлыгына ташлап-ташлап, би четнигиниң дүйбүнден үзүп, селкилдәп, ол гитди.

684. Көсә ат гоюп гелйәди. Гөзлесе, инер ёк. Гөзлесе, хол дагың жүлгесинден баря. Уруберди Боздумана гамчыны. Ай Боздумана эл бержекми инер. Боздуманың етебилмеңегини биленсоң:

— Дат, Өвез жан, өңүнден бол! — дийип, Өвезе гыгырды. Өвез жан гөзлесе, Көроглыны алып, инер гидип баря. Бу-да найзаны гоюп, Гыр атың жылавыны яздырды.

Пах, инериң тумшугыны ел алыпдыр, гарлаважә өңүни бержекми! Дүшүпдир ики дагың жүлгесине, йүзүни кесерәге-де тутуп, додагыны тохум пачак ялы эдип, хер бир патанаклап зыңя.

685. Көроглы хатапдан дөвлә асан ялы, булаң-салаң болуп баря. «Ишим гайытды, Гүржүстана инер әкитжек мени. . .»

Өвез жан инере гөрүмәни гапдаллап, ковмага айланышды. Ене бир дагың гәдигинден өңүнден чыкды. Муны гөрүп, инер ызына доланып гачды. Көсе-де ызында лепбилдәп ковуп гелйә. Дагың дербиндини алып гидиберди. Көсә инериң совлара ери ёк — сүрди Көсәниң үстүнден. Якын гелиберенде, Көсе-де Боздуманыны дешип, барып инериң бойнундан гужаклап, четнигинден тутуп, дикана атдан зыңыберди.

686. Четнигинден тутулансоң, инериң жаны ёк. Онынча Өвез жанам елип гелип, аты янап барып, яңкы танаплары пычак билен кесип иберди. Көроглы шалха дүшди ере — не дем бар, не дүйт бар, елек ялы болуп ятыр.

Өвез жан атдан дүшүп, ел дамарыны, еке дамарыны овкаламага отурды. Үч сагаттан гөзүни ачып:

— Хай, заңдар Көсө! Арап мениң дин душманым болса, сен мениң сүңк душманым экени!

— Ай, заңдар Көроглы! Ач, сувсуз ызыңдан гелип, сенденем эшден хошамат кепим бу болдуму? Ай, хез этдиг-ә! . .

— Шу гелшиңе менден хошамат кеп эшитжекми? Инери үркүзип, мени өддүржекмиңиң?

— Инериң үркеклигинден озал хабарым ёк. Энесиниң бурунны сыкып, голда догдурамокдым!

— Алла, йыгына ат салдың-а, түгуна ат салдың-а?! Атдан дүшүп, «мох-мох», «жук-жук» дийиш гелсең болмыямы ахыры?

— Көроглы, мен атдан дүшүп, бадымы гайтарып, Боздуманы ийдип, «мох-мох», «жук-жук» дийиш, бакып йөрен чопаны дәл!

Өвез жан айытды:

— Ага, кемпир-кивәңи гой! Ягшы болан болсаң, атлансана.

687. Атланып, Арабың янына гелдилер, найзаны чекип алдылар — «ах. . .» дийиш, бир агдарылды. Хөлем өлмөн экен заңдар.

— Өвез жан, дүйрме гылыжы алып, бер бу яна!

Дүйрме гылыжы алып, берди келлесиниң чыкан ерине, какып иберди, күммез ялы келлеси бу яна гитди, ган шорлап бу яна акды. Маслыгынам бөлек-бөлек гылыч билен кесиберди.

Көсө айыды:

— Көроглы! Каклап ийжекми?

— Сен дур, Көсө!

Көроглы дили сиңирли, айдап кепи гелйә. Оң бир намасында «өз юрдуңа ләшиң гидер!» дийинди.

688. Маслыгыны бөлеклап, пагта ганара салып, пиле йүклөп, Гүржүстан юрдуна гойберибердилер. Пил маслыгы алып, Гүржүстана өтөгитсин. Көроглы дагы-да алашасыны, мнерини, келлесини алып, дөнүп галага гайдыберсинлер.

Көроглы гелйән еривде хорлук басып гелйә.

«Мениң шу гелшим бөриниң агзыңдан овлак-гузы гачанча ёк»

Муны нәмөден гөрйә? — өз екелигинден. «Гүндизликде барара не йүзүң бар? Гиҗәни йүзүме тутуп барайын. Достум хайсы, душманым хайсы — оны билейин». Шейле дийиш, гөвни бозулып гелйәди.

689. Өвез жан гөвнүндәкисини билип, гала етмән, атдан дүшүп, чай-чилиим бедессур кылыберди. Көсө айытды:

— Өвез жан! Нәмөниң чай-чилими би? Гала барлып, бедессур кылы-нанда болмыямы?

— Заңдар Көсө! Мениң гөвнүмдәкини Өвез жан билйә, сизлер бил-мийәсиңиз — дийиш, йигитлерине бакып, бәш келеме сөз айдар герек.

690. Эй яранлар, гоч йигидиң
Озал-ха бир аты герек.

Янында кесгир гылыжы,
Яйы ондан гаты герек.

Пелегиң чирки дүйәси,
Өтди өмрүм, галды нәси. . .
Чепбе-совут, тувултасы,
Беллевлер гошунда герек.

Йигит герек ширин сөзли.
Гунча агызлы, гүл йүзли.
Шир пенжели, лачын гөзли,
Били, эгни тутуш герек.

Йигидиң болса дәвлети,
Бөдев болса мүнөн аты.
Хем совады-болса хаты,
Сери аклы долы герек.

Көроглы айдар, бичерәниң,
Хасабы ёкдур яраның.
Отуран гочак төрәниң
Дәвлети дашында герек.

691. Бу сөзи айдандан соң, гүн батды, төгейин йыгылды, гала гаршы йөриш этдилер. Хабары кимден ал? — Галада галан кырк йигитден.

Көроглы гидели бөри, хапачылыкта ятыпдылар. «Бунлар Көроглының нәм болжагы боладыр-а. Бу өтеси дүйәде вагты хошлук әден утар муны. Гүррүң башлалың!» дийиң, кырк йигит ондан-ондан төрт бөлүнип, шу Көроглының баржак агшамы гүррүң башлап, отырлар. Хер гайсы бир семиз бөрре-гузыны союп, — «Кимиң нахары ягшы боларка?» дийиң, бири шөхле, бири сүзме, бири яхна.

692. Булар-да дервезәниң дашындан бардылар. Көсө билен сүрүп гидип, мейхананың агзы япык, деречеден ышык чыкя. Үзеңнә чилнип гөзлеселер, кәси нахары салышдырып отыр, кәси сүек гемрип отыр. Көсө айытды:

— Өвез жан! Ишиги ачып гойбер. Көп дурса, агаң зыяны көпелер.

Өвез жан атдан дүшүп, ишиги ачып гойберди. Ишиги ачансоң, дурмак болмыя. Көроглам атдан дүшүп, өтлөп, ичери гирди. Ялта әңетселер, Көроглы йүзлерине бакып дур.

693. — «Ишимиз гайытды. . . Иң сонунда вагты хошлугың үстүнә гелер болды». . .

Кәшир дограп отуран голуны гыбырдадып, бул отыр. Сүңк гемрен-өит дишлән ялы дишлөп, бу отыр. Нахар ийп отураны овордыны топбардып хапбык алжак ялы, болайды хайранчылык. Ортара онынча Көсө-де Арабың келлесини гүплендирип зыңды. Өвез жана-да үмлөп гойберди: «агаң гахарның ачылма энжамыны әдевери!»

Өвез жан ылгап, еринден туруп, кисесинден переңи чакгыны алып,

Арабың келлесиниң хамындан эл ялы-эл ялы кесип, табакларының үстүндө бир хатар-бир хатар гоюп чыкыберди.

— Хав, йигитлер! Көроглы бу яна гидели бери, палавыңызың гөши азрак болупдыр. Ине семиз гөш, туруп ийиң-э! Иййөмиң? Иймийөмиң? — дийип, ягырна айпалта билен гоюберди. Бир сагада гойман ийдирди. Галыңдыгам төрт бармак. . . Өвез жаның бу эдиң йөршүне Көроглы бир гүлди. Гуленни гөрүп, Өвез жан галгавсырап дуруберсин.

— Хав, ага! Арзым бар.

— Нөмө арзың бар, Өвез жан?

694. — Шу йүзигараларың ганам болса, гүнөсем болса, маңа өт, ага!

— Хай, Өвез жан, габагыңы читме! Бар, өтдүм.

Йигитлер туруп, гуллук айытдылар.

— Хав, Көроглы ага, ганымызы өтениңиз-э, гуллугыңыз бар. Башыңа дүшен ишлери бизе хабар бер инди.

— Хайыр, ягшы! — дийип, сазыны голуна алып, башына дүшен ишлери хабар берип, йигитлерине гарап:

695. Арап ат гирсе мейдана,
Чапар харлая, харлая.
Дүйрме гылыч Өвез билен
Кесер харлая, харлая.

Башыңыза элван лечек.
Билиңизде тылла пычак.
Арап голунда бир гочак
Гитди аглая, аглая. . .

Беглере дийсем сөзүмни,
Дузум багласын гөзүңни!
Он авара бир гузымны
Ийиң, гүрлее, гүрлее. . .

Гөрүнди Гыр атың тозы.
Ялан дөлдир мердиң сөзи.
Хан Өвезиң гүл-гүл йүзи
Етди, дерлее, дерлее.

Даг башывдан думан өсен,
Арабың келлесин кесен.
Көроглы бег аман-эсен
Гелди гүрлее, гүрлее.

696. Бу сөзи айдансоң, Өвез жан айытды:

— Ага, сен кемпир кинәңи гой-да, бар апамың янына. Бизлерем кырклар билен мейханада вагтыхошчылык эдейли.

— Өвез жан, мениң гөвнүмдөкини сен билйөсиң! — дийип, херем-хана барып, перизат билен гуҗаклашып, жүплешип ятыберсинлер.

VIII. КЫРК МҮҢЛЕР

697. Хайыр, ягшы, хабары кимден ал? — Көроглы бег Арабың маслыгыны пилине йүклөп гайдыберсин.

Пил ажыган ерде отуны алып, сувсурган ерде сувуны алып, ниче дагдан, дереден ашып, ниче мезил ёлларыны мынахат тай кылып. Ёл узак, кеп гысгасына ягшы. Пил йөрөп, Гүржүстан юрдуна барды. Леке патыша хабар бердилер.

— Хай, тагсыр патышакым, баякы Арап билен иберен пилиң гелди. Алашасы инери, өзи ёк.

Патыша эрк-галаның ишигине чыкып:

— Барың, пили әкелиң!

Пили әлтдилер. Пилиң үстүнде пагта ганара гөзи дүшди. Патыша айтды:

— Хай, заңдар-эй, өзи ёлда ав дийип галып, бу пагта ганара ширели зат йүклөп гойберипдир.

698. Говы башашак силкеселер, габың ичинден гулач ярым, гулач ярым омача сүңк чыкя. Арабың эти эрип, бир сүеги гелди юрдуна. Сүеги гөрүп, патыша айытды:

— Өзи ёлда ав дийип галып, Көроглының маслыгыны йүклөп гойберен әкен-ов. Көроглың сүеги-дә би!

Мунуң билен вагтыны хошлап, патыша тагтында болуберсин. Хабары кимден ал? — Мунуң агасы Аман Арапдан, шол баякы сопы болуп йөрөндөн.

«Алла, бу заңдар кән әгленди-ов би. Муны хызмата гойберен Леке патышады. Шовдан бир хабар алайын-да». Бир гүнден-бир гүн гелди Леке патышаның гашына. Салам берип, баш индерип:

— Хов, тагсыр патышакым! Бизиң инимизден хич хабар-хатыр болмады-да.

— Аман Арап, сениң иниң ёлда ав дийип галдымыка диййән. Хениз-ә геленок. Өзүнден әдинчә Көроглының маслыгыны йүклөп гойберипдир.

— Хань Көроглың маслыгы?

— Ынха! — дийип, яңкы сүңки шакырдадып зыңдылар өңүне. Аман Арап сүеги алып, өз сүеги билен деңешдирип гөрди — өз сүеги билен дең гелди. . . Сүеги танып:

699. — Хав, Леке патыша! Мувдан Көроглың маслыгы болмаз! Бу инимизиң маслыгы, инимизиң! Хав, патыша! мейниси юкарак, аклы

гысгарак бир иним барды. Оны алдап-огшап, хошаматлап, Көроглының үстүнө иберип, ганына галышсың. Дүш өңүмө, заңар! Дүш-дүш! Эгер гүймең-сүймең этсең, галаңы агтар-дүңдер эдип, өз галаңы башыңа зындан эдерин! Сопычылыгы-да ташланым шу — дийип, көвүш-месисини-де зыңып гойды.

Патыша айтды:

— Хов, Аман Арап! Сен тахапыл эт. Муңа пурыжа бер. Мен бу вагта ченли ахли шайы-мессебе басалга болуп йөрдүм. Инди Хуңкара хабар эдип, Хуңкар башлыклайын гүйч бирикдирип, бир гидип гөрөйли.

— Нөхили йөрйөн болсаң, дүш алдыма!

— Хайыр, ягшы — дийип, Леке патыша Хуңкара хат ёллады. Хуңкар хаты окып гөрүп, дергазап болуп, чар этрапа хат ёллаберди. Хат ёллап юртларының ады: Испихан, Нусбижахан, Хөзирбейжан, Хирирован, Нишавур, Севдигер, Гермиян, Осман, Төвриз, Арабыстан. Үч айлап ашагыны-ёкарсыны жемлөп болды. Жемлөн гошуны нөдөн? — Бир муңи сейригөй, бир муңи жадыгөй, бир муңи хөзирбаш, бир муңи вакыбаш, муң топ, муң шемхал, муң чарайры, муң заммырак. . . Бу гошун билен Хуңкар Чардаглы Чандыбиле йериш этсин.

Көроглы мунуң гелжегини эшидип, Дөли Мәтел, Сейтек Гырманы дагың дербендине гарауул ташлап, өзем мейханасында кырк йигиди билен мес болуп ятыберсин.

701. Хуңкар бу йыгын билен Чардаглы Чандыбилиң төверегинде сеп гурап дүшүп ятды. Ат тозы, ат герди, йыгының үмүр-думаны асман-пелеге чыкч.

Агаюнус пери билен Гүлширин сиңли көшкүң үстүндө отырды. Бу үмүр-думаны гөрүп, Агаюнус:

— Хов, Гүлширин жан! Бар, агаңа айыт. Онуң шерап ичмеси, безими түкенмөз. Бу думан ягшың, силиң думаны дөлдир. Шол йыгының думаныдыр.

— Хайыр, ягшы! — дийип, Гүлширин мейхананың агзындан гөлсе, Көроглы башлыклайын дегир багыш болуп ятырлар. Шол ерде Гүлширин мейхананың агзында дуруп, бөш келеме сөз айдар гөрек.

702. Асман йүзүн тутуп гелди,
Беглер, бу нө думан болды?
Гөзүм ганлы яша долды,
Беглер, бу нө думан болды?

Бу думана барылмады,
Барып хабар алынмады,
Үстүмизден айрылмады,
Иллер, бу нө думан болды?

Бу думаның чассы бардыр.
Янында бир досты бардыр.
Ялгызымда касды бардыр.
Беглер, бу нө думан болды?

Думан өврүлди серимден,
Медет тилесем пирымден.
Ага жан, тургул ериңден!
Ага, бу не думан болды?

Гүлширин дийр бу газалы.
Белли кысматы язалы.
Бу жебре ничик дөзели.
Иллер, бу не думан болды?

703. Бу сөзи айдаядан соң, хич гайсының гулагына дегмеди. Көсө йөрүдилеңде, Өвез жаның өзүне азрак етен экени. Өвез жаның гулагына дегди, йүврүп дашары чыкды.

— Хов, Гүлширин апа, неме кеп-сөз бар?

— Өвез жан! Үмүр-думан асман-пелеге чыкя. Шайы-мессеп гелип-мике диййөн.

Өвез жаның мейнисинде арагың месчилити билен.

— Гел, эңтек агамы оятмайын-ла, өзүм бир хабар алып гайдайын.

Йүврүп, сейисхана гелди. Көроглының Гыр аты дучөкөр гелди. Көроглының Гыр атыны мүнүп, тенха өзи чыкып өтөгитди. Дөли Мөтел, Сейтек Гырма-да шайы-мессебин ашагына-ёкарсына белет болуп, гала гаршы ат гамчылап гелйөди. Гөзлесе, Гыр ат мүнүп, Өвез жан баря. Гытырдылар—гулак асмады, коьдурдылар — етдирмеди. Бу Өвез жаның сөзи бир селлем соңурага дурберсин.

Мөтелем ат дерледип, гелди мейхананың гапысына. Гөзлесе, Көроглы башлыклайын атырлар. Шу ерде Мөтел ат үстүндө жылавы эериң гашына ташлап, сазы голуна алып, бөш келеме сөз айдар гөрек.

704. Атланың беглерим, серден гечейлиң,
Не Багдатдан, не Басырдан гелен бар.
Бир көсө шерабы берсем ичейлиң,
Не Багдатдан, не Төхрандан гелен бар.

Гоша топун бизе гарап атыпдыр,
Чандыбилиң дегресини тутупдыр,
Гызылбаш мес болуп, хетден ашыпдыр,
Не Багдатдан, не Басырдан гелен бар.

Гызыллы-яшыллы чадыр гурулды,
Томашага алтын габак гурулды.
Балы бегиң ак отагы гөрүңди.
Не Төхрандан, не Эйрандан гелен бар.

Дөли Мөтел билмез гошун саныны.
Баглап өкидиңдир Өвез жаныны.
Найза уруп, дөкүң гызыл ганыны!
Не илатдан, не Хұңкардан гелен бар.

705. Бу сөзи айдандан соң, «Баглап әкидиңдир Өвез жаныны. . .»
диен ери, гулага якымсыз овоз Көроглыңам гулагына дегди йүврүп дашары
чыкды. Гөзлесе, Мөтел ат дерледип дур.

— Хов, Мөтел әйгиликми?

— Көроглы ага, әйгилигиңи — бейлекиңи билемок. Өхли шайы-
мессеп гелип дүшди, чөпде-чөрдө сан бар, шайы-мессепде сан ёк. Гыр аты
мүнүп, яңы Өвез жаңам гитди. Гырат билен Өвез гитди диенсоң, Көро-
оглының акыл-хушы, ыгын-дераматам гитди. Онынча йигитлерем ерди.

— Хов йигитлер, чай-чилиим бедессур кылың!

706. Чай-чилиим бедессур кылдылар. Чай нчинчө, чилим чекинчө,
Көроглы хахыл орнашдырып, пикир эдиң отурды.

«Шол шайы-мессебиң гала доланыны гөзүм гөрмесин. Мен-де шу янда
Өвез жаңы я алайын, я өлейин!» Шоны ой эдиң отырка, шол вагтында
хараадан бир паланлы ябыны мүнүп, бир догмасы гелди.

— Хов, догма, дүш ере!

707. Муны ябыдан дүшүрип, башы сопбашлы, эгни ектайча, аяк
ялаңач ылгап мүнди паланлы ябының үстүне. Бир ылай көпжө-де ятан
өкени. Көпжөнем алып:

— Мен шу хыл болуп, айланып гайдайын. Сиз галада болубериң!»

Паланлы ябыны мүнүп, көпжөни-де эгнине ташлап гайдыберди.

708. Инди хабары Хуңкардан ал. Гелип, чадыр-чемеңи тикип, гош-
көтелини ташлап, гөвнүни бире баглап, Эсен хан патыша диен бир сер-
көрдеси барды. Муны Көроглының галасына ёллапды. «Бәри янындан,
аңры янындан хабар ал, дил тут, укыдамы, оядамы? Аламана, гуша-
шикөре гидишми? Нәхилидигини билип гел!» — дийип. Булар-да горка-
горка гелйәдилер. Гөзлесе, галадан бир ябылы чыкып, элеслөп гелйә.

«Бизе аңсат ерден дил болды! Бизиң ичимизе гелсе герек. Шундан
хабар аларыс» дийип, топланып дурдулар.

Гел кайда, зат кайда! Шол кыбла гараң, ябыны чандырлап баряр.
Көлләни ашак басып, гермедик киши болуп баря. Бир атлысын буюрды.
«Тутуп гетир, шондан хабар алайлы!» — дийип. Атлы ызындан етип,
алып гайытды бәри.

709. Көроглы Эсен патышаның гашында салам берип дурды. Эсен
хан патыша:

— Ав, ягшы йигит! Сен ким?

— Мен Көроглының догмасы, тагсыр!

— Догмасы болсаң, бу яна нәме ише барясың?

— Шу дагың үстүнде дүме әкилен әкин барды. Ягыш ягямы, сил
гелйәми, үмүр-думан көп гөрүйә. Шоңа айланмага барян.

— Өтмәйит, бири келләңи алып гидер.

— Хә, нәме келле ол, мейданда ятан келле бамы алып?

— Ягыш, силиң думаны дәл, ол Хуңкар башлыклайын йытын
гелди — шовуң думаны ол!

— Өз гөзүм билен гөрмесем ынанмарын, тагсыр — дийип, ябысыны
дешип өтөгитди.

Ене бир йындам атлысына буюрды:

— Етип алып гайыт!

Бир йындам атлы ковуу, ене алып гайытды бәрлигине.

— Хов, заңар! Гөзүң билен гөрөн ялышан шуңа!

— Өз гөзүм билен гөрөйин, тагсыр, гойбер мени!

— Өз гөзүң билен онсоң-да гөрсең болар. Көроглы агаң өйдеми?

— Өйде.

— Нәме пише башында бунлар?

— Көроглы агамы алты айдан бәри ысытма тутя. Мен бәри гайданда, перизады пагта билен сув дамдырып отыр.

710. Көроглы кесел дненсоң, горка-горка гелйән мүритлер гап-гайгысыз, жап-жайлы болуп, Эсен хан патыша атлыларына айытды.

— Хав, йигитлер! Чай-чилиим бедессур кылың. Көроглы кесел болса, гайгысыз болубөриң!

Көроглы айытды:

— Сен Көроглының догмасы болсаң, нәхил догмасы: ашбазымы? Сен Көроглының догмасы болсаң, аслың нирели?

— Аслым бежанлы, тагсыр.

Нитесиниң өзи бежанлы, нитесиниң энеси бежанлы гайым дайы-еген чыкадылар мунуң билен. Шайы-мессеп халкы дайы-егенни гөрөндө, гуҗаклашып огшашар шекилли. Олар бир огша, Көроглы шапбылладып, ики огшыя. Көроглы айытды:

— Бай, ики гүнден бәри зор сол гөзүм чекйәди. Сизлери гөрҗөк экеним-ов!

— Хәзирбегжанлы! Сен бу яна гитҗөк дийип, дызап дурма. Сәни танаан бар, танымаан бар, бири өлдүрөймесин. Саңа гелен йыгыны гөзүң билен гөрөн ялы хабар бөрөйли шу ердә. Алының хақы үчин ынан!

— Алыны орта салдың, ынандык, тагсыр.

Янында шахыр-багшысы бар. «Маңа гелен йыгыны хабар бер!» дийди. Шахыр-багшы сазыны голуна алып, гелен йыгыны хабар берип, бир сөз айдар гөрөк.

711. Дамангандан, Бесәниден, Ширван-Халапдан,

Гөр сен, инди белли-белли гелмишдир.]

Кырк мүңи ясабыл, талап талапдан.

Кырк мүң даха демир донлы гелмишдир.

Кырк мүңи саргандыр, кырк мүңи дарга,

Кырк мүңи мүрзедир, мүнени ёрга,

Кырк мүңи затаздыр, гелерлер зорга,

Кырк мүң ене шербет-баллы гелмишдир.

Кырк мүңи маялы, кырк мүң инерли,

Кырк мүңи бег оглы, били кемерли.

Кырк мүңи устатдыр, голы хүнөрли.

Кырк мүңи тирендаа белли гелмишдир.

Кырк мүңи бахадыр йөрирлер ызга,
Кырк мүңи бахадыр, санжарлар гөзге.
Кырк мүңиши гөрсөң, мүнени өзге,
Кырк мүң ене атлы пилли гелмишдир.

Кырк мүңи бахадыр, урушда тайяр.
Кырк мүңи жадыгөй, кырк мүңи эйяр.
Кырк мүңи арысдыр, кырк мүңи лайхор.
Кырк мүң ене сүтемкөрли гелмишдир.

Кырк мүңи аташбаз, отда гездирер.
Кырк мүңи жадыгөй, адам аздырар,
Кырк мүңи мердикөр, гала боздуар.
Кырк мүң ене голы пилли гелмишдир.

Кырк мүңүни сайлап гетирди мертден.
Кырк мүңи башыңы чыкармаз дертден.
Кырк мүңи гаңардыр, кырк мүңи күртден,
Кырк мүң ене белес дилли гелмишдир.

Кырк мүңи ясавыл, бөризлер гече,
Кырк мүңи галандар, барарлар хажа.
Кырк мүңи сейитдир, кырк мүңи хожа,
Кырк мүң ене ага ёллы гелмишдир.

Кырк мүңи ашбаздыр тылла табаклы.
Кырк мүңи огландыр бадам табаклы.
Кырк мүңи күрт оглы, агзы гапаклы.
Кырк мүң ене бурны гыллы гелмишдир.

Багдадда гүн догуп чыкса асмана.
Төвризде гурулар ахырзамана.
Эсен хандыр, бейле гайтса замана.
Кырк мүң шалар бесе-белли гелмишдир.

712. Шахырың багшысы аягында патышахың адыны гетирейин дийип айытды. Көроглы айытды:

— Бай заңдар, «Кырк мүң-кырк мүң» соңуны айдынча, хеммежиги хушумдан чыкды.

— Агаң соватхонмыдыр?

— Агам еди йыл оқып, ылым хакыны аландыр. Гөзүне хат ёлукса етер.

Янында диван-молласы барды. «Шу наманы язып, элине бер!» — дийип, Эсен хан патыша айытды. Диван молласы бир газы кагыз эдип, депдер эдип, элине берди.

— Хов, хазирбегжанлы, шуны ятан еринде агаңың гөзүне тут. Хаты оқып, йыгының геленинем билип, горкусына галан ярты жаңам чыксын.

— Хайыр, ягшы, тагсыр! — дийип, кагызы сопбажының депесине гысдырып гойды.

713. — Эй хәзирбегжанлы! Сен Көроглының догмасы диййәснң. Нәхили догмасы? Ашбазымы, дүе йөрденими? Жылавардымы?, тоңката-рымы, паеки-сувчусымы? Эмелиң нәме?

— Тагсыр, паеки-сувча етиберме! Биз Көроглының жылаварды.

— Өкде эмилиң бар экени! Урша чыканда, биле чыкямың?

— Урша чыканда гизленип, елесин саклап гелйән догмасы мен.

— Көроглының «Ит уршы» диен уршы бар шекилли, «Веллем-шаха» диен ойны бамышын. Олары билйәмиң?

— Билйән, тагсыр.

— «Ит уршунам» билйәмиң?

— Бай «Ит уршуна» деслап өвренип гоюпдым.

714. Көроглы агаң Гыр атына мүнөнде, урша гитжөк боланда, инер кимин күкрәп, нама гайрар шекилли. Оны билйәмиң?

— Онам билйән, тагсыр!

— Бай заңарың деңи-тайы өк экен-ов! Хәзирбегжанлы, агаң нама-сындан бир нама гайрып бер. Көроглының жылаварды экениңи бизлер саңа ынанайлы.

— Хайыр, ягшы, тагсыр. Көроглы урша гитжөк махалында, шу намань гайырырды, тагсыр! — дийип, элине сазыны алып, бир нама гайрып берсин.

715. — Мен саңа нә дийдим, Эсен хан патыша!

Мениң саңа догры сөзлерим бардыр.

Атыңы угратма гаядан даша.

Мениң ат ишлемез ерлерим бардыр.

Эгри дәлдир саңа, догрудыр сөзүм.

Ганымы гөрөнде, ачылар гөзүм.

Эгер атым бүдрәп, йыкылсам өзүм.

Үстүме «хов» чекер ширлерим бардыр.

Мен саңа нә дийдим, кем сайдың бизи?

Чыкар мен чөллере, авлар мен дүзи.

Өвезе етинчә, гырар мен сизи!

Кербела дешти дек чөллерим бардыр.

Йигитлерим бардыр, букуда бекли.

Гарагуш ганатлы, арслан йүрекли.

Сери дурна телли, самыр бөрүкли.

Ягырны галканлы гочларым бардыр.

Көроглы бег адым, әлемде дестан,

Гыр атым мейданда нер кимия местан.

Хайбатымдан титрәр күлли Гүржүстан.

Текели-түркменли иллерим бардыр.

716. Бу сөзи айдансоң:

— Пах, хәзирбегжанлы, агасының памасыны гайырян экен-ов. Ханы, бизлере «Ит уршуны», «Веллем-шаха» ойнунам гөркез!

— Тагсыр, хемме оюн-томашасыны өвретсек, гөркезсек-де, шол «Ит уршы» диен уршы гоялы.

— Ол ничик?

— Ол бир көп сагат уруш, тагсыр. Гошуның галавут тапар, отура билмез.

Көроглам бир кепи бойнуна гойжак боля буларың.

— Ай, ёк, отурар! — дийди.

— Тагсыр, хәснәтлӣ зат дәл. Шоны гояйлы-ла, тагсыр!

717. «Гояйлы-гояйлысын» көп эдиберепсоң, Эсеп хан патыша өз атлыларына айытды:

— Хов, йигитлер! Көроглың «Ит уршуны», «Веллем-шахасыны» горсең, өвренсең, хер гайсыңыз бу вагта чепли бала-чагаңы сатып бержекдиң. Ынха хәзирбегжанлы, оз сүекдешимиз, гардашымыз сай-себәп биле саташыпдыр. Бир пул чыкдайжың ёк, халыс-алладан өвретжек. Шу овредий гезип йөркә, бирин йүзүнә гөзлесең, келләңи аларын! — дийип, гылыжыны сырып, өңүндә йылпылдадып гойды. Хәкми гүйчли күпбар: ердән башга ере гөзлийән адам ёк, йыгын сув сепилән ялы болды. Көроглам айытды:

718. — Тагсыр, чыныңыз экендигини инди билдим.

Гөреш тутжак адам ялы орта гечип, билегини чызгап, ики сыйыны билине уруп, баякы кепжә-де элипдә, ол кепжә-де еди йыл ердә ятып, ер сувны ичеп кепжә, дессесиниң узынлыгам гулач ярым, йүзем ялын ялы.

— Тагсыр, «Ит уршы» энтәк соңа дурсуп, оны иң соңундан өвредийн. «Ит уршундан» өңипчә «Веллем-шаха» диен ойны шу, тагсыр дийип, кепжәниң дессесиниң уңундан тутуп, угуна йүврүп өтәгидйә. Хайсы ердән дегсә, гып алып баряр. Аңры четпне чыкып, бәрилигине бир гайытды.

— Ине, тагсыр, «Веллем-шахасы» шу. «Айлан-табак» диен ойны бар. Онам гөркезейин.

719. Кепжәниң дессесиниң уңундан тутуп, гөзүни юмуп пырланькка-да айланьберди. Бир-ики ярымның бокурдагындан дегйә, бир-ики ярымның маңлайындан дегйә, гөвреси отыр, келлеси хонда ятыр, пырлавук кәди ялы болуп. Эсепәт патыша: йыгынын гырып йөр, онда ол, мунда бул дийип, гошунны гырып йөр.

— Хай, оюн-томашасы билеп мунуң! Басың заңары! «Басың» диени билеп Көроглы басдыржакмы? Зыңды мейдана өзүни. Гөзлесе, четрәкдә Эсеп хан патышаның аты гаңтарылгы дуран экен. «Шундан говрагы ёкдур гөрәк» дийип, Көроглы йүвүрди ата гаршы. Тапаныны пычак билән кесип, ылгап мүнди атың үстүнә.

— Атлан-ха, атлан! Өңүндәп бол, өңүндәп бол! — болубердилер алагалмагал.

— Гала гаршы гачармыка? — дийдилер. Көроглы ол айданларыны этмеді. Кыбласында бир даг барды. Шуңа гаршы атының жылавыны дең тутуберди.

720. Атланып ковмага айланышдылар. Көплөп етселер, гачып отыр, еке-ики етселер, дөһөкгә-дө көшкә билен агдаря. «Ит уршуны» мейданда әдиш йөр, кә гачып, кә ковун, болуп йөрishi тап ит уршы-да, еке-екеден саппа гелйә. Әсен хан патыша айытды:

— «Оюнчы одур, утуланны билсе» диенлери. Инди мен нәме ишлөп дурун. . . дийип, дагың гаңдалында иңдә йитип гитсе бир сыппак болар.

Шуңа дүшүп, Әсен хан патыша өңүни башлап гачыберди. Көрогла-да оңай гелди. Йыгын бири-бириниң өңүне дүшебилйәми! Гирди бир четинден. Ур, йык, санч, агдар, бас, өлдүр, гаңыр, бас! . . . Каклашдырып, барып, Әсен хан патышаны шаппа жылавлады, йүзүне бакакка:

— «Ит уршуны» өврөндиңми?

— Өврөндим!

— Кемис-күмсүң галанаң, алла?

— Хөргиз, хөргиз галаң дәлдир-эй. . .

— Гымшаман дур!

721. Ган гөрдү, күртүң жаны чыкды. Сымап кимин сандырап, гамыш кимин галдырап дур. Көроглы айытды: «Бу шайы-мессебиң гөзүни әбет алар ялы әдейин-ле». Кисесинден перөңи чаккыны алып, яңкы өлеңлериң гулак-бурунуны кес, дык ат торба, кес, дык ат торба. Бир ат торба сыгмады. Ене ат торбаны депип долдурды. Өзүңе мәлим: галаң палав көди ялы гулак-бурунлар. Әсен хан патышаның муңуңам гулак-бурунуны алып, ат торба салды. Атыңдан дүшүрүп, өз мүнүп гелен ябысының гарнының ашагыңдан чекип аягыңам даңды, әлинем. . . даңды. Ики ат торбаныңам багың чатып, ябының сагрысына ташлады. Ябыны яңкы сокмага салып, шешмер билен бөш-алтыны гондурды. Дагың аңырсыңдан от дашамага өврөнен ябы алды өтәгитди муны. Барды гошуның бир ян четиндөн. Гөрөн-гүлүш, гөрөн-гүлүш, сып-сырдым болуп барды. Хуңкарың гашыңда самрамага-да дурберди. Хуңкар айытды:

— Хей заңар, салам ёк, хелик ёк, хабарыңы бер!

722. — Зөхөр бер, мерез бер! Хабар гөрекми саңа? Хабары болуп дуршумдан аламазлармы! Көроглының бир догмасы бөш йүз атлыны гырып иберди. Хабар шо.

— Па, догмаларына ченли уруш тәлимин өврөнен экен! — дийип, йыгын ховп таппага айланышды.

— Ай, болса-да булар ялы йыгын гырылман болямы. Бу бир ягыш гөрийән серкердәмди. Өзи өлмән, аман-саг гелиңдир. Муңуң гулак-бурунуны жайыңда гоюң! — дийип, хәкимлерини йыгнап, хөкүм этди патыша. Хәкимлер жәмленшип:

— Гулаг-а бейледе дурсун, тагсыр.

Бурунуның орнуна тенекар сөшип, бурун гойялар. Кәси ики бармак етмийә, кәси үч бармак етмийә. Әсеналы патыша айытды:

— Хав, заңарлар! гоюп-гөтерип, мениң жанымы алдыңыз. Хол гара торбаны силкиң — бизиң бурун шонуң ичинде!

723. Гара торбаны силикселер, төррәгинден бир бурун гачды, тап күленңи хоразың дөши ялы. «Мегер чыксаң, шу чыкар» — дийип, гетирип гойдулар. — Үссеррәк дүшди. Барынча, еллиргәндир диййә. Бу кеп бу ерде дурсун. Инди хабары кимден ал?

Көроғлы бәш йүз ат-ярагы олжалап, гала алып гайытды. «Ишалла, өңи гелди, соңам гелер» — галасына гелип, төзеден бәш йүз атлы нөкер алды. Бу ат-ярағлары яңкылара берди.

— Хов, ага! Бу ат-ярағлары нә үчин берйәрсинң бизе?

— Йигитлер, бу йыгын бәш гүнде-он гүнде гайытжак йыгына меңәш дәл. Сизем бир махал урша алып чыкарын. Шонуң үчин берйән муны.

724. — Хов ага! Уруш диениң гөрән задымыз дәл. Бизлере уруш тәлимини өвредип, бир сөз айыт, түпең-гылыжың герек ерини салгы бер. Баранда, өз ярагымыз өзүмизе ягы болуп дурмасын.

— Хайыр, ягшы! — дийип, булара гарап, бәш келеме сөз айдар герек.

725. Ат айдар: мен бөкерем. . .
Найза айдар: мен букарам.
Пүркүрдип гаңлар дөкерем,
Атым йылдам болан чагда.

Түпең айдар: сесим яман,
Дегерим-дегмезим гүман,
Дегәйсем, нбермен аман,
Пелтәми от алан чагда.

Гылыч айдар: мен парларам.
Парлап ховадан инерем.
Ганымы ики бөлерем,
Ала полат болан чагда.

Галкан айдар: мен галаям.
Таслыны билмезе белаям,
Гоч йигит аман галаям,
Серпиң-серпиң алан чагда.

Шешмер айдар: мениң ишим.
Он ики парадыр башым.
Тувулга билен сөвешим,
Сүйр депәмден инен чагда.

Пычак айдар: мен ярагам,
Гушак үстүнде дурарам.
Җай ерлерде мен герегем.
Голтуклашып гелен чагда.

Палта айдар: мен хастаям.
Намарт элинде пестеем.
Уруп йыкмага устаям,
Ягырны гирдап гелен чагда.

Юмрук айдар: мен хыртаям.
Мудам яныңда ёртаям,
Чекип, якасын йыртаям,
Жеңе-жүңе болан чагда.

Көроглы айдар: я жепбар!
Шахымердан, бол медеткөр.
Гоч йигиде бары деркар.
Пирден хуммет болан чагда.

726. Бу сөзи айдансоң:

— Эй ага, уруш дниениң шу болса, гайым зейнимизе алдык. Шу вагтлар гитсең йөр-хә! Ёк, энтек сизлер галада болубериң — дийип, чай ичип чилим чекип, Сапар Көсе башлыклайын кырк йигидини янына алып, Өвез жаның гиден угруна гаршы чыкып, йериш этсинлер.

Көсе билен Көроглы бир даг үстүнде үзеңни янашдырып баряды. Көсе эсевап этсе, Көроглының гөзүнден яш баря.

— Ай Көроглы, бу нә тутум? Сен йыгласаң, бизлер ёл үстүнде.

— Көсе, мениң Гыр ат аягымың тейинде болмаса, Өвез жан жыла-вымда болмаса, мен илден говумы?! — дийип, белли-бетер йыглады гайта.

— Көроглы, ярамазлык, муззурлык этме! Сен йыгланың билен шайы-мессебиң рехими инмез. Сен хапа болсаң, йигитлерем хапа боляр. Бейдиш гелме-де, мес болуп, нама гайрып гел-э, Көроглы!

— Хоп, ягшы, Көсе! — дийип, даг үстүнден баряка, Өвез жаны, Гыр атыны ят эдиш, бөш келеме сөз айдар герек.

727. Гожа дагларың башында
Яз бир яна, гыш бир яна.
Титрешер агзым ичинде
Дил бир яна, дил бир яна.

Гожа дагдан ёллар ашып,
Яз боланда: чайлар дашып,
Өвез жандан айра дүшүп,
Баш бир яна, ләш бир яна.

Ах чекдим, билим бүкүлди.
Сүтүним арша чекилди.
Гөзүмден яшым дөкүлди.
Сил бир яна, яш бир яна.

Көроглы диер, нәдели?
Баш алып, ханжа гиделл?
Өвезе көмек әдели.
Төрт бир яна, бәш бир яна.

728. Бу сөзи айдып сүрүп гидиберсиялар. Инди хабары кимдөн ал? — Өвез жандан.

Өвез жаң шол ындырып баршына, гошуның бир ян четинден барды. Бу гошуның ичинде Керем солтан диен бири барды, лакамына Керем Дәли диердилер. Муңа дучакөр гелди. Дәлирәк атлы гөрүп, шапба жылавлал тутды муны.

— Хов, ягшы йигит, сен ким?

— Мен Көроглының Өвез диен мәреми.

— Пәх-ах, Өвез диен дилиңе дөлейин! Бизиң гөрөклижә адаммыз экен сен. Йөр, сепи Хуңкарың гашына элтейин!

729. Бир ерден уршуд, тутуп гетирен киши болуп, гөзүни асманга тикип, бир-ики ярымыны ата каңдырып, дөбенекләкте-де барды бәрден.

— Хай тагсыр патышахым, мен Көроглының Өвез жаң диен мәхремини тутуп гетирдим хызматыңа, гуллук!

«Бир патышада кырк кишиниң аклы болар» диенләри:

— Хай, Керем солтан, бу огланы сөнәкелмәнсиң. Бу оглан арагың, шерабың месчиляги билен гелипдир би. Чай-чилим бериң, әссине гелсин, айылсын. Онсоң мундан жогаң соралың.

730. Өвез жаңа чай, чилим бордилер, чай ичип, чилим чекенсоң, Өвез жаң айылып әссине гелди, дерини сырып отурды. Патыша айытды:

— Оглан, әссиңе гелдиңми?

— Гелдим, тагсыр!

— Көроглының Өвез дисеп мәреми сенми?

— Хова, тагсыр мен.

— Сен болсаң, хан огул, ягшы гелипсиң. Агаңа илчи-хабарчы әдип иберсек гидермиң?

— Жогап берсең — гидейин, тагсыр!

— Саңа жогап берип иберейли. Агаңдан көп артыкмач-артыкмач дилеглеримиз бар. Шо дилегимизи битирсе, агаң билен ярашык әдиң, ил болуп гайдяс. Дилегимизи битирмесе, агаңы галасында чүйредип аляс. Әлли йыллык харажат тутулып гелинди бу ере!

— Дилегиңи айыт, әшдейли.

731. — Дилегимизи айытсак, агаң шири-худаң береп дүйрме гылыжыны берсин. Агаюнус диен перизадыны берсин. Меңнун Дәли диен Гыр атыны берсин, Леке патышаның гызы Гүлрухы берсин, әлли йылкы зекады берсин!

— Тагсыр, дилегиң шу болса, мен гиде-де билжәк дәл, агама барып айда-да билжәк дәл!

— Ха, о ничик?

— Көроғлы ағам гахаржаңрақ, тыңрақ адамдыр. Баракка, «атыңы бер, ғылыңы бер, зайпыңы бер!» дийәйсем, ағымдан чапакка, өлдир мени. Гелип, сенем өлдир, тагсыр!

— Бу оглан деми шох ятан экен. Бент эдиң-ә!

732. Өвез жаңың элини аркасына даңып, чадырың өресине сарып, бент этдилер. Өвез геленсоң, йығын:

— Муны ким әкелди-ха, ким әкелди? — болушыбердилер. Лакамы Керем Дәли ховаласы гөтерилип гитди.

— Бизден башга ким әкелебиләйәр муны, биз әкелдик!

— Сен ненең эдиң әкелдиң?

— Хай, йигитлер! бизиң билен ойнуңыз гелен экени. Биз хәзир зарбымыз гөркеземзөк! Хуңкар bize бир аты багыш этсе, шу атың үстүне мунсек, барып, галасындан Көроғлыныңам бойнуна танап салып гетирерис!

Хуңкар айытды:

— Керем солтан, элинден бир иш гелйән болса, бар, Гыр аты саңа багыш этдик!

733. Өз атындан дүшүп, йүврүп гелип, ыргып мунди Гыр атың үстүне.

— Хав, Керем солтан, мунуң үстүне Керем Дәли болуп мундүңми, я Көроғлы болуп мундүңми?

— Ай, тагсыр, Гыр атың үстүне мүнән адам Көроғлы болуп мүнйә — Көроғлы болуп мундүк!

— Көроғлы болуп мүнән болсаң, Көроғлы мунуң үстүне мүнәнде, урша гитжөк боланда, инер кимин мес болуп, нама гайырмамышын. Ханы Көроғлы болян болсаң, бир нама гайыр!

— Хайыр, ягшы, тагсыр! — дийип, Гыр атың үстүнде сазы дестинде күрт бир бәш келеме сөз айытсын бакалы.

734. Ылгал эдиң, шу мейданда гезерем,
Недир, дөвүшмәге гоймыяр беглер.
Инди барсам, Чандыбили бозарам,
Недир, дөвүшмәге гоймыяр беглер?

Ылгал этсем, шу мейданым мениңки
Хан Өвезим, Гүлшириним мениңки.
Агаюнус, шах-солтаным мениңки.
Недир, дөвүшмәге гоймыяр беглер?

Ат салыбам, бу мейданда гезерем,
Өвез билен ганды-набат эзерем,
Инди барсам, галасыны бозарам.
Недир, дөвүшмәге гоймыяр беглер?

Ага-беглер хабарымы сораһар,
Уруша гиденде, бир-бир даныһар,

Керем солтан, бизе Гыр ат ярашар.
Недир, дөвүшмәге гоймыяр бегләр?

735. Бу сөзи айдандан соң, патыша айытды:

— Сөвешжек болсаң, ким гоймыяр сени? Өзүң горкя сен Көроглы-
ның үстүңе гитмәге!

— Нәмәви, тагсыр! — дийип, атың быкынына бир какды — Гыр ат
секинип, зыңды асмана. Атың зарбына күртүң еңсеси Гыр атың сагрысына
дегип гайытды. Керем солтан айытды:

— Хов, йигитләр! Бу атың дүзгүни яман экен. Маңа бир аркан алып
бериң, аркан!

736. Узын чызым танапы алып бердилер. Гыр атың омзуна айлап
гайым билегине орады. Акылсыз адам өзүңизе белли—хер ким бир
геңеш берип дур муңа. Бири бу яздан чыкып:

— Хав, Керем солтан, арканлыгыңа йыкылмаз ялы болдуң! Булар
ялы ат сүржек болсаң, раст сүрчүп гитсе, башыңдан ашырлып өлүп
гидерсиң хәли.

Бир ата гушгун салып, онам гетирип, билине баглады. Ене бири
чыкып:

— Керем солтан, илери-гайра йыкылмаз ялы болдуң. Ат алып гачып
гитсе, гелсе өңүнден бир жар, раст кеселәп зыңайса зерден айрылып
келләң дага дегип өлерсиң.

Ене бир танап алып гелип, атың горгунының ашагыңдан чекип,
аягыңаң даңды.

— Хов, Керем солтан! ат алып гачып гитсе, сен, заңңар, жылав
чекжәкми я элиңдәки найзаны тутжакмы?

Ене бир танап алып, пайзасын билине даңып гойды.

737. Шол вагтында хабары кимдән ал? Кыбласы бир дагды. Көр-
оглы кырк йигиди билән ат гамчылап даг үстүңе чыкды. Көроглының
Гыр ата гөзи душди. Гыр атың үстүңдәки Өвез жанмыка дийсе, бир
даңылгы күрт. Шайы-мессебем алыпдыр төверегини. Көроглы дуран
ерипдән:

— Хай, шайы-мессеп! Ол атымың нәмесине сын әдйәсиң? Ягшы-
сыны-яманыны билмесең, гел мендән сора! Болмаса саңа шу өрденем
эшитдирсем эшитдирәрин дийип, Гыр атын тарып әдиң, бәш келеме сөз
айдар гөрәк.

738. Ат алсаң, сагрысына гараң ал.

Арап атың ничесине сын гөрәк.

Билмесеңиз, устадыңдан сорап ал

Хайкырып кишңәре белент үйн гөрәк.

Ат алсаң, гысга били, быкыны,

Җебир әйлесең, чекер нериң йүкүни.

Гүйчли исләр сөвчекиниң окуны.

Уруш майданында бир пәлван гөрәк.

Гурук чыкан ери белент дүвүлө.
Сагырсында дегирменлер үвөлө.
Гапырга этегин гиңден айыла.
Гачыбан ковмага бир мейдан герек.

Көроглы айыды, бир ширин сөзлө.
Өкүз дей геришли нер-мая дызлы.
Кичиге башлыдыр, бир алма гөзлө.
Келлеси йыл ашан истихан герек.

739. Бу сөзи айдандан соң, Көроглының тошуну эшидип, Гыр ат кишчөп иберди — тап гошунуң ичи жараңдап гитди. Хуңкар айытды:
— Алла, заңдар шунча гошунуң ичинде атын танып, мунуң нама гайрышы, эесиниң овазыны эшдип, атың кишчиши. Аты өзүне мынасып, эзи атына мынасып заңдар экени!

Ховаласы гөтерлип дуран Керем Дәли:

— Тагсыр, бизе мынасып дөлми, биз гелишмийәсми?

— Саңа мынасып болса, нәме ишлөп дурсуң бу ерде?

— Ай ёлумы ачың-а? — дийберди. Шайы-мессеп о яна-бу яна пытрап, көчө берип ёлуны ачыбердилер. Атың жылавыны аздырмака, бири бу яндан чыкып:

740. — Керем солтан, найзаң-а билнче даңдың. Көроглының янына бараныңда, дырнагың билен урушжакмы? Бигам гитме, бир яраг эжит!

— Хов, маңа бир яраг алып бериң! — дийди. Ат үстүндөн еңилтейрәк болсун дийип, батман ярым демирден болан бир гара минәни бойнундан асдылар. Улы шахың өңүндө гыжалата чыдаманы, атың жылавыны Көрогла гаршы дөндөрип, чүп гамчы урды. Гыр атың тени авап, хырлының омы ялы болуп өтөгитди. Бир—ики ярым гошунуң гапдалындан геленде:

— Дат, гитдим! . . . дийё.

— Гитсең, ёйлүбер, ёйлүбер! Бойңа дон бичжөк болуп дурмуң хөли? — дийип галялар. Хабары кимден ал? — Селкирөгө-де даңылан гара мине, леңңер алып, леңңер алып кө гушаклыгына, кө ягырынна дүңкө-дүңкө иберйөр.

741. Көроглының бөри яны бир жарды. Жар геленде, Гыр ат раст кеселөккө зыңды — эерден айрылып, атың гапдалына гышарды. Гышаран еринде гара мине бойнундан сырылып, дүңк эдип гачды. Бар беладан гутулды. Ай, хуллас Көроглының кырк йигидиниң ичине венеч геленини дуйман галды-да. Сапар Кесе шапба жылавлан тутды:

— Хав, ягшы йигит, нөдйөсиң бу ерде?

Көпө чөпөр заңдар экени бу-да:

Йигитлер, дөлиден—догры хабар: хиле билен атыңызы гетирдим.

— Сен атың гапдалында гөрүнйөсиң-ө?

— Хов, йигитлер, оны билмейөмисиңиз? Көроглы днен адам улы адамың мүнөн ерине мүнмөгө эжап эдип, чакканлык эдип гапдалына мүнүп гелиён.

742. — Сениң нөхиле эдиң ат әкелениң өзүмиз биләс! — дийип, яңкы таңаплары пычак билең кесип айырдылар. Көроғлы айытды:

— Хов, Көсе, бу бир ягшы йигит экени, ат әкелидир, сылап гой-беревери!

— Мунуң сылагыны өзүм биләй! — дийип, Көсе шум заңнар бир сувлук торбаны алып, гырың аңыр янына гечип, дагың чагыл дашындан долдурып, агзыны богуп, гайым даңды аркасына.

— Ай, хан огул! ат әкелениң ерине сениң хөззет-сылагың шу. Шунуң ичиндеки генжи-газына. Эмма Хуңкарың гошуна элтмәни сыра агзыны чөзмә.

— Ай, бизе худай берди. . . дийип торбаны гөтерип, леңчилләп гайытды. Гелди өз гошунының бир яң четинден. Өз таңышлары саташып:

— Хов, Керем солтан! аркадакы нәмә?

— Йигитлер, сесидизи чыкармаң, багтым гелендир. . .

— Хә?

743. — Көроғлының аты алып гачып барды. Көроғлыныңаң вагты хош болуп, шу торбаны хазынасындан долдурып берди.

— Ай, Керем солтан, бәри дур-ха, бәри дур! Бу дүнйәң яман кәң гөрүнәй? Шыралга-ха шыралга! Маңа бир чаңңал бар, маңа бир чаңңал бар!

— Ёк, болмаз, йигитлер! Хуңкарың гашына элтмән, агзыны ачма дийип айытды.

— Бу заңнар Көроғлы агзына мөхүр басып гойберен дөлдир. Чай пулы бөр ялы бирнәмә берип гит ахыры! — дийип йүвүрдилер.

— Ёк, болмаз! — дийип, дызман күрт мундан муңа — мундан муңа гача.

Гачып жанның соңунда гашына гелди.

— Хай, Керем солтан, сениң болуп гелшиң нәтүйсли?

744. — Ёк, тагсыр! Гыр ат алып гачып гитди. Көроғлының янына элтди. Бу торбанам газынасындан долдурып берди. Ёлла-да талажаң болдулар, гачып гутулдым, тагсыр!

— Ханы? — дийип, торбаны башашак силкеселер, торбадан чыкяң ялаң дагың дашы. . .

Хуңкар айытды:

— Хай, Керем солтан, Көроғлының әден сылагы сизе шумы? Мундан башга нәмелер сылаг этди?

— Тагсыр, мундан башга Көроғлыдан артыкмаң сылаг-да гөрөмок, хорлук-да. Хорлугы озал худайдан гөрдүм. Галыберсе, батман ярым демирден болан гара минеден гөрдүм.

745. Хуңкарам гүлүп иберди муңа. Бу кепи тапып, патышанам гүлдүрип, мунданам гутулды. Ене хабары кимден ал? — Хуңкардан.

Сыпайларыны йыгнап, геңеш-маслахат этди.

— Хав, йигитлер! Мунуң маслахатыны бериң! Хиле билең аты голуна говушды.

Сыпайлар геңеш бердилер.

— Тагсыр, шундан үч дилег эдиң. Ики дилегиңизи өтүң. Үч дилегиңизи ярашык этсе-де, ил болуп гайдың.

Бу кеп Хуңкарың говнүне макул гелип, Өвезе «Сен гидермиң?» дийип сорадылар.

— Дилегиңиз яңкы болса, сыра гитжек дәл. Башга адам иберибериң. Агам илчә сыра дегмәз.

746. Хуңкар Көрогла үч адам иберди. Хат язып Ныгалы мөхүрни басып: «Көроглы бег бу ерде бир гелсин. Үч дилегимиз бар. Битирсе-битирмесе, ил болуп гайдыас».

Илчилер хаты гетирип берди. Хаты окуп, булара чай берип, чилим берип, эсли сылаг эдип гайтарды. «Менем барарын!» дийип булар гайдан-соң, Көроглы айытды:

— Көсө! Шайы-мессебиң нәме дилежегини билйөмиң!

— Мен-ә билмедим, Көроглы.

— Сен билмесең, мен билйән, Көсө. Битер ялы зат дилемез би. Әриң арт гүрлүгини диләр. Көсө, шол ишыл чадыр Хуңкарың чадырыдыр. Шол ере барып, бир хиле билен Өвез жаңы яныма ала билсем, бир оюн-тозан гопарым. Шол вагтта сенем бир гайрат эдевери!

Көсө «Хайыр, ягшы!» диййө, ичинден айыда: «гөрерсиң-дә, Көроглы. . .»

Көроглы Гыр аты мүнүп, Хуңкарың янына гайдыберсин.

747. Хабары кимден ал? — Хуңкардан. Көроглының гелжек ёлуна сес етер ялы мейдана сув сепдирип, паяндаз дүшөп гойды. Хемме йыгынам ая-гүне бакан ялы гөзлөшип дурлар. «Көроглы диен нәхил йигиткә, нәхил адамка? Бир гайгысыз гөрөйлиң. Уруштап махалда гөрөбилмийәс».

Көроглы паяндазың четинә гелип, атдан дүшүп, гол говшурып, хайкырып салам берди.

Хуңкар саламына хелик алып:

— Аперин, аперин! Йүз мүн патышаларда булар ялы эдеп-салам гөрмийәдим. Эдеп-ыкрам сүпнүдә бар әкен-ха!

748. Көроглы гелип, Хуңкарың гашында чөк дүшүп отурды. Чай-чилим бердилер, дессерхан чыкарып.

— Хой, Көроглы бег! — дийди Хуңкар.

— Лепбей, тагсыр!

— Сенден үч дилегимиз бар. Битирсеңем, ил болуп гайдяс, битир-месеңем ил болуп гайдяс. Айыт дийсеңем айыдяс.

— Тагсыр! дилег диениң аңрыбашы гара келле болар, келләмем әкелдим. Герек болса — гуллук.

749. Көроглы бег! битирсең, шири-худаның береп дүйрме гылыжыңы бер, Агаюнус диен перизат зайпаңы бер, Леке патышаның гызы Гүлрухы бер. Элли йылкы зекады өтдүк. Атыңам алжакдык. Ат өзүңе мынасып әкен. Оны саңа багыш этдик!

— Пай, тагсыр! дилегим бар дийип мугара гөркезйәсиңиз-ов. Мен нәме дийжеккә дийип, йүрегим ярылып отырды. Бу дилегимиз битмеа дийип, гайгы этмәң, тагсыр. Яңы бир агзыңызда «Леке патышаның гызы Гүлрухы» дийип айытдыңыз. Онуң ози мирехеде зарды. Бир паеки-сув-

чуңызы иберсеңиз, алып гелер. Перизады мениң ягыш ядыма салдың. Бизлер перизат билең элли йылдан бәри дөвран сүрйәс. Шунлар пришипми я заман үйтгәлми? бизе чай бер, чилим бер, бөрөк биширип бер дийсек, гайгалашып сөвүшиберйә, гозүни акжардыш, көп угрумыз ёк шонун билең. Оны саңа берип, Көйкалда перизадың көп ерини гөрүп гелдим: баракка-да, тәзежесиндеп бирини әкелерин мен. Дүйрме гылыч дийсәңем, онам хени замандан багыш этдим. Энтөк бир азрак гөрөк иши бар, гысанма, тагсыр! — берйөн зады ёк, бол көпө бай эдиң дур.

750. Көрөглы бег, дилегмизи битирен болсаң, шул Гыр атың көп томашалары бар шекилли. Шол оюн-томашаларыны бир гөрөкөсөң, ничик болар?

— Көп зинамлы боля, тагсыр! Мен шу Вееңнамдан Өвез жаны алып гачып гелдим, оглум болмансоң, огул-бала әдейин дийип. Гыр атың нешебазлыгам бизе кырк әсәс бар экени. Шул Өвез жаң геленсоң, өзүңден ози йориш тапыш, хүнәр тапмага айланышды. Өвез жаң япында болмаса, сыра оюн этмийә би.

— Өвез жаң боланда, оюн әдйөми, Көрөглы бег?

— Хә, әлбетдә әдйә, тагсыр!

— Барың, Өвези яздырып гетириң! — дийип.

751. Өвез жаны яздырып гетирдилер. Дүйн-оңгундан бәри туссагда ятансоң, огланың йүзи-гөзи саралайыпдыр. Көрөглы айытды:

— Тагсыр! Өвез жаның бу дурушына Гыр ат оюн этмез!

— Нәхили боланда оюн әдер?

— Әсбабы алтын-күмүш, лаглы-жөвхәрден ат ясап, ат мүндүрсөңиз, көкиллерине шаңа, йүз-гөзүне пердәс берсөңиз, шөмлө гушак гушап, пычак-айпалтаны чар пара гысдырсаңыз, ак дессер гылыңы билине даксаңыз, сырлы найзаны элине берсөңиз — шоңа ышк эдиң, безим эдиң ойныя.

752. Ай, . . . акыл болмаз дпенлери. . . — Хуңкарың мүйән алагайышлы атыны Өвез жаңа шагырдадып гетирдилер. Өвез жаң Хуңкарың атына мүнди. Хуңкарың геййән зерли-зерли гейимлерини Өвез жаңа гейдирибердилер. Көрөглы айытды:

— Тагсыр, сизиң геймиңиз Өвез жаңа узыпрак-а боля. Ай, ат үстүндә болансоң, әлем ёк, тагсыр!

— Өвез жаның кеми галдымы, Көрөглы бег?

— Кеми галанок, тагсыр!

— Кеми галмадык болса, оюндан озал бир нама гайрып, онсоң оюн әдир!

— Ажап боля, тагсыр! — дийип, «Көсә-дә стермикә овазым. . .» — патышаның гашында бәш келеме сөз айдар гөрөк.

753. Гөч йигидиң сытарасы
Ачылар мейдан ичинде.
Гылычдан гырмызы ганлар
Сачылар мейдан ичинде.

Арап ат көте гуш болар.
Ганым ганыма душ болар.
Баш гидер, гөвре ләш болар.
Серилер мейдан ичинде.

Арап атлар пыган сачар.
Гоч йигитлер мейдан ачар.
Муханнеслер ташлап гачар
Ёлдашын мейдан ичинде.

Арап атың галла бары,
Мудам сөвеш пиллелери.
Кырк төрт ханың келлелери
Кесилер мейдан ичинде.

Гоч болан таярмы гочдан,
Гөрек ондан, гөрек бәшден.
Көроглы, гечендир башдан.
Чарх урар мейдан ичинде.

754. Бу сөзи айдандан соң, оязы барып Көсе етйә.

— Хай, заңдар Өвез дийб-ә оязың әйле, Өвези яныңа чекип алап болсаң, бир усулыны тапып, чыкма ягдайыны эд-ә! Сен, заңдар, мерезиң ичинде. . . — диййә Көсе.

Хуңкар айытды:

— Көроглы бег, намань кемсиз гайырдың. Гыр ата оюнам этдир!

755. Көроглы үзеңгә чүйленип, түйсүни гачырып:

— «Оюн этдир, нама гайыр. . .» — мен сениң кесәне тутан багшың-мыдым? дийип, гылыжың дестесинден тутуп, гөзүни акжардып:

— Нама. . . — дийип, бир награ урды, — Хуңкарың йүреги ярылып, гачып чадырына гирди. Дүйрме гылыжы сырып алып, ялпылдадып: — Дүйрме гылыжы инди саңа багыш әдейин!» дийип, сагына-солуна какыберди. Өвез жаңам гылыжы сырып, булам төверегине үлги берди. Икиси кыбла гарап, патыша билен иши болманы, кыбла депип өтәгитдилер. О яна — бу яна совулма билен иши ёк. Угруна дүшениң келлесини какып барярлар, барян угрундав ган акдырып. Көсе-де айытды:

— Бир галмагал-а болды. Биз-де бир четинден гирип гөрәйли! — дийип, Көсе-де «алла» дийип, ат гоюп гырмага айланышды. Көсәниң гиранының бир пуллук пайдасы ёк — шайы-мессебиң бурчы бозуланок, аңырсам хабар тапанок.

756. Көроглы шу гидивүне Өвез жаң билен гиң пейшин гошуның четине чыкдылар. Көп йыгып зыян этмән болямы: Көроглы гылтызрак-гылтызрак яралы болуп, мейдана чыкансоң, совып, атдан йыкылды: Өвез жаң Гыр аты алды-да гидиберди. Көроглы йыкылып галыберди бу ерде. Яралы болса-да, янына гелибиленок шайы-мессеплер. Бири-бирине гыгыра:

— Хай, догагөй, жадыгөй өлүсүнің янына баранында-да, адам өл-дүрйөмишин. Барма! . .

757. Көрогла пир-непеси «йылдыз гөренде, яраң гутулсын!» диен Гүн батды, йылдыз гөрүп, ярасы ягшы болуп, тарса ериңден турагелди. Өхли шайы-мессеңлер гачып, пайраң өтөгитди. «Догагөй, жадыгөй, эйяр заңңара өлмөк өк эрмишин-ха! . . .» дийип.

Көроглы пыядалап, йигитлериниң янына гелди. Гелсе, йигитлери-ниң бириңденем ган чыкан ери өк. Өз екелиги ядына дүшүп: «Вах, мениң оглум болса, иним болса, агам болса, ничеси өлерди, ничеси яралы боларды. . .» дийип, хапа болуп, йигитлерине гарап, бөш келеме сөз айдар гөрек.

758. Арап ат гирсе мейдана.
Гожа дагың башын гөзлөр.
Гоч йигит гирсе мейдана,
Дөрдүн йыкып, бөшин гөзлөр.

Ярасы бар башларының,
Ганы бар гылычларының,
Гоч йигит ёлдашларының
Мейданда сөвешин гөзлөр.

Мейданда сегрешен атлар,
От беренде, түпең чатлар.
Йүзи гара муханнеслер
Гачайын дийип, дашын гөзлөр.

Көроглы сыгыңдым хака.
Муханнесиң жебрин чеке.
Гоч йигит догмасын еке:
Көп йыгылса, дашын гөзлөр. . .

759. Бу сөзи айдандан соң, Кесе айтды:

— Көроглы, муну бизлере дегип айдярсың. Бу йыгын бөш гүнде, он гүнде гайтжак йыгына меңзеш дәл. Жайы билен бизлерем бир гайрат әдерис, Көроглы!

— Хоп, ягшы, Кесе! Гайрат әтсең боля-да.

Булар бу ерде карар тутсун. Инди хабары кимден ал? — Хуңкардан. Сыпайларыны йыгнап, ене маслахат әтди:

760. — Ханы, йигитлер, мунуң маслахатыны бериң! Хиле билен атыны, Өвез жаныны алды. Гайытсак, ничик боля?

Сыпайылар геңеш бердилер:

— Тагсыр. Әнтең муңа гайытмалың! Мунуң ичинде ылайхор диен бир тиреси барды, он едисини зыңжыр бент әдиң гөтериндилер, шаның лотусы диен ялы бир беллады. Шу ылайхоры он гүн ач саклап, он бириңжи гүн — Көроглыны ий дийип, эмир әтсеңиз, хер гайысына бир лукма

етмийе. Шолар бир зат этмесе, аты түпөң окуна етдирмийе, өзүне ок, найза көр этмийе. Башга чөре ёк, тагсыр!

761. Бу көп төвүнө макул гелип, Хуңкар йыгына жар чекдирмөгө айланышды: «Он гүне ченли уруш ёк. Ыйлы жайында атыбер-хов!» Бу жары Көроглы хем эшитди.

— Көсө, бу жары эшитдиңми?

— Эшидийе, Көроглы!

— Эшитсең, Көсө, «яңы Көроглы яралы болды. Ярасы ягшы болсун» дийип, маңа рехими нип, жар чекдирен дөлдир. Мунуң бир беласы бардыр.

— Биз-ө гала гайдайлы, «Зыянсыз гараның көпи ягшы» диенлери. Биз-де гошун жөмлөли.

762. Көроглам галасына гелип, еди яшардан етмиш яшара бир лек гошун жөмледди. Он биринжи гүни уруш мейданына чыкдылар. Бу яндан Хуңкарың йыгынам сеп гурап дур, бу яндан Көроглының йыгынам сеп гурап дур. Бир махалдан Хуңкарың гошунундан он еди саны бир бела чыкып йериди. Бу ылайхорларың боюнлары мынар кимин, келлелери күмөз кимин, агызлары оҗак кимин, дишлери бөш апбасылык пил кимин, сакаллары келлө урулан сөүт кимин. Мунуң катды-каматыны, ясалмышыны гөрүп, Көроглының йыгыны ховп тапып, гачҗак болуп, о яна бу яна толкунубердилер. Көсө заңдар галдырып, штана сидик гачырыпдыр. Көроглы йигитлериниң горканыны билип:

763. — Хов, йигитлер, озал-а горкмаң. Горксаңызам, бейледе дурубериң. Эмма өзүңиз гачмаң. Мен мунуң тенха өзүм өңүне чыкайын. Муны шири-худа пирим деп эдер, ишалла! — Шейле дийип, Көроглының тенха өзи өңүнден чыкды.

Ылайхорың өңүнде-де баштутаны барды. Көроглы гылыч салмак нобаты өңүрти шай-мессебе берерди. «Гел, муңа нобаты бермөйин» дийип, дүйрме гылыҗы «алла экбер!» дийип индерди делесинден. Дүйрме гылыч көр этмедди. Ылайхорам догагөй экени — дога билен гылыч көр этмедди. Бир махалдан ылайхор элини узадакка, Көроглыны атың үстүнден бир эли билен гөтерөкке алады. Оглан гөтерен ялы элиниң үстүнде келевлөвдирип дур. Ылайхорам менменлик эдип дур. Хуңкара гаршы гыгыря:

— Хой, тагсыр патышайым! Хабардар бол: Көроглыны үстүңе зыңарын хөли!

Көроглы жанындан умыдыны үзүп, Мухаммет пыгамбер, дөрт чарыяр, он ики ымам, үч йүз алтмыш өвлийелери чагырып, ылайхорың элинде бөш келеме сөз айдар герек.

764. Ёк эт шай-мессөп жөмгыны,
Еди солтан, сен медет бер!
Ят эдейин бирибары.
Дири Селман сен медет бер!

Етмиш ердең етди гурхан.
Хуңкардан башга кырк төрт хан.

Болды бу гүн ахырзаман.
Пахры-жахан, сен медет бер!

Гөрдүм он еди лайхоры —
Билип мен адамың зоры.
Мустапаның чарыяры.
Он ики ымам, сен медет бер!

Чапдыбили тутды думан.
Кырк йигидим болды вейран.
Якуп небі гөзи тирян.
Юсул Кенган, сен медет бер!

Шун пирим, бир ымдат эт,
Гамтын Көроглыны шат эт.
Мени лайхордан азат эт.
Шахымердан, сен медет бер!

765. Бу сөзи айдандан соң, Шир-худа пири гайыпдан гелип, ылайхорың чекгесине бир шапбат чалып гитди — ысгын-дераматы гурап, Көроглы элинден гарыз гачан ялы ере гачайды. Көроглы айытды: «Мунуң билен пыяда яңкалашып йөрмәйин-ле» дийип, Гыр аты тутуп, атланып үстүнө дебсип гелип, дүйрме гылыжы индерди депесинден. Ылайхорың догасам хушундан перамуш болуп, дүйрме гылыч тап гассаплар оңурга сөкөп ялы эдиң, дең бөлүп, атынам бөлүп, гылыч ере биленди. Ылайхорың баштутаны йыкылды. Бу кераматы гөрөндөн соң, яңкы галан он алтысам ызына дөнүп, хөкедеклешип гачыбердилер. Болуп дуран вагыганы Көсе-де депә чыкып гөзлөп дурды. Булар дөнүп гачансоң, Көсе-де:

— Йигитлер, шу вагт бизе бир чем гелди! — дийип, бир лек гошуна баш болуп «алла!» дийип, гыгырып ат гойды Көсе-де.

766. Хабары кимден ал? — Шайы-мессепден.

Бир тама әдйәни шуды. Бу-да болмандан соң, ичине ховуп дүшүп, гүбүрдибасгы болдулар. Пах, араба-әере хуммет, гуштуна берекет! Ятан тутулар, гачан гутулар, боладылар басгы. Тарышыны айдып дийип соңуна чыкар ялы болмады.

Ай, басгы өзүңизе белли-дә. Хер ким гызгалаң билен бәш авара — он авара гырып, гыржапшырып ковуп гидиберсиңлер.

Көроглы пир непеси «гачаны ковжы болма» диен. Келлесиңиң гызгынына хушундан чыкып, булам ковуп баря. Йыгының басыланна вагты хош, зейни чаг болуп, сазыны голуна алып, йыгының ызындап гыгырып, бир наманы айда-айда баря.

767. Әй яранлар, мусурманлар!
Гөч йигитлер мейдан ачды!
Шахымердан десгир болды.
Гызылбаш басылып гачды.

Мейданда гезипдир мертлер.
Ганыма дегипдир дертлер.
Нишавурдан гелен күртлер.
Лалавлашып йыглап гачды.

Дин ёлунда гезсең дүрүс.
Сөзүмни эйледим арыз.
Ыссымудан гелен арыс
Арабасын хайдап гачды.

Гайрат этди кырк гардашлар.
Мейданда серилди ләшлер.
Сан мұң элли гызылбашлар —
Хер ким юрдун сорап гачды.

Мейдандан сөвешин гарап,
Гызылбашлар болды харап,
«Ганым» дийип гелен Арап
Мекге сары гарап гачды.

Гоч йигиде дегди дөвран
Гызылбашлар болды хайран.
Көроглы айдар, Шахымердан
Бу гүн мениң ёлум ачды.

768. Бу сөзи айдып, ене гыгырып гидиберсин. Көроглының Үчйүз-
лүк диең дагы барды. Ат тозы ат етгерди, йыгының үмүр-думаны дагы
йүзем герди бар. Үчйүзлүк дагына гарап:

— Хов, Үчйүзлүк дагым, мениң-ө вагтым хош, зейним чаг, йүзүм
ачык. Сениң йүзүң нечүн герди-губарлы? — дийип, сазыны голуна алып
дагына гарап, бәш келеме сөз айдар.

769. Гитме-гитме, сенден хабар алайын.
Үчйүзлүк даг, нечүн гитмез думаның?
Өриңе-пириңе гурбан болайын.
Үчйүзлүк даг, нечүн гитмез думаның?

Баранлыжа, чистиялыже гышың бар.
Хер бир дүрли рең берилең дашың бар.
Мең билменем, не сөвдалы башың бар.
Үчйүзлүк даг, нечүн гитмез думаның?

Ганымың гидипдир, билгин, басылып,
Гылыжың зарбындан келле кесилип,
Ат деминден даглар башы сусалып,
Үчйүзлүк даг, нечүн гитмез думаның?

Дагларың ичинде даглар шахы сен.
Хупларың ичинде мелек-махы сен.
Көроглының сейранлыжа чагы сен.
Үчйүзлүк даг, нечүн гитмез думаның?

770. Бу сөзи айдып, ене сүрүп гидиберсин. Хабары кимден ал? —
Шайы-мессебиң ичинде Токмак солтан днен бирси барды, баш йүз шемхал-
чының баштутаны. Өз нөкери билеи топланып гачып баряды. Ине Кө-
роглының товшуны эшитди.

— Хов, йигитлер! Бу заңнарың оваз-а тап бизиң еңсөмизден гелйә.
Сизлер шу дагың говагында букулып ятың. Мен өңүнден чыкып, баш-
алты кепе гүймөр ялы болсам гүймәйин. Шол вагтында атын саклагайса,
бир атың. Белки bize бир көр абырай болса болар.

Бир махалдан дагың жүлгесинден бир атлы чыкды.

— Хай, Көроглы бег, салавмалейким?

— Вaleyким-эссалам, ягшы йигит, бер хабарыңы?

— Көроглы, сениң атаң билеи мениң атам кыяматлык дост экени.
Мен мунуң ичинде душман, саңа дост болуп гелипдим.

— Дост болсаң, маңа адың беян эт.

— Мениң адыма Токмак солтан диерлер.

— Мен шайы-мессебде достум бар дийб-э эшидйән. Токмак солтан
атлы достум бар дийип эшдемок.

771. Икиси бу гүррүңи эдип дуркалар, дагың говагындан баш йүз
шемхал бир бошап гитди — Көроглының гылтызрак-гылтызрак кырк ики
еринден дегип гитди. Көроглы айытды: «Маңа нә болжага болда...»
дийип, жерахатдар болуп, атдан йыкылжак болуберди. Гыр ат хемме
затдан хабардар, гышаран угруна гаршы атам гышарыберди. Хайсы ян
гышарса, үстүнден айрылмады. Көроглы айытды: «Душмана сыр билдир-
мән, бир сөз айдып болмазмыка, жаным? дийип, ширхуда пирин чагырып,
жылава сөөнип, Токмак солтана гарап, баш келеме сөз айдар гөрек.

772. Гоч гузудан дөрән гузы гоч болар.

Бир гочакдан гочак дөрәр, солтаным!

Гоч йигитлер бир-бирине сөөншер.

Ужы йити ханжар болар, солтаным!

Арап атың семендинден, гөгүнден,
Гочак мүнөр йүврүгинден, егинден,
Хабар алсаң Токмак солтан бегинден —
Ене сөвеш хачан болар, солтаным?

Гоч йигитлер бакмаз көпе, азына.

Муханнесиң сөзи недир өзүне.

Бир гоч йигит ганымының гөзүне

Ужы йити ханжар болар, солтаным!

Көроглы бег, саба сөвеш гурулар,
Озал гоч йигидиң аты урулар,
Йүпек ала галкан йүзе дурулар.
Пайлаң тылыч, пайтак болар, солтаным.

773. Бу сөзи айдандан соң, бу заңнара хич зат кәр этмәндир! — дийип, шемхалчылар дагың аңырсындан гачып ол гитди, Токмак солтан гачып бул гитди. . . Олар гиденсоң, Көроглы атдан йыкылды. Гыр ат жылавыны гачырып, гөзүнден яш дөкүп, атам дүрберсин янында. Хабары кимден ал? — Өвез җандан.

Бир ерден Көсәни тапды.

— Хов, Көсә! Бу . . . гырып түкедип болямы? Өзи басылды, гүм болар гидер-дә. Мен агамың овазыны хер дайым — хер дайым әшдиң геләйдим. Бир ерде шемхал сеси көп чыкды, агамың овазы сем болды — дийип, шемхал овазы чыкан ерине җем болуп гелдилер. Көроглы, җерах-атдар болуп, гана булашып ятыр. Шол ерде Көроглының чигниви, келлесини даңып, ата йүкләп, гала алып гайдыбердилер. Мейхана гетирип, оды белентден галап, Көрогла чай-чилиң бердилер. Чай-чилиң якмады.

774. — Хов, йигитлер, пир непеси «Гачаны ковуҗи болма» диен-лери. Хушумдан чыкып, гызгалаң билен ковалашып гидипдириң. Мениң соңкы демим алмасы ягшы. Мениң элиме бир саз әкелип бериң. Өлмәкәм, өзүм өзүми тарып әдиң, мен сизлере бир сөз айдып берейин.

775. Озал гоч йигиди тарып әйлесек,
Гөрүң, шу дүньәде нәтди бег оглы.
Бир җеллат дәреди Осман илинде,
Барып, бир-бирине гатды бег оглы!

Нагара какарлар сөвеш хеңине,
Даяна билмезлер шонуң теңине,
Ак гызы берди гочакларына,
Галкан билен бөлүп берди бег оглы.

Белент даг башында гурды диваны,
Төвризе гарадып Хири-Рованы.
Румуң диярындан тәзе җуваны —
Барып хош дил билен алды бег оглы.

Йигитлере ягшы везир гереkdir.
Чылачыл үстүнде неzir гереkdir.
Хеммеси шу ерде хәzir гереkdir.
Адың шу дүньәден етди Көроглы.

776. Бу сөзи айдандан соң, хабары кимден ал? — Агаюнусдан. «Йыгын басылып гитди!» дийип, сөйүнҗиләп, адам барыпды. Ат мұвдү-

рип, серпай япын, херемханасында вагты хош болуп отырды. Бир махалдан Көроглының оязы барды. «Муңа ене бир зат болан болмага чемели» дийип, йүврүп мейхана гелсе, Көроглы өлер хала етипдир. Гелип, Көроглының келлесини дызының үстүнде гойды, бир хатар йигитлере гөз гездирди. Гөзлесе, биринден ган чыканы ёк. Бир айдан сөзи шо болды:

— Бу сапар хеммәңе дүшөккө яра Көроглының бир өзүне душадымы?

Онда Көсө айытды:

— Адам адама хабармыз болмандыр. Хер ким гызгалаң билен бир ерден ковалашып гидипдир.

Баштутан йигидиң сердар йигидиң бөш киши — он киши хабардар болуп йөрмөзмү? Сөвөш гүни, жең гүни булары жылавлар саклап болямы? — дийип, Көроглының йүзүне бакып, делминип, гөзүндөн буюр-буюр яш дөкүп, зар-зар йыглап, бир сөз айдар.

777. Ятыр идим, бир зарынжы сес барды.

Айланайын атың билен өзүңден.

Сени гөрүп, бейик даглар пес болды.

Айланайын атың билен донуңдан.

Йигит-мәрем йыгвар бегим янына.

Гүйчли ганым сувсамышдыр ганына.

Сөндөки ок дегсин мениң жаным.

Мен айлансам атың билен өзүңден.

Сен өлөңдө Гыр ат асманга учар.

Йигитлер дагылып хер яна гачар.

Зүрятсыз гечениң чырагы өчер.

Айланайын атың билен донуңдан.

Ажал шербетинден өзүм гандырсам.

Душман гөрсөм, йүрегини яндырсам.

Гыр атыңы инди киме мүндүрсөм?

Мен айлансам атың билен өзүңден.

Башымдакы тыллам, жыгам, отагам.

Ёкдур мениң гөвнүмдөки дагдагам.

Агаюнус пери сениң садагаң.

Мен айлансам атың билен өзүңден.

778. Бу сөзи айдандан соң, Көроглыны мейханадан харемхана элтилер, гөтерип харемхана барандан соң, йигитлерини янына чагырып:

— Хов, йигитлерим, Агаюнус! Мен-э өлмөн, ишалла. Өлмөсөмөм, хемишеки ялы йылдыз гөрөмдө гутулмарын. Өз вагты-сагады гелеңдө, ягшы боларын. Ене-де бу лешгериң үстөңө харажаты, аты, ярагы мейданда яйлып галмасын. Муны галада жөмлөп, галада той-томаша бериң.

Муны галада жөмлөп, галасына той-томаша берип, мырат-максадына етип ятыберди.

IX. ӨВЕЗ ӨЙКЕЛӨН

779. Хайыр, ягшы, хабары кимден ал? — Көроглы бег кырк ики еринден яра дүшүп ятыберсин гүн-гүнден гайра. Бир ай ятды — ягшы болмады, кырк гүн өтди — ягшы болмады. Хабары кимден ал? — Көседен.

Бир гүн мейхана үйшүшип отурдылар. Көсө айытды:

— Хов, йигитлер, бир кеп бар. Хей, сизин ядыңызда, оюңызда ёкмы?

— Көсө, нө кеп бар?

— Кеп шол, йигитлер: битап диенин аңры ужы кырк гүн болса герек. Шуңа я өлсе герек, я галса герек. Инди Көроглының өлени. Мунуң оглы ёк, агасы ёк, иниси ёк дийип йөрмөлиң, хемме задың эеси би дийип йөрмөлиң. Мунуң жаны чыкаса, хасаба гарындаш тапылар. Соңра пайлашжак болуп дурандан, шу вагт пайлашып голайылың мал-дүйөсини.

— Хайыр, ягшы! — дийип, Көроглының кырк йигиди ондан-ондан төрт бөлүнип, гоюнны дөрт бөлдүлөр, дүсөви, йылкысыны, гара малыны, газынасыны, ер-мүлкүни дөртдөн-дөртдөн бөлүп пайлашып отырдылар. Өвез жанам «Мени бир овуң ичине гошуп, менем бир пай эдерлермикө?» дийип, тама эдип отыр.

Өвезе сан-да ёк, санаг-да ёк. Көсө айыды:

— Хайт, Өвез, нөдип отырсың? Оды белендирөк галасаң болмыямы? Чөйпөк бери чайкадыңмы, чилимин сувуны төзеледиңми? Бар, атлара им бер, сува якып гөзлө.

780. Өвез жан ой-пикир этди. «Ай, йигитлер, алдык хабарңызы, — дийип, агамың эңегинден деми чыкайса, мениң көйнек-иштаныма ченли алып ковжак булар. Агам өлмөн, менем агамдан жогап алып, юрдума бир говушма энжамыны эдейин». Шуны ой-пикир этди. Гүнде үч вагт — дөрт вагт Көроглының янына гелип, гайдып дур эл-аягыны овкалап. Бун айдарын-эрте айдайын билен бир-ики гүн гөчди. Бир эңизлөп ятан адама хабар айытмак-да гаты кын-да.

Бир гүн эл-аягыны овкалап отырды:

— Хай, ага, арзым бар.

— Нөме арзың бар, Өвез жан?

— Арзым шол: сен өлүм мүтдетини өтүрдиң. Ишалла, өлмерсиң. Маңа бир жогап берсең, мен-де юрдума барып, энем-атама, доган-гар-

дашыма, яр-достума шу ерде вагтым хош, зейним чаг болуп гезип йереними бир билдирип гелсем, ничик боля, ага?

781. Көроглының әжизләп ятан махалы, Өвез җандан эшитәк хабары дәл. Көроглының гөзүнден яш гидиберди. Өвез җанам йыглады, Агаюнусам йыглады. Бир гүррүңиң үстүни ачмак кын. Ачавсоң, гайта-гайта айдыберди.

— Ага, җогап бер, ага, җогап бер! — дийип.

— Хай, Өвез җан, мен-ә саңа җогап берерин вели, сен гитсең гелмерсиң.

— Ёк, гелейин, ага!

— Ай, Өвез җан, гелмерсиң, гелмерсиң!

«Гелмерсиң» кән айдыберенден соң, Өвез җан еринден туруп, тахтада бир курхан барды, курханы алып, үч мертебе тогап этди, «ага, гелейин!» дийип.

— Хай, Өвез җан, яман этдиң-ә. Бар саңа җогап! Өвез җан, ирде—гичде ызыңа бир айланармыкаң?

— Ага, «Оба . . . агыр» диенлери. Бир йылда айланайын.

— Ёк, Өвез җан, айланмак болсаң, алты ай болсун!

— Ай, гараз, ага айлана билсем, айланайын-да. Өз гыссагым өзүмде.

782. Өвез җан бир йыл дийди, Көроглы алты ай дийди. Шейдиң Өвез җан еринден туруберенде:

— Өвез җан! Оглум ёк, гызым ёк. Огул өвезинде сакладым, өйлендирдим, иллендирдим. Иен дузуңы хакламак болсаң, ызыңа бир айлан.

— Хайыр, ягшы! — дийип, агасындан җогап алып, Өвез җан Ховалы гыр диен атыны мүнүп, нирдесиң Вееңнам чүв гойсун. Ёл узак, кеп гысгасына ягшы. Сүрүп Вееңнам диен юрдуна барды. Гелип, өз мейханасына, җайына дүшди. Хич ким муны танамады — гиденде юмрук ялҗак оғланды, инди сакал, мурт чыкан уллакан йигит болуп барды. Бир адамдан сорады:

783. — Өвез диениң энеси бамы? Булдуз гассабың зайпы.

— Бай, харемханасында отыр.

— Бар, сөйүнжиләп бар: мен Өвез оглуны гөрүп гелдим.

Бу адам ылгап гидиберди. Барды Өвез җаның энесиниң янына.

— Хай, кемпир, сөйүнҗи, сөйүнҗи! Сениң Өвез оглуң бамышын. Бир адам гөрүп гелипдир. Сөйүнҗими бер!

Өвез җаның энеси айтды.

— Хов, ягшы йигит, «Өвези гөрүп гелдим, сөйүнҗи! Өвези гөрүп гелдим, сөйүнҗи!» дийип, гелен адама ат мүндүрип, серпай ялып, менде мал-дүнйә галан дәлдир. Мен Өвезден тамамы үздүм. Сөйүнҗиңе ынанмыян сениң!

Дөнүп гелип айтды:

— Ав, ягшы йигит, ол-а мениң айданма ынанмады.

— Шол кемпириң өзи шу ере гелмәге ярамакмы?

— Ярамак.

— Әйсем мениң яныма бир гелип гитсин. Бар, айыт!

Яңкы адам гелип айытды:

— Ав, кемпир! «Мениң яныма гелип гитсин» дийип айыда—бир йигит отыр мейханада. Барып гайдыберсең-ә.

784. — Хайыр, ягшы — дийип, Өвез жаның энеси йериди. Гелип, мейханадан әтләп гирди. Өвез жаның энеси танамады. Таныманның себәби: Өвез жаның ахы-хесретинде йүзи-гөзүнден нур гидипдир, били бүкүлипдир: йыглай-йыглай, гөзлери шуллы болупдыр. Өвез жан энесини бу халда гөрүп, гөзүнден яш дөкүберди. Гөзүнің яшыны сырып:

— Хава, кемпир, сен инди Өвез оглуңы гөрсең, танажакмы? — дийип бир кепледи. Өвез жаны товшы билен танып, бир награ чекип, эссинден гидип, чашып ятыберди. Үч сагатдан эссине гелип, бойнундан гужаклап поса алып:

— Вах, оглум, асмана учдуңмы, дири гайып болдуңмы, я ере гирдиңми?

Өвез жан энесине гарап, «Мен саңа нирә гиденми саз билек беян әдейин» дийип, бәш келеме сөз айдар гөрек.

785. Эне жан! гафлат дүйшүмде
Бир гарышда тора дүшдүм.
Бела бар экен башымда:
Шо гүн сенден айра дүшдүм...

Ол дуран капыра дагдыр.
Инди өлмеклигим чагдыр.
Хошройлук бизе ягыдыр.
Көроглы голыга дүшдүм.

Мени мундан алып гитди.
Мүреввет жайына элти.
Чандыбилде ватан тутды.
Кыркың ортасына дүшдүм.

Өвез жан дийрлер адыма.
Адамлар янар одыма.
Хак етирди мырадыма.
Гайдып гелип мунда дүшдүм.

786. Бу сөзи айдансоң, Өвез жаның гелнине, яр-достына, гарындаш доганына сөйүнжилемәге атлы гидиберди шарпа-шарп. Өвез жан он гиже-гүндиз той-томаша берип, юрдуна говшуп, бу ерде болуберсин. Инди хабары кимден ал? — Гелип Көроглыдан.

Ики ай өтди, говрак үч ай өтди, ондан говрак. Кеп гысгасына ягшы, алты ай өтди — өңкүсинденем оңат гутулды. Хемише йылдыз гереиде ярасы ягшы. Бу сапар пир непесин тутмансоң, алты айдан ягшы болды. Хабары кимден ал? — Өвез жаның гиденинден.

787. Көроглы «алты ай» дийипди, Өвез жан «бир йыл» дийипди. Алты

ай өтди, Өвез гелмеди, бир йыл өтди — гелмеди. Кеп гысгасына ягшы — үч йыл өтди, Өвез гелмеди. «Өвез гелмеди. . .» дийип гезип йөр. Бир адам айытды:

— Хав, Көроглы! Сен «Өвез гелмеди, Өвез гелмеди» дийип, жаныңы якып йөрме. Кырк йигидиң ондан-ондан дөрт болүнип, сениң хемме задыңы дөртден-дөртден бөлешдилер, сени өлди хасап эдил. Өвезе сан-сагыч болмады. Өвез өйкеләп, чынайытдан гелмежек болуп гитди ол.

Бу адамдан ол хабары эшидиң, йигитлериниң янына гелип мени өлдүрип, хемме задымы пайлашыпсыңыз дийип, догрудан айдыбиленок.

— Хав, Көсе! Өвез жан-а коп акыллы, дана йигитди. Мениң гөвнүм-дөкипи Өвез жан тапяды, сизлер тапмыясыңыз.

Бир гыювлы гүррүң айыдыяныны Көсе аңлашы.

— Хав, Көроглы, «Өвез тапйа, сизлер тапмыясыңыз» дийип, гыдырып кеплеме.

— Хайыр, ягшы, Көсе, тапса, тапандыр-да — дийип, булар бу ерде назар тутуп болуберсин. Инди хабары кимден ал? — Ене Өвез жандан.

788. Гиденде, Юсуп шах диен патышаның гашындан гидипди. Өвез жан гелели бәри, патышаның гашына гүнде үч махал — дөрт махал салама барып гайдып дур. Патыша муңа гелдиңмем диенок, гитдиңмем диспок, саламынам алапкок, йүзүне-де гөзләнок. Бир гүнден — бир гүп Өвез жаң:

— Хай, тагсыр патышахым! Үч йылдан бәри мен сениң гашыңа салама гелип гайдып дурун. Хий, мениң хабарымы алмыясың-ла, тагсыр!

— Нәме хабар гөрек саңа? Сениң хабарың белли хабардан! Өзүңе сакал чыкып, мурт чыкып Көроглыдан йүз тапман гайдан адам диерлер. Белли хабар-да сениңки.

— Ёк, эйле дәл, тагсыр.

— Эйләңи-бейләңи билмейён, чык эрик-галадан, заңцар!

— Вах, тагсыр, бейле дийме-сене! Баяк кырк мүн лешгер гелип дүшди, кырк ики ерден яралы болды, өлер хала етди. Өлжөгини биленден соң, жогап алан киши болуң, меп бәри гайытдым. Ол вагтлар өлендир. Маңа бир лек гошун берсең, мен Чандыбилиң кесегиңден башгасыны гөчүрип алып гайыдың. Ёди патышаның газынасы ялы газына онда бар.

— Йит-ә, ёюл-а, газына-депине, мал-дүня зармы мен!

789. — Тагсыр, хич зада зар болмасаң-да хем, бизиң Гүлрух галды. Оны әкелсейин. Епе-де Көроглының Агаюнус перизат зайы бар дийип эшидийәмиң, тагсыр?

— Эшидийәс.

— Эшитсең, о-да мениң сөзүмден чыкмыя, о-да мениң биле биле гелйөр.

Шу ерде патышаның гөвни болүнди, перизат диенсоң.

— Перизадам өзүңден гойман гетирйәмиң?

— Гетирйөн, тагсыр!

— Бар әйсе, жогап, өзүң гошун жемләп, өзүң ал! — дийип, Өвез жаңа патыша жогап берди. Өвез жан дергазап болуп, бу галадан гошун жемлемәге айланышды. Жемлейән гошуны нәден? — бир мүн сейригәй, бир мүңи эйяр, бир мүңи хәзирбаш, бир мүңи вакыбаш. Мүң топ, мүң

шемхал, мұң чарайры, мұң заммырак. Бу гошун билен Өвез жан Чардаглы Чандыбиле чыкып йөриш этсин.

790. Хабары кимден ал? — Өвез жан гошуны жемлөп угран гүни гелип, Көроглының дүйшүне гирди. Гөзлесе, патыша болуп, туг гөтерип гелйәр. Тисгинип ояеды. Гөрсө, дүйши — йүвүрди мейханасына гаршы.

— Хов, Көсө, мен Өвез жаны дүйшүмде гөрдүм.

— Пах, пах, Көроглы, Өвез жаны гөрен дүйшүңден айланайын. — Эй! — диййә Көсө — нәхили гөрдүң, Көроглы?

— Шу хили гөрдим. . . Эгленд-ов, өз-ә гелмеди — дийип, кырк йигидине гарап, сазыны голуна алып, бөш келеме сөз айдар гөрек.

791. Эй яранлар, мусурманлар!
Өвез эгленди, гелмеди.
Бир ниче сүрдүм дөвранлар.
Өвез эгленди, гелмеди.

Ызында чекдим хижраның.
Тапылмаз дерде дерманың.
Вепасы болмаз огланың.
Өвез эгленди, гелмеди.

Гоч йигит дин ёлун ачар,
Ганымының ганын сачар.
Дузуң ийип, алдап гачар.
Өвез эгленди, гелмеди.

Ине бизиң Чандыбиллер.
Ачылыпдыр гызыл гүллер.
Көроглы, башыңа күллер!
Залым эгленди, гелмеди.

792. Бу сөзи айдансоң, Көсө айыды: «Залым дагы. . .» дийиберме, Өвез жан гелер-дә.

— Гелжөгни биз-де бирнеме аңлашяс, Көсө! Өвез жаның гөвни бизден гечен ялы.

— П. . . ийме, заңдар! Өвез жаныңам гөвни бизден гечерми?

— Ёк, Көсө, бир лек гошуна шах болуп, патыша болуп, бизиң билен урушмага гелйән ялы, гөвнүме болмаса.

— Бай-бай, Көроглы, урушмага гелйәр-ә?! Онам гайгы эдйәсен-ә? Шу Чандыбилиң топрагына гелип аралашямы өзи?

— Бир-ә гелйә, Көсө, башгасын билмийән.

— Гелсе, бир алажы бор. Көроглы, гайгы этме!

793. Көсө алжак авуны билйә. Хайыр, ягшы, булар бу ерде болуберсинлер. Хабары Өвез жандан ал.

Бир ниче гүн ёл йөрәп, сүрүп Чардаглы Чандыбилиң четинден гелди. Мунуң өз етик ерлери, гөзек ерлери, Чандыбилиң кыбласы Меж-

нун дагы. Өвез жаң бир лек гошун билең Меңун дагының тейинде тут тикди. Башта ерде шундан бейик дагам ёкды. Дагың гапдаларам ялаң гайнап дураң чешмеді. Түпең атдырмань, галмагал этдирмәни, атлысыны пытратманы, дагың тейинде үч күнләп сеңер газды. Сеңерини газып, чадыр-чәмәни тикип, гөвнүни бире баглап, «гел, мундан бир хабар алдырайып, олуңмикә я бармыка?» дийип, алты күрти япына чагырды. Берди кабланы, шөхләни, сүзмәни, чайы, чилими, меңи, шерабы, урды хошмады, хошаматлап чиширин:

— Хов, йигитлер, сизлер Көроғлының галасындан хабар тутуп гайдармысыңыз? — дийди.

— Пай, Өвез жаң, хабар тутуп гайдармышыңыз-а! Сенден эмир боланда, Көроғлының бойнупа танап салып гайдымыямы!

— Барың, хабар алып гайдың, аламапа гидипми, гуша-шикара чыкышмы, ширә гиденпи билип гайдың! Гелеңсеңиз, сизлери ат мұндүрип, серпай япып, көп сыларын!

794. Өвез жапың хошамайлыгыны эшдиң, алты күрти чыкып гидиберди. Пах, галың ала совутлы, ала чакмаклы, кәтмен сакал күрт, телпеклервиниң узынлыгы гез ярым, уңам биз ялы, бири-бирине айдышып гелйәрлер.

— Көроғлы диен жалатай заңнар галасына гитмәкәк, олуңмизден чыкып, атымызы тутаса ягыш — дийип гелйәрлер. Шулар ялы гайры ернә адамсы болса Көроғлыдан гайры адам атынам тутмыл, хабарынам алмыя.

795. Шол сүрүп геләине, сорап-сорап, мейханаң агзына гелдилер.

Көроғлам әртир билең чайыны ичип, чилимни чекип, донуны ястыңақ алып, ятак сопбақы гейип, мейханаңың агзында кичирәк кече ташлап отырды. Бир махалдан атлы гелиң, абапакка дурубәрди, салам-хелик ёк.

— Хав, йигитлер, хабарыңыз барың! — дийди Көроғлы. Бири бу яндан:

— Көроғлы өйде бам-айт? — дийди.

— Бар, хова.

— Бар болян болса, әшек оғрусы галтаман чыкып, ат тутса болмыямы!

— Чыкып ат тутмага табы ёк Көроғлының. Ичерде кесел ятыр. Нәме хабарыңыз болса, маңа айдайың, мен барып Көроғла айдарын.

— П. . . ийме, ичинде демі болса, чыксып бәрик!

— Хов, йигитлер, бейдиң дызап дурмаң ахыры! Биз-де Көроғлының гөрер гөз мәреми, сейси. Келиңи дамдырманжык барып айдаярыс. Бизеңик айдайсаңыз-ла ахыры!

— Эй, мәремиңе, сейсине бак-а! Хер илпигинде гезип йөрән итине көп айытмага гелемок. Өзи чыксып бәри!

796. Шейле диспәң, Көроғлы ичери гирип, телпегини, донуны, әдигини гейип, пычак-айпақтаны чарпара гысдырып гәрдейип чыкды.

— Айдың-ай, хабарыңыз болса!

— Хай, заңар, дов-телпек геениң билен, пычак, айпалта гысдыра-
ның билен Көроғлы болямың! Өзи чыксын бәри!

Буларың галмагалына йигитлерем жемлешиди.

— Көсө, маңа ичерден дутары гетирип бер. Мен шулара гарап, бир
нама гайрайын. Онсоңам шу кепени тапып дызап дурса, үч йылдан бәри
күпбар өлдүрмәниң-ә кичелениң шо. Онсоң гачар дешигиңи гөзлөбөр!

Элине сазыны гөтерип бердилер.

Булара гарап, гөзүни акжардып, муртун товлап, бөш келеме сөз
айдар герек.

797. Сизлер бизи бегенмер сиз.

Я сениңдир, я мениңдир!

Хөкүм әден улы иллер

Я сениңдир, я мениңдир.

Дағларың сереси Балкан!

Әдер мен сериңде талкан.

Эғниңдәки ала галкан

Я сениңдир, я мениңдир.

Кырк йигидим бардыр каза.

Атын якар гүл ховуза.

Чар перрели полат найза

Я сениңдир, я мениңдир.

Көроғлы атадан еке.

Кырк йигидим барды беке.

Эгнәмдәки ак ревка (киревка)

Я сениңдир, я мениңдир.

798. Бу сөзи айдандан соң, «Көроғлы» диенсоң, танап, йүреги
ярылды заңңарың. Башга кеп тапман:

— Ай, Көроғлы, бир чилим гетирсене.

Бу-да Көсө үмләп гойберди. Көсө-де ичери гирип, бүрүнч чилими
Гаршы теммәкиден отлап гетирип берди. Булар-да чилим тутмасын дийиш
өтиячлап, атың жылавыны билегине орап чекдилер. Горкан адам, гургун
чилим, Гаршы теммәки, чилимем раст тутды заңңарлары. Арканлыгына
гаршы йыкылып гидйәлер. Жылав элини ибермийә. Онсоң илерлигине
йыкылып гидйәлер. Эриң гашына маңлайлары гурч әдиш дегйә. Бири
айдя:

— Ай, Көроғлы, урмасана!

Эриң гашына маңлайы дегенде, мени урямыка диййә. Бири чаларак
чекен экени. Чаларак әссине гелип, сакалының сувуны сырып:

— Өвез гелди! — дийди.

799. «Өвез гелди» диенсоң, Көсө, йүврүп гелип, бойундан гуҗаклап,
алыныдан жүп отпада.

Вах, «Өвез гелди» диен дилиңе дөнейин-ов! Өвез жан нирә гелди?

— Бир лек гошун билен Межнун дагының дүйбүне туг тикди, «Көр-оглы уруш майданына чыксын!» дийип, бизлери бәри гөндерипди.

— Хой, йигитлер! Эннамлыжа хабарыңыз бар. Эртирден шейле диймезлерми ахырын. Барың, гайдыберияң. Иве бардык бизем!

Дөнүккә, гайдыбердилер. Көсә ала галмагал әдиберди:

— Хах-ов, йигитлер! Чаккан болсаңыз-ла, ат әерлесеңиз-ле, сура-хыслар-яраглар нирдә тапсаңыз-ла! Хай, Өвез жан гелипдир. Болса-ңыз-ла!

Эер, ёна, жүп айры тегмеден гондурып, булар-да ыңдарып гидибер-синлер.

800. Хабары кимден ал? — Яңкы алты күртден.

Булардан өңинчә, Өвез жаның янына гелдилер. Өвез жан айытды:

— Ай йигитлер, аждад гөрдүңизми, шир гөрдүңизми, яман ганыңыз гачып, терзиңиз үйтгөшипдир-ле? Чып, терзиңиз үйтгөшипдир-ле?

— Өвез жан! аждад, шир гөрөнчә болдук. Барсак, мейханасының агзында отуран экени. Озал-а танамаң, бирентек абайладык. Онсоң кырк йигидини жемләп, сазыны элине алып, бизлере бир нама гайырды — зәхрәмиз ярылды, Өвез жан! Инди шу адам билен йүзмә-йүз болсак, өлйәс, Өвез жан!

Өвез жаның ичине зым гитди-дә: «Хой, өлмән экен-ә. Инди нәме-дә болса бир лек гошуна шах болуп гелипдирин. Багтымы сынап, мунуң билен гум-кесек болшайын!» — дийип, өзи атланып, йыгынына бир хатар айланып чыкды. Догагөйләринә «дога билен болуң!», жадыгөйләринә «жады билен, хәзирбаш-вакыбаш болуң!» дийип, гелип, яшыл чадырың ичиндә, алтын тагтың үстүндә отурыберди — Өвез жан.

801. Хабары кимден ал? — Көроглының етик ерлери. Мунуң гүн-батарындан айланып, кыбласына гөчди. «Өвез жаның отуран чадырының гаршысы шудур герек» дийип, ат гамчылап, даг үстүнә чыкды. Көроглы-ның ичиндән бирнәме тамасы барды: «Йүзүнә йүзүм дүшсә, маңа сөз гай-тарабилмәс диен, салам берермикә» диен тамасы барды. Салам кайда, зат кайда! Гайта, әсәван әтсә, гурупдыр аклы-гызыл чадыры, ок атсаң, ере дүшжәк дөл, сап-сап, байдак-байдак, пырада-пырада, күрүс-күрүс, сан-жак-санжак, байдак-байдага какыля. Хер топларың ичини ики көнә ичмек билен сырып йөрлер. Галың күңрә ялы адамлар Өвез жаның гашында чайда, чилимдә, хызматда дурлар. Муны гөрүп, Көроглы гайта бегенип:

802. «Өвез жанам бу дәрәжә етипдир-ов. Түвелеме, түвелеме!» — диййә. Көроглы айытды: «Салам—улугдан» диенлери, «мен муңа салам берәйин-ле, буя маңа салам бермеди». Хайкырып, салам берди. Тап дүелә ит үйрен ялы, «нәме диесиң», диенөк.

— Хай, заңнар, гатыжа улалаң экениң-ә! Сениң келамдан ант ичип гиденнәңи ядыңа салмасам болмады! — дийип, сазыны голуна алып, Өвез жанә гарап, бәш келеме сөз айдар герек.

803. Берен саламым алмадың.
Салам урар, балам, сени!
Мен бир кембагал адамам.
Пулум ёкдур, алам сени.

Мөлеме, гузым, мөлеме!
Чавуң доландыр әлеме.
Нуксан гетирме келама.
Келама урар, балам, сени!

Мейданда гезем мерт кимин,
Ганыма дегем дөрт кимин.
Агзы ганлы ач гурт кимин,
Дагларда гыссарам сени!

Мес олуп, мессан отурып,
Ганымы диле гетирип,
Мунча лешгериңи гирып,
Яздырар мен, балам, сени.

Гожа дагларың гары сен.
Гырмазы гүлден ары сен,
Өвез! Көроглы яры сен.
Танамазмы әлем сени.

804. Бу сөзи айдансоң, Өвез жан эшидибем дур, дүшүнибем дур.
Зат билмедик киши болуп.

— Ай, мунуң айыдын сөзи нөме? Мувуң агзындан чапып, дадыны
берйән ёкмы?

Шейле диенсоң, сеңдерден тозанлап, күрс-күрс атлы чыкыберди.
Гелип, Көроглы дагы билен бир мейдан гаржашып, гылычлашып, гарча-
гарча урушдылар. Сет хезар Өвез жаның йыгынынң десси гайралып,
басылып, сеңдере тыкылдылар. Хер атлыбашысы, йүзбашысы өз атлы-
сын өңүне салып, таяклап, гамчылап гетирип урушдыра. Десси гайра
болуп, ене сеңдере тыкыла. Шу урушына Өвез жан үч гүн урушы.
Дөрдүнжи гүни гамчылааны-таякланы билен сеңдерден жандар чыканок.

805. Хабары кимден ал? — Көседен.

— Ай, Көроглы, сен бейледе дурубөр! Өвез жаның бу йыгынына
быссымылла нөме герек муңа.

Боздуманам чаккан болупдыр. Келлесини-де ялаңачлап алыпдыр.
Чыканның келлесини как, чыканның келлесини как. Шол сеңдериң
төверегинде гыгырып, ат гоюп гезип йөр. Көсе Өвез жаның йыгыныны
хуллас сеңдере. . . Гырмага айланышды-да.

Дөрдүленжи гүни Өвез жан йыгынына жар чекдирмәге айланышды:
«Гижи́р оглы Муста́на, ни́рде болсаң бол-а, ё́ртуп гел-ха!».

806. Өвез жаның гошунуның ичинде Гижи́р оглы Муста́на диен бири

барды. Бу-да улы серкердесиниң бириди. Көроғлының атасына Ады бег солтан диердилер. Мустапаның атасына Гижір диерди. Ады бег солтан бу Гижірге бир ерде бир ягшылык эдиіп, өлүмдеп гутарыпды. Бу Гижір Мустапа диен оглуна весъет берип гидиди: «Хай, оглум, мен-ә дүйөдөн өтүп барян. Шол Ады бег солтаның оглы Көроғлы билен бир саташасаң, шоңа бир достлук эдиіп, шол гаравсыны гайтаргай сен!» дийиіп, весъет берип гидиди.

Мустапа-да мунуң үчин-де ойланып гелйәди. «Бу-я дуз иен ерине каст эдиіп баря. Мунуң ишиниң ровач алжагыпы алла билсин. Эгер десси плери болайса, Көроғла көмек берейин» дийиіп, Өвезе душман, Көроғла дост болуп гелипди.

807. Иҗар чекиленсоң, гелди Өвез жапың янына.

— Хав, Мустапа! — дийди Өвез жан — Үч гүнден бәри сен бу урушларда гөрүпийәсиң-ле! Иә хыялың, пикирлериң бар сенің?

— Мениң хич хыялым ёк, Өвез жан! Мен гезип йөрен салпы аягың кепи билен уруша чыкмыян, өзүңдеп буйрук болмаса!

— Бар, өзүмизден эмир — уруш Көроғлы билен!

— Ажап боля, гуллуқ! Өвез жан, мен Көроғлы билен екме-ек урушарың! Мениң ызымдан жаңдар чыкарма.

Чык диениңде, чыкып ятаюк. Мустапа Өвез жапың гашиңдан Көроғла гаршы сүрүп гайдыберди. Мустапа-да гелеп еринде ойланып гелйә: «Бу-да мениң достдыгымы билйәндир. Озал палапча мертебе тейден хат гойберипдим. Муңа деслапдап өзүми танатсам-да болар. Мунуң өзи билсе-де, йигитлери билмез — горкусына доган болупдыр. . . — дийиіп айдарлар. Шуңа өңинчә гүйҗи зорлугымы гөркезып, онсоң өзүми танада-йын» — дийиіп, гелйә. Көроғлам муны даг үстүнде гөрүп дур.

— Хов, Көсе! Бу йигиди гөрйәмиң?

— Гөрйөн, Көроғлы!

— Бу йигит үч гүнден бәри урушда ёкды. Өзүңден миннетдар йигит болмага чемели. Өзем екме-ек дийиіп гелйә. Бизиң-де Көроғлы адымыз бар. Намартчылык этмән, биз-де өңүңден чыкалы. Биарман болмасын.

808. Гелип, Мустапа Көроғла найза урды, Көроғлы галкан тутды. Көроғлы Мустапа найза урды, Мустапа-да галкан тутды. Бир мейдан ат үстүңден найзалашып, галкан тутушып урушдылар. Мустапаның гүйҗи Көроғла сет хезар зор: атдап агдарайып дийсе, агдаржак. «Алла, муны агдарсам, бир ерине дам дегип, ахмал эдермикәм» дийиіп, Мустапа ояна—бу яна гачтаклаберди. Бир махалдан бир жарың үстүңден гелди, тейи гөк чәге. «Шу ерде саңа хич зат болмасын герек!» дийиіп, Көроғлыны галкан-палкан билен атдан йыкды. Көроғлы ятап еринде гыгырды.

— Мени чая басаң йигит! Сен ким? Адың беян эт!

— Маңа Гижір оглы Мустапа диерлер!

«Гижір оглы Мустапа» диенсоң, Көроғлының жапы ара гирейди, озалдан дост дийиіп эшидиіп йөренсоң, ене-де айытды: «Бу заңдар хоша-матлык билен мени ахмал эдәймесе ягшы. Өзүңден зор гелен адама ялбар-мак айып дәлдир» дийиіп, бир бәш келеме сөз айдар герек.

809. Сапайы ава чыканда,
Бир мерт оглы Мустапа бег!
Догрыма-догры, йүзбе-йүз
Бизе дурдуң, Мустапа бег!

Чагыранда, хәзир этгин.
Бир неват гүнәхим өтгүн.
Бизе бир доганлык этгин,
Гайрат этгин, Мустапа бег!

Мест олуп, местан отурдым.
Ганымы диле гетирдим,
Кырк ики яра гөтердим,
Ниредедиң, Мустапа бег?

Атланып, месте чыкайлы,
Ганыма гыя бакайлы,
Өвезиң тугун йыкайлы!
Сөвешәли, Мустапа бег!

Ашык болуп, серин асан,
Гапжыгадан келле асан,
Көроглыны чая басан,
Чек найзаңы, Мустапа бег!

810. Бу сөзи айдансоң, Мустапа бег айтды:
— Көроглы, мен саңа деслабам озүми танытжакдым. Гүйч-зарбымы
гөркезейин дийип, этдим бу ишлери.

— Хай, саңа бәс бамы, чек найзаңы!

Мустапа-да найзаны чекип алды. Көроглы-да еринден туруп, икиси
гуҗаклашып, гөршүп, атланып, Көсе дага гаршы сүрүп өтәгитдилер.
Хабары кимдәң ал? — Өвез җаның йыгывындан.

Өвезиң бир тама эдйәни Мустапады. «Мунам дога этди, җады этди,
өз янына дөндерди. Инди бизиң, вай алла, гүнүмизе! . . .» дийип, «атлан-ха
атлан, гач-ха гач!» болубердилер. Гүбүрт-де басгы болуп, сеңҗериң ичи
ала тозан болады. Көсе-де даг үстүнә гөрүп дурды. Мунуң басыланыны
билип, гыгырып, ат гойды оя гаршы.

811. — Хай, заңдарлар! Сеңҗериң ызына етсеңиз-ле, җандар
чыкармасаңыз-ла! — дийип, Көсе йыгының ызындап етип — Ур, йык,
саныч, агдар, гаңыр, бас! — каклашдырып гидиберди ковуп.

Көрогла пир непеси «гачаны ковужы болма» диенлери. Мустапа билен
атдан дүшүп, чадыра гелип, чай, чилим бедессур кылыберсин.

812. Көсе уршуп, даг ичинде ат гоюп гезип йөрди. Бир махалдан
дагың говагындан чыкып, Өвез җаң гыгырыберди, әлини булап.

— Хай, Мәхрем ага, бәри гелевери, хав, бәри гелевери! Салав-
малейким, хав! Салавмалейким!

Көсе әсеван әтсе, Өвез жан әлини булап тыгырып дур. Боздуманың жылавыны дөндерип, басды гамчыны.

— Хай, Өвез жан! Сениң дидарыңа ене йүзүмизин дүшмеси бар экен-ов!

Етмәкә, атың үзеңнисини яздырып гелйә. «Гелевери, Өвез жан!» дийип, атлашдырып алып гайдыберди. Гелйән еринде Өвез жан айдыя:

— Ай, Мәрем ага! Мен-ә бир п. . иймекчилик, йүзүгаралык әтдим. Агамың янына нәме кеп, нәме жоғап билән барарын? Бир маслахат бер!

813. Көсе муңа тыңралып гелйә:

— Ай, Өвез жан, маслахат бер-ә, бир лек гошуна шах болуп, туг гөтерип чыкыпсың. Векилли, везирли, гушбеги-мәтерли болуп чыкыпсың. Әлбетде, өз геңешини өзүң тапжаксың-да. Тапыбер өзүң геңешини!— дийип, тыңралып гелйә.

Өвез жан аркасындан, бойнундан гуҗаклап:

— Вах, садагаларың болайын, бойңа дөнейин, бейле әтмесене!

— Өвез жан, бир алаҗы болар-да.

— Мәрем ага, өлдүрмесе боля шу сапар. . .

— Өвез жан, өлүм-ә бейледе дурсун, мениң саглыгымда саңа хор-лугам ёкдур!

814. Шул геливүне сес етер ялы мейдана гелдилер. Өвез жан атдан дүшүп, гол говшурып, Көрогла салам берди. Саламы алман болямы. Көроглы саламы ичинден алды. Өвез жан янына гелебилмән, аңырсында ере бакып, чөк дүшүп отурды. Көроглам терсирек, гаңралып отыр. Көсе-де бир ерде Боздуманы баглап, одуң башында бир чилим чекип гелди Көроглының янына.

— Көроглы! Нәме терсирек тыңралып отырсың? Өвез жаның хабарыны алсаң болмыямы?

— Нәме хабар герек муңа?

— Әлбетде бир хабары бардыр. Ал хабарыны!

— Айдыберсин, хабары болса!

815. Көсе Өвез жаның янына гелип:

— Айдыбер, Өвез жан, хабарыңы, горкма, горкма!

— Хав, ага! Арзым айытсам, бир йылда гелжекдим. Оба. . . агыр диевлери, үч йыл әглевдим. Бир гызың, ики гызың хууну берип әкидейин дийсем, сен Агаюнус апамың үстүне өйлене билмейесиң. Ат әкидейин, серпай әкидейин дийсем, ол затлара сен зар дөл. Онсоң ойландым: агам үч йылдан бери уршуп хумар әдендир. Мениң билән душан киши болуп, әлиниң гиҗиси галыңар — галышар дийип, гөвнүме гелди. Шу бир лек гошуның үстүне хараҗаты, аты, ярагы агама галар дийип, гөвнүме гелди. Шундан башга берим, пешгеш-ымгам тапмадым. Йүзүм гарадыр, ага!

816. — Ха, кепиңи тапдың-а, заңңар! Болмаса сениң өлжек тезегинди шу сапар.

Көсе айдыя:

— Өлжекми-дагы дийберме. Өвез жан бизиң гөвнүмиздекини билйер ахыры! — дийип, Өвез жаның әлинен тутуп, Көроглының үстүне гетирип:

— Өт гүнәсини, өт, гөрүш, заңңар, гөрүш!

Көсс әркине, жаына гойман, икисини гуҗаклашдырып гөрүшдирди,
Өвез жаңың иш башарабилмәнине. Мустапаның доғанлык әденине,
Өвез жаңың элине дүшенине вагты хош болуп, бәш келеме сөз айдар гөрөк.

817. Сен гидели үч йыл болды.
Бу йыгына башдыр Өвез.
Бу ишлер алладан болды.
Айып әйлемәң, яшдыр Өвез.

Бир гиҗе дүйшүмде гөрдүм.
Шах болуп атланым йөрдүм.
Леке шахың гызын бердим.
Менден гөвни хошдур, Өвез.

Тут тикениң Меҗнун дагы.
Ылгап өтсем сагы-согы.
Не себәнден болдуң ягы?
Бизиң билен кашдыр Өвез.

Нечүн яныма гелмедің,
Береп саламым алмадың.
Өз гадрың өзүң билмедің.
Тутан ишиң бошдур, Өвез!

Көроғлы мессан отурды.
Гиҗир оглы иш битирди.
Сени несибәң гетирди.
Инди юрдуң дашдыр, Өвез!

818. — Көроғлы, «дашдыр-пашдыр» дийип, кепи көпелдип отурма,
атлансан-а!

Бу йыгны гырып, олҗашдырып, олҗалап алып, дөнүп, галага гай-
дыберсинлер. Мустапа-да «Сен-де хеззет-сылагың, дем-дынҗыңы алып
гайыт!» дийип, мунам алып гайытдылар. Галасына гелип, Көроғлы
айытды:

— Хав, Көсе! Озал кеселләп, ягшы боламызда, той-томаша бери-
билмәндик. Хем онуң тойы болсун, ене-де «Гул мырады — гачмак» диен-
лери: Өвез жаңам юрдуна барып, гөвнүни җемләп, ене элимизе дүшүп, —
мунуң тойы болсун! Доғанмыз болан Мустапа. Мунуң-да тойы болсун,
бу-да тойы гөрүп гайытсын.

Бу олҗалары галага сиңдирмән, той-томаша бериң.

819. Он гиҗе-гүндизләп, той-томаша берип, нан диене — нан, теңде
диене — теңде, серпай диене — серпай берип, ат чапдырып, алтын габак
атдырып, багшы айытдырып, тойыны совуп, Мустапа-да ат мүндүрип,
хеззет-сылаг әдип, мунам юрдуна угратды.

Мырат-максадына стди.

Х. КЕМПИР

820. Хайыр, ягшы, хабары кимден ал? — Көроғлы ярасындан гутулып, Өвез жаңына-да эе болуп, әхли шайы-мессебе от якдырмады.

Бу йыл Көроғлының уршы элмыдама Нишавыр билен болды. Ай-ланды чапды, долаңды чапды.

821. Хабары кимден ал? — Нишавырың патышасына Балыбег патыша диердилер. Бир гүн сыпайыларыны йыгнап, маслахат этди.

— Ханы, йигитлер, мунуң маслахатыны бериң, бу эшек огрусы галтаман заңдар юрда от якдырмай.

Сыпайылар геңеш бердилер:

— Тагсыр, муны чагырып гетириң, берим-пешгеш бериң, ат мундуриң, серпай ялып, ярашык эдиң, тагсыр!

Патышаның гарры везир барды, оны гетирип, ондан геңеш сорады.

— Хай, палаң везир, өзге сыпайылар яңқы геңеши бердилер, сен неме дийәсиң?

— Тагсыр, ондан геңеш болмаз, берим-пешгешиңи алар, атыңы мүнер, серпайыңы геер, гайдышын юрдун бирян четинден чапавыл уруп, ол гидер. «Гурт чагасы экди болмаз» диенлери, жалатая ялып гүн геребилмерсиң, тагсыр!

— Әйсе, мунуң геңешини сен бер.

— Мунуң геңешини мен берсем, тагсыр, онуң Межнун Дәли диен Гыр аты бармышын. Шол ат билен Көроғлы болуп йөрәкмишин. Ат аягының тейинде болмаса, он сыры даша гүйжә етмийәнмишин.

— Оны ненең эдиң аларкаң, везир?

— Оны зор билен басып алабилмерсиң. Зер берип сатып алабилмерсиң. Берим-пешгеш, эпгамы көп берсең, шу галада жаңындан гечен адам бардыр, хиле билен алмага. Хиле билен аларсың, тагсыр!

822. Бу көп патышаның говнүне макул гелиң, галасына урдурыберди жары. «Хер ким Көроғлы сүннениң Гыр атын гетирип берсе, хәзир бәш йүз түмен тылла берйән. Гайдып гелеңде, бир яп боюна мүшрип әдйән. Омүр өтинчә, ийжәк-ичжәгини патышалықдан берйән».

823. Бу галада ики саны әр-хеләй барды. Йүз сегсен яшына гирен. Әриниң адына Леңдер баба диерди, зайшының адына Шахмамайы-Зулман диерди. Оңа Хырсиби хем диерди. Шахмамайы Зулман айтды:

— Леңдер баба, мен гидип әкелебилмезмикәм шуны?

— Хай, заңнар кемпир, мен сениң биз-алачаңы сатып, овкат эдиپ отырып. Сен гидеңсоң, мен ач өлейин-дә?

— Ёк, әйле дәл ол. Бәш йүз түмен тылланы нагт берәкмишини патыша. Мен саңа гоюп гидйән, өлсең-де доюп өлйәрсиң.

— Бар, элиңден иш гелсе, саңа жогап! — дийип, кемпире жогап берди баба.

Кемпир гелди патышаның гашына. Салам берип, гол говшурып дурды.

— Хав, мама жан, хабарың бер!

— Хабарым: Көроглының Гыр аты гөрек болса, бәш йүз түмен тылланы сана, тагсыр!

— Ий, өзүң шу халда, кемпир, ненең эдип әкелжәк оны?

— Тагсыр, оны адам шекилли адам әкелебилмез. Мен ялы сухан-гөй, жадыгөй, айяр кемпир әкелер оны.

824. Бу кемпир хеммә белли әкени. Везирлери гүвәлик бердилер: «Тагсыр, адам оглы адамзат әкелсе, шу кемпир әкелер. Мунуң догагөйлүкден, жадыгөйлүкден, айярлыкдан сыра деңи-тайы ёк, тагсыр. Ериң тейинде гөвүшсе-де билйә би.

Патышаның гөвүшә макул гелип, бәш йүз түмен тылланы сапап берди. Кемпир бу теңдәни хаммала гөтердиң, өйүне гетирди. Леңдер баба табишырып, бәш тылла бир мачы әшек алып, Гүржүстан барян сөвдагәре гошулып, чүз гойсун.

825. Ёл узак, гөп гысгасына ягшы. Бир гүн кервенлер илки агшам-дан «тиркишини гаты чек, асса гөплә!» диймәге айланышдылар. Бир хикмет бардыгыны аңлашып, әшегини хайдап барып, кервенбашының ызындаң етди.

— Хов, кервенбашы, бу гиҗе ямап гаты гаясың-ла, не гөп бар?

— Ёк, мама жан, шул барян еримиз Чардаглы Чандыбилиң кыбласы, онуң хәкими Көроглы бег диййә. Азаң-гүи чыкана галсак, пачәкат дийип, хеләк әдер. Шондан гачып барярыс.

Чандыбилиң, Көроглының адыны әшиденсоң, кемпир өкјә огурлап, кервенден галмага башлады. Үзүлин галып, «Алла, ёл чалгыма дага чыкайса, ызымдан тиркешдирип әртиң болмазмыка» дийип, әшегинден дүшүп, кичи көйнегини чыкарып, . . . билен сүйшүп, йөримәге айланышды.

826. Әртеси Көроглы:

— Көсе, шунлар чай пулуны түкетдик, ёл чалгап гайдайлы-ла, өтен ким бар, гөчен ким бар.

— Ай, Көроглы, өзүң бир барлаг эдип гайдыберсене, шу вагт нәмә бардыр диййәң.

«Хайыр, ягшы» дийип, Көроглының тенха өзи ёл чалгамага чыкды. Бир топар кервениң ызы гелди. Ызарлап, алып, ковуп гидиберди. Бир махалдан бир әшеклиниң ызы бу япа айрылып өтәгитди. Әшегин гаңдалында башга бир түйсли ызам бар. Шол ызарлап барярка, япы ёкары чыканда, «хайыр, ягшы» диййәр, япы ашак икенде, «леңдер берип басып-дыр, богаз маяның ызымы» диййә. Бир дөдә чыкып, аңыр ян оя гөзлесе, бир әшек дур, әшегин гаңдалында бир кемпир ятыр.

827. Бу кемпириң агзы оҗак кимин, дишлери кешҗе кимин, алкымының ашагының дамарлары пешехананың басдырмасы кимин. Йүзигөзи эплем-бүклем, уссаның көне көрүги ялы.

— Ав, мама җан, бу ерде нәме ишләп ятырсың?

— Оглум, мен бир юрда барядым, бир топар кервен билен. Кервене эермедим. Кервенем шу ерде ташлады гитди мени. Гешлишиң бир мусулманчылыккы бенде болмага чемели. Мен өлмәге якынладым. Мениң үстүме бир-ики пил топрак атавери, оглум.

828. — Хай, мама җан, сени өлдүрмерин. Мүн эшегиңе, сени тала әкидейин.

— Эшек-пешеге мүнере кувват өкдур, гойнуңда шапбат ялы наның бар болса ташлавери.

— Эшегиңи мүнүп отырыбилмесең, мен сени артлашдырайын, алып бер әлиңи бәри!

— Мениң гурсагым ерден галҗак дәл — дийип, ятан еринден әлипи узатды. Көроглам әлинден силкип иберди, . . еңил заңдар ыргып мүнди атың сыртына. Эшегини өңүне салып, тала гаршы гайдыберди.

829. Көроглы бир ерден теленинде, Агаюнус пери гуҗаклап атдан дүшүрди, огулсызлыгы-гызсызлыгы ядына дүшмесин дийип. «Атдан дүшүрейин» дийип, дашары чыкса, сыртында маймын ялы болуп, бир бетпешене кемпир отыр.

— Хов, Көроглы, муның нәме?

— Агаюнус, саңа бир сүбсекеш эне әкелдим, эне!

830. — Көроглы, энең-де гурсун, йүзүң-де гурсун! Шул кемпири нирден әкелен болсаң, доккуз мезил аңрысына ташлап гайт! Ондамам аңры дагдан өтрүп ташла, дагдан өтрүп, иштанына даш салып, деңзе ташла! Көроглы, шул кемпириң яман түйси бозук гөрүнйө. Я өз башыңа етер, я Гыр атың башына.

— Хай, «начарың сачы узын, аклы гыста» диенлери, шувуң әлинден бок иш гелйәми!

— Гелсе гелмесе-де, харемханама салабилҗек дәл, Көроглы: нирек әкитсең, шоңа әкит!

831. Көроглы тосурдап, гахар эдип, «Сен гөзлемесең гөзлеме, өзүмиз гөзлейәс!» дийип, ызына алып гайдыберди. Гелип, мейхананың гапдалында хуҗре барды, ташлап, артан-сүйшен саркындыдан ибермәге айланышыберди Көроглы.

Көроглы кырк йигиди билен шерап ичип, ука гиден махалында, кемпириң эдйән пишеси—мейдандан бир дессе оты йгып гетирип, атың өңүне ташлап гая. Бир ай ятды, оты силкип бермәге айланышды, ики ай өтди, йүз-гөзүнден сыпамага айланышды. Үч ай өтди, кемпир аты өвренишдирип, өз янына гечирди.

832. Бир гүн сөйисхананың ичинде ялаңачлап, ямашгандан эшикләп, ахыры янап мүнүп, сөйисхананың ичинде албассы ялы болуп, о яна — бу яна чап. Ене аты баглап, хуҗресине гелип, «ат чапмаңам өврөндим» дийип, «Булары бир дерде саташдырмасам, маңа әкитдирмәз»

дийип, сейир догасыны окамага отурды. Бу гүн Көроглының йигитлери билен бир агыры пейда болмага айланышды, үч-дөрт гүнлөп айрылмады.

833. — Хов, йигитлер, шол кемпири чагырып гелиң, шонуң хекимчиликден хабары бар алыды-ла, янында бирнеме хейкел-пейкел гөрүн-йеди.

Кемпири чагырып гелдилер.

— Хав, мама жан, келлөмизден бир агыры пейда болуп, сыра айрылышмады, хекимчиликден хабарың ёк, алла?

— Ай оглум, бизи бир совук тама ташлап гояйыпсың-да, бизде нөмө эмел ёкды. . .

— Эйсем бизиң дердимизе бир делалат болавери, мама жан!

— Оглум, мен бир төлей гөзлөйөн — дийип, голтугындан хейкелини алып, бир-ики агыз о яна-бу яна агдарып, бир ере геленде:

— Оглум, өтен айың ичинде бир мазарыстанлыкдан гечдиңми?

Көроглының элмыдам гезип йөрөн ери мазарыстанлык.

— Гечдим, мама жан.

— Шонда келлөңе гайсар диен бир дерт ёлугышдыр. Яңы ёлуган махалында, өңүни алсаң гутулярысың, ёгсам хеммөң гыргына гидйөрсиң, оглум!

— Вах, мама жан, дердими билдиң, дерманыны беребилсең!

— Дердини билен дерманынам тапып берер, оглум, Менде бир дерман бар, хеммөң ичсең, гутулясың, оглум.

834. Кемпир юрдундан гайдан махалында, чемелирөге-де бир чүйшө бейхуш дерманыны салып, чермегиниң ичинде бөнт эдиپ гайдан экен. Яңкыдан кәсәни ярымчылык эдип, Көрогла берди. Онсоң Өвез жанына, Сапар Көсө башлыклайын кырк йигидине. Ичен йыкыл, ичен йыкыл, тигир баглашып ятыбердилер.

Мундан Агаюнусың янына гелди.

— Ай Агаюнус жан, оглум, бу дерман билен Көроглыны кырк йигиди билен гутардым. Сенем ичермиң?

Акыллы, әхтиячлы адамының иши бир башга.

— Мама жан, сен өңинчө бир ич-де, ызындан бизлере теперрик эдип бер!

— Хайыр, ягшы — дийип, ичен киши болуп, кәсәни алып, яшмагының тейинден гукоп иберди. Ики эмжегиниң арасы билен, гөбегиниң үсти билен баякы ере бараңда, ики бөлүнип, барып месисинде жай болды. Агаюнус-да ынанып ичди, бу-да гитди эссинден. Гүлширине берди, бу-да гитди эссинден. Галды бир өзи зомпарып. Гам-гайгысыз болуп, Агаюнус периниң алтынлы тоңжыгасыны алып, башына санжып, Гыр атың эер дүзгүнини, алагайшыны алып, бир гылдан эерлөп, Гыр атын мүнүп, мейхананың агзына гелип:

— Хов, Көроглы, «бир гара — бир гара, бермедигиң йүзи гара!» Атың ориуна эшеги гоюп гитдим. . . — дийип, нирдесиң Нышавыр чүв гойсун.

835. Инди хабары кимден ал? — Көроглы дагыдан. Кемпириң бейхуш дерманы үч гүнлүк экени. Үч гүнлөп ятып, дөрдүнжи гүн ягшы болуп туруп, чай-чилиим бедессур кылып:

— Ай, Мәтел, Гыр аты гетир, гуша-шикара чыкайлы, келләмиз ягшы болды.

Мәтел йүврүп сейсхана гелсе, Гыр ат ёк. Әерини гоая жая гелсе, о-да ёк. Йүврүп гелип:

— Хав, Көроглы, Гыр ат ёк.

— Әердизи бармы?

— Ёк.

Әердизи ёк диенсоң, Агаюнусың деслапкы айдан гөпи ядына дүшди. Гыссанып:

— Кемпир бармы, гөзле! — дийди.

836. Кемпириң, болян жайына гелсе, кемпир кайда, аат кайда! Көне топбусы, месиси, аңры-бәриси чашып ятыр кемпириң. Үч гүнден бәри ач дуран эшек гулагыны чемен алдып, хычгырып бу дур.

Көроглы, кемпириң-де ёк, Гыр атың-да ёк, орнуна әшегини гоюп гидипдир, кабул этсең!

837. Көроглы бир награ чекип, — эссиңден гидип, чашып ятыберди. Үч сагатдан соң эссине гелип, зар-зар йыглап отурды.

Көсе айытды:

— Көроглы, йыглама, Гыр ат болмаса, Ховалы гыр бар, ине бизиң Боздуман бар.

— Хай, саңа бир эәхер бар, мерез бар, Көсе! Йүз мүң ат Гыр атың бир мыхы-тарына дегйәми? — дийип, Гыр атыны ятлап, бәш келеме сөз айдар герек.

838. Арап атың тарыпыны айдайлы,
Эбришим-йүпекден ялы герекдир.
Боздуман аяклы, бәзбент тойнаклы,
Тылладан какылан налы герекдир.

Үстүне мүнөңде, сапа коюңлы,
Мейдана гиренде, йүз мүң оюңлы,
Дегирмен сагырлы, ач гурт эгинли,
Оңурга ортасы долы герекдир.

Үстүне мүнөңде, агзыны ачар,
Күпбарлар өңүңде кой кимин гачар,
Сөвеш гүн ат салсаң, боз көпүк сачар,
Гоч йигидиң аты дәли герекдир.

Көроглы айдар, Алы пирим яр болса,
Сөвеш гүни гоч йигиде яр болса,
«Бәх» дненде, алмаз тылыч парласа,
Үстүңде Мухаммет, Алы герекдир.

839. Бу сөзи айдандан соң, Агаюнусың янына гелип:

— Ай, Агаюнус, Гыр ат ёк.

— Ай, саңа бир зәхәр ёк, мерез ёк! Мен деслап айтмадыммы, шол шум заңңар бирден-бириң башына етөр дийип. . .

— Индики пушманың пейдасы ёк. Агаюнус, маслахадыңы бер!

— Маслахадың нә билейин!

— «Нә билейин» дийип отурма, маңа гахар әдип. Нирёк гиденини бир билип бер!

840. Агаюнус сейир догасыны окуп, дырнагына гөзлесе, яланчыда нәме иш болса билип билйә.

Төрети тәзе кылып, ики рекагат намаз окуп, сейир догасыны окуп, дырнагына гөзледди.

— Көроғлы, баякы кемпир нишавырлы әкени, Гыр ат Нишавыра гидишдир. Көроғлы, сен Гыр ат билән Көроғлысың. Гыр ат аяғың тейинде болмаса, сен итден говумы? — дийип йылгырды.

841. Көроғлының гөвнүне гелди: «Бу-я десгире йылгырды» дийип пикир әтди. «Атың ызындан гитсем, гелерден гелмезим гүмана. Билип болмаз, совук-бет хабарымы әшдегайса, «ягышы йигидиң ясы еди йыл» дийип отырмыка, я өт-гөчдән бир бойны ёгыны гөзләбирмикә?»

— Агаюнус, мен атымың ызындан гитдим, Нишавыра бардым, барамсоң, Көроғлы әкендигими танап өлдүрдилер. Мен өленде, сен ненең әдип аглажак? Мен әшдип гидейин — дийип, донуны гыя бүренип, янында сүйнүп ятыберди.

Шу ерде Агаюнус пери Көроғлының баш уңунда отурып:

842. Бояг болсаң, кимлер гелмез яныңа,
Арап атлы, демир донлы Көроғлы!
Көп ганымлар сувсамышдыр ганыңа,
Арап атлы, демир донлы Көроғлы.

«Бәх» диенде, полат яйы чекеди,
Яны ере дегмез, шейле бекеди,
Айышлыкда — бир атадан екеди,
Арап атлы, демир донлы Көроғлы.

Арап аты үч гүн, дөрт гүн сакларлар,
Гөч йигидиң саясында уklarлар,
Гарып өлсә, үч айдан соң ёklarлар,
Арап атлы, демир донлы Көроғлы.

Оглуң ёкдур сениң биле гитмәге,
Гызың ёкдур сениң ясың тутмага. . .
Карарым ёк сөксиз ялңыз өтмәге,
Арап атлы, демир донлы Көроғлы.

Мениң ахым гарлы даглар әридер,
Гөзүм яшы сув дегирмен йеридер,
Муны айдан Агаюнус перидир,
Лачын гөзли, шир пенжәли Көроғлы.

843. Бу сөзи айдансоң, Көрөглү өринден туруп:

— Берекелла, Агаюнус, өлсөм-де, сенден разы инди!

— Хов, Көрөглү, сен Гыр атың ызындан галандар болуп гидерсиң. Маңлайыңдан дөр чыкар, аякларың габарар. Жепасыны чөкерсиң, онсоң саңа пеян берер. Озал саңа Гыр аты худай тагала аңсатлык билен бериңди, жепасыны чөкеңокдың. Херки задың жепасыны чөкмөсөң, пеяны болмаз, Көрөглү!

844. Агаюнус Көрөглүның кимха донуны, шөмле гушагыны, пычак-айпалтасыны, гундуз сопбажыны, сагры өдигини — хөмме гейимлерини сырып алып, галандар лыбасыны гейдирмөгө айланышды. Башына күла, эгнине жөнде, голуна хүммет хаса берип, голтугындан бетбагт кәдини асып:

— Бар, ипиңи алла оңарсын! — дийип, Агаюнус жогап берди.

845. Гелди мейханасына. Көсө эсеван этсе, Көрөглү галандар лыбасыны гейипдир.

— Ай, Көрөглү, бу нә тутум, бу нә тутум? Бир жонтук алаша гитди — дийип, иң соңунда диваначылыга айланжак болдуңмы, муны!

— Ёк, Көсө, диваначылыга айланамызок. Баякы кемпир нишавырлы экен. Гыр ат Нишавыра гидипдир. Мен ызындан галандар болуп гитмөсөм болмады. Мен айланып гелинчөм, мениң Агаюнусымы, Өвөз жаным, Гүлшириними сыра ынжытмаң! — дийип, кырк йигидине гаршы гараң, бөш келеме сөз айдар герек.

846. Кырк йигидим, алла ярың, гелинчөм,
Веснетим — перизады ынжытма!
Гыр атымы алла гола беринчө,
Веснетим—перизадым ынжытма!

Гыр ат дийип, агтарсам дагы-дүзлери,
Бир йылда гелмөсөк, идәң бизлери,
Өзүм өлсөм, рухум голлар сизлери,
Веснетим — Гүлшириним ынжытмаң!

Алла берсе, Гыр атымны алар мен,
Дост хайсы, душман хайсы билер мен,
Бир йыл өтүп, кырк бөш гүнде гелер мен,
Веснетим — Өвөз жаным ынжытмаң!

Хер хайсың бир ердө бейхуда гөзмөң,
Биажал өлменем, умыды үзмөң,
Агзалалык эдиң, юрды бозмаң,
Веснетим — перизадым ынжытмаң!

Көрөглү бег, пикрим-зикрим аллада,
Мениң үчин барча болуң догада,
Хөммөңизи хак сакласын пенада,
Веснетим — хич хайсыны ынжытмаң!

847. Бу сөзи айдандан соң, кырк йигидини галада гоюп, чыгып
өтөгитсин.

Ики гүн ёл йөрөп, үчүлөнжү гүн Сапар Көсө кырк йигит билен
ызындан ковуш етди.

— Хов, Көсө, хабарыңы бер!

— Көроглы, сен бизе гал дийёесиң, сенден галып галада канахат
эдиш отурыбилжек дөл. Сениң билен гитмесек болмыя, Көроглы!

— Хав, Көсө, мениң төвөлламы алың, галың! Бир ерден бир ере
барып, зор билен алып болмаз, зер билен сатын алып болмаз. Мысапыр-
чылык чексем, алла тагала элиме говшурармы, нөдерми. Сизлериң сыра
деркар ериңиз ёк, гайдың!

— Көроглы, гайдың-гайдыңы кен эдйёесиң бизе, шұны сынамақдан
үчри айдямың я чындан?

— Чындан айдян, Көсө!

— Чынайытдан айтсаң, бизлере гайталап бир несихат бер! Пеян,
зелел, айланып гелинчөң, шол маслахатыңы тутайлы.

— Хайыр, ягшы — дийиш, кырк йигидине несихат берип, бөш
келеме сөз айдар герек.

848. Мен саңа өвүт берейин,
Ватан терк эдижи болма.
Өзүңден гайра намардың
Гуллугын эдижи болма.

Ишикден өтирлер төре,
Йигит олду — орнун гөре,
«Гел» дийиш инделмеген ере
Галкынып барыжы болма.

Өтме ягшыны гөреңде,
Халыңдан хабар аланда,
Бир дертли йыглап дуранда,
Янында гүлүжи болма.

Бир йигит зурятсыз өлсе,
Яйла долы малы галса,
Иллер оңа талаң салса,
Сен ондан алыжы болма!

Гожа даглардан ёл ала,
Ак йүзи гоша хал ола,
Бир начар эесиз гала,
Сен оңа давыжы болма.

Ягшының йүзи жөннетдир,
Оны билмек ганыматдыр,

Намардың иши миннетдир,
Зер берсе, алыжы болма.

Өвүш-ха, Көроглы, өвүш,
Көрханада бишир сөвүш,
Дөвүшсөң, мерт билен дөвүш,
Гачаны ковужы болма.

849. Бу сөзи айдандан соң:

— Йөрүң, йигитлер, гайдайлың! — дийип, Кесе дөнүп гайдыберди.

Көроглы: «екөннң яры худа» — пыядалап сүрүберсин. Ташнавадан башга ызгар ери отуран адам, аяклары монжук-монжук, хал-хал габарды. Маңлайындан дер чыкды, жепасын чекди. Пыяданың неме харажаты бар, чай хумары гелипдир, ханы муңа чай! Чилим хумары гелипдир, ханы муңа теммәки; неше хумары гелипдир, ханы муңа неше! Чөл мейдан билен мейниси эленип, аклы чашып баряды.

Бир махалдан гапдалындан ак сакал баба чыкып:

— Хой, оглум, ёл болсун! — дийди.

850. Гахары гелип дуран адамың геплиши өзүңизе белли:

— Баба, мени ёлагчылыга иберипмидиң, ёл болсун дийип?

— Ёлагчылыга ибермесем, сен маңа хабарыңы берип гит, нирё барясың?

— Мениң хабарымы алып, мени озал илчилиге иберипмидиң?

— Вах, оглум, булар ялы гызма тылыгыңы гойсана. Өңүңде кент ёк, илат ёк, юртдан чыкып барясың ахыры!

— Юртдан чыкып барян болсам, көнеден галан хакың бар болса, тутуп ал шу ерде!

851. Гайтаршып дурансоң, «кесбиңден берекет тап» дийип, гайып болуп өтөгитди.

Көроглы хайран болуп дуруберди. Бабаның гөрнен ерине гелсе, бабаның ызам ёк, тозам. Роваятда айдядылар, Хыдыр алайыссаламды би. «Алла, мениң ишим кежине болд-ав, кежине болмаса, мен бу бабаның янына гелмезмидим, хайыр патасыны алмазмыдым! Гел, хер задам болса шири-худа пирим чагырып гөрейин бакалы — дийип, бөш келеме сөз айдар герек.

852. Бу ишлерни такдыр худа эйледі,
Етишевер, Шахымердан я Алы!
Мени шул гөтенден жүда эйледі,
Етишевер, Шахымердан я Алы.

Мунча гүнлүк ёллар бардыр арада,
Гайгы-күлпет гүнбе-гүнден зыяда,
Өлер болдум шу ёлларда пыяда,
Етишевер, Шахымердан я Алы.

Гөч йигит башында кылу-каллар бар,
Хич түкенмез менде хили-халлар бар,
Етебилмен, илсиз-гүнсүз чөллөр бар,
Етишевер, Шахымердан я Алы.

Йүз йигрими дөрт муң өтен пыгамбер,
Абубекир Сытдык, хезрети Омар,
Көрөглыны голда, я шыхы-Хайдар!
Етишевер, Шахымердан я Алы.

853. Бу сөзи айдандан соң, Алы кайда, зат кайда! Ене бир мейдан йөриди. Бир депе чыкып, о ян — бу яныны гөзлесе, аклы-гаралы гөз гамашя. «Худайым, дүйшүм болмаса ягшы» дийи гелсе, өз гойны, өз гоюн чопаны экени.

«Шыяда нәмекә?» дийиш, чопанлар ылгашып гелдилер янына. Гөр-селер, Көрөглы агасы. Башында күла, эгпинде жеңде, голунда хүммет хаса, голтугында бетбагт кәди — галандар лыбасыны гейипдир.

— Ха, ага, бу нә тутум? Шунча мал-дүйнөң мейданда гезип йөркө, небсиңе хай бермән, ене гедайчылыга чыкдыңмы?

— Ёк, чопанлар, гедайчылыга чыкамок. Баякы кемпир нышавырлы экени, Гыр ат Нышавыра гидипдир. Меп ызындан галандар болуп-ха барян.

Бирн бу яндан чыкып:

— «Уллакан адам көвек бор» дийиш эшидипдим, чын экен-ов.

Онда Көрөглы айтды:

— Ха, о пичик?

854. — Ага, сениң өзүңе алжырап йөрөн адам диерлер. Онуң мүнени Межнун дөли — Гыр ат, йүз сегсеп яшындакы юмрук ялы кемпир. Кемпири бир дагдан өтенден ойнап йыкар-да, ат агшам бизиң янымыза гелер. Сен гидип хеләкчилик этме, агшам бу ерде болагай.

Көвеклиги шу, ынанды муңа:

— Гел, болсак болагайлы — дийиш, бу ерде болмакчы болды.

Бахана билсн чопанлар безим этди-дө.

Чопанларың . . . өз гойны өзүне, гөтер, союбер: яхнаны, чинш кебабы, тамдырламаны, ишлсмәни, гөммәни — бу гун чәш галандан, эрте чәш галынча, хез этди-дө.

Эртеси чәш галансоң:

— Хань, чопанлар, гелен Гыр ат?

— Хай, ага, сениң бу срдедигиңи нәбилсин. Кемпири ойнап йыкан болса, бир дагың отлаг еринде отлап йөрендир-дө. Дагың үстүне чыкып, Гыр атыны чагырып, бир нама гайырсаң, овазаңы эшдиш гелер.

855. Мунда-да ынанды. «Гел эйсем нама гайрайыш» дийиш, дагың этегине ярмашып барярка, чопанлар ызында пышырдашя:

— Хай, дөлине гөрә тапан заңар! Мейханасының агзына барып, бир салам берип гайдабилмийәдик. Дагың үстүнде бир намасыны эшитсек боля-да, хергизем пәше гелйәр аты.

Даг үстүне чыкып, Гыр атыны чагырып, бир нама гайырсып бакалы.

856. Энең бир авытдан, атаң ак гушдан,
Чандыбилде беследигим Гыр ат, гел!
Сени мүнөн гечер мал биле башдан,
Чандыбилде беследигим Гыр ат, гел.

Белентдир сагрысы, гурыдыр башы,
Дөрдүндөн бөшпө баргандыр яшы,
Сөвөш гүни гөч йигидиң ёлдашы,
Чандыбилде беследигим Гыр ат, гел!

Гыр атым гиденде, бахар-яз иди,
Гөзи гирян, тойнаклары төз иди,
Оны алып гиден Хырсың гызыды,
Чандыбилде беследигим Гыр ат, гел.

Дөвлөт билеп мүнсем сениң үстүңө,
Бир шум кемпир гелди сениң кастыңа,
Көроглы бег, жебир эйледиң достуңа,
Чандыбилде беследигим Гыр ат, гел!

857. Гыр ат кайда, зат кайда. . .

— Хә, заңар, мени бир гүн ёлдан гойд-ав, — дийип, дагдан ылгап дүшүп өтөгитди. Шол гелүвине гелди Аразың чайының үстүндөн. Гөзлөсө, мөвч уруп акып баря. «Пекә-первердигәр-ә, бу ничик иш болды? Гыр ат аягымың тейинде боланда, маңа жыкыр салмача гөрүнмийәди. Гел, шунуң гүзеринден бир хабар тутайын» дийип, гүзерине гаршы йөреди.

Гүзерине гелсә, Гыр атың ызы дучакәр гелди. Эсеван әтсә, кемпир мүнәүпдир ата, басыпдыр гамчыны, он бөш гез аңрысына дүшүп, ол гидипдир.

Мунуң сеңрийдип өтсә ызыны гөрүп, бир вагра чекип, эссинден гидип, үч сагатдан эссине гелип, деряның боюнда йыглап отурды.

Ене өзүнә гөвүнлик берди:

— Хов, гөвнүм, мелул болма, йыглама. Йыгламак бир ярамазың, муханнесиң ишидир — дийип, Гыр атыны ят эдип, зар-зар йыглап, бөш келеме сөз айдар герек.

858. Дөли көңлүм, мелул болма,
Мелул муханнес ишидир;
Дөли Гыр ат деркар болды,
Ат кишиниң гардашыдыр.

Сен атыңа гуллук әйле,
Чыкар донуңы, жул әйле,
Йймини, отун бол әйле,
Ат кишиниң ёлдашыдыр.

Галкан йигиде галадыр,
Гасдын билмесең беладыр,
Доган догана пенадыр,
Эмекдеш дивал дашыдыр.

Ягшы гүнүң бирлик эдер,
Яман гүнүң салып гидер,
Ахыр муханнеслик эдер,
«Ядыңкы ялав» ишидир.

Гал-ха, Көроглы, галавер,
Досты-душманың билевер,
Тур-да бөш вагтың кылавер,
Саңа галажак бөшидир.

859. Бу сөзи аякландан, бир ат үссүне абанакга-да дуруберди.

— Оглум, алып бер элиңи бөрик! — дийди. Чекип, атың сыртына алып:

— Юм гөзүңи! — дийди. Гөзүни юмды. Үч сагатдан соң:

— Гөзүңи ач! — дийди.

860. Гөзүни ачса, бир даг үстүне гелип дүшүңдир. Дүшөн ерем гайнап дуран чешме. Бу ерде чай-чилиим бедессур кылды. Кыбласында бир гала гөрүңди.

— Оглум, бу галаны гөрйөмиң?

— Гөрйөн.

— Ине гөрсөң, оглум, Нышавыр шу. Хол, кыблада элеслөп дуран, — оңа Севзигер диерлер. Нышавыр, Серви даг икиси утгашык гала шекилли. Оглум, аңыркы гала барма! Бөрки галада, Нышавырда, оглум, ховлукма, бир йылың доллар, худай тагала атыңы онсоң элиңе говшулар.

Көроглы бейлесине бир гөзледди, — гөзүңден гайып болуп, ол гитди. Шири-худа пириди би.

861. Ол гиденсоң айыт: «Алла, атымың дуран ерини сорап галсам болжак экен-ә» диййә, «гелен инди өзүм тапарын-да» дийип, дагдан пыядалап, ылгап дүшүп өтөгитди.

Гүн батмака, дөрвезе япылмака гелип, гала гирди. Хайсы ерден ышк чыкса, ишикден баря:

— Таңры мыман алян киши бармы?

— Йит, ёюл, заңдар!

Ол ишиге баря:

— Таңры мыман алян киши бамы?

— Йит, ёюл!

Бу ишиге баря:

— Таңры мыман алян киши бамы?

— Ёюл!

862. Нирә барса, «Йит-ёюл, йит-ёюл», ковун йөрлер. Мунуң ковулан-ның зерары, кемпир аты алып гачып гелип, патыша табырышдыр, па-

тыша-да жар чекдирипдир: «Хер ким шу галаңың түркмен лебзинде гөплесе, оны мыман алса, башы өлүмли, малы талаңды, ызыңыңам оң тылла бакысы бар» дийиң, жар чекдирипдир патыша.

863. О ерден ковул, бу ерден ковул, гиже ярым агшама якыңлашды. Көроглы бир көче билен гидип баряды. Бир махалында гапдалында мейханадан бир зөңзөле бар, асман-пелеге чыкя. Кырк галаңдарың үстүндөн гелен экени би.

Кырк галаңдар эден талапыны шу мейхана гетирип, саз-сөхбет безим эдйөн экенлер.

Көроглам дашардан гөзлөп дурды бир сагат. Эсеван этсе, галаидарлар гуруңдырлар отуз ики сазы бир гулакдан: кернай, сурнай, баламан, гыжак, дутар, чиңңирә баб, аргулум. Бир четрөкде ики саны чөпи элине алып, накыра какып отурды. Галаңдарлар бир мейдан саз эдип, «Демдыңч алайлы, чай-чилиим бедессур кылайлы» — дийип, сазлары дивала сөйөп гойдулар.

864. Көроглам өтлөп, ичери гирип:

— Салавмалейким! — дийди.

— Хай, заңңар, түйсн бозук, нешәни учурдың, өтме бәри, отурыбер шу ерде!

Көроглы иштигң агзында дивала аркасыны берип чоммалып отурды. Галаңдарлар чай ичйө, чилим чөкйө, неше атя. Көроглың-да гөвиң талвас берип дур, берилмесе, алач нәме. Биқар отурабилмеди. Эсеван этсе, гапдалында галаңдарларың тары дуран экени; элине алып, бөш-алты гезек какып гойды. Бу яң гапдалың гөзлөсө, кернай дуран экени. «Шунуң ичи көвөгрөк гөрүнйө, чалмасы аңсатмыка» дийип, элине алып, петигө гарап, рас бөш-алты гезек зоррадып иберди.

865. Нешебент галаңдарлар «Асмандан бир бела инди гөрөк! . .» — дийип, чыкып гач, чыкып гач, мейдана чыкып авшаршып дурлар. Булар гиденсоңам гөянок би, онуң ызындан сурнай, онуң ызындан баламан, онуң ызындан гыжак, иң соңундан алды элине дутары. Оңайсыздаң гелен бир намалар гайыря, бир намалар гайыря. Дутары билбил ялы сайратя. Мунуң саз чалышы галаңдарларың гулагына якып гитди, еке-екеден гир отур, гир отур. Бурны гапан ялы болуп отырлар. Бу-да бир мейдан дутар чалып, дутары дивала сөйөп гойды.

866. Еке-екеден гелип гөршүп итырлар. «Салавмалейким-ха, салавмалейким».

— Хай, жора, сен энайы йигит дәл болмага чөмли. Сазы бичеме говы чалың экениң, бизлере гайым йигит болмага чөмели, сен бизлере аслың бөяң эт!

— Аслыма етип, гыз гөчүржөкми маңа?

— Ох-ов, сениң демиң яман шахырак гөрүнйө. Сениң чайдан-чилиимден хабарың бармыка диййән.

— Хә, элбетде бар.

— Чилим билен ничиксиң?

— Берегайың.

— Гөкнар билен ничиксиң?

- Онуң биленем аз-кемрэк. . .
- Нас билен, шерап билен ничиксиң?
- Сорынчаңыз, уруп-уруп бериберсеңиз-ле!

Хеммесини йөрүтди.

867. — Хов, жора, бу тарыклары йериден адам, бу сазлары чалан адам бидерек болмаз, шу саза гошуп, бир нама гайрабилмийемиң!

- Билйән.
- Эйсе, бу саза гошуп, bize бир нама гайрың бер.

Кероглы айытды:

— Йигитлер, мениң нама гайраным-а ягшы. Мен бу лебзи билмейән. Түркмен лебзини билйән.

— Пах-пах, диллериңе гуван, диллериңе гуван! Эшитжегимиз түркмен лебзи, ялаң түркмен лебзинден айдавери, хеммемиз дүшүнерис.

— Ине дүшүңеңиз — дийип, Кероглы өз сынасыңдан хабар берип, галандарлара гаршы гарап, сазыны элине алып, бөш келеме сөз айдар герек.

868. Ышкың көчесинде пинхан гезейдим,
Маңа бир гаррыжа залымдан болды.
Йигит өз дилинден галар белага,
Сабыр әдебилмедим, дилимден болды.

Бу бейик дагларың ләлесин тирсем,
Газап әдиң галаларыны көйдүрсем!
Балың ийип, балыңыздан айырсам,
Ары йыглар — маңа балымдан болды. . .

Бу ышкың еллери серимден өсер,
Гөвүн нәни сөйсә, достуны күйсер,
Эренлер гылыжы әлсузы кесер,
Әлсуз айдар — маңа әлумдан болды.

Рөвшен бир пириң этегин тутар,
Ыгтыкат әйлеген мырада етер,
Сәхерлер чыгыршып дурналар өтер,
Дурна айдар — маңа үйгүмден болды.

869. Бу сөзи айдандан соң, галандарлар: «Пах-пах, асмандакы учуп барың дурнаны гетирип, саза-нама гошуп айдайшың-ов. Сыра мунуң деңи-тайы ёк экени!»

Иң соңунда «дурна» диенине дүшүп талыпдырлар. Галандарлар әдибердилер маслахаты «Хов, жоралар, мунуң ялы багшы йигит, мунуң ялы ягшы йигит бизлере тапдырмаз. Шуну гош патыя әдиң, ичимизден яздырмалың-ов».

Керогла гарап:

— Хай, жора, сен бизлере гайым йигит экени, бизиң билен гош патыя болуп, бизиң ичимизде гезйәсиң. Сени яздырмаяс бизлер.

Көроғлам:

— Мениңем идөп тапман йөрөн йигидим сизлер ялы йигит. Хәли сизден говусы ёк — дийип, булар билән лөвдехене алышдырды. Кырк галандар, ине мунуң билән кырк бир галандар болды.

— Хов, жора, сен бизлере адың баян эт. Ким сениң адың?

— Адымы яңкы наманың аягында баян этмедимми, Рөвшен дийип?

— Хай, гоя, онданам ат бормы! Илде гезен лакамлы адыңы айыт бизлере. Гөч йигидиң ады ики болса гөрөк.

— Илде гезйән лакамлы адыма Шах галандар диййөлер.

— Хай, ине бу адың ятшы.

870. Адына Шах галандар гоюп, буларың ичинде Нышавырың Көроғлы.

Галандарың башга пишеси бамы? Эртеси Нышавырың галасына бөш авара, он авара бөлүнип-бөлүнип өтөгитдилер, талап этмөгө.

«Булар нөме талап эдйөкө, жаным?» — дийип, кө бу топарың ызына дүшүп гидйө, кө ол топарың ызына дүшүп гидйө.

Бу галандарларың эдйән талапы: көрвөн базарына гелсе, бир гысым дары-жөвөн, бакгал көчөсинден гелсе, бир чилим, теммәки, ярым гай-надасы чай, гассапларың үстүнден гелсе, товгун юмургасы ялы гөшт, көси сиңир-дамар, көси боюноңурга. Жерчилериң үстүнден гелсе, гөзи дөвүк иңде, оймак, гөзмөңжук, дадран, аңры-бөри.

871. Көроғлы ичинден айтды: «Ай заңарлар, эдйән талапыңыз шундан бала-чага эклөп, шундан чай пулы артдыржаг-ов шулар.

Буларың эдйән талапына гөвни етмәни, ахыр базар булардан айрылыпды. Барып, галаның кыбла дөрвөзөсинден чыкды. Бир улы ёл гиди-берди чыкып. Бу ёл гелийөкө, дагың дөрбөндиңден гечди. Мунуң аңырына гечип, бир дагың говагына гирип ятды. Башарабилсе, бир иш этжөк гөвни. Яңкы дөрбөнтден пейшинден соң базарчы зовлап аңры өтүп дур. Мунуң хич хайсына гөрнөнок. Мунуң ислейән базарчысы хәзир геленөк. Гүнем икиндиңе якышлашды.

872. Пах, гөзлесе, ики саны беззал гелийө, сөвдасы оңан беззал өзүңе белли. Мүнүпдир гидижәи ёрганы, чекипдир гүдри көпжүни: жүп айры тегмөдөн даргып, хоржунның үстүне . . . кесе ташлап, зерли тахяны чөккө гоюп, ашгын, талхын, ылгар ёллара гыгырып гелийө. «Яздыр, Төрө ханым, дүвмели элиңи» дийип, Үргенч ёлуна-да гыгырып гелийө.

Көроғлам букулы ятан еринден:

— Гелсең гелибер бакалы, дүвмәңи өзүм яздырын!

Дөрбөндиң бөрсинден беззалларам барды. Көроғлам дагың говагындан товсуп чыкып гелөкте-де, дөрбөнди алып, абшарып дурбөрдү.

— Салавмалейким, жоралар, гелевериң, бир гөршөйлиң! — дийип, элини узадып гелийө. Беззалларыңам совлара ери ёк. Налач болуп, элини узатдылар. Көроғлы хер хайсының элинден тутуп, атдан агдарып алып, башындан айлап-айлап, дагың йүзүңе бир япды, бейниски чым-пытрак болуп, «элчух» дийип, жаң бердилер.

873. Булары гайым дынчлап, ябылары тутуп, сыртындан ганжыганы кесип, хоржуны алып гелип, ябылары өз угруна ковуп гойберди. Ябылары алса таналжак.

Хоржуны башашак силксе, өзүңе белли харыды, хер дүрди мата бар. Кувватлырак алачаны ики дүвүп, маталары чыкап, одун гөтереп ялы арка алакка гайытды олжаны уруп.

874. Хабары кимден ал? — Галандарлардан. Ахыр базар мейхана жемлешдилер. Шах галандар ёк. «Сен билдиңми-ха, сен билдиңми?». Бири айыды:

— Ахыр базара барды.

Онда бири айыды.

— Икиндинем тентиреп йерди.

Шейдишип отыркалар, илки хупдан махалы Көроглам гара сува батып, матаны гөтерип, ишикден гирди. Матаны ортара дүвлendirәккe-де зыңды.

— Хов-хов, Шах галандар, бу нәме? Бир ерде огрулык этдиңми? Деррев хабарыңы бөр, заңдар!

— Маңа чай-чилиим бериң. Мен демими растлаң, онсоң хабарымы берейин.

— Чилими-чайы соңунданаң ичсең боля, ызындан эеси гөлмәкә айдыбер деррев!

— Ай, эесини гайгы этмә, эесини дывч әдендириң.

875. «Әесини дынчладым» диенден соң, муңа чай-чилиим бердилер. Чай-чилиимден сейрап болуп, дерини сырып, булара хабар бермәге отурды.

— Хов, жоралар, сизин әйән талапыңыза гөвнүм етмәни, ахыр базар сизден айрылышдым мен, өзбашыма бир талап әдип гөрөйин дийип. Беззал базары диен бир базарыңыз болар экени, өзбашына гиден сарай, көчә. Гирдим бир чегинден. Бир ақ сакал беззал отуран экени. Дүканы-пың оңүне барып айтдым, ашгын, талхын, тутдум Мешребин әңдамлы газалларына, гулагына якып гидип, сары кирпичи берди. Онуң аңыр янында бир гара сакал беззал отуран экени. Оңа-да барып айтдым ашгын, талхын. Гулагына якып-гидип, дарайымы берди. Онуң аңыр янында бисакал яш беззал отуран экени. Оңа-да айтдым. Ашгын, талхын гулагына якып, хемедан тирмәни берди. Берениңден-ә газал билен багрын әредип алдым. Бир-ики-ярымына бирнемә гыңралыбам алдым.

— Булар-а газал билен алыпсың, бейлекилер нәме?

876. — Сары беззал оны берди, гара беззал муны берди, ол оны берди, бу муны берди — дийип, ызыны ламмыр-луммура урды. Шопуң билеп канагатландырды.

— Хав, жоралар, маңа беззаллар табшырды: бу галада сениң талхының, Мешребин гулагымыза якыб-а бердик муны. Муны бу галада сатма. Бу галада сатсаңыз, бизиң ағамыз-хожайынымыз бир гезип йөрөп дивана, шунча матанам берәймек бормы дийип, бизи урар. Ол Сөвзевара әлтип сатың дийип айтды маңа.

877. Әртеси галандарларың бири эшеге йүкләп, Сөвзевар әлтип,

сатып гелди. Бир хоржун пул-теңге. Ай, мунда талап барыны аңлашды галандарлар.

Маслахат этдилер, шуны баштутан эдейлиң дийип.

— Ав, Шах галандар, сен бизиң ичимизе баштутан болясың, сени баштутан этжек!

Онда Көроғлы айытды:

— Мен баштутан болжак дәл. Сизиң чениңизи бозук гөрйән мен. Мениң диеними этмерсиңиз сизлер.

— Ёк, Шах галандар, сениң диениңи эдейли.

— Этсеңиз, кыркыңыз топлумыңыз бозманы гезсеңиз, мен бир адамыны ур диенимде, ики урсаңыз, онсоң баштутан болян мен. Мениң баштутан боланым шу. Бунлар базарда талап ёк, баккалларың пәли гачыпдыр. Беззалларданам алжагымызы алдык. Тайханың үстүне ги-дейлиң, бирнеме галла жемләйлиң.

Кырк бир галандар болуп илатың үстүне чыкып гитдилер.

Байталлысы байталны мүнүп, ябылысы ябысыны мүнүп, әшеклиси әшегини мүнүп бардылар илатың четинден, итлери үйрүзип.

— Эмма, жоралар, галланы аз берсе, ур дийип айдарын — дийип, Көроғлы галандарларына табшырды.

Галандар бир хоржун теңге әе болуп, гөзи гызарыпдыр.

«Телпегини ал дийсең, келлесини алайлы» — дийшип, дызашып дур-лар.

878. Бардылар бир байың гапысындан, «үйүп-де үйүп» болуп. Мунуң ичнине Шах галандар бардыгындан хич кимниң хабары ёк. Хемишеки галандарлармыка дийип, йыртык тирде бир гысым дары чыкарып берди-лер. Шах галандар тири голундан гаңрып алып:

— Уруң! — дийди.

Кырк галандар «ур-ха ур» эдәйдилер. Тейи гаты ер, үсти депги. Яңкы байы уруп сүйндүрдилер.

Мундан айрылып, ене бир гапа бардылар. Мунда-да дөвүк чанакда бир гысым жөвен чыкарып бердилер. Мунуң чанагыны элинден алып, галандарлара үмлөп гойберди Шах галандар. Мунам уруп йыкдылар.

— Хав, йигитлер, бу илатың-а кән угры ёк, ене бир илата гидейлиң.

Бу илатдан гидип, ол илата бармака, ене бу илатдан ол илата хабар дүшүпдир: «Хав, илат! Хабардар болуң: баякы кырк галандарларың ичнине күңре ялы бир жылы галандар пейда болупдыр, галланы аз бер-сең, тап депәңи дешйә...».

Бәрден баранындан, илатың ак сакаллары, яшуулылары өңүнден чыкып: «Хов, галандарлар, дуравериң-дуравериң! Сизиң герегиңиз галла болса, йүкүңизи тутарыс. Илата аралашып, бала-чагалары горкузып йөрмәң».

879. Гетирип берйәлер бәш батман, алты батман. Гап-гап гетирип берип ятырлар. Ай, хор гөркезип алан талапың бир башга-да. Гелип бир тамы дары-жөвенден долдурдылар.

«Чарва байлары яйлап гелендир» дийип, овлак-гузы бийрлер дийип, мунуң үстүне чыкып гитдилер.

Бу-да мунуң дабарасыны эшидиң, гумуң четинде саклап, гетирип берйәлер. Экиз тайы овлак буларыңкы, сүрә ярамап серке буларыңкы, шахы дөвүк гечи буларыңкы. Бир гези көр гечи буларыңкы, готур тысан, мама тысан буларыңкы. Сүрүп алып гайдыбердилер.

880. Мейхана гетирип пайлашдылар. Адама бир жүп гечи дегди, бир жүп артды.

— Шах галандар, артаныны нөме эдерис?

— Артаныны союп ийәйиң.

Муны ийип, Шах галандар айтды:

— Хав, жоралар, бу йыл гечи аррык болупдыр, муны гүне биримиз бакып, раст семридиң пейлиң, хезил эдер ялы.

Гүне бири бакмага айланышды. Кырк гүн бакып, кырк биринчи гүн Шах галандара гезек гелди.

— Шах галандар, сени баштутан эдиң, саңа гечи бакдырмарыс. Сениң гезегинем биримиз бакарыс-да.

— Ол айданың болмыя. Мен обамда суз гезегими кишә ынанмыян. Өз гезегими өзүм бакарың.

— Бар, баксаң, бак! — дийдилер.

881. Гечилери өңүне салып, хайдап алып гитди. Кырк гүнләп бакылан гечи, экине өврөнөн гечи. . . не чир битеп гечи гурутышы жайтардып мундан муңа гитйә. «Геч, дур!» дийип, Шах галандар гыгыря. Ёк, болан дөлдир, . . ысгатсын-ла.

Көроглам ойланды: «Ай, заңнар Көроглы, иң соңы бу гала гелип, гечи бакар болдуңмы, бу ерде я бала-чагаңы эклибилмиңиң?»

Бир гара сөвдүң тейинә гелип, бир хаданы чекип әкелип, гез ярымдан кесип, эл тутарны иңчеләп, гечилери гапдаллап, йүврүп өтәгитди. «Әкине башлап» отуртмыян шахы дөвүк гечи сенми-ә» дийип, ур-йык, деп-өлдүр. «Ызигәр овлак сенми? . .» дийип ур, йык-да өлдүр. «Готур гечи сенми? ур йык-да өлдүр. Оны онда, муны мупда, ур-йык, деп-өлдүр. Бир азрагы галды, өзем ядады. «Хайсы бириге хеләкчилик әдсән-ә», галаныны бир атыз көрпә габап гайдыберди, «ий-де ярыл, өл!» дийип. Өзүне дегер ики гечиниң гулагындан тутуп, гала гаршы сүйрәп гайытды.

882. Пах, сакаллы адамың сакалындан тутсаң, аялың сачындан тутсаң, гечиниң гулагындан тутсаң, жаны ёк. Гечилер хер бир дилини чыкарып гыгыранда, галаны гөчүрейип диййә.

Галандарлар мейханада жемленшип отырдылар. Бир шовхун чыкя. Ики санагы чыкып гөзлесе, баякы Ша галандар гелйә, гечилериң гулагындан тутуп тагырдадып.

— Гечилериң буянкысын нөтдикә?

Онда бири айтды:

— Бир сөвдагара, гөтире сатандыр.

Гелмәгә ховлугып гыгырдылар:

— Хов, Шах галандар, гечилериң бейлесини нөтдиң?

— Хай, гечиңиз-де гурсун, юрдуңыз-да! Гечилери әкитмәкә, маңа айытмазлармы ахыры?

— Нөмөни айдайлы?

— Юрдуңызда гурт-телевирт диен бир задыңыз болар экени, гечилериң отлашына хөвөс болуп, көл этегинден гүм этегине гечираманмы. Бир топары дахыл гелди. Өңүмдөн сүрүп алып өтөгитдилер. Баша бар-мажагыны биленимден соң, өзүмө деген ики гечиниң гулагындан тутдум отурдым. Өзгесини өк этди.

Бири айытды:

— Иң соңунда бизлери ач-гырып гояр болд-ов би.

Ондашы-ёлдашы айыт:

— Озал тапып берен ким оны?

Гечисини тама габап, мейхана гирди Көроглы. Хеммесине-де дүшүндирип айытды. Галандарлар дашары чыкып, ичери гирип, огрынца эдибердилер маслахаты.

Бирси айытды:

— Мунуң элиндэки ики гечисинем басып алып, . . . не какып ковайлың! Бизе хезил бержек дөл би.

Онда бири айытды:

— Ёора, әдеп сакла. Гүррүң башлап, мунам агаби әдейлиң. Агаби, сениңки макул дийип, сениң чайың говы, теммәкиң говы, чайнеге чай сал, чилиме теммәки сал билен хемме задыны иерис. Онсоң өзи гүм болуп гитмийәми!

883. Көрогла гарап:

— Хав, Шах галандар, гечилер болса башың садакасы болсун. Бизниң юрдумызда гүррүң-мейлис диен бир задымыз бар. Сени агаби эдиң, гүррүң башлажакдык бизлер.

Онда Көроглы айытды:

— Бизниң юрта-да бар ол кеп. Бир ерден гелен салшы аягы «агаби, агаби» дийип, иеген болядылар. [Соңундан айтды]. Кырк кишиниң агабиси болсам болагайын-ла.

884. Галандарлар пышырдашар: «Ўайында-да бир бидөвлет заңдар экени» дийишпәрлер.

— Ханы, юрдуң заңыны айдың!

— Бизниң юрдуң заңы, хер ким хан-агаби болса, башда бир зыяпат, аякда бир зыяпат берйә.

Көроглы айытды:

— Бизнең юрдумызың заңы шол. «Иве әйсе мунуң агаби болса боланы» дийип, ики гечисини өлдүрип, ич ягыны алып галып, өзгеси билен аңры-бәри зыяпат берди.

— Ёоралар, мениң дөслапкы зыяпатым шу. Мени агаби әтсеңиз, мениң сөзүмдөн чыкмыасыңыз. Мениң бу ерде өйүм өк, илим өк. Хер хөдөдө, хер базарда бир сукум шөхлө бержек дийип, мейханада оммалып ятабилмийән. Маңа бириң зыяпаты гүн батанда бериң, онсоң хупдан, ярым агшам, даңдан, гүн доганда, гушлук, пейшин, ене икиндин.

885. Яңкы айданы болансоң, үч-дөрт гүнде, ийип, соңуна чыкды. Шуң өзүне гезек гелди. Куватлырак йылгындан бир яй ясады. Тиржинден ок ясады, ужунам пейкам этди. Бир чызым танапам алып чыкды мейдана, гүррүң бержек адам шай тутуберсин. Гөзүне гөркен мөжети ок билен

уруп, чызыма дүзүберди. Хопбуш, сувлуган, пышбакга, гарга, хеке, торгай чызыма дүзүп гетирип, ашхананың депесиндеп асып гойды. Яңкы гечисиниң ягын говруп, бир кәди сув гуйды, яг йүзүнде гаймак болуп доңуп дурды. Бир көрсени чәгеден долдурып, йүзүне кырк агры бүрүнәжи язып, буларың янына гелди.

— Жоралар, мениң бу ерде таңыш багшым бамы, сазандам бамы, бир гижә гүррүң бер днер ялы. Өзүмден говы багшы-сазанда өк. Өзүм сизе бир хезил берейин — дийип, тутундыр гүррүңе-саза, гижә ярым агшама якышлашып баря:

886. — Хай, агаби, бир зат бержек болсаң, бер, бизиң ичимизде безиркәм горунди.

— Дуруң, бир гызыклы хекадым бар, айдып берейип.

— Тизрәк түкедевери.

Хергиз түкетжәскми!

— Агаби, бир зат бержек болсаң-а бер. Хекадың болса, эртир өзүң айыт-да отур.

— Мен агаби болуп, гара булашып, нахар биширийәнми. Бейлә аңыган болсаңыз, ашханада хеммеси тайярдыр. Бар-да өзүңиз бишир-бериң.

887. Шейлә диенсоң ики саны галандар ашхана йүвүрдилер. Гелендиндеп, шетиндәкә гәзи дүшди. «Айданы рас экен-ов, нахарың тейине какланып гойлан әти бар экени» дийип, бири тейинде ятып, бири үстүне чыкып гөзлә, өк межек бар дүнйәде. Тамлап бу яна гачдылар.

Бири айытды:

— Мунуң газаныны бир барлап гөрели — дийип, галагыны гөтерип гөзлесслер, «яг-а кән экен» дийип, тейинше эл урсалар, тейи гөк сув, «Бүрүнжә ягыш бүрүнч экен» дийип гөрселер, чәге гатышып бүрүнжәм гитди.

888. Сорлашып мейхана гелдилер. Бирси айытды:

— Гүймең-самаң эдиң йөрмәң. Озалкы аңыганымыз болмыямы!

— Бир зады болса, бишириң чактап.

— Хай, бир зат ерине ийдиңиз мениң паланымы.

— Хә, нәм бар?

— Ашханада шу хили, шу хили тутум эдиң гоюндыр бу заңдар.

— Хә, агаби ага! Сениң нә хыялыңа гелйә, нә пиквириң бар сениң? Муңа танымасаң, Нышавырың галасы диерлер муңа. Кырк төрт дөргезели шахер би. Балыбег шахның сорагы би. Бу ере хенек гүррүң сыгышмыя. Тур, тап зыяпаты, хай, салшы аяк заңдар!

— Жоралар, мен зыяпат орнуна сизе пәкизе бир нама гайрып берейин. Хакыллы болсаң, ишмәмә гидерсиң; акмак болсаң, отырсың-да — дийип, сазыны голуна алып, галандарлара гарап бәш келеме сөз айтар герск.

889. Иелиң, ичелиң беглер!

Өмүр гелер, гечер бир гүн.

Төвүр гөрдүм заманасын,

Бизе сырын ачар бир гүн.

Бешер-шүтүр кервен отер,
Хак эмрине чәре нетер?
Гарынчгалар гелер гитер,
Башда месген тутар бир гүн.

Бизни бейик дагдан өтүр,
Гыр атымы, Жәббар, етир,
Атымы отурлан кемпир —
Ахир гола дүшөр бир гүн.

Бу дүниә бозук ханадыр,
Багрымың башы ярадыр.
Гара ер бир аждархадыр,
Агзың ачып ютар бир гүн.

Гырда-ха, Көроглы, гырда,
Ганымлар уграсын дерде,
Кимлер гонмандыр бу юрда,
Юрда гонан гөчөр бир гүн.

890. Бу сөзи айдандан соң, бири айтды:

— Мунуң айдан сөзүне дүшдүңизми?

— Дүшдүк.

— Нәме диййә?

— Туруң, гөчүң! — дийип отыр.

Онда бири айтды:

— Хай, жоралар! Туруң гөчүң диенл — худайың дәвлети ол.
Аман-саг гөчүп өтөгитсең, дәвлетиң бор. «Гырда-ха, Көроглы, гырда»
дийиш, хеммәңи гырарын дийип отыр. Сеп гөчмәде гезип йөрсүң хәли!

Бу явдан гызмарагы чыкып:

— Мунуң намасына, сөзүне гулак асып отуржакмысыңыз? Тур, тап
зыяпаты!

— Жоралар, даң атмака, хер хайсыңыз ыссыжа мәшевәңизе етсеңиз,
ничик борка?

Пах, нешебенде, мәшеве дийдиң, худайың ураны.

— Сен, заңдар, хезрети кабла диймезмиң, хи болманда ишгене
диймезмиң! Мәшеве дийди!

«Сен кейин дур, маңа гезек бер!» болды-да, алыбердилер юругың
тейне, «ур-ха ур».

Яшулысы айыты:

— Хезрети кабла дийинчә уруң!

Көроглы ятан ериңден гыгырды:

— Йигитлер, келләме бәш-алты сапар депиң гызар ялы, келләм
гызанок әнтәк.

— Келләңе депенде, яланчы гапышар диййәмиң? Ине! — дийип,
келлесине бәш-алты гайра депдилер. Агзына гүм гапдырдылар.

891. — Инди болды — дийип, Көроглы мүңзәп турды еринден. О янына — бу янына гөзләберди. Гөзлесе, ишигиң аркасында галандарларың бир шешмери бар экени. Гайышбагы бар, бир газыга гыссырып гойыпдырлар. Йүврүп гелип шешмери алып, гайышбагыны билеге өтүрүп, ишиге товсуп гечди.

Хай, заңдар, озал зыяпат бермәни бермәни, ене-де элине шешмер алып гаңраляр-ов би.

Раст ики санагы деңине йүвүрдилер. Якыпрак гелип алла диенде, Көроглы раст ташлады ягырнысына, гүп-хык этди, ер багыртлайды. Бир—ики ярымы якыпрак гелип, гөтин чекилә горкуп, келлесине бир ташлап, чым-пытрак әдйә. Галандарлар ойланы: «Бу заңдарың голтугының тейинден гачса-да, гысып әлдир». Аягышың тейи абшаңрак болансоң, сатанының арасындан мүңзип гечип гидйәлер. «Бейләме гечди, алла» дийип, шешмери терсине гаңтарып, эгиниң үстүнден ашырып, уруп иберйә. Деғйә маңлайна — ер сүссенекләп, ол гидйә.

892. Көроглам шешмери эли билен гөзәп:

— Гелиң, зыяпат ийиң, гелиң! — дийип дур. Галандарлар асманга гөзлесе, петик гөрүнйә; ере гөзлесе, ер гөрүнйә. Ишикте-де Көроглы дур, гаң гөрүпдир, гөзем гызарылдыр.

Галандарлара сычан дешиги мүң алтын болды. Көроглы айтды: «Инди бир чен болды» дийип, ишикден совлуп дурды. Галандарлар ишикден сыгман чыкып, көче билен дүзе дүшүп өтәгитдилер.

Көроглам етмезрәге-де ковуп отыр. Кәвагтлар гытыря:

— Зыяпатыңызы ийип гидиң!

— Ёк, зыяпат герек дәл бизлер-ей. . .

— Хай, заңдарлар, мен иреден иирә кырк галандары бакмага гелипмидим? — дийип, донүп ызына гайытды.

893. Галандарлар өйне гелип, бир-ики ярымының зәхреси ярылып өлүпдир. Бир-ики ярымы үч айлап агзы-бурны учуклап ятыпдыр.

Көроглы галандарларың мейханасына гелип, чай ичип, чилим чекип ойланып отурды: «Бәш гүн онда, он гүн мупда, бейдип бир йылы долдурып болмаз. Мен-де бейниси юкарак, аклы гысгарақ бир адам тапып, ата-огул болайын. Онсоң бир йыл долса, худаы тагала атымы элиме говиу-рар-да».

Бир сөвдагәри гетирип, яңкы галланы гөтере сатды хеммесини. Теңдесини кисә уруп, чыкды базара.

894. Жерчи базарындан гечип гелйәди. Гөзлесе, бир ак сакал жерчи отыр. Ислейән адамсы, гөрөвинден таныды. Янына гелип, чок дүңгүп отурып, салам берди. Бу баба-да элиниң терси билен рас ялды гурсагына.

— Баба, мени нәме урясың?

— Сени уряңымың зерары, патыша гала жар чекдирди: «Хер ким түркмен лебзинде кеплесе, оны мыман алса, янына гетирсе, башы өлүмли, малы талаңлы, оң тылла бакысам бар» дийипдир. Сен түркмен дилинде салам бердиң. Шонуң үчин урдум сени.

— Баба, мен түркмен дәл. Түркмен ичинде кән гөздим, дилим өврөнапдыр шоңа.

— Түркмен болмасаң, аслың нирели?

— Аслым бежанлы.

895. Бабаныңам энеси бежанлы экени. Гайым дайы-еген чыкды мунуң билен.

— Дайы жан, бу ерлерде нәме ишлөп йөрсүң?

— Баба, барара ерим ёк, батара көлүм ёк. Огулсыза огул болжак, гызсыза—гыз.

— Хай, әйсе мениң оглум ёкды, маңа огул болай.

— Вах, баба, таныман дурсуң, ёгса сениң дәлми мен — дийип яллаклыя-да. Ахыр базар хоржуңны гөтерип, ызына дүшүп гайытды огул болуп.

Баба гелйөкө, әтиячлап соря дайларының юрдундан, палав ери, палав ери билйәмиң дийип. Көроғлының шай-мессеңде гезмедик ери бармы?! Метжидини, көпрүсини, йылгынлы өвлийәсини, даш гуясына ченли салгы берип баря.

896. Әйне гелип, яңкы галланың теңдесинден баба берди.

— Оглум, сен талаплыжа огул болмага чемли.

— Ай, баба, талап герек болса, еди аркаң ере дегмез ялы эдерин.

Инди Көроғлының бу галада башга пишеси бамы? Эртеси екеже өзи Нышавырың базарына галандарчылык әтмөгө өтөгитди. Раст көчемикө дийип гидйө, я бир сыпайының ховлусына уря, я дыгрыга уря. Азашып, асманы гөзлөп, хейран болуп дур. «Ай, буя дәлди. Мунуң көчесине етик болмасам, болжак дәл» дийип, башга бир нөтаныш галандардан төрт галандар тапды. Булар билен гош патыя болуп, көчө чыкып гидибердилер.

897. Бирнеме теңде, пул гүпби-сүпби талап әдип, ахыр базар бир көчө билен гелйәдилер.

Көроғлының хич затдан хабары ёк. Хер гадам уранда, ер сарсдырып, лагыр-лагыр кеплөп, ала-галмагал әдип гелйөр.

Галандарларың бири айытды:

— Ай, жора, аягың сесини чыкарма, асса кепле.

— Хай нәм бар? — дийди, Көроғлы.

— Нәме барыны саңа айытсак, шу барян еримиз Чардаглы Чанды-билинде, Көроғлы сүнниниң Гыр атының сейисханасының гаңдалы бу ери. Бу ерден вагырдап өтсең, патыша яман әдйө.

Вах, Көроғлыныңам әшдәйжек хабарыды шо.

— Ниче адам саклыя?

— Төрт сейис саклыя.

— Дервезеси ниреде?

— Халха дервезеси.

898. Дервезәнің деңинден гечиберенде:

— Хав, жоралар, мениң бир зыянлы ғылыгым бар, шол тутжак болуп гелйө. Гүнде гичлигрөк тутяды шол.

— Ай, жора, зыянлы тутанда, нәме иш әтйәдиң хемише?

— Хемише зыяным тутанда, бир-ики адам өлдүрип, ган гөрмесем-ә айрылмыяды. Бу сапар билемок.

— Хав, жора, сениң билен пәлимиз азып, гош патыя болан экенимиз. Сениң зыяның тутмака, бу затлары бир аман-саг пайлашаверәли!

— Гелиң, пайлашсаңыз — дийип, супаның бу янына гечип, айбогдашын гуруп, пулы, теңцәли өз кисесине сая, гүпби-сүпбини буларың еңүне зыңа.

— Хә, жора, теңнеден-де бизлере бер ахыры!

— Хай, гүпби-сүпби болмыямы сизлере?

Бир бу яндан чыкып:

— Йора, сениң билен азандан бәри дең гыгырышып йөрүс, теңнеден бирнеме бермесең болмаз!

Көроглы гөзүни акжардып, юругыны дүвүп, элини гезәп:

— Хав, бу зыяным тутжакды, тутды герек.

899. Галаңдарларың зәхреси ярылды: «Мен разы, мен разы!..» болушыбердилер.

Булар билен разылашынча, гүн батды, төгейин йыгылды. Дервезәнің агзындан гелсе, ителәп гөзледі, ичинден гулпы экени. Сейисхананың арка тарапына гечди. Гөзлесе, бокатар дешиги бар экени. Элини узатды, — эли етди. Бу дешикден сүмүп, сейисхананың ичине гирди. Герсе, Гыр атың дуран ери экени. Йүврүп гелип, йүзи-гөзүнден товап әдип, маңлайларындан сыпап:

— Вах, сырдашым, башдашым, яман гүни ёлдашым Гыр ат сен! дийип эсеван этсе, сейислер бошанса, бизи иер дийип, башындан гаңтарып гоюпдырлар, аягындан душаклап гоюпдырлар. Даш ахырда сув, көрпе, арпа—хеммежиги тайяр, ханы муңа етебилсе. Гаңтарыгын, душагын яздырып, отуна-сувуна гойберип, ялаңачлап гөзлесе, голаң герше батыпдыр, гапырга дийсең санабермели. Хер гөзүнде юмрук ялы бок жаңавериң. Сыпалап, сермеләп, эшикләп, сейислериң болян жайына гелди. Ишикден гөзлесе, дөрт сейис бир берре-гузыны союп, газана салып, гайнадып, гүррүңлешип отырлар. Бу аям ремезан айы экени. Көроглам дашарда нитилетап болуп гөзләп дур.

900. Сейислер яхнаны чыкарып, сачагың үстүнде язып гойдулар.

— Яхна бирнеме совысың, өзүни тутсун. Оңа ченли селәлик махалы болар. Бир сагат уклап, онсоң туруп иелиң — дийип тышардылар. Деррев ука гитдилер.

Көроглы ичери гирип, чилим чекди, бир кәсе чай ичди. Газыкда бир хоржун дуран экени, туруп газыкдан хоржуны алды. Яңкы яхнаны эпләп-бүкләп, сачагы билен бир ян гөзүне тыкды. Түңче-кәсе, чай, теммәки, гант, набат — хеммесини сырып алып, мунам бир ян гөзүне тыкды. Ай, хуллас, сейислериң жайына йылдырым уран ялы этди-дә. «Өлдүрсем-ә, мендигими билерлер, гел өлдүрмәйин-лө» дийип, мейхананың дашындан илдирди.

901. Сейисхана гелип, хоржуның ортарасындан гушагыны чатып, яңкы бокатар дешикден бу яна зыңып иберди. Хоржун бу янына дүшди. Маймын ялы гушагына елмешип, өзәм чыкды.

Ол гиденсоң, Гыр ат хокранып-кишңәп битакат болуберди. Ызына дөкүп, дешикден гөзләп.

— Хав, Гыр атым, сен битакат болма. Шири-худа пир яр болса, басым сени душман элинден аларын! — дийип, Гыр атына гаршы гарап, баш келеме сөз айтар герек.

902. Сени дийип гелдим Чандыбилинден,
Иследигим, сорадыгым Гыр ат, сен!
Төрт ай болды, етебилмедим ызындан,
Иследигим, сорадыгым, Гыр ат, сен.

Отар идим сени багың гүлүндө,
Сувар идим сени шербет-балында.
Ненсң карар этдиң күпбар голунда?
Иследигим, сорадыгым, Гыр ат, сен.

Сени мүнүп, даг башына чыкайын,
Деп беренде, алтын туглар йыкайын,
Гетирен кемпириң ойүн йыкайын!
Иследигим, сорадыгым, Гыр ат, сен.

Көроглы айдар, арман болупдыр маңа,
Бир алладан перман болупдыр маңа,
Гулак сал, арзымны айдайын саңа,
Хесердешим, баш ёлдашым, Гыр ат, сен.

903. Бу сөзи айдандан соң, Гыр ат сүйнүп-саркып, оты-сувы билен болуберди.

Көроглам даң атмака гелип, бабаның гапысыны какды.

— Кимсиң?

— Мендирип, ата!

— Ха, оглум, гелдиңми?

— Гелдим, ата!

— Оглум, шу вагта ченли ниреде гездиң?

— Ата, мениң билен ата-огул болан болсаң, мениң ниреде гезеними сыра сорамагын.

— Ай, ёк, оглум, сен хасиетли огул дәл болмага чемели.

— Сен огурлык әден болмага чемели.

— Хай, ата, огурлык кайда, зат кайда!

— Эйсе ярым агшама ченли нирде гездиң?

904. — Мен нирде гезеними айытсам: шу гижө галандарчылык әдип йөрлүм, азашдым-да өймүзи тапмадым. Гызгалаң билен эрк-галааның ишигине барыпдырын. Бир ышк чыкя. Бун нәме ышкка дийип, ишикден барсам, ханың ашбазларының үстүнден барадым. Сай-себәп билен гелип-дирип дийип, булар бир-ики «талхын» айдым бераяйын-да дийип, гөв-нүме гелди. Бир зат берселер-ә багтыма, бермселерем, худай ёлуна болсуп дийип. Элими гулагыма тутуп, «Мешребиң» газалындан бир-ики газалы гачырып гойбердим.

Ашбазларының гулагына якып гидип, хана биширип отуран яхна-сындан бердилер-дийип, яхнапы чыкарып гойды.

— Сениң ялы галаңдара герек болар — дийип, чай-теммәки, гаят-набатдан — хеммесинден берип ятырлар дийип, хемме гетирен затларыны бабаның өңүвде гойды.

— Оглум, булар ялы талабың бар болса, бирже гызым бар, ника кылып берейин саңа.

— Баба, ховлукма. Талап герек болса, сениң аркаңы оре дегмез ялы әдерин.

Баба ене бир хужра барып:

— Кемшир, туравери, туравери, оглуң селәлик гетириндир.

Гарыпжагазын долдурып, кемшир билеп икиси гайым селәлик этди.

905. Хабары кимден ал? — Көроглыдан. Бу галада башга тайхаччылыгы бамы? Эртеси дога билеп түйсүни үйтгемдирип, сейисхананың төверегинде гезип йөр, пәме кеп-сөз бармыка дийип.

Гүн чыканда, бир-ики ярымы көчәни сырып йөр, бир-ики ярымы сувлап йөр. Бу-да нәме барка дийип аңадаклап йөр. Гүн чәш галды, бир махалдан гулагына бир жаң пейда болды, тап кервеп гелйән ялы.

Бу жаң хер он гүнден — он гүнден кемшириң өзи гелип, от-сув берип, гөзләп гидйән әкәши, шу гүн кемпириң гелйән гүни экен. Шонун үчин көчәни сырып-сувлап йореп экенлер. Яңкы жаң диени кемпириң сагында ики шатыр бар, солунда ики шатыр бар, шатырларың ала эндамы гоңрав жаң.

906. Көроглам бейик сыпаның үстүнә чыкып, өзүни сәхрайылыга сайып дур. Әсеван этсе, баякы кемшир гелйө. Мүнүпдир бүден ёрганы, чекиндир гүдри көпчүни, чув айры тегмеден дартып, ак дессели шычагам билинде, әңегинден гез ярым ёкары чыкып гелйө. Көроглы гөрди, тапыды, зат билмедик киши болуп:

— Хов, йигитлер, бу гелйән нәме? Я ханыңызың әнесими?

Бир бу яндан чыкып:

— Хай, жыңлы галаңдар эксениң-ә, ханың әнеси көче йүзүндә гелйәми?

— Әйсем, ким би?

— Чардаглы Чандыбилде Көроглы сүнниниң атыны алып гачып гелен кемшир би.

— Хай, алла зыят әде, йигитлер, түвелеме, түвелеме!

907. Гелип дервезәниң агзында кемпириң голтугындан сөйәп дүшүрдилер. Дербезәни ачдылар. Гыр аты гөрөнде, кемшир сакга дурубәрди шу ерде.

Сейислери чагырып:

— Ким от берип, ким сув берип, бежерди бу аты?

— Өзүмиз бежердик.

— Догрусындан гелиң!

Үч мертебе сыясат уруп сорады. Өзүмиз бежердикден башга гүррүң айытмадылар.

Бир гижә уклап галыпдырыс, ата от-сув берип, гөзләп гидипдир

дийселер, булар укляян экен, ата гөзлемейән экен дийип патыша айдып, дөрдүсинем дири ере гөмдүржек кемпир.

908. — Хайыр, ягшы, өзүңиз бакып бежерйән экениңиз — дийди. Кемпир ичинден ойланды: «Шу гала Көроглының я өзи гелендир, я Сапар Көсе, я Бетрүстем гелендир, я Дәли Мәтер гелендир. Инди мен патышадан жогап алып, гайдып сарайымдан чыкмайын» дийип, ичинден авт ичди.

Дашары чыкды, хыклап-чоклап, өзүни кесел ясап. Көроглы мунуң гөвнүндөкини аңлашды.

909. Хавың бир гарры шатыры барды, озал гөрүп гоюшды, йүвүрди шонуң янына.

— Баба, өзүң хызматдан галып, гаррыпсың, мен тәзеден шатыр болжак болуп йөрүн, шу шатыр эсбабың маңа сатсан-а?

— Алавери, оглум, алавери, хырыдар тапман отырдым.

— Айыт бахасыны, баба?

— Оглум, сениң ялы йигитде теңде-пул көн болса герек.

Гарры атаңа нәме сылап берсең берәй.

Болса бәш тыллалык гоңрав жаңы бар, он тылланы санап өңүнде гойды.

— Шатыр эсбабы несип этсин!

— Теңде тоюңа ярасын!

Шатыр эсбабынам алып, бир көне тама гелип, дакышдырмага айланышды. Топукларына бәшден, дызларына үчден, билеклерине секизден. Иң уллакан дүңнүдемесинем бойнундан асды.

Кемпирден өңүнчә әрк-галаның ишигине гелип, чугдурдып отыр Көроглы.

Кемпирем гелди патышаның гашына:

— Хов, мама жан, хабарың бер!

910. — Хабарым, тагсыр, мен озалам бир гарры адам, ене бир көне кеселни бар, гозгапдыр. Шу гүнлер көн маным ёк. Маңа бир жогап берсең! Сарайымда жай ятсам, ничик боляр, тагсыр! Сейислерем аты өвренишдирип, ягшы бакып-бежерйән экени.

— Хай, мама жан, сейислер аты өвренишдирип, бакып-бежерйән болса, сен бизиң гөзүмизиң гуванжы дәл. Бар, сарайыңда гайым ятыбер, саңа жогап!

Кемпир патышадан жогап алып гайдыберсин. Хабары кимден ал? — Көроглыдан. Бир айланма көчеде, жаңдырдап, патанаклап, ойнаклап кемпириң гапдалындан чыкды. Ойнаклап, кемпириң кө ызына галы, кө өңүне гечйә. Кө маңаллак атып, ябысының сыртындан товсуп, аңырына гечйәр.

911. Кемпир мунуң ойнашына хамыш галып гелйә. Өз шатырларындан соря:

— Бу нәме шатыр би?

— Ханың тәзе шатырларының бириси, мама жан.

Кемпир ичинден ойланып гелйә: «Шу заңнарларың бириниң гала гелени-дә. Болмаса көчеде-йүзде гөрнүп йөрсем, хана салама гелип

йөрсем, шатырларам маңа дөһйә. Сыпайылар, гушбеги, мәтерлер — хеммеси маңа дөнүп, соң-соң өзүм соражақ экен-ә» дийип гелйә.

Гелип, сарайна дүшди: «Шу заңдарларың бири гала гелипдир, мен әхтиячсыз болмайын» дийип, дервезәни өзи гулплап, ачары өз кисесине сая.

— Шу сарайың ичине бәш шатырдан башга ээрайыл гирмесин — диййә.

912. Бәш шатырың бири Көрөглы. Озалкы төрт шатырлара берйән гонугы бар экени. Кырк агры бүрүнч, 12 агры ят, кәшпир-пыязы билен, гөши билен бол берйән экени, бир кирвенке чай, кырк агры теммәки «Мыхман шатыр гөвүнлирәк гөрүнйә» дийип, 16 сыры бүрүнч берди, йигирми бәш агры ят берди, ики кирвенке чай, он сыры теммәки берди, «Бир агшам мыманың сылагы болсун» дийип, раст бир семиз гузам берди.

Озалкы шатырлар айытды:

— Ий, мыман шатыр, сен жылавлы йигит экениң, аягың ярашды. Кемпир бу гүн харажатың кән берады.

— Йигитлер, мениң баран еримде аягымам ярашып баряндыр. Хәли нәм бар, соңуррак гөрүн!

913. Соңра бир ерден гелен адам хызмата гайым боля:

— Хов, мыман шатыр, бизлер гүн узак ылгап ядап йөрис, сениң ойнышың чактаврак ялыды, сен шу гузыны сой. Кабла, шөхлә, сүзмә, яхна өкде болсаң бишир-де, бизлери оят. Бизлер бир сагат иркилейли. Кемпирден саңа өзүмизден өкде әмел алып берерис.

— Йигитлер, өзүңиз билен деңсчерем этсеңиз, мен оңарын. Сизлер гайым жай ятыбериң.

Ичинден айды: «Ишалла, хеммәңи өзүм бежәрин» диййә. Ядап йөрән заңдарлар деррев ука гитдилер.

914. Көрөглы гузыны гаңракга чалды. Төрт бөлөк эдип салды газана. Бир пыязы ики бөлүп ташлап, бир гысым дуз ташлап, тейиндеп урыберди, гуры одуны парладып. Бәш-алты баш гайнацдан соң, «Гөшт бишдимикә?» дийип, бирини чыкарып ийди, «дузы ничик болдука?» дийип, бир саныны ийди, «агзыма якыш гитди» дийип, бир саныны чыкарып ийди.

Яңкы түвини бу сувуң ичине гуюп, о яна — бу яна сусак билеп гозгалап, палпарага-да шөлә эдип, табата гапгарып, яңкылар «туруң-туруң» диййә. Өлен ялы харлашып ятырлар. «Булар турансоңам, “гузының этини нәтдиң?», дийип, мениң билен уршарлар. Ондан бу шөләнәм ийип, булара дегсин эдәейин». Шөләнәм гарнына гапгарды. Онсоңам айытды: «Булар-а дири ятыр, хей дири адама дегсин дегерми? Мен муңа хоссар болсам, өлдүрип, онсоң аят окаяын» дийип, уллакапрага-да шешмер алып, хәки уклап ятан шатырларың маңлайына бир яня. Агзыны ачым, аягыны бир уруня, дөрдүсиниңем келлесине еңжип өлдүрди.

915. Кемпириң сарайның ичинде даш гуюсы барды, дөрдүсинем гетирип, даш гуйының ичине таплады. «Аягым ярашды гөрөк сизлере» диййә. Дөнүп, кемпириң сарайна гадам басды. Дашырақдан гелип, ишикден гөзлесе, кандыл чыралар янып дур, чәйнекте гөк чай демли дур, гәнт-набат баса үйшүп ятыр. Ожагың үстүнде чишде кебап жыгырдап бишип дур.

Кемпире эсеван этсе, докуз габат чымылган ташлапдыр. Баш ужа докуз текъе, аяк ужа баш текъе, үстүнденем юкарак ёрган ташлапдыр, чымылгана гөмүлүп ятыр, дарының берекет кесеги ялы.

Кемпириң баш уңунда пәкизе ики саны чоры, түрме яглык билен гезекме-гезегне, йүзүне елпиц отыр, гезекме-гезегине.

916. Көроглам дашарда сычан тутжак пишик ялы аңлышып дур. Ярым агшама етенсоң, яңкы чорулар ырлып-ырлып гитйөр. Бир ырлып ғышаран махалында, Көроглы йүврүп гелип, хер чорының бокурдагында бир эли билен гапба алады, дикине гөтерди-де, гайдыберди. Товук богап ялы демин чыкардымы? Икисипем даш гуйының башына гетирип, богуп өлдүрди. Даш гуйының тейине ташлады. «Өңки дөрт шатыр, ики бара бири болды. Оңарсыңыз-да, жоралар» диййө.

Инди гап-гайгысыз болуп, кемпириң сарайына гирип, чилим чекди. Бир кәсе чай ичди. Яңкы бишип дуран кебабы кәсә сырып, мунам гарнына гапгарды. Чиши ене ода сокуп гойды, «герек бормы, нөдерми? — дийип.

917. Кемпириң баш ужуна гелип, йүзүндөки ёрганы усуллык билен ёкары гөтериберди.

Кемпир оянып:

— Гижөнің гайры махалында мениң йүзүми ача дуран ким би?

— Йүзүңи ачанда, огланың дүшйөми?

Бир якымсыз оваз гулагына дегип, кемпир тарса еринден турды. Ине, гөзлесе, Көроглы баш уңыны алып отыр.

— Ай оглум, салавмалейким, гелевери, гөршеверөли!

918. Көроглы билеп икиси гайым гөрүшдилер. Ай, үстүни алдыран адам өзүңе белли!

— Оглум, сен шондан шуңа хеләк болуп гелипсиң-ов. Сен гелмели дәл әкени. Мен Гыр аты бакып, бежерип, семредип гоюпдым. Эрте сәхет алып, эер чекжекдим, өзүм әкитжекдим. Саңа ынгама ики инер геплешип гойдум, жуван геплешип гойдум. . . — Онда оны, мунда муны — агзына геленни самаклаберди кемпир.

— Мама жан, гарры адамыны хеләк этмөйин дийип, өзүм гелагайдым.

— Хай, оглум, өзүң-ө гелагайдым-а диййәсиң вели, сениң гөзлериң аларып, додакларың тирпилдәп, ганың гачып баря сениң. Сен маңа бирже нама гайрып бер: пәлиң ондугыны, чепдигини онсоң билейин.

— Вах, мама жан, Чандыбилден пыяда саңа пама айдып бермәгә гелдим-дә мен! — дийип, мамасына гарап, баш келеме сөз айтар герек.

919. Чандыбиле алып бардым,
Гарып гөрүп, мама, сени.
Хайыр әдип, көп ынгам бердим,
Эрк этдим дүкана сени.

Сен неүчин маңа сейир этдиң,
Бир гөч йигиди хор этдиң,

Гыр атымы эбгәр этдиң,
Тапмышам пынханда сени.

Шумы сайрыян диллериң,
Гыр аты тутан эллериң,
Инди бент болды елларын,
Олдириң мердава сени!

Гыр атымы нирде гойдуң,
Тап басым, дериңи сойдум!
Газап билең гөзүң ойдум,
Худай урды, мама, сени. . .

Шатыр болуп, елуң тесии,
Ганым болуп, үстүң басып,
Гулагцы, бурныңы кесип,
Ресвайы-жахапа сени.

Көрөглы, тапдым герегим,
Инди совыды йүрегим,
Гыр атдыр хакдан дилегим,
Шол етир мекана мени.

920. Бу сөзи айдандан соң, «Оглум, бу намаң-а мениң гулагыма яран дөлдир» дийип, кемпир гулакларыны тутды.

— Гулагыңа якмаса, мәкәм тут, мама жан!

Еңсесине гечип, кисесинден чакгыны алып, гулагының тейинден салып иберйә чакгыны. Кемпириң гулаклары голуна гелди.

— Хов, мама жан, яңы оҗагың башында кебап бишип дуран экен. Бу галада башга өйүмиз, илимиз болмансоң, аңыгып иегайдык. Саңа гүнәкәррәг-е болдук, гүнәмизи өтерсиң-дә, мама жан! Сен о кебапдан дамак болуп галама. Саңа шундан юмшак кебап ёк, шу кебабы иегай! — дийип, кемпириң гулакларыны гаңтаракга тутды агызларына.

921. Кемпирем алып, гачаган ит ялы дишин сыртайдып, агзыны оңа-муңа соя.

— Бейле этме, мама, олдириң!

Горкужыгна салды агзына, гаты гулак, дишсиз агыз, әңек билең бурун «гүрсә-гүрс» юмруклашы.

— Мама жан, әнегиңе дегип, йүзүңдөкем галавут берйән экени, мунам айрайын — дийип, гапшының ёкары япындан салып иберди чакгыны, ёкаркы додагы алып дүшди.

— Мама жан, ашакы додагыңам саллан дурма, мунам айрайлы.

Онам айрып, кемпириң келлесини сып-сырдым, жувазың оқы ялы этди. Бир махалдан ики чигинден тутуп, ызгыдып-ызгыдып сүйрәп, оҗагың башына гетирди. Ган әңрийә-дә пақыр. Кемпириң гурсагындан

итиберекгә, аяк ужуна гечиберди. Аяк ужуна гечиберенде, акылсыз заңдар: «мени бир иш этжекмикә. . .» дийә.

— Оглум, мениң аяк ужума гечме, сен олар ялы шовхун әден болсаң, мениң гала хөкмүм йөрйәндир. Гелин герекми, гыз герекми, жуван герекми — хайсын дийсең, деррев әкелип берерин. Мениң аяк ужума гечме, оглум!

— Мама жан, «тамдыра гызанда яп» диеңлери, гелинден, гыздан гөзүме ягшы гөрнүп баряң. . .

922. Кемпириң әркине-жанына гойманы, бир әли билен гурсагына басып дуруп, бир әли билен кичи көйнегини чекип алды. Топутының янына гетирип, товлап-товлап, раст гетирәкге, бойнундан илдирди: кемпири хепбык ялы бүкледи.

Ханың хеззетинде, патышалыкта ийп-ичип, семрип ятан кемпир, чиши алып . . . раст уруп иберди. Вагыр-вагыр этйә. Чиш ягырныдан чыкды. Кемпириң жаны биле чыкды. Чиши согруп, сежиң, демини алды Көроғлы. Хер иш әденинде-де, ичи соважак дәл. Муны өлдүрип, гапда-лында гапы бар экени, итеклесе, ичинден теммели экени. Деңип иберди, — гапы йыкылып гитди. Ичери гирсе, кемпириң газынасы экени. Алтын-күмүш, теңче-тылла чашып ятыр. Десгире өз халал малына гөзи дүшди.

Агаюнус периниң алтынлы топ-жыгасыны алып гайдыпды, гөзлесе, бу-да бу ерде ятыр. Багрына басып, гөзүнден яп дөкди. Мунам алып, мөкәм әдип, хемме дүнйәсинем алып, кемпириң баш ужуна гелип, бир чилим чекди, чилимем йыкып гойберди. Кемпириң келлесинем ода басды: «чилиим тутуп өлүңдир дийип, айтсынлар» дийип.

923. Сарайың ичинде кырк дишли үзеңдиси барды. Тама сөйәп, галасындан ашып, даң атмака, гелди бабасыныңка.

— Оглум, сен-де гура, мен-де гурайын! Сениң ялы огуллы боланым-дан, үч-дөрт огул бергили боланым ягшы экен.

— Ол ничик, баба?

— Ялаң ярым агшам, даңдан гелйәсиң. Огры сен, огурлык этйәсиң. Иру-гич дуйлуп, патышаның чапгынында гоюп, мени өңки овкадымдан айырысың.

— Әй, баба, торкмасана, огурлык кайда, зат кайда. Ине муңа теңче диййәлер, ине муңа тылла диййәлер, чыкар-да совубер, горкма-да.

Кемпириң хемме дүнйәсини баба берди.

— Огурлык этмийән болсаң, мунча дүнйәни ниреден тапасың?

— Муны галаңдарчылык әдип тапян.

924. Эртеси баба яңкы теңеңден горкарага-да совя. Теңңәниң огур-лыкдыгыны ким билйә? Айланя-доланя: «шу гырнагымы берейин-ле».

— Ал, шу гырнагымы!

— Гырнагың әнтеқ дурсун, баба!

— Нә билейин, оглум, гидибирмикәң дийип горкян. Аягыңы багла-жак болян.

— Ата-огул болан адамам гидерми?

Хайыр, ягшы, хабары кимден ал? Он — он ики гүнден соң кемпириң өлени аяк болды. Патыша барып хабар бердилер.

— Тагсыр патышахым, баякы кемпириң чилим тутуп, ода йыкылып өлүпдир. Саллах бөш шатыр, ики кенизи бар экени, о-да гапысыны йыкып, хемме хазынасыны алып гачып гидидир.

Патыша пайтуна мүнүп, өз гөзи билен гелип гөрди. Гөзлесе, гапда-лында чилим йыкылып ятыр. Этнинден бу яны күл болуп ода яныпдыр. «Чилим тутуп, ода янып елени чын экени» дийип, патыша-да ынанды.

925. Хабары кимден ал? — Гыр атың янына хич ким бара биленок. Патыша гала урдурыберди жары: «Хер ким Көроглының Гыр атыны бакып-бежерсе, кемпире берен ынгамымы бержек».

Көроглы бу жары эшитди. Зат билмедик киши болуп, атасындан соря.

— Баба, ханыңыз жар чекдирйө, аламана гитжекми, гуша шикере гитжекми?

— Ёк, оглум, ол жара сен дүшүнмөн экениң.

— Дүшүнөмок, баба.

— Дүшүнмөсөң, Чардаглы Чандыбилинде Көроглы сүнниниң Гыр атыны бир кемпир алып гачып, гетирип патыша берди. Ол кемпирем дүйн-өңдүн чилим тутуп, ода йыкылып өлүпдир. Бөш шатыр, ики кенизи бар экени, о-да хазынаны ярып гачып гидидир.

Көроглы ичинден айты: «Совуп йөрөн теңцеси кимиңкикэ?

— Шол атың янына хич ким барабилмийәмишин. «Ким бакып-бежерсе, кемпире берйән ынгамымы бержек» дийип, шоңа жар чекдирйө.

— Алла, баба, бир талап эдип йөркөм, Көроглының хызматында еди йыл гезипдим мен, атбакары болуп. Шолам болса, мен бакып бежердим шоны.

— Олар ялы эмилиң бар болса, мен патыша барып хабар берейин.

— Бар-да патыша айыт. Мениң бир иним барды, еди йыл болды, Көроглының элине олжа болуп, бенде болуп дүшүп гитди. Еди йыллап атбакары болуп гезипдир. Шу йыл гачып гелди — дийип айыт. Гайдым сыра кеплеме. Соңракы кепини өзүм кеплешерин.

926. Гелип баба патыша бирме-бир айытды. «Бар, иници әкел!» дийди. Көроглыны тиркешдирип алып гайдыберди. Гелип, арыз жайында гол говшурып, салам берип дурдулар.

— Хав, галандар, Көроглының Гыр атыны бакармың?

— Озал-а бакадык, тагсыр, гөзи үйтгешен болмаса, нәбилейли, тагсыр.

— Гөзи үйтгешен дәлдир. Бакыбер, шол ат шол.

— Баканмыз ягшы, тагсыр. Көроглының бакышыны этжекми, өз бакышыңы этжекми, шоны салгы бер маңа, тагсыр!

— Билсең, Көроглының бакышыны этжек.

— Билйән, мен айдайын. Сен гулак ас, тагсыр!

— Айыт — дийди, патышах.

— Гүне бир леген мая сүйдүни тапбер, он жам арпа, гүн гөрмедик көрпе. Даш азырда-да сувун тайяр эт. Хызматыма-да дөрт-бөш адам бер. Өзүмиңем кабламы, шөхләми, сүзмәми, яхнамы, чай-теммәкими, гант-набадымы, тиръегими, насымы — хеммежигини бедессур эдйәрсиң. Хер вагтырак хевасак-хевасак дурмуш бөрегем дашындан.

927. Патышалыкдан диениниң битжегини билйө. Бу айдан затлары патышалыкда гахатмы? Хеммесиини бедессур эдип бердилер.

Гелип сейисхананың агзында өзи ятып-турар ялы бир бейик супа бежерди. Япынжаны ташлап, гүдери көпжүни тирсегине ташлап:

— Хай, ата от бериң, сув бериң, ийм бериң, аркалаң, чай гетириң, палав гетириң, бөрсегем биширип гетирибериң!

Патышалыкдан хем атыпы бакя, хем өзүни бакя. Кырк гүнлөп бакды Гыр атыны, ён, ужа, лакга балык ялы семретди.

Бир гүни сейисхананың арка тарапындан раст көчөниң угрундан бир ишик ачып гойды: «Гыр ат селеңләп дурсун» дийип. «Шу көчөни бахана эдип, оба гайдар ялы бөш-алты теңцели болуп болмазмыка» дийип, гелди патышаның гашына. Салам берип, гол говшуруп дурды.

— Хов, галандар, хабарыңы бер!

928. — Тагсыр, озалкы сейислер раст көчө тарапдан бир ишик ачып гоюпдырлар. Шол көчөден байталлы өтйө, ябылы өтйө. Гыр ат кишцөп, чалганны гарнына уруп, танапының бойнуна зыңып дур. От биле-де иши ёк, сув биледем иши ёк. Шол көчөни гадаган этмесең, Гыр ат көлө болмын, тагсыр.

— Галандар, өзүң гадаган эдебилмийэмиң опы?

— Гадаган эдип, патыпамы, тагсыр, мен?

— Галандар, сениң патышалыгың шол болсун, саңа жогап! Шол көчөден пыяда өтсе, бөш тылла, эшекли өтсе, еди ярым тылла, ябылы өтсе, он тылла, байталлы өтсе, он бөш тылла ур-да алыбер.

— Тагсыр, булар ялы иши гижө-гүндиз несье сорап йөрдүм, пагыт этдиңиз-ов муны.

929. Гелип, көчөде супа гөтүпи гоюп отурды. Чукара бичэрэниң муңа табшырылавындан пә хабары бар. Пыяда бичәре гелйө, аңырдан гечжек болуп, йүврүп гелип, готерин ере уруп, ичине-де чөвүп депйө бөш-алтыны.

— Чыкар бөш тылланы!

Пыяда билен якалашып йөр, «мен мунуң гапдалындан гечсем герек» дийип, ябылы бичәре дөвсүп гелйө. Йүврүп гелип, атдан агдарып, муны мунуң үстүнө басы:

— Сепем чыкар он тылланы!

Эшекли өтсе-де, гетирип үстүнө басы, байталлы өтсе-де, гетирип үстүнө басы. Хер хайсыларының хоссарлары гелип, теңцесини элине берип, адамларыны чыкарып гитйөлер.

Галаның ичине болды бир меңшур:

— Хав, илат, хан ол көчөни жыңлы галандара табшырыпдыр. Билен өтйө, билмөн өтйө. Оглан-ушак өтйө. Шол көчө жандар секмәне болмымы? — дийип, илат көчөниң ики башыны тала билен дөң эдип гөмдүлөр.

Көроглының этдиржек ишиниң бирем шуды. Адам төрмез ялы ерде Гыр аты гездирип, тап этжек ол.

Шу гүн сәхет алып, әер чекип, ядкы көчөде мезилме-мезил, салкыпма-салкып, гижөден гижө, гүндизден гүндиз, кырк гижө-гүндиз гезим этди.

930. Гыр атың этлери даразып, йылан ялы товланя-да. Пах, Гыр аты төрмөгө гөз герек. «Хай Гыр атым, Гыр атым, индә кемиң галаң дәл болса герек. Чандыбиле ашарлык болап болса герек. Хер затдыр, патышадан бир жогап алып гидейли-де» дийип, агдыграга-да эшикләп, бәш гулач танапам бойнуна дакып, гулач ярым хаданам әгнине ташлап, тапашың ужурагындан тутуп, «дур-ха» дийип, таягыны гезәп, келеңкурлап, патышаның гашына йериш этди.

Эрк-галаның ишигине гелип гыгырды:

— Хов тагсыр, патышахым, ат горсеңиз, бу яна чыкың-ха!

931. Балы бег шах кырк сыпайысы билен эрк-галаның ишигине чыкып, күдрә еңсесин берип отурды.

— Хов, галапдар!

— Лепбей, тагсыр.

— Бу Гыр атың көп-көп йеришлери бар шекилли, көп оюнлары бар шекилли. Хан ишигине гелип, сыпайы салам берип, дурушлары бар шекилли. Оны ким этдир!

— Оны, тагсыр, ким Көроглының намасыны билсе, шол этдир.

— Сен билмийәмиң!

— Мен-ә бирнәме билйәдим, тагсыр. Шу вагт сизиң суссуңыз басып, хушумдан парамуш болупдыр. Башга билйән адам болса, этдириберсин.

Патыша гала жар чекдирибер. «Көроглының намасыны билйән бамы?»

Бул яндан гарры гызылбаш:

— Биз билемиз-ха — дийип чыкды.

Адына Шахалы диең экени. Чандыбилден азат болуп гелен догма экени. Көроглының намасындан бир-ики нама билйән экени: гелип мүнди Гыр атың үстүнә.

— Ханы, заңдар, нама гайыр!

— Аңап боля, тагсыр! — дийип, күрт Гыр атың үстүнде бир ики нама айтар герек.

932. Казылар, сөвеш гүнүнде,

Арап ат не гөзел олды.

Гөч йигидиң сынасында,

Кераматлы гөзел олды.

Бакамы тутам сачаклы,

Әси тылла ычаклы,

Алма гөзли, гыз пүрчүкли,

Бу химмет не гөзел олды.

Йериш ачар бара-бара,

Чөллер кесер мезил ара,

Ялы билен дызы гара,

Сенем ат не гөзел олды.

Кекежи буриундан өтер,

Гачса — гутулар, ковса — етер,

Агзын хатап кимин йыртар,
Бу хуммет не гөзел олды.

Мен ниче гүн сүрдүм дөвран,
Тапылмаз дердима дерман,
Көроглы айдар, Шахымердан,
Керамат не гөзел олды.

933. Бу сөзи билен Гыр ат оюн этмеді. Патыша айтды:

— Дүш-ә, Шахалы! Гыр ат оюн этжек дәл. Галаңдарың өзи мүнүп,
өзи оюн этдирсин.

— Нәмәни, тагсыр! — дийип, атың быкышындан бир какып иберди.
Гыр ат сегирип зыңды асман, найза бойы асман атылып гитди; ене гелип
атың үстүне дүшөйди, чипидир япылды.

Патыша айытды:

— Эй, Шахалы, мундан томаша болмаз, дүш дийленде дүш!

— Тагсыр, ховлукма, Көроглының ене бир намасыны билйөн мен.

— Билсең, айыт!

— Айытсам, тагсыр, Көроглы сүни Гожа дагының үстүнден ала-
манчылыктан телйөкә, буранлы гүни, чисгинли гүни бир нама гайыр-
мышдыр, тагсыр — дийип, күрт ене бир бәш келеме сөз айтар герек:

934. Гожа дагларың үстүнде
Буран болар, чисгин болар.
Гар яганда гиръе баглап,
Ажы еллер өсгүн болар.

Бедевден айырма нохта,
Болгун өз ишиңе пухта,
Сөвеш гүни мүнме ахта,
Ахта говни кесгин болар.

Гоч йигитде ар болмаса,
Шахымердан яр болмаса,
Йыгывда сердар болмаса,
Агыр лешгер басгын болар.

Өрдегин авлар көллерде,
Жеренип ковлар чөллерде,
Бир гоч йигит ят иллерде
Кеплибилмез, мүсгин болар.

Көроглы гайнап жошанда,
Жошуп хетдинден ашанда,
Ганым билен уграшанда,
Айрылмагы мүшгүл болар.

935. Бу сөзи айданы биленем Гыр ат оюн эденек. «Сөвеш гүни мүнмө ахта» дийип, гайта Гыр аты ахта эдйөр. Патышах-да гыссап дур.

— Шахалы, дүш диенде, дүшөйсең болмыямы? Галандарың өзи мүнүп, ози нама гайырсын.

— Көроглының ене бир намасып билйән, тагсыр!

Гыр атың үстүне мүнөн адамың дүшеси гелмез экени, себәби эндамында ики яркым бар, бири яз айлары серетаның гүнлеринде гиҗе гел-йәркәң, даңа якын гурсагыңа чыглыҗа шемал дегер, җаның тара тарап, якымының бири шолар ялы. Ене бир якымы тәзе өйленен йигит тызың гойнуна гирен ялы.

Үстүне мүнөн адамың дүшеси гелмез экени. Шахалы-да ойланды. «Чандыбилиң Көроглысы өлүпдир дийип, бир нама гайырсам, Гыр ат оюн этмезмикә, җапым?» Күрт Гыр атың үстүндө бәш келеме айтар терек.

936. Авчы кимин хер янлара чыкарам,
Менем эе болсам малы-мүлклере,
Инди барсам, Чандыбили йыкарам,
Менем эе болсам малы-мүлклере.

Үстүне мүнөндө, Гыр ат билендир,
Алла кабул этсе, дәвлет гелендир,
Чандыбилиң Көроглысы өлендир,
Менем эе болсам малы-мүлклере.

Үстүне мүнөндө, даглар сейрандыр,
Муны мүнүп барсам, сүнни хейрандыр,
Чандыбилиң үлкелери вейрандыр,
Менем эе болсам малы-мүлклере.

Шахалының муртларында веяла,
Гырмызы доң якасында веяла,
Деряларда гезен лачын веяла,
Лачын гөвүн талвас эдер гөллере.

Бу сөзи айданы биленем Гыр ат ойнанок. Патыша-да гыссап дур.

— Дүш дийленде, дүшсең болмыямы! Нәме адамың кепине гулак асмыямың? Галандарың намасы ядына дүшенде, өзи мүнүп, өзи оюн этдирсин. Гыр ат оюн этҗек дәл.

Улы шаның өңүндө ыҗалата чыдаманы, атың гарнындан доландырып, жүп гамчы урды. Гыр ат сегирәп, зыңды бир асмана, бу сапар үч найза бойы атылып гитди. Гыр атың танапының уҗы Көроглының элин-деди. Мунуң ягшы ёкаррак гиденени билип, Көроглам атың танапыны ибериберди. Ат башга яңа ойнаклап отөгитди.

937. Пах, . . . өңлән гарры гызылбаш пейкамдан ок гайдан ялы бапашак гайдыберди: я сув, я саман, я гүжүм, я гараман дийип гелйә. Сув хайда, саман хайда! эрик-галаның ишиги, дашың йүзи, өңинчә

келлеси дегди. Мейниси герт-герт гарганың боқы ялы болуп гитди. Мала-мүлкө жөнөткөндөн эе болды.

Ат башга яңа гиденсоң, патыша айытды:

— Бар, галандар, аты тут! — дийди.

Көроглы йүврүп гелип, атың танашындан тутуп, «дур-ха» дийип, абайлап, патышаның үстүнө идип гелйө.

— Алавери, тагсыр атыңызы!

— Аңырда сакла, заңңар!

Үстүнө гетиренне горкя, «дур-ха» дийип келөңкурлап йөр.

Патыша айытды:

938. — Хав, галандар, Гыр атың үстүнө мүнүп, эндамлы нама гайыр оюн этдир. Шахалы болса итиң . . ., өлсе өлүндир-дө, ёгса-да жанының соңуна чыкыпды.

— Тагсыр, мунуң үстүнө мүнүп өлдүринчөңиз, өз элиңиз билен өлдүрөйиң.

— Мүн, болмаса өлдириң!

— Тагсыр, «мүн-мүни» кән этйәсиң, сынамакдан өтри айытымың я чынлакайдаң?

— Элбетде чыннайытдан.

— Чыннайытдан айытсаң, тагсыр, мениң гүнәми өтсөң, саңа үч-дөрт агыз сөзүм бар.

— Айыт, өтейин.

— Өтсөң, тагсыр, бир патышада кырк кишиниң аклы бар дийип эшитйөдим, сенде жүйжө хоразыңам аклыча аклың ёк экени.

— О ничик?

— Ничиги шол, тагсыр. Муны оюн этдир, оны оюн этдир дийип айытырсың. Бу нәмесине вагты хош болсун, нәмесине оюн этсин? Дивананың ябысы ялы эшигини агдырып дур. Бу хейванам болса, хемме зады билйөр, тагсыр! Көроглыдакысы ялы болмаса, сыра оюн этмийө би. Адам өлдүрмеден башга иши ёк. Ынха гөзүңиз гөрди, Шахалыны өлдүрдди. Мүнсек, бизем өлдүрйө. Белки, өзиңизем ахмал этсе, эдөййө.

939. — Хов, галандар, биз-де кырк дөрт дөргөзели шахериң ичинде, алтын тагтың үстүндө алты айлык ере хөкүмини йөредип, биз-де бир патышадырыс дийип отырыс. Бу-да бир галадың ичи, нөме герек болса тапылар, айдыберсең болмыямы ахыры.

— Айытсам, тагсыр, Көроглы сүңни муңа алтын нахал какарды. Гыр атына бир гылдан эер гоарды. Махмал дерлик, гүннары ёна, тылла гайышлы эер, зерешан сечекли кейнекте, гүдери көпжүн жүп айры тегмеден дартып, зүмерреткен болан алагайшы Гыр атының башына саларды. Ене бир чуң еңилрөк чекич билен эериң гашына гысдырып гоарды. Онсоң өзем бир гылдан ясанып гейнерди. Сагыр эдик, тылла мыхлы, көкөнен шахана гейимлер. Тылла пычагы чар тарапа гысдырып, алтын якалы со-вут, голжак, тувулга, чар айна, тылла тегбенди билеге дагып, гундуз сопбач-переңи мавут чөкмөни гейип. Ене-де Көроглы нирө атланжак болса, кырк гүнлүк — элли гүнлүк харажат сыртына элмудам тайяр борды, ики хоржун сүйтли күлче, ики кирвенке исли чай, он сыры гаршы тем-

мәки, он гайнак тиръек. Башига кейплери дашындан. Чар перре сув берлен алмаз найзасам голунда борды.

— Барың, битирип гелиң! — дийип, ясавылларышы имләп гойбериберди. Ясавыллар шатырдашып гидиберди. Гозүне гөрнөп еринден бахасыны айыт, зат ёк, ур-да алыбер, патышадан хокүм болансоң. Уссалара-да пахалны, мыхны чекичләп отурма, теменекден гуй-да чыкарыбер. Бир сагада гойман, тайяр этдилер.

940. Көроглы Гыр атың тойнагыны гирып, алтып нахалы какып, яңкы айдылан үст-башлары ата кемсиз салып, харажадам кемсиз атың сыртына бөкдериң, бир чүп нахалам чеккәжи билен эериң гашына гыссырып, яңкы айдан үсти-башлары кемсиз гейниң, ярагларам кемсиз дакынып, супа яна атланып дурды.

Бу-да атланды. Хабары кимден ал? — Патышаның янында деслап атыны алдыр диен гарры везири барды.

— Тагсыр, дүшүр, тагсыр, дүшүр! — дийиберди.

— Хә, нәм бар?

— Тап Көроглының өзи шү!

Таныды муны.

941. — Гой-айыт! — дийди патыша. Көроглының атыны мүнсең, ярагыны дакынсаң, сен-де Көроглы боларсың-да, гой, кеплеме!

Патыша шейле диенсең, везир-де кеплемеди.

— Хав, галаңдар, атың-өзүң кемің галдымы?

— Ёк, тагсыр, кемимиз галаңок, ишалла, инди бир юрда ашарлык болдук, тагсыр.

— Эйсе, бу везириң кепипи элешдирме, чашыпдыр бы. Эннамлы нама гайыр, эннамлы оюн этдир.

— Тагсыр, ат болса мүндүк, яраг болса дакындык, харажат болса атың сыртына бөкдердик. Инди герегиң намамы, инди герегиң оюнмы? «Хай, Гыр атым, хемме затлар арзан болды, гөрүбийрсиң-дә» дийип, Гыр атына гарап, баш келеме сөз айтар гөрек.

942. Араз чайдан гечен Гыр ат,
Жаңлар саңа арзан болсун!
Акжа бериң сатын алан,
Тер ёрунжаң арзан болсун.

Яшлыкда бакардым көрпе,
Бедевлер ичинде төрпе,
Хер мезилче он жам арпа,
Совук сувлар арзан болсун.

Мен саңа, күпбар, не дийдим,
Алмышам пендиң, өвүдиң,
Алтын якалы сөвүдиң,
Чешмерлериң арзан болсун.

Сени мүнсем, ахлар билен,
Дөвүшөрдим чохлар билен,
Хаса гызыл мыхлар билен,
Күмүш нахал арзан болсун.

Сени мүнөрдим хай билен,
Душманлар гезер «вай» билен,
Ичи зеңли гашав билен,
Йүпөк десмал арзан болсун.

Көроглының өзи бир әр,
Өз тамыны өзи иер,
Сына бентли тылла, зер,
Зер көйнөкчөң арзан болсун.

943. Бу сөзи айдандан соң, патыша айыта:

— Хә, нама диениң шулар ялы болар-да. Галандар, намана кемсиз гайырдың. Гыр ата оюн этдир, онам гөрөйли!

— Хайыр, ягшы, тагсыр! — дийип, Гыр аты чыммыклап, ёкары йүзе гаршы дешип иберди.

944. Хабары кимден ал? — Патыша Көроглың атына оюн этдирйө-миш дийип, вәхили оюн этйөкө дийип, баккал, паеки, сувчы — бир топар ишсиз төверегине үйшүндир. Гыр ат агзыны ачып, гулагыны япырып, ничесиниң гарындан басып, агзына геленини гапып, тойнагына геленини дешип, бер-бибат этди бу дуран пыяданы. Яңкы гарры везир айытды:

— Тагсыр, мениң яңкы айдан гүррүңиме гулак асмадың. Бу галаның гедигини бент этдир. Иру-гич шондан бир адам алып чыкя шу ат.

Докуз пагса гала, үч-дөрт пагса йыкылан бир гедиги бар экен.

— Барың-ов, галаның гедигини бент эдиң! — дийди патыша.

945. Галаның гедигине ики араба хаданы гетирип, дикине сеедилер. Көроглам аңырсына чыкып, ене бөрлигине гайытды. Гелип патышаның гашында гуллук айдып дурды.

Яңкы зая болан пукаралар: «Ай, мунуң оюн-томашасы гурсун, ничөмизи өлдүрди, ничөмизи яралы этди!.. Инди гелсе, маңлайындан башга ерине урмалың» дийип, яңкы тикилен хаданың ярсыны кесип алдылар.

Патыша айытды:

— Хов, галандар, шу ат Көроглы сүннө хайып экени.

— О ничик, тагсыр?

946. — Шунуң гадырыны билйән дәлдир Көроглы. Шуну сат дийсең сатар. Мүң тылла диер, ики есир диер. Асла, шу атың бахасы ёк экени.

Көроглы айытды:

— Тагсыр, гатырак гидибөрме, айдыясың-а! сенден башга адам гадырын билмийөми мунуң. Гадрын билйәннин-билмийәннин бир зада эсеван эт. Бир йыл Көроглы Осман диен юрда аламанчылыга гитди.

Шонда мен-де жылавдарыдым. Османлы Жапар патыша диең патыша чагырды Көроғлыны.

— Хав, Көроғлы сүнни, атың бахасыны айыт! — дийип айытды. Шонда атының бахасыны айдып, Жапар патыша гарап, бир нама гайырмышды. Сен гулак ас, тагсыр, гадырыны билйәнини, билмейәнини.

Көроғлы патыша гарап, атының бахасыны айдып, бәш келеме сөз айтар гөрөк.

947. Гыр ат бахасын айтсам,
Сен дей шахдан йүз болайды.
Мунуң үстүне мүнөнде,
Ганым йүзме-йүз болайды.

Бат гөрөк сенден өтмәге,
Гуш гөрөк ковуп өтмәге,
Дуруп томаша өтмәге,
Ики гара гөз болайды.

Муны мүнсем, гошуп, гарбап,
Үстүне ярашар хер бап,
Көйнөкчәңи этсем зербап,
Торбаң атлаздан болайды.

Гаргыя меңзәр гулагы,
Шемшат кимин әл-аягы,
Хемише гезен яйлагы
Сер чеменли дүз болайды.

Әр миессер билинде,
Тапылмазмыш Рум илинде,
Жылав Көроғлы голунда,
«Пах» диенде, тиз болайды.

948. Бу сөзи айдандан соң, патыша айытя:

— Гадырыны билйән экен-ов: «Сен дей шахдан йүз болайды». Асла бахасы ёк диени шол. Гадырынам билйән экен, енем бир оюн этдир.

— Ажап боля, тагсыр — дийип, инди ашак йүзе депегойды. Бу янда отуран топарам бер-бибат этди. Бу янда дуран топар айытды: «Бу сапар таяклы тарапы аман галайды. Таягың болса, гелжек дәл экени» дийип, галан хада чоздулар: «Саңа етди-ха, маңа етмеді. . .» билен гез ярымдан кесип пайлашдылар, галаның гәдиги-де ачылды.

949. Яңкы гарры везир айытды:

— Тагсыр, патышам, мениң ақылымдан хич хачан зелеле галан дәлсиң. Шуны дүшүр атдан, тап шонуң өзи, тагсыр! Өлдүрсең өлдүр, болмаса ковуп гойбер.

— Хай, везир, яңы айытысың бир гүррүңи, ене айытысың бир гүррүңи.

Мен саңа айытмыянмы, Көроглының атыны мүнсең, ярагыны дакынсаң, сен-де Көроглы боларсың, гой, кеплеме.

Везир сыйын силкип, өйкеләп өтәгитди. «Мени ковсаң-а, ков; бир селлемден гачара дешик тапманы, галаң башыңа зындан болса гөрөк!».

950. Көроглам хоол аңырракдан айланып гелип, гуллуку айдып дурды.

— Хов, галандар, сен мениң гөвнүмеми, я гатырак гидип барямың?

— Гаты гидип, нөм болды, тагсыр, хәли?

— Бу янда бир энтөк пукараны заяладың, бу янда-да бир энтөк пукараны заяладың. Муңдан оюн болмаз, томаша-да болмаз. Дүзүвлірөк нама гайрың, дүзүвлірөк оюн этдир. Болмаса идили болмарсың!

— Тагсыр, сен бирнөме гызмалык эдибержөк болясың, я мениң гөвнүмеми? Мениң нәмөден оюн тапман йөреними, нәмөден томаша тапман йөреними сен билеңокмы, тагсыр?

— Ёк, билөмок.

— Билмөсөң, мен гүн пейшине сансын дийип, гезип йөрүн. Атың ичи силкинсин дийип гезип йөрин. Везир яныңдан гитсин дийип йөрин. Галаның гәдигем ачылсын дийип йөрин. Шол айдаңларымың хеммежигем болды. Сениң биленем инди догрышайлы. Инди мен саңа бир нама гайрып берейин. Ызындан гөзүң бир томаша гөрсүн, аңырянсыз болсун.

Патыша гарап, гөзүни акжардың:

951. Мениң бир Меңдун атым бар,
Атылып гирсе мейдана,
Ганымына ган эңредер,
Сойы меңзәр кәх йылана.

Меңдунның ажап чаглары,
Серинде думан-даглары,
Ганым гөзүниң аглары,
Тойнугындакы нышаны.

Гөкде гушлар учабилмез,
Чөлде марал гачабилмез,
Марал гулач ача билмез,
Шу Меңдун гирсе мейдана.

Көроглы айдар, эмин өзүм,
Чохлары гөрөндир гөзүм,
Атым йүврүк, еңил өзүм,
Бакманам ханы-солтана!

952. Бу сөзи айдандан соң, Көроглы айыт: — «Эмин өзүм». Парсы лебзинден тап әриң өз диени, — патыша-да аңлашып:

— Ене бир нама гайыр! . . — дийип, гачжак ерини ойлаберди.

953. Көроғлы үзеңге ғалып, көзүни акжардып, ғылыжы дестесинден тутуп, «Нама ғайыр, нама ғайыр. Мен сенің кесана тутан бағшыңмыдым? Нама сенің . . .!» — дийип, депди патышаның үстүне. Патыша-да йүврүп, дервезеден гирип, шакыр-шукур дervезени яшып дурберди.

Дервезе япылансоң, «әржешип отурмайын» дийип, айлады атың жылавыны бу яна, ғылыжын сырып алып, көче билен яңкы гәдиге депип гидиберсин.

Үчеве чыкан, көчә совулан гутуля, угруна дүшени пырлавук кәди ялы келлесини пызып баря, көчеден ган акдырып. Галаның тейне гелип, шири-худа пирини чагырып, ата жүп гамчы урды. Ат ал асманә гөтерилип, галаның үстүнден ашып, галаның хендегине эсеван этсе, хендегем он бәш гез экени, онданаң бәш гез аңры дүшүп, даш опурып, ол гитди. Халха баря, Гыр атың үстүнде гамчысыны булайлап.

954. Хабары кимден ал? Патышадан. Кырк дишли мердиваны барды, гала сөйәп, көшгүң үстүне чыкып ғыгырыберди:

— Көроғлы сүни атыны әкитди, ясавыл болсаң, нөкер болсаң, ет-ә, бас-а, тут-а!

Галада бар атлыны жемлетди. Ене чар әтрапа хат ёллады патышах: «Мейдандакы сөркерделер топ-топханасы билен гелсин».

Алты күрт хеммеден өңичә: «Көроғлыны елдүрип, абырай алып бол-мазмыка?» дийип, Көроғлының ызындан ат гойтдылар.

Көроғлының ызындан козуп етдилер. Көроғлы булары гөрүп, атының жылавыны айлап дуруберди.

Сес етер ялы мейдана барансоң, булар-да дуруберди, янына бара-билмән.

Көроғлы айытды:

— Ай йигитлер, нәме дурдуңыз? Дөвүшмәге гелен болсаңыз, гелиң дөвшөлиң! — дийип, булара гарап, бәш келеме сөз айтар терек.

955. Гелиң-ха, дөртли-бәшлилер,
Гел-ха, гуллар, дөвүшейлиң!
Ала ялав боз башлылар,
Гелиң, беглер, дөвүшейлиң.

Дөвүшмеклик яман болар,
Баш гидер гөвре ган болар,
Демир донлар вейран болар,
Гелиң, гуллар, дөвүшейлиң.

Сагдагын эгри асанлар,
Мүнән атындан көсәнлер,
Аягының уңун басанлар,
Гелиң, гуллар, дөвүшейлиң!

Көроғлы айдар, элимизе,
Кувват берсин дилимизе,
Эллиңизе-йүзүңизе,
Гел-ха, гуллар, дөүшейлиң!

956. Бу сөзи айданы биленем бара билмедилер. «Сиз гелмесеңиз, биз баралы» — дийип, Көроғлы астараса-да уграберди. Булар-да дөнүп гөтерди өкжәни гала гаршы. Көроғлам «гачаны қовужы болма» дийип, ызына гаршы дөнди.

Яңкы алты күрт гала гелип:

— Тагсыр, патышам, ене ковуп гелйә, ынха гелди. . .

Патыша ховлугып, галада бар атлыны алып, ковмага айланышды.

Бун өтди, бу гиҗеси өтди, эртеси чәш галанда, Көроғлының ызындан бир тозан пейда болды. Ат башыны чекип, даг үстүнә чыкып дурберди.

957. Патыша-да өңүни башлап ковуп гелйәди, сес етимде бара билмәни дуруберди. Дуран еринден:

— Хав, Көроғлы сүнни, герчек гоч йигитсиң, җаныңа хайпың гелсин! Мүң җаныңдан бир җаның гутулмаз! Аты ағаҗа багла, алан задыңы бу яна ташла, өзүң аман-саг гидибер!

— Хай, бейнисини алдыран патыша! Аты ағаҗа баглаҗак адам, алан задыны ташлаҗак адам инди догар! — дийип, җылавы әериң гапына ташлап, аркасындан сазы какып алып, патыша гарап, бәш келеме сөз айдар.

958. Мениң сөөним ким сөөр,
Сөөн гелсин бу мейдана!
Дин ёлунда ширин җанын
Берен гелсин бу мейдана.

Менем гелип мен дүйш кимин,
Муханнес сөзи пуч кимин,
Мейданда ики гоч кимин,
Уран гелсин бу мейдана.

Дара чекер мен башыңны,
Ите чекдирин ләшиңни!
Тай гермен он-он бәшиңни
Диен гелсин бу мейдана.

Менем мейдана гелип мен,
Досды-душманым билип мен,
Доган гүнүм мен өлүп мен
Айдан гелсин бу мейдана.

Көроғлы мұнди Гыр тая,
Намысым гойман эртее,
Гара көллөни ортая
Салан гелсин бу мейдана!

959. Бу сөзи айдып, патыша билен иши болман, аралыга бир дагы салып, барып йыгының ызына депип гитди.

Атланан деп болуп, хеллевлешип гелйөн атлының гирди бир четинден: ур-йык, санч-агдар, бас-өлдүр, гаңыр-бас.

Патыша бир гайырлың гөзлесе, ызыны гөт-гөте каклышдырып дур. Патыша-да гачмак билен болуберди. Мунуңам ягырнысындан етирди найзаңы, өне-де ядына дүшди шир нелеси: «Гачаны ковужы болма».

960. Сайлаңып бу яна чыкды. Эсеван этсе, көп йыгын, зелелем етмөн болямы? Көроғлының гылтызрак-гылтызрак он секиз еринден яра дүшүпдир. Гыр атам агсамага айланышыберди. «Алла, муңа нәме болдука?» дийип, атдан дүшүп, сын эдип гөзлесе, шу яна гаршы ыңдаранда, гахар билен тойнагыны ере урупдыр, тойнагының өңүни даш гайтарып ташлаңдыр. — Сырдашым, башдашым, яман гүнүмде ёлдашым Гыр ат! сениң тойнагыңдакы налыңы айырсам, эериң гашыңдакы дуран налы каксам, онсоңам тойнагың гутулыңча, үч гүн идип йөрөсөм, озал пыяда гелмедимми мен бу ере. . .

Гыр атың налыны айрып, эериң гашыңдакы налы какып:

— Гыр атым, сениң налың мүбөрөклигине саңа нама-да айдып бөрөейин!

961. Чөлде галсаң, гурт-гуш гонар лөшиңе,
Гыр ат, мени Чандыбиле сен етир!
Чөл ерлерде сувсайыбам гелмишем,
Гыр ат, мени Чандыбиле сен етир!

Гыр ат, аягың галдыр, налың какайын,
Дызыңдан ашагыңа хына якайын,
Агшам йимнң берип, эртир бакайын,
Гыр ат, мени Чандыбиле сен етир.

Чандыбиле аз галыпмы арамыз,
Хакың такдырына недир чөрөмиз,
Он секиз ермизден дүшди, ярамыз,
Гыр ат, мени Чандыбиле сен етир.

Йындам йөрип, пирим, маңа етевер,
Етип ярамыза мелхем эдевер,
Голдайыбам Көроғлыны элтевер,
Гыр ат, мени Чандыбиле сен етир!

962. Бу сөзи айдып, Гыр аты үч гүнлөп идип йориди. Дөрдүлөңжи гүн Гыр аты ялаңачлап, сысалап-сермеләп, ямашгандан эерлөп, көйнек-

чәни агдык салып, кечәни сыртына бөкдерип, Гыр атың гуругыны гачары дүвүп, гуры сәпчин йеришине гидиберсин.

«Алла, чөл ерде күлчә билән ичим гапышып гелйә. Бир чарва дучакәр гелсә, яхнадан дойсаң, хезил болард-ов» дийип, бир депә чыкып, оя гөз-лесе, аклы-гаралы гоюн гөз гамашдырар. «Худайым, дүйшүм болмаса ягышы» дийип, гойна аралашып гелсә, патышаның гойны экени.

Чопанлар таныды муны.

963. — Хай, огры заңңар, бизиң патышамызың аты дәлми, нирә алып барасың, дүш деррев! — дийип, төверекләбердилер.

— Йигитлер, дүшҗек болуп гелйәдик. Инди гыңралсаңыз дүшҗек дәл.

— Мана дүшмесең! — дийип, аркасына жүп таяк билән урдулар.

— Мениң бир зыянлы гылыгым бар, шол тутҗак болуп гелйәр-ов.

— Зыян диениң нәме?

— Зыян диеним жыңлы.

— Жыңлының әмини биз билйәс — дийип, әгри таяк үстүнде шарк-да шарк болайды.

«Булар өтүшдилер-ов» дийип, дүйрме гылыҗы угруна гаршы салгып гойберди. Дүйрме гылыҗың өңүнде ничесем болса гөвресиңден келлеси айрылып, сакаллары әлесләп, додаклары мүңкүлләп, диллери гыбыз-гыбыз әтйә.

964. Хабары кимден ал? — Бир и одуна гиден экени. Булары гы-раныны гөрүп, әшегиң үстүңден одуны агдарып, аңыр янында букулып ятыр, мени гөрмийәмикә дийип.

Көроглам голайрагына барып:

— Бәри гел-айт!

Гол говшуруп «Амандыр, ага» дийип гелди.

— Гел, мени бир яхнадан доюр. Сени өлдүрмәйин овсоң.

— Өлдүрмесең, хеммесини союп берейин, ага.

Бир семиз гузыны союп, гайым яхна әдиң, чекди өңүне. Ажыгып гелен адам, юмшак гузының яхнасы, хәр гөтерип ташланы төвризә, кә ярым, кә батман.

Гарныны дойруп атланып:

— Хав, чопан, сениң дузыңы ййдик, әден хызматыңа разы болавери.

— Ага, мен разыдырын велиң, сен адамзатдан болагайыпсың, әгер хайванатдан болан болсаң, сен бәри бордуң!

Бу-да Көрогла тәсир әдиң, юрды, перизады ядына дүшүп, чопана гарап, бәш келеме сөз айтар гөрөк.

965. Эй яранлар, мусурманлар,
Намарт мерт олды, мерт олды.
Не аҗайып заманалар,
Гечди, юрт олды, юрт олды.

Ханы беглер, ханы ханлар,
Бу дүййәге гелен җанлар,

Тагт үстүндө сүлейманлар,
Учды, юрт олды, юрт олды.

Чайлар гелер ака-ака,
Жигер-багрым яка-яка,
Яр ёлуна бака-бака,
Гөзүм дөрт олды, дөрт олды.

Перимиң ала гөзлери,
Махы-табандыр йүзлери,
Чопаның тана созлери
Жана дерт олды, дерт олды.

Көроглы айдар, мен хазарам
Аты, донумны безерем,
Мен ниче мүсгин гезерем,
Адым гурт олды, гурт олды.

966. Бу сөзи айдып, чопан билен аллаярлашып, сүрүп өтөгитди. Шол тидивине паланча гүн ёл йориди.

Бир гүни сәхер махалы баряка, торт-бәш саны дурнаның овазы гулагына пейда болды. Эсеван этсе, дурналар Чандыбил тарапына гелип өтүп баря.

— Хав, дурналар, бизиң галапың үстүнден отенсиңиз. Өвез жаны, кырк йигиди гөренсиңиз, Агаюнусы гөренсиңиз. Бизиң иллер ериндеми?— дийип, дурналарара гарап, бәш келеме сөз айтар гөрек.

967. Ховадан учан бәш дурна,
Бизиң иллер ериндеми?
Бир мүнүнә баш дурна,
Бизиң иллер ериндеми?

Атлананда, биле йөрсө,
Ганым гөрсө, гылыч уран,
Эдәп билән кәсә берән,
Өвез жаным ериндеми?

Мейданын билип гачдыгым,
Дөнүп-дөнүп сөвешдигим,
Ак сынасындан гучдугым,
Агаюнус ериндеми?

Көроглы айдар, өвүндигим,
Тебледе бедев мүндүгим,
Арка бериш сыгындыгым,
Гожа даглар ериндеми?

968. Бу сөзи айдып, ене сүрүп гидиберди. Көроглының Үчйүзлүк диеп дагы барды. Көп бир келте бакын, белент шөхлели дагды. Эртириң галгынына дагына гөзи дүшди.

Юрдундан адам гөрөн ялы хош вагт, хоррам болуп, дагына гарап, бөш келеме сөз айтар герек.

969. Аман болсак, нөлөр гелер бу баша,
Гөзүм саңа дүшди гуяшым, даглар!
Гарагулаклар ойнар пыххан чөллерде,
Онданам гатыдыр сөвешим, даглар.

Балы бег биләни гылычлашдыгым,
Ак гар үзрө гызыл ганлар сачдыгым,
Эшрепини галкан билен ачдыгым,
Мен саңа диймишем сырдашым, даглар.

Бөш мезилден арап атлар чапдыгым,
Хер мезилде сермес гузы гаддыгым,
Чөл ерлерде алтын гала япдыгым,
Алтыным кумүшым, гумачым, даглар.

Көроглы айдар, мен паныга гелмишем,
Паны дүйгө өтежегин билмишем,
Мен энемден доган гүнүм өлмүшөм,
Арап атдыр мениң ёлдашым, даглар.

970. Бу сөзи айдып, ене сүрүп өтөгитди. Шул геливүне гелди Аразың чайының үстүндө. Басды ата гамчыны, он бөш гез аңрысындан дашы опуруп өтө гитди. «Пәкә-первердигәр-ә, баякы гелшим ничик? Гоч йигидиң башына иш дүшөр, оны чекмәге нөр герек диенлери-дә».

Инди өз гоюн чопанына якыналашды. «Гыраты бир отлук ере гой берип, дога билен түйсүми үйтгөшдирип, чопанларымың янына барайын. Ыхласлы хайсы, быхлас хайсы, оны билейин, хем юрта нәме кеп-сөзлөр бар, оны билейин». Гыр аты отлук ере гой берип, дога билен түйсүми үйтгөшдирип, барды чопанларының янына. «Бу нәме пыяда?» дийип, чопанлар ылгашып гелдилер. Чопанлар танымады муны.

— Ай, яшулы, нәдип йөрсүң бу ерде, огры болама?!

971. — Ёк, чопанлар, бизлер огры дәл, сөвдагәр бизлер. Шу ерден кервенмиз өтжөк. Мен өңүндө гайтдым, гоюн сатсаңыз, гоюн алаңак.

— Биз ээсиз гоюн сатабилмийәс.

— Кимниң гойны би?

— Көроглы бегиң гойны.

— Бай-бай, Көроглыныңкы болса, үч-дөрт санагыны диләбөм ала-рыс, онуң билен көп жора бизлер.

— Диләп алсаң-да, галасында ёк ахыры шу вагтлар.

— Нирә гитди?

— Бир нышавырлы кемпир атыны алып гачып гитди, озем ызындан галандар болуп гитди. Бир йыл өтүп баря, хәли геленок.

— Бир кеп эшдип йордук, чын болжак болд-ов.

— Наме кеп эшитйәдиң, яшулы?

— Короглының атыны бир кемпир алып гиденмиш, озем галандар болуп гиденмиш. Нышавыра бараисоң, Короглы экендигини тавып, елдүрип, өлүсини хәндеге сүйрәпдирлер дийип, эшдип йордук, чын болжак болд-ов.

— Хай, өлсә өлүпдир-дә — дийип, пелет-первайна дәл, таягыны зыңгып йорлер.

972. Мунуң ичинде Алырыза диян бири барды. «Агаң өлди диеясоң», «Нах, атамды, вах, агамды, жап-жигеримди-ов» дийип, улы или билен гурсагына уруп, моңурип аглап йор. Балгаларының первайыпа-да дәл.

Короглы яңкының янына барып:

— Ай, хан огул, коп йыглама, йыгланьң билеп агаң гайдып гелйәми, бизе бир-ики саны гоюн сатсаң-а?

— Яшулы, агам билен жоралытың чынмы?

— Асла гыл отер, чөп отери болмаз, шунуң кимин жорадырыс.

— Әйсә сениң теңнәңем терек дәл. Саңа баш ачык берйән агамың хатырасы үчин.

Бир гузы берди.

— Эй хан огул, өз гарнымы доюрсаң-а, ёлдашларым зәхерипи ийсин.

Деррев гузыны союп, биширип чекдилер оңүпә. Ажыгып гелен адам, юмшак гузының яхнасы, элиниң готердиги, агзының сыгдыгы, гулкулдадып ташлыя. Нахар ийиш отырка, чопанлар пышырдашя: «Шунуң пахар ийшә Короглы агама меңзийә. . .» дийип.

973. Бири бу яндан чыкып:

— Короглы агам болама сен, яшулы?

— Тур-а, яйыл! Эйюм олен Короглы наме ишлийә бу ерде. Маңа чадырың көлегесинде бир япынжа ташлап бериң. Мен шу ерде бир сагат иркилейин. Шу ерден кервен өтсә, маңа хабар бериң, мен галаймайын.

Япынжа ташлап бердилер. Ядал баран адам деррев ука галып болды. Алырызаның бирнәме гүманы бар: «Агам болмаса ягшы» дийип.

974. Короглы дога билен хер хил болса-да, ягырынысында пенжәниң ызы бар, ол үйтгешмишә.

Алырыза усуллык билен гелип, көйнегини готерин барлады. Пенжәниң ызын горуп: «Вай, агам экени, хай, жаң-жигерим экени!» дийип, элин чарып, бөкүп-бөкүп гидйә. Мунуң галмагалына Короглам оянды.

Чопанлар Короглының бойнундан гуҷаклап, яллаклашып: «Хай, ага, сениң он ики сүсгиде он ики гоюн худайёлы айтдым. Мен йигримини, мен отузы, мен кыркы айытдым. . .» дийишйәрлер.

— Хав, чопанлар, айдан худайёлыңыз өзүңизниңки болсун. Хол дагың аңырсында Гыр ат бардыр, барың, әкелиң!

975. Гыр аты гетирдилер. Гыр ат гелесоң, гала сөйүнжілемәге «Мен гидейин-дә, мен гидейин».

— Башғаң ипиң ёк, гойнуңы бакыбер.

Алырыза диен чопанына:

— Бар, сен өтөгит, хан огул — дийди.

Алырыза шу ерден мүнди эшегине, бил пычагыны элине алып, эшегиң гершине басыберди ыхлап. Гала бөш ярым мезил ёл. Шо ерден «сөйүнжи!» дийип, гыгырып гелйө.

Шол гөчүвне гумдан чыкман, эшеги лакатак дурды. Эшеги ташлап, пыяда алып ылгаберди. Гелди илатың илери четинден. Шол вагтында бир арабакеш ябыны арабадан бошадып, ёрунжа кован экени. Йүврүп гелип, ябыны тутуп, араба эерни сырып алып, паланлы ябыны мүнүп, танапы эплөп ура-ура гайдыберди. Ики гөзи галада, аягының тейинден хабары ёк. Бугдаям болса, гавунам болса, жөвөнем болса, шол догрулап гелйө. Шол геливүне ак лайдан долуп ятан бир чукур дартманың үстүнден гелди. Ябысы билен өзи гүм болайды лая. Өзи бир ерден агажа ярмашып чыкып, ямашгандан гелип, ябының бир ерден келлесини тапып, бойнундан гуҗаклап, о яна чек, бу яна чек, ябынам согруп алды.

Батгалы ябыны райша янап мүнүп, масгарабаз ялы ене чапдырып гайдыберди. Бу гыгырып гайдыберсин.

976. Инди хабары кимден ал? — Галада галан кырк йигитден, Өвез җандан, Агаюнусдан ал хабары.

Өвез җан Агаюнусың янына гүнде үч махал, дөрт махал барып, гайдып дурды гүррүңлөшип. Бир гүн Агаюнус периниң янындан гайдып, мейхана етип баряды. Мейханадан бир галмагал чыкя, хам пайлашыа ялы. Бу-да ичери гирмөн, дашардан гулак асып дурберди. Бир и айтыя:

— Сен эшитдинми?

Бир и айтыя:

— Биз баяк эшитмедикми?

Ай, хуллас, Көроглыны «өлүпдир» дийип, отыр бу кырк йигит.

Бу көп Өвез җаның гулагына якман, ызына дөнүп гайдыберди. Барды Агаюнусың янына.

— Хай, Өвез җан, яман басым гидип, басым гелдиң-э?

— Агаюнус апа, кырклар хейвере бир совук бет хабар тапып отуран экенлер, гулагыма якман, дөнүп ызыма гайдыбердим.

— Өвез җан, кырклар совук хабарам тапар, бир бозгакчылыгың үстүнденем барар, агаң гөлмөн дуршы шу болса. Сен инди оларың янына гитме, ички галаның дервезесин илдирдәни, мениң янымда болубер.

977. Өвез җан ички галаның дервезесини илдирип, Агаюнусың янында болуберсин. Өвез бир сагат гөлмәнсоң, кырклар чозуп гелдилер дервезениң агаына. Гөзлеселер, дервезе ичинден бент.

— Хай, Өвез, дервезәни ач-ха, дервезәни ач! — дийип, гыгырыбердилер.

Өвез җан галаның ёкарсындан келлесини чыкарып:

— Хай, Мәхрем ага, агам маңа огрынча табшырып гитди: «Бир йыл доллар, бир йылдан мен гелмесем, ичери галаның дервезесин илдирип, Агаюнус апаң янында болубер» дийип, айдып гидипди. Мен ачҗак дәл.

— Ач, дийдим, ач!

— Көсе, бир айытсаң-да бир, мүң айытсаң-да бир.

978. Бу ачмажагыны биленден соң, «Ачмасаң ачма» дийип, кырк йигит майдандан даш йыгнап, дервезениң агзына даш үйшүрмөгө айланышдылар, Бир харман дашы үйшүрүп, дервезени дашламага айланышдылар. Дербезениң ахмал чүйи болса гачя. Хуллас, дервезе ирде—гичде дервезе бозулмага аз галды.

Агаюнус пери дервезениң бозулжагыны билип, кыркларың эдиш дуршуны гөрүң, сөхер махалы көшкүң үстүнө чыкып:

— Хов, Көроглы, гүн чыкана, чөш галана я хабарың гелмесе, я өзүң гелмесең, бу кыркларың болуп дуршы бозук. Буларың ичери гирип неме иш этжеклерини билемок — дийип, Көроглыны атлап, гөзүнден яш дөкүң, зар-зар йыглап, бөш келеме сөз айтар герек.

979. Барайдым, хабар алайдым
Онда сөйгүли ярымдан.
Берейдим аты, донуны,
Гечейдим күлли барымдан.

Паслы-бахардан булансам,
Бейик даглара долансам,
Гедай болуп, ил диленсем,
Иллер гутулса зарымдан.

Хожа дагына чыкайдым,
Делминиң, дөрт ян бакайдым,
Сениң жебриңи чекейдим,
Галмазлар болдум еримден.

Дагларың үстүндө дурсам,
Шады-хоррам ойнап-гүлсем,
Ажалым етип мен өлсем,
Кырклар гутулса зарымдан.

Гаршымыздан гелсе [ол] бат,
Гелсе Көроглы бег, Гыр ат,
Агаюнус тапар мырат,
Думан серпилсе серимден!

Бу сөзи айдып, йыглап отурды.

980. Инди хабары кимден ал? — Алырызадан. Бөш ярым мезилден тыгырып гелйөн чопан, сеслерем гырлышыпдыр. Өзи даңданың галгыны: «Агам гелмиш, сөйүнжи!» диени галаның ичине дүшмөгө айланышды товшы. Мунуң товшуны Агаюнусам эшдиң отыр. Агаюнусың гөвнүнө бир-неме шум пикирлик гидип отыр: «Бу кырклар майдандакы чопана барып айдандырлар, агам гелмиш, сөйүнжи дийип, яландан тыгырып барып, алдап дервезени ачдырайлың» дийип гөвнүнө гелип отыр.

Алырыза-да деслабы билен Агаюнуса сойунжилэйип дийип, кыркаларың янына совулманы, ички галаның агзына гелди. Гелсе, дервезе бент:
— Хай, Агаюнус апа, сөйүнжі, агам гелмиш, сөйүнжі, ач дөрвезени, ач!

Галаның гурсагындан бойнуы узадып, перизат:

— Хов, бидевлет чопан, бу кыркаларың гөвүн хатырасы менден говы болдуму?

— Ол ничик, Агаюнус апа?

— Яландан алдап, сөйүнжі дийип гелйәсиң.

981. — Ёк, валла-билле, агам гелмишди.

— Ялан айытма, заңцар!

— Ымам Рыза урсун, агам гелмишдир!

Ымам Рыза дийди—күрте гутараны. Агаюнус пикир этди. «Алла, жаңларым, гелени чып болайжаг-ов». Онсоң терс ызыны алмага отурды.

— Алырыза, агаң хачан гелди?

— Палаң гүн чәш галанда, бизиң гошумызга гелишди. Мениң шол гайдышым.

982. Агаюнус ойланды. «Алла, жаңларым, чәш галанда буларың гошуна гелен болса, чәш пахарыны иен болса, бир-ики сагат уклан болса, гүн батып, гөгейин япылансоң угран болса, гүн чыкана Хожә дагың үстүне чыкаймазмыка, жаңым?» дийип, көшгүң үстүндә гөзүне дүрби тутуп отурды.

Өз бакып-бежерип йөреп адамдыгы, ятан диен махалы ятышдыр, угтарып диен махалы уграшдыр. Гүн чыкды. Көроглы ат гамчылап, Хожә дагының үстүне чыкды.

Ала гайшың ялкымы, сырлы найзаның ялкымы, Көроглы дагдан акжа кейик ялы болуп пнип гелйә.

Агаюнус дүрбүдә муны гөрүп, йүреги ичине сыгман, көшкүң үстүндә бөкүп-бөкүп дүшүберди. Гөзи йыллаш дур, агзы гүлүп дур. Көроглыны гөрүп, гөвнүни жемләп. Алырыза бакып, бәш келеме сөз айтар гөрек. Гөр-бак нәмелер жошарка?

983. Көроглының гелдижегин дийсеңиз,
Озал дидәм үзрә жайым берейин!
Кырк мүң хазынапың херне барыны
Болсйин, гап орта ярын берейин.

Тер ховуз боюнда гола кервенли,
Тиркиши үзүлмез хатар кервенли.
Мүңдә дүе бардыр үсти сарванлы,
Болейин, гап орта ярын берейин.

Бипеян дүнийәдә жаңы нейледиди?
Агаюнус ширин-ширин сөйледиди,
Начар болуп, кем хұмметлик әйледиди,
Хемме хазынапың барын берейин.

984. Бу сөзи айдансоң, Алырыза:

— Хай, Агаюнус апа, гойнуң ярын берейин, дүйөң ярын берейин дийип айытасың. Бу затларыңы алып, сениң юрдуңа патыша болжак дәл!

— Эйсе нәме гөрөк?

Алырыза Көрогла бенде болуп дүшенде, пәкизе бир адаглы, патыялы чорусы бар экени, шунуң билен биле дүшен экени. Агаюнус өз япында хызматында саклап йөрөн экени.

— Маңа мал-дүйөң гөрөк дәл, шол патыялымы өзүме берсең боля.

— Хай, Алырыза, мен-ә саңа жошупдым, ол айданым болмады. Инди хер задам болса, ховлукма. Эртир агаң гелсин. Ямашгандан той-томаша эдиң, никә гыйып берейли. Бар, багыш этдим!

Чопан лах-лах гүлүп, көчәни гөчүрейин дийә. Алырызаныңам вагты хош болуберсин.

985. Инди хабары кимден ал? — Кырк йигитден ал. «Бир чилим чекип отурланы билен иш битмөз» дийшибердилер бир-бирине.

Көсе айытды:

— Нәме иш этжөк, йигитлер!

— Нәме иш эдерис, Көсе! Хер ким ояна гачар, бу яна гачар. Гахары гачса, ойкеси өчсә, бир чен болса, янына гелерис. Болмаса, хер ким бир ерде яйлар йөрөрдә.

— Йигитлер, ондан кеп болмаз-ла, онуң гыраы тутмасын. Гыраы тутса, еке-екеден гонам ызарлан ялы эдиң гырап хөммәңизи.

— Эйсе нәтжөк, Көсе?

— Мениң диенми этсеңиз, деррев ат әерләң. Ол көвөк заңцары булардап өңипчә мейданда бир гөрәлиң.

— Ене бизи мейданда гырдырып гояйма.

— Ганыңыз-а диләп аларын.

— Бизиң ганымызы диләп алсаң, Көсе, биз онуң таягына, сөгүн-жине разы, разы! — дийип, атланып, Көроглының өңүнден гайдыберсинлер.

Көсе айытә:

— Йигитлер, асса сүрүң, башыңыз ашак болсун, йүзүңиз солак болсун. Менден башгаңыз сыра кеплемәң.

986. Көроглам сүрүп гелйәди, кырк йигидини гәрди. Гөренинден эти даглап гидибәрди: «Заңцарларың гелши осал, юрт-гарада нәме кеп-сөз барка, жаным?».

Ат чапдырып, түпөң атдырып, оюн этдирип чыкаржак. Ол айданы болмады. Сес етер ялы мейдана гелдилер. Атдан дүшүп, гол говшурып, хайкырып салам бердилер. Ене атланып, гошулышып сүрүбердилер.

Көроглы гөзүниң тейи билен гөзлесе, кырк йигид-ә түкөл бар, ичинде Өвез жан ёк.

— Хав, Көсе, ханы Өвез жан?

— Өвез жаным, Көроглы!

987. — Өвез жаным, Агаюнусым, Гүлшириним — хөммеси бармы?

— Бар.

— Бар болса, сизлер-дө түкөл гөрүнйәсиңиз. Дүнйәниң малы от алаң-да болса, башыңызың садакасы болсун! Нәме етмәзңиз бар, Кәсе?
— Кәроғлы, етмәзмиз ёк. Сәсиңи чыкарма, сүрүбәр.

— Ёк, Кәсе, сәсиң бир букың бар.

— Букымызың барыны билйәмиң?

— Әлбетдә, билйән.

— Билйән болсаң, айтдырып нәтжәк, бараныңда әшдәр йәрсин-дә, айытдырып нәтжәк бизе.

— Баранымда нәмәни әшдейин, айыт, заңқар!

— Кәроғлы, бизиң ганымызам болса, гүнәмизем болса, өтсәң айытас, ёгсам сыра айытмыас.

— Ганың-да болса, гүнәң-дә болса өтдүм-өтдүм!

— Әйлә болса гуллуқ, бараңда әшдәр йәрсүн, сүрүбәр.

— Бараңда нәмәни әшдейин? — дийип, атың жылавыны чекип, дурды Кәроғлы.

— Сүрсене, сүрсене, айдайын-ла — диййә Кәсе, дуранда горкя.

988. Кәроғлы ене сүрүбәрди. Кәсе-дә гапдаллап гелйә.

— Айытсак, Кәроғлы, көнеләрдән, өтөнләрдән галмадык накыл ёк. «Өйүңдә саяк саклама» диенләри. Сен Өвез жаны голуңда гол бала әдип саклап йәрсүн. Биз әшитйәс: харемханада Агаюнус билән жүпләшип ятыр дийип әшитйәс.

— Кәсе, шу айданың чынмы?

— Нәме мен сени озал ики кепләп алдап йөрмидим?

Кәроғлы үч мәртебә уйлугына урды: «Вах, Нышавырдан гелүвим гәрәк дәл экән-ә».

«Өвез жаным, Агаюнусым, Гүлшириним» дийип гелйән адам, әтин-дән, сүегиндән өтүп, йилигине орнады. Бу ере геләйсәң, ызына гайытмак болямы, Кәроғлам сүрүбәрди.

Кәсе-дә ичиндән ойланып: «Бир иш-ә тутансың, гөрәрсин-дә» дийип гелйә.

989. Хабары кимдән ал? — Агаюнус, Өвез жан, Гүлширин даңкы дәрвезәниң агзына чыкып, гөзләп дурлар. Бизиң янымызга совлуп, гуҗаклашып гөршәрмикә диен тамалары барды. Совул хайда, гөрүш хайда. Тәрс гарап, кырклар билән мейхана гарап өтәгитди Кәроғлы.

Гүлширин айытды:

— Алла, агамың бу нәдени болд-а?

Онда Агаюнус айытды:

— Гүлширин жан, агаңың нәденини мен билйән. Бу күпбар Кәсе мени Өвезе япандыр, Гүлширин жан.

Шейлә диенсәң, Өвез жан багырыш гойбәрди.

— Өвез жан, хапа болма. Барсын, чайыны ичсин, чилимни чәксин. Гахары тачсын, өйкеси өчсүн. Онсәң барып сөзүмизә айытсак, биз-дә ыңандырыс, Өвез жан.

Кәроғлам мейхана гелип дүшүпдир, гелипдир гахары. Түңчә гайна-мака, «чай демләң» диййә. Чилимиң оды өчмәкә, «чилиим салың» диййә.

990. Хабары кимден ал? — Агаюнусдан. Херемханасына гелип, тазе гейимлерини чыкарып ташлап, көне гейимлерини гейип, сачыны чөзүп яйып гойберди, бир голы билен Өвез жаның голундан тутуп, бир эли билен Гүлшириниңкиден тутуп, йөрүш этдилер мейхана гаршы. Гелип мейхананың агзында кесерип дурубердилер, ичери гирмән.

Көроглы ичерден гөзүниң тейи билен гөзлесе, үчүсиниң хем сил кимин гөзүнден яш акы. Шу ерде Агаюнус пери хер кайсының элинден бир эли билен тутуп, Көрогла гаршы гарап, баш келеме сөз айтар гере к.

991. Сериңе дөнейин, Чандыбил ханы,
Сениң балаң мениң балам имесми?
Бир йыл болды, чекдим дагы-хижраны,
Сениң балаң мениң балам имесми?

Бир йыл болды, гөрөн гүнүм хор болды,
Йыглай-йыглай, икя гөзүм көр болды,
«Әнем» дийип, Өвез жан ховандар болды,
Сениң балаң мениң балам имесми?

Ынанма сөзүңе муззур намардың,
Гуллугын әйлегин, гоч йигит гөрдүң!
Өвез жан болмаса, тозупды юрдүң!
Сениң балаң мениң балам имесми?

Кырк йигидиң алмаклыга чаклады,
«Атам» дийип, Өвез юрдүң саклады,
Огуллык әйлейип, дузун хаклады,
Сениң балаң мениң балам имесми?

Хич дадым етмеди, гөзел жепбара,
Йыглай-йыглай, багрым болды сет пара,
Муны айдар Агаюнус бичөре,
Сениң балаң мениң балам имесми?

992. Бу сөзи айдып, үчүсөм дөнүп гайдыберди. Көроглы ызындан ойланды. «Бу Көсе, сувы терс акдыран экен-ов!».

Ожагың башына гелип, чилим чекип, чилимем булара узатманы, одуны какып, сыйыны силкип, чыкып өтөгитди Көроглам.

Көроглы гиденсең, кырклар:

— Ал, Көсе, . . . гүлдүң инди.

— Хай, нәм бар?

— Нәме болжагыны билмийәмиң? Ине Көроглы барса бәрден, Агаюнус, Өвез жан йыглап отурса, Гүлширин сиңлиси эден ишлериниң бир-бир хабар берсе, хеммәмизи гелер-де бир гылычдан өтүрер.

— Озал биз гачжак диенинде-де гачырмадың.

— Йигитлер, горкмаң! — дийди, Көсе.

993. — «Горкма?!» Хәләм жаныңдан умытың бамы?

Шейле диенсоң, Көсө-дө бирнөмә горкды. Бир селлем ойланып отурып:

— Йигитлер, менем горкузып отурмаң, гачаның билен гутулжан ериң ёк. Агаюнусың өзи көп акыллы, гиң зайыпдыр. Булар ялы зада галаңрымаз. Көрогла бирнөмә басырга болар. Ене Көроглы шу мейхана гелендө, Өвез жан билен биле гелсө, өлүмем ёкдур, хорлугам ёкдур. Еке өзи гелсө, нәбилейин-дө.

Көроглы барды бәрден. Өвез жан йыглап отыр, Агаюнус йыглап отыр. Гүлширин хемме эден ишлерини бирин-бирин хабар берди. Көроглының эти үйшүп, муртлары сых-сых болуп, раст гелди гахары.

— Хайп, шу кыркларә берип йөрән дузум, эдип йөрән хызматым. Хеммесини бир гылычдан өтүрейин! — дийип, газаба мүнүп, еринден туруберди.

Агаюнус айытды:

994. — Отур-айт бу ердө! Ол кырк йигиди гырып, ене яныңа кырк йигит йыгнамажакмы?

— Болманда кырк ялхор тапылмыямы?

— Индики тапылжагының мундан говы болажагыны билйәмиң? Отур! Көроглы лабшып отурыберди.

— Ай, Көроглы, булар ялы гүррүң көп болар яланчыда, галаңлап йөрөмөзлөр оңа. Хәләм шу өвренишен йигитлериң ятшыдыр. Бар мейханаңа, бозгакчылык әтмә чайында, чилиминдө.

995. Кыркларың салы сув үстүндө болуп отырды. Инә Көроглы Өвез жан билен тиркешип гирди. Өвез билен геленсоң, кыркларың жаны ара гирди.

Көроглы мүтдекәниң гапдалына гечип отурды, Өвез жанам гапдалында отурды. Хич кимдө көп-дө ёк, сөз-дө ёк. Бирден дегибийрмикә дийип горкыбам отырлар. Буларың горкуп отураныны аңлашып: «Гел, булары горкузып отурмайын-ла, гөвнүни жемләйсин-ле» дийип, өз екелиги ядына дүшүп, ызында болан ишләрә хапа болуп, сазыны голуна алып, йигитлеринә гаршы гарап, бәш келәмә сөз айтар гөрөк.

996. Гөч йигит башына явыз иш дүшсө,
Дөзөбилмөз, гөч гардашы гөрөкдир.
Пөлөк айра салып, жыдалык дүшсө,
Өхтибарлы, шир ёлдашы гөрөкдир.

Көлпөңдизем айдар, менем аждарха,
Әшөкдир өзүни саймаган ювха!
Шамара душ болсаң, болар кем баха,
Сересап әтмәгә хушы гөрөкдир.

Мөкөс айдар, мөн хазарам, өлменем,
Мөйдан ичрә йөрименем, армапам,

Ялңыз айдар, мен йыгларам, гүлменем,
Арка дагы, гоч гардашы герекдир.

Сув гадырыя деря гечен сал билер,
Ягшы йигит гадырын улы ил билер,
Ил гадырыны сахыл гезен гул билер,
«Хув» дийип аглан гезде яшы герекдир.

Йигит герек бир ыккардан дөнмеген,
Дөвүр гурул хер шахая¹ гонмаган,
Сөвеш гүни өлдүржегин санмаган,
Ганжыгада ганлы башы герекдир.

Йигидиң мейдана аты көвлене,
Өны гөрүп, гарып гөвни авлана,
Сөвдижегниң сыя зүлпи товлана,
Чешм үстүнде галам гапы герекдир.

Мени кимсе дийрлер, мен-ха Көроглы,
Өзүн билмес мүблислердир сег оглы,
Аслым герчек догдум, өзүм бег оглы,
Дөвчүлөшен дөрди, бөши герекдир.

997. Бу сөзи айдандан соң, Көсө өлүм-э бейледе дурсун, хорлук
ёгунам аңлашды.

— Хай, Көроглы, дегип айтасың-ла бизлере!

— Хэ, дегип айытмазлармы, Көсө?

— Дегип айдып, нэм болуңдыр хэли?

— Мундан бетер нәме иш этжекдиң? Булара мунча ыкарат берип,
дервезени дашлап! . .

— Ай, Көроглы, сен хич зады билмийэсиң. Олар-да хич зады бил-
мийэ. Олар ичерде болансоң, хич затдан хабары ёк. Биз мейданда бир
адамдан сениң бет хабарыңы эшитдик. Гелип булар билен геңеш эдейли,
маслахат эдейли. Өли болса, маслыгына эе болуп болмазмыка, дири
болса, барыны билип болмазмыка дийип, дервезениң агзындан бардык.
Булар-да дервезени ачмады. Онсоң бизлер-де дервезени дашладык-да.

— Шулар ялы абат зады бибат эдип, бозубермек гелишйәми, Көсө?

— Көроглы, дервезе дийип, эзип-эзип айдыберйәсиң-э. Бөш тылла
берсек, өңкүден говы дервезе берйәрлер.

— Берсе-де, Көсө, сиз хич задың гадырыны билмийәсиңиз — дийип,
кырк йигидине гарап, бөш келеме сөз айдар.

998. Гарга билбиллик башармаз,
Гүлүң гадырын нә билсин!
Сәхрада гезен боз гушлар,
Колүң гадырын нә билсин.

Экин экип, чил чекмеен,
Супра яйып, нан дөкмеең,
Арының зәхрин чекмеен,
Балың гадырын нә билсин.

Галаларда хан болмаса,
Үлкелер аман болмаса,
Күкрекде иман болмаса,
Пириң гадырын нә билсин.

Ажы-сүйжүни датмаяң,
Өз сөвдасың өзи этмеең,
Тешнеләп чөлдә ятмаяң,
Сувуң гадырын нә билсин.

Муршыды-кәмил болмаяң,
Кә йыглайып, кә гүлмеең,
Өзүңиң гадырын билмеең,
Киши гадырын нә билсин.

Көрөглы паныга гелен,
Ыкрарында ёкдур ялан,
Уруш тәлимин билмеең,
Мердиң гадырын нә билсин!

999. Бу сөзи айдансоң, Өвез жан айытды:

— Ага, булара ыкарат берип отурмасаңа. Бар, Агаюнус апаңың
яныңа гит сенем!

Кырк йигидиниң гүнәсини гечиң, вагты хош, кейси чаг болуп, гелди
перизадының янына. Гужаклашың, чырмашың ятыберсин. Аяк дийсең
төрт өрме, галаны өзүңә белли. . .

Хер киши шулар ялы иш битириң, мырат-максадыңа өтсин!

ХІ. ХАРМАН ДӘЛИ

1000. Хайыр, ягшы, хабары кимден ал? Рум велятында бир бай барды. Адына Арслан бай дийип ат берердилер. Еди патышаның хазынасы ялы хазына онда барды. Айбы биперзент өтүп барярды. «Худайым маңа перзент бермезмикә?» дийип, он ики сүңгүне он ики зайып алды. Иң соңкы алаң зайыпның бойнунда хамыла галды. Докуз ай, докуз гүл, докуз сагат өтүп, бир гүл гызы болды. «Алла, худаидан огул диләп йөрдүм. Ол айданым болмады, гыз-да болса огул орнунда гөрөйин» дийип, бөш-алты гойны союп, илатыны чагырып, берди той-томашаны. Илаты жемлешенсоң:

— Хав, ил-илат, мен худаидан огул диләп йөрдүм, бу-да ыкбалым-дан начар болды. Шуңа илде ёк пәкизә ат гоюң.

Илат акыллашып, акылың, хушуң, хемме задың харманы болсун — дийип, Харман Дәли ат гойдулар.

1001. Харман Дәли бирисине, икисине гадам гоюп, барып еди яшады. Гулагыны дешип, молла берди. Еди йыл мектепде окады. Ылым, акылы алды. Он дөрт яша барды. Арслан байың огул орнунда саклап йөрени болмады. Тейден гудачылыга адам гатнаберди «Гызыңы бер» дийип. «Мен еке перзевдимиң гөвнүни гөзлежек, гөвнүндөкини айтсын, мениң яныма адам гелйөр» дийип, адам гойберди Арслан бай. Адам гойберенсоң, ата-сының янына өзи гелди.

— Ата, мениң гөвнүмдөкини әдйән болсаң, мен хер гезип йөрөн салпы аягың яры дәлдириң. Пыгамбер саясы дүшен адамың яры мен.

— Оглум, мен ниреден тапайын оны?

— Ягшы-яманымы әлешдирмесең, өзүм тапайын, ата!

— Ягшы-яманыңы әлешдирмөйин — дийип, тарханлык депдерини элине берди...

1002. — Ата, маңа газынаның ярсыны бөлүп бер, түкетсем, ене берибер.

Газынаның ярсыны бөлүп алып, үч йүз алтмыш чар баг салдырды. Ичинде көшк-сарай салдырды. Үч йүз алтмыш кениз тутды. Илата-да урдурыберди жары: «Харман Дәли диен гыздан хан дөрөңдир, айдышан багшысындан еңилсе, гөрешен пәлванындан йыкылса, төңи-тагты, газына-депинеси билен баряр. Айдышан багшы еңилсе, гөрешен пәлван йыкылса, келлесини аляр.

Галың о ерде — бу ерде бир гижәни совубилмән йөрөн багшылар «Шуны

бир яңылдырып болмазыка?» дийип гелйәр, еңилйәр, аляр келлесини. Галың дөвүрйән гөрешинде адам йыкып, ғылав алып йөрөн йигитлер: «Харман Дәли ялы гыз билен дөшлөшип өлсөк арманымыз нәме! Яңылакка дызыны ере дегирәйсег-ә багтымызың гелени». Гелип гөрешйә, йыкыла, аля келлесини.

1003. Кеп ғысгасына ягшы, үч йылда үч йүз келле мынара кылды багшы билен пәлвандан. Гайдып багшы-пәлван мейдана гелмеди. Бир гүни мүнәжжимини, гуррандазыны йыгнады.

— Хав, гуррандазлар, мен он алты—он еди яшапдырын. Мениң бу вагта ченли иймедик тагамым, геймедик гейимим, этмедик ишим ёк. Хич хайсындан мен әриң леззетини тапмадым. Мениң өзүме мынасып гөрчәк гөч йигит яр тапып берич.

Гуррандазлар ойландылар:

— Саңа пылан бай мынасып дийсек, пылан сыпаты мынасып дийсек, чагырар гөтирер, айдышар еңер, нахак гана биз галарыс. Бибижан, саңа мынасып яр тапа билмейәс биз.

— Ериң йүзи гапышдымы?

— Пылан ерде бир кемпир бар, хөммәмизинң устамыз шол; шол билмесе, биз билмейәс.

1004. Ол кемпире-де хат ёллады. Йүз тылланам хат әкидениң әлине берди: «Гелсин, мениң билен эне-гыз болсун» дийип. Бу хаты әлтип бердилер. Кемпир хаты окуп гөрүп, ойланып отурды. Мунуң ойлананыны билип, йүз тылланы өңүнде гойдулар, «хәзирки хөззет-сылагы шу» дийип. Теңнәни гөрәнсоң, кемпириң гитмәге гушгуны гөтерилди. Гелди Харман Дәлиниң гашына. Хөззет-сылаг әдиш, аманлык, әсенлик сорашып отурды.

— Харман Дәли оглум, мени нәме иш әтжәк болуп чагырдың?

— Эне-гыз боджак болсаң, мениң ялы гарры кемпир төверегинде тапмадыңмы? Башга бир дердин бардыр, оглум, догруланывер!

Муңа-да яңкы айданыны айтды, «Өзүме мынасып яр тапып бер!» дийип.

— Ай, оглум, шулар ялы бир дердин барыны билйән ахыры. Мен бир гурра ташлайын, оглум! — дийип, кемпир гурра салып:

— Харман Дәли оглум, гуррада гөрчәк гөч йигит гөрүнди.

— Диллериңе гуван, мама жан! Ниреде?

— Ай, оглум, әнтәк ниреде дийинчәң, мамаң сөйүнжисини чыкар.

— Ме, мама жан! — дийип санаман, үч чаңил теңнәни этегине оклады.

1005. — Оглум, салгы берсем, Чардаглы Чандыбилдә Көроглы бег диййәр. Уря-чапә, әкәйә. Гарақтыгына какылман йөрөн мес йигит.

— Шол йигидиң өзи горкак сыякмы? батыр сыякмы? Мениң гөзүм билен гөрән ялы хабар бер шоны!

Кемпир ямашгандан гурра ташлап, Көроглының катды-каматыны гуррада гөрүп:

1006. — Оглум, хабар берсем, бутлаграк, чигинлөгрәк, ягырнылары ясырак, маңлайлары түңнүрәк, гөзлери чукуррак, бурунлары әгрирәк,

сакалы кетмен сакал, муртлары күррөнің гуйругы ялы, йүзи-гөзи полат сувы берлен ялы, өзи-де орта бойлурак.

— Мама жан, бу айдяның-а батыр сыяк болды. Инди шоны гидип өкелмесөң болмаз.

— Хай, оглум, гоявери! Олар ялы ушак-дүшек хызматың кишип дэлдирия мен — дийип, ене бир неме чай пулы тама эдйөр.

— Хай, мама жан, ол эйле-бейле адамың ызына дүшүп гелмез. Сениң ялы сухангөй, жадыгөй эйяр кемпир өкелер оны — дийип, тылла сазыны мөмөсиниң үстүндө гоюп, мамасына гарап:

1007. Чандыбилде Көроглыга,
Бар-да, кемпир жан, хабар бер.
Аслы герчек бег оглыга,
Бар-да, мама жан, хабар бер.

Дилегиңи берен алла,
Чүнки ыгтыкадым, валла!
Ене берер мен йүз тылла,
Бар-да, кемпир жан, хабар бер.

Рум шөхри биле Чандыбил,
Арасы ниче гүнлүк ёл.
Хер ерде гезме бимахал,
Бар-да, кемпир жан, хабар бер.

Харман Дөли дийрлер бизе,
Энем, яшың етсин йүзе.
Ыгтыкадым дийдим сизе,
Бар-да, кемпир жан, хабар бер.

1008. Бу сөзи айдандан соң, ене йүз тылланың ады гечди. Кемпириң гитмөге гушгуны гөтерилди.

— Харман Дөли, оглум, болмады, инди гидейин. Ене бир геп бар. Яңы «ене берейин йүз тылла» дийип айтдың. Шол теңдөнің гөвнүни гөрүп гидйә — дийип гөвнүңе гетирме, сениң билен эне-гызлыгы бержай этжек.

— Мама жан, гараз гитсең боляр.

— Харман Дөли, оглум, Чандыбил дийилен даш юрт. Мен бир гарры адам. Эйле-эйле, селтең-сүлтең улагыңа ярамарын. Мен тулпар мүнүп гитмесем болмаз.

— Тулпары ниреден тапайын, мама жан?

— Кимиң йылкысы мүн болса, шонуң ичинде болармышын.

— Эйсе, мама жан, оны кишиден сорамалы дөл. Бизиң атамызың йылкысы мүн.

1009. — Эйсе мен өзүм тапарын — дийип, гелип йылкының төверегинден сөйир догасыны окап, гөз гездирди. Гөзлесе, тулпар гезип йөр. «Исми-агзам» догасыны оқып, бир торпак сачды. Тулпар ылгап янына

гелди. Тулпары мүнүп, Харман Дәлиниң гашына гелип, тулпары бир
гылдан эерлөп, өзөм бир гылдан бесленип, йүзүне-де шишбент тутуп,
ниредесиң Чардаглы Чандыбил дийип чув гояйды. Тулпар өзүңизе белли.
Бөш-алты айлык ёлы бөш-алты гүнде аля. Сүрүп Чардаглы Чандыбилиң
четинден гелди. Көроглының мейханасыны салгы алып, сүрүп өтөгитди.

1010. Хабары кимден ал? — Көроглыдан! Нышавурдан гелели бери
Гыраты бакыда гоюпды. Алла, ишим чыкаймаса ягшы, эер чекейинле —
дийип, Гыраты ялаңачлап, сыпалап, сермөлөп дурды. Еңсесинден бир
атлы гелип, салам берип дуруберди. Йүзи шишбентли. Көроглы айтды:
— Хабарыңы бер!

Тулпарың үстүндө Көрогла хабарыны берип, бөш келеме сөз айдар
герек.

1011. Рум шәхеринде бирже дохтар
Көроглы бер гелсин дийди.
Салам хат гөндерди менден.
Гелип, мени алсын дийди.

Келамда бардыр хатлары,
Тевледе арап атлары.
Өзи гелип йигитлери,
Терчим билен галсын дийди.

Үлкөңиз Чандыбилдир,
Гезениң хақың ёлудыр.
Пириңиз хөврөт Алыдыр,
Алы десгир болсун дийди.

Кемпир жаңа иман берсин,
Күлли капыр дине гелсин.
Гелип хөзөтими гөрсүн,
Ат, серпайым алсын дийди.

1012. Бу сөзи айдан соң, Көроглы ойланды: «Алла жанларым, Рум
шәхеринде бирже дохтар. . . «Дохтар» манысы гыз. Өзи бир гыздан гелен
— абар дәл. Я гызың өзүмкө шу? Маңа йүзүни геркезмен, алдап өкитжек
болямыка?».

— Хав жан, сен йүзүңдәки шишбенди бир айыр. Сениң эркекдигиңи,
начардыгыңи, гаррыдыгыңи, йигитдигиңи билейин мен.

Ай, кемпирде утанч бармы. Шишбенди сернип иберди. Харам бол-
сун сачының ичинде бир гара гылы болса.

— Хав, жаным, сени чөл ерде гөрсөм горкардым. Абырай галаң
ичинде гөрдүм.

— Көроглы, горканыңи, горкмаыңи билмейән. Мен саңа йүз төгими
геркезмөгө гелемок. Мени Харман Дәли диең гыз иберди, сен гелсин
дийиң. Гитсең-ө деррөв атлан, ёгсам-да бер жогабыңи!

— Мама жан, олар ялы хабарың бар болса, деррөв гидерис оңа. Сен шу ерде бирже сагат дур.

— Ёк, болмаз, Көроглы. Гитсең-ә атлан, ёгсам-да бер жогабымы.

— Мама жан, мен ичери гирип, шай тутайын, чай-теммәки, гөрек-ярагы алайын ахыры.

1013. — Көроглы, сениң чай-теммәкиңи мен билип дурун. Сениң Агаюнус диен зайың бар болмага шекилли. Сен онуң янына барман гидибилжек дәл болмага чөмөли. Мен саңа шу наманы айданда, бир-бир гүйч гелди. Шол бадыңа гитсең-ә бир абрай тапарсың, болмаса, сенем йыкылып масгара боларсың. Перизадың янына барсаң, йүзүне йүзүң дүшөр, билиңден кувватың гидер, бәш-алты агыз гөплөшөрсин, дилиңден зыбаның гидер. Ондан бу янынам өзүң билиәнсин-дә, Көроглы!

1014. Көроглы бир яна гитжек болса, перизадың янына барман, сыра гидибилмөйөр.

— Хөр задам болса, мама жан, сен шу ерде үч сагат дур! — дийип, үч йүз түмөн тылланы элине чыкарып берди. Үч йүз түмөн тылланы хөр-жуна салып, ичинден «хөргизим киши абрай тапасың».

Көроглы хем харемхана уграды. Кемпир хем тулпарың жылауны айлады ызына. «Хай, барыбирсин-дә, алжагымы алдым» — дийип.

Көроглы барды харемхананың ишигянден. Көроглының баранындан, Агаюнус аңлашды.

— Көроглы, саңа бир өрден хабар геләен ялыла. Йүзүң-гөзүң йылым атып, өкжөң еңләп геләйди.

— Хава, маңа бир өрден хабар гелиңдир — дийип, перизада гарап, бәш келеме сөз айдар гөрек.

1015. Арзымны эшитгил сен, перизадым.
Бизе нәзли ярдан салам гелиңдир.
Аллага сыгындым, эшитгил дадым,
Бизе сөвөр ярдан салам гелиңдир.

Өте билмен ала дагың гарыдан,
Ак йүзүңде гоша-гоша халыдан.
Арслан байың гызы Харман Дөлиден,
Маңа Дөли гыздан салам гелиңдир.

Өте билмен, ала дагың гары бар,
Ак йүзүңде гоша-гоша халы бар.
Мен гучмага нәзик инче били бар,
Бизе сөвөр ярдан салам гелиңдир.

Көроглы бег өзи гелсин дийиңдир,
Үч йүз алтымыш көллө кесин гоюңдир.
Гелип мени өзи алсын дийиңдир,
Бизе сөвөр ярдан салам гелиңдир.

1016. Бу сөзи айдансоң:

— Алла, Көроғлы, өзи бир хандан, сыпайыдан гелен хабар дәл экен. Мунуң үчин бу ере гелмек нәмә герекди, геңешмек нәмә герекди? Шол бадыңа гитсең болмадымы? Инди бу ере гелдиң, гитме, Көроғлы.

— Пай, маңа берйөн геңешиң шумы? — дийип, ыргып турды еринден.

— Көроғлы, озал-а несихатымы алып гитме; гитсең-де, шәхри-Бостанда Ашык Айдың пир бардыр. Шонуң хызматына барып, бир ай-кырк гүн хызматында болуп, хайыр патасыны алып, онсоң барсаң, абрай тапарсың, болмаса сенем йыкылып, масгара боларсың. Озал-а несихатым сыра гитме! — дийип, бәш келеме сөз айдар герек.

1017. Харамылык гоч йигиде ярашмаз.

Алсаң несихатым, гитме, Көроғлы!

Пәлван гыздыр ахвалыңа гарашмаз,

Алсаң несихатым, гитме, Көроғлы.

Мундан гитсең шәхри-Бостан барып гит,

Хак адыны гурсагыңа салып гит.

Ашык Айдың пирден ругсат алып гит,

Ругсат алмай ондан, гитме, Көроғлы.

Үч йүз алтмыш багшы-пәлван барандыр,

Айдышып, йыкылып бары өлендир.

Индики аманат саңа галандыр,

Алсаң несихатым, гитме, Көроғлы!

Мундан гитсең шәхри-Бостан әлунда,

Хак сенасы болсун довам дилинде.

Өзүң бир герчекдиң Чандыбилинде.

Алсаң несихатым, гитме, Көроғлы.

Агаюнус гитме дийип зар әдер,

Харамылык гоч йигиди хар әдер.

Басар, йыкар, гиң жаханы дар әдер,

Шудур несихатым, гитме, Көроғлы!

1018. Бу сөзи айдансоң:

— Ай, мен гитмән, дура билжек дәл — дийип, ылгап еринден туруп, атың әер-дүзүгүни алып, Гыратың янына гелсе, кемпир кайда, зат кайда, әййәм гидиңдир. «Шум кемпир, гитсең, гит бакалы, сениң ызыңдан ковуп етип болмазмыка?». Дессине аты әерләп, тулпарың ызыны алып, басды ата гамчыны. «Месде хақыл болмаз» диенлери. Гыр ат хем пыланча гүн бәри багда бакылы дуран ат. Парча-парча көпүк табагың агзы кимин сачылып дүшйәр. Көпүкли дер гайдып, бир авуҗа дер гелди. Гыр ат ериң танапыны дартяр. «Хәли етерин-шинди етерин»; ет кайда, зат кайда! Тулпарың ызы бардыгыча өңүнде кемелйәр¹ гайта.

Кеп гысгасына ягшы. Бир ярым гүнлүк ёлдан, бир депеден оя инени гөзүне гылгышып галды.

1019. Кемпир Харман Дәлиниң яшына бир ярым гүн өчинчә гелди. Аманлык-эсенлик сорашып отурдылар.

— Хань, мама жаң, аман-саг гелдиңми?

— Гелдим, оглум.

— Гетирмедиңми?

— Өзи гелйәр.

— Хачан гелйәр?

— Бу гүн өтөр, эрте чәш галанда гелер.

— Өз гөзүң билен барып гөрдүңми?

— Бу ерде гуррада гөрүддим, йене бир айбы ичерси билен геңешли-рәк экени.

Көроғлы гелмәкә, кемпир жогап алып гайтжак боляр.

— Харман Дәли, маңа жогап бөрсөң, гайдайын.

— Ёк, мама жаң, сөн гайтсаң болмаз.

— Нәме дийип болмаз?

— Ол бир герчек гөч йигит, мөс йигит дийип айдярсың. Гаражыгына какылман йөрөн дийип айдярсың. Мен-де ийип-ичип, мөс болуп, гаражыгына какылман йөрөн гыз. Ол геләсөң, икимиңиң сөзүмиз жүп дүшәйсә не ягшы, тәк дүшүп гидибөрсә, сениң ялы гарры адам әйле болмаң, бейле болмаң — дийип арада гөрөк болса гөрөк.

1020. Кемпир Көроғлыданам алжагыны алыпдыр, Харман Дәлиденем алжагыны алыпдыр. Инди зат ёгуна-да гөзи етипдир. Көроғлыданам бир нәмә горкусы бар.

— Харман Дәли, оглум, маңа бир яр тапып бөр — дийдиң, тапып бердим. Салгы бөр дийдиң, салгы бердим. Әкәлип бөр дийдиң, — гарры халыма гидип әкәлип бердим. Өзүң нәмә болушсаң, шол бол. Мен сениң әлиңдән тутуп, онуң тейиндә гойжак дәл.

— Мама жаң, кепиңи соңладың, бар, алла ярың!

Кемпир Харман Дәлиден жогап алып гайдыберсин.

Эртеси Көроғлының гелжәк диен гүни Харман Дәли ховзуң бойыны сырып-сүпүрип, догуз ганат елелли өй дикип, сес өтөр ялы ерә паяндаз дүшәп, өйүң гапдалына кечәни ташлап, чорусыны янына алып, ики йүзли ханжарам әлине алып, Көроғлының гелжәк ёлуна гөзләп отурыберсин.

1021. Эртеси гүн чәш галды. Кыбласында бир бейик дөпә барды. Көроғлы ат гамчылап, дөпәниң үстүнә чыкды. Арка йүздә ак гүмөз ялы өй гөрүнди. Өйүң гапдалында ики саны зат гөрүнди. Гөйәки гызыллыгы тәжикхораз кимин. Көроғлы айтыды: «Кемпир бир дийипди, ики экен-ов бу. Булар мениң ёлуы гөзләп отуран экен-ов. Мен хәләм асса гелйән экеним» — дийип, оя гаршы атың жылавуны яздырып иберди.

Түркменчилик өзүңе бөлди. Мүнүпдир ата, басыпдыр гамчыны, с. . . р паяндазының ичине. Паяндазлар Гыр атың тойнагында бат бөрөк ялы бөлүнип учуп гитди. Мунуң ат гоюп гелишини гөрүп, чорусына айтды:

— Мундан-а кишө әр болмаз. Ики адам салам берсе, үчүлөнжң саламыны гөтөрө билмежөк адам экени. Барсамам уруп өлдир мени.

1022. Харман Дәлиниң ислейән тамасы бейикден оя-да асса-асса дүшөр, паянказың үстү билен асса-асса отөр. Ол барып, дүшүп отурадипен тамасы барды. Ол айдыланларың хич хайсыны этмеді. Қороғлы хем шу гелувына шуларың гашына гелип, атың жылавуны чекжөк болды. Аңырдан гызышып гелйән ат чекдирмәни, буларың гапдалы билен гечип, ховзуң аркасы билен айланып, шуларың гашыңда зордап атының жылавыны чекди. Бу-да ган акып дуран ер. Гызың суссам басыпдыр Көр-оглыны. Баряр йүзүнден дер. Шу ерде жылавы әериң гашына ташлап, аркасындан сазы какып алып, Харман Дәлә гарап, бир сөз айдар. Ол хем жогабына жогап берип, гулп-килит болуп айдышярлар.

1023. К ө р о г л ы.

Ховуз башында дураңлар.
Нәзлим, бир сув бер, ичейли.
Сөзлешип маны береңлер,
Гыз оглан, сув бер, ичейли!

Х а р м а н Д ә л и. Ховуз башында хайыр олмаз,
Дүш, өзүң сувдан ичевер.
Хер тилки-шагал шир олмаз,
Дүш, өзүң сувдан ичевер.

К ө р о г л ы. Элмыдам дербент сакладым,
Мундан гашымы окладым.
Сениң дек нәзлим ёкладым,
Нәзлим, бир сув бер, ичейли.

Х а р м а н Д ә л и. Сувумны берменем яда,
Сениң кимин көп дүйөде.
Аслың түркмен, харамзада!
Дүш, өзүң сувдан ичевер.

К ө р о г л ы. Узак-узок ордаңыза,
Гонак болсам обаңыза.
Етим болайын бабаңыза,
Нәзлим, бир сув бер, ичейли.

Х а р м а н Д ә л и. Узак-узок ордам ёкдур,
Гонак болсаң обам ёкдур.
Мен бир етим, бабам ёкдур.
Дүш, өзүң сувдап ичевер.

К ө р о г л ы. Гожа дагдап аша билмен,
Гавым гөрсем, жоша билмен
Мен бир хаста дүше билмен,
Нәзлим, бир сув бер, ичейли.

Харман Дәли. Ашык болан кәнден отер,
Ярың канды-лебин тутар,
Хаста болан өйдә ятар,
Дүш, өзүң сувдан ичевер.

Көроглы. Көроглы гөздим мессана,
Эмсем лебиң гана-гана.
Назлы яр, этме бахана,
Нәзлим, бир сув бер, ичейли.

Харман Дәли. Бизе Харман Дәли дийрлер,
Ики гөзүңи оярлар.
Этиң чиглейин иерлер,
Атың овүр-де гачавер!

1024. Бу сөзи айдансоң, Көроглы мундан еңилди. Харман Дәли айтды:

— Хемише йыкан адамымы, еңен адамымы өлдүрйәрдим. Муны чагырып гетирип өлдүрмәйин. Мыхман хеззәти болсун. Еңилди, өзи гайдар-да — дийиң, өе гаршы өтәгитди. Көроглам ызындан гөзләп галды. «Шундан-шуңа адам гойберди, чагырып гетирип гелдиң өк, гитдиң өк. Атдан дүшсөң, ат тутайын өк. Мени әсгәрмән гидибөрд-ов» — дийиң, аты депип иберди. Бихабар барян гызы атың омаы билен какдырып, аңрылыгына гечди. Атың зарбына он бәш әдим ере барянча, атанаклап, маңча-наклап, йүзүниң угруна йыкылды. Махмал көвиңүниң бири аягында галды, бири башындан ашырылып гитди. Алтынлы топ жыгасы товсуп, онда дүшди. Көйнеги серпилип, ягырнысына етди. Ятышы өзүңизе белли.

Харман Дәли хасыр-хусур еринден туруп, Көрогла гаршы гахар билен бир аларлып гөзледди. Шонда-да айдяр: «Ба, бизе бир ашык болуп гөзлед-ов» диййәр. Бир махалдан он секиз арчын ат билен гызың әгнидең болуп геләйди. Көроглыны атың үстүне оглан ялы гөтерип алайды. Шондан ере чалжак болуп гелйәр. Көроглы әңиздигини билдирмедди.

— Харман Дәли адам йыкымышын, адам еңйәмишин дийип, гең гөрйәдик. Ат үстүнден огланам асылса йыкяр, итем асылса, хасаңдар йыкышың дийип гелйә.

— Алла, бир кепе чепер адам әкени — дийип, ерде гоюп, гуҗақлашып, гөрөшип гитди. Харман Дәли сыртына чекип, ене ере урҗак болуп гелйә.

1025. — Харман Дәли, сениң ягырныҗа мениң ягырым дегди. Икимиз чар болдук бу сапар.

«Алла шуны бахана тапмаз ялы әдейин-ле» дийип, ямашган ерде гоюп, ики быкынындан гапба гуҗақлап, башындан айлап-айлап раст урды мервер шасыпаның үстүне. Әзем ивер чөкен ялы чөкди үстүне. Көроглының хер әлини бир дызы билен басды. Ики йүзли ханҗары гынындан согруп алып, богазына гоюберди. Гөзлесе, богазына ханҗар янашып гелйәр. Җан бир сүйҗи зат, өлмек кып. Раст гайрат-гүйҗүни гетирип,

тейинде ятан еринде үч яшар өкүз ялы мүңзэберди. Бу ханжары гойжак боляр, бу ханжары гойдурмажак боляр. Шол якалашып ятыркалар, Көроглы бир йыглады, бир гүлди:

— Мен сени өлдүржөк болуп ятырын. Йыгланың-гүлениң себэбини айт.

1026. — Йыгланымың себэбини айтсам, мениң Мирим, Гамбар диен ики шәгирдим барды. Олар менден хайыр пата алманды. Бу ерде ажалым етип, сениң элинден өлегайсам, олар менден намырат галжак дийип йыгладым. Гүленимиң себэби элиме бир саз әкелибер.

Чорусына айтды:

— Бар, өйден дутар гетирип бер.

Чоры өйден дутар әкелип берди.

— Айт ханы!

— Сериңе дөнейип, ботаз мая ялы үстүмө чөкүпсиз. Сен бир неме гайрарак отур, гөвнүми гиңелдиң айдайың.

Ол гайрарак отур дийсе, гайрарак отуряр.

— Хәлем гайрарак отур.

Ене бирнеме сүйшйә.

— Хәлем аңыражык барай-сана — диййә.

— Аңры отур, аңры отур билең гөрөк ериңе алып баржак болярсың, бол деррев айт!

Харман Дәлиниң тейинде ятан еринде бәш келеме сөз айдар гөрөк.

1027. Гожа дагларың башында
Леммер-леммер гар гөрүнөр.
Мениң бу дәли көңлүмө
Ала гөзли яр гөрүнөр.

Гелдим дагдан аша-аша,
Сөвөр яра душа-душа.
Яр, сынаңда гоша-гоша,
Гол дегмедик нар гөрүнөр.

Чекейдим ярың пендини,
Эмейдим лебиң гандыны.
Ач гөвсүң тылла бевдини, —
Гурулан базар гөрүнөр.

Гыйылан галам гашлары,
Писсе даханлы дишлери,
Он секиз өрүм сачлары,
Сыя зүлли мар гөрүнөр.

Көроглы айдар, менем адам,
Паны дүнйәни мес гөзем.
Жәпайы-жәбриңе дөзем,
Дүнйә гөзе дар гөрүнөр. . .

1028. Бу сөзи айдансоң:

— Ай, саңа бир зәхер гөрүнди! — дийип, басыберди ханжары. Хай, инди деминем растлапдыр. Ики тирсегини ере дирәп, ики дызы билен гөтерип ташлая. Кә гез, кә гез ярым ёкардан гайтаряр. Шу әлеңкишледип отыр гызы.

Харман Дәли булар ялы якалашманы хич ерде гөрмөндир. Семиз-тосун гыз, дерләп, дерем гайдып, йүпек көйнек эндамына сырлашып япышыпдыр. Песси пес, беленди белент. Хемме ери мәлим болуп дур. Көйнек о яна—бу яна гозганмансоң, алтынлы дүвме-де якасындан гопарлып, көйнек ики чигинден ашак дүшүдир. Гөвси ачык, гөвсүниң үстүнде мәмеси ойнап дур. Ятан еринде гөвни гидип, шунуң мәмесинден бир тутайын-ов дийип, бүргүт ялы урды чаңчалы. Йылманчак тен, тер мәме, балык ялы элинде дурман, ол гитди. «Наңарың сачындан тутсаң, җаны болмаз» — сача элини узатды. Гызам хабардар экени. Еңсесине гаршы бир силкинди. Он секиз әрүм сач еңсесине гидиберди. Гарчгай гуш ялы далмынып отыр.

1029. Ай, хуллас Көроглы ятан еринде мәмесинден тутҗак боля, будундан чүмүклейәр. Шол элини көлевлендирип йөркә, гызың уят ерине бир бармагы етәгитди. Он алты, он еди йылдан бәри эндам-җанындан бүре чакман отуран гыз әтлери быҗык-быҗык әдип, товсуп, онда дүшди. Көроглам лаңҗа турды, «хәлиден шу ерине дүртәмәни» дийип. Гыз уят ерине гол дегенсоң уялып, саралып, дерләп:

— Көроглы, йыгланьың, гүлениң себәбини ямашгандан айтсана.

— Айтсак айдаяс-да, дутар болса элимизде.

1030. Бир сөзүм бар, нәзли дилбер!

Айтсам саңа дәне-дәне.

Яр, лебиңден бир поса бер,

Әмсем лебиң җана-җана.

Гүллер шахасыны әгди,

Ашыгың рәхнети ягды.

Себәп билән голум дегди,

Гитди деряйы-уммана.

Ашык болан шерап ичди,

Гөч йигидиң ёлун ачды.

Бир бармагым көйүп-бишди,

Батды деряйы-уммана.

Әрмегине-әрмегине,

Жүп посалар бермегине.

Әлим дегди чермегине,

Тутды деряйы-уммана. . .

Көроглыдыр мениң адым,
Хака етипсе перядым.
Бар еринден герек задым,
Герди деряйы-уммана.

1031. Бу сөзи айдансоң:

— Көроглы, мен-ә сени өлдүржекдим, бар, сениң ганыңы өтдүм!

— Эйсе, гуллук! — дийип, айбогдашыны гурап, жап-жайлы отуры-
берди.

Харман Дөлиниң гуллук айдыбирмикә дийип, гидибир тамасы бар-
ды. Чорусына айтды: — Бу-я гуллук айдып гитмеди. Ажыган болмага
чемли. Бар ичерден дөстөрхан алып чык. Чоры бир дессе күлче-гатламан
гетирип гойды өңүнде. Көроглы эпләп-эпләп, кәте яртыдан, кәте чәрбек
дыкяр. Арасында «хай, ата-да от ташлайсаңызла!» диййәр. Атына-да от
ташладылар. Атам отуны ийди, өзем гарныны дожурды. Отыр ялтыллап.

— Көроглы, гарныңы дожоран болсаң, гайтсаң болмаярмы?

Кәме диййәсиң диенок, кер ялы болуп отыр, эшитмедик киши болуп.

— Кермисиң, айт?

— Көп эйәсиң-ә. . . Тур атлан, тур атлан, — үч айлык ёлдан ат
гамчылап гелип, максадым бир супаның үстүнә дөгмекмиди? Ызыны етир
ахыры мунуң.

— Гелсең, Көроглы, айдышдың — еңилдің, гөрешдің — йыкыл-
дың, ганыңы өтдүм ахыры!

— Ганымы өтөнчә гуллугым бар, болса-да ахыры.

— Көроглы, саңа бир гүррүң бар.

— Гүррүңиң якымлы болсун.

1032. — Сен бу сапар гайт. Яңы бир агзыңда Мирим, Гаммар—ики
шәгирдим бар дийип айтдың. Әжиз гелибем ганыңы өтемок. Шол шәгирт-
лериң хатырасы үчин өтүпдим. Бар, шол шәгиртлериңи әкел; халасам
бирине барайын.

— Ай гүррүң айтдың-а, маңа бәхбиди нәме бараның.

— Эйсе ене бир гүррүң бар.

— Яңкы ялы болаймаса бу-да.

— Сен бу сапар гайт. Бир йылда эшидйәрмиң, ики йылда эшидйәр-
миң. Ай, хуллас ирде-гичдә Харман Дөли бир әре барыпдыр дийип
эшитсәң, гел. Бир гиҗе мәкәм гуллук әдейин саңа. . .

— Харман Дөли, өз-ә ягшы велин, несъе болайды-да. «Таңракы
гуйрукдан шу гүнки өйкөн» диенлери. Алкымың ашагындан бир жүбт
поса бер, ат дери говушяр, онсоң гайдайын.

— Тур айт, вадам-вада, болмаса өлдишин!

1033. Налач болуп атланды. Харман Дөли найынсап шуңа бир жүбт
поса-да бермеди. Көроглы сүрүп гайдыберсин. Булар ялы ерден гайдан
адам ат сүрүшем өзүңе белли. Сүре-сүр Чандыбиле ненең геленини дуй-
ман галды. Галаның гарасы гөрүнәнсоң, Агаюнусың Ашык Айдың диени
шу ере геләнсоң ядына дүшди. «Перизат маңа шәхери-Бостана бар дийип-
дов, мениң адымдан чыкан экени. Инди мен ызыма гайдар йереринм-ә?

«Гөч йигидиң душманы зайпы» диенлери. Сыр билдирмейин-ле муңа». Атың жылаууы дең тутуп, асманга түпең атып барды бөрден. Атыны баглап, Агаюнусың янына барды.

— Көроғлы, аман-сағ гелдинми?

— Гелдим.

— Нәме иш битирип гелдиң?

— Агаюнус, мениң битирмедик ишим ёк.

— Хабар бер, эшидейли.

«Ине мениң битирен ишлерим!» дийип, бир сөз айтсын бакалы. Эгрисинден гелерми, доғрусындан.

1034. Мундан бардым Румустана,
Белент дагдан ашып гелдим.
Хич ким гутулмаз дестимден,
Ганат баглап, учуп гелдим.

Бир яр тапдым Рум илинден,
Гучмушам инче билинден.
Көсе берди ак голундан,
Гүлгүн шерап ичиш гелдим.

Бир ярың янына бардым,
Зовкы-сапасыны сүрдүм.
Харман Дәли гызы гөрдүм,
Малдан-бапдан гечиш гелдим.

Адың айтсам, Дәли Харман,
Хер бир сөзи дерде дерман.
Көроғлыда ёкдур арман,
Жеңнет ёлун ачып гелдим.

1035. Бу сөзи айдандан соң, Агаюнус хемме болан ишлери дырнагында гөрүп отыр.

— Көроғлы! «Жеңнет ёлун ачып гелдим. Поса алып гучуп гелдим» дийёспиң. Бейдинчөң, «Бир начардан басылып, гачып гелдим! . .» дийсең болмаярмы?

Көроғлы отыр, ере бакып.

— Көроғлы, сен уялып, ере бакып отурма. Сен бир адамдан-а йыкылмаздың. Я атың ярамазлык эдендир, я ярагың ярамазлык эдендир. Бир начарлык эден ериң боландыр — дийип, Көроғла дегип, бәш көлемө сөз айдар гөрек.

1036. Ылгар гиден йигит ялан сөзлемез,
Атың начак, өзүң яралы гелдиң.
Дост болан достундан сырын гизлемез,
Атың начак, өзүң яралы гелдиң.

Ылгал эдип, бейик дагдан ашыпсың,
Оны гөрүп, акыл-хушуң чашыпсың,
Бир начарың ашагына дүшүпсиң,
Атың начак, өзүң яралы гелдиң.

Долуп деря кимин гайнап дашып сен,
Оны гөрүп малдан-башдан гечип сен.
Гутлы болсун, хиле билен гачып сен!
Атың начак, өзүң яралы гелдиң.

Перизадың сөзүн [сен] алмадың,
Чандыбилден шәхри-Бостан бармадың.
Ашык Айдың пирден ругсат алмадың,
Атың начак, өзүң яралы гелдиң.

1037. Бу сөзи айдандан соң:

— Хай, Агаюнус, ол гызың өзи мениң ялы эрбегей-сербегей гоч йигиди бегеллемейән экен. «Мирим, Гаммар ики шәгирдим бар» дийип айтдым. «Шолары әкел» дийип айтды. «Халасам, шоларың бирине барайын» дийди—дийип, гүммүк-сүммүк эдип, янындан турды. Гелди мей-ханасына. Бәш-он гүн болуп, дем-дынжыны алып, гөвни ынжаланок, шәгиртлерини алып, өнө гитжөк. Бир гүн шәгиртлерини мейдана чыкарып:

— Мирим, Гаммар жан, баяк шу ерден Рум велятындан гелйөркәм, ёлда бир авлы, гуланлы, бир пайызлы жайың үстүндөн дучакәр гелдим. Шоңа кырклардан огрынча үчүжигимиз гидип, бир ай—кырк гүн гушлап, вагтымызы хошлап гелсек, ничик болар, хан огул?

Олар нәме Көроглының көпинден чыкып билйәрми нәме. «Өзүң билйәрсиң-дә, ага» диййәрлер.

Көроглы Мирим, Гаммар шәгирдини алып, зым гайып болды. Ене гитди Харман Дәлиниң ызындан. Мейдана алып чыкыпдыр огланлары.

— Хав, Көроглы ага, авлык, гуланлык жай диениң ниреде?

— Хол гершиң аңырсында.

1038. Ол ере баранда — онда, бу ере баранда — мунда... Ай, хуллас алдап Харман Дәлиниң чар багының гырасына гетирди. Чар багың кыбласында уллакан бир гүжүм барды. Гелип, шунуң тейинде гош тутдулар. Чай ичип, чилим чекип, Мирим диен шәгирди чеперрәк, Гаммар диен шәгирди ногайрак. «Деслап Гаммар жаны бага бир иберейин. Нәтмек борка».

— Хав Гаммар жан, сен шу бага бар, хер дүрли мивелерден ийип хем бизе-де гетир.

— Хайыр, ягшы — дийип, Гаммар жан бага гирсе, хер дүрли мивелер бишип, пайрап, ере дүшүп, алманың, инжиринң батманы еке шайы-дан итем аланок. Өзи бир нәме ийишдирип, йыгып гезип йәрди. Харман Дәлиниң багыны саклап дуран үч йүз алтмыш чорусы барды. Гөзлөселер, багың ичинде бир оглан гезип йөр. Иенини ийип, шахасыны дөвенини

шахасыны дөвүп, мисли өз багы ялы. Чорулар бу оглана гаршы берәйдилер пайырдыны. Эсеван этсе, геле турт ялы бир топар гыз гелйәр. Гелен дервезәсине тарап гачыберди. Дөрвезә етмәкә, говурдадып басдылар. Дүйтмеләп, чекеләп, Харман Дәлиниң янына гетирдилер.

1039. — Хав, биби жан, багыңдан бир бала тапдык.

— Хай, оглан, яман ганың гачык гөрүнйәр? Багшымысың, шахырмысың, ашыкмысың, бер хабарыңы.

Гаммар жан пикир этди. «Агам Харман Дәли диең гызың янына гайдыпды. Мегер чыкса, шол чыкар шу. Ашыкдырын дийип айдайын. Соңам не болса, шол болсун» дийип.

— Биби жан, мен гезип йерен ашык мен

— Ашык болсаң, ашыгың сазы болса терек. Бизе бир нама гайрып бер ханы. Сениң лебдехеңи эшдейли.

— Ине эшитсәң, биби жан! — дийип, бәш келеме сөз айдар терек.

1040. Сериңе дөнейин, гүл йүзли жанан,
Сениң билән дөвран сүрмәге гелдим.
Багыңда ачылан реңбе-рең гүлүң,
Багбан болуп, гүлүң тирмәге гелдим.

Сейран эдиң гезсек ярың дүзлерин,
Тарыпыны дийсәк шейда гызларың,
Гаймак додакларың, бал агызларың
Хош гөрсәң дилиңден сормага гелдим.

Гөзлериң жан алгыч, гашың кеманы,
Сени гөреллериң чохдур арманы.
Үч йүз алтмыш гызың ханы-солтаны,
Мыдам гуллугыңда дурмага гелдим.

Ашык Гаммар ярың багына гирсем,
Чәмен баглап, төзе гүллериң тирсем.
Сениң билән зовкы-сапалар сүрсем,
Мен сениң гойнуца гирмәге гелдим.

1041. Бу сөзи айдандан соң, Харман Дәли айытды:

— Ай чорулар, буҗагаз огланың жаны сагҗа экени. Гөвнүне дөвча дүшүпдир. Бар муны өе салың, шол янда гирсин, ятсын.

Гаммар жаны гетирип өе салдылар. Хабары кимден ал? — Көроғлыдан! Отуяр-туруяр. Мунуң ёлуна гөзлейәр. Гелер ерде гелеок. Буянкы шәгирдине айытды:

— Хав, Мирим жан, бу заңдар-а гелмеди. Миведен гарныны докырып, саяның гойы еринде уклап галандыр. Оны хем тап-да, сен хем бир неме йыгып гелиң!

1042. Бу шәгирдинем иберди. Мирим жанам бага гирип, эсеван этсә, хер дүрли мивеләр бишипдир. Хер булаклар биряңа акып ятыр. Хүйпү-

пиклер яп ярып, икатёклар тарашман болуп, гурбаккалар мирап болуп, билбиллер сайыпкёр болуп, гүлүң шовхы гүне дүшүп, гүнүң шовхам гүлө дүшүп, ажап бир ләлезарлык. Бу-да бир неме ийишдирип, йыгышдырып гезип йөрди. Горкак адам өзүңе белли. «Хай, сен бага дек баг дөлсиң. Сен-а хиреве битен дөлсиң. Сениң бир белаң болаймаса ягшы» дийип, ялт-юлт эдип гезип йөр.

Хабары кимден ал? — Чорулардан. Гаммар жаны бент эдип, баг сейлине чыксалар, ене бир оглан гезип йөр. Өңкө гылав алап чорулар бу сапар дуран еринден йүврүшип гайдыбердилер. Мирим жан эсеван этсе, бир топар гыз гелйәр. Булары гөрүп, дервезә тарап гөтөрдү өкжәни. Чоруларам дүшдүлөр ызына. Язың гүни еке кейнек билен гезип йөрен гысыр чорулар. Өң этегини чермегине гысдырып, сачыны селкилдеди, Мирим жаны аларладып гелйөрлөр. Бу-да гыссанаң махалында о яна-буяна сап атяр. Үч йүз алтмыш чорулар азымы? Сап атан тарапына гышап алып гелйәлөр. Дербезә етирмән, мунам гавырдадып басдылар. Йип-ичип мес болуп йөрен чорулар. Итиң шол гызларың арасына дүшмесин. Дүйтмөлөп, чекелөп, хөр хайсы бир ериндең тутуп, ере дегирмән алып гайдыбердилер. Ханы гөтөр эдип, Харман Дөливиң гашына гетирип:

1043. — Биби жан, багыңдан ене бир бала тутдук. Биби жан, сениң багыңда бала гөтөрийәр.

— Бер хабарыңы, оглан, багшымысың, шахырмысың, я ашык?

— Ашыкдырын — дийди.

— Ашык болсаң, сенем бир нама гайрып бер. Озала бириң гелип, нама айдып хезил этди.

Мирим жан Харман Дөлә гарап, бәш келеме сөз айтсын.

1044. Сейил эдип гирдим бу бага,
Йөрмәге ёллар доланар.
Билбилем; гондум бу дага,
Шейда билбиллер доланар.

Йөр, перим, гидели отага,
Башыңдадыр тылла туга.
Сейил эдип гидейли бу бага,
Йөрмәге ёллар доланар.

Ашык болаң саңа гарар,
Хөр бир сөзүң жаңа ярар.
Яр сынамда чапраз яра
Ярама мелхем доланар.

Мирим айдар, чешмим гарар,
Зербаш геймек саңа ярар.
Чын ашыклар сени гарар,
Ашыгам, магшук доланар.

1045. Бу сөзи айдандан соң, Харман Дәли айытды:

— Хай чорулар, мениң адам өлдүрмөлим, адам ганыны чыкармалым ниче махаллар гечдикә?

— Биби жан, көп-көп махаллар гечди.

— Мөн хер хепдеде, хер айда адам өлдүрмөсөм, хер гезип йөрөн салпы аяклар маңа дил дегиржек экени. Булар бири-биринден бетер экени. Яңкы өө саламмызам чыкарың. Икисинем чалың, өлдүриң деррев!

Гаммар жанам өйден чыкарып, икисинем тагырдаып алып гайды-бердилер өлүм мейданына. Мирим жан акыллы оглан. Өвзайың бозук-дыгыны билди.

1046. — Хав чорулар, бир сөллем тагапыл эдиң. Мениң бибиңизе бир арзым бар, шоны айдайың.

«Арзым бар» диенсоң, дөнүп гетирдилер. Харман Дәли булары гөрүп:

— Хәлем өлдүрөңизокмы?

— Биби жан, арзым бар дийди, онсоң әкелдик.

— Арзы болса айтсын!

Мирим жан арзыны айдып, зар-зар йыглап, бәш келеме сөз айдар гөрек.

1047. Шум несибә алып гелди бу жая,
Шу гүн мени азат әйле, перилер.
Не кылмышдым, галдым бейле белага,
Шу гүн мени азат әйләң, перилер!

Төхмет әдип, нәзик голум баглама,
Йүрегими хижр одуна даглама.
Газап әдип, өлдүрмәге чаглама,
Шу гүн мени азат әйле, перилер!

Барыңыз жәм болуп хемме перизат,
Бибиңиз гөвнүни әйледі бербат.
Йигримиң хақы үчин әйлегин азат,
Шу гүн мени азат әйләң перилер!

Мирим айдар, хак эшитсе зарымы,
Ят әдейин Шахымердан пирими;
Көроглы бег гелсе, гыраp барыңы,
Хәзир мени азат әйләң, перилер.

1048. Бу сөзи айдансоң, иң соңунда Көроглының ады гечди.

— Хав, чорулар, төверегинден айрылың.

Аңыррак айрылдылар.

— Сен, оглан, Көроглы диййәсиң, ниреде гөрдүң?

— Биби жан, сен «ниреде гөрдүң-де» гезип йөрсүң! Биз Көроглы-ның Мирим, Гаммар диен ики шәгирди бизлер.

— Баяк гелеңде Мирим, Гаммар ики шәгирдим бар дийип айдып-дов. Шолармы сизлер?

— Хава, хава, биби жан! — яллаклашып дурлар.

— Шол болсаңыз, бар сизиң гаңыңызы өтдүм эйсе.

Мирим жан айтды:

— Биби жан, гаңымызы өтөнң-ө гуллугымыз бар. Көроглы бизден хабар сораса, нәме дийип баралы?

— Ниреде Көроглы?

— Чарбагың кыбласында, гүжүмиң тейинде.

— Шол ерде отырмы?

— Хава, отыр.

— Эйсе сиз баргачдан деррев атланың. Гүймең-сүймең әтсеңиз адам иберип, үчүңизем өлдүрдерин.

1049. Дөнүп гайдыбердилер. Хабары кимден ал? — Көроглыдан. Отуряр, туряр, буларың ёлуна гөзлей, «гелмед-ов булар» дийип. Буларың бир иш тапып йөренинем-ө аңлашяр. Онсоңам айдяр: «Юмша гиден огланың эгленени ягшы». Адам иберип, менем чагырдарлармыка — дийип отыр. Бир махалдан багдан ики оглан чыкды. Хорлук гөрен огланлар саргарып гелйёрлер. Көроглы булары гөрүп: «Бу заңдарларың гелиши осал-ов» — диййөр. Гелмөге ховлукды.

— Хабарыңызы айда-айда гелиберсеңиз болмаярмы ахыры? «Көроглы гелсин» — дийдими?

— Адам иберип, үчинем өлдүрдерин-ө дийди. Барсаң барай.

Көсе салым чайны бир сагата хейран болуп отурды.

— Алла, бу сапарам болмад-ов бизиңки. Инди болмады.

Ашык Айдың пириң хызматына гидип, бир ай, кырк гүн хызматында гөзип, шондан хайыр-пата алып, гайдып гелип, шу гызы басып багыртлап ичпми соватмасам болмаз!

1050. Шәгиртлерини алып, ниредесиң Ашык Айдың дийип сүрүп өтәгитсин. Шәхери-Бостана гелип, бир байыңка дүшүп, бир атшам болуп, әртеси:

— Ай, бай ага, мен Ашык Айдың пириң хызматына барян. Мен айланып гелинчәм, үч ата ики оглана перевип эдип дуравери! — дийип, он тылланы элине чыкарып берди.

— Ай, ягшы йигит, төңдө бермесең-де гөзләрдик.

— Ай, болса-да, атлара ийм пулы-да.

1051. Шәгиртлерини, атыны бу ерде тоюп, Ашык Айдыңка пыядалап гидиберсин. Дәли ялы, жыңлы ялы илиң ичи билен гыгырып баряр. «Хай, Ашык Айдыңың галасы ниреде, хав» дийип.

Мейданда ики санақ өй бар. Илерки өй тәзе, гайракы өй көне. Тәзе өйүң көлегесинде үч-дөрт адам гүррүңлөшип отыр. Шуларың янына гелди. Салам ёк, хелик ёк.

— Ашык Айдыңың ордасы ниреде, галасы ниреде?

— Хай, аркакы өй Ашык Айдыңың өйи шол.

— Ханы, өзи аламана гитдими, нирә гитди?

— Ягшы йигит, жыңлы экениң. Пир диениң аламана гидйөрми ол.

— Нирә гитди әйсә? Әйүниң ишигем ачык дур.
 — Әйүң төрүндә меле пешли, меле донлы гарры баба отыр. Шол
 әйүң төрүндәки меле пешли, меле донлы Ашык Айдың өзи шол.
 — Ай, гоюң-а, әй саклап отуран ярамаз сопусы дийсеңиз-ле.
 — Ашык Айдың пири шол, ягшы йигит. Ынанжагыңы, ынанмажа-
 гыңы билемизок.
 — Ашык Айдың диен овадан пиримиз шолмы?
 — Хава, шол.
 — Әйсә ондан пир болмаз.
 — Пир диениң ничик боляр?
 — Йигитлер, пир дийленини төрмесек-де эшидйәрдик. Селлеси
 хывалының арабасының тигирчеги ялы болса герек. Онуң кәрханасында
 кабла, шөхлө, яхна гайнап дурса герек. Хич зат ёкла онда.
 — Хав, ягшы йигит, сен онуң ичинде нәме барыны билйәрмиң?
 — Алла, раст айтдыңыз-ов. Шундан барып бәш-алты агыз жогап
 сорайын. Жогабыма жогап берсе — пир, бермесе, мени тутуп галярмы?
 1052. Шондан йүвүрди Ашык Айдыңа гаршы. Етмәнкә:
 — Хай, пир ага, әйдемисиң, хов? Әйде болсаң, салавмалейким-ов!
 Ашык Айдың-да отыр, «дәлими, жынылымы, бири гелйөр» дийип.
 Ишигиң агзында дуруп, ичери гирмән:
 — Пир ага, салавмалейким!
 — Аманмысың, ягшы йигит!
 — Пир ага, сенден бир жогап сормага гелдим.
 Пир ага диййә хәли:
 — Жогабың болса сорабер, ягшы йигит.
 Бу дашардан жогап сорап, ол ичерден жогабына гайтаргы берип,
 бәш келеме сөз айдар герек.

1053. Хакдан инен бәш нәрсәниң
 Озал башы, сери нәдир?
 Дәрди дилли, бирси дилсиз
 Башындакы пери нәдир?

Хакдан инен бәш нәрсәниң
 Озал башы бисмылладыр.
 Дәрт китабың бири кишбир.
 Бири Жәбрайыл перидир.

Бәш-бәшден ёкары месжит,
 Месжидиң мәхрабы нәдир?
 Онуң ичиндәки мургун
 Ады нәдир, ими нәдир?

Бәш-бәшден ёкары месжит,
 Месжидиң мәхрабы бирдир.

Онуң ичиндәки мургуң
Ады кепдер, ими нурдур.

Ол кимсе отырлар төрдө,
Магрыпет сачарлар юрда.
Қырк чилтен хем болан ерде
Дилиниң эзбери нәдир?

Дервүшлер отырлар төрдө,
Магрыпет сачарлар юрда.
Қырк чилтен жем болан ерде
Хакың лутфы эзберидир.

Ол кимсе энеден болды,
Атасына ника кылды?
Рәвшен дийип Ашык Айдың
Әри нәдир, зени нәдир?

Айдың диер янды жаным,
Вепасы ёк бу дүнийәниң.
Адам Ата Хова әнәниң
Хем атасы, хем әридир.

1054. Бу сөзи айдапсөң, Көроғлы еңилди. Йүвүрип гирип, пирин аягына баш гоюп, тоғаланып ятыр.

— Бет кылдым, хата кылдым, пирим-ов. Мениң гүнәми өтевери! Пирим, мен саңа сопы болмаға гөлипдим.

Ашык Айдың айытды:

— Хав, яғшы йигит, сенден сопы болмаз, бизден—пир. Сән аман-сағ гидевери.

— Пирим, өлдүрсөң өлдүр, асла гитмен.

— Ай, яғшы йигит! Сенден небсини өлдүрип, сопы болан болмаз. Сениң үсти-башың белент гөрүңйәр. Гөзүң есер гөрүңйәр, сен биҙиң кәр-хана сығжак адам дәл. Бу гөз билән бикәр гезмерсиң, гидевери, гидевери!

— Пирим, мениң гөзүми нәтжәк, ғашымы нәтжәк? Небсими өлдүрип, сопы болушымы айт-да сән. Үсти-башым белент болса, нәме гейдирсөң дуруңдырын.

1055. Ашык Айдың айытды: «Гелене гел диймек бар, гит диймек ёк» диеңлери. Биҙиң билән узақдан пир боланышы алла билсин, гезениче гезер-дә».

— Отур әйсе, гитмесең.

Көроғлының хемме шахана гейимлерини сырып алып, бир чувала салып, раст гүшбирәге-де меле дон гейдирди. Көнерәге-де көвуш-меси гейдирди. Көне телпек гейдирди. Телпегиниң төверегиядән бәш-алты ғары биҙи айлады. Болды бир орта бойлураға-да жуваз ялы сопы.

— Ай, сопы жан, сениң исми-шербиң ким?

— Мениң чын исми-шерибим Рөвшен.

1056. Ашык Айдың пириң үч йүз алтмыш сопусы барды. Рөвшен сопы билен үч йүз алтмыш бир болды. Ашык Айдың улы пир, гүнде бир яна зыярата чагырып экиди дурлар. Хан, бай, сыпайы чагырар. Көвагт гүйжү етен пукара чагырар. Өзгө сопуларын өйи якын болансоң, өйли-өйүне гийдир. Рөвшен сопының өйи бармы? Ашык Айдың нирә гитсе, ызына дүшүп йөр. Хайсы ере барса, пириң аркасындаң хер дурли дамак тайяр. Бу-да тапаныны ийип, пирден огрынча мейданда чилим чекип гезип йөр. Башта сопулар ярым агшамдан туруп, тәрет кылып, дога-сена билен болярлар. Рөвшен сопы я ахнадан, я палавдан гарныны дожырып, үстүнден хем бир бишен гавуны бүтин ийип, чоларак ерде жай тапып урар укыны. Эртеси гүнортан-пейшин туряр. Нахар етик болансоң, жуваз ялы семрәп мешикди-дә. Киме дегерини биленок.

1057. Бир гижә Ашык Айдың пир дүйш гәрди. Дүйшүнде үч йүз алтмыш чарбаг, орта арасында көшк, көшгүң орта билинде дережә. Дерезедең бир гызың йүзи гөрүңди. Гөйә булутдан ай чыкан кимин. Тисгинип ояңды. Гөзалесе—дүйши. Намаз махалам болан экени. Сопулары-да йытнанып, тәрет кылып, жемагат билен намаз окая, намаздан даргажак махалында:

— Хав, сопуларым, дуруң, мен бу гижә бир дүйш гөрүңдирин.

— Ай, айдавери, пирим, айдавери, пыгамберлер ёргуды болсун!

Бир-ики ярым небсежирәк сопулар дымага-да ёруп отырлар. Шол ерде Ашык Айдың пир гара газманы элине алып, сопуларына гаран, гөрөн дүйшүни беян эдиң:

1058. Бу гижә ятырдым, бир ахвал гөрдүм,
Озал голы яшыл хасалы гелди.
Худаны ят эдиң, еримден турдум,
Йүзлери нур, дили сеналы гелди.

Бир ниче асхаплар гелди дүйшүмде,
Бир ахвалат гөрдүм йүз он бәшимде.
Пыгамбер тәжини гойды башымда,
Тамамы башлары күлалы гелди.

Гөзеллер жем болуп нагышбент әйләң,
Тамамы зер гейип, өзүни шайлаң,
Бир нәзениң дурды, зүлшүни товлаң,
Он дөрт гижә айың жамалы гелди.

Ашык Айдың сөзи ялан дегилдир,
Бу сырларым ишде пынхан дегилдир,
Мегер болса хүйри-гулман дегилдир,
Гөвнүме бир ярың хыялы гелди.

1059. Бу сөзи айдансоң, сопулар: «Сен билдиңми-ха, сен билдиң!» болушыбәрдилер. Бу яндан бир галҗаңрак сопы:

— Пирим, биз билдик.

— Билсең айыт, сопы җан!

— Айытсам, пирим, ат-араба, гош-окузиңизи шайлаң, уллакан тайхан борсуңыз.

— Ёк, бу дәл.

Бу яндан бир сопы чыкып айытды:

— Раст айыды, пирим! Шалы ериң ызына урсаң күнҗини, мүн бәш йүз батман-а бардыр.

— Ёк, бу-да дәл.

Ене бир сопы чыкып:

— Пирим, биз билдик.

— Билсеңиз, айдың!

— Айытсак, эртир бир бай адам, райдан гайдып, сопы болмата сизиң яныңызга гелер, әкелер семиз гара маллары, әкелер семиз-семиз гоюнлары. Геленден, соякка, салсак газана. Сопулар әтден, ягдан ношулар, пирим!

— Ёк, бу-да дәл.

1060. Ай, хуллас үч йүз алтмыш сопы гөвнүне геленини оталап чыкды. Пир-де «шу дәл» дийип отыр. Бу кеплерден Рөвшен сопының хабары ёк, бир хуҗреде укыны уруп ятыр. Бир сопы гелип:

— Рөвшен сопы, тур! — дийди.

— Нам бар? — дийип, зөввә галды.

— Шул вагт пиринҗ бир дүйш гөрүшдир. Хич сопы билмән отыр. Сен билерсиң.

— Әглийәсми оны! — дийип, меле доны, селләни, месини гейип, көвши гөймәге ховлугың йүгүрди. Йүзүниң угруна отуран сопулары йыкан-юмран эдиң, пиринҗ янына гелип:

1061. — Пирим! сен бир дүйш гөрөнмишиң, оны хич сопам билмийә-мишин. Эртирден бизи тапып, бизден сорамазлармы? Биз билйәс оны, пирим!

— Билсеңиз, айдыбериң.

— Айытсак, пирим, бир ай—кырк гүнден бәри сениң хызматыңда гезип йөрүс герек?

— Хова, гезип йөрсүң.

— Мен хемме сопыңа етик болдум, пирим. Сениң ач сопың ёк әкени, хемме сопың бай әкени. Ата, ярага гүйҗи етмеҗек сопың ёк. Деррев сопуларыңка уруп, ат-яраг алдырыбер.

— Рөвшен сопы! ат-яраг алып, нәме иш этҗек оны?

— Пирим, аты, ярагы сайлап, сенем баш эдиң гитсек, гызылбаша урсак чапавулы. Ызгыддып-гызгыдып әкелсек шудур, пирим!

— Рөвшен сопы, сениңкә япа-да дегмедимикә диййән мен-ә.

— Нәме дийип дегмийә, пирим ол?

— Рөвшен сопы, сениң хезил бөрмеҗегиңи деслабам-а билипдим мен. Сен булар ялы гызмалык эдиберме! Мениң дүйшүмде пәкизе бир гыз гөрүнйөр ахыры.

1062. — Пирим, гитсек тызылбаша, урсак чапавулы, онуң ичинде гыз-да дүшер, гелин-дө. Гаррылыгыңызың соңунда битжижигин сайлап алайсаңыз. Бутлыжагының янында ятып, хезил әдерсиңиз. Гыз дыеңиң шол болар-да.

— Рөвшен сопы, атарманчылык, чапарманчылык гөрөн задымыз дәл.

— Озал төрмесең, инди горерлер, пирим.

— Ай, ёк. Рөвшен сопы, биз-ә гидибилжек дәл.

— Пирим, гидели.

— Ёк.

— Гитмежекми?

— Гитмежек.

— Гитмежекми?

— Гитмежек.

1063. — Ине гитмесең, ковүш-месиң гурбаны болайып! — дийиң, месиңиң башлыгыңдан тутуш, силкип иберди—башлыгы үзүлип, говжы аягыңда галды. Меле доны-да чыкарып, гүшлендирип урды. Селләнем ишикден мейдана зыңып иберди. Пырлана-пырлана, чөзүле-чөзүле хер чөпүң башында бир үбтүги галды. Пирің ишиги пехитлик ялы болды. «Хай, гурбаның гидеийи сениң! Бизиң биле аламана гитмесең, сенден пир, бизден мурыт болмаз!» дийиң, чувалдан өз гейимлерини, ярагларыны алып, дәли ялы чыкып гайдыберсин.

Гелди шәгиртлериниң янына, атларам семрәп галыңдыр.

— Мирим, Гаммар жан! «Азашан айбы ёк, гайдып ызын талсак» — сүрүп Чандыбиле барынча, атларам тап болар.

Сүрүп гайдыберсинлер.

1064. Хабары кимден ал? — Ашык Айдыңдан.

Мунуң сопуларының ичинде Керем оглан диен сопусы барды, лакамыпа Керем Дәли диерди. Мундан ятшы гөрийен сопусы ёкды. Өзем пирлик мукама етишенде. Пирің гөрөн дүйши муңа аяңды. «Башгалар айдып чыкыберсин» дийиң, кеплемән гезип йерди. Хемме сопулар гайдан-дан соң, пирің янына гелип:

— Пирим, сениң гөрөн дүйшүңи биз ёрайлы. Өзүлем саз-сөхбет билең дийиң, Керем жан пирің дүйшүни ёруп, бир сөз айдар герек.

1065. Мүбәреkdir, халыпам, гөрөн ахвалың.

Озал гелен Адам Сепи болайды.

Худаны ят эдиң, ериңден турдуң.

Соңра гелен Ресул вели болайды.

Дөрт киши алдыңда сорды жогабы,

Гол говшурып, оңа этдиң товабы.

Бириси гөтерди гүлгүн шерабы.

Шерап берен хезрет Алы болайды.

Гөзеллер жем болуп, сейле чыкыңдыр.

Гөз гездирип, галам-гаптын какыңдыр.

Дал гердене хейкелини дакыпдыр.
Герен дүйшүң. Харман Дәли болайды.

Үч йүз алтымыш сопы бу дүйшү билмез.
Хак назар этмесе, хабары болмаз.
Пире гуллук эден наумыт галмаз.
Муны айдан Керем Дәли болайды.

1066. Бу сөзи айдандан соң, Ашык Айдың айытды:

— Берекелла, Керем жан! диллөре гуван-а, мениң герен дүйшүм шул ахыры! Керем жан, йүзде он бәш яшың үстүнде, гаррылыгың соңунда бу гызың ызында хеләкчилик этмән-де болмаз — дийип, әртеси башга сопуларына:

— Сопуларым! Мениң Керем жан билен шу янда бир ишим чыкды. Мен айланып гелинчәм, хеммәңизе жогап!

1067. Сопулара жогап берип, Керем жаны янына алып, нирдесиң Рум веляты, Арслан байың гызы Харман Дәли дийип, чыкып гайдыбер-спилер.

Ел узак, кеп гысгасына ягшы. Сегрип, Рум велятына гелип, Харман Дәлиниң чарбагының кыбласында, Көроғлының отуран гүжүминиң тейинде бу-да гош тутды. Чай ичип, аз-кем күлчө ийип, дем-дынжыны алып:

— Хов, Керем жан! гызың янына сен барып гайыт. Шол гыз дәли гызмы, дана гызмы, йыкыдаңың-өңилениңи билжәкми я бир дүвләп оту-ран жынылымы? Өзүңем гүнортан бар! — дийип. «Гүнортан бар» диени-ниң себәби — чорулары укуда болжак.

1068. Ашык Айдыңың ылахыдан инен бир гара дутары барды.

— Мунам донуң ичинден аркаңа гысдырагай, герек бормы, нәдер.

Керем жан дутары аркасындан гысдырып гайдыберди. Гүнортан ховзуң төвөрегинде саврашып ятырлар уклап, гөйә аммарың үстүнде сувкәди ятаң ялы. Керем оглан-да булары аралап, аңры гөчди. Барды Харман Дәлиниң сарайының ишигинден. Харман Дәли чымылганда аркан дүшүп ятырды.

Ишикден бир кәкил перең оглан салам берип дурубәрди. Тирсегине галакка:

— Оглан, хабарыңы бер!

— Бибижан! Өтөрмөн сөвдегәр боларыс. От дийип гелдим мен.

— От дийип гелән болсаң, оҗакда от бар.

1069. Керем жаны гызың суусам басыпды: Йүзүңден дер бурчак-бурчак ақяр. Ики саны юмшак чөп алып, бир көзи гапжап ёкары гөтерйә. Бир гарыш гөтермәкә, чөп янып, көз гачя, гүймөң-самаң эдиш дур, бир кеп башлажак болуп.

Харман Дәлиниң бир махалда донуң ярытмажындан дутарың десесе-сине гөзи дүшди.

— Хай, оглан! аркаңда сазың бар экен. Багшымысың, шахырмысың, ашыкмысың?

— Биби жан! Бизде хер хайсынданам бар.
— Хань, әйсе, сазыңы әлиңе алып, бир нама гайрып бер. Сенем өңкүлер ялымы я башга бир төври затмы, лебдехеңи әшидейли.
— Биби жан, өңкиңи-де билмен, соңкыңы-да! — дийип, бир сөз айдар гөрөк.

1070. Мен бир оглан, гелдим сениң адыңа.
Ажап оглан бага сейле гелипдир.
Сен бир шах сен, етиш мениң дадыма.
Ажап оглан бага сейле гелипдир.

Мен бир ашык, гелдим, саңа саз билен,
Бир жерен авладып бәхри-баз билен.
Дөвүшим бар Харман Дәли гыз билен.
Ажап оглан бага сейле гелипдир.

Яшлыгыңда мыдам ишиң жең болар.
Пайзың гидип, ол ишлериң гең болар.
Отуздан өтенсоң, халың тең болар.
Ажап оглан бага сейле гелипдир.

Вагтың етсе, әлип катдың дал болар.
Арабы гөренде, дилиң лал болар.
Халыпам гелсе, сынам үсте ёл болар.
Ажап оглан бага сейле гелипдир.

Ашык Керем, арз әйлесем өзүне.
Гурбан болсам гапшы билен гөзүне.
Ашык болдум энесиңиң гызына.
Ажап оглан бага сейле гелипдир.

1071. Бу сөз башлайдап, Харман Дәли мунуң сөзүңиң маньсыны тирип огыр. «Алла, зор дүкандан чыкан оглан болмага чемл-ов, ялан сөзи жүп ташлыяр-ов. Ирде-гичде шу оглан билен худай тагала мениң йылдызымам говшуран болмага чемели. . .» дийип, бара гөзүне ыссам гөрүнип баря. Онсоңам пикир этди: «Бу оглан-а биманы сөз айданок. Шундан бир мань сөз тапып, бахана билен уруп, хорлап гойберейи. Соңы бире барарка? Мунуң ызының галмагалы көшдүр. Яңкы намасының ызында «Ашык болдум энесиңиң гызына» дийди.

Бир адам янажак болсаң, кеп тапылмыямы нәме. Ол хем биманы сөз дәл. Харман Дәли еринден туруп:

— Бу заңнарың өзүме дил дегирени—дил дегирени, энеме нәме дил дегирең? Сен «Энесине, гызына. . .» дийип айытдың! — дийип, дутарыны голундан алып, раст яды еңсесине. . . — дутары пара-пара этди, «энесине, гызына. . .» дийди.

1072. Керем жан дутарың дөвүклерини жемләп алып, бир румалы

барды, шоңа дүвүп гайдыберди. Мейдана чыкып ойланды: «Алла, мөн-ә бу гыза биманы сөз айтмандым, мени хумара урд-ов шу гыз. Мөн-де эркек адам дөлми! Ызыма дөнүп, агзыма гелени оталайын. Йүреги ярылып, өлйөн болса, өлсүн шу гыз. Я мени ковалап тутармыка? — дийип, коваласа, гачарын-да — дийип, аягымы язгышлашдырайын» — дийип, о яна — бу яна йүвүрйө. Салмалардан жүп бөкйө. Гелип, Харман Дәлиниң сарайының ишигинде дуруп, дутарын дессесине бирэнтөк биманы сөз айтсын гөрөк.

1073. Сыңса—сыңсын бизиң дутар.
Сынан сазы ызлашармыз.
Таңла устадым геленде,
Нер-бугра дек дызлашармыз.

Өхтиңден болуп сен жүда.
Йүзүңден гидидир хая.
Бизе-де яр болар худа.
Хак тил берсе, сөзлешермиз.

Ашыклара гелен сөздүр.
Жаным алан нергиз гөздүр.
Дутарың хуны йүз гыздыр.
Халыпам гелсе, сөзлешермиз.

Харман Дәли, этме гахрың!
Халыпам гелсе, алар арым.
Дутар үчин гоша нарың —
Халыпам гелсе, ушлашармыз.

Ашык Керем мениң адым.
Хака етипсе перядым.
Ашык Айдындыр устадым.
Халыпам гетирип сөзлешермиз.

1074. Бу сөзи айдандан соң, бу нама айдан киши болуп дур. Харман Дәли муны тутмага чөмлөп дур. Бу-да гачмасыны ойланды. Харман Дәлем бир товусды, атдан илери гечәпди. Керем жан-да ишиккен чыкып, гөтериберди өкжәни. Харман Дәлем «дур» дийип абайлады. Горкусына аягы тутулып, йүзүниң угруна йыкылды. Бу-да барып габырдадып басды. Голтугына алды-да гайдыберди. Голтугында габырдадып гелйө. Шол гелувна докуз габат чымылганың үстүндө айбогдашыны гуруп отурды. Ики уйлугының үстүндө өзүне бакдырып, Керем жаңам отуртды, эмдиржек ялы әдип. «Гел шу огланың хабарыны алайын» дийип.

1075. — Хой, оглан! Шу отуршыңа бир нама гайыр. Шо намаңы ягшы айытсаң, яман айытсаң, жүп айытсаңам, тәк айытсаңам, өлдүрйөн сени!

Керем жан айытды: «Бу ничик гүррүң, илде ёк кеп-ов би! Мен ягшы айытсамам, яман айытсамам, жүп-тэк айытсамам өлйөн болсам, мен-де эркек адам, айдып өлейин-дө. . . Харман Дөли ялы гызың юмшак дызы-ның үстүндө айдып өлсем, арманым нөмө!» дийип, пикир эдип, юмшак уйлугуң месчилиги, мүшки-запырап дерманларың иси бурнуна урундур мунуң месчилиги. Шу ерде алкымының ашагына гөзүн тикип, бир сөз айдар гөрөк.

1076. Сөриңе дөнөйин, гүл йүзли пери!
Дийсем—өлдүрөр сен, диймесем — өлөм;
Тутуп, төхмөт эдип горкузма мөңи!
Дийсем — өлдүрөр сен, диймесем — өлөм.

Мен сени сөөр мен жап билен төндө.
Сен мени сөймөгө горкармың илден?
Хытайы бармакдан, хыналы голдап
Тутсам — өлдүрөр сен, тутмасам — өлөм. . .

Мен гечмишем бу гүн намыс-арымдан.
Горкман сениң газабыңдан, дарыңдан!
Ак гөвсүңдө битеп гоша нарыңдан Ы
Тутсам — өлдүрөр сен, тутмасам — өлөм.

Билим баглап, дүшдүм сениң оюңа,
Халынам гөлсө, бир иш гояр бойнуңа.
Ашык Керем, гирсем сениң гойнуңа,
Гирсем — өлдүрөр сен, гирмесем — өлөм.

1077. Бу сөзи айдапсоң, гызың гөвни гидип отурап экени. Иң соңунда өлдүм диймөгө салым бермөп, бойнуң үстүндөн элини долап алакга, яңагына агзын салайды. Бу келлесини сындырып алжак боля. Ишдө билен япышан гыз хергиз яздыранок. Шол баршына бу ян яңагы гайым гелди — бу яңагына-да басды агзыны.

Харман Дөлиниң небси карар тапып, эл-аягы бошады. Керем жан элинден чыгып, тасап гайдыберди. Гелди Ашык Айдыңың янына.

— Керем жан! Аждаг гөрдүңми, шир гөрдүңми? Яман ганың гачып, терзиң уйтгөшипдир-ле.

— Пирим! Аждагңы-да билемок, шириңи-де. Ынха дутарың-а дөвди! — дийип, зыңды оңүне. Хемме кеплешен кеплерини бир-бир айытды.

— Керем жан! Ол гыз дөли гыз экени, дапа гыз экени ол. Барсак, бизем еңер ол.

— Ай пирим! Еңер дийип гөтинжөклеме! Онуң дутары дөвөни бир яңа, уруп хорланы бир яңа. Шол гыздан мениң шу арымы алып бермесөң, сенден иир, мөңден мурыт болмыя.

— Керем жан, даржыгыберме. Ол гызың гөзүне бир керамат гөр-кезмесек болмаз инди!

— Пирим, ирде-гичде кераматың болса, эт шу гүн.

— Хайыр, ягшы, сабыр эт бакалы.

1078. Ашык Айдың пир бойына гушагыны салып, худая мынажат кылып отурды, кыбларой болуп. Баякы дутары өңкүсінденем зыят болуп эссине гелди. Ашык Айдың пир хайван-ынсан, жанлы-жанаварың гөзүңден гайып болды. Керем жанам гайып эдиң, .отуз ики сазы бир гулакдан дүзүп, Харман Дәлинің ишигинден чиртип өтеберди. Харман Дәлинің гулагына хер түйсли оваз пейда болды. Йүвүрүп, дашары чыкды — гөзүңе зат гөрүнмеди. Гушлуграк өңе гөчди, пейшин, икиндин, ярым агшам, өйлөн төвөрегини ала зензеле эдиң йөр.

Харман Дәлинің сандыгына ховп дүшди. «Алла, мен ишана дегдим-микәм я өвлийә, хер түйсли оваз гулагыма пейда боля, гөзүм зат гөрүнмийә. . .» дийип, кыбласында бир өвлийә бар. «Шол өвлийә барып, недир-ныяз, садака берип гелсем, бирнеме кипаят этмезмикә?» дийип, гыз гөвнүңе гетирди. Бу-да Ашык Айдың аян болды.

— Хав, Керем жан! Шол гыз өвлийә зыярата гечер эртир. Өвлийәнің бир янында мен ичине гирип ятайын. Үстүми анры-бөри билен басырып, аз-кем торпак сачып, мазары тәзе этдәни, маңа сөөң-де отур. Гайдышыны гызың ёлы сениң үстүңдөң дүшер. «Оглан, бу ерде нәме ишләп йөрсүң?» дийип айдар. Онсоң сен айыт: «Мениң бир пирим барды. Ондан мен хайыр пата алмандым. Шонун губурындан бир хайыр пата болармыка дийип сөөнип отырын» дийип айыт. Онсоң саңа абай әдер, сыясат сүрер, нама гайрып бер диер. Сенем сыра индеме. Соңракы кепиңи өзүм кеплешерин.

1079. Керем жан чукалак газып, Ашык Айдың ичине гирип ятыберсин. Ашык Айдың гөре гирип ятмагының зерары «өли-дирилен киши болуп, зомпа чыкайсам, гызың бирнеме бады гайдар» диййә. Хем-де айдышжак багшысыны өңинчә башладып, ызындан айдып өңер экени.

Эртеси Харман Дәли бәш-алты гойны араба салып, өзүниңөм мүйән ёргасы барды, оңа-да Сулхун Дәли диййә. Харман Дәли — Сулхун Дәли икисиниң ады утгашык.

Өвлийә гелип, гоюнлары союп, садака берип, гайдышын бир маза-рыстаның ичиндөн гелйәди. Гөзлесе, баякыжа оглан бир мазара сөөнип отыр. Абайлап, үстүңе абанып дуруп:

— Оглан, бу ерде нәме ишләп дурсуң?

1080. Яңкы пириниң табшыран кеплерини бир-бир айытды.

— Ай, сен-ә бир тентек оглан экениң-ов! Сениң пириң дириликеде пата берди-де, өлүсине пата гойдумы? Бол деррев, бир нама, нама гайыр!

Керем-де сыра гулак саланок. Гулак салмансоң, Харман Дәли тылла сазы аркасындан алып, мәмәниң үстүңде гоюп, оглана гарап, бир паманы башласын бакалы, ызындан Ашык Айдың алып галар-да.

1081. — Не үчин горкмадың адымдан,
Сен нирәниң огланы сен?
Айрылдыңмы устадыңдан
Инди гелдиң амана сен?

Шейле диеңсоң, Ашык Айдыңам гөрдөн зомпа чыкып:

Йүз мүң мукамы индериң,
Бош гөрдүңми мейданы сен?
Уруң, дутары сындырып,
Яш гөрдүңми огланы сен?

Гит, баба, гелен ёлуңа!
Гараман сагы-солуңа.
Догры гелип сен өлүмө!
Нирден чыкдың дивана сен?

Хак дийип чыкмышам гөрдөн.
Учраса, гачарсың әрден.
Хабар сорсаң гарры нирден —
Ягшы таны бабаңы сен!

Ашыклыга ёкдур сының,
Мейданда дөкүлөр ганың.
Эглендирмей алам жаның,
Басым оқы иманы сен!

Чын ашык сөзүңе бекдир.
Сениң билен екме-екдир.
Бабаның хыялы көпдүр.
Гөркөз бу гүн сынаңы сен!

Гит, баба, данышман ырак.
Гөрдениңе дегер таяк.
Өзүң гарры, сакалың ак.
Дил узатма сынама сен!

Арзым бар яра етмәге,
Чалып, нарындан тутмага.
Бабаң гелендир ятмага,
Басым башла ханаңа сен!

Мен өзүм гызларың ханы,
Өлдүрдим үч йүз пәлваны.
Я гөрүңдиң Мустапаны.
Ашыкларың солтаны сен.

Чекме пердәни йүзлере.
Гараман өзгә гызлара.
Яшлык әдер сен бизлере,
Чагыр бу гүн әнәңи сен.

Харман Дәли, гайтдым райдан.
Йүзлерим дурудыр айдан.
Бул ишлер маңа худаидан.
Тут бу гүн тер жамалы сен!

Ашык Айдың ёлы кындыр.
Чын дин Мухаммет динидир.
Тавысаң, Ашык Айдыңдыр
Эзиз сакла миманы сен.

1082. Бу сөзи айдандан соң, Харман Дәли атдан дүшүп, пириң аягына баш гоюп:

— Бет кылдым, хата кылдым! . . . Пыгамбер саясы дүшөн адам сиз экениңиз. Атланың, гидейлиң сарая! Гөвүн максадыңыз билен болайлың! — дийип, тиркешдирип алып гайдыберди. Казайкәр сарайна етмәкә, атасы Арслан бай өңүнден чыкайды. Гөзлесе, гызы бир аксакал билен бир огланы ызына тиркешдирип гелйә. Атың жылавыны чекип:

— Ай, Харман Дәли оглум! Бу тиркешип гелйән аксакал нәме? Дәлими я диванамы, я тебиими, кесел болдуңмы?

— Ёк, ата, дәли, жыны, дивана-да дәл. Кеселем боламызок, тебибем дәл. Яңы өвлийәден гелйәкәк, шул аксакал билен айдышдык, еңилдик. Пыгамбер саясы дүшөн адам бул экен. Шунуң гөвүн максады билен болякак болуп баряс.

1083. Арслан бай ялт-юлт эдиберди, уржак задыны ойлаберди. «Шу тызың өзи местигидиңдыр, дашгышлапдыр, иру-гич бир биабырайчылыгың үстүнден барар» дийип, гөвнүнә гелип йөрди. Шол гөвнүнә гелени болды.

— Сен ханы бегеллеме, сыпайыны бегеллеме, байы, ятшы йигиди бегеллеме. Иң соңунда «пыгамбер саясы дүшди. . .» дийип, бир жыны дивананы тутуш гетирип сен! — дийип, Ашык Айдың депесине жүп гамчы, Керем жаның депесине жүп гамчы, Харман Дәлиниң депесине-де жүп гамчы урды.

— Пыгамбер саясы дүшди дийдиң?! Шул аксакалың үстүнә гүжүмиң саясы дүшөн дәлдиң!

«Дек атамсың-да» дийип, эдеп саклап, сарайна сүрүп өтөгитди.

Ашык Айдың билен Керем жан яңкы гүжүмиң тейине ене гайдыберди. Гүжүмиң тейине гелип, Керем айытды:

— Алла, пирим! болайдымыка дийсек, ене болмад-ов, пирим.

— Керем жан, далжыкма, сабыр эт, шул тызың ызында сепил болушарып. Алман гидер дийип, хыялыңа гелмесин!

1084. Ашык Айдың пир шул гижә гелип, Хуңкар патышаның дүйшүнә гирди. Хуңкары дүйшүндә богуп, гыссарлап, бирентек алдым-бердиге салды. Хуңкар тистигини оянды. Гөзлесе, дүйши. «Алла, мен бу Ашык Айдың пире нә гүнә, нә азык этдимкәм? Муну ниреде болса, агтарып, тапып, гүнәми дилемесем болмаз».

Ат салып, серпай алып, кырк сыпайысы билен Хуңкар чыкып гайдыберди Ашык Айдыңың юрдуна. Гелди Ашык Айдыңың юрдуна. Онда-

нам Рум велятына гитди дийип, салгыны эшидип, Рум велятына гайытды. Сорап гелиберди илиң четинден. Бир адам айытды:

— Харман Дәлиниң чарбагының кыбласында бир гаррыжа адам отыр. Мегер чыкса, шол чыкар.

Гелди шол айдан ерине. Гөрсө, шол пир. Атдан дүшүп, пириң аягына баш гоюп:

— Бет кылдым, хата кылдым. . . Даг ялы гүнәм болса, дары ялы эдиң өтевери!

1085. — Хуңкар патышах! Сениң эден гүнә-языгың ёк. Арслан байың гызы Харман Дәлиниң эден вадасы-шerti: айдышан багышындан еңилсе, гөрөшен пәлванындан йыкылса, тәжи-тагты билен барямыш дийип эшитдик. Йүзде он бәш яшың үстүнде, гаррылыгың соңунда өленмизе боюн болуп гелдик. Айдышдык — еңдик; обасына барсак, атасына барсак, атасы Арслан бай бизи уруп, хорлап гойберди. Сен юрдуң патышасы болян болсаң, бизиң дөңлигимизи тапып берәйсөң. Сениң гүнәң шол!

— Ай, пирим, мән нә гүнә, нә язык этдимкәм дийип, горкуп телйәдим. Максадыңыз шол Харман Дәли гыз болса, шоны саңа багыш этдим!

— Багыш эдиң, сениң гызыңмыды ол?

— «Сениң гызыңмыды» дийип тахарланма, пирим! Алып бермек тетиги мениң илимде. Йөрүң, сарайна гаршы атланың!

— Ёк, шахым, гитжөк дәл, эзи гелип, аягымыза йыкылып әкитмесе.

— Әйсә сен отурыбер бакалы бу ерде!

1086. Арслан байыңка гаршы Хуңкар сүрүп гидиберди. Барды Арслан байыңка. Патыша барансоң, хан барансоң, «Барлының базары янында» бәш-алты гоюн союп, ак елелли өй тикип, той тутумындан болуберди. Чай, чилим, нахар бедессур кылансоң, Арслан бай айытды:

— Тагсыр патышахым! багыш-сазанда-да эшдермисиңиз?

— Бели, эшдерис!

— Хайсы багышыны әкелейли?

— Харман Дәлиниң чар багының кыбласында, гүжүмиң тейинде бир гаррыжа багыш бардыр, янында-да бир шәгирт бардыр. Бар, шоны әкел!

— Ёк, тагсыр! Оны әкеле билжөк дәл.

— Тагсыр! Онуң янына мениң барар йүзүм ёк ахыры.

— Йүзүңи терис өвүр, бар, әкел!

Шонда-да «әкелжөк дәл» дийип отыр.

— Әкелмежөк? — дийип, әкелмесең, мән бу ере той тутдуруп, багыш эшитмәге гелемок. Он секиз йылдан бир зекат бойнуңда бамы?

— Бели, бар — дийди.

1087. Харман Дәлиниң он секиз яшына баран экени. Хуңкар өз пикиринден озал айдып йөрөн: «Ким өңер, ким алар өйүтйә» дийип, иругич өзүм аларын-да дийип, тамакин болуп йөрөн экени. Шонуң үчин Арслан байдан пач-зекат алмыян экени.

— Он секиз йыл бойнуңда бар болса, онданам он секиз йыл өң, о-да хушумдан чыкып ятан экениң диен өңнүн бир ерден депдерими тапдым. Отуз алты йылың зеканың сана бу ере!

1088. Арслан бай хасаплап гөзлесе, малының дең ярысы гитжек. Налач болуп атланды-да.

Гара гөрнүм геленинден галдырап, титрәп, гелди пиряң янына.

— Бет кылдым, хата кылдым, пир! Йөрүң, атланың! Гөвүң макса-дың битирейли инди.

— Мен ата мүнүп гитжек дәл. Бойнуңа гөтерип әкитсең, гидйән.

— Хайыр, ягшы, пирим! — дийип, Ашык Айдың бойнуна мүндү-рип, Керем жаны атына мүндүрип гетирип, Хуңкарың гашында бойнундан дүшүрдү. Пир геленсоң, ене чай, нахар бедессур кылдылар. Хуңкар айытды:

— Пирим, сен саз алып, бир нама гайрып берияң теперрик!

— Мениң нама гайраным-а ягшы. Харман Дәлә хабар әдиң, өйи-дө ялаңачлап гоюң. Үч йүз алтмыш чорусы билен төверекләп отурса, онсоң айдайын. Харман Дәли әнесинден болалы бәрә, жамалыны гайгысыз гөрән адам ёк дийип әшитйән. Бизияң аркамыздан ил-халк гайгысыз жамалыны гөрсүн.

1089. Харман Дәлә хабар әтдилер, «сени Ашык Айдың пир чагыря» дийип.

Харман Дәлиниң-дә вагты хош болуп, гейнибиленини гейип, да-кыныбиленини дакының, чоруларыны тиркешдирип, «ери, миннетдар болсаң—басарың, болмасаң—басмарың!» — ериң гаймагыны бозман, ыгшыл-ыгшыл әдиң гелйә. Өй төверекләп гуршап отурды. Харман Дәли ай мысалында, чорулар йылдыз мысалында. Ашык Айдың дутары алып, дес урубере-дә. Хуңкар айытды:

— Пирим, мойсепидирәк, гартаңрак гөрүнйәрсияңиз. Кыямат сөзлер-ден айытмаң, межазы сөзлерден айдың. Ынха Харман Дәли гызам гашында отыр. Бизияң-дә бирнеме гөвнүмиз гөтерлер ялы.

— Хайыр, ягшы — дийип, Ашык Айдың бир бәш келеме сөз айдар гөрек.

1090. Шүкүр әдейин худая, бир яра гөзүм дүшди.
Сыгынмышам худага, дидара гөзүм дүшди.

Вагтың етипдир, ярым, бир кемала етилдиң.
Бизияң билен мейданда мерт ойнашдың, утулдың.
Мертлик әйләп гелишиң, мерт ишини битирдың.
Вада әтдиң, гел ярым, ыкрара гөзүм дүшди.

Билмез мердиң гадрыны, намарт иши миннетдир.
Сөзле, сөзүң дүр болсун, дүр бахасы гымматдыр.
Ач гойнуңы, гөрейин, гойнуң ичи жөннетдир.
Йәннете гирен өлмез, сейрана гөзүм дүшди.

Анча йыллар зар әдиң, гөрдүм ярың көндини.
Әммең несип болармы яр лебиниң гандыны?

Ач гөвсүңи гөрөйин, гөвсүң тылла бендини!
Бехиштде яңы битен жүп нара гөзүм дүшди.

Эй нәзенин гүл әндам, өлинчө сүрүң дөвран.
Он төрт ашык өтүлдир, хеммеси болсун хейран.
Бирнәче рақыпларың сынасы болсун вейран.
Ашык Айдың, не арман — Хармана гөзүм дүшди.

1091. Бу сөзи айдансоң, Харман Дәли сарайна гайытды. Арслан бай чай, нахар бедессур кылды. Хуңкар айытды:

— Пирим! сен гөвүн маңсадыңы бир-бир айытсаң. Сениң гөвүн маңсадыңы биз бир битирсек. Онсоң жогап берсең, биз-де гайытсак, пирим, ничик боля?

— Мен саңа гөвүн маңсадымы саз билен айдып берейин! — дийип айытды.

1092. Барың айдың Арслан бая:
Вада әден яры берсин!
Налышым етди худая.
Сыя зүлпи-тары берсин.

Хуснун алама долдуран,
Пөлванлыгыны билдирен,
Үч йүз ашыгы өлдүрен
Жадыгөй хунхоры берсин.

Хак шерабындан гандырып,
Эйем чырагын яндырып,
Кырк гүн той эдип мүндүрип,
Еди хатар нери берсин.

Розам парз-намазым болсун.
Бул иш бизден лазым болсун.
Кыяматлык гызым болсун.
Алла bize хүйри берсин.

Айдыңы, бек бол имана,
Бил баглама бипеймана.
Багып әйледим Керем жана
Разы болуп, бары берсин.

1093. Бу сөзи айдансоң, Хуңкар Арслан бая: шул Ашык Айдыңың бир диеенини ики әтме! — дийип, хөкүм эдип гайдыберди. Харман Дәлә хабар әтдилер — гитме шайы билен болсун. Бу-да вагты хош, зейни чаг болуп, атасының газынасындан ярпы, гоюн дүесинден ярпы, гара малын-данаң ярпы бөлүп алыберсин. Ашык Айдың Харман Дәлини мал-мүлки

билен алып гайдыберсин. Мунуң мал-дүңйәсин Шир-Ширвана чекди. Керем жаның ювурдына Шир-Ширван диерди, атасына усса Бадам диерди, өзем ёпугчы—харратды, хем-де пешебентди.

1094. Шир-Ширвана бир гүнлүк ёл галанда, Ашык Айдың бир атлышы оздуруп иберди: «Бар, уссапы сөйүнжіле! Билиң болмаз жошайса. Бир теңче—ики теңче берсе берер» дийип.

Яңкы адам ябыны өлдир ялы эдиң гайдыберди. Ябы өлсе, итиң. . . не. «Харман Дәлини оглуң гетирйё!» дийип барсам, усса маңа ниче серпай япя» дийип, гелди уссаның иштинден.

— Хай, усса ага! сөйүнжі, хай, сөйүнжі!

— Ёк бол, ёйылан заңцар! Оглум болупмы, сөйүнжі дийип гыгырып дурсуң!

— Оглуң болмаса-да, усса ага. Рум веляатындан Арслан байың гызы Харман Дәлини Ашык Айдың пир еңип алып, Керем жана багыш эдиң гетирйё. Мал-дүңйәсем ере-гөге сыгар ялы дәл. Шонуң үчин.

Мал-дүңйә бир гулага якымлы зат. Шейлә диенсоң, дашары чыкды.

— Хан огул, айдяшың чынмы?

— Усса ага, ынаимасаң, бир селлемден гөрерсиң.

— Ай, хан огул, шул хош хабары тапып гелшиңе гөрө, «Дүңйә малы дүңйәде галыпдыр» диенлери. Эрте базар неше алжак болуп гоюпдым — дийип, бирже теңнәни элиңе чыкарып берди. Бу йигит хожал болуп гайдыберди.

1095. Ашык Айдың-да гелди мал-дүңйәни сүрүп. Уссаның тамының товерегинде аклы-гызыллы гоюн, гара мал, боз дүе жай тапанок.

Булар ялы зады пиреде гөрүпдир бу усса: нәме иш тутарыны биленок. Дашары чыкып, ичери гирип, гыбырдыклап йөр. Пириң янына гелип:

— Үч гоюн өлдүрсек, той бормыка я бәшиңи өлдүрәйсекмикөк?

— Үчден, бәшденем той болармы? Сен тойы нәбилерсиң, томашаны! Бар, өйңе гит, гүм бол! Өзүм той әдсрин.

— Ягшы, ягшы, пирим! — дийип, кемпириниң янына гитди.

1096. Ашык Айдың Шир-Ширвана жар чекдириберди: «Керем жаның он гижә-гүндиз той-томашасы бар. Багшы мен дийме, сазанда мен дийме, бай-лукара дийме, гелибер, хав» — дийип, он гижә-гүндизләп той берип, нан диене—нан, теңче диене—теңче, серпай диене—серпай, ат чапдырып, алтын габак атдырып, тоюн совуп, Харман Дәлини Керем жана гайым ника кылып берди. Керем жан язылышсын дийип, ене бәш-алты гүн болды. Онсоң жогап алып, гайытжак болды. Керем жан айытды:

— «Ховес эт—бес эт» диенлери: ене хөвес әден махалым гелагаарында. Берекет тапан угрумдаң галмайыш-ла — дийип, Ашык Айдың билен гайдыберди.

1097. Хабары кимден ал? — Харман Дәлиден. Мал-дүңйә элинде болансоң, үч йүз алтымыш чарбаг салдырды, үч йүз алтымыш кәниз тутуп, көшүк-сарай салдырды. Оңки юрдундакы ялы безимде болуберсин.

Хабары кимден ал? — Гелип, Короглыдан.

— Хав, Косе, чай пулуны түкетдик. Бир ёл чалмага чыкайлы-ла!

Кырк йигидини алып, ёл чалмага чыкды. Бир топар османлының кервени саташды. Бу кервенлери дүшүрүп, малын зекатлап, хатлап, чай ичип, гүррүңдөшүп отурдылар. Көроглы айытды:

— Ай кервенбашы! Хемише бу ерден он—он ики гүн өң өтйөдүңиз. Бу сапар он—он ики гүн ыза галдыңыз-ла.

— Көроглы, ёлумызда Шыр-Ширван дийлен юрт бар экени. Онда усса Бадам диең бир усса бар экени. Онуң оглуна Керем диер экени. Онуң пириңе Апык Айдың пир. Рум велаятында Арслан байың ызы Хармап Делини еңип алып, Керем жана багыш эдиң, он гүнлөп той берип — биз шонуң тоюнда эглендик.

1098. Көроглышыңам эшдөйжөк хабары шол.

— Барың, хүшүр-зекадыңызы өтдүм!

— Көроглы ага, бермес малың багышлап отурма!

— Он йыла ченли өтдүм!

— Көроглы ага! Бизлери хенек эдиң ойнама. Он йылкы зекадыңы бирикдирип алжак ага диерлер саңа! Ондан bize еңил болар ялы дүшдүк зекадыңы алыбер.

— Хай, ынанмадыңыз-ов! — дийип, хат язып, илинден хат берип, «сенден кырк йылдан соң зекат сорарын!» дийип, мөхүрини басып берди. Кервенбашы «Бизе худай ялкады!» дийип, ёл рована болуп өтөгүттү. Олар гиденденсоң, Көроглы:

— Көсе, мен хол йыл бир аламанчылыкдан гелйөкөм, Шир-Ширвана гидиңдим герек?

Көсе-де дүшүш-дө.

— Хова, гидиңдик, Көроглы! — дийди. Ёгса гитмэнини билип дур.

1099. — Шонда олжадан гетирйөн атымдан бир адама несье ат сатыпдым. Ярпы пулуны алыпдым, ярсы несье галыпды. Бу йыл хасап-лап герсем, он секиз йыл болупдыр. Сен кырк йигит билең гала гайыт. Мен несыйэни өндүрүп гайдайын.

— Ай, Көроглы! Кырк йигит галаңы өзи тапмыямы? Мен сени уза-дып гайдайын.

1100. Кырк йигиди гала гайтарып, Көсе Көроглы билең тиркешип уграберди. Бир мейдан йөрөнсоң:

— Көсе, узадаңдан ёлдаш болмаз, гайдыбер инди.

— Көроглы ага! агшам бир ерде болайлы. Эртир сен аңры, биз бэри боларыс-да.

Агшам бир ерде болдулар. Эртир Көроглы даң атандан туруп, аты эерлөп дур.

— Көсе, кырклара маслахат бер, Ёвез жана талим бер! — дийип. Көсе-де сыра иннемән, Воздуманы эерлөп дур. Көроглы атланып угра-берди, Көсе-де ызына дүшүп уграберди.

1101. — Көсе, сен гал диеңимде галмыясың. Хабарыңы берсене!

— Сен хабарыңы бер! — дийди Көсе.

— Мениң хабарым яңкы айдаң хабарым-да.

— Хав, Көроглы! Юмрук ялакжыгымдан ызыңда гезип йорун. Сий-

мәге гиденінде-де, ызындан таламок. Шир-Ширванда ярым шайы, хақың
ёкдугыны билейен. Догрусындан геләйсең болмыямы ахыры!

Көроглы лах-лах гүлүп:

— Көсе, саңа догрусын саз билен беян әдейин! — дийип, бир сөз
айдар гөрөк.

1102. Бир сөзүм бар, Сапар Мәрем!
Мен бу гүн Ширвана гидем.
Үлкеден болмагын бигам.
Беглерден пынхана гидем.

Тагтың үстүнде отурды.
Бизиң билен сөхбет гурды.
Гелгин дийип, вада берди.
Шол әхди-пеймана гидем.

Арзым бар яра етмәге,
Чалып, нарыннан тутмага.
Гол салып, биле ятмага,
Гөзлери мөстәна гидем.

Ышк ёлуна дүшен адам
Яр ёлуна гояр гадам.
Той башлапдыр усса Бадам.
Чарх уруп, пөлвана гидем.

Көроглы айдар яндырмага,
Ак сынаны дөндөрмәге.
Несийәни өндөрмәге,
Харман Дәли гыза гидем.

1103. Бу сөзи айдансоң, Көсе-де мыс-мыс гүлүберди.

— Көроглы, дүйн айдан болсаң, дүйн гайдардым мен. Ивди мен гай-
дарып, Көроглы! Гайдайын велини. . .

— Көсе, «велиниң» нәме сениң?

— «Велиним», Көроглы, шу дутарым көнелипдир, хезил бермийә.
Шол усса Бадамың өзи көп бир чепер усса дийип эшитйән. Шондан бир
гургун дутар гетирип бер. Башта-да бир-ики агыз буны сөзүм бар. Менем
саңа саз билен беян әдейин, Көроглы! — дийип, Көсе-де бир сөз айдар
гөрөк.

1104. Көроглы бег, бир арызым:
Маңа бир ягшы саз гетир!
Бир яр дийп болдум интизар.
Аңап гамзалы наз гетир.

Гөздим атаңның гашында.
Күлпет галмады башымда.

Болсун йигирми яшында.
Дал бойлы, жерен гез гетир.

Гоч йигит сен, вагтың хошдыр.
Нирә гитсең, ёлуң бошдыр.
Мен бир гарры, гевнүм гышдыр.
Маңа бир бахар-яз гетир.

Көп күлпет сериме инди.
Инди мениң ишим кынды.
Кырк гүн болды, өйүм сынды.
Херне гетирсең, тиз гетир!

Көроғлы бег, бир ат әйле.
Өтенлериңни ят әйле,
Салар Мәреми шат әйле,
Бизе бир семиз гыз гетир!

1105. Бу сөзи айдансоң, Көроғлы айытды:
— Хайыр, ягшы, Көсе! ыкбалыңда нәме болса, гөрүбийрсиң-дә —
дийип, Көроғлы сүрүберди. Көсе-де гайытды. Бир мейдан йөрәнсоң, Көсе
өне ковуп етди.

— Көсе, нәме гелдин өне-де?

— Ёк, Көроғлы ага! Геленмиң байсы: яңы бир агзыңда «ыкбалыңда
гөрүбийрсиң», дийип гүмансыратдың. Тапсаң-а пәкизе бир семиз гыз,
зерур болса, уркачы адам тени болса болар. Сыра бош гайытма, Көр-
оғлы!

— Бай, Көсе зынхарлыясың-ов! — дийип, сүрүп гидиберди. Ышна
дүшән адам басыпдыр ата гамчыны. Ёл узак, көп гысгасына ягшы. Сүрүп,
Шир-Ширван галасына гелип, бир адамдан салгы алды:

— Хов, жора! Усса Бадамың тамы хайсы?

— Ягшы йигит, хол белеңт чарбагы гөрйәмиң?

— Гөрйән.

— Шонуң бәри янында пессежик там уссаныңқы. Чарбагам Харман
Дәлиниңки.

1106. Гайым салгы алып, сүрүп гидиберди. Уссаныңка барсаң, бир
бахана билен бармалы.

Дутарыны габындан чыкарып, зериң гашына уракка, бир-ики ерин-
дөн өк алды. Уссаның дүканының өңүне гелип, өзүни сәхралыга сайып:

— Хай, усса ага, өйдемисиң, хов? Өйде болсаң, салавмалейким, хов!

Усса-да дүканында дымып отыр. «Бу нә сәхрайы заңңар! — диййә.
Көп гыгырып дурансоң, усса-да ичердөн гыгырды:

1107. — Айыт, мән көр дийип эшитдинми-айыт?

— Нәме болды, усса ага?

— Гаты гыгырып, салам берип гелйәсиң.

— Гаты салам берениңде, огланың дүшйөми, усса ага? — «Мунуң билең дүшүп хабарлашайын-ла» дийип, гүпбе атдан дүшүп, атың демир мыхыны мейданда какып, шапырдап-шапырдап, ичери гирди Көроглы.

— Усса ага, салам болса дашарда бердик. Гел, бир гөршейли!

— Йят-ә, ёкул-а! Көбеден гелишмидим мен гөршүң?

1108. — Усса ага, адам диенпң бейле терс ёңқа-гарагол болмаз. Мөниң шу дутарым бир-ики еринден әк ачыпдыр. Шуны жайлы-жайында гокуп, елмөп бер.

— Сениң бу ерде кесәне тутан уссаң бамы? — дийип, әлинден гаң-рып алып, раст япды диварың йүзүңе, пара-пара этди.

— Муны нәтдиң, усса ага?

— Муны шейле этдим!

— Оны бейле этме, усса ага! Икмииз гардаш болайлы! — дийип, газықдакы дуран уссаның дутарыны алып, өз сазы билең өзүңе бир сөз айдып берсин бакалы.

1109. Сени дийип гелдим Чандыбилимден.
Усса Бадам, күпбар, гардаш болайлы!
Сазымны сындырып, сепил болмушам.
Усса, сазым гайыр, гардаш болайлы.

Сөйран этдим Чандыбилиң дүзүңе.
Гурбан олам шәгиртлериң гөзүңе.
Уссам, садап гойгун дутар йүзүңе.
Усса, сазым гайыр, гардаш болайлы.

Уссам сен, уссам сен, даянма гүйжө.
Ордаңы гөчүрип, гондарып ужа!
Хә диймән, чус берем әгри гылыжа.
Усса, сазым гайыр, гардаш болайлы.

Усса сен, усса сен, кылма бахана.
Овазаң дүшүпдир жүмле жахана.
Шу гижә миман мен гыза, жувана.
Усса, сазым гайыр, гардаш болайлы.

Бу ерден өтөндир әренлер, пирлер.
Гыр ата мүнөнде, титрешер ерлер.
Мени танымасаң, — Көроглы дийрлер!
Усса Бадам, гайыр, гардаш болайлы.

1110. Бу сөзи айдансоң, иң соңунда Көроглының ады гелди. Көроглының ат-овазасы яланча долуп галан.

— Айыт, Көроглы дийр сен, ниреде гөрдүң?

— Усса ага, сен «ниреде гөрдүңде» гөзип йөрсүң. Биз Көроглының өзи болайсак, нәтжәк хәли!

— Чардаглы Чандыбилинде Көроглы диен әр дәрәңдир дийип эшдиң йөдрүк. Сен шомы?

— Тап шонун өзи мен, усса ага!

— Ай, ай, Көроглы, «танымас—сыламаз» диенлери. Ханы, элиңи ал, гөршейли. Салавмалейким, Көроглы ага! Асыл сени, Көроглылары, мен танаман отырын әртирден. . .

— Хай, усса ага, индем сыласаң боля-да.

— Ай, уссаның гонжуна гор гуялды. Яңы бир кепинде «Шу гиже миман мен» дийди. Шол кеп усса яканок. Уссаның ики саны шәгирди барды.

— Муны хол дүкана элтиң, дутарын дөррев бежерип гоюң! — дийди. Усса яландан мирехет этйә:

— Көроглы, бу гиже болмакчымысың я гайтмакчы?

— Дутар бежерилсе, гайытмакчыдырын.

— Дутарың-а, Көроглы, шәгиртлер бежерип гойды.

— Гоян болса гайдайлы, усса ага.

— Көроглы, «Агач гаррар, гуш гонар, адам адама душ болар» диенлери. Сай-себәп билен гелипсиң, бу гиже болайсаң, ничик боля?

1111. «Бол» диймийә-де «ничик боля» диййә усса.

Көроглам:

— Ай усса ага, «Төвелла—зордан яман» диенлери: болсак болаялы! — дийип, айбогдашын гуруп отурберди.

Уссаның бир багойны барды. Бир чакканрак адам гетирип, «гузыны дөррев сойсун!» дийип, шәгиртлерине буюрды. Зайпына-да: «Сенем чөреги тиз етир!» дийди. Усса «иррәкден зыяпатын бәрсек гайдармыка?» диййә. Яңкы гойны дерисинден чыкарандан, газана салды. Зайпам тамдырдан чөрөк гетирди. Гойнуң эти бәш-алты бас гайнады.

— Ай, Көроглы, неше бирнеме йүрегими сырып берди, шул вагтырак гарбанайлы! Галанам бишибийр-дә.

Табага биразырак чөрөк дограп, чорба гуяп гетирди. Усса икиси алдылар орта. Бәш-алты гайра аландан соң, Көроглының янында бейхуш дерманы барды—уссаның гөзи сапынан махалы, табага ташлап иберди.

1112. — Ай, усса ага, биз-ә болдук. . . дийип, гайра чекилип отурды. Онуң ызындан усса бир-ики япрак чөрөк ийп террейип гитди эссинден. Көроглы табагы шәгиртлерине алып берди. «Уссадымызың саркыды, Көроглының саркыды, саркытда шепа бар» дийип, бир-ики агыз ийип, булар-да гитди эссинден.

Уссаның зайшы: «Алла, мимана бишип дуран нахар, мунуң дузы ничик болдыка?» дийип, аңырсына бакып, бир кашык чорба ичип, бу- да гитди эссинден. Галды бир өзи зомпарып. Оңа чөнли яңкы яхна-да гайым бишди. Раст чыкарып, сачагың үстүнде язып гойды, совдуп зыңмата айланышды, элиңиң гөтердиги, агзының сыгдыгы. Бир гойнуң этини ийп. Гүн батды.

Атыны ийдиң, найзаны сүйрәп, Харман Дәлиниң багына йериш этди. Гелсе, бендеванлар дәрвезәни бент әден экени. Урубәрди шовхуны.

— Озалдан етик еримдир, таныш еримдир. Харман Дәлә «Көроғлы гелди» дийсеңиз, «нәме дийп дервезәни ачмансыңыз?» дийип, «хеммәңизги тырар хәли!» — дийип, ала вагырды әдип, дервезәни ачдырды.

1113. Ичери гирип, дервезәни өзи гуллап, ачары өз кисесине саяя «Бирең мениң атымы мунуң гачарсың хәли» дийә. Харман Дәлиниң ат гоһян сейпсханасына атыны баглап, сыпаның үстүнә япынжаны ташлап, гүдери күпжүнем тирсегине ташлап ағдарлып ятыр. «Өзи гелип, тиркешдирип әкитмесе, бармайын. . .» дийип, аркайын ятыр.

1114. Харман Дәләм мунуң геленини әшидидир. «Өзи гелмесе, мөнем алып гайытмайын. . .» дийип, герексиредип отыр.

Көроғлы супаның ол башына бир баря, бәри башына бир гайыды, хер махал бир тырың-тырың дутар каһя. Атына от берйә, им берйә, әшиклийә. Гиҗә ярым ағшама етирип баря. Мунуң янына гелйән адам ёк. «Алла, вадасында тапылмаҗак болдумыка би я кесел болдумыка? Гел, шуңа саз билән бир ғыгырып гөрейин. Онсоңам гелмесе, соң хабарлашарыс-да» дийип, дутарыны әлине алып, ағзыны асманә тутуп ғыгырыберсин.

1115. Вадасына гелди ярың.
Айдан сөзи пуч болдумы?
Етмедими гүл-гүлзәри,
Яз гүнлериң ғыш болдумы?

Арзым етишмез ханыңа.
Гурбан болайын җаныңа.
Не үчин гелмедиги яныма?
Айдан сөзүң пуч болдумы?

Назлы яр өйден чыкмады,
Йүзүме гүлүп бакмады,
Я-да геленим якмады?
Бизиң билән каш болдумы?

Көроғлы бег, гелди гахрым.
Не үчин әшитмез сен зарым?
Йигримисине етен ярым. . .
Шунда гелип яш болдумы?

1116. Шейлә дийип ғыгыря, ил өрүзип баря. Харман Дәли чорусына айытды:

— Бар, гелсин!
Чоры гелип:
— Сени бибим чагыря — дийди.
Зат билмедик киши болуп:
— Бибиң нәме сениң?
— Бибим Харман Дәли.
— Хайыр, ине бардык деррев.

1117. Харман Дәлем: «Бу-я гелипдир. Ягшы-яман вадада тапылмак гөрөк» дийип отыр.

Вадасы гелен адам Көрөглы бармака, херемхананы сырып, сүпүрүп, хөр дүрли гүллерден гоюп, өзем гейнибиленини гейнип, дакыныбиленини дакынып, херемханасында гарынжа гуш ялы далманып отыр.

Көрөглам дутары алып, поссуны ястынжак алып, өкө өйлиң хоразы ялы болуп, пат-патлап бу-да урды [уграды]. Гелди сарайның ишигине. Салам берди.

— Көрөглы, сөпиңем дутарың бар экени. Биз-де дутар алаялы! — дийип, оюнмаздан диең ялы, бири-бирине гаршылыклы бир сөз айтар.

1118. — Жуван, хер жайы гезер сен.
Теркиңдеп тутсам, ниже олар?
Дөнүп хабардар болынчаң,
Билиңден гучсам, ниже олар?

Билимден гушсаң — дуярлар,
Ширин жаным гыярлар,
Элтип, чөл ерде гоярлар,
Гул дийип сатсам ниже олар?

Гул гелмезми гиден ерден?
Ашык допмезми бу ёлдан.
Сейледим, бермедин гүлден.
Бакжаңа гирсем ниже олар?

Не ишиң бар гүлүм билен?
Гүнүм гечер аулум билен,
Тер хыналы голум билен
Өзүм өлдүрсем, ниже олар?

Ашыгы өлдүрмек согапдыр.
Гөвсүң үсти ажап акдыр.
Хер мөмөң bize яйлакдыр.
Чыкып яйласам, ниже олар?

Харман Дәли гелди диле,
Сен бир билбил, гондуң гүле. . .
Мен бир сона, көлден көле
Учубам чыксам, ниже олар?

Көрөглы гезир гуш кимин,
Сыпаларың күмүш кимин.
Алгыр баламап гуш кимин.
Дөнүп авласам, ниже олар?

1119. Бу сапар Харман Дәли мундан еңилди билгешлейин. Онсоңам айытды:

— Сен бу сапар еңәдиң-ов! Өңки сапар гелениңде, шу кешің тапып айдан болсаң, сен мени еңердиңем, алардыңам. Худай тағала озал бизиң йылдызымызы говушдырмандыр. . .

— Өзге махал говушдырмаса-да, шу гиж-ә говушдырыпдыр. . . — дийип, дутары дивала сөйәп, чымылгана өзүни оклаберди Көроғлы.

— Ай, Көроғлы, ятжак болсаң, әнтек ховлукма. Мен саңа нахар биширдип отырын.

— Ай, мен нахар шайымы тутандырын.

1120. Бир адам чымылганда гуҗак ачып ятансоң, өзүне гезек гелди. Йүзлерине пердаз берип, зүлплерине шана уруп, юмшак түрме билен башын даңып, йүпек көйнек киярдан гечжөк ялы болуп, Көроғлының гуҗагына гирди. . .

Мырат хасыл болансоң, Көроғлы бир элини Харман Дәлиниң голтугының тейинден аңры гечирди, бир элинем агниниң үстүнден ашырып алды. Он бармагыны бири-бирине дарак алды. Аягынам аягының ичинден аңры өтүрип, онам терсине гаңтарып, төрт өрүм этди. Болуп ятышлары тап газатың какы ялы-да. . .

— Көроғлы! Айрылармыкаң дийсем, дурдугыча бекишйәсиң-ле. . .

Киме диййәсиң дненок, сесини чыкарман, бугарып ятыр. Харман Дәлиниң өзи галжак болса, биле галыберйә.

— Хав, Көроғлы! Бу яндан гүн чыкып гелйә. Айрыл-сана!

— Гүнүң чыканының соңумы хәли шу?

— Көроғлы, соңуны-да билмен, өңүни-де. Айрыл!

— Инди гитсем, хачан гелейин?

— Ёк, гелме!

— Бир ай өтүрип, бир гелейин!

— Ёк, асла гелме!

— Үч ай өтүрибем бир гелейин!

— Гелме, Көроғлы!

— «Гелме, гелме. . .» Адам маза тапан ерине гайдып гелмезми?

— Бир хова айрыл! Бу геңеши онсоң әдейли.

1121. Көроғлы айрылды. Атыны зәрләп, Харман Дәлиниң гашына гелип:

— Харман Дәли! Үч ай өтүрип гелерис.

— Көроғлы! Хызмат саңа хәлем артыкмач болуп гитди, сыра гел-медә.

— Артыкмач болса, пейдасына йүкләй! — дийип сүрүп өтәгитди. Гүн чыканда, уссаның тамының гаңдалындан гелди. Усса-да әнт-мент болуп, шүдүгәрде сәхралап отыр.

1122. Уссаның көнерек чарбагы бар экени. Ол-бу еринден йыкылан гәдиги бар экен. Көроғлы әсеван этсе, яңкы багың ичинде үч гыз гезип йөр, газ ялы яйкыллашың. Уссаның гызлары экени. Көроғлы шуларың бирини алмага чөмледи. «Көсе маңа гыз әкел дийипди велли ядымдан

чыкып барян экен-ов. Менем ат гойсам, буларам бир яна гачса, бир ерме агач дегип, дивал дегип, ахмал эдамаса» — дийип, гелип, Тыр аты сува якан киши болды. Атың сувуна деген киши болуп, о яна—бу яна ат сая. Аты, өзи гайрынагыш йигит болансоң, гызларам аңалшып дурлар. О ян—бу яна геченде, хор геченде якычлашы. Бир якычлашып гелеп махалында, атың жылавыны дөндөрип, гарындан доландырып, жүп гамчы урды. Гөз ачып юмынча, голтуклашып гелди. Иң улы гызың чыгындан тутуп, гарынжа гуп какан ялы алып отагитди. Ики гыз өйлерине берди пайырдыны. Энесиниң янына гелип, кешинем дүшүндиребиленок.

1124. Хабары кимден ал? — Бу гызлары бакып, бежерип йореп бир чоры барды, адына Гүлнышан диерди. Бу чоры гөрдү муны. Агшамкы болан ишлерденем хабардар экени. Йүвүрди уссасының янына гаршы. Усса-да сәхралап гелип, демими алайын дийип, сыпа г. . . гоюп отурды. Чоры шахырчылык эди, усса гарап:

1124. Гөч йигитден хабар етди.

Не баг дуйды, не багбаның.

Усса Бадам! гызың гитди. . .

Не баг дуйды, не багбапың.

Дүңйә өтерини билди,

Сөпи ёвуз гүне салды.

Бир харамы заңнар гелди,

Не баг дуйды, не багбапың.

Безим биле шерап әйледі,

Дүңйә өтерин ойлады.

Агшам гелиниң яйлады

Не баг дуйды, не багбаның.

Гүлнышан, агладым, гүлдүм.

Дүңйә өтерини билдим.

Улы бибимден айрылдым. . .

Не баг дуйды, не багбаның.

1125. Бу сөзи эшидип, усса чайыны ичмәндир, чилими чөкмәндир, нешәни атмацдыр—эсси еринде дәл, муңуң айдагына дүшүненок.

— Нәме галмагал эди дурсуң?

— Зәхер галмагал эди дурун! Дүңки өйүңде болуп, дутарыны бежерди, гойнуңы ийип, яңы улы гызыңы әкитди.

— Хачан гитди?

— Яңыңа!

— Ябыны әкелевер! — дийди.

Тамың куяшында бир ябы дуран экени. Чоры танапыны чөзүп, үстүне бир бош палан ташлап, супа янап дур. Усса-да энт-мент болуп гелйә.

— Хай, усса! ызындан етип, дырнагың билен уржакмы? Яраг әкит! Ичери гирип, пычгысыны алды голуна.

— Оны әкидип, ағач кесип бержекми?

Оны ташлап, исенәни алды.

— Оны әкидип, токуртга ясап бержекми?

Ене ичери гирди. Пақырың өз ярағлары-да нәме. Пай тешеден кичирәк, гол тешеден улурак бир тешеси илди голуна.

— Башга ярагың әкми?

— Шунуң биленем етсем, Көроғлының ызындан еңсесине бир япсам, өлдирик, ишалла! Әкел ябыны деррев!

Паланлы ябыны мүнүп, тешәни билине ғыссырып, танаһы әйләп-тә, ура-ура гайдыберди.

1126. Көроғлам артлашыгы билен гаты гиденок, йеришине ёргасыны сүрүп баря. Бугун өтди, эртеси чаш галанда, ковуп өтди. Көроғлының ызындан бир атлы пейда болды. «Бу гелйән уссадыр-ов. Ызымдан етсе, әржешсек болар. Мунуң наһак ганына галып, өлдүрмен герек. Нә алач эдеркәм?».

Бир маһалдан Көроғлының өңүнден улы көл гөрүнди. Гүзер-ә аңырракда. «Алла, шунуң керт якарак еринден гечсем, мениң ызымдап гечжек болуп, батга батып, сува чүмүп галмазмыш?» дийип, якарак ерден Гыр аты сува салыберди. Кә ерде үзеңгә чыкып, кә ерде гарнап гечди.

1127. Усса-да бейниси юка адам. Мунуң гүзеринден гечип, өңүнден чыкайын диен хушуна гелмеди. Гыр атың ызындан усса-да ябыны сува салды. Озалам куяшда сувлап дуран ябы, ики гүнден бәри ковуп гелйән ябы, ичи янып гелйә жанаварың. Ики өңүни сува сокакка, тумшугыны басды. Усса будуны ғысып чекмәгә айланышды. Чекисиз палаң илери сүйшмәгә айланышды. Усса чекйә, палаң илери сүйшйә. Шол барярка, ногтасам үзүлди. Ялындан тутуп чек, күрмегинден тутуп чек. Сув барып, ябының омзуна урды. Батга ябының дызына гелди. Палаң ябының гулагына өтди. Усса-да гершине барды. Палаң билең артлашды пақыр. Ябының сувдан бирнеме мәхри ганып, хоргурып, бөвүр берип, бу яна гаршы гитди, палаңдан үркүп. Усса-да палаң-салаң билең гүбүр әдиң, сува гитди. Уссаның эли ябының гуругына илди, гайым тутды. Ябы сүйрәп, уссаны алып чыкды. Усса гейим гежимини сыкып-дырып, ябыны баглап:

— Хав, Көроғлы! — дийип ғыгырды.

— Нәтжек, усса ага! — дийди.

— Өйүмде болдуң, халал дузум гөзүңи тутар! — дийип, Көроғла гаршы гарап, усса Бадам бәш көлемә сөз айдар герек.

1128. Гөч йигидиң дүшер ёлы.

Ташла, Көроғлы, начарым!

Мерт болармыш түркмен оглы,

Ташла, Көроғлы, начарым!

Гыр атың дагдан өтмезми?
Бу жаның көйүп якмазми?
Ене дутарың сынмазми?
Ташла, Көроглы, начарым!

Гоч йигидиң бир сөзүдир.
Гөвнүмиң бөхри-базыдыр.
Киши патыялысыдыр.
Ташла, Көроглы, начарым!

Арзымы саңа дийипдим.
Инди жанымдан докупдим.
Хем галыңны алып ийпдим.
Ташла, Көроглы, начарым!

Усса Бадам, яман дийме.
Бу паны дүйнәни сөйме.
Мени бу төхмәде гойма.
Ташла, Көроглы, начарым!

1129. Бу сөзи айдавсоң, Көроглы гытырды:

— Хав, усса ага! «Киши патыялы» диййәсиң, «галыңны алып ийпдим» диййәсиң. Сен оны гайгы эдер ялы дәл — гыз көп әкени! Ол айдяна адамыңа мундан кичисини берегай!

— Хай, заңнар, хенек әдиш ойнама! Оны кабул этмез.

— Оны кабул этмесе, ондан кичисини берегай, усса ага!

— Дүйн-әңдун өйүмдә болдуң, халал дузумы ийдиң. Дузум гөзүңи тутар!

— Усса ага, иендирин бир гысым халал дузуңы, иендирин. Ине басым шол яна аламанчылыга гечерин, шонда саңа бир гысым халал дузуң ерине он сыйры дуз әкелип берейин, усса ага! — дийип, гулак асман, сүрүп өтәгитди. Усса-да гөзләп галды. «Гөл-ә, гыз болса гитди. . . Ятып галадандан атып гал диеңлери!». Яңқы тешәни айландырып-айландырып, раст зыңып иберди — гара гөрнүм бәри янына «жүңдүр» әдиш сува гачды.

1130. Усса гызынданам айрылып, тешеденем айрылып, ябысыны мүнүп гайдыберсин. Көроглы уссаның гызыны артлашдырып сүрүберсин. Хабары кимден ал? — Гелип, Көседен ал.

«Көроглы өлсә өлендир. Өлмесе, бун-эрте бир ердеп чыкар» дийип, гүндә бир мезил—ики мезил Көроглының гөлжөк ёлуны барлап гайдып дур Көсә. Бир гүн айытды: «Галада мениң дайханчылыгым галямы? Өңүмдән чыкыңча, гидиберейин-лө». Чай, теммәки, күлчә алып, Көсә гайдыберди.

1131. Бир гүн ёл йөрип, икиленжи гүни бир мейдан билән гелйөр. Көсәниң өңүндән бир гарап пейда болды. Гөзләп дурды. Гыр аты таныды. «Шу гөлйән-ө Көрогл-ов. Худайым, ягшы-яман бир зат әкелйән болса

ягшы» дийип, уруберди Боздумана гамчыны. Ат чапып, ёлуң хер гап-далына чыкя, ат чапып. Ёлдан чыкяпың зерары—гараның екедигини, икидигини билжек боля. Гөзлесе, яңкы гара гоша болуп гөрүнди. «Бир зад-а өкөйлөр-ов. Худайым, гыз болса ягшы-ла» дийё.

Шу гелувына сес етер ялы мейдана гелдилер. Гол говшурып, хайкырып, салам берди. Ене атланып, гошулып сүрүберди. Көсө эсеван этсе, Көроглының сыртында бир гыз отыр, тарыпыны айдып-дийип, соңуна чыкар ялы дөл! Тап гарынжа ялы далмынып отыр.

Көсө эсини тапан ит ялы яллаклап, кө өңүне гөчйө, кө гапдалына гөчйө.

— Көроглы, сениң кимин гөч йягит Адамдан Хатама сыра дөрөмөз! Менем сени ёксырадан дөлдирли. Ёвез жаныңа төлим берип, кыркларыңа несихат берип, ат, араба, гош-өкүзиңем ятырамок. Тохумңа деңич сепип берйөн.

1132. Галасына гелип, Көроглы айытды:

— Озалы атамың, бабамың геңешдары Көсө, галыберсе, өз геңешдарым Көсө.

Көсө он гиже-гүнлөп той-томаша берип, нан диене — нан, теңде диене — теңде, серпай диене — серпай, ат чапдырып, алтын габак атдырып, багшы айытдырып, тойы совуп, бир молла гетирип, уссаның гызыны Көсө гайым пика гайып берди. Той совулансоң:

— Көсө! Менден яңа кемиң галдымы?

— Ёк, кемим галанок. Дүнйө дурынча, сен дур! Максадыңа ет, иним! Йөпө бирже кемим-ө болды, иним!

— Көсө, пәме кемиң бар?

— Болара-болмаза айдып йөрөн варсакың көпди. Мениң тоюмда шоны айытмага ярамадың.

— Пай, Көсө! саңа шондан шуңа гыз гетирип берөн адам варсакы айытмага ярамыя? Варсакыны боюң билен дең эдейин! — дийип, бир сөз айтар гөрек.

1133. Эй яранлар, мусурманлар!
Болан гөвнүм, болан гөвнүм.
Яланчы паны дүнйөгө
Гөлен гөвнүм, гөлен гөвнүм.

Ышкың тєрабындан доюп,
Ак йүзүне зүлпүн яйып.
Ак гөвсүн гөвсүмө гоюп,
Гөнен, гөвнүм, гөнен, гөвнүм!

Чекдигим жөври-жепадыр.
Сүрдүгим зовкы-сападаыр.
Ялан дүнйө бивепадаыр.
Ыпаң, гөвнүм, ыпаң, гөвнүм!

Көроғлы, дүшдүм кейнине,
Хич ким чыдамаз ойнуна.
Харман Дәли гыз гойнуна
Гирен гөвнүм, гирен гөвнүм. . .

1134. Бу сөзи айдансоң:

Иним, мақсадыңа ет! — дийип, херемхана уграп өтөгитди. Барды херемхананың ишигинден. Агаюнус пери:

— Гелевери! — дийип, элинден тутуп, барып, уссаның гызы биле Кесәни эллешдирип, ёрганлары салып, Көроғлының йүзүнә бакып йылгырып, билеже гайдыбердилер. Уссаның гызы биле Кесе мырадына етип ятыберсин.

XII. БЕЗИРГЕН

1135. Хабары кимден ал? — Агаюнусдан. Көроғлының Агаюнус диен перизат зайыпы Көроғла өз пикиринден гөвни етмезлиги барды. Себаби Харман Дәлинің янына барып гелени, өзүнің хем дашыны еңил-рөк-гөтеримрөк гөрйәди: «Алла жаным, мен саңа өзүмден өзүм гөвниет-мезлик әдип йөрин-ов, ене худая душман болуп йөрөн болмайын» — дийип, бир гүн китап агтармага отурды.

Китабың бир еринде «Хер зайып әрини гөвнүнден дары ялы душман тутян болса, жайы жәхеннем» диен ерини гәрди. «Алла жаным, мениң бу әдип йөршүм кебес әкен-ов» дийип, Көроғлы бир ерден шикардан геленде гуҗаклап, атдан алып, аяғыны ере дегирмән, херемхананың ичинде отуртды. «Көроғлы, сен гөк чай ичермиң, гара ичермиң, гаят ичермиң, набат эзип?».

1136. Мунуң хошаматына Көроғлы ене бирнеме чйшиберди. Агаюнус:

— Алла, Көроғлы, сен мениң шуҗагаз хошаматымы гөтермеднң-ов. Шуңа ене чйшмәге айланышдың.

— Хай, Агаюнус, мен чйшмәни, ким чйшсин? Орян-чапан, әкелйән. Гарачыгма какылман йөрөн адам мен. Сен өзүң бизе зайып болуп, чйш-йәсиң дийип айтмаң доғрумы?

— Көроғлы, мениң гүнәм өтсең, саңа үч-дөрт ағыз сөзүм бар.

— Айыт, өтейин.

— Өтсең, саңа оба гирриги, жувансәер. Саңа әр диймезлер, әрҗагаз диерлер.

— Хай, заңарың бир зайпы! Сениң айыттан гүррүңиң мейдан ерде менденем башга әр гөрйән ялы-ла?! Бизден башга яланчыда болмаз — дийип, муртуны товлап-товлап отурды.

— Көроғлы, муртуңы товлап, өзүңе бат берме. Хич кимден артык-мач иш битирен дөлсиң.

— Мениң битирмедик ишм, яланчыда арманым болмаз.

— Битирен ишлериңи хабар бер, әшдейли.

— Ине мениң битирен ишлерим! — дийип, сазыны голуна алып, бир сөз айтар гөрек.

1137. Он секыз арчын ат мүндүм,
Мүндүм, арманым галмады.

Ниче герчеклери тутдум,
Тутдум, арманым галмады.

Сердар болуп, ёл башладым,
Дербентде ылгал ташладым.
Йыктым, арап ат гошладым,
Чаптым, арманым галмады.

Ысгадым гызыл гүлүнден,
Сормушам ширин дилинден,
Шаду-шекер ак голундан
Ичдим, арманым галмады.

Чандыбилден ат гачырдым,
Еди пилден ок гечирдим,
Беглере шерап ичирдим,
Ичдим, арманым галмады.

Тылла жыга галпаклысын,
Башы самыр телпеклисин,
Көроглы айдар, гулпаклысын.
Сөйдүм, арманым галмады.

1138. Бу сөзи айдандан соң:

— Көроглы, «сөйдүм, арманым галмады, тутдум, арманым галмады».
Бу хич кимден артыкмач иш дөл. Сен чапып, оруп, «алай» дийип, ташлан
дүйёңи гөрөмок. Көроглы, мен саңа әриң сыпатыны айдайын. Әр диениң
бойлары мынар кимин, агызлары оңак кимин, сакаллары келлө урлан
сөвүт кимин, дишлери күрек кимин болса герек. Сениң ялы үч-дөрт адам
онуң ичинде гүррүңдөшип отурса герек!

— Ай, Агаюнус, шу айдан әриң бир махал өтүп гиденми, я хәзир бар
адаммы?

— Бар.

— Ниреде?

— Ак бег оглы Безирген, Салсалың уругундан. Үстүңи басып,
сөвдөгәрчилите он секиз йылдан бәри гечип дур. Сен әр болян болсаң,
ондан пач-зекадың алмазмыдың!

— «Он секиз йылдан бәри понуң о яна—бу яна өтөини билип, нәме
үчин маңа айытмыасың? — дийди Көроглы.

— Айданда, элиңден бир иш гелйән болса, ине айытдым! — дийип,
Көрогла Безиргени хабар берип, бәш келеме сөз айтар герек.

1139. Мес болуп, не сөзлеер сен,
Бар-ха, Көроглы, Көроглы!
Бир мердиң адыны алсаң,
Дур-ха, Көроглы, Көроглы.

Мес болуп, өзүңден гитме,
Чөл ерде сыясаз этме,
Мүхажнесиң пендин тутма,
Бар-ха, Көроглы, Көроглы.

Сен бу гүн этме гуманы,
Дилиңден берме суханы,
Ак бег оглы Безиргени
Гер-ха, Көроглы, Көроглы.

Көроглы, эшитгин мерди,
Тиркишинде үч йүз нерди,
Агаюнус хабар берди,
Сүр-ха, Көроглы, Көроглы.

1140. Бу сөзи эшдип:

— Ай Агаюнус, салгы бермән-ә билдиң, душ этмәнәм билсең.

— Салгы берен адам душам эдер.

Сейир окуп, дырнагына гөзлөп:

— Сапар айың учу гүни, я дәрди гүни гечйә, Көроглы.

Көроглы бу хабары эшдип, мейханасына гелди.

— Кесе, бир көп бар экени.

— Нә көп бар, Көроглы?

— Ак бег оглы Безирген он секиз йылдан бәри үстүмизи басып сөвдәгәрчилигә өтүп дуран экени. Он секиз йылкы пач онда бар экени, Кесе.

— Оны кимден эшитдиң, Көроглы?

— Агаюнусдан.

— Көроглы, сен өзүң мениң диеними этмийәсиң. Мениң диеними әтсәң, шул перизадың сылагыны, хошамадыны етирип дурсаң, хер ваг-тырак чай, темәки пулы тапып берйә. Сен сыра ягына бармыясың.

Кырк йигидини алып, гөлжөк диен гүни ёлуна чыкып өтәгитсин. Гөлип, бир дагың дербендини саклап ятыберсинлер.

— Кесе, сен кырк йигит билән шул ерини саклап ят. Мен еке өзүм Аразың чайының гүзерини саклайын, ондан гечәймесин.

Көроглы Гыр аты бу ерде гоюп, бир паланлы ябыны мүнүп, Аразың чайының гүзерини саклап ятыберсин.

1141. Хабары кимден ал? — Безиргенем шунуң үстүнден гелди. Даңа якын көрвән сеси гелди, гөйә дагың ярыгыңдан чыкан ялы, гүн чыкды. Безирген гөрүнди. Герсе, үч йүз инери бири-бирине тиркәпдир. Дөрт инери бир-бирине зыңжыр бөнт әдил чатышдыр, үстүнә алтын тагт ташлап жүлгәни долдурын гелйә.

Мундан Көроглы горкуп, шатыр-шутур ябыдан дүшүп, ябыны ковуп гойберип, бир хышаның тейине гайым гирди.

1142. Безиргенем бәрсиндән барып, инериң нурбатларыны яздырып, йүклерини дүшүрип, инерлерини ота-сува ковуп гойберип, кетде

ховуз ялы бир чукур газмага айланышыберди. Көроглам хышаның тейинде гөрүп ятыр: «Артыкмажрак йүки бар-ов, ярамаз дүеси-дагысы бар болмага чемели-дә. Шу ерде гөмүп гитжөг-ов. Бу гөмүп гиденсоң, агтарып алып, Агаюнусың янына пажымызы алмадыкмы диерин» дийип ятыр. Бу Безирген-ә оҗак газып йорен экени. Он секиз гулаклы газаны бар, шоны атарып, челек билен дерядан сув алып, долдуруп, ок-яйны алып, о яна—буяна селпәберди: «Кейик-гулан тапылмазмыка, атып иер ялы?» дийип. Яңкы Көроглының ябысы дучакәр гелайды. Ябыны тутуп салды чопан гаңракка басып, дамагыны чалып, бөлүшдирип газана салды. Якыберди оды, бөш-алты баш гайнансоң, чаларак бишен махалында бишмөгә ховлугып, билинден гаманы согруп алып, санма-сан хавҗар билен гөтерип, газандан агзына ташламага айланышды. Дамаклары гулкулдап, аңры дүшени жүңк әдип дүшйә. Гайым бир ябының этини ийип, чорбасынам ичип, мейдандан инерлерини әкелип, овлак-гузы гөтереп ялы, инерлерини дерядан гөтерип гечирмөгә айланышды. Онсоң йүклерини гечирмөгә айланышды.

1143. Ат йүздүрйән Аразың чайы, кө ери габа увлукдан, кө ери уят ерлерини япя, я япанок. Бу янына гечирип, йүклерини уруп, инерлерини тиркәп, ёла рована болуп гидиберди.

Көроглы айытды: «Мениң Көроглыдыгымы нә билйә шу, шунуң билен бөш-алты агыз кеплешип галайын-ла».

Бир махалдан хышаның ашагындан чыкып:

— Ай, Безирген ага, салавмалейким, бәри дур!

Инериң нурбадыны буруп дурды.

— Хан огул, хабарыңы бер.

— Безирген ага, мени Көроглы агам иберди.

— Нәмә дийип иберди?

— Он секиз йыллык пач бойнунда бардыр, өзүнден билип бу йыл гетирип бийр, гелҗек йыл гетирип бийр дийип, тама эдиб-ә ятдык. Ол тамамыз-а Безиргенден чыкмады. Шол паҗы сенден берип иберсин — дийип мени иберди.

1144. — Ай, хан огул, хөпделик, он гүнлүк илер янындан, гайра янындан совлуп гечйәдим хемише. Шу йыл ығбалымдан нәмә болса гөрөйин дийип догрулап гелшим. Зекат герек болса, агаң өзи гелип алсын.

— Көроглы агам бир ганхор адамдыр, мендеңжик берип гойберберсен-е.

— Сен Көроглының нәмеси?

— Мен йылкыбан чопаны.

— Көроглы билен уруш әдеминде, сениң ялы адам арада ёлда өлүп галар, яйыл!

Көроглы ичинден айытды: «Шунуң гүйжүни бир сынайын-ла».

— Безирген ага, мениң Көроглы агамың Испыхандан гетиреп яйы шу. Шу яйы чексең-ә, агам билен гүйжүң дең гелйә. Болмаса, деррөв дүшүп, зекаты санабер.

— Алып бер бу яна яйы!

1145. Яйы элине алып берди. «Бу яйда бир дога бар. Шол доганы

билең адам чекйә. Болмаса, кырк пыгамбернң гүйжә бириксе-де, чекип билмийә». Безиргенем билйән экен муны. Догасыны оқып, яйы шатыр-дадып чекиберди, ики башы эпленип, бири-бирине етип гелйә яйың.

— Ай, Безирген ага, агамың төхмедине гойдуң, ташлавери бәри?

— Ай, агаң өзи геленде алар-да — дийип, хатаба гысдырайды.

— Безирген ага, мениң элимден яйымы алма.

— Аланда нәтйә?

1146. — Хемин заман Көроғлы агам кырк йигиди билең гелер. Саңа айдар: «Заңар Безирген, гоч йигидиң атына-ярагына өлдүрип әе борлар. Хер гезип йөрөн догманың элинден алдап яраг алынчаң, топрак башыңа!» дийип айдар. Сен оңа ызайсаң гөрөк.

— Алла, раст айтд-ов би, ал-ов яйыңы — дийип, зыңып иберди.

Көроғлы яйы алды-да гайдыберди. Гелди йигитлериниң янына.

Көсе айытды:

— Көроғлы, аждар гөрдүңми, шир гөрдүңми? Ганың гачыпдыр-ла! Ханы ябы?

— Көсе, ябыдан гечдик, аждар, шир гөрөнче-де болдук. Аман-саг гайдыберенден говусы ёк, Көсе — дийип, йигитлерине гарап:

1147. Учрадым Араз чайында,
Мен Безиргене учрадым.
Бисәхет сапар айында
Мен Безиргене учрадым.

Араздан гечди аягы,
Галкана меңзәр гулагы,
Дөвлере меңзәр сыягы,
Зор Безиргене учрадым.

Нәлер берк этдим жайымы,
Ят әдейин худаиымы,
Тас сындырышды яйымы,
Күрт Безиргене учрадым.

Үч йүз нери бар гошунда,
Алтын гупбасы башында,
Безирген отуз яшында,
Яш Безиргене учрадым.

Гелиң, бөгләр, нәден ятшы,
Бир маслахат әден ятшы.
Көроғлы айдар, гайдан ятшы,
Зор Безиргене учрадым.

1148. Көроғлы бу сөзи айдансоң, Көсе айытды:

— Көроғлы, сен әхтиячлы йигид-ов. Бир ерде горкакчылык гөрөк бор дийип өвренип гоян-ов.

— Көсе, горкакчылыгың иши дәл, аман-сағ гайдандан говусы ёк.
— Мунуң атасы Ады бег солтана-да хызмат әдипдик. Шулар ялы агзымыз аша етөнде, онуңам бир кеп тапмасы барды — дийип, Өвез жана кеп макуллады.

— Өвез жан, бу сениң диениңден чыкмыя, шуны бир атар. Булар ялы олжа, булар ялы мал әр өмрүнде я бир саташы, я ики саташы. Шуны бир алма алажыны әдейин.

1149. Өвез жан гелип арз этди.

— Ага, шуңа хер задам болса, бир атланайлы.

— Ай, Өвез жан, гайрыша тутасың, атлансаң-а атланарыс, әмма дес бермез.

Кырк йигидини алып, ёлуна чыкып гидиберсинлер, гелип өңүни габатлап, бир гүзери саклап ятыберсинлер. Гижаңиң ичинде «хайт» диен авазы Көсәниң гулагына дегйө.

— Көроғлы, аждар бамы, шир бамы, бир якымсыз товуш барла?

— Безиргениң товшы, Көсе.

— О-хо, товшы не бөла экен-ов!

1150. Гүн чыкды, Безирген гөрүнди. Көсе гәрди:

— Көроғлы, шунуң кадды каматы ясалышымы, я үссүне чадыр гурап гелйәми.

— Ясалышы, Көсе.

— Алла, Көроғлы, айданыңча бар экен, гөрүнмөн гайдыберсек, нөдеркә хәлли?

— Заңңар Көсе, озал айданымда, гулак асмыясың. Инди дүйә мүнүп, хатаба букжак болямың? Инди мунуң гөзүне гөрнүп гайтсаң, индики сапар галаның ичинден гечиң, инерлерини гарныңа басдырып гечер. Сүрүң, мунуң билен бир ялы болмак герекир! — дийип, ыңдарып өтөгитсинлер.

1151. Безиргенем гәрди муны: «Яңкы йлыкы чопаныны өлдүрсәм болжак экен-ә, барып хабар берипдир. Гел, хер задам болса, багт ишидир, Безирген. «Ишиңи яман сан, ягшы чыкса—ыгбалыңа» диенлери. Билип болмаз, ажалым етип өласам, ёлуң үстүнде лөшим серлип галмасын» — дийип, Арәулум дагына гаршы инериң нурбадыны айлаберди.

Көроғлам гаршысына гечиң:

Ёл бейледе, сен нирә барясың? — дийип, сазы голуна алып, Безиргенә гарап, бөш келеме сөз айтар:

1152. Сапайын ссзулдың ёлдан,
Гайыт-ха, Безирген, ёл мунда!
Ат саларын сагы-солдан,
Гайыт-ха, Безирген, ёл мунда.

Мен бир шах мен, тәжим бардыр,
Ватандан хыражым бардыр,
Он секиз йыл пажым бардыр,
Гайыт-ха, Безирген, ёл мунда.

Мөйдандан ибермен сени,
Танымай өтдүңми мени?
Гел паңың бер . . .
Гайыт-а, Безирген, ёл мунда.

Көроғлы дүңйә эрикдир,
Хан Өвез гелен гөрүкдир,
Арзулум ёлы берикдир,
Гайыт-ха, Безирген, ёл мунда.

1153. Бу сөзи айданы билен кимә диййәрсиң диенок. Баря, тап дүелә ит үйрен ялы.

Көсө айытды:

— Көроғлы, бу айданңа гулак асмады, шуңа ямаштандан паңым бер! — дийип гатырага-да бир сөз айыт. Берсе—берәни, бермесе—басым гайдайлы.

Көроғлы ёлуң үстүнде кесериң дуруп:

— Хав, заңңар Безирген, мениң келиме нәме үчин гулак асмыясың? Мени адам санында гөрйәмиң, гөрмийәмиң? — дийип, пач сорап, Көроғлы бир сөз айдя. Безиргенем «пач бермерин» дийип жоғап берйә.

1154. — Менем гелдим Чандыбилден,
Гел, паңым бер, Ак бег оглы!
Ат салынар сагы-солдан,
Гел, паңым бер, Ак бег оглы.

— Сенем гелсең Чандыбилден,
Саңа мал бермен, Көроғлы!
Элиңде абрайың барка,
Саңа гит дийр мен, Көроғлы!

— Кырк йигит бирден ат салар,
Эглендирмей сериң алар,
Үч йүз нериң bize галар,
Гел, паңым бер, Ак бег оглы.

— Кырк йигит мейдан ишидир,
Гайгы билен әндишедир,
Йигитлер гөйә пешедир,
Саңа зат бермен, Көроғлы.

— Гөч йигидиң бир сөзүнден,
Гел гулак тут пыганыңдан,
Болмаса бер зекадыңдан,
Гел, паңым бер, Ак бег оглы.

— Алланың кереми чохдыр,
Сагдагымда сегсен окдур.
Зекат ерне хушүр ёкдур,
Саңа зат бермен, Көроглы.

— Өзүм Көроглы болар мен,
Сенден зекадым алар мен,
Басып, дамагың чалар мен!
Гел, пажым бер, Ак бег оглы.

— Гоч йигидиң мейдан мести,
Сени өлдүрмекде касты,
Безиргениң еке дести,
Саңа пач бермен, Көроглы.

1155. Бу сөзи айданы биленем зат бермеди.

— Көсе, айдан-диенимиз билен бержек зады ёк муңуң.

— Болмаса гайдыбирис-дө, Көроглы.

— Ёк, гайтмаг-а болмаз, Көсе.

— Болмаса, нәме иш этжек?

— Мениң этжек ишим йигримиден, йигримиден ики бөлүнип, найза билен инерден бир агдарайлың. Онсоң ере дүшенсоң, бир гөрейли, бакалы, инериң үстүндө дест бержек дәл.

1156. Йигримиден-йигримиден ики бөлүнип, ярсы бу янына, ярсы ол янына гечибердилер. Деслап Көсе йигрими йигит билен тыгырып ат гоиды, найзаны япырып. Якын гелиберенде, Безиргенем инериң үстүндө голуны бир көвлөндирди. Йигримисиниң найзасыны эпләп, голтугына алайды. Бу янданам Көроглының дехеси гелди, муңа-да бир элини айлады. Муңуңам йигримисиниң найзасыны голтугына алды. Көроглының аты чөкдирмән, инериң янына якын гелди. Безиргениңем ики гөзи Көроглыда. Инериң үстүндө Көроглының үстүнө дикине зыңыберди. Дерреватдан агдарып, тейине басды. Кырк йигит басылып өтөгитди.

Өвез жан ат гоюп, Көсәниң ызындан етди.

— Ай Көсе, агам галды-ла, атың жылавын чексене!

— Бай, Өвез жан, сенем жыңлы болупсың. Шул Боздуманың шовлумдыгыны хәли билеңокмы? Арап даңанда, отуз бир таякда гызан Боздуман шу вагтлар шовлум болупдыр.

— Сейтек Гырма, сен чексене атыңы!

— Бизиң атың сувлугы чыкыпдыр.

Биллигимиз, келлекимиз үзүлипдир дийип, хер гайсы бир кеп тапып, дагап өтөгитдилер.

— Хай, заңар Көроглы, эртирден бәри пажым бер, онымы бер, мунымы бер — дийип, ёлума чыкып эгләп дурсың. Ине болшуң-да шул!

1157. Көроглы ятан еринде бир йыглады, бир гүлди.

— Хав, Көроглы, мен сени өлдүржек болуп ятырын. Йыгланың, гүлениң байсыны айыт.

— Безирген ага, гүленимнің байсыны айыттым. Мениң Агаюнус диен перизат зайыпым барды, онуң янында дашгындап бир алты агыз гүррүң айыттым. Саңа әр диймезлер, «әржағаз» дийип айдарлар дийди маңа. Мениң оңа гахарым гелди. Әр диениң ничик боля диенимде, сени салгы берди. Сен онуң салгы берениненем зоррак гелдің. Оңа гүлдүм. Ыйгланымның байсыны айытсам, мен бир еке-ялғыз йигит мен. Менде оғулда болмаз, ғыз-да, аға-да болмаз, ини-де. Сениң [ялы] герчек гөч йигит билен дост-доған болмадым. Бу ерде ажалым етип, сениң элиңден өлегайсам, юрдум көр ожақ гечжек. Шоңа йығладым.

1158. Шейле диенде, Безиргениң эли-аягы бошайды.

— Алла, Көроғлы, мен-ә сени олдүржекдим—болмады. Сен бир еке-ялғыз йигит экениң. Мен-де сениң ялы еке-ялғыз йигит мен. Доғанлығы орта салдың, доған болайлы! — дийип, Көроғлының үстүнден айрылды.

Доған оқышып, чай-чөрек бедессур кылып, гүррүңлешип отурдылар.

— Безирген ага, бизиң билен доған болсаң, бизиң гала гидейли. Бәш — алты гүн бизиң хеззет-сылағымызы гөрүң, дем-дынжыңы алып гайт.

1159. Безирген ичинден ойланды: «Алла, көнелерден галмадық накыл ёк: «Жалатайың белли ығраы болмаз» диенлери. Доған болсам, мунуң билен болупдырын, кырк йигиди билен болупмыдырын мен? Барсам галасына, бир гүн әхтиячлы боларын. Соң-соң әхтияжам гидер, ярағларам хер хайсы бир яңа дүшер. Булар кырк, мен еке. Бир тама салып, оғурлык мал соян ялы, сойсалар мени, гөл шуңа ынанмайын» дийип:

— Хав Көроғлы, мен ёла чыкыпдырын, ызыма гайытмайын инди. Гелжек сапар геченимде гелейин. Өвез жаныңа, кырк йигидиңе баш-аяк серпайым билен абрайлы болуп гелейин.

1160. Көроғлам «ынанма-да» дийип дур.

— Хайыр, яғшы, Безирген ага, индики сапар гелениңде гелевери, хош! — дийип, туруберди.

Безирген айытды:

— Көроғлы, әнтеқ отур бир селлем. Олжалы боларын дийип, умыт билен гелипсиң, наумыт гайытма — дийип, хатаңдан авғаны алып, бәш йүз түмен тылланы санап салып, хошлашып, Көроғлы гайдыберди.

Кырк йигидем басылып, бир оя гелип, «алла, ничик болдука?» дийшип дурдулар. Ине Көроғлы пиядалап барды берден. «Көроғлы, аман-саг гелдиңми?» дийшибердилер.

Бу-да бир гөгеримрәк адам:

— Аман-саг гелмән нәм болупдыр маңа?

— Безирген үстүңе мынара ялы болуп йыкылмадымы ахыры?

1161. — Безирген-ә үстүме йыкылды, йигитлер. Раст гайрат-гүйжүми гетирип, турдум еримден. Тутдум якасыңдан. Олам тутды якамдан. Гойдук юмругы, гойдук юмругы. Бир мейдан юмруклашансоң, семиз тосун адам чишип, йүзүме гөзләп дуруберди. Ол янына гечип ур, буянына гечип ур. Өзүм уруп, өзүм хумардан чыктым. Онсоң менден әжіз гелип, горкужығна, ынха бәш йүз түмен тылла берди.

Хажы Сумсар айытды:

— Уллакан адам көбек бор дийип эшденим чын экен-ов.

Бели Хыртман айытды:

— Хәли даш гитдими ол заңдар?

1162. «Атлан-ха атлан» болубердилер. Көроглы менден әжиз гелди диенсоң, хеммеси дөв чылла болубердилер.

Көроглы айытды:

— Хав йигитлер, биз-ә атлана билжек дәл. Онуң бәш йүз түмен тылласыны алып, гайытжак боланымда-да, доган болуп гайытдым.

— Доган болса сениң билен болупдыр, өзүмиз елдүрмийәсми! — дийип, дызыншып дүрлар.

— Ёк, йигитлер, биз атлана билжек дәл.

Өвез жаңа ене айыт дийдилер.

— Мен гайта-гайта агама сөз айытмага йүзүм чыдамыя.

Шул ерде кырк йигидиниң диенни этмән, Көроглы дөнүп гайдыберди.

1163. Хабары кимден ал? — Көроглының бир ерде бир махал эне-огул болуп гиден кемпири барды. Хер вагт олжасы боланда бир теңде, ики теңде нас пулы ташлап гечйәди. «Олжам кән болмаса-да, азрак болды. Шуна бир-ики теңде ташлап гечейинле. Кән махалдан бери хабар аламак-дым» — дийип, кемпириң үстүнден сүрди.

Бу кемпири тарып этсек, ягырысы хөкги, бойны бокур, ики дызы гулагындан гечип дуран. Өзи шор тумшук, бетнышан, бииман. Шер иши тапса, хайыр ише дахыл болмыяды. Адына-да Зейнел кемпир дьерди.

1164. Көроглы сүрүп гелди үстүнден. Атыны баглап, салам берип, чатмасына гелди. Аманлык-әсенлик сорашып:

— Хай, оглум, ёл болсун!

— Худай берсе, бол болсун.

— Нирден гелйәң?

— Безиргениң үстүнден гелйән.

— Нәме иш әдип гайтдың Безирген билен, оглум?

— Безиргениң бәш йүз түмен тылласыны алып, доган болуп гайыт-дым.

Шейле диенниңден, кемпир хемме ерлеринден буруп-буруп алыберди.

— Оглум, багтың ятды дийсене, ишиң гайтды дийсене, юрт гитди дийсене!

— Нәм болды, эне жан?

— Оглум, алмасаң ынжалмарсың, оглум — дийип, он секиз чархың перригинден бир дутары барды, дутарыны алып, гарры әмжегиң үстүнде гоюп, Көрогла гарап:

1165. Ол күпбар әхлиниң ыграры болмаз,
Гелсе, юрдуң харап әдер Безирген.
Онуң ыграрында дутары болмаз,
Гелсе, юрдуң харап әдер Безирген.

Бир гүни гелеңдир ол шәхри яна,
Перизадың ашык болды гайбана,
Оны ибермегил ол Гүржүстана.
Гелсе, юрдуң харап әдер Безирген.

Бедевиң харладып ызындан баргын,
Несибе-тагдыры етешсөң гөргүн,
Өзүни өлдүрип, малыны алгын,
Гелсе, юрдуң харап әдер Безирген.

Зейнел кемпир дийрлер мениң адыма,
Ол күпбар етмесин гөвүн шадына,
Яйың оқы дегип, берсин дадына,
Гелсе, перизадың алар Безирген.

1166. Бу сөзи айдандан соң, Көроғлының гөвни бөлүнди: «Алла, шейле бормыка?».

— Гүмансыратма, оглум!

Кырк йигидем Көроғлының гөвнүниң бөлүненини билип, «Мен айытма-дыммы?» болушыбердилер.

1167. Көроғлы кемпириң диенине гидип, ямашгандан ковуп гидиберсин. Айланып, өңүни габатлап ятыберсинлер.

— Көсе, доган болуп, гөз-гөртеле гөзүне гөрнүп өлдүрип болмаз. Аллав билен алма алажыны әдейли — дийип ятыберсинлер.

1168. Адама нәме гелсе мен-менликден гелйә. Безирген-дө: «Яланчыда бир душманың Көроғлыды, онуң биленем доган болдуң. Инди мен инерден йыкылып өләймесем, ажал ёк!» дийип, инериң үстүнде гурсагын шемала тутуп, уклап гелйәрди.

Көроғлы шуңа үч оқы жемледі; бир оқы яя долдурды, бир окам яй билен биле тутды, бир окам агзына дишледі. Яя долдуран окуны атып иберди, дегди гурсагындан, оянмады. Яй билен биле тутуп барян окуны атды, о-да дегди. Агзына дишлөп дуран окунаи атды. Үч ок бир ерден дегди. Безирген мынара гайдан ялы инериң үстүнден гайдыберди. Ок ат, ок ат. . . Көроғлам инериң янына якын баран әжени. Шол келөвлөп гел-йәкә, Безиргениң элине Көроғлы ене иләйди. Габыр-губур ериң тейне салды. Кырк йигит басылып өтәгитди, шарпа-шарп.

Көроғлыны тейне салып, танаиан бөш келеме сөз айытды.

1169. Бимахал гелдиң яныма,
Хер бир башда өлүм бардыр.
Боядың гызыл ганыма,
Ялгыз башда зулум бардыр.

Арзулума ковуп етен,
Яка бир ян чалып тутан,
Доганлык арадан етен,
Көроғлы атлы агам бардыр.

Гиҗелер доган ай болан,
Аты, эсбабы шай болан,
Урушда мүңе тай болан.
Айсолтан диен сиңлим бардыр.

Арманлы өлдүң, Безирген,
Догры гелсен, өтөр мен ган,
Мухаммеди ахыр-заман,
Улуг пыгаммерим бардыр.

1170. Бу айдансоң:

— Сен кимсиң?

— Мен Көроглыдырын.

— Заңнар-а, деслапда гөвнүмө гелипди, жалатайың ыграры болмаз дийип, шол гөвнүмө гелени болды, Көроглы!

— Ёк, Безирген ага, мен сени билмен османлының сөвдегәриямкә дийип атдым.

— Билсең-де, этдиң шу иши, билмесең-де. Көроглы, сени өлдүрейип дийсем, хәлем өлдирлик табым бар, бир шапбатда өлдүрйән сени! Сени өлдүреним билен мен дирилмийән. Мениң нәм болжагым болды. Йүзи гарачылык саңа галсын! Мен шу мертлигимде дурайын. Бир иши этдиң, саңа сөзүм, Көроглы: шул ёлуң үстүндө ләшим серилип галмасын, ёлдан чыкарып топрага дулавери. Онсоңам Айсолтан диен сиңлим бардыр. Онуң Гарахан дөв диен ягысы бардыр. Шоңа пейдаң дегип, шол беласыны деп әдевери. Онсоңам мени тарып әдиң, бир нама гайравери.

Безиргениң тейинде Көроглы айдар.

1171. Уграп гелдиң Гүржүстаның илинден,
Агалар агасы бөгдир Безирген!
Гүржүстан илиниң ханы, солтаны,
Пенжеси арсланың шири Безирген.

Бедевиң уградып пелең поссуна,
Диңлемәни белендине, пессине.
Ат ойнадып гелдим өзүм үссүне,
Бизи мерде саймаз, ойнар Безирген.

Бады-саба еллер гелип өвсүлди,
Багрым башы гөз-гөз болуп сөкүлди.
Галарак отургын, гөврәм гысылды,
Үч гапыргам бирден сынды, Безирген.

Эгнине гейипдир самырдан гәрки,
Башына гейипдир бекдашы берки.
Көроглы бег сөзләр бир ниче түрки,
Баш йүз түмен ынгам бердиң, Безирген!

1172. Бу сөзи айдынча, Безиргениң гөзүниң агы-сарысы гатынды. Көроглы үч оқы демине чекип алды. Ок чыкды, Безиргениң жанам чыкды.

Көроглы еринден туруп, бейик депәниң үстүне чыкып, йигитлерини чагырды. Булар-да мунуң тавышыны эшди: «Безиргени алып, ози аман-саг галышдыр мунуң, тавшы белентден гелйә» дийип сүрүбердилер.

Гелселер, Безиргени алышдыр. Көсө малларыны долап алып, Боз думаны о ян—бу ян чапә.

— Көсө, доган болуп, намартчылык эдиң өлдүрдик. Мунуң бизе айдан ики агыз весъети: шул ёлуң үстүндө ләши серлип галмасын, аңырага чыкарып, топрага дувлаң.

— Көроглы, сенем жылы болупсың-а. Бу эйле-бейле чукаллага сытмы? Ишиңи түкедишсиң-ле сенем!

Көпчүлик, түркменчилик өзүңе белли. Мунуң диенини этмән, Безиргениң мал-дүйөсини алып гайдыбердилер.

1173. Хабары кимден ал? — Агаюнусдан. Болян ишлериң хеммесини дырнагында гөрүп отыр. Көроглы бир ерден геленде гуҷаклап, атдан дүшүрйөди. Атдан дүшүржөк болуп, гапыргасындан гатырак гысыберди.

Көроглам:

— Хайыт, хайыт, Агаюнус!

— Нәме болды, Көроглы?

— Агаюнус, шул Гыр атың гылыгыны билмийәмиң? Ёлда үркүп йыкды. Үч-дөрт гапыргам дөвүлдимикә диййән.

— Көроглы, Гыр ат сени үчүңдө, дөрдүңдө йыкман, айланып гелип, сары диш, сары дабан болансоң йыкямы сени? Безирген билең дост болдуң, доган болдуң. Шор тумшук кемпириң диенине гидип, әхдиңи позуп, ол бичәрәни уклап ятырка, атып өлдүрдиң. Үстүңе йыкылды, гапыргаларың шонда дөвүлди!

1174. Көроглы ер дымалап отыр.

— Иң соңуңда сениң ялы адам шулар ялы бичәрәни шейдер! . . — дийип, Безирген дей бичәрәни нейледиң дийип, бәш келеме сөз айтар герек¹.

Бу сөзи айдан соң:

— Агаюнус, гараз бир бок йимекчилик болды-да. . .

— Көроглы, мунуң мал-дүйөсини галаңа салма. Бун бир болуп гелсе, таңла он болуп гидер. Шул дуршуна юрдуна гойбер. Безиргениң маслыгынам галаның кыбла янында ерлешдир. Күммет салдыр. Алтындан туг тик. Ол кемпирем ене бир әнтек затлара себәп болмака, сыха отурт! Болмаса сениң билең кән агзыбирлигимиз ёк!

1175. Кырк йигидиниң янына гелип:

— Көсө, бизиң ол айдаларымызы Агаюнус этжөк дәл. Мал-дүйөсини юрдуна говшурма әнжамыны эдиң.

Кырк йигидинден малларыны шул дуршуна гойберип, Безиргенем гетирип, галаның кыбла янында жыназа оқып, ерлешдирип, күммет салдырып, алтындан туг тикип, кемпириңем сачындан тутуп, ызгыдып-ызгыдып, бир уллакан базар ёлуң үстүндө, көприниң агзында сыхы тикип

«Хер ким шугулчылык этсе, шулар ялы боля» дийип, гөрене гөз, эшдене гулак эдип, диң ашаклыгына сыха ташлады.

1176. Кемпирин жаны жәхеннем базарына гитди. Өтен базарча ыр чайып галыберсин.

Гелди Көроглы галасына.

— Ханы, Көроглы, битирдиңми яңкы айданларымы?

— Битирдим, Агаюнус.

— Ханы битирен болсаң, мертлигиңи-намартлыгыңи инди бир хабар бер эшдейли!

— Хайыр, ягшы — дийип, Безиргени мерт эдип, өзүни намарт эдип перизада гарап, бир сөз айдар герек.

1177. Сөзүм айтдым, перизадым,
Муззур Көроглы мен болдум. . .
Бир ниче сүрдүм довраңлар,
Намарт Көроглы мен болдум.

Дагыстанда ковуң етдим,
Яка бир ян чалың тутдум,
Доган дийип, алдадым, атдым,
Муззур Көроглы мен болдум.

Гөч йигитлер сүрсүн дөвран,
Бун паны дүнъе бишеян,
Өлдүремсөң, этдим пушман,
Гарышмар Көроглы мен болдум. . .

Билмедим, етдим, өлдүрдим,
Гөзүми гана долдурдым,
Алтын күмбезлер салдырдым,
Жомарт Көроглы мен болдум.

Көроглы, паныга гелдим,
Паны өтерини билдим,
Айсолтана гандар болдум,
Ганхор Көроглы мен болдум. . .

1178. Бу сөзи айдансоң:

— Көроглы, сөзүң орнуна дүшен экени. . .

Булар бу ерде карар тутуп болуберсинлер.

Инди хабары кимден ал? — Кырк йигитден. Аз йөрөп, көп йөрөп, «өл узак, көп гысгасы ягшы», сүрүп, Безиргениң юрдуна бардылар. Бәри янындан баранларында:

— Көсө, мунуң маслахадын тап!

— Мунуң маслахадын таптым. Мениң диеними этсеңиз, элицизи йүзүңизе тутуп, улы ил билен аглап барыбериң.

Безиргениң сарайына якын барыберенде, кырк йигит элини йүзүне тутуп, сес эдиң бардылар.

1179. Хабары кимден ал? — Айсолтандан. «Бу не галмагалка?» дийип, дашары чыкса, агасының маллары. Айсолтан өңүнден чыкып:

— Ай йигитлер, гоюң сесиңизи, бериң хабарыңызы! Ханы бу малларың эеси? — дийип, кырк йигитден сорап, зар-зар йыглап, бир сөз айдар гөрөк.

1180. Гурбаның болайын, ээиз мыхманым,
Малымың эеси Безирген ханы?
Ширин жаным болсун сениң гурбаның!
Мүлкүмүң эеси Безирген ханы?

Мен озал горкуптым гөрөн дүйшүмдөң,
Билмен не сөвдалар гөчди башымдан...
Мен айрылдым алгыр шуңкар гушумдан?
Мүлкүмүң эеси Безирген ханы?

Мениң агам бир ерлерде өлдүмү?
Саралыбан, гүл меңизи солдуму?
Ол ерлерде мазар болуп галдымы?
Жанымың эеси Безирген ханы?

Айсолтан гыз дийрлер мениң адыма,
Бир ах урсам, өлөм янар одума,
Зар йыглайып, агам дүшөр ядыма,
Башымың эеси Безирген ханы?

1181. Бу сөзи айдансоң, Кесе айытды:

— Сен ким?

— Мен Безиргениң Айсолтан диен начар доганы.

— Сен начар доганы болсаң, биз Көроглының кырк йигиди. Сениң доганың Көроглы билең дост болды, доган болды. Дем-дынч алайын дийип, Көроглының галасына барды. Бөш-алты гүн боландан соң, шол ерде агаңа жүм-жүмө диен кесел дегип, казасы етип өлди. Онсоң Көроглы бизлерден мал-дүйөсини берип гөйбөрдү, элтип бер дийип. Ынха агаңың маллары, Айсолтан!

Мал-дүйө гозгалман барансоң, муңа гүвө болды-да дуруберди.

1182. Айсолтан бу хабары эшдиң, бир награ чекиң, эссинден гидип, бир сагатдан эссине телип, начарчылык Кесениң мекирине, алдавына ынанып, бир мымандарчылык эдиң, Көрогла-да салам айдып, булары атарып гөйбериберсин. Гелдилер Чардаглы Чандыбиле.

— Кесе, аман-саг гелдиңизми?

— Гелдик, Көроглы.

— Неме кеп, неме сөзлөр бар?

— Көп, Көроғлы, хиле-мекір билеп-ә малларыны говшурдым. Эмма Айсолтан диен бир доғашы бар экени. Мениң шул көшм билеп дуйман галса галаны; әгер дуйса, галамыз башымыз азындан болаңак. . .

— Хайыр, яғшы, Көсе. Говшурмы гайдан болсаң, алаңы болар-да. Булар бу ерде карар тутуберсин.

1183. Хабары кимден ал? — Айсолтаңдан.

Баш-он гүн геченсоң, ол ерден—бу ерден гулагына совук-селкирәк гүррүң дегиберди. Онсоң галама-гала жар чекдирмәге айланышды. «Безиргениң өз ажалына өленини, адам өлдүренини билйән бармы?» дийип, жарчы ғысырмаға айланышды. Муны Айсолтаның юрдуның еше бир сөздөгәри билйән экени. Көроғлы муны өлдүрән махалышда, гапдалышдан гөрүнмән букуп гечен экени. «Совук хабары айытмак кын боля» дийип, гезип йөрөп экени. Йар чекиленсоң, гелди Айсолтаның янына:

— Сен ағаңы жар чекдирип, сорап, азара галып йөрме. Сениң ағаңы Чардағлы Чандыбилде Көроғлы сүнни палаң дағда атып өлдүрди.

1184. Бу хабары эшиди, нағра чекип, эссинден гидиң, баз хушуна гелип, йыглап отурды. Онсоң ойланды: «Көп йыгланымда, ағам гайдың гелйәми?»

Мунуң юрдуның хепделик гайра янында Хинд шәхери диен бир шәхер барды. Онуң хәкимине Гарахан дөв диййәрди. Бу-да Айсолтана ашыкды. Безиргенден горкусына гелибилмән йөрди. «Ағамың өленини эшитсе, бир сағада гоймаз-да мени алар. Оңа рова болашымдан, асман ачаным яғшы. Мен-де шу яңда ағамың ганыны я алайын, я олейин!» — дийип, ағасының атындан пәкизе бир аты гестирип, бир гылдан әерләп, өзем әркек лыбасыны гейип, аты мүңүп, батыр ярағларыны дақышып, бирдесиң Чардағлы Чандыбил чүв гойды.

1185. Хабары Көроғлыдан ал! — Доғап болуң, әхдини бозуң, өлдүрениниң хапачылығы. Мал-дүнйәсиниң, сиңмәниниң хапачылығы. Шул ятышына арадап кырк гүн гечирән экени.

— Көсе, хапачылыкта көп ятдык. Гуша-шикәре гидейлиң.

Кырк йигидини алып, гуша-шикәре чыкды Көроғлы. Бир агшам дагыстанда болдулар. Эртеси гүн чыканда, еше атландылар. Бир махалдан гүн чыкардан атлы гөрүңди. Хажы Сумсар горди муны.

— Хав йигитлер, бейләңизе гозләң. Бизиң ат-овазымыз бу яңдан бисакал оглан гелйә.

Таймаз бег айытды:

1186. — Йигитлер, бидерек кешлемәң. Өзи дагыстаң, гүңүң-де чыкан махалы. Бу вагтлар Хыдыр-Йляс, Ковус-Кыяс гезсе терек бу ерлерде.

Онда Көсе айыты:

— Хыдыр-Йляс, Ковус-Кыяс дийдиң. Шул пәкизелигине гәрә биз муштиеклериң бири болса-да, бизе худай берди.

Айсолтан-да сес етер ялы мейдана гелди. Атың жылавыны чекип, салам берип дуруберди. Көроғлы саламыны алып:

— Яғшы йигит, хабарыңы бер!

Шөл ерде Айсолтан аркасындаң дутары алып, Көроғла гарап, бир сөз айтар герек.

1187. Гаршым алып дуран йигит!
Көроғлыны билерми сен?
Арзым эшит, рөйхан йигит!
Шол залымдан билерми сен?

Йүрегим одун өчүрен,
Аклы-хушумы гачыран,
Агамың юрдун гөчүрен,
Көроғлыдан билерми сен?

Атымы мейдан угратсам,
Бир мердин этегин тутсам,
Я өлдүрүп, өзүм өлсем,
Шол залымдан билдинми сен?

Душманларымы гүлдүрен,
Гызыл йүзүм солдуран,
Ялңыз агамы өлдүрөн
Шол залымдан билдинми сен?

Айсолтан дийр арзы-халым,
Өлдүрсем, совымаз жаным,
Бардыр Көроғлыда ганым!
Гандарымы билерми сен?

1188. Бу сөз айдаңдан соң, Көроғлы Айсолтан диеңде, сүңңи сыады.
Зат билмедик киши болуп:

— Ав, ягшы йигит, «Айсолтан», «Көроғлы» диййәсиң. Сен хабарыңы маңа дилден беян эт. Сен ким?

— Мен Безиргениң Айсолтан диең начар доганы.

— Безиргениң Айсолтан диең начар доганы бар дийип, эшдиң йөрдүк, шомы сен, ягшы йигит?

— Ягшы йигит дийип, кән агзыңы созуберме!

— Нә билейли? Донлы-телпекли, атлы-ярағлы болансоң, ягшы йигит диййәс. Айсолтандығыңы инди билдик. Ханы, Айсолтан, нә жайлы чыкдың?

— Шол Көроғлы мениң агамы өлдүрүпдир, шовдан ганымы алмага чыктым.

1189. Булар-да бири-бирине дүшби. Көроғлы Кәсә гөзүни гыпып:

— Кәсә!

— Хә.

— Биз-ә онуң билең кән көплешмедик. Сен бирнөмө мыды-мыды гүррүң этйәдиң. Ол аламанчылыга гидиңди. Ниче гүнде гелжәгини саңа айдышмыды?

— Айдышды.

— Ниче гүнде гелжәк дийиңди?

— Олжа гызыпсам-а, алтмыш гүн, болмаса-да, кырк-элли гүнде телериң дийипди.

— Айсолтан, Көроглының кырк йигид-э бизлер. Сениң ағаң билен дост болды. Өхдини бозуп өлдүрди. Биз-дө онсоң өйкеледик. Хеминше сиймөгө гидениңде-де, ызындан галмыядык. Бизе гахар эдип, еке өзи аламанчылыга гитди. Сениңем шондан шуңа хеләк болуп гелишиң, онуңам өйде болмышы.

— Ниңе гүнде гелжөк дийипдир?

— Олжа гызыберсем, алтмыш гүн, болмаса, кырк-элли гүн дийипдир.

— Алтмыш йыллап ятышым шу! — дийди.

1190. Көроглы ичинден айтыды: «Гачып, үлкө чыкмасам болжак дөл. . .» дийди.

— Көроглы галасында боланда, ағаң ганыны алабилжөкми?

— Алабилмесем, агамдан говумы, өлмөнө башарың.

Айсолтанам бара мерт сөз айыты. Көроглы ичинден айтыды: «Шунуң гүйжүни бир сынайын-ла!».

1191. — Айсолтан, Көроглы билен ат үстүндө найзабазлык эдердик. Найзаның өкжөси билен кө ол мени атдан агдарарды, кө мен оны. Икмиизин гүйжүмиз деңди. Икмииз бир ат үстүндө бир найзабазлык әдейли. Менден гүйжүң зор гелсе, ятсаң ят, турсаң тур, ыгтыярың. Менден әжиз гелсең, ятыбам йөрме, турубам, дос-догры гайдыбер ызыңа.

Айсолтан «гел, бәри!» дийди. «Сен гач-ха, сен гач!» болубердилер. Көроглы өңүни башлап гачыберди. Айсолтан ызындан етип, урды найзаның өкжөси билен — Көроглыны атдан агдарды.

Айсолтан өңүни башлап гачыберди. Көроглы ызындан етип уря найзаны, бир гымшасын-ла, әере чүйленен ялы.

— Ат үстүндө гүйжүң-э зор экени. Икмииз гөрешем тутуп гөрөйли.

1192. Икиси гуҷаклашып гөрөшип гидибердилер. Айсолтан Көроглыны сыртына чекип, айлап-айлап, япды ериң йүзүне.

— Айсолтан, ағаң ганы мендемиди? — дийип турды.

— Хав йигит, ат чапмакда, гөрөш тутмакда гөвүн гөрмөк болмаз.

— Әйсе, ағаң ганыны алжак экениң.

— Агамың ганыны алсам, йигитлер, мени агамың өлен ерине бир әлтиң.

— Хайыр, ягшы — дийип, тиркешдирип, алып гайдыбердилер.

Күммеzin бәри янына баранда:

— Йигитлер, мениң агамы шул өвлийәде гойдулармы?

— Айсолтан, бу ери бир ятан мейданды. Көроглы сениң ағаңы өлдүрди. Онсоң эден ишине пушман эдип, ағаңы шул ерде ерлешдирип, бу жайлары, күммеzлери ағаң үстүне өзи салдырды.

1193. — Йигитлер, хенек эдип ойнамаң. Каст эдип өлдүрөн адам мунуң кимин жай этмез.

— Ёк, ынаймасаң, атдан дүшүп барла.

Айсолтан атдан дүшүп, күмметин ишигини ачып гөрсе, агасының

губурын танып, бир награ чекип, чашып ятыберди. Үч сагатдан эссине гелип, агасының баш уңунда агасыны ят эдип, бир сөз айытды.

1194. Сенми бу ерлере гелип,
Шехит өлен агаммы сен?
Ханың буйругын битирип,
Шехит өлен агаммы сен?

Дүнийәде гезди мерт болуп,
Ганымына ач гурт болуп,
Мениң жаным а дерт болуп,
Мазар болан агаммы сен?

Дүнийәде бирче болмады,
Айдан сөзлери гелмеди,
Ызында зүрат галмады,
Ялғыз өлен агаммы сен?

Багтыма гара багладып,
Җигерим ода дагладып,
Айсолтаны зар агладып,
Шехит болан агаммы сен?

1195. Бу сөзи айдып, йыглап отурды. Кәроғлы айытды:

— Айсолтан, йыглама. Худай тагаланың тақдырына боюн гоян ягшыдыр. Йыгламак айып болар.

— Ол ничик айып боля? Юрдуна дава этдими, тагтына дава этдими, малына дава этдими? Өз хошуна, өз кейпине гезип йөрән адамыны каст эдип өлдүрип, онсоң бизиң йыгламамыз ненең айып боля? Йигитләр, мениң йыгламамы айыплашмаң. . . — дийип, булара гарап, бир сөз айтар.

1196. Кырк йигит айт этмәң, ялғыз начар мен.
Себәп недир, мениң агам өлдүрди?
Онуң үчин сыпалары кебап мен.
Себәп недир, мениң агам өлдүрди?

Дост-душман ичинде гүләр йүзүм ёк,
Агам ёк, иним ёк, айдар сөзүм ёк,
Менем өлсем, ковум-хышым, ызым ёк,
Себәп недир, мениң агам өлдүрди?

Учай дийсем, ганатым ёк, перим ёк,
Агам ёк, иним ёк, барар ерим ёк,
Агам дийп агласам, эсрик перим ёк,
Себәп недир, мениң агам өлдүрди?

Биеян дүңдөдө жана ынам ёк,
Хак ёлунда ёлди, зерре гүман ёк.
Айсолтан [дийр], хакдан гайры пенам ёк,
Себёп недир, мениң агам ёлдүрди...

1197. Бу сөзи айдандан соң, Айсолтан:

— Көроглы диевлериниң әрлигем бар экен, итлигем. Озал муны наст әдип ёлдүрип, ене пушман әдип ерлешдирип, мунча чыкдайжылар әдип, жай әдип. Ери ерине гезек геленде, әрлигем бар экен, итлигем бар экен.

Айсолтан мерт сөз айтмага айланышя, Көроглы ере гиребиленок. Көроглам ойланды: «Хай, Көроглы, Көроглы! Сен киже арапларың дехинден чыкясың, кырк муң лешгериң дехинден чыкясың. Шул ерде бир начардан горкуп, аслыңы дөнип отырыңчаң, топрак башыңа сениң! Аманаты иру-гич бермежекми?».

1198. Бир махалдан Көроглы билиндөки жөвхер пычагы, дүйрме тылыжы гындан чыкарып, Айсолтаның өңүне гойды.

— Айсолтан, Көроглы онда гитди, муңда гитди дийип, сапалак атып отырыс. Көроглы диең тап биз. Сениң агаңы ёлдүрөн биз. Ёлдүрмесең, сен намарт, тыг ураңда «вах» дийсем, мен намарт!

Айсолтан:

1199. — Алла, Көроглы, сениң мертлик әдип, бу жайлары әдишиңе гөрө, халка меңзеш әдип бу ерде ерлешдиришиңе гөрө, иң соңунда ярагларыңы чыкарып гоюп догруланышыңа гөрө, мен саңа агамың ганыны өтдүм. Сени ёлдүреним билен агам дирилмес. Мениң агам-иним, хич ким-сөм ёкдур. Мен бир еке-ялгыз мен. Инди агамың орнуна сен маңа ага болагай.

Көроглам:

— Айсолтан, худай кабул этсе, сениң агаң болайын! — дийип, Айсолтана гарап:

1200. Сериңе дөнейип, гүл йүзли жөнан!
Сен йыглама, сениң агаң болайын.
Овуң үчин сыналары кебабам,
Сен йыглама, сениң агаң болайын.

Долуп деря кимин дашдым, сем болдум,
Садранч ойнап, арват билен дең болдум.
Өлүм хак буйругы, намарт мен болдум!..
Сен йыглама, сениң агаң болайын.

Бир шерт билен сениң агаң ёлдүрдим,
Ок атып, гөзүни гана долдурдым,
Пушман әдип, алтын күммет салдырдым,
Сен аглама, сениң агаң болайын.

Көроғлы дийр, алғын мениң жаным,
Ерте акдырмағын катра ганымы,
Алладан дилесем нур-иманымы,
Айсолтан, аглама, ағаң болайын!

1201. Бу сөзі айдандан соң, Айсолтан:

— Көроғлы аға, маңа аға боланың ятшы. Мениң юрдумың хепделик гайра янында Хинд шәхери диен шәхер бар. Онуң хәкимине Гарахан төре диййө. Мен әнемден болалы берп, алмак арзувында, ағамдан горкужына гелебилмән йерди. Ағамың еленини әшитсе, телип мени алар дийип, ондан гачгы болуп гайтдым. Мениң шол белама деп әтсең, маңа аға болясың.

— Айсолтан, бизиң гала гидейли, дем-дыңч алайлы. Онсоң әдегимден жаным чыкынча, хызмат әдейин! Мен бу ерде өлдүм нә, ол ерде өлдүм нә!

Галасына телип, Айсолтаны Агаюнуса табшырып, бәш-он гүн дем-дыңч алып, ерте утрақак диен махалында, кырк йигит Кесәни айландырыберди.

1202. — Кесе, бу заңдар-а әртир гитжек диййө.

— Нөдейин, гитсе?

— Нирдекә Гарахан дөв? Маслыгы биз ялы кырк адамың тейинден галмыя, шу сапар бир галма алажыны төрсене, Кесе!

— Көроғла кырк йигитди алып галайын дийсем, сөвүнч әшдеринми?

— Әлбетде.

— Бир-ики гамчысынам перинми?

— Иерсиң.

— Мен сөвүнч әшдип, гамчы ийип, нәмәмиң азары! Хер ким өзүне гүйжи етйө, өзүм-ө алып галарын.

— «Мени алып гал-ха, мени алып гал!».

— Алып галайсам, нәме бийрсиңиз, йигитлер?

— Кесе, нәме дийсең берейли.

— Сизден көн дилемәйин. Хер гайсыңыз бир теңде бериң, кырк теңде чай пулы боля.

— Алып галсаң берейли — дийип, гайым вада әтдилер.

— Кесе, галманың алажын тап.

— Мениң диеними әтсеңиз, хемме кесел болуң.

— Ненәң кесел болайлы? Кеселчилигиң шертини өврет!

— Кесел адама чай-чилиим, нахар якмаз. Бир гүн, ики гүн ятаныңыз билен өлерис диййәмисиңиз. Онсоң Айсолтаны алып, өзи гитмийеми.

1203. Әртеси Көроғлы гелсе, хеммеси ятырлар.

— Хай, йигитлер, нә дийип ятырсыңыз, туруң!

— Ёк, Көроғлы, бизлер кесел болупдырыс. «Иси яканак, чилими мейданда чек» — диййәлер.

Кесәниң өвреденини билди-де, Көроғлам чыкып өтөгитди. «Индики сөхетде гиденинде болмыямы?». Шул ятышына ач-сувсуз үч гүн ятдылар. Дөрдүлевжи гүн:

— Бар, Өвез жан, мейхана. От гала. Чәйнеклери демле. Ишдәсине гелендир, турар озлери.

Өвез жан гелип, чәйнеклери демләп, күлче-гатламаны гоюп:

— Йигитлер, туруң, чай ичәйлиң!

1204. Хаҗы Сумсар башлыклайын доңуң ичинден гөзләп ятыр. Ятан еринде ойланды: «Ене бир гүн, ики гүн ятсам-а ач-сувсуз өлйән. Ондан өз гүнәм өз бойнума, ондан мейданда санҗышып олейин».

— Өвез жан, мениң келләм ягшы болды — дийип турды. Чай ичип, чилим чекип, «ашык гөрсе, гызар» диенлери. Еке-екеден тур, гел. Биринден башгасы туруп гелди. Дәли Мәтел сыра галмады:

— Мәтел, сен-де тур-да геләй! Булар көр болсун, икимиз мейдана чыксаң, ене алаҗымызы гөрерис.

1205. Көроғлы кырк йигидини алып, Айсолтаның юрдуна гидиберсин. Бәш-алты гүн ёл йөредилер.

Бир гүн сәхер махалы Көроғлы йигитлерини түкеллесе, Мәтел билен Көсе ёк. Буякыларына:

— Сизлер сүрүбериң! — дийип, бир мейдан ызына йөриди. Бир ере гелсе, Көсе атдан дүшүп, доңуны көлеке эдип, гышарып ятыр.

— Хай Көсе, нәдип ятырсың?

— Баякы көне ысытма гозгады. Даңың чыглы шемалы билен деримем беренек. Алдым-бердиге салып ятыр. Гала якынмы, бу яны?

— Көсе, ысытма тутан махалы, маңа айдаймазлармы? Дерманы кәнди. Йөр, өзүм гутарайын сени!

1206. Көсе атланып уграберди. Көроғлам ызына дүшүберди. Көсе-де ысытма тутан киши болуп, гурлушып баря, ызындан хабары ёк. Көроғлы шешмери алып, раст ягырынысына бәш-алтыны гондурды. Гаңрылып гөзлесе, ене гөзәп гелиә. Боз думаның җылавыны дең тутуберди.

— Көроғлы, ысытманың дамары аркада экепи. Онуңам эми шешмер экепи, гутулдым, Көроғлы!

Эйсе «өлүнчә гозгамасын» дийип, ене бәш-алтыны урды. «Мәтел ниреде?» дийип гыгырды. «Мәтелем аңырракда бар» дийип гачя. Оны ковуп гойберип, бир мейдан ызына йөреди. Бир ере гелсе, Мәтелем атдан дүшүп, эериң гапшына маңлайыны уруп дур.

— Мәтел, саңа нәм болды?

— Келләмиң чакызасы барды, шол тутды, гөзүм чыкып баря.

— Чакыза тутан махалы, маңа айдан болсаң, эйяәм гутардым. Йөр, өзүм гутарын!

Мундап атарып, өңүне салып гайытды. Гөзүни юмуп баря. Көроғлы гылыҗы сырып алып, гылыҗың пышдасы билен келләсине бәш-алты гайра япды.

— Көроғлы, чакызаның эми гылыҗың пышдасы экен. Гутулдым.

— Өврениңкли болмасын! — дийип, ене бәш-алтыны япды.

1207. Кырк йигидини өңе салып сүрүберсин.

Көсе айытды:

— Көроғлы, булар ялы йигитлери ковуп барясың. Барян еримизиң ёлуны-ыгыны салгы берип, нама гайрып бер.

Кырк йигидине гарап, бир сөз айдяр.

1208. Мундан барсак Гүржүстана,
Кырк мүң өйли или бардыр,
Кырк йигидим, вехим этме,
Он бир гүндүк чөли бардыр.

Сүрүң бедөвч местана,
Ойнадып, гириң мейдана!
Мундан барсак Гүржүстана,
Элли мүң беглери бардыр.

Хемме бендеси алланың,
Арын алсак Айсолтаның,
Хинд шөхеринде Гараханың,
Билмен, нө хыялы бардыр.

Көроглы бег, гапыл ятма,
Намардың сөзүңе гитме,
Кырк йигидим, горкы этме,
Пирим хезрет Алы бардыр.

1209. Бу сөзи айдандан соң, ене сүрүп гидиберсинлер. Айсолтаның галасына бир гүндүк ёл галанда, жүрдүң адамсы, бир-ики ярым гош-көтелини йүклөп, өңүндөн гөчүп чыкыбердилер.

Айсолтан жүрдүң адамсындан хабар алды.

— Хав, илат, болуп гелшиңиз ничик?

— Айсолтан, Гарахан дөв он мүң гошун билен гелип, галаның арка янында туг тикип ятыр. Биз галада дурубилемизок — дийип, човушып гелйёрлер.

Көроглының йигитлериниң өңки горкмагам горкмакмы. Көсө галдырап, иштана сидик гачырыпдыр. Көроглы йигитлериниң горканыны билип, «горкмаң» дийип,

— Кырк йыл тыран геленинде-де, ажаллы өлөр, биажала өлүм ёкдур — дийип, йигитлерине гөвүнлик берип:

1210. Теблесинде Арап аты баглының,
Онуң гөвни гайнап-гайнап жош бола.
Даң елинде ылгар эден йигидиң,
Арап атлар тулан бола, сыл бола.

Узак ёллар дүшсө бөдөв өңүне,
Бир махлукат горкы берер гөвнүне,
Гайгы гөлмез гөч йигидиң серине,
Яралы гаплаң дей депе-дүз бола.

Муханнеслер горкар, сөвеште гелмез,
Сөвеште геленлер хергиз гам иймез,
Хақ саклан йигиде хич зовал болмаз,
Ажал оқы намартлара ёл ола.

Сөвеш гүни гоч йигитлер шайланар,
Мертлериң астында бедев көзленер,
Йигидиң кибтинде галкан айланар,
Голунда найзасы, гылыч бар ола.

Көроғлы айдар, көмине бенде,
Пирим Шахымердан, десгирим сөнде,
Гоч йигитлер сөвеш эдер мейданда,
Көллелер кесилип, ганлар сыл ола.

1211. Бу сөз айдансоң, Айсолтаның галасының гүнбатарындан бариң, кыбла дервезесинден гирдилер. Гелип, Айсолтаның сарайына дүшдүлер. Чай ичип, нахар эденип:

— Айсолтан, геңешиңи бер! — дийди Көроғлы.

— Мунуң геңешини өзүң билйәсиңдә.

— Муны мен билмен Айсолтан. «Хер юрдуң кояныны өз тазысы билен авларлар» диеңи, сен бер геңешиңи!

1212. — Мунуң геңешини мен берсем, Көроғлы: агамдан горкунчына шул вагта ченли гелип билмән йөрөн адам агамың өлөңини эшидиң, гайгысыз болуп гелендир. Эртир галага гелер, мениң геленимем эшиди. Өзге йыгынлар-а көчөдө, мейданларда болар. Екеңе өзи мениң яныма гелер. Шол ерде өзүни алабилсек, өзге йыгынының гоюндан пархы ёкдур.

Айсолтаның жайы узинлыгына гиден бир дәлиз, бирме-бирине гарап дуран хужре. Шул жайларда кырк йигидини ондан-ондан бөлүп гойды. Өзем гапдалындакы хужреде болуберсин.

1213. Эртеси даң атанда, Гараханың йыгыны гала гирмөгө айланышды. Гелип дур, гелип дур, ызы-арды түкененек. Гич пейшин йыгының ызы гелип, сап болды.

Гарахан-да кырк инери түвүден, ягдан йүкләп гелипдир. Юрдуна той берип әкитжек болуп. Сазандаларына:

— Сазы уруң! Пәлванларына — гарныңызы дойруп, укыңызы алы-бериң! Сейислериңе — атыңызы гездирип, шөвүр бериң! Ашбазларына — деррев нахар билен болубериң! Хеммөсини жайма-жай гоюп, гүн батды, атыны гоюп, пиядалап, еке өйлиниң хоразы ялы болуп, Айсолтаның янына уграды. Яңкы дәлиз билен гечип баря, хер гадам уранда, ер сарсыдырып.

Кыркларың бири ишигиң дешигинден гөзледи. Герүп: «Муны гөр, муны гөр, дөвми, перими, не бела, хов!» дийип, «Бу жайда ятмалың, Айсолтан бармыка дийип, барлап, онымызам богуп гоаймасын».

— Эйсе нирден чыкжак?

— Мениң диеними этсең, мениң төйимдө ят. Мен түйнүги гиңелдейин.

1214. Бири тейинде ятып, бири түйнүгү гиңелдип, бири ёкары чыкып, гушагыны саллап, бир-бирини чекип алып, яндагың тейне гирен хайсы, саманхана гирен хайсы. Сейисханада ахыра букулан хайсы.

Көроглыныңам гадалындан гечди. Көроглам гөрди муны, бу-да горкды. Мунуң янында адам бамы, түйнүгү гиңелдип чыкайын дийсе. Найзасы билен ишиги гайым теммеледи. Онынча Гарахан-да гелип, Айсолтаның сарайының ишигини ачып, ичери гирмөн дуруберди. Айсолтан-да кырк йигидиң, Көроглының хужресине гөзлийө. Дем-нышан ёк. «Булардан маңа харай болмажак болды-ла. Мен душмана рова болмалы болдум-да. . . Агам болса, бейле болмаздым! . . » — дийип, агасыны ят эдип, Айсолтан бир сөз айтар терек.

1215. Явыз гүн дүшди башыма,
Ят эдейин, агам, сени!
Бир душман гелди гашыма,
Ят эдейин, агам, сени!

Гиди душман гелер болды,
Жана отлар салар болды,
Зорлук эйлөп, алар болды,
Ят эдейин, агам, сени.

Гутулман мунуң дессинден,
Ёд ташман ериң астындан,
Харай гөрмедим достундан,
Ят эдейин, агам, сени.

Йыкылды эйваным, тагтым,
Не үчпи гара болды багтым. . .
Айсолтан дийр өлер вагтым,
Ят эдейин, агам, сени!

1216. Бу сөзи айдандан соң, Гарахан төре:

— Бай, энегарың гызыны, эй! Мениң гелениме ашык болуп, мен гел-син дийип отыран экен-ов би! Маңа гиришдар болуп, нама гайырды — дийип, гүлүп иберди, дөшпи йылдырым чакан ялы болуп гитди. Дишин-ден башга агарян ери ёк. Ичери гирип, Айсолтаның гашында чөк дүшүп отурды.

Айсолтаның өңки гысылмагам гысылмакмы? Ер ярылмыя, өре гирмейө.

— Хай, Гара төре!

— Хав!

— Мен энтек агамың ызасында отырын. Мениң билен дөвран сүржөк болсаң, ховлукма. Мейдана чыкып, галаның ягшы-ямавына серенжам берип гел!

— Ай, Айсолтан, мен сениң галаңа серенжам бермәге телдимми?
1217. Бу алданы билеп-де гитмеди. «Бу алдавма-да гитмеди. Мун-
дан-ха харай болмады. Шуңа енем бир сөз айдайын. Гөч йигиде бат-да
бир кувватдыр» — дийип, Айсолтан бир сөз айтар герек.

1218. Сөвеш мейданына атлар салаңда,
Арап атың, гөч йигидиң гүнүдир.
Гылыч парлаяңда, ган дөкүленде,
Арап атың, гөч йигидиң гүнүдир.

Гөч йигитлер сеп-сеп болуп дөкүлер,
Намарт гачар, гөч йигитлер тапылар,
Гиди душман сакалыңдан тутулар,
Йылан дилли дал ханжарың гүнүдир.

Ганым билен гаршылашып дурмага,
Бичәре начарың гөвнүя гермәге,
«Алла» дийип, депесиндөн урмага,
Шешмер билен айпалтаның гүнүдир.

Гөзде ялым сув дей болуп дөкүлсе,
Налышым, перядым аллага етсе,
Айсолтан дийр, бизе доғанлык этсе,
Гыр ат билен Көроғлының гүнүдир!

1219. Бу сөзи айдансөң:

— Хай, Айсолтан, сен Көроғлы диййәсиң, ниреде гөрдүң?

— Ниреде гөрдүң дийип, абайлаберме. Сениң ашыклығың асла маңа
ялан.

— Ничикси ялан?

— Ялан болмаса, Чардаглы Чандыбилде мениң агамы Көроғлы
өлдүриңдир. Шондан мениң агамың ганыны алып бермезлерми, ялан
болмаса?

— Айсолтан, алып бермезлерми диййәсиң. Мен сениң агаңдан гор-
кучыма бу вагта ченли галаңа гелебилмән йөрдүм. Көроғлы сениң агаңдан
зор болуп, сениң агаңы өлдүриңдир. Көроғлы ханда, мен ханда!

1220. «Өзүмден адым улы» диенлери. Яңкы кепе хужрәниң ичинде
Көроғлы бир гез ёкары галады. Айсолтанам ичинден айытды: «Эркек
дамарың бар болса, розганардың!» дийип. «Гел, шуны алдап-огшап бир
мейдана чыкарайын-ла».

— Гара төре!

— Ха!

— Юрдуңдан чыкалың, ниже гүн болды?

— Он секиз гүн болды.

— Шондан бәри эл-аягыңы ювдуңмы?

— Ёк.

— Ажап, азада йигит экениң. Гарахан, ат тозы, хер гулагында батман чаң. Бар, мейдана чыкып, сува дүшүп, арассаланып гел! Мен оңа ченли бу ерде чымыргая дүшөп гоайын.

— Хайыр, ягшы! — дийип турды.

1221. Безирген сөвдегөрчилеге гатнаарка, инериң гапдалында гоайан баш батман челегиниң бири долуп дуран экени. Йүзүңиң угруна какып алып өтөгитди. Дализиң аңры четине чыкып, гейим-гежimini чыкарып, челекден үссүне сув гуймага айланышды.

Кероглам товсуп чыкды хужреден. Кероглам өзүне өзи: «Сен Кероглыдыгың билдирип өлдүр, намартчылык эдип адам өлдүрмө» дийё. Бери ашанда бир селлем томама эдип дурды.

Йүвүрип барып, бир депип гайытды.

— Хай, гыссанясың-а, Айсолтан!

Еңсесине гөзлөнөк. Айсолтанмыка дийё. Кероглы ене бир депип гайытды.

— Хай, хелөк этйөсиң-э!

1222. Кероглы бада гидип, эрек гечи ялы йүврүп барып, билиниң ишчелер ерине бир лепди, били эплөнөйди. Гара төрө гөзлесе, еңсесинде бир пыяда хазир болуп дур. Челеги еринде гоюп, Кероглының якасындан шапба тутайды. Гарахан мунуң якасындан тутды. Кероглы тутара ер таланок. Ялаңач адамың хайсы еринден тутса, элинден сынып баря. Бир махалдан Керогла сакал оңай гелди. Сакалындан орап алды. Бу мунуң сакалындан тутуп, бу мунуң якасындан тутуп, гоюбердилер юмругы, дүңке-де дүңк.

Бу дүңкүлли кыркларың гулагына дегйё: «Гарахан Кероглыны юмругы билен өлдүрйө ойдйөн. Ашак букул-ха, ашак букул!».

Гараханың бойы узыярак гелип, Керогла юмругы үссүн дүшмөгө айланышыберди. Кероглы товсуп, сыпаның үстүне чыкды. Бойы дең-лешди, индериберди юмругы. Бир мейдан юмруклашансонлар, Кероглы айытды: «Дуйдурмак дуйдурмакдыр-да» дийди. Дүйрме гылыжы чыкарып, депесинден индерди. Дүйрме гылыч гассапларың оңурга сөкүши ялы эдип, дең бөлүп иберди — ярсы бу яна йыкылды, ярсы бейлөк.

1223. Айсолтаның янына барып, гол говшурып гулдук айытды.

— Кероглы ага, сакласаң—чорың мен, сатсаң—пулуң мен. Йөр инди мейдандакы йыгының үстүне, гоюндан пархы ёкдур.

Айсолтанам бир гылыч алып, гижөниң ичинде ялп-да ялп уграп өтөгитсинлер. Бир четинден тутуп, гырмага айланышдылар. Бир ере гелселер, улы галмагал: «Сен ыссы сув экел, совук сув экел. Бүрүнч ии-реде, яг ии-реде?» — дийип, ала галмагал.

Ашбазларың үстүндөн гелен экенлер. Кероглы гыгырды:

— Гоюң нахарыңызы, агаңыз өлди эййөм!

Киме диййөсиң диеноклар. Хер ким өз иши билен. Буларыңа гирдилер бир четинден. Бир-ики ярымыны гылыч билен келлесине какып, бир-ики ярымыны одуң ичине ташлап. Булары гырып, ене бир ере гелселер, зензеле асман-пелеге чыкя. Сазандаларың үстүндөн гелен экенлер. Булара-да гыгырды:

— Гоюң сазыңыз, ағаңыз өлди!

Гулак асан ким! «Буларың оз ярагы өзүндө» дийип, йүврүп гелип, кернайчыны кернайы биле ур депесише, сурнайчыны сурнайы биле, накырачыны накырасы биле. Багышы биле гыжакча дөгмөдилер: «Булар бичәре боля» дийип.

Короглы шупча урушса-да, хич ерде кырк йигит ёк. Бир бейик жайың үстүпө чыкып, сазыны голуна алып, кырк йигидини чагырып, бир сөз айтар.

1224. Гелиң беглер, томаша әйләң,
Бу гижә совәш үстүпө.
Екмә-өк гирдим мейдана,
Шешмәр урдум баш үстүпө.

Гараханышы өлдүрдим,
Ничесиңе догры дурдум,
Берзеңдиниң барын гырдым,
Баш кесилер дәш үстүпө.

Берзеңдиниң барын йыкдым,
Гылыч уруп, ганын дөклүм,
Кырк йигит дийп зарлык чөкдим,
Сөхерләр палыш үстүпө.

Долуп, дөря кимин дашдым,
Гүйчли ганыма уграшдым,
Көроглы шир дей совешдим²
Айсолтап гардаш үстүпө.

1225. Бу сөзи айдансоң, Көроглының тавшыны эшдиң: «Ай, мунуң авазы белентден гелйә, Гараханы алышмыка диййә, туруң-ха, туруң!» болушыбердилер. Көсө биле Көроглам бир ерде гаршы геләйди.

— Хав, пиреде гезип йөрсүң, Көсө?

— Көроглы хер хачан урушжак болса, өзи хабар берер — дийип, бизлер кырклар биле көчелерде тизлемпөчөк ойнап йөрдүк.

— Көсө, ягшы оюн тапан экөңиң!

— Гараханы нәме иш этдиң?

— Зәхер этдим, мерез этдим дийсене, Көроглы! Бизләре дуйдурманы, екежә өзүң өлдүрип, екежә өзүң гырып, бизләри беггүман әдип, сөңден ага, бизләрдән хызматкәр болмаз, Көроглы!

— Көсө, урушжак болсаң, сөни хумардан чыкарың. Буларың бейлеси көп.

1226. Айсолтаның сараына гелип, чай ичип, нахар эдянип ятдылар, Гараханың инисем галаның ашак янына гелип ятаң экен.

Айсолтаның юрдундан, батыр йигитлерден нөкәр алып, сөрдар алып, мунуң биле урушмага гитдилер. Барып, мунуң биле урушмага айланыш-

дылар. Бир гүн, ики гүн урушдылар, сыра алдырмады. Айсолтаның юрдуның адамсындан Көроғлы сорады:

— Йытының адырсына гечер ялы ёл бамы?

— Атдан дүшүп, атыңы идип, еке-екеден гечсең, ёл бар.

— Ким атдан дүшүп, хеләкчилик эдйә шуңа — дийип, ене уруш-мага айланышдылар. Он гүнләп урушдылар—алдырмады.

Көроғлы йигитлерини түкелләп гөзлесе, Көсә башлыклайын он йигиди ёк: «Алла, бу уруш кән уруш болды. Булар ялы уруш болмайды. Он йигидим өлдүмикә, я дири дүшдүмикә?» дийип, сазыны голуна алып, бир сөз айтар гөрөк.

1227. Йигитлерим, нө маслахат,
Бу гүн уруш яман болды.
Гөл басылып ат тозундан,
Даглар башы думан болды.

Етип болмаз Чандыбиле,
Дөвүшиң берзеңи биле,
Он йигидим дүшди гола,
Бир бозуклык нышан болды. . .

Хабар ал хандан, төреден,
Хакдыр барчаны ярадан,
Топ атылар гүм парадан,
Даг йыкылып, вейран болды.

Гөч йигитлер абрай тапар,
Ким өлдүрүп, кимлер чапар,
Көроғлы бег туга депер,
Беглер, ахырзамаң болды. . .

1228. Бу сөзи айдып, чай ичиң, ука галып болды. Шири-худа пири гөлип, дүйшүнө гирди: «Оғлум, сөн хапа болуп ятма! Азан билән маңа бир шовхун гөркөзсең, өзүңдән әзи деп болар гидер». Тисгинип ояңды, гөзлесе—дүйши.

Йигитлерини жөмлөп, намаз махалы «алла» дийип, ғыгырып, ат гойдулар. Көроғлы доғры туга ат гойды. Ғылыч билән чапып, тугы йыкды. Туг йыкылып, сап болды. Гүвүртде-басгы болайдылар. Араба, әерә хүммет, гушгуна берекет. Асса гачан намарт. Гачан гутулар, дуран тутулар.

1229. Көроғла пир-непеси «гачаны ковужы болма!» диеңлери, бу ковман галыберди. Пири дүйшүңдә «он йигидиңи тапарсың» дийипди. «Булары тапып болмазмыка?» дийип атланды.

Бир махалдан гөзүне бәш-алты саны кежәбе гөрүңди. Төвөрегиндә атлы гөрүңди. Бу кежәбе Гараханың өңки аяллары экени. Елмая кежәбе гурап гөлийән экени, Айсолтаны әкитжәк болуп. Бу атлыларам яңкы он

йигиди экени. Көсе бир яна гечип барян экени, кежебе өңүнден чыкайып-дыр. Булара бир көр абырай болан-да.

1230. Якын гелиберенде, Көсе телпегини элине алып, Көрогла гаршы ат гойды.

— Ай, Көроглы, бу йыгыны өзи уршар, өзи гырар дийип, мейдана олжа гөзлемөге гидипдик. Бизиң олжамыза ничиксиң?

— Ай Көсе, сениң деңиң, тайың болмаз! Сени оба бараңда бир яп боюна мүшрип эдерин!

— Мүшрипчилигиң герек дөл, Көроглы! Шул кежебеден халанымы берсең боля.

— Көсе, хеммежигем сениңки!

1231. Бу йыгынам гырып, олжалап, кежебелерем алып, дөнүп, Айсолтаның галасына гайдыберсинлер.

Айсолтаның галасында бөш-алты гүн дем-дынч алып:

— Айсолтан, инди маңа хызматың бармы?

— Ёк хызматым, Көроглы ага.

— Эйсем, жогап берсең, гайытжак. Сенем галаңда галжакмы я мениң билен гитжөкми?

— Оны, Көроглы ага, өзүң билйәсиң.

— Мен билсем, Айсолтан, сен бир еке-ялңыз начар. Сени бу ерде ынжақлтмазлар. Бизиң юрда гидейли! — дийип, Айсолтана гарап:

1232. Ылгар уруп барсак Хинде,
Достларың гөвни шат герек.
Гол басылып, яман гүнде,
Гоч йигиде пердат герек.

Он гүн уруш болды яман,
Берзеңи чагырды аман,
Шол гүн топды ахырзаман,
Пирлерден керамат герек.

Ганым билен дөвүшмәге,
Ат салышып, йөрүшмәге,
Дөнүп-дөнүп сөвешмәге,
Харлаян арап ат герек.

Көроглы сөзләр сәхерде,
Өлинчөң, ыхлас эт мерде,
Сени гоймазлар бу ерде,
Чандыбилде ювырыт герек!

1233. Бу сөзи айдып, Айсолтаның юрдуна хан-хеким гоюп, везир гоюп, гөвнүне макул эдип, Айсолтанам Көроглы билен ырдесиң Чардаглы Чандыбил чүв гойсун.

Ел узак, геп гысгасына ягшы. Чандыбиле гелип, Көроглының Сер-
чемен диен чарбагы барды, шоңа дүшүп, чай ичип, нахар ийип, дем-
дыңжыны аландан соң:

— Айсолтан, сенден ягшы гөрйөн адамым ёк. Шундан ягшы гөрйөн
жайым ёк. Шул жайы багыш этдим. Ене дүйөдө еке өтмели болмаз. Шул
йигиттеримиң хайсыны халасаң, берейин.

— Ыгтыярың, Көроглы ага, саңа макул болан маңа-да макул шол.

— Эйсе сени Таймаз бег диен йигидиме берейин! — дийип, шоңа
ника гыйып берди.

Кырк гижө-гүндиз той-томаша берип, Айсолтан билен Таймаз бегин
тоюны мүбөрөклөп, бир сөз айтар герек.

1234. Эй яранлар, мусурманлар,
Жанлар саңа мува болсун!
Зеревшанлы көшкн-эйван,
Өйлер саңа мува болсун.

Хемме эсбабың шай этдим,
Гырып ганыңы жай этдим,
Кырк гижө-гүндиз той этдим
Тойлар саңа мува болсун!

Өлөндир Безирген агаң,
Онуң үчин йимегин гам,
Бу дүйөнннң соңы ялан,
Оңа иман хемра болсун.

Көроглы айдар, асыл задым,
Өлүнчө, йитмесин адым,
Галманды бирже зүрядым,
Бизе десгир худа болсун. . .

1235. Бу сөзи айдандан соң, Агаюнус:

— Йөр-э, Көроглы, өзүмиз биле болайлы! — дийип, херемхана алып
өтөгитди. Барып херемханада чүйлөшип ятыберсинлер.

Таймаз бег билен Айсолтанам ятыберсин. Олар жайында мырадына
етди.

I. РОЖДЕНИЕ ГЁР-ОГЛЫ

1. Была, рассказывают, страна Четырехгорный Чандыбиль *. Султана [этой страны] звали Джигали-бек. Было у него три сына: старший — Генджим-бек, тот что помоложе, — Момин-бек, самый младший — Ады-бек. Сына своего Генджим-бека Джигали-бек женил, вывел в люди. А Момин-бек чудаковат и глуповат был, да и глаза у него были больные. Сын Джигали-бека Ады-бек не любил думать о завтрашнем дне, сегодня прожил — и ладно, походами и набегами занят он был.

О ком теперь рассказ? ¹ — О Генджим-беке. Скрыга был Генджим-бек, скопидом, жадность его не знала предела. Выросли его стада, богат он стал. От отца отделился он. Захотел Джигали-бек женить сына своего Момин-бека. Да куда бы ни приходил сватать девушек Джигали-бек, везде ему отказывали, прогоняли со словами: «Не отдадим свою дочь зангару * с больными глазами, над которым люди смеются. . .»

2. О ком рассказ? — Сын Джигали-бека Ады-бек возвращался из аламана *. И повстречались ему сорок чильтепов *.

— Ты, оказывается, отважный игид *. Мы будем служить тебе нукерами *.

— И я искал, да найти не мог таких игидов, как вы, — ответил он.

Принял он нукеров, предводителем их стал и привел их в свою крепость.

О ком теперь рассказ? — О Джигали-беке.

— Сын мой! Я уж состарился. Нашел ты себе сорок конников-игидов, и теперь я страну тебе передаю.

3. Стал Ады-бек султаном в своей стране. С того времени называли его султан Ады-бек. Однажды Ады-бек с сорока конниками-нукерами отправился в аламан. [В пути] увидели они паланкин и с криком «алла!» * ринулись к нему, выставив вперед копыта.

Верблюда с паланкином вел за собой всадник на сером коне. Только завидел он их, бросил паланкин, кинулся прочь и скрылся из глаз. Как ни гнались они [за ним], не догнали. Не смогли они догнать всадника и, вернувшись, подъехали к паланкину. Заглянули внутрь и видят: сидит в паланкине прелестная девушка. Начнешь воспевать ее — кончить не сможешь, [так она красива].

— Из какой ты страны? — спросили они у девушки.

— Я дочь падишаха страны Ширван. Рейхан-Араб хотел жениться

на мне, он ушлатил калым в тысячу золотых и вез меня к себе. Это он только что ускакал [от вас] на сером коне.

Ладно, хорошо! ² Чье добро? Того, кому оно суждено. [Вот и] взяли они ее с собой.

— Как зовут тебя? — спросили.

— Меня зовут Гюль-Эндам.

— Хорошо, добро, — сказали игиды.

А их предводитель отдал девушку в жены брату своему с больными глазами, за которого никто дочь не отдавал, и устроил свадебный пир — как-никак старший брат. То-то рад был зангар с больными глазами. А сам-то [Ады-бек], отважный игид-богатырь, куда ни придет, везде за него дочь отдадут.

4. Вслед за старшим братом женился и султан Ады-бек. О ком рассказ? — Забеременела жена Ады-бека. Но не дождался ребенка Ады-бек, пришел его час, и покинул он этот мир. И жены его время жизни истекло, покинула и она этот мир, не успев родить.

5. Послушайте теперь о Джигали-беке. Запечалился он: «Боже, сын мой Генджим отделился, ушел, нет пользы от него. Момин-бек, [другой] мой сын, чудаковат и глуповат, да и глаза у него больные. Этот мой сын, султан Ады-бек, был отважным игидом. Мечтал я, что родится у него сын, да и это не сбылось. . .» Однажды ночью во сне увидел он Хызра * — мир над ним. «О Джигали-бек, — сказал тот, — не печалься. Ступай к могиле своей снохи. Увидишь чудо!»

Повеселел Джигали-бек, увидев этот сон, прочитал он утреннюю молитву и отправился к могиле снохи. Оглядел могилу и видит: появился на свет мальчик — лежит, щечет губами грудь матери. Взял он его на руки, засыпал могилу и вернулся домой. Глядь — а там сидит седобородый дед. Положил он мальчика в полы его халата. Дед трижды похлопал мальчика по спинке, трижды дохнул ему в ротик ³ и произнес: «Да будет он нашим сыном — сыном Дыхания. Вышел он из мира тьмы в светлый мир — так пусть же и имя ему будет Светлый — Ровшен». Так сказал дед и ушел.

6. О ком теперь рассказ? — О внуке [Джигали-бека] Ровшене. Ровшену исполнился год, [потом] два, три, четыре, пять лет — он уже вырос настолько, что мог играть со сверстниками-ровесниками в алычички *, в чилик *, в мяч. Вот играет он с ними на улице в алычички, в чилик. Когда выиграет, говорит «согласен!» и напяливает им на голову собачью шкуру. А проиграет — три дня с ними жестоко дерется. Идет на базар и во все, что ли понравится, запускает лапу: «Есть виноград? Есть халва? Есть сахар-набат? *» Уйдет в поле и ест. А догонят лавочники, и начнется потасовка — он пакинет на голову халат, перепугает лошадей, стоящих у лавок, и опрокинет лавки на головы хозяев. И дыни с бахчи таскал он, не разбирая — зрелые, не зрелые, и кур крал. В общем, издевался над людьми, зангар.

7. Народ Чапдыбия собрался и держал совет: «О люди, народ! Боясь побеспокоить султана Ады-бека, наши жены не позволяли нашим

детям резвиться, с опаской брали воду из колодца. Думали мы, что избавились от него, так от него в могиле родился [сын], проклятое чудище. Коли он сейчас уже такой, то, как вырастет, он нас по сорок человек привязывать будет к одному колу. [Лучше] убьем его!» — порешили они.

Был среди них друг Джигали-бека. Пришел он к Джигали-беку и сказал:

— Ох, Джигали-бек! Так-то и так мир порешил. Ушел бы ты, ага *, от этих людей на пять-шесть лет, пока внук твой подрастет.

8. — Хорошо, добро, — ответил тот и откочевал в страну Хункара *. Приехал он в страну Хункара. Явился к Хункару и приветствовал его.

— Ну, Джигали-бек, рассказывай!

— Такова моя доля-судьба, пришел я служить тебе, тагсир! *

— Ну что ж, служи!

9. Прослужил он год, получил [право носить] нож, секиру. Прослужил два года — конь и халаты были ему наградой. Прослужил три года — заслужил должность приближенного везира. А прежние сановники совсем остались не у дел. Это приводило их в ярость. Пришли они [к Хункару] и сказали:

10. — О тагсир! Все права у нас забрал этот туркмен. Он что — лучше нас знает [дело]?!

— В конях он понимает лучше вас, он большой сеис *.

— Коли он большой сеис, пусть найдет для тебя такого коня, какого нет ни у кого.

И Хункар повелел:

— Джигали-бек! Найди для меня такого чудесного коня, равного которому не было бы ни у кого.

11. — Хорошо, добро! — ответил [Джигали-бек]. Три месяца на ветроном верблюде объезжал он Арабистан * — не нашел такого коня.

12. Однажды сидел он у берега реки Шор и совершал вечерний намаз *. [А] на берегу реки вольно паслись табуны Хункара. И вот из реки вышел какой-то конь, трижды покрыл одну кобылу и вернулся в реку. «О Аллах, слышал я, что бывают водяные кони. Выходит, это правда», — подумал Джигали-бек. Присмотрелся он к кобыле и вернулся назад. Пришел он к Хункару и сказал:

— Тагсир! Если хочешь такого коня, какого нет ни у кого, потерпи до этого же дня следующего года.

13. В один из дней, по истечении [положенного] срока, принесла эта кобыла жеребенка, похожего на щенка тази *. Пригляделись — оказалось, что это кобылица. Привели ее табунщики к Джигали-беку — мол, это жеребенок от той кобылы. Джигали-бек привел жеребенка к Хункару.

— Тагсир! [Тебе] нужен конь, какого нет ни у кого, — эта [кобыла] принесет тебе его.

14. Вот и представился сановникам случай опорочить его.

— О наш тагсир! Этот туркмен смеется над тобой.

— Как так?

— Обманул он тебя, три месяца бродил, делая вид, что ищет для тебя коня, какого нет ни у кого. Это раз. Обманул он тебя, когда говорил: «Подожди год!» Это два. Наконец, привел он к тебе щенка суки-тазя, уверяя, что от нее родится конь, какого нет ни у кого. Он смеется над тобой, тагсир!

Хункар поверил [навету]:

— Так как же с ним поступить?

— Пожалуй, прикажи вырвать ему глаза, тагсир!

15. Опорочили сановники Джигали-бека и лишили его глаз. Да разве есть предел горестям человека? Настал день, и [сановники] очернили Момин-бека, мужа Гюль-Эндам, и добились его казни.

16. В крепости Хункара [у Джигали-бека] был друг. Он сказал:

— О Джигали-бек! [Правильно] говорят, что туркмен не поймет, пока не ткнешь его. Изведут ваш род, уезжай из этой крепости!

17. Послушался совета Джигали-бек и отправился к Хункару.

— О тагсир! Ты ослепил меня и казнил моего сына. Последняя моя к тебе просьба: эту кобылу у тебя прошу!

— Пусть она будет хоть Дюльдюлем *, я дарю ее тебе! — ответил тот.

18. Получил [Джигали-бек] кобылу, какую просил. Кобыла выросла [в громадину] дувал * в три пагса *. Обратился тогда [Джигали-бек] к своему внуку:

— Милый Ровшен! Сперва перевези домашний скарб. На другой день перевези тетку свою Гюль-Эндам. А на следующий день посади меня на лошадь позади себя и уезжай. Убежим отсюда на гору Уч-Гумбеа.

— Хорошо, добро, — ответил внук.

Сперва он отвез домашний скарб. На другой день — тетку Гюль-Эндам.

19. А на следующий день посадил он деда позади себя на лошадь и ускакал.

— Будь осторожен, сынок! За нами может быть погоня.

— Скачет всадник, отец!

— На каком коне?

— На темно-вороном коне, отец!

— Если конь темно-вороной, сынок, то у него глаза серые, белесые. Взошло солнце — скачи в сторону солнца. Такие глаза не выдерживают лучей солнца. Скачи в сторону солнца!

Глаза коня [преследователя] не выдержали лучей солнца, стал спотыкаться конь, и всадник отстал.

— Приближается еще один всадник, отец!

— На каком коне?

— На рыжем.

— Коли конь рыжий, значит, он когда-то болел чесоткой. У чесоточного коня, говорят, три года не проходит зуд. Направляй коня от леса к лесу, от зарослей к зарослям, сынок!

От леса к лесу, от зарослей к зарослям скакали они. Чесоточный конь то о дерево потрется, то о куст почешется, [так] и отстал.

20. Приехали к горе Уч-Гумбез, поставили шалаш и остались [жить] там. Смастерил Джигали-бек белый лук и дал внуку:

— Ступай поохотиться, сынок!

Мальчик родился благодаря дыханию покровителя. Его стрела не знала промаха. Бил он и приносил домой джейранов, куланов, фазанов, зайцев — тем и питались.

21. Однажды он наткнулся на отставшую от каравана только что отелившуюся корову. Взял он телятку под мышку и принес его в шалаш. [Так] они трое обрели молочный родник в этом безлюдном месте.

22. В другой раз, когда он был на охоте, повстречались ему сорок каландаров *, шедших в Исфахан*.

— Что ты тут делаешь, юноша? [— спросили они].

— Здесь у нас дом, — ответил тот.

— Коли у тебя здесь дом, не позовешь ли ты нас в гости?

— Отец у меня есть, посоветуюсь с ним, — ответил он.

Пришел он к деду за советом:

— Отец, толпа каландаров просит приютить их и накормить. Что им ответить?

— Еще не было случая, сынок, чтобы пришедший к нашему порогу ушел ни с чем. Ступай приведи их, найдем что-нибудь.

Тот привел каландаров за собой. [И вот уже] сорок ослов ревут возле дома Джигали-бека, ищут себе пристанища.

— Ну, отец, привел я их. А чем угощать будем?

— Никак теленок уже привык к траве, сынок, режь корову!

23. Зарезал он корову. А кому же гостей обслужить? Никого больше нет, только тетка его, Гюль-Эндам. Заткнула она полы халата за пояс, засучила рукава и с восхода солнца до утра следующего дня прислуживала им.

Собрались каландары уезжать, а предводитель их, Абдулла-каландар, говорит:

— Эй, каландары! Нельзя нам уехать, не воспевав ее за то, что живет она у этого слепца и этого невинного мальчика и довольствуется этим. За ее заботу [о нас]. За ее чистоту, — сказал Абдулла и, восхваляя Гюль-Эндам, спел:

24. Знающего начало и конец единого бога обожаю.

Знающего явное и тайное святого обожаю.

Восемнадцать тысяч миров из света своего он сотворил.

Дающего пропитание владыку обожаю.

«Не ешь пшеницу!»⁴ — повелел всевышний.

Поевших [пшеницы] и несчастными ставших — Адама и Еву обожаю.

Адам с Евой заспорили о потомстве.
По этой причине на свет явившегося пророка Шипа обожаю ⁵.

Каландар Абдулла обращается к богу с мольбой.
Рожденного чистым пророка чернобрового обожаю.

25. Пропел он это, и каландары, получив дозволение, уехали. Путь их лежал через Арабистан. К одному дому подойдут — не примут ли здесь гостей, к другому подойдут — не примут ли там? Какой-то человек сказал им:

— Эх, каландары, ходили бы вы по пять, по десять человек, кто бы тогда отказался вас приютить?

— Делиться мы не хотим по пять, по десять человек. Мы остановимся у того, кто сможет принять нас всех, все сорок человек.

— Эй, каландары! Никто из нас не сможет всех вас разместить. Разве только падишах Арабистана — коли он вас не примет в гости, остальным беднякам это [уж точно] будет не под силу.

26. Двинулись каландары дальше и подъехали ко дворцу Рейхан-Араба. Падишаху доложили:

— Тагсир! Множество каландаров явились сюда и просят гостеприимства!

— Идите и примите их! Освободите для них целый дом!

Разместили каландаров в отдельном доме. Рейхан распорядился приготовить для них чай, кальян, кабла *, неше *, а вечером сам пришел побеседовать с ними. Прошел он к очагу, сунул под локоть мягкую подушку и вот лежит, словно большая каменная глыба.

— Похожи вы на странников, каландары. Так расскажите, что нового на [белом] свете, что видели вы в мире! [— обратился он к гостям]. Смущаются каландары — [как-никак] падишах.

27. Абдулла-каландар ответил:

— О тагсир, падишах наш! Раз [уж хочешь], расскажем тебе: на пути сюда остановились мы погостить в шалаше на горе Уч-Гумбез. Там видели мы женщину: если на свете две такие — она одна из них; если на свете одна такая — это она! Творец создал ее для тебя; воздадим ей хвалу, скажем о ней слово. А потом — коли не намерен нас выгнать, не стесняй гостей, побыстрее уходи отсюда!

— Ну, рассказывай! — сказал [Рейхан].

И вот, восхваляя Гюль-Эндам, Абдулла-каландар спел песню:

28. Выслушай мое слово, о арабов шах!

Не видал я красавицы, как Гюль-Эндам.

Сияет [словно] полная луна четырнадцатой ночи [она],

Не видал я красавицы, как Гюль-Эндам.

Ногти хной окрашены, браслеты на запястьях.

Взоры томные у нее, учтивя речь.

Широкие плечи и тонкая талия у нее.
Не видал я красавицы, как Гюль-Эндам.

Сердце мое не перестает страдать.
Прекрасна, хороша она с головы до пят.
Свежа, молода, пришла для нее объятий пора,
Не видал я красавицы, как Гюль-Эндам.

В поисках Каабы * вышел я в путь.
Пусть всех рабов своих до цели бог доведет.
Абдулла говорит: в этом лживом мире
Не видал я красавицы, как Гюль-Эндам.

29. Услышав эти слова, зангар Араб с криком «Истина!» вскочил с места, ударил себя в грудь и упал навзничь. Потерял сознание, лежит в беспамятстве зангар. Поразились каландары: «Что за джинн зашиб его?» Прележал так три часа Рейхан, пока пришел в чувство. Дал он знак своим приближенным, и они принесли из сокровищницы златотканые халаты и положили перед каждым из каландаров. Надели каландары халаты и сидели важные, готовые к услугам [шаху]. Затем Абдулла-каландар спросил:

30. — О тагсир! За что наградой эти халаты, дары?

— О каландары! Вас, оказывается, мне сам бог послал. Как-то вез я к себе девушку Гюль-Эндам, дочь падишаха страны Ширван, хотел в жены взять ее, калым 1500 золотых уплатил. Когда я ехал, на дороге появились сорок разбойников на конях. С кличем «алла!» ринулись они на меня. Хотел я сразиться, да застигнут был врасплох — оружие у меня привязано, взять его не осталось времени. Бросил я паланкин и ускакал от них. До сих пор не мог узнать, из какой страны были эти сорок конников: из Исфахана — Половины мира, из Нишапура *, Севдигара, Гермияна *, Османа *, Азербайджана, Хири Рована *, Тебриза *, Арабистана. . . Оказалось, эти зангары просто под боком у меня!

31. Абдулла обратился к своим каландарам:

— О каландары! Хотели совершить мы богоугодное дело, да, кажется, погрязли в гуще греха. Они, бедняги, зарезали для нас единственную корову, мы пользовались их гостеприимством, а здесь наговорили на них, предали их. . . Место предателей, говорят, в геенне. Послушайте меня — чтоб ему с его халатами!. . Ни к чему нам его хлеб-соль. Ночью же откочуем отсюда!

Сняли с себя каландары даренные халаты, бросили их в угол мейханы * и уехали среди ночи.

32. Уехали каландары, да Арабу. . . на это. Быстро привел он своего своего коня, положил на него потник, подседельник, седло и сел верхом. Места знакомые — ударил он плетью коня, и не прошло трех-четырёх дней, как прискакал [к цели]. Когда подъезжал он, конь почуял запах кобылы Ровшена и так заржал, что по окрестным лесам прокатился рев.

Услышал это Ровшен и пришел к тетке.

— О милая тетя! Слышен был чей-то рев, не могу понять, кто ревет, то ли тигр, то ли лев.

— Милый Ровшен! Не тигр это и не лев. Отнимут меня у тебя. . .

— Как же так, милая тетя?

— Проведал откуда-то Араб о тебе и едет сюда. Это его конь заржал! Мальчик испугался.

— О дорогая тетя, коль это Араб едет, не спрятаться ли мне где-нибудь?

— Милый Ровшен! Что ни говори, он сильный враг. Пожалуй, спрячься.

33. Укрылся Ровшен в сторонке. Между тем с ревом и рыком подъехал зангар Араб. Из шалаша вышла Гюль-Эндам, приветствовала его и хотела присесть.

— Эй, зангар, не присаживайся! Садись на коня!

— О Араб! На что я ныне годна, согнулся мой стан. Не разлучай уж меня с моей страной, с домом моим!

— Ну, ты, зангар, садись на коня!

— Эй, Араб, есть у меня к тебе разговор.

— Что за разговор? — спросил тот.

34. — Разговор вот о чем: коли уеду я сейчас с тобой, тот мальчик проклинает меня, укоряя: «Моей тетке, оказывается, толстошей [мужик] нужен был». Его проклетие погубит меня. Ты сегодня уезжай, а завтра вернись. Вернувшись, попроси его: «Мальчик, пусть твоя тетка подаст мне воды⁶. . .» Я сделаю вид, что подношу тебе воду, а ты для виду насильно увези меня. Тогда, сколько бы ни проклинали, тебя будут проклинять! Потому [я прошу об этом], что вы с ним враги, а проклетие врага, говорят, не имеет силы.

35. — Хорошо, добро! — ответил зангар Араб и уехал. Вернулся Ровшен.

— Обманом и лаской я пока что отравила его. Но этот зангар не оставит меня, снова явится завтра. Как придет, попроси его пустить жеребца к твоей кобыле. И его жеребец от семени морского коня. И твоя кобыла — от семени морского коня. Вот родится у нее жеребенок, он подрастет, станет конем, и сам ты возмужаешь, тогда найдешь справедливость, [отомстишь]. Ну а я, если коротко говорить, покидаю тебя.

36. На следующий день, едва взошло солнце, снова нагрянул зангар Араб. Ровшен вышел ему навстречу и стремительно ухватил за повод коня.

— Эй, господин! Есть у меня одна кобыла. Пришло для нее время случки. Измучился я — не могу найти жеребца в этом безлюдном месте. Пустя своего коня!

— Пошел прочь, исчезни. . . сирота! Я еще своему коню и понюхать кобылью мочу не разрешал. . .

37. О ком рассказ? — О Гюль-Эндам. Из шалаша послышался ее укоряющий голос:

— О Аллах, глядите, что за конь у игида! Глядите, что за жеребец у него! Аллах представил игиду случай, а он. . . Ведь кто парнишку к тебе послал? Я же его послала! Да ты что же, зангар, ставишь меня ниже поганой кобылей мочи? — укоряла она [того всадника].

Как только из шалаша послышался приятный голос, сами понимаете. . . Араб спешился, оставил коня и зашел в шалаш со словами:

— Вот, бери, распоряжайся конем как хочешь.

Араб в шалаше, конь в поле. Разгоряченный жеребец трижды покрыл кобылу. Что было в шалаше, неизвестно. . .

Вот вышел Араб, сел на коня и сказал:

38. — Эй, парень! Хочу я теперь уехать. Пусть тетка твоя подаст мне воды.

— Араб просит подать ему воды, дорогая тетя.

Эх, а тетушке его Гюль-Эндам этого и надо было. Взяла она оставшуюся от султана Ады-бека золотую чашу, наполнила ее водой, с веселым видом вышла из шалаша, кокетливо подошла [к Арабу] и подала чашу. Тот выхватил у нее чашу, выплеснул воду и сунул чашу за пазуху. Ухватил он Гюль-Эндам за руку и потянул — лишь до стремян поднял ее. «Если просто буду висеть, он мне руки переломает», — подумала [Гюль-Эндам] и сама подскочила, уселась на коня позади Араба. Тот повернул коня и ударил его плетью. А Ровшен с плачем побежал за ними следом.

39. Подъехал Араб к реке Араз* и хлестнул коня. Конь перелетел через реку и опустился на землю, раздробив копытами камни, в десяти-пятнадцати гезах* от реки. Подошел Ровшен и в изумлении стал осматривать следы, оставленные конем. «Ничего, зангар Ровшен, родится у твоей кобылы жеребенок, и достигнет он семи лет. Тогда и ты на коне перелегетишь реку Араз, отомстишь ему!» [— говорил он про себя]. А потом рыдал, причитая: «На том ведь коне была и тетка моя Гюль-Эндам!», и снова успокаивал себя: «О горячее сердце мое, не горюй!» Посмотрите-послушайте, что спел он со слезами на глазах, поминая тетку, на берегу реки:

40. Горячее сердце мое, не горюй!
Вся печень моя язвою стала⁷.
Сильный враг нагрянул на нас.
Не выдюжил я, [слишком] молодым оказался.

Единственный сын я у отца⁸.
В тоске и печали я гибну.
В скорби остался я в горах.
Нет коня, каменистым мой путь оказался.

Я рыдал, исстрадалось сердце мое.
Заиграла музыка печали. . .
Опрокинута, пала моя орда.
Горячее сердце мое хмельным оказалось.

Я, Ровшен, упрекаю себя,
Не побоялся [Араб] слов моих.
Я плачу, остался без тетки я.
Далеко от меня Гюль-Эндам оказалась.

41. Кончил он петь и повернул назад. Шел он, шел и заблудился в лесу. Долго блуждал он и лишь поздно вечером нашел дом деда. Усталый парнишка прилег и заснул в уголке.

42. Утром Джигали-бек встал, совершил намаз.

— Сынок, проснись, вставай! — сказал он.

— А что случилось, отец? — спросил мальчик, торопливо вскакивая.

— Твоя кобыла, сынок, нам подарит коня. Видел сон я нынче ночью. А жеребенок-то будет расти за месяц как за целый год!

— А когда он родится, отец? — спросил Ровшен.

— Он родится в это же время через год.

— А через сколько дней наступит это время, отец?

— Имей терпение, сынок, не спеши, скоро наступит. Ухаживай, холь кобылу, следи за ней.

— Хорошо, добро!

43. Он пас кобылу, холил ее, ухаживал за ней. И вот вышел срок, и в один из дней ожеребилась кобыла в поле жеребенком, похожим на щенка тази. Глядит [Ровшен] — а это жеребчик! «О Аллах, тот ли это жеребенок или что другое?» — подумал мальчик. «Все же покажу его отцу», — решил он, взял его в охапку и пошел домой. Принес [жеребенка] к деду.

44. — Отец!

— Да, сынок!

— Кобыла-то выкинула что-то! Тот ли самый это жеребенок? Или это только, чтобы расширился проход, а жеребенок будет потом?

— А ну, сынок, подай [его] сюда, посмотрю!

45. Внимательно ощупал Джигали-бек и ответил:

— Это тот самый жеребенок, сынок!

— Ах ты, старый несчастный зангар, что плохого я сделал тебе?

— Почему так бранишься, сынок?

— Этот и через сорок лет не поднимет человека!

— Не спеши, сынок! Скоро поднимет. Ты пусти его с матерью на берег реки Араз. Пусть гуляют там, где никто не увидит их.

46. — Хорошо, добро, — послушался тот и пустил их пастись на берегу реки Араз. По три-четыре раза в день ходил [Ровшен] туда и проверял. А чтоб не пал на них взор человека, и сам при этом закрывал глаза. Послушает, как резвится жеребенок, как щиплет он траву, и вернется домой.

47. А однажды мальчик не услышал ни топота копыт жеребенка, ни хруста травы на его зубах. Туда пойдет, прислушается, сюда пойдет, прислушается — никакого звука не улавливает его ухо. «О Аллах, при-

дется, видно, открыть глаза», — [подумал он]. Открыл глаза, огляделся — а жеребенок-то на другом берегу реки Араз гуляет. «Все пропало! Видно, ветром унесло его. . .» [— подумал Ровшен]. Стал он подзывать его, а тот — никакого внимания, знай себе гуляет.

48. Немного погодя появились два древних деда в желтых халатах и чалмах. Подошли они и поймали жеребенка, погладили, приласкали его, повернули его и хлопнули жеребенка по крупу. Поднялся тот на дыбы и прыгнул через реку Араз — а на землю опустился в сорока гезах от реки. Бегаёт, резвится жеребенок, носится из стороны в сторону. Увидел это Ровшен и побежал к деду.

49. Пришел он [к деду], задыхаясь, хрипя, готовый лопнуть [от радости], будто перепелку поймал.

— Ой, сынок! Никак ты жеребенка своего видел?

— Нет, отец, не видел!

— Нет, видел, сынок, видел! Расскажи же скорей, что ты видел! Не то сердце у тебя разорвется и умрешь ты, сынок!

— Хорошо, добро, отец! О том, что я видел, а расскажу с помощью саза *, — ответил он и, взяв в руки саз, обратился к деду:

50. Хочу рассказать я тебе, отец, —

Через реку Араз прыгнул Гыр-ат.

Видно, бог [его] поддержал —

[Как] на крыльях перелетел Гыр-ат.

Хочу, чтоб парчовой попоной [был он покрыт],

Чтоб златотканый потник был у него,

Пирь *, покровители помогли.

Подобно морю разбушевался Гыр-ат.

Лежал он, спал семь дней,

Меня Гыр-ат поджидал.

Через реку Араз перелетел —

На сорок гезов прыгнул Гыр-ат.

О Всемогуций! — говорит Ровшен, —

Шахимердан *, защитником будь!

Два пира стояли у повода его.

До смертного часа мне спутник Гыр-ат.

51. Кончил он петь, и [дед] сказал:

— Ступай, сынок, приведи своего жеребенка!

Ровшен привел.

— Вырой землянку, сынок, — велел дед, — накрой ее хорошенько и держи жеребенка под землей сорок дней!

52. Сорок дней кормил и поил он жеребенка. На сорок первый день дед велел:

— Ступай, сынок, приведи жеребенка.

Ровшен привел.

53. Поглаживал, ощупывал жеребенка Джигали-бек и вдруг воскликнул, нащупав какое-то место:

— Сюда попали лучи солнца, сынок!

— Нет, не могли попасть лучи солнца, отец! — ответил тот.

— Иди и проверь — попали, попали!

54. Пошел, поглядел Ровшен — оказалось, что там была небольшая щель, через которую проникали солнечные лучи. Правильно говорил дед — попали лучи солнца на жеребенка!

— Пока еще не готово, не вышло [так, как нужно], сынок! То место ты покрепче заделай и еще сорок дней корми и пои его под землей!

55. Кормил и поил он [жеребенка] еще сорок дней. На сорок первый опять [дед] велел привести жеребенка. [Ровшен] привел.

Джигали-бек тщательно огладил, ощупал его и сказал:

— Нет больше в нем изъяна, сынок! Но под землей он немного стосковался [по воле]. Ты сними с него недоуздок, догабаг *, чепрак, оголи его и пусти на берег реки Араз. Пусть погуляет, развеселится.

56. — Хорошо, добро! — ответил Ровшен. Снял он с жеребенка все, оголил его и пустил на берег реки. Не перечил деду Ровшен, а про себя думал: «Эх ты, старый неудачник! Что-то много болтаешь ты! Хорошо, коли до беды не доведешь...» Все же послушаться деда он не мог — пустил жеребенка, а сам поднялся на высокий холм и любовался, оглядывая все вокруг.

57. Восемьдесят дней кормили и поили жеребенка под землей, [а сейчас] он кувыркается в траве как белое яичко, глазом не успеешь моргнуть — девять раз перевернется. Вдруг жеребенок вскочил с места, резко встряхнулся и, подняв хвост, стрелой пустился в сторону кыблы *.

58. И Ровшен, подобрав подол, припустил за ним. Чмокая и прижимая, пытался он вернуть жеребенка назад. Да разве будет тот слушаться зова Ровшена? Ускакал, исчез из глаз. Долго бежал Ровшен, совсем выбился из сил. «Ах ты, старый неудачник, зангар, — стал ругать он деда. — Добивался ты своего, вот и добился! Можешь успокоиться теперь. Чувствовал я это, когда ты разводил свою болтовню — то да се!» — бранился он.

59. «Приходилось мне слышать, — размышлял парнишка, — коли есть у кого дома старый человек, так его, как состарится, сажают на спину, тащат за гору и бросают там. А я-то думал — за какие грехи бедных стариков уносят за гору и бросают. Так вот, оказывается, какой вред от стариков, когда есть они в доме. Ну а мне, может, лучше не мучиться с ним, не тащить его на спине, чтобы бросить за горой, лучше пойти сейчас и придушить этого аксакала *!»

Так он подумал и побежал к деду.

60. Пришел и, ни слова не говоря, грубо схватил деда за шиворот и стал трясти.

— Ох, сынок! Что за беда стряслась?

Ухватился дед за стенку шалаша. Держится он за шалаш. А [Ровшен] знай тянет его к себе, так что задняя стена шалаша то поднимается, то опускается.

61. — Ох, сынок, скажи, в чем же дело?

— Сказ короткий, старый неудачник. Читай себе отходную!

— Какое дело тебе до моей отходной, сынок! Борода оторвана, ворот растерзан. Говори же, в чем дело?

— А дело такое — убежал жеребенок. . .

62. — Сядь, сынок, погоди! Никуда не уйдет жеребенок. Испеки, сынок, лепешку в золе. Половину мне отдай, а другую в кушак заняжи. За жеребенком в сторону кыблы иди. Два дня будешь идти. На третий день дойдешь до чинары. Под той чинарой увидишь седобородого старца за намазом. Присядь рядом и читай молитву с ним вместе. К вечеру будет уже там двенадцать человек, к полуночи — сорок, а к рассвету соберется триста шестьдесят эренов *. Там тебе и передадут твоего жеребенка, сынок!

63. — Хорошо, добро! — согласился он. Испек он лепешку, половину отдал деду, другую завязал в кушак и пошел по следу жеребенка в сторону кыблы. Два дня шел, на третий дошел до чинары. Там застал он седобородого старца за намазом и присоединился к его молитве. Вечером было там уже двенадцать человек, к полуночи — сорок, а к рассвету собралось триста шестьдесят эренов.

64. А парнишка, усталый, заснул в сторонке. Собрались эрены и стали [спрашивать]:

— Что это за парень? Что за юноша?

Хызр, да будет мир ему, ответил:

— Это сын нашего дыхания.

— Пусть он сын твоего дыхания, но кто родители его?

— Он сын султана Ады-бека, внук Джигали-бека.

— О боже, не из тихой он семьи. А что, если мы, покуда в сборе все, пока не разошлись еще, до цели его доведем ⁹?

65. Посовещались эрены и согласились:

— Хорошо, добро!

Тут же лишили они Ровшена чувств, рассекли ему живот, вынули печень, очистили все, светом заполнили ему нутро и снова сделали все, как было ¹⁰. Все эрены дали [Ровшену] свое благословение.

66. Поднялся он, почихал и прокашлялся, и сорок эренов подали ему чашу с благостным вином. Выпил, пьяным стал и опять свалился [Ровшен]. Вновь эрены дали ему благословение, и вновь он, чихая, поднялся. На этот раз он кричал: «Помогите! Мой жеребенок! . . .» Тут его покровитель, хазрет * Али, Лев божий *, издал клич — и жеребенок встал перед ними и заржал, как если бы пред матерью своею предстал.

67. — Вот он, о юноша! — сказали [эрены] и передали ему веревку, [привязанную к шее] жеребенка.

— О Хызр, да будет мир тебе! Ты говоришь, он сын твоего дыхания. Парнишка этот, видно, живет в пустыне. Так пусть не мучается, не сту-

чится в разные двери, как попрошайка. Давайте снарядим и его самого, и коня его, — сказали эрены.

Отменно убрали они его коня — седло из золоченой кожи положили на него, бархатный потник, дорогую поддругу, чепрак с золотой бахромой, пуховую подушку на сиденье, украшенную изумрудами сбрую надели, а самому Ровшену дали сапоги из сагры * и дорогой кушак, шапку из меха выдры и чекмень * из френкского * сукна.

68. — Юноша, садись на своего коня и спой песнь — коня почти и о себе поведай. К чему лежит твое сердце — к землепашеству, к занятию бахши * иль, может быть, муллы *? Склонности твои хотим узнать.

— Добро, хорошо, — ответил он и спел для эренов песню — коня почтил и о себе поведал:

69. Хочу воспеть я арабского скакуна.

В три года все его достоинства видны.

Копыта крепкие у него, ноги как серый туман ¹¹.

В горах его взор, раздуваются ноздри его.

Будет три года ему, а пятый год пойдет —

Вырастет, не дотянешься до морды рукой.

Словно охотник, он все озирает окрест.

В битве всех поражает он.

В семь лет станет он буйным, как нер *,

Догонит врага, перед глазами маячить ему не даст.

Он, словно сокол, все озирает окрест,

В битве всех поражает он.

Мечтою о скакуне душа моя полна.

Пир мой Шахимердан! Тебе моя рука!

Всего лишь грешный раб я, — говорит Ровшен. —

А у конюшни много важных господ.

70. Кончил Ровшен петь, и [эрены] сказали:

— О юноша, о твоих склонностях мы узнали. Теперь, пока все мы в сборе, не разошлись пока, проси у нас все, что желаешь ты на этом и на том свете!

— Коли исполните мою просьбу, сделайте так, чтоб коню моему и мне жить сто двадцать лет. И еще — пусть ранены мы будем [хоть] в ста двадцати местах, чтоб исцелиться нам от ран при свете звезд ¹².

71. Дали эрены свое благословение.

— Проси, о юноша, еще, чтобы не было у тебя ни в чем недостатка.

— Просить еще? Коли попаду в руки врага, пусть быстро спасусь. Пусть сабля моя не коснется мусульман, пусть ударит по неверным!

Вновь эрены дали свое благословение.

— Проси, о юноша, еще, чтоб не было у тебя ни в чем недостатка!

— Просить еще? Наделите меня в конце жизни драгоценной благодарью. И сделайте мне доступными семьдесят два наречия¹³.

Вновь эрены дали свое благословение.

Трижды произнесли они благословение и больше не предлагали ему чего-либо просить.

— Спасите, эрены! Подарите еще потомка мне, чтобы после моей смерти продолжил он мой род. . .

— О юноша, мы трижды давали тебе благословение, чтоб ни в чем у тебя не было недостатка, тогда это можно было, теперь твоя просьба неосуществима.

72. Закрыв он глаза, и слезы потоком хлынули из глаз опечаленного Ровшена. И тут явился покровитель его, Лев божий, и утешил:

— Не печалься, сын мой. Я вдохну в тебя [такое] могущество, что имя твое до конца света, до дня воскресения из мертвых будет славиться в устах людей от семи до семидесяти лет! Пусть конь твой не превратится в прах.

Лев божий сделал, как сказал. Оттого-то о [Гёр-оглы] до сих пор, до наших дней не смолкают песни.

— А это тебе будет память от меня! — сказал он и повесил [Ровшену] на пояс саблю-истребительницу¹⁴.

— О Хызр, да будет мир тебе! Ты его называешь «Сын нашего дыхания». Какое имя ты ему дал?

— Я назвал его Ровшеном.

— О Аллах! Это имя не подходит отважному игиду. Женским именем ты его назвал. . .

— Я назвал его Ровшеном потому, что вышел он из обители тьмы в светлый мир.

— Э-е. . . ты говоришь, он вышел из могилы? [Так] пусть будет имя ему Сын Могилы — Гёр-оглы!

И называли они его Гёр-оглы.

— Тебе идти в ту сторону, о юноша! — сказали эрены.

Глянул он — исчезли эрены. . . Поблагодарив бога за дары, сел он на коня и отправился назад, к шалашу деда. Подъехав ближе — вдали показался уже шалаш, — Ровшен спешился и пошел, ведя коня в поводу. [У шалаша] привязал его и, почтительно сложив руки на груди, вошел.

73. — Эссалам-алейкум*, отец! — приветствовал он деда.

Говоря «здоровы ли?», шагнул он назад, опустился на корточки и сел, занггар, с таким учтивым видом.

— А-а, сынок, не так давно похож ты был на поганого смутьяна, да и меня, никак, убить хотел. А теперь ты, кажется, почти [смирненным] мусульманином стал. Ну-ка, рассказывай, что видел ты, что слышал!

— О виденном и слышанном я поведаю с помощью саза, — ответил он, и, взяв в руки саз, пропел, обращаясь к деду:

74. Я в забытии лежал — пришли эрены.

«Встань и очнись», — они сказали.

Открыл глаза я и весь мир узрел.
«Вон там стоит Шахимердан», — сказали.

Я в забытии лежал. Открыл глаза.
Лицом своим потерялся о ноги эренов ¹⁶.
Наставили они меня — я истину парек.
«Семьдесят один язык поймешь», — сказали.

Собрались эрены, устроили радение.
Трепещут нечестивые перед ними.
Окинул взором меня пир мой Шахимердан.
Сорок чаш наполнив, «пей!» мне сказали.

Все разом эрены откочевали.
Один за другим прошли они мост Сырат *.
Из источника Ковсера * они вино испили.
«Кто вышел — султан над богатырями», — сказали.

Бек Гёр-оглы говорит: я раб смиренный.
О пир Шахимердан! Ты мой защитник.
Пятикратно намаз совершай ежедневно!
«До судного дня благодать тебе спутником будет», — сказали.

75. Так пропел [Ровшен], и дед спросил:

— Что, зангар, дело сделал, да? О Аллах, игид дело совершил!
Эрены сказали: «Аят *, Коран, намаз. . .» Погибели тебе, отравы тебе,
зангар! Ты, зангар, встретил эренов и преобразился — господин получил
благословение стать сопи *. И кончишь ты, зангар, тем, что оденешься
в полосатый желтый халат, натянешь на ноги разбитые бапмаки, на
голову наденешь старую тюбетейку, обмотаешь ее бязью пять-шесть раз ¹⁶,
для омовения будешь искать проточную воду, а в зубах ковырять будешь
палочкой в полторы ляди длиной! Вот каким ты в конце концов станешь!
А как иначе ты думал, зангар?! Ты как-никак эренов видел! Сказали они
тебе, кем быть, чем тебе заниматься? Хочешь рассказывать — так расска-
зывай как следует. А это не рассказ!

— Коли то не рассказ, может, это будет [хорошим] рассказом! —
[сказал Ровшен] и обратился к деду с песней:

76. Красавец шах ¹⁷ восточку нам послал —
«В орду шаха отправляйся, о сын Джигали».
Пир мой Али вином меня напоил.
«До смерти вкушай блаженство, о сын Джигали!»

Запись деяний моих у меня на груди ¹⁸.
Ниспосланный свыше скакун Гыр-ат подо мной.
Сабля чудесная, что дал мне пир, у меня в руках.
«Саблей врага рази, о сын Джигали!»

Мал я был, когда [Араб] напал на нас.
Большую беду обрушил на наши головы он.
Тетку мою увез, заставил меня рыдать.
«С Арабом счеты сведи, о сын Джигали!»

Румский шах приказал вырвать глаза отцу моему.
Печалью и скорбью наполнил он сердце мое. . .
Ожесточившись, он дядю моего казнил.
«За кровь врагу отомсти, о сын Джигали!»

Кроме Аллаха, я не взывал ни к кому.
Кроме Али, никого учителем не называл.
Горько я сожалею — дитя [для себя] не попросил.
«Очаг твой погаснет, о сын слепца Джигали!»

Собрались эрены, встали здесь,
Свое благословение дали мне.
Вместо «Ровшен» именем Гёр-оглы меня нарекли.
«Разрешаем, ступай в путь, о сын Джигали!»

77. — Ну, сынок! Теперь я удовлетворен. Вот эта весть хороша!
Так чем эрены тебя одарили? — спросил Джигали-бек и принялся шарить [вокруг].

[Ровшен] положил перед дедом саблю.

— Что еще дали? — спросил [дед] и снова стал шарить [вокруг].

— Больше ничего не дали.

— Ну а то, что дали они, — это все-таки сабля?

— Да.

78. — Эх, до чего щедр эрены! Богато же они одарили тебя! Это не оружие, сынок! Вместо этой сабли в удобном случае можно и ножом кухонным воспользоваться — хватило бы силы!

— Что ж делать, отец, коли [ничего другого] они не дали. Подарили-то они [только] это.

79. — Не дали, так слушай, сынок! Есть Исфахан — Половина мира, равный почти половине нашей страны. В Исфахане четыре мастера лук изготовили. Из рубина и жемчуга, из тяжелых кораллов, из золота и серебра сделали они его, три года трудились над ним. Мастера те поставили условие: если кто натянет лук, тот получит его бесплатно. Если же не натянет — проигрывает четыреста золотых. Так я слышал. Поедешь туда, сынок, помянешь своего покровителя Льва божьего, да и натянешь тот лук, получишь его!

— Так это ведь чужая земля, отец! Хорошо, если пойму я их язык.

— Ничего, сынок, поймешь ты их язык!

Он ведь был наделен по своей просьбе знанием семидесяти двух языков. [Но] юноша о том пока не догадывался.

— Приедешь, сынок, в Исфахан, войдешь в крепость через обращенные к кыбле ворота. Пройдешь немного, и на пути у тебя будет медресе*. Подойдешь к двери медресе и закричишь: «Есть ли тут кто, у кого можно спросить?» Тот Абдулла-каландар, глава сорока каландаров, учится в том медресе. Коли не забыл он хлеб-соль, найдет для тебя мастерскую кузнецов.

80. — Хорошо, добро! — сказал [Гёр-оглы] и, получив разрешение у деда, благословенные получив, отправился в путь — где ты, Исфахан? Путь долог, [а] слово [о нем] лучше краткое¹⁹.

Ехал он и приехал к Исфахану. Въехал [в город] через обращенные к кыбле ворота, проехал немного. Вот и медресе. Остановился у двери и крикнул:

— Есть ли тут кто, у кого можно спросить?

81. Вышел Абдулла-каландар. Приветствовал он [Гёр-оглы]. Тот ответил на приветствие. Гёр-оглы узнал его. Но тот не признал Гёр-оглы. Он ведь тогда мальчишкой был, с кулак величиной. А нынче, погляди: приехал на коне, в полном вооружении, отважным игидом-богатырем.

— Ну, добрый молодец, поведай о себе!

— Не окажешь ли мне гостеприимства, каландар?

— Просишь гостеприимства ты. Но, хан-сынок*, здесь ведь мечеть и медресе. Тебе-то место найдется, а вот коню твоему — нет.

— Эх, да ты, оказывается, глуповат, каландар. Я-то нашел для твоих сорока ослов и место, и корм, и траву. Неужто в этой крепости не найдется места для моего одного-единственного коня?

— Да ты сам-то кто будешь?

— Я Ровшен с горы Уч-Гумбез, что зарезал [для вас] корову. . .

82. Ну, каландары подбежали к нему, сняли с коня и заключили в объятия, на руках перенесли в худжру* и усадили там.

— Сын мой, день и ночь я молился за тебя. [Это] бог привел тебя ко мне. Сын мой, как велит Книга²⁰, вначале устрою твоего коня. Конь твой ест кишмиш, ест рис?

— Найди для него отборного молодого ячменя.

— Постелить ли под ноги твоему коню бархатную подстилку?

— Лучше насыпь арбу песка.

Устроив коня, пришел к нему. Это [все же] крепость была.

— Сын мой, чего твоя душа желает, скажи! Зеленый чай будешь пить? Черный чай пить будешь? Сахар или набат желаешь? Желаешь кабла, шуле*, сюзьме* или яхна*?

Кушанья девяти видов²¹ подали они.

83. Прошло три-четыре дня.

— Ну, сынок, расскажи, какое у тебя дело!

— Каландар! Говорят, в этой крепости есть один лук со стрелами. Я приехал за ним.

— Хорошо, добро, сын мой! Каландары знают о нем.

84. Пересчитал каландар наличные деньги — четырехсот золотых туманов не набралось. Взял он [то, чего не доставало], в долг у братьев,

сверстников-ровесников своих, и, положив в карман четыреста золотых туманов, отправился, размышляя: «Ничего нельзя знать наперед. Может, юноша лук не натянет, тогда я сам заплачу. . .»

85. Привел он [Ровшепа] к мастерам в лавку.

— Эй, Абдулла-каландар! Что это за юноша?

— Это мой знакомый парень, мастера. А приехал он в эту крепость за оружием. Вот я и привел его к вам в лавку.

86. Ну, вы сами знаете, как выглядит лавка мастеров. Много приносят к ним луков и стрел, просят починить.

Собрали они их в кучу и предложили: «Пусть выбирает, что ему нравится!»

Гёр-оглы не пришлось по душе ни один лук, никакие стрелы. Побросал он их: это сюда, то туда. . .

— Если можешь что-нибудь более путное найти — давай! Мне ведь с ними не в поэзам * играть!

87. Старший из мастеров сказал:

— Ты, парень, высоко берешь! Есть у нас один лук со стрелами. Мы бы их и принесли сюда, да такой, как ты, и не вылезет из-под них!

88. — О мастера! Как говорится: «У кого силы недостает, тому глядеть остается». Все же принесите! Хоть погляжу [на них].

89. Старший из мастеров велел подмастерью вынести лук. Тот вынес лук из худжры и освободил его от покровов — а был лук в чехле из кожи в девять слоев. Лук и стрелы из рубина и жемчуга озаарили худжру сиянием.

Поражен был Гёр-оглы видом лука. Да вспомнил он, как дед говаривал: «Нигде не бойся [ничего], сынок! Будет страшно — помяни пира своего, Льва божьего!»

Помянул юноша пира своего, Льва божьего, взял лук и что есть силы натянул — согнулся лук так, что концы его чуть не сошлись друг с другом.

90. — Эй, парень! Сила у тебя, оказывается, огромная. Да ты же вот-вот сломаешь лук! Бросай!

— Мастера! Говорят: «Муж гибнет от своего слова, баран — от горла» ²². Я приехал сюда, [потому что] услышал, будто тот, кто натянет лук, получит его без денег. Я натянул его сейчас. И вам его не отдам!

— Э-е, нет! Не заплатишь нам [хоть] немного за труды наши — не отдадим! Не заплатишь — уходи! — сказали те.

91. — Эй, юноша! Оставь свои сумасбродства! Ты его натянул. Но у нас есть еще одно условие: ты пробей стрелой семь лопат.

92. — Хорошо, добро, выполняю и это условие.

Вышли на улицу, поставили семь лопат одна за другой — черенками в землю. Воззав к пиру, Льву божьему, он вложил стрелу в лук, прицелился и пустил стрелу — она пробила все семь лопат, прошла насквозь и ударила в свинцовые ворота крепости.

93. — О юноша! Могущественный, оказывается, у тебя покровитель. Иди, мы дарим тебе лук!

Каландар положил перед мастерами четыреста золотых туманов.

— Нет, каландар, обещание свое мы сдержим и условие не нарушим. Мы отдадим лук без единого гроша тому, кто его натянул.

— Все ж возьмите немного, чтобы лук юноше приносил счастье.

— Согласны, раз уж ты о счастье заговорил, — ответили они, и каждый мастер взял по два золотых тумана. А без восьми четыреста золотых туманов они вернули каландару.

94. Взял Гёр-оглы лук и попрощался с мастерами. Когда они ехали по улице, [Абдулла-каландар] сказал: «Сын мой, я отведу тебя еще в одно место». Привел он его в мечеть, в медресе, и они вошли в одну худжру. Там сидел старик аксакал — борода белая, халат белый, чалма белая и сам весь, вплоть до ресниц, белый, словно лебедь. То был пир каландара. Любезный Кабил-Ахбар огляделся вокруг — в углу худжры зеленое копые, глаз не отвести от него. Гёр-оглы все смотрел на копые.

95. — О сопи Абдулла! Что это за юноша? — спросил пир.

— Пир мой, этот юноша мой знакомый, в эту крепость приехал он за оружием. Я пришел к тебе, чтобы просить у тебя это копые для него. Пир мой, дай это копые юноше!

— Нет, сопи Абдулла! Очень сильным должен быть пир того человека, кто понесет это копые. Не всякому вислоному бродяге справиться с этим копыем!

— Пир мой, этот юноша не из нежных. Лук-то из рубина и жемчуга тех мастеров он натянул и забрал с собой.

Взволновался пир.

96. — О юноша! Поведай о своем пире, не то отдашь мне лук со стрелами! — потребовал старик.

Испытать хочет его пир — он ведь знает Гёр-оглы: это его Гёр-оглы давеча встретил под чинарой за чтением молитвы. Гёр-оглы сел и обратился к пиру с рассказом о своем покровителе:

97. Явился в [этот] лживый мир,

Родился — хазрет Али!

Саблей веры за ислам

Он бился — хазрет Али.

На плечах — прекрасный щит.

Важно выступает он.

Уста двенадцати имамов²³

Его превозносят — хазрет Али.

Грозно садится на Дюльдюля он,

Со словом Истины неразлучен,

Вместе с дочерью пророка

Он жил²⁴ — хазрет Али.

Конь питание ему доставлял,
Истина простила его грех,
Кольцо от пророка
Он получил — хазрет Али.

Чудесны вершины гор.
Приятны речь, слова его.
На черном коне, с зеленым копьём
Он был — хазрет Али.

Яблоня — усада садов.
Не желтей, лицо мое, не блекни!
Оставь сомнения, Гёр-оглы:
Мой пир — хазрет Али!

98. — Ну, сопн Абдулла! Могущественный, оказывается, покровитель у этого юноши! Пусть берет копьё, я дарю ему!

Вскочил Гёр-оглы и бросился за копьём. Когда собрались они уходить, [пир сказал]:

— Сопн Абдулла! И то, что во внутренней келье, я дарю! Пусть этот юноша вооружится как подобает.

99. Каландар хорошо знал все имущество этого пира. Он прошел в другую келью и вышел оттуда с сумой под мышкой. А Гёр-оглы поволок за собой копьё. Так и ушли. Шёл [Гёр-оглы] по улице и подумал: «Абдулла-каландар назвал его любезным Кабил-Ахбаром, большим своим покровителем. В доме такого пира должны бы вариться кабла, шуле, сюзьме, яхна, но он ничего нам не предложил. Очень прижимист, однако, этот пир. А может, содержимое этой сумы — кульче *, катлама *? Не сказал ли он, чтобы мы поели в поле?»

100. Каландар пришел в свою келью и посмотрел, [что в суме]: где там кульче, где катлама — богатырские доспехи всё: латы с золотым воротом, нарукавники, шлем, шестопер, топорик, кинжал с золотой рукоятью. Да, этот каландар из Исфахана отменно вооружил Гёр-оглы!

Прошло еще три-четыре дня.

— О каландар! Я нынче уеду, коли позволишь.

— Сын мой, останешься — буду тебе служить, и уедешь — служить тебе буду!

— Нет, каландар! Я уезжаю! — ответил Гёр-оглы.

Он тщательно оседлал Гыр-ата, навесил на себя оружие и двинулся в путь. А каландар проводил его до пределов своей страны.

— О каландар! Провожающий — не спутник, говорят. Возвращайся, я тебя отпускаю!

— Нет, сын мой! Есть у меня к тебе просьба. Исполнишь — вернусь. А нет — так до самой смерти буду у повода твоего коня.

101. «Если он попросит отдать назад все, что мне дал, отдам — за мужество его. Лишь бы коня моего не просил», — подумал Гёр-оглы.

— Говори, каландар, что за просьба у тебя. [Любую] исполню!

102. — Коли исполнишь, [выслушай меня], сын мой. [Помнишь], когда жили вы на горе Уч-Гумбез, единственную свою корову зарезали для нас. Мы пользовались вашим гостеприимством, а потом судьба свела нас со злосчастным Рейханом. Говорят: «Чтоб видеть прекрасное, глаз — лев». [И еще]: «Сказать [о ком-то] хорошее — благое дело». Это видели мы в Коране. И я сказал ему несколько слов [о вас]. Коли простишь ты мне эту вину, я вернусь [домой]. Не то до самой смерти буду прислуживать твоему коню.

Обрадовался Гёр-оглы.

— Каландар! Коли [только] в этом твоя вина, я прощаю тебя, прощаю!

103. Каландар повернул назад. Гёр-оглы ударил коня плетью: спутник одинокому — сам бог! Один переход пути он одним разом одолевал, два перехода — двумя, [так] скача, подъехал к шалашу деда.

Привязал коня, приветствовал деда и сел. Расспросили друг друга о здоровье, и дед сказал:

104. — Ну, сынок! Вернулся живым-здоровым?

— Вернулся, отец!

— Ну, что привез?

— Вот то, что я привез! — ответил он и выложил все перед дедом. Джигали-бек брал одну вещь за другой и откладывал в сторону. Ощупал все, положил в сторонку и сказал:

105. — Ну сынок! Горы-долы я исходил, вывести в люди тебя хотел. Лоб рассекли мне, вырвали глаза. Но теперь-то я сделал тебя человеком. С таким оружием, с такими доспехами, да чтоб о себе не позаботиться! Неправда ничего не дает: я все сыном тебя называл, [но] ты мне впуск! Правителем страны был твой отец. [И] у тебя есть народ — туркмены-текинцы двенадцати тысяч кибиток, а страна твоя называется Четырехгорный Чандыбиль. Отправляйся, сынок, в Чандыбиль. Вернем себе страну нашу, сынок!

Ох, у седобородого много суждений:

— Приедешь в Чандыбиль, сынок, там живет мой сын по имени Генджим, если только не умер еще. Свой скот он даром никому не давал, прижимист, скуповат был.

106. Получив позволение деда, [Гёр-оглы] отправился в путь — где ты, Четырехгорный Чандыбиль? Подъехал он к своей стране с южной стороны. Там, на окраине, скотоводы селились. Проехал он немного — вот показалось пять-шесть кибиток, крытых белыми кошмами. Подъехал он к двери кибитки и крикнул:

— Есть ли тут кто, у кого можно спросить?

Вышел дядя его Генджим. Приветствовал он [Гёр-оглы]. Тот ответил на приветствие. Гёр-оглы его не узнал, и [Генджим] не узнал [Гёр-оглы].

107. — Ну, добрый молодец, поведай о себе! — сказал [Генджим].

Бросил Гёр-оглы повод на луку седла, ловко достал из-за спины саз и спел: «Где дядя мой, где мой народ, не могу понять».

108. Скажу тебе слово свое, ага-джан *,
Где мой народ, не могу понять,
До смерти готов я повиноваться тебе.
Где же мой путь, не могу понять.

Облетела бы слава моя Рум *, целый мир,
Обрело бы страну свою сердце мое,
Поразить бы врага мне легкой стрелой.
Где же противник мой, не могу понять.

Пир мой Али вином напоил.
Дед мой Джигали-бек привет передал.
Послал он меня, сказав: «Дядя есть у тебя — Генджим. . .»
Где дядя мой, не могу понять.

Именем Гёр-оглы мой пир меня нарек.
К кому, кроме Истины, о помощи звать?
Никому не ведом в груди моей огонь.
Где же народ мой, не могу понять. . .

109. — О добрый молодец! Ты говоришь «мой дядя Генджим», «мой дед Джигали-бек». Я не понимаю твоих слов. Объясни мне все толком. Кто ты такой?

— Я сын султана Ады-бека, внук Джигали-бека.

— Так ты тот самый Ровшен?

— Точно, тот самый.

Подбежал Генджим, заключил [Гёр-оглы] в свои объятия, снял с коня, на руках в белую кибитку перенес и посадил на почетном месте.

— О дорогой Ровшен! Может, с неба ты спустился или из-под земли вышел? А мы слышали, будто падишах Хункар вас четверых в землю закопал.

110. — Нет, Генджим-ага! Падишах Хункар убил моего дядю и выколол глаза деду. А мы убежали от него и живем на горе Уч-Гумбез, шалаш построили [там]. Дед послал меня к тебе. «Пусть придет, — сказал он, — и перевезет нас». Хотим вернуться мы в свою страну, Генджим-ага!

— Хорошо, добро, сынок! Пока поживи здесь.

«У богатых базар рядом» — оседлал он пять-шесть верблюдов, пяти-шестерых слуг отправил, чтобы их вели. А [Гёр-оглы] остался у Генджима.

111. [Потом] приехал он к деду. Поздоровались, провел у него одну ночь. Какой уж скерб, какая утварь у бедного Джигали-бека? . . Посадил он его на верблюда, все вещи его погрузил и двинулся обратно. Вот и вернулись они в свою страну, обосновались здесь.

112. Прошел месяц — сорок дней. Собрался народ Чандыбия и держал совет:

— О народ, люди! С тех пор как умер Ады-бек и покинул свою страну Джигали-бек, страна наша оставалась без предводителя, без правителя, не было у нее хана, не было хозяина. Но вот Гёр-оглы вырос отважным игидом, богатырем и вернулся. Он нам опорой будет во всем. Давайте сделаем его ханом страны! И прежде его отец был ханом в стране. Поставим его на место отца! Так, посоветовавшись, народ поставил Гёр-оглы на место отца, сделал его ханом.

113. Человеку, что ханом стал, нужна ведь казна, богатство — и население, богатые скотоводы выделили скот из своего заката *, денежные люди дали денег; у кого было много зерна — дали зерно.

Человеку, что ханом стал, нужны ведь нукеры — собрали для него и нукеров. Сами понимаете ²⁶: были среди них и лодыри и бездельники, люди без роду и племени, убийцы и байские сынки. Собрали толпу [таких] бездельников и привели [к Гёр-оглы] — вот, мол, тебе нукеры. А Гёр-оглы, сами знаете: он ведь сын дыхания покровителя [своего Али] — прожил сегодня, и ладно. О завтрашнем дне не думает.

— Игиды! Коли есть [известные вам] певцы, бахши — зовите, ведите. Есть музыканты — приглашайте! А плов готовьте три-четыре раза [на день].

114. Коли бог не дает, надолго ли хватит подаваний его рабов? За пять-шесть дней съели, прикончили все, что дали люди. Ну, так ведь дядя Генджим у него богат — начал он брать в долг баранов у дяди своего Генджима. Но вскоре тот перестал давать ему в долг. Тогда он начал тайком посылать [своих нукеров] воровать. Посыпнул на добро дяди, зангар!

115. Однажды забрали они у дяди [Гёр-оглы] и съели пять-шесть баранов. Ну а Генджим тоже скуп, зангар. Сообразил он, в чем тут дело, и направился прямо к мейхане Гёр-оглы. Пришел, сел у входа на сына *, снял свою смешную шапку и стал браниться, дрожа [от злости]:

116. — Эх, зангар Гёр-оглы! Гёр-оглы зангар! Разве я для тебя свой скот, богатство свое добывал? Сам-то ты что же — не можешь себя прокормить, зангар? Кого же мне содержать: тебя или твоих проходимцев? Ну и хан, ну и правитель, посмотрите-ка на него! Среди ханов не бывает больших и малых, как не бывает больших и малых среди змей. Там Хункар-падишах хан, а тут ты — хан! Хункар-падишах дядю твоего убил, деду твоему глаза выколол. А ты не мстишь ему! Валяешься здесь, грабишь меня! Прах на твою голову, зангар! — [так] обругал его: [Генджим] и ушел.

Он ушел, а Гёр-оглы задумался: «Да, как говорится, у дурака тысяча слов глухих, да одно разумное. Довольно мне бездельничать. . .»

— Игиды! Коли нукеры вы мне, то поедемте, беки, поедемте мстить! — сказал он и обратился к игидам с песней:

117. Послушайте мое слово, беки мои!
Поедемте, беки, поедемте мстить!
Службу свою сослужите мне,
Вставайте беки, поедемте мстить!

Отважных игидов [всегда] поддержит пир.
Глядите: поблекло у труса лицо. . .
Рум, Истамбул * растоптали нашу честь.
Давайте, беки, поедемте мстить!

Сперва глаза вырвали деду моему.
Потом схватили они и убили дядю моего.
Скорбью, печалью наполнили мне сердце они.
Давайте, беки, поедемте мстить!

Советов не приемлет безмозглый глупец.
Трус в науке боя не искушен.
От мести не откажется бек Гёр-оглы!
Вставайте, беки, поедемте мстить!

118. Сказал он эти слова, а игиды его [пали духом, словно] плот их ушел под воду.

— Не падайте духом, игиды. Нельзя мне не ехать. [А] вам до завтра даю время на размышления. Кто желает ехать, пусть как следует снаряжится в дорогу, а кто не решается, пусть идет с богом! — сказал Гёр-оглы и отправился в свою худжру, стоявшую отдельно.

119. Ушел Гёр-оглы, а [нукеры] подняли гвалт, словно шкуру делили. Один спросил:

— Ну, игиды, вам понятно, что он сказал?

— Понятно, — ответил кто-то.

— Что же он сказал, когда уходил?

— Падишах убил его дядю, выколол его деду глаза. [Вот и] хочет этот зангар поехать отомстить ему, за кровь дяди своего расплатиться.

Кто-то еще выскочил и сказал:

— Ой, игиды, игиды! Этот зангар [сытно] ел, [вкусно] пил, [вот] и взбесился. Нападать с десятью-двенадцатью всадниками на город с сорока четырьмя воротами! Добьется он славы, [как бы не так]! Совсем спятил этот ага!

Тут другой заявил:

— Ай, игиды! Скажет «поедем», и поедешь, что [тут] поделаешь. Вот тебе и музыканты, певцы-бахши! Вот тебе чай, вот тебе кальян, вот тебе каша, вот тебе плов, вот тебе и яхна! А ты что, думал есть, пить, да и полеживать развалюсь? Загодя, что ли, не знал ты, зангар, причитается тебе угощение или нет?

120. Пятеро-шестеро из них посовещались:

— Мы-то еще этой ночью убежим, игиды! Хватит с нас и того угощения, что уже перепало. Разве это нашему деду вырвали глаза? Разве нашего дядю убили? Ну его. . .

Один, выдавая себя за умного, сказал остальным:

— Пусть они бегут, коли хотят. [А] вы не убегайте. Делайте, что я скажу!

— Так нам делать то, что ты скажешь? Да не поедет этот зангар [никуда].

— Ну а поедет, так и поезжай.

— Нет, это он сказал, только чтобы испытать нас. Дядя его Генджим овец уже не дает. И в других местах взять в долг не удастся. Вот он сейчас и ходит сам не свой, этот зангар.

— Он это сказал, чтобы проверить, кто предан ему, а кто нет.

— Упрямец, что ли, он или недоумок? Неужели ему невдомек, что, коли нападёт с десятью-двенадцатью всадниками на город о сорока четырёх воротах, так славы не добудет?

121. Пять-шесть человек послушались того и остались. Пять-шесть [других] убежали ночью, заявив: «Вы как хотите!»

Наутро оседлал Гёр-оглы коня, подъехал и видит: сидят пять-шесть человек, а [остальные] пять-шесть убежали.

— Ну, игиды, а где остальные?

— О ага Гёр-оглы! Люди познаются в решающую пору. Мы вот готовы с тобой и на смерть пойти.

122. — Поехали, коли готовы пойти на смерть! — сказал [Гёр-оглы] и вместе с ними отправился в путь. По пустыне едут они, едут по горам. Ну, разве же в чистом поле найдешь такое раздольное житье, как в крепости! Помаленьку пыл у них поостыл, приуныли игиды.

— Друзья, никак этот зангар всерьез собрался ехать. Скачет, никуда не сворачивая, — сказал один из них.

— Какое там серьезно! Видно, баи-скотоводы позвали его на пир. Туда и едет он, — заметил другой.

— Хорошо, коли богатые скотоводы позвали его на пир: сейчас у них много чудесного верблюжьего олюма *! — добавил другой.

— Чего только нет у богатых скотоводов! У них и масло с патокой найдется. . .

123. Надеялись они, что Гёр-оглы повернет к богатым скотоводам. Но не повернул он, проехал юго-западной стороной.

— Ну, игиды, все пропало, все пропало. Выходит, что едет он всерьез. . .

124. Один [из игидов] ворчал:

— Ох, игиды, ну и глупец же я, ну и глупец! Ни в чем-то я не знал нужды — ни в еде, ни в питье. У семи падишахов не было столько богатств, сколько было у моего отца. Мне бы проехать заработанное отцом, пользоваться денежками его. [Мне бы] прогуливаться по прохладе, засунув полы халата за пояс, спать в тенечке, прогнав [оттуда] собак, а проснувшись, попить чаек, потягивать кальян и, придя в настроение, прохаживаться по аулу в чистой одежке, накинув на плечи ложенный халат, надев шапку набекрень, опоясавшись платком, чтобы бахрома свисала на задницу, ходить и горделиво поглядывать на девушек, молодых. . . Ну и глупец же я!

125. Кто-то в ответ ему сказал:

— Эй, друг! Сам-то ты байский * сын, а нас считаешь бедняками, вот и говоришь все это, чтобы нас задеть. Байский сын ты, ну и подавись своим байством. Заимодавец получит деньги свои, коли есть, что взять, а коли нечего взять, то и получит он. . .!

126. — Друзья! Оставьте эту свару! Вот он едет-едет, да и приедет куда-нибудь, устроит привал, чаю попьет, кальян покурит, а потом мы и попросим, чтобы [все] объяснил.

127. Гёр-оглы устроил привал, попил чаю, покурив кальян. Пришли к нему [игиды] и спросили:

128. — [Скажи,] ага! А там, куда едешь ты, будет ли добыча, [найдется ли] заработок? Долги уплатить, чай, табак купить. Или только отомстить ты хочешь, за честь свою голову сложить?

129. — Игиды! Не будет у меня ни добычи, ни заработка! — ответил он и спел, обращаясь к игидам:

130. Иду в поход я на Гурджистан *.

Кто путь желает одолеть, пусть едет!
Тот, кто готов во имя веры жизнь свою,
Богатства в жертву принести, пусть едет!

Кто стрелой, кто луком,
Лучший из игидов — доспехами,
Кто копьём с султаном золотым,
Тот, кто врагу противостоит, пусть едет!

Мечта игида — [добрый] конь!
Коня иметь — счастье [для него].
Как пламя жаркое — острый клинок,
Кто в пламя броситься готов, пусть едет!

Гёр-оглы говорит, миг есть миг.
Горе придется на долю кази *.
Битва для игида — праздник.
Кто всем пожертвовать готов, пусть едет!

131. Кончил он петь, [и нукеры сказали]:

— Разве нашего дядю он убил, разве нашему деду вырвал глаза, чтобы мы жизнью рисковали, имущество свое теряли? Гёр-оглы-ага, разреши, мы уйдем. Зачем нас бить, ругать, зачем [насильно] брать с собой? Ну, поедем мы — так пользы-то от нас не будет, вред один. Разреши нам, ага, вернуться!

— Коли пользы от вас не будет, зачем же бить вас и бранить, зачем [насильно] тащить с собой. Уезжайте, разрешаю, возвращайтесь!

132. Повернули они назад. Проехали немного, а один из них говорит:

— Словам этого зангара верить нельзя. Уехал он без нас, а что как одолеет его одиночество — он и догонит нас да скажет: «Не могу не взять вас [с собой]!»

В панике поскакали они прочь.

133. А Гёр-оглы после их отъезда, как они и предполагали, почувствовал одиночество. Он тоже впервые ехал в поход, на битву. Уж и вернуться он хотел, да подумал: «Коли поверну назад и в крепость возвращусь, дядя Генджим опозорит меня, веник привяжет к хвосту моего коня и выгонит меня из страны. . . Эх, зангар Гёр-оглы! Разве можно стать человеком, опираясь на пятерых-шестерых забулдыг? Будь мужчиной, мужественным будь!»

Снял он с Гыр-ата седло и чепрак и заново оседлал его, накинул чепрак, попону скатал и привязал к крупу, высоко завязал хвост, сел на коня и поскакал вперед галопом «гуры сепджин»²⁶. Пусть так и скачет.

134. О ком теперь рассказ? — У отца Гёр-оглы было сорок конных нукеров. После смерти Ады-бека натворили в Чандыбиле дел зангары: у скольких силой отняли скот, скольких убили. Бежали из Чандыбиля и обосновались в горах, жили в шалашах. Предводителя этих всадников звали Сапар-Меремом, а прозвище его было Сапар-Косе.

135. Путь Гёр-оглы лежал мимо них. Их шалаши находились чуть дальше [в горах]. А караулить у горного прохода оставили Дяли-Мятел, Сейтек-Гырма и других. «Появится караван — дадите знать!» — сказали им. Грабили торговцев, проходящие караваны — вот чем занимались эти [нукеры]. Взошло солнце. Караульные заметили Гёр-оглы.

136. — Ступай, Мятел, передай Косе и остальным: подъезжает какой-то всадник. Постараемся захватить его. Поспеши, пока Косе не задал коням корм.

— Хорошо, добро! — ответил Мятел, хлестнул коня плетью и ускорил.

А Косе — только успел он расседлать коней и повесить им торбы, глядь, скачет Мятел.

— Мятел едет с какой-то вестью. Снимайте торбы с коней, быстро!

137. [Игиды] сняли торбы и быстро оседлали коней. Мятел еще не подъехал, а зангары уже стояли наготове. Косе не терпелось, чтобы [Мятел] поскорее подъехал, и он кричал [ему]:

— Эй, Мятел! Ты не мог бы говорить на ходу? Караван-то большой?

— Косе, на что тебе караван, на что прочее? Едет один всадник. Это или хан какой-нибудь страны, или тюре*, или бай с казной как у семи падишахов! Одного его одевания хватит, чтобы прокормиться нам и семи поколениям наших потомков. Да за седлом у него, похоже, груз — чай, табак. Чую [приятный] запах!

138. Сели на коней и ринулись к горному проходу. Подъезжая к проходу, Косе сказал:

— Игиды, вы не показывайтесь. Я сам тайком хочу своими глазами посмотреть, что это за всадник.

Спешился он и стал глядеть сквозь какой-то пролом. Рассмотрев Гёр-оглы, сказал:

— Эх, игиды, ноги у коня слишком длинные, облик суров. [Если] откуда издали гнаться за ним, его не догнать. Конь его с ночи разогрелся,

равнялся. А наши кони лежали сытыми. Пусть совсем близко подъедет — тогда погонимся.

139. [Гёр-оглы] подъехал на расстояние танапа* — половины танапа, вдруг из-за гор выскочили сорок конников с копьями наперевес. С кличем «алла!» они ринулись на Гёр-оглы.

Гёр-оглы не доводилось видеть ничего подобного. Чуть не повернул он назад, чуть не удрал. «Не побегу я», — решил он и, выставив копьё, встал как вкопанный.

А те горячили коней, с гиканьем мчались. Вот подскакал [один] — ударил [Гёр-оглы его] копьём, сбил [с коня], [другой] приблизился — [и его] ударил копьём, опрокинул, [еще] приблизился — [и его] ударил копьём, опрокинул. Наконец раздался топот Боз-Думана — подскакал Косе. И его [Гёр-оглы] сбил с коня. Всех сорок сбил с коней.

140. [Косе сказал]:

— Эй, добрый молодец! Мы пошутить хотели, побаловаться копьями, посостязаться в играх, а ты, запгар, обозлился, изо всех сил тычешь своим копьём.

— Коли вы шутите, игиды, то и я шучу. Коли вы всерьёз, то и я всерьёз. В конце концов никто из вас ведь не получил смертельной раны.

141. Поняв, что его на коне не одолеть, Косе шепнул парочке своих: «На коне его не одолеть. Вы для виду отойдите подальше. [А] я его обманом, лаской заставлю спешиться и прикинусь, что [хочу] с ним бороться. Вот тогда наваливайтесь на него! Да не сразу все сорок, гурьбой, с криком-гамом, не раздавите, смотрите, его, не убейте. Подходите по двое. Убивать не будем его, схватим живым, скрутим ему руки за спиной, привяжем к остову шалаша и родственникам его дадим знать. За него тысячу золотых дадут да два тюка каршинского табака».

Сами знаете, как поступают туркмены: они хотят продать его родственникам, [выкуп получить за него].

142. Вот уже договорились, делая друг другу знаки, и рассыпались игиды. Они ушли, а Косе сказал:

— О добрый молодец! Когда я вижу такого, как ты, безбородого игида, у меня аж печенка зудит. . . Не хочется сидеть просто так. Сошел бы ты с коня. Поборолись бы с тобой!

143. — Хорошо, добро! — ответил Гёр-оглы и спешился.

Схватились они и стали бороться. Поборолись они немного, и тут за спиной Гёр-оглы послышался какой-то шорох. Повернулся он и видит, что идут на него еще двое. Сообразил он, что они в сговоре. Пока те не подоспели, он быстро подмял под себя Косе. Это Косе велел им по двое подходить. Подойди они все разом — Гёр-оглы туго бы пришлось. [А так] он всех сорок уложил друг на друга по пять. А сам уселся на них, сидит на самом верху. [А] Косе остался внизу, кричит оттуда:

— Ой, добрый молодец, а я-то все мечтал, чтобы ты уселся на меня! Ой, осуществилась мечта моего сердца! Слезай, подлый мучитель, ты мне все ребра переломал!

144. Как сказал он это, Гёр-оглы слез с них — посыпались они, как зеленые дыни с арбы.

— Эй, добрый молодец, и на коне ты не дал себя одолеть, и в борьбе не поддался. Расскажи, откуда ты родом?

— А что — узнаете, откуда я родом, и дочь свою отдадите за меня?

— Да этот игид, кажись, весельчак. Ты как, добрый молодец, знаком немного с чаем, с кальяном, с неше?

— Знаком, конечно.

— Пойдем, я отведу тебя в наш стан, мы угостим тебя чаем, табачком, а потом послушаем.

145. Приводят [его] в стан, подносят чай, кальян.

— Ну, добрый молодец, кто ты? Поведай о себе!

— Я сын Ады-бека, внук Джигали-бека.

— Сгинь, прочь, зангар! Кому ты это говоришь? Разве остался сын у Ады-бека?

— Я его сын!

— Да не можешь ты быть его сыном!

146. Вмешался тогда Сейтек-Гырма и сказал:

— Пойдите, пойдите, игиды! Я как-то слышал от одного человека, что после смерти Ады-бека умерла и его жена, а в могиле [у нее] родился мальчик, его нашел Джигали-бек; называли его Гёр-оглы. [Так], может, это он?

Косе спросил у Гёр-оглы, не он ли это.

— Он самый я и есть.

Бросился Косе к Гёр-оглы, обнял его, стал целовать его в щеки, качал, раскачивал и чуть до смерти не задушил.

147. — О Гёр-оглы! Гёр-оглы! После смерти твоего отца мы бродили, не находя места, куда бы пойти, не находя озера, чтоб окунуться. А теперь если ты [даже] на небо улетишь, за ноги стащим, в землю зароешься — за уши вытащим тебя! Мы тебя не отпустим!

— И я искал, да найти не мог таких игидов, как вы! — ответил Гёр-оглы; так и обрел он сорок игидов своего отца.

Ночь провели в шалаше Косе, а утром Косе спросил:

— Бек Гёр-оглы! Расскажи, зачем приехал ты в эти края?

148. — Говорят, Косе, что падишах Хункар убил дядю моего, вырвал глаза деду моему. [Вот] и отправился я отомстить ему, за кровь ему отплатить.

— Эх, Гёр-оглы, и это ты считаешь делом! Да мы туда ходим на ала-маны, когда [настоящего] дела нет. А ну, игиды, седлайте своих быстрых коней! Новый у нас предводитель. Послужим ему.

149. Оседлали, вскочили в легкие седла и тронулись в путь — зангар Косе впереди всех на Боз-Думане.

Подъехали к пределам страны Хункара и учинили разбой. Юноши стали их добычей, девушки пленницами стали. Возвращались они лесом. Уж коли повезет добру молодцу, неужто удача будет лишней: оказывается, сын Хункара со своими сорока вельможами выехал в это время

поохотиться на фазанов. Напали и на него. Били, опрокидывали, кололи и валили, давили и убивали. За дядю [Гёр-оглы] убили сына Хункара и отправились назад.

150. Приехали к шалашу Косе, [там] провели ночь. Наутро Косе сказал игидам: «Откочуем в Чандыбиль!» Взяли они все, что было ценного, а остальной скarb вместе с шалашом сложили в кучу, сожгли и уехали.

Приехал Косе в Четырехгорный Чандыбиль, пришел к мейхане Гёр-оглы. Привязали игиды коней и сели отдохнуть.

151. Отведал Гёр-оглы сиротской доли, бедность перенес, страдал, а в конце концов человеком стал, страну отцовскую получил и нукеров приобрел, за кровь дяди своего, за ослепление деда отомстил и нескольких шиитов* умертвил; пусть оставит он [на время управление] страной и насладится жизнью у себя в мейхане.

II. ЖЕНИТЬБА ГЁР-ОГЛЫ

152. О ком теперь рассказ? — Однажды отправился Гёр-оглы со своими сорока игидами на аламан. [Но] добыча оказалась невелика. Возвращались они домой.

— Гёр-оглы! Дорога и там и здесь, если в крепость едешь, здесь путь короче, — дурачил его зангар Сапар-Косе, [а сам] держал путь на [стадо] овец Генджима.

Когда приблизились к стаду Генджима, [Сапар-Косе] шепнул пяти-шести [всадникам] с Сейтек-Гырма во главе:

— Поезжайте возьмите у Генджима пять-шесть овец, чтобы не возвращаться в крепость с пустыми руками. С дядей [Гёр-оглы] сам будет объясняться, а мы поедем в свое удовольствие.

[Всадники] отделились и помчались [к стаду].

Гёр-оглы спросил у Косе:

— Эй, Косе, куда это они направились?

— А-а, Гёр-оглы, я велел им взять пять-шесть овец у Генджима.

— Эх, Косе, лучше бы вы не трогали этого зангара!

— Ай, Гёр-оглы, не стоит расхолаживать игидов, они [и так] огорчены. Поезжай себе!

153. После этих слов и Гёр-оглы ехал молча.

Подъехали те к стаду. Навстречу им вышли чабаны с палками в руках. Ну, эти зангары, как волки, набросились на чабанов. [Били] их рукоятями сабель да секирами — по скулам, по ключицам, по головам. Овец за загровок хватали, поперек седла клали. Взяли по овце [каждый] и вернулись в крепость.

Не успели они подтехать, как Косе закричал:

— Зангары, не сходя с коней, перережьте [овцам] горло! Как бы следом Генджим не подоспел.

154. Сразу же зарезали [овец], приготовили шашлык, съели, запивая вином.

Тем временем к Генджиму пришли его чабаны. Руки повисли, по щекам кровь течет.

— Эй, зангары, говорите, в чем дело? — спросил Генджим.

— Ох, на нас твой младший брат¹ напал. Пропал твой скот.

Ну а Генджим больно корыстолюбив, зангар, сразу же отправился к мейхане Гёр-оглы. Гёр-оглы в своей мейхане находился, отдельно от

сорока игидов. К Косе и остальным [игидам] Генджим не пошел. Появился бы он там, они отхлестали бы его да еще водичкой побрызгали. Он пришел к мейхане Гёр-оглы. Подошел, расселся своим задом на сына у входа и стал браниться, противная рожа.

— Эй, зангар Гёр-оглы! Зангар! Для тебя, что ли, добывал я скот, богатство добывал?! Или сам ты не можешь себя прокормить? Думал я, что от прежних дармоедов избавился, так ты еще и старых кровопийц нашел! [Неужели] не будет от тебя покоя, зангар, [неужели] не будет покоя! Эх, ты, злосчастный, вислоногий зангар!

Так он ругался и поносил [Гёр-оглы], пока [наконец] не ушел.

155. Рассеки он лоб Гёр-оглы — тот не охнул бы. Но слова «злосчастный», «вислоногий» пронзили его насквозь, проникли до мозга костей. «Злосчастный» — это потому, что сына у него нет, «вислоногий» — это потому, что жены у него нет. . . Печальный, пришел он к игидам.

— Косе! Мой дядя Генджим из-за поганых пяти-шести баранов такие вот упреки кинул мне в лицо. Лучше все же, когда всемогущий бог сам заботится о пропитании раба своего.

Так сказал он игидам и спел:

156. Прежде всего от бога моего

Счастье нужно игиду.

Чтобы подняться, коли упал,

Помощь нужна игиду.

Чтобы задушевные беседы вести,

Чтобы «касаться коленями, словно нер, бугра»²,

Чтоб честь, достоинство отстоять,

Брат нужен игиду.

[Нужен игиду] конь, украшенный золотой бахромой,

Дом с айваном *, с очагом;

Высокая, на объятия щедрая

Красавица нужна игиду.

Она примет и привяжет коня [игида].

Заставит сердце его страдать [от страсти],

А когда он умрет, горько заплачет, —

[Такая] жена нужна игиду.

Спутник игида — это конь,

Счастья вершина — это сын.

Но и дочь утешит сердце его —

Потомство нужно игиду.

Удальцы игиды держат [военный] совет,

Бесчестные трусы [отсиживают] в тихом месте,

Бек Гёр-оглы, когда настанет конец света,

Благодать нужна игиду.

157. После этих слов [Гёр-оглы] погрузился в печаль, раскинул он перину, бросил пуховую подушку, лег и уснул. Опечалился Гёр-оглы — печальны стали и его сорок игидов, легли и они.

Так лежал Гёр-оглы, и ближе к рассвету приснился ему сон: какой-то старик в желтом халате и желтой чалме привел за руку в мейхану красавицу пери *, передал ее ему в объятия и сказал: «Не печалься, сын мой, вот тебе пара! Это дочь падишаха Джахана с горы Кап *, зовут ее пери Ага-Юнус». Сказал так и ушел.

158. Показалось Гёр-оглы, будто в объятиях у него луны осколок. . . «[Коли] пери у меня в объятиях, [так] дай-ка я ее поделую», — подумал он и стал целовать подушку. Лобзая [подушку], он проснулся. «Неужто это та пери, что приснилась мне? Наверное, она где-нибудь здесь», — подумал он и начал шарить вокруг себя. Шарил он так, и подвернулся ему под руку один из игидов. [Гёр-оглы] попробовал его обнять, да рук не хватило. Звали того [игида] Бед-Рустамом. Был он толстый, здоровенный, как маслобойка, зангар. «О Аллах, мне [ведь] приснилась пери не такая толстая, как эта, а с тонкой талией», — подумал он. Продолжая шарить, наткнулся он на другого игида. Крепко обнял его и прильнул губами к его щеке. [Но] уста его не коснулись тела. Этого [игида] звали Сейтек-Гырма. Густая борода была у него, все лицо его заросло волосами.

159. «О Аллах, у пери, которая мне приснилась, было нежное лицо. Не было у нее такой густой шерсти». Оставил он и этого [игида] и продолжал шарить. Так добрался он до Косе. «Ну вот, наконец кто-то тонкий, худой, и лицо без волос. Коли здесь она, то уж, верно, это она и есть!», — подумал. Навалился он [на Косе] и прильнул губами к его щеке.

С воплем вскочил Косе:

— Эх, проклетие! Что за напасть такая! Зажгите свет!

Один [из игидов] кричит: «И через меня он перелез. . .», другой говорит: «И через меня. . .»

— Эй, зангары! Зажигайте же свет, я держу его за шиворот!

160. А Косе, как проснулся, крепко ухватил Гёр-оглы за ворот. Зажгли свет и увидали: вот стоит рядом с ним Гёр-оглы.

— Эх, зангар, Гёр-оглы, что же это — никого другого не нашел, так за меня принялся?

161. Что сказать Гёр-оглы, что возразить? Стоит он в растерянности. . .

— Эй, игиды! Дайте ему чаю, дайте кальян, пусть придет в себя. Потом попросим объяснить.

162. Подали Гёр-оглы чай и кальян. Попил он, покурил, потом уж спросили его:

— Ну, Гёр-оглы, рассказывай! Приснилось тебе что-то, пригрезилось? В беспамятстве ты действовал или нарочно нас тревожил?

— Вот какой сон я видел, — ответил Гёр-оглы и запел:

163. Я лежал в забытии, когда пери пришла.
Огнем любви она меня сразила.

Влюбился я в эту пери.
Огнем любви она меня сразила.

Надела она головной убор с золотым гупба,
Сладкую душу³ мою огнем любви сожгла,
Поглядывая искоса, словно сокол,
Огнем любви она меня сразила.

Поглядывает искоса словно сокол она.
Черные локоны ниспадают на плечи ее.
Две родинки на белом ее лице.
Огнем любви она меня сразила.

О братья, пери рассудок отняла у меня.
В серебро и золото наряжена она.
Золотыми перьями украшена прическа ее.
Огнем любви она меня сразила.

Гёр-оглы говорит: речь ее сладка,
Глаза-нарциссы ее отняли душу мою.
Сделал бы краской для бровей прах из-под ее ног.
Имя ее Ага-Юнус, милой моей она стала...

164. Кончил он петь, и Косе сказал:

— Да, Гёр-оглы, вот, оказывается, что случилось. Иначе бы ты с нами так не поступил. Коли приснилась тебе пери, так мы ее найдем, где бы ни находилась она. Мы женим тебя, не горюй!

— Косе! И найти ее ты не сможешь, и женить меня ты не сможешь. Я сам найду ее, сам разыщу. А вам я хочу наказать: пока не вернусь, не троньте скот Генджима, хоть пухнуть будете и умирать от голода.

Привел Гыр-ата Мятел. Привел и оседлал его честь честью. Сел на коня [Гёр-оглы], хлестнул его плетью и поскакал.

165. О ком рассказ? — О Гыр-ате.

Хлопьями падала пена с коня, а когда иссякла пена, появился прозрачный пот. Стрелой летел Гыр-ат по просторам пустыни.

Говорят: «У одержимого нет рассудка». «Попадется же мне [наконец] колодец или скопление дождевой воды на такыре*», — подумал Гёр-оглы и вылил воду из кальяна — пора, мол, ее менять. И из фляги вылил воду — не свежая, мол, вода. Но какой там колодец! Страдают от жажды и он, и его конь. С трудом уже скачет Гыр-ат, хрипя, разинув пасть и вывалив язык. У Гёр-оглы пересохло горло, стала темной кровь.

— О Аллах, видно, шайтан тот дед в желтом халате и желтой чалме, что соединил меня с пери. Поддался я дьявольскому наваждению. Слышал ведь я, что некоторые шайтаны имеют вид стариков. А теперь в этом безлюдном месте придется мне умереть без пищи и воды. О Лев божий, по-

кровитель мой! Коли не услышишь ты [моей мольбы], плохи мои дела, — сказал [Гёр-оглы] и пропел:

166. О творец, милосердный бог!
До пери доведи меня!
Источник силы ты, прародитель!
До пери доведи меня!

В ковчеге плавал ты по волнам,
За единоверцев сражался ты.
Источник силы ты, пророк Нух *!
До пери доведи меня!

К Мухаммеду взываю я,
Святым посланец стал для меня.
Глава всех сподвижников [Мухаммеда],
До пери доведи меня!

Взываю я к прошедшим [через этот мир],
К тем, кто покоится в Медине *,
К тем, кто следовал путем веры, —
До пери доведите меня!

Гёр-оглы говорит, о Всемогуций!
Шахимердан! Помоги мне!
Все усопшие сподвижники [Мухаммеда]!
Сегодня до пери доведите [меня]!

167. Кончил он петь и поехал дальше. [Вот] конь его стал замедлять шаг, перешел на рысь, потом совсем остановился. Взмолился [Гёр-оглы]:

— О всевышний, хоть раз еще яви мне того старика в желтом халате и желтой чалме: хочу его раздавить, крови его испить. А потом хоть душу мою назад возьми — согласен я!

Спусти какое-то время впереди показался высокий холм, а на нем — старик. «Да вот же он перед глазами, коли в силах ты что-нибудь сделать! Посиди там, пока я подойду!» — сказал [он про себя] и побежал [к старику]. Когда [Гёр-оглы] приблизился, [старик] обратился [к нему]:

— Постой, постой, сын мой! Оставь скверные помыслы. Разве можно обрести пери, не пережив горя и волнений, не испытав голода и жажды?

168. Глянул [Гёр-оглы] — да это же его покровитель, Лев божий!

— Ошибся я, дурно поступил. . . — сказал [Гёр-оглы] и пошел к деду, [почтительно] сложив руки на груди. Взобрался он [на холм] — а там родник бьет. Понукая, подталкивая, затащил [Гёр-оглы] туда коня и дал ему воды в миске.

— Понемногу пей, сын мой! — велел [дед].

Потом [они вместе] пили чай и курили. После чая и кальяна к Гёр-оглы вернулась сила, взор его просветлел. Огляделся он [вокруг] и увидел, что в направлении кыблы красуется крепость.

— Видишь вон ту крепость, сын мой?

— Вижу.

169. — Коли видишь, [знай:] это гора Кап. Достиг ты [своей цели], сын мой, не падал ни себя, ни коня. Если с привалами, с остановками ехать, то досюда три месяца пути. А ты доехал за сорок дней. Трехмесячный путь в сорок дней одолел. Сегодня, сын мой, уже сорок дней, как приснилась тебе [та пери]. И ты ей приснился — так я сделал. Увидела она во сне дитя человеческое и с тех пор в тревоге и нетерпении.

Войдешь в ворота, обращенные к кыбле, [и увидишь], что порог [перей] охраняет дракон. Девушка думает: «Покровитель того человека, что мне приснился, могуществен; коли он придет — одолеет [дракона], а коли не одолеет, значит, это другой человек».

[Дед] взял горсть земли,дохнул на нее и подал [Гёр-оглы]:

170. — Иди, брось это в пасть [дракону] — и тот рассыплется, превратится в дерево. А иначе он тебя не пропустит. Ну, добро, хорошо!

Дед помог [Гёр-оглы] сесть на коня, и тот помчался к крепости. Въехал в обращенные к кыбле ворота и видит: лежит, охраняя порог [перей], дракон и бьет хвостом. Ох, горит любовью к пери [Гёр-оглы]. Встреча с пиром его вдохновила, чай и кальян взбодрили его. [Закричал он дракону]:

— Эй, зангар дракон! Я трехмесячный путь в сорок дней одолел. И теперь пери, что во сне мне явилась, находится рядом, за тобой, на один танап—полтанапа дальше. [Так] не нужно мне теперь ни заклинания, ни волшебства! Встань! Исчезни!

Бросил он узду на седло, схватил саз и с угрозой обратился к дракону:

171. Чудом созданный дракон!

Не преграждай мне к пери путь!

И тебя и меня сотворил Аллах.

Не преграждай мне к пери путь!

О дракон, почему ты печален?

[Почему] с угрозой на меня глядишь?

Коли разгневаюсь — сегодня же умрешь ты.

Не преграждай мне к пери путь!

Коли спросишь обо мне, [так] из Чандыбиля еду я,

Коли расскажу [о себе], [так] нового сада цветок я,

Коли о родителях скажу, [так] сын я Ады-бека.

Не преграждай же мне к пери путь.

У милой моей хорошо бы черные локоны завить!

В Чандыбиле хорошо бы пять дней пожить.

Гёр-оглы говорит: хорошо бы красоту милой узреть.
Не преграждай же мне к пери путь!

172. Сказал так [Гёр-оглы] и погнал Гыр-ата. С каждым шагом коня пасть дракона раскрывалась на полтора геза. Видит [Гёр-оглы] — вот-вот [дракон] проглотит его вместе с конем. «Ох, так не годится», — подумал он и бросил в пасть дракона землю, что дал ему покровитель. [Дракон] с треском рассыпался и превратился в дерево.

173. Въехал [Гёр-оглы] в крепость и двинулся по улице. Заглядывал в дома и худжры, что попадались ему на пути. Везде разостланы большие ковры, паласы, везде убрано, подметено. Но нет ни единой живой души. . . [Гёр-оглы подумал]: «О Аллах, как раз сегодня, когда после стольких мытарств я добрался сюда, они, видно, [все] бежали куда-то».

А жило в этой крепости триста шестьдесят пери, главой среди них была Ага-Юнус. Она-то и собрала их у себя. Вот поэтому и не было их видно.

— О пери! Месяц — сорок дней назад явился мне во сне человек. И сидеть мне с тех пор не сидится и спать не спится. И аппетит пропал. Займите меня беседой! — сказала она им. [Вот] все и были у Ага-Юнус.

174. Увидел Гёр-оглы дворец. Из рубинов, драгоценных камней сооружен был дворец, как солнце он сиял. Это был дворец самой Ага-Юнус. Подъехал [Гёр-оглы], привстал в стремени и заглянул в окно. Видит: триста шестьдесят пери теснятся в покоях Ага-Юнус, будто кто руками их туда затолкал. В середине Ага-Юнус сидит, возвышаясь над другими пери на полтора геза. «Надо о себе дать знать, — решил он, — но, коли громко крикнуть, как бы пери не испугались», — подумал Гёр-оглы и, чуть отвернув лицо от окна, обратился к пери с такими словами:

175. Пери моя, что ты просишь у меня —
Скот-имущество или голову мою? Что же?
Ты натянула кривой лук —
В глаз ли [целишь ты], в бровь ли, во что же?

Сын бека на охоту выходит,
[Ловчую] птицу пускает, бьет в барабан.
Пери моя искоса смотрит.
Не знаю, хмельна ли она, что же [с ней]?

Пери моя! Не заставляй сгорбиться мой стан.
Продажный рок ранил [грудь мою].
Не сжалишься ли, о жестокая, [надо мной]?
Из камня ли сердце твое, из чего же?

Гёр-оглы говорит, нет больше мочи у меня.
Забыл о чести, о достоинстве я.
Проснись же, розолика подруга!
Сон ты видела — что же?

176. После его слов [Ага-Юнус] сказала двум пери:

— Снаружи доносится голос человека. Пойдите позовите [его], пусть заходит!

Пери вышли, но, увидев стан, лицо Гёр-оглы, испугались и прибежали обратно. Гёр-оглы был рожден человеком, а они — пери. Разного они были роду-племени, разного естества — вот пери и испугались.

— Ну что? — спросила Ага-Юнус.

— Ох, Ага-Юнус, старшая сестра наша! Коли это и есть человек, то какое-то необычное у него [все] — глаза, брови, нос, губы, рот. Страх какой-то, и не подойдешь к нему. . .

177. О ком рассказ? — У Ага-Юнус была старушка, которая ухаживала за ней. [Ага-Юнус] обратилась к ней:

— Милая бабушка! Молодые бояться. Сходила бы ты, позвала [его].

178. Ну а бояться бабушке и в голову не приходит! Она привыкла посредничать в таких делах. Вышла на улицу, подошла к Гёр-оглы и поманила его. Понял все Гёр-оглы — быстро спешился, вбил в землю железный колышек и привязал коня. Гремя шлемом, луком, стрелами, вошел он в прихожую. Но в покои Ага-Юнус не вошел, а сел у входа на корточки. Вот и Гёр-оглы и старуха пришли к Ага-Юнус.

— О дорогая Ага-Юнус, дитя мое! Вот уж месяц — сорок дней, как ты, увидев во сне человека, собрала всех нас у себя и не отпускаешь ни ткать, ни прясть, ни для других дел и забот. Этот ли человек тебе приснился?

— Да, этот, бабушка.

— Коли так, дитя мое, нужно мне сказать тебе два слова, а тебе бы выслушать их надо!

— Ну, что ты хочешь сказать, говори, бабушка!

— Коли говорить, [так скажу]: ты пери, а он из рода людского. Пери из огня рождены, а люди — из праха. Так что же ты, рожденная из огня, считаешь ровней себе человека, рожденного из праха? Разве не сыщется достойного тебя возлюбленного среди беков, рожденных пери?

179. — Нет, милая бабушка. Хоть и рожден он из праха, но для взора моего он жарче огня и всего другого.

— Хорошо, дитя мое. Но у человека ведь бывают и другие дела.

— Какие же это дела, бабушка?

— Коли станешь женой человека, он, говорят, заставит землю копать, пшеницу молотить, печь хлеб в тамдыре * и в поле кизяк собирать в подол. Справишься ль ты с этими делами?

— Милая бабушка, [уж] какое счастье, какая судьба — увидим.

— Ладно, хорошо, дитя мое. [Но ведь] у человека еще и другие дела бывают.

— Что же [еще] за дела у него?

— Человек, говорят, не удовлетворяется одной-двумя. К одной-двум [женам] берет он еще трех-четырех. Не удовлетворяется и этим: встретит в поле смазливую бабенку-другую, так тоже не упустит своего. . .

180. Сказала она так, и Ага-Юнус призадумалась, неприятными показались ей эти вести. Догадывался Гёр-оглы, о чем думала она: «О Алла-лах, коварная старуха расстроит все дело. Коли не найду убедительного слова, ускользнет она от меня». И Гёр-оглы, сидя на корточках у дверей, зашел, обращаясь к пери:

181. Пери моя! Черные локоны твои
Пусть на щеку мою амулетом лягут.
Пусть влюбленного счастьем наделят,
Пусть сердце ликует, пусть прочным будет.

Наши беки — неистовые беки,
Пустят коней, задержат врага.
[Томятся] от желаний беки, пери,
Так пусть [и дальше] лишь жаждут они увидеть тебя.

Из Чандыбиля бы мне поскакать на коне.
Испить бы шербета губ твоих.
Покуда не умру, от тебя не откажусь,
Словом божьим я в этом клянусь!

Гёр-оглы говорит: мой покровитель — Али,
Не вечны богатства этого мира.
Выкинь из сердца помыслы [о них].
Пусть опечаленные души возрадуются.

182. Кончил он петь, и Ага-Юнус обратилась [к старухе]:

— Ах, милая бабушка, не огорчай меня своими разговорами — мол, там то-то бывает, здесь то-то. . . Вставай, ступай домой, уходи с моих глаз!

— Хорошо, хорошо, дитя мое, — ответила старуха и ушла, почесывая спину.

И других пери отпустила Ага-Юнус, сказав им:

— Всем разрешаю, расходитесь, занимайтесь своим делом.

183. Ну, и пери, сидевшие все вместе, разом двинулись к выходу, оживленно переговариваясь [между собой]. Когда они ушли, [Ага-Юнус] сделала знак, чтобы Гёр-оглы вошел. Тот вошел в комнату. Встала Ага-Юнус и, сложив руки на груди, вежливо и почтительно приветствовала его. Увидел Гёр-оглы стройность стана Ага-Юнус и целый час смотрел на нее, не мог оторвать глаз, очарован был. [Так] пусть они сидят тут. Попил чаю Гёр-оглы, кальян покурил, поел и повел приятную беседу. Так пусть он здесь лежит, отдыхает, рукой не касаясь [ее] руки, телом — тела.

184. В таком приятном расположении духа, среди радостей и веселья Гёр-оглы не замечал, как летели дни и месяцы. Как-то, возвращаясь с прогулки, подумал он: «О Аллах, сколько же дней прошло, как я пришел сюда?» Посчитал — оказалось сорок дней. «Да еще в пути я был сорок

дней — всего восемьдесят дней прошло, как я выехал из дома. Так не годится. Коли она выбирает меня, а я — ее, было бы неплохо вернуться назад, в свою страну». Едва он вошел, как Ага-Юнус поняла, что сердце его не на месте.

— Что случилось, Гёр-оглы? Ты совсем не тот, каким был, когда уходил.

— Нет, нет, моя пери, ничего не случилось.

— Нет, Гёр-оглы, скажи, скажи правду! Что-то ведь ты хотел сказать!

185. — Коли правду говорить, Ага-Юнус, [скажу]: когда я шел сюда, посчитал, сколько уж дней я тут. Сорок дней я у тебя, да еще сорок дней был в дороге. Показался я себе похожим на одного человека. Украдет [что-нибудь] зангар, а воровство его выйдет наружу, или в карты начнет играть и проиграется, по уши в долги залезет. [Ну] а затем убежит он из своей страны и попадет на чужбину. Там, не сказавшись, кто он такой, возьмет в долг кучую лошадь, пообещает уплатить, да и оттуда убежит. Попадется ему в другой стране пухленькая бабенка вроде тебя, он станет ухаживать за ней, да и залезится под боком у нее. Вот и мое бездельничанье походит именно на это. . . Нет, Ага-Юнус, так не годится! Я ведь тоже хан, [глава] текинского народа с двенадцатью тысячами кибиток, и я хозяин страны. Коли ты выбираешь меня, а я — тебя, поедem в нашу страну! — сказал [Гёр-оглы] и, обращаясь к пери, запел:

186. Из моего Чандыбиля за тобой я приехал,
Давай поедem в нашу страну, о пери!
Сказать, откуда родом я? Из страны туркмен.
Давай поедem в нашу страну, о пери!

Отрадno душе видеть твою красоту.
Коль нет покровителя, путь влюбленных [к цели] далек,
Коль выйду в пустыню, пира своего Хызра встречу.
Давай поедem в нашу страну, о пери!

Видел в пустыне я могущество пира моего.
Поведать бы мне о силе удальца игида.
Счастье в этом мире, что Владыка дал,
Вкушай, поедem в нашу страну, о пери!

Да будет долгой жизнь удальца игида,
Пусть Истина доведет до цели и тебя и меня.
Бек Гёр-оглы, в этом пятидневном мире⁴
Надо дорожить друг другом, о пери!

187. Кончил он, [и пери ответила]:

— Эх, Гёр-оглы! Коли ты ехать собрался, так и я [ведь] давно готова. Я [только] ждала, когда ты отдохнешь.

— Я отдохнул, Ага-Юнус, поедem же в нашу страну!

— Хорошо, добро! — ответила Ага-Юнус. Она [ведь] тогда же, когда приснился ей Гёр-оглы, взяла у отца коня Ховали-гыра и держала при себе, [готовая] к отъезду. Удача сопутствовала Гёр-оглы: получил он свою пери, появился Ховали-гыр — вот и стал он [настоящим] Гёр-оглы.

188. Ага-Юнус привела Ховали-гыра, тщательно оседлала коня и набила два хорджуна * драгоценными камнями, цена которым сто тысяч за золотник, жемчугом, рубинами, яхонтами, серебром и золотом, крепко заперла на замок, захватила свои златотканые одежды, зеркала, гребешки, положила [все это] в суму, навьючила на Ховали-гыра, села на коня и пустилась в путь вместе с Гёр-оглы.

189. Коли женщина надумает ехать, разве ее удержишь — хоть на цепь посади! Все одно по-своему сделает. Человек молчит, когда у него радость, но молчит и тогда, когда у него горе. С мечтой и надеждой сели они на коней, выехали в чистое поле. Гёр-оглы [молчит], не знает, что сказать. И пери слова вымолвить не может. Едут молча. Будто на поминки едут. Так ехали они несколько дней.

Как-то на рассвете, когда переваливали они гору, шайтан смутил сердце Ага-Юнус. «О Аллах, как же я последовала за ним? Я ведь не знаю, кто он: шах или нищий, бедняк или богач. Хорошо, коли он тот, кто мне приснился. Хорошо, коли не бродяга злосчастный. Еду, поверив клятве, что никого, кроме меня, не возьмет в жены. А может, у него уж до клятвы было три-четыре жены?» Забеспокоилась она, страшно ей стало. Угрюмо ехала она на Ховали-гыре и обратилась к Гёр-оглы с такими словами:

190. Возблагодарю Аллаха, пославшего [мне] тебя.

Не ведаю, какого хана ты сын.

Лукавое лицо твое я бы уподобила луне.

Не ведаю, какого хана ты сын.

Не родится [другая] такая девушка, как я,

Не появится [другой] такой добрый молодец, как ты.

В блаженстве жизнь проведет, кто в жены возьмет меня.

Не ведаю, какого хана ты сын.

Тринадцать-четырнадцать лет ⁵ нынче мне,

Золотым султаном украшена моя голова.

Девушки-перид пусть сорок раз обойдут [хороводом] тебя.

Не ведаю, какого хана ты сын.

Воистину я влюблена, честь-достоинство дороги мне.

С тобой сегодня игрива я и нежна.

Пара гранатов созрела на белой груди моей.

Не ведаю, каких степей ты джейран.

[Я] Ага-Юнус, дочь Шаха Джахана,
Возлюбленным своим тебя я избрала.
В Чандыбиль привезешь ты меня,
[А] я не ведаю, беден ты или богат ⁶.

191. Сказала она так, и Гёр-оглы сразу же понял [истинный] смысл ее слов. В конце концов [главные] из слов этой зангар — «не ведаю». «Хорошо, если не бродяга ты злосчастный» — вот что она сказала.

Он натянул поводья, повернул коня к пери и сердито сказал:

— Ну, зангар Ага-Юнус. . .

Привычку туркмена сам знаешь. Как вышел он в поле, так началось у него: «зангар» и прочее. . .

— Эй, Ага-Юнус! Ты мне таких слов не говори! — сказал и обратился к пери с такими словами:

192. Мужчина от слова своего на отступит,
Мужчина решение только одно принимает.
Отважному игиду в день битвы
Опорой Шахимердан бывает.

Туго натягивают свой лук храбрецы,
Где садиться им, знают они ⁷.
Долю свою у врагов заберут.
Дела храбрецов значительны бывают.

Коли дует осенний холодный ветер,
Коли дороги врагами забиты ⁸,
Коли у молодца голова цела,
Он то богат, то беден бывает.

Гёр-оглы, [хороши] буйные времена,
Хорошо б, распустились бутоны в саду,
Высокие-высокие снежные горы
То в снегу, то без снега бывают.

193. Закончил [Гёр-оглы], и [Ага-Юнус сказала ему]:

— Ох, Гёр-оглы, принял [близко] к сердцу [ты мои слова]. Но [не надо], не принимай. [Мы всё молчали], и я не знала, что сказать, оттого и сказала, просто испытать тебя хотела.

— Нет, Ага-Юнус, это не проверка-испытание. Ты это сказала всерьез. Приходилось мне слышать, Ага-Юнус, от стариков, от аксакалов, от людей, прошедших [уже свой жизненный путь]: [захочешь] познакомиться с женщиной — дружбы не получится. Правы они, оказывается. [Что-то] много ты говоришь. Сойди-ка скорей с коня! Давай-ка обнимемся, полежим, отдохнем. А уж после скажешь, что есть у тебя [на душе].

[И] Гёр-оглы хотел спешиться.

194. — Постой-постой, Гёр-оглы! Оставь нетерпение, оставь [свою] привычку туркменскую. Может быть, слова твои и имеют смысл, но браком [со мной] ты еще не сочетался, а плоть тленна и твоя и моя. Привези [меня] к себе в аул да бракосочетание устрой, свадебный пир задай. Тогда уж твоя воля, делай что [хочешь]. А до этого я дарю тебе все, что выше пояса! — сказала пери и ласково улыбнулась.

Отворачивается Гёр-оглы, не может прямо в лицо ей взглянуть. «Хоть выше пояса. . . ладно уж. . .» — говорит [про себя], посмеиваясь.

С тем и поскакали дальше в согласии, держа путь на Четырехгорный Чандыбиль.

195. О ком рассказ? — О Косе.

После отъезда Гёр-оглы перебивался он [как мог]: сегодня сыт, завтра голоден, но Генджима не трогал, бедняга. В один из дней [обратился он к игидам]:

— Эй, игиды, коли уж погиб Гёр-оглы, так погиб, а коли нет, так не сегодня-завтра появится откуда-нибудь! А не вернется ни сегодня, ни завтра, то мы в его мейхану. . . Не будем [больше] так валяться! Давайте поскачем на старые места. Но денька два все же подождем, посмотрим.

196. Осторожен Косе, зангар. Как знать, приведет [Гёр-оглы] свою пери или нет? Брал Косе в долг у баев двух-трех овец, рис, масло, чай, табак, так и жил себе. «О бай-ага, за все это заплатит Гёр-оглы. С удачей вернется — получишь деньгами. А не сможет он уплатить, так я тебе натурой верну», — двусмысленно обещал он баю-хозяину. Дяли-Мятела и Сейтек-Гырма он оставил в Серчемене караулить — пусть, мол, принесут радостную весть, коли увидят возвращающегося [Гёр-оглы] с пери.

197. О ком рассказ? — О Гёр-оглы и пери. Ехали они, ехали и доехали до Серчемена. Навстречу им вышли и приветствовали их Дяли-Мятел и Сейтек-Гырма.

— О игиды! Благополучны ли страна, народ?

— Страна, крепость без изъяна! — ответили те и помчались к крепости. Прискакали в крепость с криками:

— Эй, игиды, союзджи *, союзджи! Гёр-оглы-ага привез пери! Союзджи!

Сорок игидов надели на себя все что могли, вооружились, снарядились и выехали навстречу. Ехали они с гиканьем, с криком, с холостыми выстрелами. Так подъехали они на расстояние голоса. Тут спешились и, сложив руки на груди, приветствовали [Гёр-оглы]. Затем присоединились [к нему] и поехали [вместе].

198. О ком рассказ? — О Косе. Ударил он Боз-Думана плетью, прискакал раньше всех, стал убирать женскую половину — подмел, ковры, паласы растелил, в нишах разложил румяные яблоки и запер [помещение]. Притащил сюда и низкий сундук, разложил на нем душистые розы. Затем пришел в мейхану, развел большой огонь, поставил [на огонь] кумган * со свежей водой, ополоснул чайники, сменил воду

в кальяне — все приготовил честь честью, зангар. Между тем привезли пери. Поддерживая под руки, помогли ей сойти, и она вошла на женскую половину. Подошла к сундуку и села, прислонившись к нему. Краем глаза оглядела все вокруг. Боялась она, нет ли у Гёр-оглы еще двух-трех [жен], взятых до того, как он дал клятву. Поглядела она, но никого не заметила. [Ну и] пусть она [тут] радуется. Расскажем снова о Косе.

199. — Эй, что это вы так сидите? Пери приехала, пышно, торжественно. Есть бахши, певцы — приводите! Есть музыканты — приводите! Есть лошади пожирнее — выводите и режьте!

Задал Косе празднество-той на десять дней и ночей. [Всем давал кто что хотел]: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давал. Устроил скачки, стрельбу в «золотую тыкву», позвал петь бахши, певцов — всех развеселил. А закончив той, он привел муллу и сочетал Гёр-оглы с пери крепкими узами. После той Гёр-оглы сказал:

200. — Косе! Мы с пери еще не коснулись [друг друга] — ни рукой руки, ни телом тела, ни плотью плоти. Томит желание меня. Хочу пробыть в ее объятиях трижды по девять дней. . .

Передал он Косе пропитание, харчей на трижды по девять дней.

Направился Гёр-оглы на женскую половину. Пришел и видит: сколько девушек из страны гор, сколько смелых игидов! Вся женская половина битком набита девушками, молодками, смелыми игидами, и вокруг теснится народ, любопытствует — какая она, эта пери, нельзя ли взглянуть на нее? Рад был Гёр-оглы их приходу, в ликовании он подумал: «Расскажу-ка и я о ее приезде» — и обратился к игидам, девушкам и молодухам с песней:

201. Я свадьбу устроил на просторах Чандыбиля.

Славьте, о беки, сегодня свадьбу красавицы моей!

Много врагов готово напасть на меня,

Славьте, о беки, сегодня свадьбу красавицы моей!

У меня на пиру долго играйте на сазе.

Почтительно руки сложив, прислуживайте ей.

Братья-беки! Возьмите золотые чаши.

Славьте, о беки, сегодня свадьбу красавицы моей!

Пускаю арабских коней я с пяти переходов.

На каждом перевале буйного ягненка ловлю я⁹.

Своим бекам отборные халаты даю я.

Славьте, о беки, сегодня свадьбу красавицы моей!

Бек Гёр-оглы собрал музыкантов, играющих на сазе,

На озере ее кричат золотистые гуси.

Девушки, пришедшие на пир из горной страны,

Славьте, о девушки, сегодня свадьбу красавицы моей!

202. Услышав его голос, девушки и молодки стали расходиться. Все ушли, а жена его дяди Генджима осталась. Она ведь тетка — вот и стоит, засучив рукава, [как бы] говоря: «Не уйду, пока не соединю их руки!» «Заходи же, милый мой деверь», — взяла она за руку Гёр-оглы, подвела его к пери и прочно соединила их руки¹⁰.

— Милая Ага-Юнус, отдаешь ли тело свое ему?

— Э-эх, милая тетушка! Мы уж давно отдались друг другу. [А] ты все еще находишься в неведении. . .

Пусть и жена дяди Генджима уходит. Ну, выгнали всех из дома. Заперли крепко дверь. Пери Ага-Юнус расстелила девять перин и сверху бросила легкое одеяло. Сперва уложила она Гёр-оглы, а [затем] стала расчесывать себе локоны, прихорашиваться, повязала голову мягким платком, шелковое платье надела и скользнула в объятия Гёр-оглы. Сплелись они, словно [гибкие] ветви тальника, а ноги — четыре сплетения. [Так] и лежали, [как бы] высунув головы из одного ворота. . . Остальные дела тебе и самому известны. Пусть они лежат здесь обнявшись.

Добрые пусть достигнут цели, злые пусть останутся с позором. Эх, зачем оставлять их [с позором] — пусть все достигнут цели!

III. МЕСТЬ АРАБУ

203. Хорошо, добро. О ком [теперь] рассказ?

Ушел Гёр-оглы, оставив Косе пропитание на трижды по девять дней. [Но игиды] быстро все прикончили — и один раз по девять дней не прошло. Еще они взяли в долг: тут — на один день, там — на другой день. В конце концов люди перестали им давать в долг. [Тогда Косе] отправил четырех-пятерых всадников во главе с Сейтек-Гырма в отару Генджима.

— Езжайте, хватайте, давите! Дяде он сам ответит. А мы поедим в свое удовольствие, — сказал Косе.

Взяли они пять-шесть овец из отары Генджима и съели. Ну а Генджим ведь больно скуп, зангар. Понял он, чьи это проделки, и отправился к Гёр-оглы. Пришел к женской половине, сел на сына у входа, снял плохонькую папаху и ну бубнить, ну браниться, [совсем] как прежде.

204. — Эх, зангар Гёр-оглы, зангар! Да будет ли когда-нибудь избавление от тебя? Неужто не можешь ты сам себя прокормить? Оженился игид, жену привел, посмотрите-ка на него! Араб тетку твою Гюль-Эндам увез, а ты наслаждаешься, полеживаешь тут, — в сердцах попрекнул Генджим Гёр-оглы и уехал.

205. Уехал [Генджим], а Гёр-оглы подумал: «О Аллах, [и правда], не годится мне разнеживаться. Недаром говорят, что у бесноватого тысяча слов пустых, да одно — толковое». Освободился он из объятий пери и бросился в мейхану.

— Гёр-оглы, ты же хотел провести в покое трижды по девять дней. Может, пери тебе радости не принесла? Не по душе она тебе, что ли? — спросил Косе.

— Нет, Косе, хорошо мне было с пери, по душе она мне. Да вспомнилось мне одно дело, когда я лежал в ее объятиях.

— Что же вспомнилось тебе?

206. — Когда-то давно приехал Араб и увез мою тетку. [Теперь] я к нему хочу навеститься, [потому-то] и дело свое мы завершили не в трижды по девять дней, а меньше чем в дважды по девять дней. Эту ночь я проведу с моей пери. А завтра оседлаю коня и заеду [за вами]. Займитесь-ка сборами в дорогу!

207. Ушел Гёр-оглы из мейханы, а [игиды] подняли шум и гам, словно шкуру делили. Повесил голову Косе и задумался.

— Ну, Косе, что ты молчишь?

— Да что уж тут говорить!
— Ведь этот зангар предупредил, что завтра заедет.
— А что я могу поделывать, коли он [собрался] отправиться [в путь]?
— Придумай что-нибудь, чтобы нам не ехать с ним.
— Игиды, коли я с сорока игидами останусь здесь, разве не [придется]

мне выслушать брань Гёр-оглы?

— Конечно, придется.

— Может, еще и пять-шесть ударов плетью получу?

— Получишь.

— [Так] чего ради мне слушать брань, получать удары плетью!

На этот раз я позабочусь о себе.

— Эй, Косе, оставь меня [с собой], оставь меня, оставь меня. . . —
[кричали] сорок игидов, осаждая Косе. . .¹.

— Ну ладно, игиды, а коли останусь я с вами [здесь], что вы мне дадите?

— Все, что скажешь, дадим!

— Многого я у вас не попрошу, игиды. Пусть каждый даст [всего] по одной-единственной теньга *. Сорок теньга как раз и хватит мне на чай.

— Дадим, только бы остаться наверняка, — заговорили игиды.

208. Наутро оседлал Гёр-оглы коня, подъехал, а Косе и чая еще не пил, и коня не седлал, совсем не готов был [Косе к дороге].

— Эй, Косе, да ты и коня-то не оседлал?

— А-а, Гёр-оглы, оседлать-то коня я оседлаю.

— Сдается мне, таишь ты что-то [от меня], Косе.

— Верно.

— Скажи, в чем дело?

— Кажется мне, что на этот раз ты решишь оставить меня вместе с сорока игидами в крепости.

— Э-э, нет, по-твоему не выйдет, Косе, сейчас же садись на коня!

209. — [Ну что ж], садитесь так садиться, — ответил он, а игидам шепнул: — Пока садитесь на коней, игиды. Как выйдем в поле, я что-нибудь придумаю.

Тронулись в путь. [Скакали быстро], перегон за перегон, привал за привалом, на остановках чай пили, кальян курили. На каждом привале Косе подходил к Гёр-оглы — есть, мол, у него совет. . . [Но] Гёр-оглы знал, что тот хочет остаться под каким-нибудь предлогом. «Молчи!» — скажет ему [Гёр-оглы] и садится верхом. «Молчи!» — и садится на коня. Но тот [все] надоедал, как червяк, заползший в мозг. И вот снова, когда стали на привал, подошел Косе к Гёр-оглы — хотел бы, мол, я тебе что-то рассказать.

210. — Эх, много ты болтаешь, зангар! — сказал Гёр-оглы и поднес кулак к его лицу.

Обиделся Косе, пошел прочь, [да так, что] полы халата развевались. Ходит по полю и делает вид, что делом занят: то ведет коня на водопой, то корм ему задает, а то [остановится] помочиться. Ходит он и все время бранится: «И отцу его я советы давал, и деду. Покойные меня слушали,

а нынче, когда подойдешь к молодым что-то сказать, они тебе суют кулак под нос. Вот что терпим мы теперь от молодых-то. . .»

«Ну вот — отца и деда помянул. Пусть уж скажет и успокоится», — решил Гёр-оглы и позвал Косе.

— Говори, раз уж есть что сказать!

— Да если уж говорить, [так хочу спросить]: куда ты направляешься?

— Я иду на Араба.

— Что тебе сделал Араб?

— Араб приехал и увез мою тетку Гюль-Эндам.

211. — А когда он приехал и увез ее, было с ним сорок-пятьдесят всадников? Или же он один приехал?

— Один приехал.

— Так что же ты, зангар, на него с целым войском идешь? Если с нами пойдешь мстить ему, Гёр-оглы, то когда-нибудь при случае помянет он тебе: «Эх ты, Гёр-оглы! Я твою тётку один увез, а ты сначала заручился поддержкой сорока-пятидесяти проходимцев и только тогда [решился] отомстить мне. Прах на твою голову!» Стыдно, наверно, тебе будет, Гёр-оглы. Ну а теперь как знаешь. . .

212. — А ведь правду ты говоришь, Косе. Оставайся, Косе, с сорока игидами.

— Нет, нельзя, Гёр-оглы! [Просто] мне хотелось сказать, и я сказал. Теперь я спокоен. Садись на коня, [поедем], где бы ни находился Араб.

— Нет, Косе, послушай меня.

— Нельзя, Гёр-оглы, нельзя!

— Косе, когда я вернусь, отомстив Арабу, я тебе одному из сорока сделаю [особый подарок]: дам дважды по девять золотых, преподнесу и отменный халат.

— Сейчас никак нельзя.

— Ну почему, Косе?

— Завтра-послезавтра сам же упрекнешь — из-за денег и подарка, мол, старый прохвост, зангар, отстал.

— Нет, ни за что не скажу, Косе!

— Эх, Гёр-оглы, да вряд ли послушают меня эти сорок игидов.

— Эй, игиды! Дальше не поедем, не настаивайте. Коли будем мы с Гёр-оглы, когда он будет мстить, месть его не достигнет цели. Давайте вернемся! — сказал он игидам, подмигивая.

213. И Косе с сорока игидами повернули назад. Немного отъехали, и Хаджи-Сумсар сказал:

— Косе, Гёр-оглы ведь пообещал тебе денег дать, когда вернется, чаю дать обещал. [А] ты с нас хочешь получить по одной теньга. Простил бы ты на этот раз.

— Ладно, прошу, если никогда больше не поручите мне подобного дела!

— Да запроси он, зангар, и по два теньга — [все равно] отдайте. Он честно их заработал, — сказал Вели-Хиртман.

Получил Косе от них по одной теньга и положил в карман. А Гёр-оглы, помянув [половицу]: «Одиному спутник — сам бог», ударил коня плетью.

214. Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. Доехал он до страны Арабистан. [Здесь спросил он у одного араба]:

— Эй, друг, чем занят в последние дни Рейхан-Араб?

— Добрый молодец! Занятие у Рейхан-Араба такое: три месяца он наслаждается — созывает музыкантов, играющих на зурне, на бубне и на барабанах, шутов-скоморохов, слушает музыку, пение бахши. А потом, набив себе брюхо, три месяца спит. Вчера отслушал он музыку, [приятные] беседы закончил, наелся и лег. Спит он нынче.

215. Узнав, что [Рейхан-Араб] спит, Гёр-оглы поскакал, ни о чем не тревожась. За крепостью был большой сад. Въехал [Гёр-оглы] в сад через задние ворота. Ехал он так и подъехал к водоему. Здесь, на высокой сыпа, под огромным ильмом, на пышной постели, на девяти перинах, лежит навзничь Араб-зангар и спит — в изголовье у него девять подушек и в изножье — пять. Лежит и храпит: при каждом его вздохе громко шелестят листья ильма. «Не буду я, как трус, спящего убивать. [А] вот когда встанет, пусть увидит следы моего коня», — подумал Гёр-оглы и три раза объехал на коне вокруг [него]. А чтоб силу его узнал Араб, пустил он стрелу в ильм. [Стрела пробила дерево] и наполовину вышла наружу с другой стороны [ствола]. Затем подъехал он к женской половине. Там у дверей сидела Гюль-Эндам и стирала одежду Араба. Приветствовал он ее, и Гюль-Эндам ответила на приветствие и хотела уже сесть.

216. — Не присаживайся, тетушка! Скорей садись на коня! — сказал [ей Гёр-оглы].

— Ах, Ровшен-джан! Все, что должно было случиться со мной, случилось уже. Согнулся мой стан. Не трогай [уж] ты меня с этого [насиженного] места.

— Нет, милая тетушка, нельзя, ехать надо!

— Ровшен-джан! Вот что я тебе скажу. Коли увезешь ты меня сейчас, [а потом] где-нибудь встретишься с этим злосчастливым, он [тебе] и скажет: «Эх, зангар Ровшен, я наслаждался в объятиях твоей тетки, когда она была молода и свежа. А когда она состарилась и уже ни на что не была годна, ты увез ее и думаешь, что отомстил? Гони старуху назад!» [Так он скажет], и тебе это будет обидно.

— Тогда посоветуй, милая тетушка, [как быть]?

217. — Я бы вот что посоветовала. Сына у него нет, а есть единственная дочь. Жаль ему выдавать ее замуж, держит [он ее при себе]. Ей теперь двадцать пять лет. Зовут ее Бибиджан *. Коли мне удастся лаской и хитростью усадить ее [на коня] позади тебя, то ты просто убьешь [этим] Араба.

— Ну, милая тетушка, раз я найду [здесь] двадцатипятилетнюю девушку, зачем же мне увозить такую дряхлую старуху, как ты, — [пошутил он].

— Ты здесь подожди!

218. Гюль-Эндам пришла к Бибиджан, [и та спросила]:

— Матушка, дорогая, о чем это ты хлопочешь?

— Да так, Бибиджан. Стирала я только что одежду твоего отца, [а] какой-то удалой игид на коне и при оружии, шапка набекрень, попросил меня подать ему воды. Я и подумала: «Коли я подам ему воды своей шершавой, грязной рукой, не стошнило бы его. Скажу лучше о том Бибиджан. Коли приукрасится она и подаст ему воды, он и напьется с удовольствием да еще рассказывать будет на меджлисах *, что видел в Арабистане такую красавицу, девушку на выданье». Вот [за тем] я и пришла к тебе. Подай-ка ты ему воды, Бибиджан!

219. Ведь, коли скажешь девушке, что есть, мол, красивый, ловкий игид, сердце у нее взволнуется.

«Раз он такой игид, схожу-ка посмотрю на него», — [подумала] Бибиджан и направилась туда. Прошла она по дорожке и, выходя из дворца, заметила Гёр-оглы. Увидев его, отпрянула назад, словно змею увидала.

— Что, Бибиджан?

— Нет, нет, дорогая матушка. Нехороший облик у этого игида. Воду или что там еще сама ему подавай. И отправь его отсюда под добру-здорову.

220. — Бибиджан, это очень хороший игид. Иди же! — говорила [Гюль-Эндам] и сзади подталкивала девушку.

— О добрый молодец! Ты не мешкай здесь! Увидят наши стражники — убьют тебя, прикончат, — сказала Бибиджан и обратилась к Гёр-оглы: — Сейчас же уходи отсюда, [игид] в кольчуге.

[Послушаем, о чем они поют]:

221. Б и б и д ж а н. Поведай, игид, откуда ты едешь?

Сейчас же уходи отсюда, [игид] в кольчуге!

Из какой ты страны, какого народа?

Сейчас же уходи отсюда, [игид] в кольчуге!

Г ё р - о г л ы. Коли хочешь знать — приехал я из Чандыбиля.

Не уйдет, не взяв [своего], [игид] в кольчуге.

Сказать, откуда родом я: из страны туркмен.

Не уйдет, не взяв [своего], [игид] в кольчуге.

Б и б и д ж а н. Сейчас же уходи, не то узнают наши люди.

А узнают — истерзают сладкую душу твою.

В боевых доспехах наши удалцы.

Сейчас же уходи отсюда, [игид] в кольчуге!

Г ё р - о г л ы. На пять переходов пускаю я вскачь арабских коней.

На каждом переходе ловлю я резвого барашка.

Скажу «дех», [понукая коня], и пятерых разом подомну,

Не уйдет, не взяв [своего], [игид] в кольчуге.

Б и б и д ж а н. Где бы ни был удалой игид — в горах ли, в долине,
Кто влюблен, стремится к милой своей.
Не говори так много, сидя верхом на Гыр-ате,
Сейчас же уходи отсюда, [игид] в кольчуге!

Г ё р - о г л ы. Пока не перейдет высокие-высокие горы,
Пока не отомстит, пока цели не достигнет,
Пока не возьмет тебя сегодня за белую руку,
Пока не напьется, не уйдет отсюда [игид] в кольчуге.

Б и б и д ж а н. Среди ханов ты — повелитель.
Коли влюблен, узнаешь возлюбленную свою.
С Бибиджан ты не посчитался.
Сейчас же уходи отсюда, [игид] в кольчуге!

Г ё р - о г л ы. Говорит Гёр-оглы: ту, у которой речь сладка,
Глаза которой, похожие на нарциссы, пленили
душу мою,
Белолицую, у которой на щеках пара родинок,
Покуда не возьмет, не уйдет [игид] в кольчуге.

222. Кончили они петь, и [девушка] сказала:

— Погляди-ка, погляди, дорогая матушка, что он болтает? Не жди
доброго права у этого игида.

— О Бибиджан, ты мало прожила и мало еще повидала. Я-то зна-
вала многих таких парней. Это прекрасный игид. Подай же [ему воды]! —
[настаивала] она и все подталкивала девушку сзади.

— Нет, милая матушка! — [упорствовала Бибиджан и стремилась]
уйти от взора Гёр-оглы.

Гёр-оглы подумал: «Слышал я от старых людей, ушедших [уже от
нас], что подпруга у женщины из бязи². Скажу-ка я ей ласковое слово —
слов, что ли, у меня не хватает».

— О Бибиджан, не уходи же, подай мне воды! — обратился он
к Бибиджан и запел:

223. Любимая, что предо мной стоит,
Красавица, подай воды испить!
Своей рукой, окрашенною хной,
Девушка молодая, подай воды испить!

Я ведь приехал из своей страны,
Чтоб погулять среди твоих цветов.
Своей рукой, окрашенною хной,
Подай-ка мне воды испить!

Ты ли Араба дочь?
Во все красное одета ты.

Кокетством своим не губи меня!
Девушка молодая, подай воды испить!

Страдает из-за розы соловей.
Честь и достоинство [забывает] влюбленный.
Возлюбленная подруга Гёр-оглы!
Бибиджан, подай воды испить!

224. Кончил он петь, и Гюль-Эндам сказала:

— Оказывается, он и имя твоё знает — зовет тебя Бибиджан (а сама же раньше и сказала ему). Похоже, этот парень слышал твоё имя, дошла до него молва о тебе. Вот он, видно, и приехал, влюбившись, Бибиджан. Исполни его желание, подай ему [воды]!

— Эх, милая матушка, твердишь ты все «подай» да «подай». Ладно уж, подам я, только ты стой за мной, будь начеку.

— Постой, Бибиджан, не беспокойся. Своей рукой подай, своей рукой!

Хорошо, добро. Как говорят, месть Судного дня не ждёт. Когда Араб похитил Гюль-Эндам, взял он у Гёр-оглы золотую чашу, оставшуюся от отца. Бибиджан налила воду в эту чашу, вышла из дворца и, сделав вид, что смущается, как молоденькая девушка, не глядя прямо [на Гёр-оглы], подала [ему] чашу.

225. Гёр-оглы был проворен, как обезьяна, зангар. Выхватил он у нее из рук чашу, выплеснул воду и сунул [чашу] за пазуху. Схватил девушку за руку и потянул к себе. До крупа коня поднял. Тут же подошла Гюль-Эндам и головой, как осью маслобойки, уперлась в зад девушки, подталкивая ее. [Гёр-оглы] тянул [девушку], схватив ее за запястье, а [Гюль-Эндам] подталкивала ее сзади.

— Поднимай, тетушка, поднимай! — приговаривал [Гёр-оглы]. [Но] девушка была большая, полная. Она уперлась обеими ногами в коня и, отталкиваясь, откидывалась назад. Своей тяжестью она коня валила на себя. Дергал за поводья Гёр-оглы, вертелся конь, а с ним вместе вертелась и тетка.

— Поднимай, тетушка, поднимай!

226. Немного повозились, и Бибиджан поняла, что Гюль-Эндам с Гёр-оглы заодно.

— Ну, добрый молодец! Отпусти мою руку. Я теперь и сама поеду, — [согласилась девушка].

— Эй, Ровшен, отпусти ее руку! Раз сказала, что поедет, значит, поедет, — сказала Гюль-Эндам.

— Ну... и моя тетка склонилась на ее сторону. Так не годится. Поднимай, тетушка, поднимай!

— Эй, Ровшен, не хватай ее, не позорь. Теперь у нее нет выхода, она сама поедет.

227. Сказала она так, и Гёр-оглы отпустил руки девушки. Ох, уж эта двадцатипятилетняя девушка! Ей ведь тоже нужен был [парень].

Зашла она в комнату, оделась в златотканые одежды, надела на себя украшения, взяла зеркало, гребенки, завернула их, сверток под мышку сунула и, бренча [украшениями], села на круп Гыр-ата.

— Езжай, дорогой Ровшен, да поможет тебе бог! Ты хорошо насолил Арабу. Только быстрее поезжай. Коли сегодня же, рано или поздно, не разбужу его, на мою голову посыплются побои.

— Ох, милая тетушка, насылай на меня сколько хочешь арабов. Как выведу в поле, там [уж] я справлюсь!

228. Пусть же Гёр-оглы едет вместе с Бибиджан. О ком рассказ? О Гюль-Эндам. Решила она рассказать [обо всем] Арабу. Приблизив губы к самому его уху, она закричала изо всех сил — не шевельнулся зангар. Гюль-Эндам с одного бока подойдет к нему — пнет ногой, с другого бока подойдет — пнет. Ни пинки, ни крик не разбудили его. Тогда она усе-лась ему на живот, скрестив ноги. Араб почувствовал, что на живот ему давит что-то тяжелое, вздохнул, напрягся и чихнул разок. Отлетела прочь Гюль-Эндам. А он все не просыпался. Тогда она принесла две боль-шие подушки и сунула их ему в ноздри, а два человека палками затолкали их поглубже. Дыхание прервалось у Араба, и тогда он напрягся и с та-кой силой чихнул, что подушки вылетели [у него из носа], словно пушеч-ные ядра. Но и тут не проснулся Араб. Тогда Гюль-Эндам высыпала у из-ножья спящего пять-шесть мер угля, привела пять-шесть золотых дел мастеров и велела им развести огонь. Те сразу развели огонь. Принесли мастера множество шомполов и, докрасна накалив их в огне, стали при-жигать пятки Арабу. [Лишь] когда шомпола врезались ему в пятки, под-жал он ноги и стал кричать: «Эй вы, комары меня кусают, гоните их!»

229. Солнце стало клониться к вечеру. Изрешетили пятки [Арабу], и начал он ворочаться с боку на бок. Теперь поняла Гюль-Эндам, что он просыпается, и [распорядилась]:

— Конюхи, быстро седлайте его коня!

Поварам она приказала побыстрее готовить еду. Слугам велела го-товить чай, заправлять кальян.

230. Бассейн был полон воды. Гюль-Эндам окунулась в воду, пова-лялась по земле, распустила волосы, кое-где ногтями расцарапала себе лицо, надела халат рукавом на голову³, напустила на себя печаль, села, отвернувшись, у входа на женскую половину и привялась притворно рыдать. Между тем Араб поднялся.

— Эй вы, кто это не дает мне спать?

231. Тут заметил он следы копыт Гыр-ата. Догадался зангар, что это следы отпрыска его коня. И вдруг увидал стрелу, вонзившуюся в ильм.

— Что это за стрела?

— Мы не знаем, кто стрелял, — ответили люди.

— Кто бы он ни был, но рано или поздно он схватится со мной.

Затем заметил он и Гюль-Эндам.

— Ну а с тобой что стряслось?

— Стыд и позор, вот что со мной стряслось! — ответила та и обрати-лась к Арабу с [такими] словами:

232. В своей стране султаншей я была, ханшей.
Коварный рок меня погубил, о друзья!
Цветком я была, локоны в завитках,
[Когда] встретил меня Рейхан, о друзья!

Золото того рая разбросали.
Райских юношей с гуриями перемешали.
Из ангелов нежнотелую пери
Забрал, увез удалой игид, о друзья. . .

Приехал бек Гёр-оглы, сошел с коня.
Приветствовала его твоя дочь, обнялась с ним.
Сплелись они, словно цветы-вьюны.
Уж гору Арзулум * они перевалили, о друзья.

Удалой игид предстал на храпящем коне.
Дочь твоя отвесила ему поклон.
Поднял ее и посадил на коня за собой.
Уж много пустынь они пересекли, о друзья.

Внемлите слову Гюль-Эндам.
Не унижайте, о беки, меня!
Удалой молодец твою дочь, Араб,
Власть целовал, обнимал, о друзья.

233. Выслушал он эти слова, [а сам] только что проснулся, зангар.
Он еще чаю не пил, не курил, не пришел в себя — не понял он смысла слов.

— Ты что шум поднимаешь, зангар!

— А шум такой: давеча Гёр-оглы приезжал, хотел меня увезти.
Я убежала и спряталась в водоеме, но он догнал и вытащил меня. Я бросилась на женскую половину, [тогда] он все лицо мне исполосовал плетью.
На мой крик вышла Бибиджан. Увидел тот ее и позабыл и про тебя, и про меня: обнялись они, любовно расцеловались и умчались вдвоем на одном коне.

— Когда они уехали?

— Только что.

— Эй, седлайте коня! Подайте оружие, несите кальян, еду несите!

234. Тут же оседлали и привели коня, принесли чай, еду, кальян.
Вывалил он себе в брюхо большую миску каши, залпом выпил девять чайников чаю, покурил, сел на коня, оружие взял, нашел след Гыр-ата и хлестнул коня плетью. Конь у Араба уже четыре-пять месяцев стоял без движения. Пена летела с него крупными хлопьями. Пену сменил прозрачный пот. [Конь] ржал и старался сбросить с себя старого Араба.

235. Прошел этот день, прошла ночь. Утром следующего дня он догнал [беглецов]. Услыхал Гёр-оглы за спиной какой-то шум.

— Бибиджан, какой-то шум слышен. Дракон это, что ли, или лев?
— Какой там дракон, Гёр-оглы, какой лев? Это ржет конь моего отца. Когда разомнет он ноги, то ревет во всю глотку. Это он поднял такой шум.

Испугался Гёр-оглы.

— Бибиджан, коли твой отец догоняет нас, не лучше ли свернуть в сторону и спрятаться в горах?

— Ну, свернешь ты в сторону и спрячешься в горах, а следы свои с собой, что ли, унесешь? Он ведь гонится по твоим следам.

— Так посоветуй что-нибудь, Бибиджан.

— Коли советовать, [то вот мой совет]: [всегда], когда отец спал, я бывала главой над конюхами, сама кормила, поила коня, сама ухаживала за ним. На каждом привале ему давали пять тебризских батманов * корма. Видно, ноги у него отвыкли от дела — только с разгона и скачет он. Коли при встрече ты немного задержишь [отца] разговорами, конь его остынет, да и застрянет тут.

— Коли так, разве ж не смогу я задержать твоего отца [хоть] на три-четыре дня!

236. Поднялся Гёр-оглы на гору и огляделся. Видит: зангар Араб скачет по ущелью меж двух гор. Гёр-оглы крикнул ему с того места, где стоял:

— Эй, Араб! Остановись там! Я хочу сказать тебе несколько слов.

— Ну, зангар! Остановился я. Говори же, что тебе надо!

— Хочу [об этом] поведать тебе с помощью саза, — ответил он, стоя на горе, взял в руки саз и обратился к Арабу с песней:

237. За тобой из Чандыбиля я пришел.

Пусть не родится тот, кто отступит пред тобой.

Сказать, кто родом я? Я из страны туркмен.

Пусть не родится тот, кто отступит пред тобой.

На поле догнал ты меня на ревущем коне.

[На меня] ты напал на взмыленном скакуне.

Я стоял пред тобою со сверкающим копьём.

Пусть не родится тот, кто отступит пред тобой.

Высокие-высокие горы я перевалю.

Цели своей достигну, месть совершу.

Не подходи, Араб, — я поражу тебя!

Пусть не родится тот, кто отступит пред тобой!

Бек Гёр-оглы говорит, [пусть] настоящего мужчину,

Пусть пыль на поле боя все арабы увидят.

Взамен тетки своей взял я дочь твою.

Пусть не родится тот, кто отступит пред тобой!

238. Закончил он петь, и Бибиджан сказала: «Поезжай теперь в ту сторону». [И] Гёр-оглы повернул коня к реке. Зангар Араб не знал, что конь его остыл. А пока [Гёр-оглы] пел, конь Араба словно окаменел.

— Эх ты. . . захотел спастись [с помощью] этих слов! — [бранился] Араб. Он с силой пнул коня, но [тут же] всей своей тушей полетел вниз головой — словно минарет обрушился. Лбом ударился о камень и распластался, землю обняв. Так пролежал он три часа, пока не пришел в чувство. Шатаясь, покачиваясь, он приложил голову к луке седла и простоял так еще час. [Затем стал] погукать коня, хлестать его плетью, бить, но конь ни с места. Убедившись, что [так] конь не сдвинется, взял он аркан, намотал его на руку, перекинул через плечо и поволок коня. Лишь тогда конь потихоньку зашагал. Потом прибавил шаг. Видя, что [теперь] конь пойдет, [Араб] бросил повод и аркан на луку седла, взял охапку палок, схватил коня за хвост и стал бить его [палками] по крупу, ребрам, груди, чтобы еще больше расшевелить его. Сел на коня, ударил его плетью. То взмокнет конь, то пот отойдет. С настоящим скакуном иначе и не бывает. Он снова заржал и стал рваться.

239. Гёр-оглы перешел уже реку Араз. Между тем и [Араб] приближался со стороны кыблы с шумом и ревом.

— Стой, Араб! Остановись там!

— Вот ты сказал «остановись», и я остановился, зангар. . . Ты только и хочешь, чтобы мой конь остыл, только это ты и можешь. Так пусть он здесь остывает! Оставляю коня и пойду за тобой пешком, разрушу твою крепость и в зиндан * ее превращу, а [ваших] женщин заставлю таскать на себе обломки Чандыбия: по одному батману — беременных, по половине батмана — яловых, и перенесут они его в Арабистан! Считаю, что я уже сделал это.

— Что бы ни сделал ты, хочу сказать тебе несколько слов, — ответил Гёр-оглы и, стоя на другом берегу реки Араз, обращаясь к Арабу, пропел:

240. Ты повстречался [со мной] у реки Араз.

Ступай назад, Рейхан, — погибнешь!

Не пощажу я тебя.

Ступай назад, Рейхан, — погибнешь!

По этой дороге я вновь пройду.

Кто друг, кто враг, понимаю я.

Уведу, в свой табун загоню.

Ступай назад, Рейхан, — погибнешь!

Ты спал непробудным сном.

Ты лежал в забытии, когда я стрелял.

Дочь твою я увел [с собой].

Ступай назад, Рейхан, — погибнешь!

Я покажу тебе, как умею я биться.

Плакать и смеяться заставлю [тебя].

Нынче же убью я тебя!
Ступай назад, грешник, — погибнешь!

Коль вложу я стрелу и лук натяну.
Не услышит бог твоей мольбы.
Пострадает [и] конь твой, Араб!
Ступай назад, зангар, — погибнешь!

Гёр-оглы [взывает] к покровителю Али.
[Отзываются] плачем горы на вздохи мои!
Сорок дружинников под началом у меня.
Ступай назад, грешник, — погибнешь!

241. На эти его слова Араб сказал:

— Поглядите-ка на его сорок дружинников, на его сорок игидов! . .
Да эти сорок твоих игидов для меня [ничтожнее] комара!

Теперь Араб знал, что конь его остыл, и решил действовать: натянул он поводья, подобрался весь и с силой дважды ударил коня плетью по брюху — конь взвился в небо. На этот раз конь остыл лишь слегка. Но до другого берега реки Араз он не допрыгнул и стороны кыблы достичь не смог — упал в воду на середине реки. Разошлись волны, [успокоилась вода], и лишь затем появился на поверхности [Араб], в воде он сошел с коня, намотал на руку поводья и поплыл вперед, а за ним поплыл и конь. Снова заволновался Гёр-оглы.

— О Бибиджан, отец-то твой перебирается [через реку]. Может, выстрелить в коня его или в него самого?

— Гёр-оглы-ага! Как-никак он мне отец. Соблюдай уж приличия. Если хочешь — стреляй в коня.

242. Вложил Гёр-оглы в лук меткую стрелу, помянул покровителя своего, Льва божьего. Хотел попасть в голень или в бедро коня, прицелился и пустил стрелу — стрела угодила в голень, раздробила ее. Конь погрузился в воду, пошел ко дну. Увлеч он за собой и Араба: поводья [ведь] были намотаны на руку его. Через некоторое время Араб выплыл на поверхность. Понял теперь он, что в коня попала стрела. Из последних сил доплыл он до берега; волоком вытащил и коня. Снял с себя одежду, отжал ее и разложил, чтобы просохла. И папаху свою повесил на дерево — а папаху-то у него была [размером] с небольшой паланкин. Размышлял Араб: «Эх, рука моя оказалась слабее руки этого суннита *». Почему бы это, о Аллах?» [И] вдруг вспомнил он: «Давеча в конце песни Гёр-оглы помянул покровителя своего, Али. Оказывается, ему покровительствует [сам] Али. Так нечего мне с ним тягаться!» [И] он направился к Гёр-оглы по берегу реки Араз.

243. — Эй, Гёр-оглы! — крикнул он.

— Чего ты хочешь, Араб-ага?

— Я проиграл, ты одержал верх, твой покровитель, оказывается, Али. Клянусь, что, покуда ты этот мир не покинешь и покуда я этот мир не покину, не буду биться с тобой, не буду заводить с тобой спор.

— А-а, вот что ты [хотел] сказать, Араб-ага. Да будет светлым твое лицо!

— Теперь, Гёр-оглы, тебе поручаю я Бибиджан, а тебя — богу! — сказал Араб, и, поручая Гёр-оглы свою дочь, он спел:

244. Издалека пришел ты, игид.
[Дочь мою] взял — на здоровье тебе!
Душу-сердце ты истерзал.
Измучил — на здоровье тебе!

Добрый совет дам я тебе —
Кровавые слезы прольешь ты из-за нее.
Слову женщины не доверяйся.
Взял ты ее — на здоровье тебе!

Ныне я проиграл [тебе].
[Взял ты верх,] удалился сюда.
Коня своего к кобылице не пускай.
Взял ты [добычу] — на здоровье тебе!

Долгое время блаженствовал я.
[Но теперь] не найти лекарства от недуга моего.
Неисчислимы горести-сожаления на Рейхана
Ты низверг — на здоровье тебе!

245. Сказал Араб эти слова и повернул назад. Подошел к коню, бросил одежду на круп коня и, прихрамывая, повел его за собой.

246. Пусть едет и Гёр-оглы, посадив Бибиджан на коня позади себя. «Взаправду ушел этот зангар или остался?» — подумал Гёр-оглы. «Лучше проверю», — решил он и, поднявшись на гору, огляделся [вокруг]. [Видит:] бредет зангар Араб меж гор по ущелью. Одежда брошена на круп коня. Ну совсем как человек, откочевывающий на новое место. «Уезжай прочь, зангар!» [— подумал Гёр-оглы].

[Ну и горд же Гёр-оглы]: отомстил он Арабу и возвращается с такой девушкой, как Бибиджан. И Гыр-атом он доволен.

— О Гыр-ат, нет тебе цены! — сказал он и, обращаясь к Гыр-ату, пропел:

247. Родом ты из райских скакунов.
Молодчина ты, Гыр-ат!
Из золота-серебра подковы твои.
Молодчина ты, Гыр-ат!

Ржешь ты, глядя в небо.
Упершись в землю [всеми] четырьмя копытами.
[Одним] прыжком одолевашь [такие] реки, [как] Нил.
Молодчина ты, Гыр-ат!

«Схватывая когтями» (?), ты скачешь.
Джейран побегит — ты мигом его настигнешь.
Застенчив ты, как девушка, молодка.
Молодчина ты, Гыр-ат!

Гёр-оглы [говорит: я] пришел в этот мир.
Доставь меня в [мою] страну.
Я не отдам [тебя] за Рум, за Исфакан.
Молодчина ты, дорогой [мой] конь!

248. Сказал и поскакал в крепость. Приехав в крепость, Бибиджан поручил [заботам] Ага-Юнус, [а] сам прошел в свою мейхану, чаю попил, кальян покурил и позвал к себе одного из игидов.

— Ну-ка, сынок, сходи к Генджиму и поздравь его с моим возвращением. Как знать, может, он расщедрится и даст тебе союзджи — одну-две теньга. Пусть зайдет ко мне. Скажи ему, что привез я красавицу девушку. . .

249. Ну, игид выскочил из мейханы и бросился в путь, крича: «Гёр-оглы вернулся, девушку привез!» «Как принесу я радостную весть, сколько же лошадей, сколько халатов даст мне Генджим — богат же он! Привалило мне счастье!»[—думал игид].

— Генджим-ага! Союзджи! — [стал] кричать игид, подъезжая.

А Генджим сидел дома. Крик-то он слышал, да не понял в чем дело. Вот и сидел, отвернувшись, думая, что кто-нибудь пришел просить в долг овцу. Между тем к дому подбежал тот игид.

— О Генджим-ага, союзджи!

— Прочь, зангар! Что ты заладил «союзджи» — сын, что ли, у меня родился?

— Хоть сын и не родился, да из Арабистана твой [младший] брат ⁵ Гёр-оглы вернулся.

— Ну и что же — вернулся так вернулся.

— Не говори так, Генджим-ага! Он велел поздравить тебя и сказать, чтобы ты зашел к нему.

— Пошел прочь, проваливай.

250. — Генджим-ага! Не говори так! Он привез одну прекрасную девушку. Как знать, может быть, он позвал тебя, чтобы отдать эту девушку?

Как сказал тот про девушку, заколебался зангар.

— А что, разве он привез девушку?

— Привез, Генджим-ага.

— А что, она вправду девушка, ну а как вдовица?

— Девушка, Генджим-ага, косы у нее падают на грудь.

— Э-э, сынок, покуда я не увижу ее своими глазами, я ничего тебе не дам, [не получишь ты] союзджи!

— Ох, Генджим-ага, надеялся я получить от тебя побольше, да не вышло по-моему. Да хорошо, коли дашь хоть что-нибудь после того, как увидишь девушку.

251. Ну, надел Генджим новый халат, сапоги новые, отряхнул папаху, подтянул пояс и отправился к Гёр-оглы, а игид за ним. Вошел он в мейхану.

252. — Ну, здравствуй, младший брат! — приветствовал он Гёр-оглы. Подошел он к нему, пожал руку, пяясь, отступил назад и опустился на корточки у входа.

— Что, братишка, жив, здоров ты? Все ли благополучно? С удачей [тебя]! Вернулся целым и невредимым, с конем и оружием? Видел ли тетку свою Гюль-Эндам? Жива она, здорова? С удачей [тебя]!

Он все повторял «удача» да «удача», и Гёр-оглы сказал:

— Игиды! Подайте-ка мне дутар. Коли мы сейчас же не утешим его, он все испортит, зангар!

Гёр-оглы взял в руки саз и, обращаясь к Генджиму, пропел:

253. Отсюда отправился я в Арабистан.

Высокие горы перевалил, [прежде чем] вернулся.

Никто не спасется от руки моей.

Окрыленный, я прилетел, вернулся.

У [реки] Араз он догнал меня.

Стрелой я поразил колено [коня] его.

Доброе дело дочь его совершила для меня,

Радостный, торжествующий, я вернулся.

Потерял [Араб] своего коня.

Небо сбросило покровы свои.

Отнял я дочь у него.

Окрыленный, я прилетел, вернулся.

Из мужественных [игидов] Гёр-оглы.

Бек Генджим, исполни слово мое.

За тетку мою я его дочь

Взял для тебя и, ликуя, вернулся!

254. Стремительно поднялся Генджим и [почтительно] сложил руки на груди.

— Гулдук *, о брат мой, гулдук! Хочу сказать тебе несколько слов. Послушай, отныне такой уговор: больше не воруй, не кради моих овец. Всех баранов, всех верблюдов, весь рогатый скот, все табуны свои я передаю тебе! Все сокровища, все имущество свое я тебе отдаю!

Вот он каков Генджим, когда расщедрится!

— Коли летом защитишь от зноя, а зимой — от стужи, так и хватит мне. Давеча один игид приходил, радостную весть принес. Так ты ему сам дай союджиди, сам дай что хочешь. А своими руками я ничего не дам. . .

— Сейчас он расщедрится. Бросайтесь за его овцами! Верить словам зангара нельзя, потом может и отказаться, — сказал Косе.

— И тебе, Косе, разрешаю, — сказал [Гёр-оглы].

255. Устроил Гёр-оглы свадебный пир для Генджима и Бибиджан на десять дней и ночей. [Всем давал что кто хотел]: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давал. Устроил скачки, стрельбу в «золотую тыкву», позвал петь бахши. А тому игиду дал он коня и халат.

Привел [Гёр-оглы] муллу, и тот сочетал Генджима и Бибиджан крепкими узами. Генджим отправился на женскую половину. Шел и повторял: «О брат мой [Гёр-оглы], гуллу, гуллу!» У входа встретила его Ага-Юнус.

— Заходи, Генджим-бек! — приветствовала она его, взяла за руку, соединила его с Бибиджан. Постелили им девять перин, а сверху бросили легкое одеяло, в изголовье положили девять подушек и в изножье — пять. И сплелись они, словно гибкие ветви тальника.

Пусть каждый совершит такое дело и достигнет своей цели-желания!

IV. УСЫНОВЛЕНИЕ ОВЕЗА

256. Хорошо, добро. О ком рассказ? — Гёр-оглы-бек решил, что он уже посмотрел мир, и [теперь] беспечно лежал в своей мейхане.

Однажды в мейхане Гёр-оглы появился какой-то белобородый старец. Прошло три, четыре дня — а он не уходит.

— Эй, дед! Ты говоришь на семидесяти двух языках. Видно, много ты по свету поездил, — сказал [ему] Гёр-оглы.

— Сын мой! Много я поездил по свету, не осталось такого уголка, где бы я не был, такого города, которого бы я не посетил, такого места, которого бы я не видал.

— Нет места, которого бы ты не видал, вот и нашу мейхану ты увидал. Скажи, в чем изъян нашего житья-бытья, чего не хватает моим сорока игидам?

— Сын мой! Нет у тебя изъяна, [но] твоей мейхане, твоим сорока игидам недостает одного.

— Чего же не хватает, дед?

— Недостает вам юноши лет тринадцати-четырнадцати, с кудрями, окропленными золотой водой и ниспадающими до пояса. Подавал бы он вам чай, кальян — было бы в самый раз. Да пусть имя ему будет Овез. Нехорошо, когда пилалы и кальяны разносит бородач, здорovenный, как маслoбойка, — сказал старик и ушел.

257. — Тот старик не простой человек. Сейчас же найдите и приведите [его]! — велел Гёр-оглы.

Вышли на улицу — а от старика ни следа, ни знака. Предания рассказывают, что был это Хызр, да будет мир с ним.

— О Аллах, я непременно должен найти юношу Овеза, где бы он ни был! — решил [Гёр-оглы], сел на коня и поехал, расспрашивая, разыскивать [его].

Соберутся где-нибудь люди, стоит толпа — он подъезжает и спрашивает:

— А нет ли среди вас Овеза?

— Есть!

— Который?

Показывают [ему] короткошеего, толстобрюхого зангара.

— Вот Овез!

— Жаль [для тебя этого] имени, зангар Овез! — заметит он и уходит.

Проезжая по окраине другой страны, спросил у какого-то человека:

— Приятель, есть ли в этой стране человек по имени Овез?

— Есть.

— Где?

— Вон у подножия горы пасет коров.

Гёр-оглы подумал: «Если обыкновенного он склада, то одену, обую его, подарю шапку, наряжу — вот и будет юноша хоть куда». Подъехал он [и увидел: стоит человек] в поношенной тюбетейке, ноги по колено в глине.

— Как тебя зовут?

— Овез.

— Жаль для тебя имени Овез, зангар! — буркнул он и поехал своей дорогой. Ехал он и снова повстречался с каким-то человеком.

— Приятель, среди здешних людей есть кто-нибудь с именем Овез?

— Есть.

— Где?

— Вон там пашет землю на быках.

Подъехал — а у того борода наполовину седая. [И] звали его, оказывается, Овез-ага. Ничего не сказал [Гёр-оглы] и повернул обратно. Вернулся домой и в печали улегся в своей мейхане.

258. О ком рассказ? — В Хорезме был город под названием Беенгам. Падишаха [этой страны] именовали Юсупом. В те времена жил бай по имени Бултур-Кассаб [Бултур-мясник]; было у него столько богатств, сколько в сокровищницах семи падишахов. Помирать уж скоро, а детей [у него все] нет. «Дал бы мне бог сына!» — мечтал он, и [по числу] двенадцати костей¹ взял себе двенадцать жен.

259. Слово лучше краткое. По милости всевышнего бога от самой последней жены родился у него сын, [да такой], что описать невозможно. Кто ни посмотрит на него — словно свое отражение в зеркале видит!

Устроил мясник Бултур той на десять дней и десять ночей и нарек своего сына именем Овез. Так появился [на свет] Овез-джан.

Вот исполнился ему год, [потом] два, три [года], а [там и] четыре, пять лет, он уже мог играть со своими ровесниками-сверстниками в альчики, в чилик, в мяч.

260. Однажды играл он на улице. В это время шах Юсуп возвращался с охоты.

Увидел он красоту [мальчика] и остановил коня.

— Этот мальчик чей сын?

— Он сын богача мясника, тагсир!

— Пойдите позовите сюда мясника!

Позвали мясника.

— Эй, мясник! Этот мальчик твой сын?

— Да, тагсир, мой сын.

— Если твой это сын, то не отдашь ли его мне в услужение, стремянным?

А мясник тот не очень сообразителен был.

— Тагсир! Мать у него есть. Посоветуюсь [с ней].
— Ступай посоветуйся и приходи! — велел шах и уехал. [Тот пришел к матери Овеза].
— Эй, мясник, для чего тебя звал падишах? — спросила жена.
— Просит он Овез-джана.
— Что же ты ответил?
— Я ответил, что посоветуюсь с его матерью.
— Эх, в бороду тебе. . . зангар! Он ведь всемогущий шах страны; отдашь, не отдашь — все одно отнимет. Раз будет у него в услужении, чего же печалиться.

— Ну, так пошли, Овез-джан! — сказал [отец] и взял Овеза за руку.

[Но] мать Овеза сказала:

— Погоди немного!

Умной женщиной была мать Овез-джана. Велела она заколоть жирного барашка; хорошенько проварила [мясо], приготовила яхна да еще две миски чельпеков * — с этим [угощением] она и отправила их к хану.

Привел мясник [сына].

261. — Вот, тагсир, привел я тебе слугу, о котором давеча ты [говорил]. Да с угощением привел.

Он выложил яхна, чельпеки. Увидел падишах яхна, чельпеки и сказал:

— Мясник! Ты глуповатым мне тогда показался. [Видать], не сам ты это сообразил?

Снова засуетился зангар.

— Вместе с домашними сообразили, тагсир.

— Хорошо, добро! Проси у меня чего желаешь.

— Нечего мне у тебя просить, тагсир! Казна у тебя ведь не больше моей.

— Тогда пусть твои двери ветер открывает и ветер закрывает! ² — сказал он и выдал ему тарханную грамоту, [оттиснув на ней] свою печать [с изображением] короны.

262. О ком рассказ? — Собрал шах таких же, как Овез, сорок отроков и назначил его их главой. Каждый день, выезжая на охоту, брал он с собой Овез-джана.

Однажды возвращался он с охоты. Овез-джан ехал впереди хана.

263. О ком рассказ? — Был в этой крепости некий торговец, по имени Хемдем. [Как раз в это время] сгружал он свой товар возле дворца. Увидел он красавца Овеза и, пораженный, разинул рот, борода по ветру.

Один из слуг Овеза подъехал к нему и похлопал его по плечу.

— А ну, посторонись! . . — сказал.

— Как зовут этого юношу? — спросил торговец.

— Это ханский мерем *, Овезом зовут.

— [Мне знакомо] это имя, довелось мне слышать об Овез-джане. [Так] это он?

— Не говори «Овез-джан»!

— А в чем дело?

— Хан наказывает [за это].

— Наказывает хан или нет — [все равно]. Ради этого юноши жертвую я всем, что есть у меня, — сыновьями, дочерьми. [А] сам я последую за ним. . .

[Так решил он], бегом направился к одному человеку и поручил ему свои товары, имущество: «Ступай делай со всем этим что хочешь — все в твоём распоряжении!» [Затем] поспешил к хану.

— Ну, торговец Хемдем! Рассказывай, [какое дело у тебя]?

— Тагсир! Пришел я служить тебе — такова, [видно], моя доля-судьба.

— [Оставайся], служи!

Прослужил он год — получил [в дар как знак отличия] нож, секиру. Прослужил два года — был одарен конем, халатом. Три года прослужил — и сразу же везиром Хемдемом стал.

264. Однажды собрался падишах на охоту. А у Овез-джана голова разболелась — не смог он ехать с ханом, остался во дворце. И везир Хемдем притворно стал жаловаться: «Тут болит, там болит. . .» — и тоже остался [во дворце].

Когда хан уехал, он пришел к Овезу, [почтительно] сложил руки на груди и сказал:

— У меня есть просьба [к тебе], Овез-джан!

— Какая у тебя ко мне просьба, везир-ага?

— Овез-джан, исполнишь — скажу, не исполнишь — не скажу!..

— Везир-ага, если от меня зависит, исполню.

Везир трижды отвесил поклон.

— Начал-то ты хорошо, сможешь ли только довести до конца. . . Овез-джан! Нemoжется мне.

— Что же за немочь у тебя?

— Дашь лекарство — скажу, не дашь — не скажу. . .

— Если в моих это силах, дам я [тебе] лекарство.

На этот раз [купец] отвесил девять поклонов.

265. — Овез-джан, не потому служу я хану [вот уже] три года, что не мог сам добыть себе коня или одежду. Мне приглянулось в тебе пять мест. . . Дозволь поцеловать тебя два раза в лоб, два раза в каждую щеку, два раза в подбородок, два раза в грудь. . . Вот и будет мне лекарство, тогда выздоровею, Овез-джан!

— Везир-ага, вот пусть хан завтра вернется. Посоветуюсь с ним. Позволит — разрешу. Не позволит — не разрешу.

— Овез-джан, я смиренно согласен и на это! Что будет, то и будет.

266. На следующий день, когда вернулся хан, расплакался Овез-джан.

— Ну, Овез-джан, кто обидел тебя, кто наказал?

— Никто не обидел, никто не наказал. Только везир Хемдем сказал, что неmoжется ему.

Понял падишах, [что произошло].

— Ступайте позовите везира!

Позвали везира.

— Что, зангар везир, неможется тебе?

— Да, тагсир, неможется.

267. — Ступайте поухаживайте за ним, подлечите его! — сказал [падишах] и сделал знак стражникам. Схватили стражники его за шиворот и выволокли наружу, ударили о камень о восемьдесят ударов плетью дали: по спине — сорок, по животу — сорок.

Через три часа пришел он в чувство и снова предстал перед ханом.

— Убирайся, прочь ступай, зангар! — приказал падишах.

268. — О тагсир, коли б и не гнал ты, [все одно] я бы сам ушел — такое унижение для добра молодца [хуже] смерти. Но есть у меня к тебе пять-шесть слов. [А] уж потом я уберусь [отсюда], тагсир! Слыхал я, что там, в Четырехгорном Чандыбиле, появился один зангар, Гёр-оглы его зовут. Умереть мне грешником, тагсир, коли не пойду я служить к нему и не наущу его на тебя, коли не сделаю так, что он превратит твой венец, твой трон в зиндан для тебя и отнимет у тебя Овеза!

— Пускай этот разбойник, ослиный вор, зангар [только] сунется — в другой раз не посмеет! — сказал [падишах] и прогнал [везира], приказав снова поколотить его.

269. Пришел [купец] домой, раздал бедным свое богатство, скот, отпустил своих жен, землю свою отдал мечети в вакуфное пользование ³, на голову надел дервишский убор, облачился в лохмотья, под мышку взял «тыкву несчастья» ⁴, в руки — посох и, твердя «Ху Хак!» ⁵, покинул страну.

270. Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. Прибыл он в Четырехгорный Чандыбил. Спросил, где мейхана Гёр-оглы, [явился туда] и у порога мейханы спел две газели *.

Гёр-оглы принял его за юродивого и передал ему через одного человека два чурека * и полную чашу денег. Тот взял хлеб, провел им по лбу ⁶ и положил за пазуху, а деньги, что были в чаше, выкинул, разбросал в поле.

Тот человек вернулся и сказал:

— Гёр-оглы! Жалко денег, золота. . .

— А в чем дело?

— Выбросил он все деньги, все золото — какой-то бесноватый каландар.

— Нет! Это не бесноватый каландар, игиды! Это или хан, что потерял свою страну, или сановник, которого обидел хан, — очень уж печальный у него голос. Позовите, пусть придет!

— Заходи! — позвали его.

Тот переступил порог — без поклона, без привета вошел.

— Кто из вас зовется Гёр-оглы?

— Вот я зовусь Гёр-оглы!

271. — Коли это ты зовешься Гёр-оглы, жалко мне, что я три месяца добирался сюда, прослышав о тебе. Ты не вышел мне навстречу, чтобы [приветствовать меня] в трех днях пути отсюда, — какой-то, мол, каландар идет. Пришел я к твоей мейхане, пел и вопил — но и тогда ты [ничего]

не понял и не вышел [мне навстречу]. Слышал я от старых людей: мол, туркмен пасет скот один год, а уму своему вреда причиняет на сорок лет⁷. Что с того, что ты Гёр-оглы, зангар? Ума-то у тебя с палан *!⁸ — так сказал он и заплакал.

Гёр-оглы ответил ему:

— Ох, каландар, говори же, рассказывай!

— Вот тебе мой рассказ! — сказал тот, взял в руки посох взамен дутара и рассказал об Овез-джане в песне:

272. Слову моему внемли, бек Гёр-оглы!

Поведаю все, что я пережил.

О сыне мясника Булдура из Веенгама,

Об Овез-джане поведаю я.

Три года наслажденье-блаженство он мне дарил

Что ни день, благодетную красоту свою позволял лицезреть,

[Но вот] пять поцелуев я попросил — и восемьдесят ударов получил.

Нескончаемую [боль] причинили душе моей. . .

Тринадцать-четынадцать лет ему

Рядом с розой он [словно] безумный соловей

Вместе с сорока игидами с Мустапой * во главе

Хотелось бы мне вечно ему служить

У меня на плечах рубище, на голове — шапка дервиша.

Вечно будет молитва у меня на устах.

[Я] везир Хемдем, много объехал я крепостей.

Рассказ свой об Овез-джане кончаю я.

273. Как сказал он эти слова, Гёр-оглы вскочил с места, обнял каландара за шею и дважды поцеловал его в каждый глаз.

— Да будут благословенны твои глаза, что видели Овеза! А я-то лежал и стонал: «Ах, союн! Вах, союн!», не зная, где Овез. Так тебя, дорогой гость, оказывается, мне [сам] бог послал.

— Гёр-оглы! Коли не знаешь, [так знай]: [служит] он у шаха Юсуна, в стране Веенгам. Больше сидеть и болтать с тобой я не буду! Сможешь привести его сюда — так привези, а не сможешь — я найду себе здесь толстошеего щенка, повяжу ему на шею веревку и буду его водить из города в город, из крепости в крепость, приговаривая: «Вот он, Гёр-оглы!»

— Эх, каландар! Коли поможет покровитель Лев божий, то считай, что Овез-джан уже здесь, у тебя на коленях! — ответил он и, [обрадованный тем, что] нашел след Овеза, спел:

274. Рвется мое сердце из Чандыбиля.

В город Веенгам я стремлюсь, мой Овез!

Улетели соловьи, вороны опустились на розы мои.
В город Веенгам я стремлюсь, мой Овез!

За тобой я пошел — я готов умереть.
Никто не спасется, смерти не избежит.
Сегодня [бы только] алого вина с тобой испить —
[А там] вечно служить бы тебе, мой Овез!

Коль выйду я на поле [брани], скрежеща зубами, как пер,
Заставлю грешников о пощаде молить.
Рок обрушил несчастья на голову шахам!
Увижу тебя — не отвернусь я, мой Овез!

Бек Гёр-оглы [говорит]: да услышит Истина стенания мои.
Молва о тебе, Овез-джан, переполнила мир.
Это могущественный бог нас одарил.
Привезти бы [тебя] в Чандыбиль, мой Овез!

275. Кончил Гёр-оглы песню и приказал:

— Ступай, Мятел, приведи коня!

Привели Гыр-ата. Оседлал он его хорошенько, сел верхом и ударил коня плетью.

Два дня ехал он, а на третий день догнал его Сапар-Косе с сорока игидами.

— Эй, Косе, рассказывай, [в чем дело]?

— Мы не можем не ехать с тобой, Гёр-оглы!

— Нет, Косе, возвращайтесь! Никакой нужды в вас нет. Не стоит понапрасну ехать. Нельзя приехать неизвестно откуда в чужую страну и забрать человека силой или за золото его купить. Вот постраствую я, и, быть может, великий бог [сам] отдаст его мне.

— Поехали, игиды, вернемся! — сказал Косе и повернул назад.

276. Проехали немного, как [вдруг] пять-десять игидов с Сейтек-Гырма во главе остановились, стали гурьбой.

— Чего ты стал? — спросил он.

— Да ведь выгода-то большая, коли поехать с этим зангаром, — пояснил другой.

— Как это большая?

— Отсюда до Веенгама три месяца пути. Оттуда он легко привезет Овеза и сам. [А] потом, как приедет, будет кичиться, что один, мол, Овеза привез, и, как знать, покажет ли он его нам хоть раз в месяц. А разделим с ним тяготы — разделим и радости. Это первая выгода. Ну и не будет же зангар бродить без толку: будет добыча, подмога от долгов, будут деньги на чай и табак.

— [И верно]. Оказывается, выгода большая! Поехали!

277. И пять-шесть игидов [вновь] догнали Гёр-оглы.

— Ну, игиды, рассказывайте, [в чем дело]?

— Эй, Гёр-оглы-ага! Пусть другие тебя оставляют, а мы не оставим. Мы хотим быть с тобой и готовы умереть вместе!

— Поехали, коли готовы умереть! — И, взяв их, [Гёр-оглы] отправился дальше.

Вот пустыня, вот горы [на их пути]. Где тут взять прелести жизни в крепости! Мало-помалу остыл их пыл, приуныли игиды.

— Болтали о смерти, друзья, [думая] о наслаждениях, и вот, никак, идем мы [теперь] на верную гибель, — сказал один.

— Друзья, сейчас-то он скачет, [да скоро] остановится где-нибудь чаю попить, кальян покурить. Тогда мы и наведем его на разговоры. Если едет он за Овезом очертя голову — мы вернемся. А коль предвидится хоть какая-нибудь добыча — поедем [с ним], — сказал другой.

— Что нам Овез? В... его себе сунуть, что ли?

[Вот] сделал остановку Гёр-оглы. Попил чаю, покурил кальян. [Подошли к нему игиды]:

— Гёр-оглы-ага! Куда ты едешь? Будет ли там хоть какая-нибудь добыча? Или же [только] за Овезом едешь ты очертя голову?

— Игиды! Никакой добычи у меня не будет, — ответил он и обратился к ним с песней:

278. О друзья, мусульмане,
Начните беседу — утешит сердце она.
В тоске-печали дитя человеческое —
Все, кто в сей лживый мир пришел, уйдут. . .

Беки — впереди, они — диван *.
Кто этого не понимает, те скоты!
Человек для человека — [желанный] гость.
Сердце сердцу опорой бывает.

Где понало понапрасну не ходи —
Накличешь страшную беду.
Долго упрашивать будешь труса —
Противиться будет, высосет тебе кровь.

По полю [брани] летит арабский конь.
Множится добыча отважного игида.
При виде крови пугается конь,
Гыр-ат же, гарцуя, через трупы скачет.

Отважному молодцу на поле [брани] гулять,
Против врага [крепко] стоять.
Чтобы Овеза увидеть, Гёр-оглы
Богатств не пожалеет, голову сложит.

279. После этих его слов [игиды] сказали:

— Коли разрешишь, ага, мы вернемся: хоть и поедем мы [с тобой], не будет от нас прока, вред один.

— Раз прока от вас не будет, поезжайте назад! Коли привезу Овеза — да будет на то воля Аллаха, — другим разрешу видеть его в месяц раз, а вам — каждый день!

Отправились [игиды] в обратный путь. Проехали немного, и кто-то [из них] сказал:

— Нельзя верить словам этого зангара. Сейчас расстался он с нами, а вот одолеет его одиночество, он догонит нас и заявит: «Не могу ехать без вас. . .»

280. Забеспокоились они и поскакали быстрее.

А Гёр-оглы ехал себе, приговаривая: «Одинокому спутник — сам бог». Ехал он так, и попался ему навстречу какой-то каландар на ленивой лошаденке. Приветствовал он его.

— Эй, каландар, добрый путь! [— сказал Гёр-оглы].

— Прослышал я, добрый молодец, что там, в Четырехгорном Чандыбиле, появился муж по имени Гёр-оглы. Еду служить к нему.

Гёр-оглы подумал: «Раз уж едет он ко мне служить, проверю-ка, предан он [мне] или нет». Так решил Гёр-оглы.

281. — Каландар! Коли едешь ты на службу к Гёр-оглы, [мой совет:] не езжай, не надо! Служба у него тяжела, а сам он скуп, зангар. Семь лет я ему прослужил, да не получил за это и старой, ветхой куртки с целым воротом. Хуже того — у него я пристрастился к чаю, к кальяну, к азартным играм — совсем совратил он меня. Вот и похитил я у Гёр-оглы это оружие и этого коня и три месяца как скитаюсь. И ты остерегись, не езжай к нему!

— Пусть хоть убьет [меня], но я поеду к нему служить! — ответил тот и двинулся в путь.

[Гёр-оглы] убедился в его преданности.

— Эй, каландар! Долгий путь стал коротким — ведь это я Гёр-оглы.

282. Ну, соскочил каландар с коня, взнуздal его, бросился к копытам коня Гёр-оглы и стал с плачем кататься по земле.

— Эй, каландар, что это за страдания? Рассказывай, говори, в чем дело!

— Коли рассказывать, ага, [то вот мой рассказ]. Я из родственников хана страны Тебриз. Сам хан умер, и на месте его сидит его дочь. Три условия поставила она: есть у нее крепость в сорок гезов высотой — надо перелететь через нее на коне, есть у нее дворец на сорок гезов выше крепости, на него она водрузила золотое гупба — надо попасть стрелой и сбить его; есть у нее семьдесят один силач — надо победить их в борьбе. [Кто выполнит это], за того она выйдет замуж и передаст тому трон и корону, казну и сокровища свои. Нет у меня резвого коня, чтобы перелететь через ее крепость; нет у меня такого лука со стрелой, чтобы мог я сбить золотое гупба. [А вот] побороть ее семьдесят одного силача — на это силы у меня хватит. Но те два ее условия, ага, выполнить я не в состоянии.

— Каландар! Ради этих твоих условий я мог бы и оседлать коня, мог бы и не седлать. Но нам с тобой по пути. Поехали!

283. Каландар последовал за ним. Проехали немного и повстречали еще четверых пеших, по виду слуг.

— Куда путь держите?

— Едем к Гёр-оглы, служить ему [будем], — ответили те.

Ох, когда нет в стране рачительного хозяина, все разбредаются, все уходят, как прослышат, что есть в каком-то месте добрый молодец.

— Игиды! Я и есть Гёр-оглы! Направляйтесь в страну каландара, в Тебриз. Коли выполню я условия каландара — да будет на то воля Аллаха, — сделаю каландара шахом, двоих из вас назначу меремами, а двоих — сокольничими.

284. И те повернули обратно. Проехали немного, и конь каландара не выдержал хода Гыр-ата, встала скотинка.

— Ох, ага! Конь мой встал!

— Коли встал, так брось [его]! Приведут его пешие, что следом идут.

— Ах, ага, я же в долг его взял, в долг!..

— Хоть бы и в долг — там что-нибудь сообразим. Бросай его, зангар!

285. Бросили они коня каландара, а самого [каландара Гёр-оглы] посадил позади себя на круп коня. Приехали в Тебриз, остановились у крепостных ворот. Ссадил [Гёр-оглы] каландара и воззвал к покровителю своему, Льву божьему.

— Каландар, ты ступай к восточной стороне дворца, — велел [Гёр-оглы] и ударил коня плетью.

Конь взлетел ввысь, в небо, и вот он уже внутри крепости. Рассказывают, что ему помогал его покровитель, Лев божий, поддерживал [Гёр-оглы] под руки.

286. В центре крепости, в середине дворца — окно. А из окна девушка выглядывает. Подъехал Гёр-оглы ко дворцу, остановился прямо напротив девушки, помянул своего покровителя, Льва божьего, вложил в тетиву меткую стрелу и пустил ее. Стрела расколола золотое гупба на две части. Пустил без дела еще одну стрелу — на сорок гезов выше пролетела она. А как дошла очередь до силачей, появился и каландар.

287. Ну, снял папаху каландар, стащил сапоги, скинул старую ватную куртку, чуть распустил кушак на поясице и с грозным видом направился к силачам.

— Куда это ты направился, каландар? — спросил Гёр-оглы.

— О ага, не утруждай ты себя из-за этих горе-силачей!

— О Аллах, хорошо бы, не напортил ты... — сказал Гёр-оглы.

— Ты погляди на мою спину, Гёр-оглы, [тогда увидишь], напорчу я или нет.

Посмотрел тот и увидел: и у каландара на спине был след пятерни ¹⁰. . .

— Ну, каландар! И ты, оказывается, не простой человек.

288. И Гёр-оглы своей рукой благословил каландара. Ох уж этот каландар: на голове потрепанная, в вате, тюбетейка, икры как кувшины, с мощными руками, спина словно доска, живот словно крышка. Подошел он к семидесяти одному силачу. Он поднимал [противника и] валил,

брал на бок и опрокидывал, давал подножку изнутри и валил, пускал в ход приемы «чопан», «геримек»¹¹ и опрокидывал. Того там, этого здесь уложил он.

289. А был среди силачей один большой силач. Пришел он в ярость, увидев, что вытворяет каландар. «Ну, попадется каландар мне в руки, швырну его выше крепости на сорок гезов», — думал он. Дошел черед и до этого борца.

Вошел в азарт каландар — схватил он силача за пояс, подвинул над головой и ударил оземь — некогда грозный силач лежал на земле беспомощный, как бык. Всех силачей победил каландар и двинулся к внутренним воротам.

290. Пустил коня Гёр-оглы и у ворот догнал его.

— Эй, каландар! Куда направляешься ты?

— Я выполнил условие девушки. К ней я иду.

— Брось болтать, зангар, ведь две части девушки — мои, [только] одна — твоя!

— Ох, ага, [лучше] не говори так!

— Ну как же! Два условия выполнил я, одно — ты. Так что тебе принадлежит одна треть.

— Ой, ага, не говори так. Это моя возлюбленная!

А Гёр-оглы, чтобы испытать его, смеясь и повторяя: «Это моя подружка!», запел, [и каландар начал петь вместе с ним]:

291. К а л а н д а р. О ага-джан, выскажу я тебе просьбу свою!

Это моя возлюбленная, моя!

Как посоветуешь — что делать мне?

Это моя возлюбленная, моя!

Г ё р - о г л ы. И я приехал из Чандыбиля.

Это моя возлюбленная, моя!

Долгий путь я преодолел.

Это моя возлюбленная, моя!

К а л а н д а р. Словно ястреб озирался я.

Семьдесят одного силача опрокинул я.

Я страдал, пылала душа моя.

Это моя возлюбленная, моя!

Г ё р - о г л ы. Я [смело] вел игру с судьбой.

Врага рассудка лишил,

Пустил стрелу над ее дворцом.

Это моя возлюбленная, моя!

К а л а н д а р. Несколько дней [ты] мне спутником был.

Голову мою в [страданье] разлуки вверг.

Единственная лошадь [моя] в пустыне осталась.

Это моя возлюбленная, моя!

Гёр-оглы. Не овладеть тебе богатством ее.
В халат смерти [саван] обрядишься ты.
Любовь — это отважных дело.
Это моя возлюбленная, моя!

Каландар. [Неужто] не выйдешь ты на поле брани,
[Неужто] не справишься обо мне?
[Неужто] бедняком [меня] не сочтешь, ага-джан?
Это моя возлюбленная, моя!

Гёр-оглы. Ты стал туманом в моей голове,
Стал слезами, текущими из глаз [моих].
Для Гёр-оглы ты братом стал.
Это твоя возлюбленная, твоя!

Каландар. Влюбленный жаждет возлюбленной своей,
Любовь существует везде.
Каландар — всего лишь слуга.
Это моя возлюбленная, моя!

292. После этих слов Гёр-оглы объявил по крепости через глашатая: «Время пришло насладиться каландару. Свадебный той-веселье у него на десять дней и десять ночей. Приходите все, без разбору: будь то бахши или борец, музыкант, играющий на зурне и карнае или на баламане *...»

Задали пир-веселье на десять дней и десять ночей: [всем давали что кто хотел]: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давали, устроили скачки, стрельбу в «золотую тыкву». После тоя каландар стал падишахом, а Гёр-оглы — его везиром. Женил он каландара на этой девушке, соединил их браком.

293. К концу свадьбы подоспели и те четверо пеших. С трудом пригнали они сюда [брошенную] лошадь, словно хотели просить помощи у святых мест ¹². Гёр-оглы устроил так, что двоих из них назначили аталыками *, а двоих — сокольничими.

[Вот] каландар стал шахом, а Гёр-оглы — везиром.

Пять-шесть дней провел здесь [Гёр-оглы]. [Делать нечего], надо просить дозволения [уехать] у каландара — как-никак шах он. Предстал он перед каландаром:

— Коли разрешишь, отправлюсь я за Овез-джаном, — сказал он и обратился к каландару с песней:

294. О друзья, мусульмане!
За ханом Овезом еду я.
[Сколько] мук претерпели милые души.
За ханом Овезом еду я.

Из Чандыбиля за Овезом
В далекий путь пустился я.

Коль хочешь знать ты обо мне —
За ханом Овезом еду я.

Пойти бы мне с Овезом в сад.
Нарвать цветов, связать букет.
Рука об руку пройтись бы с ним.
За ханом Овезом еду я.

И во время кочевий, и между ними,
Чтоб с уст его алое вино пить,
Головы своей бек Гёр-оглы не пощадит,
За Овез-джаном еду я.

295. Сказал он эти слова, и [каландар] ответил:

— О Гёр-оглы! Раз у тебя такое дело, то разрешаю.

Падишахом теперь он стал. . .

— Гёр-оглы, не нужно ль тебе денег, золота? Не нужны ли нукеры?
Не нужны ли пушки или какое другое оружие? Распоряжайся, бери
[что надо]!

— Нет, каландар, мне не нужно того, о чем ты говоришь.

— О Гёр-оглы, слышал я, что Веенгам очень-очень далеко отсюда.
Туда и пестрая ворона не долетит труп твой поклевать. Возьми с собой
нескольких всадников.

— Эх, зангар! И сорока дней не прошло, как стал ты падишахом,
а уж готов мне советы давать! Я, что же, приехал сюда ради того, о чем ты
болтаешь?

296. После таких слов [Гёр-оглы] каландар уже рта не раскрывал.
[Лишь] когда [Гёр-оглы] сел на коня и тронулся в путь, [он сказал]:

— Ох, Гёр-оглы, не стал ты слушать меня. . . А можно ль разузнать
мне потом, живой ты или мертвый?

— Вот это ты дело сказал. Коли будет на то воля Аллаха, я найду
Овеза и вернусь в эту крепость через сорок дней. Ну а не вернусь через
сорок дней, так можешь разузнавать обо мне, как брат о брате, — ответил
он и уехал.

297. Ехал [Гёр-оглы] по пустыне, ехал по горам, торопил коня плетью.
Уже несколько дней был он в пути. «О Аллах, совсем слиплись у меня
кишки [от голода] в этой пустыне. Хоть повстречался бы скотовод, поесть бы
яхна — вот было бы чудесно! . . .»

Выехал он на холм, огляделся вокруг — и аж в глазах зарябило:
столько белых и черных баранов [увидел он].

«О боже, только бы [это] не было сном!» — подумал он. Видит: чабаны
водрузили на высоких барханах шатры из разноцветного сукна и такой
подняли шум, словно шкуру делают.

Гёр-оглы крикнул им на их языке:

— Есть ли тут кто, у кого [можно] спросить?

— О чем ты хочешь спросить?

— Дорогу хочу узнать.

— Поезжай прямо. Ты уже на [правильной] дороге, зангар!

298. «Видно, о чем-то интересном они говорят», — подумал Гёр-оглы. Спешился он, вбил в землю железный кол, [привязал к нему коня] и подошел к шатру. Там увидел он двенадцать пастухов: зарезали они жирного барашка, приготовили яхна и приступили к трапезе, приглашая друг друга: «Берите вы, вы берите!»

И он вошел туда. Один из чабанов [заорал]:

— Эй ты, мерзкий зангар! Не проходи сюда! Не мешай нам наслаждаться. Там садись!

— Игиды! Я ведь тоже не какой-нибудь никудышный игид! — сказал Гёр-оглы, прошел и подсел к дастархану *.

Те не угощали его, не предложили ему поесть, а он уже мясо схватил пятерней. Чабаны просто обомлели.

— Эх, вашу. . . Что вы [так] сидите? Этот зангар все мясо съел. Эй, зангар! Ты что, пас этого [барашка], поил его, или готовить помогал, или овце помогал котиться? Какой труд ты вложил в это? Слишком смело пускаешь ты руки в ход! — И пастухи стали бить его кулаками и пинать: били, колотили, [приговаривая]: «Бей его, бей! Ты погоди, дай мне ударить!». » Долго били его.

299. А Гёр-оглы не обращал на них внимания. Опустив голову, словно волк, он выбирал куски пожирнее и набивал себе утробу. Потом уж только он стал чувствовать удары. В одной руке мясо [держит], а другую сжал в кулак и размахнулся. Кому попало, тот вылетел прочь и упал в поле, испустил дух. «Что за чудище — пери или дэв *?» — [думали пастухи], выбегая из шатра, сбились все в поле, дрожат от страха. Один из них подобрался к шатру и тайком заглянул в щелку. Видит: проголодался человек, нежное мясо барашка бросает в рот себе [кусками] то в половину тебризского батмана, то в батман. Вернулся он и поведал обо всем остальным.

— Лучше убежим отсюда. Если бы остались мы там, он бы двоих из нас съел, этот зангар!.

О ком рассказ? — Старшего из [чабанов] звали Шах-Мурза.

— Эй, игиды, да откуда же тут взялся дэву или пери? Слышал я, что в той стороне скопище туркмен есть. Говорят, едят они, как голодные волки. Схожу-ка я к нему, перемолвлюсь с ним пятью-шестью словами. Коли захочет он меня убить, я закричу. Тогда выручайте!

— Да к этому страшилищу и не подойдешь! — сказал тот, что давеча ходил [в щелку] смотреть.

— Выбросим его прочь! — расхрабрился другой.

300. Шах-Мурза направился к Гёр-оглы. Умным, рассудительным был зангар. «О Аллах, конь у него, доспехи и вид его не смешной. Слышал я, что там, в Четырехгорном Чандыбиле, появился один зангар, муж по имени Гёр-оглы. Видно, это он и есть. Не потому он бродит, что хлеба, коня или халата у него нет. Видно, и туда дошла громкая слава, молва

об Овезе. Очарован он Овез-джаном. Коли скажу слово об Овезе, наверное, не тронет он меня. . .» — думал курд.

Подожел он к палатке, остановился, взял в руки пастушью палку как саз и обратился к Гёр-оглы с песней:

301. С угрозой явился ты ко мне.

Скажи-ка, отважный игид, откуда ты едешь?

Зачем терзаешь ты душу мою?

Скажи-ка, отважный игид, откуда ты едешь?

Под тобой — аргамак, отменный скакун.

Да наделит тебя счастьем Аллах-творец!

На Гёр-оглы походишь ты видом своим. . .

Скажи-ка, отважный игид, откуда ты едешь?

Не терзай рассудок бедного чабана.

Сверх меры мучений ему не причиняй.

Правду скажи, не утаивай от меня ничего!

Скажи-ка, отважный игид, откуда ты едешь?

[Как] влюбленный возлюбленную свою ищешь ты?

Много лет со страной своей разлучен?

Шах-Мурза говорит: не Овеза ль ты ищешь?

Скажи-ка, отважный игид, откуда ты едешь?

302. Так орал зангар, задрал голову и делая вид, что поет. А Гёр-оглы приготовился его схватить. Вот закончил он песню, и Гёр-оглы подбежал к нему и ухватил его за ворот.

— Эй, дружище, ты Овез-джана помянул: мы с тобой, никак, одной болезнью бодем. И ты отведай яхна. Угощайся! — предложил он и подал ему и того яхна, легкие, ножки, требуху. Да разве ж в глотку тому пища полезет — от страха глаза у него стали [большими], словно шахская пиала.

— О ага! Да мы три, четыре раза в день готовим себе и едим. Вижу я, уж очень хочешь ты есть. Так сам доедай, что осталось! А я расскажу тебе о пережитом.

— Если хочешь, так рассказывай!

303. — Вот что я тебе расскажу: был я слугой у одного бая. Накопил помаленьку шестьдесят золотых, положил их в карман и, получив разрешение бая, ушел. Потом попал я в тот город Веенгам. Жил там бай по имени Бултур-Кассаб. И был у него сын Овез. Увидал я его предельно-красоту и был ею пленен. Покуда не иссякли мои шестьдесят золотых, служил я у [Булдура] ички диван-беги *. Никто меня не стеснял. А как подошли мои денежки к концу, захотели мне дать под зад и выгнать прочь. Но я не ушел. Тогда [бай] послал меня пасти этих овец. Это мясника Булдур-овцы. Тысяча семьсот овец. А нас двенадцать пастухов, и я старший среди них. Сам распоряжаюсь: что хочу, то и делаю. Никто с меня не

спрашивает. Каждый год во время окота сюда привезает сам Овез. Вот тогда я и смотрю на него во все глаза, ага!

— Ох, зангар! Выходит, твои заботы куда тяжелее моих!

— А [теперь] ты расскажи о себе, ага!

304. — Расскажу я, хан-сынок, что отец мой был побратимом мясника Булдур. Когда-то [Булдур] оставил у [отца] овец [на условиях] «половина приплода» [за уход]. И стало их теперь тысяча семьсот. Вот и ехал я, чтоб сообщить о том [мяснику]. Очень хорошо, что ты рассказал: для меня долгий путь близким стал. Если ты пастух мясника Булдур, так забирай у меня здесь [тех] овец.

305. [Чабан] посмелее стал, как обменялся с [Гёр-оглы] пятью-шестью словами: крепко ударил он кулаком в грудь Гёр-оглы.

— Чего ты бьешь меня?

— Я и этих овец пасти не могу, а ты хочешь навязать мне еще тысячу семьсот!

— Коли сам не можешь пасти, так у меня есть свой пастух.

— Ну, коли есть пастух, так я приму их.

— Как-никак я уж приехал сюда. Ну так я съезжу и скажу, что овец его я поручил такому-то пастуху.

— Поезжай и скажи!

— А далеко ли, близко ли отсюда до Веенгама?

— До Веенгама конному — один переход, пешему — два перехода.

— Тогда я могу дойти и пешком. Я оставлю у тебя все свои вещи — коня, оружие, одежду. Сможешь ли ты присмотреть за ними до моего возвращения?

— Смогу, ага!

— Я все свое оставлю у тебя и отправлюсь в пастушеской одежде. Сними-ка свою ватную куртку и дай мне.

— Оставь это, ага, оставь. Никому я ее не могу дать!

— Почему не можешь дать?

— Все, что я накопил, все имущество мое и других чабанов — в ворота этой куртки.

306. Гёр-оглы сделал вид, что не понимает:

— Что за имущество, хан-сынок?

— Да ты, ага, оказывается, наивный очень. Имущество — это значит деньги, золото.

Как услышал Гёр-оглы «деньги, золото», так и ухватил он его за ворот.

— Эй, хан-сынок! Я никогда не брал чужого. Потом я верну тебе твою куртку.

Пастух отвечает: «Не отдам!» — и пятится, вырывается [из рук Гёр-оглы]. А Гёр-оглы трясет его. Вот и оказалась [куртка] меж двух силачей. Да разве выдержит [этот] ворот — разорвался ворот, и деньги, звеня, посыпались на землю.

Гёр-оглы, хохоча, хватал пятерней монеты. Держится [пастух] за ворот — пропадают деньги, упавшие на землю: если к ним руку протя-

нет — пропадает то, что зашито в вороте. Ох, растерялся слуга, растерялся.

307. Подумал вдруг Шах-Мурза: «Он пока монетками занялся. А как соберет монеты, так мной займется. Лучше я его сейчас поколочу, силы лишу». Подошел он к Гёр-оглы сзади и стал бить его кулаками, а сам закричал:

— Али-Риза, Мамед-Али, Курбан-Али, Новруз-Али, Али-Джапар, Ораз-Али, выручайте!

Да разве придут [эти чабаны]? Гёр-оглы все грабит Шах-Мурзу, [а чабаны] все дальше убегают. Вот Гёр-оглы все забрал у Шах-Мурзы: деньги, золото, кумган, пиалу, утварь, скарб. Подошел к своему коню и сел на него. Тут Шах-Мурза выскочил из шатра и закричал:

— Эй, игиды! Пропало все — деньги, золото, кумган, пиалы, утварь, скарб!

308. Пастухи окружили [Гёр-оглы]:

— Эх, твою... Отдай все, что взял!

— Эй, игиды! Вы бы согласились лучше.

— Чего тут соглашаться — ты с нами торговался, что ли?

Затем начали они бить палками по крупу Гыр-ата.

— Эй, игиды, хотите бить меня — бейте, но коня не бейте!

— А ты что, для продажи привел сюда коня?

Тут выскочил один из них, что был горяч, с криком:

— Разве же он сам далеко [от нас] ушел? — и ударил его палкой по спине.

— Игиды! Есть у меня одно вредное свойство — вот-вот приступ начнется!

— Что за вредное [свойство]?

— Это бесноватость.

— Мы знаем средство от бесноватости! Бесноватого палка лечит! — сказали они и осыпали Гёр-оглы ударами палок.

— Ого, это... уж слишком! — ответил Гёр-оглы и, взяв саблю-истребительницу, направил ее на них. Эта сабля лишила кое-кого головы, других — бороды, у остальных стали дрожать губы, трястись языки. Перебил он их и поехал дальше.

309. Ехал он так, а тут и солнце зашло, улетели оводы. Въехал он в пределы другой страны. Посмотрел и увидел в стороне домик — мазанку, похожую на хибарку сторожа на бахче. Окошко домика светилось. «Вот подходящее укромное место, чтобы оставить коня», — [подумал Гёр-оглы].

Подъехал он и поглядел в окошко. Видит: сидят там двое — муж и жена. Оба старики. И [с ними] два подростка. Между ними — одна миска с пшеничной кашей. Один ухватил ложку за один конец, а второй — за другой конец. Суют кулаки они друг другу в лицо, [кричат]:

— Дай сюда! Дай сюда!

— Отдай! Ты уже съел две ложки!

— Я не зря съел — в прошлый раз ты съел с морковью. Дай сюда! — отвечал другой.

Крикнул Гёр-оглы с улицы:

— Есть ли тут кто, у кого [можно] спросить?

— О чем ты хочешь спросить, добрый молодец?

— Не приютишь ли божьего странника, старый дед?

— Оставь это, сынок, оставь! Я и себя-то одеть-прокормить не могу. Ты ведь видишь свару из-за миски каши. Коли приюта ищешь, ступай к богачам.

— Эх, дед! Дашь место голову приклонить — и ладно. А хлеба-одежды твоих мне не нужно.

310. Спешился он, привязал коня и вошел в комнату. Увидел перед собой дед статного игида, богатыря-молодца и почтительно принял его, стал прислуживать ему. Подал чай, кальян, сухой хлеб из джугары *, потом заговорил о своих переживаниях.

— Сынок! Не взыщи, что беден я. Я старый чабан мясника Булдура. Зовут меня Гуль-Чабан. Эти двое — мои сыновья. Откуда только они появились на свет! В детстве они были веселыми, наслушались приятных слов, а [теперь] и скотину не пасут, и землепашеством заниматься не желают. Сам я стар, работать уж не могу. Вот и обеднел, страдаю [от бедности], сынок.

— Не горюй, дед! Давай стану я тебе приемным сыном, а ты мне — отцом!

Утешил его Гёр-оглы и бросил ему в подол пригоршню серебряных монет.

— Да я тебе десятикратным отцом буду! — ответил тот. — Ну-ка, сынок, расскажи о себе!

311. — Рассказ мой, дед, таков: мой отец был побратимом того мясника Булдура. Я пригнал сюда тысячу семьсот его баранов. Вот и направляюсь к нему, чтобы сказать об этом. Ты коню моему ночью травы задавай, ночью и пой его, никому не показывай. А оружие мое и одежду спрячь к себе в сундук. Их тоже никому не показывай. А для меня, дед, найди старую ватную куртку, чокаи *, шпур-опояску да шапку с узким верхом.

— О сын мой! Лишь бы только новых [вещей] не просил. А ватных курток [я тебе достану] сколько хочешь!

Притащил он грудку всякого старья. Натянул Гёр-оглы на себя старую ватную куртку и затащил себе поясницу опояской в пять кулачей *. Принес [старик] чокаи, да на ноги Гёр-оглы они не налезли. Надел он их, спрятав задники. И шапочка на голову не налезла, так он распорол ее доверху, надел на голову и края скрепил.

312. В таком виде и подошел он к Гыр-ату.

— О Гыр-ат мой, спутник мой, ровесник, товарищ мой в черные дни! Я иду за Овезом, готовый голову свою сложить. Обойдись как-нибудь без меня до моего возвращения!

Из глаз Гыр-ата потекли слезы. Стоя в дверях конюшни, [Гёр-оглы] обратился к Гыр-ату со словами: «Не плачь, Гыр-ат, не плачь!», песню ему спел:

313. Приехали мы в Веенгам.
Не плачь, Гыр-ат, не плачь!
Из-за Овеза я горевал.
Не плачь, Гыр-ат, не плачь!

Подобен он луне четырнадцатой ночи,
Облик его — как лам-алиф¹³,
[Он] — сила моих зрячих глаз.
Не плачь, Гыр-ат, не плачь!

На [бранное] поле вышел я, ольянен,
Сабля-истребительница в руках у меня,
Овез-джан сядет верхом на тебя.
Не плачь, Гыр-ат, не плачь!

Не лей ты слез из глаз своих,
Неверного я камнем побью.
Главный товарищ (ты) Гёр-оглы,
Не плачь, Гыр-ат, не плачь!

314. Как сказал он эти слова, успокоился Гыр-ат, потянулся, распрямился, стал есть и пить.

Оставил [Гёр-оглы] деда и зашагал, держа путь на Веенгам. В пути попалась ему черная ива, срезал он сук в полтора геза длиной, подчистил и согнул один конец как рукоять — смастерил себе пастушью палку; так под видом пастуха и пошел дальше. Взошло солнце, когда подошел он к крепости Веенгам. Оказывается, попал он туда в базарный день.

315. Мясники расположились рядами, торговцы наладили свои весы, бакалейщики прибрали свои лавки — настоящее столпотворение!

«О Аллах, у них, оказывается, базарный день. А я ввалился без привета, очень неучтиво я поступил. А что, как выйду я обратно [и снова войду на рынок] с приветствием?» — [подумал он было, да передумал]: «Чем уходить, приходить — ноги бить, лучше потом, как базар будет в самом разгаре, я всем сразу скажу свой „салам“».

316. Чтобы собрать вокруг себя народ, прикинулся Гёр-оглы простаком. В середине базара был большой холм. Взобрался Гёр-оглы на него и оперся на палку. Когда торговля пошла бойко, когда только и слышно было: «Купи!», «Продай!», когда с наслаждением стали пить чай (?), он закричал: «Всем вам салам! — и, обернувшись в [другую] сторону, [еще раз]: — Торговцы, всем вам салам!»

317. Ну, на базаре, сам знаешь, бездельников много.

— Эй ты, такой-то, иди сюда, иди сюда! Какой-то странный человек появился на базаре. Пошли посмеемся над ним, развлечемся!

Толпа бездельников собралась вокруг Гёр-оглы.

— Эй, приятель, откуда приехал?

— Приехал из Тебриза!

— С каким делом в эту крепость ты приехал?

— Я торговец.

— Что привез?

— Баранов пригнал.

— Овцы жирные или тощие?

— Жирные. На всем пути [сюда] было много травы в этом году. . .

— Кто остался с овцами?

— Мой старший брат остался.

— Брат понимает, что ты ему говоришь?

— Да он отличить овцы от барана не может, бродяга-туркмен.

— По разговору видать, и этот такой же, зангар! — [заметил кто-то].

— Ну а овец своих ты продаешь?

— Да, продаю.

— Назови цену.

— Я не барышник, я скотовод. Вы сами по совести оцените, сами же забирайте.

— Так отдашь коз по одному золотому за козу?

— Нельзя ли поменьше, а?

— Двух коз отдашь за один золотой?

— Бери, отдаю. Пусть для тебя согорится тебе!

318. Этот дает золотой, тот дает золотой, кто бумажными деньгами, кто монетой—теньга, он берет, даже в лицо дающему не глядит — знай бросает в карман все, что дают. Да время от времени приговаривает:

— Только я считать не умею. Потом не спорьте, не говорите: «Я дал больше, я дал меньше! . .»

Один, поумнее, выскочил и предупредил:

— Эй, братья! Вот вы надавали ему теньга. А может быть, он бесноватый бродяга?

— Эй, приятель! Нет ли у тебя в крепости каких-нибудь знакомых? У кого ты остановился?

— Я первый раз в этом городе. Слышал, что у моего отца здесь есть названный брат.

— Как его зовут?

— Его зовут баем-мясником Булдуrom.

— Твой дядя Булдуr давно умер, — [заявил] кто-то.

319. — Игиды! Это правда, что мой брат Булдуr умер, или вы потешаетесь, мучая меня?

— Да, это правда, ага, — ответил один из них.

— Коли так. . . Ой, вай! . . — завопил [Гёр-оглы] при всем честном народе и пошел, закрыв лицо руками. Как безумный, сломал он на своем пути один-два торговых навеса, что были послабее, перемазался в глине, напугал лошадей бакалейщиков, опрокинул их лавки — идет, крушит базар.

— Совсем расстроил базар этот бесноватый. Покажите ему дом мясника да следом ступайте и денежки свои там с него получите! — сказал кто-то.

320. Один из них взял [Гёр-оглы] за руку и показал ему на дом мясника: «Дом мясника вон там!»

Побродил он по улицам и нашел мейхану. У порога мейханы прильнул он лбом к земле и заплакал навзрыд. А краем глаза оглядел мейхану. Видит: сидят там муллы-дармоеды, кази, каждый в громадной, с колесо арбы, чалме.

321. Ох эти кази и муллы, любители хмельного. Рядом с ними — кавуши * на каблуках высотой в гарыш *, резная табакерка [для насса] *, сахар, набат кучей лежат. Столько веселья, столько усад. . . «Эх, вашу. . . Удалось бы испортить вам настроение!» — [подумал Гёр-оглы] и заорал грозно, пять-шесть раз, как подобает обратился к ним.

«Чудище какое-то с неба спустилось!» — закричали хмельные кази и муллы. Выскакивали они и удирали, второпях кавуши не успели надеть — убежали с кавушами в руках.

Те убежали, а Гёр-оглы не перестает — как орал, так и орет. Даже песню-причитание придумал: «Ой, Булдур-ага, Булдур-ага! Скорбит твоя мейхана! Овдовели жены твои. . .»

322. Так и рыдал он с самого утра. Услышала [его причитания] мать Овеза. «О Аллах, у мясника, выходит, в чужой стране есть названный брат. . .» — [подумала она и] послала служанку:

— Сходи посмотри, что это за игид!

Служанка пошла и оглядела Гёр-оглы. Вернулась и рассказала: — Биби-джан, лицо-глаза его сияние испускают. А сам он как чинара. Всё плачет, прильнув грудью к земле.

— Коли лицо-глаза его сияние испускают, а сам он как чинара, пожалуй, я сама схожу посмотрю на него, — сказала мать Овеза.

323. Она направилась к Гёр-оглы. Пришла, крикнула:

— Эй, добрый молодец! Ты с самого утра все никак не перестанешь [плакать]. Каким же любящим братом ты был мяснику?

— Он приходился побратимом моему отцу. . . — ответил он и завопил пуще прежнего.

— Перестань! От того, что будешь много плакать, твой дядя не вернется. Говорят: «Покойник не насытится молитвами, живой — почестями». [Лучше] ты прочти молитву в его честь, помяни его.

Гёр-оглы был голоден — последний раз он ел яхна у Шах-Мурзы.

— Дорогая тетушка, в нашей стране отправление молитвы без трапезы считается делом бесполезным.

— Ступай принеси из дома дастархан!

324. Служанка принесла дастархан с кульче, катлама.

Ну, теперь-то он перестал плакать. Он тер себе глаза, увлажнив их слюной, делая вид, что плачет, а сам [в это время] наворачивал кульче, катлама. То целую [лепешку] сунет себе [в рот], то половинку, то четвертушку. Да еще беседует между делом.

— Проклятие этой человеческой привычке! Я все думал: «Сегодня несчастливый день, завтра несчастливый день, поедешь — звезды погубят тебя». Вот и задержался на целый месяц — на сорок дней. Приехал бы на месяц — сорок дней раньше, застал бы живым моего дядю Булдура. Кому теперь передам я тысячу семьсот овец?

325. Слова «овцы», «пастух» приятно было услышать матери Овеза.

— Ступай спроси, пьет ли чай твой господин, — велела она своей служанке.

— О ага, пьешь ли ты чай?

— Немного пью.

Мать Овеза вынула мешочек с черным чаем, с кулак величиной, и кинула его Гёр-оглы.

— Эй, туркмен, сам завари чай!

— Милая тетушка! Коли [чай] найду, я и сам заварю.

326. Попил он чаю, кальян покурил, брюхо себе набил. Глядит — на колышке висит дутар, весь пылью покрыт.

— Милая тетушка! Коли не осудишь — в нашей стране молитву читают в сопровождении музыки.

— Ах, добрый молодец, делай так, как делают в вашей стране.

— Вот молитва моей страны, — ответил он и взял в руки дутар. Пусть же читает он молитву; посмотрим, будет ли она приятна или нет. . .

327. За тобой я приехал из Чандыбиля.

Нужен мне мясник, чье праведно богатство.

Родом я из страны туркмен.

Нужен мне мясник, чье праведно богатство.

Улицы, переулки жаждут дорогой твоей стать ¹⁴.

Сладости-сахар жаждут наслаждение устам твоим дать.

Вы постойте, готов жертвой я быть Овез-джану.

Нужен мне юноша с золотыми кудрями.

Поклоняюсь глазам твоим, бровям твоим.

Да буду я жертвой сладко-сахарной речи твоей.

Откинул бы ты на миг покров со своего лица.

Нужен мне юноша с родинками на белом лице.

Почему бы тебе не улыбнуться, о мать Овеза!

Почему бы тебе разок на Ровшена не взглянуть!

Почему бы не узнать тебе, что я Гёр-оглы.

Нужно лекарство мне от «недуга» по имени «Овез».

328. После этих его слов [та сказала]:

— О добрый молодец, как только ты начал свою речь, я все пытаюсь понять.

— Что же ты пытаешься понять, милая тетушка?

— Смысл слов твоих.
— Поняла ты, милая тетушка?
— Поняла. Ты, оказывается, простак-помуд!
— Да, да, милая тетушка, я простак. Ты мне говори прямо, просто.
— Коли говорить прямо, так нет у мясника более близкого, преданного брата, чем ты.

— Да, да, милая тетушка, у него нет более близкого, преданного брата, чем я.

— Ты ему близкий, преданный брат, а вот ни сына, ни дочери нет у мясника. Без хозяина осталось все его богатство, весь скот. Был у него сын, да он на службе у хана, [даже] на поминки отца приезжал он вместе с ханом. Зовут его Овезом.

339. Как та помянула Овеза, Гёр-оглы затрепетал, как животное, которому хотят наложить седло на спину, покрытую ссадинами.

— Стал бы ты хозяином всего его богатства, скота его! Да еще оставил он двенадцать жен. И им бы хозяином стал бы ты. Коли всем не можешь, то хотя бы шестерым, троем. . . В крайнем случае одну [бы взял], по выбору.

340. Мать Овеза—женщина дородная, рожавшая, сметаной кормленая. Бедрa у нее пышные — штаны будто песком набиты.

— Милая тетушка! Ты дай мне какого-нибудь человека. Примите же скот, пастухов. Об остальном потом посоветуемся. Коли мне достанется наследство дяди Булдура, да будет на то воля Аллаха, то я. . . — кичился Гёр-оглы.

Мать Овеза подозвала к себе какого-то юношу и велела ему:

— Ступай отведи этого человека к Овез-джану. Пусть [Овез] забирает у него скот.

Юноша отправился вместе с Гёр-оглы к Овез-джану.

341. Гёр-оглы шел и думал: «О Аллах, большая крепость, большой город. [Может], кто-нибудь видел меня в бою или из купцов кто-нибудь—хорошо бы не узнали меня. . .»

В пути попался ему пруд с грязной зеленой водой, покрытой тиной. Обхватил он колени руками и кинулся в воду — вылез на берег на другой стороне.

— Что это ты сделал, приятель? — спросил его сопровождающий.

— И не спрашивай, приятель. Когда я ехал сюда, купался в дождевой воде. Да больно уж мелко: спина в воде — живот наружу торчит, живот в воде — спина наружу. А здесь водичка прохладная, вот и захотелось прохладиться.

— Коли захотел ты искупаться, прохладиться, так там есть чистая, проточная вода. А ты купался в поганой воде.

— Эх, что за беда, пусть и поганая, вреда мне не принесет!

Возле арбы как раз было много пыли — вывалился он в пыли. Таким страшлищем стал, что совсем было его не узнать.

— Давай сейчас же вернемся. Коли в таком виде предстанем перед ханом, он сразу же убьет [нас]! — сказал юноша.

— Прочь отсюда, зангар! За что он убьет — я вор, что ли?

— Ну, тогда я не смогу идти с тобой. Вон там ворота крепости! — показал он ему и свернул в сторону.

342. Гёр-оглы явился [в крепость]. Вошел и громко приветствовал:

— Салам-алейкум!

Овез сидел справа от хана. Он съежился, за хана ухватился—увидав страшилище какое-то.

— Спросите у него, что ему надо!—приказал хан стражникам.

— Вот мой рассказ: я из тебризских туркмен. Мой отец был побратимом мясника Булдура. Как-то давно мясник оставил [у нас] овец [на условиях] половины приплода [за уход]. Теперь овец стало тысяча семьсот голов. Вот и пришел я, чтобы сказать этому юноше: пусть примет их.

— Откуда овцам и пастухам быть у такого человека! Дайте ему в зубы и выкиньте из крепости!—повелел падишах.

343. Стражники избили и выгнали его. А падишах кричал вслед стражникам:

— В крепости не оставляйте! Как выгоните, сразу же закройте ворота на замок! Если останется он в крепости—разрушит ее. Очень уж мерзок вид у зангара!

Стражники погнали его по улицам, били его кулаками, шестопером. Шел он перед стражниками и трясся весь. «Как солнце зайдет, пожалуй, устрою я тут какую-нибудь свалку! Будет мне добро и зло. . .»—думал он и угрожающе поглядывал назад.

Бывели стражники его за ворота, заперли ворота на замок и вернулись.

Заперли те ворота—вот и не вышло у [Гёр-оглы] задуманное. Растерялся он.

344. На запад от крепости был большой холм. Он поднялся на него и уселся, словно беркут. Так и сидел он, пока день не стал клониться к вечеру. Тут заметил он, что с востока мчится какой-то всадник на иноходце. Добрый молодец на отменном иноходце с дорогой сбруей летит сюда. Скачет такой, у которого нет нужды ни в еде, ни в питье! Подъехал, поднялся на холм быстро спешился.

345. — Эй, каландар! Подержи-ка моего иноходца, пока я прочитаю вечернюю молитву!

Столько тумачов и ударов шестопером вытерпел Гёр-оглы—разве же послушает он слова. А этот [всадник], оказывается, был бахши шаха Юсуфа. Каждый день приезжал он к шаху для пения, беседы.

— Эх. . . Ты что—молитву для меня читаешь?! Ты же бахши важного шаха!

— А ну-ка, подержи!—приказал тот и ударил Гёр-оглы. Тот встал и сунул ему под нос свой кулак:

— Вот настоящий кулак!

346. Бахши охватил страх. Разве бахши бывают отважны. . . Сунул он руку в карман и вытащил один золотой.

— Эй, приятель! Вот возьми золотой и поддержи коня. Коли уеду я от тебя целым и невредимым, пожертвую этот золотой во имя бога.

Тот посмеялся, похихикал и взял у него золотой и привязь иноходца. [Бахши] подал ему дутар, завернутый в платок.

— Ты поддержи за платок, а [дутара] рукой не касайся!

— Хорошо!

[Всадник] обратился к кыбле и стал творить намаз. Когда совершил он два rakata *, Гёр-оглы снял платок с дутара, подошел [к бахши] и заиграл на дутаре.

Тот прервал намаз, подошел к [Гёр-оглы] и ударил его по затылку.

— Разве я не сказал тебе, чтобы ты не касался дутара?

— Ой, бахши-ага! Оказалось, дутар настроен. Ну, ударил разок другой, да разве я струны оборвал, лады нарушил у него? Больше не при-
тронусь.

347. Закончил бахши молитву и пошел по нужде. Целый час просидел зангар. «Больше не выскочишь», — подумал Гёр-оглы. Снял он платок с дутара и взял дутар в руки. Исполнил вначале мелодию «Неваи», потом «талхин» и в конце «илгар»¹⁵.

Ох, как же тот бахши [проклинал его про себя]: «Ничего я с ним не поделаю, хоть и буду говорить: „Убью тебя! Дам тысячу золотых!“» Пораженный, удивленный, с разинутым ртом и развевающейся бородой, подошел он к Гёр-оглы, забрал свой дутар, вскочил на иноходца и помчался к крепости. Въехал он в крепость и закричал:

— О тагсир, падишах мой! К западу от крепости, на высоком холме, сидит какой-то каландар, весь обмазанный глиной. Он так поет, так он поет, что и больной [от пения его] выздоровеет!

Падишах сказал:

— Не нужен нам тот зангар, хотя бы и оживлял он мертвецов!

348. [Но] молодые, [как известно], любознательны. Скажешь, что где-то появился бахши, им уж не терпится [послушать его].

— Тагсир, пускай мерзок с виду этот проклятый. Давайте послушаем, коли он хорошо поет! — сказал Овез.

— Оставь, Овез-джан, оставь это! — ответил падишах.

Юноша, [привыкший] к тому, чтобы просьбы его выполнялись, повторил свои слова. Шах подозвал двух сидачей-стражников.

— Ступайте проведите того паршивца! И бейте, колотите его на всем пути. Пусть ослабнет, поостынет он!

349. Бросились стражники бегом к Гёр-оглы.

— Эй, страшилище-туркмен! Вставай! Тебя зовет падишах.

— Как зовут вашего падишаха? — спросил Гёр-оглы.

— Нашего падишаха зовут шахом Юсуфом.

— Что говоришь? Я туговат на ухо, — ответил он и сел. Гёр-оглы хотелось услышать имя Овеза.

«Этот зангар, оказывается, тугой на ухо» — решил один из стражников и во всю глотку закричал ему прямо в ухо:

— Юсуп-шах!

350. У Гёр-оглы даже в голове помутилось. . . «О Аллах, да ты, никак, совсем голос себе сорвал», — сказал он и ударил стражника по голове. У того раскололся череп, и он, ахнув, испустил дух. А второй [стражник] припустил в крепость.

Прибежал стражник к шаху.

— Ох, тагсир! Он убил моего товарища. Сам я еле спасся. . .

— Говорю же я, что, если этот зангар сюда придет, он мейхану разрушит. Да никто не слушает меня. . .

351. Ах, да пусть хоть тысяча стражников погибнет — Овезу это ни почем. Хочет он, чтобы привели того [бахши] во что бы то ни стало.

— Тагсир! От того, что умрут один-два человека, род человеческий не прекратится. Непременно надо привести [бахши]!

— Ах, Овез-джан! Одно желание завладело тобой. Дай бог удача. Из моих слуг больше никто за ним не пойдёт. Коли [тебе] так уж это надо, пошли ты своего слугу.

352. Ведь Овез был ханом сорока игидов. Позвал он двух слуг и сказал:

— Ступайте позовите [Гёр-оглы] сюда!

Овез спросил у того беглеца:

— Как вы ему сказали — кто его зовет?

— Мы сказали, что его зовет шах Юсуп. Тогда он убил моего товарища.

353. Овез велел своим слугам:

— Вы не упоминайте шаха Юсупа. Скажите, что зовет его Овез-джан, тогда он вас не тронет.

Двое слуг Овеза отправились вместе в путь.

— Он и отсюда услышит наш голос. Крикни ему, что зовет Овез, — предложил один.

— Пока я буду кричать, ты убежишь! — [сказал его товарищ].

— Я не убегу, — [говорит первый].

— Я не убегу, — [говорит второй].

— Коли не убежишь, я буду кричать, держа тебя за руку! Давай сюда свою руку!

354. Взял он своего товарища за руку. Но едва только рот раскрыл, как тот вырвал руку и убежал. [Побежал и этот]. Прибежали они к воротам, назад оглядываются.

Не привести [бахши] — Овеза бояться, подойти к [Гёр-оглы] — его самого бояться.

355. А [Гёр-оглы] сидел, как беркут, на высоком холме. Рядом растянулся тот [убитый] зангар. Никто не осмеливался подойти к нему. Сидит он, словно тигр у своей жертвы.

Делать нечего — пришлось этим двоим направиться к нему.

— Приятель, я понял тебя. Если умирать, так вместе умрем!

И они крепко связали свои пояса.

— Эй, туркмен-ага! Тебя зовет Овез-джан!

— Ох, да будут благословлены твои уста, произнесшие [имя] Овеза! Погодите, пойдем вместе! — отозвался тот и, как беркут, спустился с холма.

А эти двое повернули назад и припустили в сторону крепости. Один падает, товарищ его поднимает, другой падает, этот его поднимает. Живого места на них не осталось. Явились, прошли к самому шаху и, оглядываясь, закричали: «Он здесь!»

356. Гёр-оглы подумал: «Теперь-то я нужен всем. Прикинусь-ка я [диким] степняком». Он [ведь] перепачкался в луже, опоясаясь шнуром-веревкой; кривую палку свою закинул за спину, обхватив руками ее концы, — так и шел он вразвалку.

Пришел, сделал шаг через порог, но палка уперлась концами в дверной косяк и не пустила.

— Ай, кто это ухватил меня сзади? — сказал он и с силой рванулся вперед. Дверь сорвалась и повисла на палке.

357. Вах, верхняя перекладина на шее у Гёр-оглы, косяки — по бокам, а дверь — на спине.

— Туркменская привычка это... не осуждайте! Снимайте все у него со спины! — велел Овез и добавил, обратившись к своему слуге:

— Рассказывают, чтобы туркмен сел, [будто] надо сказать не «садись!», а «опустись на колени!»¹⁶.

358. Один из слуг Овеза взял шестопер и, крикнув: «Опустишься на колени!», ударил [Гёр-оглы] по голени. Чуть не сломал ему ногу. Тот почти-точно опустился на колени — поднялась в небо зола, упал светильник, свалился кумган. Крышка кумгана стукнулась о пиаду и разбила ее.

— Ах, он ведь степняк-туркмен.

359. Снова зажгли светильник, все поставили на место, угостили его чаем, кальяном, вынесли дастархан.

— Дайте ему в руки саз! — велел Овез.

Дали ему саз. Он такие песни слагал, такие песни играл, что дутар у него заливался, как соловей. Игра его на дутаре очень понравилась Овезу.

— Туркмен-ага! Ты на сазе играл необыкновенно хорошо. Не можешь ли ты под эту музыку спеть одну песню?

— Могу, Овез-джан!

— Спой же какую-нибудь песню для меня под эту музыку!

— Очень хорошо, Овез-джан!

Ну, развязался язык у зангара.

— Овез-джан, у нас в стране появился новый поэт-бахши. Все, кто играет, поет, берут [песни] у него. И я знаю из его [песен].

— Как его зовут, туркмен-ага?

— Его зовут бек Гёр-оглы.

— Ох, туркмен-ага, гордись своими устами! Как раз песни Гёр-оглы мы и хотели послушать. Коли знаешь, пой только песни Гёр-оглы!

Тогда шах Юсуп приказал:

— Эй, мерзкий зангар! Ты здесь лишнего не болтай, мол, там то-то есть, здесь то-то. Пой побыстрее и сразу же убейся!

И Гёр-оглы спел, нарочно подобрав слова, задевающие шаха:

360. О мой шах Юсуп! У Гёр-оглы
Пери рожденные луны есть,
Для утренних прогулок!
Пышные цветники у него есть.

Ездит он по большим дорогам.
Справа и слева от него игиды.
У каждой двери по сорок пять слуг у него.
Похожие на тебя рабы у него есть!

Лица у них как [полная] четырнадцатой ночи луна.
Уста у них сладкие, сахарные.
Похожие на дочь твою Гуль-Рух
Верные служанки у него есть.

Словно цветы, что раскрылись в саду,
Белые лица их, как пара родинок,
Точь-в-точь такие, как хан Овез,
Верные игиды у него есть.

У Гёр-оглы они смелые главари.
Мстит [Гёр-оглы] врагам своим.
Хазрет Али покровитель его,
Могущественные защитники у него есть.

361. После этой песни Овез повеселел, а шах насупился.

— Ой, туркмен-ага! Вот песня Гёр-оглы — это настоящая песня! Туркмен-ага, и мы слышали о громкой славе Гёр-оглы. Слыхали мы, что он очень хлебосольный, храбрый игид-богатырь. Правда ли все, что говорят о нем?

— Овез-джан, в хлебосольстве, в храбрости никто не сравнится с ним.

— [Хорошо], коли никто не сравнится с ним, а есть ли у него прилежный слуга, который седлает ему копя, кипятит чай, подает кальян?

— Есть, Овез-джан!

— Как зовут, туркмен-ага, слугу Гёр-оглы?

— Слугу Гёр-оглы зовут Овезом.

— Ого, туркмен-ага, да он, оказывается, мой тезка!

— Да, Овез-джан, он твой тезка.

— Туркмен-ага, а есть ли у него песня, в которой воспевается этот Овез?

— Есть, Овез-джан.

- Знаешь ли ты ее?
- Знаю, Овез-джан, я знаю все песни Гёр-оглы.
- Тогда спой для меня песню, восхваляющую Овеза.
- Хорошо, добро, Овез-джан.

362. Гёр-оглы здесь рассказал о его же, Овеза, качествах, чтобы немного осадить его.

— О Овез-джан! У Гёр-оглы есть сорок игидов, подобных ему самому. И еще есть у него сорок игидов, подобных Овезу. В стороне кыблы есть у него озеро Айдын-коль, куда он выезжает на охоту. Овез со своими сорока игидами выезжает туда с восходом солнца, а Гёр-оглы со своими игидами — после захода. Там увидал он Овеза и спел. Ты послушай, Овез-джан!

— Спой же, туркмен-ага! — просит Овез-джан, сияя на золотом троне снежной белизной.

Тут [Гёр-оглы] спел, восхваляя Овеза:

363. Наши беки мечтают
О бутонах, о розах твоих, Овез.
Черные локоны твои хороши
И родинки на белом лице твоём, Овез.

Чтобы в нашем обществе бывать,
Чтобы привольно, раздольно жить,
Чтобы рукой своей пиалу подавать —
[Для этого] нежные руки твои, Овез.

Соколы, журавли — на море твоём,
Беки покорены, пленены тобой,
Из города Веенгама ты,
Исфахан — страна твоя, Овез.

Ты [лишь] недавно славен стал.
Да поможет Аллах заполучить тебя.
Гёр-оглы и сорок игидов его —
Слуги, прислужники твои, Овез!

364. После этой песни Овез сказал:

— Ах, туркмен-ага, Гёр-оглы слишком уж расхвалил своего Овеза. Разве можно так хвалить?

— Этому юноше, которого восхваляет Гёр-оглы, обладать бы хоть десятой частью [твоих достоинств]!

— Ох, зангар, и он так восхваляет юношу, не обладающего и десятой частью [моих достоинств]. А какие хвалебные слова стал бы он говорить, если бы увидел такого, как я! — сказал Овез и добавил: — Эх, жизнь у нас зря проходит. Жаль, что для такого игида, [как Гёр-оглы], не седлал я коня, не кипятил чай, не подавал кальян, не служил ему. . .

365. Ох, как же этот чванливый шах Юсуп, считавший, что нет никого [выше] него, обиделся на Овеза за эти его слова. Сошел он с трона и, отряхивая полы халата, ушел.

Овез подумал: «Пусть он хан, пусть он шах, да обиду его завтра же можно будет одним-двумя словами унять. Лучше этот вечер проведем в беседе с туркменом-странником».

Угождая шаху, ушел и Ленг-везир. Ушел и Мустапа. В обиде ушли и сорок сановников. После ухода хана и сановников у дверей остались повара, стремянные, слуги да девять-десять рабов.

— Ой, Овез нам достался, нам! Дай руку, дай руку!

366. То на улицу выбегали они, то возвращались — совещались друг с другом.

— Эй, игиды, бог знает, завтра ли их помирят или послезавтра. У кого есть деньги, покупайте за наличные, кому отпускают в долг, берите в долг — чай, курево, сахар, набат, харчи — вдоволь всего берите! Прогоним туркмена и этой ночью насладимся обществом Овеза.

Гурьбой выбежали они на улицу. У кого были деньги, брали за наличные, кому отпускали в долг, те брали в долг — вдоволь накупили харчей и, запыхавшись, вернулись в крепость. Как пришли они [в крепость], один из них крепко ухватил за плечо Гер-оглы:

— Туркмен! Выйди полежи на айване!

— А что случилось?

— Не спрашивай, выходи! Не повторяй!

— Скажи мне, в чем же дело?

— Дело вот в чем: [хотим] мы побеседовать с Овезом.

— Если хотите, то и беседуйте. А я в уголочке посижу, с краю.

— И ты хочешь участвовать в беседе с Овезом? Да кто ты такой, чтобы желать беседовать [с ним]?

Набросились они на него с кулаками, били, избивали. Долго били, долго пинали.

367. Гер-оглы лежал [под избивавшими его] и размышлял: «Овез остался около меня. Потерплю-на я часок, соблюду благопристойность. А там посмотрим, куда все это пойдет».

Закричал он снизу:

— Овез-джан! Ты оставил меня тут для того, чтобы слуги твои меня били, мучили меня, или для того, чтобы я пел и играл?

Как он сказал это, Овез вскочил с места и растолкал всех, отпихнул назад.

— Сядьте! Не трогайте его! Это странник-туркмен. Если дадите малость из остатков плова, он съест, а не дадите — [так он ведь] сидит себе [и не просит ничего].

Сказал это Овез, и — делать нечего — отошли все, к стенке прислонились, стоят, задыхаясь, закатав рукава, выпучив глаза. Чтобы не принял Гер-оглы это близко к сердцу, Овез-джан сказал:

— Эй, туркмен-ага! Не обижайся ты на это. Это в нашей стране игра такая, называется она «Бей да бей!».

— Овез-джан, в твоей стране она называется «Бей да бей!», а в моей стране она называется «Кто бил?». Коли узнаю, кто бил, не помилю его!

368. На эти его слова рассмеялся Овез. Ну, в общем, с одним туркменом только и беседовал он. Дуться стали слуги. Был среди них один зангар особенно вредный. Не мог усидеть он спокойно — словно горящих угольев насыпали ему за голенища. То на улицу выйдет, то обратно войдет. Проходит мимо Гёр-оглы — задевает его, на руки ему наступает. В общем, ссору он затевал. И Гёр-оглы заметил его.

— Да ты, зангар, умереть торопишься. Похоже, что это ты затейщик этой свары!

369. Тот слуга вернулся с улицы:

— Эй, туркмен, неужели бывают такие упрямые, вредные люди! Вот уж скоро рассвет. Всего-то остался у нас часок для беседы. Полежал бы ты этот час на айване!

— Эй, приятель! Коли твой айван такое приятное место и коли ты так хорошо знаешь его, привык к нему, нельзя ли самому там полежать?

Как сказал он это, слуга ударил Гёр-оглы по скуле. У Гёр-оглы искры из глаз посыпались. Охватил его гнев. Вскочил он, ухватил этого слугу за обе ноги, поднял вверх, покрутил, повертел его над головой и ударил о большой кол, что был в мейхане.

370. А другие слуги закричали: «Этот зангар человека убил!» — и принялись избивать Гёр-оглы шестопером, секирой, приговаривая при этом: «Где тут у тебя чешется?»

Разгневался Гёр-оглы. И вот, словно нер, вырвался он из-под них и огляделся вокруг. Видит — нечего в руки взять.

— О, вот это шестопер для меня — лучшего быть не может, — сказал он и, взяв за ногу слугу, которого [убил] ударом о кол, завалил его себе на плечо. Свежий труп. Бил он им, опрокидывал, пихал, убивал — груды тел навалил. Испугался его и Овез — спрятался он в уголке мейханы. Покончив [со слугами], побросав убитых, Гёр-оглы подбежал к Овезу, схватил его за пояс, поднял вверх и ударил о землю да еще пнул его раз пять-шесть.

— Эх ты... С самого утра сидишь и позволяешь слугам бить меня, издеваться надо мной. Скот — твой, труд — наш. Так примешь ты свой скот или нет? Выходи, ступай вперед!

371. Овез выпрыгнул на улицу и сказал:

— [Туркмен-] ага, в конюшне стоят два коня. Сядем на них и поедем.

— Шагай, не болтай много! Ты хочешь сказать хану, чтобы убил меня, как вора, угнавшего коней. Шагай живее!

Как он произнес: «Ты хочешь сказать хану, чтобы меня убили...», Овез подумал: «А разве то, что ты, зангар, [уже] натворил, лучше [воровства]?» Хотел он немного задержать [Гёр-оглы].

— Есть у меня [тут] знакомый бакалейщик, ага. Давай выпьем чаю [у него], покурим.

— Чая, хлеба в стане чабанов много. Не болтай много! Шагай, зангар!

372. Шел Овез с надеждой: «Хоть бы ворота были закрыты». Но шах не ждал беды, и ворота оставались открытыми. «Пропал я теперь», — подумал Овез. Теперь [Гёр-оглы] гнал его перед собой по степи.

Овез никогда еще не ступал на сыру землю — как бусинами, покрылись волдырями его ноги.

— Ох, ага, я совсем устал!

— Коли выбился из сил, я потащу тебя! — ответил тот и, делая вид, что тянет его, так поволок Овеза за руку, что тот ляжками едва не касался земли.

— Эй, ага! Дольше я не вынесу, если ты меня будешь тащить. . .

— Не говори так, Овез-джан! Я старый человек, а ты молодой парень. Чего ради тебе уставать? — отвечал тот и подталкивал Овеза вперед со словами: «Ну вот, Овез опередил меня! . .»

373. [Овез] на некоторое время [даже] повеселел, думая: «Я и вправду опередил! . .» Да ничего не получилось — в конце концов упал он, распластался на дороге.

— Ох, ага, я не вынесу и этого твоего «Овез опередил. . .». Я совсем выбился из сил.

— Коли выбился из сил, садись на меня!

— Оставь, ага. Разве же человек садится верхом на человека?

— По нашему обычаю, Овез-джан, человек может нести человека.

Снял Гёр-оглы халат, свернул его и положил себе на шею, прошел вперед и опустился на колени.

— Ну, садись, зангар! — сказал он.

От страха Овез вспрыгнул ему на шею.

— Держись крепче, Овез-джан! У меня есть вредная привычка: по утрам, как бывает приступ, я шарахаюсь и опрокидываю людей. Крепче хватайся за мои уши!

374. Овез поверил его слову и ухватился за его уши, большие, как у коровы.

Ох, ну и нес Гёр-оглы Овеза, обхватив руками его ноги, — как ли прыгнет, [большое] расстояние преодолает. Пятки у зангара [при прыжке] зада касаются. Оглянувшись Овез назад — далеко осталась крепость. Хочет он немного задержать Гёр-оглы.

— Эй, ага, очень уж жестко на тебе [сидеть]. Неужели не знаешь другого бега коня?

— Ой, Овез, лишь бы ты хотел, [а уж я найду] ход!

Он покручивал задом, подражая бегу иноходца, он так прыгал, что за один прыжок преодолевал расстояние в полтора танапа!

375. Так и двигался Гёр-оглы к тому месту, где оставил коня.

— Овез-джан, мы, никак, подошли уже к овцам. Сойди здесь.

Спустился Овез с его шеи. Голая земля, глина со щебнем. Где там крепость, где город! Впереди — необъятные пески. Это и есть Ове-

зали — обманом привел он его сюда: бараны, мол, есть, пастухи есть. Так и осталось у этой местности название «Овезали».

— Ох, ага, хорошо, если бы это был сон. Хорошо, если бы оказались у тебя обещанные овцы! — сказал Овез и, плача, обратился к Гёр-оглы с песней:

376. Пастух-ага! Сюда ты меня привел.

Правда ли, что есть у тебя овцы, рабы?

Не говори лживых слов, господу не будь врагом.

Правда ли, что есть у тебя овцы, рабы?

Другом ты стал, [так] не чини вражду.

Многих лет тебе и жизни большой!

[Меня] этой ночью похитил ты и нешим бежал.

Правда ли, что есть у тебя овцы, рабы?

«Встань, Овез!» — ты сказал и убил десятерых.

Шаху Юсупу показал ты храбрость свою.

Крепостные ворота ты сокрушил.

Правда ли, что есть у тебя овцы, рабы?

Пастух-ага, взял ты меня и увел.

В неведомые [эти] края меня ты привел.

Бродягой сегодня Овез-хана ты сделал.

Правда ли, что есть у тебя овцы, рабы?

377. На эти его слова [Гёр-оглы] ответил:

— Овез-джан! Не горюй, не плачь! Все правда.

Стал он занимать его разговором. Положил рядом с ним свернутый халат и сидел, думая: «Как заснет, пойду и приведу коня».

Заснул усталый Овез, да не на халат склонился, а на колени его голову положил.

Час проспав, он быстро вскочил.

— Ой, Овез-джан, очень уж поспешно ты вскочил!

— Ох, ага, сон я видел, сон!

— Рассказывай, Овез-джан, рассказывай! Мой отец был толкователь слов, да и я сны толкую.

И Овез-джан, обращаясь к Гёр-оглы, рассказал в песне о своем сне:

378. Чтоб этот мир не покрылся пылью, о единосущный!

Попал на чужбину я, разлука — это света конец.

Остались там венец и трон, имущество мое и скот.

О боже, одну беду за другой встречаю я.

О боже, лучше было бы вовсе мне не родиться.

Лучше было бы не являться в этот мерзкий мир.

Лучше было бы не быть мне спутником этому пастуху!
О боже, одну беду за другой встречаю я.

О боже, улетел я сегодня и оказался в этой дали.
Вздрыгнув, открыл глаза — очнулся в разлуке.
Какой-то воин привел Бырака и сказал «садись».
О боже, одну беду за другой встречаю я.

О боже, умер отец мой — исстрадалось в разлуке его сердце.
Плачет, слезы льет из глаз своих моя мать.
Поглядите: бродягой в пустыне стал хан Овез,
О боже, одну беду за другой встречаю я.

379. Пропел он эти слова, и Гёр-оглы встал и провёл вокруг Овеза черту.

— Ох, ага! Что это ты делаешь?

— Овез-джан! Я толкую твой сон. А обвел я тебя чертой для того, чтобы не пробрались сюда бесы, джияны.

Повел он его в поле — болтает все, что приходит в голову, посмеивается над Овезом.

— Эй, Овез! Вот ты говоришь: «О боже, улетел я сегодня и оказался в этой дали». «Даль» — это значит, что попадешь ты далеко. Ты говоришь: «Вздрыгнув, открыл глаза — очнулся в разлуке». «Разлука» — это значит «расставание». Ты говоришь: «Некий воин привел Бырака и сказал „садись“». Кто во сне на Бырака садится, тот станет ханом в стране.

380. Предсказание, что станет он ханом, понравилось юноше.

— Ой, ага, а в какой стране стану я ханом?

— В Четырехгорном Чандыбиле, в текинском Тебризе, — ответил тот.

— Ох, ага, оставь это, оставь! Скажи лучше «Веенгам», «Веенгам».

— Ладно, Овез-джан, пусть будет Веенгам!

Снова занимает он его разговорами. Захотелось Овезу спать — на этот раз склонился он на халат. Гёр-оглы тут же бросился за конем.

381. Пришел он к деду.

— Ну что, дед, цел ли конь?

— Сын мой, пропади он пропадом, твой конь, да и ты сам!

— А что такое, дед?

— Подаю ему корм — кусает за живот; хочу напоить его — кусает за затылок, живого места не осталось на мне!

— А ну, пойду посмотрю и я!

382. Подошел он к конюшне. Гыр-ат стал кидаться к нему, раскрыв пасть, прижав уши, скребя копытом землю.

— О Гыр-ат! Ты недоволен, что нет рядом с нами Овеза. А я того Овез-джана прямо в твои объятия доставил! — сказал Гёр-оглы и, обращаясь к Гыр-ату, спел:

383. Открой глаза, погляди, Гыр-ат!

Пришел юноша, пришел Овез!

Коли есть у тебя уста, говори, Гыр-ат!
Пришел юноша, пришел Овез!

Сорок беков прогнал я от него,
Взял и увел его из его страны.
Красота его [подобна] красоте Юсупа *.
Пришел юноша, пришел Овез!

Вдохнови мое сердце, Гыр-ат!
Через высокие горы перенеси,
Быстрее в страну текинцев доставь.
Пришел юноша, пришел Овез!

Молитва старцев-пиров помогла,
Защита-опора его — творец.
Радость бека Гёр-оглы:
Пришел юноша, пришел Овез!

384. После этих его слов Гыр-ат потянулся, стал резвиться, принялся есть.

Пришел [Гёр-оглы] в хижину деда, снял с себя ватную куртку, чокал, шалчонку и кинул все в угол. Достал из сундука царственные одежды, оделся, взял оружие, оседлал коня и сел на него верхом:

— Ну, дед! Мы с тобой стали названными сыном и отцом. Хлеба-соли твоего я отведал. От меня ты получил вот это. Произнеси [нужные] слова, стань мусульманином! ¹⁷.

— Сын мой! Хочешь убить — убей, но не требуй от меня такого трудного дела!

— Дед, коли не прикончу я тебя или не обращу в мусульманство, то, как говорят, в день светопреставления схватишь ты меня за шиворот.

— Сын мой, обещаю никогда не хватать тебя за шиворот.

385. Видит Гёр-оглы — не хочет тот ему подчиниться. Выхватил он саблю из ножен.

— Или убью, или мусульманином сделаю! Иначе нельзя.

Как выхватил он саблю — дед испугался, стал мусульманином.

Закрыв дед глаза и отвернул полу. [Гёр-оглы] кинул в полу деда три пригоршни серебряных монет:

— Дед, [коли спросят]: «Видел ты белого верблюда?», отвечай: «Не видел» ¹⁸.

Поговорка «Видел — не видел» пусть тут остается.

Выехал он от деда и помчался туда, где оставил Овеза. Всю дорогу ехал и думал: «Хорошо, если не проснулся он и не ушел. Хорошо, если какой-нибудь бродяга его не увел».

386. Взошло солнце. Подъехал он к тому месту, где оставил Овеза. Видит: Овез как спал, так и спит. Кудри его, словно золотой водой окроп-

ленные, виспадали ему на лицо, обрамляли его. Солнце озаряло его, под лучами солида он, словно золото, ярко сиял.

387. Гёр-оглы подумал: «О Аллах, коли я так, на коне, при оружии, крикну ему „Вставай!“! сердце у него разорвется, умрет он. Как же мне его разбудить?» А потом осенило его: «Может быть, сам он проснется от топота коня?» Крепче взялся за повод и стегнул коня плетью. Поскакал конь, взвился в небо — от удара его копыт содрогнулась земля, словно тяжким молотом ударили по ней.

Испугался топота Гыр-ата Овез и проснулся. Глядит: с востока скачет всадник. Сверкает на солнце конь, сияют дорогая сбруя, волшебное копьё, пара золотых венцов.

Не узнал Овез Гёр-оглы и, обращаясь к нему, спел песню:

388. Истинный муж не нарушит слова.
Отважный игид, откуда ты едешь?
От друга своего ничего не утаит.
О сын бека! Откуда ты едешь?

Ростом ты как горная чинара.
Лицо у тебя как яблоко, как гранат.
Похож ты на вожака узбеков, туркмен.
Отважный игид, откуда ты едешь?

Сел на Гыр-ата ты, поглядываешь вокруг,
В доспехах, с волшебным копьём [в руках],
Рычишь ты и в литавры бьешь.
Отважный игид, откуда ты едешь?

Овез-джаном меня зовут.
По мне страдает целый мир¹⁹.
Пусть Истина до цели доведет тебя.
Отважный игид, откуда ты едешь?

389. Сказал он эти слова, и Гёр-оглы прищпорил коня, подъехал и спросил, делая вид, что ничего не знает:

— Эй, парень, откуда ты идешь?
— Я не знаю, ага, откуда иду.
— Как так не знаешь?

Он торопил Овеза, пугал его.

— Ага, этой ночью меня посадил к себе на шею, принес и оставил здесь какой-то человек — тело у него как башня, а уши у него в полторы пяди. Я задремал, а тот зангар ушел куда-то.

— Да ты сам-то чей сын?

— Я сын бая-мясника Булдура.

390. — Приходилось слышать, что у мясника Булдура есть сын по имени Овез. Неужто это ты и есть?

— Он самый я, ага!

— Ой-ой! — сказал [Гёр-оглы]. — Тот человек, о котором ты говоришь, с ушами в полторы пяди, с телом как башня, приходится мне младшим братом. Я при овцах оставался. А его послал к тебе сказать, чтобы принял ты овец, скот. Я при овцах оставался. А ты не продал ли его кому-нибудь, как раба своего?

— Ой, ага! Не до торговли мне. Я сам о себе не могу позаботиться. Ага, я чаю не пил, кальян не курил. Не в себе я. Не торопи ты меня так.

— Овез-джап, так тебе чай пужеп, кальян нужен!

391. Сошел он с коня, снял с коня хорджун и подал [Овезу] бронзовый кальян, угостил ароматным чаем.

— Овез-джан, вдоволь ли попил, покурил?

— Вдоволь, ага!

— И тот юноша, что вышел принять овец, это ты?

— Да.

— Значит, этот зангар тащил тебя, выбиваясь из сил, на своей шее, принес сюда и здесь оставил. Видно, он ушел к овцам, чтобы меня известить. А я подумал: что-то он задержался — и вышел ему навстречу. Да путь его, видно, прошел стороной. Наверное, он там уже, около овец. Давай же сядем на коня, Овез-джан!

— Хорошо, ага, добро!

392. Гёр-оглы свернул кошму, уложил ее на круп коня, [потом] сложил свой халат и его укрепил на крупе коня, взял Овеза за руку и посадил за собой. Натянул он поводья и повернул Гыр-ата в сторону Чандыбиля.

Ох, и горяч Гыр-ат — в сорок раз сильнее, чем Гёр-оглы. Почувствовал он, что сел Овез-джан ему на круп, понял, что повернули в Чандыбиль.

393. Двадцать четыре способа скакать знал Гыр-ат. А в ту ночь он нашел такой ход, что, начнешь его воспевать, кончить не сможешь. Поставить на круп пиалу молока, так даже [пленка] сливок [на его поверхности] не собьется.

А Овез ехал и думал: «О Аллах, вот, оказывается, какой конь может быть на свете. Доводилось слышать мне, что есть у Гёр-оглы копь, дарованный ему свыше. Видно, это тот конь и есть».

— О ага, что это за конь?

— Конь как конь, Овез-джан.

— А есть у тебя еще кони?

— Ай, Овез, много коней, такие кони есть, что просто летят. А это иноходец не чистых кровей, с короткой грудью, тихий — я на нем при овцах езжу.

— Хоть и не чистых он кровей, да такой у него ход, бег, что на нем можно хана, сановника сопровождать. Не продашь ли ты коня?

— Продам, Овез-джан!

— Цену скажи.

394. — Ай, Овез, что толку говорить о цене такого куцега жеребца не чистых кровей. Сам цену скажи и сам забирай.

— Коли мне самому цену говорить и коня брать, так дам я сорок овец с ягнятами из тех, что пригнаны тобой. А сочтешь, что мало этого, дам [еще] добротных тканей, равных по цене сорока овцам с ягнятами.

— Ох, Овез-джан, как ты загорелся! И даешь ты больше, чем стоит он. Тех твоих овец с ягнятами мне никак не распродать. А вот слова твои о тканях мне по душе. В наши дни [хорошие] ткани [купить] не просто. Они пошли бы на одежду детишкам, слугам и служанкам.

— Коли по душе тебе ткани, тогда давай сюда руку! Да пойдут они тебе впрок, ага!

— И тебе, Овез-джан, пусть [покупка] будет впрок! Желаю хорошо поездить на коне.

— И тебе да будут впрок ткани! Носить их тебе на тоях! А конь, ага, теперь ведь моим стал?

— Да, Овез, теперь конь твоим стал.

— Ну, так коли конь мой, то слезай с него, ага!

— Как так, Овез-джан?

395. — Я ведь нового коня купил. Вот и хочу сам поездить и посмотреть, каков его бег, какова иноходь его.

Гёр-оглы давно уже опципал ту птицу, которую тот только сейчас поймал²⁰.

— Овез-джан, у этого жеребца дурной нрав. Есть у него привычка сбрасывать с себя тех, к кому он не привык. Коли не будешь торопиться, еще наездишься, — ответил он и, уже не слушая его, поехал [далее].

396. В пути Овез спрашивал:

— Где овцы?

— Овцы там, за той грядой, — объяснял Гёр-оглы.

Подъезжают туда — он говорит: «Вон там», а там говорит: «Вот тут». Так все ему голову и морочил.

Вот обернулся Гёр-оглы, глядит: у Овеза по обеим сторонам носа слезы дорожки проложили — так долго он плакал. . .

Подумал Гёр-оглы: «Эх, далеко Веенгам, далеко Чандыбиль! Сколько же можно везти его, говоря: „Овцы там. . .“, „овцы тут. . .“ Откроюсь-ка я ему, скажу, что я Гёр-оглы. Ну а там пусть хоть умирает от разрыва сердца!» И обратился он к Овезу с песней:

397. О друзья, мусульмане,
Не плачь, Овез, не плачь!
Муки перенесли наши души.
Не плачь, Овез, не плачь.

Я не хан и не бек.
Я тот, кто пожалеет тебя,
[Хоть] не отец я и не мать тебе.
Не плачь, мой ягненок, не плачь!

Через снежные горы тебя я переведу.
Спрячу тебя на своей груди.
Коли отец твой приедет — отдам тебя.
Не плачь, Овез, не плачь.

И плакать и смеяться заставлю я,
Мужество-отвагу свою покажу,
Коли гнев охватит меня — убью ²¹.
Не плачь, Овез, не плачь!

Эло место как называют?
Плоть неверного съедают.
Гёр-оглы меня называют.
Не плачь, Овез, не плачь.

398. Как пропел он это, Овез за его спиной свалился на землю, словно тельпек *.

— Ай, Овез, очень уж ты стремительно соскочил, — промолвил Гёр-оглы и торопливо стал повторять: «Овцы близко, овцы близко!..»

— Эй, ага! Я дарю тебе и овец и чабанов. . .

— Не говори так, Овез-джан, не положено мне принимать пожертвования.

— Положено или не положено, [а] я дарю, ага!

— Не говори так, Овез-джан. Поедем Овез-джан, поедем!

— Нет, ага, я не могу с тобою ехать, Гёр-оглы, — сказал тот и, рыдая, обратился к Гёр-оглы с песней:

399. Из Веенгама вышел я, в страну Тебриз
Я не могу с тобою ехать, Гёр-оглы!
В страдания разлуки вверх меня Аллах.
Я не могу с тобою ехать, Гёр-оглы!

Муравей о ястребе весть получил,
[Как] от ветра хазан * пожелтел он, поблек.
[Не хочу] на чужбине безголосым быть.
Я не могу с тобою ехать, Гёр-оглы!

Ты не наваливай все беды [на меня],
Честь соблюдай, [в покое] меня оставь,
Одинокого игида род не губи.
Я не могу с тобою ехать, Гёр-оглы!

Да будь ты из Хайдаров-несарей *, — говорит Овез, —
Да завладей ты всей землей, как Искандер *, Джемшид *,
Да передай мне во владение Чандыбиль, Тебриз,
И тогда я не смогу поехать, Гёр-оглы.

400. После этих его слов [Гёр-оглы сказал]:

— Не говори так, Овез-джан, поедем!

— Нет, ага, не могу я ехать!

Гёр-оглы размышлял: «Овез и раньше был [хрупким] юношей с тонкой талией, да еще столько дней он голодал — пояс у него совсем обвис. А что, как подниму я его, подцепив копьём за пояс». Так подумал он и протянул копьё в сторону Овеза. Испугался тот и пригнулся. Просунул ему [Гёр-оглы] за пояс копьё, вскинул копьё себе на плечо и пустил коня прямо на Чандыбиль.

401. И нижняя половина [туловища] Овез-джана свисала вниз, и верхняя свисала вниз, поясница его разорваться была готова.

Так ехали они какое-то время. Овез-джан начал кричать:

— Ой, ага! Я сам поеду, сам!

— Нет, Овез-джан, теперь уж я так до самого Чандыбиля поеду!

— Ой, ага, не говори так, я сам поеду.

Много раз [пришлось] ему сказать «поеду, поеду. . .», пока Гёр-оглы не снял его и не поставил на землю. Повернул он копьё тупым концом и ударил его по затылку пять-шесть раз.

— Эх, ты. . . шагай вперед! До самого Чандыбиля погоню я тебя пешком впереди коня!

Так и гнал он его полперехода.

402. Гёр-оглы думал: «Пусть лоб его оросит пот, пусть ноги его покроются волдырями, пусть страдает. Тогда только будет мне прок от него. А иначе мне, сто тысяч кярря прошедшему, сто тысяч сред пережившему²², от него прока не будет!»

Тут Овез [упал], растянулся на пригорке.

— О ага, коли убивать, так убивай, а я больше и шагу ступить не могу.

— Овез-джан! Если [покланешься] материнским молоком, коли по [доброму] своему согласию поедешь, — посажу тебя на коня. А не то получишь! . . . — сказал он и начал колотить его.

— Поеду без слез, ага, не буду плакать, поеду!

И [Гёр-оглы] снова посадил Овеза на коня. Поскакали дальше.

— Эй, Овез-джан, нашел бы ты занимательный рассказ, завел бы приятную беседу!

Но не до рассказа Овезу, не до беседы! Оцепенел он, как камень, застыл. Оглянулся Гёр-оглы — по-прежнему плачет Овез.

— Ну, Овез, ты же обещал не плакать!

— Ох, ага, прости мне мои слезы. Я ведь правил городом о девяти воротах — а теперь лишился его. Шах Юсуп с сорока игидами в услужении были у меня — и без них я остался. С матерью, что вскормила меня белым молоком, разлучился я, с родными-родственниками своими, с народом-страной, с друзьями-приятелями. Коли уж мне не плакать, так кому же плакать тогда?

403. — Стыдно плакать, Овез-джан. И до тебя немало было людей, которым разлуку пришлось пережить.

— Это верно, ага. Много юношей-сирот, много вислоногих [бродяг] страдали от разлуки. Но еще не страдал от разлуки такой юноша, как я.

— Очень уж ты загордился, Овез-джан, возомнил о себе. Вот я поведаю тебе о тех, кто разлуку перенес, — от Адама до Хатама *. Стоят ли они тебя или нет?

И, обращаясь к Овез-джану, рассказал [Гёр-оглы] о людях, страдавших в разлуке:

404. Два дорогих [существа], что [господь] из своего света создал,
Съев пшеницы, разве с раем не разлучились ²³?
Кого триста лет разыскивая, бродил, —
С Евой Адам разве не разлучился?

В молодые годы свой человек хаджж* совершил,
Омыл лицо себе слезами из глаз своих.
Абыл * Кабыла * камнем побил ²⁴.
Разве старший брат с младшим не разлучился?

Пророк Ибрахим * пришел в [этот] мир.
Хаджар * себе взял — мечту-желание свое [осуществил].
Кто был мусульманином — взошел на ковчег.
Разве Нух с сыном своим не разлучился ²⁵?

Муса *, что «Тору» самого творца читал, —
Столь совершенных не было в те времена.
Сын девы Марии хазрет Иса *,
Убегая, с неверными разве не разлучился ²⁶?

Пророк править миром стал,
Читая Зебур *, людей наставлял.
В один из дней обуяла гордыня его —
И Дауд с сорока сыновьями своими разве не разлучился ²⁷?

Умер Дауд, осталось потомство его.
Богом был перстень ниспослан [Сулейману] ²⁸,
Перстнем его, что из света был сотворен, дав завладел.
Сулейман разве с тронem своим не разлучился?

Плакал Якуб * и зрение потерял ²⁹,
Пользы он не увидел от речей своих.
Арзи с Камбаром *, чей приветлив лик,
Юсуп с Зулейхой разве не разлучились?

Пророк с халифами [разве] слез не проливал ³⁰?
Наставники с учениками, с нукерами шахи,

Попугай со сладкой речью своей, с медом пчела,
Соловей с цветником своим разве не разлучались?

Бек Гёр-оглы, [совета] спрашивай у знающего.
Хорошие и плохие — все по [мосту] Сырат пройдут.
Лейли с Меджнуном * своим, с Ферхадом Ширин *.
Вамыки и Узра * разве не разлучились?

405. Сказал он это, [п Овез спросил]:

— О ага, правда ли все то, что ты сказал?

— Все правда, Овез-джан. В словах моих нет лжи.

Овез подумал про себя: «Коли нет лжи в твоих словах, где же тогда овцы, где пастухи?»

— О ага, если правда все это, тогда напрасно я плакал. Сойдем с коня, попьем чаю, кальян покурим. А путь [наш] мы как-нибудь одолеем.

— Эх, Овез, давно бы ты нашел вот такой приятный разговор!

Спешились они, попили чай, покурили кальян и в блаженном настроении поехали дальше.

406. О ком теперь рассказ? — Снова о падишахе.

Обиделся он на Овеза и ушел на женскую половину, улегся, зангар, под боком у жены. В один из дней призвал он к себе пятерых-шестерых стражников.

— Эй, стражники! Ступайте разузнайте, что там в крепости. [Тот] мерзкого вида туркмен все еще там полеживает, развалился, или же убрался восвояси? Коли он так и лежит, как лежал, схватите его, бросьте на дно рва, растопчите и возвращайтесь!

407. Прибежали стражники в крепость, да где там туркмен, где Овез. . . [Только] десять рабов [мертвые] лежат!

Вернулись они, доложили:

— Тагсир, падишах наш! Там нет никого, о ком ты сказал, — ни туркмена, ни Овеза. [Только] десять рабов твоих лежат. Придется, видно, их бросить на дно рва, тагсир!

Падишах тотчас же собрал звездочетов, гадалщиков.

— Пусть хоть под землю ушел — разыщите!

Погадали гадалщики.

— Тагсир! Есть у него конь серой масти, есть алмазное копье с четырехгранным наконечником, а сам он стройный молодец, отважный игид. Сейчас он скачет на коне под какой-то горой с Овезом за спиной.

— О Аллах, кто, кто же это? — заговорили все.

Тут сказал Мустапа-бек:

— Тагсир, падишах мой! Это же сам суннит Гёр-оглы. Разве ты забыл, тагсир?

— Что?

— Что говорил Хемдем-везир, уезжая, тагсир? Разве не поклялся он, что найдет его на тебя, что сделает так, чтобы он отнял у тебя Овеза?

Не придет же он со словами: «Я, мол, Гёр-оглы», — хитростью он и увел [Овеза], тагсир!

408. Рассвирепел падишах. Немедля отправил он в погоню тысячу всадников с везиром Ленгом во главе. Тут же им вслед стал готовить в поход Мустапу-бека: пушки, шрапнели, мортиры, ружья. И этот пусть отправляется в погоню.

409. Теперь о ком рассказ? — О Гёр-оглы. Он [часто] сходил с коня, пил чай, кальян курил, дремал — беспечно ехал. Совсем не заботило его, [послана] ли [погоня] за ним.

В один из дней за спиной Гёр-оглы показалось облако пыли. Догонял его везир Ленг. «О Аллах, настигло войско меня. . .» — подумал Гёр-оглы. Решил он оставить Овеза в укромном месте и выйти навстречу [врагам] [и потому] свернул в сторону и направился к горам. На бездорожье покрылся испариной Гыр-ат, горячиться стал.

«О Аллах, видно, не понимает Гыр-ат, обижается, — чего, мол, он так торопится, будто его вот-вот копьём достанут? [Надо] дать ему знать, что настигло меня войско!» — подумал Гёр-оглы и, взяв в руки саз, спел:

410. Коли настигнут враги,
Уходи в горы, в горы уходи!
Коль скроет все вокруг туман,
Уходи в горы, в горы уходи!

Горы — щедрости средоточие,
[Горы] — зренев обиталище,
Чутки арабские скакуны.
Уходи в горы, в горы уходи!

Зелены горные отроги,
Крепки волки там и птицы,
Нет нам помощи от беков.
Уходи в горы, в горы уходи!

Гёр-оглы, Истину поминай!
С именем бога на устах
Юношу Овеза заberi —
Уходи в горы, в горы уходи!

411. Кончил он петь и выехал на какую-то гору, остановился там [на привал]. Попил чаю и Овезу чаю заварил, подал ему.

— Овез-джан, облако пыли показалось за нами. Съезжу я туда, [посмотрю], а ты пока посиди, чаю попей, — сказал [Гёр-оглы].

Оставил он Овеза в этом месте и, проехав за горой, незамеченным выехал врагам в тыл. Беспечно ехали они, помогая друг другу. Налетел Гёр-оглы на них с одного края — бил, колот, валил, опрокидывал, давил, убивал, мьял, ломал он их.

412. Оглянулся везир Ленг назад и увидел груды трупов. Приготовился было он бежать, да и его достал Гёр-оглы копьем. Тут снова вспомнил Гёр-оглы: «Убегающего не преследуй!» — и отошел в сторону. Повернул он коня и пустил его туда, где оставил Овеза. Приехал, осмотрел место — нет Овеза там, где оставил он его. Волнение охватило его, ударил он коня плетью, выехал на гору и спел там:

413. Давайте же вспомним юношу Овеза.
Через [гору] Арзылан * везир перевалил, скажи.
Догнали, настигли [нас] беки Веенгама.
В этих горах завязалась битва, скажи!

Сверкали булаты, гнулись пальцы,
В богатых доспехах шествовали (?),
Большой обоз из Веенгама пришел,
В этих горах завязалась битва, скажи.

Подшли войска, выстроили ряды.
С раннего утра стали в литавры бить.
Пятьдесят-шестьдесят их беков сокрушили.
Кровь потекла, из берегов вышли реки, скажи!

На несметную рать скачет бек Гёр-оглы.
Трус не приемлет дела храбреца.
Будь благословен мой пир Шахимердан.
Жизни своей храбрец не пожаел, скажи!

414. Кончил он петь и сказал про себя: «Гёр-оглы, неужели не можешь сойти с коня, когда осматривал то место, где [Овеза] оставил?»

Подъехал он туда, спешил, хотел было то место осмотреть, да сам же он давеча заложил ход камнями, никак не пройти. Охватила его ярость. Закусил он нижнюю губу и стал брать [камни] в охапку и откидывать в сторону. Посмотрел — а [Овез] не выпил и пиалы чаю, которую он ему оставил. В одной тюбетейке на голове, босой, ушел он, вскарабкался на гору. Пошел Гёр-оглы следом, повел за собой коня.

Следы Овеза привели его на вершину высокой горы. Понял он, догадался, что [Овез] в этих горах, и запел:

415. Овез в изумленье меня привел.
В дымке, в тумане горы!
Черную печень мою кровью залил ³¹.
С джейранами, сернами горы!

Тысяча человек напала на меня.
Сражаясь, поднялся на горы я.
Овеза в руки вам отдал —
Я вас подозреваю, горы!

Известен ростом Овез-джан,
Тонкая талия у него, строен он.
С сочными лугами, красными розами,
С соловьями, с садами горы!

Если Гыр-ат не поскачет, храпя,
Если не кинется он, как тигр, как лев,
Если не найти мне юношу Овеза,
Досада моя на вас падет, горы!

Гёр-оглы говорит: сокровище — у вас.
Тенистые сады и плоды — у вас.
Узнал я: Овез-джан — у вас!
Блаженствуйте пять дней ³², о горы!

416. Когда пел он, «сокровищем» соль называл: Овеза потерял он на солончаке.

Когда-то прошел [в этих краях] дождь, возник сель, вода стекала в сторону горной скалы. Подножие горы поросло камышом, образовалось озеро. Следы Овеза привели к этому озеру.

[Гёр-оглы] обошел вокруг озера. Следы, ведущие в озеро, были, а следов из озера не было. Снова забеспокоился [Гёр-оглы]: «Хорошо, коли не забрел он на глубокое место и не утонул. . .»

417. Тут заметил он на середине озера остров, а на острове — Овеза. Видит: сидит тот посреди острова, опустившись на колени. На голове у него — златотканая тубетейка, золотые кудри откинул он назад. Сидит, красуется, словно уточка.

«Спою-ка я, как человек, который потерял его и не нашел. Узнаю, догадлив он или нет; узнаю, умен он или глуп!» — решил Гёр-оглы. И он запел, как человек, потерявший Овеза:

418. Ты, словно уточка, трепещешь —
Да будут благополучны озера твои, Овез!
Я плачу — кровавыми потоками стали
Слезы из глаз моих, Овез!

Копье свое он нацелил в щит,
Гневом сердце сжег мое.
Покорили Балх *, завоевывают Хинд *
Родинки, что на лице твоём, Овез!

Лик твой взимает дань с луны ³³.
Откочевал ты с родины своей.
Горек сахар, горек набат
В сравненье с медом твоих уст, Овез!

Исчез Овез, юноша исчез.
Ушел, орды своей достиг.
Прогневался он на Гёр-оглы.
Да будет жертвою тебе душа, Овез!

419. Как сказал он эти слова, [Овез крикнул]:

— Эй, ага, я здесь, я здесь!

— Ох, Овез-джан, что это ты тут делаешь?

— О ага, ведь село, стоянка — это такое место, где легко схватить [человека]. Я опасался, как бы не нашел меня кто-нибудь из шиитов, за мною пришедших. В страхе перед шиитами я ушел сюда, а мой ага найдет меня по следу, как вернется, — подумал я.

420. Задело это Гёр-оглы за живое, да сказать он ничего не может. Подумал он про себя: «Эй, зангар, красиво говоришь! Хорошо, коли не вырвешься ты из моих рук!»

— Ох-ох, Овез-джан! Ты просто читаешь в сердце моем!

Посадил он его на коня за собой и привез на их стоянку. Попили чаю, кальян покурили и в добром расположении духа приготовились ехать дальше. О ком теперь рассказ?

421. Когда Ленг-везир убегал, повстречался ему Мустапа. Тот ехал по их следам, догонял их, преисполненный ярости.

— Ну, Ленг-везир, рассказывай!

— Нечего мне, Мустапа, рассказывать! Не знаю, не помню я, скольких он перебил, скольких погубил. С трудом себя помню. . .

— Поворачивай, зангар, назад, езжай по своему следу!

422. Погнал Мустапа везира Ленга перед собой, продолжал погоню. Как достигли места недавнего боя, [везир Ленг сказал]:

— Давеча тут сразились мы. Он где-то здесь был.

Мустапа с [целым] леком * войска водрузил здесь свой бунчук. Дали зали из тысячи пупек, тысячи ружей, тысячи мортир — содрогнулись горы.

423. Услыхал Гёр-оглы и заметил: «На этот раз шиит основательно вышел в поход». Подумал он: «О Аллах, если оставить где-нибудь Овеза, однобеспокойство будет — убежит. Пусть лучше будет он у меня на глазах, оставлю-ка я его на коне!»

— Эй, Овез-джан! Когда я вижу шиитов, я никогда не убегаю от них. Во время боя пересыхает у меня в горле. Как повернусь я к тебе, погляжу в твою сторону, так ты подай мне вина!

Наполнил он и дал Овезу золотой чайник, дал ему и золотую пиалу, посадил его позади себя, ударил коня плетью и выехал на гору. Огляделся он и видит: Мустапа-бек раскинул красные и белые шатры; выпустил стрелу — на землю не упадет, шеренги за шеренгами, знамена за знаменами.

424. Тут и Мустапа заметил их. Сказал он своим саповникам:

— Эй, игиды, [посмотрите], как заносится этот зангар суннит. Будет на то воля Аллаха — отобьем Овеза. А что потом будет, не знаю.

А Гёр-оглы куражился:

— Эй, зангар Мустапа! Неужто [думаешь ты], что человек, который [смог] увести Овеза из города с девятью воротами, из шахской крепости увести, отняв у сорока сановников, возьмет и отдаст его тебе на этом поле! Такого в свое время не совершал и хазрет Али!

Так сказал он и с кличем «алла!» пустил коня. Нагрянул, ударил копьём Мустапу. И Мустапа ударил копьём Гёр-оглы, а Гёр-оглы подставил щит. Долго сражались они копыями верхом на конях с щитами в руках.

425. О ком рассказ? — Об Овезе. Ловкий, как обезьяна, зангар, он только и думал о побеге. Когда сблизились копи [Гёр-оглы и Мустапы], он прыгнул на круп коня Мустапы и [уселся] у него за спиной.

Глянул Гёр-оглы — вон скачет он за спиной у Мустапы. Повернул [Гёр-оглы] коня и бросился за ними. Никогда в жизни не падал Гыр-ат, а здесь споткнулся, [упал], ударился лбом о землю. Хотел [Гёр-оглы] копые в ход пустить, да не послушалась рука. А там и видеть он перестал. «О Аллаха, плохи мои дела. Говорят же: „Пускай ловчую птицу, когда она возьмет [наверняка]“» — так подумал Гёр-оглы и отошел в сторону. Поглядел [Гёр-оглы] — а Овез услужливо подает беку Мустапе то вино, которое сам [Гёр-оглы] собирался пить.

Увидал это Гёр-оглы и подумал: «Оказывается, правду говорят, что поворот судьбы — дело часа, получаса»³⁴.

Так подумал Гёр-оглы и, страдая в разлуке с Овезом, спел:

426. С неба на землю пал огонь,
В меня метил рок, я думаю.
Из рук юноши Овеза [Мустапа]
[Принял] розовую чашу [и вина] испил, я думаю.

Вместе любовались мы его садом,
Шел я то справа, то слева от него.
Солнце взошло из-за восточной горы —
[То] Овез лицо свое открыл, я думаю.

[Спешил я], Гыр-ата торопил.
Приехал, Овез-джана увидал.
Саблей удар беку Мустапе нанес —
[Так что] горы вздыбились, я думаю.

Отважный игид головы своей не падит,
Горы рыдают от стонов его.
Попросить бы подмоги у пира мне,
Погиб бек Гёр-оглы, я думаю.

427. Кончил он петь. Да разве кто возвратит ему Овеза за [слова] «я погиб», «я думаю»?

Покуда ходил он, захотелось ему попить чаю. Наполнил он [водой] кумган, собрал хворост, разжег под кумганом огонь и снова пошел за хворостом. Вернулся, а огонь уж потух... Так бестолково и бродил он, спотыкаясь.

428. О ком рассказ? — Бек Мустапа захватил Овеза и послал к Гёр-оглы шесть человек для переговоров.

«Бек Гёр-оглы, отважный игид, пускай придет сюда — уйдет удовлетворенным. Все, что ни захочет он: коня, халаты, золото, — [все] дадим ему на радость. Пусть только Овеза он не просит. Шах его никому не отдаст!»

Пришли посланцы и передали весть. Как страдал, так и продолжал страдать Гёр-оглы.

— Эй, зангар-шиит! Потому ли бахвалишься ты, что много вас, или потому, что я один? На что мне богатство мира, коли нет Овеза! — сказал [Гёр-оглы] и спел:

429. Из Веенгама откочевал он в Арзулум,
Вернуть бы мне сокола моего.
Весенней порой тает снег в горах.
Пусть увидят враги пыль битвы моей!

Пусть не обольщаются тем, что много их,
Пусть не обольщаются тем, что я один.
Вот поле брани — пусть сотни тысяч выходит,
Буду сражаться, не отверну лица своего.

Благословенна луна, что [светит] нам.
Мечта игида — стрелы и лук.
Говорят: Юсуф богат красотой.
[А] мне б еще раз увидеть Овеза лик.

Я не останусь тут, говорит Гёр-оглы,
С трусом на поле брани не выйду я,
Ни перед кем, кроме Аллаха, я не склонюсь.
Истина — мой приют, ей я вручил себя.

430. Сказал он это, и посланцы вернулись назад, пришли к Мустапе-беку:

— Нет, этот зангар-суннит скорее умрет, чем покорится.

— Не хочет покориться, ну и пусть его! Что он, зангар, сам Овеза вышествовал, что ли?

431. Послушайте рассказ о Гёр-оглы. Так бродил он, спотыкаясь, и [только] почти на рассвете выпил чайник чаю, прилег и уснул. И приснился ему во сне покровитель его, Лев божий.

— Не предавайся печали, сын мой! Заставь шиита страдать, волноваться его заставь. Наступила его пора — уйдет он прочь. И Овез-джана вернешь ты себе, да будет на то воля Аллаха, — сказал он и исчез.

Вздрогнул Гёр-оглы и поднялся. Обрадовался он сну, доброе расположение духа обрел. Чаю попил, кальян покурил, подкрепился и сел на коня, исполненный решимости: «Или своего добьюсь, или погибну!»

432. О ком теперь рассказ? — В стороне кыблы появилось облако пыли. Это был шах Каландар. Сорок дней уж прошло, как отправился он со своими конниками, нукерами на поиски [Гёр-оглы].

Сказал шах Каландар:

— Эй, игиды! Из-за этой горы слышны грохот пушек, стрельба из ружей, доносится шум голосов. До Веенгама далеко отсюда. Думаю я, что Гёр-оглы отнял [у них] Овез-джана, да догнало его войско и отобрали у него [Овеза]. Вон на горе одинокий всадник — это, должно быть, Гёр-оглы. Поезжайте потише, а я поеду вперед, расспрошу его, — сказал Каландар и поскакал вперед.

433. Приблизился он на расстояние, откуда голос его был слышен, спешился, и сложив руки на груди, громко приветствовал [Гёр-оглы].

Услышал Гёр-оглы голос Каландара, и полились слезы у него из глаз — исстрадался человек.

— Эй, Гёр-оглы! Что плачешь ты? стыдно плакать смелому игиду. Не печалься. Будет на то воля Аллаха, так сразу же отобьем Овез-джана, коли в [этом] войске он.

— Нет, Каландар! Я и сам знаю, отобью я его или нет, — ответил он. — Отобью я его или не отобью, ты узнаешь из этих вот моих слов, — сказал Гёр-оглы и спел песню:

434. Печальный, лежал я в обители страданий —

Те, кто справились обо мне, пришли.

Триста шестьдесят святых собралось,

[Отовсюду], с востока до запада, эрены пришли.

[Те, кто] за завесой увидел лик дорогой,

[Те, кто], как Сейпельмелек *, мир исходил,

[Те, кто] у Истины для меня сто двадцать лет жизни

испросил,

[Те, кто] хлопнул меня пятерней по спине, пришли.

Могущественный Аллах определил мой удел.

Пир мой, хазрет Али, меня поддержал.

Кто в Судный день исцелит — Мухаммед, —

Кто правоверных от геенны спасет, пришел.

Любовью сердца [окрылена] моя мечта.

Узнал я: [то были] Ковус и Кияс *,

Весь мир обошедшие Хызр и Ильяс *,

Кто хранителями сокровищ Истины стал, пришли.

Бек Гёр-оглы поднимается с возгласом «хув!»,

К пиру хазрету Али о помощи взывает он.

Из-за Овеза милого о помощи я молю.
Триста шестьдесят зренов сегодня пришли.

435. После его слов Каландар сказал:

— Выходит, будет нам удача!

Между тем подоспело и войско Каландара. Каландар и Гёр-оглы встали во главе войска и с кличем «алла!», поднимая пыль, пустили коней [вперед]. О ком весть? — О шиите.

[Те] разбойники завладели желанным камнем³⁵ и стояли кичась. Когда же Гёр-оглы один напал на целый лек войска, растерялись они, охватила их паника. Ох, и удирали же эти арабы — [дай бог] крепости седлам, прочности подругам; кто лежит — попадется, кто бежит — спасется! Начать рассказывать об этом — кончить не сможешь.

436. Дух-покровитель наставлял Гёр-оглы: «Бегущего не преследуй». Он и Каландар сошли с коней и приготовили себе кальян. Остальные воины продолжали погоню.

После полудня стала возвращаться погоня. Всех возвращавшихся спрашивал он, не видели ли они Овеза. Воины Каландара отвечали:

— О Гёр-оглы-ага! Овеза, о котором ты спрашиваешь, нам увидеть не довелось, изнеженных кудрявых, безбородых парнишек мы не убивали. Только тех, что с бородами были, убивали мы.

«Ну, видно, убежал этот зангар и спрятался где-нибудь!» — [подумал] Гёр-оглы и, сев на коня, поехал, осматривает раненых, убитых. Вот видит он: в одном месте пять-шесть трупов навалены друг на друга. «О Аллах, похоже, человеком уложены они», — [подумал] Гёр-оглы. Спешился, схватил труп, что был на самом верху, за ноги и отволоч [в сторону]. Глядит — а меж двух убитых Овез лежит, глазами сверкает.

437. — Эй, Овез-джан! Что ты тут делаешь?

— Ай, ага, будто не знаешь ты, что я тут делаю? Из страха перед тобой я тут лежу. [Я подумал]: сегодня день гнева господина моего, день его битвы. Как бы в гневе он не убил меня. [А] потом, погода, пройдет у него злость, уляжется обида — я и подойду к нему, выждав время.

— Ох, Овез-джан! Знаешь ведь ты, что у меня на сердце. . .

Но и Гёр-оглы знал, что у того на сердце, да сказать ему ничего не мог. Посадил он его на коня позади себя и привез в свой стан; попили чаю, кальян покурили. Тронулись было [снова] в путь, да тосклив, печален Овез-джан.

438. — Ну, Овез-джан, что хмур и печален ты? Не от того ли печален, что родственников своих нашел, что снова в руки мне попал?

На это ответил хитрый зангар:

— О ага! Сдается мне, что туп ты, как палан. Ну что влекло меня к тебе? Да красный твой язык в два пальца. Хотел я, чтобы каждый час на всех языках цел ты мне песни, меня воспевал. А ты вот песен не поешь!

— Ох, Овез-джан! Так тебе песни нужны? Стихи тебе нужны? Коли песни нужны тебе, я тебя завалю ими!

И он обратился к Овезу с песней:

439. От богатств Юсупа, от обители моей души —
Отчего ты страдаешь из-за волоска, мой Овез?
Да не утратишь ты счастья венец,
Да не нарушится бахрома на одежде твоей, мой Овез!

[Сегодня] вижу, [завтра] не вижу тебя.
Ко всякому трусу со словом не обращусь.
С красотой Юсупа, с лицом как луна,
Чтоб в мире славен стал ты, как цветок, мой Овез!

Кто увидит лицо твое, забудет себя.
Ямочка на подбородке меда полна...
Из золота и алых тканей был бы наряд у тебя,
А я и грубую одежду готов носить, мой Овез!

Гёр-оглы говорит: уходите прочь!
Не стойте, подобно ныряльщикам в реки бросайтесь!
Твои волосы — амбра, развевающиеся кудри твои
Лучше шелка, как султан они, мой Овез!

440. Когда спел он так, [Овез сказал]:

— Ой, ага, грусть моя пройдет, если будешь ты петь такие песни!
— Коли песни нужны, у меня в них нет недостатка. А теперь, Овез-джан, сядем на коня, двинемся в путь!

Он покрыл коня попоной, [украшенной] золотом и серебром, рубинами и жемчугами. Расчесал [Овезу] кудри, освежил лицо, обул в сапоги из сагры, опоясал дорогим поясом, надел на него папаху из меха выдры, чекмень из френкского сукна. Посадил он Овеза на коня и обратился к нему с песней:

441. Ушел, откочевал сердца караван.
В путь, мой Овез, вернемся в горы!
Могущественный бог вернул мне [тебя].
Ступай, мой Овез, вернемся в горы!

Состарилось, состарилось, состарилось сердце,
Снег растаял, не осталось снега на седых горах.
Сколько бы ни падал снег, караван шагает.
Поехали, мой Овез, вернемся в горы!

На склонах гор седых лежит снег.
На белом лице его родинки есть.
Крутые ступенчатые тропы там есть.
Ринься, мой Овез, вернемся в горы!

Сайгаки (?) спустились с гор седых.
В багрово-красные [тона] окрасили [все вокруг].
Украшения из золота и серебра
Надень на себя, мой Овез, вернемся в горы!

Это разносится клич Гёр-оглы.
Головы отважных, как реца, полетели.
Кони-красавцы с чуткими ушами поскакали.
Садись, мой Овез, вернемся в горы!

442. Кончил он петь, и отправились они в страну Каландара. Овез ехал впереди всех, за ним следовало войско. [Воины] ехали, переговариваясь шепотом:

— Эй, не лезь вперед, придержи коня, чтобы пыль на Овеза не попала!

Ехали так и приехали в страну Каландара — Тебриз. Сказал Гёр-оглы:

— Овез-джан, этот вот город я построил, когда отправился за тобой. Давай отдохнем тут с месяц.

443. Каландар освободил для Гёр-оглы уютное помещение и дал ему в услужение человека.

Пусть же здесь почивают Гёр-оглы с Овез-джаном.

Однажды рано утром к Гёр-оглы явился белобородый старец. Целый час беседовал он с ним.

— Эй, Гёр-оглы! Я старший брат шаха Каландара. Слышал я, что сказитель ты и бахши. Спел бы ты для меня что-нибудь из старых сказов. А потом, коли позволишь, я бы и ушел.

— Яшули *! Из старых сказов, из чужих песен я не пою. Спою я тебе из своих, [пусть] плохих, песен!

И обратился он к брату Каландара с песней:

444. В сад свой злосчастного не пускай —
Твое лицо-цветок шипом украсит он.
Роз нарвать не сможет он —
Стебли цветов поломают он.

Двери добра трусу не открыть,
Скверны бесчестный не бежит.
Хоть и богат — не ест он и не пьет.
Плачевно жизнь проведет трус.

Коли выйдешь с трусом в путь,
Коли дойдешь до привала с ним,
Коли злосчастного на работу наймешь,
Попросишь кальян, анашу подаст он.

С трусом вместе не отправляйся в путь,
С ним не живи, рядом не обитай.

Бесчестному залог не доверяй.
Много проест он, мало вернет.

Ум-разум свой на ветер не бросай.
Печальное сердце в веселье не кидай.
Сестру свою за чужака не отдавай —
Предков твоих опозорит он.

Не умирай, Гёр-оглы, не умирай!
Покуда не умер, себя не теряй,
Клячу оставь, не то будешь в пыли.
Сладкую душу погубит она.

445. Как спел он, [тот сказал]:

— Молодец, Гёр-оглы! Это наставление стоит тысячи золотых! — и ушел.

Пусть же Гёр-оглы с Овез-джаном почивают тут. О ком теперь рассказ?

В неделе пути от страны этого Каландара была страна, которую называли страна Хиры *. А падишаха ее звали султаном Овезом. Прослышал он, что, мол, в крепости Каландара находится некий туркмен по имени Гёр-оглы с юношей Овезом — начнешь воспевать, копчить не сможешь!

446. Задумал султан Овез отобрать его [у Гёр-оглы]. Снарядил он лазутчика в крепость Каландара: «Узнайте, когда намеревается он уезжать!»

447. Послушайте о Гёр-оглы. Месяц — сорок дней отдыхал он. И вот обратился он к Каландару.

— О Каландар! Дозволь мне — я поеду.

— Нет, Гёр-оглы! Пока не отпускаю тебя. Вот будет у меня тогда-то той. Побудь на этом тое, полюбуйся на моих резвых коней, на молодцев-богатырей, [послушай] музыкантов и бахши — а там и уезжай!

— А когда [все это] кончится и ты позволишь мне [ехать]?

— В такой-то день разрешаю.

Во время этой беседы был и давешний лазутчик. Узнал он все это и вернулся к султану Овезу.

— О тагсир, коли ты намерен что-нибудь делать, [имей в виду, что] в такой-то день Гёр-оглы отправляется в путь.

448. Хорошо, добро! О ком рассказ?

Окончился той у Каландара, и получил Гёр-оглы дозволение; сели они на коней и отправились в путь.

— Я провожу тебя, Гёр-оглы! — сказал Каландар и поехал с ним вместе.

449. О ком рассказ? — О султани Овезе.

Отправил он военачальника во главе сорока всадников и повелел:

— Поезжайте и быстро отнимите у него Овеза! Коли не отдаст, будет сопротивляться, свяжите и привезите его самого! Слыхал я, что он трудолюбивый и сильный.

Когда эти вышли за пределы аула, навстречу им выехало сорок всадников.

450. О ком рассказ?

Военачальник, посланный султаном Овезом, был умным, рассудительным везиром. До того как увидели они Гёр-оглы, сказал он своим всадникам:

— Эй, игиды! У того человека страшный вид. Нам его не одолеть. Я его обманом в крепость приведу. А там уж пусть сам султан Овез поступает так, как захочет.

Подъехали они вплотную и остановились, приветствуя друг друга. Каландар узнал того везира.

— Ну, везир, говори!

— Слово мое таково, Каландар: нас послал султан Овез с приглашением на той. «Пригласи на той Каландара, — сказал султан Овез. — Говорят, есть у него гость по имени Гёр-оглы, а с ним юноша Овез-джан. Пусть вместе с ними приходит. Наши везиры, наши игиды очень хотят поглядеть на красоту того Овеза!» — так сказал [султан].

— Пусть решает Гёр-оглы.

— Эх, если не приедем мы домой на пять-десять дней раньше, так приедем туда чуть позже. А ну, скажите!

451. Прискакали они в крепость султана. Приехали и остановились в его мейхане. Султан распорядился о чае, кальяне. Тот везир подал знак султану и вышел с ним на улицу.

— О тагсир! Когда убедился я, что нам его не одолеть, я то-то и то-то ему сказал и обманом привел его сюда. А в крепости ты сам найдешь какое-нибудь средство, тагсир!

— Какое средство я найду?

— [Этого] я не знаю, тагсир. Ты велел мне привести, я и привел.

— Коли ты не знаешь, то знаю я, везир! Мы хитростью напоим их сонным зельем. А потом, как не найдет он Овез-джана, может быть, сам уйдет, зангар.

452. Так порешили они и вернулись обратно. Султан Овез [обратился] к Каландару:

— О Каландар! Есть [у меня] одна просьба, коли не сочтете ее обременительной.

— Ну, что за просьба?

— Просьба такая. Юноши наши озорники, грубияны. Нельзя ли, чтобы юноша Гёр-оглы с учтивостью разнес вино?

— Это дело Гёр-оглы и Овез-джана.

— Если это наше дело, так побыстрее разнеси вино, Овез-джан! — сказал Гёр-оглы и обратился к Овезу с песней:

453. Пусть увидят беки Хиры,
Наливай вино, Овез, наливай!
Учтиво чаши подавай,
Наливай вино, Овез, наливай!

Золотой султан на твоей голове,
Слаще сахара твои уста,
Руками белыми чашу подай.
Наливай вино, Овез, наливай!

Из Чандыбилья я ради тебя
В поход отправился в дальний путь.
То с правой, то с левой стороны
Наливай вино, Овез, наливай!

Пусть откроет молодец веру путь.
Пусть прольет он кровь своего врага!
Захмелеет пусть, испив [вина], Гёр-оглы,
Наливай вино, Овез, наливай!

454. Как только он это спел, Овез быстро встал с места, сбросил с себя дорогой халат, повесил на вешалку, повесил туда и шапку из меха выдры, скинул сапоги из сагры, подтянул пояс, сдвинул шитую золотом тюбетейку набекрень, откинул кудри и всем игидам подал вино. Подал он вино и вернулся, уселся на место.

И своим юношам султан велел подать вино. И юноши султана вместе с Овезом стали подавать вино. Но вино, что они подавали, было с сонным зельем. Кто пил — тот валился, кто пил — тот валился, кто пил — тот валился, вот уже все повалились, все лежат.

Схватили Овеза и увезли в горы. Пусть он там и остается.

455. Сонное зелье действовало в течение трех дней. Через три дня пришел Гёр-оглы в чувство и поднялся. Посмотрел, но не нашел около себя Овеза. Разволновалось сердце его, комок подступил к горлу. Кинулся [Гёр-оглы] к двери. Потянул ее, а она закрыта снаружи. Чуть отступил Гёр-оглы и пнул разок — дверь разлетелась на куски. От этого шума проснулся и Каландар.

— Гёр-оглы, что за беда стряслась?

— Нет Овез-джана, Каландар!

— Эх, погибли на тебя нет, мора нет! Где попало бродишь! Уж если завладел желанным камнем, так и уезжал бы сразу в свою страну. На что тебе было сюда подаваться!

— Как бы то ни было, теперь от сожалений нет проку, Каландар! Пойдем искать Овез-джана!

Взяли они друг друга за руки и вышли. Обыскали улицу за улицей, переулочек за переулочком, все караван-сарай обыскали — нет нигде Овез-джана.

Потерял он Овеза и в отчаянии зашел:

456. Вздогнул, с места поднялся я,
О беки, где мой Овез-джан?
У пира помощи прошу.
О грешник, где мой Овез-джан?

Сядем на коней — ринемся буйно.
На врага искоса взглянем.
Эти крепости сокрушим!
О беки, где мой Овез-джан?

Сядем на коней, ринемся буйно,
Врага на стрелы нанижем,
Эти крепости разрушим!
О беки, где мой Овез-джан?

Где же наш Чандыбиль?
Распустились алые розы.
Прах на голову тебе, Гёр-оглы!
Где же, где мой Овез-джан?

457. Спел он песню, и отправились они по следу [Овеза]. След вел из крепости в горы.

— След его ведет в горы. Возьмем с собой харчей на дорогу, — посоветовал Каландар.

Они взяли харчей-припасов и двинулись в путь.

О ком рассказ? — О султани Овезе.

Он так и сидел в горах, в пещере вместе со своими всадниками, пукерами.

— Эй, игиды! Поезжайте узнайте, что в крепости. Убрался ли тот туркмен или все еще там? — приказал [шах] трем всадникам. Случайно на полпути эти три всадника встретили Гёр-оглы. Гёр-оглы узнал их.

— Эх, вашу. . . Вы ведь трое из тех сорока всадников, что давеча повстречались мне. Немедля разыщите Овез-джана! Не то я сейчас пушу вам кровь!

458. О ком рассказ? — О Каландаре. Был он этим [троим] поближе, [соседом] был, вот и сжалился над ними.

— Эх, Гёр-оглы, оставим при себе одного из них. И один найдет. [А] двое пусть идут куда хотят!

Оставили они одного, а тем двоим Каландар шепнул в ухо:

— Ступайте передайте султану Овезу — пусть убежит куда-нибудь. Не то [и впрямь] пустит ему кровь этот зангар. Я постараюсь, чтобы простил он его вину, тогда-то пусть он и вернется!

С визгом погнажи коней эти двое всадников, делая вид, что спасаются бегством. Следом за ними отправились и эти, погнажи перед собой [завдержанного] всадника.

— Помедленнее поезжай. Рано ли, поздно ли — найдется Овез-джан! — говорил Каландар; он придерживал Гёр-оглы, чтобы те два всадника успели добраться.

459. Послушай об этих двух всадниках.

С гиканьем и криком прискакали они на место.

— Эх... Султан Овез! Да будет тебе уделом смерть! Ищи вору, где мог бы ты спрятаться! Вот-вот явится сюда Гёр-оглы!..

Убежал султан Овез и спрятался в горной пещере. Тем временем подъехали Гёр-оглы и остальные.

Навстречу ему вышел Овез-джан. «Ой, ага, приехал ты?» — захныкал, заплакал он; в одной руке он держал пиалу, в другой — кальян. Выпил Гёр-оглы вино, [взяв пиалу] из его рук, покурил кальян; ярость овладела им.

— Где этот султан Овез? Заколю я его и пушу ему кровь!

460. О ком рассказ? — О Каландаре.

— О Гёр-оглы! Коли хочешь исполнить ты братский долг, то ради меня прости ты этому зангару его грех!

— Вот, Каландар, заговорил ты о долге брата. Теперь нельзя [уж мстить]. Иди, прощаю!

Каландар приказал одному:

— Ступай, где бы он ни был, пусть придет!

Тот человек пришел к султану Овезу:

— О тагсир! Дай союзджи, союзджи дай! Спасся ты от смерти, тагсир. Каландар добился прощения твоей вины. Каландар зовет тебя!

461. Вот отправился султан Овез, накинув себе на шею кушак ³⁶. Явился к Гёр-оглы и склонил голову к его ногам.

— О Гёр-оглы, подлость я совершил. Непременно нужно нам теперь в крепость вернуться, [чтобы] почести-уважение я тебе оказал.

— Это пусть решает Овез-джан, — ответил Гёр-оглы.

— О ага, коли мне решать, так говорят ведь: «Конь [уходит] от того места, где шарахнулся, а мужчина — от того места, где испугался». А там сам знаешь.

— Тогда, Овез, нечего нам делать в городе Хиры. Поедем в Тебриз!

И обратился он к Овез-джану с песней:

462. Красавец Хиры, красавец мой.

Давай, Овез, в Тебриз поедем!

У кого на ногах сапоги из сагры —

Встань, Овез, в Тебриз поедем!

Табунами арабские скакуны.

[Защитим] пределы родной страны.

Снимем голову езиду *.

Хан Овез, в Тебриз поедем!

Упитанны арабские скакуны.

Отважные молодцы честны.

Какое дело нам до Хиры?
Давай, Овез, в Тебриз поедем!

Говорит Гёр-оглы, о сладкоречивый мой,
С бутон-ртом, с лицом-цветком,
С глазами сокола, с лапой льва,
Вставай, на коня садись, в Тебриз поедем!

463. Спел он эту песню и сказал султану Овезу: «Сам вместе с крепостью своей богатым будь!» И отправились они в страну Каландара.

В крепости Каландара они отдохнули, и [Гёр-оглы] сказал:

— Каландар! Коли дозволишь, поеду я в свою страну.

— Гёр-оглы! И поедешь — буду тебе служить, и останешься — служить буду.

— Нет, Каландар, дозволишь — уеду я.

— Уж если едешь, Гёр-оглы, возьми все, что нужно тебе, все в твоём распоряжении, увози.

— Я знаю, что взять.

464. Отобрал он из коней Каландара отменного коня, посадил на него Овеза, затем взял еще для каждого по второму коню для поклажи. На одну лошадь погрузили харчи-пропитание девяти видов, золотые чаши, серебряные черпаки, чай, табак, рис и жир. На другую погрузили одеяла в девять слоев, перины, подушки. Сели на коней и отправились в путь. Каландар провожал их до пределов своей страны.

— [Говорят]: «Провожающий не спутник!» Разрешаю тебе — [возвращайся]! — [сказал Гёр-оглы].

Каландар попрощался и повернул назад. А Гёр-оглы с Овез-джаном поскакали дальше. Так и ехал Гёр-оглы — переход за переходом, привал за привалом. Как становилось жарко, останавливался он где-нибудь, стелил одеяла в девять слоев; в изголовье девять подушек бросал, в изголовье — пять [и говорил Овез-джану]:

— Овез-джан, ты тут садись, а я тебе послужу.

— О ага, ведь это же срам, когда старый человек прислуживает.

— Нет, Овез, здесь степь, пустынные места. Кто же будет знать, что я прислуживаю, кто? Хочу я здесь послужить тебе вдоволь. А ты послужишь мне в свое время, и хватит.

— О ага, коли так уж ты хочешь, ну что ж — послужи.

465. Попил Овез-джан чаю, кальян покурив, положил голову на подушку и заснул. А Гёр-оглы взял с собой кумганчик, пшалу, [прочие нужные] вещи, отошел в сторону и устроился там, чтобы не мешать [Овезу спать].

Выспался Овез-джан, поднялся. Подбежал Гёр-оглы [и спросил]:

— Проснулся ли ты, Овез-джан?

— Проснулся, ага!

— Коли проснулся, то все готово. Скажи, чего душа твоя желает. Зеленый будешь пить чай или черный? Сахар в чай положишь или набат?

Девять разных кушаний он приготовил: кабла, рисовую кашу, творог, яхна. . .

466. Уж так наелся, так отоспался Овез, что вновь обрел красоту, лицо, глаза засверкали, сам он [раскраснелся, словно] кровь его вот-вот брызнет на землю. Подумал Гёр-оглы: «Пожалуй, этот зангар, горлани, немного лишку хватил».

Гляди, какой Гёр-оглы мастер пестовать людей! В этот раз он с вечера стал готовиться к прогулке.

— Овез-джан! Здесь немного опасно. Будем спать там, — показал он.

К рассвету он посмотрел на его лицо. [Несколько] померкла красота Овез-джана. Влажный утренний ветерок коснулся его лица, остыла его кровь. [Все стало заметнее]: белое [стало] блее, красное — краснее, [все] родинки, пятнышки, [кожа] под подбородком словно френкская бумага; синие прожилки [видны].

467. Пусть же так скажут они вместе. Послушайте теперь о Косе.

— Эй, игиды, видно, погиб Гёр-оглы. А не погиб, так не сегодня-завтра появится откуда-нибудь. Держите винтовки свои в чистоте. Рубашки, штаны свои постирайте и уложите [аккуратно]. Наденьте их в день приезда Овеза, не то ворот станет грязным. Овез — юноша пежный, тонкого склада. Чтоб не сказал он: «У Гёр-оглы толпа грязных, вшивых игидов».

У Серчемена оставил он караулить Дяли-Мятела, Сейтек-Гырма. «Коли он везет Овеза, сообщите нам!» — велел он им.

Ехал Гёр-оглы с Овез-джаном и подъехал к Серчемену.

Дяли-Мятел и Сейтек-Гырма вдвоем приветствовали их.

— О игиды, крепость-страна благополучна ли?

— Крепость-страна твоя в полном порядке! — ответили они и помчались в крепость. С гиканьем и криком прискакали туда.

— Эй, игиды! Союнджи, союнджи! Гёр-оглы, мой ага, привез Овез-джана.

Сорок игидов надели на себя все что могли, навесили на себя все что могли и, нарядившись [так], выехали навстречу Гёр-оглы.

468. О ком рассказ? — О везире Хемдеме. Когда услышал он, что едет Овез-джан, двинулся и он — в рубище, в неказистой шапке, с «тыквой несчастья» под мышкой и с посохом в руках.

Сорок игидов ехали впереди — с шумом, с криком, стреляя холостыми патронами в небо — «бах, бах!».

Как подъехали они на расстояние, откуда слышен голос, спешили, почтительно сложили руки на груди и встали, приветствуя [Гёр-оглы и Овеза].

Потом сели на коней и поехали вместе с Гёр-оглы.

О ком рассказ? — Послушайте о везире Хемдеме.

Вышел он навстречу Овезу, взял за повод его коня и побежал впереди, как скороход.

Обращаясь к игидам, Гёр-оглы спел песню «Пришел Овез-джан!»:

469. О беки! Желанный ваш
Овез пришел, юноша прибыл!
Издалека сладкоречивый ваш
Овез пришел, юноша прибыл!

Пара султанов на его голове.
Золотой нож за поясом у него.
Четырнадцать-пятнадцать Овезу лет.
Овез пришел, юноша прибыл!

Издалека о нем мечтал,
Кровавые слезы из глаз проливал.
Как сокол, искося [на него] глядел.
Овез пришел, юноша прибыл ³⁷!

470. Спел он песню, а везир Хемдем шел, ведя в поводу коня Овеза.
Конь гарцевал, задевал его спину, но и тогда везир не отрывал взгляда от Овеза.

471. Теперь рассказ о Косе. Ударил плетью он Боз-Думана. Раньше Хемдема прискакал в мейхану, подмел, убрал, постелил тяжелые ковры и паласы, бросил одну на другую подушки, в нишах разложил белые и красные яблоки, расставил благоухающие цветы, большой огонь развел, наполнил кумганы свежей водой, ополоснул чайники, сменил воду в кальяне — все привел в порядок.

У мейханы помогли слезть Овезу с коня, поддерживая его под руки. Овез вошел в дом. Вошли и все игиды, сели в круг, каждый на свое место.

Посидели так, и [Овез] стремительно поднялся — видал виды, зангар, [понимал он, что] Гёр-оглы привез его не со стадом овец и верблюдов. Скинул он сапоги из сагры, снял и бросил папаху из меха выдры, снял и бросил дорогой халат, откинул увлажненные золотой водой кудри, парчовую тюбетейку сдвинул набекрень и подал всем игидам кальян.

472. Веселые игиды курили кальян из рук Овеза, другие, [более] впечатлительные, не замечая, что Овез подает кальян, не отрывали взгляда от его лица.

Когда все игиды попили чаю и покурили кальян из рук Овеза, Гёр-оглы взял в руки саз.

— Эй, игиды! Беспечально пейте вино из рук Овеза! — сказал он и обратился к игидам с песней:

473. [Сядьте] в круг, беки, выпьем вина!
Беки! Пейте вино из рук Овеза!
Сегодня в опьянении головы не пожалеем.
Беки! Пейте вино из рук Овеза!

Кто сладким шербетом своим щедро напоил,
Кто, увидев врага, сердце ему сжег,

Кто шахом сделал, на золотой трон возвел,
Беки! Пейте вино из рук Овеза!

Сядьте в круг, каждый на место свое,
Украстье золотом скорохода.
Овез-джану арабских приведите коней.
Беки! Пейте вино из рук Овеза!

Отважные игиды! Да будет долгой ваша жизнь.
Руки сложив, ходите, прислуживая [ему].
Бек Гёр-оглы желанья своего достиг.
Беки! Пейте вино из рук Овеза!

474. Сказал он эти слова, и все игиды встали, сказав: «Гуллук!»
— О ага Гёр-оглы, ты нынче можешь продать нас и выручку на себя истратить!

— Игиды! Разве же найду я игидов лучше, когда вас продам?
Все игиды достигли цели своей. И Хемдем-везир выиграл спор: заставил он отобрать [у шаха Юсупа] Овез-джана и цели своей достиг.
Овез-джан сказал:

— О ага, никак, уж год прошел, как ты отправился за мной. Слышал я, будто есть у меня тетя по имени Ага-Юнус. А что, если пойдешь ты к ней, повеселишься; и мы с сорока [игидами] повеселимся в мейхане. Как ага?

— Ох, Овез-джан! Угадал ты, что на сердце у меня.

475. Вышел он и направился на женскую половину. Пришел он на женскую половину, и вместе с Ага-Юнус постелили они одеяла в девять слоев, бросили в изголовье девять подушек и в изножье — три подушки, обнялись и легли.

Пусть каждый, подобно им, совершит такой подвиг и достигнет своей цели-желания!

V. ОВЕЗ НА ВИСЕЛИЦЕ

476. Добро, хорошо. О ком рассказ?

Вот привез Гёр-оглы Овез-джана из Веенгама в Четырехгорный Чандыбиль. Миновал месяц, сорок дней прошло — заболел [Овез]. Причина болезни: другую воду стал пить [Овез], иной ветер тут дул. Трудно было привыкать ему к здешним местам. Как заболел [Овез], [Гёр-оглы] взял его на женскую половину, чтобы не лежал он в мейхане, где толпится народ.

— Ага-Юнус! Поухаживай, последи, присмотри за ним, пусть не лежит он там, где народ спует.

477. Пусть же [Овез] остается здесь. О ком рассказ? — О сорока игидах.

За месяц, за сорок дней привыкли игиды к чаю, кальяну, к шуткам Овеза; затосковали они [теперь].

— Эй, игиды! Знаете ли вы о хитростях, кознях, тайных помыслах Гёр-оглы? — [начал Косе].

— Нет, не знаем, Косе.

— Вы не знаете, [так] я знаю. Что это за болезнь у Овеза, с чего бы ему болеть? [Просто] позавидовал Гёр-оглы, что Овез нам подавал чай, кальян, вот и выдумал какую-то болезнь [у Овеза], увел [его] на женскую половину. Захотел этот зангар посадить возле себя по одну сторону свою пери, по другую — Овеза и наслаждаться. Эх, игиды! Мы ведь конники Гёр-оглы, нукеры его; слава Гёр-оглы везде откроет нам двери, всюду исполняют наши желания. Неужто не найдем мы такого юношу, какого удалось найти Гёр-оглы?

И сорок игидов разделились на две группы — по двадцать игидов [в каждой]. Во главе одной группы [встал] Косе, во главе другой — Бед-Рустем.

478. С двадцатью игидами пришел Косе к османскому падишаху Джапару и сказал:

— О тагсир! Задал Гёр-оглы пир-веселье на сорок дней и ночей. Он просил тебя отпустить [к нему] двух чистых юношей, певцов и музыкантов.

Если конники Гёр-оглы [обращаются] к тебе с просьбой, разве не исполнишь их просьбу?

— Ступай походи по крепости, кого выберешь, того и уведешь! — разрешил падишах.

Обошел Косе его крепость; приглянулись ему двое юношей по имени Мирим и Камбар, забрал он их.

Как привез их Косе, [в путь] отправился и Бед-Рустем со своими двадцатью игидами, говоря: «Неужто и мы не найдем себе таких юношей, каких нашел Косе?»

Приехал он к тому же [шаху] и высказал ему свою просьбу.

— Иди выбирай и уводи! — ответил шах.

Тот также обошел крепость, нашел двух юношей по имени Бали и Суйджи и возвратился с ними.

479. [Вот] привезли четверых юношей, и зангар Косе [так заважничал, что] «тесно стало ему в мейхане». Пыжился он, словно [не имеющий соперников] петух в хозяйстве, стоящем на отшибе. Пока не было Гёр-оглы, Косе наставлял юношей:

— Как придет Гёр-оглы и чаю спросит, вы, подавая пиялу, сделайте вид, что уронили — на пол бросьте ее; попросит кальян — пусть [и кальян] не достанется ему, на пол пусть упадет!

480. Приходит Гёр-оглы, садится.

— Эй, сынки, подайте-ка пиялу чаю!

Те ответили: «Хорошо, добро», протянули пиялу, [да] уронили ее на землю. Попросил кальян — и его уронили на пол. В общем, сильно обидели Гёр-оглы. [А] Косе ему говорит:

— Гёр-оглы! Зачем ты притивяешь себе беспокойство — то в мейхану идешь, то на женскую половину. Оставайся там вместе с Ага-Юнус и Овезом. Нет у нас светлого юноши, ну, да мы обойдемся и темненькими.

В общем, сюда придет — Овез-джану плохо, туда пойдет — игиды [волнуются], беспокойство всем причиняет.

481. Прошел месяц — начал поправляться Овез-джан. Два месяца прошло — ему еще лучше стало. [И] еще месяц ухаживала, ходила за ним Ага-Юнус.

Однажды расчесала она ему кудри, надела [на него] шапку из меха выдры, чекмень из френкского сукна, сапоги из сагры — нарядила так Овеза и отправила в мейхану вместе с Гёр-оглы. Пришли они, Гёр-оглы опустился возле очага, а Овез уселся у него на правом колене. Сорок игидов исподтишка разглядывали его — вроде прежний Овез, да не совсем. Словно погоняли коня, чтобы похудел, попотел, а потом вновь оседлали. Любо было смотреть на Овез-джана¹. Все молчали, никто рта не раскрывал — стал Гёр-оглы подшучивать над Косе и юношами. Спел он несколько слов:

482. Бог наставил меня на [истинный] путь,

Вместе с Али, вместе с Воли *.

Голодные насытились, жаждущие утолили жажду

Медом с его губ. . .

Приди, сядь, [прижмись] к моей груди!
Если будешь жив, мой гроб понесешь,
Мой Овез-джан, усладу дай
Одной полной пиалой.

Скроем же рубашку из кетени *.
Пусть ворот будет у нее косым.
Принесите, примерим ее
На моего Овез-джана!

У Гёр-оглы есть Али.
Наполюй, подавай пиалу!
Всех туркмен, всех целиком,
Люблю я со страну вместе.

483. Спел он песню, и Косе понял, что тот старается задеть его.

— Эх, зангар Гёр-оглы! Ты говоришь это, чтобы нас уколоть. Но ведь ты сам, Гёр-оглы, ничего не понимаешь!

— Чего это я не понимаю?

— [А] не понимаешь ты, Гёр-оглы, вот что: нас, игидов, сорок, да еще [чужие люди] заходят. Вот и привез я этих юношей — ведь одному Овезу трудно подавать чай и кальян, обслуживать [всем].

— Хорошо, добро, Косе! И это на пользу нам.

484. Пусть же возлежит Гёр-оглы, вкушая радости жизни, с пятью юношами — Овезом, Миримом, Камбаром, Бали, Суйджи.

Громкая слава его горы перевалила; услышал [и] падишах Хункар, что, мол, какой-то кутила, зангар Гёр-оглы, и пятеро юношей живут, наслаждаясь радостями жизни, и что есть среди тех пяти юноша по имени Овез — такой, что, если [начнешь] воспевать его, кончить не сможешь. Еще не увидел его Хункар, а уж влюбился. А был [у Хункара] лазутчик — если собирался Хункар идти войной на какую-нибудь страну, сначала засылал туда лазутчика. Это был дед, старик, повидавший многое на свете². Призвал его шах к себе.

— Эй, лазутчик! Поезжай-ка в крепость Гёр-оглы. Разузнай там все как есть и возвращайся. Да смотри, не задерживайся: [даю тебе] неделю на дорогу туда, неделю там пробыть да еще неделю на обратный путь!

485. — Хорошо, добро! — ответил лазутчик и, получив дозволение падишаха, уехал. Путь долг, слово [о нем] лучше краткое.

Ехал он, ехал и приехал в Чандыбиль. Спросил, [где] мейхана Гёр-оглы, и в один из дней пришел к дверям мейханы, сказал «салам» и ушел. На другой день он [уже] вошел, кальян покурил и [только потом] ушел. На следующий день вышел чайник чаю и ушел. И еще раз явился он, этот [хитрец], сто тысяч кирья прошедший, переживший сто тысяч сред. Сумел сойтись с сорока игидами зангар. Как появился этот старый дед в мейхане Гёр-оглы, стало там оживленнее, веселее. Седобородые знают, как завлечь молодых. Пятеро юношей не отходили от деда, [баловались

с ним] — ворочали-переворачивали его. Брали у него изо рта «хепбин», над его головой «пускали голубей»³. Так веселясь, так развлекаясь, этот лазутчик-зангар не заметил, как проходят дни и месяцы.

486. «О боже, сколько же дней прошло с тех пор, как я пришел сюда?» — как-то подумал он и [стал] считать. Посчитал, и оказалось, что вот уже три месяца, как он пришел в мейхану Гёр-оглы.

«Падишах ведь велел мне вернуться через три недели, [а] оказывается, вот уж три месяца, как я здесь. Все же поеду и доставлю падишаху свою весть. Не откажется падишах от желания заполучить этого Овеза — хорошо. А откажется, так, может, братья мои согласятся со мной. Коли [и те] не согласятся, сам откочую сюда вместе с семьей» — так думал-размышлял он.

Вернувшись [лазутчик], предстал перед Хункаром, приветствовал его. Спросил его Хункар:

487. — Эй, лазутчик-зангар! Я велел тебе вернуться через три недели. А прошло три месяца, четыре месяца. Рассказывай все толком, а не то зарю [тебя] в землю вниз головой, а к ногам твоим коня привяжу!

— Ох, тагсир! Какой там конь, какой осел? Отправился я в страну Чандыбиль. Пришел в мейхану Гёр-оглы. В мейхане у Гёр-оглы сорок игидов и пять юношей, а среди пятерых есть юноша по имени Овез. Великий Аллах сотворил его из света своего в праздный свой день и прямо опустил его в мейхану. А ты сидишь здесь, считая, что вкушаешь улады мира сего! Да таких, как ты, падишахов, что сидят, едят и пьют, много в этом лживом [мире]. Хоть один день жизни, и тот пусть рядом с ним пройдет. Пусть осталось тебе всего раз вздохнуть перед смертью — рядом с ним умри. Не хочу я больше говорить с тобой! Сможешь ты того Овеза привести сюда — [хорошо]. А нет — может, найдутся родичи, которые послушают меня. А никто не послушает — заберу своих детей и откочую в ту страну! Вот так, тагсир, если говорить кратко.

488. Ну, पुще прежнего воспыал Хункар и повелел объявить по крепости через глашатая: «Кто [возьмется] привезти от Гёр-оглы Овеза, тому сейчас же дам пятьсот золотых. А вернется — назначу его распорядителем воды одного канала и соединю браком с моей двадцатипятилетней дочерью!»

489. Жил в этой крепости военачальник по имени Мустапа, а прозвище его было Гайри-Мустапа. За его острый язык и удалство было дано ему это прозвище. Гайри-Мустапа предстал перед Хункаром.

— О тагсир, коли дашь мне один лек войска, тагсир, я сослужу тебе службу!

— Иди, сам собирай войско, сам отбирай [воинов] — полная тебе свобода!

Стал набирать себе войско свирепый Мустапа. Что же за войско он собрал? Тысяча кудесников, тысяча волшебников, тысяча лазутчиков, тысяча головорезов, тысяча буйноголовых⁴, тысяча больших и тысяча малых пушек, тысяча ружей, тысяча мортир. Так пусть с этим войском Мустапа двигается на Чандыбиль.

490. От Чаядыбия в стороне кыблы находилась гора Меджвун. У подножия этой горы и стал лагерем Мустапа со [своим] леком войск. Поставили палатки, раскинули шатры, сняли скarb-снаряжение и дали залп из пушек, ружей и мортир.

Содрогнулась мейхана Гёр-оглы.

— Ой, Косе! Откуда-то доносится грохот пушек. Никак, пришел воевать с нами какой-то беспутный шиит.

Подъем царил в мейхане, возбуждение от кабла, чая, табака. Милый голос Овеза будоражил [игидов]. Все поднялись с кличем «По коням!». Как ринулись игиды, Гёр-оглы обратился к ним:

— Эй, игиды, гром пушек стал раздаваться очень близко — горы дрожат, грохочут.

И [Гёр-оглы] пропел:

491. Богатыри мои! Будьте наготове.
Горы дрожат, грохочут.
Скорее захватите горный проход!
Горы дрожат, грохочут!

Стрелы из крепости летят,
Да хранит [нас] Истина от беды!
От [боевого] клича удалого игида
Горы дрожат, грохочут.

Когда льется ливень битвы,
Когда фиалка [понура] склоняет голову,
Когда сабля ударяется о щит,
Щит дрожит, грохочет.

Когда, храпя, гору переваливает скакун,
Когда [с налету] в щит ударяется он,
Когда мои беки в возбуждении кипят,
Горы дрожат, грохочут.

Когда жажда вином утолена,
Когда у врага сердце горит,
Когда Гёр-оглы на Гыр-ата садится,
Дороги дрожат, грохочут.

492. Произнес он эти слова, и [игиды] ударили плетью коней, выехали на гору. [Глядят:] столько разноцветных палаток, шатров поставил Мустапа-бек, что выпустишь стрелу, на землю не упадет: ряды за рядами, отряды за отрядами, знамена за знаменами. Наблюдал за ними Мустапа. Вот стал он объезжать ряды.

— Ну, игиды! Вон показались сорок игидов [Гёр-оглы] вместе с Овез-джаном. Заклинатели, творите свои заклинания! Волшебники,

делайте свое дело! Арканщики, будьте при своих арканах. Головорезы, буйноголовые! Начинайте действовать!

493. Послушайте рассказ о Гёр-оглы. Собрались они все вместе на вершине горы.

— Эй, Косе! Гыр-ат подо мной, сабля-истребительница у меня на поясе, волшебное копье у меня в руках! Так будет ли рыскать перед нами шиит?

[Говорят]: «Сражение не будет ждать, пока посоветуешься»; вспомнив [это], с гиканьем и с кличем «алла!» пустили они коней. Долго бились копьями, саблями. В пылу схватки на шею Овеза набросили двойной аркан. Гёр-оглы, сильный детина, одним рывком оборвал аркан. [Но] Овез как попал в петлю, да так и остался «взнузданным».

Оглянулся Гёр-оглы и увидел, что Овез-джан опутан арканом. Пнул он Гыр-ата. Впервые в жизни пошатнулся конь и, рухнув, ударился лбом о землю. Захотел [Гёр-оглы] достать копье, да не действует рука. И видеть вскоре он перестал. «Боже! Плохи мои дела. Говорят: „Пускай на дичь ловчую птицу, когда она берет“, — вспомнил Гёр-оглы и отошел в сторону. Поглядел он — а сорок его игидов, потрясенные, стоят в стороне.

Ну станет ли медлить шиит, захватив желанный камень? [Враги] быстро собрали свое снаряжение и, как стая скворцов, снялись, с шумом двинулись обратно.

494. А [игиды], пораженные, как стояли, так и остались стоять.

— Ну, Косе, что такое стряслось?

— Да не знаем мы, Гёр-оглы. То ли заклинаниями шиит нас взял, то ли волшебством. . .

— И заклинания и волшебство его вот в чем, Косе: когда выезжали мы на конях, не помянули мы Льва божьего — покровителя [нашего]. Оттого-то и произошло все это. Ну, Косе, посоветуй теперь, что нам делать.

— Что ж тут посоветуешь, Гёр-оглы? Вернемся-ка в крепость. Чаю возьмем, табак у, провиант захватим и двинемся за ним.

— Дурной это совет, Косе! Вернемся в аул, а выступить не сможем, говорят же: «В ауле зад [у людей] тяжел»⁵, Косе!

— Коли не захватить в аул, нелегко будет с налету напасть на возвращающегося после удачного набега разбойника и выиграть у него схватку.

495. — И с налету нападать не будем, Косе, и отставать не будем. Просто последуем за ними. Привезет Мустапа-бек Овеза к Хункару, и тот, всем сердцем влекомый к Овезу, попросит, чтобы [юноша] подавал ему чай, кальян, прислуживал ему. А мною выпестованный, возвращенный мною мальчик не захочет служить Хункару. За неповиновение пошлет его тот на виселицу, на казнь. Коли мы подоспеем вовремя, может быть, у виселицы его отобьем? — сказал Гёр-оглы и на миг закрыл глаза. Хлынули слезы из глаз [Гёр-оглы]. — Лучше этого, Косе, [ничего] не придумать, — сказал [Гёр-оглы] и обратился к игидам с песней:

496. Выступил враг против нас,
Аркан набросил на нас сегодня.
Овез-джан неверными уведен.
Ум-разум мой помутился сегодня.

Споткнулся, упал мой конь.
Пика ударилась о пику.
Из глаз моих слезы поились —
Бурная река разлилась сегодня.

Сорок [игидов] моих! Подойдите к воротам.
В крепость войдите по-одному.
Подоспеите, [чтобы] увидеть Овеза.
Под виселицей он стоит сегодня.

Подойду-ка к виселице я.
Что [уготовано мне] судьбой, испытаю.
Я, Гёр-оглы, ударю саблей.
Все границы неверный перешел сегодня!

497. После этих его слов двинулись они следом за войском [врагов]. Так скакали они несколько дней, и, когда оставался день пути до крепости Хункара, следы войска привели их к задним воротам какой-то крепости.

Объехали они крепость с запада, перешли на юго-западную сторону и [здесь] вновь напали на след.

498. Крепость эта звалась Булдур-кала, и было в ней сорок конных [стражников]-пукеров. [Люди] называли их беками Булдура. Это Хункар поставил их здесь — чтоб был караул вблизи большой крепости. Здесь-то Мустафа и устроил привал, а потом уж поехал дальше.

— Эй, Косе! Давай наведемся в эту крепость. [Посмотрим], что там есть, что говорят, — [сказал Гёр-оглы].

Подъехали к воротам, обращенным к кыбле, и увидели, что ворота заперты изнутри. Крикнули из-за ворот:

— Есть ли кто, у кого можно спросить?

Вышел какой-то человек.

— О чем хотите спросить?

— Едем мы в Исфахан. Если бы вы приняли коней, мы бы чаю попили, покурили, да и [дальше] поехали.

— Тут в комнате наш бек. Мы посоветуемся.

— Сходи посоветуйся!

499. Пришел тот к беку и спросил:

— О, мой бек! Тридцать-сорок всадников просят принять их коней, хотят они чаю попить, покурить, отдохнуть немного и ехать дальше. Какой ответ дадим?

— Какой ответ? . . Сам, что ли, не знаешь? Коли есть у них чистый юноша, пусть спешатся, а нет — пусть сразу же убираются!

Тот вернулся и сказал:

— Эй, игиды, коли есть у вас чистый юноша, сходите с коней. А нет — двигайтесь дальше.

Было у них четверо юношей: Мирим, Камбар, Бали, Суйджи.

— Эх, вот тебе юноши, коли потребны они! Вот тебе музыка, коли музыка нужна! Открывай же ворота, открывай!

500. Открыли им ворота. Завели игиды своих коней в конюшню, а там сорок оседланных, взнузданных коней. Попоны сложены и привязаны за седлом, и хвосты у коней подвязаны!

Привязали своих коней и они. Гёр-оглы сделал знак Косе и отошел [с ним] в сторону.

— Видишь этих коней, Косе? Всадники вот-вот отправятся в путь. Внимательно следите за мной⁴. Молчите все — говорить буду один я. Попробуем захватить всех всадников до единого в этой крепости, да поможет нам Лев божий — покровитель наш.

501. Пришли к хаузу* и видят: сорок бултурских беков лежат на бурках, подложив под бок пуховые подушки, вытирая лица платками. Постелили и им кошмы, дали место, принесли чай, кальян дали. Бек Булдура начал расспрашивать их:

— Доброго вам пути, игиды!

Гёр-оглы сказал:

— Бог даст, удачным будет!

— Какой страны вы люди, за чем выехали?

— Из Азербайджана мы.

— Коли вы из Азербайджана, расскажите о себе.

— Коли говорить, то прослышали мы, что падишах Хункар послал своего военачальника и отнял у суннита Гёр-оглы из Четырехгорного Чандыбиля его юношу по имени Овез. [Вот и] захотелось нам взглянуть на красоту Овеза, да и Хункара поздравить. За этим и едем мы.

502. — Бек из Азербайджана! Это правда, что ты сказал. Мустапа захватил Овез-джана, вчера-позавчера делал он здесь привал, поспешно попил, поел и уехал. У нас сварен вкусный обед. Вот поедем и тоже съездим полюбоваться красотой Овеза и приветствовать падишаха. [Говоришь], ты из Азербайджана, [а] руки-ноги у тебя кажутся слишком нежными. Спел бы что-нибудь из песен Гёр-оглы, к тому времени и обед бы дошел. Поедим и вместе отправимся. Путь-то у нас, выходит, один.

Сказал тогда Гёр-оглы:

— Игиды! И вы едете посмотреть на Овеза, и мы повидать Овеза едем. У нас с вами, выходит, общие заботы. А коли одни у нас заботы, негоже нам сидеть по разным углам, будто мы играть собрались. Раз уж мы для вас, а вы для нас хороши, так лучше [сесть нам всем вместе] вперемежку да спеть [разом].

— [Говорят они]: «Исполнить желание гостя — значит уважить его». Вставайте, чай подавайте!

503. Встали через одного, подали чай и сели затем попеременно. И этих сорок. На [каждого из] сорока пришлось по одному. Взял Гёр-оглы в руки саз, посмотрел: летят в небе пять-шесть журавлей от крепости Хункара в сторону Чавдыбиля.

— О журавли! Пролетали вы над крепостью, видели Овез-джана. Служит ли он безжалостному грешнику или под виселицей сидит? Как он там, что видели вы? — обратился [Гёр-оглы] к журавлям и, сделав знак игидам, запел песню:

504. Летящие в небе венценовые журавли!
Снег на горе Арзылум видели ли вы?
Нежданно судьба на голову мне обрушила беду.
Друга моего, с которым рок разлучил, видели ли вы?

В бою мой Гыр-ат понимает меня.
Взять бы в руки копьё, шестопер.
Золотые локоны его до пояса ниспадают,
Волосы-струны на белом его лице видели ли вы?

Овез-джан — сын мясника Булдура,
Только что раскрывшийся райский цветок.
Настал смертный час для всех вас сорока.
Говорите, беки, Овез-джана видели ли вы?

Поведем же, как утренний ветерок,
Смелее, снимем голову врагу!
Двух бродяг и одного бека раздавим!
Говорите, рабы, Овез-джана видели ли вы?

Начавший битву пьет алое вино,
Выезжает на поле [брани] — серая пена летит.
Ради Овеза Гёр-оглы и головы не пожалеет.
Говорите, беки, Овез-джана видели ли вы?

505. Едва Гёр-оглы начал петь, как его игиды схватились за рукояти кинжалов на поясе, изготовились [к схватке]. В одном месте [песни] говорилось: «Двух бродяг и одного бека раздавим!» — это означало: «На каждого по врагу, вынь кинжал из-за пояса, бей в живот, брось на дно хауза».

Гёр-оглы еще не кончил песни, а [его игиды] побросали всех на дно хауза.

— Эх, Косе! Среди них было двое безусых [юнцов]! . . .

— Не будет от них потомства — и они пошли на дно хауза!

506. Кому принадлежит добро? Тому, кому оно судьбой предназначено. Обед тех [булдурских беков] достался этим [игидам Гёр-оглы].

— Слава богу, Косе, пачало удачное. А вот каков конец, Косе: садитесь на их коней, возьмите их оружие, чтобы приняли вас за стражников

Хункара, чтобы никто вас не узнал. А своих коней, одежду, оружие оставьте в этой крепости.

Еще он решил оставить в крепости десять человек с Сейтек-Гырма во главе.

— Эй, игиды! Как уедем, откуда [возьмем] чай, кальян, [хорошую] еду? Позаботьтесь о чае, кальяне, берегите коней, одежду, оружие!

507. На пути к крепости Хункара встречались им группы людей, направляющихся куда-то.

Подъехал [Гёр-оглы] к человеку, трусившему на осле где-то в конце [вереницы людей], и обратился с вопросом. [Тот ответил]:

— Эх, добрый молодец! Военачальник падишаха по имени Мустапа похитил у Гёр-оглы в Четырехгорном Чандыбиле его юношу Овеза и привез Хункару. У Хункара была дочь на выданье, двадцати пяти лет. Он отдал ее ему в жены. [Вот] Мустапа-бек и празднует свадьбу с шахской дочерью. Туда-то мы и едем.

— Хорошо, добрая у вас весть.

508. Большая дорога забита арбами, мулами. [Игиды] скакали по обочине, рядом [с идущими]. Пока они ехали, зашло солнце, улетели оводы. Совсем стемнело. Вскоре в крепость группами стали въезжать всадники.

— Косе, эти всадники о чем-то своим говорят. Я попытаюсь разузнать, [а вы поезжайте] — я вас найду.

509. Подъехал Гёр-оглы к всадникам, смешался с ними. А всадники говорили [вот о чем]: «Мустапа-бек передал Хункару Овез-джана. Хункар, загоревшись всей душой, сказал: „Овез-джан, подай мне чай, принеси кальян, прислужи мне“. А на это Овез ответил: „Тагсир, я бы рад прислужить, да только есть у меня господин по имени Гёр-оглы. Он [ведь] разбойник. Коли услышит, что я служу [тебе], и меня убьет, и тебя“. Тот бил, бранил его, но [Овез] не подчинился. Тогда в сердцах Хункар приказал отвезти его к виселице, а по крепости через глашатаев объявить: „Кто хочет полюбоваться на красоту Овеза, [пусть идет], пока Овез не казнен, чтобы потом не жалеть“. Вот эти люди и едут посмотреть на красоту Овеза».

510. Все разузнал [Гёр-оглы] и, вернувшись к игидам, рассказал Косе — так, мол, и так.

— Вот теперь, Косе, мы войдем в крепость, дай совет.

Ну, подъехали они к крепости с сорока четырьмя воротами. Что можно ждать от Косе, какой он может дать совет!

— Гёр-оглы! Сдается мне, что ты рассудка лишился. Ну где ты просишь у меня совета?

— Здесь я прошу у тебя совета!

— Коли хочешь услышать мой совет, так надо спрашивать [не здесь, а] у сухих дров, за ароматным чаем, при каршинском табаке и господине «кабла»! А он хочет здесь получить совет, этот лишившийся ума зангар!

— Нет, Косе! Ты советы давал [еще] нашим отцам, дедам, предкам нашим. Ты ведь яшули. [Так] дай же совет.

— Хватит болтать, Гёр-оглы! Там, где трудно развернуться, где уместна быстрота, совета надо искать у храбрецов. Мало ли на свете таких, кто долго жил! Своим умом раскинь!

— Коли мне умом пораскинуть, Косе, [так вот]: вы по десять человек войдите в трое [разных] ворот. Я один войду в другие ворота и постараюсь раньше вас пробраться к виселице. Там я выберу удобный момент и затею такую игру-забаву, что пыль пойдет. Тогда и вы поспешайте. Будьте мужественны.

— Хорошо, добро! — ответил Косе, [а] про себя подумал: «Что я могу знать об этом, Гёр-оглы».

511. Отправив своих тридцать игидов по десять [человек] в трое ворот, сам он въехал в другие ворота и двинулся по улице. Едет он, едет, [да] никак не может доехать до трех виселиц, до Хункара. Это был город с сорока четырьмя воротами. Вот и солнце взопло. А [Гёр-оглы] все продолжал путь. Солнце поднялось уже высоко, когда он заметил шатер. Это был шатер самого Хункара. Напротив шатра увидел он три виселицы, под ними — Овез-джана. Руки у Овез-джана были связаны за спиной, на шею была накинута цепь, а концы цепи палачи, как обезьяны, держали в руках.

Увидев это, Гёр-оглы потерял самообладание. В сильном гневе, обезумев, огрел он Гыр-ата плетью.

512. О ком рассказ? — Чтобы увидеть красоту Овеза, люди хлынули в крепость. Улицы были забиты людьми. Гыр-ат не привык к плети, он давил, губил людей — одного бил копытом в живот, другого по затылку, одних кусал, других толкал. Так протискивался [Гёр-оглы] сквозь толпу, когда один из палачей Хункара приметил его.

— Эй, степняк, зангар! Уж больно смело ведешь ты коня по узкой улице, забитой людьми, — сказал он и ударил Гёр-оглы секирой по скуле. У Гёр-оглы пошло пламя из глаз.

— Эх, ты. . . палач! Да ты и бить-то секирой не умеешь. Так секирой не бьют, вот как бьют! — сказал он и выхватил у него из рук секиру, ударил по тому месту, откуда голова растет. Словно пустая тыква полетела [с плеч] голова.

513. Большая крепость, город с падишахом. [И вот Гёр-оглы] убил их человека. «Держи его, хватай, заходи спереди, останови!» — [закричали вокруг], быстро поймали [коня] за повод и подвели к Хункару.

— О тагсир, падишах наш! Этот недоумок, зангар, снял голову палачу. . .

— Ну, добрый молодец! Почему ты снял голову тому [человеку]? Рассказывай!

— Тагсир, а я как раз и направлялся сюда, чтобы [все] тебе рассказать. Родом я из Азербайджана. Был большим баем, торговцем. По торговым делам заезжал я и в крепость Гёр-оглы. Разные товары туда привозил: подседельник гранатового цвета, седло из золоченой кожи, чепрак с золотой бахромой, пуховую подушку, украшения с парой лун, торока, привязь [для коня], уздечку, плетъ — [все это] я доставлял [Гёр-оглы].

Однажды Гёр-оглы привез похищенного им в Веенгаме Овез-джана. Мы с ним поладили, и мало-помалу Овез-джан стал относиться ко мне лучше, чем к Гёр-оглы. И Гёр-оглы почувствовал это. «Эй ты, зангар из Азербайджана! Что-то уж слишком много болтаешь ты с Овезом. Рано или поздно сманишь ты его у меня!» — сказал он и выгнал меня из крепости. Тогда от огорчения оставил я торговлю. Добыл коня, оружие и доспехи и начал драться с Гёр-оглы. И поныне что ни день, то дважды схватимся с ним. А потом услышал я вчера, что ты послал Мустапу и получил Овеза. Давно уж не видел я красоты Овеза. Вот и решил заехать в твою крепость, на красоту Овеза посмотреть, да и тебя, тагсир падишах, приветствовать, пожелать тебе благоденствия, а тут какой-то твой палач бьет меня по скуле, тагсир! Не для того я приехал сюда, чтобы позволять бить себя, измываться над собой, тагсир! Я вас приветствовать приехал. [Готов] служить вам, тагсир!

514. Он нашел [столько красивых] слов, что простил [падишах] ему кровь человека.

Выходит, коли найдешь нужные слова, и от смерти [можно] спастись, как спасся [Гёр-оглы].

515. Послушайте о Хункаре.

— Ну, торговец из Азербайджана! Ты кстати приехал. Я повелел привести этого юношу и сказал ему: «Поддай мне чай, кальян, прислужи мне», а он мне в ответ: «Человек по имени Гёр-оглы и меня убьет, и тебя». Уж и бранил я его, и бил. [Но] не подчинился он. Тогда в сердцах я приказал привести его к виселице, чтобы казнить. Мои приближенные просят не убивать его, да ведь юноша прислуживать не желает. Посоветуй ты мне что-нибудь!

— О тагсир, у тебя ведь есть свои доверенные [люди], везиры, сокольниковичи, мехтеры *. До сих пор ты обходился без моих советов. Ты уж сам решай, что делать, тагсир!

— Нет! Мои сокольниковичи, мехтеры просят меня не убивать [его]. А юноша прислуживать не желает. Так присоветуй же что-нибудь!

— Тагсир! Ты спрашиваешь у меня совета всерьез или в шутку?

— Я спрашиваю всерьез.

— Коли спрашиваешь всерьез, то [вот мой совет]: говорят [ведь, что] «Нет верности у юноши». Ни на час не откладывай, тагсир! Немедля [его] убей.

— Слово друга я слышу от тебя, бек мой из Азербайджана!

516. Приказал Хункар за такие его слова одарить его: самого одеть и коня полностью снарядить. Принесли подарки-одежду. Гёр-оглы [почтительно] произнес «гуллу» и надел халаты.

— О тагсир, есть у меня к тебе одна просьба.

— Что за просьба у тебя, азербайджанец?

— Этот... юноша крепко мне насолил, коли дозволишь — пушу я на него коня, раздавлю, утолю свой гнев!

— Твое желание, азербайджанец, да будет исполнено. Дозволяю тебе.

Гёр-оглы натянул поводья Гыр-ата и ударил его плетью, направляя в сторону Овеза.

Возбужден был Гыр-ат в сорок раз сильнее, чем Гёр-оглы. Да разве он причинит вред Овезу? Мимо проскакал он, лишь краем копыта чуть коснулся его спины. Овез-джан испугался, открыл глаза.

517. Подковы у Гыр-ата были из золота. Золотые подковы ярко сверкнули, и Овез подумал: «Уж не мой ли господин Гёр-оглы явился сюда, изменив с помощью заклинаний свое обличье?»

Стоя под виселицей, вспомнил Овез своего господина Гёр-оглы и со слезами зашел:

518. Связаны руки у меня, попал я в руки к врагу.

Не нашлось заступников у меня, о Аллах,
Распорядился шах — казнить меня приказал.
Ни братьев, ни друзей у меня не нашлось.

[Давно уж] не видел он меня, потерял меня,
[Но] ради меня не стал жертвовать своей душой.
Сорок игидов своих не собрал, не ринулся на бунчук.
Самый буйный [из неров] мой нер⁸ ко мне не пришел.

Конец веревки в руках палачей.
Убить готов неверный меня.
Несчастный, под виселицей я стою,
Мой тигр, мой леопард, мой лев не пришел.

Нет беков моих — Хемдема, Таймаза.
Хаджи-Сумсар, Дяли-Мятел не пришли.
Сапар-Косе не разузнал обо мне.
Сорок храбрых моих друзей не пришли.

Соберутся враги, вздернут на виселицу [меня],
Несчастный, под этой виселицей я [стою].
О единосущный! Юноша Овез молит тебя!
Шахимердан, великий покровитель мой, не пришел.

519. Когда [Овез] кончил петь, Гёр-оглы подошел к падишаху и встал «готовый к услугам».

— Ну, торговец из Азербайджана! Что говорит юноша? Понимаешь ли ты его речь?

— Да, конечно, я понимаю его речь.

— Что он говорит?

— Он, поминая своего господина Гёр-оглы, сложил песню-плач.

— Эй, торговец из Азербайджана! Не знаешь ли ты одну-две из песен его господина?

— О тагсир, тагсир! Говорят ведь: «Болезнь вот-вот отойдет, и лекарь тут как тут». Ты просишь у меня песню Гёр-оглы. [А] я, когда бывал в крепости Гёр-оглы, на всякий случай — вдруг, мол, пригодится — заставлял [своих людей] песни Гёр-оглы записывать, [теперь] у меня целая охапка тетрадей [с записями], тагсир!

520. — Тогда спой, азербайджанец, одну из песен его господина. Может быть, как услышит он песню своего господина, проявится у него дух и он согласится прислуживать мне.

— Хорошо, добро, тагсир! — ответил он и рассказал свою выдумку.

— Тагсир! Суннит Гёр-оглы похитил Овеза из страны Веенгам, отбив его у войска шаха Юсупа. А у шаха Юсупа был военачальник по имени Ленг-везир. Послал его шах во главе тысячи всадников, и тот вернул Овез-джана. Тогда Гёр-оглы, разлученный с Овезом, ушел за гору и заплакал. [Там-то] и сложил он песню: «Я плачу тут. Плачет ли Овез, расставшись со мной? Ты там плачь, [а] я здесь. . .» Делая вид, что поет для шаха, обратился Гёр-оглы с песней к Овезу:

521. Бедный соловей, одинокий соловей.

Ты там плачь, [а] я здесь. . .

Сгоревший [от тоски] на чужбине соловей,

Ты там плачь, [а] я здесь.

Не будь несведущим, бедняга соловей,

Не проливай же слез из глаз своих,

Доверенный [друг] бедного сердца моего,

Ты там плачь, [а] я здесь.

Горькое счастье твое, бедняга соловей.

Что вздыхаешь, что плачешь ты?

Не дам я повесить на виселице тебя.

Ты там плачь, [а] я здесь.

Я вышел на поле [битвы] — будет веселье,

Сабля-истребительница в моих руках.

[Ну и] будет же потеха под виселицей!

Ты там плачь, [а] я здесь.

Гёр-оглы говорит: молодой месяц,

Пришла пора роз, так будем же их ценить.

Будем же друзьями, дорогой Овез.

Ты там плачь, [а] я здесь.

522. Спел [Гёр-оглы] эту песню, и узнал Овез голос своего господина, встал с места и произнес «гулдук». Услышал [шах], что Овез говорит «гулдук», и подумал, что тот готов служить ему.

— Эх, торговец из Азербайджана! Приехал бы ты пораньше, юноша давно бы прислуживал мне. Не послать ли спросить у него, будет ли он мне прислуживать? [А там, глядишь], и во дворец его отведем.

— Спрашивай, падишах мой, спрашивай!

Тот послал человека спросить Овеза — [во дворец,] мол, возьмут [тебя].

— Эх, потерявший разум, бесноватый зангар! Хоть убей и его и меня — ничем не стану прислуживать [ему]!

523. Передали это Хункару. Не знал Хункар, как ему поступить.

— Эй, тагсир! Коли спрашиваешь у меня совета всерьез, то не трать время на спрос-допрос, казни его немедленно! Убьешь его, для тебя две выгоды будут, — сказал Гёр-оглы.

— Что это за выгоды?

— А выгоды такие, тагсир: прознает Гёр-оглы, что Овез в этой крепости, что жив он, покоя тебе не даст. Нагрянет сегодня — нападет, придет завтра — разгромит; скот [твоим людям] не даст пасти, не выпустит [из крепости] торговцев твоих. Окружит тебя и сокрушит, тагсир! А казнишь ты его здесь — услышит Гёр-оглы о гибели Овеза, свалится он в своей мейхане грудью на холодную землю и завопит: «Ах, союз! Вах, союз!» — и содохнет, как черепаха. Там ты от того избавишься, а здесь — от этого. Так казни же, тагсир!

— Слово друга я слышу от тебя, бек из Азербайджана, — [сказал шах и обратился к своим слугам]: — Ступайте принесите из казны золота на сорока щитах и дайте ему за эти его слова!

524. [Слуги] принесли золота на сорока щитах, уложили [золото] в хорджуны и встали, сказав «гуллук».

— Азербайджанец, спой еще одну из песен его господина. Если и тогда юноша откажется прислуживать, можно будет его казнить.

Гёр-оглы сказал: «Хорошо, тагсир» — и осмотрелся вокруг. Осмотрелся и увидел: подъехали игиды близко. [Подъехать — подъехали], да выглядели неважно — [растерялись] в [большом] городе, городе с сорока четырьмя воротами. Косе съежился, словно мокрая курица. [Игиды] нахлобучили папахи, глаза [словно] натерли песком⁹, взгляда от копыт своих коней не отрывают. «Эй, игиды, будьте же мужественными, храбрыми!» — промолвил [Гёр-оглы] и пропел:

525. Пришел Хункар! Идите, беки!
Риньтесь [на помощь] Овез-джану!
Из рук езида вырвите [его].
Риньтесь [на помощь] Овез-джану!

Тысяча углов у этой крепости,
В каждом углу по псу сидит.
[Ну] что за сила у шнита!
Риньтесь [на помощь] Овез-джану!

[Вот] зазвучали зурна, литавры,
Виден стал Овез-джан.
Что делаете вы? Скачите теперь!
Риньтесь [на помощь] Овез-джану!

[Эй вы], праздно лежащие у крепостной [стены],
[Чьи ноги] увязли в пыли-песке.
Посмотрите: Овеза они схватили.
Риньтесь [на помощь] Овез-джану!

Руки связав, привезли его,
Истерзали сердце мне.
Сидит и плачет мой хан Овез,
Слезы льются по его лицу.

Плачет, стенает Гёр-оглы,
Помянем же единосущного.
Вы все виселицу рубите,
А я — на [самого] Хункара!

526. Услышал эти слова Овез-джан и понял, что сорок игидов [рядом], вокруг него. «Коли Лев божий, покровитель, поможет, мой господин освободит меня. Попытаюсь-ка я освободить свои руки, ноги», — подумал Овез-джан и закричал:

— Эй, не развяжет ли кто-нибудь мне руки?

— Азербайджанец, что говорит юноша, понимаешь ли ты его речь?

— Юноша просит развязать ему руки.

— О, эта песня ему понравилась. Развяжите ему руки, видно, он согласен прислуживать мне. Ступайте освободите ему руки!

Пять-десять человек подбежали [к нему] и стали развязывать руки и ноги Овез-джану — каждый старался коснуться при этом устами его халата, тела. Кинулись [к Овезу] гурьбой, толпой, [в толчее] давя и губя друг друга. Развязали Овез-джану руки и ноги.

— Дайте мне пиалу чаю! — попросил Овез. [Сразу] сорок слуг, подносящих чай, побежали к нему с пиалами, приговаривая: «У меня чай с сахаром», «У меня чай с набатом!»

— Кальян мне! — сказал [Овез]. И сорок слуг, подносящих кальян, побежали, [приговаривая]: «Овез-джан! В моем кальяне табак каршинский!», «В моем кальяне вода холодная!»

Освободив себе руки, ноги, Овез-джан попил чай, покурил кальян и опустил под виселицей на колени.

527. О ком рассказ? — О Косе.

Косе тоже услышал, как [Гёр-оглы] сказал: «Вы все виселицу рубите, а я — на [самого] Хункара!» Подумал Косе: «Ну, послушайте, что говорит этот зангар! Сам стоит перед Хункаром и говорит: я — на Хункара!»

Погибель на тебя, зангар! Ворота-то где остались?» И Косе стал выглядеть путь назад.

— Азербайджанец, коли юноша попил-покурил, отведем его во дворец, пусть он будет прислуживать нам!

Пришли и спросили у Овез-джана.

— Да этот зангар совсем разум потерял. Ни за что не буду прислуживать ему! — [ответил Овез].

528. Те вернулись и передали [слова Овеза] Хункару. Не знает Хункар, как ему поступить. Казнил бы его, да жалко [юношу]. Казнил бы, да те придворные его ревмя ревут, умоляя не убивать.

Как приехал Гёр-оглы, стал он для придворных «одним из семи джишнов»¹⁰.

— Откуда он взялся, этот зангар из Азербайджана? Это все он настаивает на казни!.. — сказал один.

— Жалости нет у этого падишаха. Юноша ведь как: пройдет пять дней, десять дней пройдет, месяц — сорок дней пройдет, он и привыкнет и станет прислуживать, [а] падишах торопит его! — заметил другой.

А Гёр-оглы, со своей стороны, [настаивает]:

— Послушайся меня, тагсир! Казни его! Не прекратится же род человеческий из-за того, что ты его убьешь. Говорю — убей его. И еще что-то хочу сказать тебе.

— Что еще ты мне хочешь сказать?

— Ты ведь Хункар, [повелитель] города с сорока четырьмя воротами?

— Да, я — Хункар.

529. — Нет счета твоим сокровищам, нет числа твоим пукерам. Вот какой большой ты падишах; мы-то знаем тебе цену. А этот не знает. Гёр-оглы ведь расточитель, зангар! Сегодня прожил — и ладно, завтрашний день его не тревожит. Мы-то видели, как [Овез] покорно прислуживал этому кутиле, исполняя, и с большим искусством, все его повеления. Скажет «ложись!» — ложится, скажет «встань!» — встает. Ты ведь такой большой падишах, а он считает тебя хуже того проходимца. Казни же его, тагсир!

— Слово друга слышу я от тебя, азербайджанец. Оказывается, [кроме тебя], нет других у меня друзей. Будь ты мне мехтером! — велел шах. Прогнал он прежнего мехтера и посадил этого, как мехтера, рядом с собой.

— Азербайджанец, спой еще одну из песен его господина. Коли и тогда не станет прислуживать [мне] — казню! — сказал Хункар.

Оказывается, и у Хункара отнял волю Овез-джан.

— Хорошо, добро! — ответил Гёр-оглы и, помешкав, краем глаза оглядел своих игидов. Видит: хуже прежнего [игиды его], больше, чем просто хуже, — никто и не шевелится.

— Эх, игиды мои! Будьте же смелыми, будьте мужественными! — сказал он и, упрекая игидов, пропел песню:

530. Кто лихо повесил свой колчан,

В день битвы ловок, проворец бывает.

Когда поражает голову недуг,
Гора провалится — врасплох застигнет.

Рок во вред своим огнивом бьет.
Пуля заденет — тело обожжет.
Из глаз потоком кровь течет.
Немощным тело остается.

Поскачем же с гиканьем на врага,
За шиворот его крепко схватим.
Если же уедем, Овеза не отобьем,
Женщины стапуг нам мужьями!

Гёр-оглы, неведомо, что будет,
[Позор] тем, кто гибель судьбой своей не считает,
[Позор] тем, кто жизнь свою здесь не отдаст,
Позор тем, кто без раны отсюда вернется.

531. Пропел [Гёр-оглы] свою песню. Улыбался ее Косе. Одно место особенно задело его: «Когда поражает голову недуг, гора провалится — врасплох застигнет». Косе подал знак игидам, что стояли несколько в отдалении, подозвал их к себе.

— Эй, игиды! Вы слышите слова Гёр-оглы? Он говорит: «Гора провалится — врасплох застигнет...» Оставим другие его слова. Но, разве же, игиды, оттого человек гибнет, что гора проваливается? Да пусть хоть сорок лет свирепствует мор, а умирает лишь тот, чей смертный час настал. Будьте мужественными, игиды, будьте храбрыми. Игиды, бог [человека] наделил душой, бог ее и возьмет!

Развязал Косе ножны сабли, заломил шапку и стоял, предвкушая радость [битвы].

Снова послал Хункар своих людей к Овез-джану. Один из них передал [слова ладишаха]: «Коли будет мне прислуживать, отвезу его во дворец».

— Эх, «дворец», «дворец», «во дворец». . . И его убей, и меня!

Те вернулись и передали о том Хункару. В общем, нашла коса на камень. Совсем свел Хункара с ума Овез.

532. — Азербайджанец! Спой же еще одну песню из песен его господина.

— Хорошо, добро! — ответил Гёр-оглы и снова оглядел своих игидов. Увидел он, что игиды вплотную подошли к виселице [и стоят] решительные, готовые к бою, сплоченные, как один; Косе стоит, насупив брови, суров. Убедился Гёр-оглы в решимости игидов, привстал в стремени, схватился за рукоять сабли; лицо его преобразилось.

— Эй, падишах! Твою. . . «Спой песню, спой песню. . .» Что я тебе — наемный бахши?

Схватился он за рукоять сабли и со словами «Вот тебе песня!» наотмашь ударил ею¹¹. Но Хункар предчувствовал это: как только [Гёр-

оглы] взмахнул саблей, он скатился с коня вниз головой с другой стороны. Саблей снесло [лишь] луку седла на его коне. Когда Хункар свалился с коня, [Гёр-оглы] схватил коня за повод и поскакал к Овезу.

— Эй, Овез! Вот я привел тебе коня. Садись скорее!

533. А тот — словно обезьяна, шустрый, зангар, побежал и вскочил на коня Хункара. А с другой стороны с кличем «алла!» ринулся Косе во главе тридцати игидов. Косе устроил под виселицей такую битву, такой бой, что все вокруг было красным от крови. Груда тел лежала под виселицей. [Гёр-оглы] отправил Овеза. Вместе с Косе поскакали они к воротам. Перед Овезом скакало пятнадцать игидов, и позади — пятнадцать. Сабли они держали наголо. Спасся тот, кто в степь ушел или в сторону подался. У тех, кто попадался им на пути, с плеч летели головы, словно пустые тыквы, по улице [потоками] кровь текла. Слово лучше краткое: так пробились они и к вечеру увели Овеза через ворота.

— Косе! Шииты, видно, и за неделю не опомнятся. Так обнимем Овезджана, поздороваемся с ним!

Спешились [игиды], честь-честью поздоровались с Овезом и [снова] сели на коней и двинулись дальше.

534. О ком рассказ? — О крепости. Люди, собравшиеся, чтобы посмотреть на красоту Овеза, галдели: «Ты нашел своего младшего брата?», «Ты разыскал своего старшего брата?», «Ты нашел отца?», «Ты отыскал тело?», «Погибель на голову и Хункара и Овеза!», «Когда падишах сбивается с пути истинного, рано или поздно приходит беда. . .»

Бедняки погибли, были истреблены — это еще что? Сам шиит Хункар-падишах пропал. Испугавшись сабли, свалился он вниз головой. Так и угодил в какую-то могилу зангар — только пара ног наружу торчит. Кто бы это мог быть? Вытащили — а это падишах Хункар. Лежит без чувств. Перенесли его на носилках во дворец, поднесли к носу целебное зелье. Через три часа очнулся он.

— Ступайте позовите Мустапу!

Мустапа не знал о случившемся переполохе, нежился он в объятиях шахской дочери.

Пришел [к нему] посыльный [и передал]:

— Эй, Мустапа, поднимайся, тебя зовет Хункар!

Тот встал, сел на коня, оружие нацепил и явился к Хункару.

— О тагсир, какое будет поручение?

535. — Поручение таково: ты увез у Гёр-оглы Овеза. [А] он увез его [обратно]. Дай совет, что делать.

Весел, возбужден был [Мустапа], только что покинувший горячие объятия двадцатипятилетней девушки.

— О тагсир! О чем тут говорить, что советовать? Гёр-оглы [теперь] для меня враг известный. Нынче мне ни войск, ни пушек не пужно. Я один пойду с ним сражаться!

Один-одинешенек сел он на коня и умчался. Как он отъехал, падишах [забеспокоился]: «Он ускакал, распаряясь, разгоряченный. Полагаться на него нельзя!»

Был у него военачальник по имени Шахсепид. Отправил его шах во главе пятисот всадников вдогонку. Так пусть они скачут друг за другом и друг друга догоняют.

536. О ком рассказ? — Послушай о тех десяти игидах, которых Гёр-оглы оставил в крепости Булдур. Трусливые люди тебе самому известны. Накануне того дня, когда Гёр-оглы обещал вернуться, Сейтек-Гырма вскочил в полночь и криком разбудил всех остальных.

— Эй вы, дохлые зангары! Не можете, что ли, встать? Что вы спите? Видно, перебил падишах Гёр-оглы с игидами, как бы он не снарядил [теперь] своих всадников [в поход] против нас. Садитесь на коней, пообедем крепость!

Медленно ехали они, готовые удрать при появлении всадников.

Один из них, стараясь казаться умным, предложил:

— Как знать, может, приедет сам Гёр-оглы с игидами. Надо бы позаботиться, приготовить чай, кальян, еду.

537. Вернулись они в крепость, спешили, но поводья коней никто из них другому не доверял; поставили котел на огонь, положили туда масло, морковь, лук, рис — все вместе. И снова сели на коней и отправились на выезд крепости.

Вот в стороне кыблы показалось [облако] пыли. Уставились туда. Кто-то заметил:

— Среди них Гыр-ат. Никак, это Гёр-оглы едет с игидами!

Ринулись они в крепость, чтобы поспеть туда раньше тех. Подъехали и вошли в крепость через задние ворота. Не успели еще их кони перевести дух, как в ворота, обращенные к кыбле, въехал Гёр-оглы.

— Гей, Сейтек-Гырма! Коня у вас [возбуждены], дерутся. Откуда это вы приехали?

— Да нет, Гёр-оглы, ниоткуда мы не приехали. Мы думали: [ведь] сегодня должен был бы вернуться Гёр-оглы. Срок его возвращения истекает. А что, если Гёр-оглы и игидов его [враги] перебили? Ну а если они погибли, к чему нам, десятерым, оставаться? [Вот] мы и решили ехать туда, за тобой — или победить, или умереть! Только что водили коней на водопой.

— Хорошо, добро! Это [нам] на пользу, коль стали вы храбрыми.

538. [Гёр-оглы с игидами] сошли с коней и попросили принести кальян. [Те принесли], да в одних кальянах воды не было, другие оказались дырявыми. Попросили чаю принести — в одном чайнике чай горький, пить нельзя, а в другом — одна водичка. Попросили принести обед, да кушанья девяти видов в одном котле приготовлены [разом]. . .

— Ну, игиды, мы поняли вас! Задержись мы на час, вы бы убежали. Игиды! Вот [вам] рис, масло, вот [вам] полная лавка [всяких припасов]. Непременно надо здесь остаться на месяц — сорок дней — поесть, попить.

Услыхал Косе об отдыхе здесь и [в беспокоестве] стал ходить взад-вперед. Отозвал он в сторонку Овез-джана.

— Овез-джан, уведи ты отсюда своего вздорного господина. Разве мы у себя в крепости не найдем чего поесть-попить?

Подошел Овез-джан [к Гёр-оглы и сказал]:

— О ага! Давай заберем из этой крепости все, что нам надо, и уедем отсюда!

— Хорошо, добро, Овез-джан!

539. Взяли они с собой все необходимое и поскакали. Ехали они по широкому полю, [и вот] позади Гёр-оглы показался всадник. Это Мустапа догнал его.

— Эй, Косе, видишь ты этого всадника?

— Вижу, Гёр-оглы.

— Ну, коли видишь, так это Мустапа. Он жаждет единоборства. Вы встаньте в стороне, а я встречу его один на один. Пусть будет ему потом о чем пожалеть.

540. Гёр-оглы выехал ему навстречу. Мустапа ударил Гёр-оглы копьём, тот подставил щит. [Потом] Гёр-оглы ударил того копьём — Мустапа подставил щит. Так копьями и щитами бились какое-то время. Силы у Мустапы оказалось больше в сто тысяч раз — он опрокинул Гёр-оглы вместе со щитом и прочим и бросился с коня прямо на Гёр-оглы. Стремительно подмял его под себя, сел ему на брюхо, выхватил из-за пояса кинжал и приставил к его горлу.

541. Увидал Гёр-оглы, что у его горла кинжал, застонал и крикнул: «О мой покровитель Лев божий, где бы ты ни был, [на помощь] поспеши!»

Явился тут его покровитель, Лев божий, и дал оплеуху Мустапе — лишился сил Мустапа, кинжал выпал из его рук. Увидал Мустапа это чудо, поднялся с места, нашарил кинжал, ухватился за пояс. Кинжал был в руках у него — вот он и разрезал свой пояс спереди, бросил его и ушел.

Гёр-оглы решил не биться с ним в пешем бою. Побежал он к Гыр-ату, вскочил на коня, прищипорил его и направил [к Мустапе]. «О, это сильный курд. Коли он мусульманин, лучше пощажу, не убью его», — решил [Гёр-оглы]. Здесь он бросил поводья на луку седла, взял из-за спины саз и, [обращаясь к Мустапе] — стань, мол, мусульманином, — запел. А тот стал ему отвечать.

542. Г ё р - о г л ы. На этом поле ты [меня] догнал,
Вернись, сразимся, Мустапа-бек!
Ты первым ударил меня копьём.
Вернись, сразимся, Мустапа-бек!

М у с т а п а. Отпусти, поеду я своей дорогой,
«Нет бога, кроме Аллаха!» [— я твержу].
Не считаешься ты ни с чем.
«Нет бога, кроме Аллаха!» [— я твержу].

Г ё р - о г л ы. Ты догнал [меня] на храпящем коне,
Ты гнался [за мной] на взмокшем коне.
Я стоял, сверкая копьём.
Вернись, сразимся, Мустапа-бек!

Мустапа. Не вызывай ветра хазан.
Сегодня не стой на моем пути!
Полегче! Пятки мне не отдави!
«Нет бога, кроме Аллаха!» [— я твержу].

Гёр-оглы. На этом поле один ты бродил.
В одиночестве своем заметия ты нас.
Ты испугался, подался назад.
Ушел ты, Мустапа-бек.

Мустапа. В моей голове из-за тебя туман ¹².
Молю о пощаде сегодня!
Твой конь хуже тебя самого. . .
«Нет бога, кроме Аллаха!» [— я твержу].

Гёр-оглы. В уединенном месте повстречался [мне] ты,
Схватились мы, и в руки [мне] попался ты,
Гёр-оглы-бек у тебя на пути.
Стань мусульманином, Мустапа-бек!

Мустапа. Твой Гыр-ат преграждает мне путь.
Не посчитаешься ты ни с чем.
Мустапа — твой раб, узник твой.
«Нет бога, кроме Аллаха!» [— я твержу].

543. После этих слов сошел с коня и Гёр-оглы. Они обнялись, приветствуя друг друга, и побратались на вечные времена.

Отправился Мустапа в обратный путь, а Гёр-оглы вернулся к своим игидам и поехал дальше.

544. О ком рассказ? — О Шахсепиде.

В гневе скакал он, преследуя их. Навстречу ему выехал Мустапа. Натянул поводья Шахсепид и спросил:

— Ну, Мустапа! Рассказывай!

— О Шахсепид! Догнал я в [чистом] поле Гёр-оглы, и стали биться мы верхом на конях. Я оказался сильнее — свалил его с коня и сел ему на брюхо. [Но], оказалось, [за него] сражается хазрет Али. . . И ты не утруждай себя. Лучше сразу же возвращайся!

— Ну и рассказал, зангар! «Догнал в [чистом] поле, стали биться верхом на конях, я оказался сильнее, хазрет Али сражался за него. . .» Эх, Мустапа! Всем известны твои увертки, твоя хитрость, твои плутни. Ты ведь тогда слова сказать никому не дал: «Я сам приведу Овеза!» — явился к падишаху, получил пятьсот туманов золотых наличными, взял с собой целый лек войска, [потом] стал распорядителем воды одного канала [да еще] получил в жены двадцатипятилетнюю дочь шаха. А теперь не взял с собой и нукеров — отправился один-одинешенек. Вот ты каков:

догнал Гёр-оглы, взял у него деньги, да и набил карманы тенгой. А ну, шагай впереди!

545. — Эх, Шахсепид! Послушай меня, вернись! [А] не хочешь — вот [перед тобой] дорога, [по которой ушел] Гёр-оглы. Бог с тобой! Ты говоришь «Шагай впереди!» Кому это ты говоришь? Другой кто-нибудь будет шагать перед тобой, [но не я]! — [сказал] Мустапа, грозно посмотрел [на него] и отъехал в сторону.

Шахсепид шепнул на ухо пяти-шести всадникам: «Постарайтесь обмануть его, незаметно [подкрадитесь] и свалите его! А догадается — он вас всех перебьет».

Пять-шесть мало-мальски знакомых Мустапе [игидов] подошли и сказали:

— Эй, Мустапа! Погоди, постой! Да не отказывайся ты [от нас]! Не хочешь сражаться, так хоть покажи дорогу, по которой [Гёр-оглы] уехал!

Они обступили его, уговаривая: «Не делай так, не делай этак. . .», а затем неожиданно навалились на него и быстро связали его, [обругав]: «Зангар, мздоимец! . .»

546. — Эх, жаль, Шахсепид, не угадал я твоих замыслов. А угадал бы — и без Гёр-оглы прикончил бы [тебя]! Вот ты, значит, как со мной поступил. Посади меня на коня, накинь на меня халат, опоясай меня кушаком. Даже в таком виде я буду страшен для Гёр-оглы, тебя-то он не побоятся.

Он говорил: «Посади меня на коня, накинь халат. . .», а сам думал: «Гёр-оглы поймет, [как все произошло], да его игиды не поймут. „Мы думали, что он сильный курд, военачальник, потому и не убили его. А он, оказывается, растяпа, любой курд связать его может!“ — так скажут они. Пусть умру, но умру с честью».

Накинули на него халат, опоясали кушаком, и Шахсепид погнал его впереди себя. О ком рассказ? — О Гёр-оглы.

547. Перешли они реку Араз. Пустили коней на траву, на водопой, [а сами] развязали кушаки, и каждый свободно ходил, кто чай пил, кто кальян курил, кто дремал. Прошло какое-то время, и со стороны кыблы показалось [облако] пыли. Гёр-оглы заметил его.

— Эй, Косе, видишь ты [облако] пыли?

— Вижу, Гёр-оглы.

— А коли видишь — то их не меньше пятисот или [пятьсот] без пяти. За главного у них Шахсепид. Да поможет [нам] Лев божий! Косе, давай-ка сразим их всех на этом поле, не дадим никому спастись из них!

Возбужден был Косе: ведь это он увез Овез-джана из-под виселицы, [да] еще из [большого] города с сорока четырьмя воротами. Сейчас хоть [сам] див подходи [биться] к Косе!

— Ай, Гёр-оглы, Гёр-оглы! Коли поможет твой покровитель, Лев божий, ты можешь так и стоять [в стороне]. Чтоб справиться с этим войском, да будет на то воля Аллаха, и в «бисмилла» нет нужды¹³. Здесь [им] не город с сорока четырьмя воротами. Тут берега реки Араз, истоки

вкусной воды! Сам бог дарит нам на этом поле коней, оружие, всю эту добычу, Гёр-оглы!

548. Гёр-оглы бросает, подкидывает свою папаху и хлопает ею о землю ¹⁴.

— Ну, Косе! Если собрался броситься в сражение, то погоди пока. Возьми сорок игидов и перейди с ними гору, спрячьтесь там. Овез-джан пусть поднимется на гору. А я до вас перемолвлюсь с ним пятью-шестью словами.

— [Так вот] что говоришь ты, Гёр-оглы! Ты один хочешь насладиться зрелищем-игрой, отпавив нас за гору! А что же мы?

— Ты [тоже] насладишься зрелищем-игрой, Косе! Я подъеду к тебе и спою песню. Вот тогда скажи!

— Ай, Гёр-оглы, ты ведь любитель языком молоть, к каким словам-то нам прислушиваться!

— Хотя сто тысяч песен-спою, Косе, не слушай. [Но] когда я подъеду к тебе, спою песню и выкликну «гыча-гыч», тогда ты выступай.

549. Взял Косе сорок игидов, зашел с ними за гору и спрятался там. А Овез-джан поднялся на гору. Гёр-оглы стоял на берегу Араза и смотрел в сторону кыблы. Между тем со стороны кыблы появился Шахсепид и открыл огонь из больших и малых пушек, из фитильных ружей и мортир.

Пули щелкали по воде, словно ковурга *. Вот Гёр-оглы заметил Мустапу — дрожь пробежала у него по телу. Испугался он, громко приветствовал Мустапу. [Но], остерегаясь Шахсепида, тот не ответил на приветствие.

«[Так] он притворно мусульманином стал! Выходит, нужно было прикончить его! . . . Все же напомним ему, что он принял [тогда] мусульманство», — подумал Гёр-оглы и обратился к Мустапе с песней:

550. На охоте выделяешься ты (?),
Подъехал и остановился Мустапа-бек!
Насупротив, лицом к лицу,
[Подъехал] и остановился Мустапа-бек!

Сразиться с храбрецом он не выходит,
Достоинств удалого игида он не понимает,
Приветствую его — он не отвечает,
Не [слишком ли] ты горд, Мустапа-бек?

Говоришь «салам», [так в ответ тебе] «алейкум-салам».
Нам от Истины идут священные слова.
А нет, так «гайри-вассалам»
Говори и стой, Мустапа-бек!

Взывает Гёр-оглы: «О пир мой Али!»
Содрогаются горы от стенаний моих.
Вот саблю свою в руки возьму,
И погибнешь ты, Мустапа-бек!

551. Кончил Гёр-оглы петь и крикнул:

— Эй, Шахсепид!

— Чего тебе нужно, суннит?

— Прекрати стрельбу из больших и малых пушек на один час, тагсир! Я хочу сказать [тебе] пять-шесть слов.

— Прекратите! — [крикнул тот, и] все перестали стрелять.

— Говори, коли есть что сказать!

— Ну так скажу, тагсир: мои игиды, завидев твоих нукеров, твоих всадников, уже удрали. Разве видишь ты хоть кого-нибудь из них? [А] вон там на горе сидит Овез-джан. Он без меня никуда не уйдет. Захватишь меня — возмешь и его. А мне некуда податься. Но я ведь знал несколько ремесел.

— Какие же ремесла ты знал?

— Был я певцом-бахши, был музыкантом-сазандаром. Знал я игры «драка собак», «веллем-шаха»¹⁵. Хотелось бы пройти к тебе, поиграть тебе на сазе, песню спеть да показать мои игры «драка собак» и «веллем-шаха» — не пропадать же им даром. Ну а потом — «помилуешь — весна, проклянешь — зима», тагсир!

— Проходи-ка сюда, суннит! Поиграй на сазе, спой свою песню, а коли есть у тебя игры-зрелища — покажи. И сбежал бы ты, да ведь некуда, кажись, тебе бежать!

552. Гёр-оглы въехал на Гыр-ате в реку, вода поднялась до стремян, [потом] до брюха коня.

— Стойте все вместе, тагсир! Сначала я научу тебя игре «веллем-шаха».

Поставил он их группой, лицом к кыбле, и огрел коня кнутом — [пронесся на Гыр-ате и] разделил [группу] на две половины. Половина осталась тут, половина там. Как раз и получилось «веллем-шаха».

— Вот это и есть «веллем-шаха», тагсир! Игру «драка собак» оставим на конец. [А пока] я спою тебе песню.

Он проехал [вдоль войск Шахсепида] в сторону кыблы; все следили за ним, [не отрывая взгляда], не ведая, что происходит у них за спиной, а Гёр-оглы пел. [Теперь] его сорок игидов проскочат!

553. Когда два хана стоят лицом к лицу,

Меж ними стрелы летят, гыча-гыч.

Когда верх реки затягивает перламутр,

Если поверну, дождь пойдет, гыча-гыч.

Догонял хан Шахсепид, неся свой стяг.

Трусы дрогнут, не устоят.

Отважные игиды пустят коня с кличем «Али!».

С их сабель кровь потечет, гыча-гыч.

Напротив нас обитель друга красуется.

Не нужно дыхание без друга.

Когда наступает весна, ячмень, пшеница колосятся.
Челом друг друга касаются, гыча-гыч.

Слутница Юсупа — Зулейха.
Как раба братья продали его ¹⁶.
У Якуба, разлученного с Юсупом, слезы
Из глаз потекли, оросили лицо, гыча-гыч.

Гёр-оглы [как] отец, [как] брат для удальцов.
Отважному игиду нет цены.
На голове у Овеза — золотой венец.
[Но] подует ветерок, и он касается земли, гыча-гыч.

554. После этих слов [Гёр-оглы сказал]:

— То была моя игра «веллем-шаха», а это — моя песня. Хочешь научиться «драке собак», тагсир — следуй за мной!

Он прищипорил коня и поскакал в сторону кыблы. Все поехали вслед за ним, полагая, что неспроста все это делает он. Гёр-оглы скакал впереди, увлекая всех за собой — так, чтобы его игидам было удобнее [напасть]. [Так] он и скакал спиной [к врагу].

555. Косе с игидами [выскочили] сбоку и принялись истреблять [врага]. Били, опрокидывали, кололи, давили, убивали, крушили, мяли.

Оглянулся Гёр-оглы назад и видит: грудой навалил Косе [своих врагов].

Сбоку от Гёр-оглы проезжал Шахсепид. Гёр-оглы настиг его, стремительно ухватился за повод его коня, повернул его в сторону и [сказал], глядя ему в лицо:

— [Вот и] научился ты «драке собак». [Вот] такой и бывает «драка собак»!

Посмотрел тот — никто из его войска не уцелел.

— Научился я, Гёр-оглы!..

— В совершенстве ли, тагсир? Не осталось ли изъяна?

— В совершенстве. Ни одного не осталось...

Чуть не умер курд, увидев кровь. Он дрожал, как ртуть, трепетал, словно камыш.

— Станешь мусульманином или нет? Не станешь — полетит голова [с плеч], — сказал ему Гёр-оглы.

556. Настоящим гяуром * был [Шахсепид]: из страха он лицемерно принял мусульманство. [Отпустил его Гёр-оглы], и он воротился назад.

— Эх, Косе! А Мустапа-то, оказывается, притворно принял мусульманство — его видели в войсках [Шахсепида], — заметил Гёр-оглы.

— Да, мы его вон там сбили [с коня] и бросили [его труп], Гёр-оглы!

— Нужно сжечь труп этого зангара, отвести душу!

Подъехали они к месту, где лежало [тело] Мустапы. Сошли с коней, развязали кушак, распахнули халат — а руки-то у Мустапы связаны за спиной...

— Эх, Косе! Оказывается, Шахсепид связанным его привез. Остался верен он нам, насильно привезли его. Вот и погиб он. . . — так сказал он и, с чтением молитвы предав [тело] Мустапы земле, спел песню, восхваляя Мустапу:

557. Кто время боя упустил —
Мой Мустапа-бек, не ты ли это?
Кто веление Истины исполнил —
Мой Мустапа-бек, не ты ли это?

Кто на коне, в доспехах, при оружии,
У кого меткие стрелы и тугой лук,
Кто равен в бою ста тысячам [воинов] —
Мой Мустапа-бек, не ты ли это?

Из ханов Исфахана он,
Из-за него не успокоится сердце мое,
В день битвы он лев.
Мой Мустапа-бек, не ты ли это?

Богатства его не занимают,
С гяурами не знается он,
Первый товарищ он Гёр-оглы —
Мой Мустапа-бек, не ты ли это?

558. Кончил эту песню [Гёр-оглы]. Уничтожил он и это войско, очистил от врага землю. Захватил добычу и повернул назад, в свою крепость. Приехали в крепость.

— О Косе! Прежде мы не могли устроить той из-за болезни Оведжана. Пусть это будет той в его честь. Попал он к шиитам и снова вернулся в свою страну — и это отметим мы тоем. Косе, задай-ка в крепости той-веселье!

Устроили в крепости пир и развлечения на десять дней и десять ночей. [Всем давали что кто хотел]: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давали. Устроили скачки, стрельбу в «золотую тыкву», позвали петь бахши. Вернули себе дорогого Овеза, достигли цели-желания и предались отдохновению.

Пусть каждый совершит такое дело, добьется счастья и отпразднует его тоем; да будет изобилие, как море, да будет согласие в стране, да будут пиры и веселье!

Добрые пусть достигнут цели, злые пусть останутся с позором.

Эх, зачем оставлять их — пусть все достигнут цели!

VI. ЖЕНИТЬБА ОВЕЗА

559. Хорошо, добро. Теперь о ком рассказ? — В один из дней пери Ага-Юнус призвала к себе Гёр-оглы.

— О Гёр-оглы! Привез ты Овез-джана из Веенгама, а затем попал он в руки Хункара. Скоро исполнится ему четырнадцать-пятнадцать лет ¹. Ты что же, не думаешь его женить? Люди, видно, осуждают тебя: дескать, был бы он тебе родным сыном, женил бы ты его.

— Ох, Ага-Юнус! Очень умная ты женщина. Видишь ты всё, что на свете делается, когда колдуешь, глядя на ногти свои. . . Но где же найти достойную Овез-джана девушку? Укажи — я поеду немедленно.

— Нет, Гёр-оглы, погоди пока. Собери [сначала] народ, посоветуйся с ним.

560. На другой день заколол он пять-шесть баранов, пригласил народ, угостил мясом, кашей, подал чай, кальян.

— О Гёр-оглы! В честь чего это угощение, что это за жертвоприношение? Видно, что-то напугало тебя, и ты дал обет принести в жертву [барана] ², — [сказал кто-то].

— Нет, игид, ничего я не испугался и обетов жертву приносить не давал! Хочу женить Овез-джана. Это его генем-той ^{*}.

— Да будет обильным твой той, да будет он большим!

— Какой скажете, такой и устрою. У кого из вас есть дочь, достойная Овез-джана?

— Ай, Гёр-оглы, да любую выбирай — кто же тебе откажет?

561. В сторонке сидел бедняк — плешивый, в лохмотьях. Ему почти не досталось угощения и чая. Недовольный, поднялся он с места.

— О игиды! Поели вы немножко мяса, попили ароматного чая, покурили вы каршинского табака. Так пристало ли вам сидеть [теперь] и лицемерить? А придет к вам завтра сват от Гёр-оглы, у вас будет один ответ: «Моя дочурка [еще] молода. . .» ³. Кто из вас отдаст дочь зангару, которого [только] вчера-позавчера доставили сюда на остриях копий? ⁴ От ваших слов Гёр-оглы невесту не обретет.

562. После [этих] его слов все разошлись. Огорченный, пришел Гёр-оглы к Ага-Юнус.

— Эх, Ага-Юнус! Послушался я тебя и устроил угощение для народа. А разговор-то вот какой получился. . .

— О Гёр-оглы, в подвластных тебе краях нет девушки, достойной Овез-джана. Ищи девушку в других краях — за горами, на чужбине. А генеш-той я тебе затем посоветовала устроить, чтобы потом не упрекали тебя: «Разве [дома] не нашлась бы какая-нибудь замухрышка для Овеза!» В Гурджистане у падишаха Леке есть три дочери: старшую зовут Нигар, среднюю — Гюль-Рух, младшую — Джахан. Та, средняя, Гюль-Рух, достойна Овеза. Можно [так] сказать: коли Овез — это одна половина, то Гюль-Рух — другая. Если б удалось тебе соединить их!

— Будет на то воля Аллаха — удется! — ответил Гёр-оглы и пошел [к себе] в мейхану.

— Эй, Гёр-оглы! Нашел у кого сватать? — спросил Косе.

— Нашел.

Сказал бы [Гёр-оглы], что она тут, там [где-то] недалеко, каждый бы из них вызвался: «Я поеду, я поеду».

— У Леке, шаха Гурджистана, есть дочь по имени Гюль-Рух. Она достойна Овез-джана. Я хочу ее привезти, Косе.

563. Все опустили глаза. Встал Гёр-оглы с места, покурив и игидам поднес кальян. Косе подмигнул Таймаз-беку и вышел с ним вместе.

— Ну, Таймаз-бек! Видел, как этот зангар, похожий на маслбойку, [теперь] сам подает кальян. Трудное, наверное, будет дело, вот он и обманывает нас, говоря, будто готов поехать сам. Попрошу у него семь-восемь игидов. Выйдет, не выйдет — но мы поедem на ее поиски.

564. Вошел он в комнату и сказал:

— Эй, Гёр-оглы! Прошу у тебя семь-восемь игидов. Хочу отправиться на ее поиски.

— Что ж, Косе, утром ты был еще зелен, а теперь повзрослел?!

— Да мы, Гёр-оглы, ведь обдумали [всё], прикинули. . . Есть Таймаз-бек, старший среди нас. Есть Рустем, что везде умеет быть обходительным; недостаток его — немного невыдержан, вспыльчив он. Все же сможет он постоять за себя, как настоящий мужчина. Есть [еще] Хаджи-Сумсар. Недостаток его — уши широкие, некрасивые уши у него. Заденешь его словом — ударит саблей по голове. Есть [еще] Беки-Сарсанг. Чтобы коня поддержать — есть Дяли-Мятел. Да [еще] Сейтек-Гырма есть, тот есть, другой есть. . .

— Ступайте седлайте коней!

565. Оседлали коней, вернулись. Косе сказал:

— Эй, Овез-джан! Едем сватать для тебя невесту. Поддай-ка нам кальян. Гёр-оглы, спой нам песню, подбодри нас.

— Принеси-ка мне дутар *, Овез-джан! И хоть вряд ли они привезут кого-нибудь, все же отправим их с песней.

Взял он в руки саз и обратился к игидам с песней:

566. Беки, братья! Поезжайте к шаху Леке.

Приведите [всех], гоните перед [своими] арабскими скакунами — Его приближенных, везиров, беков и ханов.

Никого не оставляйте, всех [сюда] приведите!

Таймаз-бек пусть будет главным у вас.
Разружьте селение, крепость сокрушите!
Тоскующее сердце Овеза развеселите,
Свадьбу, празднество задайте — привезите!

Не слушайте слов того нечестивца.
И пятьдесят, и шестьдесят, и сотню [врагов] перебейте,
Из его орды дочь его по имени Гюль-Рух
Для нашего хана Овеза привезите!

Бек Гёр-оглы, помяни всемогущего бога.
Да поможет мой покровитель, хаарет Али.
Захватите его крепость, уничтожьте нечестивого.
Скот, имущество его [сюда] привезите!

567. Произнес он эти слова, хлестнули они коней плетьюми и двинулись [в путь]. Два дня были в пути, на третий день приблизились к реке. С дичью, с куланами были [те места], [много там] было дров [для костра].

— Богатые здесь места, всего много. А что, если устроим мы тут привал, проведем время в свое удовольствие, а потом воротимся и скажем, что падишах не захотел отдать свою дочь? — предложил Хаджи-Сумсар.

— Это не дело, игиды! Говорят [ведь]: «Пущенная стрела и камень пробивает». Как бы ни было, все же съездим, — сказал Таймаз-бек.

Поехали дальше. Путь долг, слово [о нем] лучше краткое. Ехали они и приехали в страну падишаха. Падишаху донесли: «Из чужой страны приехали семь-восемь всадников. Кто они, мы не знаем: вестники ли, послы».

— Ступайте отведите им особое помещение. Они сами расскажут о себе, — так повелел падишах.

Отвели им особое помещение и три дня содержали их на шахских харчах. На четвертый день собрались они идти к падишаху [и стали советаться]:

— Ну, игиды, кто начнет говорить?

— Я начну, — сказал Хаджи-Сумсар.

— Ты что, искусней меня? Я начну, — заявил Бед-Рустам.

— Оставьте свое сумасбродство, игиды! Пусть начнет Таймаз-бек. А за ним и остальные [скажут], — вмешался Косе.

Двинулись гурьбой, приехали к приемной падишаха, приветствовали [его]. Падишах ответил на приветствие и спросил:

— Ну, игиды, из какой страны вы будете и с чем сюда пришли? Говорите!

568. — Тагсир! Мы из Четырехгорного Чандыбиля, — начал Таймаз-бек.

— Хорошо, добро! Коли чандыбильцы вы, то с чем сюда пришли?

— Тагсир! В Четырехгорном Чандыбиле появился муж по имени Гёр-оглы. Слышали [вы о нем]?

— Слышал.

— А коли слышали, то говорят ведь: «Нет никого без изъяна» — сына нет у него. [Но] отнял он у богача Булдура, мясника из Веенгама, сына Овеза и усыновил его. А вас он послал к вам, тагсир, потому что у вас есть дочь.

569. «Отвечу-ка и им, как они заслужили», — решил шах и сказал:

— Эй, игиды! Нет у нас девушек для продажи⁵, о которых вы говорите.

— Тагсир! Мы приехали не для того, чтобы покупать девушек, не за рабыней [мы приехали]. Гёр-оглы послал [нас] сватать [вашу дочь], — вступил в разговор Сумсар.

— Какое может быть сватовство из такой дали?

— Коли два сердца сливаются, может быть и из более дальних мест, — вмешался Бед-Рустам.

— О Аллах, был я дремлющим змеем. [И вот] этот ослиный вор, разбойник, зангар теперь и меня задел! — промолвил шах.

— Тагсир! Это ты верно сказал. [Но] коли отдашь дочь, породнишься с ним, [тебе же] лучше будет. А иначе, как говорят: «Страну губит грабитель». Сегодня явится — разграбит, завтра явится — разграбит и послезавтра придет — разграбит. Торговцев твоих [из крепости] не выпустит, не даст выгнать скотину в поле, обложит тебя [со всех сторон], тагсир, плохо будет [тебе]! А отдашь дочь, породнишься — от всего [этого] избавишься — сказал Сейтек-Гырма.

570. Задумался падишах после таких слов. Но тут выскочил Дяли-Мятел.

— Тагсир! [Очень уж] долго ты размышляешь! Хочешь прикинуть, сообразить — даем тебе срок до завтра.

Рассердился шах и закричал:

— Коли вы с этим пришли, убирайтесь, покуда ваш след не остыл! Был там и тугой на ухо Беки. Услышал он только громкое «уезжайте!» [и заявил]:

— Тагсир! Отдай дочь, тогда, пожалуйста, уедем.

Наконец дошла очередь и до Косе. Вышел он вперед и сказал:

— Тагсир, мы с тобой не будем зря препираться. Последнее слово: отдашь ты свою дочь или нет?

571. Разгневался падишах и дал знак стражникам. Схватили стражники их за шиворот, вытащили на площадь и избили плетью — спине каждого досталось по сорок ударов.

— Ступайте! Вот вам подарки-почести! Расскажите [об этом] всем! А везиру падишах сказал:

— Послов, вестников не казнят. Чтобы они не сдохли с голоду и добрались до своей страны, выдай им на дорогу немного харчей.

572. Получили [игиды] по сорок ударов плетью и немного харчей на дорогу и ускакали. Ехали [так] и приехали в Четырехгорный Чандыбиль. Привязали коней и вошли в мейхану.

— Ну, Косе, благополучно ли вернулись? — спросил Гёр-оглы.

— Вернулись, Гёр-оглы.

— Ну, с чем приехали, что сделали?
— Ни с чем приехали, ничего не сделали.
— Обласкал вас падишах или обидел?
— Видно, никого еще падишах так не обласкал, как нас. . .
— Почему же нет у вас на плечах [дареного] халата, за поясом — ножа, почему нет секиры?

— Гёр-оглы! Не ножом-секирой нас одарили, а высекли плетью, по сорок ударов досталось каждому. . . Это ли не почести? Чего еще хочешь?!

— Овез-джан, спроси-ка, по какому месту их били.
— Мерем-ага, по какому месту вас били?
— Овез-джан, били нас по спине.
— Так ты уложи их навзничь и бей по животу, чтобы обеим сторонам досталось поровну! — велел Гёр-оглы.

Ох уж этот мальчишка Овез: взял он кнут потолще, да и всыпал по пустым, вздутым животам — с треском бил. Всех избил. А когда он кончил, Гёр-оглы сказал:

573. — Мятел, приведи Гыр-ата!

Тот привел Гыр-ата. Нацепил Гёр-оглы на себя оружие, сел на коня.

— В гневе едешь ты, Гёр-оглы. Либо ты возьмешь [свое], либо тебя схватят, — предсказал Косе.

— Даст бог, Косе, я возьму [свое] и привезу!

— Коли [уверен, что] возьмешь, как нам быть: к свадьбе готовиться или ни о чем не тревожиться?

— Готовьтесь к свадьбе!

— Ну а какую свадьбу устроим?

— Вот к такой свадьбе готовьтесь! — ответил Гёр-оглы и спел:

574. Достану я красавицу для моего Овез-джана,
Готовьте все для свадьбы, покуда я не вернусь.
Пошлите весть господам, султанам:
Пусть послужат, покуда я не вернусь.

Пошлите весть в Халеб *, в Сирию,
Задайте [такой] той, чтоб весь мир был поражен.
Что ни день, отбирайте сорок ягнят,
Пускай угощаются удалые игиды, покуда я не вернусь.

Брошусь в битву, коли увижу пятерых, десятерых,
Ударю копьём, пролью алую кровь.
Весь в золоте ремень, златотканый халат
Пусть носит мой Овез-джан, покуда я не вернусь.

Спросишь: родом пророк из арабов ⁶.
Плохи дела храбреца, коли нет покровителя у него.
На вертеле кебаб *, в пшалах — вино.
Пусть пьют, веселятся, покуда я не вернусь.

Бек Гёр-оглы, на всемогущего бога уповай,
Сяду я на Гыр-ата, во все края поскачу.
Тысячу и одну овцу отберите —
Пусть угощается мой текинский народ,
покуда я не вернусь!

575. Пропел Гёр-оглы, хлестнул коня раза два плетью и помчался. Четыре дня был в пути Гёр-оглы, на пятый день к вечеру доехал он до [большой] воды. Пробовал Гёр-оглы перейти ее и в одном и в другом месте, [но не смог]. Конца-края нет воде. К рассвету он подумал: «О боже, да ведь в этих местах я много раз бывал, но такой [большой] воды не видывал. . .» Сошел он с коня и огляделся вокруг. Видит: это то самое место, где он был в минувший вечер!

«О создатель! Что же это такое! Семь-восемь игидов моих хоть пятью-шестью словами перемолвились с падишахом, прежде чем вернулись. А мне, видно, и не найти его. Не смог я найти тебе подругу, Овез-джан». Опечаленный, взял он в руки саз и спел:

576. Помянем же и мы всемогущего Аллаха.
Овез-джан! Подругу тебе не сумел я найти.
Лев высокого чертога ⁷, хазрет Али,
Заветного желания достичь я не сумел.

Указал ты нам путеводную звезду.
Где же находится дочь падишаха Леке?
Я мечтал, но не нашел той прекрасноокой,
Пира-свадьбы устроить я не сумел.

Пустили коней на Чандыбиль,
Ударом погасили светильник мой,
Восьмерых игидов моих несправедливо наказали, избили.
[Но] рассказать об этом я не сумел.

Готов распроститься я нынче с жизнью своей,
О Хеким *-ага, справься обо мне!
Из-за гордости своей я вышел из Чандыбиля,
А вернуться в Чандыбиль я не сумел.

Бек Гёр-оглы! Помяни всемогущего бога,
В руки возьми булатное копьё!
Не сумел порадовать я Овез-джана,
Цели-желания достичь я не сумел.

577. Кончив петь, [прилег он], опершись на локоть, и уснул. Во сне он увидел своего покровителя, Льва божьего. «Сын мой, не горюй! Коли выедешь утром, к полудню будет у тебя на пути селение. Заедешь туда —

там один богач устраивает той. Пойдешь на этот той ипустишь своего коня участвовать в скачках — получишь за него приз; приз получишь ты и в состязании бахши-музыкантов. Вступишь в борьбу с силачами — не оплошай! Поедешь дальше — [увидишь] садовника Гюль-Рух, зовут его Сансар-баба. Коли угодишь ему, выведет он к тебе [девушку], — сказал покровитель и исчез из глаз.

578. Вадронгул [Гёр-оглы] и проснулся. Понял: сон это был... Поблагодарил он бога за помощь; попил чаю, кальян покурил и в добром настроении погнал коня дальше. К полудню въехал он в селение. Видит: какой-то богач устраивает той. Поставлено было пять-шесть новеньких кибиток. Стекался сюда народ. Пришел и он, не схожий, как и его конь, с остальными.

Подошел к нему кто-то [и сказал]:

— О яшули, сойдите с коня, я подержу его!

— Хорошо, я спешусь. [Но] мой конь пришел издалека. Пусть какой-нибудь мальчуган немного поводит его.

Посадили мальчугана, чтобы тот вывел Гыр-ата в поле. А тот человек прошел и приподнял ковер, закрывавший вход в белую кибитку⁸:

— Эй, гость приехал, бахши! Проведите гостя-бахши на почетное место.

579. Гёр-оглы прошел на почетное место и степенно уселся. Принесли ему чай, подали кальян.

— Гость-бахши! Бери же в руки саз!

Было [там] много бахши, много было музыкантов. Подали и ему саз. Он сначала спел «Неван», потом «талхин» и в конце «илгар»⁹. Все призы для бахши и музыкантов получил он. Вечером глашатай объявил: «Взрослые кони поскачут на девять переходов. Приз — пятьсот туманов да еще иноходец и дорогой халат».

Когда стало вечереть, двое конников вышли на скачки. Тут подошел к Гёр-оглы какой-то человек и сказал:

— Гость-бахши! Вижу — у твоего коня ноги длинные, вид грозный. Как, не пустишь ли его участвовать в скачках?

— Найдешь крепкого, ловкого мальчугана — пушу.

580. Посадили на Гыр-ата легкого мальчика и пустили позже других коней. На следующий день к месту скачек начал собираться народ. Время близилось к полудню, и людей пока было немного. А Гыр-ат уже прилетел стрелой, словно гончая. Мальчик на [Гыр-ате] успел уже вернуться.

— Эй, мальчуган! Ты скакал вместе со всеми или вернулся с полпути?

— Я скакал с ними вместе.

— Почему же спутников твоих, с кем вместе скакал, не видно?

— Ага, я не знаю об остальных, о тех, кто следом едет. Помню только, как повернул коня назад, а возвращаясь, я ничего не видел...

— За эти скачки мы приза тебе не дадим. Поговорим с эмином^{*}, потом дадим.

581. О ком рассказ? — К обеду прискакал один конь, к вечеру — другой, а поздно вечером и сам эмин [подоспел].

— Эй, эмин! Конь нашего гостя-бахши скакал со всеми вместе или же вернулся с половины пути? Говори правду!

Эмин ответил:

— Разве конь гостя-бахши уже пришел? Я сам держал повод того коня и пустил его позже остальных — на два танапа позади.

Сказал [это] эмин, и все разговоры смолкли. Отсчитали пятьсот туманов. Гёр-оглы положил их в хорджу, подаренный халат приторочил к седлу, а иноходца отдал мальчику, скакавшему на его коне. После скачек вышли на середину силачи, обступили их зрители. Снова к Гёр-оглы подошел какой-то человек.

— Гость-бахши! Ты получил призы за пение, игру, и конь твой первым пришел — удачливый ты игид! Может быть, ты и бороться умеешь?

— Нет, с борьбой я дела не имею.

— Да с таким телосложением ты одного-двух свалишь. Выходи, поборись!

— Верно ты говоришь, молодой человек. Хорошо, коли с таким телосложением окажусь внизу, ведь, окажись я сверху, раздавлю насмерть!

— Хоть и убьешь, кровь прощается, — ответили ему.

— Ну что ж, бороться так бороться, — ответил он, распустил кушак и вышел на середину.

582. Был [у них] великан-силач.

— Пойди ударь зангара Гёр-оглы оземь. Нечего этому дерьму делать тут! — приказал он одному из своих учеников. Услышал это и Гёр-оглы. «Погоди, ты еще и сам выйдешь!» — подумал он про себя.

Схватился Гёр-оглы с учеником, начал бороться с ним. Пожелай Гёр-оглы, он мог бы быстро свалить его, но он прикинулся, что с трудом справился с ним, заставил его коснуться коленями земли. Тогда тот большой силач спрыгнул с лошади и, не сняв даже сапоги и не распустив кушака, подбежал к Гёр-оглы. Одной рукой быстро схватил его за ворот, а другой — за загривок; хочет поднять, сделать подножку, то с одной стороны приладится, то с другой, то изнутри пытается зацепить, то на бок взять. Но Гёр-оглы стоял как вкопанный, несокрушимо. Суетился, суетился противник и совсем обессилел.

Спросил он, не поднимая глаз:

— Гость-бахши! Не чародей ли ты? Слишком уж ты спокоен.

— Нет, чародейством я не занимаюсь. Применяй же свое искусство, коли можешь!

— Я уж [и так] сделал все что мог.

— Ну, коли искусство свое ты уже проявил, так держись крепко!

583. — Человек, коли упрется пятками, стоит прочно, — заметил Гёр-оглы. Высвободил он свои руки, схватил [силача] за бока и поднял его высоко вверх. Покрутил его там и с силой бросил в небо — тот валетел на высоту длины трех копий. Падая кувырком вниз, [он кричал]:

— Спаси, гость-бахши! Коли подхватишь, куда я не ударился о землю, дорогой халат, что на мне, — твой!

Гёр-оглы поймал его, схватив за бока, за спину и поставил на землю. Спыхватился, да поздно — когда хватал за бока, сломал тому ребро, а когда ловил за спину, в спину вонзил ему пятерню, как когти беркута.

— Ах ты, нашего человека убил! — с криком кинулись к нему люди. Но уговор есть уговор, ничего не поделаешь.

— Не попрекайте, друзья! Он завтра уже придет в себя, — сказал Гёр-оглы и, получив награду за богатырство, уехал.

584. Ох, белобородые аксакалы стоят группой, чернобородые — другой группой, парии — отдельно, молодухи — отдельно, и девушки собрались вместе. А Гёр-оглы проскакал в стороне от них.

Семьдесят два языка понимал Гёр-оглы. Но речи некоторых из девушек он не понял. «О Аллах, слышал я, что мир широк, что просторы его необъятны. Есть, оказывается, в этом мире языки, которых [и] я не понимаю», — думал про себя Гёр-оглы. Ехал он так и приехал к месту пиршества. Подошел к нему белобородый старик.

585. — О гость-бахши! Я диван-беги * хозяина этого тоя. Выполняя его поручения — подать чай, кальян, дастархан, — я не смог выбрать время побеседовать с тобой. Теперь той кончилась, я освободился. Так побеседуем часок. Слышал я, что ты опытный бахши, искусный музыкант. [Хочу] угостить тебя в белой кибитке чаем, кальяном. Гость-бахши, есть ли [и] в вашей стране такие девушки и молодухи, [как у нас], такие резвые кони?

— О яшули, что есть в одной стране, найдется и в любой [другой].

— Спой-ка для меня песню, воспой их!

— Спеть я могу, да ведь те не поймут моего языка.

— Пусть те не поймут — я пойму. Спой песню.

— А коли спою для тебя, дед, [так о том, что] ничто у вас не походит на наше.

586. Пролег мой путь через Гурджистан.

Страна у вас с нашей не схожа.

Хотел бы погулять я по цветнику в саду.

Цветы у вас с нашими не схожи.

Носят черные платья с пуговками на плечах

Красавицы ваши — одна лучше другой!

Беки у вас достойны восхваления.

Ханы есть у вас, с Овез-джаном не схожи.

В весеннюю пору розы срывают,

Шапки соболя на головы надевают,

На коней садятся — говорят: «Нида, нида».

Речь у вас с нашей не схожа.

Степи у вас пустынные, безлюдны.

Красавицы у вас сияющие, как полная луна.

Пастухи у вас кабанов пасут,
Скотина у вас с нашей не схожа.

С охотою надо пить алое вино.
Горяча коня, буйную реку переплывать,
Тонкую талию обнимать, о бек Гёр-оглы,
Талии у ваших [девушек] с талиями наших
[девушек] не схожи.

587. Выслушал дед эту песню, пошел в другую кибитку и возвратился с халатом, папачой, сапогами, кушаком — одарил он [Гёр-оглы] нарядом, одел его с ног до головы!

— Гость-бахши! Пока даю [тебе] только этот подарок. Заехал бы ты к нам на обратном пути, провел бы еще один вечер в беседе с нами. В этот раз я дарю тебе немного. [Запомни] — тот светлый дом с густым садом — это наш дом.

Затем он принес [завернутые] в дастархан мягкие лепешки кульче, слоенные катлама — пригодятся, мол, ему, путнику, в дороге.

588. [Гёр-оглы] взял и это, положил в хорджун, получил дозволение [хозяина дома] и к вечеру двинулся в путь. Ехал ночью и думал: «Как бы найти чудаковатого, глуповатого человека, чтобы спросить, где дом деда Сансара». Так ехал он, покуда не стало светать. Появился тут какой-то седобородый человек и стал землю пахать. Посмотрел [Гёр-оглы и понял], что он-то как раз ему и был нужен. («С тобой-то я управлюсь» [— подумал Гёр-оглы].) Приветствовал его Гёр-оглы и подъехал. Тот ответил на приветствие и продолжал пахать. Сошел Гёр-оглы с коня, бросил поводья на луку седла и, ведя коня в поводу, пошел следом за ним. Старик в одну сторону идет — [Гёр-оглы] за ним; идет старик в другую — туда и Гёр-оглы.

— Эй, яшули, бог в помощь!

— Спасибо!

— Что сеешь?

— Сею кунжут.

— Обильного тебе урожая!

— Да будет по-твоему!

— Быки у тебя быстрые, соха отменная, железо острое! — так нашел он к нему подход.

— Яшули, я думаю, ты знаешь толк в чае, кальяне, неше?

— Ох, сын мой, все-то ты понимаешь! Утром я спешил на пахоту, лишь затянулся табачком, да что толку с того!

— Ну, тогда, дед, я тебя угощу куревом.

Взял он бронзовый кальян и дал покурить деду каршинского табака. Сильный кальян, [крепкий] каршинский табак — [в беспамятстве] свалился дед на бок. Спустия какое-то время он очнулся, отряхнул свою бороду и встал.

— Выпьешь ли чаю?

— Да, выпью.

589. Заварил [Гёр-оглы] чайник ароматного чая и подал деду. Сахар принес, набату, немного неше. Блаженствовал дед.

— О яшули, еду я к деду Сансару. Покажи, как [проехать] к нему.

— Эх, добрый молодец, тут нечего и спрашивать! Иди вот по этому большаку. Пройдешь немного, и попадетсЯ тебе светлый дом, рядом с ним увидишь ильм у входа в полуразвалившуюся худжру. [Другого] такого места там поблизости нет. Подойди и поклнч.

Хорошенько расспросил [его Гёр-оглы] и поехал указанным путем. «Видно, это здесь», — решил он, подъехав к самой худжре. Как старый знакомый, [он крикнул]:

— Эй, дед Сансар! Дома ты? Коли ты у себя, так выйди!

590. Вскоре вышел старый дед, согбенный, словно хепбик¹⁰. Гёр-оглы приветствовал его, [но] тот не ответил, [лишь] внимательно посмотрел.

— Дед, ты что — потерял меня? Чего ты уставился на меня, как петух, который собрался взлететь на арбу?

— Нет, сынок, не потерял я тебя. [Только] похож ты на одного человека. Коли ответишь честно — спрошу, не ответишь — не стану спрашивать. Тогда ступай отсюда!

— Отвечу честно, дед!

— Ну, раз так, то слышал я, будто появился в Чандыбиле один зангар, по имени Гёр-оглы. Коли правда это, так не ты ли им будешь?

— Да, дед. Я тот самый [Гёр-оглы].

— [Тогда] подойди сюда, сын мой!

591. «Чего он хочет?» — подумал Гёр-оглы, склоняясь к деду. Дед крепко расцеловал его.

— Что ты со мною делаешь, дед?

— Сойди с коня, сын мой, я выслушаю тебя, а ты меня послушай.

Сошел он с коня. Напоил его дед чаем, поднес кальян да угостил корками хлеба из джугары.

— Ну, сынок, говори, [какое у тебя дело]?

— Дело такое, дед: говорят, у шаха есть дочь Гюль-Рух. А ты у нее садовником. Найди способ передать ее мне!

— Ох, сынок, да ты в счастливый день выехал¹¹.

— Как это, дед?

— Шах уехал на охоту вместе со [всеми своими] людьми — от семи до семидесяти лет. И в крепости сейчас, сын мой, никого нет.

— А хоть бы и был он в крепости, я ведь приехал не биться, не драться, не силой человека уводить. Ты лучше мне хитрость подскажи, я хитростью хочу ее взять.

— А коли подскажу, чем деда наградишь?

— А какую награду, дед, ты желаешь?

— Эх, сынок, не прикидывайся простачком, не делай вид, что не понимаешь! Нынче до денег, до золота черед дошел! — ответил дед и расстелил полу своего халата.

— И не подставлял бы ты полу халата, дед, [все равно] дал бы я тебе немало. Сорок золотых я тебе дам.

— Это мелочишка деду на кисет.

— Тогда еще сорок золотых прибавлю.

— Да их не хватит деду и на чай.

— Ну, тогда еще сорок.

— Да не насмехайся ты над дедом, сынок. «Сорок» да «сорок» — разве это серьезный разговор? Хочешь дать, так дай солиднее, весомо!

592. В хорджуна было пятьсот туманов золотых — приз за коня. Взял он хорджуна и высыпал деду в полу халата. Дед трижды похлопал его по спине.

— Теперь, сынок, может, что и получится.

— Ну, дед, показывай [дорогу]!

— Да ты, сынок, оказывается, зелен еще, глуп. Укажу я тебе путь-дорогу, и ты уведешь [дочь шаха], а шах вернется с охоты, прознает, что я тому виною, и зароет меня в землю башкой вниз, а к ногам коня привяжет. Ты лучше с недельку тайком побудь тут. Завтра куплю на базаре снаряжение, отправлю свой скарб в Чандыбиль, а потом уж тебе покажу [дорогу].

Так пусть Гёр-оглы побудет у деда. На другой день дед взял пятьсот туманов золотых и отправился на базар. Верблюда, что двадцать туманов стоит, за двадцать пять берет, а того, что двадцать пять стоит, — за тридцать, верблюдицу, стоящую тридцать туманов, — за сорок берет. Запасся дед верблюдами, утварью, посудой и провиантом и к вечеру отправил караван в путь. Сказал Гёр-оглы:

— Ну, дед, показывай!

— Сынок, пусть караван идет, а мы пока чаю попьем, кальян покурим. Потом уже покажу.

593. Дед боялся, что за ним будет погоня, — как мог, тянул он, всячески занимал Гёр-оглы. Пили чай, курили кальян.

— Ну, дед, показывай!

— Пойдешь кружным путем, сынок, на пути у тебя будет ее триста шестьдесят девять садов. В высоту [дворец] — сорок гезов, понизу — двенадцать гезов. Свинцовые ворота там есть. Ничто их не берет. Сообрази сам, как их пройти? Положим, и пройдешь, но у нее есть триста шестьдесят служанок. Как их одолеть — сам сообрази. А одолеешь их — дальше, у входа во дворец, ее охраняет заклинательница-чародейка Хопнишан, тетка ее. Коли угодишь ей, передаст [девушку] тебе. А не угодишь — заклинаниями превратит тебя в дерево, в осла, пожрет твоё тело, погубит тебя. . .

— Ну, дед, и показал ты мне путь-дорогу за пятьсот золотых туманов, насладился!

594. — Сын мой, я обещал тебе указать [дорогу, ведущую туда]. Привести [ее] и отдать [тебе в руки] я не обещал. А теперь золото я уже получил, в карман его положил, скарб свой отправил. Хочешь — вцеми

мне, не хочешь — воля твоя! — ответил дед и пустился догонять [караван] верблюдов.

— Кончил ты разговор, дед. Ступай, доброго тебе пути!

595. Остался Гёр-оглы в доме деда. Вечером на следующий день привязал он там коня и, взяв дутар, направился в сад. Пришел и видит: если птицей в него не залететь, то никак не зайдешь. Ничем не возьмешь и ворота. Стал он обходить крепость вокруг. А было там отверстие, через которое в сад поступала вода. Оно называлось по-арабски «санрык», по-таджикски «диллик», по-персидски «аби говак», по-узбекски «мукташ», по-туркменски «токуртга». Пролез он в это отверстие и очутился в саду. Подошел к пруду — а вокруг служанки спят, о которых ему говорили. Прошел он между ними и отправился дальше. Подошел ко входу во дворец. Посередине — большая прихожая, по сторонам — девять покоев-дворцов. Гёр-оглы искал Хопнишан. «Не постесняюсь, пройду внутрь, поищу-ка ее там», — решил он. Прошел он через восемь покоев и открыл двери в девятый. Оказалось, это дворец Гюль-Рух. Видит: на золотом троне — девять пуховых перин, в изголовье — девять подушек, в изножье — пять подушек, [лежит она], укрывшись легким одеялом; откинулся край одеяла, открылось лицо девушки — словно луна, выглянувшая из-за туч, освещала она весь дворец своим сиянием. Увидел ее Гёр-оглы и потерял рассудок. Забыл он и о Хопнишан, и обо всем остальном. Взял он в руки дутар и пропел «Проснись, о падишаха дочь»:

596. Пришел сын храбреца, пришел.

Проснись, о падишаха дочь!

Человек в кольчуге [о тебе] узнал.

Проснись, о падишаха дочь!

В радости переменчива ты, словно

[под ветерком] пруд,

На дню сто тысяч желаний у тебя,

Обманут Овез [мечтой] о тебе.

Проснись, о падишаха дочь!

Услышал бы всемогущий мою мольбу.

С тобою встретились сегодня мы.

Будь же возлюбленной Овез-джана.

Проснись, о падишаха дочь!

С горных вершин спустились львы.

Караваны верблюдов-неров пришли.

Храбрецы, подобные Гёр-оглы, пришли,

Проснись, о падишаха дочь!

«Ой, песня моя совсем не тронула девушку. Дочь зангара, она даже не шевельнулась в ответ на крик моего сердца, стон души моей. Попадешься ты мне в руки!»

597. О ком рассказ? — О Хопнишан.

Она была в первом дворце и заметила, что кто-то вошел. «Пусть уж. Видно, это одна из служанок», — решила она и не стала подниматься. Но потом, позже, глубокой уж ночью, из глубины дворца послышались музыка, пение, шум, говор. . . «Боже, да что же это за шум?» — подумала она и заглянула в окно. Видит: у изголовья Гюль-Рух стоит детина. Покручивая себе усы, он поет с дутаром в руках.

— Ах ты, подлый зангар! Во дворец ты проник, а вот сможешь ли ты выйти?

598. Оглянулся Гёр-оглы — в окне первого дворца виднеется лицо молодой женщины. Лик-очи ее будто стальной водой окропили¹². Косы ее в восемнадцать прядей ниспадают до земли. Смотрит Гёр-оглы на Хопнишан, смотрит Хопнишан на него. [Казалось], взор ее, словно взгляд ловчей птицы, пронизывает тело. «О Аллах, дед Сансар говорил, что она заклинательница. Хорошо, коли не изменила она еще мой облик», — подумал он и оглядел [себя]. Начал было Гёр-оглы сдаваться, да вспомнил: «Говорили мне [люди], которые уже ушли [из жизни], что подруга у женщин из бязи. Коли не найду я ласковых слов, не смягчу ее, погубит она меня». Дутар его был наготове, и обратился он к ней с песней:

599. Умоляю тебя, розолика пери!

Приди, предадимся усладе с тобой вдвоем!

Да будет жертвою тебе сладкая душа моя.

Милая, предадимся усладе с тобой вдвоем!

Не зная тебя, пленен был я славой твоей.

Не жги на огне любви, в мотылька не превращай¹³.

Нищим не делай [меня], в юродивого не превращай.

Приди, предадимся усладе с тобой вдвоем!

В Веенгам я ходил за милым Овезом.

В Гурджистан я пришел за милой Гюль-Рух.

Много тягот я перенес из-за [Овеза],

прислужника своего.

Приди, предадимся усладе с тобой вдвоем!

Бек Гёр-оглы, помяни всемогущего бога,

Вверил я судьбу свою [в руки] творца.

Да останется память о тебе и обо мне.

Милая, предадимся усладе с тобой вдвоем!

600. Пропел он песню, а в самом конце ее упоминалось имя Гёр-оглы. А имя Гёр-оглы, слава о нем заполнили лживый мир. . .

— Эй, зангар! Ты говоришь: «Гёр-оглы». Где ты видел Гёр-оглы?

— Хопнишан, ну что все твердишь: «Где ты видел?» А если я сам как раз и есть этот твой Гёр-оглы?

— Приходилось слышать, что в Чавдыбиле появился муж по имени Гёр-оглы, [так] ты тот самый?

— Тот самый, пери Хопнишан!

601. — О Аллах, слышали мы, что появился богатырь, храбрый молодец, непревзойденный в стрельбе и скачках, в гостеприимстве и ратном деле. Мечтали посмотреть, пока живы, что он за игид, что за человек. Говорят: «Постараешься — достигнешь». Оказывается, суждено было увидеть [тебя], — сказала она и кокетливо улыбнулась. Заметил Гёр-оглы ее кокетливую улыбку, поставил дутар к стене и кинулся к ней. Обхватил он шею женщины, высунувшейся в окно, и поцеловал ее в одну щеку. Хотела Хопнишан высвободить голову и убежать, да Гёр-оглы обхватил шею, не отпускает ее. В суматохе подвернулась и другая щека — он протянул ее к устам и поцеловал. Так он досыта [насладился] обеими ее щеками. Наконец Хопнишан овладела собой и, обеими руками упершись в грудь, оттолкнула так его, что он с шумом свалился. [Но] он поднялся и снова подошел [к ней].

— Ой, Хопнишан, это тоже твоя игра?

— Слыхала я, что туркмены родом из собак. Оказывается, правда это, — сказала Хопнишан.

— Птиц-собак оставь пока.

— А ты что — разве связан со мной клятвой, чтобы я оставила [это]?

— Хоть и не связан, но ты же сказала, что в меня влюблена, что встречи ждала, и кокетливо улыбалась мне. Ну, я и не устоял. . .

— Эй, зангар! Когда влюбленный видит свою возлюбленную, разве не подходит он к ней с лаской, мягко, нежно, разве не спрашивает ее: как ты живешь? Здорова ли ты, все ли благополучно? А ты бросаешься, словно теленок, сорвавшийся с привязи!

602. — Эх, Хопнишан! Мы ведь степные туркмены. Где же нам разбираться в вежливости и обхождении, откуда нам знать эту науку. Не смущай ты нас. Я же и пришел к тебе учиться вежливости и обхождению, постигать науку эту, моя Хопнишан!

— Садись, коли учиться пришел.

Так просидели они, беседа, [целый] час — Гёр-оглы в одной стороне, та — в другой.

— Гёр-оглы, попал ты в сети шайтана. Мы могли бы с тобой поладить, и никто бы ничего не почувствовал, никто бы про то не прознал. Но давай же не будем ничего делать. Ведь тогда рано или поздно, через месяц или через год, захочется нам встретиться. Но ты уедешь отсюда, и вряд ли мы с тобой свидимся еще. . . Обуздай же себя, и я возьму себя в руки! Свернем же шею шайтану — оставим это дело и станем с тобой навечно [названными] братом и сестрой.

603. И стали они братом и сестрой. Став [названной] сестрой, Хопнишан спросила:

— Ну, Гёр-оглы, рассказывай, зачем ты приехал сюда?

— Коли рассказывать, так приехал я за Гюль-Рух!

Ответил он так, и Хопнишан склонила голову в раздумье.

— Хопнишан, не думай много. Говорят: «Не забывается ни добро, ни зло». Коли захочешь исполнить долг сестры, так передашь ее мне в руки.

— Ох, Гёр-оглы, слишком тяжело [для меня] это твое поручение. Знала бы я о нем, не стала бы я тебе названной сестрой.

— Коли сожалешь, что стала мне сестрой, так давай поладим, как хотели сначала.

— Гёр-оглы, говорят: «Хорошо, когда [игрок] понимает, что проиграл». Я проиграла тебе. Иди приводи сюда своего коня, приноси свои доспехи. Передам я ее тебе в руки.

604. Еще не рассвело, а он уже привел коня, доставил доспехи из дома деда.

— Гёр-оглы, она ведь чародейка искуснее меня в девять раз. Не взять тебе ее живой, [— предупредила его Хопнишан].

— Мне нужна живая. На кладбище, что ли, мне мертвую везти?

— Нет, это я для того говорю, что усыпить ее надо.

Усыпили они Гюль-Рух там, где она лежала, подняли ее вместе с постелью, [уложили] на Гыр-ата и привязали. Хопнишан сунула ему в руку снадобье от забытья.

— Как вернешься в свою страну, поднеси ей к носу — она и очнется. А не то будет лежать как покойница, что уж девять лет не живет.

605. С этого места и до ворот Гёр-оглы и Хопнишан шли, беседуя, рядом, касаясь друг друга плечами. Вышли за ворота. Гёр-оглы крепко устроился в седле.

— Прощай, Хопнишан! Спасибо тебе за твою услугу!

Трудно было им расставаться — [ведь] только вчерашний и позавчерашний день провели они в беседах, [ведь] только что стали [названными] братом и сестрой.

— О Гёр-оглы, доведется ли нам свидеться еще хоть раз в жизни? . . — сказала она и закрыла глаза — из глаз градом потекли слезы.

— Не огорчайся, Хопнишан! Я готов служить тебе всегда, — успокаивал ее Гёр-оглы.

Взял он в руки саз и спел, обращаясь к Хопнишан:

606. Воистину влюблен я в Хопнишан.

Всем [говоря я] «прощайте» теперь!

Гюль-Рух ты мне передала.

Что ни пожелаешь, будет к услугам твоим теперь.

Гыр-ат мой горы преодолел,

Помощь пришла от покровителей [моих].

Доброе дело свершила Хопнишан,

До смерти я благодарен ей теперь!

Чудесны длинные [кисти] рук твоих,

Щебечут сладкие уста твои.

В саду распустились розы твои.
Зимние дни твои весной [стали] теперь.

Угодила ты сердцу хабреца.
Сделала Гюль-Рух спутницей [ему],
Шаха Леке врагом сделала,
Пусть до смерти страдает он теперь.

Желаю я красоту твою [лицезреть],
Хочу и впредь [наслаждаться] беседой с тобой.
Бек Гёр-оглы к услугам твоим,
Покуда жив, готов тебе служить теперь!

607. Кончил он петь, попрощался и ускакал. О ком рассказ? — О Хопнишан. Закрыла она одну половину ворот, а другую только прикрыла — чтобы смотреть им вслед. И покуда не загородили их деревья, заборы, покуда видно было Гёр-оглы, до того, как сомкнуть ворота, она смотрела вслед истинно влюбленным взглядом, [затем] с игривой улыбкой она плотно закрыла ворота. А у Гёр-оглы в тот же миг дрогнули шестьдесят две жилы. «Ну и коварная эта зангар!» — заметил он и помчался дальше. «Эх, зангар Гёр-оглы. Говорят: „У лисицы есть тысяча и одна уловка, но лучшая из них — на глаза не попадаться“. У тебя за спиной девушка, и незачем дожидаться, пока погова подоспеет, войско подойдет, ни к чему устраивать сражение, суматоху поднимать. Скачи-ка лучше прямым путем!» — думал он про себя и смело гнал коня вперед. Так он ехал несколько дней.

608. В один из дней рано утром поднялся он на гору. «О Аллах, я ведь еду, ничего не ведая о девушке. А что, если в рот ей попал край одеяла во время бега Гыр-ата, она задохнулась — и покойницу я везу? Посмотрю-ка, что с ней», — подумал Гёр-оглы и оглянулся назад. Глянул он — а от бега коня с ее лица откинулось одеяло. Прекрасное лицо Гюль-Рух освежил влажный ветерок ночи. Казалось, что кровь в нем ступила и застыла, глаза ее сверкали, как у яловой овцы. Вытянувшись, лежала она. Резко выделялись белый, красный цвета [на ее лице]. Пряди волос обрамляли ее нос, ниспадали до рта. Сами знаете, как это красиво, когда на белое личико ниспадают черные волосы. Глянул Гёр-оглы и потерял ум-разум. «Ох, да будет жертвой ей сам Гыр-ат! Пусть будет благополучна Ага-Юнус. А для Овеза разве мало плешивых девчат у османцев (турок)! Воистину достойна она меня. . . » Его так влекло к ней, что он повернулся и захотел ее поцеловать, да подумал: «Я навалился на нее своей тяжестью — не сломать бы ей рёбра. . . »

Обопрется на локти — не достает ртом [ее губ]. Не опирается — боится рёбра ей сломать. Между тем взгляд его упал на ее локоны, и он спел:

609. Прохладный ветерок с горы Сапа
Развевает черные локоны твои.

Кокетством сладкую душу мою
Режут черные локоны твои.

Преодолею я с тобой долгий путь
По безводным степям, [где пасутся] джейраны.
То на правую, то на левую [сторону твоего лица]
Ниспадают черные локоны твои.

На Гыр-ата сев, одолеть бы мне путь.
Милая! Отведать бы мне сладости уст твоих.
На белом лице твоём веки-миндаль твои
Прикрывают черные локоны твои.

Стоять ли мне на вершине горы
И думать, милая, о тебе?
Иль взять [тебя] мне самому?
[Все] скрывают черные локоны твои. . .

610. При словах «Иль взять [тебя] мне самому?» послышался голос: «Спокойно!», и лицо у Гёр-оглы перекошилось. Когда лицо у него перекошилось, он пропел:

Скачет в поле арабский конь.
Верен слову своему [истинный] муж,
Не то накажет тебя покровитель твой, Гёр-оглы.
Какую я, о черные локоны твои!

611. Но позднее раскаяние не вернуло ему прежнего облика. Сошел он с коня, [снял] и повесил себе на шею кушак и, обратясь лицом к кыбле, вознес молитву богу. Плакал он, и бог простил ему его вину — шея повернулась, и облик стал прежним. Сел он снова на коня и как ни в чем не бывало напрямик поехал дальше.

612. Когда до Чандыбиля оставался день пути, догнал он кочевье деда Сансара. Поздоровались.

— Сын мой, ты ведь нашел, что искал?

— Нашел, дед! Сегодня я прибуду в Серчемен. А ты, как приедешь в Чандыбиль, ступай поздравь сорок игидов, Овеза, Ага-Юнус, получи союзджи. Пусть Ага-Юнус соорудит паланкин на ветроногой верблюдице и приедет в Серчемен. С почестями привезем [Гюль-Рух] на той!

Услышал о том дед и во всю ночь погнал верблюдов, чуть поздрили не разорвал. Приехал он в Чандыбиль и побежал к Овезу.

— Эй, Овез-джан! Союзджи, союзджи! Твой господин привез для тебя Гюль-Рух! Давай союзджи!

613. Поздравил Овеза — получил от него коня, халат; порадовал Ага-Юнус — и та дала столько, сколько он смог унести; поздравил сорок игидов — и от них получил, что хотел — в общем, много всякого добра

принесла деду девушка. «А Ага-Юнус пусть садится на ветроногую верблюдицу, сооружает паланкин и отправляется в Серчемен!» — сказал [старик].

Ликующая Ага-Юнус [приказала] соорудить на ветреной верблюдице паланкин и вместе со сверстницами-подругами своими приехала в Серчемен. Гёр-оглы передал Юнус снадобье, что дала ему Хопнишан:

— У пруда лежит Гюль-Рух, ступай, дай ей понюхать это снадобье, и она очнется.

Ага-Юнус подошла к девушке, поднесла снадобье к ее носу и просидела у изголовья три часа. Чихала та, чихала и [наконец] пришла в себя. Протянула руки и крикнула:

— Хопнишан, подай вина!

— Дорогая Гюль-Рух! Ну какое тут тебе вино! погоди, тебя будут венчать. . . — сказала ей Ага-Юнус.

614. Донесся до ее слуха неприятный голос, и она сразу же открыла глаза. Видит: лежит она в большом саду, у пруда, на возвышении. . . «Хорошо, если б это был сон. . .» — [подумала она] и сомкнула веки. Но [скоро] поняла, что все это наяву, встала и заплакала.

— Милая Гюль-Рух, не плачь! Лучше покориться воле Аллаха. Стыдно плакать, — успокаивала ее Юнус.

— Что это за страна?

— Называется она Четырехгорный Чандыбиль.

— Как же так? Ведь только вчера-позавчера я уснула, — сказала она и хлопнула себя по бедру. Потом заметила она Гёр-оглы — тот давал коню корм.

— У того игида, что возле коня, отталкивающий вид. Только он мог привезти меня сюда. . .

— Да, это он тебя привез.

— Как его зовут?

— Его зовут бек Гёр-оглы.

— Позови, пусть подойдет сюда.

Ага-Юнус пошла и сделала Гёр-оглы знак рукой. Тот подбежал.

— Это ты Гёр-оглы?

— Да, я.

— И это ты меня привез?

— Да, я.

— Для чего ты меня привез? Хочешь держать меня как рабыню? Или продать, плату за меня получить? А может, в жены себе хочешь взять? Или другому в жены отдать?

615. — Милая Гюль-Рух! Есть у меня игид по имени Овез. В жены ему я привез тебя.

— Имя Овез подходит для обласканного, ничтожного слуги. Я не подруга для такого. Я подруга для мужественного, знающего себе цену игида.

— Милая Гюль-Рух! Есть у меня игиды по имени Овез, Мирим, Камбар. Да еще есть сорок игидов во главе с Сапар-Косе. Есть мир — есть

твое желание¹⁴. Не горюй, я выдам тебя за того, кто тебе понравится. Садись пока в паланкин и поезжай в крепость.

Посадил он ее в паланкин, дал в руки Ага-Юнус повод [верблюда], а сам помчался в крепость. Прискакал туда и закричал:

— Эй, Косе! Видно, напрасными будут наши труды.

— Как это так, Гёр-оглы?

— Та девушка не хочет никого в мужья.

— Что же тут поделаешь, коли не хочет, Гёр-оглы.

— Перечить ей нельзя, Косе. Придется выдать за того, за кого она пожелает.

616. Заволновались сердца сорока игидов: всем хотелось ей понравиться. Кинулись они на базар. «Эй, продавец халатов! Почему тот шелковый халат? Отвечай живее!»

И двойную цену назовет — [все равно] покупают. Шапки, сапоги, кушаки — все за двойную цену — понравиться хотят игиды. Коротышки наподобие Хаджи-Сумсара приминают папаху спереди или сбоку, спрашивают своих товарищей: «Эй, приятель, как лучше?»

617. Такие, как Сейтек-Гырма, у кого густая борода, моют бороду в кислом молоке и расчесывают. Те, у кого рост маловат, как Вели-Хиртман, натягивают на ноги сапоги на высоком каблучке и спрашивают: «Ну как, намного ли стал выше? . . .»

Сапар-Косе надел красный халат, водрузил на голову папаху с узким верхом, туго затянулся кушаком, смазал лицо маслом, чтобы издали было видно, как блестит, и, желая первым предстать перед нею, огрел плетью Боз-Думана. Прискакал, едет впереди паланкина. Ну вот сейчас ему скажут: «Подойди сюда, подойди сюда», но никто им не интересуется. Все сорок игидов прошли — никто не понравился [Гюль-Рух]. Вслед за ними снарядил Гёр-оглы Овеза: одел его в златотканое [платье], коня украсил рубинами, жемчугами, на коня посадил Овеза, поправил ему волосы, освежил ему лицо — сделал все как положено и с группой игидов, тоже снаряженных отменно, послал [вперед]. А сам ударил коня плетью и вернулся к паланкину.

618. Вот заметила Гюль-Рух Овеза. Откинула она занавес паланкина и спросила:

— О бек Гёр-оглы, кто тот юноша, что едет в окружении всадников, — человек ли, рожденный ли от пери, может, дух или джинн — не привиделся ли он мне?

— Милая Гюль-Рух! Этот юноша как раз и есть мой игид Овез.

— Коли это твой игид Овез, то я предаюсь ему [душой и] телом, предаюсь. . .

Эх, хорошо быть Гёр-оглы! [Весь] народ гурьбой вышел ему навстречу. Взял он в руки саз и спел, обращаясь к народу:

619. О друзья, мусульмане!

Дайте дорогу, девушки идут.

Натерпелись мук сладкие души [наши].
Дайте дорогу, девушки идут.

Через двенадцать месяцев наступит праздник курбан *.
Грациозно выступают девушки, молодухи.
Сдвоенное дерево у дороги,
Под сень твою девушки идут.

Суфий нашей стравы —
На голове [у него] бархатная шапочка ¹⁵,
Мост на реке Араз —
По нему девушки пройдут.

С черной кибитки капают капли [дождя],
Плетью хлещите арабского скакуна,
Разбойники-аламанички на дороге,
В сторону отойдите — девушки идут!

Не теряйся, Гёр-оглы, не робей.
А сел на Гыр-ата — меру знай.
Родник, текущий с горы Сылдуз,
Остановись — девушки идут!

620. Пропел он песню и вернулся в крепость. Устроил свадьбу Овеза на десять дней и десять ночей. [Всем давал что кто хотел]: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давал. Устроил скачки, стрельбу в «золотую тыкву», позвал петь бахши. О ком рассказ? — О Косе.

«Мы поехали туда и получили [там] по сорок ударов плетью, мы вернулись сюда и получили [здесь] по сорок ударов плетью, мы залезли в долги, покупая халаты, папахи, чтобы ей понравиться, и ничего из этого не вышло. Не удастся ли провести Гёр-оглы и получить с него деньги за совершение бракосочетания, чтобы [хоть] долги заплатить?» — размышлял Косе во время тоя.

Кончился той, и Гёр-оглы сказал:

— Косе, не съездил бы ты в одно место?

— А куда мне надо ехать?

— [Надо] найти муллу, чтобы совершил он бракосочетание.

621. — Эх, Гёр-оглы, Гёр-оглы! Вечно ты позоришься, срам свой напоказ выставляешь.

— Как это, Косе?

— Ну разве не станут, Гёр-оглы, люди говорить: «Сорок игидов у Гёр-оглы, и среди сорока нет ни одного грамотея, кто бы мог совершить бракосочетание». Опозорят нас.

— Косе, умные советы ты иногда даешь. А кто же из вас умеет [совершать] бракосочетание?

— Гёр-оглы, мне было семь лет, когда отец взял меня за руку и отвел к мулле. Семь лет я проучился в мектебе *. И что [действительно] узнал-изучил, так это обряд бракосочетания.

— До чего же ты дошел в своих занятиях, Косе?

— Начал я с «эбджета» и дошел до «ховвеза» ¹⁶ . . .

— Вот, оказывается, какой ученый ахун * у меня под боком! Ну так совершай бракосочетание!

Тот взял Овеза за руку и привел на женскую половину. Здесь он соединил его руку с рукой Гюль-Рух [и произнес обычное]:

— Гюль-Рух-джан! Отдаешь ли ты себя Овезу?

— Отдаю.

— Овез-джан, принимаешь ли ты?

— Принимаю.

622. Он заставил их повторить [все это] трижды. А сам произнес: «Безев прошел, тызав прошел, бисмиллах, Аллах велик! ¹⁷ — вот это и есть большое бракосочетание!» Сказал так Косе и ушел. Гюль-Рух крикнула ему вслед:

— Мерем-ага! Пусть Гёр-оглы придет ко мне.

Пришел Косе к Гёр-оглы.

— Ну, Косе, совершил ли ты бракосочетание?

— Я такое бракосочетание совершил, что они до смерти друг с другом не разлучатся.

— Косе, какая же плата причитается тебе за это?

— Гёр-оглы, приходилось мне слышать от мулл, что за это берут по пятьсот золотых туманов.

— Разве Гюль-Рух тебе дочь? ¹⁸

— Правда, Гёр-оглы, говорят, действительно пятьсот золотых туманов. Коли предлагаешь немного скинуть — ну что ж, хорошо, поторгуемся. Только оставь эти разговоры о дочери и прочем!

— Ладно, Косе, дам я тебе дважды по девять золотых, два свертка набата, два фунта чаю да еще новехонький халат. Остальное скинь ради меня.

— Эх, Гёр-оглы, мало мне выгоды выходит. И все-таки скину остальное ради тебя. А потом как-нибудь меня уважишь.

623. На том и договорились Гёр-оглы с Косе.

— Гёр-оглы, Гюль-Рух сказала, чтобы ты зашел к ней.

— Хорошо, добро, — ответил [Гёр-оглы] и отправился, взяв с собой дутар. Подошел к двери. Видит: дверь заперта. «Коли просто войду, могу застать их врасплох», — подумал он и крикнул с улицы:

— О Гюль-Рух! Какое у тебя ко мне дело?

Та вскочила и открыла дверь.

— Заходи, ага Гёр-оглы!

Она посадила его у подушки ¹⁹ и угостила чаем, подала кальян.

— Ну, милая Гюль-Рух, какое у тебя ко мне дело?

624. — Ага Гёр-оглы! Есть у меня к тебе просьба. Мои родители рано или поздно выдали бы меня замуж, не держали бы при себе. И луч-

шего, чем Овез, они бы не нашли. Обрела я свое счастье. И тебе я счастья желаю! Было у меня трижды по шестьдесят садов, триста шестьдесят служанок, была тетка волшебница Хопнишан. [Так] как же тебе удалось их обойти и увести меня? Может, ты перебил их всех, пролил их кровь?

— Милая Гюль-Рух! Не беспокойся о них. А взял тебя [так], как волосок из теста вытаскивают, не почувял того ни сад твой, ни садовник. . .

625. Пришел я [к саду], в сад вошел.
Не почувял [того] ни сад, ни садовник.
Красных роз твоих [в саду] я нарвал.
Не почувял [того] ни сад, ни садовник.

На ловлю-охоту вышел удалой игид.
Отправился в путь, до Гурджистана дошел.
Доброе дело сделала Хопнишан.
Не почувял [того] ни сад, ни садовник.

Пусть же срывает [свежие] розы твои,
Пусть же лобзает сладкие уста твои,
Пусть обнимает Овез талию твою.
Не почувял [того] ни сад, ни садовник.

Утренней порой соловей пролетел,
Розу увидел он и зарыдал.
Цели своей Гёр-оглы достиг.
Не почувял [того] ни сад, ни садовник.

626. — Берекелла *, ага Гёр-оглы! [Теперь] я не буду беспокоиться о родных. Иди, больше я тебя не держу.

Ушел Гёр-оглы, и Овез с Гюль-Рух сплелись в объятиях. Пусть же так они и лежат обнявшись. И Гёр-оглы пусть поживает на женской половине со своей пери.

Пусть добрые люди достигнут цели, злые пусть останутся с позором. Эх, зачем оставлять их — пусть все достигнут цели!

VII. АРАБ-РЕЙХАН

627. О ком рассказ?

Бек Гёр-оглы хитростью отнял у шаха Леке его дочь...¹, отдал ее Овез-джану в жены, соединил их браком, устроил пир-свадьбу. О ком рассказ? — О шахе Леке.

Вернулся он с охоты, а дочери нет на троне.

— Садовником у нее дед Сансар. Видно, не обошлось здесь без его хитростей. Ступайте проверьте! — [распорядился шах].

Прибежали стражники к деду, [но] нет ни деда Сансара, ни кого другого. Кроме совы, никого не оказалось в его доме.

Допросили с пристрастием Хопнишан, допросили с пристрастием слуганок. [Но] они ни в чем не признались. Тут же собрали звездочетов, гадалщиков.

— Будь она хоть под землей, разыщите!

Раскрыли свои книги звездочеты, стали гадать гадалщики.

628. — Тагсир! Твою дочь увел суннит Гёр-оглы из Четырехгорного Чандыбиля.

— Коли нет на моем троне дочери моей, мне все едино: сижу я на нем или нет?!

Хотел он собрать войско и что-то предпринять. Но приближенные ему посоветовали:

— Тагсир! Не отправляйся пока [в поход], не собирай войско. Пошли письмо Арабам. Коли явится хоть один из них, это будет лучше, чем поход всех шиитов, тагсир!

— Хорошо, добро! — согласился тот и отправил письмо падишаху Рейхан-Арабу.

Письмо доставили. [Рейхан-Араб] ответил: «Я давал клятву не воевать с Гёр-оглы».

Среднего брата звали Аман-Арабом. [Письмо Леке] передали и ему. И тот, прочитав, отметил: «Я бросил воевать, сражаться, Живу как аскет-суфий».

Младшего брата звали Араб-Рейханом. [Всего их] было три брата. Принесли письмо, передали ему. Он прочитал его.

— А что, разве не старшим следовало бы поехать?

— Не [могут они]: один из них дал клятву, другой — как аскет-суфий.

— Ну, коли никто из них не едет, так поеду я!

— Коли поедешь да славу завоеешь — будешь с падишахом вместе страной править!

629. Это был Араб-Рейхан — тот [самый], который никогда не выпускал из рук сабли, все войной промышлял. Он сел на слона и отправился в поход, чтобы предстать перед шахом Леке. Погоняя [слона], прибыл в крепость, привязал слона и стоя приветствовал падишаха. Шея у этого Араба была с минарет, голова — с купол, рот — как земляной очаг, зубы — с весла, борода — как прутья тальника. Увидев его [крепкий] стан и [весь] его облик, падишах [от страха] сил лишился и слезу пустил. А тот величественно промолвил:

— О тагсир, что же ты печалишься, когда я здоров? — и произнес несколько слов:

630. Не печалься, мой прекрасный шах!

Того суннита я сокрошу,
Да будет другом нам мой бог.
Вечную славу завоею я!

Свалю его, выпущу ему кровь!
Захвачу девушек их и молодых.
Его Овез-джана, сына мясника,
Стремянным твоим сделаю я.

Отдам повеление я Зульфикару * —
Опозорен будет суннит.
Из людских голов минарет воздвигну —
Головы отсеку, кровь пролью я!

Пир его в поминки обращаю,
Суннита заставлю о пощаде молить.
С любимой пери его
Сердце свое повеселю я.

Имя мое Араб-Рейхан.
Глотку ему [перегрызу], крови изопью!
Чандыбиль я сровню с землей!
[Такие] услуги тебе окажу я!

631. После его слов падишах сказал:

— О Араб! Проси у меня все что хочешь, все, что есть в этом мире!

— Тагсир! Ты пока не видел моего подвига. Сначала нужно службу сослужить, а уж после награду просить! Я, как родился, [ни разу] как следует не наелся. Ты набей мне брюхо за счет казны, а там уж приказывай, что делать!

— Ступайте набейте ему брюхо! — повелел он своим поварам.

Его обед известен был всем шиитам. Привели и зарезали старого верблюда маслбойщика — сунули в котел. Чуть поварили и подали ему. Тот стал рвать [мясо] ручищами. То полбатмана, то целый тебризский батман [мяса и костей] схватит и отправит [в желудок, как] в большой мешок. Съел без остатка мясо целого верблюда и явился к шаху.

— Ну, Араб! Поел немножко?

— Тагсир! Семь лет я ходил с жаждущим, страждущим сердцем, [теперь] подзакусил малость.

— Ну а нужна ли тебе помощь, подмога? Как ты идти собираешься на Гёр-оглы?

Разомлел, благодует [Араб] после обеда, после чая и кальяна! Смотри, как куражится он перед падишахом:

632. Прекрасный мой шах! С нами
Пусть двенадцать тысяч силачей едут.
На Чандыбиль я поход совершу,
Шахский сын Махмуд-джан [с нами] пусть едет.

С играми беки [с нами] пусть едут.
Весенней порою, ранней весной.
С песнями и звучной музыкой
Сорок пять юношей-бахши пусть едут.

Натягиваю я тетиву лука.
Битвы ищу.
Головами суннитов вьюки набью —
Три буйных инера твоих пусть идут.

Черные очи подведены сурьмой —
Увидев их, [и] голодные насытятся.
Девушки-гурии достойны любви,
Триста шестьдесят молоденьких [с нами] пусть едут.

Имя мое — Араб-Рейхан.
Коли поеду — настанет конец света [для врагов]!
С тамадой жизнью хочу наслаждаться,
Сорок юношей с чашами [с нами] пусть едут!

633. После его слов падишах заметил:

— Эх, зангар Араб! Коли поедет столько игидов, столько воинов, тогда для чего ты нужен? Зачем тебя-то я сюда пригласил?

— Тагсир! Да разве я прошу у тебя войск?

— А коли войск не просишь, ты что — во сне бредишь? Чего ты аря болтаешь: «Силачи пусть едут, молодые пусть едут, бахши, юноши пусть едут. . .»

— Ах, тагсир! Ты на меня не обижайся! [Пойми] человека, [впервые] досыта наевшегося за счет казны. Коли сказал лишнее, это бывает, тагсир! Теперь уж я решил — один поеду на Гёр-оглы! Скажешь: убей его и привези труп — привезу; как прикажешь*привезти, так^и привезу, тагсир!

Похваляясь перед шахом, он спел:

634. Шах мой, еду я в Чандыбиль.
Может, схвачу Гёр-оглы и привезу,
Может, в ярости я убью его,
Приторочив к седлу, голову его привезу!

Алого вина я с охотой изопью,
Горяча коня, бурные реки я преодолею,
Саблей своей багряную кровь я пролью.
Может, и не убью — живьем его приведу.

Ты глава многотысячного войска,
С беком Гёр-оглы буду сражаться я.
В стране Чандыбиль битву устрою я.
Может, гоня перед конем, сюда [его] приведу.

Это слово говорит Араб-Рейхан.
Да будет мне удача, мой шах!
Страну Гёр-оглы разрушу,
Юношей и девушек в полон приведу!

635. После его слов Леке спросил:

— Как хочешь, так и привези! Скажи, что [тебе] для этого надо?

— Тагсир! Мне самому для похода дай слона, [а еще] дай лошадь с желтыми зубами и желтыми [стершимися] копытами — пригодится в крутых горах; дай верблюда, чтобы погрузить на него лук, стрелы и провиант.

Все, что он назвал, приготовили и дали [ему]. Он сед на слона, потянул за собой лошадь и верблюда и отправился в Чандыбиль. Не проехал он и половины пути, как прикончил все свои запасы. Потом иссяк у него чай, и табака не осталось. Кому же горевать теперь? Рейхану горевать! Едет он, укоряя себя: «Не был бы я глупым псом, разве бы выступил в поход? Гёр-оглы ведь увел дочь падишаха, а не мою. Подъеду-ка я к Чандыбилю, набью себе брюхо, [да и поверну назад], вернусь живым и невредимым. . .» — размышлял он. Так ехал он и доехал до берегов реки Араз. Привязал слона в одном месте, лошадь — в другом. Взял лук и стрелы, прошелся в одну сторону, в другую — не попадетсЯ ли джейран или кулан, чтоб подстрелить и наестся.

636. На берегах Араза вольно пастся табун Гёр-оглы. [Араб] наткнулся на табун и осторожно приблизился к лошадям. Приметив среди

них упитанную старую кобылу, подманил ее чмоканьем и ухватил пастушеским крюком. Поймал, придавил, быстро перерезал ей горло, разрубил на куски, зажег груды дров, приготовил кебаб и запил мясо вином. На ужин съел еще жеребца.

637. Стал чабан-табунщик подсчитывать лошадей и недосчитался старой кобылы и одного жеребца. «О Аллах, не в болоте ли они увязли?» — подумал он и пошел посмотреть следы вокруг табуна. Попался ему след человеческий. Измерил величину шага — каждый шаг был в пять с половиной раз больше шага пастуха. «Хвала Аллаху, что меня самого еще не съел», — [подумал пастух], и его охватил страх. Вскочил он на коня, сделал из своего пояса недоуздок и поскакал в крепость. Приехал туда на взмыленном коне.

— Эй, чабан-табунщик! Все ли в порядке?

— Гёр-оглы-ага! Теперь уж я не могу сказать, что все в порядке. Беда свалилась на твой табун — [кто-то] истребляет его. Паси сам теперь [свой скот] — я больше пасты не буду! Каждый шаг [вора] равен пятнадцати обычным. . .

638. Как только тот описал его, Гёр-оглы понял.

— Эй, Косе! Это один из тех Арабов. Если мы не разыщем и не поймем его, он разорит страну. Видно, шах Леке сварядил его, чтобы отомстить нам.

А [игиды] между тем блаженствовали, наслаждаясь мягким кабла, ароматным чаем, каршинским табаком.

— По коням! По коням! — раздался клич. Прискакали, нашли следы Араба поблизости от табуна. Нашли следы и пошли по ним.

Араб скрыл свои следы, как это делает заяц, и залег в большой пещере. [Видят игиды] — дошли следы до каменистого места и затерялись.

— Косе! Здесь сделаем привал. Когда-то ведь проголодается этот зангар и снова пойдет к табуну.

639. Устроили они в этом месте привал. Попили чаю, кальян покурили. Гёр-оглы сказал:

— Эй, Косе! Возьми-ка сорок игидов и отправляйтесь на охоту. Может, джейрана [найдешь] или кулана, подстрелишь и привезешь — зажарим и съедим. А мы с Овез-джаном будем, пожалуй, охранять стан. Как ты думаешь?

— Хорошо, добро! — ответил Косе, взял с собой сорок игидов и отправился на охоту. Когда они уехали, Гёр-оглы сказал:

— Овез-джан, хорошо, коли выручит [нас] бог. [Что-то] тянет мне затылочную жилу — как бы не накинули мне аркан на шею. Тянет мне что-то оба плеча — как бы не связали мне руки. [Недаром] же говорят: «Ищи врага под подстилкой»². Поддай-ка мне разок-другой [пригубить] вина. Без вина не могу я идти в бой.

640. Овез наполовину наполнил пиалу и подал вина Гёр-оглы. Тот выпил.

— Овез-джан, поддай-ка еще одну пиалу!

— Ага! [Вино] у тебя ум-память, мощь-силу отнимет. Хватит нынче.

— Раз я сказал «подай», так подавай!
Подав [Овез-джан] еще одну пиалу, тот выпил и сказал:
— Овез-джан, еще одну пиалу подай!
— Остановись, ага, хватит этого!
— Что ты заладил! Говорят тебе подать, так подавай!
641. Выпил еще одну пиалу. Выпил три пиалы и стал совсем пьян.
— Эй, Овез, что бы я ни говорил, отвечай: «Правильно!» А будешь
перечить — мигом сниму тебе голову!

Овез-джан весь дрожал, как ртуть, трепетал, как камыш.
— Эй, Овез-джан!
— Я здесь, ага!
— Ведь правда, что Нуширван Справедливый * не правил страной так
справедливо, как я? А?
— Правильно, ага.
— Ведь правда, что Сеид-Петдар * не был так красноречив, как я?
— Правильно, ага!
— Ведь правда, что Хатам-Тай * не кормил страну так, как я кормлю?
— Правильно, ага!
— [Правда ли, что] и хазрет Али не свершил таких дел, что я свершил?
— Эх, ага, хватил лишку ты. Ты задел не то, ага!
— Овез-джан! Коли я лишку хватил, укрой меня бурками сорока
игидов. Если, пропотев, я в себя не приду, то уж вообще не очнусь. Оружие
мое привяжи к Гыр-ату, а его самого к колышку привяжи легонько.
Лучше уж я сам попаду [в руки] к врагу, чем мое оружие. Гыр-ат не отдаст
моего оружия врагу. А ты поезжай за игидами, найди их и поскорей
возвращайтесь. Враг где-то близко, Овез-джан!

— Хорошо, добро, — ответил Овез-джан. Исполняя приказ Гёр-оглы,
отправился он по следам игидов. [Вскоре] исчез Овез из глаз.

642. О ком рассказ? — Об Арабе.

Оказывается, он тайком следил за [Гёр-оглы] из горного ущелья.
«Эх, не добуду ли я себе нынче славы?» — подумал он и, выйдя из-за
горы, двинулся [к Гёр-оглы]. Подошел и уселся верхом на Гёр-оглы.
Тяжесть сорока бурок и тяжесть Араба придавили Гёр-оглы к земле.

«О Аллах, когда приближается враг, Гыр-ат будит меня. Видно, это
мой конь [навалился на меня]», — подумал он и стал понукать: «Чу. . .
Киш. . .» А когда выглянул из-под бурок, увидел, что это какой-то мерз-
кого вида зангар вагромоздился на него. В страхе закрыл он глаза.

Тем временем Араб сбросил с него бурки и стал связывать ему руки.
Заплакал Гёр-оглы: «Вот и сбылась поговорка: „Умрет богатырь — а в нем
всего-то один батман мяса“. И еще подумал он: «Слышал я, что хоть
у неверного вера ложная, да душа мягкая. Попробую обратиться к нему
с мольбой. Не убьет — и то уже хорошо будет. . .» И, обращаясь к Арабу
с мольбой (а сам он под Арабом), Гёр-оглы стал петь:

643. Я сокол. В твою попал я сеть.
Брат Араб! Пошади! Пошади!

Отпусти же, уйду я дорогой своей.
Брат Араб! Пощади! Пощади!

В громких словах неправда есть.
Есть люди, что жаждут возвращения моего.
Разграблению подвергается моя страна.
Брат-тиран! Пощади! Пощади!

Злосчастная доля богом ниспослана мне,
Уж не погиб ли Овез мой?
Спасенья лишь от Али могу я ждать.
Брат Рейхан! Пощади! Пощади!

Чистый водоем без тени остался,
Овез-джан без опоры остался,
Чандыбиль без хозяина остался. . .
Брат Араб! Пощади! Пощади!

Руки мои связаны за спиной.
Грудь моя истерзана, заклеимена.
Преисполнен сожалений Гёр-оглы.
Брат Араб! Пощади! Пощади!

644. На это тот ответил:

— Зангар Гёр-оглы! Не убью тебя, коли в пути не станешь мне докучать и исправно будешь мне служить.

Что делать тому, у кого руки связаны?

— Буду служить [тебе], как смогу.

— Хорошо, добро, — сказал [Араб], накинул ему на шею аркан и оставил его в этом месте связанным. Откуда-то привел он своего слона, свою лошадь и верблюда своего. Гыр-ат перебежал с места на место, не отходя далеко.

«О Аллах, ведь и конь его достоин шаха. Уведу-ка и коня!» — [подумал Араб] и направился к Гыр-ату. Конь раскрыл пасть, прижал уши, прополз под слоном и убежал.

— Вот зангар! Слышал я: сам Гёр-оглы снимает голову пятерым, а конь его — десятерым. Оказывается, правда это!

645. Оставив коня, он накинул Гёр-оглы на шею веревку, привязал его к верблюду, а верблюда — к лошади. Сам сел на слона и двинулся в путь. Зашагал слон, за ним лошадь, затем верблюд, а за верблюдом волочился Гёр-оглы. Сбоку шел Гыр-ат, проливая слезы, а за ним волочилась его привязь.

646. Небо затянулось мглой, опустился туман. «Это счастье мое», — радовался непогоде Араб и все дальше уходил, слезая [со слона] лишь по естественным надобностям. А сорок [игидов], не найдя ничего — где там дичь, где куланы, — вернулись, но не нашли и своего стана.

647. А Араб с Гёр-оглы день этот шел и ночь шел. На другой день, когда солнце поднялось высоко, очнулся Гёр-оглы, в себя пришел. Глядит: тащится он за верблюдом со связанными за спиной руками и с арканом на шее, сбоку Гыр-ат идет, проливая слезы, а за ним волочится его привязь.

— Гыр-ат! Спутник мой, товарищ в черные дни! Тяжела моя доля. Расскажи о том, что стало со мной, стране-народу [моему], Чандыбилю, сорока игидам, Ага-Юнус, Овез-джану, привет им передай! . . — обратился к [Гыр-ату] Гёр-оглы и спел, хоть не было у него в руках саза:

648. Гыр-ат! Коль пойдешь в Чандыбиль,
Свидетелься придется [лишь] в Судный день — [так] передай.
Слово мое народу-стране доставь.
Чандыбиль без хозяина остался — [так] передай.

Вдалеке осталась моя страна, мой край.
В огне гореть пришлось сладкой душе моей.
Услышал бы мое слово мой Овез-джан.
Пери Ага-Юнус привет передай!

Коварные соперники преградили мне путь,
Мою душу³ огонь разлуки истерзал.
Я спал. Захватили меня врасплох.
Не осталось у Гёр-оглы потомства — [так] передай.

Коварные соперники связали мне руки,
Сердце огнем разлуки мне спалили,
Данный Аллахом Гыр-ат заплакал,
Без сожалений покинул [этот] мир — [так] передай.

В цветущем саду остался хан мой Овез,
Рыдает пери моя, высматривая меня.
Без оружия, без колчана, в руках Рейхана я,
Умер [уже] Гёр-оглы, хоть смертный час его не настал, —
[так] передай . . .

649. Кончил он петь, и Гыр-ат понял его речь, повернул назад — прыгнул раз, и привязь упала на его круп. Закинув привязь себе на круп, конь молнией ринулся в сторону крепости Чандыбиль. И часа не скакал, как оказался у крепости. Подошел — а ворота закрыты изнутри. Громко Гыр-ат заржал у ворот.

Ага-Юнус и сестра ее Гюль-Ширин были на женской половине. Голос Гыр-ата проник в кибитку через ее верх.

— Гюль-Ширин! Никак, случилось что с твоим господином. Слышно было, как странно, печально кричал Гыр-ат. . .

Взявшись за руки, вышли они на улицу. С Гыр-ата крупными хлопьями падала пена.

— Где хозяин твой, [бедное] создание?

650. Да разве же есть у него язык? Тем временем и сорок игидов тесной группой показались у крепости со стороны кыблы.

Всякую надежду потеряла Ага-Юнус. Все же обе смотрели туда — не едет ли он с кем-нибудь на одном коне?

Сорок игидов подъезжали один за другим. На каждом коне только один — где там двое! Перп Ага-Юнус спросила игидов о Гёр-оглы, заплакала и спела:

651. Гыр-ат вернулся, наступая на повод.

О Гёр-оглы знаете ли вы?

К седлам приторочив головы [врагов],

О сыне бека знаете ли вы?

Не помутился ли разум его?

Не ушел ли он за высокие горы?

Не попал ли он в руки Арабу?

Об удалце-игиде знаете ли вы?

Крепость разрушена, селения нет,

У сорока игидов наставника нет.

Ребенка, лепечущего «папа», у него нет,

Об [этом] несчастном знаете ли вы?

Гыр-ат пришел без седока,

Так, может, погиб бек Гёр-оглы?

Без хозяина остался Чавдыбиль.

О бездетном знаете ли вы?

Ты чернобровый, Овез-джан,

Сердце у меня [разбито] на сто кусков.

Бедняжка Ага-Юнус,

О вздохах-стеваниях ее знаете ли вы?

652. Только после этих ее слов сорок игидов поняли, что Гёр-оглы попал в руки Араба. Столько дней не пившие чаю и не курившие [игиды] уже не слушали ее и ринулись в мейхану. Там и нашла Овез-джана Ага-Юнус и привела его [к себе].

— Овез-джан, хоть и не кормила я тебя грудью, но молоком я тебя поила. Если ты не узнаешь, жив или погиб твой господин, то я прокляну тот хлеб-соль, которым кормила тебя! Может, хоть один из сорока игидов послушается тебя, а может, и двое. А коли никто не будет тебе послушен, то поезжай сам, один!

— Хорошо, добро, Ага-Юнус!

653. Пока Ага-Юнус говорила с Овезом, сорок игидов пришли в мейхану, развели большой огонь и наполнили кумганы чистой водой. Утрата Гёр-оглы значила для [зангаров] меньше, чем пропажа ножа.

Овез вел себя мужественно.

— Эй, игиды! Что же вы сидите, когда такой игид, как Гёр-оглы, попал в руки Араба? Так не годится! Вставайте же, садитесь на коней, — сказал он и спел:

654. Услышите вздохи-стенанья мои,
По коням — и на Рейхана!
Да буду я жертвой для вас, сорока.
По коням — и на Рейхана!

Для [боя] храбрецу ровное поле нужно,
[Драться] с врагом лицом к лицу нужно,
Возвращаться [из боя] со славой нужно.
По коням — и на Рейхана!

Покинул горы марал,
Покинул степи джейран,
Покинул Чандыбиль его хан.
По коням — и на Рейхана!

Овез-джан говорит, тленен мир.
Пролилась кровь храброго игида. . .
Помянем же Муртау *.
По коням — и на Рейхана!

655. Кончил он петь, но ни один [из игидов] не издал ни звука.

— Эй, игиды, так среди вас нет никого, кто поедет с нами?

— Ай, Овез, с ума ты сошел, обезумел, спятил!? Ну, попал Гёр-оглы в руки Араба, а мы кто такие, чтобы его отбивать? Даже просто труп [Араба], упади он, задавит сорок таких, как мы, — сказал Хаджи-Сумсар.

— Раз никто из вас не поедет — я [один] поеду, игиды!

— Едешь, так не медли! Зачем спрашиваешь об этом!

656. О ком рассказ? — О Косе.

Сидел он и размышлял: «О Аллах, даже если никто не поедет, так ведь он поедет один. Если и я скажу, что поеду, со мною поедут двое юношей — Мирим и Камбар, они не ослушаются меня. Если я скажу, что поеду, Ага-Юнус даст в дорогу вдоволь харчей. Как знать, может, и вернется [еще] Гёр-оглы живым — он будет благодарен мне за то, что я отправился его искать. Возьму-ка я вдоволь харчей, заберу с собой Мирима, Камбара и Овеза, отправлюсь в дорогу, привалы буду делать там, где много дров, где вкусная вода, — на такырах, у начала арыков, трое юношей будут прислуживать [мне], кипятить чай, готовить обед, а я буду вдоволь наслаждаться. . .»

— Эй, Овез-джан, я поеду с тобой, хоть никто другой и не едет! Иди передай Ага-Юнус: харчей пусть даст вдоволь. Мирим, Камбар и ты, быстрее седлайте коней!

Овез-джан пришел к Ага-Юнус.

— О Ага-Юнус-апа *! Косе говорит, что поедет. Говорит, чтобы харчей дали вдоволь.

— Пусть берет сколько надо! Зачем мне теперь богатства, сокровища. . .

657. Получили они харчей вдоволь. А Овез отправлялся в бой в первый раз.

— Ну, Овез, садись на Гыр-ата Гёр-оглы, надевай на себя его доспехи!

Овез погладил, расчесал щеткой спину коня, пока не исчез старый пот. Потом тщательно оседлал его. Наложил на Гыр-ата бархатный потник, подседельник гранатового цвета, седло из золоченой кожи, чепрак с золотой бахромой, кожаную седельную подушку, украшение с парой лув, недоуздок, украшенный изумрудами. Сам тоже отменно оделся, надел сапоги из сагры, рубаху с золотыми пуговицами, облачился в царственное одеяние, опоясался поясом, отделанным золотом, заткнул за пояс нож с золотой рукоятью, надел золотую кольчугу, нарукавники, шлем и латы и, взяв в руки алмазное копье, сел на коня. И Мирим с Камбаром тоже сели на коней как положено.

658. У Сапар-Косе был конь. Статью он был таков: шея у него напоминала соху, голова мясистая, уши расставлены широко, глаза немного впалые, копыта большие; живот плоский, хвост кривой. Кличка коня была [Серый Туман] Боз-Думан. Косе сел на Боз-Думана. Выехали из крепости и все вместе поскакали вперед. Проехали какое-то расстояние, и Гыр-ат начал рваться вперед.

— Овез-джан! Как бы Гыр-ат не погубил тебя! — предупредил его Косе.

— Мерем-ага! Совсем извел меня Гыр-ат!

— Овез-джан! Коли Гыр-ат извел тебя, поезжай-ка вперед, быстрее меня. А догонишь Араба с Гёр-оглы и увидишь Гёр-оглы мертвым, отправляйся нам навстречу. Тогда вам не будет смысла ехать. А коли увидишь его живым — не отставай от них, а там и мы подоспеем.

— Хорошо, добро! — ответил тот и отпустил поводья. Конь полетел, словно ласточка, и тут же исчез из глаз.

Кони у Мирима и Камбара тоже были резвые — рвались вперед, и они. Поодаль они попридерживали коней.

— Мерем-ага! Да поезжай же! Поезжай! Мерем-ага! Поезжай!

659. А у коня мерем-аги была привычка: в первый день ходил медленно, во второй — рысью, в третий день начинал горячиться Боз-Думан.

— Эй, мерем-ага! Мы устали удерживать коней. Мы тоже поскачем вслед за Овез-джаном. Твой Боз-Думан рано или поздно разгорячится, и ты нас догонишь, — сказали юноши и ускакали.

«Плохо мое дело, плохо мое дело. . . Чай, табак, харчи увезли юноши с собой. . .» — беспокоился Косе.

[Мечтал] понаслаждаться Косе, а приходится умирать с голоду. . . Огрел Косе Боз-Думана плетью. Но конь, проклятый богом, не спешил. При ударах плетью он лишь помахивал хвостом. Косе взял кнут с другого

конца и стал бить [коня] рукоятью — она отлетела, чуть руку не покалечил себе Косе. Так он и плелся, пока не добрался до леса. Здесь он спешился, вынул из-за пояса нож, срезал тридцать одну палку несколько толще шейки дутара и чуть тоньше ручки лопаты и привязал их к крупу коня. «Ну, зангар, жеребец! Как теперь себя будешь чувствовать?» — [подумал он]. Ломается одна палка, он берет другую, бьет по крупу, по ребрам, по голове коня — вот и поехал Косе. Пусть они гонятся друг за другом.

О ком теперь рассказ? — О беке Гёр-оглы и Арабе.

660. Прошло несколько дней. «Кажется, опасность миновала, я спасен!» — размышлял [Араб] и издевался над Гёр-оглы.

— Зангар-суннит Гёр-оглы! Так это ты, что ли, Гёр-оглы из Четырехгорного Чандыбиля?

— Да, я.

— Коли да, так, значит, ты, зангар, похитивший Овеза из Веенгама, зангар, похитивший милую Гюль-Рух, дочь шаха Леке, похитивший Бибиджан, дочь нашего господина из Арабистана, зангар, слабых обижавший, поганый, ослиный вор, разбойник, забулдыга-зангар, ты попался таки мне в руки!

661. От [этих] его слов Гёр-оглы [то и дело] сходил на обочину дороги; от его толчков и верблюды сбивался с пути, спотыкался. Араб заметил это и, криво усевшись на слоне, все приговаривал: «Бырада, бырада!» Слово «бырада» на арабском языке как будто означает «иди прямо». Он обратился к Гёр-оглы с песней:

662. Вожака я поймал,
Я рад, я весел, «бырада!»
Повелителя Чандыбиля [я поймал],
Я рад, я весел, «бырада!».

Слезы, текущие из глаз, остались,
Края твои далеко остались,
Пустым [без тебя] твой Чандыбиль остался,
Я рад, я весел, «бырада!».

Поскакать бы по полю брани мне,
Испытывать бы долю-судьбу свою.
Что ж ты дашь, коли пушу?
Я рад, я весел, «бырада!».

Твой пир [на помощь] не явится к тебе.
Я жажду крови твоей.
Издевки ты заслужил.
Я рад, я весел, «бырада!».

Погиб бек Гёр-оглы.
Имя его помянут на том свете (?).

Ллукет Араб-Рейхан.
Я рад, я весел, «бырада!».

663. Он кончил песню. В одном месте он сказал: «Твой пир [на мощь] не явится к тебе». Гёр-оглы ответил:

— Эх, зангар Араб! Даст бог, скоро будешь ты в моих руках.

— Ха! Как же это ты устроишь? Ты все еще надеешься остаться в живых? Вот ударю раз шестопером верблюда по спине, и оторвет он тебе голову! — ответил тот.

— Что бы ни делал ты, а будешь ты, даст бог, в моих руках! — промолвил Гёр-оглы и обратился к Арабу с песней:】

664. Я [настоящий] мужчина, я сбился с пути,
Араб, ты не кичись!
Захваченный враслох, я в руки к тебе попал.
Зангар, ты не кичись!

На каждом переходе ягнят я ловил.
Бывало, и на Истамбул я ходил.
От гордости своей я пострадал.
Грешник, ты не кичись!

Гыр-ат ускакал в Чандыбиль.
Весть народу моему передаст.
Вот-вот подоспеют [игиды] с Овезом.
Араб, ты не кичись!

С громким ржанием Гыр-ат горы перейдет,
Сорок игидов моих настигнут тебя!
В страну твою вернется твой труп.
Араб, ты не кичись!

С тобой не сразился я.
Верю, догонит [тебя] Овез.
Гёр-оглы в руки к тебе попал.
Грешник, ты не кичись!

665. Так пропел он и снова двинулся дальше. Вот уж несколько дней Араб убегал, не различая ни дня, ни ночи, не [смея] уснуть; к утру его, сидящего на слоне, сильно клонило ко сну. «Он ведь едет полусонным. Не могу ли я как-нибудь ему навредить? Ведь и малый вред — это тоже вред!» — [подумал Гёр-оглы]. [Вот ведь] в таком положении [Гёр-оглы] в бездействии не остается! Посмотрел он на свои руки — распухли они, веревки врезались в них. Хотел сдвинуть [веревку] ниже — не получилось. Попробовал сдвинуть вверх — немного сдвинул. [Так] сдвигал он и сдвигал, пока не передвинул веревку за локти — освободились руки

до локтей. Шел он и шарил по земле, приговаривая: «Дал бы бог камень!» Искал он и нашел два камня — занесло их сюда селом, рекой. Каждый из них был с голову мальчика-сироты. Один он сунул себе под мышку, а другой изо всей силы швырнул и попал прямо в затылок Арабу — тот мигом раскрыл глаза. А вслед за первым Гёр-оглы бросил и второй камень. Араб [в это время] повернулся назад, чтобы взглянуть, — камень угодил ему в нос и оторвал половину [носа]. Кровь хлынула ручьем. Растерялся [Араб], соскочил со слона, подошел к Гёр-оглы и вмиг подмял его [под себя]. Быстро выхватил из-за пояса кинжал и приставил его к горлу [Гёр-оглы]. А Гёр-оглы лежал и кричал:

666. — Эй, Араб, погоди, постой! Зачем ты свалил меня? Что ты хочешь сделать со мной?

— Ты-то что, сам не знаешь, что я хочу сделать? Голову хочу тебе снять!

— Ногодя. Покуда не снял ты мне голову, хотел бы я сказать тебе три-четыре слова.

— Говори, коли хочешь!

— Если говорить, [скажу]: снимешь мне голову — все твои труды попусту пропадут.

— Как это пропадут?

— Коли ты привезешь [только] мою голову, шах Леке [тебе] не поверит. Не поверит и упрекает: «Какая же это голова Гёр-оглы? Ты просто побоялся ехать в Чандыбиль, [встретил] в пути какого-то несчастного, отрезал ему голову и привез ее!» А доставишь меня живым — я ведь как-никак [живая] голова с языком — труд твой не пропадет. Не убивай меня!

667. Вот и обманул он его!

— Это ты верно говоришь, — согласился тот и слез с него. — Все же, зангар, коли будешь ты нешим идти, покоя мне не дашь!

Обвязал [Араб] его веревкой под мышками и стоймя привязал его к верблюжьему седлу — как противовес вьюку с провиантом. «Эх, прежде-то лучше было. . .» — промолвил Гёр-оглы. Веревка под мышками врезалась в тело бедняги. Огляделся [Гёр-оглы] и заметил, что Араб оставил свои лук, стрелы, привязав их к верблюжьему седлу. А лук и стрелы у него были огромные. «Боже, не удастся ли перегрызть тетиву у лука?» — подумал [Гёр-оглы]. Тянулся он, тянулся и [наконец] дотянулся до тетивы, закусил коренными зубами, но тетива, сплетенная из трех жил, не поддавалась. «Зангар! Ведь тридцать два твоих зуба — это тридцать два оружия! Неужели ты не [сможешь] перегрызть?» — упрекнул он сам себя и снова вцепился зубами — и снова [тетива] не поддавалась. Укорял себя Гёр-оглы: «Хуже тебя, зангара, не видал я еще! И теленок за одну ночь перетрет привязь, даже если просто будет лизать ее. Неужто не перегрызть тебе это?» и снова вцепился зубами. В этот третий раз нашел он волоконце помягче — порвал его. Снова ударил зубами — еще одно волоконце порвал. А одно волоконце оставил на всякий случай.

668. О ком теперь рассказ? — Об Овезе и Гыр-ате. Достиг Гыр-ат того места, где Гёр-оглы пел свою песню. Дошел и остановился как вкопанный. Огляделся конь, ища Гёр-оглы, и громко заржал — горы разнесли эхо его ржания. Когда Гыр-ат ржал в ярости, ржание его слышно было за семь переходов.

В гористой местности по ночной прохладе ржание коня достигло ушей Гёр-оглы, [висевшего] на боку верблюда. Услышав голос Гыр-ата, Гёр-оглы не смог сдержать [своих чувств] и закричал:

— Эй, Араб, союзджи, союзджи!

— А что случилось?

— Доносится голос Гыр-ата. Видно, Овез-джан и сорок моих итидов едут на тебя.

— Заткнись, зангар! Это в горах медведи и львы рычат!

— Говоришь, что это их рычание, ну и говори — там посмотрим! — сказал Гёр-оглы, а сам все смотрел [и смотрел] назад.

Взошло солнце. Овез, подбадривая коня плетью, выехал на гору. Блеск, [исходивший] от Гыр-ата, от его сбруи, от золотистых перьев Овеза, соперничал с [блеском] солища.

Увидел это Гёр-оглы и закричал:

— Араб, союзджи!

— Ну, что там такое, зангар? Чего ты все кричишь «союзджи!»?

— Погляди туда — увидишь, что такое!

669. Тот поглядел и видит: догоняют их Гыр-ат и Овез.

— Ого, а зангар-то, оказывается, правду говорил. Передовая часть войска подходит. . .

Он немедленно привязал слона в одном месте, верблюда в другом месте, сам сел на лошадь, взял лук и стрелы и двинулся на Овеза. А Овез-джан, хлеща коня кнутом, подъезжал уже и [вдруг] увидел, что какое-то страшное лицо надвигается, нацелив [на него] стрелу. Страх охватил Овеза. Натянул он поводья и повернул коня в сторону. Когда он повернул, Араб обратился [к нему]:

— Эй, Овез-джан! Не бойся, не пугайся! Подойди сюда! Не трону я тебя, [только] уведу вместе с твоим господином!

670. Овез не может ни подъехать, ни отъехать: он то с этой стороны Араба проскочит, то с другой. А Араб усталился в землю, делая вид, что ничего не замечает. Вот подъехал [Овез] к нему поближе; уперся [Араб] в стремя и выпустил стрелу из лука. Но порвалась тетива, и стрела упала на полпути. Под тяжестью [Араба] оборвались и стремя — грохнулся Араб на землю вниз головой — будто минарет рухнул.

Увидев, как [Араб] упал, Овез ринулся прямо на него. Когда подъехал он, Араб опять направил [на него] лук. Овез снова натянул поводья и повернул коня. Тот бросил ему вслед свой лук. А затем кинул и стремя. Торопливо подъехал Овез к Гёр-оглы на расстояние, с которого можно слышать голос. Гёр-оглы [висел] на верблюде и кричал:

— Хей, Овез, [а где же] сорок итидов, скоро ли подъедут?

— Хей, ага! На многое ты надеешься. Где тебе игиды, где прочие?! — сказал тот и обратился к Гёр-оглы с песней:

671. Пошел против [нас] Рейхан.

Сказал я «поедем», [но] не приедут они, Гёр-оглы!
Пушки наведены, припасы наготове,
Сказал я «поедем», но не приедут они, Гёр-оглы!

Родной страной стал для нас Чандыбиль,
Сгорело, в прах обратилось сердце мое.
Сорок игидов твоих трусами оказались,
Сказал я «поедем», но не приедут они, Гёр-оглы!

Сорок игидов врагами нам стали.
Кровавыми слезами наполнились глаза мои.
Сапар-Мерем [верным] товарищем оказался,
Остальные трусами оказались, Гёр-оглы!

Сорок игидов не послушались меня,
[Скачущий] на Боз-Думане не [смог] гор перевалить.
Юн я еще, мало у меня сил.
Совет мне дай, Гёр-оглы!

Ровная дорога ~~У~~ведет в Чандыбиль.
Ночи для меня [стали] как день.
Одинок вынче Овез-хан.
Да поможет Аллах тебе, Гёр-оглы!

672. На это Гёр-оглы ответил:

— Жаль той соли, что я скормил сорока игидам, жаль услуг, что я им оказал! Он говорит: «Сапар-Мерем [верным] товарищем оказался. [Скачущий на] Боз-Думане не [смог] гор перевалить». Коли едет сюда Косе, и едет на Боз-Думане, то бог знает, завтра ли он подоспеет или послезавтра. И даже если не убьет меня Араб к тому времени, все одно — веревка и верблюжье седло удавят, прикончат меня. . .» — [так размышлял Гёр-оглы].

Еще об одном горько сожалел Гёр-оглы. Из зависти не научил он Овеза искусству битвы. «Что я не научил Овеза воевать, по мне же ударило, как топором по ногам. А научи я его искусству битвы, он мог бы отбить меня у врага». [А еще] подумал он: «Не научил я искусству битвы Овеза, так я не знает он его. Но другие-то науки он изучал. Коли я [сейчас] скажу Овезу несколько слов, обучая его искусству битвы, он надежно это усвоит — он ведь пока еще очень понятлив, не такой, как другие». И он спел:

673. Мой Овез-джан! Когда выходишь в поле,
Прежде всего учтивость нужно проявить.

А коли видишь, что учтивость не приносит успеха,
Нужно повернуть коня и возвратиться.

Знаю я пучину этого боя:
Первым убьют предводителя!
Когда войска сойдутся,
Давить, валить, колоть нужно.

Сев на скакуна, в опьянении [битвой] по полю боя я скакал,
Перед врагом, как дракон, извивался.
Я этот способ [боя] от псов перенял —
То убегать, то преследовать [врага] нужно?

Коли сорок игидов не слушают тебя,
Забыв о братстве, не выходят в путь,
Коли силы у тебя иссякнут — ведь еще ребенок ты, —
Надо известить страну старого богатыря.

Когда тяжело придется, нас вспоминай.
Что значат для храбреца пятьдесят, сто [врагов].
Овез-джан, послушай слово Гёр-оглы:
[Сейчас] ты должен исполнить для меня сыновний долг!

674. Произнес [Гёр-оглы] это, и Овез-джан крепко все усвоил. И тот зангар Араб понимал это.

— Ох, этот зангар все учит его науке воевать. Не будь я глупым псом, не послушался бы его. Не убил я его, не спял ему голову, а [вместо этого] погрузил его на верблюда. Вот убью его, сниму ему голову — пусть будет [хоть] сто тысяч [и еще] сто тысяч войск, [со всеми] справлюсь! Ведь этот зангар — опора для всех них.

675. Теперь он оставил Овеза в покое, сел на жеребца и поскакал к Гёр-оглы. Подвел он жеребца к верблюду и начал отвязывать Гёр-оглы от верблюжьего седла. А Овез-джан подбадривал себя: «Зангар Овез, тебе ведь уже четырнадцать-пятнадцать лет. Когда же дело ты свершишь, когда же станешь ты мужчиной? Уж коли здесь ты дела не свершишь, на что ты способен? Гыр-ат под тобой, сабля-истребительница в руках, чудесная пика у тебя!» — подбадривал он себя и, закрыв глаза, отпустил поводья, [направив] Гыр-ата на Араба.

Закрыв он глаза, но разве свернет Гыр-ат в сторону? Конь, как пуля из ружья, стремительно приблизился [к Арабу] сзади. Лошадь Араба с брошенными поводьями от удара Гыр-ата кинулась прочь. Попытался Араб оправиться и придержать поводья, да подъехал Овез и ударил его копьём в спину. От удара Араб съехал с седла вперед, [на шею лошади]. Лошадь шарахнулась. [Араб] давил ей на шею. Фыркнула лошадь и встала на дыбы, тот свалился, обнял землю. Придавил Овез его копьём. Сделало ли копьё свое дело? Спина [Араба], оказывается, была защищена доспехами,

и копьё прошло под мышкой и вонзилось в землю. Так и лежал [Араб] в беспамятстве.

676. О ком же теперь рассказ? — Двое юношей, Мирим и Камбар, появились внезапно. Они скакали по следу [врага], гнали за ним. Видят: Овез-джан свалил Араба и прижимает [к земле] копьём. Не испытывали юноши еще боли телесной, не видели битвы-сражения. Они стремительно соскочили с коней, подбежали к [Арабу]. В руках у одного был шестопер, у другого — секира. Они били ими по голове Араба, как женщины молотят снопы.

Овез прижимает копьём, Мирим и Камбар бьют шестопером и секирой. Гёр-оглы наслаждается, глядя на них.

— Молодец, мой хан Овез, — сказал он и спел:

677. На этом поле ты догнал [Араба],
Ты молодец, мой хан Овез!
Исполнил для меня ты сыновний долг.
Да будет жертвою тебе моя душа, мой Овез.

Подошел бы я поближе к тебе.
Отдал бы я Гыр-ата тебе,
Не перерезай ему горла — [дай] посмотрю!
Ты молодец, мой хан Овез!

Должен быть благородным игид,
У мастера учиться бы ему.
Араба ты свалил с коня.
Ты молодец, мой хан Овез!

Жаждет он свежих, раскрывшихся роз,
Не осталось выдержки, терпения у него.
Защитник бека Гёр-оглы —
Ты молодец, мой хан Овез!

678. Кончил он свои слова, а в одном месте так он сказал: «Должен быть благородным игид, У мастера учиться бы ему». А Овез возгордился, свалив Араба, — нет, мол, кроме него [настоящего] мужа.

— Эх, зангар! Ты, что ли, благороднее меня? Ты, что ли, мастер, искуснее меня? Коли ты такой благородный и такой [искусный] мастер, что же в руки Арабу попал, связать себя позволил?

679. Вытащил Овез свое копьё и ушел в обиду. Зангар Араб лежал без сознания, оглушенный падением с лошади. Удары шестопера и секиры были для него не [больнее] укуса комара. Пришел он в себя спустя какое-то время и вскочил. Видит: около него двое юношей. Схватил он их, засунул одного под мышку и другого под мышку. А рядом был лес — он бросился туда со всех ног. Овез, обидевшись, в одну сторону отошел, а Араб, схватив юношей, в другую сторону побежал. «Эх, зангар, зангар!

Одно лишь слово его задело. Что ж, не вышло сейчас — снова я буду умолять его, слово свое скажу». И, обращаясь с мольбой к Овез-джану, спел он, хоть не было у него в руках саза:

680. Всевышний мне тебя подарил.
Ты ли это, сын мясника?
Опорой неба, опорой стал.
Ты ли это, сын мясника?

Путь, что я избрал, преградят.
Сладкую душу мою истерзают.
Поведут, на виселице повесят...
Безжалостный сын мясника!

Пройдет этот день. Хатам — это ты,
У кого скот, имущество плачут — это ты.
Ты старший брат для меня, ты мне отец.
Ты старший для меня, сын мясника!

Овез-джана узрели глаза мои,
Иди же, свали Рейхана!
Схватил и унес он двух юношей.
Нынче же подоспей, сын мясника!

Гёр-оглы говорит, душа моя, Аджам!
И день и ночь — все стало для меня одно.
И наставник ты мне, и хозяин мой,
Мой покровитель ты, сын мясника!

681. Произнес он эти свои слова, и к Овезу вернулся разум. «О Аллах, такой игид, как Гёр-оглы, привязан к боку верблюда, [висит] и упрашивает [меня], а я теряю время», — подумал он. И Овез повернул Гыр-ата обратно. Смотрит он: [Араб] заткнул юношей под мышку. Толая, как свинья, он удирал по редколесью.

Укрепил свое сердце Овез. Понял он, что у того спина [закрыта] доспехами. На этот раз Овез широко раскрыл глаза, [так, что стали они] как большая пиала, [крепче] сжал копье и с кличем «алла!» поскакал на Араба. Теперь уж он сзади вонзил копье [Арабу] в спину, словно всадил спицу в колесо мельницы. Крепко пригвоздил Араба к земле. Несчастные юноши вывалились у него из-под мышек. [Так] и пригвоздили здесь Араба к земле. О ком теперь рассказ? — О Боз-Думане и Косе.

682. На пути [у него] была гора и каменная степь. Ехал своей дорогой Косе, Боз-Думан его уже разогрелся. От тридцати одной палки одна лишь осталась, последняя. Сам ведь знаешь, каков трусливый человек. Думал Косе, размышлял: «Вдруг Араб схватил Мирима и Камбара, схватил и Овеза, [тогда] он пересел на Гыр-ата. Разогрелся Боз-Думан,

но Гыр-ат ведь конь более резвый, бегством мне [от него] не спастись. Те юноши не погибнут, куда бы они ни попали. Из стада баранов на убой вожака забирают, вот и меня убьет, коли в руки ему попаду». Так размышлял он и [решил]: «Не буду-ка я ничего предпринимать». Спешился он и [стал] глядеть в расщелину горы. Понял он, что Араб погиб. Тогда снова уселся на Боз-Думана и с гиканьем ринулся вниз. Направился он к верблюду, но взгляд не отрывал от Овеза.

— Эй, зангар Овез! Гёр-оглы все еще висит у верблюда на боку — что же ты, не освободив его, занялся другим делом!

683. О ком рассказ? — Когда Боз-Думан разгорячится, из горла у него несется рев, как гул мельницы, [а] с топотом его копыт не сравнится и топот [коней] тридцати всадников. Рев Боз-Думана, его топот, крики Косе достигли ушей верблюда. Лежал он спокойно, а тут вскочил. Стал он носиться по кругу, то касаясь мордой земли, то оглядываясь на Косе, и так буйствовал он, закинув на спину хвост и роняя одну за другой лепешки помета. Так рвался он, пока не разорвал узду и не умчался прочь.

684. Косе между тем подъезжал на коне. Видит: нет верблюда. Глядь — он бежит по горному ущелью. Ударил [Косе] Боз-Думана плетью. Да разве догонишь [верблюда] на Боз-Думане?! Понял Косе, что не настигнуть ему [верблюда], и закричал Овезу:

— На помощь, Овез-джан! Заходи спереди!

Увидал Овез, что верблюд уносит Гёр-оглы. Оставил он коня и отпустил поводья коня. Верблюд несся как ветер, и ласточка не опередила бы его. Он бежал по горному ущелью, откинув морду в сторону, губы его висели как кожа дыни, прыгал он, широко расставив ноги.

685. Гёр-оглы висел на луке верблюжьего седла неуклюжим грузом, раскачиваясь из стороны в сторону. «Все пропало. Увезет меня верблюд в Гурджистан», — [размышлял он].

Овез преследовал верблюда незаметно, двигался стороной. [Наконец] у одного горного прохода он преградил ему путь. Увидел это верблюд и бросился назад. А Косе, своим чередом преследуя [верблюда], подъезжал сзади. Он закрывал выход из ущелья. Некуда было повернуть верблюда — кинулся он на Косе. Когда он приблизился, Косе прищорил Боз-Думана, подъехал и обхватил верблюда руками за шею, вцепился в четник * и бросился с коня.

686. Раз верблюда схватишь за четник, он уже у тебя в руках. Между тем подъехал и Овез-джан, проехал сбоку и перерезал ножом веревки. Гёр-оглы свалился на землю, лежит, словно мертвый, без дыхания. Овез спешился и стал растирать Гёр-оглы тело, жилы. Минуту три часа, и тот открыл глаза.

— Эх, зангар Косе! Араб мне враг по вере, ты же мне кровный враг!

— Эй, зангар Гёр-оглы! Неужто я, голодая и мучаясь жаждой, ехал за тобой, чтобы услышать эти приятные слова? Ну и порадовал ты меня!

— А ты, так вот заявившись, хотел услышать похвалу? Не ты ли чуть не довел меня до гибели, испугав верблюда?

— Так не знал же я загодя, что верблюд пуглив. Я ведь не помогал его матери, когда она его рожала!

— О Аллах, ну и начал же ты на их войско, на их бунчук! Ты что, не мог сойти с коня и подойти [к верблюду], приговаривая [спокойно] «мох, мох», «джук, джук»?

— Гёр-оглы, я ведь не пастух! Зачем было мне сходить с коня и вести за собой Воез-Думана, приговаривая «мох, мох», «джук, джук»?

Вмешался Овез:

— О ага, оставь свою обиду. Коли ты в силах, садись на коня!

687. Сели на коней и подъехали к Арабу, вытащили [из его тела] копье. Тот произнес «ох. . .» и персвернулся — все еще жив был зангар.

— Овез-джан, подай-ка сюда саблю-истребительницу!

Тот подал саблю. [Гёр-оглы] ударил по тому месту, откуда голова растет, — голова, как купол, отлетела в одну сторону, кровь полилась струей в другую сторону. Он начал кромсать саблей его тело.

— Гёр-оглы! Ты это что, крошишь, [а потом] есть будешь? — заметил Косе.

— Ты погоди, Косе! — ответил он.

Язык у Гёр-оглы был «с прожилиной»: что ни скажет — все сбывается. Вот и сейчас — в одной из своих песен он говорил: «В страну твою вернется твой труп. . .»

688. Изрубили они тело [Араба], положили в большой мешок для хлопка, погрузили на слона и отправили в страну Гурджистан. Пусть слон везет его труп в Гурджистан. А Гёр-оглы с остальными, забрав жеребца, верблюда и голову Араба, пусть возвращаются в свою крепость.

Гёр-оглы ехал, подавленный горем. «Такое мое возвращение не лучше, [чем если бы ягненок спасся] из пасти волка. . .» — [думал он]. Из-за чего он так думал? Из-за своего одиночества. «Днем приехать туда стыдно. Лучше приеду под покровом ночи. Кто мне друг, кто враг — и о том узнаю. . .» — так думал он, и душа его страдала.

689. Понял Овез-джан, что на душе у [Гёр-оглы], сошел с коня, еще не досажая до крепости, и приготовил чай, кальян.

— Овез-джан, в честь чего этот чай, кальян? Разве нельзя было вернуться в крепость и там уже [все это] приготовить? — заметил Косе.

— Зангар Косе! Только Овез знает, что у меня на душе, а вы [ничего] не понимаете! — сказал Гёр-оглы и, обращаясь к игидам, спел:

690. О друзья! Удалцу игиду

Первым делом конь нужен.

На боку — острая сабля,

Еще твердые стрелы нужны.

Грязен сей мир, [печальна] судьба.

Жизнь прошла, что же осталось?

Кольчуга, латы, шлем —

Такие доспехи игиду нужны.

У игида должна быть приятная речь,
Рот как бутон, лицо как цветок.
Лапа льва, глаза ястреба,
Крепкая поясница, мощные плечи [игиду] нужны.

Нужно, чтобы счастье было у игида,
Чтобы ездил он на лихом скакуне,
Чтобы грамотен был, умел писать,
Ясная голова, зрелый ум [игиду] нужны.

Говорит Гёр-оглы, несчастен [я].
Нет счета ранам моим...
Ведьможе, что величаво сидит,
Богатства вокруг нужны.

691. Пропел он это, и солнце зашло, пропали оводы, и двинулись они в путь к крепости. О ком рассказ? — О сорока игидах, оставшихся в крепости.

После отъезда Гёр-оглы проводили они свои дни в унынии.

«В эти дни с Гёр-оглы, видимо, случилось то, что и должно было случиться. В этом преходящем мире выигрывает тот, кто веселится. Так начнем [застольные, веселые] беседы!» — говорили игиды, разделившись на четыре [группы] по десять человек. В тот вечер, когда приехал Гёр-оглы, они как раз начали свои [застольные] беседы. Каждый из игидов зарезал по ягненку. «У кого вкуснее?» — спрашивали они, [приготовив] кто кабла, кто шохле, кто сюзме, кто яхна.

692. Подъехали к воротам. [Гёр-оглы] с Косе поскакала дальше. Двери мейханы были заперты, но из окон лился свет. Приподнялись в стремених и [вот что] увидели: кто еду накладывает [в миску], кто кость грызет.

— Овез-джан, открой-ка двери! Коли твой господин [тут] долго простоят, [только] больше вреда [всем] причинит, — сказал Косе.

Овез-джан сошел с коня и распахнул двери. Коли двери открыты, мешкать нельзя. Гёр-оглы спешил и шагнул внутрь. Те лениво оглянулись [и увидели]: Гёр-оглы смотрит прямо на них.

693. «Надо же было ему в конце концов прийти как раз тогда, когда мы затеяли веселье... Плохи наши дела». Все так и остались сидеть, как сидели: и тот, кто резал морковь, и тот, кто грыз, как собака, кости, кто ел, набив полный рот. А Косе тем временем швырнул на середину [мейханы] голову Араба и подмигнул Овезу: мол, смягчи как-нибудь гнев твоего повелителя.

Овез быстро поднялся с места, вынул из кармана френкский нож и стал отрезать лоскутами кожу с головы Араба и у миски каждого положил по куску.

— Эй, игиды, после отъезда Гёр-оглы у вас было маловато мяса для плова. Вот вам жирное мясо. Вставайте и ешьте! «Ты ешь? [А] ты ешь?» —

приговаривал он и бил их по спинам секирой. И часа не прошло, как всех их заставил съесть. Шириной [куски мяса] были в четыре пальца. Увидал Гёр-оглы, что делает Овез-джан, и рассмеялся. Рассмеялся Гёр-оглы, и Овез осмелел.

— О ага! Есть у меня к тебе просьба!

— Овез-джан, какая у тебя просьба?

694. — Не ставь этим подлецам в укор ничего — будь то [пролитая] кровь или [другой] грех, мне в укор ставь!

— Эх, Овез-джан, не горюй. Ступай, прощаю я им!

Игиды поднялись и отвесили [поклон — выразили свою] покорность.

— О Гёр-оглы-ага! Ты простил нас — тогда просим тебя об услуге: расскажи нам обо всем, что с тобой приключилось.

— Хорошо, добро! — ответил он и, взяв в руки саз, рассказал игидам в песне о том, что с ним приключилось:

695. Когда арабский конь выходит на поле [боя],

С громким ржанием он скачет.

Овез с саблей-истребительницей,

С криком и гиканьем рубит [врагов].

На голове у вас — кумачовый платок ⁶.

За поясом у вас — золотой нож.

[А] молодец, [оказавшийся] в руках у Араба,

Ушел, плача и рыдая...

Бекам [-игидам] скажу я слово мое.

Пусть не пойдет вам впрок мой хлеб-соль!

Десяток бродяг, одного моего ягненка

Ешьте, веселясь и горлая!

Показалась пыль [от копыт] Гыр-ата,

Слова храбреца не ложь.

Цветущее лицо Овез-хана [увидал я],

В поту весь, в поту подоспел он.

Туманом затянуты вершины гор.

Отрублена у Араба голова.

[А] бек Гёр-оглы здоровый, живой,

Вернулся — [вот] говорит, беседует он.

696. Произнес он эти слова, и Овез сказал:

— Ага! Забудь ты свою обиду, недовольство и ступай к моей тете. И мы с сорока игидами повеселимся в мейхане.

— Овез-джан, ты угадал мои желания! — согласился тот и отправился на женскую половину. Так пусть же он там возлежит, заключив свою перь в объятия.

VIII СОРОК ТЫСЯЧ

697. Хорошо, добро. О ком рассказ? — Погрузил Гёр-оглы труп Араба на слона — пусть, мол, отправляется назад.

[Так и шел слон], проголодается — остановится траву пощипать, почувствует жажду — воды попьет, много гор, долин перешел, много переходов в пути одолел. Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. Пришел слон в Гурджистан. Сообщили [об этом] шаху Леке.

— О тагсир, шах мой! Слон, которого ты давеча отправил с Арабом, вернулся! [Но] лошади нет, верблюда нет, [да и] самого его [тоже] нет.

Вышел шах к дверям дворца и повелел:

— Ступайте приведите слона!

Привели слона. Тут увидел он на спине слона большой мешок.

— Эх, зангар! Сам остановился в пути поохотиться, а слона нагрузил чем-то тучным и сюда отправил.

698. Перевернули мешок, встряхнули, а из него посыпались кости в сажень-полторы: мясо-сало Араба уже распалось, сгнило, одни кости прибыли на место.

Увидал падишах кости и сказал:

— Видно, сам он остался поохотиться, а труп Гёр-оглы погрузил и отправил сюда. Это кости Гёр-оглы.

Так радовался падишах, сидя на своем троне. О ком рассказ? — О старшем брате [Араба] — Аман-Арабе, о том, что был сопи.

«О Аллах, что-то долго возится этот зангар. Шах Леке отправил его с поручением. Вот я справлюсь я у него» — [так подумал он и] в один из дней явился к Леке. Приветствуя его, склонил голову.

— О тагсир, падишах мой! Нет вестей у нас о нашем младшем брате.

— Аман-Араб! Я думаю, что твой брат остановился в пути поохотиться. Сам он еще не вернулся, а останки Гёр-оглы он отправил вперед.

— А где останки Гёр-оглы?

— Вот! — ответили ему и вытряхнули перед ним кости. Взял Аман-Араб кости и сравнил со своими — одной величины оказались кости. Признал он кости [брата].

699. — Эй, падишах Леке! Эти кости не могут быть костями Гёр-оглы. Это кости моего брата, моего брата! . Эй, падишах! Легковерен был мой младший брат, небольшого умишка. Обманом и лаской, [льстивыми] почестями побудил ты его идти на Гёр-оглы, и вот из-за тебя он погиб.

[Все говорил:] «Ступай вперед, зайгар! Иди, шагай. А коли мешкать будешь, я крепость твою разрушу, темницей сделаю ее для тебя!» Больше не суфий я. Бросил я это [занятие], — сказал он и скинул свои чиги, калоши¹. . .

— Погоди, Амап-Араб! Дай мне срок. Я ведь как-никак глава всех [шиятов]. Ничего же я сообщу Хункару. Соберу войско под его началом, и двинемся [в поход] — [тогда-то] посмотрим!

— Когда бы ты ни собирался в поход, [а сейчас] ступай вперед!

700. — Хорошо, добро, — ответил шах Леке. Отправил он послания к Хункару. Прочел Хункар, пришел в ярость и во все четыре стороны отправил послания. Вот в какие страны отправил он послания: Исфахан — Половину мира, Азербайджан, Хиры-Рован, Нишапур, Севдигяр, Гермиян, Осман, Тебриз, Арабистан. В три месяца собрал он войско, со всех сторон сошлись к нему войска. Что же за войско он собрал? Тысяча волшебников, тысяча чародеев, тысяча головорезов, тысяча вечно живых, тысяча тяжелых и тысяча легких пушек, тысяча ружей, тысяча мортир. . . Пусть же с этим войском Хункар и отправляется в поход на Чандыбилю.

Прослышал Гёр-оглы о его походе. Оставил он в карауле у горного прохода Дяли-Мятала, Сейтек-Гырма, сам же вместе с сорока игидами [продолжал] пировать в мейхане.

701. Хункар со своим войском подошел к пределам Чандыбиля и остановился здесь. Пыль и прах [из-под копыт] коней, пелена тумана от [множества] войск достигали неба.

Ага-Юнус и сестра Гюль-Ширин сидели [в это время] на крыше² дворца.

Увидела плену тумана Ага-Юнус и сказала:

— Эй, милая Гюль-Ширин! Ступай скажи своему брату, [а то] не будет конца его возлияниям и веселью: не от дождя и не от горного потока этот туман. Это туман от [вражеского] войска!

— Хорошо, добро! — ответила Гюль-Ширин. Пришла она к мейхане и видит: пьяными лежат сорок игидов, и Гёр-оглы вместе с ними. Встала она у входа в мейхану и запела:

702. [Туманом] затянуло все небо.

О беки! Что это за туман?

Глаза мои кровавых слез полны.

О беки! Что это за туман?

Никто не пошел [узнать, откуда] этот туман,

Вести [о том] никто нам не принес.

[Близок враг], не ушел он от нас.

О люди! Что это за туман?

У этого тумана сила есть.

Рядом с ним друзья есть.

Цель его — единственный мой.
О беки! Что это за туман?

От моей головы отступил туман.
Покровителя своего о помощи я молю.
Подымайся же, мой дорогой брат!
О брат мой! Что это за туман?

Эту песнь Гюль-Ширин поет,
Определим же нашу судьбу.
Как вынести эти страдания нам?
О люди! Что это за туман?

703. Произнесла она эти слова, да никто не услышал. Когда раз-
ливали, Овез-джану поменьше досталось — [вот] он и услышал голос
[Гюль-Ширин] и выскочил наружу.

— Сестрица Гюль-Ширин! Какие новости у тебя?

— Милый Овез! Пелена тумана затянула небо. Уж не шийт ли это
нагрянул?

«Не буду я пока будить моего господина. Съезжу сам и разузнаю», —
решил Овез. А хмель еще не улетучился из его головы. Побежал он
в конюшню. Попался ему Гыр-ат Гёр-оглы. Сел он на Гыр-ата и отпра-
вился в путь один-одинешенек. А Дяли-Мятел с Сейтек-Гырма, раз-
ведав все у шиитов, скакали, направляясь в крепость. Глядят: Овез-джан
скачет на Гыр-ате. Крикнули ему, да не услышал он; погнались за ним,
да не догнали. Оставим пока рассказ об Овез-джане.

Мятел прискакал к мейхане, коня в пот вогнал. Видит: все [игиды]
лежат в бесчувствии, и Гёр-оглы вместе с ними. Кинул тогда Мятел
поводья на луку седла, взял в руки саз и запел:

704. По коням, беки! Сложим головы свои!
Из Багдада, из Басры пришли [враги].
Выпьем, когда чашу вина поднесу.
Из Багдада, из Басры [враги] пришли.

Из пушек по нас [враги] стреляли,
Окрестности Чандыбиля захватили.
Все границы перешел ярый кызылбаш*.
Из Багдада, из Басры [враги] пришли.

Красные, зеленые шатры поставили,
Развлекаясь, стрельбу в «золотую тыкву» устроили.
[Вон] виднеется белый шатер Бали-бека.
Из Тегерана, из Ирана [враги] пришли.

Дяли-Мятелу неведомо, много ли войск.
Связали Овез-джана, [с собой] увели.

Ударьте копьём, пролейте алую кровь [врагов].
Из [их] людей, от Хункара пришли.

705. Спел он так, и неприятные для слуха слова его «Связали Овез-джана, [с собой] увели» коснулись ушей Гёр-оглы. Выскочил он наружу и видит: сидит Мятел на взмыленном коне.

— Эй, Мятел, [все] ли благополучно?

— Гёр-оглы-ага! Я и не знаю, благополучно ли, нет ли. Тьма шиитов пришла, числа им нет. А Овез на Гыр-ате туда ускакал.

Услышал это Гёр-оглы и лишился чувств, сила и разум покинули его. А там и игиды стали подыматься.

— Эй, игиды! Готовьте чай, кальян!

706. Приготовили они чай, кальян, и, покуда чай попивали, кальян покуривали, к Гёр-оглы вернулся разум. Сидел он и размышлял: «Да не увидят глаза мои, как шииты к [себе] в крепость вернутся. Или отобью Овез-джана здесь, или погибну!» Так думал он. Тут подъехал мальчик на лошади с ослиным седлом.

— А ну, мальчуган, сойди с лошади!

707. Заставил он его сойти с лошади и сам вскочил на нее — в простой папахе, в одном халате, босой. [Неподалеку] в глине лежала лопата, схватил он лопату.

— Я пока съезжу туда, а вы в крепости оставайтесь! — [велел Гёр-оглы].

Сел он на лошадь, на палан, вскинул лопату на плечо, отправился [в путь].

708. Теперь послушай весть о Хункаре.

Как прибыл он на место, раскинул свои шатры, палатки поставил, разгрузил снаряжение. А был у него военачальник по имени Эсен-хан-падишах. Его-то и послал [Хункар] в крепость Гёр-оглы. «И с одной стороны, и с другой разведай, захвати „языка“, все разузнай: спит он или бодрствует, не уехал ли он на охоту, в аламан, как он там?» — [так напутствовал он его]. Ехали [посланные] в страхе, [вдруг] видят: какой-то всадник скачет на лошади. Остановились они, подумали: «Легко нам „язык“ достался. Он, видно, выедет [прямо] на нас. Вот его и расспросим».

А тот и не думал подъезжать — все гнал свою лошадь в сторону кыблы, делая вид, что не замечает их. [Тогда хан] приказал одному из своих всадников: «Задержи и доставь [его сюда], расспросим его». Всадник догнал его и привел.

709. Предстал Гёр-оглы перед Эсен-ханом и приветствовал его.

— Эй, молодец, ты кто будешь? — спросил Эсен-хан-падишах.

— Я, тагсир, слуга Гёр-оглы.

— Коли ты его слуга, с каким делом скачешь туда?

— На этой горе [у нас] много посевов. [А в тех местах] пелена какая-то, туман большой — то ли дождь, то ли сель. Вот и поехал я посмотреть, разузнать.

— Не езжай туда. Не то голову тебе снесут.

— Как это свесут? [Разве] есть кто-нибудь в поле, чтобы голову [мне] снести?

— То не от дождя и не от селя пелена тумана. Это войско с Хункаром во главе — оттого и туман!

— Пока своими глазами не увижу, не поверю, тагсир! — ответил [Гёр-оглы], пнул лошадь и ускакал.

Хан приказал своему всаднику на резвом коне: «Достоин и верен!» Всадник на резвом коне догнал и привел [Гёр-оглы] назад.

— Эй, тагсар! Поверь, как если бы ты своими глазами увидел.

— Хочется [все же] своими глазами увидеть. Пустяк меня, тагсир!

— Своими глазами ты и после увидишь. [Скажи-ка], дома ли твой господин Гёр-оглы?

— Дома.

— Чем он занят в последние дни?

— Вот уже шесть месяцев, как мой господин Гёр-оглы мается лихорадкой. Когда уезжал я, его перы [как раз] закапывала ему [в горло] воду мокрой ватой.

710. Услыхали мюриды *, что Гёр-оглы болен, и приободрились. Ехали сюда в страхе, а теперь успокоились.

— Эй, игиды! Готовьте чай, кальян. Коли болен Гёр-оглы, не тревожьтесь ни о чем! — сказал Эсен-хан своим всадникам.

— Вот ты слуга Гёр-оглы, а какой слуга — не повар ли? Ты слуга Гёр-оглы, а откуда родом? — спросил он у Гёр-оглы.

— Родом я из Беджана, тагсир.

Некоторые из [людей Эсен-хана] тоже были из Беджана — вот и сказались они [как бы] родственниками — дядями-племянниками. А у шипитов дяди и племянники, как встречаются, [всегда] обнимаются и целуются. Те один раз поцелуют [Гёр-оглы], а Гёр-оглы [в ответ] два раза поцелует.

— Так вот почему два дня у меня дергалось левое веко — это я вас должен был встретить.

— Азербайджанец! Да потерпи ты, не едь туда. Кто-то знает тебя, а кто-то и не знает, как бы не убил тебя кто-нибудь ненароком. А о войске мы тебе расскажем — [все узнаешь], как если бы сам своими глазами увидел. Поверь во имя Али!

— Ты поманул имя Али, тагсир, и я верю [тебе], — [сказал Гёр-оглы].

У тех с собой были шахиры * и бахши. «Поведайте-ка о войске, что пришло [сюда]», — велел хан. И шахиры вместе с бахши с сазом в руках рассказали о войске.

711. Из Дамангана *, Бесана, Ширвана *, Халеба —

Глянь, славные [бойцы] пришли,

Сорок тысяч ³ ясаулов *,

Еще сорок тысяч в кольчугах пришли.

Сорок тысяч сарванов *, сорок тысяч дарга *

Сорок тысяч мурз * на иноходцах верхом,

Сорок тысяч затазов * грядут неотвратимо,
Еще сорок тысяч с медом-шербетом пришли.

Сорок тысяч на верблюдицах, сорок тысяч на верблюдах,
Сорок тысяч сыновей беков, препоясанных ремнями,
Сорок тысяч мастеров с искусными руками,
Сорок тысяч стрелков отменных пришли.

Сорок тысяч богатырей шествуют следом,
Сорок тысяч храбрецов, что пробивают глаза [врагу],
Сорок тысяч увидишь — скачут на чем-то ином,
Еще сорок тысяч на конях и слонах пришли.

Сорок тысяч храбрецов, готовых к битве,
Сорок тысяч чародеев, сорок тысяч лазутчиков,
Сорок тысяч арисов, сорок тысяч лайхоров *.
Еще сорок тысяч тиранов пришли.

Сорок тысяч мастеров огня заставят по огню ходить,
Сорок тысяч чародеев собьют людей с пути,
Сорок тысяч работников — крепость они разрушат.
Еще сорок тысяч с лопатами пришли.

Сорок тысяч отважных отобрал и привел,
Сорок тысяч спасенья тебе не дадут.
Сорок тысяч каджаров *, сорок тысяч курдов,
Еще сорок тысяч с речью «белес» пришли †.

Сорок тысяч ясавулов,
Сорок тысяч каландаров, совершающих хаджж
Сорок тысяч сендов *, сорок тысяч ходжей *.
Еще сорок тысяч важных вельмож пришли.

Сорок тысяч поваров с золотыми блюдами,
Сорок тысяч юношей миндалевеких,
Сорок тысяч сыпоев курдов, на слово скупых ‡,
Еще сорок тысяч с волосатыми носами пришли.

Восходит в Багдаде солнце на небосклоне —
Наступает в Тебризе конец света.
[Имя] его Эсен-хан; плохие теперь времена —
Видно, сорок тысяч шахов [с ним] пришли.

712. Их бахши захотелось в конце песни помянуть имя падишаха.

«Эх, зангар, сорок тысяч да сорок тысяч — пока ты до конца дошел,
я их всех[§] позабыл», — подумал Гёр-оглы.

— А грамотен ли твой господин?

— Мой господин семь лет учился — свою долю в науке взял. Что увидит — тут же все и осмыслит.

Был у них с собой мулла. «Напиши письмо и вручи ему», — приказал [тому] Эсен-хан. Исписал мулла гору бумаги, сделал [из нее] тетрадь и дал ее в руки [Гёр-оглы].

— Эй, азербайджанец! Где лежит твой господин? Отвези-ка ему это и дай прочесть. Он прочтет, и от страха уделевшая половина его души покинет [его тело]!

— Хорошо, добро, тагсир! — ответил он и сунул письмо в шапку.

713. — Эй, азербайджанец! Вот ты назвался слугой Гёр-оглы. А что ты за слуга — повар, погонщик верблюдов, стремянный, подавальщик воды или кто еще? Чем занимаешься ты?

— Тагсир, поосторожнее с выражением «подавальщик воды»! Я стремянный у Гёр-оглы.

— Серьезное занятие у тебя! А как на битву идти, ты вместе [с Гёр-оглы] выходишь?

— Как на битву идти, я прячусь [в тихом местечке] с подветренной стороны.

— Говорят, знает Гёр-оглы [прием] драки под названием «собачья драка», говорят, знает он еще игру «веллем-шаха». Может, и ты знаешь их?

— Знаю, тагсир.

— И «собачью драку» знаешь?

— Ай, да [игру] «собачья драка» я выучил раньше всего.

714. — Говорят, господин твой Гёр-оглы, когда садится на Гыр-ата, отправляясь на битву, неистовствует, словно возбужденный нер, и песню поет. Может, и ее ты знаешь?

— И ее я знаю, тагсир.

— Ого, да тебе, зангару, равного-подобного нет! Спой-ка нам, азербайджанец, одну из песен твоего господина, чтобы мы поверили, что ты его стремянный.

— Хорошо, добро, тагсир! Когда отправлялся Гёр-оглы в поход, он пел вот эту песню, тагсир! — ответил [Гёр-оглы], взял в руки саз и запел:

715. Что [обидного] я сказал тебе, Эсен-хан-падишах!

Прямые слова у меня есть для тебя.

Не гони ты коня по скалам и камням,

Есть у меня места, где коню не пройти.

Не лживо — правдиво слово мое к тебе.

При виде врага радуюсь я,

Если споткнется конь, и я упаду,

Есть у меня рычащие львы, чтобы броситься ко мне.

Что сказал я тебе, [что] ты счел меня ниже [себя]?

Выйду в поле я, поохочусь в степи.

До прихода Овеза сам уничтожу вас!
Есть степи у меня, совсем как пустыня Кербелы ⁶.

Притаились в засаде игиды мои,
С крыльями сокола, с сердцем льва,
С журавлиным пером на собольей шапке,
Есть храбрецы у меня со щитами на спине.

Имя мое бек Гёр-оглы известно во всем мире,
Мой Гыр-ат на поле [битвы] неистов, как пер.
От угроз моих содрогается весь Гурджистан.
Текинский, туркменский народ есть у меня.

716. Кончил он петь.

— Ну, азербайджанец, песни своего господина ты петь умеешь.
А теперь покажи нам еще игры «собачья драка» и «веллем-шаха».

— Тагсир, любую игру-зрелище я [могу] показать, всему [могу] научить. Но «собачью игру» давай оставим.

— Почему?

— Это же битва на много часов, тагсир. Войско твое волноваться будет, не усидит [спокойно].

Гёр-оглы обещанием хотел их связать.

— Да нет, усидит!

— Настоящее это дело, тагсир. Лучше оставим это, тагсир.

717. Он так настойчиво повторял «оставим да оставим», что Эсен-хан приказал своим всадникам:

— Эй, игиды! Любой из вас детей своих готов был продать, лишь бы посмотреть, научиться [играм] Гёр-оглы — «собачьей драке» и «веллем-шаха». Вот азербайджанец, одной с нами кости, брат наш, случайно нам повстречался. Ни копейки вы не потратите, совсем даром он вас научит. Но коли кто из вас глянет ему в лицо, когда он будет учить, сниму голову с того!

Сказал так [Эсен-хан], вынул сверкающую саблю и положил ее перед собой. Приказ хана был грозный: все уставились в землю, затихло войско, словно обрыгали его водой.

718. — Тагсир, теперь я понял, что говоришь ты серьезно, — сказал Гёр-оглы.

Он, как борец, закатал рукава халата и полы заткнул за пояс. В руки [взял] ту старую, семь лет пролежавшую в земле и пропитавшуюся влажной земли лопату с черенком в полтора аршина и лезвием [острым], как пламя.

— Тагсир! «Собачью драку» оставим напоследок, ей обучу я вас в самом конце. А вот сначала игра «веллем-шаха»! — сказал он и, держа лопату за конец черенка, ринулся вперед. Куда ни ударит, всех валит. Дошел до края и поворотил назад.

— Вот, тагсир! Это и есть «веллем-шаха». Есть еще игра «айлан табак», покажу и ее. ۞ ۞

719. Ухватил он лопату за конец черенка и, закрыв глаза, стал кружить [по полю] — тому по горлу попадет [лопатой], тому по лбу — тело остается, а голова прочь летит, словно волчок. Видит шах — балагурия, болтая о том о сем, истребляет он его войско.

— Провалиться ему с его играми-развлечениями. . . Давите зангара!

Да разве оттого, что скажешь «давите», легче будет схватить Гёр-оглы? Отскочил он в сторону [и тут] заметил оседланного коня Эсен-хана. «Пожалуй, лучшего не найти», — решил Гёр-оглы и побежал к коню. Перерезал ножом его привязь и взлетел на коня. Поднялся гвалт и крик:

— По коням! По коням! Заходи спереди, спереди заходи!

[Враги] подумали, что он поскачет в сторону крепости. [Но] Гёр-оглы сделал не так. В стороне кыблы была гора — к ней и направил он коня.

720. Бросились за ним в погоню. Все вместе хотят его догнать — он уходит [от них], а настигнет его один-два всадника, он повернется и свалит своей лопатой — «собачью драку» затеял в поле; то убегает, то гонится, ну совсем как в «собачьей драке» — уничтожает [врагов] по одному.

Эсен-хан подумал: «Говорят же, тот [настоящий] игрок, кто понимает, когда проиграл. А что же я делаю? Коли уходить по узкой тропе под горой, то можно еще ускользнуть».

Сообразил это Эсен-хан и повел своих игидов [туда]. Но это оказалось удобным и для Гёр-оглы: воины [Эсен-хана] не могли [сойти с узкой дороги], друг друга обойти. Налетел [Гёр-оглы] на них с одной стороны. Бил, валил, опрокидывал, давил, убивал, сворачивал шею, топтал. . . Всех перебил и, подъехав к Эсен-хану, мигом схватил поводья его коня, спросил, глядя ему в лицо:

— Научился «собачьей драке»?

— Научился.

— Может, осталось что-нибудь непонятное?

— Нисколько. Ничего не осталось. . .

— Не шевелись! — [приказал Гёр-оглы].

721. Кровь увидал курд, и душа у него в пятки ушла. Дрожал он, как ртуть, трепетал, как камыш. А Гёр-оглы размышлял: «Сделаю-ка я так, чтобы вовеки не забыл этот шип». Вытащил он из кармана френкский ножик и стал отрезать у убитых уши, носы — отрежет и сунет в торбу, отрежет и сунет. В одну торбу все не вместились. Набил он еще одну торбу. Сами знаете: уши и носы [у них] словно мускатные тыквы. И у Эсен-хана отрезал он уши и нос и сунул в торбу. Стащил [Эсен-хана] с коня, за руки и за ноги привязал его под брюхом лошади, на которой сам прискакал. Связал вместе две торбы и перекинул через круп лошади. А [потом] вывел он лошадь на старую тропу и ударил ее пять-шесть раз шестопером. Привыкла возить траву из-за горы эта лошадь, [вот и] поскакала, понесла его. Как подошла она к войску, стали хохотать [все,

кто видел привязанного хана], — отесанным-оструганным вернулся он. Начал он что-то бормотать перед Хункаром.

— Эх, зангар, без привета, без поклона [подходишь]. А пу, рассказывай [толком], — [рассердился] Хункар.

722. — Отравы тебе, погибли тебе! Рассказ тебе мой нужен? А разве по виду моему нельзя понять, что случилось? Один лишь слуга Гёр-оглы перебил пятьсот наших всадников. . . Вот тебе [мой] рассказ!

— Выходит, он научил воевать даже своих слуг, — заметил [Хункар], и войско его охватила паника.

[Он стал успокаивать всех]:

— Ну, у такого большого войска да чтобы не было потерь. . .

Созвал он лекарей и приказал:

— Это мой любимый военачальник. Не погиб он, вернулся живым-здоровым. Поставьте ему на место уши и нос!

Лекари согласно отвечали:

— Об ушах и говорить нечего, тагсвр!

Посылали они пустое место куноросом и стали приставлять носы — один на два пальца короче, другой — на три.

— Эх, зангары, вы совсем замучили меня, приставляя один [нос] за другим. Вытряхивайте все из той вон черной торбы — там мой нос! — сказал им Эсен-хан.

723. Вытряхнули содержимое черной торбы, из глубины ее выпал нос, [большой], словно грудь петуха. «Видно, это тот и есть», — решили они и поставили [нос] на место — несколько великоват оказался. За время пути раздулся он. Оставим на время об этом рассказ. О ком теперь рассказ?

Захватил Гёр-оглы добычу — лошадей и оружие пятисот [всадников] — и отправился назад в крепость. «Аллах дал начало удачное, да будет и конец удачным», — [думал он].

Вернулся он в крепость и собрал новых пятисот пукеров, дал им коней и оружие.

— О господин! Для чего ты все это нам даешь?

— Игиды! Не похоже, что то войско уйдет отсюда через пять, через десять дней. В нужное время я поведу вас в бой. Поэтому и даю.

724. — О господин! Да мы ведь не знаем, что такое бой. Научи ты нас биться, расскажи, объясни, где сабля нужна, где — ружье. Чтоб наше оружие в бою врагом нашим не оказалось.

— Хорошо, добро, — ответил тот и обратился к ним с песней:

725. Конь говорит: я скачу,

Копье говорит: я [действую] скрытно,

Брызжет пролитая мною кровь,

Когда резвым бывает конь.

Ружье говорит: выстрел мой плох,

Попаду, не попаду — как знать.

Но коль понаду — целым не отпущу,
Когда воспламеняется фитиль.

Клинок говорит: сверкаю я,
Сверкая, сверху опускаюсь я.
Разваливает надвое врага,
Коль дело сделает свое, булат.

Щит говорит: крепость я,
Но для неумелого я беда,
Игида-храбреца спасаю я,
Когда он, поворачиваясь, бьет.

Шестопер говорит: дело свое знаю я,
Из двенадцати кусков голова у меня,
Со шлемом [врага] сражаюсь я,
Прямо по макушке сверху бью.

Нож говорит: [и] я оружие.
На поясе война я вишу,
Случается, и я бываю нужен,
Когда сходятся врукопашную.

Топор говорит: я занедужил,
[Бойся] трус меня поднять.
Рубить, валить мастер я,
Коль предо мной спина [врага].

Кулак говорит: круглый я.
Всегда я рядышком бегу.
[Врага] ухватив за ворот, я рву,
Когда завяжется драка.

Гёр-оглы говорит: о всемогущий!
Шахимердан! Защитником будь!
Нужно все [это] отважному игиду,
И помощь покровителя [ему нужна].

726. — О ага! Коли [наука] битвы такова, мы [ее] крепко усвоили. Скажи — мы хоть сейчас поедem! — ответили те. Попили чаю, кальян покурили. Взял [Гёр-оглы] с собой сорок игидов с Сапар-Косе во главе и двинулся вслед за Овезом. [Так и] ехали они по горе — Косе рядом с Гёр-оглы, стремя к стремени. [Видит Косе:] слезы льются из глаз Гёр-оглы.

— О Гёр-оглы, что случилось? Коли ты плачешь, мы заплачем еще сильнее.

— Косе, разве я лучше других, коли нет подо мною Гыр-ата и Овеа не держит поводья моего [коня]?

И Гёр-оглы заплакал пуще прежнего.

— Довольно [сокрушаться], Гёр-оглы. Негоже выказывать слабость свою. Не станет же шият милосерднее оттого, что ты плачешь! Ты печален — опечалится и игиды. Оставь это, Гёр-оглы! Лучше спой нам веселую песню.

— Хорошо, добро, Косе! — ответил тот и, вспомнив Овеа и Гыр-ата, стал петь песню.

727. На вершинах седых гор

Весна — с одной стороны, зима — с другой.
[Дрожу от холода я], трепещут во рту у меня
Язык — в одной стороне, зубы — в другой.

Прошел я дороги по седым горам.
Разливаются реки, как приходит весна,
С Овез-джаном разлучился я,
Словно труп я: голова — в одной стороне, тело — в другой.

Я вздыхаю, согнулся мой стан,
Вытянулся до высшего неба я ?
Слезы хлынули из моих глаз. . .
Как сель: сель — в одной стороне, слезы — в другой.

Гёр-оглы говорит: как же мне быть?
В какую сторону мне уйти?
Поможем Овезу:
Четверо — с одной стороны, пятеро — с другой.

728. Сказал он эти слова, и они продолжили путь. О ком теперь рассказ? — Об Овезе.

Гнал коня Овез, гнал, да и приблизился к вражескому войску. А был в том войске некий Керем-Солтан, по прозвищу Керем-Дяли *. Он-то и повстречался Овезу на пути. Видит [Керем:] чужой человек — и схватил [коня] Овеа за повод.

— Эй, добрый малый, кто ты такой?

— Я Овез, мерем Гёр-оглы.

— Ох! Да будут благословенны твои уста. Ты-то нам и нужен! Пойдем, я отведу тебя к Хункару.

729. Хотелось ему, чтобы все думали, будто пленил он [Овеа] в [честном] бою, — вот и ехал он важничая, наезжая на встречающих, [так] кичась и подъехал [к падишаху].

— Тагсир, падишах мой! Вот поймал я и доставил к вам Овез-джана, мерема Гёр-оглы. Гулдук!

Говорят, у шаха ума как у сорока человек.

— Эй, Керем-Солтан! Ты же не привел этого парня — он ведь сам скакал, возбужденный водкой и вином! Дайте ему чаю, приготовьте кальян, пусть придет в себя, голова свежей станет. А потом уж мы с ним и поговорим.

730. Подали Овезу чай, поднесли кальян. Попил, покурил Овез, пришел в себя; голова свежей стала. Сидит он, утирая пот. Шах спросил [у него]:

— Ну, юноша, ты пришел в себя?

— Пришел, тагсир.

— Ты и есть Овез, мерем Гёр-оглы?

— Да, тагсир, это я.

— Коли так, хан-сыннок, добро пожаловать! Не поехал бы ты к своему господину послом-вестником от нас, если пошлем?

— Дозволишь — поеду, тагсир.

— Мы дозволим тебе, пошлем. А к твоему господину у нас много просьб. Исполнит — заключим с твоим господином мир, с миром уйдем. А не исполнит — сгноим твоего господина в крепости [и все равно] захватим. Запас провианта у нас на пятьдесят лет.

— Говори свои просьбы, послушаем.

731. — А просьбы такие: пусть отдаст он нам саблю, что от Льва божьего получил, еще пусть отдаст нам пери свою по имени Ага-Юнус, пусть отдаст коня Гыр-ата по прозвищу Меджнун *-Дяли, пусть вернет Гюль-Рух, дочь шаха Леке, да выплатит закят за пятьдесят лет!

— Тагсир, коли просьбы твои таковы, не смогу я поехать, не смогу господину своему о том сказать.

— Почему же?

— Мой господин Гёр-оглы — человек горячий и гордый. Коли я приеду и скажу: «Отдай коня, отдай саблю, жену отдай. . .», он рассечет [мне голову, ударив саблей] по моим устам, убьет меня. [А потом] сюда явится и тебя прикончит, тагсир!

— Этот юноша слишком дерзок. Свяжите его!

732. Скрутили руки Овезу за спиной, крепко привязали его к столбу патра.

Как появился Овез, [воины] стали спрашивать друг друга: «Кто доставил его сюда, кто привел?» Загордился Керем-Дяли.

— Кто же, кроме меня, мог привести его? Я привел!

— А как ты привел его?

— Эй, игиды! Да вы, никак, шутки шутите со мной. А я ведь силы своей вам еще не показал. Это ведь конь Гёр-оглы Гыр-ат — Меджнуном-Дяли его зовут. Если покажет мне коня Хункар, сяду я на него верхом, поеду в крепость Гёр-оглы, наброшу аркан ему на шею и сюда притащу.

[Услышал это Хункар и сказал:]

— Керем-Солтан, коли ты способен на что-либо [подобное], иди, я жалую тебе Гыр-ата!

733. Тот слез со своего коня, подбежал и вскочил на Гыр-ата.

— Эй, Керем-Солтан, ты сел на него как Керем-Дяли или как Гёр-оглы?

— О тагсир! На Гыр-ата [может] сесть тот, кто уподобится Гёр-оглы. Я сел как Гёр-оглы!

— [Вот] ты сел как Гёр-оглы, а говорят, что он, когда садится верхом, чтобы отправиться в поход, неистовствует, как возбужденный нер, и песню поет. Ну-ка спой, коли уподобился ты Гёр-оглы!

— Хорошо, добро, тагсир! — ответил курд на Гыр-ате с сазом в руках. Посмотрим, как он поет:

734. Нападая, скачу я по полю [брани],
Почему не дают [мне] сразиться беки?
Коли нынче поеду — сокрушу Чандыбиль.
Почему не дают [мне] сразиться беки?

Поскачу я — мое это поле.
Мой хан Овез, Гюль-Ширин — моя!
Моя Ага-Юнус, шахи, султаны — мои!
Почему не дают [мне] сразиться беки?

Пускаю я коня гарцевать в этом поле.
С Овезом вкушаю сахар-набат.
Коли нынче поеду — сокрушу его крепость.
Почему не дают [мне] сразиться беки?

Слова ждут беки от меня,
Каждый [свое] говорит, когда на битву идет,
Я Керем-Солтан, мне Гыр-ат под стать.
Почему не дают [мне] сразиться беки?

735. Кончил он свою песню, и шах сказал:

— Раз желаешь сразиться, так кто же не пускает тебя! Видно, ты сам боишься идти на Гёр-оглы!

— Что, тагсир?! — [возмутился] тот и так ткнул коня в грудь, что Гыр-ат взвился в небо. От резкого движения коня курд завалился на спину, затылком стукнулся о круп [Гыр-ата].

— Эй, игиды! Да у этого коня прав дурной. Подайте мне аркан, подайте же! — попросил Керем-Солтан.

736. Дали ему длинную веревку. Охватил он ею грудь коня и крепко намотал конец себе на запястье. Сами знаете [привычку] глупцов: каждый что-нибудь да посоветует. Вот и тут кто-то сказал:

— Эй, Керем-Солтан! На спину-то ты больше не упадешь! Ты вот хочешь ездить на таком коне, а он понесет, да и сбросит тебя — кувырком полетишь и шею сломаешь.

[Керем] накиннул на коня шлею и опоясался ею. Тогда вышел еще кто-то и сказал:

— Керем-Солтан! [Теперь] ты не упадешь ни вперед, ни назад. Но вот понесет тебя конь, да попадется ему на пути овраг — прыгнет он, и вылетишь ты из седла, ударишься головой о камень, да и дух вон!

Нашли еще один аркан и связали ему ноги под брюхом коня.

— Эй, Керем-Солтан! Если конь понесет, ты, зангар, за узду уцепишься или копые будешь держать?

Принесли еще один аркан и привязали ему копые к поясу.

737. О ком теперь рассказ?

В стороне кыблы была гора. Гёр-оглы и его сорок игидов, нахлестывая коней плетью, поднялись на эту гору. [Тут] Гёр-оглы заметил Гыр-ата. «Уж не Овез-джан ли на Гыр-ате?» — подумал он, но оказалось, что это какой-то связанный веревками курд. Со всех сторон его обступили пиниты.

— Эй, пиниты! Что это вы там рассматриваете у моего Гыр-ата? Коли сами не понимаете, что к чему, подите спросите у меня. А то, пожалуй, я и отсюда вам все разобъясню, — крикнул Гёр-оглы и спел, восхваляя Гыр-ата:

738. Покупаешь коня — [хорошенько] осмотри его круп.

[Не сразу бери] — многих арабских скакунов огляди.

Не понимаешь [сам] — спроси у знатоков, [потом] бери.

Чтобы громко ржать, коню звонкий голос нужен.

Выбираешь коня — бери поджарого, с втянутым животом. Заставишь — и груз верблюда поднимет он.

Силач желает отменных (?) стрел.

На поле брани богатыри нужны.

Хвост у него подвязан высоко.

На крупе и мельницу можно б разместить.

Широко раздаются ребра его,

Для погони и бега [просторное] поле нужно.

Говорит Гёр-оглы, сладка речь у него.

Хребет, как у быка, колени, как у верблюда, у коня должны быть,

Небольшая голова, как яблоки, глаза,

Череп его — годовалая кость нужна (?)

739. Спел Гёр-оглы, и услышал Гыр-ат его голос, заржал так, что эхо разнеслось по всему войску.

— О Аллах, узнал, зангар, своего Гыр-ата среди стольких коней и спел для него. И тот услышал голос хозяина и заржал [в ответ]. Выходит, зангар достоин своего коня, а конь его — хозяина своего! — сказал Хункар.

— Тагсир! А разве я не достоин его, разве мне он не под стать? — запальчиво спросил Керем-Дяли.

— Ну а коли достоин ты, тут-то что ты делаешь?

— Эй, дайте мне дорогу! . . — [крикнул Керем]. Шииты раздались в стороны, очистили ему путь, открыли дорогу. А пока не пустил он коня, подошел к нему кто-то и сказал:

740. — Керем-Солтан! Конь-то ты к поясу привязал. А приблизишься к Гёр-оглы, ногтями, что ли, драться с ним будешь? Не узжай [так], беспечный, оружие возьми.

— Эй, дайте мне какое-нибудь оружие!

Чтоб полегче ему было на коне, повесили ему на шею железную булаву весом в полтора батмана. Не стерпел Керем укора перед лицом шаха, огрел коня плетью раз и другой и пустил его в сторону Гёр-оглы. Почувствовал боль удара Гыр-ат и помчался, как пуля из фитильного ружья. Летел Керем мимо войска Хункара и кричал: «Спасите, погибаю! . .»

— Гибнешь, так погибай! Чего же ты медлишь? Халат, что ли, кроить себе собрался? — издевались те.

О ком рассказ? — Свободно привязанная булава раскачивалась и, набрав размах, стала ударять [Керема] то по пояснице, то по спине.

741. Там, где стоял Гёр-оглы, был овраг — подскочил Гыр-ат к нему и разом прыгнул. Выскочил седок из седла и сполз набок. Как завалился набок Керем, свалилась с шеи у него черная булава и с шумом упала. От этой напасти избавился [Керем]. Да не заметил, как заехал в гущу игидов Гёр-оглы. Сапар-Косе схватил коня за повод и спросил:

— Ну, добрый малый, что ты делаешь тут?

А у того язык подвешен был хорошо:

— Игиды! Если коротко сказать, так хитростью привел я [сюда] вашего коня.

— Да ты ведь болтаешься у коня на боку.

— Ой, игиды, вы что же, сами не догадались: я постеснялся сесть на то место, где сидел такой большой человек, как Гёр-оглы. Потому-то, изловчившись, я и скакал на боку коня.

742. — Мы-то знаем, как ты «привел» коня! — сказали игиды, перерезали веревки ножом и бросили прочь.

— Эй, Косе! Это, видать, добрый малый. Коня привел. Вознагради его! — приказал Гёр-оглы.

— Я уж знаю, как его вознаградить! — ответил Косе.

Взял он, коварный зангар, бурдюк, отошел подальше в степь, набил бурдюк камнями с гор, затянул отверстие и крепко привязал [бурдюк] Керему на спину.

— Ай, хан-сыннок! Вот тебе награда-благодарность за то, что коня доставил. Тут богатство-сокровище. Но пока не вернешься к войскам Хункара, смотри не развязывай!

— Ну, наградил меня бог! . . — [обрадовался] тот и с бурдюком на спине, покачиваясь, двинулся назад. Подошел к своему войску. Повстречались ему знакомые.

— Эй, Керем-Солтан! Что это у тебя на спине?

— Молчите, игиды! Счастье мне привалило. . .

— Ну?

743. — Конь Гёр-оглы умчал меня и привез к нему. Обрадовался Гёр-оглы и, набив этот бурдюк сокровищами из своей казны, дал мне [в награду].

— Ай, Керем-Солтан, остановись-ка здесь, стань-ка поближе! Похоже, богатство-то большое. И нам выдели пай. Дай пригоршню мне, дай мне пригоршню! . .

— Нет, игиды, нельзя! Не велел он открывать, пока не предстану я перед Хункаром.

— Так ведь зайгар Гёр-оглы не запечатал его своей печатью. Дай же нам немного, чтоб было на чай! . . — говорили те и бежали [за ним].

— Нет, нельзя! — отвечал курд, убегая от них — то в одну сторону кинется, то в другую. Уж с душой был готов расстаться, когда наконец добежал, предстал перед [Хункаром].

— Эй, Керем-Солтан! Это в каком же виде ты сюда явился?

744. — О тагсир! Умчал меня Гыр-ат и привез к Гёр-оглы. Тот наполнил этот бурдюк в своей сокровищнице и дал мне [в награду за коня]. В пути хотели ограбить меня, да я убежал, спасся, тагсир!

— А ну. . . — сказал [Хункар]. Вытряхнули все из бурдюка — посыпались лишь горные камни. . .

— Эй, Керем-Солтан! Этим-то и одарил тебя Гёр-оглы? Чем еще он тебя пожаловал? — спросил Хункар.

— Тагсир! Другой награды он мне не дал, но и обиды от него я не видел. Вот бог меня раньше обидел. И к тому же совсем замучила меня черная железная булава в полтора батмана.

745. Посмеялся этому и Хункар. Нашел [нужное] слово Керем, рассмешил падишаха и спас [свою жизнь]. Еще о ком рассказ? — О Хункаре.

Он собрал своих приближенных и держал совет.

— О игиды! Посоветуйте, как быть? Хитростью снова заполучил он своего коня.

— Тагсир! Вы передайте ему три просьбы. Потом от двух своих просьб откажитесь. Захочет он мира — помиритесь и уезжайте, — советовали они.

Согласился с ними шах. Спросил и у Овеза, поедет ли он.

— Коли старые это просьбы, не поеду, другого посылайте! Гёр-оглы не тронет посланца.

746. Послал Хункар к Гёр-оглы трех человек. Написал письмо и печать с венцом приложил: «Пусть приедет сюда бек Гёр-оглы! Есть у меня три просьбы. Исполнит или нет — все равно заключим мир и уедем».

Посланцы передали письмо. Письмо он прочел, а посланцев напоил чаем, дал покурить, хорошо наградил и отправил с таким ответом: «Я приеду».

— Косе, знаешь, о чем будет просить шиит? — спросил Гёр-оглы, когда [посланцы] уехали.

— Что-то не соображу, Гёр-оглы.

— Ты не знаешь, зато я знаю: он будет просить невыполнимое. Будет просить заднюю пластину седла. . . Вон тот зеленый шатер, Косе, — это

шатер Хункара. Приду я туда, и, коли удастся мне хитростью Овеза забрать, задам я им жару. Тогда и ты прояви свое усердие!

Косе отвечал: «Хорошо, добро!», а про себя думал: «Посмотрим, Гёр-оглы. . .»

Сел Гёр-оглы на Гыр-ата и отправился к Хункару.

747. О ком рассказ? — О Хункаре.

Путь, по которому должен был приехать Гёр-оглы, повелел он полить водой, [чтобы пыль прибить], и устлать ковром-дорожкой на расстоянии голоса. Все его войско смотрело с нетерпением [на дорогу], словно ждало восхода солнца или луны: «Что за игид этот Гёр-оглы, какой он человек? Рассмотреть бы его спокойно! Во время боя-то не разглядишь».

Гёр-оглы подъехал к разостланной дорожке, спешился, сложил руки на груди и громко приветствовал [Хункара]. Хункар ответил на приветствие.

— Превосходно, превосходно! У ста тысяч шахов не видал я такой учтивости, такого приветствия. Оказывается, [настоящая] вежливость-учтивость — у суннитов!

748. Гёр-оглы подошел и опустился [на ковер] перед Хункаром. Принесли чай, кальян, дастархан.

— О бек Гёр-оглы! — обрадовался Хункар.

— К вашим услугам, тагсир!

— Есть у нас к тебе три просьбы. Уважишь — уйдем с миром, не уважишь — и тогда уйдем с миром. Коли позволишь, скажу.

— Тагсир, большее, что ты мог попросить у меня, — это голова. А голову свою я и [сам] принес. Коли нужна — пожалуйста!

749. — Бек Гёр-оглы, коли исполнишь [мои просьбы], отдай саблю-истребительницу, что Лев божий тебе подарил; отдай жену свою пери Ага-Юнус; отдай Гюль-Рух, дочь падишаха Леке. Дань-закят за пятьдесят лет мы тебе простим. Хотели было мы взять у тебя и коня, да уж; [очень он подходит тебе. Его мы жалуем тебе.

— Ох, тагсир! Да вы шутили, говоря «просьбы есть». Ожидая ваших слов, я думал, сердце мое разорвется, тагсир. Не печальтесь, [не думайте], что не исполню вашу просьбу. Вот вы сейчас сказали: «Гюль-Рух, дочь падишаха Леке». Так ведь она только этого и ждет. Пошлите [хоть] подавальщика воды — и тот [ее] приведет. И пери мою к месту вы вспомнили. Вот уже пятьдесят лет мы с ней вместе живем. То ли наскучили мы друг другу, то ли времена изменились — попросишь ее подать чай, кальян, пельмени сварить, а она начинает браниться, сердиться, не ладим мы с ней. Отдаю ее вам. В горах Кап знаю я места, где много пери. Съезжу и привезу себе молоденькую. . . Просишь саблю-истребительницу — и ее дарю. Только подожди немного, тагсир, — она еще понадобится мне для дела. — [Так] говоря, дарил он на словах, а давать ничего не давал.

750. — Бек Гёр-оглы, [хорошо], коли исполнишь ты наши просьбы. У твоего Гыр-ата, никак, много игр-зрелищ есть. Не показал бы ты [нам] эти игры-зрелища?

— Очень хорошо, тагсир! Не было у меня сына — вот я отнял и привез из Веенгама Овез-джана, усыновил его. И оказалось, что у Гыр-ата чуткости в сорок раз больше, чем у нас. Как приехал Овез-джан, конь сам нашел новый ход, особое искусство стал проявлять. Но когда рядом с ним нет Овез-джана, конь ни за что играть, гарцевать не станет.

— А когда Овез-джан рядом, он гарцует, Гёр-оглы?

— Ну, конечно, гарцует, тагсир!

— Ступайте развяжите Овеза и приведите!

751. Развязали Овеза и привели. Два-три дня провел он в темнице, пожелтело его лицо. [Увидал его] Гёр-оглы и сказал:

— Тагсир! Коли Овез-джан в таком виде будет, Гыр-ат играть, гарцевать не станет.

— А когда же он станет играть?

— Оденьте [Овеза] в одежду, [шитую] золотом и серебром, посадите его на коня [со сбруей], украшенной рубинами, жемчугами, освежите ему волосы, лицо, препоящите дорогим кушаком, заткните за пояс нож, секиру дайте, повесьте на пояс саблю с белым эфесом, дайте в руки ему волшебное копьё — zalюбуется им конь и станет играть, гарцевать.

752. Говорят, у глупца разума нет. Привели для Овеза коня самого Хункара с нагрудником в украшениях. Сел Овез-джан на коня Хункара. И златотканую одежду Хункара надели на Овеза.

— Тагсир, ваша одежда длинновата для Овеза. Ну да ладно — он ведь на коне.

— Бек Гёр-оглы! Что еще не так? Что еще нужно Овез-джану?

— Все в порядке, тагсир!

— Ну а коли так, то спой сперва [для нас] одну песню, а там уж пусти коня играть, гарцевать.

— Прекрасно, тагсир! — ответил он.

«Дойдет ли мой голос до Косе?» — подумал он и спел, стоя перед шахом:

753. Достоинства удальца игида
Раскрываются на поле [брани].
Алая кровь с [его] сабли
Брызжет на поле [брани].

Бывает, скакун как птица летит.
Сталкиваются враги [лицом к лицу],
Голова отлетела, тело осталось —
Простерлось на поле [брани].

Арабские скакуны кричат (?).
Сражение удальцы игиды начинают.
А трусы бегут, бросая
Товарищей своих на поле [брани].

Арабские кони горячи (?).
К битве [всегда] готовы они.

Головы сорока четырех ханов
Слетят на поле [брани].

Разве храбрец отступит перед храбрецом,
Пусть пять, пусть десять будет врагов?
Гёр-оглы не щадит голову свою,
Беснуется он на поле [брани].

754. Спел он песню, и голос его долетел до Косе.

— Эх, зангар! Это потому у тебя голос такой, что Овез рядом. Ну, коли заполучил ты Овеза, так уж сообразишь, как выбраться оттуда! Нынче решается твоя судьба, зангар. . . — сказал Косе.

Хункар обратился к [Гёр-оглы]:

— Бек Гёр-оглы! Песня твоя без изъяна. [Теперь] заставь играть, гарцевать Гыр-ата!

755. Уперся Гёр-оглы ногами в стремя, весь облик его изменился.

— «Заставь гарцевать, песню спой. . .» — что я тебе — наемный бахши, что ли? — сказал он и, схватившись за рукоять сабли, грозно произнес:

— Песня. . . матери твоей. . .

Гикнул он раз, и перекугался Хункар, побежал, спрятался в своем шатре. Выхватил [Гёр-оглы] из ножен свою саблю-истребительницу и со словами «Вот теперь я жалую тебе свою саблю» начал бить ею направо и налево. И Овез выхватил саблю и тоже рубил окружающих его [нукеров]. Оставили они шаха и поскакали в сторону кыблы. Не сворачивали ни в одну сторону, ни в другую, рубили головы всем, кто встречался им на пути, проливали кровь [врагов].

— Какая-то суматоха уже началась. Вступим-ка и мы в схватку! — сказал Косе. С кличем «алла!» ринулся он [на врагов] и стал рубить. Но от рубки Косе и на грош не было проку. Ряды шиитов не редели, и, что делается по ту сторону [войска], он не знал.

756. Так продвигались Гёр-оглы и Овез-джан и лишь к позднему вечеру пробились через войско на другую его сторону. Когда [врагов] много, разве можно совсем не пострадать — ранен был и Гёр-оглы, нетяжелые получил он раны. Вышел он на простор, остыл и свалился с коня. Ваял Гыр-ата Овез и усакал, а Гёр-оглы как упал, так и остался тут. Хотя и ранен он, но шииты не смеют к нему подойти, кричат друг другу: «Эй, говорят, волшебники, заклинатели они, даже мертвыми убивают они людей, если близко подойти. Не подходи!»

757. Покровитель Гёр-оглы [когда-то] сказал ему: «Увидишь звезды, и исцелятся раны твои». Солнце зашло. Увидал он звезды, и раны его затянулись. Стремительно вскочил он, и все шииты бросились врассыпную с криком: «Выходит, этому зангару, заклинателю, волшебнику умереть не дано! . .»

Двинулся Гёр-оглы пешком и так дошел до своих игидов. Глядь — ни у одного из игидов и царпины нет. Вспомнилось ему, как он одиноко:

«Эх, был бы у меня сын, брат меньшой, старший брат, кто-то [из них] погиб бы, кто-то был бы ранен. . .» — подумал он и, опечалившись, обратился к игидам с песней:

758. Когда арабский конь выходит на поле [брани],
Вершины гор седых высматривает он.
Когда удалец игид выходит на поле [брани],
Свалит четверых, пятерых высматривает он.

Головы у них в ранах бывают,
Сабля у них в крови бывают.
Удалец игид на поле [брани]
Сражающихся товарищей своих высматривает.

Резвятся кони на поле [брани],
С [громким] треском стреляют ружья,
А бесстыжие трусы,
Убежать желая, озираются вокруг.

Гёр-оглы, поклоняюсь Истине я.
[Много] невзгод я из-за трусов перевес.
Не родиться бы удалцу игиду одиноком;
Как обступят его враги — озирается он вокруг.

759. Кончил он свое слово, и Косе сказал:

— Гёр-оглы! Это ты говоришь, чтобы нас задеть. Но ведь не похоже, чтобы это войско ушло отсюда в пять дней. В свой черед и мы постараемся, Гёр-оглы.

— Хорошо, добро, Косе! Постараетесь, и ладно, — [ответил Гёр-оглы].

Пусть они остаются тут. О ком теперь рассказ? — О Хункаре.

Собрал он своих приближенных и снова стал совещаться с ними.

760. — Ну, игиды, посоветуйте, что делать? Хитростью отобрал он и Овеза своего, и коня. Не лучше ли нам вернуться?

— Погодим пока возвращаться. Среди нас есть род лайхоров, семнадцать из них привезли связанными цепями. Это были какие-то чудища, похожие на шахских забулдыг. Коли прикажете этих лайхоров десять дней держать голодными, а на одиннадцатый велите им съесть Гёр-оглы, то на каждого из них и по куску не достанется. . . Только они могут с ним разделиться — ведь его не берет ни пуля, ни копье. И коня его пуля не может достичь. Иного средства нет, тагсир!

761. Понравился ему совет. Объявил Хункар через глашатаев: «Десять дней не будет боя. Все отдыхайте на своих местах!» Услышал это и Гёр-оглы.

— Косе, ты слышал, что объявили [глашатаи]?

— Слышал, Гёр-оглы!

— А коли слышал, Косе, так [знай]: это он приказал объявить не потому, что пожалел меня — ранен, мол, Гёр-оглы, надо ему раны подлечить. Что-то замышляет он.

— Давай-ка мы кликнем в крепости клич. Как говорится, лучше, когда будет побольше не приносящих убытка едоков! Соберем-ка и мы войско!

762. Пришел Гёр-оглы в крепость и собрал всех от семи до семидесяти лет — вышел один лек войска. На одиннадцатый день двинулись на поле битвы. На одной стороне выстроило ряды войско Хункара, а на другой — войско Гёр-оглы. Прошло какое-то время, и из рядов войска Хункара вышли семнадцать каких-то чудищ. У этих лайхоров шеи были как минарет, головы — как купол, рты — как очаг, зубы — как лопаты цепою в пять анбасы *, бороды — как прутья тальника. При виде этих страшных лиц войско Гёр-оглы охватил страх, в одну сторону оно шарахнулось, в другую, готовое бежать. Задрожал зангар Косе и штаны себе обмочил. . . Понял Гёр-оглы, что испугались его игиды.

763. — Эй, игиды! Прежде всего не бойтесь. А испугались, так стойте как [стойте]! Только не бегите! Я один выйду им навстречу. Да позволит Аллах, отвратит их покровитель мой, Лев божий.

Сказал так [Гёр-оглы] и один вышел им навстречу. У лайхоров тоже был свой главарь. Гёр-оглы обычно ждал, пока шииты первыми саблей удар нанесут, а тут решил: «Не уступлю им черед!» С возгласом «Аллах велик!» бросился он на них с саблей. Но сабля-истребительница не причинила тем вреда — лайхоры были заклинателями, их заклинания и лишили саблю силы. Вот и лайхор протянул руку, схватил Гёр-оглы и снял его с коня. Он крутил его в руках, как мальчишку. Кичится лайхор, кричит Хункару.

— Эй, тагсир, падишах мой! Остерегись — вот кину я Гёр-оглы на тебя!

Оставила Гёр-оглы надежда, уж и не думал он остаться в живых. Взывая к пророку Мухаммеду, четырем халифам, двенадцати имамам **, к тремстам шестидесяти святым, спел он в руках лайхора:

764. Уничтожьте сборище шиитов.

Семь повелителей *, на помощь придите!

Единосущного поминаю я.

Живой Сельман, на помощь [приди]!

В семидесяти [разных] местах появился Коран ¹⁰.

Помимо Хункара сорок четыре хана [есть] . . .

Сегодня конец света настал.

Гордость мира ¹¹, на помощь [приди]!

Семнадцать лайхоров увидел я.

Узнал я сильнейших из людей.

Четыре друга Мустафы ¹²,

Двенадцать имамов, на помощь [придите]!

Затянуло туманом Чандыбиль,
Пострадали сорок игидов моих.
У пророка Якуба слезы на глазах.
Юсуп Кенган *, на помощь [приди]!

Шемгун *, мой пир, подмогу дай.
Опечаленного Гёр-оглы развесели.
От лайхоров освободи меня.
Шахимердан! На помощь [приди]!

765. Едва произнес он это, как явился его покровитель, Лев божий, и ударил пятерней лайхора по щеке — потерял тот силу свою и мощь, выскользнул из его рук Гёр-оглы, словно арбуз, и упал на землю. «Пешим не буду сражаться я с ним», — решил Гёр-оглы. Поймал он Гыр-ата, вскочил в седло и, пустив коня на лайхора, ударил его по голове саблей-истребительницей. Забыл свое заклинание лайхор, и сабля рассекла его пополам — ну совсем как мясники рассекают хребет туши, — рассекла и лошадь его и коснулась земли. [Так] повержен был вожак лайхоров. Увидев это чудо, остальные шестнадцать лайхоров повернули назад и разбежались в разные стороны. А Косе выехал на холм и [оттуда] следил за происходящим.

Как повернули [лайхоры] и побежали вспять, Косе сказал:
— Игиды! Теперь и наш черед наступил!

Во главе лека войска с кличем «алла!» пустил своего коня Косе.

766. О ком рассказ? — О шиитах. Единственной их надеждой были [лайхоры]. Но после неудачи с ними паника охватила шиитов. С топотом бросились они удирать. Ох, [дай бог] крепости арбам и седлам, прочности стременам! Они действовали по поговорке: «Кто лежит — попадетсЯ, кто бежит — спасетсЯ». Совсем они растерялись — коли о всем рассказывать, конца этому не будет!

Сами знаете, как бывает, когда паника охватывает врагов. Разгорячившись, и пятерых и десятерых убил каждый [из игидов]. Так и гнались они за шиитами, уничтожая [их].

Покровитель Гёр-оглы наставлял его: «Бегущего не преследуй!» Но в пылу [боя] он забыл [наставление] и тоже преследовал [врага]. Он радовался и ликовал, что войско [врага] разбито, и, взяв в руки саз, кричал вслед, шел на ходу:

767. О друзья, мусульмане!

Удальцы игиды начали битву.

Шахимердан им на помощь пришел.

Побеждены кизилбаши, бежали.

Скачут отважные по полю [брани],

Недуг сразил врага,

Курды, пришедшие из Нишапура,

С криком «лалау»¹³, с плачем бежали.

Добро, коли путями веры идешь.
Высказал я слово свое.
Арасы, пришедшие из Истамбула,
На арбах своих поспешно бежали.

Проявили усердие сорок братьев.
Распростерлись трупы на [бранном] поле.
Тысяча пятьдесят кизилбашей —
Все в страну свою убежали.

Затеяли драку кизилбаши
И сами же гибель свою нашли.
Араб, что [сюда] пришел за «кровью»,
В сторону Мекки убежал.

Улыбнулось счастье удальцу игиду,
Пришли в изумление кизилбаши,
Гёр-оглы говорит: Шахимердан
В этот день путь мне открыл.

768. Спел он песню и с гиканьем поскакал дальше.

Была у Гёр-оглы гора Уч-Юзлик. Поднялась пыль от копыт коней,
пелена тумана от [множества] войск затянула гору. Обратился Гёр-оглы
к горе:

— Эй, гора моя Уч-Юзлик! Хорошее настроение у меня, ясный дух,
светлое лицо. Почему же твой лик покрыт пылью, затянут туманом?

Спросил он и, взяв в руки саз, спел песню, обращаясь к горе:

769. Не уходи, хочу тебя спросить.

Гора Уч-Юзлик! Почему в тумане ты?
Да буду я жертвой покровителю твоему.
Гора Уч-Юзлик! Почему в тумане ты?

Зимы у тебя с пургою, с ливнями (?),
Камни у тебя всевозможных цветов.
Не знаю, чем озабочена твоя голова.
Гора Уч-Юзлик! Почему в тумане ты?

Знай: враг твой бежал, он побежден.
Летели головы от сабельных ударов.
Вершины гор усмирены дыханием коней.
Гора Уч-Юзлик! Почему в тумане ты?

Среди гор ты повелительница гор.
Среди красавиц ты как луна.
Ты — место прогулок Гёр-оглы.
Гора Уч-Юзлик! Почему в тумане ты?

770. Спел он песню и двинулся дальше. О ком рассказ? — Среди шиитов был один, кого называли султан Токмак. Был он предводителем пятисот стрелков. Бежал и он со своими вукерами. И вот услышал он голос Гёр-оглы:

— О игиды! Голос этого зангара совсем близко слышен. Спрячьтесь-ка в горной пещере, а я встречу его и постараюсь занять разговорами, — может, удастся отвлечь его. Коли придержит он коня, стреляйте. Может быть, и на нашу долю достанется чуточка славы.

Немного погодя из горного ущелья выехал всадник.

— О бек Гёр-оглы! Салам-алейкум!

— Ва-алейкум-эссалам, добрый молодец! Расскажи, [кто ты]?

— Твой отец, Гёр-оглы, с моим отцом были закадычными друзьями, друзьями до гроба. Я прибыл с теми, но им я враг, а тебе друг.

— Коли ты мне друг, имя свое скажи!

— Зовут меня султан Токмак.

— Слышал я, что среди шиитов есть у меня друзья. Но не слышал о друге по имени султан Токмак.

771. Так и беседовали они — и тут из горного ущелья раздался залп из пятисот ружей. Пули краем задела Гёр-оглы в сорока двух местах. «Вот и случилось, чему суждено было случиться», — промолвил Гёр-оглы. Раненный, начал он падать с коня. Но [умный] Гыр-ат все понимал: когда Гёр-оглы клонился в сторону, конь подавался в ту же сторону. В какую бы сторону ни валился [Гёр-оглы] — с коня не падал. «Не удастся ли так слово молвить, чтобы себя не выдать врагу. . . — подумал Гёр-оглы и, ухватившись за поводья, спел, призывая покровителя своего, Льва божьего:

772. Из детеныша тура вырастет тур.

От храбреца храбрец родится, мой султан!

[Когда] удальцы игиды опора друг другу,

Это кинжал с острым лезвием, мой султан!

Из сивых, саврасых арабских коней

Смелчак выбирает [себе] самых быстрых, самых лучших.

Спросить бы у бека султана Токмака —

Когда будет снова бой, мой султан?

Удалец игид не смотрит — много ли мало ли [врагов],

Слово труса ничто для него,

[И] один смелый игид для глаз врага

Как кинжал с острым лезвием, мой султан!

Бой будет утром, бек Гёр-оглы,

Первым сражен будет конь храбреца.

Шелк, пестрый щит защищает лицо

От острой сабли, ружья, мой султан!

773. После этих его слов стрелки бежали за гору, приговаривая: «Этого зангара ничего не берет!», удрал и султан Токмак. Все убежали, тогда и Гёр-оглы рухнул с коня. А Гыр-ат сбросил с себя узду и встал, проливая слезы. Пусть конь тут и стоит. О ком рассказ? — Об Овезе.

Нашел он где-то Косе.

— Эй, Косе, разве можно истребить всех этих. . .! Они побеждены и [теперь] сами уйдут, исчезнут. Ехал я и все время слышал голос моего господина. Но вот раздался залп из множества ружей, и голос моего господина умолк.

Все поспешили туда, откуда послышались выстрелы. Гёр-оглы, раненный, лежал весь в крови. Тут же перевязали ему голову, плечи, взгро-моздили на коня и направились в крепость. Привезли в мейхану, развели большой огонь, подали Гёр-оглы чай, кальян. Но не принял он ни чая, ни кальяна.

774. — Ох, игиды, разгорячившись, забыл я наставление своего покровителя: «Бегущего не преследуй» — и погнался [за ними]. Хорошо, коль не лишит он меня последнего дыхания. Дайте-ка мне саз. Пока я жив, хочу спеть вам песню, о себе рассказать:

775. Коли рассказывать об удалце игиде, [вот] первое:

Глядите, что в этом мире сын бека ¹⁴ совершил.

Некий палач появился в стране османской,

Поехал, [врагов] сын бека сокрушил.

В литавры бьют под звуки боя,

В сражение с ним не устоять [никому].

Нежных девушек дал он своим храбрецам.

На щите преподнес сын бека, победив.

Диван собрал он свой на высокой горе,

Подчиниться Тебризу заставил он Хиры-Рован.

Прекрасную девушку из страны Рум

Привез сын бека, ласковым словом взял.

Игидам мудрый везир нужен,

Во время схваток жертвы нужны (?).

Все наготове здесь быть должны,

В этом мире забыто имя твое, Гёр-оглы.

776. Произнес он эти слова. О ком же теперь рассказ? — Об Ага-Юнус.

Пришел к ней человек и спросил союзджи — разбито, мол, войско врага. Одарила она его конем, халатом и села у себя на женской половине в радостном [ожидании]. И тут донесся до ее слуха голос Гёр-оглы. «Никак, опять с ним что-то случилось», — [подумала она] и побежала в мейхану. А Гёр-оглы уже совсем умирал. Подошла она и положила его голову

себе на колени. Окинула взором ряды игидов — ни у одного из них ни царапины нет.

— Что же, все раны, которые должны были вам достаться, на этот раз пришлось на долю Гёр-оглы? — только и спросила она.

— Мы [ничего] не знали друг о друге. В пылу боя каждый преследовал врага отдельно от других, — [ответили игиды].

— Разве у предводителя игидов, у военачальника не бывает пять-десять человек вестовых? В день битвы, в день сражения их не удержишь и на привязи! — [с укором] сказала она и, глядя в лицо Гёр-оглы, запела, плача и роняя из глаз крупные слезы:

777. Лежала я — донесся [чей-то] стон.

Преклоняюсь перед тобой и твоим конем!

Ниже стали высокие горы рядом с тобой.

Преклоняюсь перед тобой и твоим конем!

Игидов-меремов собирает мой бек,
Сильный враг жаждет крови его,
Сразила б меня стрела, что ранила тебя,
Преклоняюсь перед тобой и твоим конем!

Ты погибнешь — на небо улетит Гыр-ат,
Рассеются игиды, разбредутся кто куда,
Угаснет светильник того, кто умер, [не оставив] потомства,
Преклоняюсь перед тобой и твоим конем!

Шербетом смерти мне б врага напоить,
Увидев его, сердце б мне ему сжечь,
Кому передам теперь я Гыр-ата твоего?
Преклоняюсь перед тобой и твоим конем!

На голове у меня золото, султан, венец,
[Но] гордости нет в сердце моем.
Готова Ага-Юнус умереть за тебя.
Преклоняюсь перед тобой и твоим конем!

778. После этих ее слов [игиды] подняли Гёр-оглы и [на руках] перенесли из мейханы на женскую половину. Там он позвал к себе игидов и сказал:

— О игиды мои, моя Ага-Юнус! Я-то не умру, коль будет на то воля Аллаха. [Но], хоть и не умру, не поправлюсь, как прежде бывало, едва увидев звезды. Наступит свой час, своя пора — и буду я здоров. А пока не оставляйте на поле обоз, провиант, коней, оружие [разбитого] войска. Соберите все в крепость и для всех устройте пир-веселье.

Собрали все в крепость, устроили в крепости пир-веселье и, достигнув своих целей-желаний, предались отдохновению.

IX. ОБИДА ОВЕЗА

779. Хорошо, добро. О ком рассказ? — Гёр-оглы-бек, раненный в сорока двух местах, лежал, слабея с каждым днем. Месяц пролежал — не оправился от ран, пролежал сорок дней — не выздоровел.

О ком рассказ? — О Косе.

Собрались однажды [игиды] в мейхане. Косе говорит:

— Эй, игиды! Есть разговор. Вы не помните, не знаете?

— Какой разговор, Косе?

— А разговор такой, игиды: никак, больному [болеть] полагается сорок дней, [не больше]. А потом он или помрет, или поднимется. [Так что теперь] Гёр-оглы [как бы] умер [уже]. Не будем болтать, что нет у него ни сына, ни старшего, ни младшего брата нет, не будем болтать, что он, мол, [один] хозяин всего. Как умрет, родня [сразу] отыщется. И чем потом собираться богатство-имущество делить, лучше сейчас поделим.

— Хорошо, добро! — ответили сорок игидов.

Разбились они на четыре группы, по десять в каждой, и взялись делить на четыре части овец Гёр-оглы, верблюдов, лошадей, рогатый скот, сокровища, землю и воду. «Учтут ли и меня при этом, выделяют ли и мне долю?» — думал про себя Овез. Но никто на него внимания не обращал, никто в расчет его не принимал.

— А ну, Овез, ты что расселся? Разве не мог ты развести огонь побольше? Ты чайник-то хоть сполоснул, воду сменил в кальяне? Ступай задай корм коням и напои их!

780. Размышлял Овез: «Да, игиды, [теперь] узнал я вас: умри мой господин — вы прогоните меня, отняв все, до штанов и рубахи. Лучше уж я, пока жив еще мой господин, попрошу у него разрешения и позабочусь о возвращении в свою страну». Так думал Овез. Что ни день, по три и по четыре раза приходил он к Гёр-оглы и растирал ему руки и ноги.

Прошел день, [прошло] два [дня], а он не осмеливался высказать свою просьбу. Ведь очень нелегко это — тревожить больного человека просьбами.

Как-то сидел Овез [у Гёр-оглы], растирая ему руки и ноги.

— О ага! Есть у меня [к тебе] просьба.

— Что за просьба у тебя, Овез-джан?

— Просьба у меня такая, ага: смертный час тебя миновал, и [теперь уже] ты не умрешь, да будет на то воля Аллаха. Позволил бы ты мне

съездить на родину, рассказать отцу с матерью, родственникам и друзьям, как хорошо, как весело мне здесь живет.

781. Но Гёр-оглы был очень слаб, и не то хотел он услышать от Овеза. Слезы полились из глаз у Гёр-оглы, заплакал и Овез, и Ага-Юнус стала плакать. Но трудно только начать разговор, а уж начав, он повторял и повторял:

— Ну позволь, ага, разреши!

— Дам я тебе разрешение, Овез-джан, а ты уедешь и не вернешься!

— Нет, ага, вернусь.

— Нет, Овез-джан, не вернешься, не вернешься.

Гёр-оглы все твердил «не вернешься», [тогда] Овез встал, взял Коран — а тот лежал в нише — и трижды поклялся на нем, что, мол, вернется.

— Худо ты поступил, Овез-джан. Ну да поезжай, я разрешаю. Может, заглянешь сюда как-нибудь?

— О ага! Говорят ведь: «В ауле зад у людей тяжел». [Обещаю] заглянуть через год.

— Нет, Овез, коли хочешь заглянуть, так пусть это будет через шесть месяцев.

— Ну ладно, ага, коли смогу — загляну, только не торопи меня.

782. Овез говорит «год», Гёр-оглы — «шесть месяцев». Между тем Овез встал [и собрался уходить].

— Овез-джан! Нет у меня ни сына, ни дочери. Как сына воспитал я тебя, женил, в люди вывел; хочешь отплатить мне добром за хлеб-соль — хоть раз загляни сюда.

— Хорошо, добро, — ответил Овез-джан и, получив дозволение своего господина, сел на Ховали-гыра и поскакал, держа путь в Веенгам. Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. [Так] скакал он и приехал в страну Веенгам. Пришел в свои места, к себе в мейхану. Никто не узнал Овеза — уехал он мальчишкой, с кулак [величиной], а вернулся взрослым парнем, с бородой и усами.

783. — Жива ли мать Овеза, жена мясника Булдура? — спросил он у какого-то человека.

— Жива, сидит у себя [дома] на женской половине.

— Ступай и получи союзджи: [скажи, что] я видел ее сына.

Тот бросился бегом. Прибежал к матери Овеза.

— О старуха, союзджи, союзджи! Твой сын Овез, оказывается, жив — какой-то человек приехал, он видел его. Дай союзджи!

— Нет, добрый молодец! Уж столько ко мне приходило людей со словами «Я видел Овеза, союзджи», уж столько я одаривала и конем и халатом, что ничего у меня не осталось — ни скота, ни имущества. Я потеряла надежду на возвращение Овеза. Не верю я твоей вести!

[Тот вернулся к Овезу].

— Эй, добрый молодец! Не поверила она моим словам.

— А сама старуха-то сумеет сюда прийти?

— Сумеет.

— Так пусть придет ко мне. Ступай скажи [ей].

Тот человек снова пошел [к ней] и сказал:

— Эй, старуха! Тот игид сидит в мейхане и говорит: «Пусть она ко мне придет». Сходила бы ты.

784. — Хорошо, добро, — ответила мать Овеза и пошла.

Пришла в мейхану. Не узнала мать сына. Потому не узнала, что в страданиях по Овезу погас свет ее лица, согнулся стан, от плача и рыданий слабыми стали у нее глаза. Увидел Овез свою мать такой, и полились слезы у него из глаз. Вытер он глаза и обратился к матери:

— О старая женщина, если бы увидела ты сейчас сына своего Овеза, узнала бы его?

По голосу узнала она Овеза. Испустила крик и упала в беспамятстве. Спустя три часа пришла она в чувство, обняла [сына] и расцеловала.

— Ох, сынок! [Что стало с тобой тогда] — улетел ли на небо ты, живым вознесся, под землей ли исчез?

Овез-джан ответил, глядя на мать:

— Я с помощью саза тебе расскажу, где я был, — и спел:

785. [Как] в глубоком сне, моя милая мать,
Попал я в сеть.
Беда свалилась на голову мне,
В тот день я с тобою разлучился.

Гора — опора для нечестивца,
Нынче время мне умереть.
Красота моя — враг мой.
В руки Гёр-оглы я попал.

Увез он меня из этих мест,
В обиталище добра привез —
В Чандыбиле обосновался он,
Среди сорока [игидов] стал я жить.

Овез-джаном зовут меня.
Страдают люди из-за меня.
Истина к цели меня привела.
Вернулся я, снова я здесь.

786. Сказал он эти слова, и поскакали гонцы к друзьям-приятелям, родне-родственникам Овеза с радостной вестью о его возвращении. Устроил Овез-джан веселье-той на десять дней и десять ночей. Вернулся он в свою страну, пусть здесь и остается. О ком теперь рассказ? — Опять о Гёр-оглы. Прошло два месяца, и больше прошло, миновало три месяца и больше. Слово лучше краткое — шесть месяцев прошло, совсем поправился он. Обычно раны у него заживали, как звезды увидит. На этот раз покровитель не поддержал его — он выздоровел [только] через шесть месяцев. О ком рассказ? — Об ушедшем Овезе.

787. Гёр-оглы говорил «шесть месяцев», Овез-джан — «год». [Но] шесть месяцев прошло — не вернулся Овез, и год прошел — не приехал он. Слово лучше краткое — прошло три года, а Овез не появлялся. «Не вернулся Овез! . .» — такие думы не покидали Гёр-оглы. Поведал [ему] некий человек:

— Гёр-оглы! Не горюй ты, думая: «Овез не вернулся. Овез не вернулся. . .» Сорок игидов твоих, посчитав тебя умершим, разделились на четыре группы, по десять в каждой, и поделили на четыре части все твое имущество. [А] Овеза обошли — вот и обиделся он, уехал, чтобы больше не возвращаться.

Услыхал он это от того человека и пришел к игидам. Но не смог сказать им прямо — меня, мол, «убили», а имущество мое поделили вы.

— Эй, Косе! Овез-джан был очень смышленным игидом. Он всегда понимал, что в моем сердце, и мог угодить, а вот вы не можете.

Косе понял язвительный смысл сказанного.

— Эх, Гёр-оглы! Не говори с усмешкой, что, мол, Овез мог угодить, а мы не можем.

— Хорошо, добро, Косе! Ну, мог, и ладно, — ответил тот.

Пусть они остаются здесь в ожидании Овеза. О ком теперь рассказ? — Опять об Овезе.

788. [В свое время] Овеза увели из дворца шаха Юсупа. Как вернулся Овез, три-четыре раза в день приходил он к шаху, приветствовал его, но тот не обращал на него никакого внимания и на приветствия не отвечал, даже в лицо ему не смотрел. Как-то Овез сказал:

— О тагсир, падишах мой! Вот уже три года, как я хожу к тебе с поклонами, а ты, тагсир, не желаешь выслушать меня.

— Что еще там ты хочешь сказать? Известно, что ты будешь говорить. Выросла у тебя борода, вот и вернулся сюда, не найдя покровительства у Гёр-оглы. Известно, что ты расскажешь.

— Нет, не так, тагсир!

— Не хочу слушать твоих «так-эдак», ступай вон из крепости, зангар!

— Не говори так, тагсир. Не очень давно [на Гёр-оглы] сорокатысячное войско пошло, ранен он был в сорока двух местах, умирать уже стал. Поняв, что он умирает, я испросил разрешение и вернулся. Видно, умер он уже. Дай мне один лек войск, и я перенесу сюда весь Чандыбиль, одну землю оставлю. Там столько сокровищ, сколько в сокровищницах семи падишахов!

— Ступай прочь! Да разве я нуждаюсь в сокровищах, богатстве!?

789. — Тагсир, хоть нет у вас ни в чем нужды, но там [ведь] осталась моя Гюль-Рух — я бы приехал к ней! И еще — слышал ты, тагсир, что у Гёр-оглы есть [красавица] — пери Ага-Юнус?

— Слышал.

— Коли слышал, так и она сделает, что я велю, — она тоже придет со мной.

Задумался шах, как тот упомянул о пери.

— И пери ты привезешь с собой? Тогда поезжай, разрешаю. Сам собери [себе] войско, сам отбирай! — разрешил шах.

Принял Овез грозный вид и начал собирать войско в этой крепости. Кого же он собрал? Тысячу кудесников, тысячу лазутчиков, тысячу головорезов, тысячу буйноголовых, тысячу больших и тысячу малых пушек, тысячу мортир, тысячу ружей. С этим войском и отправился Овез в поход на Четырехгорный Чандыбиль.

790. О ком рассказ? — В тот день, когда Овез, собрав войско, выступил в поход, приснился Гёр-оглы сон: едет Овез, как падишах, с бунчуком. Вадрогнул [Гёр-оглы] и очнулся. Видит: сон это был. Побежал он в свою мейхану.

— Эй, Косе! Видел я Овез-джана во сне.

— Ой-эй, Гёр-оглы, да будет благословен сон, в котором увидел ты Овеза! — ответил Косе. — Ну, каков же твой сон, Гёр-оглы?

— Такой вот сон. . . Задержался он, не пришел, — сказал Гёр-оглы и, взяв в руки саз, спел, обращаясь к сорока игидам:

791. О друзья, мусульмане!

Задержался Овез, не пришел.

Столько времени блаженствовал я.

Задержался Овез, не пришел.

Без тебя страдал от разлуки я.

Нет лекарства от недуга моего.

Не может быть верности у слуги.

Задержался Овез, не пришел.

Удалец игид прокладывает вере путь,

Кровь врагов проливает он.

Ел хлеб-соль и убежал, обманув, —

Задержался Овез, не пришел.

Вот [они], наши чандыбильцы!

Распустились красные розы.

Прах на голову твою, Гёр-оглы.

Задержался тиран, не пришел. . .

792. Сказал он эти слова, а Косе упрекнул его: не говори «тиран» и прочее. Вернется Овез.

— И я вроде понимаю, Косе, что он вернется, [да вот] похоже, Овез в обиде на нас.

— Заткни глотку, зангар, с чего бы Овезу обидеться на нас!

— Сдается мне, Косе, что он, как шах, во главе войска идет войной на нас.

— Ой-эй-эй, Гёр-оглы! Идет войной? Это тебя и тревожит? Разве он уже пришел на землю Чандыбиля?

— Знаю только, что идет он, Косе, об остальном не ведаю.

— Когда придет, выход найдется, Гёр-оглы, ты не горюй!

793. Знает Косе обхождение. Хорошо, добро. Пусть они остаются тут. Послушайте об Овезе.

После нескольких дней пути достиг он окрестностей Чандыбиля. Места ему знакомы, исхожены им. Вот в стороне кыблы от Четырехгорного Чандыбиля — гора Меджнун. Овез с леком войск водрузил бунчук под горой Меджнун. Другой такой высокой горы поблизости не было. Окружена была гора множеством горячих источников. Велел он всадникам не стрелять, не шуметь, не разбредаться, а три дня копать укрытия под горой. Покопали и поставили шатры, палатки. [Когда все это было сделано], Овез призвал к себе шестерых курдов — решил он узнать, жив или умер [Гёр-оглы]. Обильно угостил их каба, шохле, творогом, чаем напил, кальян, вино поднес, похваливал, говорил приятные слова.

— О игиды, не сходите ли вы в крепость Гёр-оглы разузнать, [что и как]?

— Ох, Овез-джан, сходить разузнать? Да прикажешь, мы и самого Гёр-оглы притащим на аркане!

— Ступайте узнайте, куда он отправился: на аламан или на охоту. А вернетесь — я вас щедро одарю конями и халатами.

794. После ласковых слов Овеза все шестеро вышли [довольные]. Идут круглобродые курды в пестрых кольчугах, с разукрашенными кремневыми ружьями, в длинных узковерхих папах и гордо беседуют между собой.

— Хорошо бы этот забулдыга-зангар Гёр-оглы, не дожидаясь, пока мы подъедем к крепости, вышел нам навстречу и принял наших коней.

Но где там Гёр-оглы — и другой никто не принимает коней этих чужестранцев, никто и не спрашивает, с чем приехали они.

795. Так ехали они, спрашивая о Гёр-оглы, и наконец приехали к мейхане. Гёр-оглы [в это время] сидел возле мейханы на небольшой кошме, на плечи его был наброшен халат, на голове — почная шапка; пил он чай, курил кальян. С угрожающим видом подъехали к нему шесть всадников, без поклона, без приветия.

— Эй, игиды, скажите, с чем приехали вы? — спросил Гёр-оглы.

— Отвечай, дома ли Гёр-оглы? — сказал [один из всадников].

— Да, дома он.

— А коли дома, он что же, не может выйти и принять наших коней, этот ослиный вор?

— Нет сил у него выйти и принять ваших коней — он лежит больной. Скажите, какое дело у вас, а я передам.

— Заткни глотку! Коли дышит еще, пусть выходит сюда!

— Эй, игиды, да не рвитесь вы так! Я же близкий, доверенный человек его, мерем, сеис. Скажите мне, и я все в точности ему передам.

— Посмотрите на [этого] мерема, сеиса! Мы сюда не затем приехали, чтобы разговаривать с каждым псом, что бродит у дверей [Гёр-оглы]. Пусть сам выходит!

796. После таких их слов Гёр-оглы вошел в мейхану, надел тельпек, халат, натянул на ноги сапоги и вышел с гордым видом.

— Ну, говорите, что за дело у вас?

— Ты что же, зангар, [думаешь] — надел тельпек, халат, повесил на пояс нож, [взял в руки] секиру и стал уже Гёр-оглы?! Пусть сам выходит!

На шум собрались игиды.

— Косе, вынеси мне дутар — я спою им одну песню. Коли и после будут они болтать, [пусть пеняют на себя] — ты ведь знаешь: уж три года, как не убивал я нечестивцев. . . Кинутся они тогда искать, в какой щели лучше спрятаться!

Дали ему в руки саз, и, обращаясь к ним, гневно покручивая усы, он спел:

797. Вы не рады мне.

Или твои, или мои.

Множество подвластных людей —

Или твои, или мои!

Балханы — главная средь гор,

Головы ваши я измолочу.

Пестрый щит, что [прикрывает] твоё плечо, —

Или твой, или мой!

Сорок игидов моих наготове [стоят],

Ведут коней поить на цветущий пруд.

Стальное копье с четырехгранным концом —

Или твоё, или моё!

Единственный сын Гёр-оглы у отца.

Сорок игидов есть у меня.

Белая накидка на моих плечах (?) —

Или твоя, или моя!

798. Спел он песню да произнес слово «Гёр-оглы», и тот, [кто говорил с Гёр-оглы], узнал его — оборвалось сердце у зангара. Не нашел он, что сказать, [да и выпалил]:

— О Гёр-оглы, принес бы ты кальян.

Гёр-оглы подал знак Косе. Косе вошел в [мейхану], заправил бронзовый кальян каршинским табаком, раскурил и принес. Всадники, боясь опьянеть от кальяна, курили его, намотав узду себе на локоть. Люди боятся, кальян хорош, а табак каршинский [крепок] — как раз и охмелели зангары от кальяна. Стали валиться они назад, да поводья, намотанные на руки, не пускают. Вперед стали они падать, ударяясь лбом о лук седла.

— О Гёр-оглы, не бей [нас]! — сказал один; ударился он лбом о лук седла, а подумал, что это Гёр-оглы его бьет.

Другой журил меньше, чуток пришел он в себя и, отерев воду с бороды, обратился к Гёр-оглы.

— Прибыл Овез.

799. Едва тот произнес: «Прибыл Овез», как Косе подбежал к нему, обнял его за шею и дважды расцеловал.

— Да будут благословенны твои уста, произнесшие: «Прибыл Овез!» Куда же прибыл Овез-джан?

— Он с леком войска водрузил бунчук под горой Меджнун, а нас послал сюда — пусть, мол, Гёр-оглы выходит на поле брани.

— О игиды, важная у вас новость. Почему сразу не сказали так? Ступайте назад, возвращайтесь. А там и мы прибудем!

Те повернули назад. А Косе поднял крик:

— Эге-гей, игиды! Быстрее седлайте своих коней, берите оружие-доспехи!

— Овез приехал! Быстрее!

Оседлали [игиды] как следует коней и поскакали [за ним].

800. О ком рассказ? — О тех шести курдах. Они первыми прискакали к Овезу. Овез спросил:

— Эй, игиды! Что вы — дракона видели или льва повстречали? Побледили, не узнать вас. Изменились вы.

— Овез-джан! Можно сказать, что видели мы дракона, повстречали льва. Приезжаем, а он сидит у мейханы. Сразу его мы не узнали — пригрозили. А потом он собрал своих сорок игидов и спел песню, обращаясь к нам, — страх охватил нас. Теперь, коли придется столкнуться с ним лицом к лицу, умрем, Овез-джан! . .

Овез думал про себя: «Ой, да он, оказывается, не умер. Ну а теперь будь что будет — прибыл я с леком войск, так испытаю свое счастье, буду с ним драться!»

Сел он на коня и объехал свое войско. Волшебникам велел он заняться своим волшебством, кудесникам, головорезам, буйноголовым — всем велел он заняться своим делом. Затем вернулся в зеленый шатер и уселся на золотом троне.

801. О ком рассказ? — Местность-то была хорошо известна Гёр-оглы. Обошел он [врага] с запада и остановился в стороне кыблы. «Как раз напротив должен быть шатер Овеза», — подумал он и, ударив коня плетью, въехал на гору. Была у него еще надежда: «Вот встречу с ним лицом к лицу, не посмеет он мне перечить, будет приветствовать меня» — такая надежда была у него. Но где там приветствия, где там что. . . [Как раз] наоборот — Гёр-оглы увидел: раскинули белые и красные шатры, ряд за рядом, знамя за знаменем, отряд за отрядом, бунчук за бунчуком: пустишь стрелу — на землю не упадет. Стволы пушек старыми шубами чистят — на каждую пушку по две шубы. Какие-то люди-великаны обслуживают Овеза, подают ему чай, подносят кальян.

802. «Какого величия достиг Овез-джан! Молодец, молодец! — подумал Гёр-оглы. — Он не приветствовал меня, а я скажу ему „Салам“. Говорят же: „Привет — от старшего“». И он громко прокричал «Салам!». Но все одно что собака облаяла едущего на верблюде — не желает он делать то, что ты хочешь от него.

— Уж больно высоко ты вознесся. Придется напомнить тебе о том, как клялся ты на Коране! — сказал Гёр-оглы и, взяв в руки саз, спел песню, обращаясь к Овезу:

803. Ты не ответил на мой привет.
Привет погубит тебя, дитя мое!
Я [всего лишь] бедный человек,
Нет у меня денег, чтоб выкупить тебя.

Не надо блеять, ягненок мой, не надо.
Слава твоя переполнила мир,
[Святого] слова не искажай —
Оно погубит тебя, дитя мое!

Как мужчина хочу разгуляться на поле брани,
Как недуг, врага поразить хочу.
Как голодный волк с окровавленной пастью,
В горах погоню я тебя!

Радостью опьяненный, сяду я гордо,
Заставлю врага заговорить.
Истреблю множество войск твоих.
В бегство обращаю тебя, дитя мое.

Ты снег на [вершинах] гор седых,
Чище алой розы ты,
Овез! Ты [ведь] друг Гёр-оглы.
Разве не знает мир тебя?

804. Спел он песню. Овез и слышал, и понял ее, но сделал вид, что ничего не понимает.

— Что это он говорит? Некому, что ли, ответить ему — рассечь ему рот?!

Сказал так [Овез], и из укрытий, поднимая пыль, выскочила целая толпа всадников. Схватились они с Гёр-оглы и его игидами, засверкали сабли. Сотни тысяч воинов Овеза были побеждены, начали сдаваться и прятаться в своих укрытиях. Каждый военачальник и сотник гнал своих воинов вперед, бил плетью и палкой — воевать принуждал. И снова они отступали и бежали в укрытия. Так Овез воевал три дня. На четвертый день ни одна живая душа не вышла из укрытий, хоть и били [воинов] плетью и палкой.

805. О ком рассказ? — О Косе.

— О Гёр-оглы, ты стой в стороне. Для [победы над] войском Овеза нет надобности и в «бисмилла» *.

Проворным стал у него Боз-Думан. Скинул Косе шапку, каждого, кто ни выйдет из укрытия, убивает, кто ни выйдет — убивает. С гиканьем скакал он возле укрытий, всех перебить решил.

На четвертый день велел Овез глашатаю объявить: «Сын Гиджира Мустапа, где бы ты ни был, явись бегом!»

806. В войске Овеза был некий Мустапа, сын Гиджира. Был он одним из [самых] больших его военачальников. Отца Гёр-оглы звали Ады-беком, отца Мустапы — Гиджиром. Некогда Ады-бек сделал Гиджиру добро — от смерти его спас. Этот Гиджир завещал сыну: «О сын мой, я умираю. Коли встретишь Гёр-оглы, сына Ады-бека, будь ему другом и отплати ему за добро!» Такой завет оставил он сыну.

[Вот] Мустапа и размышлял об этом: «Сам ел хлеб-соль Гёр-оглы, а теперь покушается на него. Аллах ведает, будет ли ему удача. Но коли будет [Овез] брать верх, я помогу Гёр-оглы!»

Так что другом Гёр-оглы и врагом Овеза пришел сюда Мустапа.

807. После призыва глашатая явился он к Овезу.

— Эй, Мустапа, уже три дня не видно тебя на поле брани. Какие желания, какие мысли у тебя? — спросил Овез.

— Нет у меня никаких желаний, Овез-джан. Но куда ты сам, не поведишь, я не выйду на бой по приказу [какого-то] бродяги вислоногого! . .

— Ступай, я сам тебе повелеваю — сразись с Гёр-оглы!

— Прекрасно, Овез, гулдук! Я сражусь с Гёр-оглы один на один. Следом за мной никого не посылай.

А тот и хотел бы послать, да [ведь] никто не выйдет. Мустапа отъехал от Овеза и направился в сторону Гёр-оглы. Ехал он и думал: «Видно, и он знает, что я ему друг. Ведь прежде я тайком посылал ему несколько раз письма. Можно было бы сразу сказать, кто я, ну, да сам-то он знает [меня], а его игиды не знают. Скажут: из страха, мол, побратимом [Гёр-оглы] я стал. Покажу-ка я сперва силу свою, а потом уж скажу, кто я».

Гёр-оглы, [стоя] на горе, увидел его.

— Эй, Косе, видишь ты этого игида?

— Вижу, Гёр-оглы.

— Три дня этот игид не участвовал в битве. Видно, он уверен в себе и хочет сразиться один на один. Да и мое ведь имя — Гёр-оглы! Не буду трусом — выйду навстречу ему. Чтоб не о чем было ему сожалеть.

808. Съехались. Мустапа ударил Гёр-оглы копьём — Гёр-оглы загородился щитом. Гёр-оглы ударил Мустапу копьём — и Мустапа загородился щитом. Так, верхом, и сражались они какое-то время, [действуя] щитом и копьём. У Мустапы силы во сто крат больше, чем у Гёр-оглы. Захотел бы он свалить его с коня — свалил бы. «О Аллах, свалю я его, а он упадет да ударится о камень, пострадает. . .» — размышлял Мустапа. Вот и стал он отходить, подаваясь то в одну сторону, то в другую. Так приблизились они к оврагу с мягким песком. «Здесь-то уж с тобой, видно ничего не случится», — решил Мустапа и свалил Гёр-оглы ударом щита. Гёр-оглы, лежа, крикнул:

— Ты опрокинул меня в воду. Кто ты? Скажи свое имя!

— Меня зовут Мустапа, сын Гиджира.

Сказал он «Мустапа, сын Гиджира», и Гёр-оглы успокоился: доводилось ему слышать, что тот ему друг. Но [все же] подумал он: «Не погу-

бил бы меня этот зангар своим ласковым обхождением. Не грех обратиться с мольбой к тому, кто сильнее тебя. . .» И Гёр-оглы спел песню:

809. Когда в усладу (?) на охоту выходит
Сын отважного Мустапа-бек.
Прямо предо мной, лицом к лицу,
Стоял Мустапа-бек!

Поспеши [на помощь], когда зовут.
Прости мне мою вину!
Братскую услугу мне окажи,
Постарайся, Мустапа-бек!

Радостью опьяненный, гордо сидел я,
Заставил врага я заговорить.
Сорок две раны было у меня —
Где же ты был, Мустапа-бек?

Сядем на коней, выедем гордо,
Искося взглянем на врага.
Бунчук Овеза свалим мы!
Повоюем вместе, Мустапа-бек!

Полюбив, голову снявший,
К [седлу] головы приторочивший,
Гёр-оглы в реку сваливший, —
Убери свое копьё, Мустапа-бек!

810. В ответ на эти слова Гёр-оглы Мустапа сказал:

— Гёр-оглы, я хотел сразу же сказать тебе, кто я. А так я поступил, чтобы силу-мощь свою показать.

— О, равного тебе нет! Вынь же свое копьё!

Убрал Мустапа свое копьё. Встал Гёр-оглы. Они обнялись, приветствовали друг друга, сели на коней и направились к Косе и игидам. О ком рассказ? — Об Овезе.

Вся надежда у Овеза была на Мустапу. «И его он переманил на свою сторону волшебством, заклинаниями. Плохи теперь наши дела, о Аллах!» — думал Овез.

Поднялся крик: «По коням! Бегите! Спасайтесь!» Поднялась паника. Пыль от копыт коней застлала укрытия. А Косе с вершины горы наблюдал за этим. Увидел он, что противник подавлен, и с гиканьем ринулся вниз.

811. Косе кричал:

— Эй, зангары! Договняйте, никого не выпускайте из укрытий!

Догнал Косе войско, бил, валил, колол, опрокидывал, давил — настигал и дальше гнал.

Наставлял Гёр-оглы его покровитель: «Убегающего не преследуй». Спешились они с Мустапой, вошли в шатер, и пусть они здесь пьют чай, курят кальян.

812. А Косе, сражаясь [с врагом], скакал на коне по горам. Тут из горной пещеры вышел Овез, руками машет, кричит:

— Эй, мерем-ага! Иди сюда, иди же сюда! Салам-алейкум! Эй, салам-алейкум!

Глядит Косе — а это Овез машет руками и кричит. Повернул он Боз-Думана, ударил его плетью.

— Эй Овез! Вот и довелось нам снова встретиться с тобой.

Еще не подъехав, отпустил он повод коня.

— Подходи, Овез-джан! — сказал он и посадил его на коня за собой. Повернули они назад, в пути Овез говорит:

— О мерем-ага! Гадко, позорно я поступил. Как [теперь] я пойду к моему господину, что я ему скажу, что отвечу? Дай совет!

813. Рассердился Косе.

— Эх, Овез, [вот] ты говоришь «дай совет». А сам ведь как шах, с легком войск, подняв бунчук, пришел сюда. «Со своими векилями *, везирами, кушбеги *, метерами ты пришел. Выход ты и сам наверняка найдешь. Сам подумай, как тебе поступить, — сердито ответил ему Косе.

— Ох, умоляю тебя, милый Косе. Не говори так, — взмолился Овез, обнимая его за шею.

— Овез-джан! Какой-нибудь выход найдется.

— Мерем-ага! Лишь бы не убил он меня на этот раз. . .

— Да не убьет он тебя, Овез-джан! Покуда я здоров, ничто тебе не грозит.

814. Ехали они, ехали и подъехали так близко, что уж можно было услышать голос. Овез спешился и, сложив руки на груди, приветствовал Гёр-оглы. Как же не ответить на приветствие? Ответил Гёр-оглы, [но] про себя. Овез не осмелился подойти [к Гёр-оглы], опустился поодаль на колени, глядя в землю. Гёр-оглы сидел с недружелюбным, суровым видом. Косе привязал Боз-Думана, покурил у костра и подошел к Гёр-оглы.

— Гёр-оглы! Почему ты сидишь с суровым, недружелюбным видом? Разве не можешь поговорить с Овезом?

— А что ему со мной говорить?

— Скажет что-нибудь тебе. Поговори с ним!

— Пусть говорит, коли хочет.

815. Косе подошел к Овезу.

— Поговори с ним, Овез, не бойся, не бойся!

— О ага! Уверю тебя — думал я вернуться через год. Но, как говорят, «в ауле зад у людей тяжел» — вот и промешкал я три года. Хотел было привезти одну-двух девушек, да есть у тебя Ага-Юнус, не можешь ты брать новых жен. Хотел было взять коней, халаты, да не нуждаешься ты в них. Потом подумал: наверное, мой господин за три года истосковался без сражений. Схватится он со мною для виду, и пройдет у него зуд, желание драться. Так мне казалось. И душу отведет мой господин, и ему же

достанутся провиант, кони, оружие [целого] войска — так я подумал. Стыдно мне, ага, но иных подарков, даров, подношений я не нашел. . .

816. — Эх, зангар, смекнул, как говорить! А не то умереть бы тебе на этот раз!

— Не говори ты «умереть» и прочее. [И вправду] ведь Овез понимает нас, знает, что нам надо, — так сказал Косе, взял Овеза за руку и подвел его к Гёр-оглы.

— Прости ему вину, подай ему руку! Подай же руку, зангар!

Заставил Косе Гёр-оглы подать руку, обнять Овеза, поздороваться с ним.

Довольный поражением Овеза, побратимством с Мустапой, возвращением Овез-джана, Гёр-оглы спел песню:

817. С тех пор как ты уехал, три года прошло.
Глава этого войска — Овез.
Что ни случилось — все по воле Аллаха.
Не упрекайте — ведь молод [еще] Овез.

Однажды ночью видел я сон:
Как шах, скакал ты на коне.
Дочь шаха Леке отдал я тебе,
Ведь [ты] доволен мною, Овез.

Водрузил ты бунчук на горе Меджнун.
[Повсюду] налево и направо скакать я хочу,
Почему ты начал враждовать,
Нам противником стал, Овез?

Почему ты не пришел ко мне,
Почему не принял мой привет?
Достоинства своего не понял ты,
Неумно ты поступил, Овез!

Радостью опьяненный, сидел Гёр-оглы.
Сын Гиджира подвиг совершил.
Судьба привела тебя [сюда].
Далек теперь твой край, Овез!

818. — Гёр-оглы, не говори лишнего — «далек — далек». . . Садись-ка на коня!

Итак, отогнали они это войско, захватили много добычи и повернули в крепость. Взяли с собой и Мустапу — и ты, мол, переведи дух, отдохни, получи заслуженные почести, награды. Приехали в крепость.

— Ну, Косе, раньше болел я, не мог устроить веселье-той. [Так] давай же [теперь] зададим той в честь [моего выздоровления]. А еще говорят: «Мечта раба — побег»! Побывал Овез у себя на родине, утолил свое жсла-

ние, и снова он среди нас — пусть и в честь этого будет той. Братом мне стал Мустапа — и в честь этого пусть будет той. Пусть попирует он с вами и [лишь] потом покинет нас. Добычу же не раздавать [никому] в крепости, а потратить все на пир-веселье.

819. Устроили веселье-той на десять дней и десять ночей. Всем давали что кто хотел: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давали. Устроили скачки, стрельбу в «золотую тыкву», позвали петь бахши. Мустапе дали коня, одарили его, оказали ему почести-почет, а потом проводили его на родину.

Достигли они своей цели-желания.

Х. СТАРУХА

820. Хорошо, добро! О ком рассказ? — Оправился Гёр-оглы от ран, обрел вновь Овез-джана и, как прежде, стал тревожить шиитов. Весь год Гёр-оглы воевал с Нишапуром. Ехал — рубил, и возвращался — рубил.

821. О ком рассказ? — Был в Нишапуре падишах Балы-бек. Созвал он как-то своих приближенных и держал совет.

— Дайте совет, игиды, как быть. Этот ослиный вор, зангар, разбойник тревожит страну! . .

Приближенные посовещались и ответили:

— Призовите его к себе, тагсир, одарите богатыми подарками, подарите коня, богатые одежды и заключите с ним перемирие, тагсир!

У падишаха был старый везир. Призвал он его и спросил совета.

— Везир, вот что советуют мои приближенные. А ты что скажешь?

— Так не годится, тагсир. Разбойник примет твои дары, наденет твои халаты, сядет на твоего коня, а возвращаясь домой, подвергнет твою страну разграблению. Говорят: «Волчонка не приручишь!» Тагсир, негоже жить, угождая разбойнику и вору!

— Каков же твой совет, везир?

— Я дам такой совет, тагсир: говорят, что есть у него конь Гыр-ат, прозванный Меджнуун-Дяли. Вот и говорят, что стал он знаменитым лишь из-за коня. Если не на коне он, копь не под ним Гыр-ата, не поднять ему и камня в десять сирй *.

— Но как же завладеем мы Гыр-атом, везир?

— Силой им не завладеешь. И за золото его не купить. Но коли не поскупишься на награду, подарки, в этой крепости найдутся хитроумные люди, которые обманом смогут заполучить коня. Хитростью ты завладеешь конем, тагсир!

822. Этот совет понравился падишаху, и он тут же объявил через глашатаев: «Кто приведет мне Гыр-ата, коня Гёр-оглы, тому я тотчас выдам пятьсот золотых туманов, а когда возвратится — назначу распорядителем воды арыка, и он всю жизнь будет жить за счет казны!»

823. В этой крепости жили двое — муж и жена; было им по сто семьдесят лет. Старика звали дед Ленгер, а жену его — Шахмаман-Зулман. Называли ее также Хирс-Биби¹. Сказала старуха деду:

— Дед Ленгер! А может, мне удастся привести его?

— Эх, проклятая старуха! Ведь я добываю себе на пропитание тем, что продаю бязь алача *, которую ты ткешь. С голоду, что ли, мне умирать, когда ты уедешь?

— Да нет же. Говорят, что падишах пообещал пятьсот золотых туманов. Я и оставлю их тебе. Коль и умрешь — сытым умрешь.

— Ступай, отпускаю тебя, может, и выйдет это у тебя! — ответил дед и отпустил старуху.

Отправилась она к падишаху. Приветствовала его и встала, почтительно сложив руки на груди.

— Ну, милая бабушка, рассказывай!

— Рассказ мой таков: коли нужен тебе Гыр-ат Гёр-оглы, отсчитывай, тагсир, пятьсот золотых туманов!

— Но ты же старуха, да еще в таком состоянии. . . Как же ты раздобудешь коня?

— Никто из смертных конем не завладеет, тагсир! Сможет привести его только такая старуха, как я, — искусная в хитростях и заклинаниях.

824. Старуху эту знали все. Везиры тут же подтвердили: «Тагсир, коль суждено смертному привести коня, то это сделает старуха. Нет равного ей в хитростях и заклинаниях, тагсир! Она слышит даже, как шуршит змея под землей».

Падишах выразил согласие и отсчитал ей пятьсот золотых туманов. Старуха нагрузила деньги на амбала * и вернулась домой. Деньги отдала она деду Ленгеру, а себе кушила осла за пять золотых. После этого присоединилась она к каравану, идущему в Гурджистан, и пустилась в путь.

825. Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. В один из дней перед наступлением темноты караванщики стали передавать друг другу: «Тяни верблюдов сильнее, говори тише!» Поняла она, что это неспроста, погнала своего осла и подъехала к караванбаши *.

— Эй, караванбаши! Уж очень вы торопитесь сегодня! Что-нибудь случилось?

— Нет, милая бабушка, но мы проходим мимо Четырехгорного Чандыбиля. Правителем там бек Гёр-оглы. Коли не минуем мы это место до утра, до восхода солнца, разорит он нас закатом. Вот и хотим мы избежать поборов.

Услыхала старуха имя Гёр-оглы из Чандыбиля и стала придерживать осла, отставать начала от каравана. Оторвалась от них. «Даст Аллах, выйдет он осмотреть караванный путь, может, удастся направить его по моим следам», — решила она, сошла с осла, сняла платье и стала ползти задом по земле.

826. На следующий день говорят Гёр-оглы:

— Косе, иссякли у нас деньги на харчи. Поедем-ка поглядим караванный путь — кто проезжал, кто проходил!

— Ай, Гёр-оглы! Сам езжай, сам гляди. Вряд ли что сейчас найдешь!

— Хорошо, добро, — ответил Гёр-оглы и сам поехал проверить караванный путь. Заметив след большого каравана, он поехал, преследуя караван. Недолго ехал он, как вдруг увидел, что в сторону свернули следы осла. А рядом с этим следом были еще какие-то странные следы. Двинулся он по этим следам. То поднимался в гору, то спускался вниз. Поднялся он на холм и видит: стоит осел, а около него старуха лежит.

827. Рот у старухи словно очаг, зубы — лопаты, жилы на шее — как каркас кибитки, вся она в складках и морщинах, словно старый кузнечный мех.

— Эй, милая бабушка! Что ты тут делаешь?

— Ехала я в одну страну вместе с караваном, сынок, да не выдюжила, отстала я от каравана, они и бросили меня. По словам твоим видеть, что ты добрый мусульманин. Умру я скоро. Похорони меня, сынок, брось одну-две лопаты песку!

828. — Э, милая бабушка! Умереть мы тебе не дадим. Садись-ка на своего осла, я отвезу тебя в крепость!

— Нет силы у меня сесть на осла. Коли найдется у тебя за пазухой кусочек хлеба, брось мне.

— Коли не можешь сесть на осла, посажу тебя позади себя. Ну-ка, давай руку!

— Не подняться мне с земли, — ответила она, продолжая лежать, и протянула руку. Гёр-оглы потянул ее, и тощезадая старуха, зангар, легко вскочила на круп коня. Погнав осла впереди, направились они в сторону крепости.

829. Всякий раз, как Гёр-оглы возвращался, Ага-Юнус, встречая его, обнимала, едва он сходил с коня, чтобы не думал, не вспоминал он, что нет у него ни сына, ни дочери. И сейчас вышла Ага-Юнус, чтобы помочь ему сойти с коня, да увидела, что за спиной у Гёр-оглы сидит безобразная старуха, похожая на обезьяну.

— Эй, Гёр-оглы, кто это у тебя?

— Ага-Юнус, это я привез тебе бабушку-помощницу!

830. — Гёр-оглы! Пропади она пропадом, эта бабушка, да и ты сам! Отвези эту старуху туда, где ты ее подобрал, за девять переходов отвези! И брось ее там! Или еще дальше отвези ее, за гору, и брось ее за горой! За горой набей ей штаны камнями и брось ее в море! Подлое лицо у этой старухи, Гёр-оглы. Погубит она тебя или Гыр-ата. . .

— Эх, говорят же: «У женщин волос долог, а ум короткий». Ну, какое зло может причинить эта старуха?

— Может или нет, но на женскую половину я ее не пущу. Веди ее куда хочешь, Гёр-оглы.

831. Обиделся Гёр-оглы, рассердился. «Можешь не заботиться о ней, мы сами позаботимся!» — сказал Гёр-оглы и повел старуху за собой. Привел ее в каморку у мейханы. Там и оставил ее, туда передавал ей остатки еды.

Когда Гёр-оглы пировал с игидами и, захмелев, засыпал, старуха вот чем занималась: шла она в степь, приносила охапку травы, бросала

ее коню и убегала. Минул месяц, и она уже без страха протягивала (Гыр-ату) траву; минуло два месяца, и она стала оглаживать коня по голове, по морде; прошло три месяца, и конь привык к старухе, как к хозяйке.

832. В один из дней старуха вошла в конюшню, расседлала, потом снова оседлала его, села на него верхом и, словно ведьма, стала скакать туда и сюда. Затем снова привязала коня и вернулась в свою каморку. «Ну вот, — я могу ездить на коне. Но коли чего-нибудь не придумаю, мне его не увести», — подумала она и начала бормотать заклинания.

Как-то занемог Гёр-оглы, а с ним и игиды его. Болезнь не прошла и в три и в четыре дня.

833. — Эй, игиды! Позовите ту старуху. Сдается, что разбирается она в знахарстве — была у нее сумка-хейкель*, — повелел Гёр-оглы.

Позвали старуху.

— Ох, милая бабушка! Немочь нас одолела — голова болит! Не проходит хворь. Может, разбираешься ты в знахарстве?

— Сын мой! В чем только я не разбираюсь. . . А ты бросил меня в холодную каморку.

— Исцели же нас тогда, милая бабушка!

— Сейчас я узнаю вашу судьбу, сын мой, — ответила она и сняла с себя хейкель, пошептала, полистала страницы² и спросила:

— В прошлом месяце довелось вам проезжать через кладбище, сын мой?

А Гёр-оглы постоянно приходилось проезжать через кладбище.

— Проезжал, милая бабушка.

— Вот тогда-то ваши головы и поразила болезнь «гайсар»³. Коли в самом начале болезнь захватить — исцелитесь, сын мой, а иначе все погибнете!

— Ох, милая бабушка, болезнь ты распознала. А сможешь ли исцелить нас?

— Кто распознал болезнь, сын мой, тот и исцелит от нее. Есть у меня одно лекарство. Как выпьете его, так и здоровы будете, сын мой!

834. Оказывается, отправляясь в путь, старуха запаслась склянкой сонного зелья и спрятала ее в своей одежде. Этого-то зелья полпиалы налила она и подала Гёр-оглы, потом Овезу и сорока игидам во главе с Сапар-Косе. Глотнув зелья, каждый валился без чувств. И вот все уже лежали на полу.

Тогда подошла старуха к Ага-Юнус.

— Ага-Юнус, дитя мое! Излечила я своим снадобьем Гёр-оглы и сорок игидов. Не выпьешь ли и ты?

Умный, осторожный человек поступает не так, как все.

— Милая бабушка, сперва ты сама выпей, а потом уж угодай!

— Хорошо, добро! — согласилась она, взяла пиалу и, притворившись, будто пьет, вылила зелье себе за яшмак*. Потекло зелье по груди вниз, потом по ногам и попало ей в ичиги.

Поверила Ага-Юнус, выпила зелья и лишилась чувств. Осталась старуха одна. Без боязни сняла она с Ага-Юнус золотой султан и нацепила

себе на голову, надела на Гыр-ата золоченую сбрую, оседлала его, села на него верхом и подъехала к мейхане.

— Эй, Гёр-оглы! Как говорят: «Взял одно — отдай другое, кто не даст, тому позор»⁴ — оставляю тебе осла за коня!.. — сказала она и направила коня в Нишапур.

835. О ком теперь рассказ? — О Гёр-оглы. Сонное зелье старухи действовало три дня. Три дня пролежал Гёр-оглы, на четвертый в чувство пришел. Чай попил, кальян покурил, [приказал]:

— Эй, Мятел! Приведи Гыр-ата. Поедем на охоту, за дичью. Полегчало голове.

Прибежал Мятел в конюшню — нет Гыр-ата. Побежал он обратно.

— Ой, Гёр-оглы, Гыр-ата нет. . .

— А сбруя?

— И сбруи нет.

Как сказал [Косе], что сбруи нет, вспомнил Гёр-оглы предупреждение Ага-Юнус. Непокорно ему стало.

— Поищи, на месте ли старуха!

836. Пришел тот в каморку старухи, а той и след простыл. Валялись старые ее ичиги, топбы^{*}, всякая мелочь. [Да стоял] там и фыркал, прядая ушами, осел, три дня уж не видевший пищи.

— Гёр-оглы! Нет ни твоей старухи, ни твоего Гыр-ата. Взамен оставила она тебе свою ослицу, коли примешь. . .

837. Закричал Гёр-оглы, чувств лишился. Лишь через три часа пришел в себя и сел, горестно заплакав.

— Не горюй, Гёр-оглы! Нет Гыр-ата, так есть Ховали-гыр. Да и Боз-Думан мой тоже есть у нас.

— Эх, что понимаешь ты, Косе! Сто тысяч коней не стоят и гвоздя от подковы Гыр-ата, волоска его! — ответил он и, вспоминая Гыр-ата, пропел:

838. Хочу я воспеть арабского скакуна.

[Грива] его должна быть как шелк,

Быстрые ноги⁶, округлые копыта,

Подковы из золота должны быть у него.

Сидеть на нем — наслаждение одно.

На поле брани сто тысяч игр у него,

Круп как мельница, как голодного волка грудь,

Крепкий костяк должен быть у него.

Когда садишься на него, он раскрывает пасть,

Как пауки, нечестивцы бегут пред ним,

В день битвы серая пена падает с морды его,

Конь удальца неистовым должен быть.

Гёр-оглы говорит: пир Али, другом будь,

В битвы день удальца⁷ игида поддержки,

Миг один ⁶ — и алмазная сабля сверкнет —
На [коне] Мухаммед, Али должны быть.

839. Спел он песню и пошел к Ага-Юнус.

— О Ага-Юнус! Нет Гыр-ата. . .

— Нет на тебя погибели! Не говорила ли я тебе, что эта коварная ведьма, зангар, погубит тебя или коня?

— Что пользы каяться теперь? Ага-Юнус, лучше посоветуй что-нибудь!

— Уж не знаю, какой тебе дать совет.

— Не держи гнев на меня, не отвечай «не знаю». Узнай хотя бы, куда она увела его.

840. Все, что происходило в этом лживом мире, все открывалось Ага-Юнус, стоило ей прочесть заклинание и посмотреть себе на ногти. Совершила она омовение, намаз с двумя ракатами, прочла заклинание и посмотрела себе на ногти.

— Гёр-оглы! Та старуха была из Нишапура. В Нишапур увела она Гыр-ата, — сказала Ага-Юнус и посмеялась над Гёр-оглы. — Да ты, Гёр-оглы, богатырь, только когда сидишь верхом на Гыр-ате. А нет у тебя Гыр-ата, и сам ты стоишь не больше пса!

841. Гёр-оглы подумал: «Что-то рано она радуется. Отправлюсь я искать коня, а вернусь ли обратно — кто знает. Как-то примет она дурную весть обо мне — не забудет ли, что „траур по доброму молодцу семь лет“, не начнет ли сразу же искать себе кого-нибудь с толстой шеей?»

— Ага-Юнус! Вот отправлюсь я на поиски коня, приду в Нишапур, а там узнают, что я Гёр-оглы, и убьют меня. Как будешь ты оплакивать мою гибель? Спой, а я послушаю, да и отправлюсь в путь, — обратился он к Ага-Юнус и, накинув себе на голову халат, лег рядом.

Ага-Юнус присела у изголовья Гёр-оглы и спела:

842. Если ослабеешь, кто только не пойдет на тебя,
На арабском коне, в кольчуге стальной Гёр-оглы!
Много врагов жаждет крови твоей,
На арабском коне, в кольчуге стальной Гёр-оглы!

[В миг один], говоря «бех», натягивает он стальной лук,
Конь его летит, не касаясь земли,
Изъян его — один у отца он сын,
На арабском коне, в кольчуге стальной Гёр-оглы!

Три дня, четыре дня выдерживают скакуна,
Под защитой отважного игида спокойно спят,
Умрет бедняк — только через три месяца проверят, [жив ли он],
На арабском коне, в кольчуге стальной Гёр-оглы!

Сына нет у тебя, чтобы ехал рядом с тобой,
Дочери нет у тебя, чтобы оплакала смерть твою,

Моченьки нет моей жить одной без тебя,
На арабском коне, в кольчуге стальной Гёр-оглы!

Стенания мои расплавят снежные горы,
Слезы из глаз моих сдвинут мельничное колесо,
Это сказала пери Ага-Юнус,
С глазом сокола, с лапой льва Гёр-оглы.

843. Кончила она петь, и Гёр-оглы поднялся.

— Угодила ты мне, Ага-Юнус! Хотя б и суждено было мне умереть, сейчас я доволен тобой!

— Гёр-оглы, на поиски Гыр-ата отправляйся в одежде каландара, Пусть твой лоб оросит пот, ноги покроются волдырями. Претерпишь муки-страдания из-за коня, тогда он пользу тебе принесет. Тебя когда-то наделил Гыр-атом бог — легко тебе он достался. А что дается без труда, впрок не идет!

844. Забрала Ага-Юнус у Гёр-оглы дорогой халат и шелковый кушак, нож и секиру, шапку из меха выдры и сапоги из сагры. Все забрала она у Гёр-оглы и обрядила его каландаром. Надела ему на голову простую шапку, на плечи набросила лохмотья, в руки дала посох-подмогу, перекинула через плечо «тыкву несчастья» и сказала:

— Ступай, да поможет тебе Аллах!

845. Пришел он в мейхану. Глядит Косе: перед ним Гёр-оглы в одежде каландара.

— Что это с тобою, Гёр-оглы? Что с тобой случилось? Неужто из-за пропажи какой-то паршивой клячи вздумал ты юродствовать?

— Не юродствую я, Косе, я не стал диваной *. Та старуха, оказывается, была из Нишапура, и Гыр-ата увела она в Нишапур. Нужно мне идти за ним, потому-то я в одежде каландара. Покуда не вернусь, не обижайте мою Ага-Юнус, Овез-джана и Гюль-Рух, — наказал Гёр-оглы и обратился к сорока игидам:

846. Сорок игидов моих, покуда я не вернусь,
Пери мою не обижайте — [вот вам] мой наказ.
Пока Аллах не даст в руки мне Гыр-ата,
Пери мою не обижайте — [вот вам] мой наказ.

В поисках Гыр-ата горы и равнины я обойду,
Ищите меня, коли через год не вернусь.
Если сам я умру, дух мой поддержит вас.
Гюль-Ширин не обижайте — [вот вам] мой наказ.

Коли поможет Аллах, Гыр-ата я отберу,
Знаю я, кто друг мне и кто враг!
Пройдет год и сорок пять дней, и я вернусь.
Овез-джана не обижайте — [вот вам] мой наказ.

[Держитесь вместе], не бродите поврозь.
Не теряйте надежды, до времени я не умру.
Раздорами своими не губите страну,
Пери мою не обижайте — [вот вам] мой наказ.

Аллах у меня в мыслях и на устах,
Молитесь, [игиды], за бека Гёр-оглы,
Да будет Истина опорой вам,
Никого из них не обижайте — [вот вам] мой наказ.

847. Кончил он петь и ушел, оставив в крепости сорок игидов.

Шел он два дня. На третий день Косе с сорока игидами догнал его.

— Эй, Косе, говори, [в чем дело]?

— Ты велел нам остаться, Гёр-оглы, но без тебя в крепости нам делать нечего. Мы с тобою поедem!

— Эй, Косе! Послушайте моего совета и останьтесь! Далеко [Гыр-ат], и там ни сила, ни золото [не помогут нам] вернуть его. Вот стану я странником, и, может, Аллах вернет мне его. Не нужны вы мне сейчас. Возвращайтесь!

— Гёр-оглы! Ты [слишком] часто повторяешь «возвращайтесь!». Ты всерьез это говоришь или проверить нас хочешь?

— Всерьез, Косе.

— Коли всерьез, то повтори нам свой наказ. Плохо ли это будет или хорошо, но наставления твои до твоего возвращения мы будем исполнять.

— Добро, хорошо, — ответил он и обратился к игидам с песней:

848. Дам я тебе один совет —
Не покидай свою страну,
У труса, что ниже тебя,
В услужении не будь.

От дверей проводят к почетному месту⁷,
Знать свое место должен игид.
Куда не приглашают тебя,
Приходить не торопись.

Коль видишь доброе, мимо не проходи,
Когда справляется о состоянии твоём,
Когда страждущий слезы льет,
Рядом с ним смеяться не торопись.

Коли игид бездетным умрет,
Оставит пастбища и стада,
И будут люди растаскивать добро —
Брать оттуда не торопись.

Ходжа через горы путь ведет,
На лице красавицы родинок две,
Коли женщина без мужа осталась, одна,
Ты с нею тяжбы не затевай.

Словно рай — доброго человека лицо,
[Всем] это следовало бы знать,
Дело труса — укоры одни,
И золото даст тебе — не бери.

Иди, Гёр-оглы, иди,
Схватка на поле брани близка,
Коли сражаться — бейся с храбрецом,
А убегающего не преследуй.

849. Кончил он петь, и Косе сказал:

— Поехали обратно, игиды, вернемся!

И повернули они назад.

А Гёр-оглы брел пешком, бормоча: «Одинокому спутник — бог». Не доводилось прежде [Гёр-оглы] ступать на сыру землю, разве только когда коня поил. Отекли ноги у него, волдырями покрылись, по лбу пот струился. Истрадался он. Какие запасы у пешего? Захотелось чаю попить — да где заварку взять? Захотелось покурить — где же кальян? Захотелось неше — да где взять его? Шел он по безлюдной пустыне, теряя сознание, мучился рассудок у него. [Вдруг] откуда ни возьмись появился белобородый [старец] и сказал:

— Эй, сын мой! Доброго пути [тебе]!

850. Сами знаете, как рассерженный человек разговаривает:

— Ты, что ли, дед, посылал меня в путь, что теперь желаешь мне доброго пути?

— Хоть я и не посылал, а все же поведай мне, куда ты держишь путь.

— Ты что, посылал меня послом куда-нибудь, что я должен тебе рассказать?

— Ох, сын мой, оставь ты эту привычку горячиться. Ты ведь уходишь от своей страны [все дальше и дальше], впереди ведь нет ни людей, ни селений.

— Если я покидаю свою страну, то хватай меня и взыскивай с меня долг, коли я у тебя в долгу!

851. Из-за такого упорства [покинул его старец], исчез с глаз, промолвив: «Да принесет тебе достаток твое ремесло!» От изумления Гёр-оглы оцепенел. Подошел он к месту, где стоял старец, — а там никаких следов. Вспомнил он предания, которые слышал когда-то, и понял, что это был Хызр, мир ему. «О Аллах, до чего же я невезучий! Мне бы подойти к старцу и получить его благословение. Попробую-ка я позвать моего покровителя, Льва божьего», — решил он и запел:

852. Все в руках бога, [всемогущей] судьбы,
Приди на помощь, о Али Шахимердан!
Разлучен я со своей страной,
Приди на помощь, о Али Шахимердан!

Столько дней иду я этим путем,
С каждым днем все больше горестей и невзгод.
Умереть мне, пешему, видно, придется здесь.
Приди на помощь, о Али Шахимердан!

Тяжка доля удальца игида,
Нескончаемы мучения мои,
Цели мне не достичь — безлюдные пустыни [передо мной].
Приди на помощь, о Али Шахимердан!

Сто двадцать четыре тысячи усопших пророков,
Абу-Бекр Саддык*, хазрет Омар,
Поддержи Гёр-оглы, о шейх Хайдар!
Приди на помощь, о Али Шахимердан!

853. Произнес он эти слова, да где там! Нет Али, нет никого! Прошел [Гёр-оглы] еще немалый путь. Поднялся на холм, огляделся: там было столько овец, белых и черных, что в глазах зарыбило. «О Аллах, хорошо, коли это не сон», — подумал он и подошел поближе. Оказалось, что это были его овцы, его пастухи.

«Что это за путник?» — подивились пастухи, подходя к нему. Глядят: да это же их господин Гёр-оглы! На голове — шапка кородивого, на плечах — лохмотья, в руках — носох, под мышкой — «тыква несчастья» — каландар, да и только.

— Что это ты задумал, Гёр-оглы-ага? Не жадность ли тебя одолела, уж не нищенствовать ли ты отправился, когда у тебя столько скота в степи гуляет?

— Нет, чабаны, не нищенствовать я пошел. Та старуха была из Нисапура, и Гыр-ата увела она в Нисапур. Вот я и иду за ним, одевшись каландаром.

— Слышал я, что и большой человек разум теряет. Выходит, правда это, — заметил один из пастухов.

— О чем это ты? — спросил Гёр-оглы.

854. — Да ты просто растерялся, Гёр-оглы-ага. [Ведь не на простого коня] старуха села — на Гыр-ата, прозванного Меджжун-Дяли, а старухе-то сто восемьдесят лет, и сама-то она вся с кулак. Да при переходе первой же горы конь заиграет и сбросит ее, а ветером прискачет к нам. Не ходи ты, не мучайся, оставайся здесь переночевать.

Это глупость, понятно, но [Гёр-оглы] поверил ему.

— Ну что ж, пожалуй, останусь, — согласился Гёр-оглы, решив заночевать тут.

Пастухам разве жалко: его же баранов ловили, резали, свежевали, готовили яхна, шашлык, тамдырлама, ишлеме *, гомме * — наслаждались едой с утра этого дня до утра следующего дня. А когда занялся следующий день и взошло солнце, Гёр-оглы спросил:

— Эй, пастухи, прискакал ли Гыр-ат?

— О господин, откуда же ему знать, что ты здесь! Коли он, играя, сбросил старуху, паверное, пасется где-нибудь в горах на лужайке. Поднимись на гору, покличь своего Гыр-ата, песню спой — он услышит тебя и прискачет.

855. И этому поверил [Гёр-оглы]. «Спою, пожалуй», — [подумал он] и стал взбираться на гору. А пастухи перешептывались у него за спиной: «Эх, зангар, провели мы тебя! Не можем к мейхане твоей прийти, приветствовать тебя. Так хоть здесь, в горах, пение твое послушаем, с нас и этого будет. А конь твой разве же прискачет. . .»

Взобрался на гору Гёр-оглы и запел, призывая коня:

856. Мать твоя — из «авутов» *, отец твой —

из белых птиц,
Вращенный мною в Чандыбиле Гыр-ат, приди!
Кто сядет на тебя, забудет богатство, голову
[потеряет],
Вращенный мною в Чандыбиле Гыр-ат, приди!

Высок его круп, суха его голова,
С четвертого года на пятый жизнь его [пошла].
В день битвы — товарищ удальца игида.
Вращенный мною в Чандыбиле Гыр-ат, приди!

Когда уходил мой Гыр-ат, была весна,
В слезах глаза его были, копыта — в пыли.
Подлая дочь Хирса увела его.
Вращенный мною в Чандыбиле Гыр-ат, приди!

Счастьем было бы сесть на тебя верхом,
[Но] старуха злобная похитила тебя,
Друга своего Гёр-оглы ты заставил страдать.
Вращенный мною в Чандыбиле Гыр-ат, приди!

857. Ну да где там — не прискакал Гыр-ат!

— Эх, зангар, на целый день задержал меня! . . — сказал [Гёр-оглы] и, поспешно спустившись с горы, ушел. Так шел он, шел и дошел до реки Араз. Посмотрел — течение бурное. «Помоги мне, о боже! Как тут быть? На Гыр-ате [реку перемахнуть] ничего не стоило. Проверю-ка, нет ли тут брода», — решил он и отправился [искать] брод. Подошел [к берегу] и увидел следы Гыр-ата. Пригляделся [и понял, как было дело]: сев на

коня, старуха хлестнула его плетью, и конь перескочил [реку], да на пятнадцать гезов дальше от берега на землю опустился и поскакал дальше.

Как увидел [Гёр-оглы] следы [коня], закричал и рухнул на землю без чувств; через три часа пришел он в себя и сел, рыдая, на берегу реки. Снова стал он утешать себя: «Не горюй, мое сердце, не плачь. Слезы — удел малодушного, труса». Вспомнив Гыр-ата, обливаясь слезами, зашел [Гёр-оглы]:

858. Безумное сердце мое, не грусти,
Тоска и печаль — труса удел,
Неистовый Гыр-ат нужен стал,
Брат человека — [добрый] конь.

Ты служи своему коню.
Сними халат — сделай попоны ему,
Давай ему вдоволь корма, травы,
Друг человека — [добрый] конь.

Крепость для игида — [крепкий] щит.
Не умеешь владеть щитом — беда,
Брат опорой для брата бывает,
Товарищ в трудах — каменная стена.

Когда хорошо тебе, будет с тобой,
Когда плохо тебе, оставит [тебя], уйдет,
Трусливо поступит в конце концов,
Плохо (?) дело чужака.

Вставай же, поднимайся, Гёр-оглы!
[Умей] различать друзей и врагов,
Встань и пятикратно молитву сотвори,
[Все] пять не будут напрасны.

859. Едва закончил песню [Гёр-оглы], как предстал перед ним всадник.

— Дай руку, сын мой! — сказал он и посадил [Гёр-оглы] на коня позади себя.

— Закрой глаза! — повелел он.

Прошло три часа, и всадник приказал:

— Открой глаза!

860. Открыл глаза [Гёр-оглы] и увидал, что он на какой-то горе. Рядом родник журчит. Приготовил [Гёр-оглы] чай, кальян. А в стороне кыблы виднелась крепость.

— Сын мой, видишь ту крепость?

— Вижу.

— Коли видишь, сын мой, так это и есть Нишапур. А поодаль красуется гора Серви-даг. Крепость Нишапур и Серви-даг похожи на две кре-

пости. Во вторую крепость не ходи. А будешь в первой крепости, в Нйша-пуре, сын мой, — не торопись. Пройдет год, и всевышний сам вернет тебе коня.

Глянул Гёр-оглы, а [всадник] уже исчез, пропал из глаз. Это был его покровитель, Лев божий.

861. Когда тот исчез, [Гёр-оглы] подумал: «Эх, можно ведь было спросить его, где мой конь». Но потом решил: «Ну да ладно, как-нибудь сам найду». Поспешно спустился он с горы и пошел дальше. Еще до захода солнца, пока не закрыли ворота, он вошел в крепость. Коли видел свет в доме, подходил он и спрашивал:

— Кто приютит [божьего] странника?

— Ступай прочь, зангар! — [слышалось в ответ].

К другому дому идет он [и спрашивает]:

— Не приютит ли кто божьего странника?

— Ступай прочь!

Идет он к следующему [дому]:

— Не приютите ли странника?

— Прочь! — [слышалось в ответ].

862. Куда бы он ни пришел, отовсюду гнали его со словами: «Ступай прочь! Убирайся вон!» А причина тому была такова. Когда старуха привела к падишаху коня, тот через глашатаев объявил всем: «Кто в этой крепости окажет гостеприимство человеку, говорящему по-туркменски, тот будет казнен, имущество его отобрано, да еще десять золотых будет взыскано!»

863. Из одного места гнали его и в другом месте не принимали — так бродил он чуть не до полуночи. На одной из улиц из какой-то мейханы донесся до него шум и гам. Оказывается, набрел он на сорок каландаров! Эти сорок каландаров приносили сюда, в мейхану, все, что им удавалось раздобыть за день, и веселились с музыкой, с песнями. Добрый час глядел Гёр-оглы с улицы на [это] зрелище. Тридцать две мелодии сыграли каландары, и все в лад: были у них и карнай, и сурнай, баламан, гиджак *, дутар, чингире *, баб *, аргулум *. В углу [каландар] двумя палочками бил в барабан.

Долго играли каландары, потом решили: «Передохнем, попьем чаю, кальян покурим!» — и прислонили инструменты к стене.

864. [Тут] Гёр-оглы вошел [в мейхану].

— Салам-алейкум! — приветствовал он [каландаров].

— Эх, проклятый зангар! Настроение нам испортил! Сюда не проходи, там и садись!

Сел Гёр-оглы у порога на корточки, прислонился спиной к стене. Пьют чай каландары, кальян курят, неше глотают. Гёр-оглы в стороне сидит и смотрит, но что поделаешь, коли не угощают! Да не усидел он: заметил поблизости тар * каландаров, взял его в руки и ударил по струнам пять-шесть раз. Глядит: в другой стороне карнай лежит. «Что-то он полным кажется. Легко ли играть на нем?» — подумал [Гёр-оглы], взял его в руки, настроил и подул раз пять-шесть.

865. Захмелевшие каландары со страху кинулись вон. Стоят на улице и гадают: «Что за беду нам небо послало?» Убежали они, а он не переставал играть: после карная [взял] сурнай, потом баламан, гиджак, наконец, взял в руки дутар. Искусно же он играл: дутар в его руках пел как соловей. Понравилась его игра каландарам — стали они возвращаться, один за другим. Сидят [и молчат], будто из носу у них кровь пошла. Поиграл Гёр-оглы, да и поставил дутар к стене.

866. Один за другим стали подходить к нему каландары и приветствовать: «Салам-алейкум, салам-алейкум!»

— Эй, приятель, да ты, видать, молодец что надо. Играешь ты как музыкант. Похоже, что ты нам подходишь. Расскажи нам, какого ты рода!

— На что вам знать мой род — вы что, хотите женить меня?

— Ого, да ты сердит! Думаем, ты привычен к чаю, к кальяну.

— Привычен, конечно.

— [Так дать тебе] кальян?

— Давайте.

— И чаю [выпьешь]?

— Давайте.

— А как гёкнар *?

— И гёкнара немножко.

— А что ты скажешь о вине, нассе?

— Уж лучше бейте, но давайте, чем так расспрашивать.

Подали ему все.

867. — Эй, приятель, кто исполняет такие мелодии, тот, видно, много умеет. Не сможешь ли ты спеть нам под эту музыку?

— Могу.

— Так сыграй и спой нам!

— Игиды! Спеть-то могу, да языка я вашего не знаю. Я знаю язык туркмен, — ответил Гёр-оглы.

— Э, гордись своим языком, речью своей гордись. Именно туркменскую речь нам хотелось послушать. Пой по-туркменски, мы все пойдем!

— Ну, коли так, [спою], — ответил Гёр-оглы. Взял он в руки саз и, обращаясь к каландарам, поведал в песне о своих скитаниях:

868. По дорогам любви гулял я тайком,
Из-за злобной старухи я пострадал,
Игида порою губит его язык,
Не стерпел я, из-за языка своего пострадал.

Собирать бы тюльпаны мне на высоких горах,
В гневе сжечь бы мне крепости их,
Поев твоего меда, оторваться бы мне от него,
Пчела плачет — из-за меда своего я пострадала.

Голову мою овевает ветер этой любви,
Кого сердце любит, того желает оно,

Сабля эренов беспутных сечет,
Беспутный говорит — из-за пути я пострадал ⁸.

За край одежды пира держится Ровшен,
Только тому, кто верует, доступна цель,
Утром, пролетая, [мне] кричат журавли,
Журавль говорит — из-за крика своего я пострадал.

869. Кончил он петь, и каландары восхитились: «Ой-ой, как он играет, как поет о летящих журавлях. Пожалуй, нет [певца], равного ему!»

Поняли они лишь последнее слово «журавли». Стали совещаться каландары: «Эй, друзья, другого такого игида-бахши, такого доброго молодца нам не найти. Дадим же ему двойное благословение и не отпустим никуда!»

— Эй, приятель, ты нам очень подходишь. Побудь среди нас по крепкому благословению. Мы тебя не отпустим! — сказали они Гёр-оглы.

— Я тоже [повсюду] искал, да не мог найти таких игидов, как вы. Лучше вас я быть не может, — ответил [Гёр-оглы] и расцеловался с ними. Было их сорок каландаров, с ним стало сорок один.

— Эй, приятель, [теперь] скажи нам свое имя, как тебя звать-прозывать?

— Да я ведь сказал свое имя в конце песни! Я ведь сказал, что зовут меня Ровшен!

— Да оставь ты! Разве же это имя! Прозвище свое скажи, люди-то как тебя зовут? У отважного игида два имени бывает.

— Прозвище мое Шах-каландар, так люди меня зовут.

— О, вот это доброе имя.

870. Назвался Гёр-оглы Шах-каландаром и остался с ними. Какое занятие у каландаров? Назавтра утром эти бродяги по пять-десять человек отправились на «заработки». А что за заработки у этих юродивых? Бродят по караванному базару и попрошайничают. Здесь выпросят горсть пшена, джугары, у бакалейщика — табаку на одну заправку кальяна, чаю на ползаварки, у мясника — кусочек мяса с куриное яйцо, жилы, шейные позвонки, у мелких торговцев — ломаную иголку, наперсток, порченные бусины и прочую [дребедень].

871. «Эх, запгары, и это [весь] ваш заработок? Хотите детей-семью содержать, да еще чтоб на чай деньги были!» — подумал Гёр-оглы. Не понравились ему их заработки, и в конце концов отделился он от остальных. Шел он, шел и вышел из крепости через ворота, что обращены к кыбле. А там по широкой дороге дошел до горного прохода. Прошел он на другую его сторону и укрылся в горной пещере. Задумал он, если выйдет, одно дело. Этим проходом ближе к вечеру двигались люди с базара. [Гёр-оглы] им не было видно. Он и скрывался [в пещере], покуда не явились те, кого он поджидал. Стало смеркаться.

872. И наконец увидел: едут два торговца тканями. Известно, каковы торговцы, у которых дела идут хорошо. Едут они на иноходцах в дорогах

одеждах, держат в руках изукрашенные поводья, сидят криво позади седла на ковровых сумках, тюбетейки, шитые золотом, надеты набекрень, и горланят во все горло на мотив «ашкин», «талхин», «илгар». Пели они и на куня-ургенчский лад⁹: «Расстегни пуговики на рукавах, Тюре-ханум!»

«Подъезжайте, подходите, я покажу вам — расстегну я вам пуговики!» — приговаривал Гёр-оглы [в своем укромном месте].

Вот подъехали торговцы к горному проходу. Выскочил [Гёр-оглы] из пещеры, встал, широко расставив ноги, и закрыл проход.

— Салам-aleyкум, друзья! Подходите, давайте поздороваемся, — предлагал [Гёр-оглы], протягивая им руки для пожатия. Торговцам некуда было свернуть, чтобы объехать его. Делать нечего, пришлось подать руку. Гёр-оглы схватил каждого за руку, стянул с лошади, pokrутил над головой и ударил о горную скалу. . . Испустили дух купцы.

873. Убил он [купцов], поймал их лошадей, подрезал шнуры и снял с лошадей хорджуны, а лошадей пустил. Коли взял бы он их, по коням узнали бы его.

Вытряхнул он товары из хорджунов на землю. Сам знаешь, что за товары у торговцев тканями. Крепчайшую алачу связал он в два узла, сложил все ткани, закинул узлы за спину, как [вязанки] дров, и двинулся с добычей в обратный путь.

874. О ком рассказ? — О каландарах. Собрались они в конце базарного дня. Шах-каландара нет.

— Ты не видел его?

— А ты не знаешь, где он? — [стали спрашивать они друг друга].

— Он был в рядах резчиков, — сказал один.

— И вечером он один бродил, — заметил другой.

Сидели они так, когда Гёр-оглы вошел в дверь, весь в поту, нагруженный тканями. Он бросил свою добычу на середину [комнаты].

— Эй, Шах-каландар! Что это у тебя? Украл ты, что ли, где-нибудь? Быстрее рассказывай, зангар!

— Дайте-ка мне чаю, кальян. Переведу дух, потом расскажу.

— Чай попить, покурить можно потом. Рассказывай быстро, покуда хозяин не явился!

— Ну, о хозяине не тревожьтесь. Я хозяина успокоил.

875. Когда он сказал «Я хозяина успокоил», они ему подали чай, кальян. Он всласть попил чаю, покурил, вытер пот и начал рассказывать.

— Ну, друзья! Ваше занятие мне не по душе. [Потому] я к концу базарного дня отделился от вас и решил заработать самостоятельно. У вас ведь есть базар, где торгуют тканями, большой караван-сарай. Вошел я туда. С краю там сидел седобородый торговец. Я стал петь перед его лавкой. Спел «ашкин», «талхин», изящные газели Мешреба*. Они ему пришлись по душе, и он подарил ткань «сары кирпич»*. Рядом сидел торговец с черной бородой. И для него я спел «ашкин», «талхин». И ему они пришлись по душе, и он подарил [ткань] «дараи»*. За ним сидел молодой, безбородый торговец. Спел я и для него. Ему приятно было слушать

«ашкин», «талхин», и он подарил шелковую ткань. Тем, кто дарил, я пел, песней их отблагодарил. Ну а у некоторых я отнял, пригрозив им немного.

— Эти [ткани] ты получил за песни, а те за что?

876. — Желтый торговец подарил это, черный торговец дал то; тот преподнес эту [ткань], другой — ту. . . — невразумительно объяснил он, но каландары поверили ему.

— Эй, друзья! Торговцы мне сказали: «Понравились нам твои мелодии, «талхин», «Мешреб», и мы дарим [тебе] ткани. Но в этой крепости их не продавай. . . Коли будешь продавать их здесь, наш хозяин приберет нас за то, что мы подарили бродяге, юродивому так много тканей. Отнеси и продай их купцам».

877. На другой день один из каландаров нагрузил [ткани] на осла, продал купцу и вернулся с полной сумой денег. Тут-то поняли каландары, какой заработок у Гёр-оглы. Посоветались они и решили избрать его своим главарем.

— Эй, Шах-каландар, ты теперь будешь главный среди нас. Хотим мы сделать тебя своим главарем.

— Не хочу я быть главарем! Вижу я, что скверные у вас помыслы. Не будете вы мне повиноваться, — возразил Гёр-оглы.

— Нет, Шах-каландар, мы будем повиноваться тебе!

— Коли будете послушны и будете все сорок ходить вместе, тогда я буду вашим главарем. Вот мое слово. Сейчас не будет у нас заработка на базаре, бакалейщики стали жадны, а у торговцев тканью мы свое получили. Отправимся к дехканам*, добудем немного зерна.

И вот все они, сорок один каландар, отправились к дехканам.

У кого была кобыла, ехал на кобыле, у кого был жеребец, тот ехал на жеребце, а кто ехал и на осле. Подъехали к селению. Собаки подняли лай.

— Друзья! Того, кто мало даст зерна, я вам прикажу поколотить, — наказал Гёр-оглы. Каландары [помнили, что от продажи тканей] получили они целый хорджун денег, и теперь были готовы на все. Они так и рвались в драку: прикажи, мол, отнять у того-то папаху, так я сниму с него и голову!

878. Подошли они толпой к дому бая. А в селении никто не ведал, что среди [каландаров] есть такой Шах-каландар. Думали, что это каландары как каландары, и подали им в дырявой торбе горсть пшена. Выхватил Шах-каландар торбу и приказал избить бая. Все сорок каландаров разом набросились на него. На твердую землю швырнули бая, жестоко избивали его ногами. Остался лежать он на земле бездыханным трупом.

Оставили они его, пошли к другому дому. И тут подали им горсть джугары в разбитой миске. Шах-каландар схватил миску и дал знак [каландарам]. Избили и этого, так что свалился он на землю.

— О игиды, от этого селения проку мало, пошли в другое.

Покуда шли они к другому селу, [повсюду уже разнесся слух], что среди каландаров есть один бесноватый — горяч, словно печь для об-

жига кирпича; дашь мало зерна — голову тебе прошибет. . . Подошли каландары к селению, а их уже встречают аксакалы, старейшины.

— О каландары! Остановитесь, остановитесь! Коли зерно вам нужно — мы дадим [сколько надо], не ходите по селению, не пугайте детей малых!

879. Стали тут нести зерно — кто пять батманов, кто шесть. Мешками им несут. Да, силой взять — это не то что просить, — вернулись каландары и целый дом забили просом-джугарой.

[Потом] поехали к баям-скотоводам — мол, вернулись они с летовки, и можно у них получить ягненка, козленка. Те тоже поджидали их на окраине села. [Каждый] второй козленок из двойняшек каландарам достался, баран, что для стада негоден, — тоже им, коза со сломанным рогом — им, кривая на один глаз — тоже им, больная, с паршой и чесоткой — тоже каландарам. Пригнали каландары [весь этот скот] домой.

880. Расположились в мейхане и занялись дележом. Каждому досталось по паре коз, а одна пара оказалась лишней.

— Шах-каландар! Что сделаем с этой парой?

— Заколите и съешьте!

Съели. Потом Шах-каландар предложил:

— Эй, друзья! Тощие в этом году козы. Давайте будем пасти их по очереди. Станут они жирными, тогда и поедим в свое удовольствие.

Каждый пас один день. Так и пасли они сорок дней. На сорок первый день очередь дошла до Шах-каландара.

— Шах-каландар! Ты наш главарь. Мы тебе не дадим пасти коз. В твой черед один из нас пойдет со стадом.

— Так не годится. Я в своем ауле очередь полива никому не доверял. В свой черед сам пасти буду!

— Коли так, паси сам! — ответили ему.

881. Погнал он коз на пастбище. А козы, задрвав хвосты, разбежались в разные стороны: за эти сорок дней, что их откармливали, они уже привыкли бродить по посевам. «Стой, стой! . . .» — кричал Шах-каландар, да не тут-то было. Он устало опустился на землю. «Ну, зангар Гёр-оглы! До чего ты докатился, превратился в козьего пастуха! Что — семью прокормить не можешь?» — упрекал себя Гёр-оглы. Подошел он к тальпику, отрезал крепкий сук в полтора геза длиной, острогал один конец — ручку сделал. Стал он стогнать коз этой палкой.

«Это ты, что ли, коза со сломанными рогами, уводишь других коз в посева, не даешь покоя? — приговаривал он и бил, давил, пинал коз. — Или это ты, рыжий козленок? — и снова бил, валил, давил. — А может, это ты, чесоточная коза?» — свалил ее и убил. Он избивал их там и тут, давил, пинал, убивал. Немного коз осталось, да и сам он устал. «Загублю и последних! . . .» — подумал он и загнал коз в посева. «Чтобы вам обожраться и лопнуть!» — сказал он и, схватив за уши двух причитавшихся ему коз, поволок их в крепость.

882. Ну а если схватить мужчину за бороду, женщину за волосы, а козу за уши, они становятся жалкими и беспомощными. Козы, вывалив языки, вопили так, что крепость содрогалась.

Каландары сидели в мейхане, и тут до них донесся шум. Двое из них вышли на улицу и увидели, как Шах-каландар тащит двух коз, схватив их за уши.

— Куда же подевал он остальных коз? — [удивился один каландар].

— Наверное, продал с выгодой какому-нибудь торговцу, — сказал другой.

Они не могли дожидаться, пока он подойдет, и еще издали закричали:

— Эй, Шах-каландар! Куда ты девал остальных коз?

— Эх, чтоб вы пропали, да и козы ваши! Почему вы меня не предупредили, не сказали ничего, когда я погнал их пасти?

— О чем не предупредили?

— У вас в стране, оказывается, волки водятся. Любовался я козами, глядел, как они щиплют травку, а потом по оплошке перегнал их с берега реки в пески. А там на стадо напала стая волков. Они похватили [коз] и утащили их. Увидел я, что ничего не поделаешь, и схватил за уши своих двух коз. Остальных сожрали волки.

— Вышло так, что в конце концов он нищими нас сделал, голодными оставил, — пожаловался один [каландар].

— А кто дал нам коз? — возразил другой.

Гёр-оглы оставил коз у дверей и вошел в мейхану. Там он всем все рассказал. Каландары то и дело выходили на улицу, входили обратно — они тайком совещались между собой. Один предложил:

— Отберем у него этих двух коз, дадим ему под зад, да и прогоним! Не будет от него нам проку.

Другие возражали:

— Нет, друг, так негоже! Заведем-ка лучше с ним беседу и будем называть его ага-бий *. Будем так его называть и скажем: «Правда твоя, ага-бий. Хорош у тебя чай, хорош твой табак. Засыпь в чайник чаю, положи табак в кальян!» Съедем все, что у него найдется, а потом он и сам вынужден будет уйти.

883. И, глядя на Гёр-оглы, они сказали:

— О Шах-каландар! Да будут козы жертвой ради тебя! Есть в нашей стране игра, которую называют «беседа-меджлис». Мы хотели бы тебя назначить ага-бием и начать игру.

— И в нашей стране играют в эту игру, часто играют. Обычно приезжающего из другой местности [простака] называют «ага-бий», «ага-бий», пока не оберут до нитки. Ну что же, коли хотите, чтоб я был для вас, сокрокá, ага-бием, я согласен, — ответил Гёр-оглы.

884. Каландары зашептались: «Да он, выходит, и у себя дома такой же неудачник, зангар», — говорили они между собой.

— Ну-ка, расскажите об обычаях вашей страны! — [попросил Гёр-оглы].

— Обычай нашей страны таков: кто становится ханом, ага-бием, тот устраивает угощение вначале и еще одно — в конце.

— В нашей стране такой же обычай. Ну, пусть это будет первым угощением, — сказал Гёр-оглы, зарезал двух коз, оставил себе путряное сало, а остальное употребил на угощение.

— Друзья, вот мое первое угощение. Коли вы меня выбрали ага-бием, то придется вам исполнять то, что я скажу. Тут у меня ни дома нет, ни народа. Я не могу валяться в мейхане, ожидая, пока мне дадут миску рисовой каши раз в неделю и в базарный день. Пусть один из вас кормит меня при заходе солнца, другой — когда стемнеет, третий — в полночь, четвертый — на рассвете, затем — на восходе, далее — утром, в обед и снова вечером!

885. Желание его исполнили, и он съел все в три-четыре дня.

И вот наступил его черед [угощать]. Сделал он себе из прочного гребенщика лук, сделал стрелы и наконечники. Взял длинную веревку и отправился в поле — ведь он собирался устроить угощение. Все, что ни попадалось ему на глаза, любую тварь поражал Гёр-оглы своей стрелой и нанизывал на веревку — ящериц, сусликов, лягушек, воронов, удонов, жаворонков. Принес все это домой и повесил на кухне. Растопив козье сало, он налил в котел воды. Сало всплыло и застыло. [Гёр-оглы] наполнил большую миску песком, насыпал сверху сорок агри * рису и с нею пришел [к каландарам].

— Друзья, здесь у меня нет знакомых бахши, музыкантов, чтобы пригласить их на нашу беседу-меджлис. [Да не беда] — лучше, чем я, бахши и музыкантов нет. Я развлеку вас, доставлю вам удовольствие, — сказал он и стал петь, играть, беседой гостей угощать.

Близилась полночь.

886. — Эй, ага-бий! Коли собираешься угощать, так угощай. У нас в желудке уж показался купец, [так что есть кому товары принимать].

— Погодите, знаю я одну забавную историю. [Сейчас] расскажу вам.

— Поскорей кончай!

Но он и не думал кончать.

— Ага-бий, коли ты хочешь угощать, то подавай [угощение]! А свой рассказ расскажешь завтра себе самому!

— Я ведь ага-бий, не готовить же мне пищу на снегу?! Коли вы и впрямь проголодались, ступайте на кухню и готовьте сами — там есть все, что надо.

887. Едва он сказал, как два каландара побежали на кухню. Пришли и увидели все, что [там] висело. «А ведь правду он говорил. Вот и мясо, приготовленное для плова», — подумали они. Один из них смотрел снизу вверх, другой — сверху вниз: каких только насекомых там не было!.. Они бросились прочь на улицу.

— Давай-ка поглядим, что у него в котле, — предложил один из каландаров, и они подняли крышку.

— Сала-то много! — сказал [один из них] и запустил руку поглубже — а там одна вода.

— Зато рис хорош, — подумали было они, но посмотрели — а там песок, смешанный с рисом. . .

888. Они поспешили в мейхану.

— Что вы там копаетесь? Мы уже насиделись голодными! . . — закричал один из каландаров.

— Коли есть у него там что-нибудь, сварите поживее!

— Эх, дерьмом своим накормлю я вас, а не пловом!

— А в чем дело?

— Посмотрели бы вы, что за припасы на кухне у этого зангара. . .

— А ну, господин ага-бий! Что это ты замышляешь, что это ты задумал? Иль тебе неведомо, что эта крепость — Нишапур! Город с сорока четырьмя воротами. Это владение шаха Балы-бека. Здесь шутки плохи. Вставай готовь угощение, ты, вислоногий зангар!

— Друзья, вместо угощения я спою вам чудесную песню. Кто разумен — уйдет спокойно без шума, кто не больно умен, пусть сидит! — ответил он и, взяв в руки саз, обратился к каландарам с песней:

889. Давайте, беки, есть и давайте пить!
Жизнь пришла [и] пройдет однажды,
Непостоянным Время я нашел —
Раскрывается тайна его однажды.

Люди [по жизни], как караван, проходят ¹⁰.
Перед властью Истины нет щита.
Придут муравьи и снова уйдут,
Хоть строят жилище себе однажды.

Через высокие горы нас проведи, —
Гыр-ата моего, о всемогущий [бог], верни,
Старуха, что похитила моего коня,
Попадется мне в руки однажды.

Руины — таков этот мир,
Истерзано, изранено сердце мое,
Черная земля, этот дракон,
Разинет пасть и поглотит [все] однажды.

Бей, Гёр-оглы, уничтожай врагов,
Пусть постигнут мучения их,
Кто только не обосновывался в этой стране —
[Но все] откочевывали однажды.

890. Один из каландаров обратился [к остальным]:

— Уразумели вы, что он сказал?

— Поняли.

— Что же он говорит?

— Говорит: вставайте, откочевывайте!

— Эх друзья, друзья! Его слова «Вставайте, откочевывайте!» — это счастье божье. Счастлив будешь, коли откочуешь благополучно.

А его слова «Бей, Гёр-оглы, уничтожай» означают, что он хочет всех нас перебить. А ты еще думаешь о перекочевке, — поправил его другой.

Вошел еще один каландар, этот был горяч, он крикнул:

— Ишь ты, песни его слушать, рассказы его! Вставай подавай угощение!

— Друзья, а что, если еще до рассвета каждый из вас отведаст тепленького супа из маша*?

Да, суп из маша для курильщика опия все равно что наказание божье.

— Ты, зангар, [почему-то] не говоришь «хазрет кабла» или хотя бы «ишгене». Видишь ли, машевый суп он надумал.

И каландары принялись осыпать его тумаками, избивали его, [крича наперебой]:

— Ты погоди! Дай мне ударить!

— Бей его, покуда не скажет «хазрет кабла»! — приговаривал старший каландар.

— Игиды! Пните меня в голову раз пять-шесть, чтоб согрелась. А то голова никак не согревается. . . — кричал Гёр-оглы.

— Ты думаешь, если мы пнем тебя в голову, мир перевернется?! Получай! — ответили те и пнули его пять-шесть раз в голову, [да так, что] он ртом в землю зарылся.

891. — Ну, теперь хватит! — заметил Гёр-оглы и вскочил на ноги.

Огляделся вокруг и увидел за дверью шестопер каландаров — он был повешен за темляк на кол. Подбежал Гёр-оглы, схватил шестопер, накинул на руку темляк и одним прыжком оказался за порогом.

— Эх, зангар! Угощения не поднес, да еще шестопером пугает!

С возгласом «алла» на Гёр-оглы бросились двое. Едва они оказались рядом, как он огрел каждого по спине, да так, что они, икнув, распластались на земле. Кидались на него и другие, но тотчас же в страхе отступали назад. Гёр-оглы бил их по головам, разбивал их, [как орехи]. Каландары задумались: «Даже если выскочим из этой [западни], все равно придушит он нас!» Гёр-оглы стоял в дверях, широко расставив ноги, и каландары стали проскакивать у него между ног.

«А, ты сюда перешел! . .» — приговаривал Гёр-оглы и, перекинув шестопер, бил им через плечо. Кому в лоб попадет, тот катится прочь.

892. Гёр-оглы играл шестопером, поддразнивая [каландаров]:

— Подходите же, угощайтесь!

Глядят каландары вверх — лишь небосвод виден им, глядят вниз — видят лишь землю. А у порога — Гёр-оглы, возбужденный видом побоища, с налитыми кровью глазами. Тысячу золотых [отдали бы теперь] каландары за мышиную нору. «Пожалуй, довольно», — решил Гёр-оглы и отошел от дверей. Вырвались каландары на улицу и побежали из крепости в степь.

Гёр-оглы побежал за ними, прикинувшись, что не может их настигнуть. [Бежал] и покрикивал им вдогонку:

— [Так] ешьте же свое угощение!

— Не пужны нам угощения. . .

— Эх, зантары! Для того ли я из такой дали добирался сюда, чтобы кормить-угощать сорок каландаров?! — с укоризной сказал Гёр-оглы и повернул назад.

893. Каландары отправились по домам. Один-два каландара отдали богу душу с перепугу. У других рот и нос обметало, три месяца оправиться не могли.

А Гёр-оглы вернулся в мейхану каландаров, выпил чаю и, покуривая, размышлял: «Трудно протянуть год, живя пять дней в одном месте, пять дней в другом. Мне бы найти легковверного, недалекого человека, да и стать ему приемным сыном. Так пройдет год, и великий господь возвратит мне коня». Позвал он одного торговца и продал ему все зерно. Деньги положил в карман и отправился на базар.

894. Шел [Гёр-оглы] по базару и увидел человека с белой бородой — мелкого торговца. Он сразу же понял, что это именно тот, кто ему нужен. Гёр-оглы подошел к нему, опустился на колени и почтительно приветствовал его. А старик [вместо ответа] ударил его в грудь тыльной стороной ладони.

— Почему ты бьешь меня, дед?

— Я ударил тебя потому, что падишах объявил через глашатаев: «Если с кем-нибудь заговорит [чужеземец] на туркменском языке, а тот примет его к себе в дом, станет разговаривать с ним, то будет казнен, имущество его будет отдано на разграбление, да еще будет взыскано десять золотых!» Вот потому я и ударил тебя!

— Дед! Я не туркмен. Я долго жил среди туркмен, я знаю их язык, привык к туркменам.

— Коли ты не туркмен, то откуда же ты родом?

— Родом я из Беджана.

895. Оказалось, что мать этого старика тоже была из Беджана. Получилось, что старик чуть ли не родич ему. . .

— Земляк! А что же ты тут делаешь?

— Дед! Некуда мне идти, негде голову преклонить ¹¹. Хотел бы я заменить сына тому, у кого нет сына, заменить дочь тому, у кого ее нет.

— Ох, у меня нет сына. Будь мне сыном.

— Ох, дед! Неужто ты все еще не понял? Конечно же, я твой сын! — запеваяще ответил Гёр-оглы.

В конце базарного дня Гёр-оглы взвалил на себя хорджуна старика и пошел следом за ним как сын его.

Дорогой старик расспрашивал о стране своей матери, о разных краях, проверял, знает ли он то-то и то-то. Ну а Гёр-оглы где только не побывал в стране шийтов! Он правильно называл, где мечети, где мосты, где кладбище, заросшее гребенщиком, где каменные колодцы. . .

896. Придя в дом старика, он отдал ему выручку от продажи зерна.

— Да у тебя, сын мой, кажись, заработок неплох!

— Э, дед, коли надо будет, я заработаю и больше — будешь жить в сытости ¹².

Чем же занимался потом Гёр-оглы [в этой крепости]? На другой день отправился он один на нишапурский рынок как каландар. Он шел, думая, что идет по прямой улице, но то и дело попадал то кому-нибудь во двор, то в тупик. Заблудившись, стоял он в растерянности, глядел в небо. «Нет, это никуда не годится. Надо хорошо знать улицы, иначе ничего не получится», — размышлял Гёр-оглы. Повстречал он четырех каландаров, которых не знал раньше. Пошли они вместе.

897. Выклянчив немного денег и кое-что из одежды, шли они после базарного дня по какой-то улице. Гёр-оглы не знал дороги. Он громко разговаривал, а от топота его ног содрогалась земля. Один из каландаров обратился к нему:

— Эй, приятель, ступай осторожнее, говори потише!

— А в чем дело? — спросил Гёр-оглы.

— Коли хочешь знать — идем мы как раз мимо конюшни Гыр-ата, коня суннита Гёр-оглы из Четырехгорного Чандыбиля. Коли, проходя мимо, будешь шуметь, плохо придется от падишаха.

Эх, как раз это Гёр-оглы и желал услышать.

— Сколько человек охраняют?

— Охраняют четыре конюха.

— А где ворота?

— Ворота вон там.

898. Когда они поравнялись с воротами, Гёр-оглы сказал:

— Ох, друзья! Я болен тяжелой болезнью. Вот-вот приступ начнется.

В другие дни это случалось чуть позже.

— Слушай, приятель, а что ты делаешь, когда у тебя бывает приступ?

— Обычно во время приступа я убиваю одного-двух человек. Коли не пролью чьей-нибудь крови, [болезнь] не проходит. Как будет нынче, не знаю.

— Эй, приятель, видать, связались мы с тобой на свою беду. Пока приступ не начался, подели по чести нашу добычу.

— Давайте поделим! — ответил он и, скрестив ноги, уселся на краю сыпа; деньги он клал себе в карман, а одежонку бросал им.

— Эй, приятель, дай и нам денег!

— А одежонки с вас не хватит?

— Мы ведь, приятель, с утра ходим вместе и кричим одинаково. Надо и деньги поделить! — возразил один [из каландаров].

Гёр-оглы злобно выкатил глаза и, вытянув вперед руки, сжал кулаки:

— Эй, вы! Уж начинается моя болезнь. . .

899. Каландары так напугались, что заорали: «Мы согласны, мы согласны!»

Пока Гёр-оглы прощался с ними, зашло солнце, исчезли оводы. Подошел он к воротам и толкнул их — оказалось, что они были заперты изнутри на замок. Он прошел на заднюю сторону конюшни. Там увидел отверстие в стене, через которое выкидывали навоз. Сунул руку он в это отверстие — рука прошла. Протиснулся Гёр-оглы через это отверстие

в конюшню и попал в помещение, где стоял Гыр-ат. Подбежал он к нему, стал целовать, гладить его голову, лоб. «Бесценный ты мой, ненаглядный, мой верный товарищ в черные дни, мой Гыр-ат!» — воскликнул Гёр-оглы. Пригляделся он и увидел, что конюхи, боясь подойти к коню, оставили его взызданным и стреноженным. И вода и ячмень — все было в каменном стойле приготовлено. Да не может конь до них дотянуться. Снял Гёр-оглы узду, путы [с коня], пустил его к воде, к корму, снял седло и увидел, что оно врезалось в хребет, а ребра у Гыр-ата можно было пересчитать. В каждом глазу [бедного] животного накопилось грязи с кулак. Почистил Гёр-оглы коня, погладил его, накинул попону и направился в комнату для конюхов. Заглянув в дверь, он увидел четырех конюхов — они резали ягненка и, положив мясо в котел, варили его, ведя беседу. А месяц-то был рамазан *. Гёр-оглы стал ждать-поджидать.

900. Конюхи достали [из котла] яхна и разложили на скатерти.

— Пусть яхна немного остынет, да и дойдет, а тем временем и есть можно будет — наступит селалик *. Подремлем часок, а потом примемся за еду, — решили они, улеглись и тотчас же уснули.

Гёр-оглы вошел в комнату, покурил, выпил пиалу чаю. На крюке висел хорджун. [Гёр-оглы] поднялся, снял его, завернул в скатерть яхна и уложил в хорджун. Сюда же он положил чайник, пиалы, чай, табак, сахар, набат — все забрал и битком набил хорджун. Словом, подчистил так в комнате конюхов, как удар молнии не подчистил бы. «Коли убью их, узнают, кто убил. Уж не буду убивать», — решил он и запер дверь снаружи.

901. [Потом] направился в конюшню, поясом перетянул хорджун посередине и выбросил в отверстие. Хорджун упал по другую сторону стены. Ухватившись за пояс, выбрался и [Гёр-оглы], карабкаясь, как обезьяна.

Когда Гёр-оглы исчез, конь заволновался, зафыркал, заржал. Гёр-оглы вернулся назад, подошел к отверстию [в стене] и сказал:

— Эй, Гыр-ат мой! Успокойся! Если поможет мне мой покровитель, Лев божий, скоро отниму я тебя у недругов!

И запел, обращаясь к Гыр-ату:

902. Из Чандыбиля твоего за тобой я пришел,
О Гыр-ат, которого я ищу, о ком мечтаю,
Четыре месяца не мог я поспеть за тобой,
О Гыр-ат, которого я ищу, о ком мечтаю.

Пас я тебя на цветнике в саду,
Медом, шербетом поил я тебя.
Во власти неверной что ты пережил?
О Гыр-ат, которого я ищу, о ком мечтаю.

Сяду на тебя, выеду на вершину горы,
Пришпорив, свалою золотые бунчуки,

Разрушу жилище старухи, что увела тебя,
О Гыр-ат, которого я ищу, о ком мечтаю.

Гёр-оглы говорит: истомила досада меня,
От самого Аллаха было повеление мне.
Внемли — поведу тебя желание свое,
О Гыр-ат, родной мой, товарищ мой.

903. Когда он кончил петь, Гыр-ат успокоился, стал пить воду, есть корм.

Гёр-оглы перед рассветом вернулся к дому старика и постучал в дверь.

— Кто это?

— Это я, отец!

— А, сын мой, вернулся?

— Да отец, я вернулся.

— Где же ты гулял до сей поры, сын мой?

— Отец, уж коли мы стали как сын с отцом, больше никогда не спрашивай меня, где я брожу.

— Ну сын мой, видать, ты не больно-то строгих правил.

— Э, отец, не думай, что я вор или гуляка!

— Где же ты тогда гулял до полуночи?

904. — Коли сказать, так вот где я был: в эту ночь я ходил как каландар, да заблудился, не мог найти наш дом. И вот оказался я у крепостных ворот. Заметил свет в окне. Я решил узнать, что это за свет, и пошел туда. Зашел в комнату и увидал ханских поваров. Ну а уж коли я попал туда, решил я спеть для них одну-две песни «талхин». Я думал так: дадут что-нибудь — хорошо, не дадут — бог с ними. Спел я им одну-две песни из Мешреба, приложив руку к уху¹³. Это пришлось им по душе, и они дали мне немного мяса от яхна, которое готовили для хана.

И Гёр-оглы достал яхна и положил перед стариком. И еще [Гёр-оглы] отдал деду все, что он принес, объяснив ему, что это повара подарили ему чай, табак, сахар, набат — пригодится, мол, это все каландару. . .

— Сын мой! Коли такие у тебя заработки, отдам я тебе в жены свою дочь, одна она у меня.

— Не спеши дед! Коли нужны тебе заработки, я позабочусь, чтоб у тебя ни в чем не было недостатка¹⁴.

Дед пошел в другую комнату:

— Вставай, старуха, вставай! Твой сын принес еду для селалика.

И они наелись досыта-доотвала, хороший устроили селалик.

905. О ком рассказ? — О Гёр-оглы.

Разве заботило его в этой крепости хозяйство?

Встал он утром, заклинанием изменил свою внешность и стал прохаживаться возле конюшни, чтобы разузнать, какие есть новости. Вот взошло солнце, стали подметать улицу. Гёр-оглы смотрел, следил за всем, желая знать все. Солнце поднялось уже высоко. Тут до его ушей донесся звон колокольчиков, словно шел караван. Это ехала старуха — раз в де-

сять дней она сама давала воду и корм коню, смотрела, все ли в порядке. Это ради нее подметали, поливали улицу. А звон шел от колокольчиков, которыми были увешаны два скорохода, сопровождавшие старуху, — они шли справа и слева от старухи.

906. Гёр-оглы глазел с возвышения, прикинувшись деревенским простачком. Глядит — да это та самая старуха. Она сидела на великолепном инокходце, на мягкой подушке, в руках держала двойную уздечку, за пояс у нее был заткнут нож с костяной рукоятью, такой большой, что рукоять торчала на полтора геза выше ее головы. Как увидел ее Гёр-оглы, сразу узнал, но виду не подал.

— Эй, игиды! Кто это едет? Может, это мать вашего хана?

— Да ты совсем ума лишился, каландар! Разве ханская мать станет разъезжать по улицам?! — был ответ.

— А кто же это?

— Это старуха, которая похитила и привела коня суннита Гёр-оглы из Четырехгорного Чандыбиля.

— Вот молодец, да продлит Аллах годы жизни ее!

907. У ворот помогли ей сойти с коня, открыли ворота. Увидев Гыр-ата, она словно остолбенела. Позвала конюхов и спросила:

— Кто кормил коня, кто поил, кто ухаживал за ним?

— Мы сами ухаживали.

— Говорите правду!

Трижды грозно спрашивала она [конюхов], но те повторяли одно и то же: «Мы сами ухаживали». Признайся они, что заснули в эту ночь и коня кормил, поил, чистил кто-то чужой, старуха донесла бы падишаху, что они спят, не присматривают за конем, и тогда всех четверых живьем закопали бы в землю.

908. — Хорошо, добро! Выходит, вы сами [можете] кормить коня, ухаживать за ним, — сказала [старуха], а про себя подумала: «В этой крепости появился или сам Гёр-оглы, или Сапар-Косе, или Бед-Рустем, или Дяли-Мятел. Теперь лучше мне вернуться к себе во дворец и не выходить никуда, испросив на то позволение падишаха».

Выйдя на улицу, застонала она, заохала, притворившись больной. Гёр-оглы сразу же разгадал ее хитрость.

909. Был у хана старый скороход. Гёр-оглы и до того видал его, а теперь сразу же бросился к нему.

— Состарился ты, трудно тебе служить, а мне хочется стать скороходом. Продай мне свое скороходское снаряжение.

— Бери, сын мой, бери. У меня до сих пор не было покупателя.

— Назови цену, дед!

— Сын мой, у такого молодца, видно, денег хватает. Дай, сколько ни дашь, уважь старого человека.

Колокольчики скорохода стояли не больше пяти золотых — Гёр-оглы отсчитал и дал деду десять золотых.

— Да принесет тебе скороходское снаряжение удачу!

— Да пригодятся тебе деньги для праздника-тоя!

Взял [Гёр-оглы] снаряжение скорохода, зашел в заброшенный дом и принялся навешивать на себя колокольчики. К лодыжкам прикрепил по пять, к коленям по три, к локтям по восемь. Самый большой повесил на шею.

Гёр-оглы успел прийти в крепость раньше старухи и сел там на корточки.

А старуха между тем предстала перед шахом.

— Ну, милая бабушка, говори!

910. — Коли говорить, тагсир, так стара я, да к тому же старая моя болезнь усилилась. Ослабела я, дозвожь мне оставаться в моем дворце. Что скажешь, тагсир? Конюхи уже привыкли к коню, они хорошо за ним ухаживают, кормят его.

— Ну что ж, милая бабушка! Коли конюхи привыкли к коню и хорошо ходят за ним, ты уж не гордость наших очей — ступай отдыхай в своем дворце, я разрешаю!

Получив дозволение шаха, старуха направилась к себе во дворец. О ком рассказ? — О Гёр-оглы.

На узкой, извилистой улочке он выскочил навстречу старухе, звеня бубенчиками. Дурачась, подпрыгивая, он то скакал за старухой, то опережал ее. А то и, прыгнув высоко, перескакивал через круп ее лошади на другую сторону.

911. Старуху поразила его ловкость.

— Что это за скороход? — спросила она своих скороходов.

— Это один из новых скороходов хана, милая бабушка.

Старуха размышляла про себя: «Не иначе как один из тех зангаров проник в крепость. Вот появилась я на улицах, на виду, отправилась приветствовать хана, и уже скороходы перебегают ко мне. А то бы и придворные хана, сокольниковые, мехтеры — все переметнулись бы ко мне, всей страной овладела бы я!» Приехала она в свой дворец, сама закрыла ворота, а ключи положила себе в карман. «Раз кто-то из тех зангаров появился в крепости, надо быть осторожной!»

— Чтоб пикто, кроме пяти скороходов, не входил во дворец, даже сам Эзраил *! — приказала она.

912. Одним из пяти скороходов был Гёр-оглы. Старуха выдавала старым своим скороходам конук-продовольствие: сорок агри рису, двенадцать агри масла, еще много моркови, луку, мяса и еще фунт чаю, сорок агри табаку. «Пожалуй, новый скороход будет побойчее. . .» — подумала она и выдала ему шестнадцать сири * рису, двадцать пять агри масла, два фунта чаю, десять сири табаку. Еще дала она жирного ягненка в знак уважения, промолвив: «Надо уважить гостя!»

— О гость-скороход! Да ты удачливый парень. Твой приход нам оказался очень кстати! Старуха сегодня дала нам много харчей! — заметили ее прежние скороходы.

— Игиды! Куда бы я ни пришел, мой приход всегда бывает кстати. Да это еще что?! Вот увидите, что будет потом!

913. Новый человек всегда ведь рад услужить. Вот скороходы и обратились к Гёр-оглы:

— Эй, гость-скороход! Мы бежали целый день и устали. Ты, кажись, устал меньше. Зарежь-ка этого ягненка. Приготовь, коли искусно готовишь, кабла, шохле, сюзме, яхна, а потом разбуди нас, а мы пока вздремнем часок. Мы устроим так, что старуха даст тебе работу получше нашей.

— Игиды! Мне будет достаточно, коли вы меня будете считать равным себе. Укладывайтесь и спите спокойно, — сказал Гёр-оглы, а про себя подумал: «Даст бог, я разделаюсь с вами со всеми!»

Усталые скороходы тут же уснули, зангари.

914. Гёр-оглы свалил и зарезал ягненка, разделил мясо на четыре части, положил в котел. Положил луковицу, разделив ее пополам, бросил горсть соли и стал раздувать огонь. Дрова были сухие. Когда мясо прокипело пять-шесть раз, он достал один кусок, сказав: «Сварилось ли мясо?» [Потом] взял другой кусок, говоря: Хватит ли соли?» Съел и еще один кусок, сказав: «До чего вкусно!» Потом Гёр-оглы насыпал рису в бульон и помешал поварешкой. Получилась жиденькая каша. Гёр-оглы наложил в миску каши и стал будить скороходов: «Вставайте, вставайте!» Но те спали-храпели мертвым сном.

«Когда они проснутся, они затеют со мною драку, будут допытываться, куда подевал я мясо ягненка. Съем-ка я и кашу, а потом помолюсь за спасение их душ». — И отправил [Гёр-оглы] себе в брюхо и кашу. Потом воскликнул: «Но они ведь живые, спят, разве за спасение душ живых молятся?» Взял он большой песточер и... всех четверых убил ударом по голове.

915. Во дворце старухи был каменный колодец. [Гёр-оглы] приволок туда трупы и бросил в него. «Вот приход мой и оказался кстати!» — подумал он. А затем направился в покои старухи. Подойдя, он заглянул в дверь — всюду висят светильники, в чайнике заварен зеленый чай; кучей лежит сахар, набат. На огне с шипением на вертелах жарится шашлык.

Гёр-оглы поглядел на старуху — постелила она себе девять [перин]; в изголовье положила девять подушек, в изножье — пять подушек, укрылась легким одеялом, лежит она, погрузившись [в мягкую постель], словно «камень изобилия проса»¹⁵.

У изголовья старухи сидели две служанки с шелковым платком в руках — им они поочередно обмахивали старуху.

916. Гёр-оглы смотрел на них из-за двери, как кот на мышей. К полуночи служанки задремали. Едва они смежили веки, как Гёр-оглы вбскал [в комнату], ухватил каждую за горло — те и не пикнули! Отнес он их к каменному колодцу и бросил на дно...

Теперь Гёр-оглы не о чем было беспокоиться. Вернулся он в покои старухи, покурив, выпил пшалу чаю. Наложил в пшалу шашлыка и отправил его в свое брюхо. Вертела он сунул обратно в огонь, подумав: «Может, они еще пригодятся...»

917. Подойдя к изголовью старухи, он осторожно стал приподнимать с лица одеяло.

— Кто это осмеливается открывать мне лицо в такое время?

— Ну а если и открыть тебе лицо, ты что, выкинешь, что ли?

Услыхала старуха неприятный его голос и быстро поднялась с постели. Видит: Гёр-оглы сидит у ее изголовья. . .

— О сын мой, салам-aleyкум! Будь гостем, давай поздороваемся как положено!

918. Они крепко пожали друг другу руки. Что ж, сами ведь знаете, каково застигнутому врасплах человеку.

— Сын мой, ты пришел из такой дали, столько тягот перенес. Не стоило тебе утруждать себя! Я ходила за Гыр-атом, кормила, ходила его. Как раз завтра я собиралась сама оседлать коня и отвести его [к тебе]. Я договорила о двух верблюдах и о девушках-певольницах для тебя.

Старуха болтала без умолку все, что приходило ей на ум.

— Милая бабушка! Я сам пришел, чтобы не утруждать старого человека.

— Ой, сын мой! Ты говоришь «сам пришел», а взгляд у тебя грозный, губы дрожат, ты бледен. . . Спой для меня песню: из нее я узнаю, добро или зло ты замыслил.

— Эх, милая бабушка! Неужто я пешком пришел из Чандыбиля, чтобы петь тебе песни?! — возразил он, [но] спел, обращаясь к старухе:

919. В Чандыбиль я [тебя] привел,
Посчитал я нищей, бабка, тебя.
Одарил, много дал я добра,
Богатством наделил я тебя.

Зачем заставила ты меня страдать?
[Зачем] отважного игида извела?
[Зачем] загопяла Гыр-ата моего?
В тайном убежище твоём нашел я тебя.

Это ль твои сладкоречивые уста,
Это ль руки, что Гыр-ата увели?
Некуда теперь тебе бежать.
По справедливости убью я тебя.

Где оставила ты Гыр-ата моего?
Отыщи скорей, [не то] шкуру [с тебя] спущу.
В гневе вырву тебе глаза,
Это Аллах покажет, бабка, тебя.

Поспешив, преградил я дорогу тебе,
Врагом твоим стал, напал на тебя,
Уши и нос отрежу тебе,
[Сделаю] посмешищем [целого] мира тебя.

Гёр-оглы наконец цели своей достиг,
Теперь утешилось сердце мое.
О возвращении Гыр-ата я Истину молил.
До [моего] обиталища он доведет меня.

920. Когда он кончил петь, старуха сказала:

— Сын мой, твоя песня мне неприятна, — и закрыла себе уши.

— Коли неприятна, то заткни себе уши покрепче, милая бабушка.

Он подошел к старухе со стороны спины, вынул из кармана нож и отрезал ей уши. Уши старухи оказались у него в руках.

— Эй, милая бабушка. Давеча на очаге у тебя жарился кебаб. Нет у меня в этой крепости другого дома, нет родни, потому я его съел. Провинился я перед тобой, прости мне мою вину, милая бабушка! Но чтобы и ты не осталась без кебаба — на тебе, это самый мягкий кебаб, поешь! — приказал он и протянул ей ее уши.

921. А старуха, как бродячая собака, скалит зубы и отворачивает лицо в разные стороны.

— Не крутись, бабушка, или я убью тебя!

Страшась его, она взяла в рот твердые уши, беззубый рот начал жевать — челюсть с носом «вступила в борьбу».

— Милая бабушка, да тебе, оказывается, мешают то, что на лице, — я это уберу! — сказал Гёр-оглы и срезал ножом нос вместе с верхней губой.

— Милая бабушка, смотри-ка, и нижняя губа у тебя отвисла, уберу-ка я и ее.

Он срезал губу, и лицо старухи стало совсем гладким, словно ось маслoubойки. После этого он схватил ее за плечи и, истязая, поволок к очагу. Несчастная рыдала, исходя кровью. Гёр-оглы толкнул старуху в грудь так, что она упала, и подошел к ней со стороны ног. Видя, как тот подходит, старуха подумала: «Что он еще надумал?..»

— Сын мой, не подходи ко мне так. Коли тобой овладела страсть, я помогу тебе утолить ее. Мне подвластна целая крепость: лишь пожелай молодуху или девушку — я сейчас же доставлю тебе. Не подходи ко мне, сын мой!

— Милая бабушка, говорят ведь: «Пеки, пока печь горяча» — ты мне кажешься лучше любой молодухи, девушки.

922. Он не дал повернуться старухе: рукой сдвинул ей грудь.

Старуха была у хана в почете, ела, пила она, что хотела, лежала откормленная, гладкая. Взял Гёр-оглы раскаленный вертел и вогнал его. . . Вертел с шипением вышел из спины. Душа старухи вылетела вслед. Гёр-оглы вынул вертел и перевел дух. Ничто из того, что он сделал, не могло остудить сердце, успокоить его.

Он прикончил старуху. В стене была дверь. Гёр-оглы толкнул ее — оказалось, что дверь заперта изнутри. Он толкнул ногой — дверь распахнулась. Вошел Гёр-оглы и увидел сокровища старухи — золото, серебро, деньги. . . Он тотчас приметил свои честно заработанные вещи, что увезла

старуха. Та похитила золотой султан Ага-Юнус. Увидел его Гёр-оглы — вот валяется он. Прижал он его к груди, окропил слезами. Взял он султан, собрал все сокровища, вернулся назад, покурил, а потом опрокинул кальян. Затем пододвинул труп старухи головой к огню, чтобы подумали, что она умерла, одурев от курения. . .

923. Во дворце была лестница с сорока перекладами. Он приставил ее к стене, перебрался на другую сторону и перед рассветом вернулся в дом деда.

— Сын мой, лучше бы мне погибнуть! Чем таким сыном обладать, лучше было бы мне задолжать четверых сыновей!¹⁶

— Почему это, дед?

— Ты возвращаешься то в полночь, то на рассвете. Видать, ты вор, промышляешь воровством! Когда-нибудь проведут об этом, и шах погубит меня.

— Э, не бойся, дед! Какое там воровство! Получай вот деньги, золото, бери и расходуй без опаски!

И он отдал деду все сокровища старухи.

— Коли ты не ворует, откуда ж у тебя такое богатство?

— Я добыл все это, промышляя как каламдар.

924. На другой день дед стал расходовать деньги с некоторой опаской. «Как знать, может, деньги краденые? — подумал старик и все же решил: — Отдам-ка я [ему] в жены мою дочь».

— Бери в жены мою дочь.

— Пусть твоя дочь пока побудет [в невестах], дед!

— Ох, сын мой, боюсь я, вдруг ты уедешь. Хочу связать тебя по рукам и ногам. . .

— Разве же приемный сын покинет своего отца?

Хорошо, добро. О ком рассказ? — Спустя десять-двенадцать дней стало известно о гибели старухи. Донесли [о том] падишаху.

— Тагсир, мой падишах! Та старуха твоя, угорев от кальяна, упала в огонь и умерла. Служили у нее пятеро скороходов и две служанки. Они выломали двери, похитили все ее сокровища и убежали. . .

Падишах приехал [во дворец старухи] и своими глазами увидел, что возле трупа валяется кальян. Старуха вся превратилась в золу, лишь плечи у нее уцелели. «Да, видно, она упала в огонь, угорев от кальяна», — поверил падишах.

925. О ком рассказ? — Никто не мог подойти к Гыр-ату. Падишах через глашатаев объявил: «Кто сможет ходить за Гыр-атом, холить и кормить его, того я награжу так же, как старуху».

Гёр-оглы услышал это. Прикинулся он, будто ничего не знает, и спросил старика:

— Дед! [Слышишь], глашатаи вашего хана кричат. Он что, собирается в адаман или на охоту?

— Нет, сын мой, ты не понял глашатая.

— Не понял, дед.

— Коли не понял, [так слушай]: одна старуха увела у суннита Гёр-оглы его коня Гыр-ата и передала его падишаху. И вот та старуха то ли вчера, то ли позавчера умерла — упала в огонь, угорев от кальяна. У нее было пятеро скороходов, две служанки. Они разграбили ее сокровища и убежали.

Гёр-оглы про себя подумал: «Чьи же деньги ты тратишь?!»

— И вот никто не может подойти к этому коню. «Кто сможет ходить за конем, кормить, холить его, того я награжу так же, как старуху», — объявил падишах через глашатаев.

— О дед, когда-то я был конюхом, семь лет прослужил у Гёр-оглы. Коли это тот конь, я смог бы ходить за ним, холить и кормить его.

— Коли у тебя такое ремесло, я пойду к падишаху и скажу ему.

— Иди и скажи падишаху так: «Есть у меня младший брат. Он пленником попал к Гёр-оглы и пробыл у него семь лет. Семь лет служил он конюхом у Гёр-оглы. Потом бежал, в этом году воротился». Больше ничего не говори. Остальное я сам скажу.

926. Отправился дед к падишаху и передал ему эти слова. Тот повелел: «Ступай и приведи своего брата!»

Дед вместе с Гёр-оглы вернулся [во дворец]. Вошли в приемную и встали, почтительно склонившись, сложив руки на груди.

— Эй, каландар! Ты и впрямь можешь ухаживать за Гыр-атом, конем Гёр-оглы?

— Раньше я ухаживал, тагсир. Не знаю только, [узнает ли он меня], не испортилось ли у него зрение.

— Зрение у него не испортилось. Ухаживай за этим конем!

— Ухаживать-то я могу, тагсир. [Но] ты, тагсир, скажи, как мне за ним ухаживать — как ухаживал Гёр-оглы или как у тебя ухаживают?

— Коли умеешь, то ухаживай, как Гёр-оглы.

— Умею. Я буду говорить, а ты слушай, тагсир!

— Говори! — повелел падишах.

— На каждый день надобно: корыто верблюжьего молока, десять мисок ячменя, попона, на которую не падал луч солнца, в каменном стойле должна быть вода. А еще мне нужны четверо-пятеро прислужников. Мне будешь давать кабла, кашу, сюзме, яхна, чай, табак, сахар, набат, терьяк, насс — вот это все. Да сверх того иногда еще и пельмени, искусно приготовленные.

927. Знал [Гёр-оглы], что все ему будет предоставлено за счет казны. . . Разве всего этого нет у падишаха? Все приготовили и дали ему.

Пришел он в конюшню и у ее входа соорудил высокое сыпа. Постелил бурку, а под локти положил пуховую подушку.

— Эй, задайте-ка коню корма, дайте ему воды, ячменя, прикройте его попоной, а мне принесите чаю, плова да сварите пельмени!

За счет казны [Гёр-оглы] кормился сам и коня кормил. Сорок дней откармливал он Гыр-ата, конь отъелся, как сом разжирел.

Как-то Гёр-оглы в задней стене конюшни прорубил дверь на улицу, говоря: «Надо, чтобы помещение Гыр-ата всегда проветривалось». Про

себя он подумал: «Не удастся ли этой улицей воспользоваться, чтобы разжиться, добыть пять-шесть тенгга на дорогу?» Отправился он к падишаху и приветствовал его, сложив руки на груди.

— Эй, каландар, говори!

928. — Тагсир, прежние конюхи прорубили в конюшине дверь на улицу. А по улице ездят на кобылах, лошадях. Гыр-ат ржет, бьет копытами, волнуется. Совсем перестал есть и пить. Коли не запретить проезд по этой улице, пропадет Гыр-ат, тагсир!

— Каландар! Разве сам ты не можешь запретить?

— Тагсир! Я ведь не падишах, чтоб запрещать.

— Каландар, считай, что это твое царство, — я так велю! С пешехода, что пройдет по этой улице, возьми пять золотых, с тех, кто поедет на осле, — семь с половиной золотых, с всадника на коне — десять золотых, на кобыле — пятнадцать золотых.

— Тагсир, о такой работе я только и мечтал. Деньги эти, почитай, у меня уже в кармане.

929. Вернулся Гёр-оглы и уселся на сыпа. А откуда кому знать, что ему падишах разрешил. Проходит пеший, бедняга, хочет пройти сторонкой — Гёр-оглы схватит его, швырнет на землю да еще в живот ногой пять-шесть раз ткнет.

— Вынимай пять золотых!

Пока он дерется с пешеходом, появляется бедняга на лошади — проскочить хочет. Гёр-оглы бросается к нему, стаскивает с лошади, швыряет на пешего.

— Вынимай и ты десять золотых!

Проедет кто на осле — Гёр-оглы схватит его и швырнет туда же, то же делал он с теми, кто появлялся на кобыле.

Приходили родственники, платили выкуп и освобождали своих людей. . .

По всей крепости прокатилась весть: «О люди! Хан отдал эту улицу во власть бесноватого каландара. Идут туда и те, кто знает, забредают и те, кто не знает, заходят и малые дети. Уж лучше было бы, чтобы ни одна живая душа там не показывалась!» — решили жители и перегородили улицу с обоих концов.

А Гёр-оглы этого и надо было: он хотел прогуливать Гыр-ата в укромном месте, чтобы его никто не видел.

Начиная с этого счастливого дня Гёр-оглы седлал коня и выводил прогуливать его — ночь за ночью, день за днем, сорок дней и ночей — переход за переходом, по утренней и вечерней прохладе водил он его.

930. Гыр-ат вошел в тело, повеселел, змеей вился. Не наглядеться на Гыр-ата! «Эй, Гыр-ат мой! Мой Гыр-ат! Кажется, теперь ты в порядке. Теперь, пожалуй, довезешь до Чандыбиля. Но лучше все же получить разрешение у падишаха» — решил Гёр-оглы. Он бросил на коня несколько попон, привязал к шее аркан в пять кулачей, на плечо вскинул палку в полтора кулача, взял в руку конец аркана и отправился к падишаху.

покрикивая на коня и выставив палку вперед. Подошел он к воротам крепости-дворца и закричал:

— О тагсир, падишах мой! Коли хотите поглядеть на коня, выходите сюда!

931. Шах Балы-бек вышел вместе с сорока приближенными к воротам крепости и сел, прислонившись спиной к крепостной стене.

— Эй, каландар!

— Слушаюсь, тагсир!

— Слыхал я, что Гыр-ат обучен всяким штукам, много игр знает. Слыхал я, что приходит он к ханским дверям, останавливается и вежливо приветствует. Кто может заставить его сделать это?

— Может заставить тот, кто знает песни Гёр-оглы.

— А ты их знаешь?

— Я-то немного знал, тагсир, да, пораженный вашим великолепием, все позабыл. Коли найдется кто другой, пусть он попробует.

Падишах объявил через глашатаев: «Кто знает песни Гёр-оглы?»

Откуда-то выскочил старый кизилбаш и сказал:

— Я знаю, о тагсир!

Звали его Шахали. Когда-то был он в плену в Чандыбиле, воротился оттуда, знал он одну-две песни Гёр-оглы.

— Ну, зангар, пой песню!

— Хорошо, тагсир! — ответил курд и, сев на Гыр-ата, пропел песню:

932. О казий, в день битвы

Арабский скакун до чего же красив.

Под защитой удальца игида

Завораживающе он красив.

Золотые кисти на попоне у него,

У хозяина его золотой нож,

С глазами как яблоки, с бахромой,

как на девичьем наряде,

Могучий [конь] до чего же красив.

Плавню он набирает ход,

Пустыни может преодолеть.

Черны колени и грива его,

Конь-кумир до чего же красив.

Челка его достигает ноздрей,

От погоны уйдет, в погоне настигнет врага,

Пасть свою широко раскрывает он,

Могучий [конь] до чего же красив.

Сколько дней я наслаждался им,

Нет лекарства от моего недуга,

О Шахимердан, говорит Гёр-оглы,
Это чудо — до чего он красив.

933. Но после этой песни Гыр-ат не стал гарцевать.

— Слезай, Шахали! Гыр-ат играть не станет. Пускай каландар садится и заставит его гарцевать!

— Что, тагсир? — возразил тот и ударил коня по груди. Гыр-ат встал на дыбы, подбросил седока вверх на высоту пика. Старик взлетел и снова упал на спину коня, крепко уцепился за него.

— Эй, Шахали! Это зрелище никуда не годится. Сказано тебе слезай, так слезай!

— Не торопитесь, тагсир, я знаю еще одну песню Гёр-оглы.

— Коли знаешь, так спой!

— Я спою, тагсир; эту песню суннит Гёр-оглы сложил в ненастный день, с дождем и бурей, когда, возвращаясь из аламана, он переваливал снежную гору, — ответил курд и запел:

934. На вершинах древних, седых гор
Буря разгуляется, дождь бывает.
Как выпадет снег, все обледеневаает,
Жестокые ветры в горах бывают.

Со скакуна недоуздок не снимай,
Знай свое дело, стоек будь,
В день битвы на мери́на не садись —
Резвым, горячим мерин не бывает.

Коли игид забывает, что такое честь,
Коль от него отвернется Шахимердан,
Коли у армии полководца нет,
И большое войско побеждено бывает.

На озерах уток [охотник] бьет,
За джейраном в пустыню идет,
Коли в край чужой попадет удалец игид,
Говорить не может, жалок он бывает.

Когда боевым задором вспыхивает Гёр-оглы,
Когда ярость, неистовство охватывают его,
Когда в бою сойдется он с врагом,
От врагов оторваться трудно ему бывает.

935. Но и после этой песни Гыр-ат не стал гарцевать. Ведь когда курд сказал: «В день битвы не садись на мери́на», он Гыр-ата назвал мерини́ном! Падишах снова стал торопить [старика]:

— Шахали! Почему не слезаешь с коня, когда тебе говорят «слезай»? Пускай сядет сам каландар и заставит коня гарцевать!

— Я знаю еще одну песню Гёр-оглы, тагсир!

Кто садился на Гыр-ата, тот никак не хотел слезать с него. Для тела, говорят, бывают две приятности. Одна — когда в весеннюю пору, в месяцы весны, едешь ночью, ближе к рассвету, и твоей груди коснется нежный ветерок, тогда душа твоя усладу найдет — одна из приятностей это. Другая — когда новобрачный окажется в объятиях своей невесты. . . Так и здесь: кто садился [на коня], никак не хотел с него слезать. Шахали подумал: «Коли спую я, что умер Гёр-оглы из Чандыбиля, не заиграет ли Гыр-ат?» И курд, сидя верхом на Гыр-ате, спел песню:

936. Словно охотник, в разные стороны я иду.
Мне бы богатством-имуществом владеть.
Коли сейчас приду — разрушу Чандыбиль!
Мне бы богатством-имуществом владеть!

Чувствует Гыр-ат, что я на него сажусь,
Коли Аллах поможет — счастье придет,
Умер ведь хозяин Чандыбиля Гёр-оглы.
Мне бы богатством-имуществом владеть!

Верхом на нем и горы — место для прогулки.
Прискачу на нем — сунниты изумятся.
В развалинах Чандыбильские края.
Мне бы богатством-имуществом владеть!

На усах Шахали — вай-ала!*

На ворота красного халата — вай-ала!
Сокол на реке гуляет — вай-ала!
К озерам сердцем своим сокол стремится!

Но и после этой песни Гыр-ат не стал гарцевать. Падишах опять стал торопить [курда]:

— Почему не слезаешь, когда тебе велят! Почему не повинуешься? Видно, каландар уже вспомнил песни, пускай он сядет, пускай заставит коня гарцевать! А так Гыр-ат играть не станет.

[Шахали] не вынес укоров большого шаха и дважды ударил коня плетью по брюху. Гыр-ат взвился ввысь. На этот раз он подскочил вверх на высоту трех пик. Конец привязи держал Гёр-оглы. Увидел он, что конь прыгнул высоко, и выпустил веревку из рук. Конь бросился в сторону.

937. Иссохший, старый кизилбаш полетел вниз головой, словно пущенная из лука стрела. Падая, он твердил: «Хоть бы вода или солома, дерево или куст»¹⁷. Но откуда быть воде или соломе! Рядом были ворота крепости, арка, и всюду сплошь одни камни. Ударился он головой о камни — брызнули мозги, словно вороний помет. Вот и завладел он райским богатством.

Так как конь бросился в сторону, падишах повелел:

— Ступай, каландар, лови коня!

Кинулся Гёр-оглы к коню, схватил веревку и, покрикивая: «Стой, стой!», торжественно подвел его к падишаху.

— Берите же, тагсир, своего коня!

— Держи его подальше, загар! — [закричал падишах:] он боялся коня.

Гёр-оглы закричал: «Стой!» — и придержал Гыр-ата.

938. — Эй, каландар! Сядь на Гыр-ата и спой такую песню, какую подобает. А Шахали туда и дорога. Подох так подох. Ему уже давно пора отдать душу богу.

— Тагсир, чем губить меня, заставляя сесть на коня, лучше уж убейте меня своими руками!..

— Садись, [а то и впрямь] убью!

— Тагсир! Ты все твердишь «садись» да «садись». Ты что, проверить меня хочешь или всерьез говоришь?

— Конечно, всерьез!

— Коли всерьез, тагсир, то я хочу сказать тебе несколько слов, прости уж мне мои прегрешения.

— Говори, прощаю!

— Коли прощаешь, так вот: слышал я, что один падишах может быть умнее сорока человек, но ты по уму уступаешь и цыпленку!

— Как это так?

— А вот так, тагсир! Говоришь, чтобы я заставил его играть так, играть эдак. Но с чего это он будет радоваться, зачем ему гарцевать? Попона съехала набок, словно у лошади нищего. Хоть Гыр-ат и скотина, но понимает все, тагсир. Коли не нарядить его так, как наряжал его Гёр-оглы, конь гарцевать не станет. Он ведь только и знает, что убивать людей. Мы ведь своими глазами увидели, как он убил Шахали. . . Сяду я, а он и меня убьет. А потом, пожалуй, и вас погубит. . .

939. — Эй, каландар, я ведь владыка города с сорока четырьмя воротами. Мне подвластны земли, которые и за шесть месяцев не объедешь, я сижу на троне, падишахом себя считаю. В этой крепости ты найдешь все что угодно. Почему ты не скажешь, [что нужно]?

— Если говорить, тагсир, то Гёр-оглы подковывал Гыр-ата золотыми подковами, он седлал его отменным седлом, накладывал на него бархатный потник, подседельник гранатового цвета, седло с золотой лукой, чепрак с золотой бахромой, пуховую подушку; он надевал на Гыр-ата дорожную, украшенную изумрудами сбрую. Еще он подвешивал к луке седла пару подков и легкий молоток. Да и сам он одевался великолепно: сапоги из сагры, подбитые золотыми гвоздиками, по-царски пышная одежда, за поясом он носил золотой кивжал, а на нем была кольчуга с золотым воротом, нарукавники, шлем, золотые налокотники, [на голове] — шапка из меха выдры, а сверху надевал он чекмень из френкского сукна. Да вот еще: когда Гёр-оглы собирался ехать куда-нибудь, он приторачивал к седлу запасы на сорок-пятьдесят дней: два хорджуна молочных лепешек, два

фунта ароматного чая, десять агри каршинского табаку, десять порций терьяка. Ну, и все прочее. . . В руках он держал алмазную пику.

— Ступайте приготовьте все и принесите! — повелел падишах своим стражникам. Те бегом бросились исполнять приказание. Они брали, хватали [все, что нужно было], не спрашивая разрешения, — было ведь повеление падишаха. Кузнецов они заставили не ковать подковы и гвозди, а отливать в форме. И часа не прошло, как все было готово.

940. Гёр-оглы подрезал копыта коня, прибил золотые подковы, наложил на Гыр-ата перечисленные одеяния, крепко приторочил провиант, пару подков вместе с молотком повесил на луку седла, сам нарядился в названную одежду, доспехи надел, оружие взял — и вот он уже сидит на коне как настоящий воин.

Ну, вот [Гёр-оглы] на коне.

О ком рассказ? — [В свите] падишаха был тот старый везир, который прежде посоветовал отнять [у Гёр-оглы] его коня.

— Тагсир, вели ему сойти с коня, вели ему сойти! — воскликнул он.

— В чем дело?

— Да ведь это сам Гёр-оглы!

[Везир] узнал его.

941. — Оставь! — оборвал его падишах. — Коли сядешь на коня Гёр-оглы да наденешь на себя его доспехи, и ты станешь похож на Гёр-оглы. Молчи, не болтай!

Так сказал падишах, и везир замолчал.

— Эй, каландар, не нужно ли еще чего-нибудь тебе или коню?

— Нет, тагсир! [Теперь уже] все как надо. Была бы воля Аллаха, мы могли бы добраться до другой страны, тагсир!

— Ты не обижайся на слова этого везира. Ему уже изменяет рассудок. Теперь ты пропой, как надлежит, песню, заставь Гыр-ата как следует гарцевать.

— Тагсир! Я сел на коня, вооружился, приторочил к седлу провиант. И теперь ты жаждешь песни, теперь нужны тебе игры Гыр-ата?! Эй, Гыр-ат мой, все досталось нам по дешевке, все нынче дешево стало. Ну что ж, смотри. . . — промолвил он и, глядя на Гыр-ата, запел:

942. О Гыр-ат, что реку Араз преодолел.

Жизни [врагов] для тебя дешевыми да будут!

Тот, что за деньги покупают,

Свежий клевер твой дешевым да будет!

Жеребенком пас я в юности тебя.

Среди скакунов выделяешься ты.

Десять мисок ячменя, что нужны тебе на переход,

Студеные воды дешевыми да будут!

Что говорил я, о грешник, тебе!

Наставлениям, советам твоим я внимал,

Кольчуга твоя с воротом золотым,
Шестоперы твои дешевыми да будут ¹⁸.

Со вздохом садился я на тебя,
Со множеством [врагов] бился я.
С золотыми гвоздями подковы твои —
Серебряные подковы дешевыми да будут!

На тебя я садился с кличем «хай»!
[От меня] враги бежали с воплями «вай»!
Загрязнившаяся скребница твоя и
Шелковый платок дешевыми да будут.

Настоящий мужчина бек Гёр-оглы,
О себе позаботиться сумеет он,
С черными бляхами золотое седло,
Парчовый чепрак твой дешевыми да будут.

943. Падишах воскликнул:

— Вот это настоящая песня! Каландар, ты превосходно спел. Заставь теперь Гыр-ата гарцевать, посмотрим и это!

— Хорошо, добро, тагсир! — ответил он и прищепил Гыр-ата.

944. О ком рассказ? — Вокруг падишаха собралась целая толпа зевак, бакалейщиков, продавцов воды; они услышали, что шах покажет, как играет конь Гёр-оглы Гыр-ат, и захотели видеть, что это за игра. Гыр-ат раскрыл пасть и прижал уши — многих он подавил, тех, кто оказался поблизости, искушал, бил копытами всех подряд — крушил толпу.

— Ты не послушал меня, когда я предупреждал [тебя]. Вели закрыть проход в [стене] крепости. Не то этот конь рано или поздно вывезет отсюда одного человека.

Крепостная стена была в девять пагса, в одном месте три-четыре пагса были разрушены. Шах повелел:

— Ступайте закройте проход в [стене] крепости!

945. Подвезли к пролому в стене две арбы жердей и воткнули их торчком, [закрыв пролом]. Гёр-оглы проехал в другой конец крепости и затем снова вернулся обратно. Он остановился перед падишахом, изъясняя готовность [развлекать его].

Нукеры, пострадавшие от Гыр-ата, решили промеж себя: «Эх, на беду нам это зрелище! Многих из нас он погубил, многих покалечил. Ну, пускай он еще раз сунется сюда, мы его встретим как надо — палкой в лоб». И они поотрезали верхние половины жердей, которыми был загорожен пролом в стене.

— Эй, каландар! Гёр-оглы недостойн этого коня, — сказал падишах.

— Это почему же, тагсир?

946. — Гёр-оглы, видно, не ценит Гыр-ата. Коли предложить ему продать [Гыр-ата], он продаст, запросив тысячу золотых да двух пленников. А этому коню цены нет!

— Знай меру, тагсир! Это что же ты говоришь? Неужто никто, кроме тебя, не знает цены этому коню? Уж коли хочешь знать, ценит он его или нет, послушай, что я тебе скажу. Однажды Гёр-оглы отправился в аламан на страну османов. Тогда я был у него стремянным. Падишах османский Джафар призвал Гёр-оглы и сказал ему:

— Эй, суннит Гёр-оглы, назови цену своему коню!

[Гёр-оглы] назвал цену коню, обратившись к падишаху Джафору с песней. Ты слушай, тагсир, ценит он коня или нет!

И Гёр-оглы, обращаясь к падишаху, запел и в песне цену коню назвал:

947. Коли цену Гыр-ата назвать —

Будет сто таких падишахов, как ты.

Коли сядешь на Гыр-ата верхом,

Враги, чтобы с ними [сразиться], нужны.

Мощь нужна, чтоб тебя обогнать,

Птица нужна, чтоб тебя настичь,

Чтобы стоять и любоваться тобой

Два черных глаза нужны.

Приласкав, сесть бы верхом на него,

Все самое лучшее ему под стать,

Попону сделал бы я [ему] из парчи,

А торба из атласа ему нужна.

[Чуткие], как тростник, уши его,

[Тонкие], как самшит, ноги его,

Для того чтобы пастись ему каждый день,

Степь со свежей травой нужна.

Такого седла, как на спине у него,

И в Руме* не сможешь найти.

Поводья Гыр-ата в руках Гёр-оглы,

Как скажешь «пах», резвость коня нужна.

948. Кончил он песню, и падишах сказал:

— Выходит, он дорожит конем. «Будет сто таких падишахов, как ты. . .» — это значит, что коню цены нет. Да, он знает достоинства [Гыр-ата]. Пускай [Гыр-ат] еще раз погарцует.

— Хорошо, тагсир! — ответил [Гёр-оглы]. Теперь он направил [коня] в другую сторону, [где не ждали его]. Гыр-ат растоптал толпу, которая собралась и там. В толпе кричали: «На этот раз уцелела та сторона, где люди ждали с палками. Когда у тебя палка, он, значит, не приближается». Они бросились растаскивать оставшиеся жерди, приговаривая: «Тебе досталась, а мне нет!»; люди срезали жерди длиной в полтора геза и делили между собой. И проход в [стене] крепости [снова] открылся.

949. Старый везир сказал:

— Тагсир! Падишах мой! Мой разум никогда не был во вред тебе. Бели тотчас же сойти с коня, ведь это тот самый [разбойник], тагсир! Или убей его, или изгони!

— Эй, везир! Недавно ты говорил одно, теперь говоришь другое. Я ведь сказал тебе: коли сядешь на коня Гёр-оглы и наденешь его доспехи, и ты станешь [похож на] Гёр-оглы. Молчи, не болтай!

Обиделся везир и ушел, отрясая полы халата.

— Ты властен меня прогнать, но скоро ты не сможешь найти щели, куда спрятаться; твоя крепость самому тебе же темницей покажется. . . — сказал он, уходя.

950. Гёр-оглы повернул коня обратно и предстал перед падишахом.

— Эй, каландар! Сдается мне, что ты заходишь слишком далеко.

— Что случилось, тагсир, в чем я слишком далеко зашел?

— Ты погубил тут много несчастных и там немало. Негоже устраивать такую игру, такое зрелище! Спой-ка лучше хорошую песню и покажи настоящую игру! А то достанется тебе!

— Тагсир! Ты что-то начинаешь горячиться. А может, мне это показалось? Тагсир, разве ты не понимаешь, почему я еще не устроил настоящей игры, почему не показал еще настоящего зрелища?

— Нет не понимаю.

— Так знай же. Я дожидался, чтобы день стал клониться к вечеру; ждал, чтобы везир оставил тебя; ждал, чтобы снова был открыт проход [в стене] крепости. Все так и случилось. Мы с тобой сейчас поговорим откровенно. Вот я спою для тебя одну песню. А потом любуйся зрелищем да смотри полуще!

И Гёр-оглы обратился к падишаху с песней:

951. Есть у меня неистовый конь,
Когда на поле брани врывается он,
Кровавыми слезами плачут враги,
Змею напоминает подчас мой конь.

В небе птица не пролетит,
В степи марал не пробежит,
Даже с места сорваться не успеет он,
Когда на поле выходит мой конь.

Гёр-оглы говорит: я сам господин¹⁹,
Многое повидали мои глаза,
Ловок я сам, и резв мой конь,
Ни хана, ни султана нет надо мной!

952. Окончив песню, Гёр-оглы произнес:

— «Я сам господин»: на персидском языке это означает: «Я настоящий мужчина!»

И падишах появился это.

— Спой еще одну песню. . . — сказал он, обдумывая, куда бы ему убежать. . .

953. Гёр-оглы поднялся в стрелы, разгневанный, схватил саблю за рукоять и со словами: «Что ты заладил — спой песню, спой песню!? Кто я тебе — наемный бахши, что ли?» — бросился на падишаха. Падишах стрелой вбежал в ворота и с шумом захлопнул их.

Закрыв ворота, и Гёр-оглы направил коня в другую сторону. Выхватил саблю и поскакал по улице к выходу [из крепости]. Кто сворачивал в сторону, на другую улицу, тот спасался; кто оказывался у него на пути, тех рубил он. Головы [летели], как тыквы, кровь лилась. Подъехал [Гёр-оглы] к крепостной стене, помянул своего покровителя, Льва божьего, и дважды хлестнул коня плетью. Конь взвился в небо, перелетел [стену] крепости — а за ней был ров шириной в пятнадцать гезов, — перелетел и над ровом и опустился в пяти гезах за ним, разметава [копытами] камни, усекал прочь. И вот летит Гёр-оглы на Гыр-ате, размахивая плетью.

954. О ком рассказ? — О падишахе. Была у него лестница с сорока перекладинами. Приставил он ее к стене крепости, поднялся на крышу дворца и закричал:

— Суннит Гёр-оглы увел своего коня. Все: кто стражник, кто нукер — догоняйте, хватайте, ловите его!

Собрал [падишах] всех всадников в крепости и письма разослал во все стороны: «Пусть все военачальники, что находятся в поле, явятся сюда со своими пушками и боевыми припасами!»

Шестеро курдов раньше других помчались вдогонку за Гёр-оглы, мечтая: «Эх, удалось бы [нам] убить Гёр-оглы и удостоиться почестей».

Догнали они Гёр-оглы. Увидел Гёр-оглы их и придержал коня. Они тоже остановились, приблизившись на расстояние, когда слышен голос.

— Эй, итгиды! Что же вы остановились? Коли приехали сразиться, так давайте сразимся! — обратился к ним Гёр-оглы и пропел:

955. Подходите сюда вчетвером-впятером,
Подходите, рабы ²⁰, давайте сразимся.
В блестящих [доспехах], с серыми головами,
Подходите, беки, давайте сразимся.

Жаркой будет битва [у нас],
Головы с плеч, тела полягут в крови,
Железные клочья от кольчуг полетят,
Подходите, рабы, давайте сразимся.

[Эй вы], кто криво нацепил колчан,
Кому на коне сидеть — неудобство одно,
Кто, шагая, на ноги наступает себе,
Подходите, рабы, давайте сразимся.

Гёр-оглы говорит, пусть рукам моим,
Моему сердцу [господы] крепость даст,
Вам пятидесяти-ста я под стать,
Подходите же, рабы, давайте сразимся.

956. После этих слов они уже не осмелились подъехать ближе. «Если вы не едете, так я поеду [к вам]!» — сказал Гёр-оглы и тронул коня. Но они повернули коней и ускакали в сторону крепости. Гёр-оглы продолжал свой путь, промолвив: «Не преследуй бегущего».

Шестеро курдов [тем временем] вернулись в крепость.

— Тагсир, падишах! Вот он гонится [за нами], он вот-вот появится [здесь]! . .

Шах поспешно собрал всех всадников в крепости и отправился в погоню.

Миновал день, прошла ночь. . . На следующий день утром Гёр-оглы заметил вдали клубы пыли. Он придержал коня и остановился на вершине горы.

957. Падишах ехал впереди, но близко подъехать остерегался — остановился на расстоянии, когда слышен голос. Он стал кричать:

— Эй, суннит Гёр-оглы! Ты отважный игид. Пожалей свою душу! Будь у тебя их хоть тысяча, ни одна не спасется! Привяжи коня к дереву, оставь захваченную добычу, а сам убирайся подобру-поздорову!

— Эх, безмозглый падишах! Может, когда-нибудь и родится человек, который захочет привязать коня и добычу оставить! — ответил он, бросил поводья на луку седла, достал из-за спины саз и обратился к падишаху с песней:

958. Кому то же, что и мне, по душе,
Тот пускай выходит на поле брани!
Кто за веру душу свою готов
Отдать, пусть выходит на поле брани!

Явился я, [неслышимый], подобно сну,
Слово труса бесчестного — просто вздор.
Те, кто, как туры, сшиблись лбами
В бою, пусть выходят на поле брани!

На виселицу вздерну голову твою,
Твое тело отдам на растерзание псам,
Десять-пятнадцать твоих воинов мне не чета!
Кто хочет, пусть выходит на поле брани!

И я на поле брани пришел,
Кто друг и кто враг, понимаю я,
«В день, когда я родился, [уже] умер я»²¹.
Кто [так] говорит, пусть выходит на поле брани!

Сел Гёр-оглы на Гыр-ата верхом,
[Защиту] чести своей не оставлю на завтра я,
Кто [готов] свою голову в бою
Положить, пусть выходит на поле брани!

959. Допел Гёр-оглы песню и, оставив падишаха, ускакал за гору, а оттуда выехал к войску с тылу. Он внезапно атаковал всадников — бил, валил, колол, опрокидывал, давил, рубил, громил. . .

Оглянулся падишах назад и увидел, как Гёр-оглы крушит его войско — валит одного [убитого] на другого. Падишах обратился в бегство. Гёр-оглы дотянулся пикой до его спины, да вспомнил [совет] своего покровителя: «Не преследуй бегущего!»

960. Отъехал [Гёр-оглы] в сторону. Большое было войско, нельзя было одолеть его, не получив ни единой царапины. Глядит Гёр-оглы: восемнадцать легких ран на нем. . . Гыр-ат тоже стал хромать. «О Аллаха, что же это с ним?» Спешился он и осмотрел коня — когда ринулся он [на войско врага], конь в ярости ударил копытом о камень и сбил копыто спереди. «Мой друг, мой помощник, мой спутник в самые черные дни, Гыр-ат! Сниму я подкову с твоего копыта и заменяю ее новой, что висит на луке седла. А потом три дня, пока копыто не заживет, я поведу тебя в поводу. Ведь пришел же я сюда пешком!»

Снял Гёр-оглы подкову с копыта Гыр-ата и заменил ее другой.

— О мой Гыр-ат! Поздравляю тебя с [новой] подковой и спою тебе песню:

961. В пустыне останешься — волку, птице достанется
твой труп.

О Гыр-ат мой, доставь меня в Чандыбиль!
Страдаю от жажды в пустыне я,
О Гыр-ат мой, доставь меня в Чандыбиль!

Ногу, Гыр-ат, подними, подкову тебе прибью,
Хвой окрашу [ноги твои] ниже колен.
Вечером корм задам и утром за тобой пригляжу.
О Гыр-ат мой, доставь меня в Чандыбиль!

Мало ль осталось до Чандыбиля пути?
Противиться не можем мы велестью судьбы,
Восемнадцать ран на теле моем.
О Гыр-ат мой, доставь меня в Чандыбиль!

Поспеш, мой пир, мне на помощь приди!
Приди и раны мои исцели.
Поддержки Гёр-оглы, [до цели] доведи,
О Гыр-ат мой, доставь меня в Чандыбиль!

962. Спел он песню и повел за собой Гыр-ата. Шел он так три дня. На четвертый день он снял с Гыр-ата седло, огладил, ощущал его, затем вновь оседлал его, накинуд на него чепрак, привязал попоны за седлом, завязал хвост узлом и поехал ходом «сецджин», приговаривая: «В пустыне у меня от кульче кишки склеиваются. Повстречать бы пастуха, отвести яхна». Поднялся Гёр-оглы на холм, огляделся по сторонам и увидел овец, белых и черных, даже в глазах зарыбило. «О Аллах, хоть бы это не было сном! . . .» — подумал он и подъехал к стаду. А это было стадо падишаха. Пастухи узнали его [коня].

963. — Эй ты, вор, зангар! Ведь это конь нашего падишаха, куда ты его угоняешь? Слезай сейчас же! — закричали они и окружили Гёр-оглы.

— Игиды! Я и сам хотел сойти. Но коли вы будете кричать [на меня], я не сойду!

— Ну, получай же, коли так! — закричали они и дважды ударили его палкой по спине.

— У меня есть опасная привычка — как бы вам не принесла она вреда.

— Что это за вред, о чем ты говоришь?

— Вред — это то, что я бесноватый.

— Мы знаем лекарство от этого! — ответили они, продолжая дубасить его кривой палкой.

«Пожалуй, они далеко зашли! . . .» — подумал Гёр-оглы и пустил в ход саблю-истребительницу — [во все стороны] полетели гдловы с развевающимися бородами, в страхе дрожали губы, кривились рты.

964. О ком рассказ? — Один из пастухов возвращался с саксаулом. Увидев, как Гёр-оглы убивает пастухов, сбросил он дрова с осла, а сам спрятался за осла, боясь, как бы Гёр-оглы его не заметил.

Гёр-оглы подъехал к нему и закричал:

— Эй ты, ступай сюда!

Тот подошел, почтительно сложив руки на груди, сказал: «Поощади меня, о ага!»

— Ступай приготовь мне яхна, чтобы вдоволь поесть. А за это я не убью тебя.

— Коли не убьешь, так я всех овец для тебя заколю.

Он зарезал жирного ягненка, приготовил яхна и поднес [Гёр-оглы]. Путник был голоден, яхна же приготовлено из упитанного ягненка — и Гёр-оглы отправлял себе в рот куски то в полбатмана, то в батмап тебризской мерой.

[Гёр-оглы] насытился и сел на коня:

— Эй, пастух! Я отведал твоего хлеба-соли. Не обижайся, прошу!

— Господин, я не в обиде. Ты по случайности живешь в человеческом обличе. Окажись ты в зверином обличе, ты был бы волком!

Это [больно] затронуло Гёр-оглы — вспомнилась ему [родная] страна, жена, и он обратился к пастуху с песней:

965. О друзья, мусульмане!
Храбрым стал трус, храбрецом.
Что за чудесные времена
Прошли, миновали, миновали. . .

Где беки, где ханы? Где те,
Что некогда в мир этот пришли?
[Сидевшие] на троне сулейманы
Улетели, откочевали, миновали. . .

[Неудержимым] потоком реки текут,
Горит в груди мое сердце, горит,
На путь, что к милой моей ведет,
Гляжу — все глаза я свои проглядел.

Прекрасны черные очи пери моей,
Лицо ее как полная луна.
Насмешливые слова пастуха
Душе моей страдания причинили.

Гёр-оглы говорит: хазарец я,
Коня, халат свой украшаю я.
До чего печальна участь моя —
Слово «волк» моим именем стало.

966. Окончил он песню, простился с пастухом и отправился дальше.
Так ехал он несколько дней.

Как-то рано утром услышал он крик четырех-пяти журавлей. Взглянул он [в небо] и увидел, что журавли летят со стороны Чандыбиля.

— Эй, журавли! Вы пролетали над нашей крепостью, видели Овезджана, сорок игидов, видели Ага-Юнус. Все ли в нашей стране как прежде? — спросил он у журавлей и обратился к ним с песней:

967. О пять журавлей, что в небе летят!
Мой народ благополучен ли?
Каждый из вас над тысячью глава,
Мой народ благополучен ли?

Тот, кто вместе со мной на коне скакал,
Кто, увидев врага, мечом рубил,
Кто учтиво чашу вина подавал —
Мой Овез-джан благополучен ли?

Изведал я поле брани, где скакал,
Где вновь и вновь в сраженьях бывал.
Та, чей белый стан я обнимал,
Ага-Юнус благополучна ли?

Гёр-оглы говорит: Бахвалился я,
В стойле конь, на котором я скакал.
Где я опоры спине находил —
Горы седые благополучны ли?

968. Кончил он петь и продолжил путь.

Была у Гёр-оглы светлая высокая гора по названию Уч-Юзлик.
На рассвете увидел он эту гору и обрадовался, словно повстречал земляка. Обратился к ней [Гёр-оглы] с песней:

969. Много доведется повидать — быть бы здорову.
Я увидел тебя, мое солнце, о горы!
Каракулак * резвится в диких степях.
Жестока моя битва, борьба, о горы!

С Бали-беком сражался я на мечях.
На белый снег проливал я алую кровь.
Раздавал эшрефи * я со своего щита,
Доверенным другом я вас называл, о горы!

На пять переходов скакуна я пускал,
На каждом переходе ягненка ловил.
В пустынях я крепость золотую воздвиг.
Вы мое золото, серебро, мой кумач, о горы!

Гёр-оглы говорит: в этот мир я пришел,
Знаю я, что не вечен этот бранный мир.
В день, когда я родился, уже умер я.
Мой спутник — арабский конь, о горы!

970. Кончил он петь и продолжил путь. Ехал он, ехал и подъехал к реке Араз. Стегнул он коня плетью и перелетел через реку, опустившись в пятнадцати гезах [от берега], раздробив [копытами] камни. «Мое убежище, воспитатель мой! Как же я тогда добрался. . . Верно говорят: „На голову удалца игида такие испытания выпадают, что нужно быть вером, чтобы их снести“», — [думал Гёр-оглы].

Теперь он приблизился к [своим стадам], своим пастухам. «Оставляю ка я пастись Гыр-ата на лугу, изменю свой облик заговорами и пойду к пастухам. . . Узнаю я, кто из них предан мне, кто нет, что говорят в [моей] стране — все разузнаю я», — решил Гёр-оглы. Он пустил Гыр-ата пастись на лугу, заговорами изменил свой облик и подошел к пастухам. «Что это за человек?» — сказали пастухи и побежали ему навстречу. Они не узнали [Гёр-оглы].

— Эй, старик! Что ты тут делаешь, уж не вор ли ты?

971. — Нет, пастухи, я не вор, я торговец. [Скоро] здесь пройдет наш караван. А я опередил его, первым прискакал. Я купил бы у вас овец, коли продали бы вы.

— Без хозяина мы овец не продаем.

— А чьи эти овцы?

— Это овцы бека Гёр-оглы.

— Вот оно что! Коли это овцы Гёр-оглы, то я получил бы от него трех-четырёх даром — ведь мы с ним большие друзья.

— Может, ты и получил бы, да нет его сейчас в крепости.

— Куда же он уехал?

— Одна старуха из Нишапура увела его коня. Вот он и отправился за ней следом в одежде каландара. Год почти прошел, а его пока что нет.

— Я слышал [об этом]. Выходит, это правда.

— А что ты, старик, слыхал?

— Слыхал я, будто его коня увела одна старуха, а сам он в одежде каландара отправился за ней; слыхал я, что, когда он пришел в Нишапур, там его узнали, убили, а тело бросили в ров. Выходит, это правда. . .

— Ну, умер так умер. . . — сказали пастухи, ничуть не опечалившись, подбрасывая вверх свои палки ²².

972. Был среди [пастухов] один по имени Али-Риза. Едва услышал он, что погиб его господин, как стал он бить себя в грудь, заплакал навзрыд, запричитал: «Ох, был он мне [как] отец, ох, был он мне [как] старший брат, был он мне [как] дорогой младший брат. . .» Другие [пастухи] не обращали на него внимания.

Гёр-оглы подошел к [Али-Риза] и сказал:

— Хан-сынок, не убивайся так. Слезам твоего господина не вернешь. Продай-ка мне лучше пару овец.

— Яшули, а это верно, что ты друг моего господина?

— Мы были с ним самые близкие, закадычные друзья.

— Тогда не нужны мне твои деньги. В память моего господина я отдаю тебе и так!

И он дал ему ягненка.

— Хан-сынок, накормил бы ты меня, а мои спутники пусть хоть отраву едят!

Они быстро закололи ягненка, сварили его и уселись за еду. Гёр-оглы был голоден, а яхна — из жирного барашка. Гёр-оглы брал его руками и проглатывал, едва успевая подносить ко рту. Пастухи стали шушукаться: «[Глядите], как он ест — ну прямо как Гёр-оглы-ага. . .»

973. Один из них подошел ближе и спросил:

— О яшули, ты не Гёр-оглы ли, мой господин?

— Ступай прочь! Откуда здесь быть Гёр-оглы, коли он давно умер! Постелите-ка мне бурку в тени шатра. Вздремну я у вас часок. А коли мимо пройдет караван, разбудите меня, чтобы я не отстал. . .

Постелили ему бурку. Усталый [Гёр-оглы] тут же уснул. Али-Риза не оставяло сомнение: «А может, это мой господин?»

974. Гёр-оглы мог менять свой облик заговорами, но на спине у него был след пятерни — тот никогда не исчезал. Али-Риза осторожно подошел, приподнял его рубашку и увидел след пятерни. . . [От радости] он стал прыгать и бить в ладоши, крича: «Эге, это мой господин! Это он,

мой брат! . . .» Гёр-оглы проснулся от его крика. Пастухи стали обнимать Гёр-оглы за шею, лебезить: «О господи! Я дал обет принести в жертву богу двенадцать овец в честь твоих двенадцати костей», «Я обещал двенадцать. . .», «Я — тридцать. . .», «Я — сорок. . .»

— Эй, пастухи! Пускай овцы, предназначенные вами для богоугодного дела, останутся при вас. Вон за той горой насется Гыр-ат. Ступайте приведите его!

975. Привели Гыр-ата. Как привели коня, все стали кричать: «Сообщить весть в крепость поеду я. . .», «Я поеду! . .»

— Никому из вас до этого нет дела, пасите овец!

[Сообщить о своем возвращении] он поручил пастуху Али-Риза.

— Поезжай-ка ты, хан-сынчик!

Али-Риза тотчас сел на своего осла, вытащил из-за пояса свой нож и стал колоть осла в хребет, подгоняя его. До крепости было пять с половиной переходов. Но Али-Риза уже отсюда стал кричать: «Союнджи!»

На пути его были пески, осел не смог их одолеть и остановился как вкопанный. Али-Риза бросил осла, побежал дальше. Приблизился он к крепости, там заметил он лошадь — аробщик выпряг ее из арбы, чтобы она попаслась на клевере. Али-Риза подбежал к ней, поймал, снял упряжь, надел ослиное седло, взял в руки веревку и принялся стегать лошадь, погоняя ее. Он смотрел лишь на крепость, под ноги не глядел. Он гнал лошадь напрямик через поля, засеянные пшеницей, джугарой, через бахчи с дынями. На пути его была глубокая яма с белой глиной — вместе с лошадью угодил пастух туда. Он вылез, уцепившись за дерево, вновь подступил к яме и, обхватив лошадь за шею, тащил ее, тянул, пока наконец не вытащил. Подвел ее к насыпи [на берегу арыка], забрался на нее и поскакал, похожий на шута, с гиканьем и криком.

976. Теперь о ком рассказ? — Об оставшихся в крепости сорока игидах, об Овезе, об Ага-Юнус.

Овез что ни день заходил к Ага-Юнус — и три и четыре раза заходил и беседовал с ней. Однажды после беседы с Ага-Юнус он возвращался в мейхану. В мейхане стоял такой шум, словно делили сыромятную кожу. Он не вошел внутрь, а остался на улице и слушал.

— Ты слышал? — спросил один [игид].

— Мы все уже давно слышали. . . — ответил другой.

Словом, все сорок игидов твердили одно: «Гёр-оглы погиб». . . Не по душе прились эти разговоры Овезу — вернулся он к Ага-Юнус.

— О Овез-джан, что это ты возвратился так скоро?

— Ага-Юнус-апа! Сорок игидов распространяют дурные вести. Мне это не по душе, вот я и пришел обратно.

— Овез-джан! Сорок игидов могут и говорить дурное, и натворить черных дел, коли твой господин долго еще не придет. Не ходи больше к ним. Запри ворота внутренней крепости и оставайся у меня.

977. Овез запер ворота внутренней крепости и остался у Ага-Юнус. А раз Овез не пришел через час, игиды сами нагрянули [сюда], пришли

к воротам. Пришли и увидели, что ворота заперты изнутри. Стали они кричать:

— Эй, Овез, открой ворота, отпирай!

Овез выглянул сверху, над воротами, и сказал:

— Эй, мерем-ага! Мой господин сказал мне потихоньку: «Пройдет год, и, коли через год я не вернусь, закрой ворота внутренней крепости и оставайся у Ага-Юнус-апа». Я не открою!

— Говорят тебе открой! Открывай!

— Косе, без толку это — говори хоть один раз, хоть тысячу!

978. Поняв, что он не откроет, [игиды] решили: «Можешь не открывать!» — и все сорок [отправились] в поле, набрали камней и принесли их к воротам. Они натаскали целую кучу камней и стали кидать в ворота. Из ворот стали вылетать гвозди, что держались послабее. Ворота вот-вот могли рухнуть.

Пери Ага-Юнус знала, что ворота не выдержат, видела она и поведение игидов. На рассвете поднялась она на крышу дворца и воскликнула: «О Гёр-оглы! Коли к восходу солнца, к завтраку не явишься ты сам или не подашь о себе весточки, худо будет — намерения у игидов скверные. Не знаю, что натворят они, когда ворвутся сюда. . .» Вспоминая Гёр-оглы, со слезами печально пропела она:

979. Хотела бы я пойти узнать
Вести о возлюбленном своем.
Отдала бы я коня и халат,
Всем бы пожертвовала я.

Весенней порой ушла бы я,
В высоких горах бродила бы я,
Нищенкой из страны в страну ходила бы я,
Людей от стонов моих избавила бы я.

В седые горы я бы пошла,
Тоскуя, глядела бы я вокруг,
Страдания бы за тебя приняла.
Не в силах с места подняться я.

На вершинах гор стояла бы я,
Весело смеялась бы, радостно играла.
Придет смертный час, и от стонов моих
Сорок игидов избавила бы я.

Если бы вдруг навстречу мне
Вышел бек Гёр-оглы [и с ним] Гыр-ат,
Оставил бы туман голову Ага-Юнус,
Цели своей достигла бы я.

Кончила она петь и заплакала.

980. О ком теперь рассказ? — Об Али-Риза. Пять с половиной переходов ехал пастух и все кричал, даже голос надорвал. Уж рассвело, когда в крепости услышали его крик: «Вернулся мой господин! Союнджи!» Услыхала его и Ага-Юнус. Но она опасалась, что это хитрости игидов: «Видно, это игиды отправились к пастухам и подговорили их кричать: „Вернулся мой господин! Союнджи!“», чтобы обмануть меня, чтобы я открыла им ворота. . .»

Али-Риза решил первым поздравить Ага-Юнус и, не заходя к игидам, подошел к воротам внутренней крепости. Глядит — а ворота заперты.

— Эй, Ага-Юнус-апа! Союнджи! Вернулся мой господин! Союнджи! Открой ворота, открой!

Та выглянула сбоку ворот и ответила:

— Эй ты, несчастный пастух! Хочешь угодить этим сорока игидам, а мне служить не хочешь?

— Как это так, Ага-Юнус-апа?

— Ты обманываешь меня, понапрасну кричишь «союнджи!».

981. — Да ей-богу, вернулся мой господин!

— Не лги, зангар!

— Клянусь имамом Риза *, приехал мой господин!

Поклясться именем имама Риза — для курда это [самая священная клятва]. Ага-Юнус подумала: «О Аллах, никак, и вправду он вернулся!» Решила она проверить его другим путем:

— Али-Риза, когда появился твой господин?

— Вчера утром он приехал в наш стан, и я сразу же отправился сюда.

982. Ага-Юнус подумала: «О Аллах, коли он приехал к ним в стан утром, позавтракал, поспал час-другой и отправился в путь сразу после захода солнца, когда улетели оводы, то сейчас, когда восходит солнце, он, видно, поднимается на Седую гору». И она поглядела в подозрную трубу с крыши дворца.

[Гёр-оглы] был ее муж, она заботилась о нем постоянно и все о нем знала — знала, когда тот отдыхает, когда пускается в путь. Взошло солнце. Гёр-оглы торопил коня — вот он поднялся на Седую гору. Засверкала драгоценная сбруя, заблестела чудесная пика — Гёр-оглы спускался с горы, словно белый джейран.

Увидала его Ага-Юнус в подозрную трубу и так разволновалась, что запрыгала от радости и сбежала вниз. Глаза у нее плакали, уста улыбались. . . Увидала она Гёр-оглы, и успокоилось ее сердце. Обратилась она к Али-Риза с песней. Посмотри, послушай, что она спела.

983. Коли расскажешь о приезде Гёр-оглы,
Гостем дорогим войдешь в этот дом.
Сорок тысяч сокровищниц есть у меня —
Половину сокровищ тебе я отдам.

Караваны верблюдов близ прохладной воды
Нескончаемую вереницей идут,
Тысячами ведут погонщики их —
Половину верблюдов тебе я отдам.

В бренном сем мире на что мне жизнь?
Чудесную весть принес ты Ага-Юнус,
Мало почестей тебе — слабость мою прости,
Все сокровища свои я тебе отдам.

984. Когда кончила она петь, Али-Риза сказал:

— О Ага-Юнус-апа! Ты говоришь: «Отдам половину овец, половину верблюдов». [Но] мне не нужны твои богатства, я не хочу быть падишахом в [твоей] стране!

— Чего же тогда ты хочешь?

А у Али-Риза была тут нареченная, невинная девушка, которая вместе с ним попала в плен. Ага-Юнус держала ее при себе как служанку.

— Мне не нужно твоего скота, твоего богатства. Отдай мне мою нареченную!

— Эй, Али-Риза! Хотела я щедро наградить тебя, да не получилось. И все же ты не торопись. Вот вернется твой господин, он и устроит твою свадьбу, соединит тебя с ней. Ступай, я дарю ее тебе!

Пастух засмеялся так весело, что слышно было всей улице! Али-Риза ликовал.

985. О ком теперь рассказ? — О сорока игидах. Устроили они совет: «Коли мы будем так сидеть, потягивая кальян, ничего не придумаем! . . .»

— Что же вы собираетесь делать, игиды? — спросил Косе.

— Спрашиваешь, что мы собираемся делать, Косе? Разбежимся в разные стороны. Пройдет время, остынет гнев [Гёр-оглы], забудется обида — мы и вернемся к нему. А коли так не выйдет, то будем жить каждый по себе.

— Игиды! Это не выход. А что, как Гёр-оглы разгневадается, ведь он тогда не даст нам уйти, по одному прикончит всех.

— Тогда что же делать, Косе?

— Коли хотите следовать моему совету, немедленно седлайте коней! Поедем и первыми встретим в поле легковерного зангара!

— Ты хочешь, чтобы он перебил нас в поле. . .

— Я уговорю оставить вас в живых.

— Лишь бы он оставил нас в живых, а уж его палку и брань мы перетерим, готовы на это! — сказали игиды и отправились навстречу Гёр-оглы.

— Игиды! Поезжайте неспешно, с опущенной головой, с бледным лицом. И, кроме меня, пусть никто не говорит ни слова! — наставлял Косе.

986. [Между тем] Гёр-оглы приближался [к крепости]. Увидал он сорок своих игидов, и на душе у него стало тревожно: «Что-то невесело

едут зангары. Не приключилось ли чего в крепости, в стране?» Он-то ждал, что его встретят джигитовкой, стрельбой, играми. А вышло иначе — они подъехали на расстояние, откуда слышен голос, сошли с коней, сложили руки на груди и громко приветствовали Гёр-оглы. Затем снова сели на коней и поехали вместе с ним. Гёр-оглы незаметно оглядел их — нет Овеза среди сорока игидов.

— Эй, Косе, а где же Овез?

— Овез жив-здоров, Гёр-оглы.

987. — Овез-джаң, Ага-Юнус, Гюль-Ширин — все они живы?

— Живы.

— Коли они живы и вы тоже, никак, живы, то пусть огонь поглотит все богатства мира — это будет благодарственной жертвой. Но что же все-таки у вас не так, Косе?

— Все в порядке, Гёр-оглы! Лучше поедem молча.

— Нет, Косе, ты что-то скрываешь от меня.

— Ты догадался, что я что-то скрываю?

— Конечно, догадался.

— Коли догадался, то чего же рассказывать? Вот приедешь, тогда узнаешь. Чего же мне рассказывать. . .

— Что я узнаю, когда приеду? Говори, зангар!

— Гёр-оглы, если простишь нам грех, нашу вину — расскажем, а иначе не расскажем ни за что.

— Я прощаю, прощаю вам и грех, и вашу вину.

— Коли так, то повинуюсь! Вот приедешь и все узнаешь. Поезжай!

— Что я узнаю, когда приеду? — спросил Гёр-оглы и остановил коня, натянув поводья.

— Поезжай, поезжай, я все расскажу! — сказал Косе. Его напугало, что Гёр-оглы остановился.

988. Гёр-оглы поехал дальше. Косе поехал рядом.

— Так вот мой рассказ, Гёр-оглы: сколько [мудрых] пословиц осталось от древних [людей]. Говорят: «В своем доме не держи людей подозрительных». А ты держишь у себя Овеза как мальчику на побегушках. Узнали мы, что он на женской половине развлекается с Ага-Юнус.

— Косе, ты говоришь правду?

— А разве я когда-нибудь обманывал тебя раньше, лгал тебе?

Гёр-оглы трижды ударил себя по бедру: «Ох, зачем я только возвратился из Нишапура? . . .»

Ведь он всю дорогу бесконечно твердил про себя: «Мой Овез, моя Ага-Юнус, моя Гюль-Ширин! . . .» — а теперь он страдал всем телом, страдал душой и сердцем. Но раз уж он приехал сюда, то не уезжать же обратно. И Гёр-оглы продолжал путь.

Косе ехал и размышлял: «Эх, взялся ты за нелегкое дело. Ну, да там видно будет. . .»

989. О ком рассказ? — Ага-Юнус, Овез, Гюль-Ширин вышли к наружным воротам и смотрели [на дорогу]. Они надеялись, что [Гёр-оглы] свернет к ним, поздоровается, обнимет их. Но куда там — Гёр-оглы не

только не свернул, не поздоровался, он еще и отвернулся от них и направился в мейхану вместе с сорока игидами.

— О, что это случилось с моим господином? — удивилась Гюль-Ширин.

— Милая Гюль-Ширин! Я знаю, что с ним происходит. Этот пройдоха Косе, видно, оклеветал меня и Овеза! — ответила Ага-Юнус. Сказала это Ага-Юнус, и Овез залился слезами.

— Овез-джан, не печалься! Пускай он идет [с ними], пускай он выпьет чаю, покурит кальян. Пусть остынет его гнев, пройдет обида. Вот потом мы и скажем свое слово. Мы переубедим его.

Спешил Гёр-оглы и вошел в мейхану. Сердит он был. Еще не вскипел кумганчик, а он уж велит чаю налить. Еще не погас огонь в кальяне, а он уж вновь велит приготовить себе кальян.

990. О ком рассказ? — Об Ага-Юнус. Вернулась она на женскую половину, сняла новое платье и переделала в старое, распустила волосы, взяла за руку Овеза и Гюль-Ширин и направилась в мейхану. Пришла, но в мейхану не вошла — с гордым видом остановилась у входа.

Глянул Гёр-оглы на них краем глаза и увидел, что у всех троих слезы льются ручьем. Здесь Ага-Юнус, держа Гюль-Ширин и Овеза за руки, обратилась к Гёр-оглы с песней:

991. Обожаю я тебя, хан Чандыбия!

Разве твое дитя не мое дитя?

Вот уже год, как страдаю в разлуке я.

Разве твое дитя не мое дитя?

Вот уже год, как несчастлива жизнь моя.

От рыданий и плача ослепли мои глаза. . .

Говоря [мне] «матушка моя», родным стал мне Овез.

Разве твое дитя не мое дитя?

Словам подлого труса не верь,

Удалому игиду службу свою сослужи.

Не будь Овеза, разорена была бы твоя страна.

Разве твое дитя не мое дитя?

Подлость совершили сорок игидов твоих.

Говоря «отец мой», Овез страну твою сохранил.

Сыновий свой долг исполнил он, хлеб-соль оправдал.

Разве твое дитя не мое дитя?

Не достигли бога мольбы мои,

От стенаний и плача печень моя [разорвалась]

на сто кусков.

Это несчастная Ага-Юнус говорит.

Разве твое дитя не мое дитя?

992. Прочела она это, и все трое вернулись обратно. Гёр-оглы подумал, [глядя] им вслед: «Этот Косе, никак, воду заставил течь в гору. . .» Он подошел к очагу, покурил, но кальяна игидам не подал; сам выбил огонь, отряхнул полы халата и ушел.

Ушел Гёр-оглы, и игиды заговорили:

— Вот тебе, Косе! Посмеешься теперь! . .

— А в чем дело?

— Не понимаешь, что ли, что теперь будет? Вот придет к ним Гёр-оглы, Ага-Юнус и Овез будут сидеть и плакать, а сестра Гюль-Ширин обо всем ему расскажет. Он вернется сюда и всех нас изрубит своей саблей!

— Мы ведь тогда еще хотели бежать, а ты нас удержал. . .

— Игиды, не бойтесь! — стал успокаивать [их] Косе.

993. — «Не бойтесь»?! Ты еще надеешься остаться в живых?

Тут уж и на Косе напал страх. Посидел он некоторое время в раздумье.

— Игиды, не пугайте меня. Бегством [все равно] не спастись. Ага-Юнус ведь очень умная женщина. Сердиться из-за таких вещей она не будет. Она и Гёр-оглы успокоит. Коли Гёр-оглы вернется сюда вместе с Овезом, то нам не грозят ни смерть, ни мучения. Но если он придет один, тогда уж я не знаю.

А Гёр-оглы [между тем] пришел к себе. Овез сидел и плакал, плакала и Ага-Юнус. Гюль-Ширин все рассказала о проделках [Косе и игидов]. Гёр-оглы пришел в ярость, напрягся весь, усы стали торчать, как пики.

— Так-то отплатили мне мои игиды за хлеб-соль, за все, что я делал для них! Всем им сабли моей попробовать! — рассвирепел он и вскочил с места.

994. Ага-Юнус говорит:

— Посиди здесь! Ты хочешь убить этих сорок игидов, а потом будешь собирать новых сорок?

— Разве не пайти сорок нахлебников?

— Садись! Откуда ты знаешь, что новые окажутся лучше этих?

Гёр-оглы опустился на пол.

— Ох, Гёр-оглы! Мало ли что бывает на свете, мало ли что кто скажет. Не стоит гневаться из-за этого. Все же эти игиды лучше — ты к ним привык. Ступай к себе в мейхану. И не буйствуй во время чаепития и курения!

995. Игиды сидели [в страхе], словно на плоту, [покачивающемся] на воде. Но вот появился Гёр-оглы с Овезом. Пришел он вместе с Овезом — и игиды успокоились.

Гёр-оглы прошел к очагу (?) и сел, рядом сел Овез. Никто не проронил ни слова, все молчали. Игиды боялись — вдруг начнет их громить. [Гёр-оглы] понял, что они боятся его. «Не буду пугать их, пускай успокоятся!» — подумал он. С грустью вспомнил Гёр-оглы все, что случилось, одиночество свое вспомнил. Взял он в руки саз и обратился к игидам с песней:

996. Удадому игиду в тяжелый день
Трудно выдержать [одному], брат-удалец ему нужен.
Если рок разлучит, [скитаться] придется вдали,
Друг, надежный, как лев, ему нужен.

Ящерица говорит: и я дракон!
Лишь осел чудовищем не почитает себя.
[Но] коли встретишь царя змей, скромнень будет он.
Чтобы осторожным быть, рассудок нужен.

Муха думает: я соловей, я не умру,
Я в поле не хожу, не устаю.
Одинокий молвит: я плачу, не смеюсь.
Опора, брат-удалец ему нужен.

Цену воды знает плот, что реку пересек.
Цену отважного игида знает народ.
Цену своего народа знает нищий раб.
Говорящему «хув!» слезы на глазах нужны.

Крепким слово у игида должно быть.
Постоянством должен отличаться он.
В битвы день смерти бояться ему не след.
Окровавленные головы, притороченные к седлу, ему нужны.

Игиду на поле [брани] резвый нужен скакун —
Радовать бедное сердце будет он.
Надо, чтобы у милой черные локоны вились.
Глазам красивые брови нужны.

Меня как-то называют, я же — Гёр-оглы!
Кто [имени] своего не знает — собачий сын.
Сын бека я, удалцом я родился.
Четверо-пятеро противников мне нужны.

997. Когда он допел песню, Косе понял, что они избежали не только смерти, но и мучений.

— О Гёр-оглы, ты так говоришь, чтобы задеть нас.

— А что, разве нельзя задевать вас, Косе?

— Что же нынче приключилось, чтобы задевать нас?

— Ты что же, хотел что-нибудь похуже натворить? Мало ты издевался над ними, швырял в ворота камни?

— О Гёр-оглы, ты ведь ничего не знаешь. И они тоже ничего не знают. Они же были внутри и не ведали ни о чем. Один человек в поле сообщил нам о тебе дурную, скорбную весть. Мы и хотели пойти к твоим, посоветоваться с ними, обсудить все вместе. Коли погиб, то попытаться получить

твое тело, а коли жив, то разузнать, где ты находишься. Вот за этим мы и пришли к воротам. А они не открыли нам ворот. Мы и стали кидать в ворота камни.

— Годится ли так ломать хорошие ворота, Косе?

— Гёр-оглы, ну что ты все твердишь об этих воротах? Да за пять золотых сделают ворота получше, чем прежние.

— Хоть и сделают, да не в том дело — ведь вы ничего не цените! — ответил Гёр-оглы и обратился к игидам с песней:

998. Вороне не под силу дело соловья —
Что она в достоинствах розы понимает?
Дикie птицы бродят в [безводной] степи —
В достоинствах озера они что понимают?

Кто не сеял, в поле не проводил межи,
Кто [перед гостем] не расстилал дастархан,
Кто пчелиного яда не отведал —
В достоинствах меда что понимает?

Коли хана в крепости нет,
Коли эмира в стране нет,
Коли в груди у человека веры нет —
В достоинствах пир-пастыря что понимает?

Кто горечи и сладости не вкусил,
Кто [на свой риск] торговлю не вел,
Кто, терзаемый жаждой, в пустыне не лежал —
В достоинствах воды что понимает?

Кто [в этом мире] совершенства не достиг,
Кому не довелось и смеяться и плакать,
Кто не знает [себе цены], достоинств своих —
В достоинствах других что понимает?

Гёр-оглы пришел в этот бранный мир,
Лицемерных обетов он не дает.
Кто в науке боя не искушен —
В достоинствах смельчака что понимает?

999. Кончил он петь, и Овез сказал:

— О господин мой! Не укоряй их больше. Ступай к Ага-Юнус-апа.

Простил Гёр-оглы прегрешения своих сорока игидов. Радостный и веселый, отправился он к своей пери. Пусть и лежат они обнявшись — ноги как четыре лозы. Прочее сам знаешь.

Пусть каждый совершит такие дела и достигнет своей цели!

ХІ. ХАРМАН-ДЯЛИ

1000. Хорошо, добро. О ком рассказ?

В стране Рум жил один богач. Звали его Арслан-баем. Сокровищ было у него, как в сокровищницах семи падишахов. Одного лишь ему не доставало — не было у него детей. С надеждой, что бог пошлет ему дитя, взял он себе двенадцать жен по числу двенадцати своих костей. Вот забеременела самая младшая его жена. Минуло девять месяцев, девять дней и девять часов ¹, и в один из дней родила она дочь. «Эх, просил я у бога сына, да не сбылось мое желание. Так пусть будет дочь мне за сына», — решил он и, зарезав пять-шесть баранов, пригласил народ, той-веселье устроил. Собрались люди, и обратился он к ним:

— О люди, народ! Я все сына у бога просил. Но по воле судьбы родилась у меня дочь. Дайте же ей красивое имя, чтоб не было другого такого! ².

Посоветовались люди и дали ей имя Харман-Дяли — пусть, мол, будет она средоточием ума, разума, чувства — средоточием всего.

1001. Харман-Дяли исполнился год, потом два, а там и семь лет. Сделали прокол в ушах ³, отдали для обучения мулле. Семь лет училась она в мектебе, знания приобрела, ума набралась. Достигла она четырнадцати лет. Думал Арслан-бай, что будет ему дочь за сына, да не вышло так — зачастили сваты дочь его просить. «Я хочу сделать так, как велит ее сердце. Пусть скажет она, что у нее на сердце», — отвечал Арслан-бай, а к дочери послал человека — ходят, мол, ко мне люди. . . Как послал он к ней человека, пришла она сама к отцу.

— Отец! Коли хочешь считаться с моим сердцем, [так знай:] не буду я подругой для любого бродяги вислопногого. Я буду подругой тому, кого осенила [милость] пророка.

— Дитя мое! Где ж я найду такого?

— Коли не будешь слишком строг к моему выбору, я сама найду.

Отец обещал не вмешиваться и дал ей в том тарханную грамоту.

1002. — Отец, раздели и отдай мне половину казны, а истрачу — дай еще.

Получила она половину казны и приказала разбить шестьдесят больших садов, а в них построить дворцы. Триста шестьдесят служанок взяла себе. А в народе велела объявить: «Появилась ханша Харман-Дяли. Коли найдется бахши, который станет состязаться с ней и победит ее в пении, коли найдется богатырь, который станет состязаться с ней и победит ее

в борьбе, за того выйдет она замуж и отдаст ему трон-корону и сокровища-казну. Но коли она победит — снимет голову тому бахши, тому богатырю».

Приходили к ней бахши — сами не могут слушателей занять в течение ночи, а ей думают голову заморочить — всех она побеждала, всем сняла головы.

Приходили к ней богатыри, воодушевленные победой в состязаниях, устраиваемых по поводу [нового] одеяла ⁴. «Коли умрем, касаясь грудью груди такой девушки, как Харман-Дяли, — чего жалеть? А коли удастся свалить ее, так это будет счастьем» — с такими думами приходили они бороться, но оказывались побежденными и лишались головы.

1003. Слово лучше краткое. За три года сложила она минарет из трехсот голов бахши и богатырей. Больше не объявлялось певцов и богатырей, желающих сразиться. В один из дней собрала она звездочетов и гадалщиков.

— Эй, гадалщики! [Вот уж] шестнадцать-семнадцать мне лет. За эти годы я все перепробовала — не осталось кушанья, которого бы я не отведала, наряда, которого бы я не носила, дела, которого бы я не испытала. Но ничто не дало мне узнать радость замужества. Найдите же достойного меня возлюбленного, отважного игида!

Гадалщики призадумались.

— Коли скажем тебе, что такой-то бай тебя достоин, такое-то достоинство тебе к лицу, ты призовешь его к себе, вступишь в состязание, и мы окажемся виновными в напрасном кровопролитии. Биби-джан! Не можем мы найти возлюбленного, достойного тебя.

— Тесен мир, что ли?

— В таком-то месте старуха одна живет. Она всем нам наставница. Коли она не знает, то мы [и подавно] не знаем.

1004. Харман-Дяли послала письмо той старухе. Дала она посыльному сто золотых и сказала: «Пусть приедет, будет мне матерью, а я ей дочерью приемной!» Письмо вручили. Старуха прочла и погрузилась в раздумья. Понял это [посыльный] и подал ей сто золотых, добавив: «А пока вот вам подарок-почести». Завидев деньги, она охотно согласилась. Предстала она перед Харман-Дяли. Та оказала ей почести-внимание, расспросила о здоровье, благополучии.

— Харман-Дяли, дитя мое! Для чего ты меня позвала?

— Дорогая бабушка, хочу, чтобы стала ты мне матерью, а я тебе — приемной дочерью. Для этого и позвала.

— Коли [приемной] дочерью ты стать хотела, неужто не нашла поблизости такую, как я, старуху? Другая у тебя забота, дитя мое, говори прямо! [Харман-Дяли] и ей повторила те свои слова: «Найди возлюбленного, достойного меня».

— О дитя мое, я уж догадалась, что у тебя такая забота. Сейчас я погадаю, дитя мое, — ответила старуха и стала гадать.

— Дитя мое, Харман-Дяли! Гадание показало отважного игида, богатыря!

— Да будут благословенны твои уста, милая бабушка! Где же он?
— Э, дитя мое, раньше, чем я скажу, где он, дай-ка бабушке союзджи!
— На, милая бабушка, — сказала та и, не считая, бросила ей в подол три горсти денег.

1005. — Дитя мое, коли назвать [его], так это бек Гёр-оглы в Чандыбиле. Рубит, косит, [домой] приносит, разбоем занимается, неудачи не знает — удалой игид.

— Трус ли игид этот или храбрец? Ты Расскажи мне так, чтобы я как глазами своими увидела его.

Снова погадала старуха, стан-осанку Гёр-оглы увидела.

1006. — Дитя мое, коли рассказывать, [так слушай]. С крепкими бедрами он и широкой спиной, плечист, лоб выдается, глаза чуть впалые, нос с горбинкой, борода как кетмень, а усы словно хвост осленка, весь он словно стальной водой окроплен, роста же он среднего.

— Милая бабушка, ты описала храбреца. Нынче же ты съездить и привезти его должна непременно.

— Э, дитя мое, оставь это! Я не берусь за такие мелкие поручения, — ответила она в надежде урвать еще на чай.

— О милая бабушка! Он не последует за любим, за всяким не придет. Только такая, как ты, волшебница, красноречивая лазутчица сможет привести его! — возразила Харман-Дяли и, положив золотой саз себе на грудь, запела:

1007. В Чандыбиль к Гёр-оглы
Поезжай, милая старушка, весть передай.
К сыну бека из богатырского рода
Поезжай, милая бабушка, весть передай!

Желание твое исполнил Аллах,
Вера моя тому причиной,
Еще дам [тебе] я сто золотых,
Поезжай, милая старушка, весть передай!

Между городом Рум и Чандыбилем
Многодневный путь лежит.
Не броди повсюду, времени не теряй.
Поезжай, милая старушка, весть передай!

Харман-Дяли зовут меня.
Да будешь ты жить, матушка, до ста лет.
Доверие свое открыла я тебе.
Поезжай, милая старушка, весть передай!

1008. Сказала она эти слова и еще о ста золотых упомянула. Старуха согласилась ехать.

— Харман-Дяли, дитя мое! Не вышло [по-моему], поеду я теперь. Но есть у меня к тебе один разговор. Ты вот только что сказала: «Дам еще

сто золотых». Только не думай, что еду я из-за этих денег. Долг матери хочу исполнить я для тебя.

— Милая бабушка, лишь бы ты поехала!

— Хараман-Дяди, дитя мое! Чандыбиль — страна далекая, а я старый человек. Я уж не гожусь для езды на кляче. Я поеду только на тулпаре *.

— Где же я найду тулпара, милая бабушка?

— Если в табуне тысяча лошадей, там, говорят, [тулпар] и бывает.

— Тогда, милая бабушка, о том других нечего спрашивать. У моего отца в табуне тысяча лошадей.

1009. — Ну, так я сама его найду! — сказала старуха, пришла в табун, прочла заклинание и осмотрелась. Видит: тулпар ходит. Прочла молитву «исми-агзам» ⁵, [шепотку] земли кинула — тулпар к ней и прибежал. Села она на тулпара и предстала перед Харман-Дяди. Как следует оседлала она коня, сама припарядилась, легкое покрывало накинула на лицо и поскакала по направлению к Чандыбилю. Тулпара ведь сами знаете: путь в пять-шесть месяцев он преодолевает за пять-шесть дней. Ехала [старуха] и подъехала к Чандыбилю. Расспросила о мейхане Гёр-оглы и направилась [туда].

1010. О ком рассказ? — О Гёр-оглы. После возвращения из Нишапура он, чтобы конь не остыл, готовился оседлать Гыр-ата. Снял он седло с Гыр-ата, ощупывал, поглаживал ему спину. Сзади подъехал какой-то всадник и остановился, приветствуя; а лицо его было закрыто.

— Что скажешь? — спросил Гёр-оглы.

Всадник, что приехал на тулпаре, отвечая Гёр-оглы, сказал несколько слов:

1011. В городе Рум некая девушка:

Пусть Гёр-оглы-бек приедет, — сказала,

Со мною прислала она привет-письмо.

Пусть приедет и меня заберет! — сказала.

В Коране есть запись [обо всем].

В конюшне у него арабские кони [стоят].

Пусть едет сам, а игиды его

Пусть останутся, — сказала.

Край твой — Чандыбиль.

Путями Истины ходишь ты.

Твой покровитель — хаазрет Али.

Пусть же Али будет опорой [тебе], — сказала.

Пусть даст он старухе благодать.

Пусть все неверные [истинную] веру примут.

Пусть приедет и увидит, какие почести я ему окажу,

Пусть коней, халаты возьмет, — сказала.

1012. Сказала она эти слова, и Гёр-оглы задумался. «О Аллах, в городе Рум некая девушка. . . Значит, это весть от девушки, не от хана, не от сановника. А может, это и есть та девушка. Не показывает мне своего лица, обмануть меня хочет».

— О душа моя! Сними-ка с лица покрывало! Хочется знать мне, мужчина ты или женщина, стара или молода.

Ну, разве ж старуха знает стыд? Сняла она покрывало. В поганных волосах ее не было ни единого черного волоса.

— Э, душа моя, увидал бы я тебя в пустынном месте — испугался бы, хорошо, что в крепости я тебя встретил.

— Гёр-оглы! Что мне до того, испугался бы ты или нет. Я не для того приехала, чтобы тебе показывать свое лицо. Меня послала за тобой девушка Харман-Дяли. Коли едешь — садись на коня немедленно, а нет — так дай ответ!

— Милая бабушка, коли такие у тебя вести, я немедленно поеду туда. Подожди тут часок.

— Нет, нельзя, Гёр-оглы. Коли едешь — садись на коня, а нет — дозвожь мне уехать!

— Милая бабушка, так ведь я [только] зайду в комнату, приготовлюсь, возьму чай, табак, все необходимое [для дороги].

1013. — Гёр-оглы, я ведь знаю этот твой «чай», «табак»: у тебя, кажись, жена есть, Ага-Юнус. Видать, не можешь ты ехать, не повидавшись с ней. Когда я пела тебе эту песню, силы у тебя прибывало. Коли сразу поедешь, славу найдешь, а не то будешь побежден и опозорен. Зайдешь ты к своей пери, встретишься с ней лицом к лицу, и лишишься силы твое тело, а перемолвишься с ней несколькими словами — и речи лишишься. Ну а там сам знаешь, Гёр-оглы.

1014. Когда Гёр-оглы хотел отправиться куда-нибудь, он никогда не уезжал без того, чтобы не зайти к пери.

— Все же, милая бабушка, ты постой здесь три часа, — сказал он и дал ей триста золотых туманов. Положила она их в хорджу и подумала про себя: «Как же — добьешься ты славы!»

Отправился Гёр-оглы на женскую половину. А старуха повернула тулпара назад, приговаривая: «Ладно уж, можешь и сам приехать, я-то свое получила».

Вошел Гёр-оглы на женскую половину. Как появился Гёр-оглы, Ага-Юнус приукрасилась.

— Гёр-оглы! Похоже, получил ты откуда-то весть. Лицо у тебя просветлело, и ступаешь ты легко. . .

— Да, пришла мне весть издалека, — ответил он и, обращаясь к пери, спел песню:

1015. Выслушай слово мое, о пери моя!

От капризной подруги привет мне пришел.

К Аллаху взываю я — внемли стону моему.

От любимой подруги привет мне пришел.

Не пройти мне снега на высоких горах,
От той, на белом лице которой — пара родинок,
От дочери Арслан-бая, Харман-Дяли,
От неистой девы привет мне пришел.

Не пройти мне — снег на высоких горах есть,
На белом лице ее пара родинок есть,
Тонкий стан, чтобы мне обнимать, у нее есть,
От любимой подруги привет мне пришел.

Пусть сам бек Гёр-оглы приедет, сказала.
Триста шестьдесят голов она отрубил.
Пусть сам приедет и меня заберет, сказала.
От любимой подруги привет мне пришел.

1016. Кончил он петь, и Ага-Юнус сказала:

— О Гёр-оглы! Так весть тебе пришла не от хана, не от сановника.
Зачем было сюда приходить, зачем было советоваться! Разве не мог ты
ехать сразу. . . Ну а теперь, Гёр-оглы, коли пришел ты сюда, так не
езжай!

— Эх, так, значит, это ты мне советуешь? — сказал Гёр-оглы и
вскочил.

— Гёр-оглы! Прежде всего послушайся совета моего, не езжай.
Ну а коли поедешь, так в городе Бостан живет пир Ашык-Айдын — ступай
служить к нему, прослужи месяц — сорок дней, получи его благословение,
а потом уж поезжай и славу завой. А не то победит она тебя, опозоришься
ты. Но первый мой совет — вовсе не езжай! — сказала она и спела песню:

1017. Подлость удалцу игиду не к лицу.

Коли примешь совет мой — не езжай, Гёр-оглы!

Дева-богатырь не посчитается с тобой.

Коли примешь совет мой — не езжай, Гёр-оглы!

Коли уедешь отсюда, в город Бостан поезжай,

Поминай имя божье всюду в пути.

У пира Ашык-Айдына дозволение получи — потом поезжай.

Без его дозволения не езжай, Гёр-оглы!

Триста шестьдесят бахши, богатырей приезжали [к ней],
В пении и борьбе состязались, были побеждены и погибли все.
Теперь очередь твоя богу душу отдать.

Коли примешь совет мой — не езжай, Гёр-оглы!

Коли поедешь — город Бостан на твоём пути.

Да будет молитва всегда на устах у тебя.

Богатырем ты был у себя в Чандыбиле.

Коли примешь совет мой — не езжай, Гёр-оглы!

Ага-Юнус умоляет — не езжай!
Подлость удальца игида ославит,
Сомнет, опрокинет — широкий мир тесным сделает.
Вот мой совет — не езжай, Гёр-оглы!

1018. Сказала она эти слова, и Гёр-оглы ответил:

— Ах, не могу я не ехать, не могу остаться!

Стремительно встал он, взял седло, сбрую коня и пошел к Гыр-ату. Но где же тут старуха? Ускакала уже. «Коварная старуха! Уехала, и ладно! Еще посмотрим, не смогу ли я тебя догнать». Немедля он оседлал коня, нашел след тулпара и хлестнул коня плетью. «У бесноватого нет рассудка», — говорят: много дней Гыр-ата держали на привязи и [обильно] кормили. [Теперь] крупными хлопьями падала пена с него. Пена отошла, сменилась горьким потом. [С трудом] тянет канат дороги Гыр-ат. «Вот-вот догоню», — [думает Гёр-оглы]. Но где там догнать! Все меньше становилось следов тулпара.

Слово лучше краткое. Через полтора дня пути заметил он [следы тулпара], шедшие с холма в низину.

1019. Старуха приехала к Харман-Дяли на полтора дня раньше [Гёр-оглы]. Приветствовали они друг друга и сели.

— Ну, милая бабушка, благополучно ли вернулась?

— Вернулась, дитя мое!

— Не привезла?

— Сам едет.

— Когда приедет?

— Сегодня он еще будет в пути, а завтра к полудню приедет.

— Ты видела его своими глазами?

— Да я его еще здесь видела с помощью ворожбы. Пожалуй, один у него недостаток — с домашними советуется он.

Старухе хотелось испросить разрешение и уехать до того, как приедет Гёр-оглы.

— Харман-Дяли, коли дозволишь, уеду я.

— Нет, милая бабушка, тебе нельзя уезжать.

— Почему нельзя?

— Ты говоришь, он отважный молодец, удалой игид, говоришь, что он не встречал нигде отпора. И я обильно ела-пила, и мне удали не занимать, нигде не встречаю я отпора. Хорошо, коли после его приезда сговоримся мы с ним. А поссоримся — ты, старый человек, нужна будешь, чтобы уговорить, помирить нас.

1020. Старуха уже получила с Гёр-оглы, что ей следовало. И с Харман-Дяли получила. Поняла она, что больше ей не дадут. Да и Гёр-оглы немного побаивалась она.

— Харман-Дяли, дитя мое! Ты велела мне найти возлюбленного для тебя. Я нашла. Велела разузнать о нем — разузнала. Сказала привести, и я, даром что стара, привела его. А теперь как хочешь, так и води себя с ним. Не брать же мне тебя за ручку и не укладывать под него. . .

— Милая бабушка! Ты закончила свое дело. Ступай с богом!

Получила старуха дозволение у Харман-Дяли и уехала.

Назавтра, в день, когда должен был приехать Гёр-оглы, Харман подмела вокруг пруда, поставила девятикрылую белую кибитку⁶, расстелила [ковровую] дорожку на расстояние, откуда слышен голос, разложила кошмы вокруг кибитки, призвала к себе служанку и, взяв в руки обоюдоострый кинжал, [стала ждать], глядя на дорогу, по которой должен был приехать Гёр-оглы.

1021. Настало новое утро, высоко поднялось солнце. В стороне кыблы был высокий холм. Пустил коня Гёр-оглы и выехал на холм. По ту сторону [холма] увидел он кибитку, словно белый купол. А у кибитки две фигуры — красные, как гребень у петуха.

«Старуха говорила об одной, а их двое оказалось. Они же меня ждут, высматривают. Медленно я еду, оказывается», — подумал [Гёр-оглы] и, натянув поводья, пустил коня вниз.

Нрав туркмен тебе известен: едет он на коне, хлещет плетью — во все стороны разлетаются дорожки из-под копыт Гыр-ата, летят, как бумажные змеи. Увидела [Харман-Дяли], как скачет он, и сказала служанке:

— Не годится он в мужья. Если двое приветствуют его, третьему он на привет уж и не отвечает, [возгордясь]. Даже если я пойду за него, он убьет меня.

1022. Харман-Дяли думала, что он медленно спустится с холма в низину, проедет по дорожке осторожно. Спешится и сядет. Так думала она. Но он все сделал совсем по-другому. Не меняя хода коня, подъехал Гёр-оглы к ним и натянул поводья, желая остановить коня. Но разгоряченный конь не дал себя удержатъ, проскакал мимо них, обошел пруд. С трудом удалось Гёр-оглы остановить коня перед ними.

Кровь лилась [когда-то] на этом месте. Да и вид девушки подавлял Гёр-оглы. Пот катился с его лица.

Бросил он поводья на луку седла, ловко взял из-за спины саз и обратился к Харман-Дяли с песней. И та запела, отвечая ему.

1023. Г ё р - о г л ы .

О вы, стоящие у пруда,
Жемаиница моя, подай воды напиться!
В беседе умные речи ведущая,
Девушка молодая, подай воды напиться!

Х а р м а н - Д я л и .

Нет удобства [пить] у пруда.
Сойди с коня, сам испей воды!
Любой лис-шакал львом не станет.
Сойди с коня, сам испей воды!

Г ё р - о г л ы .

Горный проход я сторожил,
Оттуда стрелял я по врагу.

Такую, как ты, жеманницу я искал.
Жеманница моя, подай воды напиться!

Харман - Дяли. Чужаку я не подам воды.
Много на свете таких, как ты.
Родом ты из туркмен, подлец!
Сойди с коня, сам испей воды.

Гёр - оглы. В ваших огромных, бесчисленных ордах,
В вашем ауле я хочу погостить.
[Как] сирота, хочу [служить] я у отца твоего.
Жеманница моя, подай воды напиться!

Харман - Дяли. Нет у меня огромных, бесчисленных орд.
Чтобы погостить тебе, нет аула у меня.
Я сирота, нет у меня отца.
Сойди с коня, сам испей воды.

Гёр - оглы. Не перевалить мне высоких гор.
Вижу врага, а неистовство не приходит.
Болен я, с коня мне не сойти.
Жеманница моя, подай воды напиться!

Харман - Дяли. Кто влюблен, тот многое преодолает,
Милую за талию обнимет, к губам прильнет,
А тот, кто болен, дома лежит!
Сойди с коня, сам испей воды.

Гёр - оглы. Привольно [по свету] ходил Гёр-оглы.
Хотел бы насытиться я, лобзая губы твои,
Жеманная подруга! Отговорок не ищи.
Жеманница моя, подай воды напиться!

Харман - Дяли. Меня зовут Харман-Дяли.
Вырвут оба глаза твои!
Сырым съедят мясо твое!
Поверни коня и беги!

1024. Сказала она эти слова, и Гёр-оглы остался побежденным. «Обычно я убивала всех, кого побеждала. Но его не убью — я его сама пригласила, окажу ему милость как гостю. Он побежден и [теперь] сам уедет», — подумала Харман-Дяли и ушла к себе.

А Гёр-оглы глядел ей вслед. «В такую даль послала человека, чтобы привел меня, а сама и не спросит, приехал ли я, уехал ли. . . С коня сой- дешь, никто не примет коня. Ушла она, выказав пренебрежение мне. . .» —

подумал он и, припнувшись, пустил коня — грудью коня задел идущую, не ведая ни о чем, девушку и проскакал вперед. От удара пролетела она кувырком десять-пятнадцать шагов и упала на землю. Один бархатный ее башмачок остался на ноге, другой перелетел через голову. Золотой султан с ее головы полетел прочь. Платье ее завернулось на спину. Сами знаете, как лежала она.

Харман-Джали торопливо поднялась и гневно посмотрела в сторону Гёр-оглы. А тот подумал: «Да она посмотрела на меня взглядом влюбленной!» Девушка между тем подошла [к нему], а была она одного роста с конем в восемнадцать аршин. Сняла она с коня Гёр-оглы как мальчишку. Вот-вот ударит его оземь. [Но] Гёр-оглы слабость свою не выказал.

— Мы удивлялись, когда слышали, что Харман-Джали будто бы валит людей. Но коли повиснуть на всаднике, то его и ребенок свалит, и собака. Разве ж это называется «свалить»? — [укорял он ее].

«О Аллах, да он красиво говорит. . .» — подумала Харман-Джали и опустила его на землю. Схватились они и стали бороться. Харман-Джали подняла его вверх и снова приготовилась ударить его оземь.

1025. — Харман-Джали! Твоей спины коснулась моя спина — на этот раз у нас ничья!

«О Аллах, сделаю-ка я так, чтоб не мог он найти отговорок», — подумала она и вновь опустила его на землю. Схватила его крепко за бока, покрутила над головой и ударила его о мраморное сыпа. А сама уселась на него — словно верблюд опустился. Руки Гёр-оглы она придавила коленями. Вынула из ножен обоюдоострый кинжал и приставила его к горлу [Гёр-оглы]. Видит тот: приближается кинжал к его горлу. Дорогая ведь штука душа, тяжело умирать. Собрал он всю свою силу и напер на нее, как трехгодовалый бычок. Та хочет приставить кинжал к горлу, а он не дает. Покуда так лежали они и боролись, Гёр-оглы то плакал, то смеялся.

— Я убить тебя собираюсь. Объясни причину своего смеха и плача!

1026. — Коли сказать причину плача, [так вот]: было у меня два ученика — Мирим и Камбар. Не получили они моего благословения. Коли здесь придет мой смертный час и умру я от твоей руки, не достигнут они цели. Из-за этого я плакал. А о причине смеха. . . Поддай-ка ты мне саз!

— Иди принеси дутар из моей комнаты! — приказала она служанке. Служанка принесла дутар.

— Ну, пой!

— Да будет благословенна твоя голова! Ты уселась на меня, словно беременная верблюдица. Отодвинься немного, чтоб просторней было груди моей, [тогда] спок.

Сказал тот «отодвинься немного», она и отодвинулась.

— Еще подальше.

Она еще отодвинулась.

— Еще немного отодвинься, — попросил он.

— Ты своими «отодвинься немного» да «отодвинься немного» хочешь передвинуть [меня] туда, куда тебе надо. А ну, говори немедленно!
[Вот и] запел он, лежа под Харман-Дяли:

1027. На вершинах гор седых
Валы снега видны.
Этому безумному сердцу моему
Черноокая подруга видна.

Я пришел, горы перевалив,
С любимой подругою повстречался.
Милая! На груди твоей пара
Гранатов, которых рука не касалась, видна.

Исполнить бы мне советы подруги моей,
Лобзать бы сахарные уста твои.
Распусти золотые завязки на груди своей —
[Там] богатое сокровище видно. . .

Подведены брови у нее,
Зубы во рту, [изящном], как фисташка, у нее,
Восемнадцать прядей-косичек у нее.
Черные локоны ее змеями кажутся.

Гёр-оглы говорит: и я человек.
Не унывая, в тленном мире этом я живу.
Терплю [все] муки-страдания, причиняемые тобой.
Просторный этот мир тесным я вижу.

1028. После этих слов его: «Погибель ты видишь! . .» — сказала она и уперла кивжал ему в горло. Но теперь [и он] перевел дух. Уперся он обоими локтями в землю, а коленями стал приподнимать ее вверх то на гез, то на полтора геза. Так и подбрасывал он девушку.

Харман-Дяли прежде не приходилось видеть такой борьбы. Девушка упитанная, полная, вспотела она, затем пот прошел, а шелковое платье плотно облепило ее тело. Все на виду — и выпуклости и впадины четко обрисовались. То в одну сторону, то в другую сползало ее платье, и оборвались золотые пуговицы на воротах — спало платье с плеч. Открылась грудь — перси [девушки словно] играют. . .

Сердце заохлонуло у него и, желая схватить ее за грудь, он, как беркут, протянул пятерню. Но гладкое тело [у девушки], упругие груди ее, словно рыба, выскользнули из его рук. . . «Схватишь женщину за волосы — лишишься воли она», — вспомнил он и протянул руку к ее волосам. Но девушка поняла все. Встряхнула она головой и все восемнадцать прядей-косичек откинула назад. Сидела она, похожая на ловчую птицу.

1029. Так и лежал Гёр-оглы, пытаясь схватить ее за грудь, тиская ее бедра. Наугад рыскали его руки, и случайно палец его коснулся укромного места. За [все] шестнадцать-семнадцать лет и блоха не кусала тела девушки — потрясенная и возбужденная, отскочила она в сторону. Вскочил и Гёр-оглы, подумав: «Давно бы нужно было тронуть это место».

Прикрылась девушка рукой — смущенная, бледная, вся в поту.

— Гёр-оглы! Расскажи мне снова, почему ты смеялся и плакал? — потребовала она.

— Можно и рассказать, коли будет дутар у меня в руках.

1030. Сказать [тебе] хочу, жеманная подруга!

Еще и еще раз сказать я хочу.

О милая, позволь поцеловать уста твои. . .

Насытиться бы мне, лобзая уста твои.

Ветки свои склонила роза,

Блаженство возлюбленный подарил.

Случайно коснулась моя рука —

Погрузилась в море-океан. . .

Тот, кто влюблен, вина испил,

Удальцу игиду путь открыл.

Палец мой сгорел, ошпарен, —

Погрузился в море-океан.

Имя мое Гёр-оглы.

Да услышит бог мои мольбы.

Самое дорогое мне у тебя

Увидел я в море-океане. . .

1031. На эти слова его ответила [Харман-Дяли]:

— Хотела я убить тебя, Гёр-оглы. Но ступай, дарю тебе жизнь!

— Тогда я готов тебе служить, гулдук! — сказал он и основательно уселся, скрестив ноги. Харман-Дяли надеялась, что он скажет «гулдук» и поедет своей дорогой. А он, выразив готовность служить, не уходил.

— Видно, проголодался он. Ступай вынести дастархан, — велела она своей служанке.

Служанка принесла груды катлама, кульче и положила перед ним. Гёр-оглы жадно ел, складывая лепешки пополам или вчетверо. Ел и приговаривал: «Эй, и коню травки подбросьте!» И коню подбрасывали травы. Конь травы поел, и сам Гёр-оглы брюхо набил. Сидит, поглядывает (по сторонам).

— Гёр-оглы! Коли набил ты себе брюхо, мог бы и двинуться назад.

А тот и не спросит, кому говорят, сидит, будто глухой, делает вид, что не слышит.

— Ты что, уж не глухой ли?

— Что ты заладила: «Встань да поезжай!» Разве ж я для того преодолел трехмесячный путь на коне, чтобы только коснуться тебя на сыпа? Давай уж доведи дело до конца. . .

— Пусть ты приехал. Но ведь состязались мы в пении, и я победила, состязались в борьбе, и я уложила тебя. А потом жизнь тебе сохранила!

— За то, что жизнь мне сохранила, я готов тебе служить. Все же ведь. . .

— Гёр-оглы, есть у меня слово к тебе.

— Да будет слово твоё приятным!

1032. — На этот раз ты уезжай. Давеча в разговоре ты упомянул двух своих учеников — Мирима и Камбара. Я ведь дарю тебе жизнь не из жалости, а ради тех твоих учеников. Поезжай и привези их. Коли понравится кто-нибудь из них, выйду за него замуж.

— Ну и слово ты сказала! Какая мне польза от того, что ты выйдешь за моего ученика?

— Тогда еще одно слово.

— Лишь бы не было оно похоже на сказанное!

— На этот раз ты уезжай. А коли услышишь через год, через два, коли услышишь когда-нибудь, что Харман-Дяли вышла замуж, приезжай. Ночь одну исправно послужу тебе.

— Харман-Дяли, это чудесно. Но это когда еще будет. . . Говорят: «Чем курдюк завтра, лучше потроха сегодня». Разреши поцеловать тебя в шейку разочка два за то, что конь вспотел. Потом уеду.

— А ну, вставай! Я пообещала — и все! Не то убью!

1033. Делать нечего — пришлось [Гёр-оглы] сесть на коня. Скупая Харман-Дяли пожалела дать ему даже два поцелуя. Уехал Гёр-оглы. Сам знаешь, как скачет человек, уезжающий из такого места. . . Погонял он коня и не заметил, как доехал до Чандыбия. А когда показалась крепость, вспомнил он об Ашик-Айдыне, о котором говорила ему Ага-Юнус: «Пери мне говорила про город Бостан, а я и забыл. Но не возвращаться же мне. . . Говорят: „Враг удалыца игида — жена его“. Лучше скрою я от нее». Пустил он коня прямо и подъехал, стреляя из винтовки вверх. Привязал коня и явился к Ага-Юнус.

— Гёр-оглы! Вернулся живым-здоровым?

— Вернулся.

— Чего же ты добился?

— Добился я всего, Ага-Юнус!

— Расскажи, послушаем.

— Вот чего я добился!. . . — ответил он и запел.

Посмотрим, правду он расскажет или выдумку.

1034. Отсюда приехал я в [страну] Румистан,

Высокие горы перевалил и вернулся.

Никто не спасется от рук моих,

Окрыленный, я вернулся.

Подругу нашел я в стране Рум.
Тонкую талию ее я обнял.
Белой рукой подала она пиалу,
Розового вина испил я — и вернулся.

Пришел я к подруге, предстал перед ней,
Блаженствовал с ней, наслаждался.
Увидел я девушку Харман-Дяли.
Отрекся от [земных] богатств и вернулся.

Назвать ее имя — Харман-Дяли.
Каждое слово ее — бальзам от недуга.
Нет сожалений у Гёр-оглы,
Дорогу в рай он узнал — и вернулся.

1035. Так он спел, а Ага-Юнус, глядя на ногги, видела все, что с ним случилось.

— Гёр-оглы! Ты говоришь: «Дорогу в рай узнал и вернулся. . . Поцелуй получил, [красавицу] обнял и вернулся. . .» Чем так говорить, лучше сказал бы: «Победила женщина меня, я удрал — и вернулся!»

Гёр-оглы сидел опустив голову.

— Гёр-оглы! Не смущайся, не гляди в землю. Человек бы тебя не свалил. Видно, конь тебя подвел или оружие тебе изменило. В чем-то оплошность ты допустил, — посмеялась она над Гёр-оглы и спела:

1036. Игид, что в поход ходил, не солжет.
Конь твой больным, сам ты раненым вернулся.
Друг от друга не скроет ничего.
Конь твой больным, сам ты раненым вернулся.

В походе ты высокие горы перевалил.
Увидел ее и ума-рассудка лишился,
Женщина подмяла тебя под себя.
Конь твой больным, сам ты раненым вернулся.

Словно река разлилась — так бушевал ты,
Увидел ее — и голову потерял, богатство забыл.
Поздравляю тебя, хитро удрал ты [от нее].
Конь твой больным, сам ты раненым вернулся.

Не послушался ты наставлений пери,
Из Чандыбиля в город Бостан не поехал,
Дозволения пира Ашик-Айдына не получил.
Конь твой больным, сам ты раненым вернулся. . .

1037. После ее песни он ответил:

— Эх, Ага-Юнус! Той девушке, видно, не по душе такой удалой, дерзкий игид, как я. Сказал я ей, что есть у меня два ученика — Мирим и Камбар. «Приведи их! Понравится один из них — выйду за него замуж», — ответила она.

Ворча, Гёр-оглы ушел от Ага-Юнус. Отправился в мейхану. Провел там пять-десять дней, отдохнул, но сердце его не успокоилось. Хочется взять ему учеников своих и снова отправиться в путь. В один из дней призвал он своих учеников.

— Мирим и Камбар! Намедни, когда я возвращался из Рума сюда, встретилось мне в пути место, изобилующее дичью, куланами, плодами. А что, если мы втроем тайком от игидов поедем туда, поохотимся там месяц — сорок дней, проведем время в свое удовольствие?

Разве же могут они перечить Гёр-оглы!

— Решай сам, ага! — ответили те.

Взял Гёр-оглы своих учеников — Мирима и Камбара — и исчез — снова поехал он к Харман-Дяли. [Вот] вывез он юношей в поле.

— О Гёр-оглы! Где то место с дичью, с куланами, о котором ты говорил?

— Вот за тем хребтом.

1038. Приезжают туда, он снова говорит: «Там». Приезжают и туда — он снова указывает новое место. Так он все обманывал их, пока не подъехали к пределам сада Харман-Дяли. В стороне сада, обращенной к кыбле, был большой ильм. Приехали сюда и остановились лагерем под этим деревом. Чай пили, кальян курили. Мирим был сдержанный парнишка, а Камбар — простоват. «Пошлю-ка я сперва Камбара в сад. Как получится?» — решил Гёр-оглы.

— Эй, Камбар-джан! Сходи-ка в сад, отведай разных плодов, да и нам принеси.

— Хорошо, добро! — [ответил] Камбар и вошел в сад.

Видит: вся земля усеяна зрелыми плодами; за батман яблок, инжира и пес пятака не даст. Поел он немного и стал собирать. А у Харман-Дяли было триста шестьдесят служанок, которые охраняли сад. Глядят они: по саду юноша бродит, плоды ест, ветви ломает, будто у себя в саду. Служанки кинулись к нему. Посмотрел тот — а к нему приближается толпа девушек, словно волков стая. Бросился он в сторону ворот, через которые вошел в сад, но не добежал, схватили [девушки] его. Дергая и толкая, привели его к Харман-Дяли.

1039. — О биби-джан, нашли мы в твоём саду озорника!

— Эй, юноша! Уж очень ты побледнел! Кто ты — поэт, бахши или ашуг *? Расскажи о себе!

Камбар подумал: «Господин мой отправился к девушке Харман-Дяли. Видно, это она и есть! Скажу, что я ашуг. А там будь что будет».

— Биби-джан! Я бродячий ашуг.

— Коли ашуг ты, должен быть саз у тебя. Ну-ка, исполни для нас песню! Послушаем, какой у тебя голос.

— Так слушай, биби-джан! — ответил он и спел.

1040. Поклоняюсь я тебе, розоликая дева!
Блаженство вкусить с тобой я пришел.
Разноцветные розы, что распустились в твоём саду.
Розы срывать, садовником быть я пришел.

На просторах милой гулять я хочу,
Страстно влюбленных девушек воспеть я хочу,
Твои губы — сливки, твои уста — мед.
Коли позволишь — лобзать твои уста я пришел.

Глаза твои — душегубы, твои брови — лук.
Кто увидит тебя — лишится покоя,
Ты хаяша, султанша трехсот шестидесяти девушек.
Вечно быть в услужении у тебя я пришел.

Ашуг Камбар, в сад любимой бы мне войти.
Букет связать, свежих роз нарвать
Блаженство, наслаждение с тобою вкусить.
Чтобы в объятия твои войти, я пришел

1041. Когда он спел эту песню, Харман-Дяли повелела:

— Эй, служанки, у этого юноши душа гордая, сердце у него волнуется. Возьмите и отведите его в дом — пусть там полежит.

Отвели Камбара и заперли в комнате.

О ком рассказ? — О Гёр-оглы. Забеспокоился он, все смотрит на дорогу. Пора бы юноше возвратиться, а его все нет. Тогда велел он другому своему ученику:

— Эй, Мирим! Этот зангар не вернулся! Видно, набил брюхо плодами и заснул в густой тени. Сходи-ка за ним и [плодов] собери, принеси.

1042. Послал он и этого ученика. Вошел Мирим в сад и тоже увидел всевозможные спелые плоды. Повсюду в арыках текла вода. Удоды канавки рыли, кукушки пускали воду, лягушки делили ее⁷. Под лучами солнца играли краски цветов; [казалось], они добавляли яркости солнцу — изумительный это был цветник. Гулял он по саду, ел и собирал [плоды] понемногу. [Повадку] трусливого человека сам знаешь. Он ходил и все озирался вокруг, как бы думая: «Эх, не простой ведь ты, сад, не сам же ты вырос. Хорошо, коли беды не случится. . .» О ком рассказ? — О служанках.

Заперли они Камбара, вышли на прогулку — а в саду еще один юноша бродит. Разошлись служанки и с места кинулись к Мириму. Заметил их Мирим и припустил в сторону ворот. Те за ним. Служанки эти летом ходили в одних рубашках. Заткнули они полы рубашек за пояс, вот-вот догонят Мирима, волосы по ветру развеваются. То туда, то сюда бросается он. Да разве же это мало — триста шестьдесят служанок? Куда бы ни кинулся он — тут и они. До ворот не добежал он, схватили они его. Служанки откормленные, буйные. И псу твоему не дай бог оказаться среди

них. . . Дергали, толкали они его, ухватили они его все разом и на руках притащили к Харман-Дяли.

1043. Биби-джан! Еще одного юношу поймали мы в твоём саду. В саду твоём юноши растут, биби-джан.

— Рассказывай, парень! Кто ты — бахши, поэт или ашуг?

— Я ашуг.

— Коли ашуг, и ты исполни одну песню. Тут давеча приходил один из ваших, услаждал [нас] пением своим.

Мирым спел, обращаясь к Харман-Дяли:

1044. Гуляючи, вошел я в сад.

Вьются дорожки — они для того, чтобы ходить.

[Влюбленным] соловьем сюда я залетел.

Страстно влюбленные соловьи здесь летают.

Пойдем же, о пери моя, в дом.

На голове твоей золотой убор.

Давай погуляем в этом саду.

Вьются дорожки — они для того, чтобы ходить.

Тот, кто влюблен, не сводит с тебя глаз,

Душу радует каждое слово твое,

Возлюбленная, грудь моя — сплошная рана.

Лекарство нужно, чтобы ее излечить.

Мирым говорит: не насытится мой взор,

Златотканые одежды тебе к лицу.

Истинно влюбленные жаждут на тебя взглянуть.

Я влюблен, возлюбленная [меня] ждет.

1045. Сказал он эти слова, и Харман-Дяли спросила:

— Эй, служанки, давно ли не убивала я человека, давно ли не проливали человеческой крови?

— Давно, биби-джан.

— Выходит, коли не буду я убивать человека каждую неделю, каждый месяц, любой вислonoгий бродяга готов будет задеть меня! Выводите и того, кого вы заперли в комнате. Бейте обоих, кончайте быстрее!

Вывели из дома Камбара, и обоих потащили к месту казни. [А] Мирым парень умный. Почуял он неладное.

1046. — Эй, служанки! Погодите малость. Есть у меня слово к вашей госпоже. [Позвольте] высказать ей [его].

Сказал он «есть у меня слово», и они повернули обратно, привели [их] назад. Увидала их Харман-Дяли и спросила:

— Вы все еще их не убили?

— Биби-джан, он сказал, что есть у него слово к тебе. Потому мы и привели [их назад].

— Коли есть слово, пусть говорит!
И Мирим, рыдая, сказал свое слово:

1047. Коварная судьба завлекла [нас] сюда.
Сегодня дайте мне свободу, о пери!
Что сделал я, чем накликал беду?
Сегодня дайте мне свободу, о пери!

Не клеветите [на меня], не связывайте рук моих,
Не сжигайте мне сердца огнем разлуки.
Не гневайтесь, не замышляйте казнь мою.
Сегодня дайте мне свободу, о пери!

Мирим говорит, да услышит Истина мольбу мою.
Помяну Шахимердана, покровителя моего.
Придет бек Гёр-оглы, всех вас перебьет.
Сейчас же дайте мне свободу, о пери!

1048. В конце песни было упомянуто имя Гёр-оглы.
— Эй, служанки, отойдите от него! — приказала Харман-Дяли.
Те отошли.
— Юноша, ты вот сказал «Гёр-оглы». Где ты видел его?
— Биби-джан, ну что ты твердишь: «Где видел»? Да мы ведь два
ученика Гёр-оглы — Мирим и Камбар.
— Давеча, когда приезжал, говорил он, что есть у него два ученика —
Мирим и Камбар. Так это вы?
— Да, да, биби-джан, — с готовностью [подтвердили] они.
— Коли вы это, я дарю вам жизнь!
— Биби-джан, за то, что даровала жизнь, готовы мы служить тебе!
Коль спросит Гёр-оглы, что ему передать? — спросил Мирим.
— А где Гёр-оглы?
В той стороне сада, что к кыбле обращена, под ильмом.
— Он там сидит?
— Да, сидит.
— Тогда, как вернетесь, сейчас же и отправляйтесь [ко мне]! А за-
мешкаетесь — пошлю людей, всех троих вас убью.

1049. Вернулись они. О ком рассказ? — О Гёр-оглы.
То сядет, то встанет, с дороги глаз не сводит: «Все не идут», — твер-
дит [про себя]. Понимает он: что-то задерживает их. «[Но] это хорошо,
что посланные парни задержались. Может, и за мной пошлют человека и
меня пригласят», — подумал он. А там и двое парней вышли из сада. Ис-
страдались парни, пожелтели. Заметил он их и сказал: «Как-то странно
зангара эти идут. . .» Поспешил он им навстречу и сказал: «Что же вы,
не можете на ходу рассказывать? Сказала ли она «пусть придет Гёр-оглы»?»
— Сказала, что хочет убить человека. «Всех троих вас убью», —
сказала. Хочешь — поезжай.

Он просидел в думах целый час. «О Аллах, и на этот раз не повезло мне. Сейчас не вышло. Поеду-ка я служить к старцу Ашик-Айдыну, послужу месяц — сорок дней, получу его благословение и вернусь. [Вот тогда] я уж наверняка одолею эту девушку и утешу себя!»

1050. Ваял [Гёр-оглы] учеников и направился прямо к Ашик-Айдыну. Приехал он в город Бостан и остановился у одного бая. Провел у него ночь, а на следующий день попросил:

— О бай-ага! Я иду служить к старцу Ашик-Айдыну. Покуда не вернусь, поухаживай за тремя конями и двумя парнями! — [так] сказал он и дал ему десять золотых.

— О добрый молодец, денег мог бы и не давать — все равно присмотрел бы я.

— Ну, так это на корм коням.

1051. Оставил он здесь учеников и коней и пешком отправился к Ашик-Айдыну. Идет словно умалишенный, словно бесноватый и кричит во все горло: «Эй, где крепость Ашик-Айдына?!»

В [тех] краях было две кибитки. Передняя была новая, задняя — старая. В тени у новой кибитки сидели, беседуя, три-четыре человека. Подошел он к ним. Без поклона, без приветствия.

— Где крепость Ашик-Айдына, где его орда?

— Ай, да вот задняя кибитка — это как раз Ашик-Айдына.

— А сам он в аламан ушел? Куда уехал?

— Ты, видно, ума лишился, добрый молодец! Да разве старцы ходят в аламан?

— Тогда куда же он уехал?

А двери кибитки открыты.

— На почетном месте в кибитке сидит старик в желтой чалме и желтом халате. Он самый и есть Ашик-Айдын.

— Да оставьте! Скажите [лучше], что это его нижудышный сопн, что охраняет дом.

— Он и есть пир Ашик-Айдын, добрый молодец. А уж веришь нам или не веришь, того мы не знаем.

— Так это он — наш прекрасный пир Ашик-Айдын?

— Да, он.

— Но какой же из него старец?

— А какими же бывают старцы?

— Игиды! Хоть и не довелось мне увидеть, но слышать-то я слышал. Чалма должна быть у него с колесом хивинской арбы. И в заведении у него должны готовы быть кабла, шохле, яхна. А у него же ничего нет!

— Эй, добрый молодец, а ты знаешь, кто там внутри?

— Вот это вы верно сказали. Лучше пойду и задам ему пять-шесть вопросов. Коли ответит на мои вопросы — пир он, а нет — так не удержит он меня!

1052. Бросился он к Ашик-Айдыну. Еще не добежал он, как закричал:

— Эй, пир-ага! Ты дома? Коли дома, салам-алейкум!

Ашик-Айдын подумал: «Идет какой-то сумасшедший, бесноватый. . .»

Подошел Гёр-оглы к двери и, не входя, приветствовал:

— Пир-ага! Салам-алейкум!

— Приветствую тебя, добрый молодец!

— Пир-ага! Я пришел к тебе спросить у тебя ответ на один вопрос.

Он все повторял «пир-ага».

— Спрашивай, коли есть что спросить, добрый молодец.

Этот спрашивал стоя у кибитки, а тот отвечал из кибитки, так и пели они вместе.

1053. [Гёр-оглы.] У пяти вещей, что ниспосланы свыше,
Что есть начало начал?
У четырех из них есть уста, а одна без уст.
Что за перья на голове у нее?

[Ашик-Айдын.] У пяти вещей, что ниспосланы свыше,
Начало начал есть «бисмилла».⁸
Одна из четырех книг — это Киббир (?)⁹,
А перо то — перо Джебраила*.

[Гёр-оглы.] По пять и пять высока мечеть.
Что есть михраб мечети?
Птицу, в нем находящуюся,
Как зовут, каков ее корм?

[Ашик-Айдын.] По пять и пять высока мечеть.
Один у мечети михраб.
Птицу, в нем находящуюся,
Голубем зовут, свет — корм ее.

[Гёр-оглы.] Кто это, что сидит в глубине?
Кто знания разпосит по земле?
Где сорок чильтенов собираются,
Чье красноречие выше?

[Ашик-Айдын.] Дервиши сидят в глубине дома.
Знания они разносят по земле.
Где сорок чильтенов собираются,
Там милость Истины превыше [всего]¹⁰.

[Гёр-оглы.] Кто это, что [не] родился от матери
И браком с отцом сочетался своим?
Ровшен говорит: Ашик-Айдын,
Кто [этот] муж и кто [его] жена?

[Ашик-Айдын.] Айдын говорит: сторела моя душа,
Постоянства нет у этого мира.
Адам — прародитель для Евы —
И отец и муж.

1054. Кончили они петь, и Гёр-оглы остался побежденным. Подбежал он к старцу, бросился к его ногам, рыдая, стал кататься по земле.

— Ошибся я, дурно поступил, мой пир! Прости мне вину мою! Пир мой, я пришел к тебе, чтобы стать сопи *.

— О добрый молодец! Какой же из тебя сопи, а из меня — пир? Ступай ты себе подобру-поздорову! — ответил Айдын.

— Пир мой, хоть убей, я не уеду!

— О добрый молодец, ты не из тех, кто может умерщвлять плоть и стать сопи. [Слишком] пышная у тебя одежда и хитрые глаза. Тебе тесно будет в нашем заведении. С таким взором не усидишь ты спокойно. Уходи же, уходи!

— Пир мой, при чем здесь глаза мои, мои брови? Ты говори-ка об умерщвлении плоти моей, о том, как стать мне сопи. Коли [слишком] пышная у меня одежда, я согласен переодеться, как прикажешь.

1055. Айдын подумал: «Говорят: „Пришедшего прими, а не гони“. Аллах ведает, долго ли он проходит у меня в сопи, но пусть походит, сколько сможет».

— Ну, садись тогда, останешься [здесь]!

Сорвал он с Гёр-оглы все его царственные одежды, сунул их в мешок и надел на него желтый толстоватый халат, обул его в старенькие ичиги. На голову ему надел старую шапку, а вокруг обмотал ее пятью-шестью локтями бязи. Вот и получился среднего роста сопи, [совсем] как маслобойка.

— О сопи-джан, как тебя величать?

— Мое истинное имя Ровшен.

1056. У старца Айдына было триста шестьдесят сопи. С Ровшеном стало их триста шестьдесят один. Большим пиром был Ашик-Айдын. Что ни день, зовут его куда-нибудь, приглашают на угощение. К ханам, баям, вельможам приглашают его. Изредка зовут его и к беднякам — тем, кто позаможнее. У всех сопи дом близко, ходят они к себе домой, а у Ровшена где дом? Куда отправляется Ашик-Айдын, туда и он за ним. Куда ни придут, везде вкушает он разные яства — он ведь с пиром Ашик-Айдыном. Ест он все, что находят, и покуривает в сторонке, тайком от пира. Другие сопи встают в полночь, совершают омовение и занимаются молениями. А Ровшен набьет себе брюхо яхна или пловом, да еще и спелую дыню съест целиком, найдет в сторонке местечко и предастся сну. Встанет в полдень, на следующий день. От обилия харчей растолстел он, как маслобойка, как мешок он стал. [От безделья] не знает, к кому бы придраться.

1057. Однажды ночью увидел пир Ашик-Айдын сон: триста шестьдесят садов, в середине дворец, во дворце окно — в окне показалось лицо девушки. Слово луна выглянула из-за туч. Вздрыгнул он и проснулся. Видит — сон это. . . А было как раз время [утренней] молитвы. И сопи его собрались, совершили омовение, отправили общую молитву. А когда хотели разойтись, пир сказал:

— Эй, сопи! Погодите. Этой ночью видел я сон.

— Рассказывайте же, о пир, рассказывайте, да будет он пророческим ¹¹!

Иные сопи, что пожаднее, толковали [сон], связывая его с едой. Тогда пир Айдын взял в руки черный дутар и, обращаясь к сопи, рассказывал свой сон:

1058. Спал я этой ночью и увидел сон,
Некто с зеленым посохом в руках явился.
Поднялся я с места, бога помянув,
Некто с лучезарным лицом, с молитвой на устах явился.

Много сподвижников [пророка] приснилось мне —
Вот что увидел я в свои сто пятнадцать лет.
Пророк на голову мне надел свой венец,
Все с уборами на голове явились.

Наряженные красавицы собрались,
В золото они одеты, в украшениях [все],
Одна прелестница с локонами в завитках,
[Словно] блеск луны четырнадцатой ночи ¹², явилась.

Нет лжи в словах Ашик-Айдына.
Тайны мои открыты [для всех].
Может, не гурья это и не райский юноша —
Мне в сердце мечта о милой явилась.

1059. Сказал он эти слова, и сопи загалдели наперебой: «Ты угадал? Ты угадал?»

— Пир мой, я угадал, — сказал сопи особенно ретивый.

— Угадал, так рассказывай, сопи-джан!

— Коли говорить, мой пир, [так вот]: готовьте себе пару быков — станете вы большим землепашцем.

— Нет, это не то!

Выскочил еще один сопи и заявил:

— Верно, мой пир, он говорит. Коли после риса посеешь кунжут, то [верных] тысяча пятьсот батманов будет.

— Нет, и это не то.

Еще один сопи вылез:

— Пир мой, я угадал!

— Угадали, так говорите!

— Коли говорить, то завтра один бай, обуреваемый смирением, придет к вам, чтобы в сопи походить; пригонит жирный рогатый скот, откормленных баранов. Как пригонят, посчитаем и положим в котел. Вдоволь поедят сопи мяса, сала, о мой пир!

— Нет, и это не то!

1060. В общем, триста шестьдесят сопи болтали все, что приходило им в голову. А пир твердил: «Это не то!» Но сопи Ровшен ничего не ведал

об этих разговорах — он все спал в какой-то худжре. Пришел какой-то сопи и разбудил его:

— Сопи Ровшен, вставай.

— Что случилось? — (спросил Ровшен) и вскочил.

— Нынче твой пир сон видел. Никто из сопи не сумел его [растолковать]. Ты растолкуешь.

— Не замедлю, — ответил он.

[Гёр-оглы] быстро надел желтый халат, чалму, ичиги с кожаными калошами и поспешил туда. Давил, валил он тех сопи, что сидели у него на пути, и подошел к пиру.

1061. — Пир мой! Говорят, ты видел сон и никто из сопи не сумел его растолковать. Нужно было с утра найти меня и у меня спросить. Я растолкую его, пир мой!

— Можете, так говорите!

— Коли говорить, пир мой, вот уже месяц — сорок дней служу я у вас. Верно?

— Верно, служишь.

— Я всех твоих сопи узнал [за это время]. У тебя нет голодных сопи, все твои сопи богатые. У тебя нет таких сопи, которым было бы не по карману обзавестись оружием, конем. Так спешно погони их купить оружие и коней.

— Сопи Ровшен, а что с этим делать — с конями, оружием?

— Пир мой! Надо выбрать оружие [получше], и с тобой во главе поедем бить кызылбашей. Вот будет хорошо, как приведем их в страдания, пир мой!

— Сопи Ровшен, я думаю, что твое [толкование] даже близко не подходит!

— Почему же не подходит, о мой пир?

— Сопи Ровшен, я сразу подумал, что толку от тебя не будет. Умерь свой пыл. Ведь мне приснилась прелестная девушка!..

1062. — Пир мой, коли пойдем на кызылбашей, совершим набег, среди пленных будут и девушки и молодухи. На старости лет вы и выберете себе одну молоденькую. . . Насладитесь, полеживая рядом с ней. . . Вот оно и будет — девушка.

— Сопи Ровшен, мне это незнакомо — стрельба, набег.

— Пир мой, коли прежде ты не был знаком, так теперь узнаешь.

— Да нет, сопи Ровшен, уж я-то не поеду.

— Поедемте, пир мой!

— Нет!

— Не поедешь?

— Не поеду.

— Не поедешь?

— Не поеду!

1063. — Ну, коли не поедешь, да буду я жертвою твоим ичигам, калошам! . . — сказал [Гёр-оглы] и, схватив ичиги на носы, дернул их — носы оторвались, а голенища остались на ногах. Скинул желтый халат и

швырнул его [на землю]. И чалму выкинул из кибитки на улицу. Она кувыркалась, разматываясь; на прутьях возле кибитки остались висеть ее клочья — словно кладбище мучеников появилось здесь¹³. «Да буду я жертвою твоей! Коли ты не поедешь с нами в аламан, то не выйдет из тебя пира, а из меня мюрида», — сказал он, вынул из мешка свою прежнюю одежду, забрал оружие и, беснуясь, ушел.

Вернулся он к своим ученикам. Коня за это время разжирили.

— Мирим, Камбар! «Нет греха, коли заблудший найдет свой путь». Скачите в Чандыбиль, кони подтянутся в пути!

Они ускакали.

1064. О ком рассказ? — Об Ашик-Айдыне. Среди его сопи был один по имени Керем, по прозвищу Керем-Дяли. Больше других любил его пир. И сам он достиг уровня пира. Сон пира был ему известен, но он молчал, думая: «Пускай выскажутся остальные». Когда все сопи разошлись, он подошел к пиру.

— Пир мой! Давай-ка я растолкую сон, что ты видел. Да еще песней, музыкой! — сказал Керем и спел песню, в которой так он растолковал сон пира:

1065. Благословен, о учитель, твой сон.

Первым ведь был Адам-прародитель.

Поднялся ты, бога помянув,

А затем ведь пришел пророк святой.

Четверо, стоя пред тобой, обращались с вопросом [к тебе],

Руки сложив на груди, ты поклонился им.

Один из них поднял [чашу] с розовым вином.

Подавший вино был хазрет Али.

Красавицы собрались, на прогулку вышли.

Кокетливо поглядывают они вокруг. . .

На плечах у них хейкели.

Та, кого видел ты во сне, это Харман-Дяли. . .

Триста шестьдесят сопи не смогли истолковать этот сон,

Что знают они, коли Истина не обращает на них взор,

Кто служит пиру, не будет обойден.

Тот, кто рассказал это, — Керем-Дяли.

1066. После этих его слов Айдын промолвил:

— Молодец, Керем-джан! Да будут благословенны твои уста! Ведь это и есть мой сон! Хотя сто пятнадцать мне лет, в преклонном возрасте я, все же готов пострадать из-за этой девушки!

На следующий день обратился пир к другим сопи:

— О мои сопи! Дело оказалось у меня с Керем-джаном в таких-то краях. До моего возвращения всех вас отпускаю [по домам]!

1067. Отпустив сопи, взял он с собой Керем-джана и отправился на поиски страны Рум и дочери Арслан-бая Харман-Дяли.

Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. Приехали, прискакали они в страну Рум и раскинули лагерь на окраине сада Харман, что обращена была к кыбле, под тем самым ильмом, где сидел [когда-то] Гёр-оглы. Попили чаю, поели немного кулече, отдохнули.

— Эй, Керем-джан! Сходи-ка ты к девушке. [Посмотри], бесковата она или мудра. Различает она, кто побеждает и кто побеждаем бывает, иль просто беснуется она? В полдень к ней ступай! — велел он ему. А в полдень потому, что в это время спали ее служанки.

1068. У Ашик-Айдына был черный дутар, что испослан был ему свыше.

— Ты закинь дутар за спину, под халат, вдруг понадобится, — наказал он.

Керем закинул за спину дутар и двинулся в путь. В полдень вошел он в сад. Видит — удивительный цветник. [В разных местах] вокруг пруда служанки лежат, спят — словно тыквы на крыше амбара. Прошел Керем между ними и пошел дальше. Подошел к двери дворца — Харман-Дяли лежала навзничь на перине.

В дверях показался юноша с «френкскими» кудрями и приветствовал ее. Она приподнялась, опершись на локоть, и спросила:

— Ну, юноша, расскажи о себе!

— О биби-джан, я прохожий торговец. Пришел за огнем.

— Коли за огнем пришел, так огонь в очаге.

1069. При виде девушки смутился Керем. С лица его градом катился пот. Взял он две мягкие палочки — захватит ими огонь и поднимет, но палочки тут же сторают, и угли падают. Мешкал он, желая что-то сказать.

Между тем Харман-Дяли заметила под халатом [у Керема] дутар.

— О юноша! Да у тебя за спиной дутар — ты бахши, поэт иль ашуг?

— О биби-джан! Я все могу.

— Ну так возьми в руки саз и спой песню. Послушаем, как поешь, посмотрим — такой же, как те, что до тебя приходили, иль не похож на них.

— Биби-джан, я не знаю ни тех, что были раньше, ни тех, что потом будут! — ответил он и спел:

1070. Я — юноша, что пришел, услышав имя твое.

Чудесный юноша в сад на прогулку пришел.

Ты — шахиня. Снизойди к мольбе моей.

Чудесный юноша в сад на прогулку пришел.

Я ашуг. С сазом [в руках] пришел я к тебе.

С соколом на джейранов охотился я.

Помериться силой хочу я с девою Харман-Дяли.

Чудесный юноша в сад на прогулку пришел.

Битвы-сражения — занятия юности твоей,
Но минет пора, и странными покажутся эти дела,
В тридцать [лет] грустным будет положение твое.
Чудесный юноша в сад на прогулку пришел.

Настанет пора, и согбенным станет прямой твой стан.
Узрит [это] твой Араб, и уста умолкнут твои.
Учитель придет — так [пусть] по груди моей проляжет путь его.
Чудесный юноша в сад на прогулку пришел.

Ашуг Керем, слово хочу я сказать ей самой.
Да буду я жертвою глазам ее и бровям.
В дочь матери ее я влюблен.
Чудесный юноша в сад на прогулку пришел.

1071. Харман-Дяли слушала его и разгадывала смысл его слов.
«О Аллах, этот юноша, видно, хорошую школу прошел. Искусно преподносит он выдумки свои. Видно, рано или поздно соединит бог мою звезду с его звездой!» — размышляла Харман-Дяли, и юноша все больше нравился ей. «Этот юноша не говорит пустых слов. Все же придерусь к чему-нибудь, найду повод, чтобы помучить его, а затем отпущу. Чем-то все кончится? Шуму-то, видно, будет немало потом. [Как это] он в конце своей песни сказал — „В дочь матери ее я влюблен“».

Коли хочешь придраться, поводов много найдется. И это не пустые слова. Вскочила Харман-Дяли [и закричала]:

— Этот зангар задел меня, ну и пусть его. Но он задел и мою мать. Так ты говоришь: «Дочь ее, мать ее. . .»

Выхватила она у него дутар и разбила его вдребезги о его же спину, приговаривая: «Вот тебе дочь, вот тебе мать!»

1072. Собрал Керем куски дутара, сложил в свой платок и ушел, подумав: «О Аллах, я ведь ничего глупого ей не сказал, а она меня избила с таким ожесточением. Да разве же не мужчина я! Вернусь-ка назад да отчитаю ее как следует. Пусть она хоть умрет от разрыва сердца! А может, она погонится за мной и схватит меня? Ну и пусть погонится — я убегу», — думал он и, чтобы размять ноги, бегал взад и вперед, ловко прыгая через канавки. Затем подошел к дверям дворца Харман-Дяли и с дутаром в руках произнес несколько слов:

1073. Сломался мой дутар — ну и пусть,
Буду спрашивать [теперь] о разбитом сазе.
Завтра, когда придет учитель мой,
Возьмемся вместе за тебя!

Клятву свою нарушила ты,
Совесть-стыд потеряла ты.

Другом-помощником будет мне бог.
Коли Истина речью наделит — поговорим.

Даром слова ашуги наделены,
Глаза, как нарциссы, душу взяли мою. . .
Сто девушек — вот выкуп за дутар!
Придет наставник мой — поговорим!

Волю гневу своему не давай, Харман-Дяли!
Придет мой учитель, отомстит за меня.
За [мой] дутар пару гранатов твоих,
Как придет мой учитель, возьмем.

Ашуг Керем имя мое.
Пусть достигнут Истины стоны мои,
Ашик-Айдын учитель мой,
Приведу учителя, [тогда] поговорим!

1074. Кончил он петь и стоит, гордый, что песню спел. Харман-Дяли прикидывает, как схватить его, а тот обдумывает, как убежать. Прыгнула Харман-Дяли и очутилась за конем. Вскочил Керем за дверь и пропустил. «Стой», — закричала Харман-Дяли. Испугался [Керем], ноги у него отнялись, и, как бежал, так и упал. Та подбежала и подмяла его под себя. [Потом] взяла его под мышку и зашагала назад. Так несла она его под мышкой и, придя к себе, опустилась на перину в девять слоев, уселась, сложив ноги по-восточному. Керема она усадила себе на ноги, лицом к себе, словно грудью кормить его собралась. «Послушаю, что он скажет», — решила она.

1075. — Эй, парень, вот так сиди и спой одну песню. Хорошо споешь или плохо, умело или нет — все одно убью тебя!

Керем подумал: «Что это за разговор? Такого слышать не приходилось. Коли все одно мне умирать — хорошо ль спою, плохо ль, умело или нет, так лучше я умру, но спою: я же мужчина! О чем мне сожалеть, коли умру лишь после того, как спою свою песню, сидя на мягких коленях девушки Харман-Дяли». Он был опьянен мягкими бедрами, одурманен запахом мускуса, шафрана, прочих снадобий. Здесь он спел, уставив взгляд в подбородок девушки:

1076. Преклонюсь я пред тобой, о розоликая пери!
Скажу — ты убьешь, не скажу — сам умру. . .
Схватив, не клевети, не пугай меня!
Скажу — ты убьешь, не скажу — сам умру.

Всем телом и душой люблю я тебя.
[Может], страх перед людьми мешает тебе меня любить?
За китайские пальчики, за руки твои, окрашенные хной,
Возьму [тебя] — ты убьешь, не возьму — сам умру. . .

Забыл сегодня я и достоинство и честь,
Не страшусь я гнева твоего, виселицы твоей!
Пару гранатов, что созрели на белой твоей груди,
Возьму — ты убьешь, не возьму — сам умру. . .

Очертя голову, вступил я в игру,
Придет мой учитель, что-то навяжет тебе.
Апуг Керем, в объятия твои хочу войти.
Войду — ты убьешь, не войду — сам умру. . .

1077. Девушка была очарована его пением. В конце она не дала ему досказать «умру». . . обвила руками его шею и прильнула устами к его щеке. Тщился он выпростать свою голову, да не отпускает его девушка — страсть охватила ее. Подвернулась ей другая щека — и к ней прильнула она устами. . .

[Мало-помалу] успокоилась Харман-Дяди, ослабели у нее руки, ноги. Керем-джан высвободился из ее рук и удрал. Явился он к Ашик-Айдыну.

— Керем-джан, ты что, дракона встретил или льва повстречал? Что ты так бледен, лица на тебе нет?

— Пир мой! Не ведаю я ни о твоём драконе, ни о льве. Вот — сломала она твой дутар! — ответил [Керем] и бросил перед [пиром обломки дутара]. [И затем] подробно рассказал все, что случилось с ним.

— Керем! Выходит, та девушка бесновата, не мудра она. Приду я к ней, а она меня победит.

— О пир мой! Не отступай, боясь поражения. Она и дутар сломала, и [меня] избивала, измучила. Коли ты ей не отомстишь за меня, то ты мне не пир и я тебе не мюрид!

— Не волнуйся, Керем. Придется, видно, теперь показать этой девушке чудо!

— Пир мой, коли можешь ты когда-нибудь чудо сотворить, сделай это сегодня!

— Хорошо, добро, потерпи немного.

1078. Пир Ашик-Айдын накиннул себе на шею кушак и сел, обратившись лицом к кыбле, взывая к богу. Снова исправен стал тот его дутар, лучше прежнего стал. Исчез Ашик-Айдын с глаз, невидим стал для людей и всякой живой твари, стал невидим и Керем. Наигрывая тридцать две мелодии на один лад, прошли они мимо двери Харман-Дяди. Допеслись до слуха Харман-Дяди разнообразные звуки. Выбежала она на улицу, но не увидела ничего. В полдень вновь они прошли и в обед, в сумерках, поздним вечером, в полной тьме, в полночь и на рассвете, заполняя все окрест звонком.

Харман-Дяди охватил страх. «О Аллах, может, я задела ишана или святого? Разнообразные звуки доносятся до моих ушей, а глаза не видят ничего», — подумала она. В стороне кыблы была могила святого. «Схожу-ка

я на ту могилу, милостыню раздам, жертву принесу. Может, тогда станет поспокойнее. . .» — решила она. И это стало известно Ашик-Айдыну.

— О Керем! Та девушка завтра пойдет к могиле святого. Я спрячусь и яме возле кладбища, а ты прикрой меня чем-нибудь, землицей присыпь, чтоб на могилу было похоже, и сядь, прислонившись спиной. На обратном пути будет проходить она мимо тебя. «Что ты здесь делаешь, юноша?» — спросит она тебя. Тогда ты ответь ей: «Был у меня пир. Когда давеча был я у тебя, пришел его смертный час, скончался он. Не успел я получить у него благословения. Вот и сижу я у его могилы, ожидая благословения». Тогда она станет тебе угрожать, обхаживать тебя станет, спеть попросит. Но ты не издавай ни звука. Дальше уж я буду говорить.

1079. Выкопал Керем яму, и Ашик-Айдын забрался туда. Для того ему надо было забираться в «могилу», что хотел он разыграть воскресение из мертвых — выскочив из «могилы», хотел сбить с девушки спесь. Да и привычка у него была противника своего [по песенному состязанию] вынудить первым начать петь, а самому отвечать ему и [так] победить.

На следующий день Харман-Дяли погрузила на арбу пять-шесть овец. А у самой у нее был иноходец по кличке Сулхун-Дяли. Харман-Дяли и Сулхун-Дяли — созвучные имена ¹⁴.

Приехала она к могиле святого, зарезала баранов и устроила жертвоприношение. Возвращалась она назад через кладбище. Глядит: давешний юноша сидит, прислонившись к какой-то могиле. Она грозно подъехала к нему и высокомерно спросила:

— Что ты здесь делаешь, юноша?

1080. Он все сказал, как велел ему пир, — слово в слово.

— Эх, да ты, оказывается, глупый парень! Твой пир, когда был живым, давал благословение, как ему и мертвому то же делать?! А ну, быстрее собирайся, спой песню, спой!

Но Керем не слушал ее. [Видя, что] он не слушает ее, Харман-Дяли достала из-за спины золотой саз, положила его на грудь и обратилась к юноше с песней — она начала, а Ашик-Айдын подхватил ее:

1081. Почему не испугался ты имени моего?

Из каких мест ты, о юноша?

С наставником своим разлучен.

Пришел сегодня ты пощады просить?

При этих словах Ашик-Айдын как бы из «могилы» выскочил и ответил:

Сто тысяч мелодий предложили [мы тебе] —

Неужто ристалище показалось тебе пустым?

Ты избила [юношу], сломала дутар —

[Слишком] молодым юноша показался тебе?

[Харман-Дяли.] Уходи, дед, дорогой, которой пришел!

Ни вправо, ни влево не смотри!

Пришел ты [сюда] на верную смерть!
Откуда явился ты, одержимый?

[А ш и к - А й д ы н.] Взывая к Истине, восстал из могилы я.
[Еще] встретится тебе храбрец, и побежишь ты от него!
Коли спрашиваешь [мнение] старого пира —
Хорошенько деда узнай своего!

[Х а р м а н - Д я л и.] Не та у тебя стать, чтобы любовником быть.
Прольется на поле кровь твоя!
Не мешкая, душу твою заберу!
Быстрее молитву отходную читай!

[А ш и к - А й д ы н.] Истинный любовник верен слову своему.
В единоборство с тобою вступит он.
Много желаний у деда есть —
Грудь свою нынче ты покажи!

[Х а р м а н - Д я л и.] Уйди, дед, подальше, не болтай!
Не то коснется палка спины твоей!
Сам ты стар, и седа твоя борода.
Так не касайся словом груди моей.

[А ш и к - А й д ы н.] Желаю я милой [своей] достичь,
Схватить, [в руку] гранаты твои взять.
Понежиться [в постели твоей] дед пришел.
Скорей же води его в свой дом!

[Х а р м а н - Д я л и.] Сама я у девушек ханша.
Триста богатырей казнила я.
Может быть, видел ты Мустапу,
У ашугов султан ты.

[А ш и к - А й д ы н.] Не прячь за занавесом лицо свое.
Не смотрю я на девушек других.
Среди девушек главенствуешь ты.
Призови [к себе] сегодня мать свою.

[Х а р м а н - Д я л и.] Отступилась я, Харман-Дяли.
Лицо мое светлее, чем луна.
Все это от бога мне дано.
Любуйся нынче свежей красотой. . .

[А ш и к - А й д ы н.] У Ашик-Айдына труден путь.
Истинная вера — вера Мухаммеда.
Коли знаешь, так знай — это Ашик-Айдын.
Сердечно принимай гостя своего.

1082. Произнес он эти слова, и Харман-Дяли спешилась и склонила голову к ногам пира.

— Дурно я поступила, ошиблась я. . . Оказывается, [милость] пророка осенила вас. Садитесь на коней, поедомте во дворец!

Не успели они доехать до дворца, как им навстречу вышел отец ее, Арслан-бай. Увидал он, что его дочь ведет за собой седобородого [старца] и юношу, и схватил коня дочери за узду.

— О дитя мое Харман-Дяли! Что это за седобородый [старец], что следует за тобой? Безумец, юродивый он или знахарь? Не заболела ли ты?

— Нет, отец, он не безумец, не юродивый, не бесноватый. И не больная я, а он не знахарь. Давеча, как возвращалась я от могилы святого, мы состязались с ним в песнопении, и я была побеждена. Оказывается, [милостью] пророка он осенен. Вот и иду я, чтобы ему угождать.

1083. Стал озирается Арслан-бай, ища, чем бы ударить их. Давно уж предчувствовал он, что неистовство девушки рано или поздно принесет ей бестесье. Сбылось его предчувствие. . .

— Тебе не понравился ни хан, ни вельможа, ни бай, ни добрый молодец. В конце концов нашла ты и привела юродивого, бесноватого — осенен, мол, он [милостью] пророка, — с этими словами отхлестал он плетью Ашик-Айдына, Керема и Харман-Дяли — каждому досталось по паре ударов.

— Ты говоришь, [милость] пророка осенила его?! Да этот белобородый [старец] не осенен и тенью ильма!

«Как никак ты мой отец», — пробормотала она и, проявляя почтение, усккала во дворец.

И Ашик-Айдын с Керемом вернулись снова к старому ильму. Подъехали к ильму, и Керем сказал:

— О Аллах, надеялись мы на удачу, о пир мой, да опять не вышло.

— Не волнуйся, Керем-джан, имей терпение. Мы от девушки этой не отстанем. И не думай, что уедем без нее!

1084. Ашик-Айдын этой ночью приснился шаху Хункару. Во сне он давил, душил Хункара, совсем измучил его. Вздрыгнул Хункар и проснулся. Видит: да это же сон! «О Аллах, что я плохого сделал Ашик-Айдыну, чем я перед ним согрешил? Где бы он ни был, надо непременно разыскать его и попросить простить мою вину».

Хункар с сорока вельможами отправился в страну Ашик-Айдына, прихватив с собой коней, богатые подарки. Приехал он в страну Айдына. А оттуда направился в страну Рум, узнав, что тот отбыл в страну Рум. Ехал он так, расспрашивая людей, и приехал к пределам страны. Какой-то человек сказал ему:

— У края сада Харман-Дяли, что обращен к кыбле, расположился старенький человек. Видно это он и будет.

[Шах] приехал в указанное место. Видит: тот самый пир и есть. Спешился и склонил голову к ногам пира.

— Дурно я поступил, ошибку совершил. . . Пусть вина моя с гору, сочти ее пичтожной, с зернышко проса, и прости!

1085. — Падишах Хункар! Вины-греха за тобой нет. Слышали мы, что Харман-Дяли, дочь Арслан-бая, вот какую клятву-обет дала: коли будет она побеждена в песнопении, коли будет повержена в борьбе, то выйдет за победителя замуж и трон-венец ему свой отдаст. В свои сто пятнадцать лет, в конце жизни своей я приехал, готовый расстаться с жизнью. Состязались мы в пении, и я победил. Поехали мы в ее аул, отправились к ее отцу, а отец ее, Арслан-бай, избил нас, измучил и выгнал. Коли ты падишах в [своей] стране, то должен предоставить нам [в этом деле] равные [с другими] права. Вот это и есть твой грех!

— О мой пир! Я все ехал и страшился, размышляя, какую вину, какой грех я совершил. Коли цель ваша — [получить] ту девушку, Харман-Дяли, я дарю ее вам!

— Как же ты даришь ее — разве она твоя дочь?

— Не гневайся, пир, не говори «разве же она твоя дочь?». В моей власти — отдать ее или нет. Едемте, отправимся во дворец!

— Нет, мой шах! Я не поеду, куда сам он не придет, не бросится к нашим ногам и не отведет нас.

— Тогда ты посиди, подожди здесь.

1086. Отправился Хункар к Арслан-баю. Приехал он к нему. Ну а коли падишах приехал, коли приехал хан, то что ж — у богатого, как говорится, базар под рукой — зарезал он пять-шесть баранов, поставил белую кибитку и стал готовиться к тою. Приготовил Арслан-бай чай, кальян и спросил:

— О тагсир, падишах мой! Не послушаете ли пение бахши, музыку?

— Да, послушаю.

— Какого же бахши привести?

— У того края сада Харман, что обращен к кыбле, под ильмом сидит один старый бахши, а с ним его ученик. Ступай приведи его.

— Нет, тагсир, его я не могу привести.

— Нет, приведи его!

— Тагсир, мне стыдно предстать перед ним.

— Коли стыдно, так отверни лицо, но приведи!

А тот все одно твердит: «Не приведу».

— Так не приведешь? — сказал шах и добавил: — Коли не приведешь, [так знай], что приехал я сюда не угощаться и не бахши слушать — нет ли за тобой закята за восемнадцать лет?

— Да, есть.

1087. Харман-Дяли исполнилось восемнадцать лет. Хункар думал: «Ее никто не победит, никто ее не заполучит. Рано или поздно я ее заполучу», ждал он этого, потому и не взыскивал с Арслан-бая закята.

— За восемнадцать лет — это раз, да еще до этого за восемнадцать лет ты задолжал. О том я и забыл, а позавчера книгу долговую нашел. Вот и отсчитай-ка [мне деньги в счет] закята за тридцать шесть лет!

1088. Прикинул Арслан-бай — как раз половина имущества и уйдет на это. Делать нечего — отправился он за бахши.

Едва заметил он [старика], как его охватила дрожь. Подъехал он к пиру [и сказал]:

— О пир, дурно я поступил, ошибся я. . . Давайте поедем! Теперь исполню я ваше желание.

— На коне я не поеду. Коли посадишь себе на шею, поеду.

— Хорошо, добро, пир мой, — ответил тот.

Посадил он пира себе на шею, а Керема — на коня. Привез и пред Хувкаром ссадил его с себя. Приехал пир, и опять пили чай, снова ели.

— Пир мой, взяли бы вы саз и оказали милость нам — спели песню.

— Спеть-то я спою. Только известите об этом Харман-Дяли, а с кибитки снимите кошмы. Когда она и триста шестьдесят служанок ее рассядутся вокруг, тогда я спою. Слышал я, что со дня рождения Харман-Дяли никому не довелось спокойно рассмотреть ее. Пусть благодаря мне люди, народ полюбуются на красоту ее.

1089. Сообщили Харман-Дяли, что ее зовет пир Ашик-Айдын. Харман-Дяли была в добром расположении духа. Надела она на себя все, что могла надеть, навесила на себя все [украшения, которые] могла навесить, взяла с собой служанок и пошла плавно, грациозно, не касаясь земли, как бы говоря ей: «О земля! Будешь благодарна — наступлю, а не будешь — так не наступлю». Пришли они и расселись вокруг кибитки. Харман-Дяли — как луна, а служанки — как звезды. Взял Ашик-Айдын дутар и ударил [по струнам]. Хункар заметил ему:

— Пир мой, облик у тебя [почтенный] — стар ты и сед, [но все же] не пой о потустороннем, спой о легких вещах. Вот и девушка Харман-Дяли сидит перед тобой. Да и нам чтоб немного развеселиться.

— Хорошо, добро, — ответил пир и спел:

1090. Возблагодарю бога, красавицу увидел я
Поклоняюсь я богу — милую узрел я.

Пора наступила твоя, зрелости достигла ты.
Ты с нами честно игру вела и была побеждена.
Ты пришла мужественно, совершила подвиг мужчины.
Ты обещала. Иди, милая, — обет [твой] узрел я.

Трус не ценит храбреца, упреки — дело его.
Говори, пусть речь твоя драгоценным жемчугом будет.
Раскрой объятия, погляжу. Объятия твои — рай. . .
Кто вошел в рай, тот бессмертен; прогулку узрел я.

Много лет жаждал я [и вот] милую увидал.
Будет ли судьбой лобзать сахарные уста ее?
Открой грудь, погляжу на золотые пуговицы на груди.
В раю пару созревших гранатов узрел я.

Нежная, розотелая, до смерти блаженствуй,
Четырнадцать влюбленных пришло — все тобой восхищевы.
У скольких соперников грудь сокрушена.
У Ашик-Айдына нет иных желаний. — Харман узрел я.

1091. Кончил он петь, и Харман-Дяли удалилась в свой дворец.
Арслан-бай приготовил чай, кушанья.

— О мой пир, ты все мне рассказал о своей сокровенной мечте. Хотел бы я осуществить твою мечту, а потом, пир мой, коли дозволишь, и уехать, — сказал Хункар.

— О своей сокровенной мечте я расскажу с помощью саза! — ответил тот.

1092. Ступайте передайте Арслан-баю:

Обещанную красавицу пусть отдаст.

Жалобы мои достигли бога.

Ту, у которой черные локоны, пусть отдаст.

Красотой своей заполнила она мир.

[Всем] показала она силу свою.

Триста влюбленных убила она.

Кудесницу, кровопийцу ¹⁶ пусть отдаст.

Пусть Истина вином напоит.

Пусть владыка светильник зажжет.

На сорок дней свадьбу пусть устроит,

Пусть семь рядов неров отдаст.

Пусть будут пост, намаз мои.

Пусть будет это дело нужным для нас.

Пусть будет навек дочерью она мне.

Пусть бог нам гурию даст.

Айдын, тверд в вере будь.

Не полагайся на бренный мир.

Керем-джану я дарю [се].

Пусть с своего согласия все даст.

1093. Произнес он эти слова, и Хункар приказал Арслан-баю: «Исполняй, что говорит Ашик-Айдын, не заставляй его повторять». [Так сказал он] и уехал. Сообщили Харман-Дяли, чтобы готовилась к отъезду. Обращалась она, возликовала. Половину сокровищ отца, половину его овец и верблюдов, половину его рогатого скота отделила она себе.

Забрал Ашик-Айдын Харман-Дяли и увез ее вместе с ее богатством-скотом в Шир-Ширван. Страну Керема называли Шир-Ширван, отца его называли мастер Бадам, был он столяром, плотником, [но] курил опий. . .

1094. Когда до Шир-Ширвана оставался день пути, Ашик-Айдын послал вперед всадника: «Езжай поздравь мастера. Как знать, может, расщедрится — даст одну-две теньга!»

Гнал тот человек коня, чуть не загнал: сдохнет конь — собаке пища. Мечталось ему: «Как сообщу я, что сын его везет Харман-Дяли, сколько же мастер коней мне даст, сколько халатов?» Подъехал он к двери дома мастера.

— Эй, уста*-ага, союзджи, эй, союзджи!

— Убирайся прочь, зангар! Что, у меня сын родился, что ты кричишь «союзджи»?

— Хоть сын и не родился, уста-ага, да из страны Рум Ашик-Айдын везет Харман-Дяли, дочь Арслан-бая, он победил ее и отдал ее Керем-джану. Несметные богатства, без счета скота. Вот за что союзджи!

Богатство, скот — это звучит приятно. Как упомянул он это, [мастер] вышел на улицу.

— Хан-сынок, ты правду говоришь?

— Уста-ага, коли не веришь, скоро сам увидишь.

— Эх, хан-сынок, говорят: «Богатство мира останется в мире»¹⁹. [Вот возьми] за твою добрую весть — оставляя я это на завтра, чтобы неше купить, — сказал он и дал лишь теньга. Обрадовался игид и уехал.

1095. Приехал и Ашик-Айдын, богатство привез, скот пригнал. У дома мастера не хватило места для баранов, рогатого скота, верблюдов. Такого мастеру не доводилось видеть. Не знал он, что ему делать. То на улицу выйдет, то назад вернется, бегаёт, суетится. Вот к пиру он подошел.

— Хватит ли для тоя трех овец, или надо заколоть пять?

— Какой же той из трех, из пяти [овец]! Что ты понимаешь в тоях-весельях! Ступай домой, не показывайся. Я сам устрою той!

— Хорошо, хорошо, пир мой! — согласился тот и пошел к своей старухе.

1096. Ашик-Айдын приказал объявить по [всему] Шир-Ширвану: «Десять дней и десять ночей будет [длиться] свадьба Керем-джана. Приходите все: бахши, музыканты, баи и бедняки!» Устроили той на десять дней и десять ночей, [всем давали, что кто хотел]: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давали; были скачки, стрельба в «золотую тыкву». По окончании тоя сочетали Керема и Харман-Дяли браком. А чтобы дух перевести, остался Керем-джан [там] еще на пять-шесть дней. Потом попросил разрешения уехать. Сказал Керем-джан:

— Говорят: «Имей охоту, да знай меру». Как будет желание, так снова приеду. Не сверну с пути, что к достатку меня привел, — [так] сказал и уехал вместе с Ашик-Айдыном.

1097. О ком рассказ? — О Харман-Дяли.

[Теперь], когда богатство, скот были у нее в руках, построила она триста шестьдесят домов и наняла триста шестьдесят слуганок. Построила себе дворец и продолжала проводить время в увеселениях, как когда-то у себя в стране. О ком рассказ? — Опять о Гёр-оглы.

— О Косе, иссякли у нас деньги на чай-харчи. Поедем-ка дорогу стеречь.

Взял он сорок своих игидов и поехал дорогу стеречь. Повстречался им большой караван турок. Остановил он караван, взыскал закят, дал расписку, а затем [с «гостями»] чаю попил, побеседовал.

— О караванбаши! Прежде вы проезжали здесь на десять-двенадцать дней раньше. На этот раз вы задержались на десять-двенадцать дней.

— Гёр-оглы! На нашем пути лежала страна Шир-Ширван. Там есть мастер по имени Бадам. Сына у него зовут Керем. Пира его зовут Ашик-Айдын. Пир Ашик-Айдын победил в Руме Харман-Дяли, дочь Арсланбая, и отдал ее Керем-джану, устроил свадьбу на десять дней. Вот мы и задержались на их свадьбе.

1098. Как раз это и хотел услышать Гёр-оглы.

— Идите, возвращаю вам хушур *-закят!

— Гёр-оглы-ага, не следует говорить о возвращении того, чего не сможешь вернуть.

— И на десять лет вперед освобождаю вас [от закята]!

— Гёр-оглы-ага! Ты не смейся над нами. Ты, видно, хочешь за десять лет вперед взыскать закят. Получи лучше причитающееся с нас — нам же легче будет.

— Эх, не верите вы [мне]! — огорчился Гёр-оглы.

Написал он грамоту: «[Снова] спрошу я с тебя закят через сорок лет!» — и приложил печать. «Это нам бог подарил!» — сказал караванбаши, и они отправились в путь. Уехали они, и Гёр-оглы сказал:

— Помнишь, Косе, в такой-то год, как возвращались мы из аламана, заехал я в Ширван?

Косе сообразил, [что к чему]:

— Да, Гёр-оглы, заезжали мы! — ответил он, хоть знал, что не заезжали они.

1099. — Тогда я дал одному человеку в долг лошадь из своей добычи. Половину денег я получил, а половина за ним осталась. Прикинул я в этом году — уж восемнадцать лет прошло. Ты с сорока игидами в крепость поезжай. А я получу долг и вернусь.

— Ай, Гёр-оглы! Разве же сорок игидов сами крепость не найдут? Я немного провожу тебя и вернусь.

1100. Отправил Косе сорок игидов в крепость и вместе с Гёр-оглы отправился в путь. Проехали они немного, и Гёр-оглы сказал:

— [Говорят]: «Провожающий — не спутник». Возвращайся, Косе!

— Гёр-оглы-ага! Вместе переночуем, а потом уж ты поедешь своей дорогой, а я своей.

Переночевали, а утром на рассвете, Гёр-оглы стал седлать коня.

— Косе, наставляй игидов, обучай Овез-джана!

И Косе спокойно седлал Боз-Думана. Сел Гёр-оглы на коня и отправился в путь, а Косе — за ним.

— Косе, я говорю тебе остаться, а ты не остаешься. В чем дело, расскажи.

1101. — Это ты Расскажи!

— Я уже рассказал. . .

— Эх, Гёр-оглы! Я с молодых своих лет за тобой по пятам хожу. Даже когда облегчиться ты идешь — я следом за тобой. Я ведь знаю, что никто в Шир-Ширване не должен тебе и медной монеты. Что ты, прямо не можешь сказать, что ли?

Расхохотался Гёр-оглы:

— Косе, расскажу я тебе [всю] правду с помощью саза:

1102. Слово есть у меня [к тебе], Сапар-мерем!
В Ширван сегодня еду я.
Не оставляй заботой своей [нашу] страну.
Таясь от беков, еду я.

Восседала на троне она,
Беседу со мною вела,
«Приезжай», — сказала, обещание дала,
Ради той клятвы-обещания еду я.

Мечта моя — милой достичь.
Схватить, [в руку] взять гранаты ее,
Руки закинув, с нею вместе лежать.
К той, у которой глаза хмельные, еду я.

Человек, что ступил на стезю любви,
В путь отправится к милой своей.
Свадьбу устроил мастер Бадам,
Спешу, к девушке-богатырше еду я.

Гёр-оглы говорит: чтобы жечь,
Чтобы белую грудь крепко сжать,
Чтобы долг с нее получить,
К девушке Харман-Дяли еду я.

1103. Сказал он эти слова — рассмеялся и Косе.

— Гёр-оглы! Сказал бы [об этом] вчера, я бы вчера и вернулся. Сейчас я поеду назад, Гёр-оглы. Я поеду, но. . .

— Что это за «но» у тебя, Косе?

— Вот мое «но», Гёр-оглы: дутар у меня дряхлый. Не доставляет наслаждения уже звук его. Бадам — весьма искусный мастер. Привези мне от него один исправный дутар. Есть у меня несколько и других сокровенных слов. И я с помощью саза скажу их тебе, Гёр-оглы!

И Косе спел:

1104. Бек Гёр-оглы, [вот] просьба моя:
Хороший саз мне привези.

Истомился я по подруге —
С чудесными очами красавицу привези.

Служил я в войске твоего отца.
Забот не осталось у меня в голове.
Пусть будет она двадцати лет.
С прямым станом, с глазами джейрана [красавицу] привези.

Удалой игид ты, весел-бодр ты.
Куда бы ни пошел, [езде] тебе путь открыт.
Стар я, в сердце у меня — зима.
Весну веселую ты мне привези.

Много страданий пало на голову мою,
Ныне неважны у меня дела.
Сорок дней прошло, как рухнул мой дом.
Что бы ни привез, скорее привези!

Бек Гёр-оглы, подвиг соверши.
Усопших, предков своих помани.
Сапар-Мерема порадуя ты —
Полненькую девушку мне привези.

1105. Кончил он петь, и Гёр-оглы сказал:
— Хорошо, добро, Косе! Ты сам увидишь, что тебе судьба пошлет!
Сказал так Гёр-оглы и двинулся в путь. А Косе повернул назад. Проехал [Гёр-оглы] немного — снова догоняет его Косе.

— Что это ты снова приехал, Косе?

— Гёр-оглы-ага! Ты как-то неопределенно сказал: «Сам увидишь, что тебе судьба пошлет», потому я и вернулся. Коли найдешь, так [привези] полненькую, чистенькую девушку, а не найдешь, так любая самка сгодится — лишь бы с человеческим телом была. Смотри, с пустыми руками не приезжай, Гёр-оглы!

— Эх, Косе, какой настырный ты! — сказал [Гёр-оглы] и ускакал. Влекомый любовью, он торопил коня камчой *. Путь долог, слово [о нем] лучше краткое. Прискакал он в крепость Шир-Ширван и спросил у какого-то человека:

— Эй, приятель! Который здесь дом мастера Бадама?

— Видишь ты вон тот большой сад, добрый молодец?

— Вижу.

— Низенький домик, что стоит по ту сторону сада, это дом мастера. А сад принадлежит Харман-Дяли!

1106. Хорошо приметив, куда идти, он двинулся в путь. Коли к мастеру идти, так с делом каким-нибудь. Вынул [Гёр-оглы] дутар из чехла, ударил им по луке седла, сделал один-два надлома. Подъехал к мастерской мастера и, прикинувшись простачком, спросил:

— Эй, уста-ага, дома ли ты? Эй, коли ты дома, так салам-алейкум! Мастер молча сидел [у себя] в мастерской. «Что это за простачок, зангар?» — размышлял он. Долго [пришлось] кричать [Гёр-оглы], прежде чем мастер ответил ему, не выходя из дома:

1107. — Говори же! Ты что, слышал, будто я глухой? Да говори же!

— Что случилось, уста-ага?

— Идешь приветствовать, а кричишь во всю глотку.

— А что, коли громко приветствуют тебя, уста-ага, у тебя выкидыш бывает? — сказал Гёр-оглы, а сам подумал: «Лучше сойду с коня, так поговорю».

Он быстро спешился, вбил в землю железный кол для привязи и с грохотом и бряцанием вошел в комнату.

— Уста-ага! «Салам»-то я еще с улицы тебе сказал. Давай руку, по-здороваемся.

— Ступай прочь, сгинь! Я разве из Каабы вернулся, чтоб руку по-давать?

1108. — Уста-ага, человеку не пристало быть таким дерзким, поровистым. На моем дутаре надломы есть в одном-двух местах. Склей его, сделай все как следует.

— Что у тебя тут, наемные мастера есть? — выхватил он у [Гёр-оглы] дутар и с силой ударил его о стену — дутар разбился в щепки.

— Что ты с ним сделал, уста-ага?

— Вот это и сделал!

— Не поступай так, уста-ага! Давай [лучше] побратаемся с тобой! — предложил Гёр-оглы. Снял он со стены дутар самого мастера и спел ему песню на свою мелодию:

1109. Ради тебя приехал из Чандыбиля.

Грешник уста Бадам, братьями станем!

Сломал я саз, скитальцем я стал.

Почини мой саз, уста, братьями станем.

На просторах Чандыбиля я гулял,

Ради учеников своих да стану жертвой я.

Украсть перламутром мой саз, уста,

Почини мой саз, уста, братьями станем.

Мастер ты, мастер, не рассчитывай на силу,

Переселю твою орду, вдалеке заставлю ее осесть,

Вмиг кривую саблю в ход пущу.

Почини мой саз, уста, братьями станем.

Мастер ты, мастер, не отговаривай [меня],

Во всем мире славен ты.

Эту ночь я в гостях у девушек, молодых.

Почини мой саз, уста, братьями станем.

Здесь прошли эрены, пиры прошли,
Сядешь на Гыр-ата — содрогается земля.
Коли не признал — Гёр-оглы зовут меня!
Почини, уста Бадам, братьями станем.

1110. Так он сказал и в конце помянул имя Гёр-оглы. А слава Гёр-оглы ведь заполнила целый мир.

— Скажи, говоря, где ты видел Гёр-оглы?

— Уста-ага, что ты все твердишь «Где видел»? Что же поделаешь — я сам Гёр-оглы!

— Слыхали мы, что в Четырехгорном Чандыбиле появился муж по имени Гёр-оглы. Так это ты?

— Он самый, уста-ага!

— Ай-ай, Гёр-оглы! Говорят: «Кого не знают — того не почитают». Ну-ка, давай руку, здороваемся. Салам-алейкум, Гёр-оглы-ага. Так это ты тот самый Гёр-оглы! А я с утра сижу и не знаю.

— Эх, уста-ага, хоть теперь уважишь — и то ладно.

Эх, как на горячих угольях сидит мастер¹⁷. Давеча в песне [Гёр-оглы] сказал: «Эту ночь я в гостях. . .» Не понравилось это мастеру.

Было у него два ученика.

— Отведите его вон в ту мастерскую и немедленно почините ему дутар, — велел он им, а [Гёр-оглы] с неискренним радушием предложил:

— Гёр-оглы! Ты собираешься здесь остаться на ночь или поедешь?

— Коли дутар будет готов, поеду!

— Дутар-то твой ученики уж починили.

— Коли починили, так я поеду, уста-ага.

— Гёр-оглы, говорят: «Дерево состарится, [пока] птица [хоть] раз на него сядет; [так] и человек с человеком встречается». Все-таки с делом ты приехал — а что, как заночуешь?

1111. Не говорит мастер: «Заночуй», говорит: «А что, как заночуешь?»

— Ай, уста-ага, говорят: «Уговоры пуще силы». Ну что же, могу и остаться, — ответил он и уселся скрестив ноги.

Был у мастера откормленный баран. Привел он одного шустрого человека и приказал ученикам: «Быстренько зарежьте барашка!» Жене своей велел: «И ты быстрее подавай чурек!» Освеживали барана и положили в котел. И жена принесла чурек из тамдыра. Мясо барана чуть сварилось, [а мастер уж приглашает Гёр-оглы]:

— Ой, Гёр-оглы! После неше аппетит хорош. Подзакусим. Остальное пока поварится.

Накрошил он в миску чурека, налил бульон и принес. Соли они к миске вдвоем и поели немного. У Гёр-оглы было с собой сонное зелье. Высыпал он его в миску, как мастер отвернулся.

1112. — О уста-ага, я уж наелся, — сказал [Гёр-оглы] и отодвинулся от миски.

Съел мастер еще один-два куска чурека и лишился чувств. Гёр-оглы подал миску его ученикам. Со словами «Остатки трапезы нашего мастера,

трапезы Гёр-оглы — в них целебная сила» попробовали и они немного и тоже лишились чувств.

Жена мастера подумала: «Достаточно ли соли — гость ведь в доме», проглотила ложку супа и тоже лишилась чувств. Остался [Гёр-оглы] один как перст. К тому времени и яхна подоспело. Вынул он [куски мяса], разложил их на скатерти, остудил их и начал кидать в глотку — сколько рука поднимет, сколько во рту поместится. Целого барана съел. [А там] и солище зашло.

Повел он коня в поводу, копые волоча, направился к саду Харман-Дяли. Пришел — а стражники уж заперли ворота. Поднял он шум.

— Мне эти места издавна известны, знакомы. Да коли вы скажете, что явился Гёр-оглы, Харман-Дяли вас всех перебьет — зачем, мол, ему не открыли, — [так] шумел, кричал Гёр-оглы и в конце концов заставил их отпереть ворота.

1113. Вошел он в сад, сам запер ворота, а ключи положил себе в карман. «Как бы кто из вас не похитил моего коня. . .» — подумал он и привязал коня в конюшне Харман-Дяли. Кинул он на сына бурку, мягкую подушку сунул себе под локоть и лег, развалился. «Пожалуй, [далее] не пойду — пусть сама придет и ответит меня [к себе]», — думал он и лежал спокойно.

1114. Харман-Дяли узнала о его приезде. «Коли сам не придет, как я за ним не пойду!» — решила она и уселась — сидит, посиживает, цену себе набивает.

А Гёр-оглы расхаживал возле сыпа, изредка ударяя по струнам дутара, — то туда пойдет, то обратно вернется. Даст коню травы, корму, укроет его попоной. Время близилось к полуночи. Никто к нему не приходит. «Уж не хочет ли она от слова своего отказаться, а может, она больна? Попробую-ка я спеть громко и на сазе поиграть. Тогда уж поговорим, коли не придет», — решил он, взял в руки дутар и, обратив лицо к небу, спел:

1115. За обещанным приехал я к милой своей,
Неужели обещание [твое] ложным стало?
Неужто не в цвету [твои] цветники,
Вешние дни твои зимою стали?

Не дошла моя жалоба до хана твоего.
Да буду я жертвою ради тебя!
Почему же ко мне ты не пришла?
Неужели обещание [твое] ложным стало?

Капризная возлюбленная из дома не вышла,
На меня приветливо не посмотрела.
Иль мой приезд ей некстати?
Уж не врагом ли мне она стала?

Бек Гёр-оглы, обуял меня гнев.
Что же не слышишь ты жалоб моих?
Возлюбленная моя, достигшая двадцати,
Неужто в приезд мой сюда малолеткою стала?

1116. Так он громко [пел], людей будоражил. . .
— Пусть идет! — сказала Харман-Дяли своей служанке. Пришла служанка [и передала]:

— Тебя зовет моя госпожа.
[Гёр-оглы] сделал вид, что не понимает:

— А кто госпожа у тебя?
— Госпожа моя — Харман-Дяли.
— Хорошо, скоро я приду.

1117. Харман-Дяли сидела и думала: «Вот и приехал он. Хорошо ли, плохо ли это, но слово надо сдержать». Пока не появился еще Гёр-оглы, приехавший за обещанным, убрала, подмела она женскую половину, украсила ее всевозможными цветами, переоделась в самые лучшие одежды, навесила на себя [все украшения], какие только можно, и уселась на женской половине, словно ястреб.

Гёр-оглы взял дутар, накиннул на плечи шубу и, хорохорясь, словно [не знающий соперников] петух живущего на отшибе хозяина, отправился к Харман-Дяли. Подошел к двери дворца и приветствовал [хозяйку].

— Гёр-оглы! И у тебя, оказывается, с собой дутар, я тоже возьму дутар! — сказала она.

И они, как бы всерьез, спели, обращаясь друг к другу:

1118. [Г ё р - о г л ы.] Гуляешь повсюду ты, молодница!
Коли схвачу тебя, что скажешь ты?
Пока поразмыслишь, пока поймешь,
Коль обниму тебя, что скажешь ты?

[Х а р м а н - Д я л и.] Коли обнимешь меня, [про то] прознают,
Истерзают сладкую душу мою,
Увезут, в пустыне бросят меня.
А коли продам [тебя] как раба, что
скажешь ты?

[Г ё р - о г л ы.] Разве же раб не вернется обратно?
Разве же свернет влюбленный с пути?
Просил я роз — ты не дала.
Коли войду в твой сад, что скажешь ты?

[Х а р м а н - Д я л и.] Что за дело тебе до роз моих?
В страданиях проходят дни мои.
Если руками, окрашенными хной,
Сама [тебя] убью, что скажешь ты?

[Гёр-оглы.]

Благое дело — любовника убить.
Прелестны перси твои, белы,
Любая из них — летовка для меня;
Коль выйду летовать, что скажешь ты?

[Харман-Дяли.] Харман-Дяли отворила свои уста.

Ты соловей, что на цветок опустился.
Я — утка; с озера на озеро
Коли перелечу, что скажешь ты?

[Гёр-оглы.]

Гёр-оглы свободен, словно птица.
Как серебро [сияет] грудь твоя.
Словно сокол, ловчая птица,
Коли схвачу добычу, что скажешь ты?

1119. На этот раз Харман-Дяли нарочно дала победить себя.

— На этот раз ты победил! Спел бы так, когда приходил в прошлый раз, тебе бы я досталась. Да видно, раньше всевышний звезды наши не соединил.

— Тогда не соединил он, так в эту ночь соединит. . . — ответил Гёр-оглы, прислонил дутар к стене и кинулся на перину.

— Ах, Гёр-оглы, хоть и хочется тебе улечься, [все же] не спеши пока. Я сказала, чтоб приготовили для тебя ужин.

— Ай, да я уж поужинал как следует.

1120. Коли мужчина лежит на перине и ждет, раскрыв объятия, то уж теперь ее черед наступил. Освежила лицо, расчесала волосы, легким шелковым платком повязала голову, надела шелковое платье и скользнула в объятия Гёр-оглы. . .

Достиг своей цели Гёр-оглы. Пропустил он одну руку под мышкой Харман-Дяли, другой рукой охватил ее через плечо и на спине сцепил руки, сплел все десять пальцев. Обвил ее ноги своими ногами, и получились как бы четыре плетения. Так и лежали — ну совсем как вяленая скрученная казахская дыня.

— Гёр-оглы, я думала, что ты вот-вот оставишь меня, а ты все крепче становишься.

Но тот не слушает ее, лежит и молчит в томлении. Попыталась Харман-Дяли подняться, и он вместе с ней поднимается.

— Ой, Гёр-оглы, вон уж солнце восходит. Оставь же меня!

— Разве же это последний восход солнца?

— Гёр-оглы! Не хочу знать, последний или нет. Оставь меня!

— Коли нынче уеду, когда приеду снова?

— Нет, не приезжай!

— Так я приеду через месяц.

— Нет, совсем не приезжай!

— Через три месяца приеду.

— Не приезжай, Гёр-оглы!

— «Не приезжай, не приезжай. . .» Разве же человек не вернется в то место, где нашел он усладу?

— Оставь меня на некоторое время. А там поговорим. . .

1121. Оторвался Гёр-оглы [от Харман-Дяли]. Оседлал коня и [вновь] подошел к ней.

— Харман-Дяли, я через три месяца вернусь.

— Гёр-оглы! И так я оказала тебе больше услуг, [чем следовало]. Нехорошо получилось. . .

— Коли передала, так пусть это будет мой барыш, — ответил он и усккал. Как солнце поднялось, подъехал он к дому мастера. Мастер еще не вполне пришел в себя — вышел в поле проветриться.

1122. А был у мастера старый сад. Глядит Гёр-оглы: гуляют в саду три девушки, словно павы-уточки. Это были дочери мастера. Решил Гёр-оглы увезти одну из них. «Косе наказал мне девушку привезти, а я чуть было не забыл об этом. Коли пуцу я коня, они побегут в сторону — тут и о дерево можно удариться, о забор, себе навредить», — подумал он и сделал вид, что ведет коня на водопой. А потом стал скакать туда и обратно, как человек, который не дает коню стоять в покое [после водопоя]. Непривычный был вид и у него и у коня — вот и засмотрелись девушки. А Гёр-оглы все скакал туда и обратно, с каждым разом подъезжая все ближе и ближе к девушкам. И вот, когда ехал он в сторону девушек, поворотил коня и хлестнул его раза два плетью под брюхо — в одно мгновение оказался он рядом с ними. Схватил он за плечи старшую из девушек, как ястреб хватает [добычу], и умчался с ней. Две [оставшиеся] девушки побежали домой. Прибежали к своей матери, а сказать ничего толком не могут.

1123. О ком рассказ? — Была [там] служанка, что присматривала за девушками, воспитывала их. Звали ее Гюль-Нишан. Увидала она это. И о том, что ночью было, знала она. Побежала она к мастеру. А тот [как раз] вернулся с прогулки и уселся на сына, чтобы отдохнуть. Служанка и обратилась к нему с песней:

1124. Об удалце игиде весть пришла.
Не заметил [того] ни садовник, ни сад.
Уста Бадам, пропала твоя дочь.
Не заметил [того] ни садовник, ни сад.

Знает он, что жизнь коротка.
Жестокие мучения тебе он принес.
Подлый зангар явился [сюда].
Не заметил [того] ни садовник, ни сад.

Он веселился, пил вино.
Знает он, что проходит жизнь. . .
Всю ночь блаженствовал с твоей сной.
Не заметил [того] ни садовник, ни сад.

Смеялась и плакала я, Гюль-Нишан.
Знаю я, что жизнь коротка.
Со старшей госпожой своей я разлучена.
Не заметил [того] ни садовник, ни сад...

1125. Услышал мастер эти слова, да не понял, что говорит она — он ведь чаю еще не попил, неше не отведал, не пришел в себя.

— Чего ты шум поднимаешь?

— Проклятие тебе — [вот какой] шум! Тот [человек], что был у тебя вчера, дутар свой чипил и барана твоего съел, только что дочь твою старшую увез.

— Когда увез?

— Да только что.

— Приведи лошадь!

На солнечной стороне дома стояла лошадь. Служанка отвязала ее, кинула на нее ослиное седло и подвела к сыну. Подошел к лошади мастер нетвердыми шагами.

— Эй, мастер! Ну, догонишь ты его, а воевать ногтями будешь? Оружие возьми!

Вошел он в дом, [поискал], и попалась ему в руки пила.

— Зачем ты берешь ее — доски, что ли, пилить будешь?

Тот бросил ее и взял долото.

— Ты что, долотом хочешь для него трубочки мастерить?

Тот снова вошел в дом. Ну, какое оружие у бедняги! Попался ему в руки небольшой топорик.

— Другого оружия у тебя нет?

— Вот догоню Гёр-оглы да ударю этим по затылку, так и убью его, коли будет на то воля Аллаха! Быстрее лошадь веди!

Уселся он на лошадь с ослиным седлом, заткнул топорик за пояс и пустился в путь, погоняя лошадь веревкой.

1126. Гёр-оглы вместе с девушкой за спиной ехал не быстро — иноходью шел его конь. День прошел, и на второй день, как солнце поднялось, мастер догнал его. Заметил Гёр-оглы всадника за собой. «Видно, мастер это. Подъедет, схватимся. Хорошо бы не убить его, не пролить понапрасну его кровь. Как же быть мне?» — [думал Гёр-оглы].

Впереди показалось большое озеро. Брод был в стороне, [и Гёр-оглы забеспокоился]: «О Аллах, коли здесь я озеро перейду, не утонул бы он!» Погнал он Гыр-ата в воду с крутого берега. Вода доходила до стремян, до брюха коня.

1127. Недогадлив был мастер. Не додумался он перейти озеро вброд и выйти [Гёр-оглы] навстречу. Погнал мастер свою лошадь в воду вслед за Гыр-атом. А лошадь и раньше страдала от жажды — стояла на солнцепеке, до потом еще два дня была в погоне — горело нутро у бедного животного. Передними ногами ступила она в воду и погрузила в нее морду. Мастер сжал лошадь ногами и потянул ее за узду. Седло без подпруги стало съезжать вперед. Мастер тянет, седло съезжает. Тут порвался и недоуздок.

Стал [седок] тянуть за гриву, за холку. Вода дошла до груди лошади. Лошадь по колено увязла в иле. Седло сползло ей на уши. А мастер съехал на круп, уселся позади седла. Лошадь попила воды, чутко утолила жажду и перевела дух. Испугавшись седла, что сползло ей на уши, шархнулась она в сторону, и мастер вместе с седлом угодил в воду. В руки попался ему хвост лошади, и мастер крепко уцепился за него. Так лошадь и выволокла его [на берег]. Выжал мастер свою одежду и привязал лошадь.

— Эй, Гёр-оглы! — крикнул он.

— Чего тебе, уста-ага?

— Ты был в моем доме. Праведный хлеб-соль мой ослепит тебя! — сказал мастер Бадам и обратился к Гёр-оглы с песней:

1128. Удалого игида [к цели] путь приведет.

Оставь мою дочь, о Гёр-оглы!

Говорят, мужественным бывает туркмен.

Оставь мою дочь, о Гёр-оглы!

Гору перевалит ли твой Гыр-ат?

Душа твоя не обуглится, не пострадает?

Вновь не сломается ли твой дутар?

Оставь мою дочь, о Гёр-оглы!

Верен слову своему удалой игид.

Радость она для сердца моего.

С другим она обручена.

Оставь мою дочь, о Гёр-оглы!

Поведал я просьбу тебе свою.

Теперь не хочется мне жить. . .!

Получил я калым и истратил уже,

Оставь мою дочь, о Гёр-оглы!

Мастера Бадама не оскорбляй.

Тленному миру не дай себя увлечь.

В позоре меня не покидай,

Оставь мою дочь, о Гёр-оглы!

1129. Когда произнес он эти свои слова, Гёр-оглы закричал ему:

— Эй, уста-ага! Ты говоришь: «С другим она обручена, получил я калым и истратил уже». Тебе об этом ничего беспокоиться: у тебя же дочерей много! Отдай человеку, о котором ты говоришь, ту, что помоложе!

— Эй, зангар! Ты надо мной не смейся! Тот ее не примет. . .

— Коли не примет, отдай ему самую младшую, уста-ага!

— Вчерашний, позавчерашний день ты провел у меня, праведного хлеба-соли моего отведал. Хлеб-соль ослепит тебя!

— Уста-ага, съел я горсть соли твоей. Вот скоро поеду я в аламан через ваши места. Тогда я вместо горсти праведной соли твоей десять мер соли тебе привезу, уста-ага, — сказал [Гёр-оглы] и ускакал, не обращая на [мастера] внимания.

Глядел мастер [ему вслед] и размышлял: «И дочь ушла. . . Как говорят: „Чем остаться в бездействии, лучше хоть что-то делать“». Покрутил он топорик над головой и с силой бросил его [в Гёр-оглы]. Топорик плюхнулся в воду, далеко не долетев [до цели].

1130. И дочь потерял мастер, и топорик. Пусть же садится он на лошадь и едет назад. А Гёр-оглы пусть скачет вперед на коне с дочерью мастера за спиной.

О ком рассказ? — О Косе.

«Если умер Гёр-оглы, так умер, а если жив — не сегодня-завтра появится откуда-нибудь» — так думал Косе и, что ни день, выезжал на один-два перехода в сторону, откуда мог приехать Гёр-оглы. В один из дней сказал он себе: «Да разве я в крепости оставляю хозяйство крестьянское? Поеду-ка я вперед, покуда не встречу его». Взял Косе с собой чай, табак, кульче и отправился в путь.

1131. Едет он день, едет второй. Вот показалось что-то вдали. Остановился [Косе] и долго глядел — узнал он Гыр-ата. «Это же Гёр-оглы едет. О боже! Хорошо бы, привез он с собой хоть кого-нибудь», — подумал Косе и ударил плетью Боз-Думана. Скачет он, и все по обочине дороги — то с одной стороны дороги, то с другой. Потому он так скакал, что хотелось ему узнать, один едет человек или два. Пригляделся и увидел, что двое едут. «Кого-то он везет. О боже, хорошо бы, девушка была», — мечтал [Косе].

Вот приблизились они на расстояние голоса. [Косе] почтительно сложил руки на груди и громко приветствовал их. Затем он снова сел на коня, и они поехали вместе. Посмотрел Косе — а за спиной у Гёр-оглы девушка сидит, начнешь красоту ее воспевать, остановиться не сможешь. Сидит она нахохлившись, словно ястреб. Косе походил на потерявшегося пса, который вдруг нашел своего хозяина: он то вперед забегал, то в сторону отбегал.

— Гёр-оглы! От Адама до Хатама не родился еще такой [удалой игид, как ты! И я заменял тебя. Я обучал твоего Овеза, наставлял твоих сорок игидов, ничто у меня без дела не стояло — ни лошади твои, ни арбы, ни быки для пахоты. Даже семена твои все я высеял.

1132. Вернулись они в крепость, и Гёр-оглы подумал: «Косе ведь прежде был советником моего отца и деда, к тому же он и мой советник».

Устроил он для Косе свадьбу-веселье на десять дней и десять ночей. Всем давал что кто хотел: кто хотел хлеба — тому хлеб, кто хотел денег — тому деньги, кто хотел халаты — тому халаты давал; были скачки, стрельба в «золотую тыкву», пение бахши. По окончании тоя привел он муллу и сочетал браком дочь мастера с Косе. Кончилась свадьба, [и спросил Гёр-оглы]:

— Косе! Все ли сделал я для тебя?

— Все сделал! Пока мир существует, и ты живи! Да сбудутся твои мечты, мой брат. И все же одного мне недостает.

— Чего же тебе недостает?

— Много у тебя было шуточных песен-рассказов для всяких [людей], достойных и недостойных. А вот на моей свадьбе не смог ты ничего такого спеть.

— Эй, Косе! Да разве же человек, привезший для тебя девушку из такой дали, не сможет спеть шуточную песню? Я спою тебе песню.

И он спел:

1133. О друзья, мусульмане!

Насытилось сердце мое, довольно сердце.

В этот лживый, тленный мир

Пришло мое сердце, явилось сердце.

Вдоволь испил я вина любви.

На белое лицо ее локоны ниспадали.

Белую грудь ее прижав к своей груди,

Наслаждайся, сердце, блаженствуй, сердце!

Много мучений, страданий я перенес,

Но и блаженств немало вкусил,

Неверен этот лживый мир.

Поверь, мое сердце, поверь, сердце!

Гёр-оглы, я жил заботой о ней,

Никто не сможет состязаться со мной,

В объятия девушки Харман-Дяли

Вошло мое сердце, вошло сердце. . .

1134. Кончил он петь, и [Косе] сказал:

— Брат мой [Гёр-оглы], да сбудутся твои мечты!

Направился Косе на женскую половину.

— Входи! — пригласила его пери Ага-Юнус. Взяла она его за руку, подвела к дочери мастера и соединила их руки. [Затем] постелила им, взглянула на Гёр-оглы с улыбкой и вышла вместе с ним.

Так пусть дочь мастера и Косе лежат, достигнув своей цели.

XII. БЕЗИРГЕН

1135. О ком рассказ? — Об Ага-Юнус. Пери Ага-Юнус, жена Гёр-оглы, была недовольна легкомыслием его. Причина та, что ездил он к Харман-Дяли. «О Аллах, вечно я недовольна тобой. Не начать бы мне с богом враждовать. . .» — подумала она и стала перелистывать книгу. В одном месте прочла она в книге: «Место всякой женщины, которая хоть на зернышко проса враждебна мужу, — геешна». Раскайлась она в том, что вела себя так. И когда Гёр-оглы возвращался с охоты, Юнус обнимала его, помогала сойти с коня и на руках переносила его на женскую половину и заботливо спрашивала: «Гёр-оглы! Ты будешь пить чай зеленый или черный, с сахаром или с набатом?»

1136. Загордился Гёр-оглы из-за ласкового такого обращения.

— О Гёр-оглы! Тебя портит моя ласка. Ты снова загордился, — [упрекала его] Ага-Юнус.

— Эй, Ага-Юнус! Кому же и загордиться, как не мне! Рублю, кошу, [домой] приношу — мне никто не давал отповеди. А хорошо ли то, что ты, моя жена, упрекаешь меня, говоря, что я загордился?

— Гёр-оглы, коли простишь ты мне мою вину, три-четыре слова сказать тебе хочу.

— Говори, прощаю!

— Коли прощаешь, так [вот]: аульный хвастунишка ты, любитель молоденьких. Не муж ты, а муженек!

— Эх ты, зангар, жена! Ты так говоришь, как если бы был у тебя в степи другой мужчина. . . [А ведь] такого, как я, в целом мире нет! — сказал он, покручивая себе усы.

— Гёр-оглы, не покручивай себе усы, не хвастай. Ты ведь не совершил еще ничего, чего бы другие не совершили.

— Я все совершил, в этом мире не о чем мне жалеть!

— Так рассказывай о том, что ты совершил, послушам!

— Вот что я совершил! — ответил тот и, взяв в руки саз, спел:

1137. На коне в восемнадцать аршии ездил я,
Ездил — не о чем мне жалеть.
Стольких храбрецов я ловил,
Ловил я — не о чем мне жалеть.

Став вожаком, я шел впереди.
У горного прохода дозорных выставлял,
Валил, арабского коня [с поклажей] вел,
Скакал я — не о чем мне жалеть.

Наслаждался ароматом ее красных роз,
Лобзал я ее сахарные уста,
Сладкие [напитки] из белых рук ее
Пил я — не о чем мне жалеть.

Из Чандыбиля коня я пригнал,
Семь лопат стрелой пробил,
Беков я вином напоил,
Сам пил — не о чем мне жалеть.

С золотыми перьями на шапках,
С собольими шапками на голове,
Гёр-оглы говорит, с локонами девушек их
Любил я — не о чем мне жалеть.

1138. После этих его слов [та ответила]:

— Гёр-оглы! Ты говоришь: «Любил я — не о чем мне жалеть. Ловил я — не о чем мне жалеть». Но это не больше того, что [мог бы сказать] любой другой. Ты говоришь: «Рубил я, косил. . .», но не видела я, чтоб подарил ты или бросил свое богатство. Гёр-оглы! Расскажу я тебе, каковы качества [настоящего] мужчины. Стан у мужчины как минарет, рот как земляной очаг, борода как ветви тальника, три-четыре человека, таких, как ты, могли бы вести беседы в его нутре ¹.

— Эй, Ага-Юнус, этот мужчина, о котором ты рассказываешь, жил когда-то или и сейчас еще жив?

— Жив.

— Где он?

— Он из племени Салсала, сын Ак-бека, Безирген. По торговым делам ездит он через твои владения уже восемнадцать лет. Был бы ты мужчиной, взыскал бы с него дань-закят!

— Почему ты не говорила мне, хотя знала, что он уже восемнадцать лет ездит туда-сюда?

— Расскажу, коли сможешь ты что-нибудь сделать! — ответила она и рассказала о Безиргене:

1139. В опьянении что ты болтаешь?

Ступай же, Гёр-оглы, Гёр-оглы!
Хочешь услышать об отважном —
Постой же, Гёр-оглы, Гёр-оглы!

В опьянении себя не теряй.
В пустынном месте угроз не расточай.

Советов труса не принимай.
Ступай же, Гёр-оглы, Гёр-оглы!

Оставь сегодня сомнения свои.
Да будет [имя] бога на устах у тебя,
Безиргена, сына Ак-бека,
Повидай-ка, Гёр-оглы, Гёр-оглы!

Внемли храбрецу, Гёр-оглы!
Триста неров в караване у него.
Это поведала Ага-Юнус.
Езжай-ка, Гёр-оглы, Гёр-оглы!

1140. Послушал он и сказал:

— О Ага-Юнус, рассказать ты сумела. Смогла бы еще свести с ним!
— Кто рассказал, тот и сведет!

Она прочла заклинание, посмотрела на ногти и сказала:

— Гёр-оглы, он проедет в третий или четвертый день месяца сапара *.

Услышал это Гёр-оглы и пошел в мейхану.

— Есть у меня разговор, Косе!

— Какой разговор, Гёр-оглы?

— Оказывается, уже восемнадцать лет Безирген, сын Ак-бека, по торговым делам ездит через мои [владения]. За восемнадцать лет дань причитается с него, Косе.

— От кого ты узнал об этом, Гёр-оглы?

— От Ага-Юнус.

— Гёр-оглы, не слушаешь ты советов моих. Будешь слушать, так знай: когда говоришь той пери ласковые, приятные слова, она частенько дает деньги на чай, на табак. А ты совсем не заглядываешь к ней.

Взял [Гёр-оглы] своих сорок игидов и в день, когда должен был проехать [Безирген], вышел в путь. Приехали они и остановились горный проход стеречь.

— Косе, ты с сорока игидами это место охраняй! А я один пойду стеречь брод на реке Араз, чтобы он не проскочил.

Оставил Гёр-оглы здесь Гыр-ата и сел на лошадь с ослиным седлом — пусть же он стережет брод на реке Араз.

1141. О ком рассказ? — Безирген ехал в эти же места. Перед рассветом послышался звук идущего каравана. Взошло солнце — словно выскочило из горной расщелины. Показался Безирген. Глядит [Гёр-оглы]: тянутся вереницей триста неров. Четыре нера связаны цепью, и на них установлен золотой трон — едут, заполняя ущелье [звоном колокольчиков].

Испугался его Гёр-оглы. Быстро сошел он с лошади, бросил ее и надежно укрылся в тростнике.

1142. Подъехал Безирген, развязал цепи неров, снял груз и пустил неров к траве и воде, а сам принялся рыть яму с большой хауз. А Гёр-оглы

видел все это, лежа в тростнике. «Похоже, есть у него лишний груз, есть у него негодные верблюды. Здесь он это и зароет. А как уедет, я раскопаю, возьму и скажу Ага-Юнус, что получил с него дань. . .» — так размышлял он.

А Безирген, оказывается, рыл очаг-печь. Поднял он котел с восемнадцатью ушками, поставил его на очаг, натаскал бочкой воды из реки, наполнил его котел, взял свой лук и стрелы и отправился на охоту в надежде подстрелить джейрана или кулана и трапезу устроить. Попалась ему на пути лошадь Гёр-оглы. Он поймал ее пастушьям крюком, свалил на землю, перерезал ей горло, разделил тушу на части и положил в котел. Развел он огонь, вода пять-шесть раз прокипела. Мясо чуть сварилось, но он торопился и, вынув из-за пояса нож, стал доставать им куски мяса из котла и отправлять их себе в рот — раздавался хруст в глотке, и с шумом мясо падало в желудок. Съел он мясо целой лошади, запил супом, привел с поля неров и, как ягнят и козлят, стал переносить их через реку. Потом стал переносить и груз.

1143. Глубокая вода Араза, которую копи одолевали вплавь, доходила ему до бедер — не везде срамное место вода ему закрывала. Все перепес он на ту сторону, навьючил на верблюдов, связал их вереницей и двинулся в путь.

Гёр-оглы подумал: «Откуда ему знать, что я Гёр-оглы. Перемолвлюсь-ка я с ним пятью-шестью словами». Немного погодя вышел он из тростника и сказал:

— Эй, Безирген-ага! Салам-алейкум! Погоди малость!

Тот остановился вместе с караваном.

— Говори, сынок!

— Безирген-ага! Меня послал мой господин Гёр-оглы.

— Зачем он послал?

— Ты задолжал нам дань за восемнадцать лет. Мы всё ждали и надеялись, что ты сам поймешь и заплатишь в том году, в следующем году. Но нашу надежду Безирген не оправдал. Вот и послал меня [Гёр-оглы] к тебе, чтобы ты уплатил ту дань.

1144. — Эй, хан-сынок! Я всегда обходил его с юга или с севера на расстоянии недели—десяти дней пути. В этом году решил я испытать судьбу и поехал прямой дорогой. Коли дань нужна, пусть твой господин сам придет и возьмет.

— Мой господин Гёр-оглы человек кровожадный, лучше передай через меня!

— Ты кем будешь у Гёр-оглы?

— Я у него табунщик, пастух.

— Такой как раз и погибнет меж нами, когда мы с Гёр-оглы будем биться. Уходи!

«Испытаю-ка я его силу!» — подумал Гёр-оглы.

— Безирген-ага, этот лук мой господин Гёр-оглы привез из Исфана. Коли натянешь этот лук, то ты по силе будешь равен моему господину. А иначе сходи скорее и отсчитывай дань!

— Подай-ка сюда лук!

1145. [Гёр-оглы] подал лук. Лук заколдован был молитвой. Кто знал эту молитву, мог натянуть лук. А иначе, даже объединив силу сорока пророков, нельзя было натянуть. А Безирген знал ее. Прочитал он молитву и стал натягивать лук; с треском согнулся лук, и концы его готовы были сомкнуться.

— О Безирген-ага! Не позорь меня перед моим господином. Брось-ка его!

— Когда явится твой господин, он и получит, — ответил [Безирген] и сунул [лук] под седло.

— Безирген-ага, не отнимай у меня лук!

— А если отниму, что сделаешь?

1146. — Мой господин Гёр-оглы вот-вот нагрянет с сорока игидами. А тебе скажет он: «Зангар Безирген, чтобы завладеть конем, доспехами храброго игида, нужно убить его. Прах на твою голову, коли обманом возьмешь ты его оружие из рук его слуги!» Обидно тебе будет.

— А ведь правильно он говорит. На, бери свой лук! — сказал тот и бросил.

Гёр-оглы подхватил лук и ушел. Пришел к игидам.

— Гёр-оглы! Кого ты видел — дракона или льва? В лице ни кровинки. Где лошадь? — спросил Косе.

— Я и забыл о лошади, было такое — как если бы увидел я дракона или льва. . . Лучше всего вернуться целым и невредимым, Косе, — объяснил он и спел, обращаясь к игидам:

1147. Встретил я на реке Араз,
Безиргена я повстречал.
В несчастливом месяце сапаре
Безиргена я повстречал.

Он Араз вброд перешел,
Щит напоминают уши его.
Осанкой на дэвов * походит он.
Силача Безиргена я повстречал.

Сколько ни крепил я становище свое,
Бога [не забуду] я помянуть.
Чуть было не сломал он мой лук.
Курда Безиргена я повстречал.

Триста неров в караване его,
Золотая гупба на голове у него.
Тридцать лет Безиргену [всего] —
Молодого Безиргена я повстречал.

Придите, беки! Как поступить?
Лучше устроить совет,

Лучше вернуться, Гёр-оглы говорит.
Могучего Безиргена я повстречал.

1148. Когда Гёр-оглы кончил свое слово, Косе сказал:

— Да ты осторожный игид, Гёр-оглы! Уразумел ты, что где-то и трусость [может] пригодиться.

— Дело не в трусости, Косе. [Просто] хорошо будет, если вернемся мы живыми и здоровыми.

— Мы и отцу его, султану Адды-беку, служили. И у того тоже была привычка лишать нас долгожданного куша, — обратился Косе к Овезу за поддержкой. — Овез-джан! Он слушается тебя. Ты его направь. Такая добыча, такой товар попадаете только раз или два в жизни. Давайте как-нибудь постараемся взять ее.

1149. Подошел Овез к Гёр-оглы.

— О ага! Как бы там ни было, давай ринемся на него!

— О Овез! Ошибку ты делаешь. Ринуться можно, да не поддастся он.

Взял он своих сорок игидов и выехал в путь — дорогу [Безиргену] перерезать. Стали они стеречь брод. Ночью до слуха Косе донеслось громкое [понукание] «хайт».

— Дракон здесь или лев, Гёр-оглы? Страшный голос доносится.

— Это голос Безиргена, Косе!

— Ого, ну и голос у него — беда. . .

1150. Взошло солнце, и показался Безирген. Увидел его Косе.

— Гёр-оглы! Это он создан с таким [мощным] станом или шатер водружил на себя?

— Таким он создан, Косе.

— О Аллах, все так, как ты говорил, Гёр-оглы. А что, если мы сейчас повернем незаметно назад?

— Зангар Косе! Когда давеча я рассказывал, ты не слушал. А теперь, сев на верблюда, хочешь спрятаться за лукой седла? ² Коли сейчас, показавшись ему на глаза, удерешь, в следующий раз он поедет через крепость, прямо по тебе пустит своих верблюдов. Скачите, нужно схватиться с ним! — приказал он, и они ринулись [на Безиргена].

1151. Безирген заметил их. «Нужно было убить того табунщика-пастуха. Видно, это он сообщил им. Как бы там ни было, все зависит от счастья, удачи, Безирген! Говорят: «Жди худшего, а будет хорошо — тебе на счастье!» Кто знает, (что будет), а коли наступит смертный час, пусть хоть труп мой на дороге не валяется. . .» — подумал он и повернул караван к горе Араурум.

Гёр-оглы вышел ему навстречу.

— Дорога там! Куда же ты идешь? — сказал он и с сазом в руках обратился к Безиргену с песней:

1152. Ты в сторону свернул с дороги.

Вернись, Безирген, дорога тут!

Справа и слева пушу я коней,

Вернись, Безирген, дорога тут!

Я шах. Корона есть у меня.
Налоги [исправно] получаю я.
За восемнадцать лет [причитается] мне дань [с тебя].
Вернись, Безирген, дорога тут!

С поля брани тебя я не отпущу,
Проходил ты, не зная, что ли, меня?
Иди и дань плати, [купец]!
Вернись, Безирген, дорога тут!

Знает мир Гёр-оглы.
На радость Овез-джан пришел.
За проход в Арзулум положена плата.
Вернись, Безирген, дорога тут!

1153. Сказал Гёр-оглы эти слова, а тот знай себе едет, не спросил даже, кому, мол, это ты говоришь, — словно собака облаяла едущего на верблюде.

— Гёр-оглы, не слушал он твоих слов. Ты снова, и построже, потребуй уплаты дани. Отдаст — хорошо, а нет — уедем поскорее, — советовал Косе.

Вышел Гёр-оглы и преградил Безиргену путь.

— Эй, зангар Безирген! Ты почему не слушаешь, что я говорю? Ты считаешь меня человеком или нет? — так сказал Гёр-оглы и, требуя дань, обратился к Безиргену, а тот отвечал ему, что дани, мол, не даст.

1154. [Гёр-оглы.] Из Чандыбиля я пришел,
Иди и дань плати, Ак-бек-оглы!
Справа и слева пушу [я] коней,
Иди и дань плати, Ак-бек-оглы.

[Безирген.] Пусть пришел из Чандыбиля ты,
Добро [свое] я тебе не отдам, Гёр-оглы.
Покуда не ославился ты еще,
Я говорю тебе: уходи, Гёр-оглы.

[Гёр-оглы.] Сорок игидов разом пустят коней,
Не мешкая, голову спимут тебе!
Триста верблюдов твоих достанутся нам.
Иди и дань плати, Ак-бек-оглы.

[Безирген.] Сорок игидов на поле боя
Горестями и заботами заняты будут.
Как комары [твои] игиды [для меня].
Ничего я тебе не отдам, Гёр-оглы.

[Гёр - оглы]. Словам удальца игида,
Стонам его внемли.
Не то закят ему плати.
Иди и дань плати, Ак-бек-оглы.

[Безирген.] У Аллаха милостей много.
В колчане у меня восемьдесят стрел.
Ни подати, ни налога [не признаю],
Ничего я тебе не отдам, Гёр-оглы!

[Гёр - оглы.] Это я ведь Гёр-оглы.
С тебя закят свой я взыщу.
Раздавлю, перережу горло тебе!
Иди и дань плати, Ак-бек-оглы!

[Безирген.] Удалец игид битвой ошьянен.
Жаждет он убить тебя.
У Безиргена одна рука ³.
Дани я тебе не отдам, Гёр-оглы!

1155. И, эти слова промолвив, он ничего не дал.

— Косе, говорим или не говорим, он ничего не дает.

— Ну так что же, Гёр-оглы, давай возвратимся.

— Нет, Косе, возвращаться нельзя!

— А что тогда делать будешь?

— Делать я буду вот что: разобьемся на две [группы] по двадцать [человек] и свалим его с верблюда [ударами] копий. Потом, когда упадет он на землю, поглядим, посмотрим. А [пока] на верблюде он, его не одолеть.

1156. Разделились они на две [группы] по двадцать [человек], одна группа зашла с этой стороны, другая — с той. Первым с двадцатью игидами с гиканьем, выставив копье, ринулся на коне Косе. Как приблизилась она, Безирген на верблюде выбросил вперед руку — согнул он копыя всех двадцати и сунул себе под мышку. С другой стороны прискакали игиды Гёр-оглы. Снова он выбросил вперед руку — и у этих двадцати копья отняв, сунул под мышку. Не смог Гёр-оглы удержать коня, и тот подскочил к самому верблюду. А Безирген во все глаза глядел на Гёр-оглы. Прямо с верблюда бросился он на него, тут же свалил его с коня и подмял под себя. Побеждены были сорок игидов и ринулись прочь.

Пустил коня Овез и догнал Косе:

— О Косе, мой господин остался [там], останови коня!

— Эх, Овез, да ты совсем свихнулся. Ты что же, не видишь, что разгорячился Боз-Думан, [не сдержать его]. Обычно расходился он после тридцати одного удара палкой. А нынче он уже сейчас разгорячен.

— Сейтек-Гырма, хоть ты придержи коня!

— Моя лошадь обьезжена для бега.

Другой сказал, что, мол, недоуздок оборвался — каждый что-то придумал, все ушли, разбрелись. А Безирген подмял Гёр-оглы под себя.

— Эй, зангар Гёр-оглы! С самого утра ты мне дорогу заступаешь, задерживаешь меня — дань, мол, давай, это давай, то давай. А вот теперь каково тебе?!

1157. Заплакал Гёр-оглы, лежа [на земле], потом рассмеялся.

— Эй, Гёр-оглы! Я убить тебя собираюсь. Скажи, почему ты плакал и смеялся?

— Безирген-ага! Сейчас скажу я причину смеха. Была у меня жена — пери Ага-Юнус. Однажды сказал я при ней пять-шесть хвастливых слов. А она упрекнула меня: мол, не муж я, а муженек. Рассердила она меня. Спросил я, каков же бывает настоящий мужчина, и она на тебя указала. Ты оказался сильнее, чем говорила она. Вот поэтому я и смеялся. А коли сказать, отчего плакал я, [так вот]: одинок я, один как перст. Нет у меня ни сына, ни дочери, ни старшего брата, ни младшего. И с тобой, отважным игидом таким, другом-побратимом я не стал. Коли здесь настигнет меня смерть, коли умру я от твоей руки, потухнет очаг в моей юрте. Оттого-то и заплакал я. . .

1158. Сказал он это, и ослабили руки и ноги у Безиргена.

— О Гёр-оглы, хотел я убить тебя, да не вышло. Оказалось, одинок ты, один как перст. И я одинок, один как перст. Ты о побратимстве заговорил. [Так] давай побратаемся! — предложил тот и поднялся с Гёр-оглы. Заключили они побратимство и сели, беседуя, отведали чаю, чурека.

— Безирген-ага! Коли ты брат мне, поедem к нам в крепость. Отдохни пять-шесть дней, почести, уважение наше прими.

1159. Размышлял Безирген: «Боже, каких только пословиц не осталось от старых [времен]. Говорят: „Слово забулдыги ненадежно“. Я ведь стал побратимом ему, а не сорока игидам. Приеду я в их крепость, денек буду начеку, а потом забуду об осторожности, и окажутся мои доспехи в разных местах. Их сорок, а я один. Могут упрятать меня в какое-нибудь помещение и спустить мне шкуру, как краденому скоту. Лучше не доверюсь я ему».

— Эй, Гёр-оглы! Я уж вышел в путь, возвращаться теперь не буду. В другой раз, как буду проезжать, заеду. С почетными подарками для Овез-джана, для сорока твоих игидов приеду.

1160. И Гёр-оглы не особенно-то доверял ему.

— Хорошо, добро, Безирген-ага, в следующий свой приезд заходи. До свидания! — ответил он и встал.

— Гёр-оглы, посиди еще малость. Думал ты с добычей быть, с надеждой пришел, так не уходи ни с чем! — сказал Безирген и, вынудив из-за луки седла узелок, отсчитал ему пятьсот золотых туманов. Попрощался Гёр-оглы и ушел.

А сорок игидов, подавленные, сидели, ожидая, чем же все это кончилось. . . Тут подошел Гёр-оглы, пешком пришел.

— Гёр-оглы! Целым-невредимым вернулся? — стали расспрашивать они его.

— Целым-невредимым вернулся. А что со мною [может] случиться? — ответил он чуть хвастливо.

— Разве же не навалился на тебя Безирген, словно минарет?

1161. — Безирген-то на меня навалился, игиды. Да я собрал все свои силы и волю и поднялся. Ухватил его за шиворот. И он за ворот меня схватил. Кулачный бой начался. Долго мы бились; затем он, человек упитанный, откормленный, остановился, глядя мне в лицо. А я то с этой стороны зайду и бью его, то с другой стороны зайду и бью. Бил я его, покуда запал не иссяк. Слабее меня оказался он, и вот, страшась меня, отсчитал он эти пятьсот золотых туманов.

— Верно, оказывается, говорят: «Большой человек пустым бывает», — заметил Хаджи-Сумсар.

— Далеко ли отъехал уже тот зангар? — спросил Вели-Хиртман.

1162. Раздался клич «по коням!». Когда сказал Гёр-оглы, что тот оказался слабее его, все приготовились ехать.

— О игиды! Я-то не могу ехать. Как получил я от него пятьсот золотых туманов, я, собираясь уезжать, побратался с ним, — сказал Гёр-оглы.

— Побратимом-то он тебе стал. А мы его уничтожим! — рвались они.

— Нет, игиды, я не могу ехать!

Те попросили Овеза, чтобы он его уговорил.

— Я не осмелюсь повторно просить моего господина.

Не послушался Гёр-оглы сорока игидов и вернулся назад.

1163. О ком рассказ? — Жила-была в некоем месте старуха, которая когда-то стала названной матерью Гёр-оглы. Всякий раз, как был он с добычей, оставлял он ей на покушку насса одну-две теньга.

«Хоть и невелика добыча, да была все же; оставлю-ка я ей одну-две теньга. Давно я ее не навещал», — подумал Гёр-оглы и поехал через [владения] старухи.

Коли описывать старуху, так вот: на спине горб, шея короткая, колени выше ушей торчат — противная рожа, страшилище, нечестивица. Было бы зло, о добре она и не поминала. Звали ее старуха Зейнель.

1164. Прискакал Гёр-оглы к ее обиталищу. Привязал коня, приветствовал ее и вошел в шалаш. Обменялись они приветствиями.

— Эй, сынок, счастливого пути!

— Даст бог, да будет он таков!

— Откуда едешь?

— От Безиргена еду.

— Что за дело было у тебя с Безиргеном, сынок?

— Получил я с него пятьсот туманов золотых, побратался с ним.

Как только он сказал об этом, старуха начала щипать себя:

— Сынок, скажи лучше, что закатилось твое счастье, загублено дело твое, погибла твоя страна...

— Что случилось, матушка?

— Коли не одолеешь, сынок, не успокойшься! — сказала та. Она взяла свой дутар, сделанный из восемнадцати прялок, положила дутар на старую свою грудь и обратилась к Гёр-оглы:

1165. Ненадежно слово нечестивых людей,
Придет, страну твою разрушит Безирген.
Слову его доверять нельзя.
Придет, страну твою разрушит Безирген.

В один из дней явился он,
За глаза влюбилась [в него] пери твоя.
Не отпускай его в Гурджистан.
Придет, страну твою разрушит Безирген.

Догоняй его на храпящем коне,
Судьбу-долю свою затем испытай,
Убей самого, а добро его заberi.
Придет, страну твою разрушит Безирген.

Старухой Зейнель величают меня,
Пусть не достигнет нечестивец радости сердца.
Пусть достигнет [цели] стрела, пусть завопит
о пощаде он.
Придет и пери твою заберет Безирген.

1166. Сказала она эти слова, и Гёр-оглы охватило сомнение.

— О Аллах, неужели это так?

— Не сомневайся, сынок!

И сорок игидов, как поняли сомнения Гёр-оглы, загалдели: «Разве мы не говорили! . .»

1167. Последовал Гёр-оглы советам старухи и вновь отправился в погоню. Обjechaл стороной и остановился в засаде на пути Безиргена.

— Косе, названным братом ему став, нельзя открыто выйти и убить [его]. Придумаем уловку, обманом возьмем его! — договорились они.

1168. Что бы ни случилось [плохого] с человеком — все из-за зазнайства. [Успокоился] Безирген: «Был у меня один враг на свете, Гёр-оглы, и с ним я стал побратимом. Теперь уж я не умру, разве только с верблюда упаду. . .» Ехал он на верблюде, подремывая, подставив грудь ветру.

Приготовил Гёр-оглы для него три стрелы: одну в лук вложил, другую вместе с луком зажал, а третью в зубы взял. Пустил он стрелу, что вложена в лук была, стрела угодила [Безиргену] в грудь, но тот [даже] не проснулся. Пустил и ту стрелу, что вместе с луком держал, и она попала в цель. Пустил и ту, что в зубах держал. Все три стрелы вонзились в одно место — рухнул Безирген с верблюда, словно минарет. Стреляя из лука, Гёр-оглы, оказывается, близко подъехал к верблюду. Так притиснулся Гёр-оглы, что попал Безиргену в руки. Тот быстро подмял его под себя. Сорок игидов удрали прочь.

Подмял тот Гёр-оглы, но не узнал его и спел:

1169. Ты нехстати ко мне пришел,
Для каждого уготована смерть.

Обагрил ты кровью меня.
Для одинокого уготована мука.

Кто в Арзулуме меня догнал,
Кто за шиворот меня схватил,
Кто побратимом стал моим —
Есть брат у меня по имени Гёр-оглы!

Ночью становится луною она,
Конь, доспехи наготове у нее,
В битве тысяче равна она —
Есть сестра у меня по имени Айсолтан.

Увы, напрасно погиб ты, Безирген.
Коли с повинной придешь, прощу твой грех.
До дня воскресения из мертвых Мухаммед,
Великий пророк, есть у меня.

1170. Он спросил:

— Ты кто?

— Я Гёр-оглы.

— Ну и зангир же ты! С самого начала предчувствовал я, что не сможет забулдыга слова сдержать. Как предчувствовал я, так и вышло, Гёр-оглы.

— Нет, Безирген, не узнал я тебя и стрелял, приняв за османского торговца. . .

— Узнал или не узнал, а дело ты свое совершил, Гёр-оглы! Захотел бы я убить тебя, у меня и сейчас хватило бы силы. Одной затрепичной прикончил бы я тебя! Но смерть твоя меня не воскресит. Все, что со мной должно было случиться, случилось уже. Позор пусть на твою долю достанется. А я как был отважным, таким и умру. Совершил ты это дело, Гёр-оглы, к тебе обращаюсь я: пусть не валяется тело мое на дороге. Оттащи [его] в сторону и предай земле. И еще: есть у меня сестра Айсолтан. У нее есть враг — дэв Кара-хан. Помоги ей, избавь ее от этой напасти. И еще спой песню в мою честь.

Гёр-оглы, [находясь] под Безиргеном, спел:

1171. Прибыл ты из страны Гурджистан.
Господин из господ [он], бек он, Безирген!
Хан и султан он страны Гурджистан.
С лапой льва [он], лев он, Безирген.

На тигра пускаешь ты скакуна своего,
Ни малых, ни больших не слушаешь ты.
Гарцуя на коне, я пришел на него.
Мужчинами нас не считает, шутки с нами
шутит Безирген.

Поднялся, повеял утренний ветерок.
Вся изранена печень моя.
Сядь полегче, задавлено тело мое.
Три ребра враз сломались моих, Безирген!

В собольи одежды облачился ты,
Надел на голову шапку «бекдаши».
Гёр-оглы несколько тюркских слов произнес.
Пятьсот туманов ты подарил, Безирген!

1172. Пока он цел, стал тускнеть взгляд у Безиргена. С силой вытащил Гёр-оглы [из тела его] три стрелы. Стрелы вышли — вышла и душа Безиргена. . .

Поднялся на высокий холм Гёр-оглы и кликнул своих игидов. Услышали они его голос и подумали: «Одолеет он Безиргена, а сам остался цел-невредим, доносится голос его с высоты!»

Прискакали они и увидели, что одолеет он Безиргена. Стал Косе объезжать скот [Безиргена]; то в одну сторону скачет на Боз-Думане, то в другую.

— Косе, я был его побратимом и, как трус, убил его. Два заветных слова сказал он мне: пусть, мол, не валяется на дороге тело мое, оттащите в сторону и предайте земле!

— Гёр-оглы! Ты с ума сошел! Он ведь не поместится в обыкновенной могиле. Видно, прикончил ты все свои дела!

Нравы толпы, привычки туркмен тебе известны: не послушались они его, угнали скот Безиргена.

1173. О ком рассказ? — Об Ага-Юнус.

Все, что случилось, видела она, глядя на свои ногти. Когда вернулся Гёр-оглы, она обняла его и помогла сойти с коня. Помогая ему сойти с коня, сдавила она ему ребра.

— Ой, ой, Ага-Юнус! — крикнул Гёр-оглы.

— Что случилось, Гёр-оглы?

— Ты же знаешь повадки Гыр-ата, Ага-Юнус! Шарахнулся он в пути и упал. Никак, сломаны у меня три-четыре ребра.

— Гёр-оглы, ты не падал с Гыр-ата, когда ему было три года, четыре года, а теперь, когда у него желтые зубы и желтые [старые] копыта, падаешь? Другом, побратимом Безиргену ты стал. [А потом] поверил наветам старухи с мерзкой рожей, нарушил клятву свою и убил несчастного, когда тот спал. На тебя он свалился и переломал тебе ребра!

1174. Гёр-оглы сидел опустив голову.

— В конце концов люди, подобные тебе, с несчастными поступают подобным образом! — укоряла она ⁴.

После ее слов Гёр-оглы признался:

— Да, Ага-Юнус, гадко я поступил. . .

— Гёр-оглы, не загоняй в свою крепость его скот. Сегодняшняя прибыль завтра обернется убытком в десять раз большим. Не трогая, отправь

все в его страну. А тело Безиргена похорони недалеко от крепости, в стороне кыблы. Возведи часовню. Водрузи на ней золотой бунчук. А ту старуху посади на кол, чтобы не стала причиной многих новых бед. Не то у нас с тобой согласия не будет.

1175. Тот пришел к сорока игидам.

— Косе, наше решение Ага-Юнус не принимает. Сообрази, как переправить скот в его страну.

Отослал он с сорока игидами нетронутым весь скот, перенес тело Безиргена и похоронил, прочитав зауспокойную, рядом с крепостью, в стороне кыблы, часовню возвел, укрепил на ней золотой бунчук, а старуху схватил за волосы, измучил-истерзал и, водрузив кол на большой торговой дороге у входа на мост, посадил на него, приговаривая: «Так бывает с каждым, кто наговаривает. Да будет это примером для глядящих, уроком для слушающих».

1176. Отправилась душа старухи в ад на базар. Пусть она [там] и остается, распевая песни для проезжающих на базар.

Гёр-оглы вернулся в свою крепость.

— Ну как, Гёр-оглы, исполнил ты, что я говорила?

— Исполнил, Ага-Юнус!

— Ну, коли исполнил, так Расскажи о храбрости или трусости своей, а я послушаю.

— Хорошо, добро, — ответил тот и спел песню, Безиргена храбрецом показав, а себя — трусом:

1177. Вот слово мое, о пери моя!

Никчемным Гёр-оглы я стал. . .

[В жизни] много блаженства я испытал,

Бесчестным Гёр-оглы я стал.

В горах я его догнал.

За ворот его ухватил.

Назвавшись братом, обманул, убил.

Никчемным Гёр-оглы я стал.

Да наслаждаются жизнью отважные игиды,

От этого тленного мира проку нет,

Убив его, покаялся я.

Изменником Гёр-оглы я стал.

В неведение догнал я и убил.

Кровавыми слезами плачу я,

Золотые гумбезы * я соорудил.

Щедрым Гёр-оглы я стал!

Я, Гёр-оглы, явился в тленный мир.

Узнал я, что не вечен тленный мир.

Убийцей стал я для Айсолтаң,

Кровопийцей Гёр-оглы я стал.

1178. После этой песни Гёр-оглы она заметила, что слово он сдержал. Пусть они останутся здесь.

О ком теперь рассказ? — О сорока игидах.

Путь долг, слово [о нем] лучше краткое. Мало ли, много ли ехали они и [вот] приехали в страну Безиргена. При въезде посоветовались.

— Ну, сообрази, Косе, как быть!

— Я уж сообразил. Коли послушаете меня, идите, закрыв лицо руками, и причитайте так, чтобы слышал весь народ.

Как подошли они ко дворцу Безиргена, закрыли лица руками и завопили.

1179. О ком рассказ? — Об Айсолтан. «Что это за шум?» — подумала она, вышла на улицу и видит: [пригнан] скот ее брата.

— О игиды, перестаньте плакать! Расскажите! Где хозяин этого скота? — обратилась она к сорока игидам и, заунывно плача, запела:

1180. Да буду я жертвою вам, гости дорогие!
Где хозяин скота моего, где Безирген?
Да будет сладкая душа моя жертвою вам,
Где хозяин имущества моего, где Безирген?

Еще раньше пугал меня [кошмарный] сон.
Не знаю, какая беда постигла меня.
Разлучена ли я с соколом своим?
Где хозяин имущества моего, где Безирген?

Погиб ли мой старший брат вдали?
Поблекло ли, пожелтело, как роза, его лицо?
Осталась ли где-то могила его?
Где хозяин души моей, где Безирген?

Девушкой Айсолтан зовут меня.
При вздохе моем сгорит мир в огне.
Плачу, стенаю, поминаю брата своего. . .
Где хозяин головы моей, где Безирген?

1181. Сказала она эти слова, и Косе спросил:

— Ты кто?

— Я несчастная сестра Безиргена Айсолтан.

— Коли ты его несчастная сестра, так мы сорок игидов Гёр-оглы. Твой брат стал другом, побратимом Гёр-оглы. Чтоб отдохнуть, заехал он в крепость Гёр-оглы. Побыл он там пять-шесть дней, да заболел болезнью «джум-джуме»⁵. Настал его смертный час, и умер он. Тогда отправил Гёр-оглы с нами его имущество, скот. Вот имущество твоего брата, Айсолтан!

Скот, имущество были доставлены в целости, что, [казалось бы], подтверждало [правдивость слов Косе].

1182. Как услышала эту весть Айсолтан, испустила крик и упала без чувств. Лишь спустя час пришла она в себя. Поверила несчастная выдумкам, хитростям Косе, как дорогих гостей приняла игидов и проводила, передав привет Гёр-оглы.

Вернулись они в Чандыбиль.

— Косе! Живыми, здоровыми возвратились?

— Возвратились, Гёр-оглы.

— Что нового, какие вести?

— Гёр-оглы, обманом-хитростью передал я скот-имущество его. Но есть сестра у него по имени Айсолтан. Хорошо, если мои объяснения ее успокоят и не узнает она [ничего], но, если узнает, крепость наша станет для нас зинданом.

— Хорошо, добро, Косе. Раз передал и вернулся, выход найдем.

Пусть они останутся здесь.

1183. О ком рассказ? — Об Айсолтан.

Прошло пять-десять дней. Начали доходить до нее с разных сторон неприятные вести. Приказала она глашатаям объявить по крепостям: «Не знает ли кто, как умер Безирген — своей смертью или был убит?» Так и возвещали глашатаи. А знал об этом другой торговец из страны Айсолтан. Когда Гёр-оглы убивал Безиргена, он, пригнувшись, проскочил незамеченным. Ничего он не говорил об этом, потому что трудно сообщать печальную весть. Как прокричали глашатаи, он пришел к Айсолтан.

— Ты перестань объявлять через глашатаев и расспрашивать о своем брате. Брата твоего убил суннит Гёр-оглы в Чандыбиле, на такой-то горе.

1184. Как услышала она эту весть, испустила крик и упала без чувств, потом пришла в себя и села, проливая слезы. «Сколько бы я ни плакала, брат мой не вернется. . .» — подумала она.

На расстоянии недельного пути от ее страны была страна под названием Хияд. А правителя ее звали дэв Кара-хан. Он был влюблен в Айсолтан, но не смел являться, боясь Безиргена. Она решила: «Как узнает он о смерти моего брата, и часа не промедлит — заберет меня. Чем ему достаться, я лучше „на небо улечу“. Отомщу за брата или погибну!» Привела она лучшего из коней брата, хорошенько оседлала его, а сама оделась в мужское платье, нацепила на себя богатырские доспехи, села на коня и направилась прямо в Четырехгорный Чандыбиль.

1185. Послушайте о Гёр-оглы. Тяжко страдал он из-за того, что, побратимом став, нарушил свою клятву и убил [Безиргена]. Так пролежал он сорок дней.

— Косе, [слишком] долго я в печали лежу. Поедем-ка на охоту.

Взял Гёр-оглы сорок игидов и отправился на охоту. Одну почь провели в горах. Назавтра, едва взопло солнце, сели они на коней. А спустя какое-то время на востоке показался всадник. Его увидел Хаджи-Сумсар.

— Эй, игиды, глядите туда! Едет безбородый юноша, привлеченный нашей славой.

1186. — Игиды! Понапрасну не болтайте! Здесь гористое место, и солище только взошло. Видно, в это время тут ходят Хызр и Ильяс, Ковус и Кияс *, — заметил Таймаз-бек.

— Ты говоришь: «Хызр», «Ильяс», «Ковус», «Кияс». Вот бы к нам явился один из этих чистых святителей — это было бы даром божьим.

Айсолтан подъехала на расстоянии голоса. Натянула она поводья и, приветствуя [Гёр-оглы и игидов], остановилась. Гёр-оглы ответил на приветствие.

— Ну, добрый молодец, рассказывай!

Тут Айсолтан сняла из-за спины дутар и обратилась к Гёр-оглы с песней:

1187. О стоящий предо мной игид!
О Гёр-оглы знаешь ли ты?
Послушай слово мое, игид-базилек.
О том тиране знаешь ли ты?

О том, кто огонь сердца моего погасил,
Кто ум-рассудок отнял у меня,
Кто брата моего заставил откочевать,
О Гёр-оглы знаешь ли ты?

На поле битвы коня направить я хочу.
За полу храбреца держаться я хочу,
Убить иль погибнуть сама я хочу,
О том тиране знаешь ли ты?

О том, кто порадовал моих врагов,
Кто заставил поблекнуть румяное мое лицо,
Кто единственного брата моего убил,
О том тиране знаешь ли ты?

Поведает Айсолтан о горе своем.
Хоть убью, не остынет сердце мое.
За кровь [отплатит] мне Гёр-оглы —
О кровопийце знаешь ли ты?

1188. Кончила она петь, и у суннита дрожь по телу прошла, как услышал он, что говорит она: «Гёр-оглы», «Айсолтан». Но он прикинулся непонимающим.

— Эй, добрый молодец! Ты говоришь: «Айсолтан», «Гёр-оглы». Ты как следуешь поведай мне [обо всем]. Кто ты?

— Я несчастная сестра Безиргена Айсолтан.

— Слышали мы, что у Безиргена есть несчастная сестра Айсолтан. Это ты, добрый молодец?

— Не называй [меня] без конца добрым молодцем!

— Откуда же знать. . . Ты в халате, тельпек на голове, на коне ты и с оружием [в руках] — потому и назвали добрым молодцем. Теперь мы узнали, что ты Айсолтан. Ну, Айсолтан, с каким делом отправилась ты в путь?

— Тот Гёр-оглы, говорят, брата моего убил. Вот и еду я отомстить ему за кровь!

1189. Игиды тоже понимали друг друга. Гёр-оглы подмигнул Косе.

— Косе!

— Да.

— Мне-то не пришлось с ним много говорить. А ты с ним беседовал долго. Он ведь в аламан ушел. Не говорил ли он тебе, через сколько дней вернется?

— Говорил.

— Через сколько дней обещал вернуться?

— Говорил он, что если увлечется добычей, то вернется через шестьдесят дней, а иначе через сорок-пятьдесят дней.

— Айсолтан! Сорок игидов Гёр-оглы — это мы. Он стал другом, побратимом твоему брату. Да нарушил слово свое и убил его. Мы с ним тоже после этого рассорились. Прежде мы всюду следом ходили за ним — даже когда по нужде он шел. Разгневался он на нас и один отправился в аламан. Жаль, что приехала ты в такую даль, измучилась, а его нет дома.

— Через сколько дней он обещал вернуться?

— Говорил он, что если увлечется добычей, то вернется через шестьдесят дней, а иначе — через сорок-пятьдесят дней.

— Да я тут хоть шестьдесят лет буду лежать!

1190. «Придется убежать, уйти в степь», — подумал Гёр-оглы.

— А был бы Гёр-оглы в крепости, сумела бы ты отомстить за брата?

— Коли не сумею [отомстить], так сумею умереть — я ведь не лучше брата.

Всё мужественные слова говорит Айсолтан. «Испытаю-ка я ее силу», — решил Гёр-оглы.

1191. — Айсолтан, нам приходилось верхом на коне биться копыями с Гёр-оглы. Тупым концом копыя то он опрокидывал меня с коня, то я его. Равные силы были у нас. Давай-ка устроим мы с тобой состязание на копыях. Коли ты одолеешь меня, то делай что хочешь, воля твоя: захочешь лежать — лежи, захочешь подняться — поднимайся. А окажешься слабее меня, то нечего ложиться-подниматься, прямиком обратно поезжай!

Айсолтан согласилась. «Ты скажи, ты скажи. . .» — предлагали они один другому. Первым поскакал Гёр-оглы. Айсолтан догнала его, ударила тупым концом копыя и свалила с коня. Потом поскакала Айсолтан. Догнал ее Гёр-оглы — бьет копыем, а та не шелохнется, словно гвоздями к седлу приколочена.

— На коне ты сильнее. Давай-ка поборемся с тобой.

1192. Обхватили они друг друга и стали бороться. Вскинула Айсолтан Гёр-оглы на спину, покрутила-покрутила и с силой швырнула на землю.

— Айсолтан! Разве я в ответе за кровь твоего брата? — сказал [Гёр-оглы] и встал.

— Эй, игид, в конных состязаниях и в борьбе обижаться нельзя.

— Да, но ты хотела ведь отомстить за кровь брата!

— Коли мне за кровь брата мстить, игиды, отведите меня туда, где погиб брат.

— Хорошо, добро, — ответили они и двинулись гурьбой, повели ее туда. Когда подошли к часовне, Айсолтан спросила:

— Игиды, моего брата похоронили на этом кладбище?

— Айсолтан! Здесь было пустое место. Гёр-оглы убил твоего брата. Но потом раскаялся в содеянном и похоронил его тут. Эти адания, часовни он сам возвел в честь твоего брата.

1193. — Игиды, не шутите надо мной. Кто злобно убивает человека, такие здания не воздвигает!

— Нет, [мы не шутим]! Коли не веришь, сойди с коня и проверь.

Айсолтан спешила, открыла дверь часовни и, убедившись, что это могила брата, испустила крик и упала без чувств. Спусти три часа пришла она в себя и, сидя у могилы брата, спела, поминая его:

1194. Ты ли приехал в эти края
И мучеником умер, брат мой?
Ты ли, веление хана исполняя,
Мучеником умер, брат мой?

Ты ли, что по свету мужчиной ходил,
Для врагов голодным волком был,
Душе моей страдания принес, —
Ты ли могилой стал, брат мой?

В мире он недолго жил.
Мечты-желания его не сбылись.
Потомства не осталось после него.
Ты ли одиноким ушел, брат мой?

Ты ли, кто сделал несчастной меня,
Сердце опечалил мое,
Айсолтан заставил горько рыдать, —
Ты ли стал мучеником, брат мой?

1195. Кончила она петь и сидела плача.

— Айсолтан! Не плачь. Лучше подчиниться воле Аллаха. Грешно плакать, — утешил [ее] Гёр-оглы.

— Как это грешно? Разве же он покушался на его страну, на его трон, на его богатство? Человек свободно, в свое удовольствие ходил [по земле], а тот злобно убил его. Как же после этого мне плакать грешно? Игиды! Не осуждайте меня за то, что плачу. . . — сказала она и обратилась к ним с песней:

1196. Сорок игидов, одинокую женщину не осуждайте,
За что же он брата моего убил?
Из-за него грудь израна моя.
За что же он брата моего убил?

Среди друзей и врагов смеющегося лица моего нет,
Некому мне слова сказать — ни старшего, ни младшего
брата у меня нет.

Коли умру — наследников у меня нет.
За что же он брата моего убил?

Полетела бы я, да крыльев-перьев у меня нет.
Не к кому мне пойти — ни старшего, ни младшего
брата у меня нет.

Хоть буду плакать по брату я, буйного nera моего нет.
За что же он брата моего убил?

В мире этом для души веры нет.
На праведном он умер пути — сомнений нет.
У Айсолтан, кроме Истины, иной опоры нет.
За что же он брата моего убил? . .

1197. Кончив петь, Айсолтан сказала:

— У Гёр-оглы, оказывается, есть и что-то от мужчины и что-то от собаки. Сперва он жестоко убил его, затем раскаялся, похоронил, столько расходов понес, здания воздвигая. При случае и мужество, и собачий нрав у него обнаруживаются.

Мужественные слова говорит Айсолтан, а Гёр-оглы готов хоть сквозь землю провалиться. Думал Гёр-оглы: «Эх, Гёр-оглы, Гёр-оглы! Перед столькими арабами не дрогнул ты; устоял перед сорокатысячным войском. А теперь, здесь, страшишься какой-то женщины, скрываешь род свой — прах на твою голову! Разве рано или поздно не [придется] залог вернуть?»⁶.

1198. Вынул Гёр-оглы из-за пояса булатный нож, вытащил из ножен саблю-истребительницу и положил их перед Айсолтан.

— Айсолтан! Мы всё хитрим, говоря: туда, мол, Гёр-оглы уехал, сюда уехал. . . А Гёр-оглы — это я! Я убил брата твоего. Не убьешь — трусом будешь! А скажу «вах», когда ты мечом будешь бить, — я буду трусом!

1199. — Гёр-оглы! За то, что, как настоящий мужчина, воздвиг ты эти здания, по-людски похоронил его здесь и в конце концов сложил передо мной свое оружие и честно все рассказал, я прощаю тебе кровь брата. От того, что убью я тебя, брат не воскреснет. Никого у меня нет — ни старшего брата, ни младшего. Одинока я, одна-одинешенька. Отныне стал ты мне за старшего брата.

— Айсолтан, коли угодно будет богу, буду я тебе братом! — ответил Гёр-оглы и обратился к Айсолтан:

1200. Преклоняюсь я пред тобой, розоликая дева.
Не плачь, буду я братом тебе,
Из-за него у меня в ранах грудь.
Не плачь, буду я братом тебе.

Бушевал я, словно река, и умолк.
В шахматы с женщиной я играл и свел вничью,
Смерть — воля Истины, трусом я стал.
Не плачь, буду я братом тебе.

Понапрасну⁷ я брата твоего убил.
Стрелы пустив, кровью залил его глаза.
Раскаялся, золотую часовню я воздвиг,
Не плачь, буду я братом тебе.

Гёр-оглы говорит: душу мою возьми!
На землю и капли крови моей не пролей⁸,
У Аллаха благодати-света я прошу —
Не плачь, Айсолтан, буду я братом тебе!

1201. Кончил он петь, и Айсолтан сказала:

— Гёр-оглы-ага, хорошо, что будешь ты мне [за] брата. На севере, на расстоянии недельного пути есть страна, называемая Хинд. Правителя ее зовут тюре Кара-хан. С самого дня моего рождения мечтал он меня [в жены] взять, да, брата боясь, не осмеливался являться ко мне. Подумала я, что, как услышит он о гибели брата, придет и захватит меня, — вот и уехала я оттуда. Коли отведешь от меня эту беду, братом моим станешь.

— Поедем к нам в крепость, Айсолтан, переведем дух. А потом уж буду тебе служить, пока душа моя тела не покинет! Какая разница — там я умру или здесь! . .

Приехали в крепость. Поручил он Айсолтан своей Ага-Юнус, и отдохнули они пять-десять дней. Когда объявлено было, что завтра отправляться в путь, сорок игидов обступили Косе.

1202. — Косе! Этот зангар говорит, что завтра едет.

— Что же делать, коли едет.

— Где же находится этот дэв Кара-хан? . . Да груп его задавит сорок таких, как мы, человек. Сообрази что-нибудь, чтобы на этот раз остаться нам, Косе!

— Коли я скажу Гёр-оглы, что хочу остаться вместе с сорока игидами, не услышу ли я брани в ответ?

— Конечно.

— И не получу ли один-два удара плетью?

— Получишь.

— Чего же ради мне слушать брань и удары получать? У каждого для себя силы [должно] хватить. Сам-то я останусь. . .

— Меня оставь, оставь меня!

— Коли оставлю, что вы мне дадите, игиды?

— Все дадим, Косе, что захочешь!

— Много я с вас не спрошу. Пусть каждый даст по одному теньга.

Вот и получится сорок теньга, хватит на чай.

— Коли оставишь, дадим, — твердо пообещали они.

— Косе, придумай способ, чтобы остаться.

— Ну, так слушайте меня: скажитесь все больными.

— Как это сказаться больными? Научи признакам болезни.

— Чай, табак, пища неприятны больному. День-два полежите — не бойтесь, что умрете. А потом он возьмет с собой Айсолтан и сам поедет.

1203. На следующий день пришел Гёр-оглы, а все лежат.

— Ну, игиды, что это вы лежите? Поднимайтесь!

— Нет, Гёр-оглы! Захворали мы. Выйди курить на улицу, запах [табака] неприятен [нам], — говорили они.

Гёр-оглы понял, что это Косе научил их. Ушел он, [подумав], что можно будет поехать и в другой счастливый день. Так они без еды и питья пролежали три дня. На четвертый день [Гёр-оглы приказал]:

— Иди, Овез, в мейхану. Разведи огонь, завари чай. Захотят есть-пить — сами встанут.

Пошел Овез, заварил чай, разложил кульче, катлама.

— Вставайте, игиды, поьем чаю!

1204. Хаджи-Сумсар и остальные лежали, поглядывая из-за халатов. Он подумал: «Коли еще день-два пролежу без еды и питья — умру. Лучше уж самому за себя отвечать, [хоть] и погибнуть на поле брани».

— Овез-джан! Полегчало моей голове, — сказал он и поднялся. Попил чаю, кальян покурил. Как говорится: «Влюбленный увидит — воспламенится». Один за другим поднялись [игиды], подошли. Все, кроме одного, подошли. Дяли-Мятел не встает.

— Мятел! И ты вставай и приходи! С ними пусть будет что будет, а мы вдвоем уж сообразим что-нибудь, как выедем в поле.

1205. Взял Гёр-оглы сорок игидов и отправился в страну Айсолтан. Пять-шесть дней были в пути. Как-то на рассвете проверил Гёр-оглы своих игидов — нет Мятела и Косе.

— Вы поезжайте! — приказал он остальным игидам, а сам повернул обратно. Проехал немного Гёр-оглы и увидел Косе: лежит тот в тенечке, халатом от солнца загородился.

— Эй, Косе, что это ты лежишь?

— У меня разыгралась старая лихорадка. [А] из-за свежего утреннего ветерка и пропотеть не могу. Сильно мучит она меня. Близко ли отсюда до крепости?

— Косе, разве не мог ты сказать мне сразу же, как лихорадка прихватила тебя? Лекарств от нее много. Идем, я сам вылечу тебя!

1206. Сел на коня Косе и поехал. Гёр-оглы за ним. Делает вид Косе, что его лихорадит, едет и ежится, а что сзади делается, не знает. Взял Гёр-оглы шестопер и ударил его как следует по спине пять-шесть раз.

Повернулся тот и увидел, что Гёр-оглы приготовился еще поддать. Дернул он поводья Боз-Думана.

— Гёр-оглы! Оказывается, жила лихорадки по спине проходит. И лекарство от нее шестопер оказался. Я поправился, Гёр-оглы!

Но тот ударил еще раз пять-шесть — чтобы, мол, болезнь до самой смерти не возвращалась. . .

— Где Мятел?! — закричал [Гёр-оглы].

— И Мятел там, подальше. . . — сказал он и побежал. Погнал его Гёр-оглы перед собой еще немного и вернулся назад. Видит: сошел с коня Мятел и стоит, упершись лбом в луку седла.

— Мятел, что с тобой случилось?

— Сильно голова заболела у меня. Прихватила болезнь меня, глаза вылезти готовы. . .

— Сказал бы мне, как прихватила тебя головная боль, я уж вылечил бы тебя. Поехали! Я вылечу.

Заставил его сесть на коня, а сам — за ним. Тот ехал закрыв глаза. Обнажил Гёр-оглы саблю и ударил его по голове рукоятью раз пять-шесть.

— Гёр-оглы! Оказывается, лучшее лекарство от головной боли — это рукоять сабли. Исцелился я.

Он ударил его еще пять-шесть раз, чтобы болезнь навсегда отстала от него.

1207. Сорок игидов он погнал впереди. Косе сказал:

— Гёр-оглы! Таких игидов погоняешь ты. Спел бы лучше ты, рассказывал о путях-дорогах, что ведут в ту страну, куда едем мы.

И Гёр-оглы, обращаясь к игидам, спел песню:

1208. Коли приедем мы в Гурджистан,

[Увидим, что] сорока тысяч кибиток народ там есть.

Не тревожьтесь, сорок игидов моих!

На одиннадцать дней [пути] пустыня там есть.

Радостью опьяненные, скачите на конях,

Гарцуя, на поле брани выходите!

Коли приедем мы в Гурджистан,

[Увидим, что] пятьдесят тысяч беков там есть.

Все [люди] — божьи рабы.

Отомстим же за Айсолтан!

В стране Хинд, у Кара-хана,

Не знаю, какие замыслы есть.

Бек Гёр-оглы, беспечно не лежи,

Советам труса не следуй.

Не бойтесь, сорок игидов моих, —

Пир хазрет Али у меня есть.

1209. Произнес он эти слова, и поехали они дальше. Когда до крепости Айсолтан оставался день пути, встретились им люди [той] страны: со скарбом-имуществом своим откочевывали они. Айсолтан расспросила своих земляков.

— О люди! Что это за переселение?

— Айсолтан, пришел дэв Кара-хан во главе десятитысячного войска и остановился за крепостью, водрузив свой бунчук. Мы не могли оставаться в крепости, — объяснили те.

А игиды Гёр-оглы и без того были охвачены страхом. Косе затрясся и напустил себе в штаны. Понял Гёр-оглы страх игидов и обратился к ним: не бойтесь, мол.

— Пусть хоть сорок лет свирепствует мор, и тогда умрет лишь тот, чей смертный час настал, а без того никто не умрет! — утешал он их:

1210. У кого на конюшне привязан арабский скакун,
У того сердце кипит, бурлит, бушует.
У игидов, что скажут по утреннему ветерку,
Арабские кони — как бури, как горный сель.

Когда долгий путь предстоит скакуну,
Робость трогает сердце твари живой,
Удальцу игиду все ни о чем.
Оп, словно раненый тигр, [беснуется он] — то на холме,
то в низине.

Труссы боятся, в бой не идут.
Кто вышел биться, не жалеет ничуть.
Кого Истина охраняет, тот останется невредим.
Стрела смерти к трусу путь найдет.

В битвы день снаряжаются удалцы.
Под храбрецами гарцуют скакуны.
Плечо игида [прикрывает] щит,
Конье, сабля у него в руках.

Гёр-оглы говорит: я скромный слуга.
Пир мой Шахимердан, ты опора моя,
Удальцы игиды бьются на поле брани,
Головы летят, кровь потоком льется.

1211. Кончил он петь, (и поехали они дальше). Подъехали к крепости Айсолтан с западной стороны, а въехали в ворота, обращенные к кыбле. Приехали и остановились во дворце Айсолтан. Чаю попили, поели.

— Айсолтан, скажи, что делать? — спросил Гёр-оглы.

— Что делать, ты и сам знаешь! — ответила она.

— Я не знаю, Айсолтан. Говорят: «Зайца в каждой стране травят гончими из той же страны». Посоветуй.

1212. — Ну так вот мой совет, Гёр-оглы: человек, который до сих пор не мог явиться, боясь моего брата, теперь, должно быть, приехал беззаботно. Узнает он о моем возвращении и завтра же придет в крепость. Войска его расположатся на улицах, в поле. А ко мне он один придет. Коли тут мы его одолеем, все его войска будут что овцы.

Дом Айсолтан представлял собой длинный коридор, по обе стороны которого были худжры. В этих помещениях он оставил игидов, по десять человек в каждом. И сам остался в одной худжре.

1213. На рассвете следующего дня войска Кара-хана начали входить в крепость. Все идут и идут — конца-краю им нет. Лишь поздно вечером остаток войска вошел. И Кара-хан приехал, нагрузив сорок верблюдов рисом и маслом. Хотел он устроить в стране той и увести [Айсолтан] к себе. Он приказал: музыкантам — играть, силачам — утолить свой голод и отоспаться, конюхам — объездить и вывести на прогулку коней, поварам — немедленно готовить кушанья — всем распорядился он как следует. Зашло солнце. Он оставил коня и [гордо], словно петух живущего на отшибе хозяина, пешком направился к Айсолтан. Он шел по тому коридору, и при каждом его шаге сотрясалась земля. Один из сорока игидов глянул в щелку. Увидал того и сказал:

— Посмотрите-ка, взгляните-ка на это: дэв он или перп — что за чудище? Не будем оставаться здесь. Станет он искать Айсолтан и передупит всех нас, десятерых.

— Ну как ты выйдешь?

— Ну так слушай: подлезай под меня — я расширю наверху [дымовое] отверстие.

1214. Один поднялся на другого, расширил наверху отверстие, вылез на крышу и спустил свой пояс; подтягивая друг друга, вылезли они, и кто под верблюжьей колючкой укрылся, кто на сеновал залез, кто спрятался в стойле конюшни.

Прошел [Кара-хан] мимо Гёр-оглы. Увидел Гёр-оглы его и тоже испугался. Ведь рядом с ним не было никого, кто бы расширил отверстие наверху, чтобы вылезти. Он крепко закрыл дверь своим копьём. Тем временем Кара-хан подошел к двери дворца Айсолтан, открыл ее и, не входя, остановился. Айсолтан поглядывает на худжры игидов и Гёр-оглы. Но ни знака, ни весточки от них нет. «От них, видно, не будет мне помощи. Верно, достанусь я врагу. . . Был бы брат, так не получилось бы. . .» — подумала она и, помяная брата, спела:

1215. Суровый день выпал на долю мою,

Поминаю я, брат мой, тебя!

Враг предстал передо мной.

Поминаю я, брат мой, тебя!

Трусливый враг [ко мне] пришел,

Душу мою в огне спалить решил,

Силой взять меня захотел.

Поминаю я, брат мой, тебя!

Нет спасения мне от него.
Не найду я места и под землей.
Нет помощи от друзей твоих,
Поминаю я, брат мой, тебя!

Рухнул айван мой, [рухнул] трон. . .
Почему постигло несчастье меня?
Айсолтан говорит: перед смертью своей
Поминаю я, брат мой, тебя!

1216. Кончила она петь, и Кара-хан заметил:

— Эх, поглядите на эту красотку! Оказывается, она влюблена в меня, ждала моего прихода. Жаждала меня и потому спела. . . — так сказал и рассмеялся — зубы у него сверкнули молнией. Кроме зубов, он был весь черный. Вошел он в худжру и опустился перед Айсолтан на колени.

Айсолтан и без того была в отчаянии. Она готова была под землю провалиться.

— Эй, Кара-хан!

— Да?

— Я еще держу траур по брату. Хочешь со мною блаженства вкусить, не спеши. Выйди, приведи в крепости все в порядок, потом приходи.

— Эх, Айсолтан! Для того ли я приехал сюда, чтобы приводить в порядок твою крепость?

1217. Он не поддался обману и не ушел.

«Не поддался он моей хитрости, не ушел. Не помогло мне это. Скажу-ка я ему еще одно слово. Для отважного игида и хвала тоже мощь», — сказала она [про себя]. Спела Айсолтан еще песню:

1218. Когда на поле брани пускают коней,
День арабского скакуна, [день] удальца игида настает.
Когда клинок сверкает, льется кровь.
День арабского скакуна, [день] удальца игида настает.

Удальцы игиды рядами бросаются [в бой],
Труссы бегут, храбрецы остаются.
За бороду врага хватают —
День длинного кивжала со змеиным жалом настает.

Чтобы противоборствовать врагу,
Чтобы несчастную женщину утешить,
Чтоб с кличем «алла!» ударить врага по голове —
День шестопера и секиры настает.

Коли слезы из глаз моих потоком потекут,
Коли стоны, рыдания мои бога достигнут,
Айсолтан говорит, коли как брат поступит он —
День Гыр-ата и Гёр-оглы настает!

1219. Кончила она петь, [и тот спросил]:

— Эй, Айсолтан, ты поминаешь Гёр-оглы. Где ты его видела?

— Что ты угрожающе так говоришь: «Где ты его видела?» Твоя любовь ко мне вообще ложная!

— Почему ложная?

— Как же не ложная, коли в Чандыбиле моего брата убил Гёр-оглы. Была бы не ложная, разве ты не отомстил бы ему за кровь моего брата?

— Айсолтан, ты говоришь: «Разве не отомстил бы» . . . Я ведь до сих пор не мог прийти в твою крепость, так как брата твоего боялся. Гёр-оглы убил твоего брата, он сильнее его. Куда же мне тягаться с Гёр-оглы! . .

1220. Говорят же: «Имя больше меня самого». От этих его слов Гёр-оглы в своей худжре на один гез выше стал. Айсолтан тоже подумала про себя: «Коли есть у тебя мужская жила, ты бы пошевелился. . . Давай-ка обманом и лаской выведу я его на улицу. . .»

— Кара-хан!

— Да?

— Сколько дней, как ты выехал из дому?

— Восемнадцать дней.

— Мыл ли ты с тех пор руки-ноги свои?

— Нет.

— Прекрасно! Какой же вольный игид ты! Кара-хан, пыль [летела] из-под копыт коней — в каждом ухе у тебя по батману пыли. Ступай выйди и искупайся, чистым вернись. К тому времени я тут приготовлю постель.

— Хорошо, добро! — ответил он и встал.

1221. Стояла там с водой бочка в пять батманов, которую Безирген грузил на верблюда, когда торговлей занимался. Схватил Кара-хан бочку и понес ее с собой. Дошел до конца коридора, снял с себя одежду и стал обливаться водой из бочки.

Тут-то Гёр-оглы и выскочил из худжры. «Сначала дай знать, что ты Гёр-оглы, потом убей; трусливо не убивай людей», — сказал он сам себе. Стоя с этого края, он немного понаблюдал за [Кара-ханом]. [Затем] подбежал и пнул его.

— Ай, торопись ты, Айсолтан! — [сказал Кара-хан].

Он не посмотрел назад и подумал, что это Айсолтан. Гёр-оглы пнул еще раз.

— Да ты погубишь меня! . .

1222. Тут разошелся Гёр-оглы, разбежался он, словно козел, и пнул его в поясницу так, что тот вдвое сложился. Оглянулся Кара-хан и увидел, что позади стоит, изготовившись [к борьбе], какой-то человек. Он поставил бочку на место и крепко ухватил Гёр-оглы за ворот. А Гёр-оглы не за что ухватиться. За какое бы место ни взялся он, голый человек выкальзывал у него из рук. Подвернулась Гёр-оглы под руку борода [Кара-хана]. Намотал он бороду себе на руку. Один ухватился на бороду, другой — за ворот, так и дрались кулаками, с треском наносили удары.

Шум этот достиг ушей игидов. «Никак, Кара-хан Гёр-оглы кулаком убивает. . . Пригнись пониже, пригнись пониже! . .»

Кара-хан оказался выше Гёр-оглы. Начал он наносить удары сильнее. Гёр-оглы вспрыгнул на сына. Сравнялись ростом они, и он снова принялся наносить удары кулаком. Какое-то время бились они кулаками, а там Гёр-оглы подумал: «Предупредить я его предупредил». Выхватил он саблю-истребительницу и ударил ею Кара-хана по голове. Сабля рассекла того пополам, как мясники [тушу] по хребту, — половина [тела] упала в одну сторону, половина — в другую.

1223. Пришел Гёр-оглы к Айсолтан, сложил руки на груди и приветствовал ее.

— Гёр-оглы-ага! Коли оставишь — служанкой буду тебе, а продашь — деньги твои. Пойдем теперь на войско, которое в поле осталось, — оно теперь что овцы.

Взяла Айсолтан саблю, и двинулись они среди ночи, поблескивая саблями. Начали рубить с одного конца. До какого-то места дошли, услышали сильный шум. Кто-то галдел: «Ты принеси горячую воду, ты принеси холодную воду! Где рис, где масло?» Оказывается, это они на поваров наткнулись.

— Оставьте ваши кушанья! Умер уже ваш господин, — крикнул им Гёр-оглы.

А они и не спросят, кому он говорит, — каждый занимается своим делом. [Тогда] начали их рубить. Одного-двоих ударили саблями по голове, одного-двоих толкнули в огонь. Перебили их, пришли в другое место, а там шум-гам до небес. Это на музыкантов они наткнулись.

— Оставьте вашу музыку, умер ваш господин! — закричал он и им.

Но никто не слушал. «У этих оружие при себе», — промолвил [Гёр-оглы], подбежал и стал бить: карнаиста — карнаем по макушке, сурнаиста — сурнаем, литавриста — литаврой. Не тронул [только] бахши и гиджакистов — они, мол, бедняжки.

Долго бился Гёр-оглы, а сорока игидов его нет нигде. Поднялся он на высокое здание, взял в руки саз и, призывая игидов, запел:

1224. Идите, беки, любуйтесь
Битвой сегодня ночью!
Один я вышел на поле брани,
Бил шестопером по головам.

Их Кара-хана я убил,
Перед множеством их я устоял,
Всех берзенги * я истребил,
Головы летели на тела.

Всех берзенги я опрокинул.
Саблей бил, кровь проливал,
Сорок игидов я долго ждал,
По утрам [к ним] я взывал.

Бушевал я, как в половодье река,
Встретился я с могучим врагом.
Как лев, сражался Гёр-оглы
Из-за сестры, из-за Айсолтан.

1225. Кончил петь Гёр-оглы, и игиды, услышавшие его голос, закричали все разом: «О, его голос с высоты доносится. Видно, покончил он с Кара-ханом. Вставайте, подымайтесь!»

Повстречались Косе с Гёр-оглы.

— Эй, Косе! Где это ты гуляешь?

— Да мы с сорока игидами на улице в прятки играли, думали, что Гёр-оглы скажет нам, если вздумает сражаться.

— Хорошую вы придумали игру, Косе!

— Что ты сделал с Кара-ханом?

— Да я его уже убил, Косе.

— Беда, напасть на твою голову, Гёр-оглы! Ты нас не известил, сам один рубил. Сомневался ты в нас. Не господин ты нам, а мы тебе не слуги, Гёр-оглы!

— Косе, коли хочешь сразиться, я тебе предоставляю это в избытке. И других [врагов] немало.

1226. Пришли во дворец Айсолтан, попили чаю, поели и легли [отдыхать]. А младший брат Кара-хана тоже был возле крепости. Взяли с собой нукеров и военачальников из числа храбрых игидов страны Айсолтан и пошли воевать с ним. Пришли и начали сражаться. Один день, два дня бились, но никак не могли одолеть его. Гёр-оглы спросил у людей страны Айсолтан:

— Есть ли тропа, чтобы зайти войскам в тыл?

— Если спешиться, вести коней в поводу и идти поодиночке, то тропа найдется.

— Кому это надо спешиваться, мучиться из-за него! — сказали они и стали сражаться. Бились десять дней, но не могли одолеть.

Гёр-оглы пересчитал своих игидов: не хватало десятерых во главе с Косе. «Эх, долго эта битва длится. Таких боев не бывало. Те десять моих игидов убиты или живыми в плен попали?» — сказал он и, взяв в руки саз, запел:

1227. Игиды мои! Какой совет?

Тяжкий бой сегодня был.

Пылью покрылось все вокруг,

Вершины гор туман затянул.

Не добравшись до Чандыбиля,

Сражайтесь же с берзенги,

Десять игидов моих попали к врагу,

Плохой приметой это стало. . .

Спроси у хана, у тюре,
Истина — творец всего.
Из пушек палят в песках,
Горы рухнули, разрушены они.

Удальды игиды славу добудут,
Тот будет бить, этот — рубить,
Бек Гёр-оглы ринется на бунчук,
Беки, света конец наступил! . .

1228. Пропел он свою песню, попил чаю, [лег] и заснул. Во сне явился ему его покровитель, Лев божий: «Сын мой, ты не печалься. Если ты завтра утром совершишь нападение, они сами разбегутся». Гёр-оглы вздрогнул и проснулся. Понял: это был сон. . . Собрал он игидов, и в час утреннего намаза с гиканьем и кличем «алла!» пустили они коней [на врага]. Гёр-оглы ринулся прямо на бунчук. Ударил саблей и свалил бунчук. Свалился бунчук, и [исход боя] был решен. Началось бегство, паника. Дай бог прочности арбам и седлам, крепости — подпругам. Кто сбежит потихоньку, тот трус. Кто бежит — спасется, кто лежит — попадется.

1229. Покровитель Гёр-оглы наставлял его: «Убегающего не преследуй». Вот и не гнался он. Покровитель говорил: «Найдешь своих десяти-рых игидов». Вот и поехал он их искать.

Вскоре заметил он пять-шесть паланкинов; вокруг всадники виднелись. В этих паланкинах, оказывается, сидели прежние жены Кара-хана. Один паланкин на ветроногой верблюдице был приготовлен для Айсолтан. А всадники эти теми десятью игидами оказались. Косе куда-то ехал, тогда и повстречал паланкины. В общем, им немного перепало.

1230. Когда Гёр-оглы приблизился, Косе взял папаху в руки и посккал к нему навстречу.

— О Гёр-оглы! Мы подумали, что с войском ты и сам сразишься, сам его сокрушишь, вот и выехали в поле добычу поискать. Ну, как наша добыча?

— О Косе, такого, как ты, равного тебе, нет! Как вернешься домой, я назначу тебя распорядителем воды одного арыка.

— Не нужно мне этого, Гёр-оглы. Лучше отдай мне из [сидящих в] этих паланкинах ту, что мне приглянется.

— Косе! Да все они твои!

1231. Сокрушили они это войско, взяли добычу, захватили паланкины и вернулись в крепость Айсолтан. В крепости Айсолтан отдохнули пять-шесть дней.

— Айсолтан, есть ли у тебя еще поручения для меня?

— Нет поручений, Гёр-оглы-ага!

— Тогда, коли позволишь, мы уедем. А ты в своей крепости останешься или со мной поедешь?

— Это ты сам, Гёр-оглы-ага, решай.

— Коли мне решать, Айсолтан, так ведь одинокая ты жевидина. Здесь тебя в покое не оставят. Поедем в нашу страну, — сказал он и, обращаясь к Айсолтан, спел:

1232. Чтобы поход в Хинд совершить,
Веселые друзья нужны.
В суровые дни, когда село громят,
Отважному игиду поддержка нужна.

Десять дней длился жестокий бой.
Пощады просили берзенги.
Конец света в тот день настал.
Чтобы покровители свершили чудо, нужно.

Чтоб с врагами бой вести,
Чтоб скакать, в поход идти,
Чтобы отважно сражаться,
Храпящий арабский конь нужен.

Гёр-оглы молвит на заре:
Покуда жива, предана будь храбрецу.
Тебя не оставят [в покое] тут,
Откочевать в Чандыбиль нужно.

1233. Пропел он это, и Айсолтан оставила в стране хана-правителя, назначила везиров, угодных ее сердцу, и вместе с Гёр-оглы отправилась прямо в Чандыбиль.

Путь долг, слово [о нем] лучше краткое. Прибыли в Чандыбиль. Был у Гёр-оглы большой сад Серчемен. Там и остановились, попили чаю, поели, отдохнули. Потом [Гёр-оглы] сказал:

— Нет человека, которого бы я любил больше, чем тебя. Нет дома, который бы мне нравился больше, чем этот дом. Дарю его тебе. И еще: негоже одной на свете жить. Выбирай кого хочешь из этих игидов!

— Воля твоя, Гёр-оглы! Кого ты достойным сочтешь, того и я сочту достойным.

— Так выдам я тебя за моего игида Таймаз-бека! — решил Гёр-оглы и соединил их браком.

Устроил он той-свадьбу на сорок дней и ночей и, приветствуя свадьбу Айсолтан с Таймаз-беком, спел песню:

1234. О друзья, мусульмане!
Люди достойными тебя да будут.
Золотом украшенные айваны, дворцы,
Дома достойными тебя да будут!

Все, что нужно, приготовил я,
Уничтожил [врага], отплатил за кровь.

На сорок дней и ночей устроил я той.
Тои достойными тебя да будут!

Погиб брат твой Безирген.
Из-за этого ты не скорби.
Конец этого мира — ложь.
Благодать ему спутницей да будет.

Гёр-оглы говорит: благороден я,
Пусть до смерти не забудется имя мое,
Не осталось наследника у меня.
Опорой нам бог да будет. . .

1235. Кончил он петь, и Ага-Юнус сказала:

— Пойдем-ка, Гёр-оглы, побудем вдвоем! — и отвела его на жепскую
половину. Пусть они здесь, обнявшись, лежат.

И Таймаз-бек с Айсолтан пусть почивают. Они вместе достигли цели
своей.

О НОТНЫХ ЗАПИСЯХ

В книге приведено несколько примеров музыкального сопровождения эпоса «Гёр-оглы». Взяты они из книги В. Успенского, В. Беляева «Туркменская музыка», Ашхабад, 1979 г. (изд. 1-е. М. 1928). Нотные записи осуществлены В. А. Успенским, главное внимание которого, как отмечает редактор издания 1979 г. Э. Е. Алексеев, было сосредоточено на том, чтобы «передать интонационное содержание, общий выразительный смысл, целостную художественную концепцию каждой музыкальной пьесы... Не всегда ясно, каким способом, каким специальным приемом следует добиваться звучания, на которое указывает запись В. Успенского в редакции В. Беляева. Отдельные моменты нотного текста, будучи поняты буквально, практически оказываются невыполнимыми по самой конструкции народного инструмента» (с. 369).

В книге, в частности, дан подробный композиционный разбор пьесы «Өвезим» (см. с. 71—73). В. М. Беляев отмечает: «Туркменские народные композиторы обладают прекрасными конструктивными данными, позволяющими им творить из имеющегося в их распоряжении звукового материала художественные концепции большой законченности и сложности, проявляя в них прекрасные способности как к ясному расчленению элементов формы, так и к соединению их в одно целое путем своеобразных ходов-модуляций, часто построенных секвенционно. Но самое главное в музыкальном творчестве туркмен — это то, что оно... основано не на чисто формальных соображениях, а на соображениях эмоционально-художественного порядка, при которых содержание определяет форму, и форма словно рождается из самого духа музыки (этой своеобразной „стихии лирического волнения“), а не наоборот, является прокрустовым ложем, на котором распиливается, сжимается и вытягивается материал музыкального произведения».

В самой тесной связи с формой музыкальных произведений находится ритм, дающий первичную клетку, из которой как бы вырастают большие музыкальные построения. Обычно в музыке восточных народов — арабов, персов, узбеков, кавказцев и др. — ритм играет доминирующую роль, создавая своим рисунком фон для всего музыкального произведения.

...У туркмен, в противоположность только что перечисленным народам, совершенно нет ударных инструментов, и ритм их музыкальных произведений как бы скрыт внутри самой музыки, оживляя ее как биение внутреннего жизненного пульса, а не присоединяясь к ней извне и не требуя для своего осуществления специальных шумовых инструментов. Благодаря этому туркменская музыка в ритмическом отношении очень свободна и имеет полную возможность комбинировать внутри одного и того же произведения различные ритмы, порой в капризной и причудливой их последовательности» (с. 73—74).

«Имея свое начало в декламации стихов, пение у туркмен с течением времени превратилось в самостоятельное искусство, не только связанное с распеваем поэтического текста, но и преследующее иногда цели чистой вокализации, требующей от певца хорошо выработанной, хотя и своеобразной, на наш взгляд, вокальной техники» (с. 106).

«Бахши поют всегда под аккомпанемент дутара. Только в редких случаях певцу (айдымчи) аккомпанирует на дутаре другой музыкант. Обычно же бахши соединяет в себе специальности и певца, и аккомпаниатора. Поют, как и играют на дутаре, всегда

сия. Пение является или самостоятельным искусством, или же искусством, призываемым на помощь декламации. В последнем случае оно входит как составная часть в рассказывание народных романов, состоящих из прозаического повествования с вкрапленными в него стихотворными вставками. Проза обычно рассказывается нараспев, декламируется, а стихотворные вставки поются под аккомпанемент дутара. . .

В версии «Гёр-оглы», записанной Ходаько. . . пение бахши не является и м п р о - в и з а ц и е й, а всегда есть исполнение ранее сочиненных вокальных композиций, техника создания которых не отличается от техники сочинения инструментальных пьес ничем, кроме использования в вокальных произведениях туркмен музыкальных форм, происходящих из связи вокальной композиции с текстом, на который эта последняя написана.

В самой тесной связи с текстом стихотворения, на которое написан тот или иной айдым (вокальное произведение туркменской музыки), находится куплетная форма, отражающая строфическую конструкцию стихотворения, обычно построенного в форме газели, то есть с неизменной рифмой в конце каждой строфы. В пределах, ограниченных, с одной стороны, куплетной формой, а с другой стороны, формами, свойственными инструментальным произведениям туркменской музыки, лежат все формы вокальной музыки туркмен» (с. 107—108).

НОТНЫЕ ЗАПИСИ

26. ОБЕЗИМ

Allegro non troppo

Таблицы

1 1

10

15

20

25

30

35

40

45

50

55

60

65

70

75

80 [3]

85

90

95

100

105

110

115 [2]

120

125

130

135 [3]

140

145

150

IV. ТАХТА

76. ГЫР АТ, ГЕЛ

1 // Moderato $\text{♩} = 80-90$

Дүтөр

1

10

15

20

25

30

77. ГАРА НЕРГИЗ

① Moderato $\text{♩} = 72$

Дугар

5 10 15 20

25 30

35 3

40 (II) 45

50

55 60

65 (III)

70 75

80

85 3

90

КОММЕНТАРИИ

ТЕКСТ

I. Көроглының дөрейши

¹ Язгыда илки гара галам билен «пөйөни» язылып, соң үстүндө сыя билен «хайры» эдилип дүзедилипдир (инв. № 680а, сах. 8).

² Язгыда «Арызым эңит» (инв. № 680а, сах. 31).

III. Аралыш (Арандан аралыш)

¹ . . . кырк йигит Косөни айландырыбердилер. . . — Шу ерде бир айдым бар билинмейэр. Пөлван багышың айтмагына гөрө атасы хем көн айтман экен. Ол себеп-ден өврөнип билмөндир.

IV. Өвез гетирен

¹ Сетириң башында артык гелйән «мепиң» созун алмадык.

² . . . юмушда. — «Мушда», «мушт» [юмрук] болса гөрек (сах. 362, инв. 680б).

³ Келамда. . . — Асыл язгыда «келөнде».

⁴ . . . ок чыкым. . . — Язгыда «ак чыкым» (сах. 387).

⁵ . . . гундуз. . . — Язгыда «гандыз».

⁶ Гаргы. . . — Язгыда «гарга» (сах. 439).

⁷ . . . бай бол! — Язгыда «бай не ол!» (сах. 455).

⁸ Айдым долы дөл (сах. 461).

VI. Өвөз өйленөн

¹ . . . топусы. . . — Язгыда «такысы».

X. Кемпир

¹ Хер шахая. . . — Элязмада «шаха» (инв. № 680г, сах. 100б).

XI. Харман Дөли

¹ . . . кешелйэр. . . — Язгыда «көпөлйөр».

XII. Бөзиргөн

¹ . . . баш келме сөз айтар гөрек. — Язгыда шол айдым ёк, онуң ери боп.

² . . . сөөгөшдим. . . — Язгыда «савашдым» (инв. № 680д, сах. 1225 ве башг.).

ПЕРЕВОД

I. Рождение Гёр-оглы

¹ *О ком теперь рассказ?* — Риторический вопрос бахши-сказителя; употребление им после завершения определенной части повествования и для перехода к новой. Обычно эта формула связывает небольшие эпизоды.

² *Ладно, хорошо.* — Как и встречающееся далее выражение «хорошо, добро» — краткий зачин, благодаря которому бахши свободно переходит к рассказу о новом персонаже или событии. Обычно соединяет небольшие эпизоды.

³ *Дед трижды похлопал мальчика по спине, трижды дохнул ему в ротик.* . . — В народных преданиях дыхание покровителя — старца — обладает чудотворной силой; число же три — эпическое, священное в фольклоре.

⁴ *«Не ешь пшеницу!»* — Имеется в виду мусульманская легенда об изгнании Адама из рая за то, что он съел запрещенный знак — пшеницу.

⁵ *Адам с Евой заспорили о потомстве.* . . *пророка Шиша обожаю.* . . — В древних легендах повествуется, что Адам и Ева поссорились: от кого зависит зачатие. . . В споре победил Адам (мужчина), и пророк Шиш зародился вне чрева матери — в стеклянном сосуде (отсюда его имя «Шиш» — «Стекло»).

⁶ *Пусть тетка твою подаст мне воды.* . . — Общее место в эпических сказаниях; юноша (мужчина), приезжая издалека к любимой девушке (жениху), просит ее подать воды и, воспользовавшись этим моментом, сажает ее на своего коня и умыкает.

⁷ *Вся печень моя язвою стала.* — То есть сердце мое истекает кровью. Печень считается на Востоке наиболее нежным, чувствительным органом человека, и ей приписываются функции других органов.

⁸ *Единственный сын я у отца.* — Эпическая формула, выражающая одиночество героя в этом мире.

⁹ . . . *до цели его доведем.* — Здесь: сделаем его счастливым, исполним его мечты.

¹⁰ . . . *лишили они Ровшана чувств.* . . *вынули печень, очистили все, светом наполнили ему нутро и снова сделали все, как было.* — Так описывается в эпосе «Гёр-оглы» и в письменной литературе (Махтумкули) эпизод наделения героя (или поэта) даром вдохновения, могучей силой и т. д.

¹¹ . . . *ноги как серый туман.* — Постоянная эпическая метафора быстрого бега коня.

¹² . . . *чтоб исцелиться нам от ран при свете звезд.* — Отголосок древнего представления о магической силе небесных тел.

¹³ *И сделайте мне доступными семьдесят два наречия.* — В представлении создателей эпоса, народы всего мира говорят на семидесяти двух языках, и все они сделались доступными для Гёр-оглы.

¹⁴ *сабля-истребительница* — легендарная сабля Али Зульфикар.

¹⁵ *Лицом своим потерял о ноги зреню.* — То есть вверил свою судьбу покровителям-зренам, получив впоследствии их чудесную поддержку в ратных подвигах.

¹⁶ . . . *оденешься в полосатый желтый халат, натянешь на ноги разбитые башмаки.* . . — Имеется в виду нищенское одяние странствующих дервишей, которое высмеивает дед Гёр-оглы.

¹⁷ *Красавец шах.* — Имеется в виду духовный покровитель героя.

¹⁸ *Записи деяний мой у меня на груди.* . . — По мусульманским представлениям, все деяния человека записываются в книгу «намак-агмал» (вернее, «намак-амал» — букв. «книга деяний»).

¹⁹ *Путь долог, [а] слово [о нем] лучше краткое.* — Общее место, стилистическая формула, восхваляющая сжатость речи (краткая речь — антипода долгого пути).

²⁰ . . . *как велит Книга.* . . — как предписывает Коран.

²¹ *Кушанья девяти видов.* . . — эпический образ богатого, обильного угощения.

²² *«Муж гибнет от своего слова, баран — от горла».* — То есть следует сдерживать данное слово даже ценой жизни; сравнение с гибелью (убоем) скота — обычный поэтический параллелизм, часто встречающийся в фольклоре и литературе Востока.

²³ Уста двенадцати имамов. . . — двенадцати глав мусульман после пророка Мухаммеда и четырех «праведных» халифов (Абу Бекра, Омара, Османа, Али). Когда явится двенадцатый имам, на земле, как верят шииты, наступит всеобщее благоденствие.

²⁴ . . с дочерью пророка он жил. . . — Имеется в виду женитьба Али на Фатиме, дочери Мухаммеда.

²⁵ Сами понимаете. . . — Далее встречаются подобные же доверительные обращения сказителя к аудитории («Сами знаете, как поступают туркмены. . .», «Привычку туркмена сам знаешь. . .» и т. п.), свидетельствующие о взаимопонимании между бахши и слушателями, которых повествователь считает как бы очевидцами событий дестана.

²⁶ . . поскакал. . . галопом «гуры сепджин». . . — То есть поскакал медленным галопом.

II. Женитьба Гёр-оглы

¹ . . на нас твой младший брат напал. — В оригинале употреблено слово «ини» — «младший брат», хотя речь идет о племяннике Генджима. Использование слов «ага» — «старший брат» и «ини» — «младший брат» для обозначения старших и младших родственников — обычное в туркменской среде явление. В частности, в эпосе дядя Гёр-оглы Генджим вслуду пазывается «ага». Во избежание путаницы в переводе подобное словопотребление не сохраняется.

² . . касаются коленями, словно нер, бугра. . . — т. е. сердечно, по-родственному обращаться.

³ Сладкая душа. . . — постоянный эпический эпитет.

⁴ . . в этом пятидневном мире. . . — метафора быстротечности земной жизни.

⁵ Тринадцать-четырнадцать лет нынче мне. — Литота (как и четырнадцать-пятнадцать лет), излюбленное определение возраста восхваляемого человека, хотя он может быть гораздо старше этих лет.

⁶ . . беден ты или богат. — Букв. «голоден ты или богат».

⁷ Где садиться им, знают они. — То есть знают себе цену.

⁸ . . дороги арагами забыты. . . — букв. «коли вражеский путь в пыли».

⁹ На каждом перевале буйного ягненка ловлю я. — Намек на выигрыш приза в состязании «козлодранье».

¹⁰ Она ведь тетка. . . взяла она за руку Гёр-оглы, подвела его к пери и прочно соединила их руки. — Деталь обряда бракосочетания у туркмен: близкая к жениху и старшая по возрасту жевщица (обычно тетка) соединяет руки молодоженов под накинутым на них в момент бракосочетания одеялом.

III. Месть Арабу

¹ Здесь пропущена песня, которую запомнил бахши; ее редко исполнял и отец сказителя.

² . . подруга у женщины из бязи. — То есть женщину легко уговорить, взять лаской.

³ . . надела халат рукавом на голову. . . — Обычай туркменок носить халат, надевая рукав на голову.

⁴ Да будет светлым твоё лицо! — Формула благопожелания.

⁵ См. примеч. 1 к гл. II.

IV. Усыновление Овеа

¹ . . и [по числу] двенадцати костей взял себе двенадцать жен. — Среди туркмен бытовало представление, что человеческий скелет состоит из двенадцати основных костей. Вообще же в эпосе число двенадцать, как и три, семь, девять, сорок, символизирует множественность, комплектность, целостность чего-либо.

² ... пусть твои двери ветер открывает и ветер закрывает. — То есть Булду-Кассабу представляется свобода действий, что подтверждает и выданная ему тарханная грамота, освобождающая его от уплаты налогов.

³ ... землю свою отдал мечети в вакуфное пользование. . . — т. е. обратил землю и воду в вакуф — неотчуждаемое и освобожденное от налогов имущество, доходы с которого поступают главным образом в пользу мусульманского духовенства. Обращение в вакуф ограждало землю от посягательств светской власти.

⁴ «тыквеа несчастья» — сосуд из высушенной тыквы, в который нищие складывали подаяния.

⁵ ... твердя «Ху Хак!» — обрядовый возглас сопхи (суфиев) или странствующих дервишей означает: «Он — Истина», т. е. «Он — бог».

⁶ ... взял хлеб, провел им по лбу. . . — Бытовая деталь: провести чем-либо по лицу — выразить свое почтение того, чем касаешься лица (хлеба, книги и т. п.).

⁷ ... туркмен пасет скот один год, а уму своему причиняет вреда на сорок лет. — Шутливый упрек, ироническая гипербола, осуждающая чванливость, гордыню.

⁸ Ума-то у тебя с палан! — Намек на несообразительность персонажа. Палан — седло для езды на осле.

⁹ ... стонал: «Ах, союи! Вах, союи!» — То есть издавал страдальческие стоны, подобные тем, которыми сопровождаются изуверские обряды во время религиозной церемонии «шахсей-вахсей», символизирующей у шиитов страдания сына Али Хусейна, убитого в сражении при Кербеле.

¹⁰ ... на спине был след пятерни. . . — Отголосок древнего представления о могучей силе символического удара святого покровителя по спине героя. Обычно герой после этого становится неуязвимым.

¹¹ ... брал на бок. . . приемы «чопан», «геришмек». . . — приемы туркменской национальной борьбы.

¹² ... пригнали сюда [брошенную] лошадь, словно хотели просить помощи у святых мест. — Намек на старый обычай резать скот (барана, лошадь) на могиле святого и утощать мясом животного собравшихся людей.

¹³ ... как лам-алиф. . . — т. е. как лигатура арабского алфавита, состоящая из двух букв, лама и алифа, и напоминающая скрещенные руки; символ покорности и учтивости.

¹⁴ ... жаждут дорогой твоей стать. — В тексте: «жаждут стать жертвой твоему пути». Выражение «быть (стать) жертвой» — общее место в эпосе; означает безграничную самоотверженную преданность кому-либо, чему-либо.

¹⁵ Исполнил вначале мелодию «Неваи», потом «талхин» и в конце «илгар». — Названия песен и мелодий разного характера: «Неваи» — на мотив Навои; «талхин» — заунывные мелодии суфийских радений; «илгар» — батальные песни и патетическая музыка в быстром темпе.

¹⁶ ... чтобы туркмен сел, [будто] надо сказать не «садись», а «опустись на колени!» — Шутка, намекающая на простоватость туркмен-степняков.

¹⁷ Произнеси [нужные] слова, стань мусульманином! — Человек, решивший принять ислам, должен произнести формулу: «Нет бога, кроме Аллаха».

¹⁸ ... [коли спросят]: «Видел ты белого верблюда?», отвечай: «Не видел». — Пословица призывает помалкивать, не выступать свидетелем в какой-либо тяжбе.

¹⁹ По мне страдает целый мир. — В тексте: «Целый мир горит в моем огне».

²⁰ Гёр-оглы давно уже ошпарил ту птицу, которую тот только сейчас поймал. — Идиома, означает: герою известны повадки этого человека, он давно распознал его хитрые намерения.

²¹ И плакать и смеяться заставляю я. . . Коли гнев охватит меня — убью. — Это не угрозы Гёр-оглы Овезу, а самовосхваление эпического героя, превозносящего свою силу.

²² ... сто тысяч кирья прошедшему, сто тысяч сред пережившему. . . — Соотв. русск.: «прошедший огонь, и воду, и медные трубы» и «видавший виды». Кирья — приспособление для изготовления серебряной проволоки.

²³ Съев пшеницы, разве с раем не разлучились? — См. гл. I, примеч. 4.

²⁴ *Абыл Кабыла камнем побил.* — Соответствует библейскому сказанию о гибели Авеля от руки родного брата Каина.

²⁵ *Разве Нух с сыном не разлучился?* — Вероятно, имеется в виду легенда о проклятии Ноем сына своего Хама и его потомства.

²⁶ *Убегая, с неверными разве не разлучился?* — Вероятно, имеется в виду бегство Марии с младенцем в Египет.

²⁷ *И Давид с сорока сыновьями своими разве не разлучился?* — Согласно древней легенде, Давид возгордился тем, что у него сорок сыновей, и в один миг из-за своей гордыни лишился всех детей.

²⁸ *... был перстень ниспослан Сулейману.* — В сказках и эпических сказаниях народов Востока Сулейман (библ. Соломон) имел чудесный перстень, с помощью которого он повелевал дивами, стихиями.

²⁹ *Плакал Якуб и зрение потерял.* ... — В эпических сказаниях повествуется о том, что сын Якуба (библ. Иаков) Юсуп (библ. Иосиф Прекрасный) попал в рабство в Миср (Египет); отец, оплакивая потерю сына, лишился зрения.

³⁰ *Пророк с халифами [разве] слез не проливал?* — Имеются в виду Мухаммед (570—632) и четыре «праведных» халифа: Абу Бекр (632—634), Омар (634—644), Осман (644—655) и Али (656—661).

³¹ *Черную печень мою кровью залил.* — То есть заставил сердце обливаться кровью.

³² *Блаженстауйте пять дней.* ... — Девиз, в противовес религиозно-аскетическому учению утверждающий радость жизни на этом свете и все его блага. «Пять дней» — литота, обозначает скоротечность пребывания человека в этом мире.

³³ *Лик твой азимает дань с луны.* — То есть затмевает красоту луны.

³⁴ *... поворот судьбы (букв. «мира») — дело часа, получаса.* — То есть удары судьбы молниеносны, неожиданны.

³⁵ *... разбойники завладели желанным камнем.* — То есть захватили Овеза. «Завладеть желанным камнем» — идиома, означает: «достичь заветной цели».

³⁶ *... отправился. ... накинусь себе на шею кушак.* — То есть пришел с повинной, выражая готовность перенести любое наказание от победителя.

³⁷ Бахши не полностью пропел песню «Пришел Оwez-джан».

V. Оwez на виселице

¹ *Любо было смотреть на Оwez-джана.* — Букв. «Глаза пужны, чтобы смотреть на Оwez-джана».

² *... повидавший многое на свете.* — В тексте: «... переживший сто сред». Вероятно, ошибка, далее: «сто тысяч сред...». См. гл. IV, примеч. 22.

³ *Брали у него изо рта «хепбик», над его головой «пускали голубей».* — Брать «хепбик», «пускать голубей» — название детских игр; «хепбик» — самодельная деревянная ловушка для птиц. Выражение передает запугивание и приведение человека в крайнее изумление.

⁴ *... тысяча головорезов, тысяча буйноголовых.* ... — В тексте: «тысяча хазыр-баши (букв. «голова готова»), тысяча ваки-баши (букв. «ой, [прощай] голова»)».

⁵ *В ауле зад [у людей] тяжел.* — Пословица, подчеркивающая трудность расставания с родным селом, с насиженным местом.

⁶ *Внимательно следите за мной.* — В тексте: «Пусть ваши глаза и уши на мне будут».

⁷ *... безусых юнцов.* ... — В тексте: «безбородых юнцов».

⁸ *Самый буйный [из перов] мой пер.* ... — Выражение означает, что если среди людей (игидов и т. д.) найдется хоть один отважный и могучий человек, то он выручит всех остальных, поднимет на себе всю ношу, всю тяжесть, как это делает пер.

⁹ *... глаза [словно] натерли песком.* ... — Выражение передает состояние тоски, подавленности и т. п.

¹⁰ *Один из семи джимнов.* — Семь джимнов — олицетворение разного рода нечистой силы.

¹¹ *Схватился за рукоять сабли... наотмашь ударил ею.* — В тексте: «ударил Хункара тыльной стороной руки», что не согласуется с дальнейшим повествованием. Вероятно, здесь искажена запись.

¹² *В моей голове из-за тебя туман.* — То есть «ты ододел меня».

¹³ *...и в «бисмилла» нет нужды.* — «Бисмилла» (букв. «Во имя Аллаха») — формула, которой мусульмане начинают все свои дела.

¹⁴ *Гёр-огли бросает, подкидывает свою папату и хлопает ею о землю.* — Выражение большой радости по поводу удачи.

¹⁵ *...игры «драка собак», «веллем-шаха».* — «Драка собак» — один из приемов боя Гёр-оглы, напоминающий бой собак-овчарок, устраивать которые еще недавно было в обычае у туркмен; «веллем-шаха» — также один из видов боя; его название нарочито завуалировано непонятным выражением, в основе которого лежит образное представление о схватке зверей, когда пускаются в ход зубы, рога, когти, копыта.

¹⁶ *Как раба братья продали его.* — Намек на продажу Юсупа (Иосифа) братьями в рабство.

VI. Женитьба Овега

¹ *...ему четырнадцать-пятнадцать лет.* — См. гл. II, примеч. 5.

² *...дал обет принести в жертву [барана].* — Имеется в виду обычай приносить в жертву баранов, коз в случае удачи дела или в целях отведения опасности.

³ *...моя дочурка еще молода.* — Обычный вежливый отказ родителей девушки, не желающих отдавать дочь замуж.

⁴ *...доставили сюда на остриях копий.* — То есть как военную добычу, взятую с боем.

⁵ *Нет у нас девушек для продажи.* — По-туркменски «дочь» и «девушка» называются одинаково: «гыз».

⁶ *...родом пророк из арабов.* — Имеется в виду пророк Мухаммед.

⁷ *Лев высокого чертога.* — т. е. могучая стража веры Аллаха.

⁸ *...в белую кибитку.* — Белой обычно называют новую кибитку, потому что кошмы, ее покрывающие, еще не почервели от дыма. Соответственно старая кибитка называется черной.

⁹ *...спел Неван. ... талхин. ... илгар.* — См. гл. IV, примеч. 15.

¹⁰ *...совбанный, словно хепбик.* — См. гл. V, примеч. 3.

¹¹ *...ты в счастливый день выехал.* — Еще недавно у туркмен был обычай делить дни, недели, месяцы и годы на счастливые (удачные) и несчастливые (неудачные); в зависимости от этого предпринимались или не предпринимались те или иные действия, например поездка, сватовство, начало тканья ковра, кроя и шитья и т. д.

¹² *Лик-очи ее будто стальной водой окропили.* — То есть грозный у нее вид.

¹³ *Не жги на огне любви, в мотылька не превращай.* — Метафора восточной поэзии, выражающая беспредельную любовь.

¹⁴ *Есть мир — есть твоё желание.* — То есть, пока существует мир, все твои желания будут исполняться.

¹⁵ *...Суфий нашей страны — На голове [у него] бархатная шапочка.* — Суфии разных толков, разных орденов носили разное одеяние, головные уборы и пр.

¹⁶ *Начал я с «эбджета» и дошел до «ховвега».* — Имеется в виду своеобразный букварь, который изучали в старой конфессиональной школе; его первая буква называется «эбджет» («абджат»), вторая — «ховвега»; за все годы учебы Косе выучил (вызубрил) две буквы.

¹⁷ *«Беге» прошел, тыгав прошел, бисмиллат, Аллах велик!»* — Пародирование мусульманской формулы бракосочетания.

¹⁸ *Разве Гюль-Рух тебе дочь?* — Иронический намек на большой калым, уплачиваемый родителями девушки.

¹⁹ *Она посадила его у подушки.* — т. е. расположила с удобством: сидя, туркмены подкладывают себе под бок подушку или обкладываются ею.

VII. Араб-Рейхан

¹ ...отнял у шаха Леке его дочь. — Далее опущены две песни, которые бахши забыл.

² *Ищи врага под подстилкой*. — Пословица, призывающая к бдительности, осматривательности.

³ *Моя душа* — букв. «мою черную печень».

⁴ ...душа моя, *Аджам*! — Намек на иранское происхождение Овега. «Аджам» — так называли арабы иранские народы, а затем и земли (Иран, Хорасан, Мавераннахр), населенные ими.

⁵ *На голове у вас кумачовый платок*. — Здесь оскорбительное по тем временам сравнение иудеев с женщинами. Так Гер-оглы дает им понять, что они — бездельники (?!).

VIII. Сорок тысяч

¹ ...скинул свои *ичиги*, *калоши*. . . — Туркменские суфии носили дешевые ичиги и простые кожаные калоши.

² *Ага-Юнус и. . . Гюль-Ширин сидели. . . на крыше дворца*. — На Востоке плоские крыши домов используются для отдыха, сна и других нужд.

³ *Сорок тысяч* — эпитетическое число; обозначает неисчислимое множество.

⁴ ...с речью *«белес»*. — «Белес» означает «непонятный язык».

⁵ ...на слово *скупыл*. . . — букв. «с закрытыми ртами».

⁶ ...как *пустыня Кербелы*. — Намек на истребление маленького отряда Хусейна (сына Али) многочисленным войском под Кербелой.

⁷ ...до *высшего неба*. . . — до девятого неба. По мусульманским представлениям, земля окружена семью небесными сферами, соответствующими семи планетам, а над ними располагаются еще две небесные сферы; в девятой находится престол Аллаха.

⁸ *Взвывая к четырем халифам, двенадцати имамам. . .* — Имеются в виду первые четыре халифа (Абу Бекр, Омар, Осман, Али) и двенадцать слодующих после них духовных и светских руководителей всех мусульман.

⁹ *Семь повелителей* — семь небесных сфер.

¹⁰ *В семидесяти [разных] местах появился Коран*. — Семьдесят стран — синоним всего мира.

¹¹ *Гордость мира* — эпитет пророка Мухаммеда.

¹² *Четыре друга Мустафы. . .* — Имеются в виду пророк Мухаммед и четыре первых халифа, которых мусульманская традиция называет «чарыярами» — «четырьмя друзьями», хотя это противоречит действительности.

¹³ *С криком «лаау»*. . . — Намек на нетуркменскую, малопонятную речь иранцев.

¹⁴ ...сын *бека*. . . — Здесь: храбрец.

X. Старуха

¹ ...жену его — *Шахмамаи-Зулман*. Называли ее также *Хирс-Биби*. — Имя коварной старухи означает: «Царица — бабушка насилие» и «Госпожа хитрая».

² ...сняла с себя *тейкек*, пошептала, полистала страницы. . . — Ироническое описание обряда заговора, гадания по книге с нашептыванием магических формул.

³ ...болезнь *«гейсар»* — вымышленное название болезни.

⁴ *Взял одно — отдай другое, кто не даст, тому позор*. — Пословица, выражающая требование равенства в дележе, в возмещении урона и т. д.

⁵ *Быстрые ноги. . .* — В тексте: «Ноги — серый туман». См. гл. I, примеч. 11.

⁶ *Миг один. . .* — В тексте: «[Едва успеешь] сказать „бех“».

⁷ ...проводят к почетному месту. . . — Место напротив входа в кибитку считается почетным.

⁸ ... из-за пути я пострадал. — Здесь игра слов: «ёлсуз» — букв. «не имеющий пути» (т. е. потерявший путь, сбившийся с пути, не нашедший свой путь). Поэтому беспутные (ёлсуз) говорят, что пострадали из-за дороги (ёл).

⁹ ... на жоние «ашкии», «талхи», «илгар». ... на куня-ургенчский лад. ... — Названия мелодий и музыкально-песенных жанров: «ашкии» — любовный, «талхи» и «илгар» — см. гл. IV, примеч. 15; «куня-ургенчский» — эпический, по названию города и района на севере Туркмении, где и ныне бытует много эпических сказаний.

¹⁰ Люди [по жизни], как караван, прозывают. — Букв. «Человечество — караван. ...» — образ быстротечности человеческой жизни.

¹¹ ... негде голову преклонить. — В тексте обычная эпическая формула: «Нет места, куда бы я [мог] пойти, нет озера, где я [мог] бы поплавать».

¹² ... будешь. ... в сытости. — В тексте: «Семь твоих поколений не коснутся земли», т. е. огромным будет твоё богатство.

¹³ Спел. ... песни из Мешреба, приложив руку к уху. — Имеется в виду обычай бахши во время пения прикладывать к уху руку.

¹⁴ ... чтоб у тебя ни в чем не было недостатка. — В тексте: «... чтоб твоя спина не коснулась земли», т. е. тебе не придется добывать средства к существованию тяжелым трудом.

¹⁵ ... «камень изобилия проса». — Символ множества, изобилия чего-либо.

¹⁶ ... лучше было бы мне задолжать четверых сыновей! — То есть «лучше быть по уши в долгах».

¹⁷ Хоть бы вода или солома, дерево или куст. — Общее место в эпосе, идиома, вкладываемая в уста падающего с высоты на землю человека, единственное желание которого — не разбиться.

¹⁸ Третье четверостишие адресовано шаху.

¹⁹ ... я сам господин. ... — В тексте «эмин» означает «сам себе хозяин».

²⁰ Подходите, рабы. ... — Здесь слово «рабы» употреблено, вероятно, в значении «прислужники». Ср. обращение к этим же людям в четвертой строке: «беки».

²¹ «В день, когда я родился, [уже] умер я». — Соответствует русской пословице: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать».

²² ... подбрасывая вверх свои палки. — То есть выражая радость. Бросание палок вверх также является образной передачей праздной жизни чабанов.

XI. Харман-Дили

¹ Минуло девять месяцев, девять дней и девять часов. ... — Общее место в эпосе. Так говорят о сроке наступления родов, о том, сколько времени находился ребенок в чреве матери. Число девять — эпическое и выражает полноту, целостность времени и т. д.

² О люди, народ! ... Дайте же ей красивое имя. ... — Отражение обычая нарекать ребенка именем на большом совете рода.

³ Сделали прокол в ушах. ... — Своего рода обряд конфирмации.

⁴ ... состязания по поводу нового одеяла. — Спортивные состязания устраивались преимущественно как дополнение к праздникам и пиршествам. Ничтожный повод — новое одеяло — означает непредставительность состязаний.

⁵ Прочла молитву «исми-агзам». — Так называется одна из молитв, которой мусульмане приписывают магическую силу. «Исми-агзам» — букв. «самое великое из имен [бога]».

⁶ ... поставила девятикрылую белую кибитку. ... — Туркменские войлочные кибитки различались количеством «крыльев» — отдельных деревянных решетчатых звеньев остова, сооружаемых из длинных жердей; девятикрылая кибитка — это самая просторная, лучшая в своем роде кибитка.

⁷ Удады канавки рыли, кукушки пускали воду, лягушки делили ее. — Общее место в эпосе, идилическая картина благоденствия и одновременно намек на занятость каждого человека, каждой твари своим делом.

⁸ У пяти вещей, что ниспосланы свыше, Начало начал есть «бисмилла». — Имеются в виду обязательные каждодневные пять намазов, начинающиеся формулой «бисмилла» — «во имя Аллаха».

⁹ Одна из четырех книг — это Кишбир (?) — Имеются в виду почитаемые мусульманами Пятикнижие Моисея, Псалтырь, Евангелие и Коран. «Кишбир» — возможно, искажение в записи.

¹⁰ Где сорок чальтенов собираются, Там милость Истины превыше [всего]. — Здесь намек на приверженность чальтенов Истине — богу.

¹¹ ... да будет он пророческим. — Этими словами обычно начинают толкование снов.

¹² [Словно] блеск луны четырнадцатой ночи... — То есть сияющая, словно полная луна.

¹³ ... клочья... словно кладбище мучеников... — Имеется в виду обычай мусульман у святых могил развешивать кусочки ткани.

¹⁴ Харман-Дяли и Сулун-Дяли — созвучные имена. — «Дяли» — здесь: «безумно храбрый», «отчаянный».

¹⁵ кровопийца — эпитет красавицы, традиционный для восточной поэзии.

¹⁶ «Богатство мира останется в мире». — Соответствует русскому: «Умрешь — с собой не возьмешь».

¹⁷ ... как на горячих углях сидит... — букв. «голениище у мастера набилось горящими угольями».

ХII. Безирген

¹ ... три-четыре человека... могли бы вести беседы в его шпуре. — Метафорическое выражение, обозначающее широкую натуру, великодушие человека.

² «Прятаться за лукой седла». — Выражение, осуждающее трусость, нечестность, нерешительность; соответствует русскому «Взялся за гуж, не говори, что не дюж».

³ У Безиргена одна рука. — Выражение передает нежелание Безиргена платить закят.

⁴ ... укоряла она. — Здесь отсутствует текст песни.

⁵ ... заболел болезнью «джум-джуме». — Выдуманное название вымышленной болезни.

⁶ ... залог вернуть — т. е. умереть.

⁷ Понапрасну... — В тексте: «Из-за одного условия».

⁸ На землю и капли крови моей не пролей... — т. е. предай меня жестокой казни.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

1. ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ, ТОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ

Абу Бекр — имя первого мусульманского халифа (632—634) (см.).

Абыл — библия. Авель.

Али — имя четвертого халифа (656—661), зятя и двоюродного брата Мухаммеда; в эпосе — легендарный храбрец, мужественный и непобедимый глава героев, покровитель отважных людей; именуется Львом божьим.

Азал — по всей вероятности, искаженное название реки Аракс (Араз) или Аральского моря.

Арабистан — Аравия.

Араз — река Аракс; в отдельных версиях эпоса с ней отождествляется Аральское море.

Арази и Камбар — герои популярных у туркмен романтических дестанов.

Араулум — гора, возможно в районе Эрзерума (Турция).

Арзылан — гора, см. Араулум.

Балх — ист.; в районе нынешнего Афганистана.

Балханы (Балканы) — горы в Юго-Западной Туркмении, часто упоминаемые Гёр-оглы как страна туркмен, как его родной край.

Бырак (Бурак) — сказочный небесный конь, на котором пророк Мухаммед якобы летал на небо; считалось, что если на празднике курбан-байрам принесешь в жертву Аллаху барана, то на том свете взамен получишь Бырака, на котором благополучно проедешь страшный мост Сырат (см.).

Вамык и Узра — герои известных на Востоке героико-романтических сказаний.

Веевгам — в представлении туркмен, город (страна) на юго-восточной границе Туркмении с Ираном; развалины, связываемые с этим названием, находятся на территории Ирана.

Гермиян — название местности в Турции.

Гурджистан — обычно отождествляется с Грузией или вообще с Кавказом; образ страны красоты.

Даманган — Дамган, город в Иране.

Джебраил — библия. Гавриил; посредник между Аллахом и пророками и святыми.

Джемшид — один из первых мифических царей Ирана, о котором повествуется в «Шах-наме» Фирдоуси; обладал чашей, глядя в которую мог видеть все, что творится в мире.

Дюльдюль — белый мул (в эпосе и литературе Востока — легендарный конь) халифа Али (см.), подарен эфиопским негусом Мухаммеду, от которого он перешел к его зятю Али. Дюльдюль в эпосе наделен сказочными свойствами.

Дяли — букв. «Безумный», «Неистовый»; этот эпитет носят соратники Гёр-оглы, его сорок жидов, а также некоторые героини-девушки, например Харман-Дяли.

Ибрагим — библ. Авраам.

Ильяс — библ. Илья; живым вознесен на небо.

Иса — библ. Иисус; ему приписывают способность воскрешать людей своим дыханием.

Искандер — Александр Македонский (356—322 гг. до н. э.); в фольклоре народов Востока выступает как легендарный падишах.

Истамбул — Стамбул.

Исфахан (Испихан) — город в Центральном Иране; в средние века был одним из важнейших торговых и политических центров на Среднем Востоке, славился разными ремеслами, в том числе ковкой оружия.

Кааба — главный мусульманский храм в Мекке (см.), место паломничества мусульман.

Кабыл — библ. Каин.

Кап — гора Каф, якобы стоящая на самом краю света.

Кенган — возможно, Кенан (Хапаан), т. е. Палестина.

Кербела — священный город, в окрестностях которого в 680 г. был убит Хусейн (сын Али и внук Мухаммеда); место паломничества мусульман-шиитов (см.).

Кирман — Керман, город и провинция в Иране; славился шелковыми тканями и коврами.

Ковус (Коус) и Кияс — мифические покровители героев, неразлучные друзья, якобы обитающие в горах и озерах.

Ковсер — название райской реки.

Лейли и Меджнун — герои широко известных на Востоке романтических сказаний.

Меджнун — букв. «Неистовый», «Одержимый»; герой арабской легенды, потерявший рассудок от восточной любви к Лейли. Образ получил широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке.

Медина — город в Саудовской Аравии, который у мусульман считается священным; в нем Мухаммед нашел убежище после бегства из Мекки (см.) в 622 г., там он погребен.

Мекка — город в Саудовской Аравии, где находится главное мусульманское святилище Кааба (см.); отправляя молитву, мусульмане обращают лицо к Каабе.

Мешреб — имя узбекского поэта XVIII в.; общее название песен этого поэта, а также мелодий песен на его слова.

Море Омана — Оманский залив; в эпосе символизирует бескрайнее море, океан.

Мосул — город на севере Ирака, куда в средние века переселилось значительное количество туркмен.

Муртаза — букв. «Любезный», «Приятный»; один из эпитетов Али (см.).

Муса — библ. Моисей.

Мустапа (Мустафа) — букв. «Избранник»; одно из имен пророка Мухаммеда.

Мухаммед — букв. «Достойный восхваления», «Прославленный»; пророк, основатель ислама (570—632).

Нишапур — город в Хорасане (Иран).

Нуширван (Ануширван) Справедливый — Хосров II — один из наиболее популярных сасанидских царей (531—570), был покровителем певцов и поэтов; в литературе и эпосе народов Востока — олицетворение правосудия.

Нух — библ. Ной; в исламе один из пророков.

Омар — имя второго мусульманского халифа (634—644).

Осман — здесь: Турция, турецкий, османский.

Риза — имам (см.), прямой потомок Мухаммеда; его могила находится в Мешхеде и служит местом паломничества мусульман-шиитов (см.).

Рум — Византия, земли Малой Азии.

Сейфелмелек — Сейфулмулюк, герой эпического сказания, который в поисках своей возлюбленной Медхалджамак долго скитался по морям и океанам.

Сельман — Сальман, по преданию, первый иранец, принявший ислам и ставший сподвижником Мухаммеда.

Сулейман — библ. Соломон; в эпосе наделен сказочными свойствами: он повелевал стихиями, дэвами, пери и людьми; трон его мог летать по воздуху, чудесное кольцо давало Сулейману власть над дэвами, пери; в эпосе и сказках кольцом Сулеймана иногда овладевает герой.

Сыдык — букв. «Праведный», «Искренний», «Верный»; эпитет халифа Абу Бекра (см.).

Тебриз — один из крупных городов в Южном Азербайджане, в XV и начале XVI в. был столицей государства туркменских династий Ак-коюнлу и Кара-коюнлу; здесь происходили крупные восстания городской бедноты, ремесленников при участии крестьян и некоторых других слоев населения.

Ференгистан — страна франков, европейцев; часто под этим словом подразумевается Европа, западные страны.

Хаджар — имя почитаемой мусульманами жены пророка Ибрагима (библ. Авраам).

Хайдар — букв. «Лев»; эпитет Али (см.).

Халеб — Алеппо, город и провинция в Сирии, куда в средние века переселилось множество туркмен; название местности на севере Туркмении.

Хатам — имя одного из персонажей «Гёр-оглы»; исторический Хатам — арабский богач и поэт VI в., отличавшийся большой щедростью; с именем Хатама связано представление о хлебосольном человеке.

Хеким — Хаким, букв. «Мудрый»; эпитет Аллаха.

Хинд — Индия.

Хири — город (страна); название одной из соседних с Туркменией земель, возможно Герат (в туркм. передаче Хырат).

Хири Рован — см. Хиры.

Ховали-Гыр — букв. «Ветер-конь серой масти», кличка коня Ага-Юнус.

Хункар — «Повелитель», титул османского султана; здесь: имя собственное главного врага Гёр-оглы; имеется в виду Мурад III (1574—1595).

Хызр — имя домусульманского святого, мифического покровителя героев фольклора и литературы; покровитель путников; таинственный чудотворец, который будто бы нашел источник живой воды и поэтому живет вечно; часто помогает попавшим в беду путникам в пустыне; при появлении Хызра зеленеют травы, обильный урожай дают посевы, сады.

Чандыбиль — название страны и неприступной крепости Гёр-оглы; возможно, что название происходит от слов «чаңды», «чанглы» — «пыльная» и «биль» — «гора», «хребет», «склон горы».

Шахимердан — букв. «Царь храбрых»; один из эпитетов Али (см.), покровителя героя.

Шах Мансур — имеется в виду знаменитый арабский суфий Мансур Халладж, провозгласивший себя богом («Я есть бог!») и за это казненный в 922 г. в Багдаде; имя Мансура сделалось символом страдания, мученичества.

Ширван — местность в Азербайджане; в средние века была центром азербайджанских правителей — ширваншахов.

Ширин и Ферхад — герои широко известных на Востоке романтических сказаний.

Эзраил — ангел смерти Азраил, который появляется в час смерти и забирает души умерших.

Юсуф — Иосиф Прекрасный; в фольклоре — символ редкой красоты.

Якуб — библ. Иаков, потерявший сына Иосифа; в фольклоре и литературе — символ безутешного страдания.

II. НАЗВАНИЯ СПЕЦИФИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

- ага — господин; старший брат; почтительное обращение к старшему по возрасту по социальному положению.
ага-бий — господин, повелитель; почтительное обращение к старшему.
агри — мера веса.
айван — балкон, терраса; дворец.
аксакал — букв. «белобородый»; ист. старейшина, почтительное обращение к старшему.
аламан — пабег, налет.
алача — кустарная хлопчатобумажная или хивинская полупешелковая ткань.
алиф — первая буква арабского алфавита; в литературе и фольклоре — образ стройного, крепкого стана.
«алла!» — клич, с которым бросались в бой храбрецы.
амьчки — бабки, кости барана, козла; игра в эти кости.
алтын-габак — букв. «золотая тыква»; спортивная игра — стрельба в золотеную тыкву, устраиваемая в дни больших торжеств.
амбал — профессиональный носильщик.
анаша — наркотик, индийская конопля, гашиш.
апа — сестра, сестрица; здесь: почтительное обращение к женщине.
албасы — название серебряной монеты, которая имела хождение среди туркмен, а также в Азербайджане и Грузии.
аргудум — музыкальный инструмент.
арисы — здесь: название подразделения вражеских войск.
арча — можжевельник, ствол которого очень крепок.
арык — небольшой оросительный канал.
аталык — отчим; здесь (по феодальной иерархии): высокопоставленный сановник.
ахун — старший мулла; высшее звание для преподавателя медресе (см.).
ашуг — народный поэт-певец.
аят — стих из Корана.
- баб — музыкальный инструмент, рубаб.
бай — богат; богатый.
бааламан — музыкальный инструмент типа свирели.
батман — мера веса, в различных местностях колеблющаяся в разное время от 7,5 до 53 фунтов; тебризский батман — здесь: огромный.
батыр — богатырь, храбрец, отважный, герой.
бахши — сказитель, народный певец и музыкант.
бек — князь, правитель области; почтительный эпитет героя.
«берекелла» — возглас одобрения; соотв. русск. «молодец!».
берзепги — сказочные люди; в некоторых сказаниях изображены как людоеды; прозвище Карахана, противника Гёр-оглы.
биби-джан — «биби» — букв. «госпожа», «джан» — «милая»; здесь: почтительное или ласковое обращение к девушке, женщине, а также имя героини.
- «вай-ала» — возглас удивления.
везир — министр, высший сановник.
векиль — сапожник, вельможа; представитель, доверенный.
вели — святой; пророк, провидец.
- газель — лирическое стихотворение-монолог.
гайнатма — национальное кушанье — суп с мясом.
гарыш — мера длины, равная расстоянию между концом большого пальца и мизинца.
гез — мера длины — расстояние от конца пальцев до плеча.
гёкнар — наркотическое средство, приготавливаемое из сухих коробочек мака.
генеш-той — угощение, во время которого держат совет, обмениваются мнениями о выборе невесты и пр.

гиджак — струнный смычковый музыкальный инструмент.
гомме — испеченный в золе чурек с мясом, луком и перцем.
«гулдук» — выражение, означающее готовность к услугам.
гумбез — купол; мавзолей, часовня с куполом, надмогильное сооружение.
гулба — куполовидное украшение, нашиваемое на девичью тюбетейку.
гурья — райская дева; перен. — красавица.
гяур — кяфир, безбожник, человек другой, немусульманской, веры.

дастархан — скатерть с угощением.
дараи — дорогая тонкая шелковая ткань красно-фиолетового цвета.
дарга — здесь: пачальник базарной охраны.
дервиш — пиший страпствующий суфий (см.).
дехканин — крестьянин, земледелец.
джан — душа, дуненька; ласковое обращение, обычно прибавляется к имени.
джугара — сорго.
див — см. дэв.
диван — здесь: совет, учреждение, ведающее государственными делами.
диван-беги — букв. «бек дивана» («бек канцелярии»); при дворе феодала — один из высших чинов в феодальной иерархии Востока.
дипана — юридический, нищий, бесноватый, одержимый.
догабаг — амулет, надеваемый на шею коня.
дувал — степа.
дутар — двухструнный цинковый музыкальный инструмент.
дэв — демон, злой дух.
дяли — безумный, бесноватый, неистовый.

езид — бранная кличка от имени главного противника семьи Али (см.) — Езида, возглавившего войско в битве под Кербелой (см.).

закят — ежегодная подать, составляющая 40-ю часть дохода с хозяйства или стоимости имущества; здесь: дань с баранов, верблюдов и прочего скота.
запгар — букв. «пройдоха», «сорванец», «забияка»; в быту — бранное слово или шутовское обращение.
затазы — здесь: название подразделения войск.
Зебур — книга Давида, Псалтырь.
зиндан — темница, тюрьма.
Зульфикар — легендарная сабля-истребительница халифа Али (см.).
зурна — музыкальный инструмент, вид флейты.

игид — джигит, храбрый воин.
имам — руководитель моления при мечети; духовный глава шиитов (см.); здесь: глава мусульманской общины.
инер — см. нер.
ички диван-беги — диван-беги (см.) внутренних дел страны.
ишан — высшее духовное лицо.
ишгене — см. ишлеме.
ишлеме — вид национального кушанья — чурек (см.), начиненный мясом.

кабла — название национального кушанья — мясное блюдо.
кавуши — кожаные или деревянные калоши.
каджары — первоначально тюркское племя; позднее более широкая этническая группа, жившая в Северном Иране. В конце XV—начале XVI в. входила в число кызылбашских племен. Использовались для подавления освободительного движения кавказских народов, туркмен и узбеков, а также в захватнических войнах Сефевидов.
камча — плеть, нагайка.
кази, казий — судья, судивший по шарияту (см.).

каландар — странствующий дервиш; нищий.
 караванбаш — предводитель, глава каравана.
 каракулак — степная рысь.
 карнай — духовой музыкальный инструмент; длинная медная труба.
 катлама — слоеная лепешка.
 кебаб — жаренное на вертеле мясо, пашлык.
 кетени — ручной работы шелковая ткань красного цвета, из которой обычно шьют женское платье.
 кызылбаш — букв. «красноголовые»; так называли в XVI—XVIII вв. приверженцев династии Сефевидов в Иране, которые носили шапки и чалму с алыми полосками; название «кызылбаш» было перенесено позднее на весь Иран, враждовавший с соседями.
 ковурга — жаренная в раскаленном котле пшеница; при приготовлении издает сильный треск.
 кулач — мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев вытянутых в стороны рук; маховая сажень.
 кульче — приготовленные на масле и молоке сухие лепешки.
 кумган — металлический сосуд для воды в виде узкого горлого кувшина с крышкой.
 купба см. гупба.
 курбан, курбан-байрам — мусульманский праздник жертвоприношения.
 кушбег — начальник (бек) охотников, егерей.
 кыбла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращают лицо во время молитвы; здесь: юго-запад.
 кяризы — система колодцев и подземных галерей, служащих для использования грунтовых вод.

лайхоры — мифические существа.
 лам-алиф — лигатура в арабском письме, состоящая из лама (см.) и аляфа (см.); символ почтительности, покорности.
 лек — 10 000 воинов; множество.

мая, май — верблюдица особой породы, помесь одногорбого верблюда с двугорбым; образ красивой, степенной девушки.
 маш — азиатская фасоль.
 медресе — высшее (мусульманское) духовное учебное заведение.
 меджлис — собрание; беседа в собрании.
 мейхана — букв. «питейный дом»; здесь: место для застолий, помещение для ширшеств.
 мектеб — начальная духовная школа мусульман.
 мерем (мехрем) — стремянный; высокая придворная должность.
 метер — см. мехтер.
 мехтер — приближенный; здесь: конюх, конюший.
 мираб — распорядитель воды.
 михраб (мехраб) — сводчатая ниша в мечети, которая молящимся указывает направление к святыни — Каабе; иногда с ней сравниваются брови женщины.
 мулла, молла — грамотей, грамотный человек; духовное лицо у мусульман.
 мурза — писарь, писмоводитель; почетный титул знатного человека, представителя родовой знати.
 мюрид — послушник, ученик духовного наставника — шира (см.).

набат — кристаллический сахар, сорт леденцов.
 накара — тип литавр.
 намаз — обязательная молитва, совершаемая мусульманами пять раз в день.
 нас, насс — приготовленный особым способом табак, который закладывается под язык.
 нер — порода сильных верблюдов; олицетворение силы, выносливости, могущества.

неше — ошй, гашиш, анаша.
нукер — слуга, воин, дружинник, стражник.

олюм — молочный продукт, приготовляемый из молока и чала (см.).

пагса — слой глины в глинобитных сооружениях; стена средней высоты бывает в три пагса.

палан — седло, падаваемое на ишака.

палас — ковер без ворса.

перп — сказочная женщина необычайной красоты, вечно юная и обольстительная; волшебница, обладающая способностью летать и творить чудеса.

пир — покровитель, старец — духовный наставник.

поззам — детская игра с папахой.

ракат — часть намаза (см.).

рамазан — название девятого месяца мусульманского лунного года; пост, соблюдаемый в течение месяца рамазана.

сагры — выделанная кожа зеленого цвета с крупа лошади, идущая на сапоги.

саз — музыкальный инструмент; музыка.

салам, салам-алейкум — восточное приветствие; букв. «мир вам!».

сапар — сафар, название второго месяца мусульманского лунного года; считался месяцем, приносящим неудачи и несчастья.

сарван — погонщик верблюдов.

сардар — военачальник, вождь.

сары кирпик — букв. «желтые ресницы»; ткань с желтой бахромой.

сеис — конюх, конюший, коневод.

сейд (сейид) — господин; человек, выдающийся своими личными качествами; почетный титул человека, ведущего свое происхождение от Мухаммеда.

ессалик — букв. «утренний»; предрасветная трапеза у мусульман во время поста (во время поста мусульмане пищу принимают поздним вечером и перед рассветом).

сири — мера веса, содержащая от 16,2 г до фунта и более.

сопи — ученик религиозного наставника; служба при мечети, при кельях, при медресе.

союнджи — подарок за сообщение радостной вести.

сунпит — приверженец суннизма, одного из двух основных направлений в исламе.

сура — глава Корана.

сурнай — духовой музыкальный инструмент.

суфий — приверженец суфизма; здесь: аскет-послушник.

сыпа (суа) — глиняное возвышение для сидения или лежания, устраиваемое в саду или в помещении.

Сырат — по поверью мусульман, мост над адом, острее сабли, тоньше волоска, по которому обязаны проходить души умерших: грешники при этом проваливаются в ад, а праведники проходят по нему в рай.

сюэме — творог.

гагсир — господин; почтительное обращение.

тази — гончая, охотничья собака.

такыр — плоские глиняные равнины в пустынях и полупустынях Средней Азии.

тамдыр — земляная печь для выпечки чурека (см.).

тамдырлама — национальное кушанье — мясо, испеченное в тамдыре (см.).

танап — уст. мера земли, равная 1/5 десятины; здесь: мера быстрого бега коня (соотв. русск. «двигаться семимильными шагами»).

тар — струнный музыкальный инструмент.

тельпек — национальный туркменский головной убор — высокая овчинная шапка мехом наружу.

теньга — мелкая серебряная монета; название всякой монеты.

той — пар, пиршество, свадьба, праздник с угощением, с играми, состязаниями.
топбы — плетеный головной убор.

туйдук — вид свирели.

тулпар — мифический крылатый конь, боевой спутник героя; наделен разумом, происходит от морской кобылы (жеребца), а также природных стихий — ветра, молний.

туман — денежная единица; округ, область; множество, несметное количество.

тюре — сановник хана, эмира.

уста — мастер.

ференги — европеец; европейский.

хаджж — паломничество в Мекку.

хазан — осенний холодный ветер; символ всего, что несет гибель.

хазрет — «святой», почетный титул, прибавляемый к имени пророков, султанов и т. п.

хап — хан, правитель; почтительное обращение (в сочетании с основным именем).

хан-сынок — ласковое обращение к младшему.

ханум — госпожа.

хауз — водоем, пруд, который устраивали возле домов в декоративных целях, для купания и т. п.

хейкель — кожаная сумка с молитвенником.

ходжа — господин; группа населения Средней Азии, считающая себя потомками первых четырех халифов.

хорджуз — ковровая дорожная переметная сума.

«Ху!» — возглас суфиев, каландаров: «Он!» (имеется в виду бог).

худжа — глинобитное жилище учащихся медресе — келья; скромная обитель.

«Ху Хак!» — возглас суфиев, мусульманских аскетов, бродячих нищих, обращенный к богу; букв. «Он — Истина!»

хушур — религиозная подать и милостыня, составляющая 10-ю часть доходов, стоимости имущества и т. п.

чакан — рыжая (желтая) масть; по поверью туркмен, конь такой масти не переносит ярких солнечных лучей.

чал — прохладительный напиток из верблюжьего молока.

чекдирме — национальное мясное блюдо.

чекмень — легкий мужской шерстяной халат.

чельпек — тонкораскатанная лепешка, поджаренная на масле и подаваемая на свадьбе.

четник — часть сбруи верблюда: палочка на носу, соединенная веревочками с палочкой, вдеваемой в нос животного.

чилик — детская игра, напоминающая игру в «чижик».

чильтены — сорок верааулучных покровителей, обладающих якобы даром предвидения и скрывающихся от непосвященных.

чинара — платан; в фольклоре и литературе — символ горделивой осанки.

чингире — музыкальный струнно-щипковый инструмент.

чурек — хлеб, лепешка.

чокаи — национальная обувь, обычно из сыромятной кожи, надеваемая с портянками.

шариат — мусульманское право.

шахир — поэт.

шейх — глава мусульманской общины.

шераб — сладкое вино; нектар, любовный напиток.

шербет — сладкий прохладительный напиток.

шиит — приверженец шиизма, одного из двух главных направлений в исламе.

шуле — жидкая рисовая каша на молоке.

элиф — см. алиф.

эмин — доверенное лицо; здесь: следящий за соблюдением правил состязания.

эмир — правитель.

«эссалам-алейкум!» — то же, что «салам-алейкум!» (см.). Ответ: «Ва-алейкум-эссалам!» (букв. «И вам мир!»).

эрены — «сорок старцев» — загадочные покровители, заступники героя, постоянно помогающие ему во всех его делах; то же, что чильтены.

эшрефи — ист. иранская серебряная монета.

ясавул — низший воинский и гражданский чин; стражник; посыльный.

яхна — холодное вареное мясо.

яшмак — конец головного платка, которым женщины прикрывают рот.

яшули — старейшина; старец; уважительное обращение к пожилому человеку.

SUMMARY

The present volume of the «Epics of the Peoples of the USSR» Series constitutes the largest variant of the Turkmenian heroic epic «Gyor-ogly» — a recorded account of the story by Pelvan-bakhshi, a well-known folk bard and folk tale narrator.

By offering the volume the Editors continue the publication of the texts of the multinational cycle of epic tales about Gyor-ogly, a legendary bard and brave defender of the underprivileged, widespread among many peoples which inhabit the enormous territory that stretches from the Tien-Shan in the East to the Balkans in the West and from the Caspian plain in the South to Siberian expanses in the North.

Despite the obvious similarity of some storylines and motifs each national version exhibits its own features of ideological and artistic interpretation, which are due to the historical distinctiveness of the socio-economic development of its creator people.

The present publication of Turkmenian Gyor-ogly contains a brief introductory article and commentaries by Dr. B. A. Karriyev, Member of the Academy of Sciences of the Turkmenian SSR and compiler of the volume.

The previous publications in the Series were «Khurlukga and Khemra. Sayat and Khemra. Turkmenian romantic epics» (1971); «Ukrainian folk poems», «Rustamkhan. Uzbek romantic epics» (1972); «Maadai-Kara. Altaian heroic epic» (1973); «Narty. Adigh heroic epic» (1974); «Koblandy-Batyr. Kazakh heroic epic», «Lacplesis. Latvian folk epic» (1975) and «Bashkirian folk epic» (1977). Another two volumes, «Gurugli. Tajik Folk Epic» and «Shrew Kulun Kullustuur. Yakutian Olonkho» are in preparation.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<u>Б. А. Нарыев</u> . Туркменский героический эпос «Гёр-оглы»	7

ТЕКСТЫ

I. Кёроглының дөрөйши	34
II. Кёроглының өйленеши	64
III. Ар алып (Арацдан ар алып)	79
IV. Өвез гетирен	95
V. Өвез дара чекен	155
VI. Өвез өйленен	181
VII. Арап Рейхан (Арап дақан)	204
VIII. Кырк мүңлер	226
IX. Өвез өйкелэн	252
X. Кемпир	265
XI. Харман Дэли	322
XII. Безирген	369

ПЕРЕВОД

I. Рождение Гёр-оглы	402
II. Женидьба Гёр-оглы	433
III. Местъ Арабу	448
IV. Усыновление Овеза	464
V. Овез на виселице	525
VI. Женидьба Овеза	552
VII. Араб-Рейхан	575
VIII. Сорок тысяч	598
IX. Обида Овеза	625
X. Старуха	639
XI. Харман-Дэли	697
XII. Безирген	745

ПРИЛОЖЕНИЯ

О нотных записях	778
Нотные записи	780
Комментарии	785
Пояснительный словарь	794
I. Имена собственные, топонимы и этнонимы	794
II. Названия специфических реалий	797
Summary	803

Г37 Гёр-оглы. Туркменский героический эпос. Вступит. статья Б. А. Каррыева. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1983.

805 с. с ил. («Эпос народов СССР»).

«Гёр-оглы. Туркменский героический эпос» — книга из серии «Эпос народов СССР» — является научной публикацией наиболее полного варианта туркменского героического эпоса «Гёр-оглы», записанного от известного народного певца и сказителя Пельван-бахши.

Русский читатель сможет получить полное представление о характере и стилистической системе туркменского дестана, так как перевод достаточно точно передает своеобразие публикуемого в этом же томе национального текста. Издание сопровождается вступительной статьей и комментариями.

Г 4702540000-002
013(02)-83 201-83

С (Туркм)

ГЁР-ОГЛЫ

Туркменский героический эпос

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР*

Редактор А. А. Янгаева
Младший редактор Г. А. Бурова
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор И. Н. Дразникова

ИБ № 14815

Сдано в набор 18.03.81. Подписано к печати
28.10.82. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Усл. п. л. 59.09. Усл. кр.-
отг. 59.09. Уч.-изд. л. 55.77. Тираж 10 000 экз.
Изд. № 3699. Зак. № 203. Цена 5 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена [Трудового Красного Знамени]
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград В-34, 9 линия, 12

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдет:

НЕКЛЮДОВ С. Ю.

Монгольский героический эпос. 20 л.

Книга посвящена исследованию эпических произведений в литературе и фольклоре монголов. В ней рассматриваются образцы богатырских повествований халхасцев, ойратов, а также различных народов Восточной и Южной Монголии (баргутов, джарутов, чахаров, хорчинов и др.). Их анализ дан в сопоставлении с эпическими традициями бурят и калмыков; обсуждается также вопрос о фольклорных взаимосвязях монголов с их соседями (тибетскими, тюркскими, тунгусо-маньчжурскими и другими народами).

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».